

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

1.

Стр.

5. Суворовъ. Его письма (къ П. П. Алексіано, Н. С. Мордвинову, принцу Нассау-Зигену и князю Г. С. Волконскому).
10. Архаровы. Изъ памятныхъ записей А. А. Васильчикова.
14. Великая княгиня Елисавета Алексѣевна. Ея прѣздъ въ Россію и три разсказа въ письмахъ къ ея матери (Кончина Екатерины Великой, переполохъ въ Павловскѣ и кончина Павла Петровича).
26. Бумаги графа Ѳ. В. Ростопчина. (Москва въ 1810 году. Письма къ императору Александрѣ Павловичу, къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, къ С. К. Вязмитинову и А. Д. Балышову (по оставленіи Москвы непріателемъ)).
52. Бумаги Курекаго губернатора А. С. Козухова.
61. Письма Московскаго митрополита Филарета къ В. Д. Олсуфьеву (1839—1856).
97. Къ исторіи Дагестанскаго полка. Е. И. Козубскаго.
119. П. Ѳ. Ѳедоровъ. Его ученіе о воскрешеніи. С. П. Бартенева.
123. Записки П. Н. Костылева (предсѣдателя Окружнаго суда).
169. Изъ записной книжки издателя «Русскаго Архива» (объ А. А. Фетѣ и его кончинѣ).—К. А. Коссовичъ.—Митрополитъ Исидоръ.—Отецъ Іоаннъ Кронштадскій.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

Семень Эсадзе, редакторъ Военно-историческаго отдѣла Окружнаго штаба. Историческая записка объ управленіи Кавказомъ. Тифлисъ. 1907, 8^о, т. I—IV + 2 п. + 616 с., т. II—V + 310 + 246 с.

Въ концѣ прошлаго года, передѣтъмъ какъ въ Государственной Думѣ долженъ былъ обсуждаться запросъ по Кавказскимъ дѣламъ, во главѣ одного изъ №№ „Новаго Времени“ (а, можетъ, и другихъ газетъ) крупное объявленіе „обращало вниманіе“ членовъ Думы на книгу, заглавіе которой выше приведено. Объявленіе это, конечно, было сдѣлано партією, не сочувствовавшею запросу: ибо сочиненіе г. Эсадзе само по себѣ является однимъ изъ симптомовъ положенія дѣлъ на Кавказѣ при нынѣшнемъ намѣстникѣ. Оно посвящено авторомъ намѣстнику, графу Воронцову-Дашкову. Авторъ объясняетъ, что „трудъ его появляется въ свѣтъ, благодаря просвѣщенному вниманію“ послѣдняго. Представленную въ началѣ 1906 г. въ рукописи „Историческую записку“ намѣстникъ призналъ полезнымъ напечатать, на что и отпустилъ необходимыя средства.

Такое отношеніе намѣстника вполне понятно, ибо книга г. Эсадзе имѣетъ цѣлью доказать необходимость намѣстничества на Кавказѣ.

Г. Эсадзе выполняетъ свою задачу весьма просто: оба тома его книги составляютъ перепечатку архивныхъ документовъ, нерѣдко связанныхъ чисто-механическимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе г. Эсадзе пишетъ: „Систематическое описаніе политическихъ цѣлей и гражданскихъ мѣропріятій, примененныхъ разновременно къ окраинѣ, должно пополнить весьма существен-

ный пробѣлъ, замѣчаемый въ исторической литературѣ о Кавказѣ“.

Къ счастью для послѣдняго, въ литературѣ, кромѣ книги г. Эсадзе, существуетъ и книга г. Иваненка (Гражданское управленіе Закавказьемъ. Тифлисъ, 1901) и статьи его же по тому же вопросу, написанныя специалистомъ-юристомъ. Эти труды даютъ не одинъ лишь подборъ архивныхъ актовъ, подборъ притомъ крайне тенденціозный. Вопреки утвержденію г. Эсадзе, можно было бы назвать еще нѣсколько трудовъ въ той же области.

Историческая часть труда г. Эсадзе, въ которой Грузія, какъ и слѣдовало ожидать, занимаетъ главное мѣсто, конечно, соотвѣтствуетъ взглядамъ правителей Кавказа, но не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ. Направленіе этого офиціознаго труда лучше всего опредѣляется взглядами автора на А. П. Ермолова. Достаточно привести слова (т. I, стр. 35) объ этомъ дѣятелѣ, чтобы понять тенденціи, одушевлявшія, (конечно, по внушенію выше) г. Эсадзе. „Крупная историческая личность Ермолова омрачается *патріотическими его предубѣжденіями* (курсивъ нашъ). Онъ поставилъ себѣ за правило *уничтожать всякую нерусскую національность* и, попирая древнія установленія, сроднившіяся съ чувствами и вѣрою народа, замѣнять ихъ новыми, поверхностно-обдуманнми, чтобы имѣть въ себѣ залогъ прочной будущности“ и т. д.

И это пишетъ офицеръ Русской арміи, офиціальныи военныи историкъ, въ сочиненіи, изданномъ намѣстникомъ Русскаго Царя на Русскія деньги! Что сказать бы по этому поводу знаменитый и приснопамятный государственный дѣятель, соименный нынѣшнему намѣстнику? Переписка князя Воронцова съ Ермоловымъ доказываетъ, что

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

1909.

І.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Каждое поколѣніе и каждый членъ въ поколѣніи имѣютъ какое-либо свое отличное свойство, и о немъ есть болѣе или менѣе вѣрное сказаніе, которое, получивъ начало во времена отдаленныя или близкія, какъ отеческое наслѣдіе переходитъ въ потомство.

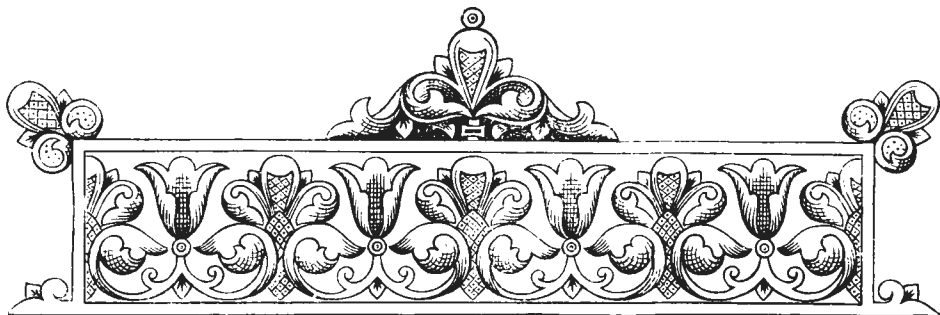
Св. Григорія Богослова Творенія IV, 44.

1909.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

СУВОРОВЪ.

ЕГО ПИСЬМА.*)

Къ П. П. Алексіано.

Кинбурнъ, 25 Маія 1788 года.

Копія.

Батюшка, мой другъ Панаіоти Павловичъ, помилуйте! Чтò вы предпринимаете? Заклинаю васъ симъ днемъ нашего Спасителя, грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ, вы Ему отвѣчать будете! Вы только процвѣтаете, лавры ваши нынѣ завянуть не могутъ... Я уступалъ судьбѣ. Россія службою моею питалась, вашею питаться будетъ по критическимъ обстоятельствамъ. Достоинствами вашими вы вѣчно прославитесь; изъ рога изобилія Высочайшаго престола истекутъ вамъ милости выше вашего ожиданія. Свѣтлѣйшій князь его покровительствомъ уважитъ ваши заслуги. Будьте съ адмираломъ на образъ консулей, которые древле ихъ честь жертвовали чести Рима. Кончите толь важную экспедицію. Обстоятельства подвержены переменамъ; кампанія начинается: въ продолженіи оной много вамъ времени соорудить ваши мысли. Здравой разсудокъ не дозволяетъ рѣшиться стремглавъ и дать своимъ страстямъ надъ собою область. Теперь храбраго и честнаго человѣка долгъ—избавить Кинбурнъ предосужденія, поразить невѣрныхъ и увѣнчаться побѣдами. Вашего высокородія истинный другъ и покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

*) Печатаются съ подлинниковъ. Собственноручное означено вносными знаками; то же, чтò писано по французски и по нѣмекки, оставлено безъ перевода, котораго полностью дать мы не можемъ, предоставляя оное лицамъ, которые болѣе, нежели мы, знакомы съ исторіею второй Турецкой войны при Екатеринѣ Великой. П. Б.

Письмо П. П. Алексіано.

Ваше высокопревосходительство милостивый государь мой
Александръ Васильевичъ!

Получивъ сего числа планъ расположенія Турецкаго флота, свѣдѣтельствую вашему превосходительству мою чувствительнѣйшую благодарность за всѣ увѣдомленія, которыми вы меня удостоивать изволите. Съ своей стороны, хотя не будучи здѣсь главнымъ начальникомъ я употребляю всѣ способы для усмиренія дерзости бусурманской. Ся noci посылая я свое собственное маленькое судно для примѣчанія непріятельскаго расположенія, которое чуть не захватило такого же у непріятеля, но наконецъ, будучи преслѣдовано двумя шебеками, принуждено было ретироваться. Примѣтя сіе, я тотчасъ послалъ къ нему на помощь три фрегата, отъ чего Турецкія суда принуждены были сами ретироваться. Но какъ вѣтеръ для возвратнаго пути нашимъ неспособенъ, то отъ принца Нассау откомандированы были для подкрѣпленія моимъ судамъ двѣ галеры и одна дубелшлюпка. Но всѣ сіи суда еще не возвратились.

Донеся о семъ вашему высокопревосходительству, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства вашъ покорный слуга Панаіоти Алексіано.

1 Іюня
1788 года.

Къ Н. С. Мордвинову.

Kinbourn, le 31 Mai 1788.

Votre excellence! Je n'ai pas encore reçu la copie des ordres de S. A. le P. pour vous. Vous verrez par ma lettre au prince de Nassau toute mon opinion comme vous agissez avec lui de concert, vous êtes très bien avec les deux esquadres, mais vous savez bien que dans ces circonstances le radical des opérations regarde Kinbourn, point principal, efficace et non équivoque, c'est l'objet au quel doivent se réplier tous nos soins et nos peines. Il est trop plausible d'attendre l'approche de l'armée de terre, en attendant je ne puis rien répondre des événements! C'est assez dit pour un soldat qui n'a jamais été homme de mer. Je suis à jamais de v. e. t. h. et. t. o. s. *)

„Suvorow“.

*) T. e. votre excellence très humble et très obéissant serviteur.

Къ неизвѣстному лицу.

J'ai beaucoup d'obligation à monsieur l'amiral pour ses lettres et je prie de me conserver son amitié. Je demande pardon à son excellence de l'avoir omis entre les héros du 7-e, ayant parfaitement ignoré qu'elle s'était trouvée sur l'escadre à rames. Особливо тожъ не зналъ о моемъ любезномъ и великодушномъ Панаіотъ Павловичѣ¹, считая его на парусной эскадрѣ. Но тѣмъ паче утѣшается моя душа, что еще ваше высококорodie толь геройственно извоили бить невѣрныхъ правымъ крыломъ, по свидѣтельству его свѣтлости принца Нассау. Gott beschirme Ihren würdigen Winter. Ich umarme Ihnen mit Boniten und Froutsch, und küsse meinen lieben Sohn Emanuel²). Графъ Апраксинъ и вы доказали, что предпочли честь здоровью и славу жизни подъ прославленнымъ вашимъ главнымъ предводителемъ. Одолжите меня, изъясните мое высокопочитаніе прочимъ мужественнымъ отличившимся начальникамъ, которыхъ геройству и талантамъ я удостоинъ быть судьбою быть личнымъ свидѣтелемъ, но счастья не имѣю ихъ особо такъ коротко знать.

Къ принцу Нассау-Зигену.

Mille grâce, monseigneur, de la copie de votre relation; elle est claire, correcte, instructive, un parfait assemblage de votre héroisme. J'embrasse monsieur le translateur, le brave comte Roger. Batterie de la pointe, qu'en echec, elle était déjà bon au possible, 2 batteries la soutiennent, en raison que nous sommes terres-trains sans voiles. Le bord du pont Euxin presque à mi-distance de Kinbourn ayant quelque escarpement pour se couvrir au ventre à terre, il y a un peu de dérangement de circuler ici avec des restes d'escadre. Major d'artillerie Kroupenskoy sera chez votre altesse pour le consulter sur la batterie vers votre flanc gauche. Nous tâcherons de tirer d'ici 5 à 6 canons à son service, quoique les meilleurs toujours au blokfort. Il me paroît bon contre les petits bâtimens des Boussourmans de porter mes trois bâtimens Zaporoges sous le parapet de blokfort. Votre altesse n'aura-t-elle pas la bonté à les renforcer par trois autres bateaux Zaporoges avec un très bon partisan et s'il se peut? Jean Tchoban retourne d'Otchakov, comme aussi vos trois bateaux Zaporoges en réserve sous Kinbourn, agiles à la cours; si de concert par hazard il ne s'y pourra trouver

¹) Алексіано. П. Б.

²) Не ручаемся за прочтеніе этихъ именъ. П. Б.

même de corsaires, les troisièmes trois pour votre batterie sur le flanc gauche restent à votre bon plaisir. Je finis par vous embrasser, mon cher prince.

Суворовъ.

Copie de la lettre écrite le 9 Juin.

Mon prince.

Si votre altesse était sur les lieux, elle verroit de quelle utilité la batterie de la pointe de Kinburn peut nous être. Soit pour empêcher les vaisseaux de sortir, si nous avons le bonheur de les battre, soit pour empêcher ceux qui sont dehors de venir à leur secours. C'est nous, mon prince, qui avons persécuté le général Souvoroff pour nous accorder le secours. Si cette batterie avait été faite plutôt, il y auroit moins de gros vaisseaux dans le liman et l'escadre à voiles seroit plus entreprenante. Nous ne pouvons nous dissimuler que nos forces sont fort inférieures, et si l'on ne nous donne aucun aide du côté de la terre, il est à craindre que, malgré tous nos efforts, nous ne puissions pas parvenir à détruire ou chasser les forces du capitán-pacha. D'ailleurs, mon prince, ce n'est pas moi qui ait eu l'idée de cette batterie: lorsque m. m. de Ribas et Paul-Jones revinrent de Kinburn, le dernier se plaignit de ce que le général Souvoroff ne se prêtoit pas à établir une batterie à la pointe de la langue de terre; il vouloit le rendre responsable des désastres qui pourraient nous arriver par la quantité de gros vaisseaux qui entreraient. Sur le récit de ces messieurs, j'ai été de leurs avis et je leur ai dit que dès la première fois que j'avais vu Kinburn, j'avais trouvé que le point le plus intéressant pour établir une batterie était la langue de sable. Je me suis donc uni à eux pour solliciter le général de nous accorder le renfort que je regarde comme nécessaire. Je puis assurer votre altesse qu'il n'y a pas un marin qui ne trouve cette batterie nécessaire et j'espère qu'elle consentira à ce qu'on la conserve et à ce que l'on y établisse des fours à boulets rouges. Souvorow.

Къ князю Г. С. Волконскому.

Милостивый государь князь Григорій Семеновичъ!

Четыре письма вашего сиятельства отъ 25. 26-го и послѣднія два 28-го числа Іюля съ приложеніями ихъ я имѣлъ честь получить. Благодарю покорнѣйше за оныя и за извѣстія, равномѣрно и за воспоминаніе меня 22-е число, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Высочества *).

*) Великой княгини Маріи Осодоровны. П. Б.

Относительно требованія Бендерской крѣпости бинъ-эмина съ учиненнымъ вами къ нему отношеніемъ я весьма согласенъ и надѣюсь, что ваше сіятельство не оставите отозваться къ нему и о томъ, чтобъ и съ ихъ стороны таковымъ же образомъ воспрещаемо было перебѣгающимъ отъ насъ, и гдѣ могли бы появиться въ ихъ предѣлахъ, то, не удерживая, возвращали бы.

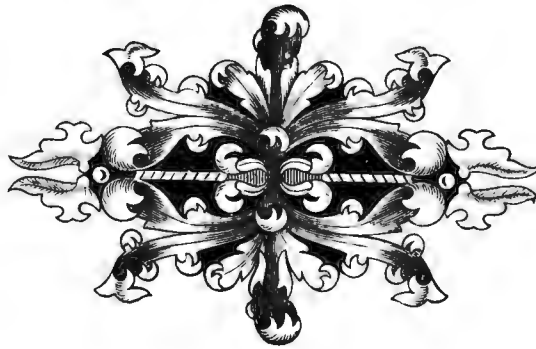
Въ прочемъ пребываю всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга „Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

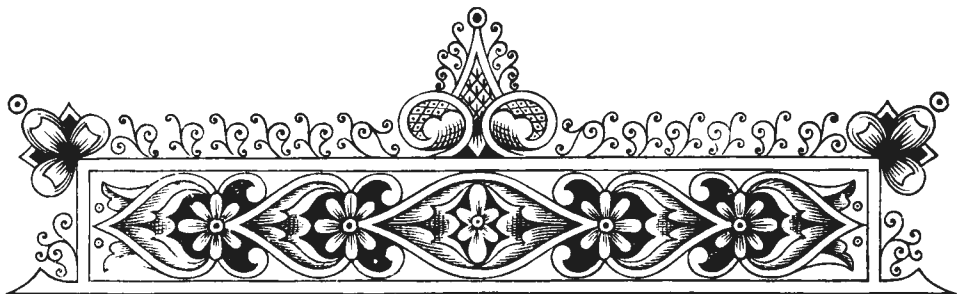
№ 2072.

Августа 3-го дня

1794-го года

М. Немировъ.

АРХАРОВЫ.

Изъ памятныхъ записей А. А. Васильчикова.

Младшій нашъ товарищъ по Московскому Университету, незабвенный благопріятель и дѣятельный сотрудникъ „Русскаго Архива“, Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ (род. 30 Сент. 1832 † 11 Мая 1890), кромѣ извѣстной своей книги „Семейство Разумовскихъ“ (отъ нихъ происходилъ его отецъ), имѣлъ въ виду написать хронику семейства Архаровыхъ (мать его была рожденная Архарова). Въ бумагахъ его сохранилась нижеслѣдующая о нихъ записъ, къ сожалѣнію краткая. За сообщеніе ея приносимъ благодарность нашу его дочери, многоуважаемой Александрѣ Александровнѣ Милорадовичъ (читателямъ нашимъ памятно превосходныя статьи ея о царицахъ Маріи Владимировнѣ и Евдокіи Лукьяновнѣ). Достопочтенная семья Ивана Петровича Архарова была представительницею студенческаго дворянскаго быта, въ числѣ особенностей которой было между прочимъ и такое разговѣніе въ день Св. Пасхи: сначала садилась за столъ прислуга, и господа ее угощали.

Бабушка¹⁾ моя родилась въ 1755 году и была уже взрослою дѣвицею во время страшной Московской чумы. Вотъ что она рассказывала моей матери²⁾.

„Я воспитана была у бабки своей княгини Софьи Семеновны Волконской, рожденной княжны Мещерской, супруги генералъ-аншефа и кавалера ордена Св. Александра Невскаго, князя Семена Ѳеодоровича Волконскаго, скончавшагося 4 Мая 1768 г. Домъ его, срытый послѣ 1812 года, находился почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ высятся храмъ Спасителя, возлѣ перенесеннаго въ Сокольники Алексѣевского монастыря, отъ чего и улица до сихъ поръ сохранила названіе Волконки.

¹⁾ Кавалерственная дама Екатерина Александровна Архарова, рожд. Римская-Корсакова, супруга генерала-аншефа, Ивана Петровича Архарова, родилась 12 Юня 1755 † 27 Мая 1836 г.

²⁾ Александръ Ивановичъ Архаровой, супругъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Васильевича Васильчикова. Они сочетались бракомъ въ 1819 г. 29 Января; имѣли семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерли въ малолѣтствѣ.

„Бабушка неутѣшно оплакивала своего мужа, жила въ большомъ уединеніи, почти непрестанно молилась въ своей приходской церкви или же въ молебнѣ, гдѣ стоялъ для нея готовый гробъ и все необходимое къ погребенію. Настала чума. Бабушка не хотѣла выѣзжать изъ Москвы. Она не боялась болѣзни; съ мыслию о смерти она до того свыклась, что чума не могла представлять ей ничего ужаснаго. Она, не колеблясь духомъ, приказывала принимать всѣ предосторожности, предписанныя правительствомъ, но о выѣздѣ изъ столицы и не думала. На дворѣ у нея всегда дымились смола, ею обкуривали весь домъ, ворота были на запорѣ, на дворъ никого не впускали, письма и посылки обкуривали и принимали съ большою осторожностью. Безпрестанные толки объ усиленіи язвы и смертности страшно насъ всѣхъ тревожили. Мать моя¹⁾ неоднократно уговаривала бабушку спасти себя и всѣхъ насъ отъ бѣды поспѣшнымъ выѣздомъ изъ Москвы. Все было тщетно.

15-го Сентября 1771 года подѣзжаетъ къ воротамъ нашего дома карета преосвященнаго Амвросія²⁾, архіепископа Московскаго. Онъ былъ другомъ моей бабушки, которая питала къ нему величайшее почтеніе и смиренно выслушивала всѣ его совѣты. „Я пріѣхалъ къ вамъ, сказалъ онъ входя къ бабушкѣ, для того, чтобы убѣдительно просить васъ немедля выѣзжать изъ столицы. Вы обязаны исполнить долгъ возложенный на васъ Господомъ Богомъ; вы не исполните этотъ долгъ, если не сбережете дѣтей своихъ“. Тяжело было бабушкѣ рѣшиться ѣхать въ Подмосковную, село Александровское (мать моя, со словъ которой записалъ я всѣ слѣдующія строки, не могла вспомнить, какого оно было уѣзда). Село это тѣмъ болѣе внушало отвращеніе княгинѣ Волконской, что въ немъ погибли дочь ея княжна Волконская и внучка Софья Александровна Корсакова, старшая дочь моей бабушки; ихъ на прогулкѣ понесли лошади, княжна умерла на мѣстѣ, а отецъ Корсаковъ вслѣдствіе ушиба три мѣсяца спустя. Тамъ она не была съ кончины своего мужа. Долго она колебалась. Архіепископъ съ пастырскою любовію уговаривалъ ее принести эту жертву для пользы семейства и наконецъ торжественно объявилъ, что онъ приказываетъ ей властью данной ему свыше немедля оставить Москву и что онъ не выѣдетъ изъ ея дома, не получивъ отъ нея обѣщанія немедленно отпра-

¹⁾ Мать Екатерины Александровны Архаровой, Марья Семеновна Римская-Корсакова, рожденная княжна Волконская, супруга генерала-маіора Александра Васильевича Римскаго-Корсакова.

²⁾ Амвросій Зертисъ-Каменскій родился въ Нѣжинѣ 17 Августа 1708; убитъ въ Донскомъ монастырѣ 15 Сентября 1771 на 63 году отъ рожденія.

виться въ деревню. Трогательно было ея прощаніе съ архіепископомъ. Болѣе не суждено было имъ видѣться.

„Твердость духа и христіанскія чувства никогда не покидали бабушку. Собравшись къ отъѣзду, она захотѣла выполнить обрядъ поклоненія мощамъ, обрядъ ея всегда выполняемый передъ отъѣздомъ въ деревню. Бабушка не обращала вниманія ни на какія опасности, которыя были неразрывны въ то время съ исполненіемъ этого обряда; она взяла насъ всѣхъ съ собою, и мы поѣхали по всѣмъ соборамъ Кремлевскимъ. Карету нашу зацѣпила фура ѣхавшая на встрѣчу, и что почувствовали мы, когда увидѣли чѣмъ она была наполнена! Трупы, положенные одинъ на другой, нагіе съ разбросанными членами, со свѣсившимися обезображенными головами. Видъ этой фуры ввергъ насъ въ ужасъ невыразимый; но намъ сдѣлалось еще страшнѣе, когда мы встрѣтили другую фуру наполненную умирающими. Послѣ поклоненія иконамъ и мощамъ бабушка сама раздавала милостыню нищимъ, которыхъ большая часть была уже, быть можетъ, заражена страшнымъ недугомъ. 16 Сентября 1771 года мы выѣзжали за Калужскую заставу, во время вечерень. Поровнявшись съ Донскимъ монастыремъ, мы услышали звонъ колокола, и всѣ перекрестились, думая, что звонъ этотъ сзываетъ православныхъ къ вечернимъ молитвамъ. Кто изъ насъ могъ тогда подумать, что этотъ звонъ былъ набатъ, возвѣщавшій волненіе народа и мученическую кончину? Мы нѣсколько дней спустя узнали подробности о кончинѣ Амвросія отъ сына нашего прикащика, пріѣхавшаго изъ Москвы въ село Александровское, вскорѣ послѣ нашего пріѣзда. Онъ стоялъ въ гостинной неподалеку отъ насъ во все время своего разсказа. На другой день онъ умеръ отъ чумы. Двое умерли еще, имъ зараженные: одинъ сѣвшій на его дрожки, а другой державшій въ рукахъ платокъ его.

„Вы можете себѣ вообразить, продолжала Екатерина Александровна Архарова, всю грусть нашу, когда слушали мы разсказъ о смерти архіерея.

„Въ дѣтствѣ моемъ¹⁾ я замѣчала слезы отца²⁾ и дяди³⁾ при воспоминаніи о какой-то пѣсни, которую они тихо запѣвали въ старости своей. Когда мы спрашивали ихъ, отчего они плачутъ, они разсказывали намъ слѣдующее. Отецъ ихъ, Петръ Ивановичъ Архаровъ, бригадиръ тогдашней службы, вышелъ въ отставку и жилъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ. Онъ имѣлъ нравъ строптивый, жилъ въ несо-

¹⁾ Говорила мать моя А. И. Васильчикова.

²⁾ Ивана Петровича Архарова.

³⁾ Николая Петровича Архарова.

гласіи съ сосѣдомъ (кажется г-мъ Веселовскимъ) и такъ ожесточился на него, что рѣшился причинять ему всякое зло. Враги дошли до того, что выслали другъ противъ друга людей своихъ, которые отчаянно дрались за господъ своихъ, и много было пролито крови. Правительство вмѣшалось въ это дѣло. Несчастные люди, жертвы злобы господъ, схвачены и приведены на очную ставку съ помѣщиками своими. Пытка и казнь ожидали ихъ. Признаніе въ томъ, что они дѣйствительно не по своей волѣ, а по наученію господъ, могло только спасти ихъ. Крестьяне, обращаясь къ Архарову, говорятъ ему: „пойдемъ на пытку и на казнь, но не выдадимъ тебя“ и, выходя изъ родного своего селенія, затащили ту пѣсню, которой съ тѣхъ поръ ни отецъ, ни дядя не могли безъ слезъ вспомнить (см. о дракѣ этой Библиографическія Записки, т. 2, стр. 436).

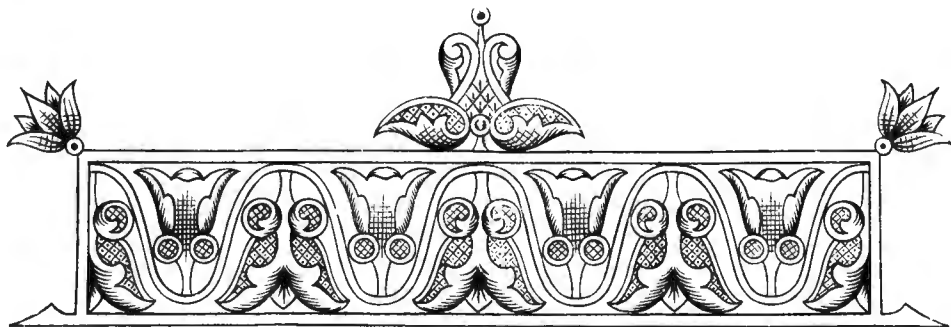
Родовое имѣніе Архаровыхъ находилось въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губ., село Казариново; въ немъ было 150 душъ крестьянъ. Бригадиръ Петръ Ивановичъ Архаровъ женатъ былъ на Аграфенѣ Алексѣевнѣ Буниной, род. 1710 г. Іюня 31 дня † 1791 Апрѣля 23-го, похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ напротивъ соборной церкви. Дѣдушка Иванъ Петровичъ не любилъ рассказывать про свою родню. „Э мила, говорилъ онъ матушкѣ моей, спрашивавшей его, что рассказывать, мы вѣдь *racvenus* *); ты вотъ у маменьки пораспроси: она тебѣ расскажетъ про Волконскихъ“.

Братъ его, Николай Петровичъ Архаровъ получилъ Владимирскую ленту въ 1790 г. въ день празднованія мира со Швеціею.

„Драки за землю (при имп. Елисаветѣ Петровнѣ) и всякія убійства многаяжды (бывали, повѣствуетъ князь Щербатовъ, въ статьѣ своей о смертной казни), яко на бывшей дракѣ между крестьянъ Алексѣя Михайловича Еропкина и крестьянъ Архарова, гдѣ послѣдній, и самъ помѣщикъ соучастникомъ былъ, и около 20 человекъ тутъ побито было“.

*) Т. е. незнатные.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА.

Екатерина Великая начала собою новый рядъ Русскихъ государей. Она могла считать себя избранницей Русскаго народа, представители котораго, всѣхъ сословій, служили тогда въ гвардіи; а сословіе неслужилое, духовенство, видѣло въ ней свою спасительницу. Убѣдившись вполне въ неспособности своего сына къ царствованію, она съ самаго рожденія старшаго внука, на основаніи неотмѣненной „Правды воли монаршей“, назначила въ немъ себѣ преемника. Она желала познакомить его съ Россією еще отрокомъ, во время своего путешествія въ Крымъ. Надо бы развѣдать, не мать ли его способствовала вліянію на него Лагарпа (она могла его знать еще до своего пріѣзда въ Россію по сосѣдству Монбельяра съ Швейцарією); ибо трудно допустить, чтобы Екатерина не сознавала вредныхъ для Россіи сторонъ этого вліянія. Около пяти лѣтъ сряду, войны Турецкая и Шведская не давали ей досуга заняться воспитаніемъ внука, и только съ 1792 года снова видимъ ея заботы о престолонаслѣдіи. „Сначала мы его женимъ, а потомъ коронуемъ“, писала она Гримму. Покойный Великій Князь Сергій Александровичъ передавалъ намъ, что манифестъ о престолонаслѣдіи былъ уже написанъ, и Екатерина полагала обнародовать его либо въ день именинъ своихъ (24 Ноября 1796 г.), либо въ Новый 1797 годъ. Поэтому пріобрѣталъ особенную важность выборъ будущей императрицы Всероссійской. Невѣсту для Александра Павловича Екатерина съискала изъ того прекраснаго края,

Гдѣ надъ Неккаромъ дубровы
Сѣнолиственны шумять...

Это внука добродѣтельнаго маркграфа Баденскаго Карла-Фридриха († 1811), третья дочь его сына Карла Людвига и принцессы Амаліи. Екатерина узнала принцессу Амалію, когда она въ 1773 году пріѣзжала въ Россію съ своею сестрою, которая стала первою супругою Павла Петровича. Эта была строгая, попечительная мать. Дочь свою (нашу будущую императрицу) она даже сѣкала; но дала ей отличное воспитаніе, развила чувство долга, обучила музыкѣ и живописи. Въ довершеніе эта дочь была красавица собою. 14-ти лѣтъ отъ роду ее выдали за 16-ти лѣтняго Александра Павловича. Столь

ранніе браки въ старину не считались рѣдкостью. Почти что отроковица возрастомъ, Елисавета Алексѣвна уже отличалась, кромѣ образованности, умомъ, сметкою и привязчивымъ сердцемъ, что видно по письмамъ, которыя она ежедневно писала въ Карлсруэ къ своей матери, съ самаго прѣзда въ Россію въ 1792 году и до своей кончины. Этими письмами замѣняются ея Записки, привезенныя Николаю Павловичу изъ Бѣлева фрейлиною ея Валуевой и сожженныя имъ. Память Елисаветы Алексѣвны была дорога родной племянницѣ ея, нашей императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая свое сочувствіе къ ней и къ судьбѣ ея передала Великому Князю Сергію Александровичу, собиравшему въ теченіи многихъ лѣтъ (еще до переѣзда въ Москву) свѣдѣнія о ней и ея письма. Первый томъ этихъ писемъ нынѣ изданъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ съ превосходнымъ предисловіемъ, поясненіями, портретами и указателемъ.

Многочадіе есть несомнѣнный знакъ Божія благословенія, писалъ архіепископъ Алексѣй (Виленскій) одному своему знакомцу, у котораго родился девятый ребенокъ. Оно было дано цесаревичу Павлу и его супругѣ. Послѣ сыновей Александра и Константина (1777 и 1779) у нихъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ родился цѣлый рядъ дочерей (Александра, Елена, Марія, Екатерина, Ольга и Анна), чему не особенно радовалась державная бабушка (присутствовавшая при рожденіи каждой изъ нихъ). „Куда ихъ дѣть-то, писала она Гримму: вездѣ покажется имъ тѣсно“. Приблизительно въ тоже время, наоборотъ искалось простору для шести внучекъ маркграфа Баденскаго, у котораго подданныхъ было немногимъ болѣе нынѣшняго населенія одного Петербурга. Тамъ, также какъ и у насъ, державствовали старый маркграфъ, у котораго былъ единственный многосемейный сынъ. Разница въ томъ, что невѣстка его не походила на Русскую великую княгиню. Въ Гатчинскомъ дворцѣ случилось намъ видѣть статуи герцога и герцогини Виртембергскихъ. Онѣ производятъ впечатлѣніе, далеко не похожее на то, какое испытываешь, глядя (въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича) на портреты родителей императрицы Елисаветы Алексѣвны. Тамъ что-то тупое; тутъ выраженіе ума и даровитости. Ландграфиня Амалия была образованная, умная, твердаго нрава женщина. Со старшею сестрою гостила она у насъ въ Петербургѣ въ 1773 году. За ними и матерью ихъ посылали два корабля. Съ матерью приходилось считаться. Это доселѣ многославимая въ Германіи ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская Каролина, про которую Фридрихъ Великій сказалъ, что она только поломъ женщина, а душа у нея мужская (выраженіе примѣнимое и къ нашей Екатеринѣ). Принцессамъ и брату ихъ (дѣду императрицы Маріи Александровны) съ гувернеромъ его Гриммомъ хорошо жилось въ Россіи, и воспоминаніе о ней господствовало въ сравнительно-бѣдной обстановкѣ Баденскаго двора. Прошло безъ малаго двадцать лѣтъ, и для выбора невѣсты Александру Павловичу, посланы были графиня Шувалова и Стрекаловъ съ нашимъ министромъ при мелкихъ Нѣмецкихъ дворахъ графомъ Н. П. Румянцовымъ, за двумя внучками Каролины, Луизою и Фредерикой. Одной 13-ть, другой 11-ть лѣтъ. На нынѣшній взглядъ можно назвать жестокостью эту посылку дѣвочекъ изъ страны благодѣя-

наго воздуха въ страну близкую къ студеному морю, столь отдаленную, по дорогамъ трудно-проходнымъ (еще въ 1760 г. курьеръ ѣхалъ изъ Петербурга до Парижа чуть не цѣлый мѣсяцъ). Будущая наша императрица, когда усадили ее въ карету и сказали, куда ее везутъ, плакала и металась, а великій князь Александръ казался ей сѣвернымъ варваромъ (см. Записки Эдлингъ, которая была ея фрейлиной). Ее привезли въ Петербургъ 31 Октября 1792 года.

Рыба ищетъ гдѣ глубже; человекъ гдѣ лучше. Къ тому же въ воображеніи многихъ принцессъ и того времени не могъ не представляться примѣръ Екатерины и Маріи Ѳедоровны.

О пріѣздѣ своемъ къ намъ Елисавета Алексѣевна составила особую записку. Приводимъ ее въ переводѣ съ Французскаго.

„Я и сестра моя принцесса Фредерика (позднѣ королева Шведская) пріѣхали между 8 и 9 часами вечера. Въ Стрѣльнѣ, на послѣдней остановкѣ передъ Петербургомъ, встрѣтилъ насъ камергеръ Салтыковъ, котораго императрица назначила состоять при насъ и выслала поздравить съ пріѣздомъ. Графиня Шувалова и Стрекаловъ пересѣли къ намъ въ карету. Я уже сознавала все значеніе этой подготовки. Наступали часы, важнѣйшіе въ моей жизни, и я волновалась. Когда при вѣздѣ въ городъ раздались слова: Вотъ и Петербургъ! мы съ сестрою невольно и безсознательно подали одна другой руки и, пользуясь темнотою, пожимали ихъ взаимно, пока не доѣхали до Шепелевскаго дворца: это было безгласное изъявленіе того, что въ насъ происходило. Я бѣгомъ пошла по большой, ярко освѣщенной лѣстницѣ, оставивъ за собою внизу графиню Шувалову и Стрекалова (они тяжелы были на ходу). Салтыковъ, поспѣвавшій за мною, остался въ прихожей. Прослѣдуя не останавливаясь всѣ покои, прихожу въ спальную комнату съ мебелью обшитой темнокраснымъ атласомъ, вижу въ ней двухъ женщинъ и мужчину и быстрѣе молніи соображаю: „Я въ Петербургѣ у императрицы; явно, что она меня принимаетъ, стало быть они тутъ“, и я подошла поцѣловать руку той, которая показалась мнѣ болѣе схожею съ тѣми портретами императрицы, которые мнѣ были извѣстны. Нѣсколько лѣтъ позже, когда я освоилась ближе съ обычаями здѣшними, я конечно не такъ скоро бы подошла къ ней. Съ нею были князь Платонъ Зубовъ и племянница князя Потемкина графиня Браницкая. Императрица сказала мнѣ, что она очень рада со мною познакомиться. Я передала ей почтительный поклонъ отъ моей матери. Тутъ пришли графиня Шувалова и Стрекаловъ. Поговоривъ немного, она ушла, а я, пока не легла спать, чувствовала себя окруженною какимъ-то волшебствомъ. Весь слѣдующій день прошелъ въ томъ, что намъ убирали волосы по придворному и примѣривали на насъ Русскія платья“.

Екатерина въ тотъ же самый день, 31 Октября 1792 года, увѣдомляла Гримма: „Сегодня вечеромъ ждемъ двухъ Баденскихъ принцессъ, одну 13-ти, другую 11-ти лѣтнюю. Вы конечно знаете, что у насъ не женятъ такъ рано, и это сдѣлано про запасъ для будущаго, а покамѣстъ онѣ привыкнутъ къ намъ и познакомятся съ нашими свѣчами и обычаями. Нашъ же малый объ этомъ

не помышляетъ, обрѣтаясь въ невинности сердечной; а я поступаю съ нимъ подъявольски, потому что ввожу его во искушеніе“. Недѣль черезъ шесть 15-ти лѣтній Александръ, сначала дичившійся, уже сдѣлалъ письменное предложеніе прелестной Баденской принцессѣ. Любопытно замѣтить, этотъ ея рассказъ о первыхъ дняхъ пребыванія въ Россіи повторенъ почти дословно въ Запискахъ графини Головиной, которой переданъ былъ ею еще такой случай. То было время второго раздѣла Польши, Екатерина торжественно принимала Польскихъ магнатовъ. По окончаніи пріема, когда императрица уходила къ себѣ въ покои, принцесса послѣдовала за нею и, обходя тронъ, задѣла ногами золотую бахромѣ бархатнаго ковра. Она пошатнулась и готова была упасть, но Зубовъ поддержалъ ее. Это было ея первое отношеніе къ царскому любимцу, потомъ ихъ сближала общая любовь къ музыкѣ: она играла на арфѣ, онъ (кажется) на флейтѣ и на нее заглядывался.

Первое письмо свое къ матери Елисавета Алексѣевна написала изъ Риги, 1 Ноября (т. е. 20 Октября) 1792 года, а второе на другой день по пріѣздѣ въ Петербургъ, и затѣмъ она писала къ ней почти каждую недѣлю, обыкновенной почтою, съ курьерами и съ отъѣзжавшими въ Германію лицами. Видно, что съ раннихъ поръ научилась она искусству изложенія: удивляешься, когда вспомнишь, что это пишетъ отроковица, только что вышедшая изъ младенческихъ одеждъ, и тѣмъ болѣе, что тутъ некому было помогать ей въ исправленіи слога.

Писать же было о чемъ. Екатерина окружила ее роскошною обстановкою и очаровала ласками. Она скоро полюбилась Цесаревичу Павлу Петровичу и скоро разгадала свою будущую свекровь. У этихъ двухъ женщинъ общаго была только ихъ красота, нрава же были онѣ вовсе не схожаго. Елисавета Алексѣевна не пишетъ, кто училъ ее порусски и не называетъ имени того архимандрита, который готовилъ ее къ переходу въ Православную церковь. Приступая къ таинству святаго миропомазанія она (какъ нѣкогда и Екатерина) прочла наизусть внятно наше Исповѣданіе Вѣры (стр. 130). Мать настойчиво уговариваетъ ее учиться порусски у прислуги. „Помню, пишетъ она, что покойной сестрѣ моей ставили въ большую вину, что она вовсе не старалась говорить порусски“. Послушная дочь выучилась Русскому языку отлично.

Екатерина Великая сдѣлала все, что ей было возможно для семейнаго благополучія своего внука. Не по ея винѣ послѣдовало скоро охлажденіе между молодыми супругами. Грѣхъ тѣмъ, кто содѣйствовалъ этому. Король Бельгійскій Леопольдъ, братъ великой княгини Анны Ѳеодоровны (много лѣтъ сряду находившійся въ Русской службѣ) называетъ и особу, преимущественно виновную.

Съ милостиваго дозволенія Великаго Князя Николая Михайловича приводимъ три выдержки изъ писемъ Елисаветы Алексѣевны.

О кончинѣ Екатерины Великой ¹⁾.

29 Января (10 Февраля) 1797 г.

Дорогая матушка, я была увѣрена, что кончина доброй Императрицы васъ разстроитъ. Чтѣ до меня, увѣряю васъ, мнѣ нельзя ее позавѣять.

Вы не можете себѣ представить, сколько все, до малѣйшихъ мелочей, совершенно ниспровергнуто.

Особенно въ началѣ это произвело на меня такое тяжелое впечатлѣніе, что я сама себя почти не узнавала. Какъ тяжело начинается новый порядокъ жизни! Анна²⁾ была единственнымъ для меня утѣшеніемъ также, какъ я для нея; она почти что жила у меня, приходила утромъ, одѣвалась у меня, почти ежедневно обѣдала со мной и оставалась весь день до того времени, когда мы обѣ шли къ Государю.

Нашихъ супруговъ почти никогда не бывало дома; мы же сами не могли ничѣмъ заняться, такъ какъ образъ жизни совсѣмъ не былъ упорядоченъ, и каждую минуту можно было ожидать, что насъ позовутъ къ императрицѣ. Вы не можете себѣ представить, какая сдѣлалась ужасная пустота, до какой степени всѣ, кромѣ „Ихъ Величествъ“, поддались унынію и горести. Меня оскорбляло то, что Государь почти не выражалъ скорби по кончинѣ матери: казалось, будто только что скончался его отецъ, а не мать; ибо онъ говорилъ только объ отцѣ, украшалъ свои комнаты его портретами: про мать же не говорилъ ни слова или только для того, чтобы громко осуждать и порицать все, чтѣ дѣлалось при ней. Конечно, онъ поступилъ хорошо, засвидѣтельствовавъ свое почтеніе отцу всѣми способами, какіе только возможно себѣ представить; но, вѣдь какъ бы худо ни поступала его мать, все же она остается матерью; между тѣмъ можно было думать, что скончалась только „государыня“.

Положеніе бѣднаго Зодіака³⁾, о которомъ вы меня спрашиваете, очень плохо; увѣряю васъ, нужно было имѣть каменное сердце, чтобы до слезъ не растрогаться при видѣ его въ первое время и особенно въ самый день кончины императрицы. Онъ внушалъ мнѣ даже ужасъ: мы всѣ думали, что онъ сойдетъ съ ума: волоса у него стано-

¹⁾ Читателю любопытно будетъ сличить это письмо съ большимъ письмомъ Ростопчина (въ VIII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“). Въ одномъ изъ другихъ писемъ Елисавета Алексѣевна вспоминаетъ, что бабушку ея, ланд-графиню Каролину постигла такая же кончина, какъ и Екатерину (не достало силъ отворить дверь чулана). П. Б.

²⁾ Супруга великаго князя Константина Павловича. П. Б.

³⁾ Т. е. князя Зубова. Не знаю почему дано ему это прозвище. П. Б.

вились дыбомъ, онъ какъ-то ужасно поводитъ глазами; плакалъ мало, а если плакалъ, то плакалъ съ страшными гримасами. Говорять, что въ ночь кончины императрицы онъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько помѣшался. Ахъ, матушка, увѣрю васъ, что не могу вспомнить объ этой ночи безъ умиленія и даже безъ ужаса. Ни за что на свѣтѣ не желала бы ея повторенія! Ночь со Среды на Четвергъ мы не спали; мой мужъ провелъ ее въ комнатѣ умиравшей вмѣстѣ съ великимъ княземъ и великою княгиней, пріѣхавшими изъ Гатчины въ 8 часовъ вечера; я же, въ ужасномъ безпокойствѣ и волненіи, не раздѣвалась и всю ночь оставалась съ графиней Шуваловой, безпрестанно посылая узнавать, не стало ли легче (я не смѣла пойти къ Аннѣ, такъ какъ ее мужъ запретилъ ей со мной видѣться). Два раза за всю ночь мой мужъ приходилъ ко мнѣ на минутку. Къ утру онъ прислалъ сказать, чтобъ я надѣла Русское платье и была, насколько возможно, въ черномъ, такъ какъ скоро наступитъ конецъ.

Около 8 часовъ утра я была совсѣмъ одѣта. Графиня Шувалова, уходившая тоже одѣться, вернулась ко мнѣ, и мы прождали еще все утро (вы можете понять, въ какомъ состояніи), ежеминутно думая, что все кончено. Я все еще была разлучена съ Анной, которую не видѣла наканунѣ весь день. Ни спать, ни ѣсть мнѣ не хотѣлось, хотя я передъ тѣмъ не ужинала и утромъ не завтракала; понуждали меня пообѣдать, но мнѣ не хотѣлось. Наконецъ, въ часъ пришла ко мнѣ Анна съ намѣреніемъ больше отъ меня не уходить; изъ заключенія освободилъ ее мой мужъ. Я была несказанно рада снова увидать ее: вы понимаете, матушка, что въ такое время любимый человѣкъ— великая поддержка. Много мы съ нею плакали и горевали.

Въ 6 часовъ вечера мой мужъ, котораго я весь день не видала, пришелъ уже въ новомъ мундирѣ. Государыня была еще жива, а Государь прежде всего поспѣшилъ приказать, чтобы сыновья его надѣли мундиры. Согласитесь, матушка, что это мелочность. Не могу вамъ сказать, какое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ мундиръ; при видѣ его я залилась слезами. До 10 часовъ вечера мы всѣ еще сидѣли въ ожиданіи, какъ вдругъ за нами прислали. Нѣтъ, матушка, не могу вамъ выразить, что я испытала въ ту минуту (и сейчасъ еще плачу): то было вѣстью ея кончины. Не знаю, какъ я дошла до ея покоевъ: помню только, что прихожія были полны народу, что мой мужъ повелъ насъ въ спальную, сказавъ мнѣ, чтобъ я стала на одно колѣно, когда буду цѣловать руку Государю. Насъ провели въ смежный кабинетъ, гдѣ находились маленькія великія княжны всѣ въ слезахъ (ихъ передъ тѣмъ привезли). Несчастная императрица только что скон-

чалась; она еще лежала на полу; пока мы оставались въ кабинетѣ, ее обмыли и одѣли.

Я не могла говорить, колѣнки у меня дрожали, меня пробирала страшная дрожь, слезъ почти не было. Государь и его генераль-адъютанты то входили, то выходили; все было въ ужасномъ безпорядкѣ. Когда императрицу убрали, насъ провели приложиться къ ея рукѣ (таковъ обычай) и стали читать Псалтырь.

Оттуда всѣ прошли прямо въ церковь для присяги Государю. Тутъ мнѣ пришлось еще разъ испытать отвратительное чувство при видѣ, какъ всѣ эти люди клялись быть рабами, при томъ рабами человѣка, котораго въ ту минуту я ненавидѣла (можетъ быть, несправедливо), видя его на мѣстѣ доброй императрицы, видя, какъ онъ радостенъ и доволенъ, видя всѣ низости, которыя продѣлывались уже тогда. О, это было ужасно! Не знаю, но мнѣ казалось, что если кто былъ способенъ царствовать, то ужъ конечно не онъ.

Мы вернулись изъ церкви въ 2 часа ночи. Я была до такой степени потрясена, что не могла плакать: мнѣ казалось, что все это было лишь сномъ.

Вообразите, какое впечатлѣніе должно было произвести на насъ, когда на другой же день мы увидали, что все, рѣшительно все, такъ перемѣнилось, и люди, и всѣ порядки, когда мы увидали никогда прежде здѣсь невиданныхъ Павловскихъ и Гатчинскихъ офицеровъ, которые разгуливали по всему дворцу, и на каждомъ шагу намъ встрѣчалась какая нибудь новость.

На слѣдующій только день я поняла свое положеніе и потому провела эту несчастную Пятницу въ почти непрерывныхъ слезахъ, отчего вечеромъ у меня началась лихорадка.

Вотъ какъ, по поводу Зодіака, я невольно вошла въ перечисленіе подобное дневнику; но, возвращаясь къ тому же Зодіаку. Въ началѣ съ нимъ обошлись очень хорошо; оставили его въ должности генерал-фельдцейхмейстера и оказывали ему большое вниманіе. Къ несчастію, ему, какъ главному начальнику завода, Императоръ заказалъ ружья; не знаю, онъ ли или его подчиненный забылъ про это. Къ нему уже и раньше начали гораздо хуже относиться, а эта забывчивость воспламенила гнѣвъ его величества. Къ тому же бѣдный Зодіакъ сильно заболѣлъ и такъ какъ здоровье его было крайне плохо, онъ попросилъ отпуска. Ему разрѣшили его, заставивъ его заплатить, не знаю сколько тысячъ рублей, за эти забытыя ружья. Теперь на него и не смотрятъ: бѣдняга въ праздничные дни становится въ толпѣ и шаркаетъ ножкой,

какъ и всѣ простые смертные. Есть у него пожалованный ему домъ, но онъ живетъ у своей замужней сестры¹⁾ и почти никого не видитъ; собирается скоро въ чужіе края. Однако довольно о Зодіакѣ.

Знаете ли, матушка, я никогда не слыхала столь прекраснаго опредѣленія въ нѣсколькихъ словахъ, какъ сдѣланное принцессой Кобургской о нынѣшней императрицѣ. Она сказала именно то, что есть: лучше сказать нельзя. Не понимаю, какъ она могла, видя ее недолго, такъ вѣрно о ней судить. Конечно, она добрая, прекрасная, неспособная сдѣлать кому либо зло; но чего я не могу въ ней переносить, это ея заискиванья у Нелидовой, у предмета мерзкой страстишки Императора. Нелидова единственный человѣкъ, имѣющій вліяніе на Императора, поэтому она вполне господствуетъ надъ нимъ. И что же! Императрица всячески унижается передъ ней, добиваясь, правда, черезъ нее довѣрія и большаго уваженія отъ Императора. Она съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, благодаря привѣтливости и постоянной покорности передъ Нелидовой²⁾, которая бываетъ почти постоянно съ нею, а слѣдовательно и Государь проводитъ тамъ большую часть времени. Скажите, матушка, развѣ хорошая, возвышенная душа не рѣшались бы лучше страдать несправедливо, чѣмъ такъ смѣшно и, смѣю сказать, неразумно унижаться? Ибо кого этимъ обманываютъ? И эта особа, долженствующая замѣнить мнѣ мать, къ которой (какъ она требуетъ) я должна имѣть довѣріе и слѣпую преданность! Скажите, дорогая матушка, возможно ли это? Вообразите себѣ: однажды, этой зимой, между императоромъ и императрицей произошла ссора; послѣ обѣда императрица, развѣдѣтая (былъ праздникъ) отправилась совсѣмъ одна въ Смольный монастырь (гдѣ живетъ Нелидова), чтобы просить ее, какъ о милости, пріѣхать помирить ее съ супругомъ. Такъ поступила она съ особой, которую поносила и еще недавно открыто презирала, которую упрекала во всѣхъ своихъ огорченіяхъ. Можно ли быть столь неосторожной и непослѣдовательной?

Переполохъ въ Павловскѣ.

Павловскъ, 15 Августа 1797.

Пиклеръ уѣзжаетъ, наконецъ, завтра, и я вскрываю свой пакетъ, ожидающій оказій ужъ болѣе двухъ недѣль, чтобы рассказать вамъ, дорогая матушка, о нѣкоторыхъ недавнихъ событіяхъ.

¹⁾ Ольга Александровна Леребцова (1766—1849).

²⁾ Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839).

Въ Воскресеніе вечеромъ всѣ гуляли въ саду томно и скучно, какъ вдругъ слышимъ, забили тревогу (нужно знать, что отъ каждаго гвардейскаго полка здѣсь стоитъ, кромѣ кавалергардовъ, по одному батальону здѣшняго гарнизоннаго полка, гусаръ и казаковъ, такъ что можно подумать, что ждутъ непріятеля).

Никто не сомнѣвался въ томъ, что тревога дана по случаю пожара. Государь, великіе князья и всѣ находившіеся въ Павловскѣ военные бѣгутъ надѣть сапоги. Не успѣли мы съ императрицей и остальнымъ обществомъ дойти до воротъ маленькаго двора, черезъ который обыкновенно всѣ въѣзжаютъ, какъ уже всѣ войска окружили дворецъ. Пожара нигдѣ не было, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ бьютъ тревогу, и нельзя добиться, кто первый ее началъ. Всѣ солдаты какъ-то необычайно возбуждены, кричатъ *ура* (вамъ извѣстно, что это ихъ крикъ, который во что бы ни стало хотятъ заставить замѣнить *виватомъ*; къ чему передѣлывать языкъ?) Особенно громко кричалъ батальонъ моего мужа, увидавъ его, такъ что онъ едва успѣлъ заставить ихъ смолкнуть.

Наконецъ, видя, что ничего нѣтъ, Государь отправилъ войска обратно, весьма довольный ихъ быстротой. При этомъ однако оказалось, что два офицера ушиблены лошадьми, а два солдата тяжело ранены. Между тѣмъ никакъ не могутъ дознаться что подало поводъ къ тревогѣ и все, что узнали секретно (т. е. чего не узналъ Государь), это, что солдаты были вполне подготовлены и утромъ уже глухо поговаривали, что вечеромъ что-то будетъ. Многіе изъ насъ думали, что все произошло по приказанію Государя, но вполне очевидно, что это не такъ. Словомъ, тѣмъ все и ограничилось.

Сегодня, Вторникъ, опять таки въ началѣ прогулки, слышались крики, показались въ безпорядкѣ скачущіе казаки, гусары и гренатеры, съ криками и страшной бранью. На этотъ разъ Государь не на шутку обезпокоился: онъ побѣжалъ, но уже не за сапогами, а въ ту сторону, откуда неслись крики. Императрица, которой намереніи уже приходили приблизительно *тѣже мысли какъ и многимъ*, замерла отъ страха, но тѣмъ не менѣе послѣдовала туда же. Она съ гнѣвомъ (нужно знать, что когда она испугается, то сердится) посылала слѣдовать за Государемъ камергеровъ и всѣхъ бывшихъ тутъ. Мы съ Анной шли съ трепетомъ и *упованіемъ*, ибо дѣйствительно все имѣло видъ *чего-то*. Приходимъ на большую дорогу, куда они отовсюду сбѣгались. Государь, въ ярости, съ саблей наголо, подходитъ къ офицеру гусарскаго полка, ѣхавшему въ галопъ за своимъ полкомъ, ударяетъ его лошадь и кричитъ *назадъ, каналья!* (это его любимое присловье). Съ помощью адъютантовъ и ругательствъ поворачиваютъ назадъ всѣхъ подъѣзжавшихъ. На этотъ разъ Его Величество вдругъ приходитъ въ ярость и безпокойство; импе-

ратрица (представьте себѣ) не въ меньшей степени кричить, говорить, что это мерзко, нахально, что нужно непременно наказать за это. Вернувшись къ себѣ, Государь отправляется съ сыновьями въ казармы своего батальона, доходить тамъ до крайнихъ предѣловъ гнѣва, велитъ, Богъ знаетъ за что, при себѣ избить двухъ несчастныхъ солдатъ, даетъ пощечину унтеръ-офицеру, сказавшему, что онъ не знаетъ кто изъ солдатъ первый вышелъ, разжаловалъ офицеровъ, затѣмъ снова ихъ помиловалъ. Я вполне увѣрена, что съ одной стороны — поспѣшность и боязнь неудачи, съ другой, я, какъ многіе другіе, увѣрена, что въ нѣкоторыхъ войскахъ есть что-то на умѣ или по крайней мѣрѣ они надѣялись сообщать что-то произвести; а иначе зачѣмъ такое стараніе соединиться, къ чему искать знаменъ безъ чьего либо приказа, безъ малѣйшаго признака тревоги?

Никогда не представлялось лучшаго случая; но дѣло въ томъ, что они слишкомъ привыкли къ рабству, чтобы сумѣть стряхнуть его съ себя, и первый же приказъ, отданный съ нѣкоторой твердостью, заставилъ ихъ притихнуть. (О если бы кто нибудь былъ во главѣ ихъ! Матушка, это въ самомъ дѣлѣ тиранъ, а она — я хотѣла бы, чтобы вы могли о ней судить такъ же, какъ мы; она ежедневно дѣлаетъ новую несообразность.

Кстати, дорогая матушка, знаете ли вы, что въ Петергофѣ, въ день именинъ императрицы, я чуть чуть не отправилась на тотъ свѣтъ. Послѣ ужина поѣхали въ линейкѣ смотрѣть иллюминацію; вы знаете что такое линейка. Я сидѣла на одной сторонѣ съ своимъ мужемъ, съ вел. княземъ Константиномъ Павловичемъ и Анной; на другой сторонѣ сидѣли Государь, императрица и Польскій король. Только такое существо, какъ Государь, въ подобныхъ обстоятельствахъ, ночью, въ сумятицу, ѣздитъ восьмерикомъ, въ сопровожденіи двадцати всадниковъ, среди которыхъ кавалергарды въ полной амуниціи. При этомъ пришлось повернуть на узкой дорожкѣ: всѣ всадники очутились прижатыми въ уголъ. Одинъ кавалергардъ, лошадь котораго меня почти касалась, хотѣлъ ее осадить; та стала на дыбы и прямо на меня, такъ что переднія ноги ея чуть не попали мнѣ въ лицо. Инстинктивно я привстала и отшатнулась насколько это позволяла спинка линейки и, къ счастью получила только ударъ въ бедро. Но, признаюсь, была минута, секунда, когда я считала себя безвозвратно погибшею, это когда лошадь была надо мною. Могу сказать, что я почувствовала приближеніе смерти, подобно Аменаидѣ въ Танкредѣ,

я видѣла смерть близко и испытала ужасъ.

Безгранично благодарю Провидѣніе, ибо этотъ ударъ въ бедро могъ мнѣ его поломать, а у меня остались только опухоли и спякъ.

О кончинѣ Павла Петровича.

Петербургъ 13 (25) Марта 1801.

Дорогая матушка! Начинаю свое письмо, хотя навѣрное еще не знаю, скоро ли оно пойдетъ. Сдѣлаю все, что возможно, чтобы отправить къ вамъ эстафету сегодня вечеромъ; очень боюсь, какъ бы вы не узнали объ этомъ ужасномъ событіи раньше. чѣмъ получите мое письмо, и знаю, какъ вы будете тревожиться.

Теперь все спокойно, ночь же съ третьяго дня на вчера была ужасна. Случилось то, чего можно было давно ожидать: произведенъ переворотъ, руководимый гвардіей, т. е. вѣрнѣе офицерами гвардіи. Въ полночь они проникли къ Государю въ Михайловскій дворецъ, а когда толпа вышла изъ его покоевъ, его уже не было въ живыхъ. Увѣряють, будто отъ испуга съ нимъ сдѣлался ударъ; но есть признаки преступленія, отъ котораго всѣ мало мальски чувствительныя души содрагаются: въ моей душѣ же это никогда не изгладится.

Вѣроятно Россія вздохнетъ послѣ 4-хъ лѣтняго гнѣта и если бы Императоръ кончилъ жизнь естественной смертью, я, можетъ быть, не испытывала бы того, что испытываю сейчасъ, ибо мысль о преступленіи ужасна. Вы можете себѣ представить состояніе императрицы: не смотря на то, что она не всегда съ нимъ была счастлива, привязанность ея къ Государю была чрезвычайная.

Великій князь Александръ Павловичъ, нынѣ Государь, былъ совершенно подавленъ смертью своего отца, то-есть обстоятельствами его смерти: чувствительная душа его будетъ этимъ навсегда растерзана. Дорогая матушка, постараюсь передать вамъ нѣкоторыя подробности того, что я запомнила, ибо эта ночь представляется мнѣ теперь тяжелымъ сномъ. Невозможно дать вамъ отчетъ въ шумѣ и крикахъ радости, доносившихся до насъ и до сихъ поръ раздающихся у меня въ ушахъ.

Я была у себя въ комнатѣ и слышала одни крики ура. Вскорѣ послѣ того, входитъ ко мнѣ великій князь и объявляетъ о смерти своего отца. Боже! Вы не можете себѣ представить нашего отчаянія. Никогда я не думала, что это будетъ мнѣ стоять столь ужасныхъ минутъ. Великій князь ѣдетъ въ Зимній дворецъ въ надеждѣ увлечь за собой народъ; онъ не зналъ, что дѣлалъ, думалъ найти въ этомъ облегченіе. Я поднимаюсь къ императрицѣ; она еще спала, однако воспитательница ея дочерей пошла подготовить ее къ ужасному извѣстію. Императрица сошла ко мнѣ съ помутившимся разумомъ, и мы провели съ нею всю ночь слѣдующимъ образомъ: она—передъ закрытой дверью, ведущей на потайную лѣстницу, разглагольствуя съ сол-

датами, не пропускавшими ее къ тѣлу Государя, осыпая ругательствами офицеровъ, насъ, прибѣжавшаго доктора, словомъ всѣхъ, кто къ ней подходилъ (она была какъ въ бреду, и это понятно). Мы съ Анной умоляли офицеровъ пропустить ее по крайней мѣрѣ къ дѣтямъ, на что они возражали намъ то будто бы полученными приказаніями (Богъ знаетъ отъ кого: въ такія минуты всѣ даютъ приказанія), то иными доводами. Однимъ словомъ, безпорядокъ царилъ какъ во снѣ. Я спрашивала совѣтовъ, разговаривала съ людьми, съ которыми никогда не говорила и, можетъ быть, никогда въ жизни не буду говорить, умоляла императрицу успокоиться, принимала сотни рѣшеній. Никогда не забуду этой ночи!

Вчерашній день былъ спокойнѣе, хотя тоже ужасный. Мы переехали наконецъ сюда, въ Зимній дворецъ, послѣ того какъ императрица увидала тѣло Государя, ибо до этого ее не могли убѣдить покинуть Михайловскій дворецъ. Я провела день въ слезахъ то вмѣстѣ съ прекраснымъ Александромъ, то съ императрицей. Его можетъ поддержать только мысль о возвращеніи благосостоянія отечеству; ничто другое не въ силахъ дать ему твердости. А твердость ему нужна, ибо, великій Боже, въ какомъ состояніи получилъ онъ имперію!

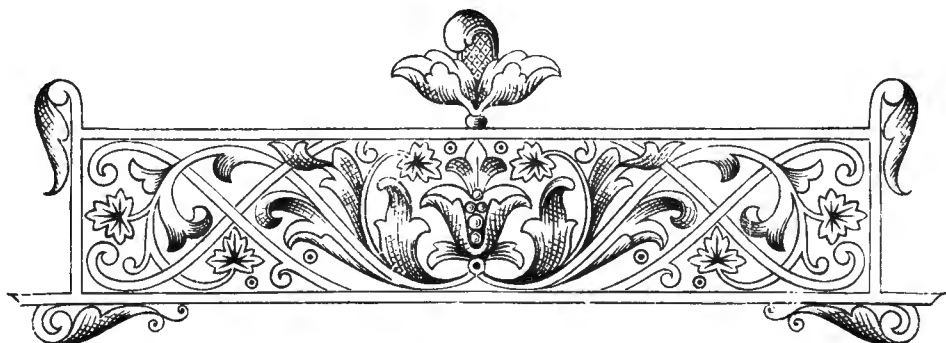
Мнѣ приходится сократить свое письмо, такъ какъ добрая императрица благоволила искать утѣшенія въ моемъ обществѣ; я провожу у нея большую часть дня; кромѣ того, г-жа Паленъ, мужъ которой сейчасъ отправить эстафету, сидитъ у меня и ждетъ моего письма.

Я вполне здорова, всѣ эти волненія совсѣмъ не отозвались на мнѣ, только голова еще не пришла въ порядокъ. Приходится думать объ общемъ благѣ, чтобы не впасть въ уныніе при мысли объ ужасной смерти, какова бы она ни была, естественная или нѣтъ. Все было бы тихо и спокойно, если бы не общее, почти безумное ликованіе, начиная съ послѣдняго мужика и кончая всей знатью. Очень грустно, но это не должно даже удивлять. Ахъ, если бы эта переменна могла мнѣ дать надежду снова васъ увидѣть!*) Нужно переждать первое время и если на это достанетъ у меня жизни, главнѣйшее препятствіе устранено. Но увы! мысль быть обязанной своимъ спокойствіемъ преступленію не вмѣщается въ моему умъ и сердце. Никакъ не кончу письма: давно я не говорила съ вами на свободѣ. Прощайте, обожаемая матушка, цѣлую ручки батюшкѣ, свидѣтельствую свое почтеніе дѣдушкѣ, а васъ неизвѣстно люблю.

*

Читатель найдетъ въ книгѣ, изданной Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, немало писемъ отвѣтныхъ, а также любопытныя письма Елисаветы Алексѣевны къ графинѣ В. Н. Головиной. П. Б.

*) Мать Елисаветы Алексѣевны пріѣзжала къ ней лѣтомъ этого 1801 г. П. Б.

ГРАФЪ Ѳ. В. РОСТОПЧИНЪ.

ЕГО БУМАГИ.

Печатаются съ черновыхъ подлинниковъ, пріобрѣтенныхъ „Русскимъ Архивомъ“ отъ графа Андрея Ѳедоровича Ростопчина. Бумаги эти относятся къ 1810 г. и когда великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ удалось возстановить графа Ростопчина въ мѣстѣ императора Александра Павловича, къ которому графъ Ростопчинъ поѣхалъ въ Петербургъ. Онъ былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры и получилъ негласное порученіе составить записку о состояніи Москвы, куда незадолго передъ тѣмъ Государь пріѣзжалъ на недѣлю изъ Москвы, и гдѣ до того онъ не былъ съ самой своей коронаціи.

Москва за два года передъ нашествіемъ непріятеля изображена графомъ Ростопчинымъ въ видѣ, напоминающемъ нынѣшнее ея состояніе. П. Б.

Письмо графа Ростопчина къ Государю.

1810.

Вложено въ пакетъ на имя А. А. Торжукова и отправлено 12 числа въ посылкѣ на тяжелой почтѣ.

В. Г. *).

Принеся живѣйшую благодарность за всѣ милости, коими угодно Вамъ было, Г., подтвердить прежнее ваше ко мнѣ благорасположеніе. приступаю къ исполненію воли вашей и, чувствуя всю важность довѣренности моего Государя, одушевленный единственно честью, не имѣя другой цѣли какъ пользу общую (источникъ благоденствія и Вашего). призвавъ въ помощь Бога и святую истинну, являюсь одинъ безъ страха ходатаемъ несчастныхъ у престола.

Къ приложеннымъ при семъ замѣчаніямъ о нѣкоторыхъ богоугодныхъ заведеніяхъ прибавлю слѣдующее. Въ острогѣ нашелъ я много доказательствъ, что правосудіе мало занимается бѣдными. Тутъ

*) Т. е. всемилостивѣйшій Государь. П. Б.

есть по два и по три года забытые люди. Заточеніе оговоренныхъ и свидѣтелей сопрягается съ участіемъ преступниковъ, доколѣ законное наказаніе сихъ не постигнетъ. Тутъ есть также много страждущихъ невинно. Одинъ изъ сихъ, доказавшій, что онъ не принадлежитъ бригадиру кн. Волконскому, по рѣшеніи уже Сената четыре мѣсяца въ острогѣ сидѣлъ, и когда я приватно справился о истиннѣ его показанія, то на другой же день возвращена ему свобода. Нельзя довольно соболѣзновать о участи человѣческой, увѣрясь, что лѣнь, корысть и плутовство по волѣ останавливаютъ, даже уничтожаютъ, силу законовъ и дѣйствіе милосердія Вашего. и вмѣсто терпѣнія, надежды и раскаянія вселяютъ въ души сихъ несчастныхъ уже заточеніемъ отчаяніе, ужась и увѣреніе въ неизбѣжной гибели отъ несправедливости и долговременнаго забытія въ острогѣ. Графъ Гудовичъ въ немъ съ пріѣзда своего въ Москву не былъ и, наполня въ первые дни нѣсколько присутственныхъ мѣстъ бранью и шумнымъ увѣреніемъ, что онъ плутовъ не терпитъ, оставилъ ихъ въ покоѣ.

Вы, Государь, тронуты были чистосердечною любовію Московскихъ жителей, кои сердцемъ и душою пріобрѣли право на особенное вниманіе къ ихъ благоденствію. Извѣстно вамъ, сколь много городъ сей имѣетъ всемѣтнаго въ Россіи вліянія по связямъ своимъ. Для сего и чернь требуетъ бдительнаго попеченія о сохраненіи ея нравственности. Но если народъ оставить въ настоящемъ положеніи, то чрезъ нѣсколько лѣтъ купцы, ремесленники, крестьяне и люди наши представлятъ, вмѣсто громады вѣрноподанныхъ, скопище пьяницъ и воровъ. Нѣтъ ни одной лавочки, гдѣ бы не продавалось вино. 40 трактировъ открыты днемъ и ночью, въ одномъ выпиваютъ ежедневно по 16000 бутылокъ пива. а вина въ Москвѣ каждый день съ Ноября мѣсяца отъ 300 до 400000 стакановъ. Хотя винные откупа и доставляютъ знатной доходъ казнѣ, но откупщики торговались и взяли Московскій откупъ на 200 кабаковъ, а теперь продаютъ вино въ 2000 лавочкахъ, въ слѣдствіе даннаго Управъ Благочинія самовластнаго предложенія отъ Туголмина *). кое гр. Гудовичъ не отмѣнилъ до сихъ поръ. Притомъ трактиры, какъ ихъ допустили быть, суть школы разврата; въ нихъ музыка, биліарды, Цыгане, буфетъ, дѣвки, и съ мужика до офицера всѣ находятъ тутъ питье, игры и болѣзни. Самъ Эйлеръ не могъ бы вычислить, сколько отъ пьянства В. И. В. потеряете людей и денегъ для обогащенія коронныхъ разбойниковъ, то есть откупщиковъ, кои, не довольствуясь миліонными барышами, покупаютъ еще и непозволенные права. Хотя

*) Это предшественникъ графа Гудовича въ должности Московскаго главнокомандующаго. П. В.

рубль серебряный и держится между 295 и 300 коп., но монету серебрянную выкупают большою частию иностранные присяжные купцы для закупки въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ товаровъ. Съ масленицы здѣсь живетъ надв. сов. Барсъ, таможенной пограничной смотритель, для договору съ купцами о товарѣ, которой лѣтомъ повезутъ въ Россію, и просить за пропускъ четвертую часть положенной пошлины. Я узналъ отъ здѣшнихъ купцовъ, что Рижскіе все почти торги съ нимъ дѣлаютъ на талеры и рубли, кои назадъ вѣрно никогда не будутъ; также, что вслѣдствіе новаго Австрійскаго положенія, коимъ запрещается въ Австріи кромѣ подданныхъ торговать, многіе здѣшніе Греки и изъ городовъ купцы намѣрены поселиться въ Лембергѣ, присягнуть на подданство и, бывъ прикащиками Рижскихъ богатыхъ купцовъ, производить удобный оттуда торгъ запретными товарами. Я почелъ сіи извѣстія довольно важными, чтобы объ нихъ умолчать.

Безсмертные Московскіе дышутъ исправно. Остерманъ черезъ сутки мочится и, пользуясь днемъ запора, развѣзжаетъ по гостямъ. Мамоновъ¹⁾ почти молодецъ, хотя изъ 92 лѣтъ утаиваетъ 8. Кн. Долгорукій²⁾ утромъ живетъ на Болотѣ³⁾, до обѣда второй гильдіи купецъ, а вечеромъ будто баринъ. Кн. О. С. Борятинскій⁴⁾, коего и сама смерть боится, принимаетъ визиты паралича и не можетъ съ жизнію ласково разстаться. Графа Гудовича обманулъ Ломоносовъ, купя вмѣстѣ деревню у Салтыкова, Минскаго мужа Куракиной. Всякій день концерты, и слѣпой дворянинъ Оглоблинъ столько же нуженъ на званныхъ ужинахъ, какъ мопсы у старыхъ барынь и Бухарцы съ шалами у молодыхъ. Товарищъ мой Нарышкинъ отплылъ по водѣ въ саняхъ благополучно, доволенъ бывъ отменно покупкою за 1200 р. козла. Все дивится на претолстаго г-ла маіора Вадковскаго, которой женится на огромной дѣвицѣ Елагиной. *C'est l'union du Mont S-t Gothard avec le Mont Blanc.*

Признавая нужнымъ, я смѣю просить у Васъ, Г., позволенія на случай гдѣ открою притѣсненіе, явное нарушеніе законовъ и упущеніе пользы государственной, входить въ переписку съ начальствомъ, извѣщать министровъ и быть шпорою Вашею для судей и судовъ. Естли сія мысль достойна вниманія В. И. В., то извольте повелѣніе написать собственноручно. Я имѣлъ и имѣю много доказательствъ,

¹⁾ Отецъ Екатеринина любимца. П. Б.

²⁾ Князь Юрій Владимировичъ. П. Б.

³⁾ Такъ называется торговое мѣсто въ Москвѣ. П. Б.

⁴⁾ Убійца Петра III-го. П. Б.

что ходъ мой не нравится многимъ. Я вамъ служить намѣренъ такъ, какъ молюсь Богу, не ставя свѣтъ ни святымъ, ни угодникамъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ В. И. В. всепреданнѣйшій вѣрно-подданный.

12 Апрѣля 1810 г.

Москва.

Замѣчанія графа Ростопчина.

Домъ ума лишенныхъ есть безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Уважа всѣ затрудненія въ содержаніи 76 безумныхъ, изъ коихъ большая часть привыкла къ нечистотѣ, житье сихъ несчастныхъ покойно. У каждого особый номеръ. Коридоръ широкой посреди дома, въ обѣихъ этажахъ превеликая сборная комната. Пріятно видѣть обхожденіе съ сумашедшими смотрителей. Они все почти изъ отставныхъ ундеръ-офицеры. Замѣчательно что нѣтъ ни одного умалишеннаго въ бѣшенствѣ, и они всѣ ходятъ по волѣ, а лѣтомъ въ саду.

Въ смиренномъ домѣ заведена суконная фабрика, и большая часть мужчинъ и всѣ женщины заняты чесаніемъ и пряденіемъ шерсти: но такъ какъ главная цѣль должна быть исправленіе развращенныхъ, то и надлежало бы къ выпуску ихъ готовить способъ вѣрнаго пропитанія выгоднымъ какимъ ни есть ремесломъ. И для сего по моему мнѣнію должно завести въ смиренномъ домѣ кузницы и столярни. Нѣтъ ни одного Рускаго человѣка, который бы въ теченіе года не успѣлъ въ томъ или другомъ ремеслѣ и не употребилъ бы его въ пользу, бывъ паки на волѣ. Сіе разумѣется о тѣхъ, кои въ лѣтахъ и принадлежащіе господамъ; а молодыхъ, присланныхъ для зарабатыванія кражи не выше 20 р., полагая въ мѣсяцъ одинъ рубль на уплату, мое мнѣніе брать въ солдаты безъ зачоту, потому что они, сдѣлавшись бесполезны своимъ сословіямъ или селеніямъ и просидѣвъ годъ и болѣ въ смиренномъ домѣ, отъ сообщенія, примѣровъ и собственной готовности, войдя въ оной порочными, выйдутъ разбойниками и, бывъ сначала вредны единственно сами себѣ, сдѣлаются опасными и обществу.

Строеніе и расположеніе острога очень хорошо, и одно отдѣленіе съ другимъ сообщенія не имѣетъ. Пища также очень хороша и доставляется отъ подавнѣй. Губернской прокуроръ деньги изъ ящика и кружки еженедѣльно вынимаетъ, считаетъ и, записавъ въ книгу, отдаетъ на расходъ смотрителю острога. Чистоты въ покояхъ и воздуху нѣтъ, а отговорка одна, что народъ нашъ любитъ тепло. Больницы,

какъ мужская, такъ и женская, въ самомъ дурномъ положеніи. Больше половины содержащихся бѣглецы солдаты и рекруты, кои по нѣскольку лѣтъ сидятъ въ острогѣ въ ожиданіи справокъ изъ полковъ и командъ. Полезнѣе бы было, коль скоро пойманъ и приведенъ бѣглой солдатъ или рекрутъ, то, наказавъ его, опредѣлять въ ближайшій полкъ: чрезъ сіе бѣглецы изъ службы поступали бы опять въ оную, предохранялись отъ разврата и не были бы въ тягость на длинномъ разстояніи поселянамъ, наряжающимся для препровожденія арестантовъ въ тѣ полки, изъ коихъ они бѣжали. А отъ справокъ выходитъ большое зло, ибо жизнь острожная, соотвѣтствуя совершенно лѣни, доставляетъ ложными показаніями способы бѣглымъ предаться ей на нѣсколько лѣтъ. Но коль скоро бѣглой зналъ бы, что онъ тотчасъ и наказанъ и опять опредѣленъ въ полкъ будетъ, тогда бы и невозможно ему было продолжать обманомъ свое заточеніе.

Прежде сего содержащіеся заняты были пиленіемъ сандала. но нѣсколько уже лѣтъ какъ никакой работы не производятъ. Неподвижная жизнь въ дурномъ воздухѣ разстраиываетъ ихъ здоровье и хотя лежащихъ и мало, но все лица блѣдныя и носятъ вывѣску болѣзни. Ихъ должно заставить пилить доски и прясть для фабрикъ шерсть колесами, полагая самую умѣренную плату; каждой человѣкъ долженъ ежедневно выработать 25 коп., а какъ изъ 320 человѣкъ по меньшей мѣрѣ 200 могутъ быть заняты, слѣдственно плата за работу должна доставить въ годъ до 20000 р., а издержки на пилы и колеса оплатятся въ одинъ мѣсяцъ и, прибави человѣкъ пять или шесть ундеръ-офицеровъ въ смотрители за рабочими, казна получитъ отъ 20 до 30000 ежегодно дохода, а содержащихся въ острогѣ предохранить отъ болѣзней и праздности.

Новыя произшествія, непредвиденное положеніе Россіи и состояніе Москвы предписываютъ мнѣ войти въ сношеніе съ Вами и представить уму и дѣятельности Вашимъ изыскать средства для отвращенія зла, поражающаго сперва столицы, а потомъ и государство. Пишу сіе единственно для Васъ, а польза будетъ для всѣхъ.

Я полагаю, что Вамъ уже извѣстны скоропостижныя перемѣны въ промѣнѣ серебряныхъ рублей. Въ Августѣ цѣна на оные возвысилась рублемъ, съ 6 на 7 р. 50 коп., а 9-го въ одно послѣ обѣда дошло до 5—10 коп. настоящихъ. Сему причина есть страхъ, произведенный упадкомъ ассигнацій надъ умами иностранныхъ. Они, какъ будто сговорились, бросились скупать рубли и какъ сей товаръ есть нынѣ самой рѣдкой, то посему имѣющіе его и поставили цѣну по волѣ.

Не входя въ изысканія способовъ остановить плутовство мѣнялъ и положить преграду вывозу за границу оставшейся серебряной монеты, скажу вамъ послѣдствія и заключенія народа.

Хотя теперь рубль и опустился на 4 р. 50 коп., но мнѣніе общее есть, что онъ подыматься станетъ еще болѣе. Народъ же, замѣтя, что иностранныхъ много было для закупки серебра, заключилъ и настойчиво увѣренъ, что они сіе дѣлали съ вреднымъ намѣреніемъ и по внушенію Гиппанскаго посла.

Мнѣ нѣтъ нужды описывать вамъ образъ мыслей и развратъ черни Московской. Она теперь и день и ночь безразлично смѣшана въ трактирахъ съ людьми, коихъ понятія и свѣдѣнія возникаютъ чрезъ толки: дерзость, до сихъ поръ въ народѣ несущаяся. При первомъ движеніи съ толпою людей явятся и предводители готовые на зло своимъ собственнымъ движеніемъ, а можетъ быть и обѣщаніями другихъ. Начало будетъ грабежи и убійство иностранныхъ (противъ коихъ народъ раздраженъ), а послѣ бунтъ людей барскихъ, смерть господъ и разореніе Москвы.

Для предупрежденія сего несчастнаго произшествія кто здѣсь? Графъ Гудовичъ, въ молодости глупой, въ старости впадшій въ младенчество, видя и дѣйствуя единственно братомъ своимъ (извѣстнымъ мерзавцемъ) кн. Адуевскимъ (достойнымъ висѣлицы) и докторомъ Салваторіемъ (шпіономъ Французскаго посла).

Оберъ-полицмейстеръ—скромной и хорошей человѣкъ, но нездоровой, мѣшкотной, тихой и осторожной.

Полицмейстеры, Волковъ и умирающій Дурновъ, пьяной комендантъ и полкъ гарнизона, въ коемъ треть воровъ и двѣ трети присланныхъ изъ острога прогнанныхъ сквозъ строй за побѣги.

До сихъ поръ ничего еще не было, но быть можетъ, и все готово. Когда отъ одного слова чернь могла остервениться въ 1781 *) году до того, что убила архіерея, то что мудренаго, что при нынѣшней дороговизнѣ, при необузданности разврата и при словѣ, кое часто выскакиваетъ: *ужь скорѣй бы конецъ*, что и народъ пьяной и нестаринной Русской забудетъ долгъ христіанина и вѣрнопопдаднаго и посягнетъ безразсудно на злодѣйство.

Трудное положеніе Россіи, продолжительныя войны, всемірной грабежъ, недостатокъ денегъ, и паче всего примѣръ Французской революціи производятъ въ благонамѣренныхъ уныніе, въ глупыхъ равнодушіе, а въ прочихъ вольнодумство. Трудно найти въ Россіи

*) Графъ Ростопчинъ ошибся на десять лѣтъ. П. В.

половину Пожарскаго; цѣлыя сотни есть готовыхъ идти по стопамъ Робеспьера и Сантеря. Въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской и вѣроятно и въ другихъ ходитъ бумага, въ коей, подъ видомъ размышленія объ ассигнаціяхъ, доказывается скорое ихъ ничтожество и бѣдственное положеніе Россіи. Шайка Мартинистовъ, имѣя въ большихъ мѣстахъ своихъ членовъ, въ обществѣ же проповѣдниковъ и вездѣ сообщниковъ, скрытно достигаетъ до своей цѣли и приуготовляетъ разрушеніемъ начальствъ основаніе своей власти. Вотъ что я вижу, думаю и въ чемъ увѣренъ. Но мое слово, а Ваше будетъ дѣло и дѣло спасительное для Россіи и для самого Государя.

Отправлено на Тверской почтѣ, а изъ Москвы 16 Сент. 1810. съ Б. И. Граве.

С п р а в к и.

Имѣю честь препроводить вашему сіятельству отвѣты на вопросы вами сдѣланные. Они вчера еще были изготовлены, но я не могъ ихъ вамъ доставить, потому что имянной списокъ о служащихъ при заведеніяхъ чиновниковъ сего только дня получилъ изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія.

Аѳанасій Соколовъ, ищущій свободы отъ князя Волконскаго, по предъявленіи копій съ рѣшенія Правительствующаго Сената вчера же освобожденъ.

О солдатѣ Филиппѣ Ѳедоровѣ комендантъ обѣщалъ прислать свѣдѣніе.

Списокъ о состоящихъ при заведеніяхъ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія Чиновникахъ.

Главный надзиратель заведеній статскій совѣтникъ и кавалеръ Захаровъ.

При инвалидныхъ и ума лишенныхъ домахъ.

Смотрительскіе помощники:

Коллежскій ассесоръ Шеталовъ.

Титулярный совѣтникъ Боголюбовъ.

Штабъ-лекаръ коллежскій ассесоръ и кавалеръ Карасъ.

При Богадѣленномъ домѣ:

Надзиратель коллежскій ассесоръ Дубровскій.

Бухгалтеръ коллежскій ассесоръ Григоріусъ.

Надзирательскіе помощники:

Титулярный совѣтникъ Дурново.

Губернскій секретаръ Папковъ.

Коллежскій регистраторъ Осокинъ.

Для обученія сиротъ учитель 14-го класса Никоновъ.

При Рабочемъ и Смирительномъ домахъ надзиратель и бухгалтеръ тѣже, что при Богадѣльномъ домѣ.

При суконной фабрикѣ смотритель подиорутчикъ Татариновъ.

При означенныхъ заведеніяхъ штабъ-лекаръ надворный совѣтникъ Жадкѣвичъ.

Сверхъ сего докторъ Бутацъ изъ единого усердія своего, безъ всякаго жалованія, по Богадѣленному, Рабочему и Смирительному домамъ пользуется больныхъ своими медикаментами.

Вѣдомость о заведеніяхъ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія и о числѣ состоящихъ въ нихъ людей. Декабря: дня 1809-го года.

П е р в о е.

Екатерининскій Богадѣленный домъ. въ немъ состоитъ:	Число людей:		вообще.
	муж. пола	жен. пола	
1. Инвалидовъ штабъ и оберъ-офицеровъ.	14	—	
2. Богадѣленныхъ благородныхъ.	61	132	193
Разнаго званія людей.	316	627	943
3. Отставленныхъ отъ службы за полученными на сраженіяхъ ранами и назначенныхъ по высочайшему повелѣнію къ опредѣленію въ инвалидные дома нижнихъ воинскихъ чиновъ.	73	—	73
4. Сиротъ оставшихся безъ родителей и пропитанія. . .	31	21	52
5. Императорскаго Воспитательнаго Дома воспитанниковъ одержимыхъ неизлечимыми болѣзнями.	22	58	80
Александровскаго Училища воспитанника.		1	1

В т о р о е.

Домъ ума лишенныхъ.

Въ немъ ума лишенныхъ.	49	27	76
--------------------------------	----	----	----

Т р е т ь е.

Рабочій и Смирительный домъ.

Въ немъ содержится:

1. За кражи для зарабатыванія	275	134	409
2. Присланныхъ изъ присутственныхъ мѣстъ за распутную жизнь.	9	50	59
3. Господскихъ людей отданныхъ за дурное поведение по волѣ помѣщиковъ ихъ	16	6	22

Сіи люди занимаются работами при показанныхъ заведеніяхъ, также въ Екатерининской больницѣ, Губернской Гимназіи и на суконной фабрикѣ, а кроиъ сего лѣтнимъ временемъ заготовленіемъ торфа и на огородѣ.

Ч е т в е р т о е.

Сверхъ оныхъ заведеній состоятъ еще двѣ богадѣльни:

1. При церкви Николая Чудотворца Явленного, что на Арбатѣ; въ ней богадѣленныхъ	—	56	56
2. Московской округи вотчины статскаго совѣтника князя Долгорукова при селѣ его Никольскомъ, въ ней богадѣленныхъ	—	10	10
И т о г о	866	1192	1988

Вѣдомость о капиталахъ доходахъ и расходахъ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Декабря дня 1809 г.

П е р в о е.

Капиталовъ состоитъ:

	рубл.	коп.
1. Хранящагося Императорскаго Воспитательнаго Дома въ сохранной казнѣ	1860230	95 ¹ / ₄
2. Розданнаго частнымъ лицамъ подъ залоги	216000	—
И т о г о	1881830	95 ¹ / ₄

Въ числѣ сихъ капиталовъ находится
принадлежащихъ:

1. Приказу Общественнаго Призрѣнія .	384600	83 ¹ / ₂
2. Частнымъ людямъ, внесеннымъ въ присутственныя мѣста до рѣшенія дѣлъ	1458730	11 ³ / ₄
3. Пожалованныхъ Ея Величествомъ вдовствующею императрицею Маріею Ѳеодоровною для награжденія 6-ти бѣдныхъ дѣвицъ при выходѣ въ замужество	10000	—
4. Внесенныхъ по завѣщаніямъ отъ разныхъ особъ для употребленія процентовъ на разные человеколюбивыя предметы.	28500	—
И т о г о	1881830	95 ¹ / ₄

В т о р о е.

Доходовъ получается:

1. Окладныхъ, какъ-то: процентовъ съ капиталомъ принадлежащихъ Приказу и внесенныхъ по завѣщаніямъ, изъ Городской Шестигласной Думы въ пособіе для содержанія человеколюбивыхъ заведеній и прочихъ.	72120	4
---	-------	---

2. Не окладныхъ, какъ-то процентовъ съ постороннихъ капиталовъ, пенныхъ съ присутственныхъ мѣстъ, процентныхъ съ неисправныхъ откупщиковъ и поставщиковъ и прочихъ до	80333	58
Всего доходовъ	152453	62

Т р е т і е.

Въ расходъ употребляется.

1. На содержаніе инвалидовъ штабъ и оберъ-офицеровъ.	6540	20
2. — — — богадѣленныхъ	55023	74
3. — — — Нижнихъ воинскихъ чиновъ слѣдующихъ къ опредѣленію въ инвалидный домъ	2541	—
4. — — — Сиротъ оставшихся безъ родителей и пропитанія	3429	30 ¹ / ₂
5. — — — Императорскаго Воспитательнаго Дома воспитанниковъ одержимыхъ болѣзнями и одной воспитанницы Александровскаго училища	4090	—
6. — — — Дома умалишенныхъ	9817	77 ¹ / ₄
7. — — — Работнаго и Смирительнаго дома . . .	12928	16 ¹ / ₂
8. — — — Губернской Гимназіи и училищъ . . .	18000	—
9. — — — Екатерининской больницы	18431	—
10. — Жалованье служащимъ въ канцеляріи Приказа .	2840	—
11. — выдачу шести бѣднымъ дѣвицамъ при выходѣ ихъ въ замужество по 100 р., а всѣмъ	600	—
12. — выдачу пенсій и по завѣщаніямъ на разные чело-вѣколюбивые предметы	2660	33
Всего расходовъ	136501	51 ¹ / ₄

ВОПРОСЫ*).

ОТВѢТЫ.

За какія суммы отсылаются по приговорамъ разнаго званія люди въ Смирительный домъ?

Какое время полагается для заработка 25 коп.?

По заработаніи должной или украденной суммы, куда посаженные въ Смирительный домъ выходятъ? Возвращаются ли на прежнее жилище, или отдаются, если годны, въ солдаты?

Для зарабатыванія отсылаются тѣ, коихъ покража не превышаетъ 20 руб.

Полагается мѣсяцъ на заработаніе каждаго рубля.

По заработаніи суммы, приговоромъ означенной, колодникъ отсылается обратно въ то присутственное мѣсто, изъ котораго присланъ былъ, а сіе возвращаетъ вотчинѣ или сословію, коему принадлежитъ.

*) Вопросы писаны графомъ Ростовчинымъ. П. Б.

Имена и чины смотрителей бога-
дѣльни, Смирительнаго дома и дома
умалишенныхъ.

Фамилію и чинъ доктора, сдѣлавшаго
пожертвованія къ больницу богадѣльни.

Прилагается особый списокъ.

Донесеніе графу Ростопчину о лицахъ посѣщавшихъ масона Поздѣва.

Пріѣздъ былъ къ господину Поздѣву.

въ Воскресенье:

Графъ Разумовскій
Графъ Аренбургской
Г-нъ Кутузовъ
Г-нъ Норовъ
Г-нъ Фроловъ
Г-нъ Коллинъ
Г-нъ Петелинъ
Г-нъ Дьяковъ

въ Понедѣльникъ:

Г-нъ Ларіоновъ
Г-нъ Петелинъ
Г-нъ Челищевъ
Г-нъ Дьяковъ

во Вторникъ:

Князь Долгоруковъ
Графъ Аренбургской
Г-нъ Норовъ
Г-нъ Дьяковъ

въ Среду:

Г-нъ Яновицкой

въ Четвергъ:

Г-нъ фонъ Визинъ

Квартальный надзиратель Чеваргинъ. Іюля 21 дня 1812 года.

Пріѣздъ былъ къ господину Поздѣву.

въ Воскресенье:

Г-нъ Ключаревъ
Князь Долгоруковъ
Г-нъ Яновицкой
Г-нъ Дьяковъ

въ Понедѣльникъ:

Князь Долгоруковъ

въ Пятницу:

Г-нъ Камынинъ
Графъ Аренбургской
Г-нъ Фроловъ
Г-нъ Яновицкой
Г-нъ Кутузовъ
Князь Козловскій
Г-нъ Норовъ
Князь Долгоруковъ
Г-нъ Петелинъ
Г-нъ Ларіоновъ
Г-нъ Дьяковъ

въ Субботу:

Г-нъ Фроловъ
Г-нъ Духовицкой
Князь Долгоруковъ
Князь Козловской
Г-нъ Кутузовъ
Г-нъ Ключаревъ
Г-нъ Норовъ
Графъ Разумовской
Г-нъ Дьяковъ

во Вторникъ:

Князь Козловской
Г-нъ Челищевъ
Г-нъ Дьяковъ

Квартальный надзиратель Чеваргинъ. Іюля 24 дня 1812 года.

Письмо графа Ростопчина къ великой княгинѢ ЕкатеринѢ ПавловнѢ.

Государыня.

Письмо, коимъ угодно было В. И. В. меня почтить, я имѣлъ щастіе получить. Оно произвело новую причину безпредѣльной благодарности къ памяти покойнаго родителя вашего, къ которому преданность моя удостоилась вниманія и милостиваго мнѣнія В. И. В. Вѣрьте симъ двумъ неоспоримымъ истиннамъ. что Государь Павелъ, взойдя 20 лѣтъ прежде на Россійскій престолъ, превзошелъ бы дѣлами Петра Великаго, а что Ростопчинъ, не имѣя дарованій Меншикова, Шереметева и Остермана, болѣе ихъ былъ преданъ, вѣренъ и признателенъ своему благодѣтелю.

Найдя вѣрной случай, отправилъ къ В. И. В. записки о происшествіяхъ, коимъ я былъ очевидецъ. Тутъ нѣтъ ничего упущеннаго, ничего прибавленнаго, и картина страшнаго сего дня писана съ истинны. Къ пріѣзду моему въ Тверь я заготовляю собственно для васъ исторію сословія Мартинистовъ въ Россіи; имѣю нужныя для сего свѣдѣнія. Тайное сіе общество (и посему нетерпимое) было нѣсколько разсѣяно при ЕкатеринѢ, встало было при Павлѣ на минуту, но нынѣ явно господствуетъ и достигаетъ безопасно до своей цѣли, увѣря Государя въ своемъ ничтожествѣ.

Еще буду имѣть щастіе представить самъ двѣ бумаги, кои свѣдѣтельствуютъ довѣренность и милость ко мнѣ покойнаго Государя, и какъ онѣ требуютъ нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій, то я и осмѣливаюсь уповать, что В. И. В. любопытны будете ихъ выслушать.

Концерты заняли часть публики въ Великой постѣ. Слепой Дворянинъ въ модѣ. А теперь пришло время сбора контрибуціи съ барынь на Кузнецкомъ мосту, гдѣ всѣ канальскія Французскія модныя лавки. При осмотрѣ мною богоугодныхъ заведеній въ столицѣ имѣлъ случай увѣриться еще болѣе, что юстиція для бѣдныхъ людей не по деньгамъ, и я просилъ Государя о письменномъ позволеніи входить въ сношенія съ начальствомъ и съ министрами, безъ чего отъ меня другой пользы не будетъ какъ глотать почище воздухъ. Донесенія мои я буду имѣть щастіе представить В. И. В.

Валуевъ, сынъ смерти, выпрося, какъ милостыни, позволенія пріѣхать на 8 дней въ Петербургъ, распускаетъ слухъ, что онъ призывается; но въ самомъ дѣлѣ онъ страшно труситъ отъ всѣхъ своихъ

сумазбродствъ и мерзостей. Вотъ двѣ надгробныя надписи, заживо ему приготовленныя.

*Ci git l'agent de la mort,
Qui avait bien l'air d'un Maure.
Il vient sans train et sans mord,
Ne connut jamais un remord,
Qu' il soit bien mort!
Mais prend garde: il mord.
Ci git un trossoyeur dont le chagrin extrême
Est de ne pouvoir s'enterrer lui-même.*

Гр. Ив. Васильевичъ *) дѣлаетъ противное калифу Гаруну Альрашиду, которому для уничиженія всякое утро напоминаетъ, что онъ человѣкъ, и хотя онъ и не вантрилокъ, но собственный утробный голосъ кричить поминутно: ты фельдмаршалъ, Гудовичъ, графъ, главной, грозной. По сему изволите себя представить, какъ онъ милъ въ маденькомъ обществѣ.

Здѣсь слухи есть, что В. И. В., по совѣту доктора Крейтона, походъ въ Ярославль отмѣнить изволили. Но, полагая быть въ Маѣ въ Твери, я намѣренъ справиться тайно, не будетъ ли мѣста на мачтѣ и потомъ испросить соизволенія вашего плыть въ Петербургъ и пользоваться съ высоты зрѣнiемъ природъ морскихъ. Съ глубокимъ почтенiемъ В. И. В. всепреданнѣйшій

14 Апрѣля 1810.

Москва.

О Р Д Е Р Ъ

штата Московской полиціи квартальному надзирателю господину титулярному совѣтнику Вороненко.

Ѣхать вамъ въ Смоленскъ, а оттуда въ главную квартиру военнаго министра и, отдавъ мое письмо, естли позволено будетъ, то остаться при немъ; а естли не будетъ, то Ѣхать въ Смоленскъ и тамъ стараться, коль скоро возможно будетъ, сообщать о военныхъ дѣйствiяхъ по извѣстiямъ вамъ даннымъ отъ главнокомандующаго и на имя мое отправлять донесенія по нарочнымъ эстафетамъ, платя за оныя, такъ какъ и за содержаніе ваше, деньги отъ меня вамъ данныя, суммою двѣ тысячи рублей. „Графъ Ростопчинъ“.

№ 873-й.

Іюля 25 дня 1812 года

Москва.

*) Гудовичъ.

Письма графа Ростопчина въ Петербургъ къ С. К. Вязмитинову.

I.

Отправлено съ Бердаевымъ курьеромъ.

Москва, 27 Октября 1812.

Милостивый государь мой Сергѣй Козьмичъ.

По возвращеніи въ Москву, нашелъ я въ оной нѣкоторый родъ порядка уже водворенный прибывшею полиціею. Первобытныхъ жителей едва осталось 3000 человекъ въ самомъ бѣдномъ и жалкомъ состояніи. Затрудненіе большое настояло въ продовольствіи какъ воинскихъ командъ, такъ и больныхъ и раненыхъ нашихъ и непріятельскихъ, но я взаимобразно взялъ у Владимирскаго ополченія провіантъ и пищу съ симъ курьеромъ къ генераль-провіантмейстеру Лабъ въ Торжокъ и къ бнязю Алексѣю Ивановичу Горчакову, чтобы они приняли самыя скорѣйшія мѣры къ доставленію сюда потребнаго числа провіанта.

Пребываніе въ столицѣ и губерніи Московской Французскихъ войскъ поселило во многихъ мѣстахъ буйство и непослушаніе; но я надѣюсь въ скоромъ времени привести все въ порядокъ способомъ земской полиціи и Уральскихъ казаковъ. Злоба народа противъ Французовъ доказана на дѣлѣ; но если бы пребываніе непріятеля продлилось до зимы, то многіе крестьяне принуждены бы были возвратиться въ свои жилища и сблизиться по неволѣ съ злодѣями. Изъ приложеннаго при семъ списка *) изволите усмотрѣть, сколько осталось несожженныхъ домовъ: но все ограблено сперва непріателемъ, а по выходѣ его казаками, вшедшими въ городъ и наконецъ крестьянами окрестныхъ селеній.

Испрашиваю у в. высокопрев. повелѣній на слѣдующее:

1) Многіе изъ иностранныхъ, присягнувшихъ на подданство Россіи, измѣнили ей и, служа непріятелю, отправились съ нимъ, оставя здѣсь свои имущества и дома: въ числѣ сихъ торговка *Оберъ-Шальме*, у которой пребогатый магазинъ. Всѣ сіи дома и что въ нихъ, запечатано. Мое мнѣніе оконфисковать въ казну и послѣ продать съ публичнаго торгова.

2) Непріатели въ многіе дома, для сего избранные, сносили грабленныя вещи въ большемъ количествѣ. Дома сіи запечатаны. Что слѣдуетъ дѣлать съ вещми туда снесенными?

*) Этого списка у насъ не имѣется. П. Б.

Дѣйств. стат. совѣтникъ Загряжской, дурной человѣкъ, оставался здѣсь во все пребываніе Французовъ и жилъ съ Коленкуротъ показываясь вездѣ богато одѣтымъ. Онъ съ нимъ познакомился еще въ Петербургѣ чрезъ продажу лошадей. Наканунъ вступленія непріятеля въ Москву онъ былъ у меня и объявилъ о намѣреніи своемъ остаться въ Москвѣ для сохраненія знатнаго имуществва (коего у него нѣтъ) и, не смотря на мое замѣчаніе, что онъ себя многому подвергаетъ, недовольно что остался, но когда войска наши вышли изъ Москвы, то онъ за заставу выѣзжалъ, привозилъ съ собою завтракъ для офицеровъ того полку, въ коемъ его сынъ, и возвратился обратно въ Москву. Естли онъ не выѣхалъ за неимѣніемъ лошадей, то завтракъ сіе препятствіе уничтожаетъ; естли же остался для охраненія своего имуществва, то по его же показанію бывъ ограбленъ, могъ выйти изъ города такъ, какъ большая часть захваченныхъ непріателемъ. Объясненіе Загряжскаго при семъ прилагается.

Жившій въ подмосковной сынъ извѣстнаго г. Ключарева взятъ подѣ стражу по приказу главнокомандующаго, бывъ употребленъ непріателемъ для склоненія крестьянъ и отравленія запасовъ. Бывшій въ учрежденномъ Французами правленіи городскомъ бургомистрѣ Коробовъ (отецъ) пойманъ въ Боровскѣ съ деньгами и инструкціею для закупки провіанта.

Всѣ бывшіе члены городского правленія, взятые подѣ караулъ, послѣзавтра отправлены будутъ въ Петербургъ по высочайшему повелѣнію (г. адъютантомъ Кутузовымъ, до пріѣзда еще моего здѣсь объявленному) и въ ожиданіи отправленія они посылаются на работу съ бѣлыми перевязками, кои носили въ отличіе. Большая часть изъ нихъ извѣстна по дурнымъ дѣламъ, и нѣкоторые судились и по уголовнымъ.

2.

Москва, 30 Октября 1812.

Милостивый государь мой Сергій Козмичъ.

Послѣ отправленнаго вчерашній день мною нарочнаго въ С. Петербургъ съ донесеніями, нашелъ я здѣсь оставленнаго въ Голицынской больницѣ Французами одного Нѣмца *Герна*, бывшаго учителемъ въ домѣ *Болтиныхъ*, который между прочимъ объявилъ, что Французская армія вышла невступно въ 50 т., а Гериъ былъ при г-лѣ Пажѣ г-лѣ-квартирмейстеромъ: что шубъ ни у одного солдата кромѣ гвардіи Французской нѣтъ, и о семъ справляясь, я нашелъ сіе показаніе справедливымъ: ибо изъ оставленныхъ репортовъ видно, что въ иныхъ ротахъ по 10 осталось человѣкъ, а 5-й гусарской полкъ комплектной

при переходѣ чрезъ Нѣманъ при выходѣ полковника и 22 рядовыхъ. Шубъ у непріятеля совсѣмъ нѣтъ, потому что ихъ въ Москвѣ мало оставлено, и изъ мѣховаго ряда съ самаго начала мужики повытаскали и зывезли. Недостатокъ въ провіантѣ такъ былъ великъ, что ихъ раненные и больные по четыре дня бывали безъ пищи и такъ много мерли, что изъ 3000 лежавшихъ въ Воспитательномъ Домѣ, по увѣренію смотрителя г-на Тутолмина, погребено или, лучше сказать выброшено 2500. Смотрѣнія за больными нинакого не было, и къ ранамъ прикладываютъ жеваной хлѣбъ. Намѣреніе Наполеона было идти чрезъ Калугу на Кіевъ, и для того въ первой изъ сихъ городовъ приказано было сходиться всѣмъ отрядамъ. Корпусъ Мюрата въ 18 т. посланъ былъ занимать свѣтлѣйшаго князя и когда онъ отступилъ къ селу Воронову, не бывъ далѣе преслѣдованъ, тогда, получа о семъ извѣстіе, Наполеонъ рѣшился Москву оставить, и тутъ случилось довольно странное, что его свѣтлость изволилъ узнать о выступленіи непріятеля изъ Москвы послѣ какъ уже былъ отпѣтъ молебень о избавленіи сей столицы въ С.-Петербургѣ. При взрывѣ подкоповъ есть дѣйствіе непонятное. Арсенала взорвало почти половину къ Никольскимъ воротамъ. Башня, на нихъ стоящая, до половины упала и не болѣе полуаршина отъ мѣста, гдѣ разсѣлась и стѣна, образъ Николая Чудотворца, висящій надъ воротами. остался не довольно на своемъ мѣстѣ, но и лампада не оторвалась и стекло не разбито. Дѣйств. тайн. совѣтникъ и кавалеръ Валуевъ изъявилъ желаніе пріѣхать въ Москву, вступить въ распоряженіе Кремля, присвоить къ экспедиціи все чтò непріателемъ туда свезено и помѣстить чиновниковъ и служителей; но до времени я его просилъ обождать, потому что требовалось высочайшаго повелѣнія касательно соборовъ, кои еще запечатаны, что должно осмотрѣть сдѣланные подкопы, изъ коихъ нѣкоторые остались безъ дѣйствія, ибо невѣроятно, чтобъ Наполеонъ предпочелъ въ своемъ бѣшенствѣ арсеналъ Успенскому собору, и притомъ въ Кремлѣ оставлено между прочимъ слишкомъ 40 ящиковъ съ снарядами.

Жалобамъ о краденныхъ вещахъ конца нѣтъ. Нѣкоторые, имущіе оныя, утверждаютъ, что городъ былъ во власти Французовъ, они имѣли право давать чтò и кому имъ было угодно. Многіе дома, наполненные краденными вещами, запечатаны, и къ онымъ приставленъ караулъ впредъ до разрѣшенія, кое я испрашивалъ чрезъ донесеніе мое, 27 числа съ курьеромъ отправленное. Есть нѣсколько людей, кои, не бывъ явно въ должностяхъ, служили однакоже Французамъ, оправдываясь усердіемъ помогать несчастнымъ. Изъ употребленныхъ въ разныя должности и нынѣ подъ карауломъ содержанныхъ титулярный совѣтникъ

Поспѣловъ, извѣстный и прежде по распутству и вольнодумству, вздумалъ вчерашній день проповѣдовать возвращеніе Французовъ въ Россію и угрожалъ мщеніемъ. Я его приказалъ посадить въ желѣзы, а прежде онъ содержался просто подъ карауломъ, яко Французской комисаръ. Коль скоро холодъ установится, то я прикажу отрывать тѣла не глубоко закопанныя въ землю, коихъ полагають отъ 5 до 6000. Лошадей въ городѣ было навѣрно мертвыхъ такое же число, но теперь они почти всѣ вывезены за городъ и тамъ жгутся. Причина столь большаго числа мертвыхъ лошадей въ городѣ есть недостатокъ корма, и всякая слабая лошадь была согнана на улицу. Звѣрство Французовъ во время ихъ пребыванія въ Москвѣ равнялось съ дѣлами ихъ въ 1794 году. Въ Богородскѣ, по подозрѣнію, что пять человѣкъ жителей убили солдатъ Французскихъ, двухъ разстрѣляли, двухъ повѣсили за ноги, а на пятого, надѣвъ рубашку въ масло обмакнутую, сожгли посреди города. У многихъ женщинъ, имѣвшихъ на пальцахъ кольца, рубили пальцы.

Наполеону весьма хотѣлось оправдать себя въ пожарѣ и для сего призывалъ онъ къ себѣ оставленнаго здѣсь при Воспитательномъ домѣ статскаго совѣтника Тутолмина и приказывалъ ему отправить рапортъ Государынѣ Императрицѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ, что городъ сожженъ отъ выпущенныхъ изъ острога преступниковъ и по моему приказанію. Сіе показаніе разгнѣваннаго на меня царя Французскаго опровергается тѣмъ, что за сутки до вступленія Французовъ подсудимые какъ Московской, такъ и присланные изъ занятыхъ непріятелемъ губерній преступники-колодники отправлены подъ карауломъ въ числѣ 620 человѣкъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ и теперь въ острогѣ содержатся; а при томъ есть много рапортовъ непріятелемъ оставленныхъ, въ коихъ означаются полки, производившіе пожары, и Наполеонъ вдругъ повѣсилъ въ одно утро 18 человѣкъ зажигальщиковъ, изъ коихъ 7 своихъ, а 11 Русскихъ. Въ числѣ едва 10000 человѣкъ въ Москвѣ оставшихся жителей, навѣрно 9000 было такихъ, кои съ намѣреніемъ грабить не вышли, да и по выходѣ Французовъ продолжали и съ козаками и съ жителями окрестныхъ селеній. Въ первые три или четыре дня собранныя вещи, кои въ домахъ открываются, сдѣлавъ опись, снесены въ залу танцевальнаго клуба и тамъ за печатью и при часовыхъ хранить. Не разсудите ли ваше высокопревосходительство полезнымъ послать губернаторамъ повелѣніе, чтобъ обозы, при коихъ есть козаки, осматривать и задерживать, репортуя въ комитетъ. Приложенный при семъ весьма любопытный рапортъ*) у сего прилагаю для доказательства о убыли непріятеля.

*) Этого рапорта также не имѣемъ. П. Б.

3.

Милостивый государь мой Сергій Козьмичъ.

Обратясь при теперешнихъ моихъ многочисленныхъ занятіяхъ на поведеніе служащаго въ Кремлевской Экспедиціи надворнаго совѣтника и кавалера *Вишневецкаго*, нашелъ я, что онъ, придумавъ способы для оправданія себя въ случаѣ, показывается однакоже не довольно подозрительнымъ, но и преступникомъ, яко измѣнникъ. Давно онъ замѣченъ былъ по вольнодумству, приверженности своей къ Французамъ, связи съ ними и восхищенію отъ Бонапарта. При входѣ непріятеля въ столицу онъ остался самовольно въ оной, всякой день бывалъ и обѣдывалъ у *Лессенса* (гражданскаго губернатора), часто бывалъ въ Кремлѣ, куда изъ Русскихъ только *Бестужевъ* и *Щербачевъ* входъ имѣли, и сей послѣдній уличаетъ его, что онъ былъ 2-го Сентября за Дрогомиловскимъ мостомъ у Бонапарте, гдѣ Щербачевъ его нашелъ. При томъ Вишневецкій посылаетъ, подъ предлогомъ будто для Рускихъ, закупать хлѣбъ по уѣздамъ, на что и доказательство его руки есть, и притомъ часто, говоря про Бонапарте, изъясняется какъ человекъ ему преданный; повторяя: *имѣлъ щастіе говорить, былъ столь щастливъ, что допущенъ былъ къ Императору*, не прибавляя слова *Наполеону*.

Донося о семъ, прошу покорнѣйше, уважа мои подозрѣнія на Вишневецкаго, испросить у Государя Императора волю его, какъ поступить съ симъ мерзкимъ, но умнымъ человекомъ.

7 Ноября 1812.

Москва.

4.

Москва, 17 Генваря 1813.

Три дня тому назадъ какъ пріѣхалъ сюда г-нъ полковникъ Аргамаковъ и, явсь ко мнѣ, объявилъ, что онъ по высочайшей волѣ посланъ въ разныя губерніи для осмотра больныхъ и отправленія выздоровѣвшихъ военныхъ чиновъ и рядовыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ формируютъ изъ нихъ баталіоны; притомъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ препорученіе узнать, естьли Французскіе мародѣры по Смоленской и Московской губерніи, какъ то по слухамъ въ арміи сдѣлалось извѣстнымъ: что онъ, справляясь по дорогѣ, нигдѣ объ нихъ не слыхалъ и такъ доносить будетъ. Но, проѣзжая черезъ Можайскъ и Волоколамскъ, онъ сдѣлалъ именемъ Государя Императора земскимъ судамъ предписаніе, какъ съ мародерами поступать и какія принимать противъ ихъ мѣры. На спросъ мой, по какому праву онъ даетъ повелѣнія, полковникъ Аргамаковъ представилъ мнѣ повелѣніе, гдѣ ему предписано о мародѣрахъ по до-

кладу его свѣтлости князя Смоленскаго, которой чрезъ г-ль-лейтенанта Бороздина передалъ власть свою и г-ну Аргамакову. Зная, что право объявлять именныя указы предоставлено единственно гг. министрамъ, сенаторамъ и генераль-адъютантамъ, что здѣшняя губернія не находится въ военномъ положеніи и найдя, что полковникъ Аргамаковъ въ полномъ умѣ, почелъ нужнымъ довести до свѣденія вашего сіе происшествіе, тѣмъ болѣе меня приведшее въ изумленіе, что крестьяне здѣшной губерніи и въ то время, когда непріятель былъ въ числѣ 130000, его истребляли, а въ нынѣшнее время года мародѣровъ и быть не можетъ.

Г-нъ Занденъ, осмотра весь городъ и не найдя въ немъ ничего похожаго на заразительныя болѣзни, завтра возвращается въ Петербургъ. Разглашеній и вездѣ и въ Москвѣ много: Варшава уже взята разными образами, даже штурмомъ, гдѣ мы потеряли 25000 человекъ. Но прошу васъ обратить наше вниманіе на Малороссію и Екатерینославскую губернію: тамъ много готовности думать попольски, и въ тотъ край много впущено фальшивыхъ ассигнацій.

Доставленные мнѣ семь крестовъ возложены на достойныхъ, мною представленныхъ къ награжденію, чиновниковъ.

Къ главнокомандующему г-ну Вязмитинову съ докторомъ Занденомъ.

5.

24 Марта 1813.

Письмо в. п. отъ 28 прошедшаго мѣсяца я имѣлъ честь получить.

(1) свободной продажѣ вещей и товаровъ, находящихся у жителей и поселянъ здѣшней столицы и ея губерніи, я сдѣлаю нужныя распоряженія и симъ прекращу безпрестанныя жалобы и прозбы, коихъ разбирать невозможно: ибо ни на принадлежность просителю, ни на образъ пріобрѣтенія объявляемаго вѣрныхъ доказательствъ быть не можетъ, и всякая кража съ Сентября мѣсяца по Ноябрь обращается въ пріобрѣтеніе отъ непріятели.

Орденъ св. Анны, алмазами украшенной, пожалованный умершему полковнику Нефедьеву, я возвращаю къ Д. А. Гурьеву, а вдовѣ отошло 3000 р. изъ экстраординарной суммы въ вѣдѣніи моемъ состоящей.

Иностранца Бетихера дѣло послѣдствій никакихъ не имѣло, ибо онъ тѣсную свою связь съ плѣнными Французами приписываетъ знакомству, въ словахъ запирается, а шифръ, у него найденный, называетъ игрушкою своихъ дѣтей.

Но многимъ мнѣ сношеніямъ какъ по службѣ, такъ и по знакомству я полагаю, что въ Екатеринославской губерніи духъ неудовольствія происходитъ отъ дурного качества людей, край сей заселяющихъ. При томъ Одесса и Николаевъ наполнены иностранцами и болѣе Французами, слѣдственно готовыми къ произведенію безпорядковъ, для собственныхъ своихъ выгодъ. Сему самое сильное доказательство есть: всѣ иностранцы здѣсь жившіе, кои, не смотря, что пользовались всеми выгодами со стороны покровительствующаго правительства и отъ пристрастія къ нимъ Русскихъ, но всѣ они вели себя безчестно и ознаменовали ненависть свою къ намъ грабежами и услугами, непріятелю оказанными. Всѣ они почти слѣдовали за Французскою арміею. Нѣкоторые погибли, но большая часть спокойно возвратилась на прежнее жилище, не опасаясь ни наказанія, ни другихъ послѣдствій.

Камеръ-юнкеръ графъ Вельгурскій ¹⁾ большой иллюминатъ и въ сношеніи съ прежде бывшими здѣсь професорами по сей богомерзкой части, потерявъ свою жену до отъѣзда въ Петербургъ, ѣздилъ для свиданія въ г. Вологду съ г. Магницкимъ.

Весна здѣсь открывается при ясной погодѣ, снѣгъ почти совсѣмъ сошелъ съ полей.

Въ городѣ и губерніи все здорово и спокойно: но, несмотря на сіе, многіе носятъ чеснокъ и увѣряютъ, что въ воздухѣ есть дурной запахъ.

По почтѣ въ пакетѣ къ Н. И. Калинину ²⁾.

6.

Указъ о возвращеніи Московскаго ополченія въ первобытное состояніе полученъ. Затрудненіе будетъ узнать достовѣрно, кто изъ воиновъ убитъ въ сраженіи и умеръ въ походѣ; потому что по многимъ назначеніямъ сего ополченія оно все почти разбредось, и теперь въ арміи тысяча воиновъ находится въ услуженіи, съ другой же стороны обѣщано за погибшихъ выдавать рекрутскія квитанціи.

По выходѣ непріятеля изъ Москвы въ числѣ раненыхъ и больныхъ остались два Француза Gazo, отецъ и сынъ, служившіе при обозѣ арміи (*le train de l'armée*); оба они не такъ были больны, чтобъ не могли слѣдовать за своими войсками. Оставшись же здѣсь, отецъ, который большой говорунъ, внушалъ въ разговорахъ, что Наполеонъ

¹⁾ Графъ Михаилъ Юрьевичъ, уже старикомъ, признавался А. О. Россету, что у масоновъ, къ числу которыхъ онъ нѣкогда принадлежалъ, были вредныя, политическія намѣренія. (Слышано отъ А. О. Россета). П. Б.

²⁾ Петербургскому почтдиректору. П. Б.

приходилъ сюда съ благотворными расположеніями къ дворянству и народу и что онъ сіе со временемъ докажетъ. Для отнятія у г. Газо способоу проповѣдывать съ успѣхомъ я отправляю его и сына въ Вологодскую губернію на житье въ уѣздный городъ.

Нѣмецъ *Коль*. 19 лѣтъ бывшій комисарскимъ помощникомъ во Французскомъ муниципалитетѣ, уѣхалъ тотчасъ изъ Москвы по выходѣ непріятеля и успѣлъ сѣискать себѣ мѣсто гувернера въ Рязанской губерніи, откуда бывъ пойманъ, яко безпаспортный, присланъ сюда. Въ бумагахъ его нашель я листь, гдѣ онъ подписывался подъ руку Государя Императора.

Французъ *Дельсаль*, по обыкновенію бывшій сперва воспитателемъ благороднаго юношества, а потомъ содержателемъ пансіона, выписалъ полтора года тому назадъ племянника своего и друга для приутовленія въ гувернеры. Дядя и племянникъ оставались въ Москвѣ во время занятія ея непріятелемъ, и первой, бывъ комисаромъ полиціи, судился въ комиссіи, племянникъ же хвастался недавно, что онъ былъ у Наполеона и имѣетъ препорученіе и что онъ скоро отмститъ за смерть своихъ воиновъ. Ростомъ онъ 2 арш. 9 верш. 20 лѣтъ и совершенный разбойникъ.

Для удаленія сихъ двухъ и имъ подобныхъ отъ столицы я отправляю ихъ и двухъ молодыхъ иностранцевъ *Кона* и *Лейба*, кои грабили съ Французами Москву, ушли съ ними, но съ дороги по разбитіи возвратились сюда, въ тѣ мѣста, куда на сихъ дняхъ пошлются послѣдніе пѣнные Поляки на службу къ г-лѣ-лейтенанту Глазенапу.

Теперь я занимаюсь роздачею присланныхъ 2000000 р. на вспоможеніе раззореннымъ крестьянамъ. Весна открылась очень хороша. и скотъ выпустили уже на траву. За исключеніемъ овса, которой уже дошелъ до 13 р. четверть по надобности для посѣва, всѣ припасы въ умѣренной цѣнѣ, а иные весьма дешевы. Болѣзней совсѣмъ нѣтъ, и на этотъ разъ охотники до чумы должны взять терпѣніе. Денегъ въ пьянствѣ чрезвычайно много; плата работникамъ въ сравненіи съ прежнимъ тройная, къ тому же за продажею отбитаго у Французовъ и награбленнаго въ Москвѣ мужиками появилось въ народѣ много денегъ. Безстыдство женщинъ низкаго рода и буйство между купцовъ, мѣщанъ, нижнихъ гражданскихъ чиновъ и крестьянъ сокращается мало по малу. и вдругъ сего сдѣлать невозможно. Я запретилъ женщинъ пускаться въ трактиры. Не весьма я радъ пришествію въ Серпуховъ полка графа Мамонова: кромѣ непріятности имѣть дѣло и съ нимъ самимъ отъ умничества и самолюбія, вербованные его могутъ причинить вредъ жителямъ, и я на сей случай принялъ всѣ мѣры предосторожности.

Въ городѣ всѣ ждутъ, когда выступитъ Наполеонъ за Рейнъ и съ какимъ числомъ войска? Говорятъ много, что меня долженъ смѣнить графъ Пракій Ивановичъ Морковъ. Пріѣхавшій съ нимъ полковникъ Карауловъ (который нѣкогда погребалъ церковнымъ обрядомъ собаку) давалъ знакомымъ своимъ обѣдъ, который сталъ 3500 р. и какъ это деньги взятыя у Французовъ, а Карауловъ Московской же, то и можно сказать: твоя отъ твоихъ.

Письмо графа Ростопчина къ министру полиціи Балашову.

Москва, 20 Декабря 1812.

Милостивый государь мой Александръ Дмитріевичъ.

Послѣ отъѣзда вашего превосходительства изъ сей столицы примѣчанія достойнаго въ ней ничего не произошло. Смерть его императорскаго высочества принца Георгія огорчила всѣхъ честныхъ людей; коимъ извѣстны были любовь покойнаго къ Государю и къ Россіи и рѣдкія качества благородной его души.

Слухи о чумѣ Московской доходятъ сюда издалека, и я, для пресѣченія сихъ дурацкихъ розглашеній, прикажу въ первомъ № Московскихъ Вѣдомостей напечатать отъ себя на сей щетъ родъ объявленія. дабы истребить помышленіе о заразѣ и препятствія сѣзду всякаго рода жителей въ Москву, а особливо обозовъ идущихъ съ хлѣбомъ и запасамъ.

Ополченіе Владимирское готово идти и выступить къ Витебску въ походъ, коль скоро провіантская комисія возметъ всѣ потребныя мѣры къ продовольствію. При семъ случаѣ я долженъ довести до свѣдѣнія Государя Императора устройство сего ополченія, коимъ оно обязано трудамъ и уваженію подчиненныхъ князя Голицына, и для сего осмѣливаюсь приложить списки тремъ чиновникамъ заслуживающимъ монаршаго отличія.

Для избѣжанія всѣхъ непріятностей, произойти могущихъ съ одной стороны отъ жителей сохранившихъ свои дома, а съ другой отъ бѣдныхъ чиновниковъ не имѣющихъ пристанища, я размѣщаю ихъ по квартирамъ, сдѣлавъ на одинъ годъ квартирное росписаніе и начавъ съ собственнаго моего дома, въ коемъ я живу теперь.

Вашему превосходительству извѣстно, что Наполеонъ, дабы дать вѣроятность наказанію мнимыхъ зажигателей Москвы по моему приказанію, напечаталъ ихъ судъ, а вотъ какъ сіе произошло. Сторожъ Кремлевской, посаженный подъ караулъ при занятіи непріателемъ Москвы, отведенъ былъ съ прочими арестантами въ Хамовническія

казармы, куда приводили людей ежедневно подь караулъ. и наконецъ однимъ утромъ ихъ привезли 30 человекъ къ Тверскимъ воротамъ. оточли 13. разстрѣляли: а остальныхъ, заставя убитыхъ повѣсить къ фонарямъ, отпустили.

Весьма желательно бы было, если онъ пойманъ, то доставить сюда *Вилерса*, профессора университета, бывшаго Наполеоновымъ оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ, а еще бы лучше прислать (если пойманъ) *Лессенса*, для объясненія многихъ обстоятельствъ по комиссіи открывающихся.

Сумку съ бумагами бывшаго здѣсь почтдиректора Ключарева при семъ, сродственно съ предписаніемъ вашимъ, къ вашему превосходительству отправляю.

Какъ приказано будетъ поступить съ Французами и Француженками, кои, бывъ въ подданствѣ, ушли съ непріателемъ и были пойманы на дорогѣ? Двѣ женщины сего разбора *des citoyennes* Неск и *Armand* присланы отъ Калужскаго гражданскаго губернатора, и я, не смотря на ненависть мою къ сему гнусному народу, не могъ воздержаться отъ смѣха, видя сихъ модныхъ дамъ съ Кузнецкаго моста въ нагольных тулупахъ и котахъ; ибо ихъ тѣла и внутренно и наружно осквернили и обнажили козаки. Мое мнѣніе весною ихъ отправить за границу.

Отправлено въ Вильну съ фельдъегеремъ.

Письмо Н. П. Котлубицкаго къ графу Ростопчину *).

Сіятельныйшій графъ, милостивый государь графъ Ѳеодоръ Васильевичъ.

Такъ какъ ваше сіятельство уполномочены быть главнокомандующимъ столичнаго града Москвы, яжъ пользуюсь всегда и во всякое время благосклоннѣйшимъ расположеніемъ вашего сіятельства ко мнѣ, не могу никакъ умолчать, при нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, когда уже Высочайшимъ манифестомъ отъ 6-го Іюля обнародованъ и врагъ Россіи, которой вѣрно имѣетъ во всѣхъ предѣлахъ оной немалое количество шпіоновъ, чтобъ не довести до свѣдѣнія вашего слѣдующее.

Узнавъ нынѣ отъ пріятеля моего г. гвардіи прапорщика Николая Петровича Ермолова, проживающаго въ Саратовской губерніи въ г. Вольскѣ, что въ ономъ городѣ проживаетъ профессоръ г. Феслеръ, выписанный изъ Санктъ-Петербурга туда г. Злобинымъ, для усовер-

*) Разказы этого Котлубицкаго о временахъ Павла въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 (8—9). II. Б.

пенствованія имъ заведеннаго пансіона; думать надобно, что по рекомендаціи его свояка, бывшаго государственнаго секретаря г. Сперанскова, который тамъ, вмѣсто обученія пенсіонеровъ и присмотру за учителями, ничѣмъ болѣе не занимается, какъ въ теченіи двухъ лѣтъ слишкомъ, осматриваніемъ мѣстоположеній и, сидя запершись въ своемъ кабинетѣ, будто разными сочиненіями. А такъ какъ наше любезное отечество къ несчастію довольно наполнено разнымъ сбродомъ иностранцовъ, и большею частію изъ Французовъ, которые почти всѣ изъ числа шпіоновъ, то думать надобно, что и г. професоръ Феслеръ долженъ быть изъ числа оныхъ; ибо бывший въ его домѣ прошлаго года пожаръ доказалъ сіе тѣмъ, что онъ во время онаго, запершись въ своемъ кабинетѣ, рѣшился не выходить изъ онаго, хотя и весь домъ его сгорѣлъ.

Зная довѣренность монаршую къ особѣ вашей, рѣшился, какъ вѣрной сынъ Отечества, симъ ваше сіятельство извѣстить, въ надеждѣ всегдашняго вашего ко мнѣ расположенія и буде удостоится вниманія вашего сіятельства, то довѣренной отъ васъ особѣ позвольте заѣхать ко мнѣ, дабы я могъ ему дать прямо адресъ въ г. Вольскъ, къ г. Ермолову, куда онъ можетъ пріѣхать какъ родственникъ, для акуратнѣйшаго изслѣдованія г. Феслера. Естли же все сіе паче чаянія окажется несправедливымъ подозрѣніемъ, то всепокорнѣйше прошу все сіе передать забвенію, чѣмъ премного обяжете того, которой за честь себѣ поставляетъ пребыть навсегда съ истиннѣйшимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Николай Котлубицкій.

23 Іюля 1812 года г. Арзамасъ, въ деревнѣ Костянкѣ.

Письмо И. Наумова къ графу Ростопчину.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Я имѣлъ честь просить ваше сіятельство о принятіи меня въ службу Его Императорскаго Величества при настоящихъ обстоятельствахъ отечества нашего; но ваше сіятельство не изволили мнѣ сдѣлать вашего отвѣта на сіе приношеніе жертвы моей Отечеству и Царю. Я готовъ былъ открыть вамъ душу мою для спасенія первопрестольнаго града Москвы и любезнаго Отечества нашего. Да судить васъ Богъ! Теперь меня уже нѣтъ въ Москвѣ. Кромѣ васъ, я буду еще стараться представить мой образъ мыслей о спасеніи нашего Отечества верховному правительству.

Вашего сіятельства, милостивый государь, всепокорнѣйшій слуга Иванъ Наумовъ.

13 Августа 1812.

Письмо графа Ростопчина къ императору Александру.

Moscou, le 20 Décembre 1812¹⁾.

Sire,

La plus belle année de votre règne et qui couvre la Russie d'une gloire immortelle finit par une perte irréparable pour V. M. I. En perdant le prince Georges, vous perdez un ami, un sujet et un serviteur fidèle. Comme il m'honorait de sa confiance, j'ai eu bien des preuves de son attachement pour la Russie et de son enthousiasme pour Votre personne. Ses vœux constants n'ont pas été exaucés, et il a quitté ce monde au moment où vous devenez le LIBÉRATEUR de l'Europe. Dieu veuille conserver madame la Grande-Duchesse, dont la douleur égale le bonheur dont elle a joui. Lorsque j'apprendrai l'arrivée du duc-père à Twer, je me propose d'y aller pour 24 heures, rendre mes devoirs aux restes inanimés d'un prince, auquel j'étais attaché par la conformité de sentimens et par reconnaissance pour les bontés qu'il témoignait à mon fils, dont je remets la destinée entre Vos mains.

J'expédie ce courrier pour faire parvenir à V. M. I. le rapport du comte Tolstoy²⁾, qui m'annonce que les troubles dans les deux régiments de sa milice sont finis et que les coupables ont été livrés. Je tiens à l'idée qu'il faudrait remonter à la source de ce désordre imprévu. Vos ennemis sont terrassés par la destruction des armées de Napoléon, mais ce monstre vit encore, et la haine de ses partisans couve sous la cendre sans être éteinte.

On finit de brûler les chevaux crêvés au champs de Borodino. Dans quelque tems j'irai moi-même y faire une tournée pour voir par mes propres yeux si on a bien exécuté les ordres que j'ai donnés relativement aux malades, la destruction des cadavres et à la reddition des armes pour de l'argent.

J'ai l'honneur de faire parvenir à V. M. I. trois projets pour le monument qui doit attester aux siècles futurs la folie de Napoléon et Votre sagesse. Il faut 800 canons pour la pyramide telle qu'elle est projetée, mais un plus grand nombre la rendrait plus belle encore en l'élevant d'avantage.

Отправлено въ Вильну съ фельдъегеремъ Дѣрницкимъ.

¹⁾ Дошло до Государя уже за границу. П. Б.

²⁾ Графъ П. А. Толстой завѣдывалъ ополченіемъ и запасными войсками въ Нижнемъ. П. Б.

Переводъ.

Государь! Прекраснѣйшій годъ Вашего царствованія и покрывающій Россію безсмертною славою, оканчивается для Вашего Императорскаго Величества утратою непоправимою. Въ лицѣ принца Георга ¹⁾ Вы лишаетесь друга, подданнаго и честнаго слуги. Почтенный его довѣріемъ, имѣлъ я много доказательствъ его привязанности къ Россіи и восторженной любви къ Вашей особѣ. Всегдашнее упованіе его не осуществилось, и онъ покинулъ свѣтъ въ то время, когда Вы становитесь Освободителемъ Европы. Богъ да сохранитъ государыню великую княгиню. Ея скорбь равняется счастію, которымъ она наслаждалась. Когда узнаю о прибытіи въ Тверь герцога-отца, думаю поѣхать туда на одни сутки, чтобы воздать мой долгъ смертнымъ останкамъ принца. Я былъ привязанъ къ нему сходствомъ чувствъ и признательностью за милости моему сыну ²⁾, судьбу котораго передаю въ Ваши руки.

Отправляю этого курьера, чтобы доставить Вашему Императорскому Величеству донесеніе графа Толстаго. Онъ пишетъ мнѣ, что безпорядки въ двухъ полкахъ его ополченія кончились, и виновные выданы. Мнѣ кажется, что надлежитъ добраться до источника этой непредвидѣнной смуты. Гибелью Наполеоновыхъ полчищъ поражены враги Ваши, но этотъ извергъ еще живъ, и ненависть его приверженцевъ тлѣетъ подъ пепломъ и еще не погасла.

На Бородинскомъ полѣ кончается сожженіе лошадиныхъ труповъ. Черезъ нѣсколько времени я самъ туда поѣду, чтобы собственными глазами посмотреть, точно ли выполнены мои приказанія относительно больныхъ, уничтоженія труповъ и возвращенія оружія за деньги. ³⁾

Имѣю честь доставить Вашему Императорскому Величеству три предложенія о памятникѣ, которымъ должны быть засвидѣтельствованы для будущихъ вѣковъ безуміе Наполеона и Ваша мудрость. Потребуется 800 пушекъ для предполагаемой пирамиды ⁴⁾, но чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ она будетъ выше и прекраснѣе.

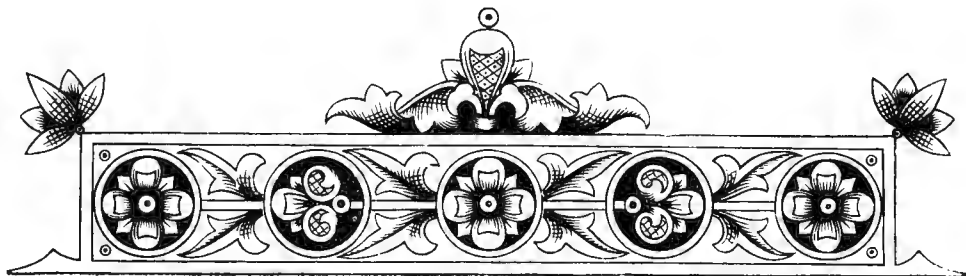

¹⁾ Принца Ольденбургскаго, супруга любимой сестры императора Александра, Екатерины Павловны. П. Б.

²⁾ Графу Сергію. П. Б.

³⁾ Не знаемъ, состоялось ли эта поѣздка графа Ростопчина на Бородинское поле. П. Б.

⁴⁾ Въмѣсто пирамиды вѣзтыя у непріятеля пушки разставлены вдоль Арсенала отъ Троицкихъ до Николаевскихъ воротъ Кремля. П. Б.

БУМАГИ КУРСКАГО ГУБЕРНАТОРА КОЖУХОВА.

Изъ дѣла объ умершей въ домѣ Щигровскаго помѣщика коллежскаго ассесора Николая Спѣшнева дворянѣ дѣвицѣ Елисаветѣ Шараповой.

1.

1819 года Апрѣля 30 Щигровскому земскому исправнику Веретенновской волости голова рапортомъ донесъ, что означенная Шарапова скоропостижно умерла и похоронена.

Помѣщикъ Спѣшневъ и умершей Шараповой мать титулярная совѣтница Магдалина Шарапова тому жъ исправнику письменно объяснили, что Елисавета Шарапова, бывъ больной въ домѣ Спѣшнева, умерла и сомнѣнія въ смерти ея ни на кого не имѣютъ.

1821 года Генваря 31, почти чрезъ два года, таже Шарапова, мать умершей, Щигровскому земскому суду сдѣлала извѣтъ, что дочь ея, жившая въ домѣ Спѣшнева, отравлена была ядомъ; а повѣренный ея, коллежскій совѣтникъ Крупениковъ изъявилъ подозрѣніе на дворовую Спѣшнева дѣвку Домну Перчаткинѣ, что она, согласившись съ дѣвкой Авдотьей Соколовою, которая была въ услуженіи у умершей Шараповой, 8 Апрѣля 1819 года, разливая по обыкновенію чай и кофе, положила въ чашку Шараповой ядовитой отравы и коль скоро Шарапова выпила одну чашку кофе, то чрезъ нѣсколько часовъ почувствовала тошноту, боль въ животѣ, и что продолжавшаяся того дня разною зеленью рвота и сдѣлавшаяся большая опухоль живота показали ясно о положеніи въ чашку отравы; при томъ съ того 8 Апрѣля по 12 число, т. е. по день смерти Шараповой, не оказано яко бы ей отъ Спѣшнева никакой помощи.

По слѣдствію видно, что съ Шараповой дѣйствительно въ сей день сдѣлалась дурнота и боль чрезъ нѣсколько времени послѣ выпитія ею чашки кофе, почему Спѣшневымъ призванъ былъ врачъ.

Дѣвки Перчаткина и Соколова въ отравѣ ея не признались; доказательствъ въ виду на нихъ нѣтъ кромѣ одного показанія Шараповой женки Домны Литвиновой, что будто Авдотья Соколова по погребеніи Шараповой, на другой день пришедши во флигель, приговаривала слова, означающія участіе ея, Авдотьи, въ лишеніи жизни Шараповой.

Далѣе по дѣлу видно, что въ означенное время кофе разливала не дѣвка Домна Перчаткина, какъ въ извѣтѣ значить, а сестра Спѣшнева подпоручица Спицына.

По всеѣмъ симъ обстоятельствамъ Щигровскимъ уѣзднымъ судомъ и Курскою Палатою уголовного суда присуждено: дѣло сіе предать волѣ Божіей, подсудимыхъ, Перчаткину, Соколову и двороваго человека Николая Жилиева, подававшего Шараповой кофе, отъ суда освободить, о помѣщикахъ Спѣшневахъ сужденіе оставить за смертію его.

Рѣшеніе Уголовной Палаты, состоявшееся 1825 года Маія 28, мною утверждено 29 Генваря сего 1826 года.

2.

Изъ дѣла о удавившейся въ домѣ купца Мухина крестьянской женкѣ Рубцовой.

1820 г. Іюня 6, Курской градской полиціи частный приставъ Дементьевъ рапортомъ донесъ, что Рубцова, находясь въ услугахъ у Курскаго купца Мухина, удавилась въ банѣ его. 7 того жъ Іюня штабъ-лѣкарь Коквинскій даннымъ полиціи свидѣтельствомъ показалъ, что Рубцовой смерть послѣдовала отъ удавленія, боевыхъ же на тѣлѣ ея знаковъ не оказалось.

8 Іюня Рубцовой тѣло предано было землѣ.

Того жъ 8 числа командиръ Курскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона подполковникъ Антоновъ, увѣдомясь отъ унтеръ-офицера и сторожа о говоренныхъ ему одною женщиною словахъ, что Рубцова умерла отъ побоевъ, требовалъ отъ градской полиціи освидѣтельствовать Рубцову при немъ, а между тѣмъ жаловался мнѣ на полицію, что она останавливается въ исполненіи его требованія, почему я приказалъ лично полицмейстеру тотчасъ отрыть тѣло и вновь со всею Врачебною Управою при стороннихъ людяхъ освидѣтельствовать, что видно изъ производства въ канцеляріи моей имѣющагося.

8 числа Іюня тѣло Рубцовой было отрыто и свидѣтельствовано всею Врачебною Управою при означенномъ Антоновѣ, членахъ полиціи, уѣздомъ стряпчемъ и стороннихъ людяхъ: управа данное Коквинскимъ

свидѣтельство подтвердила въ полной мѣрѣ, что Рубцова точно удавилась и боевыхъ знаковъ нѣтъ, каковое управы свидѣтельство подтверждено сторонними людьми.

Въ насильственной смерти Рубцовой виноватаго по слѣдствію не обнаружено, мужъ ея Иванъ сомнѣній ни на кого не изъявилъ. Женищина именуемая Антоновымъ мѣщанкою Кашиной, по отцѣ дворянка Татьяна Гришаева, въ допросѣ показала, что унтеръ-офицеру, равно и сторожу о побояхъ Рубцовой говорила она по словамъ неизвѣстныхъ ей стороннихъ людей.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ Курскій Городовой Магистратъ дѣло сіе предастъ волѣ Божіей.

3.

О нравственности нѣкоторыхъ лицъ, нарушающихъ общее спокойствіе по губерніи.

Изъ офиціальнаго представленія моего вашему сіятельству*) о положеніи Губернскаго Правленія, нѣкоторымъ образомъ коснулся я и до состоянія губерніи, въ коемъ она мною найдена. О недостаткахъ и нуждахъ оной идетъ особое представленіе вашему сіятельству отъ Губернскаго Правленія. Въ сей же запискѣ я счелъ обязанностію довести до свѣдѣнія вашего нравственность здѣшнихъ жителей и поименовать лицъ, отъ коихъ съ нѣкоторыхъ поръ начали возникать клеветы, ябеда и вообще нарушилось общее спокойствіе.

Въ семилѣтнее управленіе мое въ губерніи высочайше мнѣ ввѣренной сохранялись тишина и спокойствіе, все было смирно, благополучно, никогда нигдѣ не было на меня ни единой жалобы и просьбы.

Покойный и вѣчной славы достойный Государь Императоръ Александръ I посѣщалъ губернію сію съ удовольствіемъ и осыпалъ ее милостями своими. Яснымъ доказательствомъ распорядительнаго моего управленія служить и то, что въ неожиданную минуту, гдѣ злоумышленники, распаленные страстями, возмнили нарушить царство и слѣдовательно поколебать благоденствіе Россіи, ни одинъ изъ здѣшнихъ жителей не былъ съ ними участникомъ, потому единственно, что здѣсь не покровительствовалось своеволіе и укромлялись порывы людей буйныхъ; но когда я имѣлъ несчастіе неожиданно обратить на себя гнѣвъ Монаршій, когда увидѣли, что измѣнились ко мнѣ довѣріе и

*) Сенатору князю Долгорукому, ревизовавшему Курскую губернію.

милости царя, тогда гореть строптивыхъ, дерзкихъ и напитанныхъ злобою людей, надѣясь на состояніе свое и на нѣкоторыя связи, употребили все низкіе происки, чтобъ меня избавить. Первые изъ сихъ коварныхъ людей суть два брата Денисьевыхъ, одинъ 6 класса коммисаріатскій чиновникъ, а другой Рыльскій уѣздный предводитель дворянства. Сей послѣдній, имѣющій по состоянію своему болѣе средствъ, питаетъ на меня давно злобу:

1) за несодѣйствіе въ интригахъ его при дворянскихъ выборахъ, гдѣ онъ, желая быть избраннымъ губернскимъ предводителемъ, всеми происками приобрѣтя много шаровъ и видя, что есть его превышающіе, завелъ шумъ и раздоръ въ собраніи, обидѣлъ цѣлый Обоинскій уѣздъ, что и записано въ журналъ.

2) за непредставленіе его къ знаку отличія, чего я не могъ сдѣлать, зная, что онъ характера весьма строптиваго, злаго, заводитъ интриги, обращается съ людьми жестоко, отчего бунтовало имѣніе его въ 1818 году, тогда же произведено было по волѣ Монаршей слѣдствіе генераломъ Дукою, извѣстно было о убійствѣ и погребеніи одной дворовой женщины, но ничего не открыто; нынѣ въ имѣніи много есть бѣжавшихъ, а особливо изъ музыкантовъ ушли лучшіе по невозможности терпѣть жестокости его и побоевъ. Недавно предъ симъ извѣстно всемъ, что онъ чуть не выпоролъ плетми двоюроднаго брата своего Денисьева на охотѣ, гдѣ при затравленіи зайца онъ упустилъ его верховую лошадь. Денисьевъ закричалъ „плетей!“ и сей вынужденъ былъ ускорять.

3) за брата своего вышеупомянутаго чиновника 6 класса, коего имѣніе и жены его, за необыкновенныя ихъ жестокости и тиранства, взято по указу Правительствующаго Сената въ опеку; дѣло идетъ о нихъ уголовнымъ порядкомъ и длится за происками ихъ и ненахожденіемъ здѣсь (о скорѣйшемъ ходѣ и рѣшеніи дѣла сего послѣдовало именное высочайшее повелѣніе). Первоначальное слѣдствіе произведено было нарочно командированнымъ чиновникомъ, съ дворянскимъ предводителемъ, посланнымъ по выбору его жъ, Денисьева, и при военномъ депутатѣ, которые поражены были раскрытыми ужасами, заключающимися въ жестокомъ наказаніи людей, въ распяливаніи ихъ на кольца, содержаніи въ желѣзахъ, рогаткахъ на шеѣ (что все найдено на мѣстѣ) въ раздираніи иглами ляшекъ и въ проколотіи ножницами у женщинъ груди. Записка изъ слѣдствія, произведеннаго сими чиновниками, при семъ прилагается.

4) Злоба его еще болѣе усилилась, когда для встрѣчи и препровожденія тѣла незабвеннаго Александра I я сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ

всѣ г. г. предводители дворянства выѣхали на встрѣчу губерніи, что всѣми тотчасъ было исполнено, но г. Денисьевъ не явился и не провождалъ тѣла, а пріѣхалъ уже въ Курскъ и когда прибылъ ко мнѣ, то само собою разумѣется я сдѣлалъ ему строгій выговоръ съ замѣчаніемъ, что съ его только чувствами можно такъ вести себя.

Безпокойный и злой характеръ сего человѣка обнаруживается еще болѣе изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Денисьевъ, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, свѣдавъ о предложеніи моемъ дворянству, въ Курскѣ находящемуся, по выносѣ тѣла незабвеннаго Императора Александра I. увѣковѣчить память Его Величества учрежденіемъ дворянскаго училища или кадетскаго корпуса, въ домѣ благороднаго собранія (который для здѣшняго дворянства никакъ не удобенъ), на что тогда жъ дворянство, на лицо находившееся, согласилось, писалъ къ приближеннымъ своимъ въ уѣздѣ и родственникамъ не соглашаться на сіе предположеніе, отчего возродились интриги. Два предводителя уѣздныхъ, Щигровскій и Дмитріевскій (человѣкъ пьяный), на сестрѣ коихъ женатъ Денисьевъ, послѣдовали его примѣру; въ прочихъ же уѣздахъ, хотя всѣ почти согласились, но я не хотѣлъ входить въ дѣло сіе, не поименовавъ лицъ, не желавшихъ участвовать, и такъ интригами ихъ столь полезное и священное дѣло осталось безъ дѣйствія. Къ интригамъ симъ присоединились: полковникъ Полторацкій, состоящіе по арміи полковникъ Анненковъ, генераль-маіоръ Ушаковъ, отставные генераль-маіоръ Каменевъ, подпоручикъ Кусаковъ, провіантскій коммисіонеръ Иваненко и еще нѣкоторые, произвели шумъ въ благородномъ собраніи и дозволили себѣ говорить дерзкія и несовмѣстныя выраженія на счетъ правительства, въ особенности же Полторацкій, Кусаковъ и Анненковъ, что по слабости здѣшняго уѣзднаго предводителя было допущено; впрочемъ подобныя допущенія часто бываютъ при выборахъ потому, что малѣйшее сопротивленіе лишаетъ предводителей возможности быть избранными. Неудовольствіе же на меня и мщеніе вышеписанныхъ лицъ происходитъ отъ нижеслѣдующихъ причинъ:

а). Отставной полковникъ Полторацкій, во Франціи большею частью жившій, женатый на Француженкѣ при живой еще женѣ (нынѣ уже, говорятъ, умершей), во время бытности въ Курскѣ не только свободно говорилъ противъ правительства, но дерзко противъ самого Государя Императора. Нѣсколько изъ вышеупомянутыхъ лицъ и прочихъ безъ всякихъ правилъ людей, соблазненныхъ Полторацкимъ, поддерживали его мнѣніе. Вооружась терпѣніемъ, сколько могъ, я видѣлъ наконецъ число ихъ умножающееся и зло отъ того послѣдовать могущее. Какъ минута была тогда критическая, я призвалъ къ себѣ

г. Полторацкаго и какъ начальникъ губерніи, давъ понять ему такое безпутное поведеніе, строго требовалъ, чтобъ онъ удержался отъ подобныхъ выраженій. Въмѣсто того, чтобъ ему опомниться, сей непостоянный и безъ всякихъ правилъ человѣкъ озлобился на меня и грозилъ мнѣ (за глаза) мщеніемъ чрезъ Николая Семеновича Мордвинова, министра финансовъ Канкринъ и Михайла Михайловича Сперанскаго. Сего довольно, чтобъ взволновать необразованнаго провинціального жителя; нѣкоторые, обнадежась на него, слѣдуя примѣру сему, вида негодование на меня Царя, начали терять ко мнѣ уваженіе, званію моему надлежащее.

б) Состоящій по арміи г. генераль-маіоръ Ушаковъ, коему я сдѣлалъ множество добра, сдѣлался мнѣ врагомъ за вынужденіе полиціею изъ дома его крѣпостной дѣвки князя Алексѣя Борисовича Куракина, безъ вѣсти пропадавшей около двухъ лѣтъ и объявившей, что она была увезена начально сыномъ его 13 лѣтъ и послѣ удержана тайно и самимъ отцемъ, насильно вынуждавшимъ имѣть съ нимъ связи.

в) Состоящій по арміи полковникъ Анненковъ (человѣкъ пьяный) засѣкъ почти до смерти Боровскаго мѣщанина Конона Рудакова, коего приобщали, исповѣдовали и привозили его въ такомъ положеніи ко мнѣ; я приказалъ описать на немъ боевые знаки и дать дѣлу законный ходъ, но происками его донинѣ остается неоконченнымъ. О скорѣйшемъ дѣла сего окончаніи послѣдовало высочайшее повелѣніе, господиномъ министромъ юстиціи мнѣ объявленное.

г) Отставной генераль-маіоръ Каменевъ, коему я сдѣлалъ добро содѣйствіемъ къ сохраненію ему остатка его имѣнія и который мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что онъ напишетъ образъ мой и будетъ на себѣ носить, нынѣ за неудовлетвореніе полиціею незаконныхъ требованій живущей у него на содержаніи дѣвки при покупкѣ дома и онъ присталъ къ сей безпутной шайкѣ.

д) Отставной подпоручикъ Кусаковъ женатъ на простой дѣвкѣ, проигравшій все свое имѣніе къ карты и, сколько извѣстно, былъ камеръ-пажемъ и за дерзость учиненную во дворцѣ, разжалованъ въ солдаты, въ послѣдствіи же чинъ ему возвращенъ въ уваженіе заслугъ г. генераль-маіора Кульнева.

е) Провіантскій коммисіонеръ Иваненко, нажившій на службѣ большой капиталъ и занимающійся только интригою. Рыльскій уѣздный предводитель дворянства, всѣмъ симъ руководствуя, сочинилъ нелѣпыя извѣты вмѣстѣ съ извѣстнымъ ябедникомъ отставнымъ подпоручикомъ Арсеньевымъ и, взявъ съ собою значительную сумму денегъ, уѣхалъ въ Петербургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ смѣстить

меня. Не знаю, какими средствами онъ руководствовался: но извѣстно, что сіи извѣты, въ видѣ записокъ, доведены были до свѣдѣнія Государя Императора. Вслѣдствіе чего посланъ былъ сюда г. генераль-адъютантъ князь Трубецкой, въ вѣдѣніе его были прикомандированы: статскій совѣтникъ Бедряга и дѣйствительный статскій совѣтникъ Назимовъ. Сихъ двухъ чиновниковъ Денисьевъ успѣлъ привлечь на свою сторону, съ послѣднимъ же (Назимовымъ) пріѣхалъ въ свою деревню, а отсюда сюда, провозглашая его вездѣ начальникомъ губерніи; г. же Назимовъ имѣлъ неосторожность велѣть себѣ приготовить домъ, приглашалъ къ себѣ чиновниковъ въ тонѣ начальника губерніи, принималъ просьбы и общалъ покровительство и мѣста по губерніи; но какъ въ послѣдствіи планъ дѣйствій Денисьева измѣнился, извѣты его оказались совершенно ложными, то еще болѣе возродилась въ нихъ ненависть, мщеніе, и эта вся шайка обратилась въ Москву, гдѣ, сколько извѣстно, допустила себя до необыкновенно дерзкихъ на мой счетъ разглашеній.

Вотъ связи здѣшнія, отъ коихъ проистекаетъ все зло и ябеда.

Не могу умолчать также и о преслѣдованіяхъ по Петербургу.

Г. министръ юстиціи явно мститъ мнѣ за перемѣну чиновниковъ, его министерству подвѣдомственныхъ, коихъ я находилъ совершенно безнадежными и коихъ онъ не хотѣлъ перемѣнить.

Г. министръ финансовъ негодуетъ за пріемлемое мною участіе въ дѣлахъ графа Потемкина, на коего простирались виды лишить его имѣнія. Канцеляріи всѣ вообще не благоволятъ мнѣ потому, что я никогда не пресмыкался по онимъ и не искалъ ихъ покровительства. Продолжая службу съ усердіемъ и поставя губернію въ число устроенныхъ, что найдено самимъ Государемъ Императоромъ Александромъ I, я не считалъ нужнымъ служить канцеляріямъ; но въ послѣдствіи вижу, что отъ сего не только я, но даже и губернія мнѣ ввѣренная претерпѣваетъ непріятности, ибо многіе предметы, требующіе непремѣннаго устройства, остаются въ упадкѣ, какъ то: тюремный замокъ весьма дурной и опасный, за всѣми личными представленіями и настояніями остается неустроеннымъ, въ другихъ же губерніяхъ таковыя уже приведены къ окончанію. Тоже самое дѣлается и съ богоугодными заведеніями, которыя найдены мною и понинѣ суть въ большомъ безпорядкѣ.

Предметы, касающіеся до устройства губерніи и какія средства употреблялъ я къ достиженію онаго:

1) На общія повинности подряды въ губерніи я уничтожилъ: они исполняются большею частію натурою, кромѣ содержанія почтовыхъ

лошадей, равно отопленія и освѣщенія войскъ. Предметы сіи исполнять натурою нельзя по многосложности ихъ и по неудобству доставленія.

2) На почтовыхъ лошадей въ прошедшее трехлѣтіе сдѣлано мною пониженіе (на одну статью) 360 т. руб.

3) Дороги отдѣланы натурою и ничего жителямъ не стоятъ кромѣ трудовъ и то по уборкѣ съ полей хлѣба, кромѣ чрезвычайныхъ slu-чаевъ; въ другихъ же губерніяхъ, извѣстно правительству, чего стоятъ дороги.

4) Верстовые столбы, участочные, указательные на поворотахъ и при селеніяхъ, предоставлено каждому устроить какъ кто найдетъ удобіе; въ другихъ же губерніяхъ таковыя столбы по подряду стоили 25 рублей ассигнаціями.

5) На три почтовыхъ деревянныхъ дома ассигнована была сумма изъ земской повинности. Зная по опыту, что казенныя деревянныя зданія, особливо отдѣльныя, подвергаются часто пламени, я на ту же сумму согласилъ устроить таковыхъ четыре каменныхъ, желѣзомъ крытыхъ.

6) По волѣ покойнаго Государя Императора предположено было устроить деревянный манежъ въ губернскомъ городѣ. Согласіемъ моимъ устроенъ каменный, желѣзомъ крытый.

7) Ассигнована была сумма на устроеніе чрезъ Сеймъ моста на плашкотахъ; на сію же сумму сверхъ моста переложена отъ Курска другая дорога и устроенъ каменный мостъ.

Всѣ сіи предметы Государю неизвѣстны; неизвѣстно и то, что у меня въ губерніи земская повинность выходитъ съ души отъ 45 до 58 $\frac{1}{2}$ коп., а ежели исключить предполагаемое построеніе станціонныхъ домовъ и содержаніе войскъ, то повинность обойдется съ души отъ 10 $\frac{3}{4}$ до 24 $\frac{1}{4}$ коп., чему прилагается особая записка; въ губерніяхъ же Курскую окружающихъ земская повинность по 2 руб. съ каждой души выходитъ и болѣе.

Я убѣждаю ваше сіятельство всепокорнѣйшею просьбою обратить на все сіе милостивое вниманіе ваше. Въ губерніи, столь много населенной разными сословіями, заключающей въ себѣ множество людей любящихъ тяжбы и процессы, не можетъ не быть въ дѣлахъ упущеній и даже злоупотребленій, но оныя нисколько не покровительствовались мною. Общія распоряженія по губерніи и раскрытыя преступленія то свидѣлствуютъ.

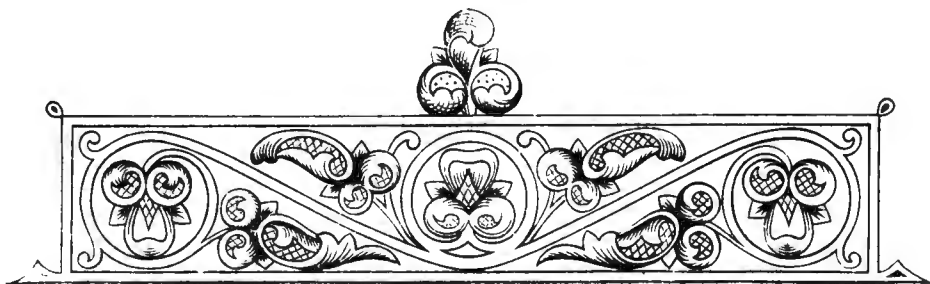
Ваше сіятельство по благоразумію и правосудію вашему изволите ясно изъ всего усмотрѣть, что я преслѣдуюсь врагами за то только,

что, не смотря ни на какіе замыслы ихъ, дѣйствовать по вліянію чувствъ моихъ не ко злу, а ко благу ввѣренной мнѣ губерніи, согласно волѣ незабвеннаго Государя Императора Александра I. держалъ каждого въ своей точкѣ; да сего иначе и быть не можетъ въ здѣшнемъ краѣ потому, что будутъ рѣзать предъ окошками, чему были примѣры.

При семъ неизлишнимъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что назначеніе меня сюда губернаторомъ послѣдовало безъ всякаго моего чаянія и не согласовалось никогда съ видами моими, почему я, по назначеніи меня въ сіе званіе, по внимательномъ обзорѣніи сей губерніи, соображая нравственность людей, оную населяющихъ, тогда же просилъ перемѣщенія въ другую должность. Царя незабвеннаго уже нѣтъ! Ему извѣстенъ былъ образъ моихъ мыслей, но живы окружавшіе Его Величество и именно: князь Петръ Михайловичъ Волконскій, чрезъ коего нѣсколько разъ въ самомъ началѣ еще я просилъ перемѣщенія отсюда, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, коего также убѣждалъ о томъ, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, котораго рѣшительно убѣждалъ о томъ же, чрезъ коего объявлена была мнѣ высочайшая воля, „у меня есть ему мѣсто, чтобъ повременить“. Но судьбамъ Всевышняго угодно было другое изъ меня сдѣлать назначеніе. я здѣсь—жертвою интригъ и низкихъ происковъ.

(Сообщено Сергіемъ Евгеніевичемъ Кожуховымъ).

ПИСЬМА МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ ВАСИЛІЮ ДМИТРИЕВИЧУ ОЛСУФЬЕВУ*).

I.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Признательнѣйше благодарю за сообщеніе мнѣ свѣдѣнія о высочайшемъ путешествіи.

Покорнѣйше прошу по возможности благовременнаго свѣдѣнія о высочайшемъ прибытіи въ Москву.

Неизлишнимъ почитаю довести до свѣдѣнія вашего, что Государю Императору благоугодно было утвердить составленный мною церемоніаль духовныхъ обрядовъ въ Бородинѣ, и что совершиться онымъ назначено 26 Августа.

Рапортъ исправно при семъ возвращаю. Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь

*) Печатаются по списку съ своеручныхъ подлинниковъ, любезно сообщенному въ „Русскій Архивъ“ старшимъ сыномъ В. Д. Олсуфьева, графомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ.

В. Д. Олсуфьевъ, внукъ Екатерининскаго статсъ-секретаря Адама Васильевича, родился 21 Іюля 1796 года: получивъ домашнее воспитаніе, служилъ съ 1813 года въ лейбъ-гусарскомъ полку, былъ (1828—1836) Звенигородскимъ предводителемъ дворянства, а въ 1838—1840 годахъ Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, и тутъ начался его сношеніи съ митрополитомъ Филаретомъ. Въ теченіи десяти лѣтъ (1840—1850) служилъ онъ гофмейстеромъ цесаревича Александра Николаевича, а съ 1850 по кончину (11 Февраля 1858) оберъ-гофмейстеромъ. Въ коронацію свою Александръ Николаевичъ возвелъ его въ графское достоинство и назначилъ состоять при особѣ императрицы Маріи Александровны. В. А. Жуковский былъ ему старшимъ другомъ (они путешествовали вмѣстѣ въ 1820 году по Саксонской Швейцаріи). В. Д. Олсуфьевъ ждетъ своей біографіи. На читателя произведетъ непріятное впечатлѣніе приниженность нѣкоторыхъ писемъ Московскаго митрополита. П. Б.

быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій *).

18 Августа 1839 г.

II.

Совершивъ предположенное путешествіе, для обозрѣнія части ввѣренной мнѣ епархіи, долгомъ поставляю принести вашему превосходительству совершенную благодарность мою за сдѣланное на сей случай распоряженіе. Предупредительное вниманіе и попеченіе мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ о доставленіи мнѣ удобства и безпрепятственности, какъ въ путешествіи, такъ и въ занятіяхъ моихъ по должности, были вполнѣ удовлетворительны; особенно же съ благодарностью долженъ я упомянуть о Богородскихъ г. городничемъ и г. исправникѣ.

29 Сентября 1840 г.

Его превосходительству, г. Московскому гражданскому губернатору В. Д. Олсуфьеву.

III.

Благословенно любящее Бога и Ему благодарное сердце Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича. Да умножить Ему и Супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ Цесаревнѣ Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ Господь благословенія Свои; да сохранить и возраститъ первородную дочь Ихъ и да приложить Имъ чада, къ радости родителей и къ утвержденію благоденствія Отечества.

При извѣщеніи отъ вашего превосходительства, что Его Императорскому Высочеству благоугодно ознаменовать рожденіе первой дочери Его подвигомъ благочестія и для сего повелѣть, дабы мною представлено было мнѣніе, какое бы можно было по сему случаю сдѣлать достойное приношеніе въ церковь Св. Мучениковъ Флора и Лавра въ Москвѣ, первая представившаяся мнѣ мысль была, не будетъ-ли благоугодно Его Императорскому Высочеству повелѣть устроить въ сію церковь напрестольный крестъ (употребляемый въ торжественныхъ священнослуженіяхъ для освѣщенія, благословенія и благоговѣйнаго цѣлованія) съ изображеніемъ распятія Господня, и положить на обратной сторонѣ объясняющую его устроеніе надпись, на примѣръ слѣдующую:

„Сей святой крестъ, въ храмѣ Святыхъ Мучениковъ Флора и Лавра въ Москвѣ, устроенъ благоизволеніемъ Благовѣрнаго Государя

*) Дальше эти обычныя окончанія писемъ, равно какъ и начала, опускаются.

Наслѣдника Всероссійскаго Престола, Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича и Супруги Его Благовѣрной Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Александровны, приносящихъ благодареніе Богу за Первородную Дщерь Свою, Благовѣрную Государыню Великую Княжну Александру Александровну, рожденную въ 18-й день Августа, въ лѣто Господне 1842, и поручающихъ Ее молитвамъ Святыхъ Мучениковъ“.

Сей памятникъ былъ-бы всегда, и особенно въ праздничные и торжественные дни, въ употребленіи священнослужащихъ, и въ глазахъ народа, непрестанно напоминалъ-бы благочестіе Государя Цесаревича и умножалъ усердныя молитвы о долгоденствіи и благоденствіи Его и Его Высокаго Семейства.

Впрочемъ по сему случаю долгомъ поставилъ я особенно осмотрѣть церковь Св. Мучениковъ Флора и Лавра и составить о ней краткое свѣдѣніе. Свѣдѣніе при семъ прилагается. Осмотръ же показалъ, что въ сей церкви иконостасъ, устроенный въ добромъ и красивомъ древнемъ вкусѣ, и по всей вѣроятности современный построенію церкви и слѣдственно существующій около 180 лѣтъ, обветшалъ въ позолотѣ, а царскіе врата и въ деревянной рѣзбѣ. По примѣрному соображенію, на устроеніе царскихъ вратъ вновь по прежнему рисунку, и на перезолоченіе иконостаса, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ ветхостей, потребовалось-бы до двухъ тысячъ рублей серебромъ. Церковь сія не можетъ произвести сего въ настоящее время своими способами, имѣя только 11 дворовъ прихожанъ. Есть-ли бы Его Императорскому Высочеству благоугодно было даровать пособие на сіе возобновленіе, то сіе было бы также достойнымъ Его памятникомъ и благодѣяніемъ церкви.

Оба представившіяся предположенія рѣшилъ я сообщить вашему превосходительству, не признаете-ли за благо представить оныя на благоусмотрѣніе и избраніе Его Императорскаго Высочества.

№ 352

10 Сентября 1842 г.

Его превосходительству, Двора Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича гофмаршалу и кавалеру Василию Дмитріевичу Олсуфьеву.

С В Ѣ Д Ъ Н І Е

о церкви Святыхъ Мучениковъ Флора и Лавра, что у Мясницкихъ воротъ.

Церковь Святыхъ Мучениковъ Флора и Лавра, какъ видно изъ находящейся въ Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ строительной книги, создана въ царствованіе Царя Алексія Михайловича, 1657 года, вмѣсто бывшей дере-

вянной, на землѣ, данной вкладомъ Мясницкой полусотни тяглецами Александромъ Марковымъ да Никитою Гавриловымъ; но чѣмъ иждивеніемъ, неизвѣстно.

Престоловъ въ ней два: въ настоящей холодной, во имя Святыхъ Мучениковъ Флора и Лавра; въ предѣльной теплой, пристроенной позже, во имя Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. Въ первой иконостасъ по всѣмъ признакамъ современный построению храма, рѣзной, золоченый, сохранился по сіе время безъ измѣненія, только позолота имѣетъ видъ ветхости, а въ царскихъ вратахъ и дерево ветхо; но иконы совершенно сохранены. Стѣнное писаніе также имѣетъ признаки древности. На томбахъ клиросовъ, то есть такъ низко, что здѣсь не могло быть иконъ, написаны довольно искусною кистію изображенія нѣкоторыхъ древнихъ философовъ и мудрецовъ держащихъ свитки, въ которыхъ Славянскими буквами написаны ихъ изреченія. Вотъ одно изъ нихъ: „Азъ Платонъ глаголю: Богъ понеже благъ есть и благимъ виновенъ, злымъ-же никакоже“.

Въ 1812 г. церковь сія осталась неприкосновенною для враговъ и ничего не потеряла отъ огня во время общаго пожара Москвы.

Сентября 10. 1842 г.

IV.

Исполняя благочестивую волю Благовѣрной Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Александровны, вами мнѣ оставленную, препровождаю при семъ икону Божьей Матери, утѣляющей печали, для поднесенія Ея Императорскому Высочеству.

Для написанія иконы вызванъ былъ художникъ изъ Сергіевы Лавры, который въ самой церкви съ первоначальной иконы снялъ по своей возможности точное подобіе, съ уменьшеніемъ только размѣра. Вчера, въ храмъ Божьей Матери, при священнослуженіи мною совершившемся, новонаписанная икона положена была на святомъ престолѣ и освящена съ молитвою, да будетъ она знаменіемъ благодатнаго присутствія и покровительства Божьей Матери Благовѣрной Молитвенницѣ и Благовѣрнымъ Супругу Ея и Чадамъ.

Мнѣ представляется, что не случайно въ Государынѣ Цесаревнѣ возбудилось особенное чувство предъ иконой Божьей Матери утѣляющей печали. Ангель-хранитель предварительно указывалъ Ей прибѣжище для обрѣтенія утѣшенія, котораго потребность открылъ нынѣшній мѣсяцъ. Да будетъ въ сіе время Богоблагодатная Матерь утѣлительницей печали Благовѣрныхъ Родителей. Дщерь, которая переселена отъ нихъ на вышнее воспитаніе къ Ангеламъ, да принесутъ они въ послушную жертву несповѣдимой судьбѣ и волѣ Божьей и симъ же внушеніемъ да приобрѣтутъ новое благословеніе Божіе къ сохраненію дарованнаго лишенія. Да забудется вѣчная печаль въ обиліи новыхъ утѣшеній. Не смѣя беспокоить ихъ моими словами, размышляю и молюсь съ вами.

Другая подобная икона, тогда затребованная и тѣмъ-же написанная и посвященная, такъ-же при семъ препровождается.

Москва. Іюнь 1849 г.

V.

Милостивѣйшій рескриптъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны, черезъ Васъ препровождаемый, имѣлъ счастье получить въ Лаврѣ въ 6 день сего Іюля. Съ утѣшеніемъ пріемля снисхожденіе Ея Императорскаго Высочества къ моему смиренію, съ благоговѣніемъзираю на Ея возвышенныя чувства преданности судьбамъ Божиимъ, съ упованіемъ на Бога. Теперь пріемлю дерзновение писать къ Ней и покорнѣйше прошу поднести Ея Высочеству прилагаемый конвертъ.

Благодарю ваше превосходительство, что вы мою несмѣлость дополнили вашею свободою на докладѣ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, извѣстивши мои чувствованія при настоящихъ обстоятельствахъ.

Что же касается до послѣдняго требованія Вашего относительно иконы, собственно Вамъ доставленной, благоволите освободить меня отъ труда, съ удовольствіемъ и удобствами исполненнаго: небольшой трудъ, мною исполненный. Мое дѣло, поелику Господь даруетъ, молиться и призывать благословеніе, особенно, когда его желаютъ души, которымъ, и прежде ихъ желанія, съ любовію призывается благословеніе.

Благодатное и благотворное благословеніе Божіе вамъ и семейству Вашему призывая, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть (и пр.).

Геосиманскій Скитъ

Іюля 1849 г.

VI.

Письмо вашего превосходительства, врученное мнѣ сыномъ вашимъ, принесло мнѣ новое утѣшеніе, усматривая въру и любовь къ святителю Алексію Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны. Радостно мнѣ будетъ, есть-ли исполненіе предполагаемаго вами окажется соотвѣтственнымъ Ихъ благочестивому желанію.

Но я долженъ просить нѣкотораго времени, чтобы испросить благословеніе и разрѣшеніе Святителя Алексія. Рака мощей преподобнаго Сергія открыта и допускаетъ, по примѣру дерзновения предшественниковъ нашихъ и насъ, приближаться и усмотрѣть, гдѣ удобно отдѣлить малую долю отъ нетлѣннаго сокровища; но сего удобства не

представляет рака мощей святителя Алексія, по древнему устроению своему, открытая только въ верхней части для прикладывающихся. Но я надѣюсь, что Святитель откроетъ путь исполненію желанія, приходящаго отъ вѣры и любви къ нему.

Изъ Петербурга извѣщаютъ меня, что, по соизволенію Государя Наслѣдника Цесаревича, сдѣлано распоряженіе о напечатаніи рескрипта Его Императорскаго Высочества, послѣдовавшаго на имя мое во 2 день сего Генваря. Сіе даетъ мнѣ мысль, не погрѣшилъ-ли я, не сдѣлавъ сего въ Москвѣ; но я не смѣлъ рѣшиться, должно ли сіе сдѣлать и утѣшеніе о снисхожденіи Его Высочества ко мнѣ раздѣлилъ въ своемъ кругѣ; а мысли и чувствованія, возбужденныя во мнѣ благословеннымъ событіемъ, высказалъ въ бесѣдѣ въ церкви. Сію бесѣду, при семъ препровождаемую, покорнѣйше прошу поднести Его Императорскому Высочеству, есть-ли сіе дерзновеніе найдете позволительнымъ.

Непрестанно призывая вамъ благословеніе Божіе и пр.

Въ Москвѣ

Генваря 21. 1850 г.

VII.

Святитель Алексій благословилъ, чтобы благочестивая мысль исполнилась. При семъ, черезъ посредство сына вашего, препровождаю крестъ съ частию святыхъ мощей Святителя Алексія. Благоволите представить Государю Наслѣднику Цесаревичу. Да пребываетъ благословеніе и благодатная помощь Святителя Алексія съ Благовѣрнымъ Государемъ Цесаревичемъ и Благовѣрною Супругою Его и съ Тезоименитымъ Святителю Великимъ Княземъ.

Я осмѣлился изъяснить мои чувствованія во всеніяйшемъ письмѣ къ Его Императорскому Высочеству. Есть-ли признаете сіе позволительнымъ, благоволите преподнести оное.

Примите признательную благодарность мою за извѣщеніе, что Ихъ Императорскія Высочества удостоили принять мое смиренное слово при торжествѣ о Высоконоворожденномъ. Ихъ милостивый взоръ намъ радость и счастье.

Примите теперь искреннюю благодарность мою за то, что вы передали мнѣ мысль, которую съ утѣшеніемъ теперь исполняю.

Призывая обиліе благословеній Божіихъ на васъ и на семейство ваше и пр.

Въ Москвѣ

Февраля 2. 1850 г.

VIII.

Съ праздникомъ живоноснаго Воскресенія Христова, по земному движенію времени оканчивающимся, но не скончаемымъ по плодамъ его вѣчности, пріимите искреннее мое поздравленіе, хотя не ураненное, въ чемъ простите мою немощь.

Владыка и Источникъ жизни да проситъ жизнь вашу новою струею благословенія и благодати къ многолѣтнему преуспѣвающему продолженію вѣрной дѣятельности въ служеніи Царю Небесному и Земному; прочая приложатся.

Простите меня, много виноватаго въ умедленіи, которое. можетъ быть, уже поздно исправить.

Слѣва, говореннаго мною прошедшимъ лѣтомъ въ день Преподобнаго Сергія, не могъ я у себя оставить и догадываюсь, что не о немъ дошло до свѣдѣнія Ея Императорскаго Высочества, а о словѣ 6 Сентября, говоренномъ въ Чудовѣ монастырѣ и содержащемъ немало относящагося къ Святителю Алексію.

Сіе слово при семъ представляю, присоединяя къ оному пять другихъ, которыя, можетъ быть, менѣе другихъ недостойны вниманія, между прочимъ, по соглашенію къ обстоятельствамъ времени.

За симъ слѣдуетъ еще книга и еще особо изданныхъ словъ. Все сіе недовольно въ порядкѣ, потому что я не занимаюсь изданіемъ моихъ словъ; другіе требуютъ ихъ, берутъ и не читаютъ.

Теперь отъ вашего разсужденія зависитъ будетъ, представитъ-ли Ея Высочеству первое упомянутое мною слово или и болѣе, или совсѣмъ не напоминать.

Есть-ли мои смиренные листы не удостоятся Ея Высочества: довольно для меня и того, есть-ли останутся на вашемъ столѣ.

Въ Москвѣ
Апрѣля 30 1850 г.

IX.

Даръ Святителю Алексію отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича и Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Александровны, золотая лампада (при отношеніи вашего превосходительства отъ 15 сего Апрѣля № 852) доставлена мнѣ за часъ до утрени свѣтлаго дня Воскресенія Христова, и къ утрени уготована въ храмѣ при мощахъ Святителя, и возсіяла предъ нимъ свѣтомъ благочестивой любви къ нему Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Въ послѣдующіе часы сего дня, въ семь храмѣ совершена мною съ прочимъ духовенствомъ торжественная божественная литургія, и въ слѣдъ за нею молебное пѣніе о здравіи и благочестіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Обитатели древней столицы, всегда храня въ благоговѣйномъ памятованіи, какъ особенный даръ Провидѣнія то, что Москва имѣла счастье быть колыбелью Государя Наслѣдника Всероссійскаго Престола, съ благоговѣйною радостію взирають на знаменія благочестія Его Императорскаго Высочества и Ея Императорскаго Высочества, и прилежно притекають къ мощамъ Святителя Алексія приносить молитвы о Царѣ своемъ и Его Первенцѣ съ послѣдующими отраслями державнаго рода.

Быть свидѣтелемъ сихъ знаменій благочестія высокихъ душъ и участникомъ по долгу и по сердцу сихъ вѣрноподданическихъ молитвъ, есть одно изъ преимущественныхъ утѣшеній дарованныхъ моему смиренію въ моемъ служеніи.

№ 230

30 Апрѣля 1850 г.

X.

Вы были мнѣ вѣстникомъ милости Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и принесли мнѣ утѣшеніе, глубоко мною чувствуемое, а потому, больному мнѣ врачебное. Васъ прошу принять и тотъ трудъ, чтобы представить Ея Императорскому Высочеству мое смиренное слово благодарности, запечатанное въ прилагаемомъ при семъ конвертѣ.

Желалъ я и надѣялся быть у вашего высокопревосходительства, но болѣзнь моя, то обнадеживаетъ меня свободою, то вновь заключаетъ въ келіи, такъ что заветный праздникъ Святителя Алексія принуждаюсь оставаться заключеннымъ. Надобно повинуться Господу, наказующему, однако и милующему этимъ, что болѣзнь не препятствуетъ мнѣ, есть-ли не въ соборѣ, то въ уединеніи возносить молитвы о тезоименитомъ Великомъ Князѣ и о Августѣйшихъ Его родителяхъ и Прародителяхъ.

Есть-ли мнѣ позволено будетъ оставить келію прежде нежели вы оставите Москву: то найду васъ здѣсь. Желая теперь встрѣтить васъ въ Лаврѣ, аще Господеви изволится.

Мая 19.

1851 г.

XI.

Бывъ у васъ сегодня, но не нашедъ васъ, пишу то, что желалъ сказать.

Получивъ свѣдѣніе, что Государыня Императрица изволятъ посѣтить Лавру 3-го дня, желалъ бы я удостовѣриться въ сей ли же день изволятъ посѣтить оную и Государыня Цесаревна. Отправляюсь туда завтра утромъ.

Въ житіяхъ Равноапостольной княгини Ольги не имѣются слова: идола, а есть слово: *кумиры*, иное въ темномъ выраженіи, какое я отъ васъ слышалъ.

Ав. 31. 1851 г.

XII.

Христосъ Воскресе! Ваша вѣра знаетъ величину сего слова. Ваше сердце пріемлетъ его силу. Но чтобы соутѣшиться вѣрою общеою вашею же и моею, и я отъ сердца мысленно простираю къ вамъ объятія и слова радости: Христосъ Воскресе!

Господь, обѣщавшій намъ по воскресеніи Своемъ радость, ея же никтоже возметъ, да исполнитъ на васъ свое обѣщаніе; и радость вѣры въ Него и уповаше на Него да будетъ неразлучною спутницею вашей жизни, на помощь въ подвигахъ, къ обезпеченію трудностей, къ возвышенію утѣшеній, которыя да предложитъ вамъ всеблагое Провидѣніе и въ семействѣ вашемъ и на поприщѣ Царской службы.

Препровожденные ко мнѣ отъ вашего высокопревосходительства священные сосуды для Евхаристіи получилъ я въ Великую Среду и утромъ въ Четвергъ, призвавъ Даниловскаго настоятеля, вручилъ ему оные, изъяснивъ ему происхожденіе и назначеніе сего дара. Пріятно было мнѣ видѣть въ нихъ древній образъ соединенный съ новымъ искусствомъ, но еще пріятнѣе видѣть знаменіе благочестивой памяти о родителѣ и бабкѣ. Господь да возвратитъ вамъ въ вашихъ дѣтяхъ и внукахъ ту благочестивую любовь, которую вы являете къ вашимъ родителямъ.

Долженъ я еще просить у васъ прощеніе, что умедлилъ благодарность вамъ за предшествовавшее письмо. Немоощъ дѣлаетъ меня неисправнымъ часто, а нынѣшній день доставила мнѣ свободу написать къ вамъ, потому что заставила провести оный въ уединеніи.

Въ Москвѣ, Марта 31. 1852.

XIII.

Прилагаемый при семъ конвертъ, на имя Государыни Цесаревны, покорнѣйше прошу представить Ея Императорскому Высочеству.

Въ немъ представляю Ея Высочеству письма, которыхъ она удостоила игуменію Марію, оставшіяся по кончинѣ игуменіи.

Монастырь желалъ бы и хранить ихъ, какъ драгоцѣнный памятникъ, но я не смѣлъ рѣшиться оставить ихъ. А было бы великое утѣшеніе для осиротѣвшей теперь обители и достопамятность для будущаго времени, есть-либъ хотя одно изъ нихъ ввѣрено было сохраненію.

По благоволѣнію, которое Государыня Цесаревна являла покойной игуменіи, можетъ быть, угодно будетъ Ея Высочеству имѣть свѣдѣніе о послѣднихъ обстоятельствахъ жизни преставившейся; прилагаю о семъ записку*), предоставляя вашему разсужденію, надобно ли довести сіе до свѣдѣнія Ея Высочества.

Въ Лаврѣ

Іюня 30. 1852.

XIV.

Мнѣ пришелъ на память изъ вашей страны недавно предложенный вопросъ: бывають ли чудеса отъ Преподобнаго Сергія нынѣ; и мнѣ пришло на мысль написать теперь отвѣтъ, который даетъ нынѣшній день.

Сегодня пришелъ ко мнѣ штабъ-офицеръ, ведя съ собою два сына, изъ которыхъ старшему не болѣе четырехъ лѣтъ. Войдя со мною въ разговоръ, онъ сказалъ, что за годъ или за два старшаго привозилъ въ Москву, показывалъ врачамъ, потому что младенецъ имѣлъ на глазахъ наросты и не могъ видѣть. Врачи нашли сіе состояніе неизлѣчимымъ. Отецъ привезъ сына къ Преподобному Сергію, и здѣсь, на молитвѣ, приобщилъ его святыхъ таинъ. На возвратномъ пути изъ Лавры у младенца на задней части головы сдѣлалась опухоль, потомъ открылся нарывъ, вышла матерія, и онъ теперь видитъ.

Іюня 30. 1852

XV.

Думаю, извѣстно вамъ, что я черезъ графа Николая Александровича Протасова представилъ Государынѣ Цесаревнѣ икону съ частію мощей Великомученика Пантелеймона. При семъ я не осмѣлился писать къ Ея Императорскому Высочеству. Но Ея Высочество не только благоволила удостоить милостиваго рескрипта, но даже изрекла мнѣ слово утѣшенія въ моей личной скорби о кончинѣ моей родительницы. Можете представить себѣ, какъ велико для меня было сіе утѣшеніе въ моей скорби, и вмѣстѣ какъ сладостно видѣть сіе челолюбивое движеніе сердца Государыни Цесаревны, сіе, такъ сказать, семейное снисходительное чувство къ вѣроподданымъ.

*) Этой записки не имѣемъ. П. Б.

Болѣзнь, бывшая слѣдствіемъ того, что, имѣя уже простуду, по обстоятельствамъ нѣсколько дней употреблялъ себя, какъ здороваго, не тотъ часъ позволила мнѣ исполнить дань глубочайшей благодарности. Теперь покорнѣйше прошу поднести Ея Императорскому Высочеству мое смиренное писаніе.

Въ Москвѣ
Апрѣля 3. 1853.

XVI.

И письмо Ваше пришло ко мнѣ, какъ добрый гость, и предметъ его блеснулъ мнѣ, какъ лучъ свѣта.

Слава благодати Божіей, согрѣвающей сердца Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Благовѣрной Супруги Его любовію къ Богу и къ святымъ Его! Да пребываетъ съ ними и да прострется и на чада Ихъ сія благодать, и да исполнить мира и радости жизнь Ихъ, внутренняго и внѣшняго.

Мысль Ихъ Императорскихъ Высочествъ устроить крестъ и малое Евангеліе, для употребленія при мощахъ Преподобнаго Сергія, хорошо исполнить такъ, какъ она дана Ихъ сердцу. И я не имѣю предно-сить лучшей. Даръ Ихъ Высочествъ и заключенная въ немъ молитвенная мысль всегда будутъ близъ Преподобнаго Сергія. Дѣло Ихъ благочестія будетъ предъ глазами богомольцевъ, и сіе для нихъ будетъ и радостію, и назиданіемъ.

Въ Москвѣ
Марта 10. 1853.

XVII.

По повелѣнію Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, препровожденные при отношеніи вашего высокопревосходительства, отъ 30 дня Іюня № 1120, золотой крестъ, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями, и Евангеліе, украшенное золотомъ и драгоценными камнями, приносимые Ихъ Императорскими Высочествами Преподобному Сергію, для всегдашняго употребленія, въ служеніи молебновъ, при святыхъ мощахъ его, получены мною Іюля 2 дня, въ Москвѣ, гдѣ, я назначивъ себѣ утромъ сего дня отъѣздъ въ Лавру, принужденъ былъ остаться по болѣзни. Господь не лишилъ однако меня утѣшенія моимъ служеніемъ представить Преподобному Сергію благочестивое приношеніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Какимъ образомъ сіе произошло, о томъ прилагаю при семъ особую записку.

Обстоятельство, что крестъ и Евангеліе открыто несены были предо мною во время соборнаго шествія къ литургіи неизлишнимъ почитаю объяснить. Сіе нужно было, чтобы ихъ видѣлъ и тотъ многочисленный народъ, пришедшій на праздникъ, который, не вмѣщаясь въ Церкви, слушаетъ Божественную службу, стоя около Церкви, и не все слышитъ происходящее въ ней. Чрезъ сіе распоряженіе благочестивое приношеніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ сдѣлалось тотчасъ видимымъ и извѣстнымъ всему народу и распространило въ немъ радость о благочестивомъ Ихъ дѣяніи.

Донесите Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, что мы, настоятель и братія Сергіевы Лавры, съ благоговѣйною радостію приедемъ послушаніе повелѣнію Ихъ о всегдашнемъ употребленіи дарованныхъ ими креста и Евангелія при мощахъ Преподобнаго Сергія.

№ 271

Въ Москвѣ

7 Іюля. 1853.

Праздникъ обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія въ Лаврѣ его имѣлъ въ нынѣшнемъ году необыкновенное приращеніе торжественности.

Іюля 2 дня, доставлены въ Москвѣ настоятелю Лавры, митрополиту Московскому, отъ Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича и Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Александровны золотой крестъ украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями и Евангеліе также украшенное золотомъ и драгоценными камнями, приносимые Ихъ Императорскими Высочествами Преподобному Сергію, съ назначеніемъ для употребленія оныхъ въ служеніи молебновъ, при святыхъ мощахъ его. 3-го дня митрополитъ съ симъ даромъ Ихъ Высочествъ прибылъ въ Лавру.

4-го дня, въ навечеріи праздника, въ три часа по полудни, совершалъ онъ въ Троицкомъ соборѣ соборное молебное пѣніе Преподобному Сергію, съ приглашеніемъ многотлѣтія Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, а потомъ въ шесть часовъ вечера всенощное бдѣніе.

5-го дня, въ самый праздникъ, когда митрополитъ, по Лаврскому чину, шелъ изъ своихъ келій, въ мантии, въ предшествіи архимандритовъ, старшей братіи Лавры, протоіереевъ и прочаго клира въ Троицкій соборъ для совершенія литургіи, предъ нимъ ризничій несъ вышеозначенные крестъ и Евангеліе на блюдѣ, покрытомъ пеленою. Предъ начатіемъ литургіи, оныя положены были среди церкви на украшенномъ тетраподѣ, и совершенно установленный чинъ освященія съ молитвою о Принесшихъ сіе Богоугодное приношеніе.

По освященіи митрополитъ, имѣя близъ себя намѣстника Лавры, несшаго крестъ и Евангеліе на блюдѣ, приблизился къ мощамъ Преподобнаго Сергія и произнесъ слѣдующія слова: „Къ тебѣ, Преподобне и Богоносне Отче Сергіе, дерзну ли азъ недостойный простерти слово, кромѣ слова молитвы церковной, которому даютъ дерзновение сама Церковь и ея уставъ? И нужно ли слово извѣщенія тебѣ, которому дано видѣть не только наше видимое, но и наше невидимое, дабы милость, являемая тобою прибѣгающимъ къ тебѣ, соглашаема была съ истинною пользою просящихъ милостей? Но движенію

сердца уступая и предстоящему народу желая сотворить радость, изглашаю предъ тобою то, что ты прежде слова уже слышишь.

Се тебѣ священное приношеніе отъ Благовѣрныхъ Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича и Государыни Цесаревны Великія Княгини Маріи Александровны. Прими сію жертву вѣры и благоговѣйнаго усердія, вознеси ее ко Христу Богу нашему, испроси отъ Него силою твоею молитвою, и подаждь, и подавай выну, обиліе благословеній принесшимъ и благочестивѣйшимъ Родителямъ Ихъ и Благовѣрнымъ чадамъ Ихъ.

Тебя чтутъ Они и вмѣстѣ Христа Бога нашего прославляютъ: ибо приносятъ Его Божественное Евангеліе и Его животворящій крестъ. Умоли, да исполнится на Ихъ слово Господне: „прославляющіе *Мя прослаблю*“.

Православные же люди, слышащіе Евангеліе сіе, осѣняемые крестомъ симъ, да осѣняются и исполняются благодатію Господнею и съ тѣмъ вмѣстѣ да воспоминаютъ благочестіе Царскаго рода, и да радуются о немъ, и да утверждаются сами во благочестіи памятью *высокаго примѣра*“.

По семъ крестъ и Евангеліе митрополитъ возложилъ на мощи Преподобнаго Сергія.

Наконецъ крестъ перенесенъ митрополитомъ во святыи олтарь на престолъ, и первое употребленіе онаго было во время литургіи, въ архіерейскомъ крестномъ осѣненіи предстоящаго народа.

Вѣрно: Филаретъ М. Московскій.

XVIII.

Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было удостоить меня непосредственнаго милостиваго слова о дарованіи Ему отъ Бога радости.

Вслѣдствіе сего я возымѣлъ дерзновеніе вознести къ Нему смиренное слово и прилагаемое при семъ мое всеижайшее письмо покорнѣйше прошу Его Высочеству поднести.

Радуюсь особенно, что Господь даровалъ Ихъ Высочествамъ то, чего чреда была желать,—къ четверемъ сынамъ Дщерь.

Не забываю, что долженъ еще вамъ отвѣтить. Потерпите мои немощи.

Въ Москвѣ

Сентября 8. 1853.

XIX.

Посланные вамъ въ 14 день, мною сего дня полученные, вопросы, возникшіе по случаю разговора о придворной церкви Воскресенія Христова, поднимаютъ меня отъ немощи, которую принесъ я изъ путешествія по епархіи и которая тяготѣетъ надо мною нѣсколько уже дней.

Утѣшительно знать, что церковные предметы близки къ сердцу царственныхъ особъ и даже подробностями своими возбуждаютъ ихъ вниманіе и входятъ въ ихъ бесѣду.

Вопросъ первый.

Почему храмовой праздникъ храма Воскресенія Христова бываетъ 13 Сентября, а не въ день Пасхи?

Отвѣтъ.

Для полноты и ясности отвѣта нужно обратиться къ церковной исторіи.

Когда ветхозавѣтный Іерусалимскій храмъ былъ Римлянами разрушенъ и Іерусалимъ опустошенъ, христіане не перестали благоговѣть къ мѣсту страданія, погребенія и воскресенія Христова. Противодѣйствуя сему, Римскій императоръ Элій Адріанъ построилъ на мѣстѣ Іерусалима городъ и назвалъ его отъ своего имени *Элія*; холмы Голгоескій и гроба Господня велѣлъ засыпать и на сихъ мѣстахъ поставить истуканы языческихъ божествъ, думая въ семъ видѣть совершенную побѣду язычества надъ христіанствомъ.

Живый на небесахъ посмѣялся ему. Елена, мать Константина Великаго, низвергла идолы, велѣла снять насыпи, открыла каменные храмы Голгоѣы и гробъ Господень; и, какъ они были одинъ отъ другого недалеко, рѣшилась создать обширный храмъ, въ которомъ бы они вмѣстились (отъ чего храмъ сей и не имѣетъ симметрическаго расположенія всѣхъ частей). Константинъ Великій довершилъ созиданіе храма сего, созвалъ многихъ епископовъ для освященія его, и оно совершилось въ 13 день Сентября.

Теперь спрашивается, не долженъ ли былъ быть храмовымъ праздникомъ сего храма день Пасхи? Константинъ и іерархія отвѣтствовали: нѣтъ.

Во первыхъ, потому, что день Пасхи есть царь праздниковъ, полнота торжественности христіанской, всеобъемлющая радость, и потому не надо было присоединять къ ней меньшаго и частнаго празднованія, каково есть воспоминаніе освященія храма.

Во вторыхъ, потому, что въ ветхозавѣтномъ Іерусалимскомъ храмѣ праздновался день освященія его (Іоан. X, 22); слѣдственно и въ новозавѣтномъ, на мѣсто того поставляемомъ храмѣ, прилично было сдѣлать храмовымъ праздникомъ день освященія его.

Но поелику храмъ, созданный на мѣстѣ креста, погребенія и воскресенія Христова и сохраняющій въ себѣ истинный крестъ и гробъ Христовъ, по справедливости должно было признать храмомъ не города, не области, но всего христіанскаго міра: то признано было приличнымъ день освященія Іерусалимскаго храма праздновать во всѣхъ христіанскихъ церквахъ.

Когда же сіе празднованіе повсюду распространилось, то и всѣ христіанскіе храмы, созданные во имя Воскресенія Христова, по примѣру Іерусалимскаго и по вышеизложеннымъ причинамъ, стали праздновать своимъ храмовымъ праздникомъ Іерусалимскаго Воскресенскаго храма 13 день Сентября.

Вопросъ второй.

Что значить названіе: *словущаю воскресенія*?

Отвѣтъ.

Это названіе не церковное, а народное. Народъ видитъ храмъ Воскресенія Христова, ждетъ храмового праздника, и видитъ, что праздникъ сей совершается не въ Свѣтлое Воскресеніе, и часто (по перемѣнамъ церковныхъ временъ) совсѣмъ не въ Воскресеніе, а въ Понедѣльникъ или другой день недѣли, въ какой приходится 13 день мѣсяца.

Встрѣчая видъ несообразности и не зная исторіи, чтобы объяснить ее, народъ искалъ выраженія, чтобы отличить сей праздникъ отъ воскресныхъ дней, и далъ ему названіе словущаго, т. е. такъ называемаго Воскресенія. Онъ хотѣлъ сказать: это не Свѣтлое Воскресеніе, не воскресный день седмицы, но особый праздникъ, который хотя случается и не въ воскресный день, но словоетъ, прозывается Воскресеніемъ, потому что принадлежитъ храму воскресенія Христова.

Еще долженъ я вашему высокопревосходительству отвѣтить на вопросъ ранѣе данный. Простите медленность и потерпите мои немощи.

Въ Москвѣ

Сентября 17. 1853.

XX.

Отъ 16 Іюля до сихъ поръ удержанъ мною безъ отвѣта вашъ вопросъ, какое впечатлѣніе произвело на православныхъ приношеніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Преподобному Сергію, крестъ и Евангеліе, и между прочимъ относительно искусственнаго исполненія. Простите медленность. Къ моимъ замѣчаніямъ я хотѣлъ присоединить замѣчанія сдѣланныя другими, и потому не отвѣчалъ тотъ-часъ, а потомъ отвлеченъ былъ другими занятіями.

Помнится, уже писалъ я вашему высокопревосходительству, что когда крестъ и Евангеліе предо мною среди народа несены были въ церковь, весь народъ это увидѣлъ и, понявъ, изъявилъ радость о благочестивомъ дѣяніи Ихъ Высочествъ.

Вотъ что на мой вопросъ писали мнѣ изъ Лавры:

„Иные говорятъ: Спаси Господи Государя Наслѣдника и Супругу Его: это обновленіе древняго царскаго благочестія“.

„Иные говорятъ: видно, Государь Наслѣдникъ и Супруга Его любятъ предстателя земли Русской Преподобнаго Сергія, какъ и мы Его любимъ, и хотять, чтобы мы вмѣстѣ съ ними чтили его“.

Иные, прилагаясь къ мощамъ Преподобнаго Сергія, обращаются къ гробовому іеромонаху: дай, батюшка, приложиться къ Царевичеву кресту. Видите, что сіи рѣчи переданы такъ, какъ вышли изъ устъ простолюдиновъ.

Не знаю, чье выраженіе: *обновленіе древняго царскаго благочестія*. Есть-ли оно изъ устъ городского человѣка, то, вѣроятно, въ немъ заключается и та мысль, что крестъ самымъ искусственнымъ исполненіемъ напоминаетъ царскіе кресты въ великихъ ризницахъ.

Тѣ, у которыхъ вкусъ раскрытъ для сужденія о искусствѣ и о примѣненіи его къ предметамъ священнымъ, отдають совершенную справедливость искусственному устроенію сихъ креста и Евангелія.

Въ Москвѣ

Октября 11. 1853 г.

XXI.

Вы снисходительны ко мнѣ виноватому и тѣмъ дѣлаете меня болѣе виноватымъ. Вотъ письмо ваше отъ 21 Октября, а я не далъ еще отвѣта на написанное 23 Сентября.

Особенно виню себя въ томъ, что не отвѣчалъ тотчасъ на первую часть Вашего письма. Впрочемъ ваши собственныя мысли и чувствованія не отвѣчали ль уже за меня, когда вы писали ко мнѣ? Надобно ли слова и удостовѣренія, что я нашелъ себя щастливымъ, узнавъ, что Ея Императорское Высочество изволила благосклонно принять мой посильный отвѣтъ на предложенный мнѣ вопросъ; и опять найду себя щастливымъ, есть ли вновь удостоенъ буду вопроса, и сколько *нибудь* умѣть буду дать отвѣтъ.

Здѣсь я остановлюсь, и что надобно писать еще, для того позвольте мнѣ употребить чужую руку. Ибо я замѣтилъ, что мой почеркъ для васъ затруднителенъ; а онъ становится еще хуже, когда надобно писать много и спѣшить.

Въ Москвѣ

Октября 27.

1853.

XXII.

Отношеніемъ отъ 9 дня сего Ноября № 1841 ваше высокопревосходительство, упомянувъ о намѣреніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ по случаю рожденія Великія Княгини Маріи Александровны сдѣлать приношеніе въ обитель Святителя Алексія, требуете моего мнѣнія, въ чемъ бы могло состоять такое приношеніе и не было ли бы прилично, что, бы нѣчто было устроено къ мощамъ каждаго изъ тріехъ святителей Московскихъ, въ празднованіи которыхъ совершилось рожденіе Великой Княгини.

Чтобы приношеніе могло относиться ко всѣмъ тріемъ святителямъ, хорошо было бы приспособить оное къ общей ихъ иконѣ: но такой иконы нѣтъ въ иконостасахъ Успенскаго собора и Чудова монастыря. Въ праздникъ тріехъ святителей поклоненіе, кажденіе и цѣлованіе относится къ присутствующимъ святымъ мощамъ и къ иконамъ, полагаемымъ на аналоѣ.

Есть-ли приношеніе предполагается въ обитель Святителя Алексія: оно по моему мнѣнію съ приличіемъ и съ назидательною видимостію состоять можетъ въ крестѣ, который бы всегда находился на мощахъ Святителя Алексія, для употребленія при служеніи молебновъ. По назначенію для всегдашняго употребленія крестъ сей не требуетъ значительныхъ украшеній, дабы менѣе заботливо было храненіе.

Есть-ли благоизволено будетъ, чтобы приношеніе было къ мощамъ святителей Петра и Іоны: можетъ быть предложено тоже. Или есть-ли неугодно будетъ единообразіе: то къ мощамъ Святителя Іоны можетъ быть устроено малое Евангеліе для чтенія на молебнахъ, а къ мощамъ святителя Петра малая лампада для возженія елея, которая здѣсь, по положенію мощей, особенно будетъ прилична.

Слава Богу, глаголющему благое въ сердцахъ возлюбленныхъ нашихъ Благовѣрнаго Первенца Царева и Благовѣрныхъ Супруги Его!

Ноября 17.

1853.

XXIII.

Въ начавшейся брани между державою Благочестивѣйшаго Императора нашего, защитника Святыхъ Христіанскихъ мѣстъ и единовѣрныхъ народовъ, и между нехристіанскою державою, угнетающею сіи народы, Господь явилъ Благочестивѣйшему Императору нашему Свою помощь и защиту, даровавъ Ему славныя побѣды на сушѣ и на морѣ. Но, видно, врагъ еще не довольно симъ вразумился.

При предусмотрѣннѣи продолженія войны, вѣрноподданическое чувство возбуждается, чтобы споспѣшествовать общему царственному подвигу, какъ ревностнымъ исполненіемъ требуемаго по долгу, такъ, по мѣрѣ возможности, и дѣломъ свободного усердія.

Для сего нахожу я со вѣренными непосредственному управленію моему обителями возможнымъ и желательнымъ представить нынѣ отъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, отъ каедральнаго Чудова монастыря и приписнаго къ нему Николо-Перервинскаго монастыря 50.000 рублей серебромъ.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, доложить о семъ Государю Императору и повергнуть къ стопамъ Его Величества мою всеподданѣйшую просьбу, да удостоитъ Благочестивѣйшій Государь Всемилостивѣйше повелѣтъ вышеозначенная пятьдесятъ тысячъ рублей, какъ вѣрноподданическое приношеніе, принять на настоящія потребности Православныхъ воиновъ и войны.

Въ подлинникѣ, Императоръ Николай Павловичъ написалъ карандашемъ:

„Душевно благодарю, но предлагаю назначить сіе церковное пожертвованіе на возстановленіе и устройство Божіихъ храмовъ въ христіанскихъ православныхъ областяхъ тогда, когда благословитъ насъ Господь избавить ихъ отъ мусульманскаго ига или, по крайней мѣрѣ, возстановить ихъ нарушенныя права“.

XXIV.

Требовать изволите моего мнѣнія о способѣ исполнить желаніе ваше имѣть въ Ершовѣ *) домовую церковь потомственную.

Законъ говоритъ только о домовоѣ церкви пожизненной и предлагаетъ для нея условія, а о потомственной не говоритъ, такъ какъ условій нельзя обезпечить потомственно.

Испросить вамъ домовую церковь пожизненную для васъ и для Вашей супруги затрудненія не представляется.

По примѣрамъ можно предполагать, какъ могло бы продолжиться ея существованіе далѣе. Есть ли церковь устроена будетъ не внутри дома, а какъ зданіе отдѣльное, соединенное съ домомъ переходомъ или галлереєю: то когда придетъ предѣлъ ея существованію въ качествѣ домовоѣ, епархіальное начальство безъ затрудненія можетъ переименовать

*) Село Ершово, Звенигородскаго уѣзда, близъ Савина монастыря, старинное помѣстье, доставшееся В. Д. Олсуфьеву отъ его бабки Марьи Васильевны (рожд. Салтыковой). Ершово нынѣ принадлежитъ старшему сыну В. Д. Олсуфьева графу Алексѣю Васильевичу. Домовоѣ церкви въ селѣ нѣтъ, а есть домовая часовня. П. Б.

ее въ приписную, и такимъ образомъ продолжить ея существованіе и прежнее употребленіе.

Вотъ все, что могу сказать.

Марта 26

1854 г.

XXV.

Съ глубокою благодарностію принялъ я вниманіе Государыни Цесаревны къ подробностямъ нынѣшняго дня и разрѣшеніе мнѣ отправиться благовременно въ Лавру, куда и отправляюсь теперь, сдѣлавъ распоряженіе для Москвы.

Въ Успенскомъ соборѣ имѣть срѣтить Ея Императорское Высочество синодальничій членъ архіепископъ Евгеній, управляющій Донскимъ монастыремъ.

Полагаю, что Ея Высочество, по прибытіи въ Лавру, будетъ въ Троицкомъ соборѣ слушать краткое молебствіе, потомъ изволитъ имѣть нѣкоторое отдохновеніе въ своихъ комнатахъ, и потомъ прибудетъ въ соборъ для слушанія всенощной.

Для соблюденія порядка мнѣ полезно было бы узнать благовременно, такъ-ли будетъ. Или, можетъ быть, непосредственно по прибытіи угодно будетъ слушать полный молебенъ? Есть ли можно узнать сіе, Вы могли бы послать мнѣ о семъ ваше слово съ кѣмъ либо изъ передовыхъ.

Маія 13. 4 часа утра

1854 г.

XXVI.

Принесши Царю царствующихъ въ Успенскомъ Соборѣ молитву о здравіи, мирѣ и спасеніи Великихъ и Высокихъ, возлюбленныхъ во Господѣ, оѣннивъ православный народъ тѣмъ крестомъ и прочитавъ Евангеліе по той книгѣ, которые суть памятники благочестія Государа Цесаревича и Государыни Цесаревны, улучаю нѣсколько уже дней искомое время писать къ вашему превосходительству.

Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Цесаревнѣ благоугодно было, въ бытность въ Сергіевой Лаврѣ, изъявить желаніе имѣть икону Святителя Алексія и Преподобнаго Сергія. Для исполненія сего, чтобы икона представляла не произвольное, а историческое сближеніе обоихъ святыхъ, избранъ моментъ, когда Святитель Алексій предлагаетъ Преподобному Сергію преемство своего святительства. Икона написана Лаврскимъ художествомъ и освящена на мощахъ Преподобнаго Сергія. Препровождая оную при семъ, покорнѣйше прошу пред-

ставить Ея Высочеству, и да приидеть съ симъ знаменіемъ благодатное благословеніе обоихъ святыхъ Благовѣрной престолонаслѣдной Четѣ и чадамъ Ея.

Поелику подобную икону изъявила желаніе имѣть Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна: то и сію при семъ препровождая, покорнѣйше прошу принять трудъ и представить Ея Императорскому Высочеству и да будетъ сіе во благодатное благословеніе Благовѣрной Матери и чадамъ Ея.

Сентября 5

1854 г.

XXVII.

Препровождая икону, я не дерзнулъ писать къ Государынѣ Цесаревнѣ, но теперь возымѣлъ сіе дерзновеніе, получивъ на то право снисхожденіемъ Ея Императорскаго Высочества.

Пріимите трудъ поднести Ей мое смиренное письмо.

Правду говорите, что составляющіе подписку на дорогія Итальянскія зрѣлища могли бы догадаться, что деньги можно употребить лучше, особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ отечества. Мнѣ случилось въ Москвѣ, когда въ великій постъ одни занимались увеселеніями, а другіе роптали, для чего не запретять, сказать въ церкви, что правительство смотритъ на многолюдство, какъ на дѣтей и, можетъ быть, опасается, чтобы по смѣшенію одной съ другими они не взялись за какую нибудь худшую. Но вы зачѣмъ остаетесь дѣтьми? Для чего не разсуждаете и не поступаете основательнѣе, чрезъ что суета прекратилась бы сама собою и правительство конечно было бы довольно? Такъ надо говорить народу. Но тѣмъ, которые имѣютъ силу и даютъ примѣръ, началъ бы тихонько: представьте смотрящимъ на васъ не образъ любителей пріятнаго, но образъ людей съ важностію и основательностію дѣйствующихъ соотвѣтственно важному времени. Впрочемъ, быть можетъ, предметъ сей имѣетъ старину, но только я не вижу, и потому умолкаю.

Господь да сохранитъ васъ и семейство ваше подъ святымъ Своимъ покровомъ въ здравіи, мирѣ и благоденствіи.

Въ Москвѣ

Октября 22

1854.

XXVIII.

Воплощенный Сынъ Божій, пришедшій проповѣдать лѣто Господне пріятно земнороднымъ, да благословитъ вамъ вступленіе въ новое лѣто,

и да сдѣлаетъ оное для васъ лѣтомъ благодати, мира и благоденствія. Да призрѣтъ Онъ окомъ милосердія на отечество наше, и да совершитъ защищеніе онаго, начавъ судомъ Своимъ надъ врагами его.

Простите мою немощь, что такъ долго не отвѣчалъ на Вашъ вопросъ. Есть обычай въ православной церкви не давать именъ младенцамъ отъ имени Божіей Матери. И это смиренно и благоговѣнно. И хорошо послѣдовать ему. А можно ли и отступать отъ сего? Непомню, какое-то особенное обстоятельство расположило меня, при постриженіи келейной игуменіи Маріи, позволить ей имѣть вмѣсто дня своего тезоименитства день Введенія Божіей Матери во храмъ. Казалось не неприличнымъ сіе: потому что вступленіе въ монашество есть посвященіе Богу, и дѣвствомъ или покрайней мѣрѣ вдовствомъ цѣломудреннымъ, сильное подражаніе дѣвству Пресвятыя Дѣвы. Однако, видно, иные не такъ сіе поняли, и кто-то неизвѣстный изъ дальняго города написалъ мнѣ за сіе упрекъ. Слово же Божіе велитъ удерживаться и отъ невинныхъ, но не необходимыхъ дѣлъ, когда онѣ могутъ смущать другихъ, и есть ли бы получившая имя отъ Божіей Матери вступила въ супружество, не стала ли бы и ее смущать мысль: ношу имя Приснодѣвы и не дѣвствую. Кто речетъ Божіей Матери: желалъ бы нареци младенца Твоимъ именемъ и не дерзаю, тотъ пріобрѣтетъ своему младенцу покровительство Божіей Матери.

Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ напечатать акаѣистъ Божіей Матери и ничего не сказалъ относительно употребленія его въ церкви. Въ семъ есть значеніе, и можетъ быть, значеніе Провидѣнія Божія. Не погрѣшимъ, есть-ли не вступимъ на путь, котораго Святѣйшій Синодъ не указалъ. Изъ житія древнихъ святыхъ молитвенниковъ святая церковь имѣетъ акаѣисты Іисусу Сладчайшему и Божіей Матери, которые слушающій, молясь и славослова, съ тѣмъ вмѣстѣ оглашается и догматами вѣры, и сказаніями священной исторіи, и назидательными ученіями. И не по произволу отцы составляли церковныя пѣснопѣнія, а по особымъ указаніямъ Провидѣнія Божія. Скудна ли была церковь до нашихъ произвольныхъ сочиненій? Больше ли древнихъ, полныхъ глубокимъ содержаніемъ акаѣистовъ напѣваетъ душу новое сочиненіе, въ которомъ на нѣсколькихъ страницахъ въ обиліи словъ содержится одна мысль, что Божія Матерь являетъ человѣкамъ помощь въ разныхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ? Чту благочестивое усердіе, возбудившееся, чтобы принести новую похвалу Превышей всѣхъ похвалъ человѣческихъ и Ангельскихъ; но справедливость требуетъ преимущественно благоговѣть предъ древнимъ преданіемъ святая церкви и святыхъ отецъ. Размышленія требуютъ вопросъ: надобно ли отцепредан-

ныя церковныя молитвословія по произволу уменьшать новыми, когда мы къ прискорбію должны признаться, что узаконенныя церковныя молитвословія исполняемъ или поспѣшно или съ сокращеніемъ?

Есть ли угодно вашему высокопревосходительству знать мое мнѣніе, вотъ оно: доброе дѣло учредить въ Троицкой церкви села Ершова, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, по всенощномъ бдѣніи и литургіи, молебное пѣніе съ древнепреданнымъ въ православной церкви акаѳистомъ Божіей Матери.

Въ Москвѣ

Декабря 31

1854.

XXIX.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Укрѣпляю мысль мою словомъ святыя церкви. Милостивый и долготерпѣливый Господь, наказавъ насъ бывшія печали посѣщеніемъ, се изобильно исполнилъ радости сердца наша, оправдавъ надъ нами царствованіе возлюбленнаго Ему Благочестивѣйшаго Императора Александра. Привѣтствую симъ даромъ Божіимъ Россію, привѣтствую и васъ. Да будетъ и пребудетъ Онъ возлюбленъ Господу наслѣдственными добродѣтелями, благочестіемъ, благостію, любовію къ вѣрноподаннымъ, ревностію о правдѣ и о благѣ ввѣреннаго Ему царства. *Да послетъ Ему Господь помощь отъ Святаго, и отъ Сіона небеснаго да заступитъ Его. Господи, силою Твоею да возрадуется Царь, и о спасеніи Твоемъ да возрадуется зѣло.*

Едва я удержался, чтобы не вознести моего смиреннаго слова къ Государю Императору; однако удержался, опасаясь, не значило ли бы сіе поставить себя выше законнаго условія. Довлѣетъ для меня долгъ и утѣшеніе взывать къ Царю Царствующихъ о Немъ и о Супругѣ Его и о Наслѣдникѣ Его.

Вчера часъ провозглашенія начавшагося царствованія былъ мирень и торжественъ. Кремль былъ полонъ, и я между двумя стѣнами народа достигъ Церкви. Она была наполнена такъ, что я нескоро достигъ алтаря. Выпедъ изъ алтаря въ облаченіи, въ сопровожденіи прочаго духовенства, съ Высочайшимъ манифестомъ въ рукахъ, я остановился на предолтарномъ амвонѣ и, когда предъ начатіемъ чтенія положилъ на всѣхъ крестное знаменіе, всѣ присутствующіе сдѣлали тоже. Потомъ прочтенъ мною Высочайшій манифестъ при глубокомъ безмолвіи предстоящихъ. Впрочемъ я немного могъ наблюдать занятый борьбой въ себѣ, чтобы слезы не воспрепятствовали произносить трогательныя слова Царевы. Потомъ молитвословіе, молитва и многолѣтіе Государю Импе-

ратору. Затѣмъ произнесъ я присягу, и гласно вторили предстоящіе. Долго стоялъ я, держа на Евангеліи Крестъ и смотря на тѣснящихся наперерывъ къ Евангелію и Кресту, помышлялъ: такъ всегда будьте ревностны къ исполненію воли Царевой.

Въ Москвѣ
Февраля 21
1855.

XXX.

За все, что содержится въ письмѣ Вашемъ отъ 24 дня (полученномъ мною 27), примите мою всепризнательнѣйшую благодарность.

Въ словѣ Ея Императорскаго Величества, что ждутъ отъ меня писемъ, вижу великое снисхожденіе къ моему смиренію, и вмѣстѣ, какъ бы обвиненіе, что медлю и дѣлаюсь причиною ожиданія. Богъ видитъ, что по испытанному мною снисхожденію ко мнѣ и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Государыни Императрицы Маріи Александровны, душа моя съ особенною преданностію обращена къ Нимъ, но писать къ Нимъ почитаю дерзновеніемъ, которое боюсь себѣ позволить.

Только услышавъ, что Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна позволяетъ мнѣ написать къ ней, я написалъ и представилъ Ея Величеству мое письмо просилъ князя Сергія Михайловича *).

Теперь, услышавъ отъ Васъ милостивое слово Государыни Императрицы Маріи Александровны, дерзаю писать къ Ея Величеству и прошу васъ, милостивый государь, поднести мое смиренное письмо.

До восхищенія радостная вѣсть, что Государь Императоръ, съ первыхъ часовъ своего царствованія, возбудилъ къ себѣ благоговѣніе во всѣхъ, которые Его видѣли и слышали, неоднократно до меня дошла. Слава Богу! При семъ и благодареніе въ Божѣ почившему Государю, который царствовалъ для своего и для нынѣшняго царствованія, дѣятельно приготавливая своего Наслѣдника къ царствованію.

Въ Москвѣ
Февраля 28
1855.

Худо пишу, и особенно когда хочу писать лучше. Прошу не прогнѣваться. Въ пасмурный день или при огнѣ очки худо помогаютъ.

*) Голицына. П. Б.

XXXI.

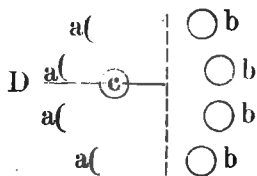
Да возвыситъ Господь величіе великихъ и нисходящихъ къ смиреннымъ и да вознесетъ кроткихъ во спасеніе!

Когда я писалъ къ Ея Императорскому Величеству, я имѣлъ уже утѣшеніе и награду въ томъ, что мнѣ даровала сія свобода. Но Ея Величеству и въ сихъ обстоятельствахъ благоугодно было снизить и найти время сказать мнѣ милостивое слово. Не могу заслужить сего: могу только благодарить и молиться.

Поелику вамъ угодно было говорить о упавшемъ колоколѣ: то буду продолжать сію рѣчь и отвѣчать на Ваши мысли.

Когда сіе случилось, мы занялись дѣломъ, и старались никого не беспокоить словами: потому что я, по прежнимъ въ подобныхъ обстоятельствахъ опытамъ, ожидалъ разнорѣчивыхъ сужденій, хотя колоколъ не только разсудку, но и предразсудку не давалъ основанія къ безконечнымъ заключеніямъ. Это колоколъ не первый: колоколъ, въ который благовѣстятъ для Царя, пребываетъ невредимъ. Колоколъ не разбился, а сдѣлалъ нападеніе на три свода и ихъ побѣдилъ. Желѣзный болтъ, сдѣланный въ 1814 году изъ худого (какъ теперь открылось) желѣза, вслѣдствіе долгаго употребленія и колебанія, при дѣйствіи мороза, переломился, переждавъ важное время: торжественныя минуты звона во время многолѣтія Государю Императору и присяги прошли. Звонъ продолжался, въ замѣнъ того, что если бы присяга была поутру, надлежало бы звону быть во весь день. Многочисленный народъ съ колокольной удалился. Звонарь, который во время звона бываетъ надъ колоколомъ, вышелъ изъ подъ него, ожидая смѣны, и посредствомъ веревки продолжалъ давать движеніе языку колокола. Въ сіе время колоколъ упалъ, оставя звонаря въ покоѣ. Другой звонарь, вѣроятно, шедшій на смѣну, не помнитъ отъ страха, какъ упалъ колоколъ; но колоколъ опустился и остался цѣлъ. Жена одного изъ звонарей или сторожей, живущихъ подъ колокольною, вынесла изъ комнаты въ сѣни самоваръ и возвратилась въ комнату, чтобы взять лучины и огня, развести огонь въ самоварѣ: въ сіе время колоколъ не пощадилъ самовара, а женщина осталась невредима. Къ одному изъ звонарей пришли двѣ родственницы: колоколъ не обязанъ былъ беречь ихъ, потому что онѣ пришли не къ подвижности, а для угощенія.

Теперь дамъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: надежно-ли поднять колоколъ? Лишиться его было бы жалъ: онъ одинъ изъ лучшихъ по звуку. Вотъ въ какомъ положеніи голова его:

a—уши потерянные въ 1812 году.

b—уши сохранившіяся.

c—средняя возвышенность, къ которой примыкали уши.

d—болтъ, который переломился.

Видите, что сохранившіяся уши могутъ держать только около трети тяжести двухъ тысячъ пудовъ, и около двухъ третей сей тяжести держалъ этотъ несчастный желѣзный болтъ. Я его не зналъ до приключенія. А въ 1852 году насъ озабачивалъ большой первый колоколъ. и мы съ Синодальною Конторою вызывали архитекторовъ для осмотра всѣхъ колоколовъ; тогда они сказали, что у колокола Реута (нынѣ упавшаго) надо бы подкрѣпить желѣза. Мы дали денегъ и успокоились по удостовѣренію, что предложенное архитекторами сдѣлано исправно. Теперь мы требуемъ совѣта архитекторовъ и экспертовъ, и между тѣмъ думаемъ, что подобный прежнему болтъ не обезпечитъ насъ, а что надобно просверлить верхъ колокола и пропустить желѣзные уши. Въ Троицкой Лаврѣ колоколъ 1200 пудовъ вѣса былъ неудачно вылитъ безъ ушей. Онъ просверленъ, даны ему желѣзные уши, и онъ поетъ около ста лѣтъ, какъ одинъ изъ лучшихъ колоколовъ *).

Простите длиннословіе. Призывая вамъ благословеніе Божіе.

Москва

Марта 14

1855 г.

XXXII.

Теперь, въ 5 часу вечера, узналъ я, что нынѣ утромъ по Высочайшему повелѣнію, присланъ былъ оберъ-гофмейстеру по телеграфу вопросъ: окончены-ли исправленія въ Успенскомъ соборѣ, и что отвѣтъ данъ неясный и неудовлетворительный.

*) Я былъ (съ В. А. Елагинымъ) на Соборной площадкѣ, когда упалъ Реутъ. Заваленныхъ переносили въ зданіе, гдѣ церковь Дѣвятинадцати Апостоловъ. Впечатлѣніе было страшное. Мы слышали, какъ въ толпѣ кто-то громко говорилъ: вотъ онъ теперь ѣстъ мясо, а Константинъ держитъ посты. Предчувствія тѣснились въ душу новой Императрицы. Позднѣе рассказывали, что она въ бесѣдѣ съ Филаретомъ выразилась, что не даромъ носить она имя Маріи. Митрополитъ не понималъ, къ чему это сказано. Государыня назвала Марію Антуанету. П. Б.

Представляю болѣе ясный видъ дѣла.

Возобновленіе постѣннаго иконописанія въ соборѣ къ половинѣ сего Августа доведено до того, что въ главномъ алтарѣ, въ верхнемъ предѣлѣ, въ куполахъ, на стѣнахъ, на сводахъ и на стѣнахъ отъ верха и ниже оконъ совсѣмъ окончено. Неокончено только въ нижней части стѣнъ, особенно западной. Иконостасы на южной и сѣверныхъ сторонахъ поставлены, но еще не вызолочены, и иконы въ нихъ, перенесенныя отъ столбовъ, поставлены временно для праздника. Поелику, такимъ образомъ, соборъ получилъ благообразный видъ, то въ навечеріи праздника Успенія Божіей Матери совершенно освященіе возобновленнаго, и въ праздникъ было въ немъ торжественное священнослуженіе. Посѣтителы находятъ, что соборъ сдѣлался просторнѣе, свѣтлѣе, доступнѣе зрѣнію и слышанію и въ дали стоящихъ, и вмѣстѣ съ благолѣпіемъ получилъ свой первоначальный внутренній архитектурный видъ. Нѣкоторые такъ заняты и удовлетворены были общимъ видомъ собора, что, по ихъ словамъ, только при выходѣ примѣтили неоконченныя мѣста. По совершеніи праздника неоконченныя работы продолжаются.

Остается еще неоконченными стѣнное написаніе въ Петровскомъ предѣлѣ; но какъ онъ находится за новымъ иконостасомъ, то неоконченность его не вредитъ общему виду собора.

Работы по стѣнамъ собора предполагается окончить къ половинѣ будущаго Сентября; а въ Петровскомъ предѣлѣ къ половинѣ Октября.

Долгомъ поставлю изложить сіе вашему высокопревосходительству на тотъ конецъ, не изволите-ли найти нужнымъ довести сіе до Высочайшаго свѣдѣнія.

Въ Москвѣ

Августа 15. 1855.

XXXIII.

Сего дня послѣ полудня получилъ я отъ вашего высокопревосходительства вопросъ. „Можно-ли, не нарушая церковныхъ чиноположеній и обычаевъ, безъ соблазна, повѣнчать Ихъ Императорскія Высочества 19 Февраля, въ мясопустное Воскресеніе послѣ обѣдни, и нѣтъ ли тому примѣровъ“.

Поспѣшаю отвѣтствовать.

Кормчей Книги въ главѣ 50 сказано: *да вѣсть іерей и добръ памятуеть, что отъ мясопустныхъ недѣль великаго поста далъ до Ожины недѣли, вѣнчанія и благословенія брачная отъ церкви запрещена и удержана суть; да никто-же убо отъ іерей дерзнетъ подъ лютою правильною казнію.*

На моей памяти въ Петербургѣ, при митрополитѣ Амвросіи, правило сіе не строго соблюдаемо было, и онъ разрѣшалъ совершать браки въ мясопустное Воскресеніе, во вниманіе къ нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ. Но когда вступилъ въ управленіе Петербургскою епархіею митрополитъ Михаилъ, онъ заблаговременно въ Рождественскій мясоѣдъ поручилъ приходскому духовенству объявить прихожанамъ, чтобы желающіе вступить въ бракъ не откладывали сего до мясопустнаго Воскресенія, потому что разрѣшенія не будетъ.

Въ Москвѣ вышеозначенное правило соблюдается. Изрѣдка случилось мнѣ разрѣшать вѣнчаніе браковъ въ мясопустное Воскресеніе для военнотружашаго, который вскорѣ долженъ отправиться въ походъ или въ иное мѣсто служенія и не можетъ возвратиться для совершенія брака послѣ Пасхи. Такое изъятіе изъ правила довольно сильно защищаемо было необходимостію и, не распространяя своей гласности далѣе одной церкви и прихода, не было соединено съ большими опасеніями соблазна.

Бракъ Сына Высочайшей Фамиліи будетъ предъ очами всея Россіи. Большинство православнаго народа, не умствуя, преемственно отъ предковъ благоговѣетъ къ церковнымъ правиламъ и обычаямъ, и скорѣе скажетъ: жаль, что церковное правило нарушено, нежели разсудить, что нарушенное правило не изъ числа важныхъ.

Въ Москвѣ есть особенно строгіе ревнители самыхъ малыхъ подробностей церковнаго порядка.

Особенно раскольники стараются уловлять случаи, гдѣ власть, по ихъ мнѣнію, уклоняется отъ отеческихъ преданій, и усиливаются тѣмъ увѣрять своихъ единомышленниковъ, что власть неправославна.

Вотъ нѣкоторые примѣры въ томъ родѣ, но ведущіе къ заключенію, какъ будутъ смотрѣть на предметъ, теперь разсматриваемый.

На сихъ дняхъ я получилъ безъимянное письмо, въ которомъ просятъ, чтобы въ день Великомученицы Екатерины во всѣхъ церквяхъ читали одно Евангеліе, хотя и другое, читаемое нѣкоторыми священниками, не противно уставу. На сихъ же дняхъ получилъ я два безъимянныхъ письма, въ которыхъ жалуются, что нѣкоторые праздничные дни, напримѣръ Воздвиженіе Креста Господня, сдѣланы учебными; и по особенной потребности умиловивлять Бога при настоящихъ обстоятельствахъ отечества, побуждаетъ меня ходатайствовать за честь праздниковъ.

Особенное обстоятельство, которое сдѣлалось причиною вопроса, мнѣ предложеннаго, есть трауръ. Въ 48 главѣ Кормчей Книги есть о семъ правило: *стѣваніе отца или матери не творить пакости, бракъ*

творити сътующимъ, то есть трауръ по отцѣ или матери не составляетъ неприличія для совершенія брака въ траурное время.

По моему мнѣнію, лучше сохранить церковное правило, хотя оно не высшей важности, а удобнѣе сдѣлать изъятіе изъ правилъ траура, что совершенно зависитъ отъ воли Государя Императора. Коронованіе блаженныя памяти императора Николая Павловича происходило въ періодъ траура. Сколько помню, тогда повелѣно было снять трауръ во всей Московской губерніи на все время пребыванія Государя Императора въ Москвѣ.

Такъ же удобно по случаю бракосочетанія Сына Высочайшей Фамиліи снять трауръ въ Петербургѣ недѣлями двумя ранѣе общаго срока, и тогда найдется для брака день ранѣе церковнаго предѣла, и притомъ не такой день, который стоялъ бы рядомъ со днемъ весьма печальнымъ.

Господь да благословить и совершить съ благими надеждами бракъ Государя Великаго Князя Николая Николаевича и Государыни Принцессы Александры Петровны.

Не завѣщаль-ли въ Божѣ почившій Императоръ настоящаго затрудненія, когда завѣщаль сокращать трауръ?

Въ Москвѣ

Ноября 23. 1855.

XXXIV.

Благо Великимъ, когда близъ ихъ есть одушевленные благочестивою мыслию, и благо симъ, когда они сію мысль непремѣнно представляютъ Великимъ.

Помню, какъ прежде 1812 года благочестиво мыслящіе жаловались, что въ царственныхъ актахъ употреблялся только свѣтскій языкъ и имени Божія не встрѣчалось. Сей годъ указалъ, гдѣ искать вѣрной опоры и непобѣдимой силы. Императоръ Александръ въ своихъ актахъ началъ говорить христіанскимъ языкомъ. Императоръ Николай Павловичъ говоритъ симъ же языкомъ и особенно съ силою и назиданіемъ въ послѣднее время. Такъ и благочестивѣйшій Государь, нынѣ царствующій. Но тѣмъ ощутительнѣе разногласитъ вкравшееся нечаянно слово слишкомъ свѣтское. Нѣкоторые благочестиво мыслящіе изъясняли скорбь на въ Божѣ почившаго Государя, и встрѣтилось отъ лица нынѣшняго въ похвалу воиновъ изрѣченіе: „*юржусь Вами*“. Зачѣмъ, говорятъ, въ языкъ благочестивый нашихъ государей вкралось это слово для него чуждое. Слово Божіе не одобряетъ гордости и говорить: *Богъ юрдымъ противится*.

Нѣтъ-ли средства редактору царскихъ мыслей подать мысль, чтобы онъ, составляя выраженія, испытывалъ ихъ вопросомъ: будутъ-ли онѣ въ гармоніи съ благочестивымъ царскимъ духомъ?

Дек. 8. 1855

XXXV.

Первый день Декабря былъ девятый, въ который я, кромѣ литургіи въ домовоѣ церкви, заключенъ былъ въ келейномъ уединеніи по болѣзни; но онъ кончился для меня столь нечаяннымъ, сколь же утѣшительнымъ посѣщеніемъ.

Въ девять часовъ вечера прибыла ко мнѣ телеграфическая депеша, которою вы, милостивый государь, извѣстили меня, что Государыня Императрица удостоила вспомнить меня въ сей день и всемилостивѣйше изъяснить мнѣ сіе воспоминаніе.

Какъ депеша показывала, что она отправлена въ 7 час. 30 м., а получена въ 8 ч. 30 м.: то я заключилъ, что отвѣтъ былъ бы получиться неблаговременно, есть-ли бы посланъ былъ тотъ-часъ, и потому я послалъ сіе къ вамъ 2-го дня въ семь часовъ утра, въ той приткості, какая свойственна телеграфическимъ сношеніямъ.

Но есть-ли бы и теперь на свободѣ желалъ я изъяснить благодарность мою къ снисхожденію Ея Величества, слово мое осталось бы скуднымъ передъ полнотою чувства. Одно для меня средство благодарности—молитва къ Богу и вѣрность царской службы, поскольку немощь моя позволяетъ дѣйствовать.

Сей есть отвѣтъ мой и на послѣднія строки письма вашего высокопревосходительства отъ 30 Ноября, которое получено мною 3 дня и на которое настоящій отвѣтъ замедлила продолжающая болѣзненность моя, едва позволявшая совершать должныя въ сей день священнослуженія.

Съ утѣшеніемъ узнаю, что Государыня Императрица изволила сохранить уваженіе къ церковному правилу и преданію при назначеніи дня брака Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Принося благодарность мою и вамъ и благому вѣстнику Царской ко мнѣ милости и призывая благословеніе Божіе вамъ и семейству вашему съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

Вы успокоили меня относительно болѣзни Александра Ивановича*), о которой я слышалъ и былъ озабоченъ. Мы желаемъ, чтобы Господь

*) Карасевскаго, который былъ прокуроромъ Св. Синода послѣ графа Протасова и передъ графомъ А. П. Толстымъ. (Самое имя—постное). П. Б.

сохранилъ его для нашихъ дѣлъ, какъ дѣйствителя знающаго и благорасположеннаго.

Въ Москвѣ
Декабря 8. 1855.

XXXVI.

Я у васъ долженъ просить прощенія въ долгомъ молчаніи, а не вы у меня.

Душа моя хочетъ бесѣдовать съ вами. Со дня Рождества Христова, мысленно призывая вамъ благословеніе Божіе на новое лѣто, каждый день думалъ написать сіе вамъ: и двѣ улетали, а мысль не обращалась въ дѣло. Уже два мѣсяца какъ мнѣ только на праздники для церкви дается нѣсколько силы: прочее время и въ келіи провожу съ трудомъ.

Мысли мои объ одномъ, по моему мнѣнію, слишкомъ преувеличенномъ выраженіи, не требовали отвѣта. Когда я не по праву, а по избытку, можетъ быть, искренности представляю мои мысли: довольно, есть ли онѣ приняты благосклонно, или хотя съ терпѣніемъ; отчета требовать не имѣю права.

Но какъ вы, разсуждая, симъ самымъ позволяете и мнѣ разсуждать, то вновь позволяю себѣ говорить. Знаю, что добрая мысль заключена въ словахъ: „горжусь вами“. Но выраженіе выступило за предѣлы добраго. Есть-ли бы вмѣсто того, чтобы сказать кому нибудь: „я тобою не доволенъ“, я сказалъ бы сильнѣе: „я злюсь на тебя“, вы не одобрили бы сего выраженія, потому что въ немъ есть черта порочная. Гордость также не добродѣтель. Тѣ которые ввели въ употребленіе слово: „горжусь“, часто нынѣ слышимое, почерпнули оное не изъ христіанскаго духа, и мы приняли блестящую монету, не примѣтивъ, что она не изъ чистаго золота.

Что я вамъ говорю противъ слова „горжусь“, тоже почти вы говорите мнѣ противъ нѣкоторыхъ выраженій въ молитвахъ о помощи Божіей въ брани. Выраженіе: „сокруши враги подъ ноги наша“ выговорено было, въ теченіе времени, когда грубая война съ грубыми нехристіанскими народами не представляла иного хорошаго окончанія, какъ есть ли врагъ копьемъ или дубиною низложенъ будетъ къ ногамъ противоборствующаго, потому оное казалось только естественнымъ; теперь оно представляется гордымъ и жестокимъ. Слышавъ отъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, что такъ и имъ представляется, я велѣлъ въ Лаврѣ и въ моей домово́й и въ кафедральной церкви пѣть: „мною-милостиве Господи, пощади насъ, и избави насъ отъ враговъ нашихъ.“

Сіе выраженіе казалось мнѣ сообразнымъ съ тѣмъ, что на насъ нападаютъ уже въ нашихъ предѣлахъ. Слышу, что сіе переняли и нѣкоторыя другія церкви въ Москвѣ, и молящіеся говорятъ, что это имъ болѣе по сердцу. Впрочемъ общаго предписанія по сему не рѣшился я дать, въ измѣненіе предписаннаго С. Синодомъ.

Да призрѣтъ Господь на мученическую кровь православныхъ воиновъ нашихъ и, призрѣвъ на сію жертву, да умиосердится надъ ними. Да призрѣтъ на скорбь нашу и наипаче на скорбь Благочестивѣйшаго Государя нашего, который конечно столько скорбитъ одинъ за всѣхъ насъ, сколько мы всѣ за него и за отечество. Трудно ему удовлетворять требованіямъ сердца Его въ пользу оскорбленнаго врагами отечества и въ пользу страждущаго человѣчества, при ожесточеніи и хитрости враговъ, при неискренности не-враговъ. Господь *да подастъ доброту Его силу!*

О мирѣ, сколько слышу, разсуждаютъ здѣсь неодинаково. Достойные уваженія голоса оправдываютъ настоящее движеніе къ миру. А нѣкоторые, также ревнующіе по отечеству, находятъ, что напечатанное въ вѣдомостяхъ объявленіе о мирѣ могло быть изложено съ большею осторожностію. Напримѣръ, думаютъ, что о перемѣнѣ границы можно было бы не говорить такъ скоро, чтобы не подать поводъ врагамъ къ преувеличенію требованій. Разумѣется, они говорятъ по Московскому взгляду на предметъ; и, можетъ быть, иначе говорили бы, ежели бы имѣли взглядъ государственнй, Европейскій.

Что касается до меня, вы напрасно ищете у меня прозорливости. Вижу только, что въ Европѣ слишкомъ дѣйствуютъ темныя силы и что еще не является рука Божія надъ Вавилономъ, чтобы разрушить единомысліе лукавства, хотя оно имѣетъ въ своихъ нѣдрахъ сѣмя разрушенія.

Почтимъ память графа Михаила Михайловича*). Чувствовалъ я долгъ, хотя не зналъ его лично, только исполнилъ не менѣе, нежели зналъ. Я только могъ собраться съ силами быть на панихидѣ. Литургію служилъ викарій.

Лаврскій іеромонахъ Агаѳангель, приготовляясь въ Лаврѣ къ служенію въ Крымѣ, теперь у меня ожидаетъ рѣшенія, которое я ожидаю отъ вашего высокопревосходительства вслѣдствіе моего отношенія отъ 21 дня.

Въ Москвѣ
Генваря 25. 1856.

*) Графа Вѣльгорскаго, погибшаго въ Севастополѣ? П. Б.

XXXVII.

Вашими особенными чернилами пишу вамъ благодарность за вниманіе ко мнѣ простертое до того, что и о глазахъ моихъ заботиться изволите. Имъ пріятно теперь видѣть черты голубого неба, а не черной земли. Будетъ ли сіе и полезно, покажетъ продолженіе опыта. Неожиданно то, что, пиша теперь новыми чернилами при огнѣ, лучше вижу написанное, нежели какъ вижу написанное черными чернилами. Но вѣрное благотворное дѣйствіе чернилъ будетъ то, что употребленію ихъ сопутствовать будетъ пріятное о васъ воспоминаніе.

Изволите требовать моихъ словъ и рѣчей, напечатанныхъ отдѣльно. послѣ изданія 1848 года. Сего нѣтъ. Изданіе 1844 года и другое, дополненное послѣдующими 1848 года, сдѣланы не мною. Я не думалъ бы, что сіе надобно, и не нашелъ бы времени и средствъ. Добрые люди успѣшно взяли у меня, что я нашелъ возможнымъ не осудить на истребленіе, напечатали, распродали; а мнѣ отъ каждаго изданія доставили нѣкоторое число экземпляровъ, чтобы мнѣ не было нужно покупать своего. Послѣ второго изданія подобнаго случая не встрѣтилось. Впрочемъ какъ большая часть словъ моихъ печаталась въ Академическомъ повременномъ изданіи, по желанію издателей, то я имѣлъ по нѣсколько экземпляровъ печатныхъ каждаго; и собраніе таковыхъ при семъ Вашему. Высокопревосходительству представляю.

И сей отвѣтъ не поспѣеть, потому что состояніе моего здоровья не благопріятствуетъ дѣятельности. И въ день общей печали, сего мѣсяца я не могъ участвовать въ соборной молитвѣ. Слава Богу, что 19 дня, хотя съ трудомъ, превозмогъ свою немощь и участвовалъ въ молитвѣ радости.

Вспоминаю случай того дня, когда я отъ соборнаго служенія возвращался. Около театра было множество экипажей.—Что это значило? Спектакль.—И такъ, въ тотъ самый часъ, когда церковь и народъ торжественно призывали благословеніе Божіе на продолженіе царствованія Благочестивѣйшаго Государя нашего, театръ имѣлъ совсѣмъ иного рода собраніе. Не сузу о томъ, зачѣмъ данъ спектакль, но не могу не скорбѣть о народѣ, который идетъ на зрѣлище въ воскресный день, и когда еще не кончилось торжественное богослуженіе.

Господи, прости имъ; Господи, долготерпи намъ и не откажи намъ въ мирѣ, ибо Ты одинъ можешь даровать намъ миръ, противъ котораго и въ перемиріе воюють столько страстей, незнающихъ перемирія.

Простите меня, который скорблю о другихъ, и которому справедливѣе скорбѣть о недостойнствѣхъ.

М. Фев. 26. 1856 г.

XXXVIII.

Много благодарю за прекрасный и вожделенный даръ, за возможность взирать на изображение Государыни Императрицы, съ тѣми же чувствами, какъ на первообразъ: вмѣсто того, что до сихъ поръ къ подобному воззрѣнію всегда примѣшивалась непріятность недостаточнаго сходства.

Поздравляю съ миромъ. Россія должна благодарить Своего Самодержца за прозорливое и христіански-человѣколюбивое воззрѣніе на положеніе дѣлъ и за пощадѣніе своихъ и чужихъ. Непріятно видѣть, что бывшіе враги наши и настоящее время по подписаніи трактата о мирѣ, до ратификаціи называютъ оное перемиріемъ.

Съ утѣшеніемъ узналъ я, что дни знаменательно называемые у насъ Чистымъ Понедѣльникомъ и Чистымъ Вторникомъ въ Петербургѣ охранены были отъ безпорядковъ неправославнаго обычая и отъ соблазна православнымъ. Но съ прискорбіемъ воспоминаю, что сего не соблюдено въ Москвѣ, а такъ же и то, что мы православные предпостное время проводимъ не по намѣренію святыхъ церкви, и то, что только за немногіе передъ симъ годы начавшееся въ Москвѣ оскорбленіе воскресныхъ и праздничныхъ дней зрѣлищами въ навечеріе, когда вечерня и всенощная уже начинаютъ праздникъ, не прекращается. Съ прискорбіемъ думаю о томъ, что и трудными посѣщеніями Божіими недовольно мы вразумляемся къ исправленію нашей православной жизни.

Вы имѣете причину быть недовольны моимъ молчаніемъ; теперь не будете ли недовольны словомъ о предметѣ, о которомъ не только не могу удержаться отъ слова, но трудно мнѣ удержаться отъ вопля, гдѣ искренность моя видитъ себѣ свободу и гдѣ надѣюсь сочувствія. Тогда какъ государство успокаивается миромъ, православная церковь видитъ усиливающуюся противъ нея брань и угрожающую опасность. Благоволите прочесть прилагаемую при семъ записку. Долгомъ присяги почелъ я по содержанію ея писать въ С. Синодъ и ко владыкѣ Новгородскому. Ваша ревность о православіи располагаетъ меня раздѣлить съ вами сію общую для православныхъ заботу. Можетъ быть, Господь отверзетъ дверь вашему слову, чтобы истина, не затемненная односторонностями, предстала предъ лице Благочестивѣйшаго Государя Императора, защитника и покровителя православной церкви.

М. Марта 27. 1856 г.

XXXIX.

Богъ благословитъ вашу любовь къ православію, которая не оставила безъ вниманія и отвѣта слово заботы о пользахъ православныхъ.

Благочестивѣйшій Государь Императоръ удостоилъ меня не къ утѣшенію только моего ничтожества, но ко благу всея православныя церкви, услышать изъ собственныхъ Его устъ изъявленіе высочайшей воли не допустить, чтобы домогательства терпимыхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій могли уменьшить преимущества православной церкви, признанныя въ государственныхъ законахъ.

Но позвольте мнѣ оправдаться передъ вами, и показать, что причины, возбуждавшія мою заботу, были сильны. Прочитайте прилагаемый при семъ точный переводъ папской рѣчи. Замѣченные карандашемъ мѣста покажутъ вамъ, что Пій IX старается и надѣется, не только законы о смѣшанныхъ бракахъ въ Россіи поколебать, но и возвратить Римскому клиру имущества и возсоединенныхъ съ православною церковію бывшихъ уніатовъ вновь отторгнуть, и уничтожить запрещеніе православнымъ переходить въ Римское исповѣданіе; и что особенно удивительно, Русскаго уполномоченнаго онъ представляетъ своимъ адвокатомъ. Это онъ не только сказалъ, но и напечаталъ. Сіе предполагаетъ большую увѣренность. Послѣ сего, при заслужившихъ довѣріе слухахъ изъ Петербурга и въ Москвѣ о новыхъ усиленныхъ домогательствахъ Латинства, я былъ бы виновенъ, если бы не сказалъ, по моему разумѣнію, слова Святейшему Синоду.

На дѣло о новыхъ епархіяхъ Латинскихъ Государь Императоръ взираетъ окомъ правды, соглашаюсь; надобно исполнить. Но не знаю, представлено ли вниманію Его Величества, что умедленіе исполненія было по мысли въ Божѣ почившаго Императора, который провидѣлъ послѣдующія неудобства, пріостановилъ дѣло для изысканія способовъ исполнить существенное въ соглашеніи съ устраненіемъ предвидимыхъ неудобствъ. Не знаю обстоятельствъ и не смѣю входить въ разбирательство; но мнѣ невольно представляется вопросъ, нельзя ли было бы Латинскаго епископа съ семинаріею, названнаго Саратовскимъ, но въ Саратовѣ не имѣющаго паствы, помѣстить жительствомъ гдѣ нибудь ближе къ его паствѣ и въ меньшемъ соприкосновеніи съ православными.

Простите, что не вдругъ отстаю отъ сего предмета. По слову Апостола и одному члену тѣла должны сострадать многіе: какъ или иначе при опасеніи для многихъ членовъ духовнаго тѣла, быть неравнодушному свойственно члену того же тѣла?

Есть у меня и еще сильная боль о членахъ тѣла духовнаго и политическаго, болящихъ многими вредными болѣзнями. Теперь слышу, что начальствомъ Владимирской губерніи производится слѣдствіе, коснувшееся и Московской, о дѣлателяхъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ на огромную сумму; около 40 человекъ по сему задержаны, и всѣ раскольники.

Но теперь всѣ наши скорби повергнемъ передъ язвами страждущаго за насъ Господа и воззовемъ къ Его милосердію, да язвами своими излѣчитъ всяку болѣзнь и скорбь нашу. Желаю вамъ войти въ радость воскресенія полную и совершенную.

Филаретъ Митрополитъ Московскій.

М. Апр. 12. 1856.

XL.

Простите мнѣ докучливость, которая теперь, можетъ быть, и погрѣшительною окажется, но если и погрѣшительна, то необходима.

Объ одномъ обстоятельствѣ приготовленій къ высочайшему коронованію узналъ я отъ фабриканта. Онъ сказалъ мнѣ, что готовитъ парчу для двѣнадцати архіерейскихъ облаченій. Есть ли оно несправедливо, то Вамъ не нужно читать далѣе сіе письмо. Для меня покойнѣе быть въ своемъ облаченіи по моей мѣрѣ и по моимъ силамъ. Но есть ли подлинно готовятся облаченія, изъ которыхъ для единообразія одно пойдетъ и на мои немощныя рамена: то боюсь, чтобы не упасть. Придворныя облаченія нетяжелаго матеріала посредствомъ тяжелыхъ принадлежностей дѣлаются неудобноносимо-тяжелыми для некрѣпкихъ; и въ такихъ размѣрахъ, что имѣющему небольшой корпусъ тѣла неудобно въ нихъ двигаться. При покойномъ Государѣ Императорѣ, когда придворныя облаченія архіерейскія были неединообразны, я выпрашивалъ тогда позволеніе быть въ своемъ облаченіи; но теперь сего нельзя будетъ дѣлать, есть-ли предполагаются единообразныя. Отъ сего теперь моя смиренная просьба, нельзя ли устроить изъ назначенной ткани въ Москвѣ, по сношенію со мною, чтобы она сдѣлана была въ мѣру, и притомъ мы нашли бы средства уменьшить тяжесть, не разрушая единообразія съ прочими. Для устройства облаченій на неизвѣстныхъ архіереевъ я далъ бы совѣтъ обратить вниманіе, чтобы были недлинные, дабы не обращались въ видъ стихаря, а подризники не коротки, потому что изъ долгаго подризника легко сдѣлать короткій, а изъ короткаго долгій нелегко.

Простите, что занимаю васъ малостями. Главная мысль моя не о томъ, чтобы доставить себѣ удобство, а о томъ, чтобы не случилось

чего безпорядочного при священнослуженіи торжественномъ въ великій день.

М. Апр. 27. 1856 г.

XLI.

Думаю, достойно будетъ вашего вниманія, есть ли васъ поздравлю съ побѣдою силы хранительной надъ силою разрушительной.

Колоколъ Ивановской колокольной въ Кремлѣ, Реутъ, который во время войны 1812 года получилъ отъ Французовъ рану, но не убить, и который въ 1855 году подвергся нареканію за то, что желѣзная перевязка его раны была не довольно крѣпка, и наконецъ разорвалась, будучи подкрѣпленъ новою лучшею перевязкою, сталъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ; и, какъ пишетъ ко мнѣ Успенскій протопресвитеръ, народъ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ вновь услышалъ его давно извѣстный голосъ, которымъ онъ отличается между колоколами Ивана Великаго.

Итакъ, если бывшее съ симъ колоколомъ приключеніе произвело непріятное впечатлѣніе, то оно теперь покрыто пріятнымъ впечатлѣніемъ, и казавшееся нѣкоторымъ неблагопріятное знаменіе, по милости Божіей, обращено въ знаменіе благопріятное. Колоколъ Реутъ готовъ вновь воспѣвать славу Божію и славу Благочестивѣйшаго Государя Императора, во время Его торжественнаго вшествія въ древнюю столицу.

Въ Лаврѣ

Іюля 30

1856 г.

XLII.

Достигнувъ Лавры, помышляю о томъ, чтобы во время вождѣннаго Высочайшаго посѣщенія все было благообразно и по чину.

Если вѣрно гаданіе, что Государь Императоръ и Государыня Императрица благоизволятъ отъ усердія своего принести покровъ на главу преподобнаго Сергія, то желательно представить ясно, какъ сіе будетъ, чтобы нечаянность не соединена была съ нѣкоторымъ неудобствомъ.

Не изволятъ ли возложить оный собственными руками?

Между тѣмъ чинъ церковный требуетъ, чтобы покровъ, прежде возложенія, освященъ былъ окропленіемъ святою водою.

Мнѣ представляется возможнымъ слѣдующій порядокъ.

Покровъ могъ бы, по повелѣнію Ихъ Величествъ, внесенъ быть въ соборъ передъ литургією, положенъ на блюдѣ поставленномъ на тетраподѣ.

По прибытіи Ихъ Величествъ, я совершилъ бы освященіе и приbliжился бы къ мощамъ преподобнаго Сергія, имѣя при себѣ намѣстника, несущаго покровъ на блюдѣ. Я дерзнулъ бы обратиться къ Преподобному Сергію, представляя ему и объясняя царскій даръ.

Потомъ я поднесъ бы покровъ Ихъ Величествамъ, и они, приступивъ къ мощамъ преподобнаго Сергія, собственными руками возложили бы на главу его свой даръ.

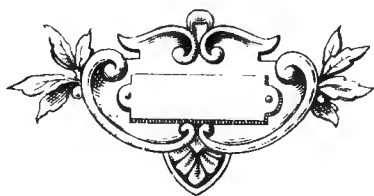
Потомъ началась бы литургія.

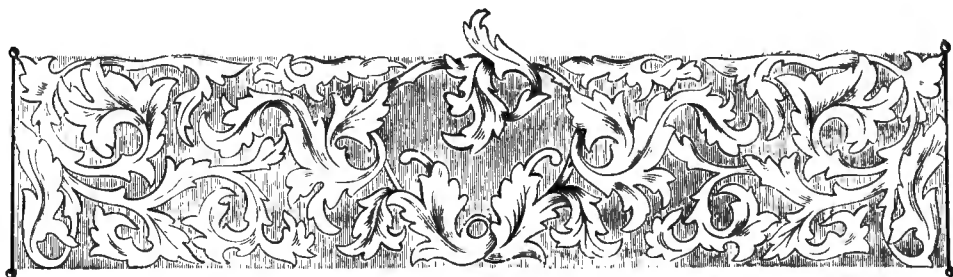
Естьли бы сей порядокъ былъ благоугоденъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ, то не благоугодно ли разрѣшить и слѣдующій вопросъ? Не соединить ли съ симъ и освященіе потира, принесеннаго Государынею Императрицею Александрю Ѳеодоровною, что въ церковномъ отношеніи удобно и замедленія не произведетъ?

Прежде всего предаю сіе на ваше, милостивый государь, разсужденіе и есть ли вы найдете сіе сообразнымъ обстоятельствамъ, то покорнѣйше прошу представить сіе на Высочайшее усмотрѣніе, и какое послѣдуетъ повелѣніе, о томъ не оставить меня безъ увѣдомленія.

Сентября 17

1856 г.

ДАГЕСТАНСКИЙ КОННЫЙ ПОЛКЪ*).

(ОЧЕРКИ ДАГЕСТАНСКОЙ СТАРИНЫ).

Въ числѣ полковъ Россійской арміи есть едва ли не единственная воинская часть, представляющая оригинальное явленіе—соединеніе регулярности съ милиціонными началами. Дагестанскій Конный полкъ, до 1894 г. называвшійся Дагестанскимъ Конно-иррегулярнымъ полкомъ, возникъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, набранъ былъ изъ добровольцевъ, набирается изъ нихъ же до сихъ поръ, но состоитъ на линіи драгунскихъ полковъ.

Мысль о формированіи полковъ изъ туземцевъ принадлежитъ графу Паскевичу. Во время Турецкой войны 1828—1829 г. онъ сформировалъ четыре конныхъ полка изъ мусульманъ Закавказья; имъ въ 1830 году были пожалованы знамена, хотя самые полки были тогда же распущены. Покинувъ Кавказъ, Паскевичъ не разстался съ своею мыслью о полкахъ, и въ 1832 г. въ письмѣ къ военному министру снова предлагалъ сформировать конные полки изъ кочевавшихъ въ Кавказской области магометанъ и изъ покорныхъ горцевъ. Всемогущему фельдмаршалу желательно было окружить себя въ Варшавѣ живыми воспоминаніями о своей прославленной Кавказской дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать на Европейской границѣ Имперіи все разнообразіе нашихъ боевыхъ силъ, связанное притомъ съ его именемъ. Желаніе его имѣть въ Варшавѣ два иррегулярныхъ полка изъ Кавказскихъ жителей, было удовлетворено: Николай I въ Мартѣ 1834 г. повелѣлъ сформировать ихъ и 2 Іюня 1835 г. утвердилъ положеніе о нихъ (Полн. Собр. Зак., № 8211). Въ ознаменованіе особеннаго высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія къ Кавказско-горскимъ и Закавказскимъ народамъ, формируются при Отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, для дѣйствующей арміи, два Мусульманскіе Конные полки, одинъ изъ Мусульманскихъ, Армянъ и вообще изъ Закавказскихъ жителей, подъ именемъ Мусульманскаго; другой изъ Черкесъ, Кабардинцевъ, Кумыковъ и другихъ горцевъ, подъ именемъ Кавказско-горскаго. Впрочемъ, въ скорости первый полкъ былъ названъ Закавказскимъ конно-мусульманскимъ

*) Изъ приготовленной къ печати „Исторіи Дагестанскаго коннаго полка“.

полкомъ, а вмѣсто второго, по недостатку охотниковъ, былъ сформированъ только одинъ дивизионъ изъ двухъ сотенъ подъ названіемъ Кавказскаго Конно-горскаго дивизиона.

2 Марта 1835 года новый полкъ вступилъ въ Варшаву. Николай I писалъ князю Паскевичу: „Любопытенъ я видѣть у тебя Мусульманскій полкъ; должно быть молодцы; Польскимъ будетъ пожива“¹⁾. Положеніе объ этихъ полкахъ стоившихъ дорого,²⁾ послужило отчасти образцомъ для положенія о Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полкѣ.

Съ 1840 г. Шамиль сталъ неумолимо водворять свои порядки въ горахъ Чечни и Дагестана. Жестокость, которую онъ при этомъ проявлялъ³⁾, многихъ, особенно выказавшихъ раньше преданность Русскимъ, заставила покинуть родину и спасаться въ Аварію, тогда подчиненную намъ. Уже въ 1841 г. до 50 семействъ изъ Гумбста и Караты, боясь мщенія Шамиля за давнишнюю ихъ преданность Россіи, бѣжали въ Аварію, едва успѣвъ захватить свое оружіе и бросивъ все имущество; нѣкоторые покинули и своихъ родныхъ, сдѣлавшихся жертвою мщенія Шамиля. Въ срединѣ 1843 г. такихъ выходцевъ собралось болѣе 200 семействъ. Когда вслѣдствіе несчастныхъ для насъ событій въ Сентябрѣ 1843 г. мы принуждены были оставить Аварію, а съ нею и весь нагорный Дагестанъ, Гумбетовскіе и Каратинскіе выходцы вмѣстѣ съ семействами изъ Хунзаха, (столицы Аваріи),—зная, что послѣ ухода Русскихъ, ихъ постигнетъ самая злая участь, вышли вслѣдъ за отрядомъ Пассека. Слѣдуя съ этимъ отрядомъ во время его знаменитаго отступленія отъ Хунзаха до Шуры, выходцы приносили большую пользу отряду своею аванпостною и развѣдочною службою. Во время блокады отряда въ Зырянахъ, жена одного изъ выходцевъ, огражденная рогожами, въ сильную перестрѣлку, родила сына; отецъ отправился къ начальнику, съ радостью объявилъ, что у Царя прибавился солдатъ и просилъ, чтобы на новорожденного солдата отпускали тотъ же паекъ хлѣба, какой отпускался выходцамъ; надъ его наивною просьбою посмѣялись, но удовлетворили ее. Эти выходцы, также и выходцы изъ аула Чоха, по взятіи его Шамилемъ, вступили въ ряды такъ называемыхъ Дагестанскихъ всадниковъ, постоянной милиціи въ числѣ 200 человекъ, образованной въ 1842 г. Они, при командовавшемъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, получали опредѣленное содержаніе и состояли въ постоянной готовности. Въ эту милицію сперва были набраны жители шамхальства, но послѣ вторженія въ него Шамиля въ 1843 г., за измѣною многихъ всадниковъ, ряды Дагестанскихъ всадниковъ были пополнены почти исключительно Аварскими выходцами, а также выходцами изъ Чоха.

¹⁾ Кн. Щербатовъ: Князь Паскевичъ, V, прилож., 253.

²⁾ Акты Кавказской Археологической Комиссіи.

³⁾ О жестокости Шамиля, „этого олицетвореннаго корыстолюбія“, подробности передаетъ покойный генералъ Алихановъ Аварскій въ статьяхъ: „Въ горахъ Дагестана“ (Кавказъ, 1896 г., № 65 и др.). Также см. Кавказскій Сборникъ, XII, 232—234.

Князь М. З. Аргутинскій-Долгоруковъ, вообще относившійся весьма благосклонно къ испытаннымъ въ храбрости и преданности выходцамъ, рѣшился довершить ихъ устройство. Какъ ни храбры были Дагестанскіе всадники изъ Аварскихъ выходцевъ, какъ ни рѣзко выдѣлялись они своимъ поведеніемъ въ бою отъ остальныхъ милицій, все же они представляли собою болѣе толпу, не имѣвшую прочной организаціи, не скованную дисциплиною, а потому приносили далеко не ту пользу, какую можно было бы извлечь изъ энергіи и отваги этихъ людей, порвавшихъ со всѣмъ своимъ прошлымъ и безответно предавшихся Русскимъ. Это, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія князя Аргутинскаго, глубокаго знатока горцевъ, и вотъ любимое мечтою его стало создать изъ этой милиціи цѣлую самостоятельную боевую часть, которая могла бы замѣнять собою до извѣстной степени регулярную кавалерію. Созданіемъ такой части достигались двѣ цѣли: находилось полезное для правительства примѣненіе высокихъ боевыхъ качествъ Аварскихъ выходцевъ, воодушевленныхъ непримиримою враждою къ Шамилю, и открывалась имъ возможность существовать, чѣмъ хотя отчасти вознаграждались они за свою преданность намъ.

Уже 11 Сентября 1850 г. князь Аргутинскій писалъ въ рапортѣ князю Воронцову: „Во время посѣщенія нашимъ сіятельствомъ Прикаспійскаго края въ Маѣ и Іюнѣ сего года, я докладывалъ лично о пользѣ, которую принесло бы увеличеніе числа сотенъ Дагестанскихъ всадниковъ, и что я полагалъ бы на первый разъ добавить двѣ сотни къ существующимъ нынѣ двумъ сотнямъ. Ваше сіятельство изволило, одобливъ это предположеніе, разрѣшить войти съ представленіемъ объ основаніяхъ, на которыя полагалъ бы я привести въ исполненіе это предположеніе“. Вслѣдствіе этого князь Аргутинскій, между прочимъ, представлялъ: „Со времени вступленія моего въ командованіе войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, я старался, чтобы въ составъ Дагестанскихъ всадниковъ входили почти исключительно только выходцы изъ непокорнаго намъ Дагестана. Мѣру эту я признаю полезною и необходимою какъ потому, чтобы чрезъ это привлекать къ намъ болѣе выходцевъ изъ хорошихъ, храбрыхъ и надежныхъ людей, такъ и потому, что, если допускать свободно зачисленіе во всадники людей изъ покорныхъ намъ мѣстъ, то ихъ набралось бы гораздо болѣе, чѣмъ возможно опредѣлить, и мы лишились бы возможности предоставить выходцамъ средства къ существованію, между тѣмъ, какъ они, выбѣгая къ намъ съ однимъ только оружіемъ и лошадью, безъ пособія отъ правительства существовать не могутъ; это правило я считаю необходимымъ соблюдать и въ случаѣ сформированія двухъ новыхъ сотенъ. Эти четыре сотни я полагалъ бы размѣстить по главнымъ селеніямъ шамхальства и Мехтулинскаго владѣнія, какъ для охраненія края, такъ и для того, чтобы въ случаѣ тревогъ я во всякое время года, по первому своему приказанію, имѣлъ возможность собрать немалое количество хорошей конницы и направить ее, куда надобность укажетъ“...

Вновь предложенныя сотни князь хотѣлъ составить изъ двухъ сотенъ временной милиціи, состоявшей при Дагестанскомъ отрядѣ подъ названіемъ Аварской изъ разныхъ горскихъ выходцевъ, преимущественно Аварцевъ. А всѣ

предположенія князя Аргутинскаго были утверждены княземъ Воронцовымъ 3 Ноября 1850 г. Кн. Аргутинскій представилъ подробное соображеніе о сформированіи полка изъ Дагестанскихъ всадниковъ въ шестисотенномъ составѣ. За № 11202 военный министръ увѣдомилъ кн. Воронцова, что Государь Императоръ разрѣшилъ сформировать двѣ сотни Дагестанскихъ всадниковъ и одобрилъ оное тѣмъ болѣе, что и обстоятельство это всегда входило въ мысль Его Величества. Къ сему генералъ-адъютантъ князь Чернышевъ присовокупилъ, что будетъ ожидать доставленія соображенія о сформированіи.

Сформировавъ еще двѣ сотни Дагестанскихъ всадниковъ и назначивъ начальникомъ всѣхъ четырехъ сотенъ выходца изъ Хунзаха штабсъ-капитана Али-Хана-Гусейнъ-оглы, человѣка испытанной преданности Россіи, князь Аргутинскій 27 Апрѣля 1851 г. представилъ князю Воронцову подробныя предположенія о сформированіи новаго полка, который онъ полагалъ наименовать Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ, приложивъ къ нимъ штаты, таблицы продовольствія и пр. „Я полагалъ бы, писалъ онъ кн. Воронцову, расположить полкъ особою поселенною штабъ-квартирою на сѣверо-восточной покатости горнаго хребта близъ урочища Харкасъ*). Пунктъ этотъ, прохладный и здоровый климатъ, имѣетъ то преимущество въ военномъ отношеніи, что полкъ, расположенный тамъ, будетъ прикрывать отъ непріятеля всѣ Шамхальскія и Мехтулинскія деревни съ этой стороны, а для движенія куда надобность укажетъ, будетъ находиться на передовой кордонной линіи. Сформированіе и впослѣдствіи комплектованіе полка предполагается производить почти исключительно только изъ горскихъ выходцевъ Аварскаго племени, допуская опредѣленіе въ полкъ туземцевъ Прикаспійскаго и Закавказскаго края развѣ только въ самомъ ограниченномъ числѣ, и то только такихъ людей, которые по личной своей храбрости и примѣрной нравственности могутъ быть особенно полезными въ этомъ полку. Мѣру эту я полагалъ бы во всякомъ случаѣ допустить только какъ самое рѣдкое исключеніе, опредѣляя затѣмъ въ полкъ, какъ сказано, однихъ только выходцевъ Аварскаго племени. Кромѣ значительнаго числа такихъ людей, состоящихъ теперь уже на службѣ въ четырехъ сотняхъ Дагестанскихъ всадниковъ, предположенныхъ къ обращенію въ составъ полка, можно съ увѣренностью надѣяться, что служба въ конно-иррегулярномъ полку привлечетъ ихъ на нашу сторону столько, сколько нужно будетъ желать“.

1-го Мая 1852 г. Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ уже былъ сформированъ, и въ него назначены офицеры, всѣ изъ Аварскихъ выходцевъ, дослужившихся до офицерскихъ чиновъ въ милиціяхъ, кромѣ командира полка, майора Нижегородскаго драгунскаго полка Джемарджидзе, казначея штабсъ-капитана Карганова и адъютанта прапорщика Пржецлавскаго.

*) Замѣтимъ, что этотъ хребетъ, извѣстный подъ именемъ Койсубулинскаго, или Гимринскаго (въ просторѣчій Тавлинка), пролегающій верстахъ въ 30 къ Югу отъ Шуры, отдѣлялъ тогда покорный нынѣ Дагестанъ (Шамхальство и Мехтулу) отъ владѣній Шамиля.

При приемѣ вновь назначеннымъ командиромъ офицеровъ полка, изъ которыхъ почти никто порусски не зналъ, помощникъ командира, шт.-капитанъ Алиханъ, на привѣтствіе его, отъ имени офицеровъ отвѣчалъ по аварски: „Дуръ-бстеръ-джахаге (будь здоровъ), начальникъ. Князю Аргутинскому очень хорошо извѣстно, какая бездна разделяетъ насъ съ Шамилемъ и его мюридами. Мало того, что они завладѣли всѣмъ нашимъ достояніемъ и разорили наши дома, Шамиль кровью облилъ наши сердца; у каждого изъ насъ онъ убилъ или мать, или отца, или брата, не заслуживавшихъ этого, а единственно изъ ненависти къ намъ и корысти. Можемъ ли мы все это ему простить? Мы только тогда вложимъ свои шанки въ ножны, когда Шамиль обезоруженный будетъ въ рукахъ нашихъ; мы бы изъ мести и тогда отрубили ему голову, но знаемъ, что Русскіе не любятъ такой мести, а для Русскихъ мы всѣмъ готовы жертвовать. Не заслуживъ еще ничѣмъ, Русскіе насъ приняли, какъ лучшихъ друзей; мы вышли съ горъ ни съ чѣмъ, семейства наши были въ однихъ лохмотьяхъ, и, не имѣя здѣсь ни одного аршина земли, мы всѣмъ обезпечены. Кому мы всѣмъ этимъ обязаны, какъ не Русскимъ? Не долгъ ли нашъ всю жизнь служить имъ? Ты будь увѣренъ, начальникъ, что для Русскаго Царя мы никогда не пощадимъ свои головы, а дѣтямъ нашимъ завѣщаемъ, чтобы они вѣчно служили ему!“. На вопросъ Джамарджидзе офицеры отвѣчали, что единственное ихъ желаніе: Шамиль ольсунъ! Пача савболсунъ! (Смерть Шамилю! Да здравствуетъ Государь!).

Полкъ сформированъ для охраненія части границъ Сѣвернаго Дагестана и для военныхъ дѣйствій въ составѣ отрядовъ. Командиръ полка долженъ былъ избираться изъ штабъ-офицеровъ регулярныхъ или иррегулярныхъ войскъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, адъютантъ и казначей изъ оберъ-офицеровъ регулярныхъ войскъ того же корпуса; прочіе же оберъ-офицеры полка опредѣлялись или изъ оберъ-офицеровъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ Кавказскаго корпуса, или же изъ лицъ Аварскаго племени, дослужившихся до офицерскихъ чиновъ въ милиціяхъ и въ полку, отличающихся усердіемъ, испытанныхъ преданностью правительству и личною храбростью въ военныхъ дѣйствіяхъ. Нижніе чины полка назначались преимущественно и почти исключительно изъ выходцевъ Аварскаго племени; въ видѣ рѣдкаго исключенія допускается зачисленіе въ полкъ туземцевъ Прикаспійскаго и Закавказскаго края вообще, и то такихъ, которые по личной храбрости, примѣрной нравственности и хорошей способности къ верховой ѣздѣ могутъ быть особенно полезными въ этомъ полку. Нестроевые нижніе чины опредѣлялись изъ регулярныхъ войскъ. Срокъ службы охотникамъ не опредѣлялся; они могли быть уволены за преступленія, за ранами и т. п. Жалованье охотникамъ назначалось: урядникамъ по 10 р. въ мѣсяцъ, всадникамъ по 5 р.: сверхъ того выдавались мука, мясо и на фуражъ лошадямъ въ опредѣленномъ количествѣ деньгами.

Какъ уже сказано, всѣ офицеры его, за исключеніемъ трехъ должностныхъ, были выходцы-Аварцы, офицеры милиціи, почти всѣ служившіе раньше въ Дагестанскихъ всадникахъ. Многіе изъ нихъ были украшены знаками отли-

чій военного ордена за боевое отличіе во время службы до сформированія полка; почти всѣ имѣли медали „за храбрость“, полученные ими въ тоже время. Послѣдній изъ офицеровъ перваго состава полка выбылъ въ 1877 г. Лишь въ 1856 г. къ полку были прикомандированы, а въ слѣдующемъ году переведены въ полкъ не на должности, два офицера изъ не-туземцовъ-Аварцевъ: одинъ Русскій, другой Грузинъ. Первые офицеры-Аварцы честно несли службу; лишь одинъ изъ нихъ нарушилъ присягу. Это былъ сотникъ Сеидъ-Гаджи-оглы, опредѣленный въ штатъ офицеровъ въ 1853 г. вмѣсто умершаго офицера перваго призыва, и бѣжавшій въ горы 25 Іюля 1855 г. Онъ былъ родомъ изъ сел. Гюатля въ Аваріи, бѣжалъ къ намъ въ Іюнѣ 1851 г. изъ скопища Омара Салтинскаго, пробиравшагося въ вольный Кайтагъ, въ Августѣ зачисленъ въ полкъ всадникомъ, въ 1852 г. за отличіе произведенъ въ прапорщики милиціи съ отчисленіемъ отъ полка, но въ 1853 г. опредѣленъ въ штатъ полка и даже въ 1854 г. произведенъ въ сотники. Состоя въ охотничьей командѣ на посту Капчугаевскомъ, Сеидъ 24 Мая 1855 г. былъ потребованъ въ Шуру, куда прибылъ съ 6 всадниками и получилъ 756 р. 90 к., слѣдовавшіе нижнимъ чинамъ команды въ жалованье. 25 Мая, сдѣлавъ нѣкоторыя покупки, онъ на ночь уѣхалъ изъ Шуры въ сел. Буглень, откуда ночью тогоже числа бѣжалъ въ предѣлы непокорныхъ горцевъ съ 4 всадниками полка, увозя все полученное жалованье и свое семейство, а также лошадь, нанятую имъ въ Капчугаѣ, но уплативъ передъ побѣгомъ одному всаднику 20 р. Сеидъ былъ извѣстенъ въ полку кроткимъ характеромъ, исполнительностью по службѣ. Спрошенные по дѣлу отозвались, что Сеидъ бѣжалъ въ горы, вѣроятно, съ единственнымъ намѣреніемъ воспользоваться деньгами; сношеній его съ непокорными горцами никто не замѣчалъ. На пополненіе денегъ, увезенныхъ имъ, поступило его жалованье съ 1 по 26 Мая 32 р. 1¹/₂ коп. и принадлежавшая ему корова, проданная за 7 р. 95 к.

Понятно, что офицеры-Аварцы были совершенно чужды Русской жизни, жили по обычаю предковъ и едва знали Русскій языкъ; относительно понятій о служебныхъ обязанностяхъ еще сотенные командиры удовлетворяли кое-какимъ снисходительнымъ требованіямъ, за то субалтеръ-офицеры не имѣли почти понятія о службѣ и дисциплинѣ. На этотъ счетъ у начальства существовалъ довольно снисходительный взглядъ. Командовавшій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, князь Орбеліани писалъ князю Багратіону. „Отъ 12 Мая, № 685, в. в. просите объ увольненіи отъ службы помощника командира 5-й сотни командуемаго вами полка подпор. Дебиръ-Магома-Нуригъ-оглы, потому что онъ оказался совершенно неспособнымъ къ исполненію служебныхъ обязанностей, требуемыхъ отъ офицера; причемъ объясняете, что онъ не оставляетъ прежней дружбы и куначества съ всадниками, и тѣмъ самымъ вредитъ лишь другимъ офицерамъ, которые желали бы поставить себя противъ подчиненныхъ на начальническую степень. Если Дебиръ-Магома ведетъ куначество съ всадниками полка, то на это не слѣдуетъ обращать особеннаго вниманія, именно потому, что въ глазахъ ихъ Дебиръ такой же выходецъ и товарищъ, какимъ онъ всегда былъ по прежнему образу жизни и быту въ горахъ. Офи-

церскій чинъ, въ мнѣніи ихъ, не составляетъ особаго различія въ равенствѣ между собою, но только отличаетъ этимъ человека, оказавшаго нашему правительству особыя заслуги, которыми каждый изъ нихъ, въ свою очередь надѣется на себя обратить вниманіе за вѣрность и преданность. Поэтому поведеніе Дебира нисколько не должно стѣснить другихъ офицеровъ; отъ нихъ совершенно зависитъ поставить себя противъ подчиненныхъ въ такое положеніе, въ какое сами того желаютъ и какое позволяютъ прежнія ихъ взаимныя связи; но требовать, чтобы они подчинили себя одинаковымъ условіямъ съ офицерами Русскими, пока нельзя и не слѣдуетъ“.

Понятно, что положеніе двухъ первыхъ Русскихъ офицеровъ въ полку было довольно тяжелое. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ нихъ, П. Г. Пржецлавскій, свои первыя впечатлѣнія въ полку: „Я былъ не мало удивленъ, когда на другой день пріѣзда моего въ полковую штабъ, подружески и безъ зова, явились ко мнѣ въ комнату однополчане, служившіе простыми рядовыми всадниками. Въ изъявленіе готовности познакомиться лично, они безъ церемоній протягивали мнѣ свои грязныя руки и безъ приглашенія усаживались въ уютной комнаткѣ, кто на кровати, кто на сундукахъ и подоконникахъ, однимъ словомъ гдѣ только возможно было устѣться. Любопытные посѣтителы подвергали все мое наличное достояніе строгому пересмотру; были даже такіе смѣльчаки, которые съ оника, выказывая симпатіи къ гяуру, бѣгло объясняющемуся на ихъ языкѣ, обнимали меня и преспокойно, потоварищески, располагались чуть не на плечахъ, чтобы чрезъ мою голову заглянуть на столъ, полный бумагъ и элегантныхъ канцелярскихъ атрибутовъ. Смѣсь махорки, чесноку, и луку и болѣе отвратительный запахъ нагольныхъ бараньихъ шубъ, выводили меня изъ терпѣнія“.

Сослуживецъ Пржецлавскаго, С. С. Каргановъ пишетъ о нѣсколько болѣе позднемъ времени (1854—1858 гг.): „Дабы фронтное образованіе, дисциплина и начатки нашей гражданственности имѣли болѣе успѣха и прочнѣе привились къ горцамъ, князь Багратіонъ (командиръ полка съ 1854 по 1859 г.) сталъ хлопотать о переводѣ въ полкъ офицеровъ изъ регулярныхъ войскъ, зная, что сіи послѣдніе, постоянно вращаясь между чинами полка, своимъ ежедневнымъ примѣромъ много будутъ способствовать къ упроченію вводимыхъ имъ порядковъ. Вслѣдствіе удачнаго выбора регулярныхъ офицеровъ расчетъ князя оказался какъ нельзя болѣе вѣренъ. Нельзя не отдать справедливости всесторонней заботливости милаго кружка Русскихъ офицеровъ, руководимаго княземъ Багратіономъ, который путемъ личныхъ примѣровъ и разумной строгости велъ настойчиво полкъ къ облагораживанію и смягченію предрасудковъ, чего достигать разумѣется, не легко было Русскому офицеру, оторванному отъ Европейской обстановки и поставленному лицомъ къ лицу съ чуждой средой, въ которой господствовалъ суровый духъ мусульманства и таилась враждебная кровожадность, гдѣ улыбка и веселая рѣчь были неумѣстны. Русскому предстояло прежде всего переродиться, сдѣлаться горцемъ, чествовать и даже исполнять тѣ обычаи, пренебреженіе къ которымъ отталкивало бы отъ него всадниковъ и не допустило бы сближенія съ нимъ. Русскому предстояло побороть

естественное отвращеніе отъ аульной атмосферы, напитанной испареніями черемши, луку, чесноку и разложившагося курдючяго сала, перевоспитывать свой вкусъ на хинкаль съ чеснокомъ, вяленую баранину, прѣсные чуреки съ саломъ и медомъ, вонючія колбасы и прочіе издѣлія незатѣйливой Дагестанской кухни. Въ заключеніе Русскому гяуру предстояло рѣшить и великую задачу: войти гостемъ въ семейство горца и породниться съ нимъ; словомъ, по предразсудку горцевъ, сомнѣвавшихся въ честности Русскихъ, предстоялъ немалый трудъ осязательно увѣрить ихъ въ противномъ, разрушить окончательно нравственную преграду, поставленную въ разрѣзъ проповѣдью Магомета. Еще не угасъ фанатическій жаръ Дагестанскаго населенія и не ослабла надъ нимъ власть Шамиля, какъ въ Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полку Русскіе уже получили полное право гражданства и успѣли внести въ бытъ этого горца нѣкоторые Европейскіе обычаи“.

Живя по ауламъ жизнью, общемо съ туземцами, Русскіе офицеры въ свою очередь скоро принимали кое-что отъ послѣднихъ. Штабъ-квартира полка сел. Большаго Дженгутая, столицы Мехтулинскаго ханства, давала много случаевъ сближенія; особенно способствовали этому вечеринки (тойи), въ которыхъ принимали участіе и Русскіе офицеры. На ханскихъ вечеринкахъ постоянцы-цивилизаторы ввели новый тапецъ: бравые всадники импровизировали комористическіе, нѣсколько-вульгарныя куплеты противъ прекраснаго пола; послѣдній отвѣчалъ тѣмъ же. На одномъ изъ подобныхъ увеселительныхъ вечеровъ придворныя камеристки-ханши пропѣли слѣдующую критику на офицеровъ полка, дающую понятіе о тонѣ этихъ баловъ:

Казначей (Каргановъ)—уничтожитель рѣдки съ медомъ,
 Каменевъ—неумолкаетъ въ разговорахъ,
 Мѣкаръ—нефтью наполненный бурдукъ,
 Кайтука—новорожденный осленокъ,
 Витольдъ—въ чевякѣ съ посочкомъ, какъ шило,
 Баратовъ—робокъ, какъ дикая козочка,
 Адъютантъ—баловникъ княгини Райганатъ,
 Дженгутавская молодежь—часть задняя свиньи!

Если, тридцать лѣтъ спустя, уже въ 1884 г., командиръ писалъ: „офицеры, за нѣсколькими исключеніями ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не воспитывались и не совѣмъ тверды въ знаніи Русскаго языка, есть и совѣмъ незнающіе“, то легко представить себѣ, чѣмъ былъ составъ офицеровъ въ 1850-хъ годахъ. Люди, безспорно храбрые и мужественные, преданные правительству, они отличались своими подвигами въ бояхъ, но относительно службы и дисциплины часто погрѣшали. Въ приказѣ по полку отъ 1 Февраля 1856 г. сказано: „Дошло до свѣдѣнія моего, что нѣкоторые изъ гг. офицеровъ не только не отдають должнаго уваженія по службѣ войсковому старшинѣ Али-Хану Гусейнову, но иногда даже дозволяютъ себѣ вовсе не исполнить его служебныхъ требованій. Такое отступленіе отъ подчиненности противно Русскимъ военнымъ постановленіямъ, противно службѣ Великаго Государя, который печется

о насъ какъ о своихъ дѣтяхъ и повелѣнія котораго должны быть для насъ священные. Какъ блюститель точнаго исполненія закона въ высочайше вѣренномъ мнѣ полку, я требую отъ гг. офицеровъ на будущее время, чтобы младшій въ чинѣ былъ всегда съ полнымъ уваженіемъ къ старшему, чтобы каждое приказаніе старшаго было исполняемо безпрекословно. При этомъ повторяю имъ столько разъ уже сказанное лично, что чинопочитаніе есть душа военной службы и что безъ того службы быть не можетъ“.

Приказъ отъ 2 Мая 1856 г.: „Изъ нѣкоторыхъ жалобъ, приносимыхъ мнѣ нижними чинами, я замѣтилъ, что сотенные командиры вѣреннаго мнѣ полка дозволяютъ себѣ вмѣшиваться въ семейныя дѣла всадниковъ, заставляютъ ихъ разводиться съ женами и т. п. А какъ семейныя дѣла такого рода большею частью подлежатъ разбору духовныхъ лицъ по шаріату, то я предписываю сотеннымъ командирамъ къ исполненію, чтобы они напредъ сего въ дѣла урядниковъ и всадниковъ по выбору женъ и разводовъ съ ними устранили бы свое вмѣшательство“. Приказъ 28 Мая 1856 г.: „Сотникъ Л. А. О. неоднократно подвергался моимъ замѣчаніямъ и наставленіямъ за нетрезвое поведеніе, несмотря на которыя онъ сего числа, будучи дежурнымъ по сотнямъ, явился ко мнѣ до того пьянымъ, что не могъ даже выговорить обычнаго рапорта. Въ послѣдній разъ ограничиваюсь отправленіемъ его на гауптвахту для содержанія подъ арестомъ 7 сутокъ“. Приказъ 15 Мая 1857 г.: „Въ первыхъ числахъ Мая есаулъ М. М. М., оставивъ безъ разрѣшенія моего сотню, пріѣхалъ въ Шуру и, поссорившись тамъ съ товарищемъ Али-Акперомъ, разрѣзалъ ему кинжаломъ шубу и архалухъ, задѣвъ немного и по тѣлу на плечѣ. Хотя М. и приноситъ въ оправданіе свое, что кинжалъ онъ вынулъ потому, что собравшіеся Персіяне хотѣли его бить, хотя я совершенно убѣжденъ, что М. безъ особенной побудительной причины не обнажилъ бы оружія, но самоуправство во всякомъ случаѣ есть вина и вина большая, а самовольная отлучка отъ сотни—другая.... Къ сожалѣнію, я замѣчаю, что вообще гг. офицеры вѣреннаго мнѣ полка изъ мусульманъ не знаютъ собственнаго своего достоинства и званія, дарованнаго имъ милостію и щедротами Государя Императора; они входятъ въ разныя торговныя сдѣлки и въ дружбу съ Персіянами, простыми духанщиками и Жидами, и вслѣдствіе этого могутъ происходить неприличныя для офицерскаго званія сцены. Обстоятельство это, для меня непріятное, заставляетъ меня просить гг. штабъ и оберъ-офицеровъ изъ мусульманъ имѣть побольше самолюбія, сознанія своего достоинства и уваженія къ эполетамъ и мундирамъ, который они имѣютъ счастье носить. На будущее время всякій офицеръ, который забудетъ честь, доставляемую ему служеніемъ въ полку, какъ вредный и марающій мундиръ, получившій уже хорошее имя службою и доблестью полка, будетъ представленъ мною къ отчисленію“. Приказъ 24 Августа 1857 г. „Дошло до свѣдѣнія начальника 21 пѣхотной дивизіи, что нѣкоторые сотенные командиры, слѣдуя при оказіяхъ изъ отряда, не оказываютъ повиновенія колоннымъ начальникамъ“.

Хорунжій полка Х. И., отправившись въ укрѣпленіе Кумухъ за полученіемъ долговъ, 18 Августа 1852 г. остановился у одного изъ своихъ должни-

ковъ, Чохскаго выходца. На требованіе уплаты денегъ, должникъ отвѣчалъ ругательствами, повлекшими за собою довольно крупную ссору, въ заключеніе которой Чохецъ, обнаживъ кинжалъ, хотѣлъ нанести хорунжему ударъ, но Х. вырвалъ изъ его рукъ кинжалъ и отбросилъ его въ сторону. При сиростѣ Х., почему Чохецъ затѣваетъ ссору и драку, онъ отвѣчалъ новыми ругательствами, говоря: дай мнѣ кинжалъ, и я тебя убью. Х., вѣроятно, считая эти слова за шутку, подаль ему свой собственный кинжалъ, которымъ Чохецъ внезапно нанесъ ему ударъ въ голову и въ правый бокъ: удары, по завѣренію очевидцевъ, неопасныя. Прибѣжавшіе на шумъ сосѣди предупредили дальнѣйшую драку. На это дѣло князь Аргутинскій-Долгоруковъ взглянулъ строго: „Хорунжій Х. И., будучи 18 Августа сего года (писалъ князь генералу Суслову) въ Кумухѣ, пьянствовалъ съ проживающимъ въ Кумухѣ Чохскимъ выходцемъ Халилемъ, приче́мъ послѣдній нанесъ И. тяжелую рану кинжаломъ; по излѣченіи раны И. просилъ свое полковое начальство о взысканіи съ Халиля за понесенную ему рану. Съ Халиля я сдѣлаю взысканіе, но этимъ я нисколько не оправдываю хорунжаго И. Дослужившись до офицерскаго чина и занимая должность въ Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полку, онъ долженъ стыдиться, что пьянствуетъ и этимъ даетъ поводъ къ подобнымъ дракамъ и пораненіямъ“.

Въ самомъ концѣ 1853 г. дочь одного жителя сел. Верхняго Дженгутая, дѣвица Ляля, противъ воли родителей, бѣжала къ подпоручику полка Дебирь-Магомы Пуричеву. Дѣвица эта нѣкоторое время проживала въ сел. Дургали, откуда, по распоряженію начальства, была переведена въ сел. Кака-Шуру къ женѣ одного подполковника съ тѣмъ, чтобы прожить у нея до разрѣшенія вопроса объ ея бракѣ съ Дебирою. Этотъ романъ отозвался на службѣ полка: Дебирь и его два брата, тоже офицеры полка, опасаясь мести отца Ляли, не могли нести служебныхъ обязанностей, „которыя, не рѣдко заставляя ихъ проѣзжать чрезъ Верхній Дженгутай, могли произвести враждебныя столкновенія“. Въ Февралѣ 1857 г. мюридь и женщина изъ непокорнаго намъ селенія проживали въ домѣ полковаго подпоручика (брата перваго), сдѣлали покупки въ Дженгутатъ и намѣрены были провести ихъ въ горы, но были пойманы. Подпоручикъ былъ посаженъ за это на мѣсяцъ на Шурипскую гаупвахту.

Посмотримъ теперь, какъ жили нижніе чины-охотники полка. Первое условіе для поступленія въ полкъ—принадлежность къ Аварскому племени и къ числу выходцевъ скоро стало нарушаться. Князь М. З. Аргутинскій-Долгоруковъ былъ противъ допущенія въ полкъ вообще жителей Закавказскаго края, и, пока былъ живъ, рѣшительно не соглашался на опредѣленіе въ полкъ Грузинъ и Армянъ. Но съ уходомъ его взгляды стали мѣняться. Преемникъ его, князь Орбеліани, высказалъ по этому поводу мнѣніе, что „можно было бы въ каждой сотнѣ, въ видѣ надежныхъ кадровъ изъ Аварскихъ выходцевъ, имѣть не болѣе, какъ по 10 человекъ уроженцевъ мирнаго края, и было бы еще полезнѣе, если бы нашлись охотники изъ служившихъ въ Закавказскомъ Конно-мусульманскомъ полку: которые получили уже навыкъ къ служебнымъ порядкамъ и дисциплинѣ“. Со вступленіемъ въ командованіе полкомъ князя Багра-

тіона это стало широко примѣняться, и въ полкъ зачисляли безъ разбора Грузинъ. Армянь, жителей Закавказья и Прикаспійскаго края, изъ которыхъ значительная часть оказалась никуда негодною. Въ силу, вѣроятно, національныхъ симпатій командировъ полка Грузины преобладали въ числѣ не-Аварцевъ-охотниковъ, поступившихъ въ полкъ. Тѣмъ не менѣе почти половина полка и въ настоящее время состоитъ изъ Аварцевъ.

Естественно, что въ полку, сформированномъ изъ людей, никогда не слышавшихъ о субординаціи, въ первое время не было никакой дисциплины. Съ цѣлью исподволь приучить дикарей къ субординаціи и вѣжливости, Джемаржидзе съ большимъ трудомъ упротилъ князя Аргутинскаго опредѣлить въ полкъ урядниками одного Грузина и двухъ мусульманъ-Шемахинцевъ, служившихъ нѣсколько лѣтъ въ Закавказскомъ конно-мусульманскомъ полку въ Варшавѣ. Этимъ путемъ добровольцамъ, какъ бы инструкторамъ, поручено было въ частныхъ и осторожныхъ разговорахъ внушать всѣмъ урядникамъ и всадникамъ, что протягивать руки и обнимать начальствующихъ офицеровъ, по Русскому обычаю, не должно, что курить трубку въ присутствіи старшихъ, садиться и плевать на стѣны чрезъ зубокъ непристойно и т. п. На первыхъ порахъ трудно было дикарямъ отвыкать отъ врожденныхъ привычекъ; происходило много недоразумѣній и неловкостей, но съ теченіемъ времени основныя понятія дисциплины прививались, и всадники приучались къ соблюденію субординаціи, хотя еще долго приходилось начальству полка дѣлать повторенія и внушенія. Въ лучшемъ случаѣ приходилось ставить на видъ маловажныя сравнительно отступленія; такъ въ приказѣ по полку 4 Апрѣля 1856 г. сказано: „Замѣчено мною, что воинскіе чины вѣреннаго мнѣ полка, пріѣзжающіе по разнымъ случаямъ въ укр. Т.-Х.-Шуру, дозволяютъ себѣ курить на улицахъ трубки. Поступокъ этотъ не только противенъ порядку службы и дисциплины, но и неприличенъ, потому я предписываю гг. сотеннымъ командирамъ полка объявить при сборѣ сотенъ, что если засимъ будетъ замѣчено мною или кѣмъ либо изъ гг. офицеровъ, что воинскіе чины курятъ трубки на улицахъ, то виновный въ томъ будетъ подвергнутъ мною примѣрному наказанію“.

Наряду съ этимъ встрѣчаются и болѣе важныя проступки противъ службы. Ночью на 24 Сентября 1852 г. всадникъ, — Чохскій выходецъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, подкрался къ ставкѣ своего сотеннаго командира и неизвестно съ какою цѣлью нанесъ сильный ударъ кинжаломъ въ полотнище палатки. По рѣшенію кн. Орбеліани онъ былъ только переведенъ въ другую сотню. Въ Іюлѣ 1854 г. два всадника въ сел. Дженгутаѣ ворвались въ домъ, гдѣ квартировали офицеры пѣхотнаго полка, одинъ съ обнаженнымъ кинжаломъ, и схватилъ одного изъ офицеровъ за рукавъ. Въ Сентябрѣ 1855 г. въ лагерѣ при Дженгутаѣ всадникъ, являсь предъ батальономъ Апшеронскаго полка въ то время, когда батальонный командиръ производилъ экзекуцію, дозволилъ себѣ объясняться съ нимъ предъ фронтомъ грубо о какихъ-то пропавшихъ у него вещахъ, при чемъ размахивалъ руками; посаженъ подъ арестъ на недѣлю. 10 Мая 1856 г. присланы были отъ второй сотни 8 всадниковъ, сопровождавшіе до Шуры плѣннаго, всѣ они, кромѣ одного человека, были пьянѣе одинъ другого.

Естественно, что нѣкоторые всадники, попавъ въ совершенно новыя для нихъ условія жизни, не выдерживали и убѣгали, особенно въ первое время существованія полка. Кн. Аргутинскій съ пойманными бѣглецами расправлялся просто: онъ наказывалъ ихъ розгами на базарѣ, приказывая иногда давать до 200 ударовъ, и потомъ высылалъ въ непріятельскіе предѣлы, отобравъ у нихъ лошадь, оружіе и все имущество, вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ, если таковое было. Всадники-бѣглецы иногда уводили съ собою строевыхъ лошадей своихъ товарищей и т. п. Бѣгство всадниковъ дало поводъ начальнику штаба войскъ Прикаспійскаго края написать въ Январѣ 1854 г. командовавшему полкомъ: „Многіе изъ рядовыхъ всадниковъ Дагестанскаго конно-иррегул. полка, опредѣленныхъ въ оный по ручательству сотенныхъ командировъ о благонадежности ихъ, по сдѣланіи вскорѣ по опредѣленіи ихъ проступковъ, учиняють побѣги къ непокорнымъ горцамъ, или же впадаютъ въ другія важныя преступленія. Это даетъ поводъ заключать, что рекомендаціи сотенныхъ командировъ о желающихъ поступить въ полкъ выходцахъ представляются ими безъ вниманія и разбора людей; а потому я покорнѣйше прошу объявить сотеннымъ командирамъ, чтобы они при рекомендаціи о желающихъ поступить на службу въ полкъ выходцахъ были весьма осмотрительны; если же подобные случаи и затѣмъ будутъ повторяться, то это поведетъ къ тому, что ручательство и одобрительные отзывы сотенныхъ командировъ не будутъ принимаемы во вниманіе“. Не смотря на резолюцію командира полка „сотенныхъ командировъ собрать и толкомъ объяснить имъ это, подѣ условіемъ неминуемаго посаженія на гаупвахту въ Т.-Х.-Шурѣ,“ подобные случаи повторялись. Въ началѣ 1856 г. по ручательству одного сотеннаго командира былъ зачисленъ всадникъ, выходецъ изъ Гугуджи, который подговорилъ четырехъ своихъ товарищей отправиться на добычу въ горы, гдѣ предалъ ихъ въ руки непріятелю, убившему ихъ. Сотенный командиръ былъ посаженъ на 7 сутокъ на гаупвахту. Въ началѣ 1854 г. бѣжали въ горы 7 всадниковъ изъ числа бывшихъ приверженцевъ Гаджи-Мурата. Они сопровождали изъ Дженгутая въ Шуру арестованнаго всадника, сдали его по принадлежности на гаупвахту, накупили разныхъ вещей для домашняго обихода и прямо отправились въ немирные аулы, о чемъ въ штабѣ полка узнали только на третій день. Одинъ изъ ихъ товарищей, остававшійся на службѣ въ полку, послѣ разказа, что они, дѣня гостепріимство и ласки, оказанные имъ въ полку, готовы были служить Россіи, но страдая и мучаясь несчастной судьбой семействъ своихъ, которыхъ Шамиль безжалостно притѣснялъ, рѣшились возвратиться въ горы, давъ себѣ честное слово не воевать противъ Русскихъ. Они же первые явились въ полкъ въ 1859 г. послѣ Согратлосской переправы и дружно обнимались со своими старыми товарищами.

Этотъ случай далъ поводъ кн. Орбеліани предписать оригинальное средство къ предотвращенію побѣговъ. 11 Марта 1854 г. онъ писалъ командиру полка: „Почти всѣ Аварцы, вышедшіе съ Хаджи-Муратомъ и потомъ зачисленные въ полкъ, бѣжали къ непокорнымъ горцамъ по той причинѣ, какъ говорятъ ихъ товарищи, что спокойное положеніе края отнимаетъ у нихъ возмож-

ность вести привычную имъ боевую жизнь. Снисходя къ желанію всадниковъ встрѣчаться чаще съ непріятелемъ, прошу дозволить имъ мелкими партіями дѣлать поиски въ немирныя земли съ тѣмъ, однакожь, чтобы поиски эти были дѣлаемы осмотрительно, съ кѣрнымъ расчетомъ на успѣхъ, и чтобы добыча, которую они могутъ приобрѣтать, не обходилась имъ дорого“. Съ 1854 г. пойманныхъ въ намѣреніи бѣжать въ горы всадниковъ ссылали въ арестанскія роты въ крѣпостяхъ внутри Имперіи или въ отдѣльный корпусъ внутренней стражи на извѣстное число лѣтъ, обыкновенно на 15, и потомъ къ поселенію въ Сибири, если виновный принадлежалъ къ непокорному намъ обществу.

1 Января 1853 г. выданъ приказъ: „Для прекращенія постоянныхъ смертоубійствъ и пораненій по кровомщенію, происходящихъ между нижними чинами вѣреннаго мнѣ полка, предписываю на будущее время, къ непремѣнному руководству и исполненію, слѣд. правила: 1) Убійца, кромѣ того, что будетъ подвергнутъ аресту и исключенію изъ службы, долженъ внести въ пользу родственниковъ убитаго, 45 р. с. штрафа. 2) За пораненія въ дракахъ, смотря по ихъ степени и опредѣленію полковаго лѣкаря, должно быть взыскано съ виновнаго въ пользу раненаго отъ 15 до 25 р. с.; если же раненый умретъ, то виновный подвергается штрафу и наказанію, опредѣленному въ 1-мъ пунктѣ. 3) За ослушаніе противу старшихъ должно быть взыскано съ виновныхъ въ первый разъ 2 р., во второй—3 р., въ 3-же ослушникъ будетъ исключенъ со службы“. Черезъ годъ, 16 Января 1854 г. этотъ приказъ нѣсколько измѣняетъ: „По волѣ высшаго начальства, нижніе чины полка, обличенные въ убійствѣ своихъ товарищей, подвергаются нерѣдко ссылкѣ въ арестанскія роты, расположенныя въ большихъ крѣпостяхъ Россіи, почему правила, установленныя приказомъ по полку 1 Января прошлаго года, замѣняются слѣдующими: 1) Убійца, кромѣ того, что будетъ вслѣдъ за преступленіемъ повергнутъ аресту и впослѣдствіи исключенъ со службы, долженъ внести въ пользу родственниковъ убитаго, а когда не окажется родственниковъ, то въ пользу полка, 45 р. с. штрафа только въ такомъ случаѣ, если рѣшеніемъ начальства не будетъ подлежать ссылкѣ въ крѣпость; при ссылкѣ же убійцы штрафныхъ 45 р. с. не взыскивать. 2) За пораненіе въ дракахъ, смотря по ихъ степени по опредѣленію полковаго лѣкаря, должно быть взыскиваемо съ виновныхъ въ пользу раненаго отъ 15 до 25 р. с.; если же раненый умретъ, то виновный подвергается штрафу, опредѣленному первымъ пунктомъ, въ такомъ случаѣ, если онъ рѣшеніемъ начальства не будетъ подлежать ссылкѣ въ крѣпость. Съ поранившихъ же себя обоюдно взыскивается штрафъ отъ 5 р. и дальше въ пользу полка. Пунктъ третій остается въ прежней силѣ“.

Въ это же время командовавшій полкомъ майоръ Бѣлюстинъ возбудилъ вопросъ о наказаніяхъ. „Кроткія мѣры, писалъ онъ въ штабъ войскъ Прикаспійскаго края, иногда не только безполезны, но даже вредны, и бываютъ случаи, гдѣ необходима строгость, а именно тѣлесное наказаніе, домашній арестъ на хлѣбъ и воду и пр. Хотя тѣлесныя наказанія и допущены Положеніемъ, но въ настоящее время трудно приводить ихъ въ исполненіе чрезъ

самихъ же всадниковъ, еще весьма дурно дисциплинированныхъ, а потому, во избѣжаніе явнаго неповиновенія и ропота, командиру полка слѣдуетъ имѣть при себѣ по крайней мѣрѣ 12 Донскихъ казаковъ при одномъ урядникѣ для немедленнаго исполненія въ строгой точности назначеннаго имъ наказанія“. Такое по меньшей мѣрѣ странное предположеніе, возлагавшее на Донскихъ казаковъ роль палачей, вызвало слѣдующій отвѣтъ штаба: „Всѣ допускаемыя нашими законами изысканія, какъ то аресты, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ на болѣе или менѣе продолжительное время, а въ томъ числѣ и наказаніе тѣлесное, хотя предоставлены полковому командиру, но въ отношеніи послѣдней мѣры кн. Аргутинскій былъ всегда того желанія, чтобы тѣлесное наказаніе провинившихся всадниковъ не дѣлалось полковымъ командиромъ безъ разрѣшенія его, и для того, въ случаѣ надобности, виновные всегда требовались въ Шуру, и здѣсь, по рѣшенію, наказывались они чрезъ мѣстную полицію. Поэтому и назначеніе особой команды изъ казаковъ, въ видѣ исполнителей въ этомъ полку экзекуцій, должно признавать противнымъ духу христіанъ и тѣмъ правиламъ кротости, какія требуетъ наше правительство въ отношеніи къ инновѣрцамъ“. Если случаи убійствъ были многочисленны, то еще многочисленнѣе были пораненія всадниками товарищей и другихъ лицъ въ ссорѣ, дракѣ и т. п., такъ что далеко не всѣ не только не влекли за собою наказаніе, но даже не становились извѣстными начальству. Въ 1853 г. шамхаль Тарковский обращался къ кн. Орбеліани съ просьбою внушить всадникамъ, чтобы они ссоры и иски рѣшали разбирательствомъ гдѣ слѣдуетъ, а не своимъ судомъ, что возбуждаетъ жителей противъ нихъ.

Многія изъ преступленій всадниковъ были совершены въ пьяномъ видѣ. Дикіе сыны горъ, избавившись отъ надзора Шамиля и его мюридовъ, строго воспрещавшихъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, съ увлеченіемъ предались сему послѣднему и, конечно, подверглись всѣмъ послѣдствіямъ сего увлеченія. Въ средѣ офицеровъ перваго призыва офицеровъ-Аварцевъ было достаточное число поклонниковъ запрещеннаго Пророкомъ напитка. Такъ въ 1855 г. врачемъ полка было выдано свидѣтельство одному офицеру-Аварцу, что онъ, будучи пристрастенъ къ неумѣренному употребленію спирта, нѣсколько разъ подвергался бѣлой горячкѣ и страдаетъ приступами бреда, трясеніемъ конечностей и слабостью, такъ что неспособенъ сидѣть на конѣ. Подобныя же свидѣтельства были выданы въ 1855 г. двумъ другимъ офицерамъ полка. По словамъ Пржецлавскаго, „другая привычка не только всадниковъ, но и нѣкоторыхъ офицеровъ-горцевъ, выѣзжать на тревогу и въ набѣги съ бутылками спирта въ кафтанѣ, была парализована замѣчаніемъ, что только одни трусы ищутъ храбрости на днѣ стакана. Исключеніе изъ списковъ полка извѣстныхъ пьяницъ воздержало другихъ отъ этого порока, бывшаго причиною частыхъ между ними ссоръ, пораненій и убійствъ. Въ 1852 г., возвращаясь съ перваго инспекторскаго смотра въ Шурѣ въ Дженгутай, на протяженіи 18 верстъ полкъ засыпалъ дорогу свалившимися съ лошадей пьяными всадниками, а въ 1854 г. тоже пространство прошли не оставивъ на дорогѣ ни одного неспособнаго держаться въ сѣдлѣ человека“. До чего доходила склонность къ водкѣ,

видно напр. изъ того, что одинъ всадникъ жаловался 8 Марта 1853 г. командиру полка, что онъ за забранную у Кафаръ-Кумыхскаго духанщика водку на 30 к. заложилъ ему свою шашку, которую духанщикъ соглашался возвратить только за 2 р. Въ 1854 г. всадникъ, неоднократно замѣченный въ пьянствѣ и буйствѣ ночью направился въ Капчугай въ духанъ и требовалъ, чтобы духанщикъ отперъ ему, угрожая въ противномъ случаѣ убить его; начальникъ команды, хорунжій, хотѣлъ арестовать его, тогда всадникъ едва не убилъ его. Поведеніе всадниковъ вынудило князя Орбеліани написать 6 Октября 1854 г. командиру полка: „Прибывающіе въ Шуру по разнымъ надобностямъ всадники полка неоднократно замѣчены въ пьянствѣ, буйствахъ, дракахъ и вообще въ такихъ дурныхъ поступкахъ, которые весьма неодобрительно рекомендуютъ ту часть, въ которой требуются общій во всѣхъ войскахъ порядокъ и наблюденіе за нравственностью. Поэтому прошу объявить всадникамъ полка, что если впредь кто либо изъ нихъ будетъ замѣченъ здѣсь въ подобныхъ проступкахъ, то безъ всякаго снисхожденія будетъ ссылаемъ для исправленія поведенія или въ арестантскія роты внутри Россіи или же въ Сибирь, въ каторжную работу. Затѣмъ прошу васъ строго наблюдать, чтобы въ Шуру отпускались для своихъ надобностей только тѣ изъ всадниковъ, которые будутъ дѣйствительно имѣть здѣсь надобность и поведеніемъ своимъ заслуживаютъ увольненія; прибывающихъ же по дѣламъ службы всегда слѣдуетъ поручать одному изъ лучшихъ всадниковъ, а отправляемыхъ командами векилю (уряднику) или же офицеру, которые и должны будутъ лично отвѣчать за поведеніе прибывающихъ сюда въ ихъ вѣдѣніи всадниковъ“. Но уже 25 Ноября 1857 г. Шуринскій воинскій начальникъ сообщилъ кн. Багратіону: „Буйства и другіе противозаконные проступки, которые производятся въ укрѣпленіи всадниками полка, въ особенности на здѣшнемъ рынкѣ, гдѣ они весьма часто въ нетрезвомъ видѣ не только что грабятъ торговцевъ, но даже наносятъ имъ жестокіе побои, обнажая оружіе свое, вынудили меня, во избѣжаніе могущихъ произойти отъ этихъ своевольныхъ людей непріятныхъ послѣдствій, всепокорнѣйше просить васъ не оставить принять мѣры къ обузданію ихъ“. Кн. Багратіонъ положилъ резолюцію: „Объявить въ приказѣ по полку, чтобы прекратились эти буйства, и чтобы людей неблагонамѣренныхъ сотенные командиры не пускали бы въ Шуру. Если послѣдуетъ еще разъ подобная жалоба, я принужденъ буду разыскать съ сотенныхъ командировъ, въ сотнѣ котораго значится всадникъ. Кромѣ приказа дать еще предписаніе сотеннымъ командирамъ“. Но и это не помогло, 28 Марта 1858 г. донесено новому командующему войсками, барону А. Е. Врангелю, что всадникъ полка зашелъ пьяный въ одну лавку, обнажилъ шашку и хотѣлъ ударить ею хозяина лавки, а когда послѣдній убѣжалъ, то разрубилъ скамейку. Къ этому воинскій начальникъ прибавлялъ, что „всадники полка непрерывно обнажаютъ оружіе и наводятъ страхъ на торговцевъ, которые съ появленіемъ пьянаго всадника и обнаженія оружія оставляютъ свой товаръ на произволь“. Вслѣдствіе этого рапорта баронъ Врангель написалъ командиру полка: „Имѣя въ виду, что подобные случаи въ короткое время начальствованія моего повторялись уже нѣсколько разъ, я предлагаю вамъ принять строгія мѣры къ удер-

жанію всадниковъ ввѣреннаго вамъ полка отъ своевольствъ и буйствъ въ укрѣпленіи Т.-Х.-Шурѣ“. Въ скоромъ времени жители укрѣпленія даже подали барону прошеніе на частныя обиды всадниковъ, такъ что онъ назначилъ слѣдствіе. Нужно, впрочемъ, признать, что для всадниковъ соблазнъ въ Шурѣ былъ слишкомъ великъ, ибо въ ней въ 1858 г. было ни болѣе, ни менѣе, какъ 69 духановъ!

Первое время послѣ сформированія полка нелегкій трудъ выпадалъ также на его начальство пріучить, хотя нѣсколько людей, никогда не знавшихъ, что такое порядокъ строя и дисциплина, къ строевой службѣ. Задача была тѣмъ труднѣе, что и помощникъ командира полка, и всѣ сотенные командиры и ихъ помощники были тѣже Аварцы, почти совершенно чуждые понятіямъ о важности строеваго образованія. Но за то изъ Дагестанскихъ горцевъ получались лихіе кавалеристы.

Первый командиръ полка, Джемарджидзе положилъ начало строевому образованію его. Полкъ почти тотчасъ за сформированіемъ поступилъ въ составъ Дагестанскаго отряда на Кутишинскихъ высотахъ, куда 10 Іюня 1852 г. прибылъ Джемарджидзе, чтобы скорѣе начать вводить исподволь въ сотняхъ дисциплину, и хотъ нѣсколько пріучить ихъ къ фронту. Онъ пробылъ здѣсь до 2 Іюля. Сотни начали ходить на службу не толпою, какъ прежде, а въ порядкѣ и въ строѣ, и этимъ уже рѣзко отличались отъ житейскихъ милицій. При этомъ объяснялась всадникамъ необходимость военной дисциплины и строя, равно польза служенія въ полку и преимущества его, изъясненныя въ Положеніи о немъ, которое тоже имъ переводилось. По возвращеніи полка изъ отряда, Джемарджидзе пріѣхалъ въ штабъ полка, сел. Большой Дженгутай и объѣхалъ всѣ сотни полка въ мѣстахъ ихъ зимняго расположенія. Потомъ, собирая сотни въ штабъ полка и дѣлая имъ ученія, онъ объяснялъ офицерамъ и всѣмъ чинамъ обязанности каждаго изъ нихъ. Успѣшному усвоенію полкомъ дисциплины и фронтоваго образованія много способствовала сформированная при штабѣ полка конвойная команда, которая, состоя изъ 60 всадниковъ при 6 урядникахъ, собранныхъ поровну изъ каждой сотни, служила школою цѣлому полку. Джемарджидзе, почти каждый день выѣзжая на ученіе, самъ училъ команду, приглашая присутствовать при этомъ офицеровъ полка, для которыхъ это занятіе было также ново, какъ и для всадниковъ. По прошествіи нѣкотораго времени, когда команда достаточно знакомилась съ ученіемъ и другими служебными обязанностями, она распускалась по сотнямъ, и составлялась другая изъ новыхъ людей; обученные въ командѣ много облегчали обученіе полка въ сотняхъ и въ цѣломъ. Понятливые отъ природы горцы съ большою охотою перенимали все имъ съ толкомъ объясняемое, и полкъ въ самое короткое время много измѣнился къ лучшему, сталъ походить на дисциплированную воинскую часть. При этомъ встрѣтилось неожиданное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ жителей, Шамхальцевъ и Мехтулинцевъ, которые съ необыкновенною настойчивостью напустились на всадниковъ, убѣждая ихъ отказаться отъ вновь вводимыхъ порядковъ и предупреждая, что Русскіе ихъ обратятъ въ казаковъ или солдатъ, женъ ихъ одѣнутъ порусски, а потомъ совсѣмъ выселятъ въ

Россію. Большаго труда стоило Джемарджидзе убѣдить всадниковъ въ нелѣпости этихъ толковъ.

При составѣ полка сплошь изъ людей, непонимавшихъ по русски, конечно, командныя слова не могли быть произносимы по русски, и пришлось составить ихъ на Аварскомъ языкѣ, при чемъ прибѣгать къ парафразамъ и т. п. Вотъ одна изъ этихъ командъ. Строй фронтъ влѣво, дирекція на право, переводилось такъ: тотъ севиса тлявго балахунъ козана низамъ хаби.

Аварская команда въ полку удержалась до 1875 года; съ этихъ поръ она стала постепенно замѣняться Русскою.

Въ 1854 г. Бѣлюстинъ, въ видахъ улучшенія строя и по просьбѣ всадниковъ, ходатайствовалъ о заведеніи въ полку національной музыки. На это начальникъ штаба войскъ Прикаспійскаго края, небезызвѣстный въ печати полк. Невѣровскій отвѣчалъ ему неожиданнымъ репримандомъ, положивъ на рапортѣ Бѣлюстина резолюцію: „Какіе меломаны! Доложить“. Онъ писалъ, что, не найдя въ Положеніи о полку никакихъ данныхъ для зачисленія въ полкъ подъ наименованіемъ всадниковъ изъ туземцевъ Закавказскаго края, онъ не считаетъ себя въ правѣ докладывать о рапортѣ завѣдывающему войсками края; „при томъ многія смертоубійства, воровство и побѣги всадниковъ, свидѣтельствуя дурно объ ихъ службѣ, лишаютъ также меня возможности ходатайствовать объ удовлетвореніи ихъ просьбы. Если вмѣсто изъявленнаго ими желанія, доказывающаго только наклонность къ развлеченіямъ и празднои жизни, они не будутъ отступать отъ предписанныхъ правилъ дисциплины и будутъ добросовѣстно исполнять лежащія на нихъ обязанности, въ такомъ случаѣ я готовъ съ удовольствіемъ подкрѣпить ваше ходатайство“.

Но, несмотря на эти темныя стороны въ жизни полка въ первые годы его существованія, тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же съ перваго вступленія своего на арену боевой дѣятельности занялъ почетное мѣсто въ ряду другихъ частей.

Ожиданія кн. М. З. Аргутинскаго-Долгорукова исполнились: съ 1852 по Январь 1855 г. полкъ привлекъ изъ горъ 532 новыхъ выходцевъ, изъ которыхъ бѣжало обратно лишь 45 чел. Уже въ началѣ 1855 г. начальникъ штаба войскъ Прикаспійскаго края писалъ: „Кордонная служба полка оказала значительную пользу краю тѣмъ, что въ это трехлѣтіе прорывовъ большихъ непріятельскихъ партій вовсе не было, мелкія же обыкновенно уходили, или, ненаходя добычи, или, найдя ее, бывали открыты, настигнуты и возвращались разбитыми. При проѣздахъ почтъ, курьеровъ и проѣзжающихъ не было ни одного несчастія, ни одного даже покушенія со стороны непріятеля. Служба полка во время экспедицій, а также частныя и удачныя набѣги сотенъ сдѣлали полку извѣстность въ горахъ, такъ что мюриды смотрятъ теперь на всадника, какъ на непріятеля опаснаго и имѣющаго надъ нимъ преимущество. Вскорѣ послѣ сформированія полка, когда онъ началъ уже принимать большую регулярность, туземные Татары, понявъ, что строй, порядокъ и дисциплина много способствуютъ къ успѣшному веденію войны, начали сформировывать изъ среды

себя уже болѣе правильныя милиціи, вводить однообразную обмундировку и даже мелкія постройкі“.

Кн. Орбеліани въ рапортѣ Н. Н. Муравьеву такъ характеризовалъ службу полка: „Пользы, принесенныя этимъ полкомъ со дня его сформированія съ 1 Мая 1852 г., такъ обширны и очевидны, что остается только желать, чтобъ существованіе этого полка было продолжено на неопредѣленное время, пока мирныя деревни, лежащія на плоскости Шамхальства и Мехтулинскаго владѣнія, будутъ отдалены на большое пространство отъ близкаго теперь сосѣдства непріязненныхъ горцевъ, всегда жадныхъ на добычу, и пока военныя обстоятельства Прикаспійскаго Края дозвоятъ обходиться и безъ Дагестанскаго Конно-иррегулярнаго полка. Полкъ этотъ въ продолженіе трехъ лѣтъ былъ большою помощію во время лѣтнихъ сборовъ войскъ Дагестанскаго отряда, а при квартирномъ расположеніи около передовой военной нашей линіи служилъ хорошимъ кавалерійскимъ резервомъ и неусыпнымъ блюстителемъ въ охраненіи границъ нашихъ со стороны Сѣвернаго Дагестана отъ вторженія болѣе или менѣе значительныхъ хищническихъ партій, всегда почти наказанныхъ за смѣлыя свои покушенія. Изрытая и пересѣченная мѣстность этой части края: горами, глубокими оврагами, соприкасающимися къ непріятельской границѣ по Аварскому и Андійскому Койсу, будучи одѣта лѣсами и кустарникомъ, при мелководіи въ продолженіе двухъ третей года, представляетъ неотвратимое удобство непріятельскимъ партіямъ переправляться на сторону въ бродъ въ безчисленныхъ мѣстахъ. Для мгновенныхъ поисковъ и преслѣдованія подобныхъ партій всегда оказывалась ощутительная нужда въ легкой регулярной кавалеріи, хорошо знакомой съ здѣшними мѣстностями по различнымъ направленіямъ путей, избираемыхъ непріятельскими партіями, и потому никакая часть войскъ, ни туземныя милиціи не могли быть на это употреблены съ такою пользою, какъ Конно-иррегулярный полкъ, составленный изъ подобныхъ людей, съ существованіемъ котораго набѣги партій замѣчательно сдѣлались рѣже, а появляющіяся на нашей сторонѣ дѣятельно преслѣдуются всадниками и при удобныхъ случаяхъ или совершенно истребляются, или по крайней мѣрѣ вынуждаются оставить у насъ ту добычу, которою какъ либо успѣли воспользоваться. Сформированіе полка и полное обезпеченіе быта всадниковъ хорошимъ отъ казны содержаніемъ, получаемымъ ими аккуратно въ опредѣленные сроки, привлекло въ ряды его изъ непріятельскихъ племенъ многихъ главныхъ предводителей шаекъ и вообще людей, снискивающихъ дневное пропитаніе набѣгами и грабежами въ нашихъ же предѣлахъ. Съ выбытіемъ ихъ изъ горъ Шамиль лишился нѣсколько сотенъ отчаянныхъ наѣздниковъ, изъ числа которыхъ весьма многіе служатъ теперь намъ лучшими въ непріятельскія мѣста проводниками и самыми надежными лазутчиками. Являющихся изъ горъ охотниковъ, усердно просящихъ опредѣленія въ полкъ на службу и принимающихъ всѣ предложенныя имъ условія, столько наконецъ прибываетъ, что въ послѣднее время не бываетъ въ полку свободныхъ вакансій для ихъ зачисленія, а это даетъ возможность опредѣлять выходцевъ съ болѣею противъ прежняго разборчивостію. Постепенное введеніе фронтоваго

образованія въ полку принимается всадниками весьма охотно, и на это они очень понятливы и способны. Единообразная обмундировка, исправное вооруженіе и вообще присмотръ за содержаніемъ верховыхъ лошадей въ должной годности къ службѣ, при тщательномъ наблюденіи благонамѣренныхъ начальниковъ въ полку и по мѣрѣ средствъ cadaго изъ служащихъ исподволь принимаютъ прочные и приличные виды. Побѣги обратно въ горы и различные по народному характеру и обычаямъ преступленія, преслѣдуемые нашими законами, теперь почти выводятся и каждый старается уклониться отъ тѣхъ преступленій, какія усвоены были его прежнимъ необузданнымъ бытомъ въ горахъ; а стараніе cadaго исполнить долгъ свой по мѣрѣ силъ и способностей до того развито въ ихъ понятіяхъ, что при извѣстіи о приведеніи всѣхъ войскъ на вѣрность подданства Его Императорскаго Величества всѣ чины Дагест. Конно-иррегулярнаго полка отъ старшихъ до младшихъ единодушно просили допустить ихъ къ этой присягѣ и исполнили ее по своимъ обрядамъ и религіи при общемъ собраніи всего полка. На это выходцы не были обязываемы Положеніемъ о полку, а наступающимъ случаемъ выразилась уже болѣе прочная будущность въ существованіи этого полка“.

Горцы съ появленіемъ полка на театрѣ военныхъ дѣйствій сразу почувствовали присутствіе на нашей линіи какой-то новой, еще невѣдомой, силы, и не могли понять, что сдѣлалось съ нашей милиціей, которую тѣ ставили невысоко; они стали смотрѣть на полкъ, какъ на непріятеля опаснаго, и имѣющаго надъ ними много преимуществъ. Знаменателемъ отзывъ Шамиля, сдѣланный имъ уже въ плѣну: „Первое мѣсто между иррегулярными (Кавказскими) войсками занимаютъ всадники Дагестанскаго Конно-иррегулярнаго полка. Храбрость ихъ въ сраженіяхъ и присвоенная имъ форма одежды заставляли его смотрѣть на нихъ, какъ на настоящую милицію“. *) Обстоятельства для горцевъ круто перемѣнились. Круглый годъ, и лѣто, и зиму, и днемъ, и ночью, полкъ не сходилъ съ своего сторожеваго мѣста, и ни одна партія хищниковъ, какъ бы мала ни была, не укрывалась отъ бдительности его засадъ и разѣздовъ. Одины выстрѣлы въ какой-либо балкѣ подхватывался сторожевыми пикетами, и тревога распространялась на огромномъ протяженіи. Правда, въ этой изрытой, пересѣченной мѣстности трудно было различить случайный выстрѣлъ отъ боеваго, и потому тревоги часто бывали фальшивыя; но тѣмъ не менѣе, какъ только грянетъ сигнальный выстрѣлъ, со всѣхъ сторонъ стройно, въ порядкѣ несутся сотни полка, а за ними скачутъ и жители. Туземныя милиціи уже не могли отговариваться теперь незнаніемъ о партіи, не имѣли возможности уклониться отъ боя, такъ какъ и впереди и сзади ихъ были все тѣ же лихія, неутомимыя Дагестанскія сотни, и жителямъ волею-неволею приходилось драться на ихъ глазахъ и подъ ихъ присмотромъ. При тревогахъ сотни полка, своимъ порядкомъ и строемъ рѣзко выдѣляясь отъ жителей, служили для нихъ надежнымъ резервомъ. Несмотря на антипатію, питаемую жителями къ полку въ началѣ его существованія, во время тревогъ они поневолѣ брата-

*) Акты Кавк. Археогр. Ком. XII, 1454.

лись со всадниками, а женщины всегда дружески сопутствовали сотнямъ полка: Аллаисанъ Качалларъ тезъ чапыгызъ (ради Бога, молодцы, скорѣ спѣшите). Составленный изъ людей, выросшихъ при одинаковыхъ условіяхъ жизни съ врагами, знакомыхъ въ совершенствѣ со всѣми военными обычаями и приемами послѣднихъ, а также съ ихъ страной, полкъ скоро изъ охранительной роли перешелъ въ наступательную и рядомъ набѣговъ на непріятельскія селенія и твердыни доказалъ врагу, что онъ не имѣетъ безопасности и въ собственныхъ предѣлахъ. Цѣлый рядъ лихихъ набѣговъ и доблестное участіе въ экспедиціяхъ (набѣги на Кудукъ, Бурундукъ-Кале, Гимры и пр.), участіе въ историческомъ и безпримѣрномъ переходѣ кн. Аргутинскаго чрезъ главный Кавказскій хребетъ, въ походахъ въ Кайтагъ, въ Салатавію, въ переправѣ чрезъ Салрытъ, во взятіи Гуниба и т. д., доставили полку знамя и Георгіевскія трубы, а чинамъ его длинный рядъ боевыхъ наградъ, въ томъ числѣ Георгіевскихъ крестовъ. Съ 1 Мая 1852 г. по 1 Мая 1874 г. всадники полка получили 348 знаковъ отличія военнаго ордена разныхъ степеней. Даже въ сравнительно болѣе поздніе годы полкъ могъ на полковой праздникъ (26 Ноября) составлять сотни сплошь изъ Георгіевскихъ кавалеровъ. За участіе въ усмирении возстанія въ Дагестанѣ въ 1877 г., полкъ, вѣрный долгу и присягѣ, получилъ Георгіевское знамя.

Боевыми своими подвигами полкъ поставилъ себя въ ряду первыхъ полковъ Кавказской арміи и честно послужилъ на ратномъ полѣ. Но и на мирной нивѣ гражданственности полкъ послужилъ не менѣе полезно. Мы разумѣемъ ту образовательную роль, которую полкъ игралъ въ жизни населенія области; пусть эта роль первоначально выражалась во внѣшности, даже въ мелочахъ, но тѣмъ не менѣе она способствовала сближенію туземнаго населенія съ Русскими и, какъ-ни-какъ, внесла зачатки людскости въ горныя трущобы. Вотъ какъ говорить объ этомъ С. С. Каргановъ, прослужившій въ полку съ его основанія: „Полкъ оказалъ несомнѣнное вліяніе и на мирныхъ жителей, которые, сознавая всѣ его преимущества, какъ передъ горцами, такъ и передъ собою, искали причину, почему полкъ этотъ стоитъ выше другихъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ и, полагая, что сила его состоитъ главнымъ образомъ въ его организаціи, стали ему подражать. Женщина Дагестана, какъ вездѣ, воспитательница племени и упорная хранительница его обычаевъ, также не избѣгла подчиниться вліянію новой жизни, проводникомъ которой сдѣлался полкъ. Аульскія красавицы, смотрѣвшія прежде на горцевъ-выходцевъ съ пренебреженіемъ, какъ на своихъ батраковъ, видя теперь всадниковъ большею частью бравыхъ, ловкихъ, хорошо одѣтыхъ и на хорошихъ лошадяхъ, сдѣлались ласковѣе, внимательнѣе къ нимъ и стали охотнѣе выходить за нихъ замужъ, чѣмъ за своихъ односельцевъ, которые далеко уступаютъ въ физической ловкости и боевомъ молодечествѣ. Всадники же съ своей стороны оказывали означеннымъ женщинамъ особое вниманіе, покупая имъ Московскіе ситцы, расписанные большими яркими цвѣтами, а иногда даже и Варшавскія ботинки. Холостые же всадники не отставали отъ женатыхъ; они также пріобрѣтали подобные ситцы и одаривали ими своихъ хозяекъ или ихъ дочерей. Жены жителей, замѣчая яркіе наряды на полковыхъ женщинахъ, стали сильно соблаз-

няться и, не желая отъ нихъ отставать, всѣми мѣрами добивались тѣхъ же нарядовъ. Мужья кряхтѣли, но уступали неотвязчивымъ просьбамъ женъ; въ концѣ концовъ это привело къ тому, что всѣ женщины прибрежнаго Дагестана одѣваются въ ткани Русскаго издѣлія, которыми переполнены городскія лавки, откуда туземные жидки развозятъ сіи матеріи по всѣмъ захолустьямъ Дагестана. Грубыя и некрасивыя Персидскія бумажныя матеріи, которыми всѣ женщины, кромѣ ханскихъ женъ, одѣвались до сформированія полка, теперь (въ началѣ 1870-хъ годовъ) давно изгнаны изъ Дагестана. Въ самыхъ домахъ замѣтна переменѣна: окошки со стеклами, самоваръ, стулья, столы и другая домашняя утварь постепенно получаютъ здѣсь гражданственность. Правда, все это со временемъ, можетъ быть, и было-бъ введено у мѣстныхъ жителей безъ полка; но, нѣтъ сомнѣнія, что полкъ способствовалъ къ ускоренію этого“.

Служивецъ Карганова, П. Г. Пржецлавскій, говоря объ обычаяхъ женщинъ въ Дагестанѣ повертываться при встрѣчѣ къ мужчинѣ спиною, замѣчаетъ *): „Обычай этотъ на плоскости исчезъ совершенно; онъ исчезъ бы и въ горахъ, еслибъ сотни Дагестанскаго Конно-иррегулярнаго полка были расквартированы среди населенія, подчинявшагося еще по привычкѣ Шамилевскому ученію. По моему убѣжденію, основанному на долготѣнномъ опытѣ, всадники этого полка и ихъ жены много способствуютъ въ дѣлѣ цивилизаціи и смягченіи грубыхъ нравовъ и обычаевъ своихъ единовѣрцевъ-односельцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что переходное движеніе всадниковъ отъ невѣжества на степень возможной для нихъ цивилизаціи шло всегда быстрыми шагами, такъ что дикій горецъ зачисленный въ полкъ, черезъ года два, сбросивъ свою грубую оболочку, превращается въ человека вѣжливаго, ловкаго, щеголеватого и сознающаго свое достоинство... Приѣзжія къ роднымъ въ горы жены всадниковъ полка, эти деревенскія франтихи, законодательницы модъ, служатъ предметомъ зависти провинціалокъ, неимѣющихъ средствъ или позволенія мужа-фанатика носить кумыкское платье, болѣе дорогое и красивое по фасону, нежели національное платье горянокъ“.

Е. Козубскій.

Г. Т.-Х.-Шура,
22 Іюня 1908.

*) Дагестанъ, его нравы и обычаи, Вѣстникъ Европы. 1867, Сентябрь.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ФЕДОРОВЪ.

Два разговора о воскрешеніи мертвыхъ.

Помѣщавшіяся въ „Русскомъ Архивѣ“ статьи В. А. Кожевникова о Николаѣ Федоровичѣ Федоровѣ прекратились и, чтобы не оставлять читателей въ недоумѣніи относительно главной сути его ученія о воскрешеніи, отецъ мой, Издатель „Русскаго Архива“, просилъ меня, знакомаго съ этимъ ученіемъ, дать краткое разъясненіе, какимъ же образомъ Николай Федоровичъ хотѣлъ воскрешать умершихъ. Такое разъясненіе для меня непосильная задача, такъ какъ я не обладаю, какъ В. А. Кожевниковъ, всеоружіемъ философскаго образованія. Но, чтобы хотя отчасти выполнить желаніе моего отца, рѣшаюсь передать два разговора на эту тему, которые мнѣ пришлось вести, одинъ съ ученикомъ Николая Федоровича и другой съ нимъ самимъ.

Однажды съ братомъ Юріемъ († 31 Окт. 1908 г.) я отправился къ Ник. Фед. въ Каталогную Румянцевскаго Музея въ надеждѣ услышать что нибудь интересное, такъ какъ къ нему собирались туда лучшіе люди мысли (среди которыхъ называли имена гр. А. Толстаго, Достоевскаго, Соловьева и др.), глубоко его почитавшіе и признававшіе учителемъ. Въ Каталогную допускались не всѣ, а только знакомые, особенно усердно занимающіеся. Бесѣды велись послѣ 3 часовъ, когда кончалось время службы. До того времени Ник. Фед. непрерывно рылся въ каталогахъ, приискивая требуемыя изъ читальной залы книги и бѣгалъ самъ ихъ отыскивать, чтобы помочь въ работѣ служителямъ и ускорить дѣло, такъ какъ онъ по памяти знаетъ мѣстонахожденіе многихъ книгъ. Придя въ Каталогную, надо было взять книгу и заняться чтеніемъ, чтобы оправдать свое тамъ присутствіе. Мнѣ пришлось пріютиться у углового столика, рядомъ съ нѣкимъ И. М. Ив. съ которымъ я понемногу разговаривался, сообщивъ о своемъ желаніи послушать мудрыхъ рѣчей Николая Федоровича.

Ив. предупредилъ меня, что Ник. Фед. избѣгаетъ разговаривать о главномъ. Для того, чтобы онъ началъ объ этомъ говорить, надо приобрести его довѣріе. Въ чемъ же главное? спросилъ я.—„Онъ хочетъ воскресить всѣхъ умершихъ“, былъ отвѣтъ. Сначала я ушамъ не повѣрилъ. Да какъ же? Да что

же это такое? Чепуха, сумашествіе!—Это не такое сумашествіе, какъ кажется съ перваго раза, отвѣчалъ Ив.—Я: Но какъ же это сдѣлать? Ив.: Надо изучить всѣ тайны природы, постигнуть ихъ всѣ, безъ остатка и въ полнѣйшей мѣрѣ, овладѣть всѣми ея силами, и тогда человѣкъ побѣдитъ смерть.—Я.: Мысль о достиженіи человѣкомъ земнаго безсмертія не новостъ. Исканіе средневѣковыми алхимиками жизненнаго элексира—ничто иное, но это еще безконечно далеко отъ воскресенія умершаго, уже исчезнушаго съ лица земли человѣка, о которомъ и памяти не сохранилось.—Ив.: Въ мірѣ все такъ неразрывно связано одно съ другимъ, что постепенно можно возстановить всѣ звенья.—Я.: Конечно; все неразрывно, но тѣмъ не менѣе нельзя и представить себѣ приблизительно, какимъ же способомъ приступить къ воскрешенію.—Ив.: Очень недавно было немыслимо себѣ представить, какъ можно овладѣть молніей или опредѣлить химическій составъ солнца и звѣздъ. Согласитесь, что подобную попытку сочли бы безуміемъ. Однако, теперь, электричество—покорный слуга человѣка, а спектральный анализъ безошибоченъ. Если это такъ, то нельзя отрицать, что въ будущемъ откроются для людей такія *возможности*, которыя превзойдутъ наши самыя смѣлыя мечты, которыхъ и вообразить мы теперь не въ состояніи.—Я.: Если это и не сумашествіе, то такъ неопредѣленно, что мысль отказывается принимать столь странное ученіе.—Ив.: Что же тутъ страннаго?! Ник. Фед. утверждаетъ, что и теперь люди стремятся къ этому, именно къ этому. Мы принимаемъ пищу, чтобы возстановить потерянные частицы организма и тѣмъ поддерживать жизнь; мы рождаемъ дѣтей, чтобы въ нихъ продолжить жизнь, такъ какъ пока не можемъ еще продлить личное существованіе безконечно, то есть побѣдить смерть и, по физической необходимости опуская въ землю умершаго отца, по нравственной—старемся воссоздать его образъ и тѣмъ хотя бы отчасти воскресить его. Все это мы дѣлаемъ без-или полу-сознательно. Но вслѣдствіе своего невѣжества возстановляемъ силы не полно, боремся съ болѣзнью и разрушеніемъ несовершенно и потому умираемъ, живя безъ знанія, дрянно можно сказать, разрозненно и столь варварски-слѣпо-эгоистично, что вмѣсто того, чтобы всѣмъ силотиться противъ общаго врага—слѣпой разрушающей силы природы, боремся другъ съ другомъ изъ за средствъ къ жизни. Ник. Фед., какъ пророкъ Духа Животворящаго, призываетъ всѣхъ силотиться и общими братскими усиліями всѣхъ вмѣстѣ для всѣхъ совершить великое дѣло.—Я.: Но вѣдь это ужасная гордость. Мы, христіане, вѣримъ въ воскресеніе и безуміемъ этого не считаемъ; но мы вѣримъ, что его совершитъ Богъ.—Ив.: То есть, что люди будутъ сидѣть сложа руки и за свою вѣру получать даровую премію въ видѣ воскресенія и жизни вѣчной. Нѣтъ, это безнравственно. Ник. Фед. слышать объ этомъ не можетъ; люди должны собственными усиліями выполнить волю Бога Живаго, смерти не создавашаго. Это ихъ долгъ. Богъ вложилъ въ человѣка разумъ и волю и съ человѣкомъ внесъ въ мірозданіе разумность, сознаніе. Такъ для чего нибудь онъ это сдѣлалъ! Задача человѣка населить міръ и управить его разумомъ, побѣдивъ слѣпую силу природы; когда это будетъ сдѣлано и человѣкъ достигнетъ безсмертія, онъ по нравственной необходимости начнетъ великое дѣло,

великій долгъ воскрешенія отцовъ, тѣхъ, кому онъ обязанъ жизнью. Безъ этого нѣтъ смысла въ вѣчной жизни. Къ чему мнѣ она, если мой любимый отецъ не пользуется ея благомъ и коснѣеть въ оковахъ смерти, небытія. Радость совершенная возможна лишь тогда, когда никто не исключенъ отъ участія въ питіи изъ чаши жизни вѣчной.

Послѣ разговора съ Ив. я рѣшился говорить съ самимъ Ник. Фед. Случай представился скорѣ. Однажды послѣ 3 часовъ въ Католической мы остались вдвоемъ. Ник. Фед. былъ предупрежденъ братомъ моимъ Юріемъ, что я считаю его ученіе плодомъ величайшей гордыни, и потому между нами произошелъ слѣдующій разговоръ, записанный мною почти дословно. (7 Декабря 1894 г.).

Ник. Фед. (дрожа отъ волненія): Вотъ вы говорите, что гордость! Въ чемъ же гордость, когда это единственный смыслъ жизни, единственная нравственная полнота, безъ которой человѣкъ не отличается отъ животнаго?—*Я.*: Да вѣдь то, что желательно, еще не значитъ, что возможно. Вѣрить, что человѣкъ со временемъ овладѣетъ природою вполне возможно, на это есть уже указанія, ибо и теперь онъ все больше и больше ею овладѣваетъ, но думать, что онъ дойдетъ до такого знанія ея тайнъ и такой полноты власти надъ ея силами, что будетъ въ состояніи воссоздавать разсыпавшееся въ прахъ тѣло и возвращать жизнь умершему, это значитъ—не признавать границъ человѣческаго ума и силы, это гордость, ибо человѣкъ слабъ и ограниченъ. *Ник. Фед.* (перебивая) Почему вы знаете, гдѣ границы его ума?! Кто вамъ это сказалъ?! Вотъ это скорѣе гордость съ вашей стороны, рѣшать чего въ будущемъ человѣкъ достигнетъ и чего нѣтъ.

Я смутился такимъ страстнымъ натискомъ, немного оторопѣлъ и вспомнилъ, что не разъ раздраженный старецъ выгонялъ вонъ изъ Католической непонятливыхъ и безнадежныхъ; были слухи, что этой карѣ подвергался и гр. Л. Толстой, приходившій на слѣдующій день съ повинной къ выгнавшему его учителю. Чтобы не испытать той же участи, я мягко и робко замѣтилъ: Я знаю, что мы очень еще неразвиты и даже представить теперь не можемъ, до чего дойдетъ могущество человѣка. Но есть предѣлъ! *Ник. Фед.*: Вотъ даже пока самыхъ простыхъ вещей не понимаемъ, второй заповѣди не понимаемъ и даже епископы, напр. Харьковскій еп. Амвросій. Вторая заповѣдь говорить, что не сотвори себѣ Бога изъ солнца, луны и т. д., то есть природы, тѣмъ самымъ указывая, что не поклоняться ей надо, а покорять ее; а Амвросій увидать въ опытахъ изводить искусственный дождь противъ-божественную за-тѣю. Вы говорите, что изъ того, что мы желаемъ, не слѣдуетъ, что намъ удастся сдѣлать. Это не избавляетъ отъ необходимости стараться. Можетъ быть и не удастся; но, зная, что это единственное дѣло, осмысливающее жизнь человѣка, мы должны его дѣлать.—*Я*: но если нѣтъ вѣры въ успѣхъ?! *Ник. Фед.*: Вотъ вы ѣдете въ Египетъ; развѣ вы увѣрены, что будетъ успѣхъ? Когда вернетесь, будете знать уже навѣрное, а до тѣхъ поръ должны дѣлать все возможное.—*Я*: Однако согласитесь, что невозможно воскресить всѣхъ умершихъ

уже по одному тому, что для такого безчисленнаго множества и мѣста на землѣ не хватитъ.—Ник. Фед.: Вотъ вы смущаетесь безчисленностью. Вспомните о тѣхъ звѣздахъ, которыя образуютъ туманныя пятна на небѣ. Когда человѣкъ овладѣетъ землею, будетъ первая планета населенная и управляемая разумомъ, ну хоть бы сознаниемъ (поправился Ник. Фед. увидавъ мое недо-вѣрчивое движеніе головой). Населите всѣ міры, чтобы вселенная была управ-ляема разумомъ. Что же вы беспокоитесь, что мѣста не хватитъ? Да, подумалъ я, въ сравненіи съ задачей воскрешенія умершихъ, переправиться на Сиріусъ уже совсѣмъ легкое дѣло, о которомъ и говорить не стоитъ.

Невѣроятна была энергія Ник. Фед.: онъ спалъ 2—3 часа въ день не раздѣваясь, на горбатомъ сундукѣ, подложивъ свое ветхое пальто подъ голову вмѣсто подушки, питался только хлѣбомъ и чаемъ лишь изрѣдка съ сыромъ или селедкой и 20 часовъ въ сутки пребывалъ въ дѣятельномъ состояніи, въ дви-женіи, въ усиленной мозговой работѣ и такъ всю свою долгую жизнь!!

Не вѣрилось, что этотъ ополчившійся противъ смерти человѣкъ когда нибудь умретъ...

Когда это случилось, и я увидалъ его лежащаго мертвымъ, помню, міръ мнѣ показался въ овчинку, столь далекимъ, маленькимъ! Такого человѣка не стало!

Сергій Бартенева.

ЗАПИСКИ П. Н. КОСТЫЛЕВА.

Послѣ умершаго 23 Октября 1906 года предсѣдателя Елецкаго Окружнаго Суда, тайнаго совѣтника Петра Николаевича Костылева остались Записки, въ которыхъ онѣ излагаютъ первыя впечатлѣнія своей дѣтской души, годы ученія и служебной дѣятельности, отмѣчая попутно наблюдаемыя имъ явленія окружавшей его общественной жизни и встрѣчи съ людьми, оставившими слѣды въ его памяти. Начатыя авторомъ незадолго до своей смерти и будучи, къ сожалѣнію, неоконченными, Записки эти и въ настоящемъ ихъ видѣ, обнимающій періодъ времени за 20 лѣтъ (1852—1872) не лишены значенія какъ по той „эпохѣ великихъ реформъ“, къ которой онѣ относятся, такъ и по личности автора, бывшаго съ 1854 по 1858 г. слушателемъ въ Московскомъ Университетѣ профессоровъ того времени и занимавшаго должность товарища прокурора въ Московскомъ Окружномъ Судѣ „перваго призыва“ при введеніи новыхъ судебныхъ учреждений.

С. П. Рудневъ.

1.

Рожденіе.—Первыя представленія о Богѣ, справедливости, грѣхѣ и чувствѣ состраданія.

Я родился 22 Іюня 1835 года въ Москвѣ отъ вполне здороваго отца. 40-ка лѣтъ, и матери, 20-ти лѣтъ*). Матушка передавала мнѣ, что я при рожденіи не издалъ крика и одинъ сутки былъ недвижимъ, такъ что принять былъ за мертворожденнаго. Въ 1852 году, поступивъ по экзамену въ Ярославскій Демидовскій Лицей, я заболѣлъ простудною тифознаго свойства и лечился въ лицейской больницѣ, по оставленіи которой раннею весною 1853 года оказался выросшимъ почти

*) Отецъ П. Н. Костылева Николай Спиридоновичъ и мать Анастасія Николаевна были люди, память которыхъ дорогѣ пишущему эти строки. Въ ихъ домѣ въ Москвѣ (у Никиты мученика, на Татарской улицѣ) встрѣчала себя простой, радушный и гостепріимный привѣтъ молодежи, товарищи старшаго ихъ сына Александра Николаевича, необыкновенно-даровитаго юноши, ранняя кончина котораго († 1854) была сердечнымъ горемъ для всѣхъ, кто зналъ его. П. Б.

на четыре вершка во время болѣзни, а до того времени я былъ небольшого роста.

Помню себя съ пятилѣтняго возраста какъ бы отчужденнымъ, вслѣдствіе болѣзни, примѣрно до девяти лѣтъ, отъ старшаго брата и сестры. Ясно и отчетливо помню, что сознаніе о Богѣ, впервые внушенное заучиваніемъ молитвы Господней и Богородицѣ Дѣвѣ, отразилось въ моемъ чувствѣ при созерцаніи неба въ лунные поздніе вечера. Я могу въ точности передать слѣдующее явленіе, на всю жизнь оставшееся мнѣ памятнымъ и извѣстное мнѣ лишь одному: лѣтомъ 1841 или 1842 года, слѣдовательно когда мнѣ было 6 или 7 лѣтъ, наше семейство жило на дачѣ въ селѣ Всесвятскомъ, близъ Москвы. Мы занимали второй этажъ. Былъ поздній вечеръ; я, по обыкновенію, оставался въ одиночествѣ отъ брата и сестры и, сидя у раствореннаго окна въ комнатѣ, безъ свѣчей, долго восхищался величественною красотою синяго неба съ ярко свѣтящимися звѣздами. Это восхищеніе дошло до религіознаго экстаза; я преклонялся неизмѣримому величію Бога, создавшаго это безпредѣльное небо и, въ концѣ концовъ, расплакался, но не горькими слезами, проливаемыми ребенкомъ отъ полученной обиды, а такими, которыя облегчили взволнованную грудь. Никому я ни тогда, ни послѣ не передавалъ объ этихъ минутахъ благодатнаго душевнаго настроенія.

Въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ, вспоминаю совѣщаніе съ сестрою, которая была на одинъ годъ меня моложе, о томъ, что означаетъ выраженіе, которое не рѣдко слышали отъ старухи-нянюшки: „всѣ мы грѣшны; что ни ступила, то и согрѣшила“. Послѣ долгаго обсужденія я и сестра пришли къ слѣдующему заключенію: наша учительница объясняла намъ о видимыхъ подъ микроскопомъ инфузоріяхъ, наполняющихъ воду и воздухъ и разсѣянныхъ по поверхности земли; такъ какъ дѣлая каждый шагъ, мы придавливаемъ ногами множество инфузорій, то тѣмъ самымъ невольно согрѣшаемъ, лишая ихъ жизни.

Пониманіе о справедливыхъ началахъ вмѣненія дѣйствій какъ въ заслугу, такъ и въ вину, проявлялось у меня въ возрастѣ 10—12 лѣтъ. Я помню, что нашъ законоучитель-священникъ разсказывалъ намъ, дѣтямъ, какъ о подвигѣ христіанскаго смиренія о какомъ-то юродивомъ, который притворялся пьянымъ, дабы подвергаться оскорбленіямъ, брани и побоямъ отъ толпы людей. Я очень уважалъ и почиталъ этого священника (преподававшаго брату и мнѣ классическіе языки, а также словесность и Законъ Божій), но въ данномъ примѣрѣ юродиваго я не видѣлъ подвига христіанскаго смиренія, хотя и не рѣшался высказать тогда же этотъ мой отрицательный взглядъ. Помню, что разсудилъ я

тогда такъ: „онъ обманулъ толпу, притворяясь пьянымъ и ввелъ въ грѣхъ тѣхъ, которые его побили; какое же тутъ смиреніе, когда онъ обманщикъ?“

Въ 1853 или 1854 году моя сестра Марія высказала мнѣ, какъ весьма важное открытіе, что всѣ мы ошибаемся, признавая Господа Бога Создателя вселенной, что Богъ есть выдумка и что вселенная образовалась отъ движенія атомовъ и т. п. Это безбожіе сестра заимствовала отъ одного нашего знакомаго, Московскаго университета студента математическаго факультета, нянчившагося тогда съ сочиненіемъ Бюхнера *Kraft und Stoff*. Я не назову фамиліи этого студента; онъ давно умеръ. Жизнь онъ провелъ безалаберно, безтолково, проживъ на аферахъ состояніе свое и распаталъ состояніе своихъ братьевъ и сестры, ввѣрившихъ ему управленіе ихъ нераздѣльнымъ имѣніемъ; отъ роду 25 лѣтъ онъ сталъ проявлять явные признаки умопомѣнательства, такъ что, будучи у насъ лѣтомъ въ гостяхъ, внезапно убѣжалъ и скрылся подъ террасою балкона нашего дома въ Москвѣ, гдѣ мы его отыскиали въ какомъ-то припадкѣ, похожемъ на падучую болѣзнь. Насилу мы могли выманить его изъ подъ террасы и отвезти къ его роднымъ. Твердо помню, что высказанное сестрою, какъ великое открытіе, представилось мнѣ, если можно выразиться, голымъ абсурдомъ, подобно тому, если бы она стала утверждать, что $2+3$ не составляетъ пяти. Съ годами у моей сестры (по мужу Корсакъ), женщины весьма разумной и образованной, это безбожіе исчезло безслѣдно, и она была истинновѣрующею.

Развитіемъ чувства состраданія къ нуждающимся я, старшій мой братъ Александръ и сестра обязаны были въ юныхъ лѣтахъ нашей Русской православной вѣры гувернанткѣ Варварѣ Ивановнѣ Вернеръ. Память о ней и понынѣ безконечно для меня дорога. Три года (1845—1848) В. И. Вернеръ посвятила не только обученію насъ троихъ Французскому и Нѣмецкому языкамъ, но и воспитанію нашему. Мы всѣ трое любили и почитали ее какъ старшую сестру; она внушала намъ правила чести, справедливости и любви къ ближнимъ, а также состраданія къ бѣднымъ. Ясно помню живое, въ высшей степени отрадное чувство состраданія, выражавшееся въ удѣленіи части нашихъ карманныхъ денегъ къ большимъ праздникамъ „*pour une pauvre veuve*“, больной и немошной; помню я, какъ мы трое были до слезъ тронуты рассказомъ Варвары Ивановны о томъ, какъ одинъ разъ этой „*pauvre veuve*“ не пришлось разговѣться въ Христовъ день кускомъ мяса, потому что этотъ кусокъ у нея стадила кошка. Внушаемое Варварою Ивановною дѣйствовало на юношескую натуру глубже и убѣдительнѣе,

нежели чтеніе нашимъ отцемъ вслухъ по праздникамъ поученій св. Тихона Задонскаго, изложенныхъ общедоступнымъ слогомъ о религіозно-нравственныхъ предметахъ.

До поступленія въ Ярославскій Демидовскій Лицей я съ дѣтства любилъ наблюдать явленія растительнаго и животнаго міра и посвящалъ свободные отъ ученія часы кормленію и взращиванію куръ и цыплятъ, а также уходу за комнатными растеніями и цвѣтами.

2.

Въ Демидовскомъ Лицеѣ.—Чтеніе сочиненій Неволіна.—Лицейскіе нравы и дисциплина.—Назимовъ.—Знакомство съ Кавелинымъ.—Московскій Университетъ.

Въ теченіи перваго полугодія (1852—1853 г.) въ Лицеѣ, до постигшей меня тифозной болѣзни, я усердно изучалъ у профессора П. В. Оедорова химію по учебнику Реньё, переводъ Егорова, и физиологію у профессора Л. С. Ценковскаго. Находясь въ лицейской больницѣ для возстановленія силъ послѣ перенесеннаго тифа, я случайно сталъ читать Энциклопедію Законовѣдѣнія, сочиненіе К. А. Неволіна (въ Ярославскомъ Лицеѣ въ мое время было камеральное образованіе, т. е. естественныя науки и законовѣдѣніе). Это сочиненіе заключалось въ двухъ томахъ, которые я прочелъ неустанно въ относительно-короткое время. Я упивался чтеніемъ этого новаго для меня предмета, при чемъ содержаніе тома, гдѣ изложены были въ сжатомъ видѣ философскія ученія, начиная съ древнѣйшихъ временъ, я съ трудомъ усваивалъ. Съ этимъ чтеніемъ сочиненія Неволіна рѣшилось мое призваніе какъ юриста, а изученіе естественныхъ наукъ я на всегда устранилъ.

Въ Лицеѣ я пробылъ лишь одинъ годъ 1852—1853. Это было время строгаго отношенія начальства Ярославскаго Лицея къ студентамъ, для обузданія распущенности которыхъ (пьянство и дебоширство) былъ тогда назначенъ инспекторомъ капитанъ Платонъ Григорьевичъ Огонь-Догановскій. На мою долю выпало испытать на себѣ строгость этого инспектора, хотя я, 17-ти лѣтній юноша и притомъ домашняго воспитанія, былъ весьма скромнѣе, такъ что нѣкоторые сотоварищи старшихъ курсовъ дали мнѣ кличку: „mademoiselle Costileff.“ Огонь-Догановскій былъ старый знакомый моего отца и даже землякъ (Смоленской губ.), а потому считалъ долгомъ знакомства быть ко мнѣ неупустительно-взыскательнымъ за всякое нарушеніе дисциплины, а въ то время таковымъ считались дѣйствія, неимѣющія, по видимому, признаковъ проступка. Привожу примѣръ. Первый экзаменъ весною 1853 г.

при переходѣ на 2-й курсъ былъ у профессора Ценковского изъ физиологии; отвѣтилъ я на билетъ и затѣмъ на всѣ вопросы вполне удовлетворительно и получилъ 5; обрадованный этою отмѣткою, выхожу въ корридоръ, гдѣ у самыхъ дверей встрѣчаю инспектора, который сквозь стеклянную раму двери слѣдилъ за моимъ экзаменомъ. Въ отвѣтъ на мой поклонъ инспекторъ поразилъ меня какъ громомъ: „Костылевъ! Ступайте въ карцеръ“. На мой вопросъ: „за какую вину?“ онъ отвѣтилъ: „за то, что вы осмѣлились стоять передъ профессоромъ сложя руки à la Napoléon.“ Не находя нужнымъ настаивать на заявленіи, что я даже не помню, какъ держалъ руки въ то время, я ушелъ въ карцеръ, гдѣ пробылъ часа полтора. Товарищи-однокурсники весьма сочувственно отнеслись ко мнѣ за то, что я отправился въ карцеръ не входя въ излишнія объясненія съ „Панталономъ Григорьевичемъ“, какъ мы звали инспектора.

Съ этимъ случаемъ взысканія еще можно было мириться, потому что понятіе о дисциплинѣ согласовалось съ общимъ уровнемъ педагоги того времени; но когда беззастѣнчиво нарушаемо было школьнымъ начальствомъ отношеніе къ студенту, смотря лишь на степень матеріальнаго достатка или общественнаго положенія его родителей, тогда чувство негодованія на такое правонарушеніе ощущалось весьма жгуче, и съ тѣмъ вмѣстѣ накоплялась ненависть, или по крайней мѣрѣ, умалялось естественное уваженіе къ начальствующему лицу. Послѣ лѣтняго вakanта 1853 года я запоздалъ на нѣсколько дней изъ Москвы, за что и высидѣлъ $1\frac{1}{2}$ часа въ карцерѣ, одновременно съ однокурсникомъ своимъ Иваномъ Трескинскимъ, тоже опоздавшимъ. По истеченіи затѣмъ болѣе одной недѣли опоздалъ студентъ Мусинъ-Пушкинъ, и притомъ безъ всякой законной причины, но оставленъ инспекторомъ безъ взысканія, потому что отецъ этого студента чистокровный аристократъ.

Припоминается мнѣ случай добраго товарищества при вырученіи изъ бѣды „своего“. На третьемъ курсѣ былъ въ то время (1853) студентъ-гигантъ, бывший семинаристъ Леонидъ Л-евъ (кличка ему была: „владыко“), казенный воспитанникъ Лицея, жившій въ пансіонѣ лицейскомъ въ числѣ шестидесяти студентовъ (изъ нихъ былъ и я, но своекоштный; отецъ платилъ за меня 200 р. въ годъ).

Въ поздній зимній вечеръ Леонидъ Л-евъ вернулся пьяный въ пансіонъ, при чемъ шинель его была не только изодрана (казенныя шинели были у насъ на одной байковой подкладкѣ), но и оторвана на половину вдоль. Это явленіе объяснилось дракою Л-ева съ какими-то ремесленниками, въ домѣ которыхъ онъ, проходя или проѣзжая по

улицѣ, разбилъ оконныя стѣкла, выхвативъ вслѣдъ затѣмъ какую-то дубину изъ заборнаго частокола. Л-евъ отбился отъ этихъ ремесленниковъ, при чемъ его казенная шинель была изорвана въ клочья. Въ теченіе ночи сотоварищи успѣли купить гдѣ-то, на деньги въ складчину, однородную шинель. отмѣтили на ней № и инициалы „Л. Л-евъ, 3-го курса“ и когда, по утру, начальство стало провѣрять жалобу потерпѣвшихъ лицъ и сличать клочки шинели. то у всѣхъ студентовъ шинели оказались въ исправности.

Для успѣшности незримаго наблюденія за студентами, жившими въ лицейскомъ пансіонѣ, инспекторъ повѣсилъ цвѣтную занавѣску въ стеклянной рамѣ дверей, раздѣлявшихъ его квартиру отъ помѣщенія студентовъ. Такой пріемъ подглядыванія подъ едва приподнятую занавѣску показался намъ обиднымъ и на сходкѣ, въ курильной, рѣшено было первокурсниками оборвать эту занавѣску. Бросили жребій для исполненія этого глупаго рѣшенія, и жребій выпалъ мой. Напрасно я отказывался, какъ не участвовавшій на сходкѣ; мнѣ всѣми было объявлено требованіе исполнить миссію, такъ какъ я находился при метаніи жребія. Пришлось подчиниться; занавѣска была ночью обрѣзана ножницами и брошена „на мѣстѣ преступленія“, а виновникъ начальствомъ не отысканъ.

Кстати отмѣчу о томъ же Леонидѣ Л-евѣ. Кончивъ курсъ въ 1853 году, онъ добровольцемъ поступилъ на военную службу, одушеваемый порывомъ, господствовавшимъ въ то время, идти на войну для освобожденія Славянъ. Попалъ Л-евъ не въ Крымъ, а на Дунай. Черезъ годъ, въ Лицей пришло извѣстіе о томъ, что Л-евъ, будучи въ отрядѣ (кажется, генерала Реада) убитъ въ сраженіи съ Турками: лицеисты погоревали и отслужили панихиду о Леонидѣ, убиенномъ на брани. Война закончилась, и въ 1855 году тотъ же Леонидъ Л-евъ пріѣхалъ въ Лицей. къ общему для товарищей удивленію и радости: оказался онъ израненъ, но здоровый организмъ вынесъ эти раны. Этотъ курьезъ о Л-евѣ рассказывалъ мнѣ много лѣтъ спустя, при случайной встрѣчѣ, однокурсникъ мой и другъ, окончившій курсъ въ Лицеѣ въ 1855 г., Петръ Карловичъ Нимандеръ, бывшій впослѣдствіи предсѣдателемъ Калишскаго Окружнаго Суда.

Попечителемъ Московскаго учебнаго округа, когда я учился въ Ярославскомъ Лицеѣ, былъ ген. ад. Владимиръ Ивановичъ Назимовъ. Въ Маѣ 1853 г. къ пріѣзду попечителя округа въ Ярославль начальство озаботилось обучить насъ, лицеистовъ, военному фронту, и для этого въ Апрѣлѣ, когда шли экзамены и дѣрогъ каждый часъ, прибывало два раза въ недѣлю двѣнадцать унтеръ-офицеровъ карабинер-

наго батальона для преподаванія намъ маршировки и т. п. военной выдержки. Эти наши учителя обращались съ нами вполне вѣжливо и смотрѣли снисходительно на небрежность нашу въ воспріятіи военного искусства; мы приходили съ тетрадками лекцій, которыя пробѣгали какъ только инспекторъ уходилъ съ плаца (въ лицейскомъ саду) домой, предоставляя унтеръ-офицерамъ продолжать обученіе въ его отсутствіе. Это военное обученіе не пошло мнѣ въ прокъ. Пріѣхалъ генераль Назимовъ и, повидимому, остался доволенъ лицеистами, которые, стоя въ равныхъ шеренгахъ, браво отвѣчали на его привѣтствія. При отъѣздѣ изъ Лицея Назимовъ громкимъ голосомъ вызвалъ меня изъ строя. Эта неожиданность сильно меня смутила, и я, забывъ о томъ, что слѣдовало подойти военнымъ шагомъ, начиная съ лѣвой ноги и остановиться во фронтъ въ трехъ шагахъ отъ генерала, подошелъ къ нему обыкновенною походкою и на слова его: „я распорядился перевести васъ въ число казенныхъ студентовъ“, по-просту, вѣжливо поклонясь, отвѣтилъ ему: „очень вамъ благодаренъ“, и не добавилъ: Ваше превосходительство. Впослѣдствіи я узналъ, что Назимовъ былъ знакомъ съ моимъ отцомъ и обѣщалъ ему перевести меня на казенное содержаніе (чѣмъ я однакожъ не воспользовался, потому что осенью того же года ушелъ изъ Лицея въ Московскій Университетъ), если окажусь того достоинъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Сильно мнѣ выговаривалъ инспекторъ за то, что я не сумѣлъ отнестись къ начальству по правиламъ воинскаго устава, но въ карцеръ меня не посадилъ.

Оставленіе мною осенью 1853 года Ярославскаго Демидовскаго Лицея для слушанія лекцій юридическаго факультета въ Московскомъ Университетѣ произошло съ цѣлью отдаться изученію исключительно законовѣднія; но одновременно во мнѣ тогда неудержимо кипѣло желаніе, отложивъ университетское образованіе, выполнить священный долгъ, какъ юноши 18-ти лѣтъ, т. е. стать въ ряды Русскаго войска для освобожденія братьевъ-Славянъ отъ ига Турокъ. Я твердо рѣшился надѣтъ сѣрую юнкерскую шинель во что бы ни стало, хотя бы отецъ не далъ мнѣ средствъ для существованія въ полку. Это стремленіе поступить на военную службу поощряемо было моимъ любимымъ дядею, т. е. роднымъ братомъ моего отца, командиромъ 2-го батальона Бѣлевскаго егерскаго полка, 18-й пѣхотной дивизіи, Иваномъ Спиридоновичемъ Костылевымъ; онъ много и съ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о своей службѣ, начатой въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія нижнимъ чиномъ въ гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ, а также и о томъ, что въ печальный день 14 Декабря 1825 года онъ „имѣлъ

счастье быть въ караулѣ при Императорскомъ дворцѣ, и даже стоять на часахъ въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ, занимаемыхъ Государемъ Императоромъ“. О намѣреніи вступить въ военную службу я написалъ старшему моему брату Александру, который тогда былъ въ Петербургѣ домашнимъ наставникомъ у юнаго Павла Павловича Демидова (впослѣдствіи князя Санъ-Донато). Братъ просилъ меня тотчасъ пріѣхать въ Петербургъ, что я и исполнилъ. Тамъ онъ убѣдилъ меня побывать съ нимъ у его добраго знакомаго, бывшаго профессора Московскаго Университета К. Д. Кавелина и выслушать его мнѣніе по поводу моего стремленія быть воиномъ. Этотъ вечеръ, проведенный у К. Д. Кавелина, я никогда не забуду. Онъ удѣлилъ мнѣ на tête-à-tête четверть часа. Его симпатичный, добросердечный разговоръ по поводу моего стремленія стать въ ряды войска подѣйствовалъ на меня убѣждающе своею неотразимою логичностью, истекавшею изъ жизненныхъ условій. Константинъ Дмитриевичъ объяснилъ мнѣ: а) что я не имѣю специальныхъ свѣдѣній въ военномъ дѣлѣ, и б) что стремленіе мое содѣйствовать освобожденію Славянъ отъ Турецкаго ига само по себѣ неосуществимо, потому что я, какъ новичекъ, долженъ буду пребывать въ резервѣ годъ или даже болѣе, а къ тому времени война, дастъ Богъ, окончится. Въ концѣ концовъ Кавелинъ высказалъ дословно слѣдующее: „Вы будете единица въ миллионной арміи и, вѣроятно, вамъ даже не придется увидѣть Турокъ; а если вы, не прерывая ученіе въ университетѣ, окончите курсъ, то принесете отечеству своими свѣдѣніями пользу несравненно больше, чѣмъ единица въ арміи“. Эти слова, высказанныя незабвеннымъ для меня К. Д. Кавелинымъ, послужили къ тому, что, вернувшись въ Москву, я много обдумывалъ ихъ точный и справедливый смыслъ и разстался съ мыслию лично воевать съ Турками.

Будучи въ Московскомъ Университетѣ лишь вольнымъ слушателемъ, я посѣщалъ въ теченіе четырехъ съ половиною лѣтъ (съ осени 1853 по Май 1858 г.) лекціи по своему выбору на юридическомъ факультетѣ, одновременно на разныхъ курсахъ, включая сюда и нефакультетскіе предметы, по которымъ не обязанъ былъ держать экзаменъ на кандидата. Въ числѣ этихъ необязательныхъ для меня предметовъ были Русская и всеобщая исторія, богословіе, политическая экономія и статистика. Тогда выдающимися профессорами были: Н. И. Крыловъ, С. М. Соловьевъ, Т. Н. Грановскій, П. Н. Кудрявцевъ, М. Н. Капустинъ и Ѳ. Л. Морошкинъ; ихъ лекціи посѣщались всѣми съ увлеченіемъ. Напротивъ, на лекціи почти всѣхъ остальныхъ профессоровъ приходили ех offіcio, подъ страхомъ попасть въ противномъ случаѣ въ число незаконно отсутствующихъ и, слѣдовательно, неизвѣст-

ныхъ профессору на экзаменѣ. Причисляю къ этимъ профессорамъ протоіерея П. М. Терновскаго, излагавшаго церковное законовѣдѣніе въ сжатомъ видѣ въ теченіе пятнадцати лекцій; С. И. Баршева, изъ года въ годъ повторявшаго одно и тоже извлеченіе изъ своего сочиненія: „Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ“, впрочемъ иногда вводившаго добавленіе въ родѣ напр. одобренія тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ, проповѣдывалъ Баршевъ, „тѣло—это такой капиталъ, который не можетъ быть истощаемъ какъ денежный штрафъ“. Коробило слушателей отъ подобныхъ циничныхъ положеній! Сергій Николаевичъ Орнатскій, этотъ ходячій архивъ юридическихъ свѣдѣній, досаждалъ плодovitостью своихъ лекцій государственнаго права, такъ что на экзаменѣ у него было изъ этого предмета полтора ста вопросовъ билетовъ. Трудно вѣрится, когда вспоминаешь громоздкое содержаніе этихъ лекцій г. Орнатскаго; сколько тяжелаго труда для памяти стоило заучиваніе наизусть напр. описанія большаго государственнаго герба; а между тѣмъ за ошибки въ описаніи этого герба и тому подобныхъ предметовъ студентъ рисковалъ на экзаменѣ тѣмъ, что могъ остаться два года на одномъ курсѣ. Въ программѣ для экзамена былъ напр. вопросъ: „Продолженіе начатаго сравненія“; это значило, что г. Орнатскій, вслѣдствіе своего ненужнаго многословія, излагалъ въ теченіе двухъ лекцій ученіе о преимуществахъ неограниченной монархіи надъ ограниченою, а такъ какъ это ученіе излагалось на нѣсколькихъ листахъ мелкаго письма, и отвѣчать пришлось бы на экзаменѣ болѣе получаса времени, то ученіе это раздѣлено было на нѣсколько билетовъ, содержаніе которыхъ было: „продолженіе начатаго сравненія“ и въ скобкахъ, въ 4-хъ, въ 5-хъ и т. д. . кажется, до 10-ти *).

*) Когда достопочтенный въ другихъ отношеніяхъ С. И. Баршевъ былъ ректоромъ университета, Никольскій сдѣлался ему правою рукою. Пасмѣшники прозвали Баршева „матерью-игуменьей“ и утверждали, что съ Никольскимъ мать-игуменья въ связи. Баршевъ и деканъ Н. Б. Анке были вызваны за чѣмъ-то въ Петербургъ. Оттуда „мать-игуменья“ писала въ Москву.

Вставши съ ложа спозаранку,
Захвативъ съ собою Анку
И напильни ченець,
Я пустилась во дворець.
Тамъ я милою осанкой
Всѣхъ плѣнила какъ и встарь.
Насъ замѣтилъ тотчасъ съ Анкой
Восхищенный Государь:
А министры такъ толпились,
Такъ рѣзвились вокругъ меня,
Такъ красъ моей дивились,
Что хотъ къ чести я строга,
А чуть чуть не напѣлила
И Никольскому рога. П. Б.

Василій Николаевичъ Лешковъ, профессоръ полицейскаго права, пріобрѣтшаго у него именованіе общественнаго права, не привлекалъ студентовъ на свои лекціи, хотя всѣми былъ любимъ и уважаемъ за сердечное отношеніе къ студентамъ и всегдашнюю готовность дать обстоятельныя указанія на источники для предпринятаго студентомъ сочиненія по какому бы то ни было предмету законовѣдѣнія. Эрудиція В. Н. Лешкова была разнообразна; совершенно серьезно мы называли его Русскимъ Робертомъ Молемъ. Профессоръ финансоваго права Ѳ. Б. Мильгаузенъ немногорѣчивъ, но содержаніе его лекцій отличалось образцовою выработанностью, а потому легко было усваиваемо. Наконецъ, лекціи Ивана Дмитріевича Бѣляева, профессора исторіи Русскаго законодательства, хотя были объемисты, но усвоеніе ихъ содержанія облегчалось бесѣдами студентовъ у него на дому каждое Воскресенье по утрамъ. Съ глубокимъ чувствомъ признательности вспоминаю неогрѣненнаго по своему радушію И. Д. Бѣляева. Съ 10-ти часовъ утра каждое Воскресенье собирались въ собственномъ его домѣ на Смоленскомъ рынкѣ въ Проточномъ переулкѣ, студенты, преимущественно 1-го и 2-го курсовъ юридическаго факультета, и каждому онъ давалъ отвѣты на вопросы по предмету преподаванія; указывалъ источники для изученія предмета, которымъ студентъ интересовался; снабжалъ книгами и брошюрами своихъ ученыхъ статей, большею частью помѣщенныхъ во „Временникъ“ Историческаго Общества; снабжалъ старинными рукописями юридическаго содержанія и обучалъ разбирать эти рукописи, писанныя на длинныхъ „столбцахъ“ бумаги необычайнымъ для нашего времени почеркомъ. Изъ его капитальныхъ сочиненій извѣстно: „Крестьяне на Руси“, а изъ статей мнѣ хорошо помнятся „Жители Московскаго государства, ихъ права и обязанности“, „Дружина и земщина“. Наружность И. Д. Бѣляева не говорила въ его пользу: маленькій ростомъ, хромою (у него одна ступня была на выворотъ), съ урѣзаннымъ лбомъ миниатюрной головы, онъ напоминалъ типъ приказнаго отъ Иверскихъ воротъ. Домашняя его обстановка была черезъ чуръ проста, начиная со стѣнъ, не обитыхъ обоями, и хода по черной лѣстницѣ чрезъ кухню въ переднюю, хотя имѣлась парадная дверь на улицу. Въ этой кухнѣ постоянно ворчала кухарка Настасья на то, что ей мѣшаютъ студенты ставить на лопатѣ хлѣбы или пироги въ печь и вообще ея стряпнѣ, когда имъ приходилось пробираться чрезъ эту небольшую кухню въ переднюю комнату для снятія верхняго платья и калошъ. Въ этой же кухнѣ постоянно пребывалъ идіотъ Алеша, съ глупой улыбкой, родной братъ Ивана Дмитріевича.

3.

Севастополь.—Московское студенчество пятидесятихъ годовъ.—Московскіе суды.—Два „либерала“.—Первая юридическая практика.

Тяжелая война съ четырьмя державами, Турціею, Англіею, Франціею и Сардиніею, завершилась сдачею Севастополя послѣ одиннадцатимѣсячной осады и потопленія своего Черноморскаго флота, дабы онъ не доставался непріятелю. О, тяжелое до крайности было это время! Въ послѣдніе дни предъ оставленіемъ Севастополя, какъ это было извѣстно изъ официальныхъ донесеній, выбывало изъ строя ежедневно свыше двухъ тысячъ воиновъ Русскихъ. „Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ развалины“, такъ доносилъ главнокомандующій Императору. Тяжесть невыносимая ощущалась при сознаніи несовершенства, отсталости въ устройствѣ ружей, такъ какъ у непріятеля были ружья дальнобойныя, а у насъ ружья стараго образца, „кремневые“, стрѣлявшія на весьма малое разстояніе сравнительно съ ружьями непріятельскими. Кромѣ того отсутствіе удобныхъ дорогъ въ Крыму и во всей Россіи замедляло до невозможности подвозъ въ армію провіанта и боевыхъ снарядовъ. Въ довершеніе всего, хищеніе интендантскими чиновниками, полковыми и прочими военными командирами, дошло до баснословныхъ предѣловъ: вотъ условія, вызвавшія проигрышъ нашъ въ эту войну. Вспоминается мнѣ, что во время этой войны и послѣ нея въ скоромъ времени нѣкоторыя военныя личности, нажившія капиталы казнокрадствомъ, накупили себѣ имѣній, а также домовъ въ Москвѣ на имена своихъ женъ и, тѣмъ не менѣе, эти изверги, доведшіе отечество до гибели и крайняго униженія, были принимаемы въ обществѣ какъ честные люди, какъ милые, радушные хозяева-хлѣбосолы! Прошло съ того времени полвѣка, а я и теперь живо вспоминаю тѣ презрѣніе и ненависть, которыя внушали мнѣ и моимъ сверстникамъ подобныя гадины, лично мнѣ извѣстныя; умолчу объ ихъ именахъ, они же всѣ теперь въ могилахъ.

Въ настоящее время (Январь 1905 г.) гнетомые второй годъ тяжелою войною, потерю Портъ-Артура и гибелью тамошняго флота и, еще болѣе, внутреннею неурядицею революціоннаго подобія, искусственно вызываемою внутренними и виѣшними врагами нашими, мы, люди преклонныхъ лѣтъ, ощущаемъ повтореніе того кошмара, подъ гнетомъ котораго находились во время Севастопольской осады; но разница громадная въ томъ, что теперь большинство питаетъ твердую увѣренность въ благополучномъ для Россіи окончаніи Японской войны,

хотя отовсюду наталкиваемся на препятствія для достиженія этого. Измалодушничались люди образованнаго (интеллигентнаго) класса: погасъ въ нихъ, искони присущій Русскимъ, духъ мужества, терпѣнія, бодрости и надежды на милосердіе Бога Вседержителя: всегда этотъ духъ превозмогалъ надъ историческими условіями. Отцы наши были современники Наполеоновскаго нашествія, потери и пожара Москвы, а затѣмъ безсмертной, славной побѣды надъ этимъ всемірнымъ завоевателемъ, и преемственно передали намъ твердое и святое храненіе завѣтовъ предковъ, какъ вѣчный залогъ общаго благополучія и нерушимой опоры въ години бѣдствій нашего отечества.

Обращаясь къ направленію студентовъ въ мое время (1853—1858 г.), съ полною достовѣрностью могу высказать, что тогда господствовало весьма серьезное отношеніе къ изученію наукъ и при этомъ у большинства рѣзко проявлялась приверженность къ обособленнымъ (спеціальнымъ) предметамъ. Нерѣдко эта обособленность простиралась на два и даже на три предмета одновременно, напр. я извѣстенъ былъ какъ цивилистъ и приверженецъ исторіи Русскаго законодательства, многіе мои сверстники были криминалисты и т. п. Встрѣчались, конечно, лѣнты или тупицы, вполне къ наукамъ равнодушные, направившіе силы сдать экзаменъ и получить званіе дѣйствительнаго студента и съ тѣмъ вмѣстѣ получавшіе чинъ губернскаго секретаря при поступленіи на службу, а затѣмъ никогда не развернувшіе никакого юридическаго сочиненія: но таковыхъ личностей было очень мало. Всецѣло погруженные въ изученіе наукъ и, большею частью, отягченные заботами добыть уроками средства къ существованію, мои сверстники не находили времени для политическихъ агитацій, какъ это въ настоящее время практикуется студентами, устраивающими сходки, заявляющими петиціи не только лично ихъ, какъ учащагося поколѣнія, касающіяся, но и о предметахъ государственнаго значенія. Мы знали университетъ какъ живой источникъ наукъ, къ которому жадно стремились съ молодыхъ лѣтъ, питая въ душѣ надежду примѣнить пріобрѣтенныя знанія въ жизни на пользу отечества и, прежде всего, къ избавленію отъ крѣпостнаго состоянія десятковъ милліоновъ крестьянъ, содѣйствуя Государю осуществить ихъ освобожденіе, къ чему положено было имъ начало тотчасъ по вступленіи на престолъ, о чемъ мы, студенты, были извѣщены хотя и не официальнымъ правительственнымъ увѣдомленіемъ, но отъ нашихъ профессоровъ; да при томъ наступившее тогда же время всевозможныхъ великихъ реформъ само собою указывало на главнѣйшую заботу Императора уничтожить рабство, тормозившее возможность самихъ реформъ. Затѣмъ наглядно это осуществи-

лось въ началѣ 1859 года правительственнымъ провозглашеніемъ о редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу.

Крѣпостное право тяготило душу каждаго мыслящаго и здраво-чувствующаго, а слѣдовательно и учащагося поколѣнія; мы ясно сознавали, что это рабство отражалось на всемъ государственномъ организмѣ, что оно вызвало откупную систему продажи вина, этотъ самостоятельный видъ рабства откупщикамъ, сосавшимъ народъ за продаваемую водку, отравлявшую здоровье пьющей массы и за это очевидное зло обогащавшимся и державшимъ въ подчиненіи весь чиновничій классъ во всѣхъ вѣдомствахъ, отъ большаго до малаго, одаряя ихъ всѣхъ ежемѣсячно, какъ штатнымъ жалованьемъ, деньгами и виномъ, но „лучшаго сорта“. Но и кромѣ крѣпостнаго права и винныхъ откупщиковъ жизнь Россійская, въ особенности съ Февраля 1848 года, когда начались большія репрессивныя мѣры правительства, въ виду Французской революціи, а за ней общаго революціоннаго и въ другихъ Европейскихъ государствахъ движенія, стала тяжела. Вспоминаю строгости цензуры, доходившія до смѣшнаго, и суды, полные „неправды черной“, по выраженію А. С. Хомякова, вѣрно изобразившаго этими словами состояніе тогдашняго правосудія, которымъ торговали въ судахъ, какъ товаромъ.

Въ 1854 или 1855 году мой отецъ велъ гражданскій процессъ въ Московскихъ судахъ (Надворномъ и въ Гражданской Палатѣ). Передаю со стенографическою вѣрностью дѣло. Оно, какъ справедливое, было выиграно отцемъ въ Надворномъ Судѣ (этотъ Судъ вѣдалъ дѣла потомственныхъ, но безземельныхъ дворянъ, жителей обѣихъ столицъ). Я пошелъ съ отцемъ въ Гражданскую Палату, чтобы узнать резолюцію по дѣлу, которое слушано и рѣшено было въ этотъ день. За пять минутъ до подписанія резолюціи однимъ запоздавшимъ засѣдателемъ Палаты (коею рѣшеніе Надворнаго Суда было утверждено), поспѣшно въ залу для просителей вошелъ, выйдя изъ присутственной комнаты, секретарь или помощникъ секретаря и въ полголоса сказалъ моему отцу, что этотъ запоздавшій засѣдатель намѣренъ подать особое мнѣніе, хотя дѣла и не знаетъ. Тогда мой отецъ въ отвѣтъ на это, съ полнымъ презрѣніемъ высказалъ: „Онъ ждетъ отъ меня подачи? Такъ что-ли? Скажите, сколько ему надо?“—Да рублей пятьдесятъ, отвѣчалъ секретарь. Тогда мой отецъ почти выбросилъ ему эти деньги, а тотъ немедленно пошелъ въ присутственную комнату, откуда очень скоро вынесъ дѣло и резолюцію. При этомъ (я это въ точности удостовѣряю) чернила подписи запоздавашаго засѣдателя не успѣли еще просохнуть, тогда какъ подписи всѣхъ другихъ засѣдателей, председателя и его

товарища очевидно сдѣланы были раньше этого взяточника-засѣдателя. Отецъ мой высказалъ тогда, что хотя особое мнѣніе этого засѣдателя не могло имѣть значенія, но имъ можно было проволочить исполненіе рѣшенія.

Повторяю, что въ мое время пребыванія въ Университетѣ (1853—1858 гг.) господствовало серьезное отношеніе къ приобрѣтенію научныхъ знаній, устранявшее возможность къ противоправительственнымъ дѣйствіямъ. Я не зналъ почти никого изъ множества моихъ университетскихъ сверстниковъ, которые бы отличались революціоннымъ направлениемъ. Между тѣмъ каждымъ изъ насъ ясно сознаваемы и ощущаемы были тяжелыя условія общественной и государственной жизни. осуждаемыя въ печатныхъ заграничныхъ изданіяхъ, напр. въ „Колоколѣ“, издававшемся Герценомъ въ Лондонѣ, его брошюрахъ „Съ того берега“, „Тюрьма и ссылка“ и т. п. Тайкомъ всѣ мы почитывали эти изданія, но онѣ не заключали въ себѣ возбужденія къ революціоннымъ движеніямъ молодежи и рабочихъ, какъ, къ крайнему сожалѣнію, видимъ въ настоящее время. Даже кощунственныя и явно революціонныя подпольныя стихотворенія, иногда циркулировавшія между студентами болѣею частью въ рукописяхъ, не дѣйствовали на молодежь, а лишь вызывали моментальный смѣхъ, а иной разъ многихъ изъ насъ коробили дерзкіе отзывы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, напр., помнится мнѣ рукописное стихотвореніе по поводу закона, стѣснившаго заграничныя поѣздки. Да, подобныя стихотворенія многихъ изъ насъ коробили, какъ коробить напр. грубое кощунство, которое случайно слышимъ отъ пьянаго до потери сознанія мужика или пропойцы-ремесленника; но никакъ не могли подобные стихи зловердно дѣйствовать на честныя натуры моихъ сверстниковъ, и это, еще разъ повторяю, потому что студенты были крайне привержены къ научному образованію, а профессора изъ плеяды знаменитостей были всѣ прежде всего истинные свѣтильники науки безъ всякаго стремленія внушать подъ ея видомъ положенія противоправительственного свойства. Наконецъ, самая программа Герценовскихъ Лондонскихъ печатныхъ изданій вмѣщала въ себѣ главнымъ образомъ стремленіе къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, строгостей цензуры и тѣлесныхъ наказаній, а всѣ эти три предмета составляли въ тоже время предметъ тяжелыхъ заботъ и усилій императора Александра Николаевича, что намъ всѣмъ было хорошо извѣстно.

Въ семьѣ не безъ уroda. Среди многочисленныхъ моихъ университетскихъ сверстниковъ были двѣ личности, отличавшіяся такъ называемымъ „крайне-либеральнымъ направлениемъ“, отвергавшія „все и

вся". Эти двѣ личности нынѣ въ могилѣ, и я конечно не рѣшусь назвать ихъ именъ, но не могу умолчать о томъ, что представила ихъ жизненная дѣятельность. Первый изъ нихъ, Еврейскаго племени, но крещеный, нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, достигъ довольно значительнаго служебнаго положенія и, какъ я достовѣрно узналъ на мѣстѣ его служенія, былъ образцовый взяточникъ. Второй нигдѣ никогда не служилъ, а послѣ смерти своихъ богатыхъ родителей утвердился въ правахъ крупнаго поземельнаго наслѣдства, при чемъ четыремъ своимъ сестрамъ выдѣлилъ каждой узаконенную четырнадцатую часть, получивъ такимъ образомъ $\frac{10}{14}$ частей, стоимостью въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ; женился и, продавъ имѣніе за означенную сумму, уѣхалъ во Флоренцію, гдѣ и прожилъ десятки лѣтъ, будучи членомъ Итальянскаго Общества „Libri Pensatorii“ (Свободо-мыслящіе). Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія моя сестра Марія Николаевна Корсакъ, проведшая три года на Югѣ Италии и Франціи съ чухоточнымъ мужемъ, была проездомъ на нѣсколько дней во Флоренцію и тамъ посѣтила свою Московскую знакомую, жену означеннаго моего стараго сотоварища университетскаго; оказалось, что онъ жилъ въ своей виллѣ, его дѣти не знали твердо Русскаго языка; съ женою онъ грубѣйшимъ образомъ обращался, хотя она была вполне, благовоспитанной, умной и истинно-Русской дворянкой. Въ тоже время этотъ господинъ чванился дружбою съ сыномъ старика Герцена, ругалъ все Русское и т. п. Такимъ образомъ эти два субъекта, крайніе либералы съ молодости, оказались въ жизненной сферѣ: одинъ низкимъ взяточникомъ, а другой отщепенцемъ земли Русской, обратившимъ наслѣдственное дворянское имѣніе въ деньги, на которыя провелъ всю свою жизнь въ чужой странѣ. да и капиталъ этотъ получилъ въ ущербъ роднымъ своимъ сестрамъ, опираясь на X-й томъ Свода Законовъ. Добавляю къ этому, что, будучи студентомъ, онъ очень былъ друженъ съ своими сестрами и постоянно являлся ихъ защитникомъ отъ нападокъ ихъ матери, женщины весьма суровой, а въ концѣ концовъ, когда пришлось дѣлить родительское наслѣдство, то забралъ себѣ львиную долю, ссылаясь на законъ.

Въ Московскомъ университетѣ я спеціальностью избралъ себѣ для изученія гражданское право и исторію Русскаго законодательства, а попутно и Римское право. Кажется, въ 1856 или 1857 году добрый пріятель моего брата Александра (кандидата историко-филологическаго факультета Московскаго университета) Петръ Ивановичъ Бартеневъ (нынѣ издатель „Русскаго Архива“) предложилъ мнѣ попытаться свои силы и взять довѣренность отъ его знакомой Екатерины Ивановны

Елагиной (рожденной Мойеръ, дочери профессора Дерптскаго университета) на получение 3333 рублей 33 копѣекъ, слѣдовавшихъ ей изъ капитала въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей ея умершаго родственника, сенатора Александра Протасова. Я охотно взялся за этотъ первый опытъ примѣненія моихъ юридическихъ свѣдѣнй, при чемъ условился вести дѣло пока до окончанія на мой счетъ, а вознагражденіе за труды опредѣлить въ 3%, т. е. сто рублей, конечно съ возвращеніемъ мнѣ расходовъ на веденіе процесса. Первое же мое прошеніе въ Московскій Уѣздный Судъ возвращено было мнѣ по этому дѣлу за „описку въ высочайшемъ титулѣ“, а именно „Николаевичъ“ написано было съ окончаніемъ на ъ вмѣсто ѣ. Затѣмъ я собралъ документы, которые нужны были для доказательства родства Елагиной съ Протасовымъ и при этомъ, вмѣсто метрическаго свидѣтельства отъ Консисторіи о рожденіи Екатерины Ивановны Елагиной, представилъ метрическое свидѣтельство причта той въ городѣ Дерптѣ церкви, гдѣ была моя довѣрительница крещена. Повторяю, законъ тогда (не такъ, какъ нынѣ) требовалъ этого документа выданнаго изъ Консисторіи. Между тѣмъ г-жа Елагина чрезъ Бартенева торопила меня полученіемъ денегъ. Посылать прошеніе въ губернскій городъ Ригу въ Консисторію о высылкѣ означенной метрики значило рассчитывать на непомѣрное замедленіе: ѣхать самому въ Ригу было крайне убыточно, потому что не было туда дороги. Тогда я обратился къ секретарю Уѣзднаго Суда на его квартирѣ и вотъ что выслушалъ отъ него: безъ консисторской метрики никакъ нельзя обойтись. Когда же я возразилъ ему, что по этому же дѣлу Уѣздный Судъ выдалъ 6666 рублей 66 копѣекъ изъ того же капитала Протасова, а именно графинѣ Бревернъ-де ла-Гарди, хотя ея повѣренный не представилъ никакой метрики о родствѣ, а лишь взамѣнъ того представилъ удостовѣреніе трехъ знатныхъ лицъ (сенатора Рѣпинскаго, графа Д. Н. Блудова и еще, забылъ третьяго), что законъ допускалъ при положительной невозможности добыть метрику (напр. вслѣдствіе истребленія пожаромъ); то этотъ секретарь весьма спокойнымъ и серьезнымъ голосомъ мнѣ отвѣтилъ: „повѣренный графини Делагарди представилъ мнѣ самый вѣрный документъ“. Но я такого документа не вижу въ дѣлѣ, возразилъ я ему. На это секретарь пояснилъ: „онъ представилъ мнѣ сто пятьдесятъ рублей“. У меня кровь прилила къ головѣ, я чуть было не назвалъ подлецомъ этого нахала, но моментально сообразилъ, что я въ его рукахъ. Прошли двѣ минуты молчанія, разрѣшившагося тѣмъ, что я пригласилъ этого негодяя назначить сумму взятки: поторговались и, помнится мнѣ, сошлись на пятидесяти рубляхъ. Черезъ недѣлю или ближе все было закончено, и я получилъ искомые 3333 р. 33 к., за официальнымъ

вычетомъ разныхъ пошлинъ. Описываю этотъ эпизодъ для характеристики того времени судебной дѣятельности, какъ торговли правосудіемъ.

7-го Октября 1848 г., за № 2045, выданъ мнѣ изъ Московскаго Университета аттестатъ объ окончаніи курса юридическихъ наукъ со званіемъ кандидата. День предъявленія этого акта моему отцу слѣдовало бы считать днемъ моего торжества, потому что близкіе отцу и даже весьма почтенные его знакомые постоянно, для меня оскорбительно, высказывали сомнѣніе въ возможности получить кандидатство сразу, безъ ежегодныхъ переходныхъ экзаменовъ. Отмѣчу явленіе, которое моему отцу и всѣмъ нашимъ близкимъ показалось необъяснимымъ: я былъ вполнѣ равнодушенъ, получивъ аттестатъ. Ясно помню, что полученіе аттестата я признавалъ событіемъ вполнѣ нормальнымъ, а поэтому оно не могло вызывать у меня особой радости; я былъ, такъ сказать, подготовленъ къ нему во все время хода экзаменовъ, на которыхъ я получилъ 5 изъ одиннадцати предметовъ и лишь изъ трехъ предметовъ по 4, а законъ требовалъ для кандидатства средній баллъ 4¹/₂. Это равнодушіе нельзя объяснять самонадѣянностью, а было оно лишь особенностью моей природы: что нормально, то не вызываетъ у меня эмоціи чувства.

4.

Обвиненіе въ диффамаци.—Судебнымъ слѣдователемъ.—Эпизоды изъ жизни дореформенныхъ судовъ.

Въ 1858 г. редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей былъ Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ, добрый знакомый моего брата Александра. Кажется, въ Сентябрѣ этого года я помѣстилъ въ этой газетѣ „Замѣтку“ о томъ, что нѣкто г. Наливкинъ рекламируетъ въ газетахъ, называя себя адвокатомъ, о томъ, что подаетъ юридическіе совѣты въ Москвѣ. Я указывалъ, что неправильно называть себя адвокатомъ, когда у насъ нѣтъ сословія адвокатовъ, а есть легальное названіе—повѣренный или ходатай по чужимъ дѣламъ. При этомъ я высказалъ, что, публично называясь адвокатомъ, то есть несуществующимъ въ Россіи званіемъ, г. Наливкинъ ставитъ себя въ одинаковое положеніе съ лицомъ, печатно называющимъ себя профессоромъ магіи, хотя науки и кафедръ магіи не существуетъ. Эта столь простая печатная замѣтка вызвала жалобу Наливкина по обвиненію меня въ диффамаци. Первая судебная инстанція меня обвинила, Московская Уголовная Палата оправдала, а 6-й Департаментъ Правительствующаго Сената

(въ Москвѣ) меня обвинилъ, по настоянію сенатора К. Н. Лебедева, и приговорилъ: испросить прощенія у Наливкина и уплатить ему двадцать пять рублей. Дѣло это тянулось многіе годы и закончено лишь въ 1867 или 1868 г. Такимъ образомъ мой первый шагъ на газетномъ поприщѣ оказался для меня неудачнымъ. Конечно я не могу судить о справедливости сенатскаго рѣшенія, такъ какъ никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ; добавлю лишь то, что сказывалъ мнѣ впоследствии Николай Сергѣевичъ Писаревъ, когда былъ въ 1871 г. прокуроромъ Харьковской Судебной Палаты, а я назначенъ былъ въ этомъ году его товарищемъ. Писаревъ говорилъ, что мое дѣло съ Наливкинымъ было у него въ производствѣ въ Сенатѣ, гдѣ онъ состоялъ въ 1866 г. оберъ секретаремъ, и что всѣ сенаторы были за оправданіе, кромѣ г. Лебедева; а такъ какъ въ то время рѣшеніе Сената было окончательное при условіи единогласія всѣхъ въ департаментѣ сенаторовъ, то въ виду ничтожности какъ самага дѣла, такъ и наказанія, г.г. сенаторы согласились уступить г. Лебеву, дабы предотвратить переносъ дѣла въ общее собраніе Московскихъ департаментовъ.

Хотя я въ 1858 г. получилъ кандидатскій аттестатъ, но, какъ безземельному дворянину, мнѣ не было возможности тотчасъ поступить на службу по судебному вѣдомству, или же въ Петербургъ въ одно изъ министерствъ; потому что въ то время законъ обязывалъ насъ, окончившихъ университетскій курсъ, прослужить сначала не менѣе трехъ лѣтъ въ провинціи. Этимъ закономъ надѣялись наполнять провинціи молодыми силами съ высшимъ образованіемъ для государственной службы и по выборамъ. Не знаю, насколько эта благая цѣль осуществилась въ жизни. Повидимому, рѣдко кто въ то время, рѣшался оставить Москву или Петербургъ и примѣнять ихъ на провинціальное житіе. Конечно, для мѣстныхъ уроженцевъ большіе губернскіе и приморскіе города могли привлекать на службу въ нихъ, въ особенности по выборамъ; но большинство окончившихъ университетское образованіе не знало куда примѣнить свои знанія и силы на служебномъ поприщѣ. Можно было поступить на службу, какъ исключеніе, въ Сенатъ; но тамъ конкуренція была непроходимая, а служить на жалованье въ 23 р. въ мѣсяцъ на должности младшаго помощника сенатскаго секретаря (первая ступень со штатнымъ окладомъ) для недостаточныхъ лицъ было немыслимо, да и эту должность можно было получить послѣ многихъ лѣтъ службы безъ оплаты жалованьемъ.

Законъ 8 Іюня 1860 г. объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей былъ первымъ шагомъ въ дѣлѣ судебной реформы. Слѣдственное производство изъято было изъ рукъ полиціи. Печальной памяти традиціи

онные приемы при производствѣ слѣдствій (кормленіе обвиняемаго соленою пищею безъ дачи воды, съ цѣлью вызвать сознаніе, выдерживаніе его, съ тою же цѣлью, въ холодномъ помѣщеніи и т. п.) стали немыслимы для судебныхъ слѣдователей. Съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожился самъ собою обрядъ допроса обвиняемаго въ судѣ о томъ: не было ли ему дѣлываемо на слѣдствіи пристрастныхъ допросовъ?

Тяжело было въ то время положеніе судебного слѣдователя многимъ причинамъ: 1) онъ служилъ въ одно время, такъ сказать, нѣсколькимъ начальствамъ: а) губернатору, по выбору котораго и по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, онъ былъ рекомендуемъ на эту должность министру юстиціи; б) Уголовной Палатѣ; в) Уѣздному Суду и Городовому Магистрату; г) губернскому прокурору и Уѣздному стряпчему. Губернаторъ могъ требовать отъ слѣдователя свѣдѣній и объясненій по каждому дѣлу; Уголовная Палата, Уѣздный Судъ и Магистратъ контролировали дѣятельность слѣдователей, давая указанія о дополненіи слѣдствія; прокуроръ и уѣздный стряпчій въ особенности имѣли наблюденіе за арестантскими дѣлами. 2) Полиція недружелюбно относилась къ судебнымъ слѣдователямъ, съ учрежденіемъ которыхъ прекратился источникъ незаконныхъ поборовъ. 3) Разъѣзды по участку на обывательскихъ лошадяхъ, взиманіе которыхъ, въ силу натуральной земской повинности, предоставлено было по открытому листу губернатора, до крайности затрудняли слѣдователя, въ особенности въ лѣтнюю рабочую пору. Памятны каждому судебному слѣдователю 60-хъ годовъ эти тяжелыя сцены выпряганія въ полѣ изъ сохъ очередныхъ обывательскихъ лошадей для того, чтобы проѣхать на этихъ жалкихъ клячахъ десять верстъ; эти ругательства и драки крестьянъ въ спорѣ изъ за очереди; эти колѣнопреклоненныя просьбы подводчика перемѣнить лошадку въ ближайшемъ селеніи и т. п. Памятна въ особенности ѣзда на обывательскихъ лошадяхъ весною, въ водополь, по двѣ версты въ часъ.

Въ Маѣ 1861 г. я пріѣхалъ изъ Москвы на должность судебного слѣдователя 2-го участка Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губ., за мѣсяцъ передъ тѣмъ твердо заучивъ статьи Учрежденія и Наказа судебныхъ слѣдователей, проштудировалъ XV-й томъ Свода Законовъ и лекціи уголовного права и судопроизводства С. И. Баршева. Положеніе о крестьянахъ 19 Февраля 1861 г. только что стало вводиться; составъ мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ былъ образцово-хорошъ; народъ, только что избавившійся отъ крѣпостной зависимости, всѣ три года службы моей на должности судебного слѣдователя, былъ въ ожиданіи какой-то „настоящей воли“. Впрочемъ, введеніе уставныхъ гра-

могъ шло, за малымъ исключеніемъ, успѣшно. благодаря энергіи, справедливости и толковой практичности мировыхъ посредниковъ, съ которыми я скоро сошелся и сталъ солидаренъ въ дѣлѣ разъясненія крестьянамъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, нелѣпости ихъ ожиданій „настоящей воли“ и преподаванія имъ совѣта показать себя достойными царскихъ милостей точнымъ выполненіемъ обязанностей по уставнымъ грамотамъ. Случаи такихъ объясненій съ крестьянами участились спустя три или четыре мѣсяца по вступленіи моемъ въ должность судебного слѣдователя. Не проходило дня, чтобы тотъ или другой крестьянинъ, улучивъ минуту, когда я оставался съ нимъ самъ-другъ, не обращался ко мнѣ съ вопросомъ: „а чтò, ваше благородіе, какіе слухи на счетъ настоящей-то воли?“

Въ эти три года (1861—1864), у меня было въ производствѣ лишь одно дѣло, истекавшее изъ земельныхъ отношеній. Рядъ насилій и буйствъ крестьянъ по этому дѣлу вызванъ былъ крупнымъ недоразумѣніемъ: крестьянское общество, свыше семисотъ душъ, съ 1861 г. состояло на издѣльной повинности; въ началѣ зимы этого года помѣщикъ, въ лицѣ своего управляющаго, сдать около двухъ тысячъ десятинъ земли въ долгосрочную аренду купцу. Зная, что манифестомъ 19 Февраля 1861 г. было узаконено сохранить первые два года существованій до дня сего манифеста поземельный порядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и предпочитая барщинную повинность денежному оброку, означенное крестьянское общество отвергало фактъ объявленія отъ помѣщика до дня обнародованія Положенія 19 Февраля о томъ, что онъ перевелъ крестьянъ на оброкъ, и весною 1861 г. заявило, что будетъ по прежнему отбывать барщину. Дѣйствительно, какъ только наступило время полевыхъ работъ, всѣ эти крестьяне исправно являлись ежедневно къ помѣщичьей конторѣ съ сохами и боронами и просили управляющаго указать имъ мѣсто для работъ на помѣщика: ежедневно получали они отвѣтъ, что переведены на оброкъ и что, за сдачею помѣщикомъ земли въ аренду, барщинѣ нѣтъ мѣста. Съѣздомъ мировыхъ посредниковъ было произведено дознаніе, коимъ удостовѣрено, что этому обществу крестьянъ было объявлено до обнародованія Положенія 19-го Февраля распоряженіе помѣщика о замѣнѣ барщины денежнымъ оброкомъ. Вслѣдъ затѣмъ, когда наступилъ срокъ уплаты этого оброка, крестьяне отказались его платить и, будучи къ тому понуждаемы начальствомъ, надѣлали разныхъ насилій надъ старостою, старшиною и сотскимъ и въ тоже время послали въ Петербургъ своихъ ходоковъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ... а также предъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ объ

оставленіи ихъ на барщинѣ. Ходоковъ этихъ, изъ крестьянъ того же общества, было двое: одинъ изъ нихъ грамотный, но неразговорчивый Степанъ Пушинъ, а другой неграмотный, но горланъ. Алексѣй Сантагинъ; оба они порядочно обообрали свое общество на расходы путешествія. По возвращеніи домой, эти ходоки были задержаны волостнымъ старшиною для отсылки въ городъ ко мнѣ, слѣдователю, какъ обвиняемыхъ въ уголовномъ преступленіи, но крестьяне отбили ихъ у старшины. Узнавъ о семъ, я сдѣлалъ распоряженіе арестовать этихъ двухъ ходоковъ, какъ подстрекателей крестьянскаго общества къ неосновательному иску, при чемъ, чтобъ не терять времени, самолично привелъ эту мѣру въ исполненіе надъ однимъ изъ нихъ Степаномъ Пушинымъ, прочтя на улицѣ, при всемъ сходѣ крестьянъ, постановленіе свое по сему предмету. Никто при этомъ изъ сотенъ крестьянъ ни однимъ словомъ не выразилъ мнѣ противодѣйствія, хотя управляющій этимъ имѣніемъ пророчилъ мнѣ явную смерть, когда я шелъ на этотъ сходъ. Между тѣмъ другой обвиняемый, Алексѣй Сантагинъ успѣлъ скрыться, какъ только увидѣлъ меня подѣзжающимъ къ селу. Арестовавъ Степана Пушина, я тогда же объявилъ крестьянскому сходу о строгой отвѣтственности по закону, если кто-либо осмѣлится вновь оказать сопротивленіе при поимкѣ и задержаніи обвиняемаго Алексѣя Сантагина. Прошло нѣсколько дней. Обвиняемый Сантагинъ былъ въ своемъ домѣ усмотрѣнъ волостнымъ старшиною, который успѣлъ его задержать. На крикъ собрались крестьяне; но, увидя въ чемъ дѣло, разбѣжались по домамъ, а на мѣсто ихъ набѣжала толпа беременныхъ крестьянокъ, которыя и отняли Сантагина изъ рукъ старшины: опасаясь причинить вредъ беременнымъ бабамъ, старшина совершенно растерялся и не зналъ что дѣлать.

Этотъ старшина былъ не изъ толковыхъ, уступая очень многимъ своимъ сверстникамъ по службѣ, отличавшимся точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, толковымъ и твердымъ знаніемъ Положенія 19 Февраля. Вообще, въ волостные старшины выбираемы были въ то время лучшіе люди, при помощи которыхъ мировымъ посредникамъ легко было вести свое трудное дѣло. Припоминается мнѣ случайно подслушанный разговоръ, вѣрнѣе сказать диспутъ одного волостнаго старшины съ его кандидатомъ. Усталый я заѣхалъ со слѣдствія зимой на ночлегъ въ волостное правленіе, гдѣ мнѣ предоставили отдѣльную комнату. Поздно вечеромъ старшина и его кандидатъ, предполагая, что я заснулъ, вели въ присутственной комнатѣ разговоръ по поводу одной статьи Положенія 19 Февраля, примѣненіе буквального смысла которой было затруднено циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Раз-

говоръ этихъ двухъ грамотѣевъ перешелъ въ споръ, при чемъ одинъ изъ нихъ настаивалъ на необходимости подчиниться циркуляру, а другой утверждалъ, что смыслъ статьи ясенъ, что исполнять ее слѣдуетъ буквально, потому что законъ есть „царское слово“ и при этомъ указывалъ на практическое неудобство циркуляра. Рѣдко мнѣ послѣ того приходилось слышать пренія, которыя бы велись съ такою толковостью и уваженіемъ къ мнѣнію противника.

Для обнаруженія виновности въ совершеніи преступленія главнѣйшее препятствіе составляли для судебныхъ слѣдователей: 1, традиціонное недовѣріе народа къ лицу, производящему слѣдствіе, а такимъ до учрежденія судебныхъ слѣдователей былъ становой приставъ, въ рѣдкихъ случаяхъ исправникъ (какъ предсѣдатель временнаго отдѣленія Земскаго Суда). Вся задача полиціи, какъ слѣдственной власти, состояла въ бывшее время въ томъ, чтобы добиться признанія отъ лица заподозрѣннаго въ совершеніи преступленія, при этомъ законность средствъ для полученія этого признанія игнорировалась губернскимъ начальствомъ. Мой добрый знакомый, старыхъ временъ становой приставъ, смотря на то, какъ я производилъ слѣдствіе, говаривалъ мнѣ: „Вамъ теперь ни почѣмъ, если не откроете виновнаго, а намъ невозможно было такъ вести дѣла. Бывало, случится въ уѣздѣ убійство, начальникъ губерніи пишетъ: отправиться отдѣленію Земскаго Суда на мѣсто происшествія и не выѣзжать оттуда, доколѣ виновный будетъ обнаруженъ“. Стоить просмотрѣть любое слѣдственное прежнихъ временъ производство, чтобы убѣдиться: а) не въ систематическомъ изслѣдованіи преступленія, преслѣдованіи, какъ зайца на травлѣ, заподозрѣннаго въ совершеніи преступленія, иногда по ничтожнѣйшимъ основаніямъ, и б) въ томъ что по всякому слѣдственному дѣлу полиція допрашивала непомѣрно-большое число свидѣтелей, отрывая ихъ отъ обычныхъ занятій, продерживая ихъ цѣлые дни и тормоша какъ свидѣтелей, такъ и обвиняемыхъ безцѣльными формальностями: очными ставками для соглашенія разнорѣчія въ показаніяхъ, хотя бы эти разнорѣчія и не имѣли никакого отношенія къ существу дѣла, и т. п. Добавимъ къ этому отвлеченіе на все время производства слѣдствія понятыхъ, призывавшихся для осмотра, караула обвиняемаго, мертвато дѣла и слѣдовъ преступленія, а также расквартированіе членовъ временнаго отдѣленія Земскаго Суда, писцовъ и разсылныхъ по крестьянскимъ домамъ, забираше съѣстныхъ припасовъ для всѣхъ этихъ лицъ по удешевленнымъ цѣнамъ, а иногда и даромъ, разгонъ лошадей для возки Земскаго Суда, и т. п. Понятно, что пріѣздъ Земскаго Суда для производства слѣдствія равнялся нашествію иноплемениковъ, а пріемы

слѣдствія внушали свидѣтелямъ страхъ попасть въ число обвиняемыхъ за каждое лишнее или просто сказанное на допросѣ слово. Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать причину упорнаго отрицательства свидѣтелей, явленіе, которое мѣшало судебнымъ слѣдователямъ (въ первые годы этого учрежденія) открывать виновныхъ въ совершеніи преступленія. 2) Обремененіе производствомъ слѣдствій о незначительныхъ проступкахъ лицъ не крестьянскаго званія (кражи до тридцати рублей между крестьянами вѣдались полиціею). Въ числѣ этихъ проступковъ наибольшее число составляли обиды дѣйствіемъ и словесныя—въ мѣщанскомъ сословіи. Мѣщане отлично поняли свое привилегированное положеніе (изъятіе въ уголовныхъ дѣлахъ отъ вѣдомства полиціи), и вотъ почему каждый судебный слѣдователь былъ заваленъ ихъ жалобами объ обидахъ, жалобами самаго клязузнаго свойства, подававшимися главнымъ образомъ съ цѣлью вымогательства отъ обидчика денегъ на мировую. Между тѣмъ судебный слѣдователь обязанъ былъ прилагать трудъ обслѣдованія по подобнымъ жалобамъ, спрашивать массу выставленныхъ жалобщикомъ свидѣтелей, соблюдая при этомъ сложныя формальности: предварительную очную ставку, на которой долженъ былъ выяснить отношеніе свидѣтелей къ сторонамъ, записать подробно показанія свидѣтелей, дать имъ очную ставку при разнорѣчьи въ показаніяхъ, произвести повальный обыскъ о поведеніи обвиняемаго (за выполненіемъ этого слѣдственнаго дѣйствія въ особенности блюлъ Городовой Магистратъ), составить по дѣлу дневную записку и т. п. Бюрократизмъ Уѣзднаго Суда и стряпчаго, а также Уголовной Палаты, часто вызывалъ предписанія судебному слѣдователю озаботиться скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла, при чемъ не обращалось вниманія на то то, что половину этихъ дѣлъ составляли обвиненія въ обидахъ частныхъ лицъ.

Какъ на образчикъ сказаннаго мѣщанскаго клязуничества, поощреннаго учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей, укажу на содержаніе листа бумаги, случайно найденнаго мною при обыскѣ дома одного мѣщанина. На этомъ листѣ записаны были десятки случаевъ обидъ, полученныхъ этимъ мѣщаниномъ отъ разныхъ лицъ того же сословія, съ подробными отмѣтками времени и мѣста совершенія этихъ проступковъ, именъ и фамилій обидчиковъ, бывшихъ при этомъ свидѣтелей и т. п. На спросъ мой, этотъ субъектъ откровенно объяснилъ, что такой дневникъ „вещь очень полезительная“, такъ какъ даетъ ему возможность, не пропуская давности, возбудить уголовное преслѣдованіе противъ того или другого обидчика.

Убѣдясь такимъ образомъ, что служу орудіемъ мѣщанскаго клязуничества, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ слѣдующей мѣрѣ. Къ

шести часамъ утра, въ базарный день, когда каждая минута дороже торгашу-мѣщанину всѣхъ остальныхъ въ недѣлю дней, я вызывалъ къ допросу какъ обиженного, такъ и обидчика и, пользуясь правомъ начать допросъ въ теченіе двѣнадцати часовъ съ момента призыва, приступалъ къ допросамъ лицъ по другимъ дѣламъ, а кляузника-мѣщанина приглашалъ подождать очереди одинъ, два, три часа. Мѣра эта всегда оказывалась дѣйствительною: чтобы не терять своихъ барышей на базарѣ въ часы самаго разгара торговли, кляузникъ вскорѣ обращался ко мнѣ съ заявленіемъ о прекращеніи дѣла миромъ, при чемъ клялся и божился, что не имѣетъ денегъ для уплаты мировой пошлины, которая въ то время требовалась закономъ по три копѣйки съ каждой стороны. Конечно эти копѣйки я вносилъ свои, дѣло тотчасъ заканчивалъ и представлялъ въ Городовой Магистратъ.

За изложеніемъ общихъ причинъ, представлявшихъ судебнымъ слѣдователямъ затрудненіе къ обнаруженію виновныхъ, мнѣ остается сказать о судьбѣ уголовныхъ дѣлъ въ Уѣздномъ Судѣ, Городовомъ Магистратѣ и Уголовной Палатѣ. Теорія формальныхъ доказательствъ, преподаваемая судьямъ закономъ со времени императрицы Екатерины II, требовавшая отъ судьи взвѣшиванія уликъ и доказательствъ по установленнымъ для того началамъ и предписывавшая оставлять подсудимаго въ болѣе или менѣе сильномъ подозрѣніи въ тѣхъ случаяхъ, когда улики не вмѣщались въ указанную рамку, эта теорія лишала разумнаго и добросовѣстнаго судью возможности правильно отправлять правосудіе, устраняла критерій рѣшительнаго вывода, голосъ судейской совѣсти, его внутреннее о винѣ или невинности убѣжденіе. Мало того, судьи отправляли правосудіе надъ обвиняемымъ заглазно, не видя его, не слыша его словъ, не слыша живаго слова свидѣтелей той и другой стороны. Источникомъ сужденія было исключительно письменное производство, глухое и мертвое. Эта ненормальность, эта печальная уродливость ставила судью въ положеніе цѣнителя художественнаго произведенія, который или слѣпъ, или заглазно высказываетъ рѣшающее сужденіе о предметѣ по описанію другихъ лицъ. Подъ покровомъ завѣсы, скрывавшей судейскую дѣятельность отъ взоровъ публики, подъ покровомъ тщательно охраняемомъ такъ называемою „канцелярскою тайной“, въ этомъ мрачномъ лабиринтѣ усложненнаго письменнаго производства свивали себѣ теплыя гнѣзда судейскіе дѣльцы, гг. секретари, эти рѣшители судьбы обвиняемаго, эти воротилы дѣлъ, раздаватели горя и милостей, мастера въ обращеніи съ закономъ, въ сферѣ которыхъ выработался постыдный для правосудія афоризмъ: „законъ какъ дышло,—куда повернешь, туда и вышло“.

Мы, судебные слѣдователи, прилагали стараніе всесторонне изслѣдовать преступленіе, собрать улики и доказательства противъ и за виновнаго. Въ тоже время зная, что каждый нашъ протоколъ останется безъ провѣрки на судѣ, мы добросовѣстно не отступали ни на волосъ отъ истины въ изложеніи содержанія этихъ протоколовъ. За всѣмъ тѣмъ мы не могли быть увѣрены, что наши труды получаютъ требуемый правосудіемъ исходъ, такъ какъ каждое дѣло могло получить желаемое для подсудимаго или потерпѣвшаго направленіе, смотря по степени усердія этихъ лицъ въ отношеніи секретаря Уголовной Палаты, къ которому стороны отправлялись „за справками по дѣлу“, поступившему изъ первой инстанціи. Выборные въ этой палатѣ председатели и засѣдатели отъ дворянства и купечества въ рѣдкихъ случаяхъ вникали въ дѣла, одинъ объемъ которыхъ внушалъ удручающее впечатлѣніе, а губернскій прокуроръ и коронный товарищъ председателя конечно не всегда могли услѣдить за массою дѣлъ. Такимъ образомъ перспектива исхода въ большинствѣ дѣлъ по усмотрѣнію секретаря парализовала стараніе судебного слѣдователя прилагать всѣ свои силы, знаніе и опытность при производствѣ формальнаго слѣдствія и волею-неволею сбивала насъ на торный путь нашихъ предшественниковъ, чиновъ полиціи: стараться добыть или сознаніе подсудимаго или двухъ свидѣтелей, непосредственныхъ очевидцевъ преступнаго событія. Но мы достигали этого торнаго пути пріемами неприступнаго свойства, мы достигали его довѣріемъ къ нашей личности со стороны народонаселенія, довѣріемъ, которое получается прямою оффиціальными дѣйствіями и гуманнымъ обращеніемъ съ каждымъ лицомъ, съ которымъ служба ставила насъ съ глазу на глазъ. При этихъ условіяхъ мы достигали хотя и не полныхъ, но за то твердыхъ результатовъ, дававшихъ намъ утѣшеніе сознавать себя піонерами въ дѣлѣ ожидавшейся коренной судебной реформы.

5.

Образцы правосудія дореформенныхъ судовъ.—Увеличеніе количества уголовныхъ дѣлъ послѣ учрежденія должности судебного слѣдователя и причина такого явленія.—Размѣръ слѣдовательскаго содержанія.—Суммы платимыя откупамъ чиновникамъ.

Въ свободные отъ занятій дни судебный слѣдователь обязанъ были засѣдать въ Уѣздномъ Судѣ на правахъ члена. Памятны мнѣ эти засѣданія по слѣдующимъ дѣламъ.

1) Секретаремъ докладывалось дѣло о мѣстномъ дворянинѣ, обвинявшемся въ изнасилованіи несовершеннолѣтней дѣвицы. Слѣдствіемъ произведеннымъ до введенія учрежденія судебныхъ слѣдователей, уликъ

добыто не было, и предстояло опредѣленіе суда: „дѣло предать волѣ Божіей“. Случилось такъ, что нашъ уѣздный судья былъ почему-то недоволенъ обвиняемымъ, а потому пожелалъ допечь его осужденіемъ, по крайней мѣрѣ, его приближенной особы женскаго пола, привлекавшейся по этому дѣлу въ пособничество къ совершенію преступленія, вслѣдствіе сего произошла слѣдующая сцена, своевременно съ точностью мною записанная.

Судья (обращаясь къ секретарю, когда окончился докладъ дѣла). Такъ-то это такъ; ну, а Александру Ѳедорову надо присудить; отыщи ты получше въ дѣлѣ что нибудь о ней.

Секретарь. Никакихъ уликъ противъ нея въ дѣлѣ нѣтъ ни по какому обвиненію.

Судья. А я тебѣ говорю, чтобы Александра Ѳедорова была обвинена и наказана; постарайся, найдешь.

Проходитъ нѣсколько дней. Проектъ рѣшенія дополняется секретаремъ въ слѣдующемъ видѣ. „Такъ какъ подсудимая мѣщанка Александра Ѳедорова на допросѣ при формальномъ слѣдствіи оговорила подсудимаго NN въ любодѣйной съ нею связи, а на очной ставкѣ оговоръ сей отмѣнила; посему, принимая во вниманіе, что Ѳедорова объ одномъ и томъ же обстоятельстве предъ судомъ показала двояко и что такимъ образомъ одно изъ таковыхъ ея показаній очевидно есть ложное, оказывается она, Ѳедорова, виновною въ ложномъ безъ присяги предъ судомъ показаніи, за что и слѣдуетъ ее, на основаніи такихъ-то статей закона, подвергнуть такому-то наказанію. Находчивость секретаря очень порадовала г. судью, который при этомъ высказалъ: „ну вотъ и прекрасно!“ Это секретарское хитросплетеніе осталось, впрочемъ, безъ послѣдствій: Уголовная Палата отмѣнила обвинительный о Ѳедоровой приговоръ.

2) Въ 1861 г. предметомъ обвиненія крестьянъ послужилъ ихъ отказъ получить отъ мирового посредника уставную грамоту, хотя въ тоже время всѣ эти крестьяне не отказывались исполнять обозначенныя въ этой уставной грамотѣ повинности въ пользу помѣщика. Въ этомъ упорствѣ уѣздный судья усмотрѣлъ неповиновеніе властямъ. Подобное явленіе крестьянскаго упорства въ соблюденіи формы встрѣчалось въ то время не въ одной Рязанской губерніи; вызывалось же оно затаеннымъ ожиданіемъ крестьянъ „настоящей воли“ и опасеніемъ не получить ея, если примутъ уставную грамоту или данную на землю. Законъ 9 Августа 1864 г. устранилъ это оригинальное явленіе, не придавъ ему въ тоже время преступнаго характера. Закономъ этимъ было опредѣлено: „въ томъ случаѣ, когда крестьяне отказываются отъ

полученія данной на приобрѣтенную ими въ собственность землю, Гражданская Палата (или Уѣздный Судъ) высылають данную чрезъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе къ мѣстному мировому посреднику для прочтенія оной крестьянамъ на полномъ сходѣ и передачи затѣмъ въ Волостное Правленіе впредъ до востребованія крестьянами“.

3) Въ 1862 г. одно крестьянское общество отказалось исполнять работы помѣщику, заявляя, что надѣлено по уставной грамотѣ не въ указанномъ размѣрѣ. Недоразумѣніе это вызвалось своеобразнымъ толкованіемъ грамотѣми этого общества 16-й статьи мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ. Въ статьѣ этой сказано: „для опредѣленія количества мірской земли, предоставляемой въ постоянное пользованіе сельскимъ обществамъ, устанавливается, по каждой мѣстности, два размѣра надѣловъ на душу, высшій и низшій“. Грамотѣи эти увѣрили свое общество, что положеніемъ повелѣно надѣлять крестьянъ одновременно и высшимъ и низшимъ надѣлами земли. Нельзя сказать, чтобы эти грамотѣи дѣйствовали въ данномъ случаѣ съ какимъ либо злымъ умысломъ; они держались въ читаемомъ прежде всего буквального смысла, а толкованіе допускали исключительно и упорно только въ сторону своихъ выгодъ, не внимая доводамъ о ложности усвоеннаго ими пониманія, противорѣчащаго всему строю узаконеній. относящихся къ данному предмету.

Кстати упомяну объ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ недовѣрія, оказаннаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ Положенію 19 Февраля 1861 г., тотчасъ по присылкѣ этого законоположенія по одному экземпляру въ каждое крестьянское общество. Разослано оно было неброшюрованное, такъ что листы иногда были перемѣшаны. Это, по видимому ничтожное обстоятельство, вызвало слѣдующее печальное явленіе. Нашлись злые люди, которые стали внушать крестьянамъ, что это не царскій законъ о волѣ, потому что никакого толку въ этихъ листахъ не добыешься, да и печати съ гербомъ къ нимъ не приложено. Недоразумѣніе крестьянъ въ данномъ случаѣ усложнялось, кромѣ того, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ общему положенію о крестьянахъ приложено было нѣсколько мѣстныхъ положеній, которыя были совершенно излишни въ губерніяхъ, до коихъ не относились.

1 Іюня 1863 г. состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы виновные въ умышленныхъ въ С. Петербургѣ поджогахъ были подвергаемы военно-полевому суду. Вскорѣ по обнародованіи этого закона, мнѣ пришлось производить слѣдствіе о крестьянинѣ, который изъ

мести къ любовнику своей жены, ночью умышленно поджегъ вѣтрениую мельницу въ то время, когда въ ней находилась эта влюбленная чета, успѣвшая однако спастись отъ огня. Подсудимый на допросѣ чистосердечно сознался. При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу я былъ очень удивленъ явнымъ заpiresательствомъ свидѣтелей при дачѣ подъ присягою показаній. Одинъ изъ этихъ свидѣтелей, спустя нѣкоторое время, при случайномъ со мною разговорѣ высказалъ причину этого упорства: „Хотя вы насъ къ присягѣ пригоняли (такъ выразился онъ) чтобъ правду говорить, да боязно въ такомъ дѣлѣ и правду ска-зывать; вѣдь ему, т. е. обвиняемому за поджогъ, слѣдуетъ разстрѣлъ“. Такимъ образомъ крестьяне истолковали себѣ означенное высочайшее повелѣніе въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе его простирается на всю Россію, а не на одинъ только Петербургъ.

Я упомянулъ выше о моемъ добромъ знакомомъ, старыхъ временъ, становомъ приставѣ. Это былъ типъ дореформеннаго чиновника полиціи, съ тою лишь особенностью, что былъ доброй души человѣкъ, а потому любимъ въ уѣздѣ крестьянами, вѣрившими его слову. Последнее обстоятельство было чрезвычайно важно въ то время. Я знаю нѣсколько случаевъ предупрежденія этимъ старымъ служивымъ волнений крестьянъ по поводу введенія уставныхъ грамотъ съ обязательнымъ переходомъ на новыя усадебныя мѣста. Стоило ему, прибывъ въ деревню, потолковать одинъ часъ съ крестьянами, и всякія недоразумѣнія устранялись; авторитетъ правдиваго человѣка крѣпко утвердился у крестьянъ за почтеннѣйшимъ Николаемъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Тѣмъ не менѣе въ немъ, благодаря условіямъ времени, отсутствовали самыя простыя понятія о законныхъ правахъ личности. Привожу примѣръ. Въ 1862 г., во время производства слѣдствія въ деревнѣ, ко мнѣ непрошеннымъ явился въ нетрезвомъ видѣ мѣстный однодворецъ, утратившій бывшую у него когда-то грамоту о дворянскомъ его происхожденіи, обладатель одной десятины земли и вполнѣ омужичившійся. Явился онъ съ укорами на то, что я спрашивалъ его родственницу, въ качествѣ обвиняемой. На приглашеніе мое, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, успокоиться и уйти домой, этотъ пьяный однодворецъ послалъ ругательство по моему адресу, о чемъ я составилъ протоколъ. Когда я сталъ рассказывать на другой день объ этомъ Николаю Ивановичу, то онъ, не дослушавъ до конца, спросилъ меня: „вы, конечно, распорядились тотчасъ его выпороть?“ Я сначала принялъ такой вопросъ за плохую шутку, но старикъ вовсе не шутилъ, а чрезвычайно былъ взволнованъ и сталъ мнѣ объяснять, что я ослабляю власть. „Вспомните, говорилъ онъ, вѣдь вы чиновникъ 8-го класса (удареніе на

цифрѣ 8); до чего жъ вы доведете этихъ лапотниковъ своими протоколами?" На возраженіе мое, что сдѣлавшій дерзость будетъ судимъ и наказанъ, что онъ лицо привилегированнаго сословія и т. п., Николай Ивановичъ съ сердечною простотою высказалъ: „Чего на нихъ смотрѣть? Вотъ у меня, когда я былъ становымъ приставомъ, жили два брата-одиндворцы, тоже затеряли бумаги о дворянствѣ, отчаянные они были конокрады, дразнили ихъ по уличному Грачи, немало я ихъ жучилъ, а когда бывало гдѣ ярмарка у меня въ стану, такъ я этихъ Грачей саживалъ въ подполь при становой квартирѣ; глядишь, у мужиковъ за всю ярмарку лошадки цѣлы, а не посади я Грачей, ужъ навѣрное тройки двѣ свели бы“.

Со времени учрежденія судебныхъ слѣдователей годъ отъ году стала увеличиваться цифра уголовныхъ дѣлъ. Противники крестьянской реформы указывали на это явленіе, какъ на фактъ усиленія развращенности въ крестьянскомъ сословіи. Такой взглядъ едва ли основателенъ. Увеличеніе цифры уголовныхъ дѣлъ вызвано было: а) невозможностью скрывать многія преступленія, чтѣ практиковалось при крѣпостномъ правѣ, и б) увѣренностью крестьянъ въ томъ, что въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и судебныхъ слѣдователей они имѣли защитниковъ отъ нарушителей ихъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Мнѣ очень памятны рассказы сельскихъ священниковъ, старыхъ управляющихъ и бурмистровъ помѣщичьихъ имѣній о томъ, что до Положенія 19 Февраля 1861 г. дѣла о кражахъ со взломомъ у помѣщиковъ рѣдко были доводимы до свѣдѣнія полиціи: пойманнаго или уличеннаго вора баринъ наказывалъ розгами, сдавалъ въ солдаты или ссылалъ на поселеніе, и тѣмъ заканчивалось дѣло. Равнымъ образомъ нерѣдко скрывалось убійство крѣпостными дѣвицами ихъ незаконнорожденныхъ младенцевъ при самомъ рожденіи, такъ какъ пріѣздъ полиціи на слѣдствіе отвлекалъ крѣпостныхъ людей отъ барской работы, а распорядиться съ провинившейся можно было на конюшнѣ съ отдачею, по наказаніи розгами, за мужъ за скотника или пастуха. Затѣмъ, тяжкимъ побоямъ и увѣчьямъ между крестьянами помѣщики также не давали судебного хода, чиня за эти проступки собственноручную расправу. Я умалчиваю о другихъ преступленіяхъ весьма гнуснаго свойства, которыя рѣдко выплывали наружу, тѣмъ болѣе, что свидѣтельство крѣпостнаго чело-вѣка противъ его господина не имѣло силы свидѣтельскаго показанія.

Присвоенное судебнымъ слѣдователямъ содержаніе (400 р. жалованья, 400 р. столовыхъ и 200 р. на канцелярскіе расходы) было удовлетворительно въ 60-хъ годахъ, по крайней мѣрѣ въ Рязанской губерніи, такъ какъ цѣны квартиръ, жизненныхъ припасовъ и плата

прислугѣ были весьма умѣренны сравнительно съ теперешнимъ временемъ. Получая отъ Городской Думы на квартиру шесть рублей въ мѣсяцъ, я нанималъ семейную квартиру за девяносто рублей въ годъ; топка за дороговизною дровъ, лузгою, т. е. шелухою, остающеюся при обдѣлкѣ на заводахъ гречихи, и лишь частью дровами, обходилась не болѣе тридцати или сорока рублей въ годъ; мясо продавали по 5 или 7 коп. фунтъ, курица стоила 15 коп., хлѣбъ ржаной 1 коп., масло и молоко были баснословно дешевы; мѣсячная плата женской прислугѣ отъ полутора до двухъ р., писмоводитель получалъ отъ 7 до 10 р.

Содержаніе судебнымъ слѣдователямъ, тысяча рублей въ годъ считалось въ то время очень хорошимъ сравнительно съ окладами: уѣзднаго судьи 540 р. и уѣзднаго стряпчаго 300 р. Напрасно будетъ умалчивать о негласномъ содержаніи, которое тогда отъ випнаго откупа получали всѣхъ вѣдомствъ чины, отъ большого до малаго, за исключеніемъ, конечно, судебныхъ слѣдователей, къ которымъ управляющіе откуповъ не дерзали обращаться съ предложеніемъ подобнаго рода унормированной, такъ сказать, взятки. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что отъ откупа ежемѣсячно получали: уѣздный судья 35 р. и два или три ведра лучшаго сорта водки, столоначальникъ уѣзднаго суда 5 р. и одно ведро водки и т. п. Выдачи подобнаго рода земскому исправнику, окружному начальнику вѣдомства государственныхъ имуществъ и винному приставу были весьма солидныхъ размѣровъ; это негласное содержаніе выдавалось отъ откупа безъ всякаго вымогательства или просьбы; оно, повторяю, было въ точности искони унормировано. Кромѣ этого дохода для чиновъ канцеляріи Уѣзднаго Суда, получавшихъ мизерное штатное содержаніе (напр. столоначальникъ получалъ въ годъ 120 р.) въ видѣ субсидіи установлено было обычаемъ въ Уѣздномъ Судѣ, въ которомъ я состоялъ судебнымъ слѣдователемъ, слѣдующее правило: два столоначальника еженедѣльно мѣнялись столами уголовнымъ и гражданскимъ, въ тѣхъ видахъ, что въ гражданскомъ столѣ при совершеніи купчихъ крѣпостей и иныхъ нотаріальныхъ актовъ просители уплачивали, какъ тогда говорилось „на столъ“ по нѣскольکو рублей „за труды“.

Такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ отпавленія мною должности судебного слѣдователя въ нашемъ уѣздѣ не возникало ни одного дѣла, въ которомъ былъ бы заинтересованъ винный откупъ, то я не имѣю данныхъ судить о правосудіи по подобнаго рода дѣламъ.

Кстати упомяну, что за выѣздъ временнаго отдѣленія Земскаго Суда для ввода во владѣніе землею уѣздный стряпчій, входившій въ составъ этого отдѣленія, получалъ во взятку десять рублей: цифра эта

была также унормирована обычаемъ. Сколько получали за тотъ же выѣздъ уѣздный исправникъ и прочіе должностныя лица, свѣдѣній не имѣю; знаю лишь, что вводы во владѣніе крупными имѣніями продолжались по два по три дня въ непомѣрномъ пьянствѣ и безобразіяхъ.

6.

Правителемъ канцеляріи Рязанскаго губернатора.—Усмиреніе крестьянскаго бунта.—Рязанскіе разбойники Юрловъ и Обновленскій.—Секретное разслѣдованіе ген-ад. Огаревымъ „о состояніи умовъ разныхъ классовъ Рязанскаго общества“ послѣ Польскаго мятежа 1863 г.

Весною 1864 г. я перемѣщенъ былъ изъ Рененбурга въ Рязань на должность городского судебного слѣдователя. Спустя немного времени, а именно 27 Апрѣля того же года, я перешелъ на должность правителя канцеляріи Рязанскаго губернатора П. Д. Стремоухова. Должность эту я занималъ до 23 Апрѣля 1866 года, когда былъ назначенъ товарищемъ прокурора Московскаго Окружнаго Суда въ Коломенско-Бронницкій участокъ. Этотъ переходъ на два года (1864—1866) изъ судебного вѣдомства въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ произошелъ по усиленной просьбѣ губернатора, которому не посчастливилось въ первые годы его губернаторства въ Рязанской губерніи въ присканныхъ имъ нѣсколькихъ лицахъ, которыхъ онъ избиралъ въ правители своей канцеляріи. Выборъ его остановился наконецъ на мнѣ. Долгое время я не соглашался принять эту должность, но настоятельныя уговариванія губернатора, подкрѣпляемыя улучшеніемъ моего матеріальнаго по службѣ обезпеченія, а также перспектива многообразной дѣятельности на этой должности и возможность оказать на ней добро множеству лицъ, побудили меня попытать мои молодыя силы (мнѣ шелъ 32-й годъ) на новомъ служебномъ поприщѣ. Служба оказалась крайне-тяжелая. Я эти два года не зналъ отдыха даже въ праздничные дни. Но съ этимъ еще можно было помириться; тяжесть сказывалась въ особенности въ томъ, что на первыхъ же порахъ я сталъ въ совершенно ненормальное отношеніе къ своему шефу, что вызывалось разностью нашихъ напращивленій. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предпринимаемыя дѣйствія или распоряженія не согласовались съ указаніемъ закона или были умышленно неправильны, я, хотя и съ подобающимъ уваженіемъ, старался навести губернатора на путь закона и справедливости, что конечно корѣило его превосходительство, и онъ часто настаивалъ на своемъ, или въ половину со мною соглашался. И вотъ, повторяю, на первыхъ же порахъ мы оказались рыцарями разныхъ лагерей, а дѣло надлежало дѣлать сообща. Такое положеніе стало наконецъ безысходнымъ, такъ

какъ губернаторъ сознавалъ, что ему некъмъ меня замѣнить, а я, что мнѣ некуда податься до введенія ожидавшейся реформы, когда я могъ вернуться въ излюбленную судебную сферу. Скрытое противъ меня не-удовольствіе губернаторъ, какъ джентельмэнъ, устранялъ подъ личиною вѣжливаго обращенія, но въ тоже время при всякомъ случаѣ досаждалъ мнѣ, какъ лицу подчиненному, тѣмъ, на примѣръ, что задерживалъ меня въ своей квартирѣ подолгу прежде нежели приглашалъ въ кабинетъ съ докладомъ массы бумагъ ежедневно по вечерамъ, при чемъ мой докладъ значился съ 9-ти часовъ, но начинался большею частью въ 10 или 11 часовъ, и эти часы я старался не терять, а штудировалъ бумаги, готовя ихъ къ слѣдующему дню, въ отдѣльной у губернатора, комнатѣ (телеграфной). Бывало и такъ, что, уходя изъ кабинета въ полночь послѣ доклада, т. е. главнымъ образомъ послѣ подписанія бумагъ губернаторомъ, я получалъ отъ него словесное порученіе о изготовленіи къ утру срочныхъ бумагъ и писемъ. Такимъ образомъ приходилось работать до зари; не возражая, я успѣвалъ все въ-время исполнить и устроить такъ, что „волки были сыты и овцы цѣлы“. Все это, пережитое и перечувствованное въ теченіи трехъ лѣтъ, я заносу не только какъ воспоминаніе прошлаго, вынесеннаго на своихъ плечахъ, ни въ чемъ никогда не поступаясь своими убѣжденіями и нравственнымъ долгомъ, но и какъ образчикъ дѣйствій начальствующихъ лицъ въ сферѣ административной.

Въ 1865 г. крестьяне Рязанскаго уѣзда помѣщика Дуб-каго пришли толпою въ нѣсколько сотъ человѣкъ въ Рязань просить губернатора по поводу ихъ спора изъ за земельныхъ отношеній съ управляющимъ этимъ имѣніемъ. Такимъ образомъ это былъ скопъ, воспрещенный закономъ, но въ сущности это было стадо барановъ, униженно кланявшихся, а не бунтовавшихъ. Вѣроятно испугавшись при видѣ толпы, губернаторъ вмѣсто того, чтобы лично обратиться къ толпѣ, указать ей незаконность явки массою и невозможность говорить съ нею иначе, какъ чрезъ избранныхъ отъ нея лицъ, распорядился выпроводить эту толпу вонъ изъ города мѣрами полиціи, при чемъ было наказано розгами нѣсколько лицъ, громче другихъ „галдѣвшихъ“. Узнавъ о семъ, губернский прокуроръ Л. И. Ланге распорядился спросить, чрезъ мѣстнаго уѣзднаго стряпчаго, полицейское управленіе о законномъ основаніи этого наказанія розгами, т. е. потребовалъ копію опредѣленія полицейскаго управленія о приведеніи въ исполненіе этого наказанія безъ предварительнаго сообщенія о томъ уѣздному стряпчему и т. п. Заварилась каша. Поздно вечеромъ того же дня, по окончаніи доклада, губернаторъ вручилъ мнѣ черновое собственноручной редакціи

(чего никогда прежде не бывало) донесеніе министру П. А. Валуеву объ этомъ случаѣ удаленія толпы крестьянъ изъ города Рязани. При врученіи этой бумаги для переписки набѣло губернаторъ высказалъ, что слѣдуетъ переписать къ утру безъ всякаго измѣненія редакціи. Порученіе это я не счелъ возможнымъ исполнить буквально, а насколько было возможно смягчилъ, отшлифовалъ, такъ сказать, неровности, шероховатость дѣйствій моего шефа. Когда по утру я принесъ губернатору эту бумагу, то онъ пришелъ въ ярость и наговорилъ чепухи по поводу превышенія мною власти, явнаго ослушанія и т. п. Выслушавъ все это съ должною почтительностью, я просилъ его дать мнѣ слово для оправданія своего дѣйствія и тогда буквально высказалъ: „я не въ точности исполнилъ приказаніе вашего превосходительства единственно потому, что въ противномъ случаѣ рисковалъ сдѣлать вамъ явный вредъ. Согласитесь, что донесеніе прокурора министру юстиціи будетъ содержанія, радикально расходящагося съ вашимъ донесеніемъ; оба министра доложить Государю Императору о событіи въ противоположныхъ версіяхъ, а это можетъ вызвать высочайшее повелѣніе нарядить слѣдствіе, которое конечно будетъ не въ вашу пользу“. Этотъ отвѣтъ, повидимому, озадачилъ моего шефа. Я постарался высказать этотъ отвѣтъ ровнымъ, твердымъ голосомъ, удерживаясь отъ волненія. Тогда чувство справедливости, либо какое другое привело моего шефа къ перемѣнѣ фронта; въ концѣ концовъ мы пришли къ компромиссу: онъ измѣнилъ лишь кое что въ моей редакціи его донесенія. На другой день послѣ обычнаго вечерняго доклада губернаторъ меня спросилъ: „Вы на меня сердитесь за вчерашнюю сцену?“ Я отклонилъ прямой отвѣтъ. На слѣдующій день предъ окончаніемъ доклада, губернаторъ опять спросилъ: „Вы на меня продолжаете сердиться?“ Тутъ я рѣшительно отвѣтилъ: „оставимъ все это навсегда; позвольте васъ просить дозволить мнѣ продолжать докладъ бумагъ; ихъ еще много осталось“. На этомъ инцидентъ былъ законченъ.

Мой шефъ, воспитанникъ Александровскаго Лицея, будучи на должности губернскаго предводителя дворянства Нижегородской губерніи (насколько мнѣ извѣстно онъ тогда получалъ отъ дворянъ извѣстную денежную сумму на представительство, не обладая значительными средствами) отличенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ при посѣщеніи Нижняго Новгорода вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ Рязанскимъ губернаторомъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ былъ довольно легкомысленъ и поклонникъ женскаго пола. Приведу примѣръ легкомыслія, со словъ полиціймейстера города Рязани И. П. Го-

лубева, съ которымъ я былъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ (это личность выдающаяся по благородству направленія, безкорыстію, разумно и справедливо исполнявшая тогда свои тяжелыя полицейскія обязанности). Губернаторъ, только что пріѣхавъ на лошадяхъ въ Рязань изъ какого-то уѣзда, послѣ ревизіи, призвалъ полиціймейстера и высказалъ, что, подъѣзжая въ каретѣ къ Рязани, по дорогѣ, испорченной осенними дождями, встрѣтилъ онъ почтовую тройку, которая везла почтальона съ почтою; на крикъ кучера, ямщикъ не свернулъ въ сторону и при этомъ кричалъ, что почта не сворачивается; благодаря этому, каретѣ пришлось свернуть въ сторону изъ выбитой колеи и съ трудомъ опять попасть въ колею, завязнувъ въ грязи. Вслѣдствіе этого разсерженный губернаторъ приказалъ тотчасъ догнать этого ямщика для взысканія за его грубость. Полиціймейстеръ почтительнѣйше доложилъ, что догнать эту почтовую тройку никакъ невозможно, потому что она успѣла въ теченіе болѣе часа очень далеко уѣхать впередъ, а что о дерзости ямщика тотчасъ скажетъ губернскому почтмейстеру для должнаго взысканія. На этомъ губернаторъ успокоился. Конечно, добавилъ мнѣ полиціймейстеръ, никакому взысканію, ни ямщикъ, ни почтальонъ не могутъ быть подвергнуты, потому что почта слѣдуетъ безпрепятственно, и всѣ власти, какъ требуетъ законъ, должны оказывать ей въ томъ всевозможное содѣйствіе.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1865 г. получена была срочная губернатору телеграмма отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Прочитавъ ее, я поспѣшилъ въ квартиру губернатора, который оказался на ежедневной прогулкѣ въ 1 часъ дня. На удачу я поѣхалъ къ m-ше Б...ръ, гдѣ и оказался его превосходительство. Выслушавъ съ глазу на глазъ причину моего прибытія, Петръ Дмитріевичъ съ явнымъ неудовольствіемъ сказалъ, что можно было доложить объ этой телеграммѣ въ 9 часовъ вечера, включивъ ее въ общій докладъ, что напрасно я нарушаю часъ его отдыха отъ служебныхъ занятій и что этотъ часъ ненарушимо ему принадлежитъ. Пришлось проглотить пилюлю, но тогда же я далъ себѣ впредь слово, которое твердо исполнялъ, а именно по срочнымъ бумагамъ и телеграммамъ тотчасъ заготавливалъ должные отвѣты, такъ что губернатору приходилось лишь, одобривъ, подписать эти бумаги, или телеграммы, которые я докладывалъ ему тотчасъ по возвращеніи его съ прогулки.

Припоминается мнѣ, какъ я забавлялся въ личныхъ сношеніяхъ съ интендантскимъ въ то время провіантскимъ агентомъ, который разъ въ годъ являлся къ губернатору для утвержденія проектированныхъ на слѣдующій годъ по каждому городу и уѣзду Рязанской губерніи цѣнъ

на фуражъ для лошадей воинскихъ частей. Губернаторъ всецѣло возложилъ это дѣло на меня. Имѣя подъ рукою справочныя цѣны и отлично знакомый съ экономическими условіями каждаго уѣзда, я, охраняя казенный интересъ, уменьшалъ цѣны насколько возможно, при чемъ эта провіантская крыса, чуть не плача, клялся и завѣрялъ, честнымъ словомъ, что долженъ раззориться при подобныхъ цѣнахъ. Разъ я его озадачилъ, сказавъ, что въ Касимовскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ цѣну на солому надо довести до ноля, потому что въ этихъ уѣздахъ песчаная почва, и каждый крестьянинъ и вообще землевладелецъ готовъ отдать даромъ солому на постилку въ конюшняхъ для кавалерійскихъ лошадей. лишь бы получить за тѣмъ навозъ для удобрения поля и огорода.

Приведу еще одинъ случай легкомыслія моего бывшаго шефа.

Родной братъ вышеозначенной С. А. Б...ръ въ мое время назначенъ былъ на должность исправника Рязанскаго уѣзда. На первыхъ же порахъ онъ проштрафился весьма нехорошо, мало того, отвратительно: за какую-то провинность распорядился наказать розгами крестьянку, въ явное нарушеніе закона 17 Апрѣля 1863 г., которымъ женщины безусловно были избавлены отъ подобнаго рода наказанія. Возникло уголовное дѣло, доходившее до Сената, при чемъ въ судахъ возникъ вопросъ курьезный: какимъ образомъ смягчить наказаніе по несовершеннолѣтію обвиняемаго. Назначая его *pour les beaux yeux de sa soeur* исправникомъ, мой шефъ не сообразилъ, что 20-ти лѣтній юноша едва ли можетъ съ пользою для службы стоять во главѣ полицейскаго учрежденія цѣлаго уѣзда съ многочисленнымъ населеніемъ.

Въ 1866 г. предстояло исполнить въ Рязани приговоръ военного суда надъ злодѣями Обновленскимъ, сыномъ діакона и бродягою Юрловымъ, которые въ шайкѣ около десяти лицъ убивали и грабили много лѣтъ въ районѣ Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерніи. Что бы приготовить публику къ кровавому зрѣлищу, губернаторъ поручилъ мнѣ составить въ губернскихъ вѣдомостяхъ перечень преступленій этихъ злодѣевъ. Въ этомъ перечнѣ изображена была картина четвертованія, учиненнаго Юрловымъ и Обновленскимъ надъ ихъ соучастникомъ въ разбояхъ, который по одному дѣлу выдалъ ихъ начальству, а затѣмъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними со взломомъ тюрьмы. За такую измѣну эти злодѣи лишили его жизни посредствомъ четвертованія, т. е. послѣдовательнаго отрубленія ногъ, рукъ и головы. Разстрѣляны Юрловъ и Обновленскій были подъ Рязанью въ 1866 или 1867 г., когда я уже не былъ въ этомъ городѣ, будучи 29-го Апрѣля 1866 г. назначенъ на должность товарища прокурора Московскаго Окружнаго Суда.

Лѣтомъ 1864 г. прибылъ въ Рязань г.-адъют. Огаревъ для секретнаго удостовѣренія о настроеніи всѣхъ классовъ общества послѣ событій въ 1863 году въ Западномъ краѣ, а также для удостовѣренія о благонадежности служащихъ въ акцизномъ вѣдомствѣ. учрежденномъ 1 Января 1863 г. Извѣстно, что вице-директоръ департамента неокладныхъ сборовъ Юсафатъ Огризко былъ тогда судимъ за государственное преступленіе и присужденъ къ смертной казни, но всемплотивѣйше помилованъ съ замѣною этой казни каторгою. Мой шефъ очаровалъ генерала Огарева, чередуя ежедневно обѣды, концерты, загородныя гулянья и т. п., такъ что лишь чрезъ недѣлю генералъ принялся серьезно за дѣло и передалъ губернатору списокъ разнаго рода вопросовъ о разнородныхъ явленіяхъ общественной жизни въ губерніи для отвѣта на каждый вопросъ. Исполненіе этого порученія губернаторъ возложилъ на меня и просилъ поспѣшить изложеніемъ картины благоденствія. Прочитавъ тогда же списокъ вопросовъ, я отвѣтилъ, что исполнить его порученіе могу не ранѣе нѣсколькихъ дней, потому что нельзя быть голословнымъ, а каждый отвѣтъ слѣдуетъ подкрѣпить фактами и цифрами. „Это невозможно!“ воскликнулъ губернаторъ, „вѣдь генералъ Огаревъ сказалъ, что уѣзжаетъ изъ Рязани черезъ два дня“. Тогда я сталъ торговаться въ количествѣ дней. необходимыхъ мнѣ для обстоятельнаго выполненія задачи: покончили, кажется, на трехъ дняхъ, послѣ чего губернаторъ изощрилъ изобрѣтательность въ пикникахъ и иныхъ развлеченіяхъ, благодаря которымъ генералъ Огаревъ отдалилъ день своего отъѣзда изъ Рязани. Съ своей стороны я отчетливо и съ полнѣйшею правдивостью далъ отвѣты на вопросы, зная, что это будетъ предметомъ доклада Государю Императору.

Отмѣчу о явленіи, на себѣ провѣренномъ и указывающемъ на возможность выйти изъ границъ, нарушающихъ подобающее уваженіе къ личности должностныхъ лицъ. находящихся въ косвенной зависимости отъ правителя губернаторской канцеляріи, да, полагаю, и всякой иной канцеляріи. Въ теченіе трехъ лѣтъ моей службы у губернатора, ко мнѣ почти ежедневно являлись непосредственно и были отсылаемы губернаторомъ для объясненія со мною, исправники, разные чины полиціи и всѣхъ иныхъ вѣдомствъ, не исключая судебного, по разнаго рода служебнымъ предметамъ, съ ходатайствами, объясненіями, рекомендательными письмами и т. п. Низкіе поклоны и чувствительныя слова всѣхъ этихъ лицъ приводили меня первое время въ смущеніе, но затѣмъ ко всему этому я привыкъ, какъ къ неизбѣжному явленію; мало того, это явленіе стало какъ бы нормальнымъ, такъ что одинъ разъ, когда ко мнѣ въ кабинетъ пришелъ только что назначенный на долж-

ность Егорьевскаго исправника, бывшій гусарь (я какъ послѣ okaza-лось, личность вполнѣ благовоспитанная) и, отрекомендовавшись, тотчасъ сѣлъ на ближайшій стулъ безъ приглашенія, которое я даже не успѣлъ высказать, то эта развязность покорила меня; но я, не подавая ни малѣйшаго проявленія этого впечатлѣнія, моментально сооб-разилъ, что мы съ нимъ *de jure* независимы другъ отъ друга лица, а потому нѣтъ ничего шокирующаго въ томъ, что онъ попросту сѣлъ безъ приглашенія: вѣроятно былъ утомленъ.

Во все время службы моей правителемъ губернаторской канцеляріи былъ лишь одинъ случай замѣчанія министромъ П. А. Валуевымъ по поводу ошибки, которую я всецѣло принимаю на свой счетъ. а именно: подана была жалоба губернатору однимъ дворяниномъ на оскорбленіе въ Зарайскомъ общественномъ клубѣ. Жалобу эту я, по резолюціи губернатора, препроводилъ по принадлежности для производства слѣдствія, между тѣмъ по общему клубному уставу оскорбленіе членомъ клуба сочлена и притомъ не при публичномъ общественномъ концертѣ, или какомъ либо публичномъ въ клубѣ зрѣлищѣ, вѣдается старшинами клуба, а не полиціею или слѣдователемъ.

7.

Случай съ мировымъ судьей А. П. Кикинымъ. Мировые судьи Коломенскаго и Броницкаго уѣздовъ.—Дѣло полковника Кострубо-Корицкаго и Дмитріевой.—Назначеніе въ Харьковъ на должность товарища прокурора Судебной Палаты.—Бунтъ на Михайловской площади въ Харьковѣ.

Приказомъ отъ 29 Апрѣля 1866 г. я назначенъ былъ на должность товарища прокурора Московскаго Окружнаго Суда Коломенско-Броницкаго участка. Въ первый же день пріѣзда въ Коломну (Май 1866) приключилось явленіе курьезнаго свойства у одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, а именно у Алексѣя Павловича Кикина, бывшаго инженера. Крестьянина задержаннаго съ поличнымъ, проходившаго чрезъ Коломенскій уѣздъ въ качествѣ богомольца, Кикинъ, на основаніи признанія въ кражѣ, приговорилъ къ нѣсколькимъ ударамъ розгами. Подсудимый не только не протестовалъ, но очень благодарилъ г. Кикина за то, что тотъ не посадилъ его въ тюрьму, замѣня это наказаніе розгами. Когда г. Кикинъ съ сердечною простотою разсказалъ мнѣ объ этомъ приговорѣ, я такъ и ахнулъ! Оказалось, что г. Кикинъ руководствовался Уложеніемъ о наказаніяхъ изд. 1857 года, дозволявшимъ замѣнять лишеніе свободы наказаніемъ розгами въ случаѣ переполненія тюрьмы арестантами. Разъяснивъ г. Кикину его

ошибку, такъ какъ мировому судѣй законъ (Уставъ о нак. нал. мир. суд.) не представилъ наказаніе розгами, я просилъ его хранить эту ошибку въ тайнѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ высказалъ ему, что тотчасъ ѣду въ Москву къ прокурору суда доложить объ этомъ дѣлѣ. Отъ прокурора Л. П. Ланге я услышалъ слѣдующее: такъ какъ подсудимый не жаловался, то надо игнорировать объ этомъ неприятномъ инцидентѣ; иначе эта грубая ошибка мирового судьи сдѣлается темою въ печати со стороны противниковъ судебной реформы въ первые же дни ея введенія.

Всѣ три года моей службы на должности товарища прокурора Московскаго Окружнаго Суда Коломенско-Броницкаго участка я съ особеннымъ удовольствіемъ работалъ по дѣламъ мировыхъ сѣздовъ этихъ двухъ уѣздовъ. За весьма малымъ исключеніемъ, участковые мировые судьи этихъ двухъ уѣздовъ честно, разумно и справедливо отправляли правосудіе, при чемъ ихъ отношенія со мною были самыя добрыя и искреннія. Наканунѣ ежемѣсячнаго судебного засѣданія сѣзда какъ въ Коломнѣ, такъ и въ Бронницахъ судьи собирались въ частное совѣщаніе, гдѣ съ полною внимательностью штудировалось совмѣстно со мною каждое дѣло, назначенное къ разрѣшенію въ сѣздѣ; такимъ образомъ разсмотрѣніе дѣлъ въ публичномъ судебномъ засѣданіи шло быстро, потому что съ каждымъ дѣломъ судьи были основательно ознакомлены.

Не напрасно я высказалъ, что „за весьма малымъ исключеніемъ“ дѣятельность мировыхъ судей заслуживала похвалу. Былъ въ числѣ этихъ судей одинъ, нынѣ умершій (а потому не назову его имени) который на второй годъ своей судейской службы проявилъ себя весьма дурно, а именно: въ собственномъ имѣніи, гдѣ была его судейская камера, устроилъ постоянный дворъ, хотя имѣніе находилось на проселочной дорогѣ, что называется въ глухомъ углѣ, и тамъ умышленно задерживалъ на сутки и далѣе тяжущихся, обвиняемыхъ и свидѣтелей, вызывавшихся для разбора дѣлъ, нарочно назначаемыхъ въ такомъ количествѣ, которое нельзя разобрать въ одинъ день. Всѣ эти десятки лицъ почти ежедневно уплачивали завѣдывавшему постояннымъ дворомъ (наемнику мирового судьи) за ночлегъ и за харчи до окончанія разбора судьей дѣлъ, по которымъ были имъ вызываемы. Когда объ этомъ незаконномъ источникѣ обогащенія мирового судьи дошло до свѣдѣнія сѣзда, то весь составъ судей келейно, въ моемъ присутствіи, выслушавъ объясненія обвиняемаго судьи и когда тотъ былъ явно обличенъ въ этой подлости, тогда ему сотоварищи предложили оставить званіе

судьи, несомѣстное съ небывалымъ, его изобрѣтенія, источникомъ обогащенія. Пристыженный сотоварищами, этотъ субъектъ просилъ лишь объ отсрочкѣ на короткое время и затѣмъ подалъ въ отставку. Вотъ какимъ путемъ стѣздъ мировыхъ судей (исключительно дворяне), избѣгая письменныхъ формальностей, избавилъ населеніе отъ мирового судьи, позорившаго свое высокое званіе гешефтомъ, устроеннымъ благодаря тому же званію.

Нѣкоторые мировые судьи Коломенскаго и Броницкаго уѣздовъ не обладали твердыми юридическими свѣдѣніями, бывали у нихъ явныя служебныя ошибки; но все это легко было исправлять стѣзду и, смѣло могу удостовѣрить, никто изъ нихъ никогда не проявлялъ злоупотребленія власти, хотя имъ иногда приходилось, какъ лицамъ выборнымъ и мало обезпеченнымъ въ имущественномъ положеніи, допускать привилегію для знатныхъ и вліятельныхъ лицъ. Привожу примѣръ. Въ Броницкомъ уѣздѣ лѣтніе мѣсяцы проводилъ въ своемъ имѣніи богатый землевладѣлецъ сенаторъ Николай Михайловичъ Смирновъ. Возникло у мирового судьи Броницкаго уѣзда дѣло по обвиненію этого магната въ оскорбленіи своего садовника. Разборъ этого дѣла былъ назначенъ въ домъ обвиняемаго, котораго мировой судья упросилъ или уговорилъ уплатить оскорбленному садовнику нѣсколько рублей на мировую. Вышло что-то несуразное: обвиняемый сидѣлъ во время судебного засѣданія, а частный обвинитель стоялъ. Публики не было, потому что разборъ дѣла былъ въ домъ обвиняемаго, куда мѣстные крестьяне, конечно, не смѣли придти. На предложеніе судьи прекратить дѣло мировымъ соглашеніемъ, обвиняемый г. Смирновъ отвѣтилъ: „я согласенъ простить“, а обвинитель заявилъ о желаніи получить съ обвиняемаго деньги, размѣръ же уплаты заблаговременно высказалъ судѣ, кажется, наканунѣ.

Своеобразность пониманія законовъ и ихъ малое знаніе сенаторомъ Смирновымъ я испыталъ на себѣ. Въ 1867 г. въ Броницкомъ стѣздѣ мировыхъ судей разбиралось уголовное дѣло. По уходѣ судей въ совѣщательную комнату, предсѣдательствовавшій по этому дѣлу почетный мировой судья сенаторъ Н. М. Смирновъ пригласилъ меня чрезъ секретаря въ совѣщательную комнату для разъясненія какого-то по дѣлу вопроса. Я, войдя въ эту комнату, высказалъ г. Смирнову, что законъ воспрещаетъ мнѣ, какъ лицу прокурорскаго надзора, быть при совѣщаніи судей, и направился къ двери; но г. Смирновъ буквально „удержалъ“ меня, говоря: „Это вы не такъ говорите! Я самъ сенаторъ, насъ оберъ-прокуроръ всегда приглашаетъ.“— „Совершенно

вѣрно, отвѣтилъ я, но этотъ порядокъ въ старомъ Сенатѣ, а здѣсь мировой сѣздъ“. Съ этими словами я вышелъ въ залу.

Вслѣдъ затѣмъ по этому дѣлу былъ поданъ недовольною стороною отзывъ, и поводомъ къ отмѣнѣ приговора выставлено было то, что и входилъ въ комнату судей во время ихъ совѣщаній. Уголовной Кассационный Департаментъ Правительствующаго Сената оставилъ этотъ отзывъ безъ уваженія (см. объ этомъ дѣлѣ рѣшеніе Угол. Кассац. Сената 13-го Декабря 1867 года № 587 по дѣлу Владимірова), „потому что изъ донесенія непремѣннаго члена сѣзда мировыхъ судей видно, что хотя товарищъ прокурора, по приглашенію предсѣдателя, и дѣйствительно входилъ въ комнату для совѣщанія членовъ, но лишь для того, чтобы объяснить предсѣдателю, что требованіе его противно 142-й статьѣ Уст. Угол. Суд. и вслѣдъ за симъ удалился“. Въ этомъ рѣшеніи Сената въ началѣ упоминается, что по этому дѣлу предсѣдательствовалъ почетный мировой судья сенаторъ Смирновъ. Въ началѣ 1868 г., когда это рѣшеніе уже было напечатано, я отъ товарища предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда Николая Сергѣевича Арсеньева узналъ, что сенаторъ Смирновъ, встрѣтись съ нимъ въ клубѣ, съ горячностью рассказывалъ ему объ этомъ дерзкомъ, по его мнѣнію, поступкѣ съ моей стороны и что будетъ жаловаться на меня министру юстиціи графу К. И. Палену. Чтобы предупредить возможность вреднаго для моей службы послѣдствія отъ такой жалобы, я вынужденъ былъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ однако не засталъ графа Палена, такъ что пришлось представиться исправлявшему его должность товарищу министра О. В. Эсену. Кстати я заручился въ Москвѣ письмомъ Д. Н. Д....ой, кузины г-жи Эссенъ. Прочтя это письмо, Отто Васильевичъ спросилъ меня съ глазу на глазъ: здѣсь не сказано, что же именно вамъ надобно? Я отвѣтилъ, что ищу защиты отъ готовящагося на меня нападенія отъ г-на сенатора Н. М. Смирнова, и въ сжатой формѣ изложилъ вышеизложенный инцидентъ въ сѣздѣ мировыхъ судей и похвалбу г. Смирнова жаловаться министру на мой, яко бы, дерзкій поступокъ. Тогда О. В. Эссенъ, смѣясь, самымъ ласковымъ тономъ отвѣтилъ: „О, будьте вполне покойны! Мы все хорошо знаемъ сенатора Смирнова“.

Приведу другой примѣръ отправленія тѣмъ же сенаторомъ г. Смирновымъ правосудія въ качествѣ также временнаго предсѣдателя Бронницкаго сѣзда мировыхъ судей. Разбиралось дѣло объ оскорбленіи чести крестьянина почтенныхъ лѣтъ, всеѣмъ мѣстнымъ обществомъ уважаемаго. Обидчикъ-мѣщанинъ былъ обвиненъ и подалъ аппеляціонный отзывъ въ сѣздъ. При разборѣ тамъ дѣла г. Смирновъ

предложилъ сторонамъ помириться, на что обиженный крестьянинъ отвѣтилъ, что не можетъ идти на мировую, потому что обвиняемый оскорбилъ его какъ ктитора церкви и что такимъ образомъ обидѣлъ самую церковь. Эти слова простого человѣка сильно возбудили сенатора Смирнова, и онъ, возвыся голосъ, высказалъ: „Церковь тутъ не при чемъ! Я тебя вновь спрашиваю: желаешь ты на чемъ либо помириться?“—„Нѣтъ, не желаю“, былъ отвѣтъ потерпѣвшаго.—„Такъ ты ему хочешь мстить?“ закричалъ г. Смирновъ, топнувъ ногою. Тогда этотъ старикъ крестьянинъ отвѣтилъ: „Зачѣмъ мнѣ мстить! Я требую (sic), чтобы вы, судьи, разобрали дѣло по закону (sic)“. Ушли судьи совѣщаться, долго спорили, но нисколько не уменьшили размѣръ обвинительнаго приговора. Я все время этой неприличествующей сцены сидѣлъ какъ на иголкахъ; я ожидалъ, что потерпѣвшій будетъ просить протоколировать это топаніе ногою, эти крикливыя слова г. Смирнова, но все обошлось благополучно.

Для характеристики того-же сенатора Смирнова передамъ то, что онъ самъ разсказалъ въ 1868 г. Бронницкому предводителю дворянства Ник. Мих. Кустаревскому, а тотъ мнѣ. Въ царствованіе императора Николая Павловича г. Смирновъ, будучи Калужскимъ губернаторомъ, какъ-то вечеромъ ожидалъ пріѣзда исправника у себя на квартирѣ, котораго нарочно вызвалъ изъ какого то уѣзда, дабы „распечь“ его за какую-то служебную провинность. Слуга доложилъ о прибытіи изъ уѣзда г-на.... Не дослушавъ фамилію прибывшаго и увѣренный, что это есть ожидаемый исправникъ, г. Смирновъ вскричалъ „зови его!“ Было довольно темно въ комнатѣ и когда туда появился этотъ пріѣзжій, то г. Смирновъ прямо накинута на него и при этомъ какъ-то неловкимъ движеніемъ, съ крикомъ и руганью, свалилъ его на диванъ и тогда же усмотрѣлъ свою ошибку; это оказался не исправникъ, а старый добрый знакомый, на спросъ котораго „что все это значитъ?“ Смирновъ, извинившись, объяснилъ эту вшышку своего негодованія. Тогда этотъ старый знакомый, извиняя Смирнову его ошибку, выразился: „ну, батюшка, слышалъ я, что вы подь часъ увлекаетесь какъ сумашедшій, когда бываете чѣмъ разсержены, а теперь испытать это и на себѣ“.

Въ 1880 г. мнѣ неожиданно пришлось дебютировать въ Рязанскомъ Окружномъ Судѣ въ качествѣ свидѣтеля по громкому дѣлу полковника Кострубо-Корицкаго, Дмитріевой и другихъ. По дѣлу этому привлечены были къ обвиненію въ кражѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей Корицкій и Дмитріева у ея роднаго дяди, помѣщика Перемѣжко-Галича въ его имѣніи Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Вѣру Павловну Дмитріеву я встрѣчалъ, живя въ 1864—1866 г. г. въ Рязани, въ монастырѣ у монахини (Анны Николаевны Поповой), въ кельѣ которой изрѣдка бывалъ съ моею женою, дружески знакомой съ родною сестрою Ангелины, помѣщицею Ряжскаго уѣзда, Рязанской губ., Варварою Николаевною Поповою, жившей въ той же кельѣ, т. е. въ собственномъ отдѣльномъ небольшомъ домѣ въ оградѣ монастырской *). Получивъ отъ Варвары Николаевны изъ Рязани телеграмму о немедленномъ туда пріѣздѣ, я съ первымъ поѣздомъ поспѣшилъ изъ Москвы въ Рязань, гдѣ отъ Варвары Николаевны узналъ, что ея знакомая Вѣра Павловна Дмитріева заключена въ Рязанскую тюрьму, будучи обвиняема въ кражѣ крупной суммы денегъ у ея дяди Перемѣжко-Галича, и что она, Дмитріева, усердно меня проситъ навѣстить ее, надѣясь услышать отъ меня совѣтъ, какъ избавиться отъ такого постыднаго обвиненія, безвинно на нее свалившагося. Я тотчасъ отправился къ Рязанскому прокурору Сергію Степановичу Жихареву и, съ его разрѣшенія, въ сопровожденіи товарища прокурора г. Соловина, поѣхалъ въ тюрьму.

Какъ-то очень неловко и тяжело почувствовалъ я себя, увидя г-жу Дмитріеву въ арестантской обстановкѣ, привыкши встрѣчать ее въ мирной монастырской обители. Сущность дѣйствій, привлечшихъ Дмитріеву къ обвиненію, заключалась въ томъ, какъ она вполне откровенно мнѣ рассказала, что, гостя нѣсколько дней въ деревнѣ у своего родного дяди Александра Васильевича Галича, совмѣстно съ пріѣхавшимъ туда же отдаленнымъ родственникомъ, Рязанскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ, полковникомъ Николаемъ Никитичемъ Кострубо-Корицкимъ, уѣхала съ нимъ, Корицкимъ, вдвоемъ въ Рязань, и дорогою онъ вручилъ ей нѣсколько купоновъ отъ процентныхъ бумагъ. Эти купоны она, по разсѣянности, обронила на желѣзно-дорожной станціи при покупкѣ билета; ихъ, по отходѣ поѣзда, поднялъ жандармъ и передалъ начальнику станціи. Между тѣмъ вскорѣ оказалось, что у г-на Галича украдены деньги и процентныя бумаги и что №№ потерянныхъ Дмитріевою купоновъ совпали съ этими украденными процентными бумагами. Выслушавъ со всѣми подробностями разсказъ Дмитріевой, я изъ него, между прочимъ, узналъ, что она, будучи женою майора, тайно предпочитала полковника П. Н. Кострубо-Корицкаго. Съ несомнѣнною правдивостью Вѣра Павловна выложила тогда предомною всю свою душу и именемъ Бога и счастьемъ своихъ двухъ мало-

*) Это сестры Александра Николаевича Попова, котораго статьи о 1812 годѣ памятливы читателямъ „Русскаго Архива“. П. Б.

лѣтнихъ дѣтей клялась въ своей невинности въ низкомъ преступленіи, обвиненіе въ которомъ повергло ее въ тюрьму. Она умоляла меня дать ей совѣтъ, какъ поступить въ ея ужасномъ положеніи. Я отвѣтилъ ей въ общихъ выраженіяхъ, что такъ какъ она есть жертва какого-то несчастнаго стеченія уликъ, то судъ присяжныхъ съумѣетъ разобрать ихъ значеніе; что на судѣ присяжныхъ засѣдателей ей, какъ невинно-обвиняемой, слѣдуетъ говорить лишь одну правду и что всякая, хотя бы и незначительная, ложь можетъ послужить ей во вредъ; съ этимъ вмѣстѣ я посовѣтывалъ ей пригласить князя А. И. Урусова быть ея защитникомъ на судѣ. Прошло нѣсколько дней, и что-жъ натворила г-жа Дмитріева! Она своеобразно истолковала мой совѣтъ говорить предъ судомъ правду, а именно въ томъ смыслѣ, что не надо скрывать предъ судомъ своихъ, ранѣе того совершенныхъ, преступленій, даже неимѣющихъ прямого отношенія къ тому, въ которомъ нынѣ обвиняется, и вотъ, руководствуясь этимъ правиломъ всецѣлаго покаянія въ своихъ прегрѣшеніяхъ, Вѣра Павловна вызвала судебного слѣдователя и повинилась ему въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, живя раздѣльно отъ мужа, забеременела отъ полковника Корицкаго и что онъ собственноручно причинилъ ей выкидышъ посредствомъ прокола около плоднаго пузыря. Это сознаніе подтвердилось справкою въ дѣлѣ Рязанскаго суда о мертвомъ тѣлѣ новорожденнаго младенца, неизвѣстно кѣмъ рожденнаго и подброшеннаго подъ мостомъ въ г. Рязани. И вотъ возникло новое дѣло вдобавокъ къ дѣлу о кражѣ денегъ у г. Галича. Преданы были суду, кромѣ Корицкаго и Дмитріевой, за содѣйствіе къ выкидышу два врача и акушерка. Защитниками были присяжные повѣренные: Дмитріевой—князь А. И. Урусовъ, Корицкаго—О. Н. Плевако, врача Дюзинга—В. Д. Спасовичъ.

Вызванный въ судебное засѣданіе какъ свидѣтель, я подѣ присягою рассказалъ то небольшое, чтò зналъ по этому дѣлу, а именно: мое посѣщеніе Дмитріевой въ тюрьмѣ и все, чтò тамъ отъ нея услышалъ, и чтò я ей тогда высказалъ. Вѣроятное мое показаніе не возбуждало въ прокурорѣ, защитникахъ и судьяхъ сомнѣнія въ правдивости, такъ какъ никто изъ нихъ не предложилъ мнѣ вопросовъ, кромѣ впрочемъ обвиняемаго Корицкаго, спросившаго меня о какихъ-то пустякахъ. Судебное засѣданіе закончилось на девятый день полнымъ оправданіемъ всѣхъ обвиняемыхъ. Приговоръ былъ опротестованъ прокуроромъ, но оставленъ Правит. Сенатомъ безъ уваженія (см. рѣшен. Угол. Кассац. Д-та Сената, 1871 г. № 639).

Весною 1871 года я былъ, по иниціативѣ министра юстиціи графа К. И. Палена, вполнѣ для меня неожиданно, сразу повышенъ съ

должности товарища прокурора Московскаго Окружнаго Суда на должность товарища прокурора Харьковской Судебной Палаты, гдѣ и пробылъ 8 лѣтъ.

Первые три дня Святой недѣли 1872 года (16-го, 17-го и 18-го Апрѣля) надолго остались памяты жителямъ города Харькова по поводу уличнаго бунта, начавшагося передъ вечеромъ 16-го Апрѣля на Михайловской площади съ драки двухъ враждебныхъ пьяныхъ рабочихъ артелей.

Такъ какъ эта драка произошла на глазахъ пристава Михайловской части нѣкоего Шмелева (бывшаго, какъ говорятъ, пьянымъ), безуспѣшно принимавшаго мѣры для ея прекращенія, то Шмелевъ умудрился разогнать дерущихся поливаніемъ водою изъ пожарной трубы и для этого направилъ „маршъ-маршемъ“ нѣсколько бочекъ съ водою на пожарныхъ лошадяхъ изъ воротъ полицейскаго дома. Вслѣдствіе такого безумнаго распоряженія подъ ноги лошадямъ попалъ не только пьяные драчуны, но и дѣти, гулявшія „подъ качелями“ на той же Михайловской площади. При видѣ раненныхъ и изувѣченныхъ толпа пришла въ неистовство и кинулась на пожарныхъ и полицейскихъ, а затѣмъ стала кидать камни въ зданіе полицейскаго дома и кричать о выдачѣ Шмелева, который успѣлъ скрыться; толпа ворвалась въ его квартиру и выразила негодованіе, исковеркавъ мебель, платье и всѣ вещи Шмелева, причемъ вздернула на калачу мундиръ этого чиновника. Вслѣдъ затѣмъ бунтъ проявилъ себя во всемъ безобразіи по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ и по площадямъ; толпа увеличилась, по случаю праздничнаго времени, въ нѣсколько тысячъ головъ и пошла по улицамъ съ криками и ругательствомъ, пока не дошла до 2-го полицейскаго дома. Въ короткое время тамъ разграблены были квартиры полицейскихъ чиновъ и канцелярія, такъ что по переулку, прилегающему къ этому полицейскому дому, весь тротуаръ былъ сплошь заваленъ кипами дѣлъ и бумагами. Замѣчательно, что толпа пощадила при этомъ квартиру полиціймейстера А. Я. Прожанскаго, не задолго передъ тѣмъ вступившаго въ свою должность и пользовавшагося уваженіемъ отъ всѣхъ слоевъ городского общества; я, съ удивленіемъ, видѣлъ, что даже стекла въ оконныхъ рамахъ Прожанскаго остались въ то время нетронуты.

Съ наступленіемъ вечерней темноты толпа разсыпалась, но съ утра 17-го числа снова собралась на улицахъ и бунтъ продолжался. Губернаторъ князь Д. Н. Крапоткинъ въ сопровожденіи архіерея старался убѣдить толпу прекратить крики и шумъ. Вышло при этомъ

курьезное обстоятельство: при выходѣ архіерея и губернатора изъ соборнаго храма нашлись нахалы, крикнувшіе въ толпу: „ребята! двѣ части (т. е. два полицейскіе дома) разгромили! идемъ громить третью часть!“ На эти слова многіе кинулись по направленію къ зданію 3-го полицейскаго дома. Это обстоятельство меня въ особенности заинтересовало, потому что моя квартира находилась не вдалекѣ отъ зданія 3-ей полицейской части. Опишу то, чему былъ самъ свидѣтелемъ. Близъ 3-ей части оказалась толпа большею частью молодыхъ парней, между ними слышались крики и безсвязные пьяные разговоры. Я отошелъ въ сторону; близъ толпы стоялъ оберъ-офицеръ жандармской желѣзно-дорожной полиціи г. Шпербергъ. Протянувъ руку въ толпу, г. Шпербергъ, личность очень сильнаго сложенія, со смѣхомъ выволокъ какого-то въ ободранномъ костюмѣ субъекта и, продолжая громко смѣяться, воскликнулъ: „ты-то тутъ что дѣлаешь? Ребята, берегайтесь! это карманникъ, его много разъ мои жандармы въ вагонахъ ловили“. Задержанный вертѣлся въ рукахъ г. Шперберга, прося его отпустить. Эта умильная просьба задержаннаго и вся его жалкая фигура вызвала смѣхъ въ толпѣ; тогда г. Шпербергъ, оставя этого жулика, поспѣшно тотчасъ скрывшагося, обратился къ толпѣ съ увѣщаніемъ разойтись по домамъ и самъ первый направился къ своей квартирѣ. Такое доброе увѣщаніе, купно съ веселымъ настроеніемъ толпы, вполне удалось, и толпа мирно разбрелась, тѣмъ болѣе что наступило вечернее время.

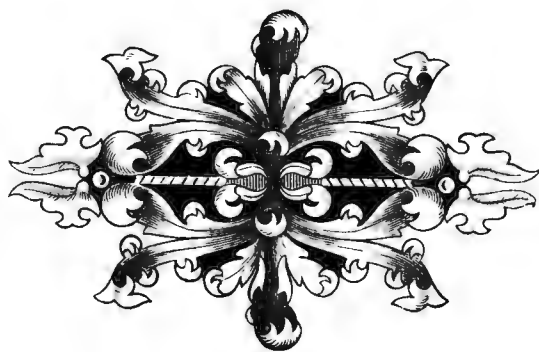
Къ утру въ Харьковѣ были вызваны войска изъ Полтавы и Курска—и бунта какъ не бывало; все притихло. Тѣмъ временемъ полиція, которую никто не видѣлъ на улицахъ въ эти два дня, поусердствовала, насажавъ въ тюрьму нѣсколько сотъ лицъ, отличенныхъ ею въ толпѣ.

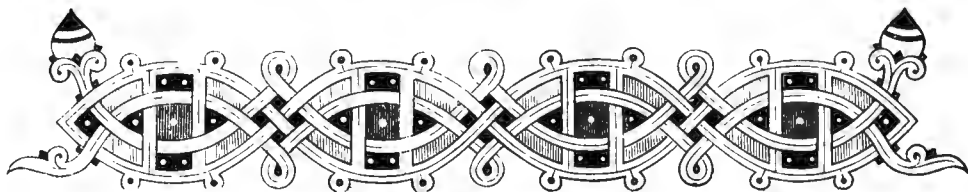
Такъ какъ эти арестованные заключены были подъ стражу безъ законнаго опредѣленія, то прокуроръ Судебной Палаты письменно поручилъ мнѣ, какъ своему товарищу, тотчасъ отправиться въ тюрьму, допросить каждого объ его имени, фамиліи и званіи и немедленно отпустить на свободу. Мнѣ пришлось все это исполнять съ 9 часовъ утра до 6 часовъ вечера безъ перерыва, при содѣйствіи командированнаго мнѣ въ помощь кандидата на судебныя должности П. В. Бедряги. Было такимъ образомъ освобождено свыше ста пятидесяти арестантовъ, чѣмъ и закончилась моя миссія, въ виду увѣдомленія изъ министерства о томъ, что для разслѣдованія о Харьковскомъ бунтѣ высочайше командированъ генералъ-адъютантъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Шмелевъ предсталъ съ главными буянами на судъ Харьковскихъ присяжныхъ засѣдателей, которые всецѣло оправдали какъ Шмелева, такъ и буяновъ. Въ залѣ судебного засѣданія я лично слышалъ въ рядахъ публики сожалѣнїе ко всемъ этимъ лицамъ. Такимъ образомъ, и при отсутствіи въ дѣлѣ указаній на смертные случаи и тяжкія тѣлесныя поврежденія, присяжные засѣдатели пожалѣли обвиняемыхъ, очевидно забывъ о судьбѣ потерпѣвшихъ по дѣлу лицъ.

На этомъ записки П. Н. Костылева прерываются и остались недоконченными.

С. П. Рудневъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИЗДАТЕЛЯ „РУССКАГО АРХИВА“.

Объ А. А. Фетѣ и его кончинѣ.

Обвѣнчавшись въ Парижской нашей церкви съ Марьей Петровной Боткиной (сестрой славнаго придворнаго врача), Фетъ получилъ за нею немалый достатокъ съ пожизненнымъ владѣніемъ деревнею въ Курской губерніи, гдѣ онъ сдѣлался хорошимъ хозяиномъ. Въ Москвѣ имѣлъ онъ на Плющихѣ домъ, жилъ во всѣхъ благихъ и въ постоянныхъ занятіяхъ, главнѣйше надъ переводами Латинскихъ поэтовъ. Мастерство Русскаго языка было у него удивительное. Помню, однажды утромъ я привезъ къ нему три Французскихъ стихотворенія Тютчева и попросилъ перевести ихъ, такъ какъ-де его Мѣза сродни Тютчевской; вечеромъ того же дня стихотворенія были мнѣ отъ него присланы переведенныя стихами же (напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г.). Чудные Мицкевичевскіе „Чаты“, слабо переведенные Пушкинымъ подъ заглавіемъ „Воевода“, Фетъ перевелъ такъ, что у него, какъ и въ подлинникѣ, развязка не въ послѣднемъ только стихѣ, но въ послѣднемъ словѣ послѣдняго стиха. Но переводъ Овидіевыхъ Превращеній тяжеловѣсенъ и даже неудобопонятенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Фетъ напечаталъ его рядомъ съ Латинскимъ подлинникомъ, который даже при слабомъ знаніи Латинскаго языка понимается въ иныхъ мѣстахъ легче, чѣмъ Русскій переводъ. Своеобразная прелесть собственныхъ стиховъ Фета непререкаема, вопреки отзыву К. С. Аксакова, который говорилъ, что нѣкоторыя стихотворенія Фета можно читать и сверху внизъ и снизу вверхъ: все выходитъ нѣкоторый смыслъ.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ и супруга его были люди любезные и гостепріимные. Покойный Иванъ Николаевичъ Новацкій сказывалъ мнѣ, что на пути въ Крымъ онъ заѣхалъ къ Фетамъ въ ихъ Воробьевку, думатьъ пробыть два три дня и остался пѣлый мѣсяцъ: такъ привольно жилось тамъ. Въ Москвѣ, по Середамъ, собирались у Фета къ обѣду пріятели, большею частію занимавшіеся науками философскими: Фетъ перевелъ по-русски Шоппенгауера. Но годы брали свое, и поэтъ-философъ не захотѣлъ выносить бремя старости.

Двадцать перваго Ноября 1892 года утромъ попросилъ онъ свою супругу, чтобы она купила ему какого-то рѣдкаго Шампанскаго, но заѣхала напередъ къ доктору справиться, не будетъ ли оно ему вредно. Когда Марія Петровна уѣхала для того съ Плющихи въ дальніе магазины, Фетъ по обычаю сѣлъ

заниматься. У него жила для письменныхъ работъ дѣвушка, и онъ продиктовать ей слѣдующія слова: „Не понимаю сознательнаго приумноженія неизбежныхъ страданій. Добровольно иду къ неизбежному“. Подъ этими словами онъ подписался: „21 Ноября 1892 г. Фетъ-Шеншинъ“, вслѣдъ за тѣмъ взялъ со стола острый разрѣзательный ножикъ. Дѣвушка, видя, что онъ наставилъ ножъ себѣ въ грудь, стала вырывать у него изъ руки; онъ побѣжалъ изъ кабинета въ столовую; она за нимъ. Они не разъ обѣгали столъ, пока дѣвучкѣ не удалось вырвать у него ножъ (при чемъ она обрѣзала себѣ руку). Но Фетъ не унялся и подошелъ къ буфетному шкафу за другимъ ножомъ. Дѣвушка звонить изо-всей мочи, никто не идетъ, а домохозяинъ, въ изнеможеніи отъ бѣгання и отъ того, конечно, что у него происходило на душѣ, упалъ въ кресло, и духъ вонъ!

Ни поэзія, ни философія не спасли его отъ такого ужаснаго конца.

По своей матери Фетъ былъ происхожденія Еврейскаго, что ярко и несомнѣнно высказывалось его обличеніемъ. Отецъ его, Орловскій помѣщикъ Шеншинъ, нѣкогда вывезъ себѣ подругу изъ Баваріи. Въ тамошнемъ городѣ Вюрцбургѣ встрѣтилъ я на вывѣскѣ табачнаго магазина имя Фета (Voeth), и въ память Аѳанасія Аѳанасьевича купилъ тамъ себѣ сигаръ.

Фетъ скончался 72 лѣтъ: онъ родился 20 Ноября 1820 г.

*

Казтанъ Андреевичъ (памятный всякому, кто съ нимъ встрѣчался въ жизни, а мнѣ истинный благодѣтель) былъ отличный знатокъ классическихъ языковъ, но третій классическій языкъ, нашъ Церковно-славянскій, былъ ему сравнительно-мало знакомъ, такъ какъ онъ (уроженецъ города Слуцка) родился уніатомъ и уже только въ Москвѣ, студентомъ университета, перешелъ въ нашу церковь. По еврейски онъ не только зналъ, но составилъ и издалъ грамматику этого языка. Однажды прочиталъ онъ мнѣ переведенный имъ съ подлинника Псаломъ Давида. Я зналъ этотъ Псаломъ наизусть („Господь пасеть мя“) и сталъ ему вторить по церковно-славянски, и онъ сознался, что въ его переводѣ подлинникъ переданъ слабѣе. Извѣстно, что не въ Псалтыри только, но и въ другихъ мѣстахъ нашей Библии довольно мѣстъ неудобопонятныхъ вслѣдствіе неудовлетворительнаго перевода. Коссовичъ перевелъ порусски и „Пѣснь Пѣсней“ и, прочитавъ ее мнѣ, показалъ письмо, полученное имъ отъ митрополита Исидора по поводу этого перевода, который дошелъ до митрополита въ рукописи. Надо сказать, что передъ тѣмъ Св. Синодомъ былъ обнародованъ Русскій переводъ всей Библии: трудъ нѣсколькихъ лицъ, изданный подъ главнымъ вѣдѣніемъ митрополита Исидора (за что, прибавимъ, онъ не хотѣлъ принять крупнаго отъ Св. Синода вознагражденія). Въ письмѣ къ Коссовичу митрополитъ отдавалъ предпочтеніе его переводу „Пѣсни Пѣсней“ передъ тѣмъ, который помѣщенъ въ Русской Библии. выражалъ сожалѣніе, что не зналъ прежде объ этомъ переводѣ и искренними словами призывалъ Божіе благословеніе переводчику*).

*) Въ этомъ же родѣ письмо отъ митрополита Исидора получилъ въ Москвѣ И. П. Барсуковъ за свою книгу объ Иннокентіи. П. Б.

Совѣтъ неожиданно было для меня такое отношеніе перваго лица въ нашемъ духовенствѣ къ скромному профессору, и я прямо отъ Коссовича отправился въ Невскую Лавру. Это было раннимъ вечеромъ. Меня ввели въ гостиную комнату, и скоро вышедшій изъ внутреннихъ покоевъ Исидоръ обратился ко мнѣ со словами: „здравствуйте, здравствуйте, Петръ Ивановичъ!“—Принявъ отъ него благословеніе, я спросилъ: Откуда, владыко, изволите знать и мое имя?—Какъ же, желтенькія птички и ко мнѣ долетаютъ (цвѣтъ сорочекъ на выпускахъ „Русскаго Архива“, которые тогда были много тоньше нынѣшняго). Митрополитъ знаетъ, что я былъ занятъ въ это время изданіемъ „Архива Князя Воронцова“, а, будучи экзархомъ въ Грузіи, онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ Кавказскимъ намѣстникомъ. Объ изданіи Русской Библии онъ сказалъ мнѣ, что этимъ исполненъ завѣтъ митрополита Филарета*), у котораго служилъ онъ нѣкогда викаріемъ, но что вообще онъ не особенно доволенъ переводомъ и находитъ, что всего лучше переведено Евангеліе отъ Іоанна: это трудъ самого Филарета, про котораго Исидоръ сказалъ мнѣ, что былъ поставленъ имъ въ крайне затруднительное положеніе. Когда рѣшено было приступить къ печатанію перваго собранія его проповѣдей, то Филаретъ приказалъ, чтобы ни одна проповѣдь не поступала въ типографію прежде чѣмъ онъ, Исидоръ, не найдетъ въ ней какого либо недостатка. „Гдѣ же мнѣ было поправлять моего владыку?“ И тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ отмѣтить хоть что нибудь ему не показавшееся; на нѣкоторыя поправки Филаретъ соглашался, и печатаніе шло непрерывно.

Любезное ко мнѣ отношеніе митрополита Исидора объясняю и тѣмъ, что „Русскій Архивъ“ казался ему продолженіемъ трудовъ И. М. Снѣгирева, съ которымъ, какъ видно по Дневнику сего послѣдняго (помѣщенному въ „Русскомъ Архивѣ“) находился онъ въ Москвѣ въ дружеской связи.

Лѣтомъ 1881 года я былъ во второй разъ у Исидора и между прочимъ спросилъ его, помнитъ ли онъ, что Филаретъ, столь высоко имъ почитаемый, не задолго до кончины своей подалъ въ Св. Синодъ записку о крайней неблаговидности приучать народъ къ мысли о царевубійствѣ торжественными благодарственными молебствіями о неудавшихся покушеніяхъ Каракозова и Березовскаго съ разными неугасимыми лампадами и съ часовнями.—„Какъ же, какъ же! Но здѣсь я уже приказалъ отмѣнить это, тѣмъ скорѣе, что одна часовня была уже загажена.“

Однажды, много позднѣе, случилось мнѣ спросить у митрополита Леонтія, можно ли напечатать въ похвалу уже покойному Исидору то, что онъ ничѣмъ не стѣснялъ Іоанна Кронштадтскаго, вопреки старинной повадкѣ чер-

*) Еще въ 1819 году, въ „Воззваніи къ христіанамъ читателямъ“, при первомъ изданіи Новаго Завѣта на церковномъ и Русскомъ языкахъ, Филаретъ писалъ: „Для безпрепятственнаго употребленія и распространенія Слова Божія необходимо не только переводить Св. Писаніе на отечественный языкъ, но и на семь самомъ языкѣ отъ времени до времени возобновлять переводъ, сообразно съ состояніемъ сего языка въ его народномъ употребленіи“. Эту мысль исполнили В. А. Жуковский и въ наши дни К. П. Побѣдоносцевъ. П. Б.

наго духовенства тормозить гласную дѣятельность духовенства бѣлаго, въ чемъ грѣшенъ бывалъ и самъ митрополитъ Платонъ, отъ котораго Московскіе священники находили себѣ защиту у Екатерины Великой (смотри бумаги протоіерея Петра Алексѣева въ „Русскомъ Архивѣ“.) „Отчего же?“ отвѣчалъ мнѣ Леонтій, „но знаете ли, что это было по неволѣ?“—„Какъ такъ?“ „Самъ Исидоръ мнѣ рассказывалъ, что призвалъ онъ Іоанна Кронштадтскаго и приказывалъ ему дѣлиться получаемыми приношеніями со священниками; но только что онъ сказалъ ему это, какъ глаза у него помутились, и голова отяжелѣла. Отецъ Іоаннъ началъ читать надъ нимъ молитвы, и митрополиту полегчало. „Послѣ этого я могъ относиться къ нему, говорилъ митрополитъ, уже не съ приказаніемъ, а только съ благодарностью“.

Отца Іоанна Кронштадтскаго довелось мнѣ видѣть всего одинъ разъ. Это было за немногочисленнымъ обѣдомъ у князя Владимира Андреевича Долгорукова. Въ бесѣдѣ его не было ничего стѣснительнаго, тѣмъ менѣе претительнаго (то черезъ чуръ приниженнаго, то обличающаго желаніе свѣтскости съ употребленіемъ иностранныхъ словъ). Онъ говорилъ о разныхъ предметахъ совсѣмъ просто, отнюдь ни чѣмъ не заявляя своего духовнаго званія. Между прочимъ спросилъ я его, видѣлся ли онъ со старикомъ-императоромъ Вильгельмомъ Первымъ?—Нѣтъ, его не было дома, когда я былъ въ Германіи; но потомъ черезъ своего посла въ Петербургѣ выразилъ онъ мнѣ сожалѣніе свое о томъ, что не могъ меня видѣть. И не считъ удобнымъ спрашивать, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Германію; но мнѣ извѣстно, что вызывала его туда одна Русская графиня для того только, чтобы спросить, дѣйствительно ли Святое Крещеніе, ежели полить голову водою и произнести слова: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.“ Страдавшая временно умопомраченіемъ графиня нѣсколько разъ приглашала къ себѣ врачей Евреевъ, и пока врачъ писалъ рецептъ, она выливали ему на голову воды и произносила святыя слова. Напрасно мѣстный православный священникъ говорилъ ей, что подобнаго рода крещеніе допускается лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ надъ младенцами ради опасенія родителей, чтобы ребенокъ не померъ безъ крещенія. Графиня разсердилась на священника и полагала, что Іоаннъ Кронштадтскій похвалитъ ее за такое обращение Евреевъ въ христіанство.

Не могу себѣ объяснить, чѣмъ именно вызывались посѣщенія отца Іоанна, но конечно не побужденіями корыстными: оба бѣса, деньголюбія и властолюбія не имѣли надъ нимъ власти.

Въ газетахъ недавно обнародованъ умиленный для Русскаго сердца отзывъ Государя Императора объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Покойный К. П. Побѣдоносцевъ сказывалъ намъ, что въ предсмертную болѣзнь Императора Александра Александровича, когда Іоаннъ Кронштадтскій приходилъ къ гофмаршалскому столу, собравшіеся за трапезою по выраженію его лица догадывались о состояніи здоровья Государева: онъ ежедневно допускаемъ былъ въ комнату больного.

патріотическая дѣятельность сего послѣдняго, представленная въ сочиненіи г. Эсадзе въ чудовищно-ложномъ освѣщеніи, совсѣмъ иною была въ глазахъ тогдашняго намѣстника. N.N.

Pro domo sua. Стороженко. Семейный архивъ. Томъ шестой. Кіевъ. 1908. боль. 8-ка. XVIII и 796 стр. Тоже. Томъ седьмой, IX, 4 нн, 519 и 103 стр.

Два чувства чудно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пчелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Одушевляемый этою любовью, достопочтенный внукъ А. Я. Стороженка (который, будучи подручникомъ князя Паскевича въ управленіи Царствомъ Польскимъ, такъ много потрудился для Русскаго дѣла и для блага Поляковъ) выпустилъ въ свѣтъ еще два тома роднаго ему архива. Изданіе роскошное, со многими портретами и рисунками, и въ тоже время строготочное, съ соблюденіемъ правописанія

подлинныхъ бумагъ. Это какъ бы историческая панихида по своимъ предкамъ и по всему кругу своего родства. Одно перечисленіе помѣщенныхъ въ этихъ двухъ томахъ и превосходно исполненныхъ портретовъ свидѣлствуетъ объ ихъ цѣнности. Тутъ мы имѣемъ: Лубенскаго полковника Свѣчку, трехъ Безбородокъ, четырехъ Борозденъ, генеральнаго судью Гамалію, Бѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка (который при Елисаветѣ Петровнѣ три года былъ намѣстникомъ нашей Троицкой Лавры), трехъ Дубянскихъ; все лица, съ рѣдкими, своеобразными чертами. Большая часть седьмого тома занята „Малороссійскимъ Родословникомъ.“ Это трудъ Вадима Львовича Молзалева, повидимому не уступающаго своему брату Борису (который такъ много работаетъ въ Академіи Наукъ) въ усердіи къ Русской исторіографіи. Пополняются такимъ образомъ появляшіеся въ „Русскомъ Архивѣ“ очерки Малороссійскихъ фамилій, составленные А. М. Лазаревскимъ. П. В.

Годовое изданіе „РУССКАГО АРХИВА“ 1884 ГОДА.

(12 выпусковъ)

можно получать по четыре рубля (безъ пересылки),

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ.

Записки И. В. Лопухина, съ портретомъ.—Страницы прошлаго О. И. Тимирязева, съ портретомъ.—Письма Николая Павловича къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу.—Ночь съ 17 на 18 Февраля 1855 г. Разсказъ доктора Мандта.—Воспоминанія Е. П. Самсонова.—Біографія В. Н. Ляскова, съ портретомъ.—Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ князя П. П. Вяземскаго.—Пушкинъ и С. С. Хлю-

стинъ.—Письмо Пушкина къ П. Я. Чадаеву.—Чадаевъ и закрытіе „Телескопа“, переписка С. С. Уварова съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ.—Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской.—Московская холера 1830 г. (по письмамъ Кристина къ графинѣ С. А. Бобринской).—Записки композитора А. О. Львова.—Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ, воспоминанія А. Л. Зиссермана.—Князь А. И. Барятинскій, его біографія, А. А. Зиссермана.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1909 года.

(Годъ 47-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ.)

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

 Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**40 коп.** Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30 коп.** [по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ].

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХІВЪ

1909

2.

Стр.

173. Письмо фельдмаршала графа Б. П. Шереметева Петру Великому по поводу рожденія царевича Петра Петровича. 1715.

175. Лѣтопись семьи Черняевыхъ. А. М. Черняевой.

208. Изъ бегѣдь съ М. Г. Черняевымъ.

209. Изъ Записокъ архіепископа Никанора. Его апологіи по поводу жалобъ на него Уфимскаго бѣлаго духовенства.

277. Акакистъ Мировому Посреднику. Сообщено Теобальдомъ (В. А. Роткирхомъ).

279. Древній дворянскій родъ Фонъ-Роткирховъ.

281. Е. П. Станевичъ по его письмамъ. П. Л. Юдина.

285. В. П. Акинфову. Стихотвореніе Н. Д. Хвощинскаго.

286. Письма П. В. Шумахера къ П. И. Щукину.

Внутри сорочки: Н. М. Языковъ. В. И. Шенрона.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Въ 1838 году Н. М. Языковъ былъ занятъ приготовленіемъ къ печати перваго полного собранія своихъ стихотвореній. Для этой цѣли онъ просилъ друзей своихъ братьевъ Кирѣевскихъ прислать ему „зеленую книгу“, въ которую они обыкновенно вписывались, такъ какъ иначе трудно было бы собрать отдѣльныя стихотворенія разбросанныя по разнымъ журналамъ. Но и здѣсь онъ остался вѣренъ себѣ. Сначала ему повидимому улыбалась интересная работа по душѣ. „Благодарю васъ за зеленую книгу“ писалъ онъ, „стану пересматривать и поправлять мои прежнія стихотворенія, выдамъ на сѣденіе нашимъ литературнымъ пустозвонамъ и шелкоперамъ и, перемѣня въ образъ жизни моей Музы, пересматривать, поправлять и выглаживать мои прежнія стихотворенія до 1832 года, ѣздить въ цензуру, держать корректуру“. Но вскорѣ Языковъ начинаетъ тяготиться этимъ занятіемъ „Мнѣ чрезвычайно скучно“, жалуется онъ: „что за работа переправлять то, что писано мною лѣтъ за восемь, подъ другимъ небомъ, при иныхъ обстоятельствахъ, при меньшемъ числѣ лѣтъ автора и меньшемъ количествѣ Парнасской опытности? Это работа очень, и очень непривлекательная“. Въ то же время онъ составляетъ новые литературные планы: „Съ новаго 1842 года углублюсь въ неисчерпаемый источникъ поэзіи чистой, независимой, исполнѣй небесной. И начну съ того, что для практики переложу еще нѣсколько Псалмовъ и издамъ ихъ особо. Это будетъ переходомъ: нельзя же вдругъ!“ За тѣмъ онъ извѣщаетъ уже о сдѣланныхъ имъ попыткахъ въ новомъ направленіи: „Вчера я получилъ „Христіанское Чтеніе“ и уже началъ заниматься имъ. Теперь для полного

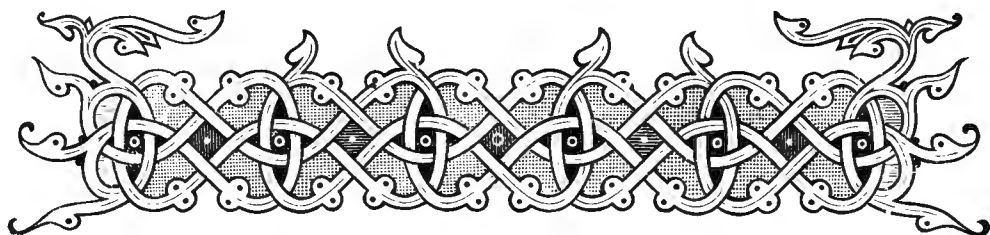
развитія моихъ поэтическихъ намѣреній не достаетъ только хорошаго перевода и толкованій Библіи Нѣмецкихъ, Церковной Исторіи Иннокентія и „Миней“; но все это я приобѣту со временемъ, которое скоро наступитъ, потому что связано съ изданіемъ моихъ стиховъ ваххическихъ“.

Изданіе стихотвореній было поручено Языковымъ въ Петербургѣ Комовскому, а самъ Николай Михайловичъ началъ собираться домой (т. е. въ Симбирскую деревню) по усиленному зову родныхъ.

Онъ принималъ сердечное участіе въ судьбѣ журнала „Европеецъ“, изданіи И. В. Кирѣевского. Въ началѣ 1833 г. печальная судьба постигла этотъ журналъ; статья издателя о „Горѣ отъ Ума“ вооружила противъ него многихъ Москвитей, и дѣло кончилось тѣмъ, что изданіе было запрещено императорской властью по подозрѣнію въ неблагонамѣренныхъ идеяхъ, особенно въ статьѣ „XIX Вѣкъ“, гдѣ будто бы слово *просвѣщеніе* было употреблено вмѣсто *свобода*, а *искусное отысканіе середины* вмѣсто *конституція*, подъ „Нѣмцами“ же разумѣлись Нѣмцы Остзейскаго края.

Дѣятельное участіе принималъ также Николай Михайловичъ и въ собраніи пѣсенъ для Н. В. Кирѣевского.

Свадьба младшей сестры его Екатерины Михайловны была торжественнымъ событіемъ для всѣхъ родныхъ. отъ души сочувствовавшихъ ея счастью и высоко цѣнившихъ достоинства ея мужа, поэта А. С. Хомякова. Николай Михайловичъ такъ привѣтствовалъ сестру (въ письмѣ отъ 24. Апрѣля 1836 года): „Не знаю, какъ выразить тебѣ

ПИСЬМО ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА Б. П. ШЕРЕТЕВА КЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

по случаю празднованія въ Шверинѣ съ генералами радостнаго извѣстія о рожденіи Царевича Петра Петровича.

1715.

Всемиловѣйшій Государь.

Рабскп Вашему Царскому Величеству, премилостивѣйшему моему Государю, благодарствую за превысокую къ намъ милость, что изволили насъ, рабовъ своихъ, увѣдомить, сердечною радостію обрадовать о новорожденномъ своемъ сынѣ, а нашемъ премилостивѣйшемъ Государѣ Цесаревичѣ Петрѣ Петровичѣ. Да сподобитъ его Царь Царемъ и Господь Господствующимъ долголѣтняго здравія, благочестива и милостива, высокоумдра, храбра, праведна, щастлива и всякихъ благихъ, чѣмъ Васъ Всемогущій Богъ благословилъ и прославилъ, чего душевно и тѣлесно желаемъ. И зѣло мнѣ рабу твоему пріятно, что имя ему такое случилось Петръ.

А тоё радостную вѣдомость я получилъ сего Ноября 25-го дня въ Лезиричахъ, и случилися быть у меня генералы Репнинъ, Лесси, Штокъ и Глѣбовъ для совѣта по нѣкоторымъ дѣламъ Вашего Величества. И какъ оной всемірной радости услышали, и бысть между нами шумъ и дыханіе бурно *) и, воздавъ хвалу Богу и Пресвятой Его Богоматери, учили веселиться и, благодаря Бога, были зѣло веселы. И умысля надъ нами, Ивашко Хмѣльницкій незнаемо откуда прибылъ,

*) Евангельское выраженіе при описаніи сошествія на апостоловъ Святаго Духа Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ Петръ пріѣхалъ однажды невзначай къ Теофану Прокоповичу, у котораго шелъ пиръ горой. Тотъ вышелъ къ нему на встрѣчу со словами: „Се женихъ грядетъ во полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща“. Люди того времени держались пословицы: пьянъ да уменъ, два угодыя въ немъ. П. Б.

учаль насъ бить и по земли волочить, что другъ друга не свѣдали. И сперва напалъ на генераль-маіора Лесси; видя его безсильна, ударилъ его въ правую ланиту и такъ его ушибъ, что не могъ на ногахъ устоять, а потомъ генераль-маіора Штока изувѣчилъ безъ милости. Репнинъ хотѣлъ ихъ сикурсовать, и тожъ Хмѣльницкій воровски сдѣлалъ, подъ ноги ударилъ и на лавку не попалъ, а на землю упалъ. Я съ Глѣбовымъ, видя такую силу совокупившихся, пошли на Хмѣльницкаго desperатски и на силу отъ него спаслися, а по щастію нашему прилучились дефили надежныя. Я на утрѣ опаматовался на постели безъ сапогъ, безъ рубашки, только въ одномъ галстукѣ и въ парикѣ, а Глѣбовъ ретировался подъ столъ и, пришедши въ память, не зналъ самъ куда вытти. А сего Ноября дня буду я генералитетъ трактовать при границѣ Прусской, при мѣстечкѣ Шаверинѣ¹⁾ публично, при молебномъ пѣніи съ пушечною пальбою, и весьма мы единогласно положили искать надъ Хмѣльницкимъ и Виницкимъ реванжу.

Дерзнулъ я, наималѣйшій рабъ, Вашему Величеству донести, что и мнѣ Богъ далъ сына Сергѣя²⁾, коего презентую раболѣпно сыну твоему, Государю моему, а въ службу я его (отпустить) безъ указа его Государя Царевича не смѣлъ и буду отъ Его Высочества ожидать указу.

Вашего Величества нижайшій рабъ Борисъ Шереметевъ³⁾.

27 Ноября 1715 г.

изъ Шверина

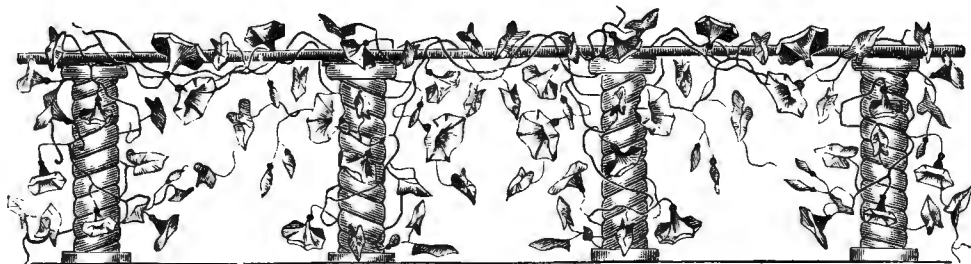
Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.

¹⁾ Славянское названіе Шверина. П. Б.

²⁾ Графъ Сергій Борисовичъ Шереметевъ (род. 8 Октября 1715 года). Это всего гвардіи ротмистръ. Онъ прожилъ вѣкъ въ малозвѣстности, въ Москвѣ, на Садовой у Ермолая и не имѣлъ дѣтей отъ супруги своей, кн. Ѳ. Я. Лобановой-Ростовской. П. Б.

³⁾ Печатается со списка, хранящагося въ портфеляхъ Малиновскаго № 45-й, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. П. Б.

ЛѢТОПИСЬ СЕМЬИ ЧЕРНЯЕВЫХЪ.

Когда редакторъ „Русской Старины“, М. С. Семеvскій, завелъ книгу для собиранія автографовъ своихъ знакомыхъ и попросилъ отца моего занести нѣсколько строкъ на его страницы, Михаилъ Григорьевичъ исполнилъ его желаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вы просите вписать въ ваши скрижали мою убогую біографію. Вотъ она: родомъ изъ вѣчевого Новгорода. При первомъ погромѣ его, предокъ мой былъ нещадно битъ батогами и сосланъ на низъ.“ Этими самими строками и мы начнемъ нашу хронику по устнымъ разсказамъ и немногимъ письменнымъ памятникамъ былого.

По уничтоженіи самостоятельной жизни свободолюбиваго сѣвернаго града древней Руси и присоединенія его къ общему государственному строю, въ концѣ шестнадцатаго вѣка, семья Черняевыхъ какъ-то не могла прочно основаться на одномъ мѣстѣ и свить себѣ родовое гнѣздо. Ее перебрасывало судьбою съ одной окраины Россіи на другую, и эта судьба служила какъ бы прообразомъ скитальческой, полной тревогъ и волненій жизни того ея члена, имя котораго вписано на страницахъ Русской исторіи.

Во время этихъ переселеній утерялись почти всѣ семейныя бумаги Черняевыхъ.

Въ царствованіе Екатерины Великой, въ Іюлѣ 1785 г., вѣроятно по случаю земельныхъ распрей съ сосѣдями, помѣщикъ Харьковской губерніи, регистраторъ, Яковъ Ивановичъ Черняевъ обращался съ прошеніемъ въ Бѣлгородскій Уѣздный Судъ о выдачѣ ему копіи съ „свонной“ утраченной грамоты на жалованную землю села Волкова, Бѣлгородскаго уѣзда, которая была дана прадѣду его изъ дворянъ, Еремѣю Черняеву. Оказалось, что по прописнымъ и отказнымъ книгамъ, Бѣлгородцы Еремѣй Черняевъ совмѣстно съ Григоріемъ Агѣвичемъ Агуровымъ вели распрю съ сосѣдями изъ за своихъ владѣній.

По указу государей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ Мартѣ 7198-го года, воеводѣ и боярину Борису Петровичу Шереметеву было дано распоряженіе разобрать тягавшихся Бѣлгородцевъ, для чего и былъ присланъ, въ Куренскій станъ, ротмистръ Гуръ Васильевичъ Рябининъ. Еремѣй Черняевъ и Григорій Агуровъ, поселившись на окраинѣ тогдашней Руси, начали свое піонерское дѣло. Они, какъ сказано въ одной бумагѣ: „распахали въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, въ Куренскомъ стану, въ Рождественскомъ приходѣ, въ деревнѣ Волковѣ, сверхъ дачъ Мины да Трофима Волковыхъ съ товарищи, въ урочищѣ на Крымской сторонѣ, внизъ по Сѣверному Донцу, по Лысую горку, а отъ Лысой горки чрезъ лѣсъ по дачѣ Зосима Маслова, прямо въ степь, отъ Зимнятскаго колодезя на той же Крымской сторонѣ по спорному гребню, а отъ вершины по Чугуевскую дорогу и по Муромскую яругу съ малыми ярушками, которыя тянутся въ Зимнятскій логъ и по обѣ стороны Зимнятскаго дикаго поля на сто на двадцать верстъ. И на томъ дикомъ (мѣстѣ) дворами они построились и туо землею владѣютъ, не справя за собою.“

Очевидно, Еремѣй Черняевъ съ товарищемъ своимъ былъ человѣкъ сильной воли и, устраиваясь на границѣ нашихъ тогдашнихъ владѣній съ Татарами, присвоивалъ и распахивалъ и сосѣдскія и зарубежныя земли. Присланный Шереметевымъ дьякъ Гуръ Рябининъ опредѣлилъ чѣмъ владѣть предприимчивому потомку сосланнаго на низъ Новгорода.

Куда именно переселились Черняевы по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ, неизвѣстно; но въ половинѣ XVII вѣка они приблизились ко двору Московскаго царя, занимая при немъ придворную должность и вѣроятно получили за службу свою жалованныя земли. о которыхъ выше упоминается.

Въ семейномъ архивѣ нашемъ долго хранилась, нынѣ къ сожалѣнію утраченная, но еще памятная дѣду моему Григорію Никитичу, грамота царя Алексія Михайловича, данная одному изъ предковъ нашихъ, служившихъ при царѣ рындою.

Григорій Никитичъ въ началомъ автобіографическомъ наброскѣ своемъ говоритъ, что отецъ его Никита Исаевичъ переселился изъ Курской губерніи въ Бѣлоруссію въ царствованіе императрицы Екатерины II по присоединеніи этого края къ Россіи. Въ „Замѣткахъ моей жизни“ онъ пишетъ слѣдующее: „По соединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи отецъ мой по службѣ прибылъ въ Могилевскую губернію или какъ прежде называлось намѣстничество и въ оной остался навсегда, обзаведясь прочной осѣдлостью“. Какимъ образомъ Исаія Черняевъ нашелъ мѣсто

для своего вѣчнаго упокоенія подъ стѣнами храма села Тубышекъ, Могилевской губерніи, о чемъ гласитъ находящаяся тамъ надпись, и что именно побудило Никиту Исаевича оставить старое, насиженное гнѣздо въ Курской губерніи, жалованное царями предкамъ его, мы не знаемъ. По устному семейному преданію причиной этому была романическая исторія его женитьбы на Надеждѣ Самсоновой.

Такимъ образомъ Черняевы съ бывшей окраины Татарской перебрались на окраину Польскую, въ край, гдѣ нѣсколько столѣтій велась борьба Русской народности съ Польской, гдѣ передъ тѣмъ проходили войска Московскія и Шведскія, о чемъ передають старики и свидѣлствуютъ существующіе до нынѣ курганы, послѣдніе памятники Шведскихъ стоянокъ.

Въ царствованія Елисаветы Петровны и Петра III несчастный край былъ въ рукахъ Польши; но Русская власть уже заступалась за своихъ единовѣрцевъ. Въ это время Іезуиты составили „проектъ уничтоженія Православія и Русской народности“ въ томъ краю, найденный въ 1859 г. въ Базиліанскомъ Табулинскомъ монастырѣ Полоцкой епархіи. Одинъ изъ пунктовъ этого проекта гласитъ: „Зажиточные граждане отечества (т. е. Польши) не должны допускать Русиновъ до такихъ услугъ, которыя доставили бы имъ случай получать просвѣщеніе. Такимъ образомъ Русины, оставаясь въ невѣжествѣ, дойдутъ до большой нищеты и будутъ въ крайнемъ презрѣніи, а слѣдовательно, перемѣнять для своего возвышенія законъ“ (т. е. вѣру).

22-го Сентября 1762 г. въ Успенскомъ соборѣ въ день коронованія Екатерины II, архіепископъ Могилевскій, Георгій Конисскій рѣшился указать Русской Государынѣ программу ея будущихъ обязанностей къ несчастному Бѣлорусскому краю. „Между подданными народами Вашего Императорскаго Величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующихъ, приносить и Бѣлорусскій народъ черезъ меня, подданника Вашего Величества, всеподданнѣйшее поздравленіе“. Такъ началъ свое слово ревностный поборникъ Русскаго народа. Вскорѣ послѣ избранія Понятовскаго на Польскій престолъ, побужденная новыми возникшими гоненіями, Екатерина приказала своему послу Кейзерлингу и князю Репнину подать королю меморіаль, написанный въ сильныхъ выраженіяхъ въ защиту всѣхъ диссидентовъ, живущихъ въ Польскихъ земляхъ. Наконецъ въ 1772 г. Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи и первымъ Русскимъ намѣстникомъ ея назначенъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ *).

* Извлечено изъ описанія Могилевской губерніи, составленнаго ея бывшимъ губернаторомъ А. С. Дембовецкимъ въ 1884 году.

Таково было положеніе края, куда переселился изъ подъ Бѣлгорода, изъ родового помѣстья коренной Русской губерніи, Никита Исаевичъ Черняевъ, сдѣлавшійся піонеромъ Русскаго вліянія среди мѣстнаго забитаго крестьянства и Польскихъ пановъ. Нѣкоторыя біографическія свѣденія о Никитѣ Исаевичѣ Черняевѣ сохранились по его формулярному списку 1786 г., который гласитъ: „Совѣтникъ таможенной экспедиціи, надворный совѣтникъ Никита Черняевъ 40 лѣтъ отъ роду, изъ дворянъ, женатъ на дворянкѣ Надеждѣ Самсоновой, имѣеть трехъ сыновей Александра, Ипполита и Василия (Петръ и Григорій родились впоследствии), изъ коихъ первый находится въ службѣ въ кадетскомъ корпусѣ, а послѣдніе въ домѣ. Вступилъ на службу 14 Января 1758 г. Въ вѣдомствѣ Коллегіи Економіи при экономическихъ дѣлахъ 1763 г. 17 Марта. Тѣмъ же чиномъ въ комисіи тогда учрежденной по именному указу на границѣ по жалобѣ Польскаго шляхетства на купца Акатова съ товарищи 1770 г. Апр. 14. А изъ оной истребованъ въ Могилевскую губернію провинціальнымъ протоколистомъ 1773 г. провинціальнымъ секретаремъ и губернскимъ секретаремъ 1774 г. Въ Могилевской верхней расправѣ 1-го департамента стряпчимъ 1778 г. Титулярн. совѣтникъ 1781 г. Колежскій ассесоръ 1781 г. Въ палатѣ совѣтникъ 1782 г. Надворный совѣтникъ 1783 г.“ Подлинникъ подписалъ Петръ Пассекъ, генераль-аншефъ. Когда черезъ 10 лѣтъ по присоединеніи Бѣлоруссіи, Екатериной былъ изданъ указъ 15-го Февраля 1782 г. объ укрѣпленіи границъ Могилевской губерніи, то въ мѣстечкѣ Толочинѣ, (отстоящемъ нынѣ въ трехъ верстахъ отъ станціи того же наименованія Московско-Брестской ж. д.), была учреждена таможня, и мѣстечко, какъ пограничное, было укрѣплено.

Въ XVII вѣкѣ Толочинъ принадлежалъ Сапѣгамъ. Въ 1664 г. Левъ Сапѣга основалъ здѣсь костелъ, школу и больницу для бѣдныхъ. Во время войны за Малороссію въ этомъ мѣстечкѣ не разъ стояли Русскія войска.

Черезъ Бѣлоруссію шла повидимому значительная торговля, что видно по вѣдомостямъ присланнымъ изъ Толочинской таможи за Январь 1783 г. Никитой Исаевичемъ Черняевымъ о привозныхъ и отправленныхъ за границу товарахъ, за которые было взято пошлинъ болѣе десяти тысячъ рублей. Объ этомъ упоминаетъ въ благодарственномъ письмѣ своемъ изъ Петербурга къ Никитѣ Исаевичу графъ Александръ Воронцовъ, съ которымъ послѣдній былъ въ постоянной дѣловой перепискѣ.

До своего назначенія начальникомъ таможи Никита Исаевичъ былъ, по именному Ея Императорскаго Величества повелѣнію, отпра-

вленъ по границамъ для наблюденія за потаеннымъ провозомъ товаровъ въ Бѣлоруссію. П. Б. Пассекъ въ рапортѣ своемъ Правительствующему Сенату, свидѣтельствуя о прекрасно-выполненномъ имъ порученіи, испрашиваетъ ему за это награду по службѣ. Назначенный же начальникомъ таможи Никита Исаевичъ повидимому исполнялъ ревностно свои обязанности, увеличивая тѣмъ доходы казны и тщательно слѣдя за контрабандой, которая была сильно развита при участіи Евреевъ. Таможенное дѣло въ то время только налаживалось, и потому для правильнаго веденія его требовалась особая бдительность. Никита Исаевичъ былъ поистинѣ неутомимъ на своемъ служебномъ посту, что видно между прочимъ изъ слѣдующаго: освидѣтельствовавъ по книгамъ денежную казну въ Толочинской таможи совместно съ совѣтникомъ Могилевской Казенной Палаты Паскевичемъ (вѣроятно отцомъ будущаго графа Эриванскаго, родомъ тоже Могилевскаго дворянина) Никита Исаевичъ отправился тотчасъ же въ Оршу, верстахъ въ пятидесяти отъ Толочина, и остановилъ тамъ обозъ въ 28 подводъ Московскаго купца Татарина (только что провезенный черезъ границу) съ тѣмъ, чтобы сличить товаръ его съ таможенными документами. Вѣроятно это задержаніе возбудило неудовольствіе Татарина, потому что графъ Воронцовъ въ письмѣ своемъ отъ 30-го Ноября 1782 г. пишетъ Никитѣ Исаевичу: „Вы упоминаете, что отъ такого задержанія происходитъ на васъ негодованіе; то на сіе я вамъ скажу, что если бы отъ подобныхъ тому людей и произошла на васъ жалоба, она бы не иначе принята была какъ за единую собственную ихъ затѣю, полагая, что вы конечно ничего иного и не учините, какъ сходственно съ наставленіемъ вамъ даннымъ“. Графъ А. Р. Воронцовъ прибавляетъ, что о поѣздкѣ Никиты Исаевича въ Оршу и о томъ, что онъ тамъ учинилъ было имъ своевременно доложено Государынѣ.

30-го Ноября 1806 года обнародованъ манифестъ о милиціи по случаю временнаго ополченія въ подвижномъ земскомъ войскѣ. Никита Исаевичъ былъ выбранъ дворянствомъ отъ Могилевскаго повѣта тысячнымъ начальникомъ. Вмѣстѣ съ тогдашнимъ предводителемъ дворянства или маршаломъ (какъ они назывались въ Могилевской губерніи), онъ объѣзжалъ по повѣту для набора и формированія батальоновъ, заступая при этомъ отсутствующаго повѣтоваго начальника. Предводитель дворянства письменно засвидѣтельствовалъ, что Никита Исаевичъ „должность сію съ особеннымъ раченіемъ отправлялъ, денно и ночью старался о скорѣйшемъ окончаніи земскаго сего ополченія, не щадя ни здоровья, ни покоя въ немолодыхъ лѣтахъ своихъ“. Отъ главнокомандовавшаго третьей областью князя Голицына изъ Москвы (къ

которой принадлежала и Могилевская губернія) Никита Исаевичъ получилъ увѣдомленіе, что „Его Императорское Величество, желая оставить въ вѣчной памяти у потомства усердіе Россійскаго благороднаго сословія, по случаю временнаго ополченія въ подвижномъ земскомъ войскѣ“, жалуетъ участникамъ его золотую медаль, для ношенія ея въ петлицѣ на лентѣ ордена Св. Владимира.

Другихъ подробностей объ этомъ нашемъ прадѣдѣ не сохранилось.

Для продолженія нашего очерка приведемъ дословно „Замѣтки моей жизни“, Григорія Никитича Черняева.

„По соединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи. отецъ мой по службѣ прибылъ въ Могилевскую губернію, или какъ прежде называлось намѣстничество и въ оной остался навсегда, обзаведясь прочною осѣдлостью, то есть имѣлъ двѣ деревни: одну въ Копысскомъ уѣздѣ, а другую въ Могилевскомъ. Первая называлась Рачча, а фольварокъ при ней Кривая, по имени рѣчки, при которой онъ устроенъ (Кривая, находясь на Виленскомъ трактѣ, отъ Толочина въ десяти верстахъ, по сему вѣроятно и была избрана мѣстопробываніемъ Никиты Исаевича съ семьєю, отлучавшагося туда по дѣламъ службы; затѣмъ имѣніе было продано). Другая деревня находится въ 15 верстахъ отъ Кривой по дорогѣ въ Могилевъ и называется Тубышки. Въ 1787 г. Генваря 25-го дня я родился въ фольваркѣ Кривой и имѣлъ уже старшихъ четырехъ братьевъ и двухъ сестеръ. Какъ отецъ мой по службѣ по какому-то важному дѣлу имѣлъ счастье быть извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ II-й, а также много благодѣтелей изъ важныхъ особъ того времени имѣлъ, какъ то графа Александра Романовича Воронцова, княгиню Дашкову (бывшее ея имѣніе Круглое находится на полпути между Кривою и Тубышками, домъ того времени сгорѣлъ и имѣніе перешло князьямъ Крапоткинымъ), графа Завадовскаго и другихъ (какихъ, не могу припомнить), то старшій братъ мой Александръ и двѣ сестры были приняты въ казенныя заведенія, братъ въ I-й Кадетскій Шляхетный корпусъ, а сестры въ Смольный монастырь“.

„При семъ долженъ сказать нѣсколько о братѣ моемъ Александрѣ, находившагося въ I-мъ корпусѣ, котораго директоръ былъ извѣстный графъ Ангальтъ, родственникъ императрицы. Братъ мой прилежаніемъ и поведеніемъ пріобрѣлъ его вниманіе и до того былъ преданъ наукамъ, которыя въ то время отлично преподавались въ семъ единственно хорошемъ военно-учебномъ заведеніи, что окромя преподаваемыхъ въ корпусѣ наукъ, нужныхъ для военнаго и свѣтскаго челоуѣка, онъ просилъ отца нанимать ему учителя Латинскаго языка, который впослѣдствіи зналъ очень хорошо. При выпускѣ его изъ корпуса на службу,

бывшій въ то время наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ желалъ его взять въ свой Гатчинскій полкъ; но братъ, желая служить военную кампанію, въ то время бывшую противъ Персіянъ, просился туда и изъ кадетъ выпущенъ за отличіе ротмистромъ въ Павлоградскій легкоконный полкъ. Тамъ разстроилъ онъ свое здоровье, въ Италійскую кампанію совершенно потерялъ оное и, будучи полковникомъ въ отставкѣ, умеръ отъ чахотки. Графъ Толъ въ 1836 г. говорилъ мнѣ, что братъ мой, будучи вмѣстѣ съ нимъ въ корпусѣ, былъ первый кадетъ и выпущенъ на службу съ тремя чинами“.

„Обѣ сестры мои вышли въ замужество, одна Марья за генералъ-маіора Завалишина, который былъ адъютантомъ генералиссимуса Суворова, командовалъ Таврическимъ гренадерскимъ полкомъ, былъ Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ, потомъ директоромъ департамента путей сообщенія и даже нѣкоторое время, по смерти генерала Дево-лана, управлялъ сею частію. Былъ онъ человѣкъ ученый, благородныхъ правилъ и совершенно безкорыстный. Его два сына были весьма хорошо образованы, одинъ служилъ въ морской службѣ, а другой, будучи еще кадетомъ артиллерійской школы, въ 1825 году, вовлеченный въ шайку сумасшедшихъ преобразователей Россіи, пострадалъ на вѣки. Старшая сестра, немного позже вышла замужъ за генералъ-маіора Хитрово. У нихъ были двѣ дочери и два сына, оба полковники гвардіи. Генералъ Хитрово въ Италійскую кампанію въ сраженіи подъ Нови, командуя отрядомъ, взялъ въ плѣнъ Французскаго генерала Грушъ, который впослѣдствіи былъ маршаломъ Французскимъ“.

„Три другихъ старшихъ брата мои Иполить, Василій и Петръ (я оставался дома) были отданы отцомъ въ пансіонъ въ мѣстечкѣ Шкловѣ, къ протоіерею Александру Старынкевичу, весьма ученому и умному человѣку. Въ томъ же пансіонѣ находились и два брата Паскевичи: старшій Иванъ Ѳеодоровичъ, нынѣшній фельдмаршалъ, и Степанъ, бывшій, какъ я слышалъ, въ Курскѣ губернаторомъ и уже умершій“.

„Напослѣдокъ отецъ нашъ, по совѣту Старынкевича, намѣревался отослать насъ для обученія въ Саксонію въ городъ Лейпцигъ, и для сего о. Старынкевичъ выписалъ оттуда учителя Нѣмецкаго языка, съ которымъ мы должны были отправиться за границу; но не знаю почему, нашъ отъѣздъ довольно замедлился, какъ кажется, что уже была поздняя осень, то чтобы не пропустить время, учитель началъ насъ учить по-нѣмецки. Я помню, какъ мы смѣялись надъ этимъ Нѣмцемъ, который ни слова не зналъ порусски, кашу ѣлъ съ хлѣбомъ, а ветчину съ

солью. Это насъ очень забавляло. Къ несчастію нашему генералъ Зоричъ, любившій отца нашего, жившій въ мѣстечкѣ Шкловѣ, въ двадцати верстахъ отъ насъ, уговорилъ отца отдать дѣтей въ его кадетскій корпусъ, въ то время бывшій въ мѣстечкѣ Шкловѣ, нынѣ І-й Московскій. Корпусъ этотъ въ то время содержался на иждивеніи генерала Зорича. Въ это время воспитаніе въ этомъ корпусѣ было хорошо: Зоричъ не жалѣлъ для того издержекъ, выписывалъ изъ заграницы хорошихъ профессоровъ *). Нѣкоторые изъ значительныхъ Французскихъ эмигрантовъ были при корпусѣ, какъ-то графъ Клермонтонеръ и еще какіе-то. Трехъ братьевъ моихъ отдали въ этотъ корпусъ, Нѣмца отправили за границу, а я, будучи не такъ здоровымъ, остался дома, а чрезъ годъ поступилъ въ этотъ же корпусъ. При вступленіи на престолъ императора Павла, Зоричъ былъ принятъ въ службу; и въ корпусѣ уже не стало того надзора и ученія, потомъ въ 1798 г. корпусное строеніе сторѣло. Зоричъ умеръ, и корпусъ поступилъ въ число казенныхъ учебныхъ заведеній. При Зоричѣ кадетъ было до 500 человекъ. Составилась изъ малолѣтнихъ рота егерей, поболѣе взрослые составили батальонъ гренадеръ, а самые большіе эскадронъ кирасиръ. Все это одѣто было какъ нельзя лучше; кирасиры на прекрасныхъ, дорогихъ лошадяхъ, амуниція хорошо сдѣланная, соответственно возрасту. При корпусѣ было шесть артиллерійскихъ орудій небольшого калибра и прекрасная музыка. Въ 1799-мъ году корпусъ переведенъ былъ въ Литву, въ городъ Гродно и помѣщенъ въ королевскомъ дворцѣ, огромномъ зданіи. Директоромъ корпуса или какъ тогда называли шефомъ, былъ присланъ генералъ-маіоръ Кетлеръ, человекъ образованный, но мало заботившійся о корпусѣ и воспитаніи кадетъ; а потому и происходили тамъ большіе безпорядки⁴.

Прервемъ на время записки дѣда моего для изображенія Шклова и образа жизни егѣ владѣльца, Зорича. Шкловъ расположенъ на чрезвычайно живописномъ берегу Днѣпра, который ограничиваетъ мѣстечко съ одной стороны, съ другой же оно окаймляется волнистыми холмами, покрытыми лѣсомъ. Отъ былыхъ временъ теперь сохранился рядъ громадныхъ уже погибающихъ липъ, большой каменный костель, какое-то странное зданіе съ каланчей и нѣсколько развалившихся каменныхъ домовъ, стоящихъ на теперешнемъ базарѣ. Шкловъ съ начала своего основанія и до сихъ поръ преимущественно Еврейское мѣстечко, раскинувшееся длинною и довольно широкою лентою по берегу Днѣпра. Оно извѣстно своею необычайною грязью, своими домиками, изъ ко-

*) Сохранившійся планъ профиля крѣпости, начертанный Григоріемъ Никитичемъ, доказываетъ, какъ прекрасно преподавалось черченіе въ корпусѣ.

торыхъ многіе находятся въ такомъ разрушеніи, что только Еврейская бѣднота способна обитать въ подобныхъ логовищахъ. Шкловъ упоминается въ исторіи впервые въ 1555 г., когда онъ былъ выжженъ Василиемъ Шуйскимъ во время войны Ивана Грознаго съ Польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ. Въ XVI вѣкѣ Шкловъ, съ прилегающими къ нему землями, составлялъ графство Литовскихъ магнатовъ Ходкевичей; городъ былъ укрѣпленъ рвомъ, слѣды которыхъ видны и теперь. Въ подземельѣ Шкловскаго костела, по рассказамъ двоюродной тетки моей, было много гробовъ съ костями; въ одномъ изъ нихъ сохранился нетлѣнно рыцарь огромнаго роста въ древнемъ одѣяніи, по преданію послѣдній изъ Ходкевичей. Теперь же въ подземелье никого не пускаютъ, и оно закрыто для любознательствующихъ. Въ 1655 г. Шкловъ былъ разграбленъ казаками послѣ побѣды Русскихъ надъ Литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ и вторично опустошенъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, войсками Левенгаупта. Въ 1762 г. Шкловъ получилъ отъ короля Августа привилегію на учрежденіе магистрата и печать съ изображеніемъ висящаго безмѣна, что свидѣтельствуетъ о торговомъ его значеніи. Отъ графовъ Ходкевичей Шкловъ перешелъ по наслѣдству сначала къ князьямъ Чарторыжскимъ, а затѣмъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, поступилъ въ число государственныхъ имуществъ. Въ царствованіе Екатерины Великой онъ былъ сначала пожалованъ Потемкину, а въ 1778 г. Семену Гавриловичу Зоричу. Будучи когда-то важнымъ торговымъ пунктомъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ шла обширная торговля дорогими заграничными большею частію контрабандными товарами, Шкловъ потерялъ свое значеніе послѣ упраздненія Петербургскаго тракта.

Добрынинъ въ своихъ Запискахъ рассказываетъ, что „какъ только стало извѣстно о переводѣ корпуса въ Гродно, Шкловъ наводнился родителями и воспитанниками изъ разныхъ губерній. Въ день выхода кадетовъ всѣ собрались въ церковь, гдѣ ученый протоіерей Старынкевичъ, взошедши на кафедру, сказалъ приличное слово и въ концѣ возгласилъ: „Возстани, Зоричъ, возри на виноградъ, тобою насажденный! Ты въ жизни своей говаривалъ, что не имѣешь кому оставить дѣтей своихъ. Се, монархъ пріемлетъ ихъ подъ свой кровъ и ввѣряетъ ихъ руководству избраннаго имъ мужа“, указывая на генераль-маіора Кетлера. Тутъ родители, сродники, друзья ихъ схватили юныхъ за головы и всѣ до единой души мужчины, женщины, малолѣтніе, молодые зарыдали въ голосъ. Послѣ выхода кадетъ церемоніальнымъ маршемъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ во весь остатокъ дня и цѣлую лѣтнюю ночь слышенъ былъ только непрерывный громъ экипажей, по большой

дорогѣ въ оба пути, подобно какъ въ столичномъ городѣ по улицамъ, черезъ шесть верстъ отъ Шклова до деревни Каменки, гдѣ остановился корпусъ на кантониръ-квартирахъ. Чрезъ все сіе время и разстояніе имя Зорича переносилось громогласно отъ одного къ другому, сопровождаемо выраженіями нѣжныхъ чувствованій и благодарности“.

„Шкловъ былъ наполненъ людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ маіоромъ въ гусарскомъ полку и жили на полномъ его иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ офицеры, не имѣвшіе пріюта игроки, авантюристы всякаго рода иностранцы: Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдоване, Турки; словомъ, всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ. Единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ первому Сентябрю, дню его именинъ и на ярмарки два раза въ годъ, и тогда празднества длились по двѣ недѣли и болѣе. Въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочемъ Французскую оперу играли княгиня Екатерина Александровна Долгорукая, генераль-поручица графиня Мелина и другія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры. Балетъ танцевалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими. Тутъ давали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанья въ шлюпкахъ на водѣ“.

Добрынинъ, говоря о жизни Зорича, заканчиваетъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: „Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ, Зоричъ, миръ твоему праху! а въ символъ (символь)—колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понынѣ еще не выплатился“*).

Дѣйствительно долго послѣ кончины Зорича процвѣтала картежная игра въ Шкловѣ, и помѣщики еще на памяти отца моего, Михаила Григорьевича проигрывали тамъ часто все свое достояніе.

Имѣя скудныя свѣдѣнія о жизни собственно семьи Черняевыхъ въ то время, мы остановились такъ долго на описаніи обстановки, участниками которой въ качествѣ кадетъ были дѣдъ мой, Григорій Никитичъ и трое братьевъ его. Первые двое скончались, не оставивъ потомства, и свѣдѣній объ ихъ жизни въ семьѣ почти не сохранилось. Старшій изъ нихъ, Ипполитъ былъ на штатской службѣ и похороненъ подъ храмомъ села Тубышекъ; второй, Василій, былъ красавецъ собою, служилъ въ Преображенскомъ полку. Любовь сыграла роль роковой

*) Приведенныя свѣдѣнія о Шкловѣ взяты нами изъ описанія Могилевской губерніи составлен. Дембовицкимъ.

судьбы въ его жизни: онъ потерялъ сердце и преклонялся предъ лицомъ, отвѣчавшимъ ему взаимной склонностью, но стоявшемъ на недостигаемой для него высотѣ, бросилъ Петербургъ, дослужился до полковничьяго чина и умеръ отъ чахотки. Петръ Никитичъ служилъ, если не ошибаюсь, въ артиллеріи, стоявшей въ Ригѣ и уже на пятомъ десяткѣ жизни женился на сосѣдкѣ по Тубышкамъ, молодой, шестнадцатилѣтней красавицѣ Полькѣ, Кассильдѣ Михайловнѣ Познякѣ. Имѣнье ея родителей, Лавки, находилось верстахъ въ пяти отъ Тубышекъ. Сюда влюбленный Петръ Никитичъ, по своеобразной фантазіи, послѣ свадебнаго обѣда въ Лавкахъ, пѣшкомъ привелъ свою молодую красавицу-жену, приготовивъ для нея комнату всю обитую дорогимъ малиновымъ штофомъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ Лавки купили Тубышскіе крестьяне и, какъ водится, распахавъ землю, уничтожили всѣ слѣды старой усадьбы, а по рассказамъ, тамъ стоялъ большой двухъэтажный господскій домъ, гдѣ жилось очень весело и куда съѣзжались окрестные Польскіе помѣщики. Теперь нѣсколько одинокихъ дубовъ посреди обширнаго, квадратнаго поля обозначаютъ мѣсто бывшаго сада, а три почти засохшихъ пруда свидѣтельствуетъ о быломъ стараніи изукрасить однообразную, лѣсистую мѣстность. Недолго прожилъ Петръ Никитичъ съ молодой женой и оставилъ на ея попеченіи двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Пристроивъ ихъ въ Смольный институтъ, Кассильда Михайловна часто ѣздила въ Шкловъ и была еще два раза за мужемъ. Третій мужъ ея былъ нѣкто Боркъ, жившій въ своемъ имѣньѣ Рамшинѣ, тоже недалеко отъ Тубышекъ. Въ 1863 году, во время Польскаго возстанія, когда Могилевскій губернаторъ Александръ Петровичъ Беклемишевъ объявилъ крестьянамъ, что за cadaго представленнаго властямъ повстанца имъ будетъ дано денежное вознагражденіе, поселяне схватили старика Борка, положили на дровни и доставили въ Могилевъ, хотя въ мятежѣ, говорятъ, онъ не принималъ участія. Но солоно должно быть приходилась власть Польскихъ помѣщиковъ крестьянамъ, потому что возили ихъ въ города почти повсемѣстно. Имѣнье Борка конфисковано, а самъ онъ сосланъ въ Сибирь. Александра Петровна Черняева, младшая дочь Кассильды Михайловны, въ качествѣ Русской и православной, купила у казны имѣнье своего отчима, въ которомъ мать ея прожила до своей кончины. Я познакомилась съ этой теткой отца моего, когда она была уже дряхлой, согбенной и почти глухой старушкой. При первомъ свиданіи нашемъ она категорически объявила, что не говоритъ порусски, а такъ какъ мы по-польски изъясняться не умѣли, а она сама иностранными языками не владѣла, то волей и неволей ей пришлось выказать свое знаніе нашего отечественнаго нарѣчія.

Прервавъ на время повѣствованіе дѣда моего описаніемъ Шклова и судьбы братьевъ его, возвращаюсь къ его Запискамъ.

„Изъ корпуса основаннаго Зоричемъ, пишетъ онъ, въ 1804 году я былъ выпущенъ въ Ново-Ингерманландскій мушкатерскій полкъ прапорщикомъ. Полкъ квартировалъ въ Подольской губерніи, въ городѣ Могилевѣ на Днѣстрѣ. Въ 1805 году изъ лагерей мы вышли въ походъ къ Австрійской границѣ и въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ переправились въ Австрію. За Лембергомъ насъ повезли на почтовыхъ для скорѣйшаго соединенія съ Австрійскою арміею, расположенною при Ульмѣ: но быстрый завоеватель Наполеонъ предупредилъ наше соединеніе и разбилъ или, лучше сказать, уничтожилъ Австрійскую армію, а наши войска, до сорока тысячъ, дошедшія до Браннау, вынуждены были ретироваться. Нами командовалъ славный генералъ Кутузовъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Смоленскій. Эта славная, но тяжкая ретирада при частыхъ битвахъ съ Французами, преслѣдовавшими насъ день и ночь, продолжалась до крѣпости Ольмюца въ Моравіи. Наша армія усилилась приближеніемъ гвардіи, а соединясь съ остатками Австрійскихъ 14 тысячъ, составила армію до 80 тысячъ, но почти безъ продовольствія. На послѣдокъ наша армія пошла атаковать Наполеона, остановившагося при городѣ Бринѣ, при мѣстечкѣ Австерлицѣ. Послѣдовало ужасное и несчастное сраженіе и продолженіе непрерывныхъ войнъ, окончившихся паденіемъ Наполеона I-го“.

„Послѣ сей войны полкъ нашъ квартировалъ и формировался въ Полтавѣ, гдѣ я нашелъ хорошаго пріятеля отцу моему, Полтавскаго вице-губернатора Бояринова (былъ принятъ какъ ихъ сынъ), также предводителя дворянства Черныша, на дочери котораго былъ женатъ братъ Хитрова, мужа моей сестры Юліи. Въ Полтавѣ я былъ боленъ лихорадкою, и всѣ знакомые прилагали усердное стараніе избавить меня отъ этой болѣзни, но ничего не помогало. Полкъ выступилъ въ лагери къ городу Кобелякамъ, гдѣ мы простояли до Октября мѣсяца. Лихорадка меня не оставила, и я, по совѣту хозяина, мѣщанина города Кобелякъ, бросился въ замерзшую уже рѣку и тѣмъ избавился отъ лихорадки.

„Изъ Кобелякъ мы пошли въ Турецкую войну, переправившись за границу въ Могилевъ Подольской губерніи. Главнокомандующимъ былъ генералъ Михельсонъ, переправились черезъ Днѣстръ въ Молдавію, шли форсированнымъ маршемъ чрезъ городъ Яссы до города Рымника, гдѣ нашъ полкъ съ небольшимъ отрядомъ козаковъ остался для наблюденія за крѣпостью Браиловымъ“.

На этомъ обрываются Записки дѣда моего.

Тяжело было то время, когда Россія вела почти безпромежуточно четыре войны. Дѣдъ мой былъ участникомъ двухъ изъ нихъ и наиболѣе кровопролитныхъ, въ Молдавіи и Валахіи противу Турціи, длившейся шесть лѣтъ, и противу Наполеона.

Наши войска, стоявшія подъ Браиловымъ, въ теченіи двухъ дней 23-го и 24-го Мая 1807 года разбили и прогнали Турокъ изъ подъ этой крѣпости, за что Григорій Никитичъ былъ награжденъ Анною 4-го класса. Въ слѣдующемъ году 24-го Марта онъ былъ въ дѣлѣ подъ крѣпостію Журжею, затѣмъ 1810 г., находясь за Дунаемъ, 2-го Августа осаждалъ укрѣпленіе Краово и наконецъ принималъ участіе при взятіи Брегова. За эту кампанію онъ получилъ послѣдовательно три чина и къ началу Наполеоновскихъ войнъ былъ уже штабсъ-капитаномъ, имѣя всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, достигнувъ этихъ отличій своей боевой доблестью.

Нашествіе Наполеона особенно тяжело отразилось на Могилевской губерніи, стоявшей на пути иноплеменниковъ. Въ Могилевѣ стоялъ корпусъ подъ начальствомъ маршала Даву, а Польскій генераль Пакошъ былъ вторымъ послѣ него лицомъ. Католическое духовенство и шляхство встрѣчало Французовъ повсемѣстно съ распростертыми объятіями. Григорій Никитичъ впервые сразился съ Французами подъ деревнею Солтановкою недалеко отъ Могилева, гдѣ произошло кровопролитнѣйшее сраженіе.

Вотъ какъ описываетъ этотъ бой очевидецъ тогдашнихъ событій, игумень Орестъ: „Юля 11-го, по утру маршалъ Даву и генераль Мортъ съ пятью дивизіями атаковали авангардъ князя Багратіона. Авангардъ сей предводимъ былъ генераль-лейтенантомъ Раевскимъ, и когда Раевскій началъ по Быховскому тракту подходить къ Могилеву, то Французы, бывшіе въ Могилевѣ, встрѣтили его съ Юга, и началось сильное сраженіе 11 числа до восхода солнца, а потомъ подъ деревнею Солтановкою продолжалось чрезъ весь день непрерывно до самой ночи. Во время сраженія онаго генераль Платовъ, переправясь на лѣвую сторону Днѣпра, пониже мѣстечка Дашковки, съ войскомъ казацкимъ, проходилъ южною стороною по деревнямъ, минуя Могилевъ, къ Смоленску. Послѣ онаго Дашковскаго сраженія привезено изъ Дашковки въ Могилевъ раненыхъ Французовъ до пяти тысячъ человекъ, и по сознанію самихъ же Французовъ, на томъ сраженіи убитыхъ было до пяти же тысячъ Французской арміи, столько же и Россійской арміи раненыхъ и убитыхъ, какъ утверждали Французы. Во время сего сраженія слышны были не только пушечные непрерывные выстрѣлы, но и ружейные, и видѣнъ былъ изъ Могил-

лева надъ мѣстомъ сраженія отъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ большой дымъ надъ Россійскою арміею, такой же и надъ Французскою, и издали казалось, будто бы лѣсъ горѣлъ. По окончаніи того сраженія изъ Могилева посланы были мѣщане Могилевскіе къ мѣстечку Дашковкѣ и деревнѣ Солтановкѣ на мѣсто сраженія для погребенія убитыхъ Французовъ и Россіянъ“.

Четырехмѣсячное пребываніе Французовъ въ Могилевской губерніи раззорило ее на 33½ милліона руб. асс. Когда непріятель потянулся къ Москвѣ, покидая край, онъ обезпечилъ свой тылъ учрежденіемъ военныхъ командъ или охранъ, какъ называли ихъ Поляки. Эти охраны спасли Могилевскую губернію отъ грабежа и насилій Французскихъ мародѣровъ и были частію учреждены также съ цѣлію оградить ксендзовъ и Польскихъ помѣщиковъ, опасавшихся возстанія крестьянъ и городскихъ православныхъ обывателей, среди которыхъ они составляли незначительное меньшинство.

Романовскій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что съ уходомъ Французовъ жители городовъ снова стали собираться въ кружки, ведя оживленные толки, а услужливые факторы, Евреи, безъ которыхъ ни одинъ порядочный домъ обойтись не могъ, разносили въ видѣ живыхъ газетъ разныя новости и слухи, служа и нашимъ, и вашимъ, смотря, откуда вѣтеръ дуетъ. Когда установилась зима, вслѣдъ за войсками черезъ Чаусы къ Могилеву потянулись обозы съ запасами для войскъ. Въ городѣ былъ возстановленъ прежній порядокъ, и управленіе губерніей вручено графу Дмитрію Алексѣевичу Толстому*).

Тяжело должно быть было на душѣ Григорія Никитича Черняева, доблестно сражавшагося въ рядахъ Русскаго войска, трепетаваго за участь роднаго гнѣзда со всѣми дорогими его сердцу родными.

Послѣ Солтановки, та часть, въ которой онъ служилъ, была направлена къ Смоленску, куда стянулись войска подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и Багратіона. 4-го Августа подъ стѣнами Смоленска Григорій Никитичъ былъ раненъ въ лѣвую руку, за что получилъ Анну 3-ей степени.

Изъ страшнаго трехдневнаго Бородинскаго боя дѣдъ мой вышелъ невредимымъ. Его произвели въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ наши войска слѣдовали за отступавшимъ непріателемъ вплоть до Вильны, давъ ему на пути два большихъ сраженія при Маломъ Ярославцѣ, гдѣ дѣдъ мой получилъ Владимира и при городѣ Красномъ, подъ которымъ кровь

*) Смотри описаніе Могилевской губерніи, Дембовецкаго.

лилась въ теченіи двухъ дней. За это послѣднее дѣло Григорій Никитичъ былъ награжденъ золотой шпагой съ надписью за храбрость.

Затѣмъ его Новоингерманландскій полкъ перешелъ границу, прошелъ черезъ герцогство Варшавское, Пруссію и Силезію и достигъ владѣній короля Саксонскаго, гдѣ перваго Октября, на Покровъ, дрался подъ Дрезденомъ, а вскорѣ затѣмъ принялъ участіе въ трехдневномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Черезъ Ганноверъ, онъ дошелъ до крѣпости Везеля, которая была имъ обложена блокадой съ 7-го по 29-е Января 1814 г. 16-го Февраля наши войска достигли уже предѣловъ Французской имперіи и, переправившись черезъ Рейнъ, полкъ моего дѣда участвовалъ при взятіи и сдачѣ городовъ Суассона, Краона и Лаона. Походъ былъ увѣнчанъ покореніемъ столицы Франціи. куда вступилъ въ рядахъ своего полка и дѣдъ мой.

Вернулся онъ въ Россію со своею частію черезъ Сѣверъ Франціи, черезъ Бельгію и Царство Польское, проведя цѣлыхъ шесть лѣтъ въ скитаніяхъ военной жизни за границей. Начавъ свою боевую службу 1807 г. двадцати лѣтъ отъ роду подъ Браиловымъ, онъ съ тѣхъ поръ принималъ участіе въ наиболѣе кровопролитныхъ сраженіяхъ. Во Франціи Григорій Никитичъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, занималъ должность военнаго губернатора Люневилля, главнаго города Лотарингіи. Въ бумагахъ дѣдушки сохранился любопытный документъ съ литографированнымъ гербомъ Люневилля (щитъ, украшенный тремя лиліями, окаймленный знаменами и увѣнчанный герцогскою короною), который свидѣтельствуетъ что „господинъ Черняевъ, майоръ Новоингерманландскаго полка. двѣнадцатой дивизіи, будучи военнымъ губернаторомъ города, своимъ усердіемъ, дѣятельностью и благонамѣреніемъ, которыми онъ былъ воодушевленъ, доставилъ жителямъ совершенное спокойствіе, полную неприкосновенность ихъ личности и имущества, принимая во вниманіе согласно обстоятельствамъ различныя требованія и приобрѣта такимъ образомъ уваженіе властей города, имѣвшихъ съ нимъ дѣло и всѣхъ его знавшихъ“.

(Nous. maire de Lunéville, département de la Meurthe, certifions, que m-r le major Tcherniaëff, de la 12-e division d'infanterie impériale Russe, régiment Novo-Ingermanlanski a eu le commandement militaire de cette place depuis le 16 Octobre 1815 jusqu'à ce jour. Que ce chef recommandable par son zèle, son activité et le bon esprit dont il était animée. a procuré aux habitans la tranquillité la plus parfaite et l'avantage inappréciable de voir respecter les personnes et les propriétés. Qu'il a écouté les réclamations de tous, y a fait droit suivant les circonstances.

et de manière a se mériter l'estime des autorités, ayant à correspondre avec lui, et la considération de ceux qui l'ont connu. En foi de quoi nous avons signé le présent certificat pour servir ce que de droit. A Luneville en Mairie, le 18 Décembre 1815).

„Когда Императоръ Павелъ“, писалъ болѣе полувѣка спустя въ одной изъ своихъ замѣтокъ М. Г. Черняевъ, „послать на Альпы наши войска противъ Французовъ, чтобы спасать престолы. Русская армія возвратилась съ убѣжденіемъ, что Французы народъ славный, а Англичане и Нѣмцы, которые были нашими союзниками, народъ не надежный“. Тоже благопріятное впечатлѣніе о Французахъ вынесли наши войска послѣ взятія Парижа и Вѣнскаго конгресса. и въ частности Новоингерманландскій полкъ послѣ пребыванія въ Люневилѣ, гдѣ между побѣдителями и побѣжденными установились наилучшія отношенія.

Двигаясь далѣе на возвратномъ пути въ Россію. полкъ остановился на нѣкоторое время въ небольшомъ городкѣ Лекенца, въ сѣверномъ департаментѣ (département du Nord). гдѣ Григорій Никитичъ женился на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Эсфири Лекюйе, дочери бывшаго мера этого городка. () томъ, какова была избранная имъ спутница жизни въ то время, мы можемъ судить по небольшому овалному ея портрету, писанному акварелью. Бабушка изображена на немъ въ красномъ платьѣ, облегающемъ красивый станъ и стройную талію: красивыя плечи выступаютъ изъ низко вырѣзаннаго лифа, а на тонкой, длинной шеѣ покоится изящная бѣлокурая головка съ тонкимъ профилемъ и голубыми глазами, волосы высоко приподняты на маковкѣ большимъ гребнемъ, украшеннымъ красными кораллами подъ цвѣтъ платья. Родители и почтенная и многочисленная родня молодой дѣвушки въ началѣ противились этому браку, представляя ей на видъ оторванность отъ родной семьи при переселеніи въ далекую и чуждую ей Московію; однако всѣ увѣщанія оказались напрасными, она всею душой привязалась къ доблестному Русскому воину и настояла на своемъ. Бракъ ихъ былъ проникнутъ горячей взаимной привязанностью. прерванною смертью дѣда моего въ 1869 г. Вѣнчаніе по православному чину состоялось въ посольской церкви въ Брюсселѣ, ближайшей къ городку Лекенца, по католическому обряду въ мѣстномъ городскомъ соборѣ, въ мееріи же былъ подписанъ брачный контрактъ. Приведемъ переводъ подлинника; „Выписка изъ книги гражданскихъ актовъ города Лекенца за 1818 годъ. Изъ вышеназванной книги видно, что господинъ Марія (?), Григорій Черняевъ, кавалеръ различныхъ орденовъ. майоръ Новоингерманландскаго полка, стоящаго въ городѣ того же наименованія, родившійся въ Могилевѣ (Бѣлоруссіи) 27-го Января

1788 г., сынъ покойнаго Пикифора (?), статскаго совѣтника въ Россіи и кавалера и Надежды Самсоновой, и дѣвица Любовь-Эсфирь-Шарлотта Лекюйе, родившаяся въ семъ городѣ 10-го Флореаля, VIII-го года, дочь Филиппа-Іосифа Лекюйе, бывшаго мера сего города, члена выборнаго совѣта Сѣвернаго департамента, внесеннаго въ списокъ выборныхъ департамента въ палату депутатовъ и Любви-Генріетты Бюро. сочетались бракомъ одиннадцатаго Ноября 1818-го года“.

Въ 1902 году съ двумя моими сестрами я посѣтила мѣсто рожденія бабушки, городокъ Лекенца, по сосѣдству съ которымъ въ различныхъ городахъ Сѣвернаго департамента проживаютъ потомки ея многочисленной родни. Вездѣ насъ принимали съ сердечнымъ радушіемъ. Желая показать намъ подлинную брачную запись нашихъ дѣда и бабки, одинъ изъ нашихъ родственниковъ съѣздила въ меерію Лекенца, чтобы заблаговременно отыскать и приготовить старыя списки. Это было въ разгаръ Франко-Русскихъ симпатій: почему тогдашній меръ города съ свойственной Французамъ любезностью устроилъ намъ торжественную встрѣчу. Ночью, наканунѣ нашего пріѣзда, на улицахъ были воздвигнуты арки съ надписями, выражающими сочувствіе Франко-Русскому союзу. Къ вокзалу желѣзной дороги, гдѣ собралось много народу, была подана одна изъ немногочисленныхъ каретъ города, принадлежащая меру; въ мееріи при нашемъ входѣ музыка заиграла Русскій гимнъ. Меръ презентовалъ намъ цвѣты и бѣлые хлѣбцы, долженствовавшіе изображать Русскую хлѣбъ-соль, и затѣмъ, поднявъ бокалъ, привѣтствовалъ насъ рѣчью, гдѣ вспоминались родители бабушки и выражались пожеланія долгоденствія союзу Русскаго народа съ Французскимъ. Видно было по всему, что семья бабушки, члены которой уже всѣ разсѣялись по различнымъ болѣе значительнымъ городамъ Франціи, оставила въ Лекенцѣ по себѣ добрую память. Мы посѣтили также двухъэтажный небольшой домъ Филиппа Лекюйе, стоящій на городской площади, и обширный соборъ, росписанный пестрыми арабесками, гдѣ совершалось бракосочетаніе дѣвицы Лекюйе съ майоромъ Новоингерманландскаго полка Г. Н. Черняевымъ. Говорятъ, городъ мало съ тѣхъ поръ измѣнился. Мирное полуфранцузское, полуфламандское населеніе продолжаетъ жить прежнею, тихою провинціальною жизнью. Окрестности города изобилуютъ зеленью, своимъ видомъ и флорой напоминаютъ среднюю полосу Россіи и очень сходны съ природой Могилевской губерніи. Отъ городскихъ укрѣпленій остались кое-гдѣ земляные валы, поросшіе вѣтвистыми ивами. Центръ города составляетъ огромная площадь, выложенная, какъ и всѣ улицы и тротуары, тесанымъ камнемъ, въ промежуткахъ котораго часто проби-

вается яркая, зеленая травка, придающая площади колоритъ мира и покоя. Соборъ, очень обширный, красивой Романской архитектуры, и старинное зданіе ратуши составляютъ главное украшеніе города и площади, среди хорошенькихъ большею частію двухъэтажныхъ домиковъ. Улицы кое-гдѣ разнообразятся вывѣсками скромныхъ магазиновъ; всюду чистота, порядокъ и тишина за отсутствіемъ экипажей и ѣзды по улицамъ. Надоѣла провинціалу эта жизнь, онъ могъ по прекраснымъ шоссированнымъ дорогамъ, обсаженнымъ деревьями въ прежнее время, а нынѣ по желѣзнымъ дорогамъ, проѣхать поразвлечься въ ближайшіе большіе города, каковыя Лиль, Валансьенъ, Монсъ, Брюссель и даже Парижъ. Если мы сравнимъ этотъ благоустроенный городокъ съ нашими губернскими безалаберно-грязными и безпорядочными городами, то нельзя не отдать преимущества Французской провинціи. Такова была обстановка, въ которой выросла жена Григорія Никитича Черняева, и жизнь въ Русской и теперь еще глухой деревнѣ должна была, сто лѣтъ почти тому назадъ, показаться ей очень своеобразной.

Много, разумѣется, было пролито слезъ при отъѣздѣ молодыхъ Черняевыхъ изъ Лекенца, такъ какъ бабушка была очень привязана къ своимъ роднымъ. но покидала она отчій домъ не одна: за ней слѣдовала, въ качествѣ слуги и друга, ея однолѣтка и вѣрная наперсница Софй, которую дѣти Григорія Никитича любили и уважали. Съ преданностью и самоотверженіемъ служила эта прекрасная женщина семьѣ Черняевыхъ до самой кончины, раздѣляя заботы бабушки по воспитанію ея осемнадцати дѣтей, изъ которыхъ девятеро достигли преклоннаго возраста. остальные же умирали во младенчествѣ. Семейныя заботы усугублялись еще тѣмъ, что Григорій Никитичъ часто мѣнялъ мѣста службы, выходилъ въ отставку, поселялся въ деревнѣ и снова поступалъ на службу.

Послѣ свадьбы Григорій Никитичъ намѣревался основаться въ Тубышкахъ, и потому молодымъ супругамъ предстояло длинное и утомительное путешествіе. Прибывъ изъ заграницы въ предѣлы Могилевской губерніи, они должны были ѣхать по проселочнымъ дорогамъ, прорѣзавшимъ безконечныя лѣса, тогда почти сплошь покрывавшія губернію. Временами лѣсъ прекращался, и по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись открытыя холмистыя пространства. всюду окаймленные лѣсомъ. Частію приходилось имъ ѣхать по широкимъ дорогамъ съ каменными верстовыми столбами безконечной, прямой лентой уходившими въ даль, обсаженнымъ еще существующими громадными березами. Дороги эти прорѣзали Могилевскую губернію по случаю проѣзда Екатерины Вели-

кой по Могилевской губерніи на Югъ и составляютъ и теперь еще одну изъ красотъ края.

Ко времени прїѣзда Черняевыхъ въ Тубышки, Николай Исаевичъ скончался. Изъ братьевъ же Григорія Никитича тамъ проживалъ только Петръ Никитичъ со своею молодой красавицей женой, Кассильдой Михайловной. Угождая ей, Петръ Никитичъ очень порастроилъ общее состояніе братьевъ и продалъ имѣнье „Кривое“. Кассильда Михайловна вздумала даже обижать свою новую молодую и кроткую родственницу: но вѣрная Софи энергично вступилась за ея выгоды, давъ отпоръ несправедливымъ притязаніямъ.

Григорій Никитичъ, послѣ вскорѣ послѣдовавшей смерти брата своего, сталъ хозяйничать и улучшать растроенное имѣніе; Кассильда же Михайловна, овдовѣвъ, навсегда покинула Тубышки. Хотя съ тѣхъ поръ ничто уже не нарушало семейнаго покоя бабушки, она скучала въ деревнѣ и тосковала по своимъ роднымъ во Франціи. Вѣроятно молодую Француженку поражали бѣдность и неопрятность ея крѣпостныхъ подданныхъ, ихъ курныя хаты и порождаемыя всѣмъ этимъ болѣзнь глазъ, которая и теперь очень распространена среди Бѣлоруссовъ, несмотря на значительно улучшенныя гигиеническія условія. Старики, знавшіе бабушку, помнили, что она убѣждала крестьянъ при всякомъ удобномъ случаѣ соблюдать опрятность, какъ необходимое условіе для сохраненія здоровья.

2-го Января 1820 г. черезъ годъ съ небольшимъ послѣ женитьбы, Григорій Никитичъ просился въ отставку и былъ уволенъ отъ службы за раню, по высочайшему повелѣнію, въ чинѣ подполковника. Лѣтъ пять прожилъ онъ занимаясь хозяйствомъ въ деревнѣ, гдѣ жена родила ему въ 1821 г. первенца-сына, названнаго Филиппомъ въ честь отца ея, Филиппа Лекюйе. Затѣмъ въ 1824 году, подъ вліяніемъ ли жены, скучавшей въ глухой деревушкѣ, подъ давленіемъ ли сильно растроеннаго братомъ состоянія, при увеличивавшемся семействѣ, онъ былъ назначенъ въ городъ Измаилъ полицмейстеромъ, получилъ за время своего тамъ пребыванія Анну второй степени съ алмазами и по предписанію Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, князя Воронцова перемѣщенъ на должность Бессарабскаго оберъ-форштмейстера.

Здѣсь, въ Бендерахъ, у Черняевыхъ родились дочь Александра и сынъ Михаилъ, слабенькій и болѣзненный мальчикъ, о рожденіи котораго при поступленіи его въ кадетскій корпусъ было выдано слѣдующее свидѣтельство:

По указу Его Императорскаго Величества, изъ Кишиневской

Духовной Дикастеріи, вслѣдствіе прошенія отставнаго полковника Григорія Никитича, сына Черняева, выдано сіе свидѣтельство за подписомъ и съ приложеніемъ печати, сыну его Михаилу, для представленія онаго при поступленіи въ корпусъ въ томъ, что актъ рожденія и крещенія его по метричнымъ Бендерской соборной Преображенской церкви книгамъ состоитъ записанъ такъ: № 26. Тысяча восемьсотъ двадцать седьмаго года, Октября двадцать втораго дня, Бессарабскаго областнаго оберъ-форштмейстера, подполковника Григорія Никитина сына Черняева, Православнаго исповѣданія, и законной жены его Шарлотты Филиповой дочери, Католическаго исповѣданія, родился сынъ Михаилъ, котораго города Бендеръ умершій протоіерей Григорій Глижинскій молитвовалъ, а крестилъ управляющій Бендерской протопопіею, протоіерей Ѳеодоръ Перепяткевичъ, тысяча восемьсотъ двадцать восьмаго года. Апрѣля тринадцатаго дня. Восприѣмниками были Бендерской инженерной команды командиръ, подполковникъ и кавалеръ Григорій Петровъ сынъ Черкасовъ и восприѣмница жена генералъ-маіора и кавалера Тимофѣя Иванова сына Збіевскаго, Анна Иванова дочь Збіевска. Кишеневъ, Маія 14 дня, 1829-го года.

Вскорѣ послѣ рожденія сына Михаила, Григорій Никитичъ, уступая желанію жены повидаться съ родными, беретъ годовой отпускъ въ предѣлы Французскаго королевства и со всей семьей отправляется въ далекое и трудное путешествіе. Пріѣхавъ во Францію, Черняевы посѣтили не только стариковъ Лекюйе, жившихъ въ Лекенуа, но объѣздили родственниковъ въ ближайшихъ городахъ. Во время этого путешествія, въ Валнеснѣ родилась младшая и любимая сестра Михаила Григорьевича Елисавета.

Едва успѣвъ вернуться къ мѣсту своей службы, въ Бендеры, Григорій Никитичъ черезъ годъ снова беретъ четырехмѣсячный отпускъ во Францію, послѣ чего выходитъ въ отставку и поселяется въ Тубышкахъ вплоть до своего назначенія начальникомъ города Бердянска, въ 1835 году. Свое послѣднее пребываніе въ деревнѣ онъ ознаменовалъ построеніемъ небольшого каменнаго храма во имя Святителя Николая на могилахъ своихъ родныхъ и убѣдилъ мѣстныхъ крестьянъ, тогда поголовно причислявшихся къ униатскому толку, вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, „перейти въ Православіе“. Архитектурнымъ образомъ для него послужилъ кафедральный Іосифовскій соборъ въ Могилевѣ, построенный въ чистомъ Греческомъ стилѣ, украшенный колоннами, съ однимъ круглымъ, вѣнчающимъ его куполомъ. Тубышской храмъ стоитъ неподалеку отъ помѣщичьяго дома, на небольшомъ, овальнаго вида холмикѣ, обсаженномъ кругомъ липами и березами. Изъ подъ нихъ открывается прекрасный, полный спокойствія и мечтательности видъ на зеленые пригорки и передѣски, на миниатюрную долинуку

небольшой рѣчки Вабича, протекающей неподалеку мимо холмика съ восточной стороны и на расположенныя вправо по ней крестьянскія хаты, длинной вереницей уходящія вдаль.

Храмъ Божій Григорій Никитичъ снабдилъ цѣнной утварью и всѣмъ необходимымъ и выдѣлилъ изъ своего имѣнья участокъ для причта, построивъ для него помѣщеніе. Въ храмѣ, въ память отца своего, имъ была помѣщена икона Св. Никиты Исповѣдника налѣво отъ сѣверныхъ вратъ, а подъ нею мѣдная доска, на которой позднѣе вырѣзанъ гербъ Черняевыхъ съ слѣдующею надписью: „Подъ храмомъ симъ погребены рабы Божіи изъ рода Черняевыхъ Исаія, Никита, Надежда, Ипполитъ. Упокой Господи души ихъ и сотвори имъ вѣчную память. 1851 г. 30 Генваря“.

Коснувшись церкви села Тубышекъ, будемъ продолжать дальнѣйшее описаніе ея судьбы. Послѣ Крымской войны, проживавшій въ Бердянскѣ съ 1835 г. Григорій Никитичъ поручилъ сыну своему, Михаилу Григорьевичу продать Тубышки, которые переходили съ тѣхъ поръ изъ рукъ въ руки до 1887 г., когда Михаилъ Григорьевичъ снова приобрѣлъ это имѣнье и засталъ мѣстный храмъ въ печальномъ видѣ, такъ какъ Поляки-помѣщики, разумѣется, о немъ не заботились. Цѣнная утварь, пожертвованная Григоріемъ Никитичемъ, была замѣнена оловянной, убранство и ризница храма обветшали до крайности, отъ домовъ причта не осталось и слѣда. Приходъ, въ печальную эпоху сокращенія приходовъ въ 70 годахъ, былъ упраздненъ, и церковь приписана къ сосѣднему приходу. Купивъ имѣнье въ 1887 г., покойный отецъ мой тотчасъ же сталъ ходатайствовать о возстановленіи самостоятельнаго прихода, обязуясь построить домъ для причта и отвести потребное количество земли подъ ихъ усадьбы. Онъ получилъ отказъ на свою просьбу подъ предлогомъ малой доходности прихода. „Мудрено ли, что штунда и невѣріе растутъ при такомъ отношеніи къ дѣлу духовнаго вѣдомства?“ написалъ онъ на полученномъ имъ офиціальномъ отказѣ, и обратился вторично къ К. П. Побѣдоносцеву, не теряя надежды на благопріятный исходъ своего добраго начинанія, и только на шестой годъ вторичное его ходатайство было, наконецъ, уважено, и въ Тубышкахъ возстановленъ самостоятельный приходъ съ назначеніемъ причту казеннаго содержанія. До своей кончины отецъ мой съ неусыпнымъ и трогательнымъ вниманіемъ относился къ нуждамъ храма, собственноручно занося въ церковную книгу каждый пожертвованный имъ предметъ. Онъ выписалъ изъ Сербскаго монастыря Св. Романа иконостасъ походной церкви и утварь (даръ Москвичей 1876 г., посланный ему въ Сербію), замѣнивъ ею убогую утварь

сельскаго храма. Тамъ же были имъ помѣщены и другія воспомина- нія той достославной эпохи Славянскаго единенія: великолѣпная хо- ругвь отъ общества Московскихъ хоругвеносцевъ, сдѣланная по точ- ному образцу той, которою благословила Троицко-Сергіева лавра Дмит- рія Донскаго на борьбу съ невѣрными; серебряная, крестообразная икона на древѣ, присланная на поле битвы въ Сербію тою же лаврою и наконецъ небольшая икона Свв. Симеона и Саввы, прекрасной кисти Сербскаго художника, благословеніе митрополита Михаила, (скромный даръ, которымъ очень дорожилъ Михаилъ Григорьевичъ, какъ един- ственнымъ знакомъ вниманія, полученнымъ имъ изъ Сербіи). Вскорѣ послѣ открытія прихода, онъ замѣнилъ ветхій, деревянный навѣсъ для колоколовъ каменной колокольней, для которой Москвичами, съ С. Т. Мо- розовымъ во главѣ, былъ пожертвованъ за годъ до кончины моего отца прекрасный звонъ колоколовъ. „Тронутый до глубины души этимъ вниманіемъ Москвичей къ одному изъ самыхъ глухихъ уголковъ нашей обширной родины“, писалъ М. Г. „гдѣ я впервые научился любить ее и гдѣ теперь заканчиваю свои дни, я всею душою присоединяюсь къ прихожанамъ и приношу мою сердечную признательность вамъ. Савва Тимофеевичъ, за то, что вы отнеслись ко мнѣ теперь съ тѣмъ же сочувствіемъ, съ какимъ относился ко мнѣ покойный Тимофей Саввичъ“. Колокольня, украшенная башенными часами со звономъ, стоитъ съ западной стороны на самомъ краю холмика, служащаго подножіемъ храму. Отъ прилегающаго къ колокольнѣ каменнаго крыльца внизъ спускается лѣстница къ аллеѣ, обсаженной осиновыми деревьями, ведущей къ небольшому лугу, на которомъ Михаиломъ Григорьевичемъ было выстроено церковно-приходское училище. Обширный классъ его, увѣшанный портретами царствующаго дома Романовыхъ прекраснаго изданія Бороздина (боеваго товарища моего отца по Кавказу) свободно вмѣщаетъ въ себѣ болѣе семидесяти учениковъ. Справа и слѣва отъ школы онъ выстроилъ на свои скромныя средства домъ для причта, одѣливъ его усадебной землей.

Года за два до кончины Михаилъ Григорьевичъ былъ занятъ но- выми заботами о возстановленномъ его стараніями приходѣ. Построен- ная его отцомъ церковь по размѣрамъ своимъ скорѣ напоминала ча- совенку и могла вмѣстить только десятую часть прихожанъ. Онъ задумалъ или выстроить въ болѣешихъ размѣрахъ храмъ по точному образцу существующаго или расширить его пристройкой. Изъ экономическихъ соображеній онъ остановился на послѣднемъ и поручилъ дѣло знако- мому инженеру. На этомъ смерть пресѣкла его заботы о храмѣ, возлѣ котораго онъ успокоился вѣчнымъ сномъ. Въ настоящемъ 1908 г.,

въ десятилѣтнюю годовщину кончины Михаила Григорьевича, освященъ преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ Гомельскимъ, расширенный и перестроенный храмъ села Тубышекъ, частію на средства Св. Синода, частію на мѣстные пожертвованія. Онъ украшенъ нынѣ, кромѣ прежнихъ хранившихся въ немъ воспоминаній, прекраснымъ иконостасомъ*) и двумя вещественными выраженіями вниманія къ памяти почившаго: иконой Михаила Архангела въ большомъ кіотѣ отъ бывшихъ сотоварищей его по Дворянскому полку (кадетскому корпусу) и серебрянной хоругвою, сдѣланной изъ вѣнковъ, со всѣми бывшими на нихъ надписями.

Вернемся къ прерванному нами разсказу.

За послѣдній періодъ пребыванія Григорія Никитича въ Тубышкахъ семья его состояла изъ двухъ сыновей: Филиппа 17 лѣтъ, находившагося въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, Михаила девяти лѣтъ и трехъ дочерей. До освобожденія крестьянъ количество земли въ имѣннѣ равнялось 1500 десятинамъ, послѣ 1861 г. оно сократилось до 340 десятинъ. Фольварокъ помѣщался между двумя деревнями: собственно Тубышками и деревней Слободкой. Подспорьемъ къ хозяйству служили двѣ мукомольныя мельницы, стоявшія на рѣчкѣ Вабичѣ, протекающей по имѣнью.

Семья помѣщалась въ двухъ небольшихъ деревянныхъ домахъ въ семь-восемь комнатъ. Между этими домами Николай Исаевичемъ былъ выстроенъ каменный глубокій, съ толстыми стѣнами погребъ, въ которомъ онъ, по преданію, хранилъ цѣнныя вещи. Одной стороною дома эти были обращены на обширный дворъ окаймленный хозяйственными постройками и службами, съ другой фруктовымъ и липовымъ садомъ.

Построивъ прежде храмъ, дѣдъ мой сталъ заготовлять кирпичъ для каменнаго дома, предназначивъ для него мѣсто на высокомъ пригоркѣ, съ крутымъ скатомъ къ рѣчкѣ; но, переселившись въ Бердянскъ, такъ и не осуществилъ своего намѣренія; кирпичъ не былъ употребленъ въ дѣло и, размытый дождями, образовалъ небольшой бугоръ на пригоркѣ, теперь уже заросшій травой.

Живя въ своемъ имѣннѣ, Григорій Никитичъ былъ насадителемъ Русскаго духа въ краѣ исконно-Русскомъ по племенному составу народа и тѣмъ не менѣе былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Польскими помѣщиками. Получивъ воспитаніе въ лучшемъ по тогдашнему времени учебномъ заведеніи, зная языки и много повидавъ въ чужихъ краяхъ во время своихъ долголѣтнихъ странствованій, онъ невольно привле-

*) По рисунку художника Верхотурова и имъ же росписанъ.

калъ въ свой домъ сосѣдей. которые прїѣзжали къ нему выкурить трубку, послушать новостей изъ выписываемыхъ дѣдомъ газетъ и журналовъ и побесѣдовать о томъ что въ „Гишпаніи дѣлается“.

Девятилѣтній сынъ его Михаилъ проводилъ время, какъ почти всѣ дѣти тогдашнихъ помѣщиковъ. Онъ ходилъ на охоту съ отцемъ. вооруженный небольшимъ ружьемъ. катался на плоту по рѣченкѣ Вабичу со своей младшей и любимой сестрой Лизой. съ которой сохранилъ дружбу до ея кончины, ѣздилъ верхомъ. гулялъ по лѣсамъ и пр. Но уже и въ тѣ годы онъ не только игралъ и рѣзвился, но выказалъ большую охоту къ книгамъ, особенно къ историческимъ сочиненіямъ. любовь къ которымъ никогда у него съ тѣхъ поръ не изсякала. Попавшая въ его руки книга „Ядро Россійской Исторіи“ П. В. Нехочина стала въ то время предметомъ его ревностнаго изученія.

Когда государь Николай Павловичъ торжественно отпраздновалъ на мѣстѣ сраженія двадцатилѣтіе Бородинской годовщины. Григорій Никитичъ поѣхалъ туда, получивъ приглашеніе какъ одинъ изъ участниковъ и взявъ съ собою малолѣтняго сына своего. Вѣроятно боевыя воспоминанія отца, часть которыхъ была воспроизведена передъ глазами впечатлительнаго ребенка на Бородинскомъ полѣ, и чтеніе исторіи подготавливали въ Михаилѣ Григорьевичѣ будущаго военачальника и политическаго дѣятеля.

Въ 1835 г. Григорій Никитичъ снова поступилъ на службу сначала въ Измаиль, а оттуда черезъ годъ былъ переведенъ на мѣсто старшаго полицмейстера въ Кіевъ, гдѣ начальствовалъ генералъ-губернаторъ Гурьевъ. Въ это время Кіевъ посѣтилъ государь Николай Павловичъ и объявилъ свое монаршее благоволеніе мѣстному полицмейстеру.

Григорій Никитичъ. не рѣшаясь отослать сына своего по слабости здоровья въ Петербургъ въ военно-учебное заведеніе. помѣстилъ его въ Кіевскую классическую гимназію. откуда вскорѣ перевелъ въ гимназію Могилевскую. потому что снова бросилъ службу въ Кіевѣ и поселился въ Тубышкахъ.

Въ этой гимназіи Михаилъ Григорьевичъ дошелъ до третьяго класса. а по знанію Латинскаго языка до изученія Корнелія Непота и запомнивъ изъ него выдержки наизусть до старости. Этому своему первоначальному знанію одного изъ древнихъ языковъ онъ придавалъ большое значеніе. сочувствуя классицизму. какъ прочному основанію своего дальнѣйшаго образованія.

„Въ 1840 г. пишетъ Михаилъ Григорьевичъ въ своей статьѣ „Наше военное воспитаніе“ (въ „Русск. Вѣстникѣ“ за Январь 1890 г.)

я взять былъ изъ пансіона инспектора въ Могилевѣ и отданъ къ учителю математики Оршанской гимназіи Н., воспитаннику Педагогическаго Института съ тѣмъ, чтобы онъ подготовилъ меня въ Дворянскій полкъ. Передъ Рождествомъ меня взяли въ деревню. Когда я возвратился въ Оршу послѣ праздниковъ, я не засталъ уже Н. Меня отдали въ пансіонъ къ М., гдѣ я пробылъ до Святой, такъ какъ отецъ мой, опасаясь, что я не выдержу экзамена, рѣшилъ отправить меня заблаговременно въ Петербургъ, въ одинъ изъ приготовительныхъ пансіоновъ, существовавшихъ тогда при каждомъ военно-учебномъ заведеніи“.

Съ этихъ поръ Михайлъ Григорьевичъ навсегда покинулъ отчій кровъ, но сохранилъ о Тубышкахъ, гдѣ онъ впервые позналъ дружбу отца и ласки матери, самыя свѣтлыя воспоминанія. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что по окончаніи своего образованія онъ могъ рѣдко и на короткіе сроки посѣщать своихъ престарѣлыхъ родителей, жившихъ въ Бердянскѣ.

Вмѣстѣ съ отцомъ моимъ была отправлена въ Петербургъ младшая сестра его. Елисавета Григорьевна въ лучшій въ то время пансіонъ для дѣвицъ, Заливкиной. Дѣти доѣхали до мѣста назначенія на долгихъ подъ покровительство вѣрной Софій и дядьки. Корятя Коновалова, пережившаго своего питомца и скончавшагося въ Тубышкахъ въ глубокой старости.

Въ Петербургѣ Григорій Никитичъ поручилъ дѣтей своихъ семьѣ генерала Хитрово, женатаго на младшей сестрѣ его, Юліи Никитичнѣ. Михайлъ Григорьевичъ ходилъ къ нимъ въ отпускъ изъ корпуса, чѣмъ и ограничивалось ихъ попеченіе. Генералъ Хитрово, когда-то, во время Италійской компаніи, взявшій въ плѣнъ генерала Груші, былъ вдовецъ и доживалъ вѣкъ на скудную пенсію вмѣстѣ съ двумя уже пожилыми, чопорными и чванливыми дочерьми-дѣвицами. Онѣ убѣдили старика-отца покинуть очень хорошее, занимаемое имъ мѣсто дивизіоннаго командира въ Одессѣ и переѣхать въ Петербургъ, гдѣ оба брата ихъ служили въ гвардіи. Здѣсь же онѣ стали очень тяготиться своимъ матерьяльнымъ положеніемъ, вспоминая бывшее благополучіе. Свое домашнее хозяйство онѣ вели такъ безпорядочно, что Михаилу Григорьевичу иногда приходилось проводить у нихъ грустные праздники въ нетопленной квартирѣ. Онѣ печально окончили свои дни, получая нищенскую послѣ отца пенсію и постоянно пользуясь поддержкой своего двоюроднаго брата. Михайлъ Григорьевичъ вскорѣ послѣ поступленія въ корпусъ сталъ на отличномъ счету по ученію и по поведенію и былъ произведенъ сначала въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ и въ ефрейторы, однако не избѣгъ жестокаго наказанія за куре-

ніе табака. Директоръ корпуса, извѣстный своею жестокостію генералъ П. былъ лишень своего мѣста за то, что засѣкъ на смерть одного изъ своихъ воспитанниковъ. Имъ было дано приказаніе, чтобы кадеты тотчасъ послѣ того какъ кончали свое утреннее одѣваніе, въ однихъ курточкахъ выходили на дворъ и бѣгали тамъ нѣкоторое время. (Одна зима была особенно сурова, что повлекло за собою множество легочныхъ заболѣваній среди кадетъ. и лазаретъ все болѣе и болѣе переполнялся. Главный врачъ рѣшился обратить на это вниманіе генерала П., совѣтуя ему прекратить утреннія прогулки. „Ничего, пусть продолжаютъ“ возразилъ на это директоръ, „такъ закаляютъ желѣзо“. Подобная система воспитанія дѣйствительно содѣйствовала подбору самыхъ крѣпкихъ организмовъ. Поступивъ въ корпусъ хилымъ мальчикомъ, отецъ мой значительно окрѣпъ тамъ и затѣмъ обладалъ желѣзною выносливостію и здоровьемъ. Лучшимъ образцомъ военно-учебныхъ заведеній онъ считалъ корпусъ Николаевскаго времени, гдѣ жизнь составляла сколокъ съ жизни солдата и гдѣ съ поступленія до производства въ офицеры товарищи не разставались: важное условіе, питавшее духъ единенія въ войскахъ.

О своемъ пребываніи въ корпусѣ Михайлъ Григорьевичъ сохранилъ доброе воспоминаніе; суровость тамошняго воспитанія смягчалась и озарялась личнымъ постояннымъ, неусыпнымъ и поистинѣ отеческимъ вниманіемъ и заботливостію государя Николая Павловича и его брата, великаго князя Михаила Павловича.

Черезъ годъ по отѣздѣ сына Михаила въ Петербургъ Григорій Никитичъ навсегда покинулъ Тубышки. Онъ, какъ видѣли читатели, часто мѣнялъ мѣста службы и выходилъ въ отставку. Причиной этому былъ его горячій вспыльчивый нравъ, унаслѣдованный и сыномъ, нравъ прямой и честный, никогда не дававшій ему мириться съ малѣйшимъ уклоненіемъ отъ правды.

Князь М. С. Воронцовъ, хорошо его знавшій и цѣнившій по заслугамъ, неоднократно убѣждалъ его снова вступить на службу. Отецъ Григорія Никитича, Никита Исаевичъ имѣлъ постоянныя, непосредственныя дѣловыя сношенія съ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, отъ котораго у него сохранилось нѣсколько писемъ. Вѣроятно это и было первоначальнымъ поводомъ сношеній князя Воронцова съ Григоріемъ Никитичемъ. Въ 1841 году онъ былъ вызванъ изъ отставки княземъ Михаиломъ Семеновичемъ, убѣдившимъ его принять мѣсто начальника порта и города Бердянска, только что тогда возникавшаго. Вотъ какъ самъ Григорій Никитичъ въ запискѣ, озаглавленной „Краткій очеркъ города Бердянска“, описываетъ его

возникновеніе, послѣ предварительнаго вступленія, касающагося географическаго и торговаго положенія прибрежной полосы Азовскаго моря.

„1835 г. ознаменовался построеніемъ впервые немногихъ хлѣбныхъ амбаровъ въ ничтожномъ рыбацьемъ селеніи Бердянскѣ. Названіе усвоено безмолвному, прибрежному уголку, гдѣ изрѣдка показывались зрителю безобразныя жилища человѣческія, разсыяныя по площади низменно песчаной равнины, очевидно обязанной морю образованіемъ своимъ въ глубинѣ залива, у подошвы господствующей горы средней высоты. Такъ какъ природные Мариупольскіе граждане, стремясь къ умноженію массы дѣлъ своихъ, противопоставляли торгующему сословію иностранцевъ не совсѣмъ удобопзбѣжимую преграду, то сін послѣдніе, въ легчайшее отклоненіе сего, рѣшились испросить у правительства открытіе тамъ (въ Бердянскѣ) таможенной заставы для предназначенной цѣли. Просьба ихъ была уважена: вслѣдъ затѣмъ застава воспріяла свое дѣйствіе въ минувшемъ 1836 г., къ осуществленію каковаго начинанія окончательно содѣйствовалъ его сіятельство. князь М. С. Воронцовъ, учредитель и рачительный покровитель сего вновь возникшаго порта. Между причинами, существенно благопріятствовавшими неукоснительному производству здѣшной коммерціи, слѣдуетъ сдѣлать упоминовеніе о достаточно сложныхъ произведеніяхъ, коими ежегодно снабжается она отъ Нѣмецкихъ поселеній, входящихъ въ составъ нашего уѣзда и въ особенности лежащихъ по теченію рѣки Молочной. Народъ сей, будучи одаренъ умѣренною и дѣятельною природою, въ продолженіи какого нибудь десятилѣтія, путемъ стойкаго и копотливаго труда, успѣлъ создать себѣ вполне заслуживающее соревнованія непоколебимое благосостояніе, слѣдовъ коего тщетно искать у соприкосновенныхъ имъ Ногаевъ. Татарскаго племени. Вблизи Бердянска и въ окружности его безпорядочно разбросаны Ногайскія деревни, обитатели коихъ, безразлично взирая на появленіе въ ихъ землѣ приморскаго портоваго города, возбуждавшаго отъ усыпленія окрестныя народы, остались недоступны цивилизації, косяща въ первобытной заматорѣлой безопасности своей, поражающей нескончаемую нищету“.

Въ цятилѣтній періодъ со времени открытія таможенныхъ заставъ въ Бердянскѣ экспортная его торговля, преимущественно вывозъ пшеницы, достигла почти девятнадцати милліоновъ рублей серебромъ.

Много было противниковъ возникновенія Бердянскаго порта. являвшагося соперникомъ Мариуполю, но дальнѣйшая судьба города доказывала вѣрность мнѣнія князя Воронцова и удачный его выборъ

градоначальника, павшій на Г. Н. Черняева, который управлялъ городомъ и портомъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ, до 1855 г. и много трудился и для его благоустройства и для развитія его торговли. Бердянская таможня открыта вслѣдствіе его неотступныхъ ходатайствъ. Волнорѣзъ также обязанъ ему своимъ существованіемъ, хотя строился уже безъ его участія. Онъ первый провелъ среди Бердянскихъ купцовъ мысль о необходимости устроить для мѣстнаго порта молъ и убѣдилъ ихъ учредить четырехъ-копеечный сборъ въ пользу городского порта, который былъ высочайше утвержденъ по ходатайству князя Воронцова. Благодаря заботливости дѣда моего, Бердянскъ украсился городскимъ садомъ, который содержался въ такомъ порядкѣ, что князь Воронцовъ, тонкій любитель садоводства, восхищался его насаженіями при своихъ ежегодныхъ посѣщеніяхъ города. Большая соборная церковь была начата и окончена при Черняевѣ. Имъ же въ теченіи двухъ лѣтъ на огромной, пустой площади былъ выстроенъ гостинный дворъ и возведены лучшія въ городѣ постройки. Однимъ словомъ, принявъ въ свое вѣдѣніе нѣсколько рыбацкихъ хижинъ на берегу Азовскаго моря, онъ преобразилъ это мѣсто къ началу Крымской войны въ благоустроенный по тому времени портовый городъ. Не смотря на тревожное военное время, только въ Маѣ 1855 г., когда непріятельская эскадра показалась на Бердянскомъ рейдѣ, Григорій Никитичъ отправилъ жену свою со всѣми дѣтьми за сто верстъ отъ Бердянска въ село Большой Токмакъ, гдѣ семья его прожила до Сентября мѣсяца, самъ же онъ неотлучно находился на своемъ посту. Въ Ноябрь того же года, неожиданно для дѣда моего, былъ присланъ полковникъ Делавѣ на его мѣсто, что разумѣется глубоко оскорбило его. Онъ потребовалъ производства надъ собою слѣдствія, результатомъ котораго было его оправданіе и выходъ въ отставку съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

Въ то время какъ Григорій Никитичъ долженъ былъ оберегать при помощи нѣсколькихъ инвалидовъ портъ и городъ Бердянскъ, сынъ его сражался въ продолженіи всей осады Севастополя на Малаховомъ курганѣ. По окончаніи войны онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ неправдѣ, обрушившейся на его престарѣлаго отца, и обратился, если не ошибаюсь, къ князю Васильчикову, съ нижеслѣдующимъ письмомъ:

„Ваше сіятельство. Благодарность, которую вы оказывали мнѣ во время службы моей подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ и участіе, принятое вами въ дѣлѣ отца моего, подали мнѣ смѣлость утруждать васъ просьбой выслушать всѣ обстоятельства дѣла и просить для него вашего покровительства“.

„Отецъ мой въ 1841 г. вызванъ былъ изъ отставки его свѣтлостію, княземъ Воронцовымъ. въ должность начальника Бердянска, объявленнаго тогда торговымъ городомъ, и находился на этомъ мѣстѣ до конца 1856 г. Въ Крымскую кампанію, какъ только вѣсти о занятіи непріателемъ Керчи достигли до Бердянска, отецъ мой, испрашивавшій у начальства инструкціи, но, не получавшій ея, убѣдилъ негоціантовъ уступить по низкой цѣнѣ для арміи всю сложенную въ Бердянскъ пшеницу (около 300 тысячъ четвертей) и донесъ объ этомъ Симферопольскому военному губернатору. Графъ Адлербергъ прибылъ немедленно въ Бердянскъ, самъ условился въ цѣнѣ съ негоціантами и взялъ съ нихъ подписку. Еще разрѣшенія не послѣдовало. какъ непріятельская эскадра вступила въ портъ и чрезъ парламентаря требовала учрежденія два раза въ недѣлю базаровъ, чтобы экипажъ могъ закупать для себя свѣжую провизію. Отецъ мой отказалъ ему въ этомъ, ссылаясь на то, что все имущество вывезено и въ городѣ осталась только небольшая часть жителей для наблюденія за домами. Нѣкоторые изъ купцовъ, опасаясь, чтобы отказъ не навлекъ на нихъ участи постигшей другіе города Азовскаго моря, тутъ же вызвались, вопреки словамъ отца моего, доставить сто штукъ порціоннаго скота. Такъ какъ непріятельская эскадра нуждалась только въ ежедневномъ продовольствіи, то парламентаръ потребовалъ всего шесть штукъ. Отказывать долже значить подвергать городъ со всѣми запасами, сторгованными для арміи, опасности быть сожженными за шесть штукъ скота, которые очевидно не могли принести непріятелю большой пользы, а потому отецъ мой приказалъ доставить требуемый скотъ на счетъ виновныхъ. Обо всемъ этомъ было донесено сейчасъ графу Адлербергу и въ донесеніи не упомянуто даже именъ виновныхъ. Главнокомандующій, освѣдомленный о происшедшемъ черезъ графа Адлерберга, приказалъ немедленно виновныхъ заковать и привести, какъ государственныхъ преступниковъ, въ Симферополь, всѣмъ жителямъ безъ исключенія удалиться изъ города, а отцу моему съ полутора сотнями козаковъ, въ случаѣ покушенія непріятеля, выйти на берегъ и препятствовать силою оружія.

Исполняя повелѣніе главнокомандующаго, семидесятилѣтній старецъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ казаками подъ огнемъ непріятеля, въ то время какъ баронъ Ферзенъ, состоявшій при главной квартирѣ, производилъ слѣдствіе въ двадцати верстахъ отъ Бердянска. По слѣдствію этому всѣ причастные къ дѣлу были оправданы; одинъ отецъ мой признанъ виновнымъ: въ ложномъ донесеніи объ измѣнѣ, въ допущеніи безпорядковъ и въ слабости, не соответствующей съ занимаемой имъ должностію. Не стану опровергать перваго обвиненія: оно

такъ важно, что не могло бы остаться безъ суда, если бы было справедливо. Допущеніе безпорядковъ опровергается самою невозможностью устранить ихъ. если только они были, съ шестью полицейскими служителями, въ виду непріятеля, въ городѣ, населенномъ иностранцами и водворившимися бѣглецами. Въ чемъ обнаружена слабость его, — не знаю“.

„Къ кому отецъ мой ни прибѣгалъ съ просьбой о защитѣ. никто не отказалъ ему въ участіи: доказательство его невинности. Но, томясь болѣе года одними ожиданіями, онъ потерялъ надежду дожить до своего оправданія. Считаю себя въ правѣ и обязаннымъ быть ходатаемъ отца своего, я рѣшаюсь обратиться къ вашему сіятельству, прося для него не снисхожденія, а одной справедливости и законнаго возмездія за его полувѣковую безкорыстную службу, за его раны. 19 Января 1857 г. Могилевъ на Днѣпрѣ. Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорный слуга М. Черняевъ“.

„Находятъ, что я сталъ очень похожъ на отца моего“ (говаривалъ Михаилъ Григорьевичъ подъ старость, и это сходство видимо радовало его) „да и обстоятельства нашей служебной жизни имѣютъ много сходства: и онъ, какъ и я, оканчивалъ свой вѣкъ оскорбленный и обдѣленный“.

Дѣду моему послѣ всѣхъ неудавшихся попытокъ добиться правды не оставалось ничего другаго, какъ признать неизмѣнимой совершившуюся по отношенію къ нему несправедливость, хотя нравственно онъ никогда съ нею примириться не могъ. Онъ не разстался съ созданнымъ имъ Бердянскомъ, а продолжалъ жить въ давно уже приобрѣтенномъ на приданое жены домикѣ съ садомъ. Семья его въ то время состояла изъ старушки жены его, вѣрной и преданной Софій и двухъ малолѣтнихъ дочерей, Надежды и Анны, такъ и оставшихся навсегда при родителяхъ. Остальныя дѣти были разсѣяны по бѣлу свѣту, кто на службѣ, кто со своими мужьями. Младшій сынъ Григорія Никитича Николай былъ посланъ шестилѣтнимъ ребенкомъ изъ Бердянска въ Петербургъ, въ Павловскій малолѣтній корпусъ, гдѣ такъ называемые ротные командиры или воспитатели были женщины. 18 лѣтъ отъ роду онъ былъ выпущенъ за отличіе въ гвардію и тогда впервые послѣ разлуки посѣтилъ родителей. Пріѣхавъ въ Бердянскъ, онъ сталъ отыскивать родительскій домъ и, встрѣтивъ на пути старика военнаго, обратился къ нему съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ генералъ Черняевъ. Такова была встрѣча престарѣлаго отца съ сыномъ своимъ. Подъ гостепріимный кровъ стариковъ Черняевыхъ въ Бердянскъ постоянно стекались всѣ дѣти, особенно часто замужнія дочери со всѣми

своими чадами и домочадцами, жившія въ различныхъ городахъ Таврической губерніи.

Бабушка до конца своей жизни не научилась хорошо говорить по русски, за то дѣти ея свободно изъяснялись на Французскомъ языкѣ; однако сыновья во время пребыванія въ корпусѣ, гдѣ Французскій языкъ не преподавался, теряли способность бѣглой разговорной рѣчи. По внѣшнему же виду бабушка совершенно обрусѣла, носила волосы гладко причесанные на проборѣ, прикрывая ихъ бѣлымъ, гофрированнымъ чепцомъ съ завязками у вѣрота. Каждое Воскресенье она ѣздила въ церковь въ экипажѣ, запряженномъ старой бѣлой лошадыю, которую держали только для этого. Отдавшись всецѣло мужу и дѣтямъ, она никогда не могла забыть своихъ родныхъ во Франціи и вела съ ними постоянную переписку. На всѣхъ письмахъ ея лежитъ неизмѣнный отпечатокъ грусти о покинутыхъ ею родныхъ и сердечной къ нимъ привязанности, даже на тѣхъ, которыя писались ею двадцать лѣтъ спустя по ея отъѣздѣ. Одинъ изъ ея племянниковъ, семидесятилѣтній старецъ, украшенный красной петличкой *Légion d'honneur*, доживавшій свой вѣкъ въ небольшомъ городкѣ Сѣвернаго департамента Дуэ, передалъ мнѣ бережно хранимыя имъ какъ драгоценныя реликвіи письма бабушки моей къ его покойной матери. Приводимъ въ переводѣ одно изъ ея писемъ 1866 года. „Дорогая сестра, спѣшу отвѣтить тебѣ на письмо твое отъ втораго Февраля, полученное мною съ великой радостью, возбужденною твоей обо мнѣ памятыю. Ахъ, дражайшая сестра, если бы ты знала, какъ я люблю тебя, какъ часто думаю о тебѣ и о всѣхъ твоихъ, и какъ грущу при мысли о томъ, что не имѣю болѣе надежды васъ когда либо увидѣть въ силу громаднаго разстоянія, насъ разъединяющаго, и моего преклоннаго возраста. Я часто удручена тоской, возбуждаемой во мнѣ этими мыслями. Но что дѣлать! Увы, нужно покориться роковой судьбѣ. Но не дашь ли ты мнѣ, дорогая Люба, хоть однажды удовольствіе принять тебя, что доставить большую радость мнѣ и всей семьѣ моей. Не откажи мнѣ, дорогой другъ, въ этой просьбѣ. Приди въ объятія обожающей тебя всѣмъ сердцемъ сестры твоей. Если ты часто видишь сестру нашу Лидію, которая живетъ такъ близко отъ тебя (помнить ли она еще обо мнѣ?), передай ей и мужу ея выраженіе моей сердечной дружбы. Прошу тебя сообщить мнѣ все, что ты знаешь о нашихъ братьяхъ, сестрахъ, племянникахъ и племянницахъ. Я интересуюсь всѣми, хотя думаю, что большая часть ихъ меня позабыла. Ты желаешь узнать о положеніи каждаго изъ дѣтей моихъ. Мой старшій сынъ, Филиппъ, въ чинѣ маіора, служить въ кавалеріи; онъ не женатъ. Мой второй сынъ, Михайлъ,

котораго ты видала малымъ и хилымъ ребенкомъ, нынѣ генералъ, состоитъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ Туркестанскаго края, который онъ покорилъ. О немъ часто говорятъ Русскія и иностранныя газеты. До сихъ поръ карьера его очень удачна. Вскорѣ онъ долженъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы жениться на дочери покойнаго генерала Вульфберта, которую очень хвалятъ во всѣхъ отношеніяхъ. Третій мой сынъ, Николай, поручикъ гвардіи Его Величества. Онъ живетъ въ Варшавѣ уже три года и тоже не женатъ. Старшая моя дочь, Александра, живетъ въ настоящее время подъ однимъ кровомъ съ нами, вмѣстѣ съ своими тремя дѣтьми. Четвертая ея дочь, восемнадцати лѣтъ, скончалась пять мѣсяцевъ тому назадъ; я не могу ее забыть и часто горько ее оплакиваю, такъ она была мила и интересна. Несчастливая ея мать неутѣшна. (Затѣмъ слѣдуетъ опускаемое нами описаніе семейнаго положенія остальныхъ трехъ дочерей). Надѣюсь, что я удовлетворила тебя моими свѣдѣніями и что ты послѣдуешь моему примѣру. Мужъ мой былъ очень тронутъ памятью о немъ, шлетъ тебѣ свой сердечный привѣтъ и мысленно обнимаетъ тебя. Дѣти мои цѣлуютъ у тебя руки и поручаютъ передать тебѣ, что были бы счастливы съ тобой познакомиться. Они просятъ тебя не отказать мнѣ въ этой просьбѣ. Софія тебѣ кланяется. Мы здоровы, хотя и очень уже стары. Прижимаю тебя мысленно къ сердцу моему, цѣлую тебя тысячу разъ. Любящая тебя сестра Е. Черняева“.

Григорій Никитичъ дожилъ до глубокой старости и, обладая желѣзнымъ здоровьемъ, не смотря на рану и боевыя труды своей молодости, ходилъ за годъ до своей смерти на охоту, стрѣлая и читая безъ употребленія очковъ. Онъ скончался въ 1869 г., горячо оплаканный женою и дѣтьми. „Мое несчастіе никогда не изгладится изъ моей памяти“, писала бабушка во Францію. „Въ подобномъ горестномъ событіи только вѣра и разумъ могутъ насъ поддерживать. Благость Божія не совсѣмъ меня покинула, даровавъ мнѣ такихъ добрыхъ и любящихъ дѣтей; которыя не знаютъ какъ мнѣ выказать свою любовь, успокоить меня и утѣшить мою скорбь. Это придаетъ мнѣ силу и крѣпость побороть мое горе“.

Черезъ одиннадцать лѣтъ по смерти мужа своего скончалась и бабушка моя. Послѣдній годъ ея жизни былъ для нея тяжелымъ испытаніемъ: она была парализована и почти потеряла сознаніе. Самоотверженно ухаживавшія за нею дочери ея Надежда Григорьевна и Анна Григорьевна переносили се съ постели на кресло.

За нѣсколько времени до своей кончины дѣдушка снялся совмѣстно съ женой и съ младшею дочерью Анной Григорьевной. На фотогра-

фической карточкѣ онъ сидитъ скрестивши ноги въ непринужденной позѣ, держась прямо, положивъ одну руку на колѣно, а въ правой держа большую сигару. Одѣтъ онъ въ военное, просторное, домашнее пальто, шея повязана широкимъ чернымъ галстукомъ. Общій обликъ лица очень напоминаетъ сына его Михаила Григорьевича. Небольшие, умные, живые глаза спокойно смотрятъ вдаль. Посѣдѣвшіе, нѣсколько волнистые волосы окаймляютъ голову. Возлѣ него сидитъ бабушка въ домашнемъ широкомъ платьѣ съ бѣлымъ чепцомъ на гладко причесанныхъ волосахъ. Черты лица ея крупныя, спокойныя и нѣсколько расплывшіяся. Смотри на этотъ обликъ, никто не скажетъ, что это иностранка, Француженка. Правой рукой она нѣжно держитъ за руку дочь свою.

Отецъ мой, какъ видѣли читатели, выросъ не въ той исключительно Русской атмосферѣ, которой дышали наши предки въ коренныхъ губерніяхъ Россіи, однако самъ онъ слѣдующимъ образомъ очертилъ свой внутренній обликъ: „Меня встрѣчаютъ, чествуютъ, ласкаютъ; но за что же? Если за взятіе Ташкента, то Ташкентъ не принесъ еще пользы Россіи, ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи¹⁾; если за Сербскую кампанію, то Сербскій вопросъ закончился Берлинскимъ конгрессомъ. За что же меня ласкаютъ? Мнѣ думается, за то, что я и думаю, и чувствую, и дѣйствую порусски. Но мыслить, чувствовать и дѣлать порусски, не значитъ ставить Китайскую стѣну между Россіей и Европой. Это не исключаетъ пользы сближенія съ иностранцами. Пускай иностранцы приходятъ къ намъ въ Россію и зарабатываютъ себѣ хлѣбъ на Русской землѣ; но желательно, чтобы иностранцы на порогъ Россіи оставляли мысль о муштрѣ и не думали учить насъ. Пью за все Русское; душевно желаю, чтобы на Руси прекратились чествованія Русскихъ людей только за то, что они думаютъ и поступаютъ порусски“²⁾).

Тубышки.

30 Октября 1908 г.

Антонина Черняева.

¹⁾ По винѣ правителей края. А. Ч.

²⁾ Сказано проѣздомъ на генераль-губернаторство въ Ташкентъ (1882 г.) въ городѣ Самарѣ, въ Коммерческомъ собраніи. А. Ч.

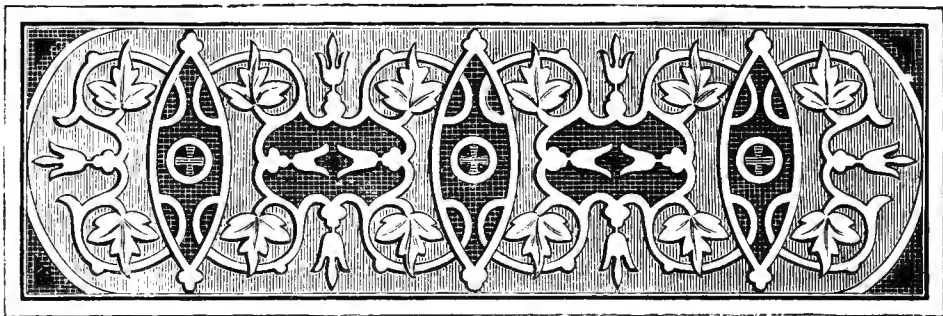
ИЗЪ БЕСѢДЪ СЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВЫМЪ.

Въ Іюнѣ 1877 г. фельдмаршалъ князь Барятинскій вызвалъ Черняева въ Петербургъ въ Зимній дворецъ изъ Финляндіи, куда тотъ ѣздилъ по частнымъ дѣламъ своимъ. Фельдмаршалъ въ то время думалъ, что его назначать главнокомандующимъ и что предполагается война съ Австріей. У князя Барятинскаго сидѣлъ Обручевъ въ то время, какъ пріѣхалъ Черняевъ. Князь прямо сказалъ Черняеву, что будетъ дѣйствовать съ нимъ, Скобелевымъ и Гуркою. „О каждомъ изъ васъ много толкуютъ и дурного, но до того нѣтъ дѣла: вы составили себѣ имя, а имя—сила, и я желаю ею пользоваться“. Прощаясь, онъ сказалъ, что въ скоромъ времени позоветъ къ себѣ. Прошла недѣля, Черняевъ опять пріѣхалъ; но тогда уже все было рѣшено, и князь объявилъ ему напрямикъ, что Государь не хочетъ дать ему команды, ссылаясь на состояніе его здоровья. „Да изволите видѣть: я совсѣмъ здоровъ.“ — „Знаю, знаю; но у меня будетъ на совѣсти, если ты отъ трудовъ и заботъ опять расхвораеться.“ Когда фельдмаршалъ уѣзжалъ изъ Царскаго Села, проводить его прибыли весьма немногіе. „Ну теперь, сказалъ онъ Черняеву, мнѣ осталось только сажать тюльпаны!“ Въ Февралѣ слѣдующаго года онъ умеръ въ Швейцаріи.

Въ Деревенькахъ, гдѣ Черняевъ еще прежде гостилъ у князя Барятинскаго цѣлый мѣсяцъ, про Д. А. Милютина онъ говорилъ, что онъ дѣйствительно вывелъ его въ министры; но вольно же было Государю позволить ему сдѣлаться констаблемъ всѣхъ нашихъ боевыхъ силъ? Однажды на Кавказѣ, еще въ скромной долѣ, онъ сталъ мнѣ говорить что, влюбленъ въ меня, но что прежде меня ненавидѣлъ. — „За что же?“ — „Вы мнѣ все казались аристократомъ.“ — „Да за кого же онъ самъ себя считалъ?“ прибавилъ князь.

Князь Барятинскій говорилъ Черняеву: „Какъ упалъ духъ въ Русскомъ войскѣ! Не нашлось ни одного генерала, который бы рѣшился ослушаться и занять Константинополь. Чего они боялись? Самое большое наказаніе было бы кандалы; но такіе кандалы почетнѣе Андреевской ленты.“ П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА НИКАНОРА.

На Уфимской кафедрѣ (1880—1882).

А П О Л О Г І Я.

Письмо К. П. Побѣдоносцева къ Никанору въ Уфу.

Преосвященнѣйшій владыко!

Въ числѣ множества доносовъ и жалобъ, ежедневно отовсюду ко мнѣ поступающихъ, поступила вчера безыменная записка изъ Уфы, снятая посредствомъ гектографа, очевидно въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для разсылки въ разные мѣста и разнымъ лицамъ. Я знаю, что такая же записка получена вчера и преосв. митрополитомъ Исидоромъ.

Опытъ показать мнѣ цѣну многихъ подобныхъ заявленій. Если вѣрить имъ и погрузиться въ море сплетень, безразлично въ нихъ помѣщаемыхъ, то пришлось бы всѣхъ безъ исключенія дѣятелей признать черными и преступными людьми: нѣтъ мѣста откуда не присылались бы подобныя записки, въ коихъ, по повѣркѣ, оказывается наибольшая доля клеветы и лжи.

За всѣмъ тѣмъ и имѣя въ виду, что означенная записка прислана не ко мнѣ одному и рассчитана, очевидно, на впечатлѣніе, которое можетъ произвести на многихъ, я призналъ за лучшее препроводить ее въ подлинникъ къ вашему преосвященству. Можетъ быть, и вы признаете за благо сообщить мнѣ нѣкоторыя по ней разъясненія, которыя я могъ бы при случаѣ передать и другимъ лицамъ, если до меня дойдетъ извѣстіе о полученіи ими той же записки. Я уже отмѣтилъ на поляхъ ея нѣкоторыя, очевидныя для меня несообразности. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего преосвященства покорный слуга К. Побѣдоносецъ.

Петербургъ. 7 Января 1882 г.

Объяснительная записка.

Получ. 6 Января.

Ваше высокопревосходительство!

Доведенные до крайности произвольными, противузаконными дѣйствіями епархіальнаго преосвященнаго епископа Никанора, мы, священники Уфимской епархіи, находимся вынужденными довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства въ общихъ чертахъ о болѣе выдающихся противузаконныхъ дѣйствіяхъ епископа Никанора.

Жить спокойно честному и трудолюбивому священнику въ Уфимской епархіи нынѣ стало невозможно. Почти каждый умный и честный священникъ, можно сказать, постоянно находится въ страхѣ за участь свою и своего семейства. Постоянная забота—это какъ бы не навлечь на себя чѣмъ либо гнѣва до крайности капризнаго, раздражительнаго и властолюбиваго архипастыря, такъ какъ малѣйшее нерасположеніе его сопровождается весьма часто грустными и печальными послѣдствіями: священникъ или переводится на худшее мѣсто, или отдается подъ судъ. Не будемъ говорить о томъ, что епископъ такого священника публично критикуетъ и бранить. Въ особенности подобными явленіями сопровождаются его грозныя ревизіи при обозрѣніи епархіи, при которыхъ епископъ положительно издѣвается надъ нелюбимыми имъ священниками въ глазахъ прихожанъ. Такія отношенія архипастыря къ подчиненному ему духовенству нерѣдко доводятъ кроткихъ и слабыхъ духомъ до окончательнаго разстройства здоровья и даже смерти. Такъ это случилось съ священникомъ села Березовки, Уфимскаго уѣзда, о. Малиновкинымъ, съ священникомъ села Багряшъ, Мензелинскаго уѣзда, о. Никольскимъ и съ протоіереемъ города Мензелинска о. Всесвятскимъ (человѣкомъ уважаемымъ прежними двумя епископами), который до того былъ тѣснымъ епископомъ Никаноромъ, что преданъ былъ свѣтскому уголовному суду, по дѣлу о перестройкѣ въ г. Мензелинскѣ сгорѣвшаго въ 1878 году собора и преданъ совершенно неправильно, а единственно съ тою цѣлію, чтобы, какъ говорится, доканать несчастнаго (въ этомъ убѣждена вся епархія), въ чемъ можете убѣдиться и ваше высокопревосходительство, вытребовавъ помянутое дѣло. Но безцеремонность преосвященнаго Никанора достигла высшаго предѣла злоупотребленія властію не только по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ епархіи вообще. Вашему высокопревосходительству, быть можетъ, не безызвѣстно, что въ Уфимской епархіи, по инициативѣ преосвященнаго Никанора, въ настоящее время, въ большомъ количествѣ размножаются приходы и строятся церкви: вмѣсто 200 приходовъ, теперь стало не менѣе 300.

Конечно, въ принципѣ мы не отвергаемъ пользы такого дѣйствія епископа. Уфимская епархія не скученная; есть приходы разбросанные, и потому въ извѣстныхъ мѣстахъ устройство церквей необходимо, что, впрочемъ, сознавали и прежніе епископы и также заботились объ этомъ, но только вели дѣло съ большею осторожностью и осмотрительностью—не вдругъ, а постепенно,

не обременяя крестьянъ и не въ обиду духовенству, словомъ, добросовѣстно-архипастырски, безъ всякихъ заднихъ мыслей. То ли мы видимъ теперь? Агенты епископа, благочинные, разъѣзжаютъ по приходскимъ деревнямъ, уговариваютъ крестьянъ, чтобы они изъявили согласіе на устройство церквей, не требуя отъ нихъ никакого обязательства касательно обезпеченія причтовъ и..... успѣваютъ въ этомъ. Но какъ они дѣйствуютъ въ этомъ святомъ дѣлѣ? Перѣдко обманомъ, угрозами и другимъ неблаговиднымъ образомъ, чтобы только угодить епископу. Бываетъ и такъ, что преосвященный (если крестьяне не соглашались на устройство церквей и образованіе приходовъ) самъ лично заставлялъ благочиннаго или приходскаго священника входить къ нему о томъ съ представленіемъ, на которомъ и дѣлается желаемое епископомъ разрѣшеніе, послѣ чего, конечно, слѣдуетъ присылка въ деревни священниковъ, которыхъ крестьяне встрѣчаютъ недуманно-негаданно, или отказываютъ въ приѣмъ имъ. Да и можно ли иначе образовывать въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ такое громадное количество приходовъ, если епархіальному начальству не принимать такихъ мудрыхъ пріемовъ?!

Устраивая такимъ образомъ церкви и размножая приходы, епископъ Пиканоръ оправдываетъ себя въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ необходимостью поднять черезъ это религіозно-нравственное состояніе народа. Но такъ ли это? На вновь открываемые такимъ порядкомъ приходы епископъ рукополагаетъ во священники, вопреки высочайше утвержденнымъ правиламъ (16 Апрѣля 1869 г.) большею частію (за весьма немногими исключеніями) лицъ, не имѣющихъ на то права, не только не получившихъ богословскаго образованія, но даже не окончившихъ курса уѣздныхъ училищъ, не бывшихъ псаломщиками, людей разныхъ сословій (мѣщанъ, крестьянъ и даже новокрещенныхъ Татаръ и Черемисъ), ни сколько не приготовленныхъ къ священническому сану и на столько малограмотныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ не умѣютъ порядочно читать и писать.*) Но что всего прискорбнѣе, это рукоположеніе епископомъ во священники людей заведомо дурнаго поведенія; таковые встрѣчаются даже изъ среды псаломщиковъ и діаконѳовъ неоднократно бывшихъ подъ судомъ, даже съ воспрещеніемъ по суду священнодѣйствія. Такъ, на примѣръ: діаконъ Мензелинскаго собора Б., два раза судившійся за буйные поступки съ воспрещеніемъ въ оба раза священнодѣйствія; діаконъ Уфимскаго собора Арх., судившійся за прелюбодѣянiе; юнкеръ Н. (сынъ члена консисторіи, священника Никитскаго), выгнанный изъ военной службы за воровство, посвященъ также во священническій санъ и назначенъ въ село Новотроицкое, Уфимскаго уѣзда. Правда, и самъ преосвященный сознаетъ недостойнства такихъ новопоставленныхъ имъ іереевъ, но оправдываетъ посвященія эти нуждою въ людяхъ. Между тѣмъ, тѣ, которые окончили курсъ въ семинаріяхъ, остаются *безъ мыслей*. Посвященіе во священнослужители въ настоящемъ году, а въ особенности со времени полученія указа Святѣйшаго Синода, которымъ

*) Въ семинаріяхъ кончаетъ курсъ Уфимцевъ отъ 11 до 14 человѣкъ. К. П. (Побѣдоносцевъ).

подтверждается епархіальнымъ архіереямъ посвящать въ священнослужители съ крайней осторожностію (въ страхъ Божіемъ) такъ велико, что не проходитъ ни одной недѣли, чтобы не были рукоположены 2—3 человѣка. Имѣющихъ же право на рукоположеніе посвящается очень мало. Отсюда понятно, можетъ ли быть полезна дѣятельность такихъ священнослужителей дѣлу Православія? Никогда. Это доказывается слѣдующими прежде никогда не бывшими фактами.

Въ Уфимской губерніи, Белебеевскаго уѣзда, жители деревни Каныбековой, старокрещенные изъ Магометанъ нынѣ всѣ отпали отъ Христіанства и совратились въ Магометанство; точно также совратились въ Магометанство жители села Мелеузъ, Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимской губ., бывшіе болѣе ста лѣтъ христіанами, о чемъ какъ первые, такъ и послѣдніе заявили публично его преосвященству, при обзорѣніи имъ епархіи въ семь 1881 году. Какъ въ деревнѣ Каныбековой, такъ и въ селѣ Мелеузахъ, приходскіе священники, малограмотные и заботящіеся единственно о вымогательствахъ съ прихожанъ за требоисправленія (что, кажется и послужило поводомъ къ отпаденію послѣднихъ отъ христіанства, по крайней мѣрѣ, будто бы, такъ было заявлено преосвященному). Понятно, что такіе священники—зло для епархіи. Если когда, то теперь настало самое удобное время для раскола, и смѣемъ увѣрить ваше высокопревосходительство, что расколъ въ Уфимской епархіи принимаетъ широкіе размѣры. Въ одномъ изъ уѣздовъ (Бирскомъ) такъ размножились секты хлыстовъ и скопцовъ, что въ послѣднее время ихъ арестуютъ цѣлыми сотнями; между тѣмъ, духовенство молчитъ, зная хорошо, что послѣ донесенія должно быть. Что касается до миссіи въ дѣлѣ обращенія инородцевъ въ Христіанство, то при такихъ порядкахъ и говорить объ этомъ нечего. Размноженіе въ епархіи священниковъ неучей, невѣждъ и людей безнравственныхъ отодвинетъ это дѣло далеко, далеко въ будущее.

Между тѣмъ, обращеніе язычниковъ—Чувашъ и Черемисъ (не говоримъ о Магометанахъ, потому что это страшные фанатики) въ Христіанство—дѣло доступное, по убѣжденію многихъ и, при теоретическомъ знаніи дѣла, можетъ быть приводимо умѣлой рукой въ практику. Въ этомъ дѣлѣ нужны не шумныя открытія обществъ и собранія членовъ (тѣмъ проявляетъ свою дѣятельность въ этомъ дѣлѣ епископъ Никаноръ), а 1-е) выборъ образованныхъ пастырей, знакомыхъ съ бытомъ идолопоклонниковъ, 2-е) теоретическая подготовка ихъ къ веденію миссіонерскаго дѣла, 3-е) открытіе въ инородческихъ деревняхъ школъ, учителями въ которыя посылать по возможности изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и 4-е) посвященіе ихъ, по ознакомленіи съ бытомъ и религіозными обрядами язычниковъ, во священники и опредѣленіе ихъ на мѣста окруженные язычниками. Между тѣмъ, лучшіе-то изъ священниковъ епархіи, извѣстные ревнители Православія, заслуженные пастыри, засвидѣтельствовавшіе свою дѣятельность не на бумагѣ только (какъ больше дѣлаетъ епископъ Никаноръ), а на дѣлѣ, подвергаются разнымъ гоненіямъ и притѣсненіямъ со стороны епископа. Выставлять много примѣровъ не будемъ, потому что неудобно. Укажемъ на одинъ. Достоуважаемый о. прото-

іерей Я., основатель и одинъ изъ лучшихъ дѣятелей Златоустовскаго братства, человѣкъ образованный, высоконравственный, бывшій нѣкогда членомъ консисторіи и десятки лѣтъ благочиннымъ, неоднократно подвергался за время управленія епархіей епископа Никанора разнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ со стороны послѣдняго (это могутъ подтвердить депутаты съѣзда). Протоіерей Яхонтовъ, избранный духовенствомъ благочиннымъ (по Златоустовскому округу) на второе трехлѣтіе, почему-то епископомъ не утвержденъ въ сей должности, а вмѣсто него назначенъ благочиннымъ священникъ молодой, дѣятельность котораго ничѣмъ особенно полезнымъ никому не извѣстна.

Говоря о размноженіи приходоу въ Уфимской епархіи, мы не можемъ не упомянуть и о томъ, въ какое ужасно бѣдственное положеніе ставится духовенство епархіи въ матеріальномъ отношеніи. Если и теперь нѣкоторые священники, не говоря уже о псаломщикахъ, затрудняются въ воспитаніи дѣтей, то что будетъ въ будущемъ, когда затѣя преосвященнаго Никанора пойдетъ такимъ же прогрессивнымъ путемъ? Духовенству остается одно: плакать и рыдать, а несчастнымъ дѣтямъ влечить жизнь наравнѣ съ крестьянскими дѣтьми. Воспитывать дѣтей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ станетъ положительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что ни при училищѣ, ни при семинаріи *нѣтъ общежитія* *), да вѣроятно, и не будетъ до тѣхъ поръ, пока на Уфимской кафедрѣ будетъ преосвященнымъ епископомъ Никаноръ, потому что подобныя дѣйствія, клонящіяся къ улучшенію быта духовенства, совершенно не входятъ въ программу дѣйствій преосвященнаго Никанора. А напротивъ.... Цѣлыя тысячи, которыя при прежнихъ преосвященныхъ шли отъ богатыхъ церквей епархіи на нужды духовныхъ училищъ и на обезпеченіе бѣдныхъ сиротъ епархіи, теперь поглощаются безразсудною расточительностію епископа, что особенно стало выдаваться въ послѣднее время. Въ первые годы управленія епископомъ Никаноромъ Уфимской епархіей, духовенство въ матеріальномъ отношеніи было имъ не слишкомъ стѣснено, и корыстныхъ видовъ его еще мало замѣчалось. Причиною сему, надобно полагать, были слѣдующія обстоятельства: бережливостію бывшаго епископа Уфимской епархіи Петра соблюдено было и сдано по архіерейскому дому въ экономію болѣе 3-хъ тысячъ руб. сер.; затѣмъ покойнымъ богатымъ Уфимскимъ помѣщикомъ Иваномъ Оедоровичемъ Базилевскимъ, жившимъ въ Петербургѣ и нерѣдко помогавшимъ г. Уфѣ денежными средствами, прислано было епископу Никанору (въ его распоряженіе) до 6-ти тысячъ руб. сер. Эти-то суммы, въ первые годы нахожденія на Уфимской кафедрѣ епископа Никанора, и удовлетворяли его прихотливые и безрасчетные расходы; но.. увы! этихъ денегъ достало не надолго: снова явилась нужда на удовлетвореніе кичливой пышности преосвященнаго, и.. вотъ онъ обращается въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою объ отпускѣ 12-ти тысячъ руб. сер., для ремонта (только годъ тому назадъ отремонтированнаго) архіерейскаго дома. Когда въ этой просьбѣ было отказано епископу Синодомъ, тогда онъ (епископъ) рѣшился вступить твердою ногою на почву своей па-

*) При семинаріи есть на 73 воспит., при училищѣ на 42 восп. К. П.

ства. Онъ обращаетъ вниманіе на монастыри, вытѣсняетъ всѣми уважаемаго настоятеля Уфимскаго Успенскаго монастыря игумена Кирилла, весьма полезнаго не только для монастыря, но и для города и его окрестностей, старца честнаго и дѣятельнаго, приведшаго въ должный порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ упавшій монастырь и, въ тоже время, практичнаго и опытнаго врача, подававшаго безмездно помощь всѣмъ нуждающимся. Епископъ вынуждаетъ его перейти въ другую епархію и затѣмъ ходатайствуетъ о припискѣ монастыря къ архіерейскому дому. Ходатайство уважено, и его преосв. остается полнымъ хозяиномъ монастыря. Такая удача заразительно дѣйствуетъ на его преосвященство и, вѣроятно, въ силу этого, онъ продолжаетъ изысканіе доходныхъ статей, обращая вниманіе на болѣе выдающіяся богатія церкви епархіи. Его преосвященству вдругъ пришла фантазія купить для себя двѣ кареты: зимнюю и лѣтнюю (хотя въ томъ и не было надобности, такъ какъ кареты при архіерейскомъ домѣ были еще довольно хорошія, но только „не современныя“, какъ выражался епископъ). Не долго думая, онъ пишетъ священнику села Табынска, Стерлитаманскаго уѣзда, настоятелю самой богатѣйшей церкви во всей епархіи, о. Зыскову, о присылкѣ ему на нужды архіерейскаго дома 1000 р. сер. изъ церковныхъ суммъ; о. Зысковъ ослушаться не посмѣлъ, воля епископа священна. Совмѣстно со своимъ причтомъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1880 г., о. Зысковъ представилъ епископу требуемые имъ 1000 руб. сер. при официальномъ рапортѣ, каковой рапортъ, какъ извѣстно намъ, епископъ сдалъ въ консисторію съ предложеніемъ „благодарить причтъ Табынской церкви“. На эти-то деньги покупается въ г. Казани лѣтняя карета. Такимъ же или подобнымъ способомъ приобрѣтенъ епископомъ и зимній возокъ. Но это только крупныя, извѣстныя всей епархіи *взяточничества* епископа Никанора. *А сколько мелкихъ и не только деньгами, но и вещами:* серебряныя иконы, солонки, гардеробъ, кабинетныя вещи и т. п. И все это подарено епископу по большей части людьми небогатыми, а иногда даже и бѣдняками. Словомъ, преосвященный Никаноръ употребляетъ всѣ средства и способы для обезпеченіе себя, хотя и безчестнымъ (смѣемъ такъ выразиться) путемъ. Даже находящуюся при кафедральномъ соборѣ чудотворную икону Казанской Божіей Матери онъ обращаетъ въ промыселъ. Распространивши съ ней ходъ по всей епархіи, преосвященный отдѣляетъ чуть ли *не половинную часть доходовъ для Крестовой*, изъ которыхъ *львиная часть идетъ ему самому*. Для скорости хода и большей выручки денегъ, преосвященный ввелъ небывалый и невиданный въ нашемъ краѣ обычай возить икону въ экипажѣ. Не будемъ уже говорить о томъ, что подобное нововведеніе крайне не нравится православнымъ хрістіанамъ; но что всего прискорбнѣе въ этомъ дѣлѣ, такъ это глумленіе Магометанъ, которые, при видѣ везущей икону Божіей Матери кареты, говорятъ: „ай, да Русскій Богъ нынче по возкамъ гуляетъ!“

Ваше высокопревосходительство! Не злоба или какая либо предвзятая мысль заставляетъ насъ о всемъ вышеизложенномъ довести до свѣдѣнія вашего, а единственно душевная скорбь о томъ, что подобныя дѣйствія епископа Никанора (святителя и архипастыря) какъ *взяточничество, стѣсненіе и угнетеніе подчиненныхъ, пышно-роскошная и даже безнравственная жизнь, пагубно дѣй-*

ствуютъ на врученную ему Богомъ паству; и какъ епископомъ Никаноромъ, всемилостивѣйше поставленнымъ главою духовенства Уфимской епархіи, съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ попираются законы дорогого для каждого Русскаго сердца отечества и высочайше преподанныя къ руководству и исполненію правила, во всемъ этомъ можно убѣдиться, если вашему высокопревосходительству благоугодно будетъ, по дарованной вамъ власти, согласно 1095 ст. уст. угол. судопроизводства, прежде предъявленія епископу Никанору настоящаго заявленія, для приведенія въ ясность дѣла, истребовать отъ секретаря Уфимской духовной консисторіи, въ 1-хъ: вѣдомость лицамъ, рукоположеннымъ епископомъ Никаноромъ во священный санъ въ 1880 и 1881-мъ гг., съ объясненіемъ свѣдѣній: изъ какого сословія происходитъ рукоположенный, какихъ лѣтъ, какое получилъ образованіе, какіе представилъ документы и не былъ ли за что либо судимъ и, во 2-хъ, копію или подлинный рапортъ причта села Табынска, при которомъ были представлены въ Февралѣ мѣсяцѣ 1880 г. незаконно истребованныя епископомъ Никаноромъ деньги 1000 руб. сер. и съ предложенія, даннаго по сему поводу консисторіи. За тѣмъ по приведеніи въ ясность означенныхъ обстоятельствъ, убѣдительноше просимъ ваше высокопревосходительство изъавить Уфимскую епархію отъ произвольныхъ, противузаконныхъ и пагубныхъ дѣйствій епископа Никанора, которыя принимаютъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. При этомъ осмѣливаемся доложить вашему высокопревосходительству, что хотя настоящее наше заявленіе и неподписано (по весьма понятной причинѣ, нежеланію быть гласными доносителями на своего начальника), но смѣемъ надѣяться, что доходящіе до высшей власти слухи могутъ служить законнымъ поводомъ къ начатію преслѣдованія лицъ, управляющихъ отдѣльными частями и допускающихъ противузаконныя дѣйствія. Въ случаѣ оставленія настоящаго нашего заявленія безъ вниманія, мы вынуждены будемъ предать противузаконныя дѣйствія епископа Никанора гласности посредствомъ печати; или же, составить депутацію и лично просить защиты и покровительства у Его Императорскаго Величества, нашего милостиваго монарха Александра Александровича, противъ всѣхъ незаконныхъ дѣйствій и угнетеній совершаемыхъ надъ нами, священниками Уфимской епархіи, нашимъ преосвященнымъ епископомъ Никаноромъ.

Уфа, 18 Декабря 1881 года.

**Отвѣтъ преосвященнаго Никанора на письмо оберъ-прокурора
Св. Синода К. П. Побѣдоносцева.**

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Первымъ долгомъ своимъ признаю выразить вашему высокопревосходительству глубочайшую мою сердечную признательность за высокое довѣріе, какое вы изволили явить присылкою возвращаемой при семъ безыменной записки, за высоко благородныя ваши слова, при которыхъ она препровождена и прибавить слѣдуетъ, за спасительный урокъ.

Исполняю затѣмъ и второй мой долгъ представить разъясненія по этой запискѣ съ искренностію и правдивостію, какими мой открытый характеръ всегда отличался, достойными вашего высокаго благородства.

Необходимость заставляеть разбить мое разъясненіе на части, по многосложности предметовъ, которыхъ анонимъ касается.

1) *О нѣзвѣности Уфимскаго епископа Никанора, издѣвательствѣ надъ духовенствомъ, о грозныхъ его ревизіяхъ при обозрѣніи епархіи и т. п.*

Св. Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ и Святѣйшій Синодъ въ своемъ посланіи внушаетъ епископу: засвидѣтельствуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ..... Я усиливался всегда исполнять эту священную заповѣдь по мѣрѣ моего умѣнія, по прирожденнымъ условіямъ моего холерико-сангвиническаго темперамента.

По напередъ всегда объявляемой одной и той же программѣ въ свои ревизіи Уфимской епархіи я посѣтилъ всѣ монастыри и приходы (кромѣ одного залитаго во время ревизіи 15-ти верстнымъ весеннимъ разливомъ); обозрѣлъ всѣ, кромѣ одной, церкви, молитвенные дома и почти всѣ часовни (лежавшія на пути, всѣ до единой); посѣтилъ почти всѣ въ селахъ кладбища и многія въ деревняхъ, всѣ какія лежали на пути; посѣтилъ всѣ открытыя по пути во время моей поѣздки училища, всѣ больницы, всѣ остроги, въ острогахъ всѣ камеры, общія и одиночныя, карцеры, кухни, тюремныя церкви (двѣ) и молитвенныя камеры. Въ каждой церкви неотложно обозрѣваю всю утварь, мирницы, крестильные ящики, дарохранительницы, всякій шкафъ и коммодъ, въ коммодѣ всякій ящикъ, церковную библіотеку, старостинскій ящикъ неотложно. При церквахъ всегда вхожу во всякую кладовую и сторожку; всякую церковь обхожу кругомъ сперва внутри, обозрѣвая святыя иконы, шкафы и проч., а затѣмъ и снаружи, обозрѣвая внѣшній видъ церквей, могилы, посадку деревъ, ограду и проч. Посѣтилъ почти всѣ сторожки и во дворахъ церковныхъ. Посѣщая всѣ открытыя по пути училища, одно даже языческое (лучше многихъ христіанскихъ даже по знанію Христіанства), я переспросилъ почти всѣхъ учениковъ и ученицъ, или въ училищахъ, или въ церквахъ и на полянахъ (при встрѣчахъ). Кромѣ того въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ (при встрѣчахъ) переспросилъ очень много, цѣлыя тысячи дѣтей (отъ 8 до 16 и выше лѣтъ) обоого пола. Посѣтилъ всѣхъ (за весьма немногими намѣренными исключеніями) священниковъ, многихъ діаконовъ, псаломщиковъ и просвирень, почти всѣхъ добропорядочныхъ учителей и учительницъ, многихъ сельскихъ старшинъ, церковныхъ старостъ и благотворителей храмовъ и училищъ. Во всѣхъ селахъ и деревняхъ (по пути при встрѣчахъ) благословлялъ

истовымъ крестомъ всѣхъ до единой души, старыхъ и малыхъ и младенцевъ грудныхъ, такъ что приходилось стаивать (только благословляя народъ, особенно при освященіи церквей, не одного прихода, а цѣлой окрестности, не двигаясь съ одного пункта) по цѣлымъ часамъ, при освященіяхъ церквей послѣ 4-хъ часоваго священнодѣйствія. Думаю, что, благословляя отдѣльно каждаго, я благословилъ не только многія сотни тысячъ, но и больше.

Въ каждой деревнѣ при встрѣчѣ выхожу къ народу неотложно, не смотря на грязь, дождь и слякоть, грозу и холодъ. Всегда при встрѣчѣ кланяюсь выносимой святынѣ, цѣлую хлѣбъ-соль и, преподавъ общее благословеніе, спрашиваю всѣхъ всегда заблаговременно выдвигаемыхъ впередъ дѣтей. При этомъ знаніе вѣры оказывалось почти всегда ниже всякой воображаемой степени. Тѣхъ же дѣтей здѣсь же всегда распрошу: учить ли ихъ, спрашиваетъ ли о чемъ либо, объясняетъ ли что либо батюшка-священникъ? Дѣти всегда выкладываютъ истину на чистоту. Затѣмъ бесѣдную съ старшими, преподаю всѣмъ до единого архіерейское благословеніе; если вблизи, то посѣщаю деревенское кладбище и отбываю въ путь. Уже по деревнямъ, еще не въѣзжая въ село, знаю всегда, каковъ священникъ по дѣятельности, по учительству. О нравственныхъ недостаткахъ священника не только не поднимаю вопроса, но стараюсь даже по возможности замѣть иногда возбуждаемый народомъ разговоръ. Тѣмъ не менѣе нерѣдко приходится выслушивать настойчивыя просьбы, даже рѣзкія заявленія народа и объ этомъ невеселомъ предметѣ. Если въ деревнѣ имѣется часовня и встрѣча чинилась за околицею, иду съ народомъ пѣшкомъ въ часовню, въ преднесеніи принесенной на встрѣчу святыни. При этомъ случалось по обѣимъ сторонамъ иногда большихъ деревень подойти къ каждому столу, стоящему у каждаго воротъ, облобызать положенную на немъ святыню и хлѣбъ-соль и преподавать вышедшимъ изъ каждаго дома архіерейское благословеніе. Если встрѣча чинится у часовни, лобызаю святыню, хлѣбъ-соль, спрашиваю дѣтей (это неотложно) и вхожу въ часовню. Если имѣется священникъ, поется входная литія. Если священника не имѣется на лицо, поемъ сами со свитою тропарь празднику, царскій тропарь, Отче Нашъ, Символъ Вѣры, въ пасхальное до Вознесенія время пасхальныя стихиры и т. п. Въ селахъ, если народомъ встрѣча чинится за околицей, совершивъ по возможности, по условіямъ мѣста, все вышеописанное, иду пѣшкомъ по всему селу въ преднесеніи принесенной на встрѣчу святыни, иногда съ пѣніемъ священныхъ пѣсней, почти всегда напередъ распросивъ дѣтей при встрѣчѣ. Если народная встрѣча дѣлается (большею частью) у вратъ церков-

ныхъ, лобызаю вынесенную святыню и хлѣбъ-соль и, преподавъ общее благословеніе, почти всегда бесѣдную съ дѣтьми и затѣмъ уже вступаю въ храмъ. Во храмѣ слушаю входную литію, при удобствѣ слушаю какую либо службу церковную, утреню, обѣдню, панихиду, молебствіе. Въ алтарѣ, преподавъ благословеніе причту, пѣвцамъ, старостѣ, попечителямъ, осматриваю св. алтарь подробно, начавъ отъ центра, отъ св. престола по периферіи стѣнъ, всегда однимъ и тѣмъ же порядкомъ, справа надѣво противъ солнца. При этомъ раскрою каждый шкафъ, загляну въ каждую амбразуру въ стѣнахъ или иконостасѣ, выдвину каждый ящикъ, погляжу и подъ одежду престола и жертвенника, осмотрю, подержу въ рукахъ всякую священную утварь, всякое кадило, всякій стеклянный пузырекъ, всякую губку, платочекъ, полотенце и т. п. При такомъ порядкѣ обзора отъ опытнаго взгляда можетъ ускользнуть весьма и весьма немногое.

Вотъ здѣсь уже начинается то, что Анонимъ называетъ „публичнымъ издѣвательствомъ надъ нелюбимыми священниками“. Это началось съ перваго года моего здѣсь пребыванія и продолжалось включительно до предпоследняго 1881 г., въ разѣ принятомъ, пока еще не ослабѣвающимъ порядкѣ. По этому анонимъ неточенъ: нелюбимыхъ священниковъ у меня нѣтъ, съ первыхъ годовъ нельзя было ими и обзавестись. Начинаются замѣчанія всѣмъ, въ чемъ либо неисправнымъ. Въ первые три года я самъ все это собственноручно тутъ же въ алтарѣ и въ церкви, записывалъ въ свою памятную книжку, а въ послѣдніе два года записывалъ главнѣйшее старшій спутникъ мой. Вотъ причту церковному и священникамъ во первыхъ говорится: „небрежно креститесь“ (если что либо подобное, а очень часто, замѣчается), „неправильно благословяете, не такъ кланяетесь. Зачѣмъ у васъ прическа косымъ пробормомъ? За свѣтскостью гоняетесь. Нарукавники рубашки спрячьте. Воротнички-то зачѣмъ выставили? Запрещено еще указомъ императора Александра I. Да и модная шляпа-цилиндръ валяется на окнѣ. Да, кажись, подъ епитрахилью и ряса на распашку“ (бывало и это) и пр. Въ мирницѣ, въ переносной дарохранительницѣ, въ крестильномъ сосудѣ замѣчается иногда то, что замѣтилъ еще Св. Димитрій Ростовскій. Все это выставляется настоятелю на видъ и записывается. „Не такъ ризы сложены“, говорится и пишется, „отъ этого онѣ скоро загниваютъ. Запасные святыя сосуды не поставлены, а положены подъ подоломъ ризъ, подризниковъ и проч. Пѣнія никакого, поетъ одинъ причетникъ. Въ богослуженіи дѣлаются такіе-то ошибки“ и т. п. Конечно, хорошее, добропорядочное, прекрасное, достойное подражаемое называется по имени и отмѣчается всегда съ такою же фотографическою точностію.

Обозрѣвъ алтарь и поклонившись престолу Господню, выхожу предъ иконостасъ. Здѣсь, поклонившись святынѣ и преподавъ общее благословеніе всѣмъ предстоящимъ, вступаю въ среду дѣтей, всегда заблаговременно выстроенныхъ впереди народа, дѣтей не учившихся (отдѣльно) и учившихся въ училищахъ, мальчиковъ и дѣвочекъ. Первымъ долгомъ заставляю читать молитвы. Оказывается нерѣдко, что не учившіяся въ школахъ не знаютъ никакой молитвы, ни даже Во имя Отца и Сына.....; чаще всего знаютъ одну „Богородицу“. При этомъ даже у тѣхъ, которые иногда читаютъ ту или другую молитву, разумнѣя большею частью никакого при всѣхъ моихъ усиліяхъ доискаться такового. Спрашиваю всегда: „Видѣли-ль образъ Иисуса Христа, Богородицы, Святителя Николая?“ Слишкомъ часто получается отвѣтъ: „не видали“, и оказывается дѣйствительно, что не видали. „Какой вы вѣры, въ кого вѣруете?“ Случалось получать отвѣты: „Сухаревской“ (по селу), „Ивановой“ (по отцу), „Нирской, Мірской, даже никакой, не знаю“, нечасто „Русской“, рѣдко „христіанской“, слишкомъ рѣдко „православной“. А эти вотъ (крещенные Татары) какой вѣры, нашей, или не нашей? Почти всегда отвѣтъ: „не нашей, крещенской“. Почему же не нашей? Даже старики отвѣчали: „да у нихъ все иное“. Отъ учениковъ училищъ отвѣты получаютъ всегда болѣе или менѣе разумные, въ разныхъ степеняхъ, однако же, въ инородческихъ миссіонерскихъ училищахъ почти всегда далеко лучшіе отвѣты, чѣмъ въ лучшихъ Русскихъ. А случалось не одинъ разъ, что и ученики училищъ не могутъ отличить образъ Христовъ отъ образа Святителя Николая. По испытаніи дѣтей среди церкви, всегда поднимаюсь на солею и объясняю народу: „такъ вотъ видите, что и какъ дѣти ваши знаютъ“. И все это до буквы дѣтскихъ отвѣтовъ отмѣчается въ записной моей книжкѣ, такъ что изъ моихъ путевыхъ записей, сведенныхъ во едино, выросло у меня цѣлыхъ пять томовъ. Чтеніе ихъ поразительно. Священники часто тутъ только и узнаютъ, чего ихъ прихожане не знаютъ (иногда легендарные стихи, апокрифныя молитвы, рѣдко, но случалось и это; вездѣ заявлялось, что гулевыхъ пѣсень знаютъ помногу). Затѣмъ съ высоты солеи начинаю съ дѣтьми читать диктантомъ Символъ Вѣры (который знаютъ изъ неученыхъ дѣтей немногіе), или Молитву Господню, или Деятели (Деятели въ этомъ краѣ народу совсѣмъ почти неизвѣстно) и толкую. Въ послѣдній (1881) г. во всякой церкви толковалъ я о томъ, *что такое крамола*, по секретному соглашенію съ г. губернаторомъ. Затѣмъ, преподавъ архіерейское благословеніе отдѣльно всѣмъ до единой души, всегда иду отъ лѣваго клироса вокругъ церкви около стѣнъ церковныхъ. Вотъ убогая плащаница въ разбитомъ ящикѣ. Вотъ плащаница прибита на уголъ окна неблагоудѣшно....

Библіотека церковная слишкомъ далека отъ желаемого: догматики, церковной исторіи никакой, катехизиса, книги правилъ нѣтъ, апологетическихъ книгъ ни слѣда (почти нигдѣ, не смотря на мои настоянія), въ великолѣпномъ переплетѣ красуется Церковно-общественный Вѣстникъ; даже Библіи нѣтъ (бывало и дома, у священниковъ, нѣтъ и въ церкви нѣтъ). Спрашиваю тутъ же стоящаго священника: „Не читаете Библіи, никогда она вамъ не понадобилась?“ Отъ одного ученаго священника получилъ отвѣтъ: „не читаю, глаза болятъ“; чрезъ два года, на вопросъ: „а что теперь успѣли почитать Библію?“ получилъ отъ него же отвѣтъ: „мнѣ доктора запрещаютъ читать, глаза слабы“; затѣмъ, поправившись, прибавилъ: „Новый Завѣтъ читалъ“. Пока еще этотъ странный пастырь остается на томъ же прекрасномъ, но совершенно запущенномъ приходѣ. Очень часто въ библіотечномъ дѣлѣ священники, даже изъ семинаристовъ, обнаруживаютъ полнѣйшую несостоятельность. Разосланная мною по всѣмъ церквамъ Священная Исторія протоіерея М. И. Богословскаго нерѣдко стоитъ не разрѣзанная. Однажды спрашиваю почтеннѣйшихъ ученыхъ, настоятеля и его помощника, въ богатѣйшей церкви: „вы получили исторію о. протоіерея Богословскаго?“ „Нѣтъ не получали“. А я вынимаю ее изъ библіотечнаго шкафа, гдѣ она стояла на самомъ виду, въ новомъ блестящемъ переплетѣ, и подставляю подъ глаза настоятеля и его помощника. Въ другомъ мѣстѣ спрашиваю толковаго, но неученаго священника: „Отчего же вы не разрѣзали исторію Богословскаго? Она вамъ прислана, чтобъ вы читали ее сами и народу толковали“, и получаю отъ священника отвѣтъ: „не призналъ нужнымъ“.

Приступаемъ къ старостинскому ящику. Староста не видалъ старостинской инструкціи (очень часто, а въ первую мою ревизію постоянно). Устройство ящиковъ неправильное, опечатаніе невѣрное, иногда и вовсе не имѣется печати тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Благочинный, мѣстный священникъ и староста здѣсь же при народѣ объясняютъ, совершенно наивно и резонно, не понимая важности своихъ признаній, что всѣ деньги (свѣчныя, кошелековыя, изъ разнородныхъ кружекъ) у нихъ собираются и складываются въ одно мѣсто, а потомъ помѣсячно или въ концѣ года росписываются и раскладываются по разнымъ статьямъ. Случалось уличать (очень нерѣдко), что мѣсячной повѣрки и не бываетъ. Нерѣдко деньги тутъ же въ ящикѣ у старосты и хранятся, а не въ особой крѣпкой кладовой по правилу. Случалось находить наличность несогласною съ записью, находить деньги подъ ключомъ только старосты въ неопечатанномъ ящикѣ (все равно, что у него въ карманѣ), находить подъ ничтожнымъ запоромъ большія суммы до

2000 р. А благочинный, причтъ и староста тутъ же при народѣ защищаются, даже спорять. отстаиваютъ свои безпорядочные порядки: „у насъ всегда такъ“. „Да поймите же“, говоришь имъ, „не всѣхъ же васъ отдавать подъ судъ“. Эта фраза такъ часто мною повторялась вездѣ, что газетная сплетня переименовала ее будто бы въ мою постоянную угрозу „отдать всѣхъ подъ судъ“. Въ послѣднюю ревизію напелъ разъ въ старостинскомъ ящикѣ цѣлый складъ (около 13 фунтовъ) поддѣльныхъ свѣчей и ни одной изъ церковно-епархіальныхъ складовъ. Это бываетъ и въ другихъ церквахъ, не смотря на всѣ предписанія епархіальнаго начальства и настоянія епархіальныхъ сѣздовъ. Вотъ сундуки стоятъ въ церкви (нерѣдко); велю вскрыть, тамъ иногда непотребный хламъ. „Зачѣмъ тутъ это, зачѣмъ то?“ Проникаю въ сторожку, она иногда хуже гроба, и тутъ вижу сторожа, изнывающего въ лихорадкѣ. Вотъ обошли церковь внутри кругомъ. Всегда послѣ этого, остановясь на солеѣ, дѣлаю общій отзывъ объ учительствѣ священника (никогда о нравственныхъ недостаткахъ), о развитіи дѣтей, объ отправленіи богослуженія, о пѣніи, о храненіи суммъ, о благолѣпії храма. Худое называю по имени, также какъ и хорошее, конечно въ умѣстныхъ выраженіяхъ. Находя и хваля хорошее, случалось и самому приходить въ умиленіе и людей приводить въ восторгъ.

По выходѣ изъ церкви, всегда идемъ вокругъ ея, осматривая внѣшнее благолѣпіе, а главное могилы, которыя имѣются почти у всякой церкви. Дѣлаю допросъ: „кто и когда здѣсь погребенъ?“ Законъ, запрещающій хоронить около церкви, кого бы то ни было, кромѣ священника и храмоздателя, благочестно жившихъ, здѣсь до меня былъ забытъ для всѣхъ выдающихся покойниковъ. Здѣсь, отвѣчаютъ, такой-то крестьянинъ. — Далъ что либо? — 10 руб. — А здѣсь? — Дворовая (изъ барскаго двора) дѣвушка. — А здѣсь? — Младенецъ, дитя доктора. — Зачѣмъ же вы тутъ его похоронили? — Нельзя было отказать. — А законъ для васъ не значитъ ничего? Его нарушить можно? — А здѣсь? — Мои дѣти, отвѣчаетъ спокойно священникъ. — „Да чѣмъ же ваши дѣти“, говоришь ему тутъ же, „заслужили такую честь? Да отчего же вы такъ нѣжны къ вашимъ плотскимъ дѣтямъ, когда вашихъ духовныхъ дѣтей такой чести не удостоиваете? Оттого ваши кладбища и представляютъ часто нѣчто возмутительное; вы ими брезгаете для вашихъ собственныхъ даже младенцевъ“. И это повторяется даже послѣ объявленія указа, послѣ стократныхъ моихъ настояній. Въ послѣднее время за упорство въ этомъ отношеніи мы стали уже штрафовать, но ни одному еще изъ штрафованныхъ не вписали штрафа (хотя и предостерегали официально, что къ этому прійдется прибѣгнуть) по этой статьѣ въ штрафную графу

послужного списка. Причты обременяють меня телеграммами: „разрѣшите похоронить въ церковной оградѣ такого-то или такую-то. Разрѣшите похоронить мою мать, мою жену“. Молчу, не отвѣчаю. „Разрѣшите похоронить мою сестру и. д. псаломщика такой-то“ (т. е. пономарь прежнихъ лѣтъ). Я отвѣчаю: „какую услугу принесла церкви Божіей ваша сестра? Запрещается“*).

Зашедши (если имѣется) въ надворную сторожку и оглядѣвъ оную, идемъ въ училище, если открыто (въ Іюнѣ—Іюлѣ училища закрываются). При входѣ поемъ молитву съ учениками, если умѣють, и безъ нихъ, если не умѣють. Спрашиваемъ почти всѣхъ учениковъ до единой души, иногда и по нѣскольку разъ cadaго. Училища почти всегда служили облегченіемъ, нерѣдко высокимъ утѣшеніемъ удрученнаго духа, особенно же миссіонерскія, инородческія. Эти послѣднія почти всегда знаютъ все нужное, иногда даже сверхъ-должное, пѣтъ всегда умѣють, иногда отлично, поють наизусть цѣлые каноны порусски и потатарски; какъ зовутъ царствующаго Государя, знаютъ твердо, что не всегда можно сказать о Русскихъ училищахъ; а ставить этотъ вопросъ, объ имени царствующаго Государя, неучащимся Русскимъ дѣтямъ, было бы только удручающею жалостію, если не кощунствомъ: обыкновенно не знаютъ. Въ Русскихъ школахъ приводилось видѣть законоучителей убогихъ (изъ кончившихъ курсъ въ семинаріяхъ): у свѣтскихъ учителей, намекающихъ на нигилистовъ, находить знаніе вѣры слабое, пѣнія никакого, постановку учениковъ и училища совсѣмъ не желательную. Зло страшное, угрожающее многому. Между тѣмъ видишь, что законоучителю нечего и толковать: не понимаетъ, не предчувствуетъ зла. Иные законоучители отдали преподаваніе Закона Божія своимъ сыновьямъ, совсѣмъ неблагонадежнымъ. Иные упорно цѣлые годы не посѣщаютъ училища, не смотря на жалобы учебнаго вѣдомства и настоянія епархіальной власти. Я засталъ здѣсь еще и то, что приходскіе священники категорическими заявленіями отказывались отъ должности законоучителей: „не желаю и прошу меня уволить“. Теперь имъ крѣпко поставлено на видъ, что кто не хочетъ быть законоучителемъ, тотъ не можетъ быть и приходскимъ священникомъ. Въ первую мою ревизію одинъ благочинный доказывалъ мнѣ при народѣ, что учить народъ вѣрѣ приходскій священникъ не можетъ и не обязанъ, у него есть другія обязанности, а для обученія народа нужны особые миссіонеры. Тогда это я выслушалъ первый и послѣдній разъ: теперь

*) Не далѣе, какъ сего 2 февраля, когда писалъ это, я получилъ телеграмму: „прошу разрѣшить похоронить жену въ церковной оградѣ. Причетникъ села Пр-ей, Оедоръ Успенскій“.

я всякаго ставленника у престола Божія заставляю читать послѣднее зачало евангелія отъ Маттея: *шедше научите вся языки*, и толкую всѣмъ, что первая изъ трехъ обязанностей пастыря—учить.

По выходѣ изъ училища, посѣтивъ учителя или учительницу (если добрые), идемъ или чаще ѣдемъ (на простыхъ телѣгахъ) на сельское кладбище. Здѣсь опять нерѣдко, пока не приглядѣлся, бывалъ, изумленъ и пораженъ. Кладбища нерѣдко расположены среди села между избъ, между гумень, между огородовъ, по обѣимъ сторонамъ выходящей проѣзжей дороги, у буераковъ, чуть не въ самыхъ (даже болотныхъ) буеракахъ. Иногда и тропы къ нимъ нѣтъ. Подъѣздъ нерѣдко заваливается навозомъ, разнообразною падалью и всякимъ безобразіемъ. Сперва почти всѣ кладбища были не огорожены. По моимъ настояніямъ чрезъ гражданскую власть, ограда, часто самая первобытная изгородь, ставится прихожанами непривычными къ этому такъ неохотно и небрежно, каждымъ домохозяиномъ по отдѣлу въ сажень или двѣ, что мы сами просто рукою наклоняли такую изгородь до земли. У самыхъ воротъ кладбища навозъ, на кладбищахъ на нашихъ глазахъ роются свиньи, оставляя тутъ же свои отброски. Я говорю причту и народу: „у Мусульманъ есть самое хульное ругательство или проклятіе: „наплевать на могилу твоего отца“. А у насъ, а у васъ свиньи бродятъ по могиламъ вашихъ отцовъ и поступаютъ какъ свиньи“. Возвышенія надъ могилами (*tumulus*) не дѣлаются. Обыкновенно покойникъ небрежно забрасывается землею, а черезъ полгода гробъ и могила проваливаются, и надъ гробомъ всегда образуется впадина, въ ней же и валяется всякій соръ; черезъ другіе полгода могила зарастаетъ, и слѣдъ ея пропасть. Явленіе постоянное, что живые не знаютъ, гдѣ похоронены ихъ дѣды, отцы, матери, братья, сестры, дѣти, даже супруги. „Какъ же“, говоришь, „помолиться на могилахъ, помянуть покойниковъ, когда вы не знаете гдѣ ихъ могилки?—Да тамо-тко гдѣ-то“, отвѣчаютъ. Или: „Могила перепахана, перерыта. Да и сколько уже тутъ заложено!“ Кладбища бываютъ очень небольшія, рѣдко поросшія лѣсомъ, никогда обсаженные намѣренно. Кресты въ большинствѣ не ставятся, или ставятся въ полъ-аршина отъ земли. въ большинствѣ въ аршинъ и немного выше, въ ростъ человѣка рѣдко. Три года къ ряду я со свитою, собственными руками, на каждомъ кладбищѣ, изъ приготовленного дерна дѣлали по одной могилѣ (*tumulus*); затѣмъ всѣмъ соборомъ всегда пѣли малую литію надъ сдѣланною собственноручно могилкою. Но грустно было видѣть, при вторичныхъ посѣщеніяхъ, сохранившіеся только ту же самую сдѣланную нашими руками могилу и почти ни слѣда подражанія.—„Да отчего вы сами

не дѣлаете“,—говоримъ тутъ же священнику,—„вѣдь это еще язычники дѣлали, отъ нихъ и названіе (tumulus) могильный холмъ; древніе христіане также всегда дѣлали. Я и не воображалъ никогда подобныхъ кладбищъ и могилокъ, пока не увидѣлъ. Отчего же вы ихъ не учите?“ „Да, заставишь ихъ“, отвѣчаетъ священникъ. „говоришь, да коли не слушаются“.—Вижу, что не слушаются; и меня архіерея не послушались. И уходишь съ тягостнѣйшимъ впечатлѣніемъ нравственнаго безсилія. Огородить кладбища заставили только чрезъ гражданскую власть. Жаль только, что теперь и полицейская власть теряетъ прежнюю силу, начиная опираться, особенно въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ, почти единственно на нравственно-полицейское вліяніе. Пренная полицейская палка или розга сданы въ архивъ, и полицейская гроза пронеслась тучею, оставляя по себѣ не ясное небо, а какой-то надвигающійся хаосъ чего-то грядущаго грознаго..... Такимъ образомъ наши собственноручныя насажденія христіанскихъ могилокъ почти нигдѣ и не привились. А языческій мѣстный, впрочемъ повсюдный, обычай врывать въ могилу носилки, на которыхъ принесенъ мертвецъ, конечно не исчезъ; между тѣмъ какъ отъ этихъ носилокъ, врытыхъ въ каждую могилу, кладбище представляетъ какой-то чуждый, не христіанскій и грязный видъ.

Затѣмъ, по возвратѣ въ село, посѣтивъ почти всегда дома низшаго причта, до просвирень включительно, занимаюсь въ домѣ священника, при пособіи старѣйшаго спутника, разсмотрѣніемъ мѣстныхъ церковныхъ документовъ, прихода-расходныхъ, метрическихъ, обыскныхъ книгъ, исповѣдныхъ росписей и лѣтописей. Въ нихъ почти всегда оказывается немало недостатковъ, которые тутъ же и вписываются въ наши путевыя записи и объясняются причту. Въ лѣтописяхъ, особенно въ первые годы, я собственноручно отмѣчалъ выдающіяся черты обозрѣннаго прихода. При прощаніи съ мѣстомъ и домомъ, въ присутствіи свиты, мѣстнаго причта и старосты, я опять высказываю въ общихъ чертахъ впечатлѣніе, какое уношу. Затѣмъ молимся Богу и выходимъ къ народу во дворъ. Тамъ опять говоримъ прощальныя слова народу, слова послѣдняго наученія и указанія какъ достоинствъ прихода и недостатковъ, какіе подлежатъ исправленію при содѣйствіи прихода: относительно починки или постройки церкви, починки и постройки домовъ причта, наѣзки земли, улучшенія кладбища, заведенія училищъ, церковнаго пѣнія и т. п. Затѣмъ, преподавъ общее всѣмъ и частное старѣйшимъ архіерейское благословеніе, отбываемъ въ дальнѣйшій путь.

При этомъ бываетъ еще, что прихожане выступаютъ на причты съ жалобами, иногда довольно жесткими, которыя больше или меньше

въ общихъ чертахъ приходится разбирать тутъ же на мѣстѣ, чтобы уразумѣть, какое дать направленіе дѣлу, или при закрытыхъ дверяхъ, или же открыто на площади, гдѣ говорятъ съ нами всѣ старѣйшіе въ приходѣ. Въ пять лѣтъ было немного такихъ случаевъ, но бывали. Еще, когда узналъ я о повальномъ здѣсь недостаткѣ несамоличнаго священниками отпѣванія умершихъ, съ устраненіемъ даже понятія обязательности точнаго по правилу церкви исполненія обряда похоронъ, я сталъ спрашивать прихожанъ и по этому предмету, особенно по деревнямъ, въ отсутствіи причта. Отвѣты прихожанъ бываютъ разные, но крайне рѣдко, что священникъ хоронитъ всѣхъ самолично. Иногда же получаются отвѣты пренаивные, тѣмъ не менѣе для священниковъ непріятные. Вотъ инородцы, крещенные Татары, отвѣчаютъ всенародно: „Нѣтъ, нѣтъ, нашъ бачка добрый, не стѣсняетъ. Спасибо! Самъ, говоритъ, зарывай: мы сами и зарываемъ. А затѣмъ идемъ къ нему, онъ и отпѣваетъ“. Бывали и обратнаго характера грустные отвѣты въ Русскихъ, особенно же отдаленныхъ отъ церкви деревняхъ: „Гдѣ же священника взять? Лошадь (говоритъ) приведи. Туда къ нему съѣзди, 30 верстъ, оттуда до дому 30, да священника назадъ отвези 30, да самъ воротись 30 верстъ. Да онъ и не поѣдетъ за такимъ дѣломъ въ такую даль. Вотъ и хоронимъ“.... При этомъ грустно машутъ руками на лѣсъ. Бывали и такія жалобныя заявленія, особенно отъ починковцевъ*), что они привозятъ покойниковъ въ село, но и мѣстные прихожане не пускаютъ на свое кладбище, и священникъ не хоронитъ, говоритъ: „не мои прихожане, еще отвѣчать за васъ придется“. Одинъ изъ такихъ заявилъ всенародно, что привозилъ такъ пять человѣкъ умершихъ дѣтей, и священникъ ни одного не похоронилъ, почему несчастный отецъ и зарылъ ихъ въ лѣсу.

Подобныя же признанія прихожанъ или нарочитыя заявленія бываютъ на счетъ рукоблагословенія, исповѣди, посѣщенія домовъ съ крестомъ и деревень. „Нѣтъ, нашъ батюшка никого не подпускаетъ къ рукѣ“ (не благословляетъ рукою)... „не допускаетъ къ исповѣди“ (отъ крайняго многочисла прихода); „такъ многіе и померли ни разу въ жизни не исповѣдавшись“. Дѣти лѣтъ 14—15 заявляютъ: „не бывали у исповѣди“.—Отчего не бывали, не хотѣли?—„Нѣтъ, не водили, такъ и не бывали“.—Въ 1879 г. вѣзжаемъ въ деревню такого-то прихода: въ первой по пути деревнѣ дѣти и отцы заявляютъ: „Батюшка (кончившій курсъ въ семинаріи) никого, ничему не учитъ, не спрашиваетъ. да и въ деревнѣ не бываетъ“. Черезъ два года вѣзжаемъ въ тотъ же приходъ съ другой стороны, чрезъ другую деревню,

*) Починками называются новыя поселенія. П. Б.

но и тутъ дѣти и отцы заявляютъ тоже самое: „Никого ничему батюшка не учитъ, ничего не спрашиваетъ, да и въ деревнѣ не бываетъ. Съ Пасхи не былъ. На Пасху прїѣзжалъ съ крестомъ за сборомъ“.

Этимъ не оканчивается ревизія прихода. Отъ каждого приходскаго священника, согласно напередъ печатаемой программѣ, требуется и получается историческая записка съ статистическими свѣдѣніями о числѣ прихожанъ, родившихся, бывшихъ у исповѣди и причастія, раскольниковъ, отпадшихъ и т. д. Въ этихъ запискахъ въ свою очередь иногда открываются поразительныя вещи, напримѣръ, что число не бывшихъ у исповѣди превышаетъ число прихожанъ; что исповѣдуется только $\frac{1}{30}$, даже $\frac{1}{50}$ всего прихода; или наприм., что исповѣдались всѣ: вещь совершенно невѣроятная, по свѣдѣніямъ изъ окружающихъ приходовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣніе, уже по прибытіи домой (въ епархіальный городъ) всѣхъ моихъ путевыхъ замѣтокъ и сведеніе ихъ въ одну, впрочемъ, домашнюю, записку. О крупныхъ явленіяхъ, хорошихъ ли, худыхъ ли, даются предложенія консисторіи. Иногда, въ выдающихся случаяхъ, посылаются предложенія въ консисторію еще съ пути. О недостаткахъ въ документахъ подаются въ консисторію особые рапорты старѣйшаго изъ моихъ спутниковъ, на основаніи путевыхъ записей. иногда съ представленіемъ въ консисторію самыхъ документовъ особенно неисправныхъ. Въ первые годы я довольствовался часто словесными вразумленіями, а затѣмъ убѣдился, что, нѣтъ: слова часто теряются совсѣмъ безплодно, почему о выдающихся недостаткахъ сталъ вчинять и официальную переписку.

Не безъ основанія замѣтивъ, что такая ревизія для ревизуемыхъ грозна, Анонимъ выпустилъ изъ виду то, какъ и для ревизующаго она тягостна. Къ концу дня, проѣзжая иногда до ста и больше верстъ, иногда по непроѣзжимъ или вновь для насъ продѣланнымъ дорогамъ, простоявъ на ногахъ много часовъ, отстоявъ нѣсколько священнодѣйствій въ церквахъ, часовняхъ, на кладбищахъ, собственноручно сдѣлавъ на кладбищахъ нѣсколько могилъ, переспросивъ сотни дѣтей, благословивъ каждого отдѣльно многія тысячи народа истовымъ крестомъ, вездѣ работая языкомъ и головою, перенося въ церквахъ невыносимую духоту при хроническомъ пораженіи моей груди энфиземою: совершая самъ архіерейскія священнодѣйствія чуть не ежедневно, отправляя при освященіи церковей пятичасовыя службы, проходя иногда по селамъ и деревнямъ цѣлыя версты и по нѣскольку верстъ, переиспытывавъ иногда немало неожиданныхъ печальныхъ, возмущающихъ душу впечатлѣній, къ концу дня ревизующій архіерей оказывается

истощеннымъ до изнеможенія. Спишь на новыхъ непривычныхъ мѣстахъ, страдая бессонницею отъ нервнаго утомленія; грызутъ насѣкомыя летающія и ползающія, иногда даже никогда прежде не виданныя, каковы большіе черные тараканы; проводишь иногда ночи напролетъ безъ сна; лежишь иногда просто на доскахъ въ Татарскихъ, Чувашскихъ избахъ. или тѣснишься ночью въ экипажъ, тарантасъ, не имѣя даже ночью возможности устранишься отъ дозирающихъ глазъ народа; ѣшь пищу, какую Богъ пошлетъ, не въ привычное время; пьешь перемѣнную воду, то гнилую болотную, то пропитанную раздражающими минеральными примѣсями, разстраиваешься во всѣхъ отправленіяхъ; не можешь нигдѣ, ни въ домахъ, улучить минуту спокойнаго уединенія, когда за тобою всюду, даже въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ, слѣдятъ жадно любопытные глаза: выносишь при этомъ невыносимыя терзанія чувства приличія и отъ всего этого становишься истымъ мученикомъ, переживая минуты, о которыхъ больно вспомнить... Вотъ, проскакавъ съ полночи, по большой дорогѣ, заселенной исключительно Татарами, сто верстъ, сворачиваемъ на проселокъ. въ одинъ приходъ подъ Уфою. Проѣхали верстъ пять. говорятъ: „Пожалуйте, нужно выйти изъ экипажа, мостикъ узокъ, четверка лошадей не можетъ пройти, пару нужно отпречь“. Вышли, версты двѣ прошли, сѣли въ экипажъ, проѣхали столько же. Такая же остановка. Вышли, версты двѣ прошли, хотѣли садиться въ экипажъ; но говорятъ: „Вотъ впереди мельница, тамъ опять мость узокъ“. Идемъ до мельницы и дальше. Хотимъ садиться въ экипажъ. но говорятъ: „вотъ впереди еще узкій мостикъ“. Идемъ, переходимъ мость. А далѣе длинный косогоръ, лучше пройти. А съ сельскаго вала уже народъ глядитъ. Такъ прошли верстъ шесть. Говорю благочинному: „вы ступайте впередъ, распорядитесь такъ, что я ѣду сперва прямо въ домъ священника, а чрезъ полчаса прійду въ церковь слушать всенощную“. Благочинный уѣхалъ впередъ. Чрезъ нѣсколько минутъ подзываю становаго: „Г. становой, поѣзжайте пожалуйста впередъ, скажите тоже“. Уѣхалъ и становой. Предъ самымъ селомъ говорю: „Г. урядникъ. скажите впередъ и скажите. что я ѣду сперва въ домъ священника. а въ церковь зайду чрезъ полчаса“. Уѣхалъ и урядникъ. Но упрямый ямщикъ Татаринъ подсказываетъ прямо къ церковнымъ воротамъ: уставшій ждать народъ подносить хлѣбъ-соль, почетнѣйшіе жители подходятъ къ самому экипажу, между ними впереди благочинный. — „Господи! Да сказалъ же я вамъ, что я ѣду въ домъ къ священнику. а въ церковь послѣ. Велите ѣхать“. Говорятъ: „капризъ“. Обидѣлись. Тутъ были и свѣтскія лица. А кто меня спросилъ и кому я могъ объяснить. могъ ли я въ эту минуту войти въ церковь? Такихъ случаевъ было со мною два. Одинъ разъ въ подобномъ болѣзненномъ

состояніи я провелъ цѣлый день съ утра до вечера. А въ истекшемъ году чуть не померъ отъ крайняго разстройства, какъ нѣкоторые преосвященные архіереи въ подобныхъ условіяхъ и помирали. Я знаю двухъ такимъ образомъ скончавшихся пресвященныхъ: Филарета Черниговскаго и Неофита Пермскаго, и одного священника, ѣздившаго съ архіереемъ. Да и преосвященный Евѣимій Саратовскій разбился и истекъ геморроидальною кровью въ дорогѣ, а домой прибылъ только умереть.

А Анонимъ утверждаетъ: „до крайности капризенъ“.

Дѣйствительно, Анонимъ былъ бы вѣренъ въ утверженіи, что такая ревизія и „грозна“, если бы я не давалъ всему духовенству слишкомъ много основаній для точныхъ свѣдѣній о моемъ душевномъ характерѣ, о желаніи всѣмъ блага, о стремленіи поднять духовенство, о всяческихъ стараніяхъ загладить случайное впечатлѣніе, о великой щедрости на ласковыя слова и добрыя обѣщанія, о множествѣ случаевъ, когда неласковыя свои обѣщанія я оставлялъ безъ всякихъ послѣдствій, а добрыя исполнялъ по архіерейской чести, о братскомъ дружелюбіи и ласковости со всѣми по епархіи, неупорствующими въ апатіи или невѣжествѣ (а такихъ все же почтенное большинство), о раздаваніи наградъ щедродательною рукою въ небывалыхъ здѣсь размѣрахъ. Никогда, ни дома у себя, ни въ поѣздкахъ по епархіи, я не держу священниковъ на ногахъ, когда самъ сижу (съ весьма рѣдкими намѣренными исключеніями) и всегда требую, чтобы садились и сидя объяснялись со мною. Никогда священниковъ, ни ученыхъ, ни неученыхъ, не экзаменую въ знаніяхъ. Припоминаю только два случая, когда я въ домахъ священниковъ, вызванный ими самими, предложилъ имъ, этимъ двоимъ, самые простѣйшіе вопросы, на которые и не получилъ почти никакого отвѣта. Діаконовъ и такъ называемыхъ псаломщиковъ, во второй годъ обозрѣнія епархіи, попробовалъ было въ два-три случая въ домахъ испытывать: но, увѣрившись (что впрочемъ зналъ уже издавна), что таковыя или никакого разумѣнія не имѣютъ, или не умѣютъ Славянскія рѣченія выразить на Россійскомъ языкѣ, оставилъ. . Случается много изъ таковыхъ подвергнуть вопрошенію у себя дома, предлагая имъ, во всѣ пять лѣтъ моего здѣсь пребыванія, одинъ и тотъ же вопросъ: „къ Коринѣяномъ посланія Святаго Апостола Павла чтеніе—что это значитъ?“ Но я при этомъ получаю почти отъ всѣхъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Апостолъ написалъ“. . . . Апостолъ написалъ, а больше ничего, и это конечно послѣ приготовленія къ отвѣту, потому что по всей епархіи извѣстно, что архіерей предлагаетъ все одинъ и тотъ же вопросъ. О всякомъ добромъ дѣяніи и добрыхъ качествахъ священника, замѣченныхъ при обозрѣніи епархіи, я славлю и словесно, и письменно

на всю епархію и печатно на всю Россію. По прежней моей службѣ я вездѣ оставилъ по себѣ славу начальника, который бережетъ людей и слишкомъ далекъ отъ желанія губить ихъ. Близкіе мои хорошо знаютъ и здѣсь, что мои гнѣвные, конечно, словесныя (не ругательныя, никогда драчливыя) вспышки терзаютъ меня самого, а нужда наказывать человѣка мучить меня нерѣдко по нѣскольку сутокъ. Вѣдь теперь между духовенствомъ народились уже и упорствующие (въ родѣ священниковъ В-го или А-ва), которые не легко поддаются налагаемымъ наказаніямъ. Почему бы не желать самому жить въ покоѣ? Почему бы не избѣгать современной борьбы за существованіе? Но вопреки чувству самобереженія исполняешь тягостный долгъ начальника-архипастыря...

По Анониму я „властолюбивъ“. Черта характера, названная неподходящимъ словомъ. Данную Богомъ, Царемъ и церковію власть я успиваюсь держать твердою рукою; считаю необходимымъ это особенно въ наши дни повальнаго шатанія умовъ и расшатыванія принциповъ поведенія. Да, это правда. Я постоянно повторяю моимъ сотрудникамъ: „Слабость есть отставка. Не хочешь въ дѣло власть употреблять, популярности добиваешься, долженъ оставить службу“.

Хвалитися не пользуется ми, моему глубокому недостойнству; но Анонимъ побуждаетъ защитить еще больше архіерейскую честь свою, чѣмъ личное мое положеніе. Тѣмъ не менѣе однакоже по Анониму:

II.

Епископъ Никаноръ, по малѣйшему нерасположенію, отдаетъ священниковъ подъ судъ, переводитъ на худшія мѣста, доводитъ до смерти, какъ напр. священниковъ М-ина, Н-го и протоіерея В-го.

(Отдача подъ судъ есть одно изъ тягостныхъ, но обязательныхъ отправленій власти. Отдаваніе подъ судъ и штрафы по оному всѣ находятъ на виду вашего высокопревосход-ва, такъ какъ секретарь консисторіи, повидимому, доноситъ о каждомъ такомъ случаѣ неопустительно. Нѣкоторые изъ таковыхъ случаевъ подсудности за мою бытность въ Уфимской епархіи обжалованы Святѣйшему Синоду и вашему высокопревосходительству, обжалованы священниками Н-мъ, Б-скимъ и В-мъ и старостою К-вымъ. Для пяти лѣтъ моей службы здѣсь четыре случая, сколько могу припомнить, аппеляціи на наши рѣшенія подъ судъ: надѣюсь, это немного. Изъ нихъ аппеляція священника О-ва отвергнута Св. Синодомъ: староста К-въ осужденъ Уголовною Палатою. Объ исходѣ по аппеляціи священниковъ Н-го и В-го еще не вѣдаемъ. Но

самая масса дѣлъ, возникавшихъ объ этихъ священникахъ, при моихъ предмѣстникахъ и мнѣ, свидѣтельствуешь о томъ, что дѣло ихъ ненадежно, а рѣшеніе наше недалеко отъ правды. Обсужденіе судомъ дѣлъ производится у насъ крайне заботливо, и рѣшеніе полагается всегда снисходительнѣе, чѣмъ можно бы по строгости правилъ: полагается всегда во многомъ совѣтъ моему съ членами и секретаремъ консисторіи, а никогда единолично. Въдѣ и слабость суда была бы преступна, немного менѣе жестока, но все же преступна.

У Анонима возбужденіе мною судныхъ дѣлъ приурочивается особенно къ моимъ ревизіямъ епархіи. Перелистывая четыре тома моихъ записокъ по обзорѣніямъ епархіи за прежніе годы, усматриваю, что въ 1879 г., въ двѣ поѣздки по епархіи, открывъ вездѣ множество неисправностей по учительству, по способамъ храненія суммъ и т. д., выслушавъ въ пяти приходахъ заявленія прихожанъ, именно въ двухъ приходахъ, Верхне-Троицкомъ Заводѣ отъ мирового посредника и въ Печенкинѣ отъ прихожанъ на слабость жизни священниковъ, въ трехъ (Шемякѣ, Сергѣевкѣ и Гребеняхъ) на вымогательство, нехороненіе умершихъ и проч., и въ Авдонѣ напешши священника даже въ нетрезвомъ видѣ, такъ что въ такомъ видѣ онъ и священнодѣйствовалъ при мнѣ и объяснялся со мною при народѣ, я извинилъ это тѣмъ, что самъ прибылъ, уранивъ на двое сутокъ противъ маршрута, позднимъ вечеромъ въ праздникъ (сей священникъ въ концѣ прошлаго года низведенъ по суду въ причетники). Въ трехъ изъ этихъ приходовъ я не нашелъ удобнымъ начать дѣло безъ письменнаго заявленія со стороны обвинявшихъ (впослѣдствіи такія заявленія поданы епархіальному начальству), а только въ Сергѣевкѣ и Гребеняхъ вслѣдствіе горькихъ и рѣзкихъ жалобъ на неудовлетвореніе требамъ; здѣсь же приказалъ благочинному подать о семъ рапорты, почему и наряжены были слѣдствія, которыми факты заявленій были болѣе или менѣе подтверждены, и одинъ изъ виновныхъ, какъ малоспособный, нигдѣ не учившійся и нетрезвый, переведенъ на другое священническое мѣсто помощника настоятеля къ двухштатной церкви, гдѣ и живетъ благополучно вблизи самаго города Уфы; а другому сдѣлано только внушеніе и черезъ нѣсколько времени за особые труды по постройкѣ церкви исхотатайствована даже награда, благословеніе Святѣйшаго Синода.

Въ 1878 г. въ двѣ же поѣздки по епархіи послѣдовали заявленія въ семи приходахъ. Въ одномъ (Бетькахъ) прихожанами подана была формальная жалоба на злоупотребленія священника и старосты суммами, собираемыми съ принадлежащаго церкви на рѣкѣ Камѣ парома, и по слѣдствію извѣтъ не доказанъ. Въ другомъ (Поручиковѣ), священникъ,

пока имѣлъ жену, подавалъ прошеніе о снятіи сана, а какъ овдовѣлъ, остался при священномъ санѣ. Прихожане кричали на священника въ моемъ присутствіи: я посовѣтовалъ имъ вѣдаться формальнымъ порядкомъ, но письменной жалобы въ послѣдствіи не подано. Въ третьемъ (Александровкѣ-Караманѣ) мѣстный землевладѣлецъ возносилъ разные оговоры на священника, въ послѣдствіи обременялъ меня перепискою по своему неудовольствію на священника; но сего послѣдняго мы не признали виновнымъ, подлежащимъ суду; священникъ даже получилъ награду. Въ четвертомъ (Кругломъ Полѣ) въ инородческомъ приходѣ, попечитель Татарскаго миссіонернаго училища, крещеный Татаринъ, публично жаловался на вымогательство священника, заявляя, что священникъ требуетъ съ нихъ (крещеныхъ Татаръ) за свадьбу 20 р. И когда священникъ попытался было сказать что-то въ свое оправданіе, попечитель остановилъ его словами: „пусть меня громъ убьетъ на этомъ мѣстѣ, если это неправда“. Священникъ умолкъ, а я предложилъ ему перейти на другое мѣсто, каковое онъ и принялъ: приходъ Русскій, отличный и недалеко отстоящій отъ прежняго. Этотъ же священникъ былъ осужденъ, по письменному заявленію г. управляющаго государственными имуществами, въ безобразномъ совершеніи хожденія съ святыми иконами, за эту небрежность и неприличныи до дерзости тонъ объясненія. Въ пятомъ (Васильевкѣ) мѣстный благочинный заявлялъ о слабой жизни, нетрезвости и болѣзненности священника-вдовца, который и принималъ насъ въ обычномъ своемъ немощномъ полутрезвомъ состояніи. Священникъ былъ вызываемъ въ архіерейскій домъ на испытаніе и возвращенъ на мѣсто, такъ какъ за него прихожане прислали защитительный приговоръ, цѣня его кротость и непритязательность. (первая у прихожанъ добродѣтель священника). Въ шестомъ (Бугульчанѣ) прихожане подали форменную жалобу на буйство, нетрезвость, неисполнительность по должности священника, который и прежде неоднократно былъ судимъ и осужденъ и переводимъ съ мѣста на мѣсто при моихъ предмѣстникахъ; переведенъ на другое отличное мѣсто, только въ положеніе помощника настоятеля къ двухштатной церкви. Въ седьмомъ (Дурасовкѣ) благочиннымъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ и другими приходскій священникъ, умный и пожилой, былъ обвиняемъ конфиденціально, страшно сказать, въ невѣріи, въ Молоканствѣ, въ небрежномъ и даже неправильномъ отправленіи Божіихъ службъ. Было назначено секретное, хотя и форменное дознаніе. Лично мною допрошены въ глубокомъ секретѣ нѣкоторые знающіе сего священника люди, какъ то сосѣдній священникъ, мѣстный причетникъ. Показанія сводились къ одному и тому же выводу о маловѣріи священника, но безъ выдающихся фактовъ, которые можно бы подтвердить слѣдствіемъ. Священ-

никъ былъ переведенъ на сосѣднее настоятельское мѣсто къ крещеной Мордвѣ и отданъ подъ секретный присмотръ. Но какъ по конфиденціальнымъ свидѣніямъ, и Мордва не сочувствуетъ духу священника и обнаруживаетъ склонность перейти на „стара вѣра“ (своеобразный Мордовскій расколъ полного безвѣрія въ духъ родной языческой старины). то въ семь 1882 г. этотъ священникъ переводится въ благоустроенный и отличный приходъ къ двухтатной церкви, но на мѣсто помощника настоятеля. Еще удивительнѣе. Въ восьмомъ приходѣ (Охлябининѣ) священникъ конфиденціально былъ обвиненъ благочиннымъ и двумя прихожанками (женою управителя имѣнія и учительницею) въ слабой жизни и, — неслыханное дѣло, — въ питіи чаю съ моими иподіаконами предъ литургіею, которую онъ совершалъ со мною и причащался. По секретному дознанію послѣдній фактъ подтвержденъ иподіаконами, а прихожане о поведеніи своего настоятеля отзывались удовлетворительно. Я желалъ приложить къ виновному тайную архипастырскую мѣру взыскація, приказавъ ему одну недѣлю понести послушаніе священнодѣйствія въ крестовой церкви. Но тогда виновный упорно уклонился отъ этой отеческой мѣры, громко заявляя намѣреніе снять священный санъ. „Я такой хорошій фермеръ, такой хорошій хозяинъ, — шумѣлъ онъ. — что не нуждаюсь въ священствѣ; я сейчасъ же подаю прошеніе о снятіи сана“. Но не подалъ (ему около 60 лѣтъ). Было назначено слѣдствіе, по которому получены присяжныя улики въ питіи чаю предъ литургіею, и виновный наказанъ недѣльною епитиміею въ монастырѣ. А затѣмъ, вслѣдствіе заявленія земства и инспектора народныхъ училищъ, что этотъ священникъ, самъ не занимаясь преподаваніемъ Закона Божія въ училищѣ, довѣрилъ преподаваніе своему сыну, исключенному гимназисту, прикосновенному къ какимъ-то тайнымъ дѣламъ, священникъ-отецъ переведенъ на мѣсто священника къ Мензелинскому собору. Можно ли сказать, что все это жестоко съ моей стороны?

Въ 1879 году также въ двѣ поѣздки по епархіи заявленія были сдѣланы въ нѣсколькихъ приходахъ. Въ первомъ (Каировѣ) церковнымъ старостою заявлено о пьянствѣ, о нетрезвенномъ священнодѣйствіи и буйствѣ священника. Но о немъ уже производились слѣдствія по разнымъ донесеніямъ, и по суду онъ низведенъ въ причетники. Во второмъ (Шмитовѣ-Андреевѣ) храмоздателемъ-землевладѣльцемъ было заявлено о разныхъ непріятностяхъ со стороны священника, а главное о томъ, что онъ держитъ на имя будто бы сына двѣ лавочки и торгуетъ, имѣетъ собственную мельницу, на которой занимается молотьемъ и снимаетъ на аренду у Башкиръ большія пространства пашни, занимаясь засѣвомъ въ обширныхъ размѣрахъ, въ торговыхъ видахъ. По заявленію

назначено было дознаніе, по которому все это и подтвердилось. Священникъ переведенъ въ сосѣдній хорошій же приходъ и теперь по службѣ одобряется. Безъ сомнѣнія и лавочки, и мельница, и обширныя поля продолжаютъ дѣлать свое дѣло, номинально подъ управленіемъ пріемнаго сына (за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей). Въ третьемъ (Татьянинѣ) приходжанами заявлено о пьянствѣ и буйствѣ священника (вдовца); а по прибытіи моемъ въ епархіальный городъ они прислали и форменную жалобу, которая во всемъ подтвердилась. Виновный наказанъ былъ монастырскою епитиміею и переведенъ въ сосѣдній приходъ къ двухтатной церкви на мѣсто помощника настоятеля. Въ четвертомъ (Симскомъ Заводѣ) усмотрѣно, что священникъ, онъ же и мѣстный благочинный, похоронилъ въ церковной оградѣ дитя мѣстнаго врача, говоря мнѣ: „не могъ отказать“; для примѣра оштрафованъ 20-ю рублями. Въ пятомъ (Мясогутовѣ) усмотрѣно, что священникъ отъ продолжительнаго пьянства находится въ полупомѣшанномъ состояніи; но онъ уже состоялъ подъ слѣдствіемъ, по оговору въ нетрезвости со стороны земства и народно-учебнаго вѣдомства: былъ переведенъ въ сосѣдній богатѣйшій приходъ къ двухтатной церкви на мѣсто помощника настоятеля, находился на испытаніи въ монастырѣ и по новому донесенію благочиннаго о нетрезвой его жизни низведенъ въ причетники съ запрещеніемъ священнослуженія.

Долгомъ считаю замѣтить, что къ запрещенію священнослуженія я прибѣгаю вообще съ крайнею осмотрительностію и стараюсь, въ случаѣ благовидной возможности, избѣгать этой тяжелой мѣры даже тамъ, гдѣ имѣлъ бы на это полное право.

Въ 1880 году, въ двѣ же поѣздки по епархіи, 1) Въ двухъ мѣстахъ (Малыклахъ и Заинскѣ) замѣчено, что священники похоронили своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ оградѣ церковной; по моему предложенію отъ нихъ потребовано объясненіе, и такъ какъ они на бумагѣ защищали въ принципѣ свое право хоронить своихъ дѣтей въ церковной оградѣ, то за эту провинность они оштрафованы денежнымъ взысканіемъ. 2) Въ двухъ другихъ мѣстахъ (Шильнѣ и Леузахъ) лично дознано, что священники находятся въ состояніи нравственнаго паденія отъ пьяннаго разслабленія, но они подверглись суду помимо личнаго моего усмотрѣнія по разнымъ донесеніямъ. 3) Въ одномъ селѣ (Сухаревѣ) усмотрѣно также, что священникъ ослабѣлъ отъ долговременной нетрезвости; былъ вызванъ въ архіерейскій домъ на испытаніе. 4) Въ селѣ Алексѣевкѣ-Оедотовѣ крещеный Татаринъ пожаловался на вымогательство священника; мы устроили дѣло на мѣстѣ, помиливъ истца съ отвѣтчикомъ. 5) Въ селѣ Орловкѣ, при многихъ опущеніяхъ, какъ

и вездѣ, усмотрѣно вообще неправильное храненіе суммъ. и между прочимъ храненіе въ церкви суммы около 2000 руб. въ выигрышныхъ и другихъ немиманныхъ билетахъ вопреки многократнымъ настояніямъ Св. Синода; назначено дознаніе, которое не поступало еще на разсмотрѣніе епархіальнаго начальства. 6) Въ селѣ Багряшѣ священникъ въ поданной мнѣ статистической таблицѣ сдѣлалъ отмѣтку, будто у него „были у исповѣди и св. причастія всѣ кромѣ малолѣтнихъ“; сдѣлавъ предположеніе, что въ этомъ многолюдномъ приходѣ (болѣе 4000 душъ обоего пола) одинъ болѣзненный священникъ Н-ій (о которомъ въ Анонимѣ сказано, что я его убилъ) не можетъ удовлетворить нуждамъ своего служенія, и вѣроятно вовсе не ведетъ исповѣдныхъ росписей, я уже изъ епархіальнаго города распорядился произвести по сему дознаніе, о назначеніи котораго священникъ, человекъ чахоточный, страдавшій кровоизліяніемъ изъ горла, такъ и не узналъ, потому что не дожилъ. Наконецъ, 7) Въ селахъ Соболяковъ и Аванасовъ (смежныхъ) крещенные инородцы въ нѣсколькихъ деревняхъ заявили, что „бачка не стѣсняетъ“, что они покойниковъ своихъ зарываютъ сами, а священники не хоронятъ. Сверхъ того въ Соболяковъ, богатѣйшемъ селѣ, священникъ закрылъ существовавшее училище по тому поводу, что лилъ новый колоколъ при существованіи довольноаго числа колоколовъ, а въ сущности потому, что, будучи изъ городскихъ діаконъ, вовсе не способенъ къ законоучительству. О немъ и о нехороненіи мертвыхъ назначено дознаніе, которое, превратившись въ слѣдствіе, подтвердило не только факты нехороненія, но даже то, что священникъ отвергаетъ въ принципѣ обязательность стариннаго церковнаго устава лично хоронить умершихъ; онъ перемѣщенъ въ другой приходъ съ кореннымъ Русскимъ населеніемъ. А въ селѣ Аванасовъ священникъ изъ недоучившихся предавался негрезвости. худо священнодѣйствовалъ (отъ поспѣшности совсѣмъ перебилъ языкъ), вовсе не посѣщалъ училище, будучи законоучителемъ, даже послѣ сообщенія г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа о небрежности этого законоучителя и послѣ предостереженія его со стороны епархіальнаго начальства: совершенно искаженнымъ образомъ велъ приходо-расходныя книги, и суммы на лицо оказались у него не въ согласіи съ записями; неправильно велъ метрическіе и другіе документы и оскорблялъ ключаря, члена консисторіи, который по моему распоряженію, разсматривая эти документы, объяснялъ ему его ошибки; дерзко объяснялся лично со мною, явно выпивъ къ вечеру водки для храбрости: имѣя огромный приходъ, жилъ только для корысти, обнаруживая безобразную скаредность, такъ что, по заявленію становаго, не одолжилъ проѣзжавшему губернатору В. Д. Левшину, по его просьбѣ, „тарелки“, не многихъ тарелокъ, а

одной, которой у него просили. Этотъ невѣжественный, странный и упорный священникъ былъ немедля выведенъ въ другое село (не имѣющее училища и до сего дня) на вакансію помощника настоятеля. Мѣстный землевладѣлецъ, бывшій министръ князь Ливень лично благодарилъ меня за то, что я освободилъ его имѣніе отъ этого „пьянаго и грубаго священника“. Нынѣ онъ собственною волею перемѣстился въ Оренбургскую епархію.

Наконецъ, въ 1881 году въ двѣ же поѣздки 1) Въ селѣ Бурмѣ усмотрѣно, что юный, ново-рукоположенный изъ кончившихъ семинарскій курсъ священникъ не твердо усвоилъ себѣ знаніе порядка богослуженія и дѣлалъ много ошибокъ, почему и вызывался въ Крестовую для наученія; 2) Въ Ключахъ усмотрѣно неправильное въ разныхъ отношеніяхъ храненіе суммъ, почему священникъ вызывался въ консисторію для объясненій и наученія; 3) Въ селѣ Старо-Петровѣ усмотрѣно, что священникъ похоронилъ въ церковной оградѣ свою мать, за что оштрафованъ денежнымъ штрафомъ; 4) Въ селѣ Печенкинѣ прихожане, раздѣлившись на двѣ враждебныя партіи изъ за двухъ юныхъ священниковъ, рѣзко обличали одна другую и священниковъ, которые уже состояли подъ судомъ по многимъ жалобамъ и приходамъ и взаимныхъ другъ на друга; каждому изъ нихъ даны другія самостоятельныя и хорошія мѣста, для потушенія вражды въ приходѣ и противъ нихъ и между прихожанами. 5) Въ селѣ Языковѣ относительно настоятеля священника вторично (въ первый разъ въ 1877 г.) усмотрѣно мною, что онъ не ревностенъ и не искусенъ во всѣхъ отношеніяхъ, не любимъ прихожанами, о правильномъ храненіи суммъ небреженъ и по временамъ предается нетрезвости, роняя достоинство сана: прежде меня двукратно былъ судимъ и осужденъ. Я нашелъ необходимымъ перевести его въ одно изъ самыхъ лучшихъ богатѣйшихъ въ епархіи село (въ Дуванѣ) къ двухъэтажной церкви на мѣсто помощника настоятеля, гдѣ онъ будетъ зажиточнѣе, но подъ началомъ способнаго и усерднаго настоятеля. 6) Въ селѣ Никольскомъ-Романовкѣ найденъ въ церкви цѣлый складъ поддѣльныхъ восковыхъ свѣчей и ни одной свѣчи изъ епархіальнаго склада. Но какъ этотъ священникъ до меня неоднократно былъ подъ судомъ за пьянство, состоялъ подъ запрещеніемъ священнослуженія, я разрѣшилъ его, далъ ему сперва одно священническое мѣсто, затѣмъ по его неотступному домогательству перевелъ его на другое лучшее, а здѣсь замѣтилъ, что онъ (родомъ и первыми годами служенія принадлежа къ Мензелинскому уѣзду, гдѣ свободно торгуютъ фальшивыми свѣчами) внесъ нечестный и вредный Мензелинскій обычай фальшивой свѣчной продажи и сюда на новое мѣсто въ Уфимскій

уѣздъ; такъ какъ его послѣднее мѣсто давно уже не видало хорошаго благонадежнаго священника, то я перевелъ его въ Белебеевскій уѣздъ, гдѣ трудно и добыть поддѣльныхъ свѣчей изъ епархіальнаго склада. въ хорошій, но въ большинствѣ инородческій приходъ. гдѣ въ свою очередь нуженъ образованный священникъ. А въ село Никольское-Романовку поставленъ новый. юный священникъ изъ кончившихъ семинарскій курсъ. 7) Наконецъ, въ селѣ Сарсахъ, въ самомъ сѣверномъ углѣ епархіи, на священника жаловались прихожане. и самъ я усмотрѣлъ, что онъ небрежно и нескладно (бормочетъ) совершаетъ Божію службу, грубъ съ прихожанами и даже со мною объяснялся съ необычною рѣзкостью; по заявленію прихожанъ, вслѣдствіе многолюдства прихода (болѣе 4000 душъ) не допускалъ прихожанъ не только къ рукоблагословенію, но даже къ исповѣди, такъ что многіе и поумирали безъ исповѣди; преподаваніемъ Закона Божія въ мѣстномъ училищѣ совсѣмъ не занимался, а сдѣлалъ это дѣло сыну-учителю, который признанъ неблагонадежнымъ и удаленъ отъ учебной службы; моими предметниками неоднократно былъ переводимъ съ мѣста на мѣсто, неоднократно былъ подъ судомъ и осужденъ. судился даже за убійство человѣка въ борьбѣ или дракѣ. Желая избавить богобоязненный приходъ отъ подобнаго пастыря, я далъ ему одно изъ богатѣйшихъ въ епархіи мѣстъ соборнаго священника въ г. Златоустѣ.

Такимъ образомъ я, въ пять лѣтъ управленія, проникъ въ каждый уголокъ вѣреннѣйшей мнѣ епархіи, выразумѣлъ вездѣ на мѣстѣ положеніе вещей и принялъ соотвѣтственныя мѣры по архіерейской совѣсти, для блага церкви Божіей, для умиротворенія прихожанъ и, по влеченію моего благожелательнаго ко всѣмъ сердца, по возможности съ соблюденіемъ интересовъ повинныхъ лицъ изъ своей братіи, даже съ крайними заботами о дѣйствительномъ улучшеніи ихъ быта.

Отсюда видны уже и мотивы, почему я вынужденъ былъ прибѣгать, дѣйствительно, къ тяжелой для переводимыхъ, но по истинѣ скажу. къ тревожной и для моего сердца мѣрѣ, къ переводу священниковъ съ мѣста на мѣсто. За прежніе годы я имѣлъ честь объяснять нужду этой мѣры больше или меньше въ годичныхъ отчетахъ Святѣйшему Синоду; на этотъ разъ объясню вкратцѣ, почему перемѣщены нѣкоторые священники въ истекшемъ 1881 году.

Цифра 27 священниковъ, перемѣщенныхъ въ истекшемъ 1881 г., когда предъявлена была мнѣ изъ канцеляріи консисторіи, испугала было меня самого. Но изъ этой цифры должны быть исключены, во первыхъ семь священниковъ, перемѣщенныхъ по собственнымъ прошеніямъ. И скажу по архіерейской совѣсти, что шестеро изъ нихъ

перемѣщены по личнымъ ихъ расчетамъ и домогательствамъ: а одинъ, бывшій помощникъ настоятеля при двухъстатной церкви села Печенкина, священникъ А. К. вынужденъ былъ взять другое мѣсто никакъ не мною, не моею инициативою, а возбужденною имъ враждою половины прихода, стоявшей за настоятеля, и жалобами на него какъ мѣстнаго настоятеля, такъ и прихожанъ, по которымъ возбуждено и слѣдственное дѣло. Я предложилъ ему отличное самостоятельное мѣсто настоятеля въ селѣ Ургумѣ, каковое онъ охотно и принялъ и переведенъ по прошенію.

Затѣмъ изъ цифры переведенныхъ должно исключить 5 священниковъ, перемѣщенныхъ по суду. Изъ нихъ: 1) Села Соболякова священникъ Илья Б-въ перемѣщенъ въ село Марьину Пустошь въ томъ же Мензелинскомъ уѣздѣ за нехороненіе покойниковъ по заявленію прихожанъ въ инородческомъ приходѣ, гдѣ это оказывается особенно вредно, причемъ онъ отвергалъ даже въ принципѣ обязательность лично хоронить умершихъ. 2) Села Татьянина священникъ Іоаннъ А-кій (вдовецъ) перемѣщенъ въ смежное село Петровское къ двухъстатной церкви на вакансію помощника настоятеля за пьянство и буйство, по письменной жалобѣ прихожанъ. 3) Села Верхняго Акташа священникъ Георгій С-въ взятъ въ Уфимскій мужской монастырь и теперь уже второй разъ командированъ въ приходъ для исполненія священническихъ обязанностей; издавна вдовецъ, предается нетрезвости, склоненъ къ сумашествію, сдѣлалъ письменное заявленіе о снятіи сана, а теперь пока не желаетъ этого. . . 4) Села Дувала священникъ Іоаннъ Г-кій низведенъ на псаломщическое мѣсто въ село Метели, по донесенію съ разныхъ сторонъ, за нетрезвость; и 5) Села Авдона священникъ Пет-скій точно также низведенъ на причетническое мѣсто въ село Шмитовку, за нетрезвость же, по донесеніямъ съ разныхъ сторонъ.

Затѣмъ въ справкѣ изъ канцеляріи консисторіи отмѣчены 14 священниковъ, переведенныхъ административнымъ порядкомъ. Но изъ нихъ должно исключить 5 священниковъ, присовокупивъ ихъ, по существу дѣла, къ числу переведенныхъ по суду, такъ какъ они перемѣщены вслѣдствіе возникшихъ о нихъ дѣлъ по разностороннимъ жалобамъ и донесеніямъ. Такъ 1) Села Нагаева священникъ Порфирій Мои-въ перемѣщенъ въ село Каменники, вслѣдствіе многихъ письменныхъ жалобъ и донесеній прихожанъ за пьянство, дерзость и другіе неприличныя поступки. Кромѣ нѣсколькихъ жалобъ епархіальному начальству, прихожане подавали жалобы на этого священника и мѣстному губернатору и даже г. сенатору, ревизовавшему Уфимскую губер-

нію. Этотъ священникъ—вдовецъ издавна былъ переводимъ и моими предмѣстниками, самъ своими писаніями безпрерывно возбуждаетъ дѣла по консисторіи, склоненъ къ нетрезвости и къ меланхоліи.

2) Села Печенкина настоятель, священникъ Владимиръ Г-ій, переведенъ настоятелемъ въ хорошій подгородный подъ самую Уфою приходъ села Авдона, по многимъ и рѣзкимъ жалобамъ прихожанъ на его неисправность, на растрату попечительскихъ суммъ и т. п., наконецъ и по приговору приходскаго схода о нежеланіи имѣть его у себя священникомъ, такъ какъ онъ возбудилъ въ большей части прихода противъ себя тяжкую вражду. Его необходимо было поскорѣе устранить изъ прежняго прихода, чтобъ и онъ не сгибъ окончательно и приходъ не пришелъ въ совершенное разстройство.

3) Командированный къ новостроющейся церкви въ село Романовку священникъ Гавріиль С-въ переведенъ на штатное мѣсто помощника настоятеля въ село Васильевку, значить повышенъ; но изъ Романовки онъ выведенъ вслѣдствіе многихъ жалобъ прихожанъ, вслѣдствіе произведенныхъ на мѣстѣ дознаній и вслѣдствіе заявленія всѣхъ прихожанъ о нежеланіи имѣть его, Сен-ва, у себя священникомъ. Теперь уже и съ новаго мѣста послѣдовалъ приговоръ прихожанъ о нежеланіи имѣть его у себя.

4) Села Никольскаго-Романовки священникъ Николай Е-въ переведенъ настоятелемъ въ село Бижбулякъ, вслѣдствіе открытаго лично мною въ его церкви, при моей ревизіи, цѣлаго склада поддѣльныхъ церковныхъ свѣчей, о чемъ на мѣстѣ же, при моей бытности, произведено дознаніе и составленъ актъ сопровождавшими меня членомъ консисторіи, однимъ мѣстнымъ, выѣхавшимъ на границу благочинія, ключаремъ и двумя благочинными. При моихъ предмѣстникахъ этотъ священникъ былъ неоднократно судимъ за пьянство и смѣщаемъ даже въ причетники, съ запрещеніемъ священнослуженія и ношенія рясы. Я все ему возвратилъ, и тѣмъ прискорбнѣе было мнѣ лично убѣдиться, что мое сердоболіе къ этому несчастному священнику и его семейству злоупотреблено имъ такъ обидно. Вѣдь эта хищническая торговля фальшивыми свѣчами въ церквахъ идетъ въ подрывъ всего: и нравственности прихода, и древнихъ каноновъ и наконецъ матеріальныхъ польвъ всей епархіи, всего духовенства. А она ведется, эта торговля, особенно же въ Мензелинскомъ уѣздѣ, къ которому принадлежалъ этотъ священникъ по роду и племени и по первымъ годамъ службы. Я далъ ему впрочемъ хорошее мѣсто, многолюдный и зажиточный приходъ, только въ Белебеевскомъ уѣздѣ, гдѣ ему негдѣ будетъ и достать фальшивыхъ свѣчей.

5) Бирскаго собора священникъ Наѡанайль А-въ переведенъ былъ настоятелемъ въ отличный приходъ Мензелинскаго уѣзда, въ село Бигряшъ, приходъ въ 2000 душъ, м. п.,

съ отличною каменною церковію, каменнымъ священническимъ домомъ, училищемъ, оживленный торговый уголъ по сосѣдству съ Казанскою губерніею. Но о. Ад-въ не принялъ этого мѣста и самовольно живетъ въ г. Бирскѣ, внося разстройство и вражду въ приходъ этого города. А онъ выведенъ изъ Бирска по многимъ весьма уважительнымъ причинамъ, по многимъ дѣламъ, возбужденнымъ о немъ и имъ самимъ, по непослушанію и оскорбленіямъ мѣстному протоіерею благочинному, по непокорству и епархіальной власти, по слезной словесной жалобѣ мѣстнаго церковнаго старосты, почтеннаго и усерднаго къ церкви Бирскаго купца, по возбужденію тяжелой вражды нѣкоторыхъ общественниковъ г. Бирска противъ мѣстныхъ протоіерея и даже архіерея, наконецъ по столкновенію съ Уфимскимъ тюремнымъ комитетомъ и съ губернаторомъ, по совѣщанію моему съ гг. губернаторомъ и попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа. Священникъ А-въ аппелировалъ Святѣйшему Синоду, и эта жалоба его нынѣ находится на разсмотрѣніи епархіальнаго начальства.

Что Березовскій приходъ находится въ совершенномъ нравственномъ и умственно-религіозномъ упадкѣ, поразительныя доказательства этому представляетъ самъ священникъ въ составленной имъ лѣтописи своего прихода. Между прочимъ я усмотрѣлъ, что разумніе дѣтей въ вѣрѣ и церковности ниже всякаго уровня. Въ мои записки по этому обозрѣнію внесено слѣдующее: „Дѣти не читаютъ почти никакихъ молитвъ. Одинъ маленькій мальчикъ прочиталъ Богородицу; обо всемъ же остальномъ увѣрялъ, что и тятя этого не знаетъ. Одинъ мальчикъ 14 лѣтъ, читавшій почти все, хотя и съ ошибками, на вопросъ: „кто училъ“? отвѣтилъ „Михайло Степановичъ“.—А священникъ училъ? отвѣтъ: „нѣтъ“. Другой юноша 14 лѣтъ, красивый и прездоровый, не можетъ прочитать ровно ничего. Изъ дѣвочекъ ни одна ничего не знала. Одну выставили такую, которая можетъ прочитать „Отче нашъ“; но она, вмѣсто „Отче нашъ“, прочитала какую-то заговорную смѣсь. Вотъ та молитва: „Отче нашъ“, которую дѣвочка читала въ церкви. Мы нарочно приглашали дѣвочку въ домъ священника и записали со словъ ея:

„Отче, яже еси
На небеси,
Просвѣтиси на земли.
Ангель мой, Спаситель мой,
Храни мою душу, скрѣпи мое сердце.
Врагъ отъ меня откоснися.
Нѣтъ ни лести, нѣтъ ни чести.
На гробу два листочка лежать“.

При этомъ чтеніи о. благочинный наивно съ улыбкою объяснилъ мнѣ, что это у нихъ въ родѣ какого-то заклѣтія. О. благочинный, почтенный заслуженный священникъ г. Уфы, очевидно не подозреваетъ, какъ это все глубоко печально: дѣти народа знаютъ нелѣпое заклѣтіе и не знаютъ даже „Отче нашъ“. Священникъ, многократно махая рукою, говорилъ себѣ въ извиненіе публично: „Это отъ меня не зависитъ“. Десятословіе читалъ одинъ только мальчикъ, учившійся въ школѣ въ Уфѣ. Одинъ, на вопросъ: „видѣлъ ли образъ Христа Спаса?“ отвѣтилъ:—„нѣтъ не видалъ“.—Другой: „видѣлъ“.—„Гдѣ же?“ Ворочаетъ головою въ сторону, потомъ назадъ отъ царскихъ вратъ. „Вотъ тутъ, вонъ тамъ“.—„А тутъ поближе гдѣ нибудь не видишь?“—„Нѣтъ“. Почти всѣ не видѣли образа Спасителя. Дѣвочка самая возрастная и самая умная отвѣтила, что видѣла, и образъ Богородицы указала удачно; но Спасителя стала указывать слѣва передъ клиросомъ и за клиросомъ, конечно не впадѣть, и между прочимъ указала на усѣченную главу Іоанна Крестителя и большой за клиросомъ образъ Святителя Николая, что-де это образъ Христа. Она же послѣ, когда стали ее испытывать, дѣйствительно-ли она видѣла образъ Богородицы, указала образъ Богородицы за правымъ клиросомъ (мать подсказала, пока я записывалъ это) за то забыла, что прежде удачно указала на образъ Богородицы на лѣвой сторонѣ царскихъ вратъ. Вѣроятно и тамъ было подсказано матерью же. На вопросъ: „какой ты вѣры?“ мальчикъ отвѣтилъ: „здѣшной“. На вопросъ: „ты въ Магомета вѣруешь?“ отвѣтилъ: „не знаю“.—„Въ Бога Отца и Сына и Св. Духа вѣруешь?“ „Вѣрую“.—„Въ единого Бога вѣруешь?“—„Вѣрую“, отвѣчалъ, конечно, на угадъ. „А во многихъ боговъ вѣруешь?“—„Не знаю“.—Когда я спрашивалъ священника у него на дому, отчего онъ не занимается обученіемъ прихода, онъ говорилъ: „Это отъ меня не зависитъ“, и увѣрялъ, что онъ хлопоталъ, чтобы была школа. Въ доказательство представилъ свое отношеніе, которое и въ церкви постоянно держалъ въ рукахъ, отъ 1 Сентября 1866 г. за № 40, въ Волостное Правленіе. Отношеніе слѣдующаго содержанія: „Имѣя намѣреніе заняться обученіемъ приходскихъ мальчиковъ и завести на сей предметъ школу въ селѣ Березовкѣ, безъ всякаго возмездія за обученіе, прошу увѣдомить прихожанъ о моемъ намѣреніи и дать мнѣ знать, сколько окажется мальчиковъ, желающихъ поступить въ школу“. Отписался и спокоенъ въ совѣсти даже до сего дне, до 21 Іюня 1877 г., слѣдовательно, безъ малаго 11 лѣтъ. Отвѣтъ Волостнаго Правленія достоинъ энергіи священника. Вотъ это отношеніе: „Священнику села Березовки. На отношеніе вашего благословенія Волостное Правленіе увѣдомить честь имѣетъ, что желающихъ въ здѣшной волости къ отдачѣ для обу-

ченія мальчиковъ не оказалось. Волостной Старшина—такой-то "... и вмѣсто подписи печать (значить неграмотный) „писарь такой-то“ и подпись съ авторитетнымъ росчеркомъ, какъ и слѣдуетъ представителю дѣйствительной сельской власти и интеллигенціи при повальной безграмотности. Въ оправданіе себя священникъ все ссылаясь на то, что прихожане въ церковь не ходятъ. Кажется мнѣ, по многимъ соображеніямъ, что въ нашихъ головахъ, отъ вѣковаго лежанья на боку, отъ вѣковой неподвижности, извратились самыя понятія: прихожане перестаютъ ходить въ церковь оттого, что не понимаютъ, и священники не объясняютъ имъ нужды ходить въ церковь; а священникамъ стало казаться, что они потому и не объясняютъ прихожанамъ нужды ходить въ церковь, какъ и вообще не объясняютъ ничего, касающагося вѣры, что прихожане перестали ходить въ церковь. Въ церковной лѣтописи отъ 1868 г. отмѣчено: „Къ богослуженію прихожане не очень усердны, только небольшая часть ихъ ходитъ въ церковь, а къ причастію и исповѣди еще меньшая. Причина сему та, что, предавшись житейскимъ заботамъ, они мало думаютъ о душѣ своей и не находятъ достаточно времени ходить въ церковь. Не брегутъ и о поминовеніи усопшихъ. Думаютъ, что постояннымъ хожденіемъ въ храмъ Божій много убьютъ дорогаго времени, необходимаго для обезпеченія своего въ домашнемъ быту. Христіанской общежительности и взаимнаго вспоможенія между прихожанами не замѣтно, а повсюду слышны вражда, ненависть, драка, взаимныя оскорбленія и частыя судьбища. Общественныхъ благотворительныхъ заведеній никакихъ не открыто, даже училищъ не находятъ нужнымъ открыть. Даже при частыхъ внушеніяхъ, прихожане-крестьяне не имѣютъ расположенія къ грамотности. По безпечности и хлѣбопашествомъ занимаются въ малыхъ размѣрахъ, исключая нѣкоторыхъ домохозяевъ. Оттого и очень много здѣсь бѣдныхъ, а зажиточныхъ, не нуждающихся, самая малая часть. Нравственное и умственное состояніе прихожанъ въ 1870 г. осталось почти тоже самое: таже халатность къ храму Божію, таже безпечность о спасеніи душъ. Въ 1871 году нравственное и умственное состояніе прихожанъ мало измѣнилось. Не смотря на явную кару отъ перста Божія, народъ только тогда, по Русской пословицѣ, содрогался, когда гремѣлъ надъ головами громъ мести Божіей. Въ семъ году народъ падалъ, какъ снопы, то отъ скарлатины, то отъ злаго поноса, то отъ ужаснаго бича холеры. Въ 1872 г., послѣ прошлогодней страшной грозы, прихожане пробудились нравственно, стали чаще и въ большемъ количествѣ ходить въ церковь Божію; исполнившихъ долгъ исповѣди и причастія было больше“.

Болѣе рѣзкіе, иначе сказать, слишкомъ рѣзкіе отзывы священника о своихъ прихожанахъ опускаемъ. Въ докладной, тогда же, при обзорѣ епархіи, поданной мнѣ запискѣ, самъ священникъ М-нъ написалъ: „Къ богослуженію прихожане ходятъ не всеѣ, а къ таинствамъ исповѣди и общенію Тѣла и Крови Христовой еще меньшая часть. Такъ изъ 2387 душъ обоого пола у исповѣди и св. причастія въ минувшемъ 1876 г. было только 407 человекъ; не бывшихъ у исповѣди и св. причастія по уклоненію къ расколу 20, а по нерадѣнію и опущенію 1550 человекъ. Причиною нерадѣнія ихъ, безъ сомнѣнія, служить то, что, предавшись житейскимъ заботамъ, прихожане не находятъ, по мнѣнію ихъ, достаточно времени позаботиться о душѣ своей и о церкви, думая, что при постоянномъ хожденіи въ церковь Божию, они много убьютъ дорогого и очень нужнаго времени“. Между прочимъ я развѣдалъ, что этотъ священникъ М-нъ, ловкій свѣтскій человекъ, имѣя много родства и знакомства какъ въ самой Уфѣ, такъ и съ окрестными помѣщиками, самъ очень много своего времени отдавалъ свѣтскимъ развлеченіямъ. По означенному моему предложенію, утвержденнымъ мною отъ 6 Іюня 1877 г. постановленіемъ консисторіи, священнику М-ну предоставлено самому просить себѣ другого священническаго мѣста, съ предостереженіемъ, что если онъ не поспѣшитъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, то будетъ переведенъ на другое мѣсто по моему усмотрѣнію, и то не иначе, какъ съ строжайшимъ внушеніемъ, чтобы на новомъ мѣстѣ онъ трудился для Бога и церкви, какъ того требуютъ его долгъ и санъ. Послѣ сего онъ подалъ прошеніе о предоставленіи ему мѣста настоятеля въ селѣ Юрмашѣ, каковое отъ 7-го Іюля того же года ему и предоставлено, — мѣсто лучше Березовскаго, въ томъ же Уфимскомъ уѣздѣ, подъ самою Уфою (въ 20 верстахъ), какъ и Березовское (въ 15 верстахъ отъ Уфы, отъ Березовки до Юрмаша 40 верстъ), многолюднѣе Березовскаго (въ Березовкѣ 1145 душъ м. п., а въ Юрмашѣ 1284 души м. п.). Затѣмъ благочинный въ рапортѣ донесъ, что священникъ Мал-нъ скончался 6 Ноября того же года отъ болѣзни чахотки. Но это несправедливо, чахотки у него не было, онъ умеръ отъ случайной простуды, кончившейся воспаленіемъ легкихъ. Вотъ обстоятельство его смерти, какъ буквально записано мною на этихъ дняхъ со словъ сына священника М-на, 21-лѣтняго воспитанника семинаріи и свояка его, Уфимскаго градскаго благочиннаго (женатаго на родной сестрѣ жены священника М-на) священника Михаила С-ва: „Онъ получилъ легкую простуду при переѣздѣ изъ Березовки въ Юрмашъ, но не лечился; будучи уже въ Юрмашѣ, потребованъ былъ судебнымъ слѣдователемъ, за 20 верстъ въ чужой приходъ, для привода къ присягѣ; ѣхалъ туда и оттуда на

подводѣ присланной слѣдователемъ, а на дворѣ была жестокая осенняя слякоть и дождь; его продуло и промочило; почувствовавъ себя худо, онъ велѣлъ порусски истопить баню и, распарившись въ банѣ, легъ на ночь спать на полу, а полъ холодный. Тутъ онъ совсѣмъ остылъ и разнемогся, но не лечился. Лежалъ двѣ недѣли, пока рѣшился послать за архимандритомъ Кирилломъ (о. архимандритъ лечилъ всѣхъ священниковъ въ Уфѣ и окрестностяхъ). Тотъ прибылъ, но уже поздно, помочь нельзя было. Исповѣдовавшись и приобщившись, тутъ же о. М-нъ и скончался. А что до перевода изъ Березовки въ Юрмашъ“, присовокупилъ градской благочинный, „то онъ сперва приунылъ было, а затѣмъ совсѣмъ успокоился; приходъ хорошій“.

Только прочитавъ въ Анонимѣ, я въ первый разъ пришелъ къ мысли, что и эту смерть, священника Н-го, кто-то осмѣливается мнѣ приписывать. Приходъ села Багряша, гдѣ Н-ій священствовалъ, я обозрѣвалъ 30 Мая 1880 г. и пробылъ тамъ всего часъ или два времени, потому что спѣшилъ къ назначенному на срокъ освященію церкви. Такъ какъ этотъ священникъ оказался изъ самыхъ дѣльныхъ, собственными попеченіями устроилъ здѣсь прекрасную каменную церковь и каменный же домъ для священника; такъ какъ у него въ церкви найдено многоголосное хоровое пѣніе не только въ селѣ, но по пути и въ деревняхъ его прихода; училище по развитію дѣтей поставлено у него удовлетворительно, а прихожане старые и малые отзывались о священникѣ, какъ объ отличномъ пастырѣ, отзывались именно, что „онъ учить“; между тѣмъ по дрожащему голосу священника при священнодѣйствіи, я узналъ о его болѣзненности (онъ много лѣтъ истекалъ кровью черезъ горло): то я обошелся съ нимъ съ ласковостію и привѣтливостію, къ какимъ только я способенъ. Я не сказалъ ему ни одного жесткаго слова, даже возвышеннаго слова онъ отъ меня не слышалъ. Но такъ какъ въ представленной мнѣ этимъ священникомъ запискѣ, при личномъ моемъ обозрѣніи Багряшскаго прихода въ 1880 г., отмѣчено за всѣ семидесятыя годы: „у исповѣди и св. причастія были всѣ кромѣ малолѣтнихъ“ (что совсѣмъ невѣроятно), то отъ 9 Сентября 1880 г. уже въ Уфѣ я далъ предложеніе консисторіи произвести дознаніе, ведутся ли по этому приходу правильныя исповѣдныя записи. А такъ какъ въ семъ одноштатномъ приходѣ числится душъ м. п. 1994, а женскаго пола 2087, между тѣмъ священникъ Н-ій человѣкъ немощный, едва способный исполнять свои священническія обязанности, то вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ консисторіи затребовать отъ него, отъ Багряшскихъ прихожанъ и мѣстнаго благочиннаго свѣдѣнія, не нужно ли въ Багряшскій приходъ назначить помощника-настоятеля и не требуется

ли въ какой либо приходской деревнѣ постронть особую церковь. Какъ и отсюда видно, цѣлью этого предложенія было не запугать священника Н-го, а привести его къ познанію нужды попросить себѣ помощника (что въ настоящее время и сдѣлано; въ с. Багряшѣ открыта вакансія помощника настоятеля изъ крещеныхъ инородцевъ, хотя таковой еще и не поставленъ по неимѣнію кандидата). Между тѣмъ священникъ Н-ій 15 Ноября того же года померъ отъ крайняго истощенія силъ, вслѣдствіе давняго, многократно повторявшагося, кровоизліянія горломъ. Мѣстный благочинный и близкій родственникъ покойнаго увѣрялъ меня, что о назначеніи дознанія онъ, Н-ій, вовсе не зналъ, а померъ отъ застарѣлой болѣзни, чахотки, которая въ зрѣломъ возрастѣ (о. Н-му было за 40 лѣтъ) дѣйствуетъ большею частію медленно. Между тѣмъ произведенное уже больше чѣмъ черезъ годъ по смерти о. Н-го, въ Ноябрь 1881 года, дознаніе показало, что я нимало не ошибся относительно значенія его отмѣтки, будто у него въ приходѣ у исповѣди и св. причастія бывали всѣ. Во первыхъ, мѣстный діаконъ при дознаніи показалъ: „Утверждать, что въ періодъ времени отъ 1870 по 1880 гг. всѣ прихожане ежегодно бывали у исповѣди и св. причастія, я не могу и считаю это невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ приходѣ много Чувашъ, мало развитыхъ въ религіозномъ отношеніи“. Затѣмъ и прихожане показали: „Всѣхъ своихъ жителей мы знаемъ хорошо, знаемъ, какъ кто ходитъ въ храмъ Божій. Утверждать, что каждый изъ насъ домохозяинъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, бываетъ ежегодно у исповѣди и св. причастія, мы не можемъ. Мы считаемъ это даже невозможнымъ. Въ каждой деревнѣ есть люди одинокіе, почти въ каждомъ домѣ есть люди дряхлые, старые, изъ которыхъ первымъ не позволяютъ быть въ церкви одиночество и домашнее хозяйство, а другимъ, старымъ людямъ, недостатокъ силъ. Словомъ, говѣтъ каждый годъ для всѣхъ обязательно, но этого не бываетъ, и мы можемъ указать на семейства, въ которыхъ нѣкоторые члены не были у исповѣди и св. причастія уже нѣсколько лѣтъ. Можетъ быть, половина возрастныхъ бываетъ у исповѣди и св. причастія въ великій постъ, а другая половина остается безъ исповѣди, потому что настолько у насъ хватаетъ силъ и возможности. Если батюшка отмѣчалъ всѣхъ бывшими, то это несправедливо. Семья, хозяйство, малолѣтнія дѣти и многія другія причины удерживаютъ насъ отъ обязанности исполненія христіанскаго долга. Если священникъ написалъ, что въ нашемъ приходѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, ежегодно были у исповѣди и св. причастія всѣ, кромѣ малолѣтнихъ, то стало-быть это справедливо по его мнѣнію. Мы же, съ своей стороны, признаемъ это недѣйствительнымъ и невозможнымъ, потому что великимъ постомъ

богослуженіе совершается только на трехъ недѣляхъ, а приходъ у насъ большой. Да и по семейнымъ обстоятельствамъ это невозможно: у одного малолѣтнія дѣти, у другого недостатокъ средствъ, а пожалуй и одежды, и многія другія причины удерживаютъ отъ исполненія христіанскаго долга“. Затѣмъ слѣдователь записалъ: „Изъ приложенной при семъ выписки изъ исповѣдныхъ росписей села Багряша о бытіи у исповѣди и св. причастія прихожанъ видно, что противъ деревень съ Русскимъ населеніемъ почти за всѣ семидесятыя годы дѣлалась отмѣтка о бытіи всѣхъ прихожанъ“ (напр. 1871 г. „Въ с. Багряшъ м. п. 382 души, были всѣ, жен. п. 437, были всѣ. Деревни Олимпіадовки, были всѣ. Деревни Ивановки, были всѣ“ и т. д., даже безъ означенія числа душъ, живущихъ въ той или другой деревнѣ), кромѣ малолѣтнихъ; а противъ деревень съ населеніемъ Чувашскимъ дѣлались отмѣтки въ частности только нѣкоторыхъ и за всѣ семидесятыя годы. Это равняется полнѣйшему подлогу и акта, и документа. Да всѣ эти записки и не подписаны никѣмъ, и дознаніемъ не разъяснено, по чьей винѣ. И это въ одномъ изъ лучшихъ по усердію къ церкви приходоѡ, въ сосѣдней къ Русскому Казанскому болѣе церковному краю окраинѣ. И это у священника, котораго я самъ призналъ изъ лучшихъ. И ему въ томъ же 1880 году я ходатайствовалъ награду камилавкою. И злоба шипитъ, что я его убилъ. Тяжко стало жить на свѣтѣ!

„Я тѣснилъ протоіерея В-го (человѣка уважаемаго прежними двумя епископами) до того, что предалъ его уголовному суду, единственно съ тою цѣлію, чтобы доканать несчастнаго и тѣмъ довелъ его до смерти“. Это дѣло очень сложно, значить, оно и не такъ просто, какъ думаетъ Анонимъ. Намѣчу главныя черты его, на основаніи консисторскаго дѣла. Сего о. Никанора В-го я засталъ заслуженнымъ священникомъ, вліятельнѣйшимъ членомъ консисторіи и каѳедрального собора ключаремъ, который, за смертельною болѣзнію каѳедрального протоіерея, являлся первымъ дѣятелемъ по собору и духовенству. По своему положенію и по серьезнымъ достоинствамъ, ко мнѣ онъ приближенъ былъ, кажется, еще болѣе, чѣмъ къ моимъ предшественникамъ. Такъ какъ онъ епархію зналъ отлично, то о всѣхъ лицахъ изъ духовенства и всѣхъ епархіальныхъ дѣлахъ я обращался къ нему за свѣдѣніями и совѣтами. Съ нимъ же въ первый (1877) годъ пребыванія моего здѣсь я дѣлалъ и обзорнѣе епархіи. Такъ какъ за смертію въ Уѣѣ каѳедрального протоіерея Владиславлева рѣшено было, по внимательномъ совѣщаніи, взять на открывшуюся вакансію протоіерея Мензелинскаго собора Павла Ж-ва, имѣющаго академическую степень кандидата богословія,

то я предложилъ мѣсто настоятеля собора въ г. Мензелинскѣ о. ключарю В-му, который и принялъ его совершенно свободно и въ Іюлѣ 1877 г. былъ посвященъ мною въ санъ протоіерея, съ назначеніемъ и на должность благочиннаго въ 1-мъ Мензелинскомъ благочинническомъ округѣ. Но въ Мензелинскѣ Богъ испыталъ его тяжкими несчастьями. Первымъ тяжкимъ несчастіемъ было то, что 1-го Мая 1878 г. опустошительный пожаръ истребилъ повально весь г. Мензелинскъ, пощадивъ самый незначительный его остатокъ. Мензелинскій соборъ сгорѣлъ, почти со всѣмъ имуществомъ. Приобрѣтенный протоіереемъ В-имъ собственный домъ сгорѣлъ такъ, что самъ хозяинъ, неожиданно охваченный огнемъ, выскочилъ изъ пожарища только окутавъ голову платьемъ. Это несчастье такъ потрясло его, что онъ скоро затѣмъ подвергся легкому припадку паралича (что однакоже тщательно скрывалъ, чего тогда я вовсе не зналъ) и какъ будто даже ослабленію душевныхъ силъ. Обозрѣвая въ послѣднихъ числахъ Іюня и первыхъ Іюля 1878 г. городъ Мензелинскъ съ окрестностями, я отнесся къ о. протоіерею В-му, какъ старому доброму знакомому, съ любезностію и участіемъ, какого онъ заслуживалъ по своему несчастію, хотя и усмотрѣлъ, что благочиннымъ онъ оказался крайне слабымъ, нераспорядительнымъ и даже какъ будто неумѣлымъ, какъ будто онъ и членомъ консисторіи не бывалъ, и съ архіереями по епархіи не ѣзжалъ, и правильного веденія церковныхъ документовъ никогда не зналъ и т. д. Онъ, какъ оказалось, принадлежалъ къ числу слабыхъ характеровъ, которые бываютъ и сильны и распорядительны только изъ за хребта властнаго начальника. А поставленный болѣе или менѣе самостоятельно, подпавъ крайне разнороднымъ вліяніямъ притязательной мѣстной аристократіи и недружелюбному воздѣйствію укрѣпившихся на мѣстѣ старожиловъ мелкаго уѣзднаго города, онъ къ истинному моему прискорбію сразу же опустилъ руки, такъ что другія вліятельныя по собору лица, особенно же бывший тогда староста отставной мелкій чиновникъ Б-на, воздѣйствовавъ, по моему глубокому убѣжденію, на какую либо слабость о. протоіерея, совсѣмъ забрали его въ свои руки и отважно, въ смѣлой надеждѣ, что сами ничѣмъ не рискуютъ, повели его по пути недоброму и недобровѣщему. Вообще же замѣтить можно, что отвага церковныхъ старостъ особенно по городамъ, ихъ своеволіе, ихъ нежеланіе подчиняться ни закону, ни начальству, ихъ претензія быть „хозяевами церквей“, въ настоящее время большое и опасное зло, съ которымъ трудно воевать и епархіальному начальству, и архіерею, а не то что уѣздному протоіерею, который въ очень многомъ, въ условіяхъ своего благосостоянія, зависитъ отъ мѣстныхъ благорасположеній. А отъ того иногда и духовенство уѣздныхъ городовъ, въ

родъ священника А-ва, опираясь на поддержку уѣздно-городскихъ вліяній, вступаютъ въ открытую, дерзкую и упорную борьбу съ епархіальной властью.

Тогда же, въ 1878 г., осматривая разрушенный пожаромъ Мензелинскій соборъ, видя своды трапезы развалившимися, своды колокольни пробитыми насквозь паденіемъ тяжеловѣсныхъ (въ 300 и больше пудовъ) колоколовъ, видя цѣлыя глыбы сводовъ готовыми упасть, выслушавъ заявленіе, что колокольня даже грозитъ паденіемъ, я далъ и десятки разъ повторилъ совѣтъ починять зданіе собора, съ строжайшимъ соблюденіемъ архитектурныхъ правилъ, и не спѣшить поправкою, въ которой и не было неотложной нужды, такъ какъ въ полномъ исключительномъ распоряженіи соборнаго причта находилась тогда же освященная мною въ г. Мензелинскѣ, только что отстроенная и пощаженная пожаромъ, прекрасная Троицкая церковь; да и средствъ для починки собора тогда не было ровно никакихъ. При этомъ я посовѣтовалъ соборному причту средній упавшій пролетъ сводовъ поднять, такъ какъ трапеза собора (зданія въ странной степени вычурнаго, хотя и не древняго) болѣе всякихъ, когда либо видѣнныхъ мною церковныхъ зданій напоминала подвальный погребъ. Впрочемъ сей послѣдній совѣтъ, хотя и благо-разумный и доброжелательный по существу дѣла, не былъ для соборнаго причта законно-обязательнымъ. Тогда же протоіерей В—кій, старшій заправлявшій этимъ дѣломъ священникъ Б—въ и староста Б—на, земными поклонами умолили меня написать просительное письмо къ именитому благотворителю въ здѣшнемъ краѣ И. И. Стахѣву о пособіи пострадавшему Мензелинскому собору. Говорю умолили меня, потому что моему чувству деликатности тяжело было утруждать просьбою незнакомаго мнѣ человѣка Ив. Ив. Стахѣва, который и безъ того благотворилъ слишкомъ много въ трехъ смежныхъ епархіяхъ Вятской, Казанской и Уфимской, и которому докучали всѣ со всѣхъ сторонъ своими нуждами. Мнѣ тяжело было очутиться въ числѣ таковыхъ же докучниковъ. По этому моему просительному письму, подкрѣпленному поднесеніемъ отъ моего лица св. иконы, поднесенной мнѣ тамъ же въ Мензелинскѣ по освященіи Троицкой церкви, они, какъ оказалось, тогда же и получили отъ семейства Стахѣвыхъ жертву въ 9000 рубл. и заплатили мнѣ за это, за мое желаніе имъ всякаго блага, черною неблагодарностію, причиненіемъ мнѣ тяжкихъ заботъ и огорченій, злобнымъ хульнымъ шумомъ на три смежныя губерніи, клеветами и злословіемъ, которыя и прежде доходили до столицъ и теперь отразились въ Анонимѣ. Отбывъ изъ Мензелинска и предоставивъ дѣло возстановленія Мензелинскаго собора естественному теченію, я въ тѣ дни выпустилъ, было, его изъ виду.

Еще прежде посѣщенія мною г. Мензелинска, рапортомъ отъ 15 Мая 1878 г. протоіерей В—кій, донося о разрушеніи собора пожаромъ, просилъ разрѣшить причту собора произвести временное исправленіе крыши на трапезѣ и куполѣ собора и соборныхъ флигелей, въ виду того, что каменные своды собора, бывъ оставлены открытыми на продолжительное время, могутъ окончательно повредиться отъ вліянія непогоды, прибавляя, что на матеріалы и работы потребуется до 800 р., каковую сумму предполагалось собрать отъ добрыхъ людей. Указомъ отъ 7 Іюня 1878 г. консисторія эту необходимую временную поправку разрѣшила. Но, получивъ въ тѣже дни, по моему просительному письму отъ благотворителей Стахѣевыхъ жертву въ 9000 руб., и собравъ до 2000 руб. по подписнымъ листамъ на Нижегородской ярмаркѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдовательно заручившись неожиданно для себя солиднымъ капиталомъ, не донося объ этомъ полученіи епархіальному начальству ни единымъ словомъ, причтъ и староста собора сразу своевольно приступили къ капитальному исправленію собора. Поэтому, 10 Іюля того же 1878 г. они заключили на эту постройку, на сумму 5800 руб., контрактъ съ подрядчикомъ купцомъ Ершовымъ, съ уплатою имъ неустойки въ 1500 руб., если онъ не кончитъ условенныя работы къ 15 Сентября того же 1878 г. и 12-го Іюля того же 1878 г. явили этотъ контрактъ, какъ состоявшійся, у Мензелинскаго городского маклера. Это значило, спѣшили кончить такую капитальную работу въ два мѣсяца времени, вопреки законоположеніямъ, чтобы имѣть на лицо совершившійся фактъ. Пусть-де тогда судятъ! Быть можетъ, они и не обманулись бы въ расчетѣ; но на бѣду ихъ, когда никѣмъ неразрѣшенныя работы по собору были въ самомъ разгарѣ, прибылъ въ г. Мензелинскъ г. начальникъ губерніи В. Д. Левшинъ. Увидѣвъ собственными очами эту противузаконную постройку, онъ сейчасъ же остановилъ ее чрезъ полицію и, не зная положенія этого дѣла по епархіальному вѣдомству, полагая, быть можетъ, что эта постройка ведется и съ моего вѣдома, онъ заявилъ мнѣ въ Уфѣ лично, что онъ распорядился остановить постройку, сообщивъ мнѣ при этомъ конфиденціально, что протоіерей и другіе въ то же время, чрезъ того же (помнится) подрядчика строятъ и свои дома, съ нарушеніемъ строительныхъ правилъ, вопреки требованіямъ городской полиціи, и что весь городъ (Мензелинскъ) наполненъ крайне неблагоприятными слухами о злоупотребленіи пожертвованными на возстановленіе собора суммами. Такимъ образомъ, мнѣ самому въ этомъ случаѣ пришлось оправдываться предъ начальникомъ губерніи, объясняя, что я вовсе не причастенъ своеволю протоіерея Вс—го и соборнаго причта, не знаю по этой постройкѣ пока ничего обстоятельнаго, и не вѣдаю, что такое они тамъ строятъ.

Казалось бы, какъ соборному причту поправить послѣ этого учиненную бѣду, допущенную ошибку? Остановиться естественнымъ порядкомъ, чтобы не навлечь на себя тяжкую отвѣтственность за послушаніе уже гражданскому начальству? Но протоіерей В—кій, причтъ и староста не остановились. Да они и не могли сдѣлать этого, потому что связаны были контрактомъ съ подрядчикомъ Ершовымъ. Я съ своей стороны, послѣ заявленія г. губернатора, полагалъ безъ малѣйшаго колебанія, что они остановились, и дѣло какъ либо поправится, ставъ на законный путь. А они рѣшились официально лгать и обманывать.

Не остановивъ постройки, какъ слѣдовало, по распоряженію г. губернатора и мѣстной полиціи, и вѣроятно разсчитывая или на мою недалковидность или на благосклонность и поддержку въ незаконномъ дѣлѣ, протоіерей В—кій думалъ дѣйствовать на меня чрезъ своего предмѣстника, Уфимскаго кафедральнаго протоіерея Ж—ва, которому неоднократно писалъ по своему дѣлу и телеграфировалъ. А тотъ, пробуя степень моего благорасположенія оказать ожидаемую поддержку, пытался намекать мнѣ о дѣлѣ; намекать, не болѣе. Но совершенно далекій отъ мысли о непослушаніи соборнаго причта соединенному дѣйствию епархіальной и гражданской властей, я отвѣчалъ одно: „И слушать не хочу. Отвѣчайте, чтобы дѣйствовали законно. Иначе будутъ преданы суду и отвѣтять предъ закономъ“. Тогда въ прошеніи на мое имя, отъ 25 Августа 1878 г., полученномъ и помѣченномъ мною 31 Августа, протоіерей В—кій съ причтомъ, объяснялъ, что они признали болѣе полезнымъ приступить къ капитальному (чѣмъ временному) исправленію собора и наняли подрядчика Ершова за 5800 руб. и что ими поручено губернскому архитектору Енбулатову составить планъ и проектъ на предполагаемыя исправленія и представить на разсмотрѣніе строительнаго отдѣленія Губернскаго Правленія, прилагая копію съ контракта, заключеннаго съ Ершовымъ 10 Іюля и явленнаго у маклера 12 Іюля, просили меня сдѣлать зависящее распоряженіе о разрѣшеніи объясненныхъ построекъ. Это прошеніе составлено съ нарочитою двусмысленностью: требовалось съ моей стороны разрѣшеніе построекъ или тѣхъ, на которыя просителями заключенъ и у маклера явленъ 10—12 Іюля контрактъ съ купцомъ Ершовымъ, т. е. учиненіе съ моей стороны официальнаго акта заднимъ числомъ (разрѣшеніе 31 Августа акта, учиненнаго и скрѣпленнаго 10—12 Іюля), или же тѣхъ построекъ, на которыя ожидалось еще планъ и проэктъ, заказанные просителями губернскому архитектору Енбулатову. По чести говоря, не уразумѣвъ тогда этого коварства, которымъ затѣвалось опутать меня самого, резолюціею отъ 31 Августа я предложилъ консисторіи „вести все это

дѣло строго формальнымъ порядкомъ и предписать благочинному протоіерею В—ому, чтобы важное зданіе собора было исправляемо съ строжайшимъ соблюденіемъ предписаній закона, не спѣшно, но солидно“. Постановленіемъ по сему консисторіи отъ 22 Сентября 1878 г. положено, между прочимъ, „просить строительное отдѣленіе Губернскаго Правленія объ увѣдомленіи о послѣдствіяхъ разсмотрѣнія составленныхъ г. архитекторомъ Енбулатовымъ плана и проэкта, какъ и о томъ, „не найдетъ ли оно возможнымъ, въ лѣто будущаго 1879 г. командировать въ г. Мензелинскъ техника для наблюденія за производствомъ работъ по собору“. Отъ 5 Октября 1878 г. Губернское Правленіе препроводило въ консисторію утвержденный проэктъ на предполагаемое возобновленіе собора, съ присовокупленіемъ, что наблюденіе за предполагаемыми работами принялъ на себя младшій архитекторъ Озерецковскій. Отъ 11 Октября консисторія постановила, и я отъ 18 Октября утвердилъ: препроводить при указѣ утвержденный проэктъ благочинному протоіерею В—му, предписавъ ему, чтобы исправленіе собора было произведено безъ малѣйшаго отступленія отъ означеннаго проэкта, подъ наблюденіемъ архитектора Озерецковскаго съ тѣмъ, чтобы протоіерей В—кій, объ окончаніи работъ, по освидѣтельствованіи оныхъ законнымъ порядкомъ, донесъ консисторіи. А въ Мензелинскѣ къ этой порѣ все уже было кончено: соборъ вчернѣ отстроенъ. Протоіерей и староста, заплативъ по 200 руб. архитекторамъ Озерецковскому, за наблюденіе за конченными безъ его надзора работами, а Енбулатову за составленіе плана, который не думали исполнять, завершили въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1878 г. дѣло постройки безъ всякаго плана (старый сгорѣлъ) по контракту; заключенному съ подрядчикомъ Ершовымъ 10—12 Іюля и епархіальнымъ начальствомъ не утвержденному.

Однакоже и послѣ этого протоіерей Вс—кій не только держалъ епархіальное начальство въ невѣдѣніи, но и усиливался держать его даже въ заблужденіи на счетъ истиннаго положенія дѣла. Такъ въ рапортѣ отъ 27 Октября 1878 года, когда всѣ работы по возобновленію какъ трапезы, такъ и колокольни были уже кончены, испрашивая разрѣшенія объ открытіи богослуженія въ лѣтнемъ отдѣленіи собора (на что и не требовалось архіерейское разрѣшеніе, такъ какъ антиминь, престолъ, жертвенникъ, иконостасъ и вся внутренность этого отдѣленія оставались цѣлы), протоіерей В—скій доносилъ мнѣ, что „имѣвшіяся въ настоящей церкви (подъ куполомъ) и въ куполѣ поврежденія исправлены подъ наблюденіемъ командированнаго архитектора“, а „соборъ, по неимѣнію средствъ, на продолжительное время лишается возможности быть возобновленнымъ съ соответствующимъ

ему благолѣпіемъ“. Отсюда явствовало, что Мензелинскій соборъ исправленъ только въ главной своей части, которая находится подъ куполомъ, которая мало и тронута была пожаромъ; что же касается совершенно сгорѣвшихъ трапезы и колокольни, то соборъ даже лишенъ средствъ на продолжительное время быть возобновленнымъ. Да и затѣмъ, не донося отдѣльнымъ рапортомъ, какъ бы слѣдовало, о производствѣ и окончаніи работъ по собору на сумму свыше 10000 руб., благочинный протоіерей В-кій упомянулъ объ этомъ, между множествомъ другихъ предметовъ, только въ общемъ отчетѣ по благочинію, въ рапортѣ отъ 30 Января (полученномъ мною почему-то только 27 Февраля) уже 1879 г. Но и здѣсь онъ усиливался держать епархіальное начальство въ заблужденіи относительно истиннаго положенія дѣла, объясняя, что „трапезу предположено, во исполненіе указа консисторіи, возвысить, согласно утвержденному новому плану, къ чему будетъ приступлено по накопленіи нужной суммы, необходимой для приведенія въ исполненіе новаго плана. А потому въ настоящее время въ видахъ открытія богослуженія, которое съ моего благословенія и разрѣшенія началось съ 6 Декабря 1878 г., ограничились исправленіемъ въ трапезѣ только самаго необходимаго, безъ чего не представлялось возможности открыть богослуженіе“. „Всего по Мензелинскому собору устроено послѣ пожара на 6000 руб., кромѣ колокольнаго звона, стоящаго слишкомъ 3000 руб.“. Отсюда ясно было, что и совершенно излишнее мое разрѣшеніе объ открытіи богослуженія въ неповрежденной части собора (главной церкви подъ куполомъ) испрашивалось единственно только въ видахъ прикрытія моею властію злоупотребленій по возобновленію разрушенной части собора, въ видахъ вовлеченія меня къ участию въ нарушеніи закона. Расчетъ, скажу прямо, коварный. Надъ нимъ ломали голову всѣ мудрецы, всѣ адвокаты г. Мензелинска, нанимаемые старостою Б—ною на соборныя деньги.

Слово чести: до начала 1879 г. я былъ въ убѣжденіи, что работы по собору, остановленныя г. губернаторомъ, не продолжаются; почему и думать не могъ, что онѣ давно, еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, совсѣмъ кончены вчернѣ, такъ что и богослуженіе въ соборѣ открыто и народъ втиснуть причтомъ подъ совершенно сырые и, по возникшему говору, непрочные своды. Только въ началѣ 1879 г. достигла общая молва объ этомъ и до моихъ ушей. Да отъ 8 Марта того же года г. Мензелинскій городской голова П—въ довелъ до моего свѣдѣнія, по обязанности своей, что протоіерей В—кій удерживаетъ по сіе 8 Марта приговоръ Мензелинскаго общества, постановленный еще до пожара, объ отдѣленіи отъ собора прихода для вновь выстроенной

Троицкой церкви (не скрывая опасенія, что эта церковь отвлечетъ доходы отъ собора) приговоръ, переданный о. В—кому головою для представленія мнѣ; что между тѣмъ изъ прекрасной новой Троицкой церкви богослуженіе переведено было на зиму въ сгорѣвшій соборъ, гдѣ объ удобствѣ для молящихся г. голова умалчиваетъ; въ виду же наступленія весны, предполагаетъ, что въ отремонтированномъ соборѣ едва ли не произойдетъ сырость, могущая вліять на здоровье всѣхъ бывающихъ въ церкви, почему и ходатайствовалъ объ открытіи постоянного богослуженія въ Троицкой церкви. По всѣмъ этимъ слухамъ, по всѣмъ даннымъ и по соображеніямъ, что въ данномъ обстоятельствѣ перепутались между собою злоупотребленія соборнаго причта и техническаго строительнаго надзора; нарушены права не только епархіальной, но и гражданской власти; что благочинный протоіерей В—кій возбудилъ по епархіальному вѣдомству, да и по Губернскому Правленію двойное дѣлопроизводство, въ которомъ одна сторона исключала другую; что въ основѣ всей этой странной процедуры лежали и нескрываемая корысть, желаніе не дать хода, въ ущербъ собору, новоосвященной въ г. Мензелинскѣ Троицкой церкви, которую граждане усиленно воздвигали и наконецъ одолѣли воздвигнуть, вопреки многолѣтнему сопротивленію мѣстнаго духовенства, и громко оглашаемое молвою тайное злоупотребленіе пожертвованными на соборъ суммами; что къ этому припутаны были коварныя злоухищренія вовлечь въ дѣло и меня, мою доброту и благоснисходительность, чтобы выставить и меня участникомъ предпріятія, какое не могъ я одобрить ни съ юридической, ни съ моральной стороны; что я вынуждался въ данномъ случаѣ отстоять не только мою честь и законность распоряженій, не только моихъ собственныхъ, но и г. мѣстнаго губернатора, достойнѣйшаго и благожелательнѣйшаго къ нашему званію сановника, отъ посягательствъ, чьихъ же? Мензелинскаго соборнаго причта, старосты, отставнаго мелкаго чиновника и продажныхъ Мензелинскихъ адвокатовъ, заинтересованныхъ въ бѣльшемъ и бѣльшемъ мараніи бумаги всякими клеветами. По всѣмъ этимъ даннымъ и соображеніямъ, 21 Февраля 1879 г., я распорядился производствомъ по сему дѣлу дознанія, а затѣмъ и слѣдствія отъ 30 Мая того же 1879 г., когда усмотрѣлъ, что произведеннымъ дознаніемъ паружная сущность дѣла (полная отстройка собора) подтверждена въ качествѣ совершившагося факта, а главная внутренняя сторона дѣла совсѣмъ затемнена исканіями соборнаго причта и старосты и какъ-то нежданно возникшею къ нимъ благосклонностію нашего довѣреннаго, производившаго формальное дознаніе*).

*) Назначеніе слѣдствія въ данномъ обстоятельствѣ было тѣмъ обязательнѣе, что въ ту же самую пору возникало подобное же дѣло въ самой Уфѣ,—дѣло, въ которомъ

Чтобы освѣтить однакоже и жестокость мою въ отношеніи къ протоіерею Вс—кому истиннымъ свѣтомъ, позволю сказать себѣ нѣсколько словъ не о начальственной, а о человѣческой и человѣчной сторонѣ моихъ отношеній къ нему за все это время. Въ официальныхъ отношеніяхъ печальнымъ послѣдствіемъ его слабодушія было только то, что, не видя возможности оставлять его въ должности благочиннаго, которую онъ несъ безъ достоинства, я назначилъ въ его благочинническомъ округѣ, какъ и по всей епархіи, благочинническіе выборы, по которымъ, въ силу изданныхъ на сей предметъ правилъ, о. В—кій, какъ состоящій подъ судомъ и слѣдствіемъ, не могъ остаться снова въ должности благочиннаго. Тѣмъ не менѣе, обозрѣвая церкви г. Мензелинска и его округа въ 1880 г., я отнесся къ протоіерею В—кому не только съ сердечнымъ состраданіемъ, но и съ выставляемою на видъ любезностію: назначалъ его на всѣ священнодѣйствія, когда самъ служилъ; въ одномъ экипажѣ нарочито разѣзжалъ съ нимъ рядомъ, когда обозрѣвалъ разныя учрежденія г. Мензелинска; дѣлилъ съ нимъ все свободное время; взялъ его съ собою для обозрѣнія церквей, находящихся и внѣ Мензелинска въ этомъ благочинническомъ округѣ; утѣшалъ его на счетъ исхода его дѣла, сколько могъ, разъясняя ему, что гражданскіе суды къ намъ въ нашихъ дѣлахъ благосклонны всегда, а иногда и до слабости, что взысканіе для него кончится много что какимъ либо выговоромъ и т. п., что послѣ этого онъ все потерянное по службѣ наверстаетъ и забудетъ гнетущее его теперь горе. Въ ту пору онъ казался здоровымъ. Но въ концѣ того же 1880 г. достигла меня вѣсть, что онъ тяжело боленъ. Я поспѣшилъ написать ему утѣшительное письмо въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Писалъ, что Богъ еще воротится къ нему Своею милостію, что онъ еще увидитъ красные дни, убѣждалъ, чтобы не предавался унынію, и звалъ его не медля прибыть въ Уфу, надѣясь развлечь его личнымъ своимъ участіемъ, личною бесѣдою, совѣтами, утѣшеніями, обѣщаніями. Кромѣ сего я принялъ участіе въ его бѣдѣ и дѣломъ: тотчасъ самъ лично

опять обнаружились отважное своеволие старосты и рабобѣзство ему настоятеля церкви, заслуженнаго священника. Есть въ Уфѣ Троицкая церковь, старый Смоленскій соборъ, считающій себѣ 300 лѣтъ существованія, и въ немъ существовалъ имѣющій археологическое значеніе древній иконостасъ, конечно обветшавшій. Не испрашивая ни у кого никакого разрѣшенія, не смотря на мои словесные пока протесты, староста и настоятель распорядились сломать иконостасъ и уже отдали было его въ позодотную. Я остановилъ это возмутительное своеволие уже тѣмъ, что лично заявилъ о немъ г. губернатору. По этому случаю я повторялъ окружающимъ меня: „Чего вы хотите? Развѣ мнѣ стать на перекресткѣ улицъ и тамъ кричать, что я совершенно противъ безобразій подобнаго своеволія?“ И только уже послѣ моего заявленія, г. губернатору, дѣло обновленія древней Троицкой церкви стало на почву закона.

поѣхалъ къ предѣдателью Палаты Уголовнаго суда съ ходатайствомъ ускорить, упростить и облегчить процедуру дѣла, сколько можно.. Но въ отвѣтъ на мое утѣшительное письмо отъ самого о. протоіерея В—каго получилъ поклонъ и извѣщеніе, что онъ безнадеженъ, что у него аневризмъ. Конечно, аневризмъ въ уреченный часъ и сдѣлалъ свое неизбежное дѣло.

Не задолго передъ своею смертію о. В-кій самъ писалъ къ одному въ семинаріи лицу, что если старшій сынъ его будетъ исключенъ изъ семинаріи, то это его убьетъ. Не смотря на это, негодность юноши-сына была такова, что вынудила исключить его. И по догадкамъ этого сына его, по слову и ожиданію самого отца, убившій отца, написалъ, а другой его же сынъ, воспитанникъ семинаріи, которому, какъ сиротѣ протоіерея Вс-каго, мнѣ приходится покровительствовать, подалъ на почту на мое имя пасквиль: „Нашего почтеннаго о. протоіерея В-каго не стало, и убійца его вы“...

Вотъ и теперъ я исполняю печальную нужду оправдываться въ томъ, что я не убійца. Вѣдь такимъ образомъ мнѣ можно бы приписать, какъ быть можетъ и приписывается, много смертей въ епархіи, такъ какъ я видѣлся со всѣми священниками въ епархіи, очень многимъ изъ нихъ говорилъ непріятныя для нихъ вещи, а нѣкоторымъ и дѣлалъ непріятности. Впрочемъ по поводу смерти о. В-каго я говорю самъ себѣ въ своей совѣсти, какъ говорю и другимъ: „да, горе не тѣшитъ человѣка, особенно слабодушнаго, не окрыляетъ, не ободряетъ, не укрѣпляетъ, а, наоборотъ, нерѣдко придавливаетъ къ ранней могилѣ“. Такъ вотъ и я, по полученіи посланія вашего высокопревосходительства и въ немъ Анонима, противъ котораго пишу, въ первые четыре дня и четыре безсонныя ночи въ чувствѣ огорченія, я самъ опасался, что меня убьетъ апоплексія; тѣмъ не менѣе къ высокоблагородному поступку со мною я не чувствую ничего, кромѣ высокаго уваженія, граничащаго съ благоговѣніемъ: благородно, и гуманно. и цѣлесообразно.

Вообще весь этотъ шумъ о раздражительности моего обращенія съ духовенствомъ, всѣ эти и открытыя жалобы (въ родѣ жалобы уличеннаго святотатца-священника В.), и газетныя сплетни и пасквили. посылаемые мнѣ въ довольномъ количествѣ и адресуемые по началству, наводятъ мою мысль на слѣдующую логику фактовъ. Прадѣдовъ нашихъ священниковъ преосвященные Россійскіе архіереи (на православнои Сѣверо-западѣ, гдѣ я родился, этого не было, тамъ по „батьковскимъ“ спинамъ гулялъ иногда только панскій „бизунъ“, кнутъ, приговаривали нерѣдко къ шелепамъ при открытыхъ дверяхъ консисто-

ріи), дѣдовъ-священниковъ святые владыки иногда поучали и палицею изъ святительскихъ рукъ (какъ можно читать въ записяхъ недавней старины). Наши отцы-священники иногда удостоивались и владычнаго тумака отъ святителей не только раздражительныхъ, но и въ высшей степени благодѣтельныхъ и любезныхъ, каковой и принимали съ достойнымъ смиреніемъ, радуясь владычной милости и отеческому уроку, которымъ иногда оканчивалась гроза заслуженнаго серьезнаго наказанія. А мы грѣшныя дожили до печальнаго времени, быть можетъ, отчасти до години и исторической Немезиды, во всякомъ случаѣ до крутой реакціи, насъ самихъ стали бить (какъ на нашей памяти побили изъ почившихъ въ Бозѣ изъ кротчайшихъ преосвященнаго Гавріила архіепископа Рязанскаго, преосвященнаго Теофила епископа Самарскаго, Григорія архіепископа Калужскаго и одного еще изъ живыхъ); стали грозить намъ не только побоями (мнѣ въ пасквилѣ поставили въ вину даже то, что „вы-де грозите пальцемъ, за это бьютъ морды“), но и смертоубійствомъ (какъ грозили въ Бозѣ почившему святителю Казанскому Антонію, благодѣтельному изъ благодѣтѣйшихъ архипастырей, грозилъ священникъ, за полною собственноручною подписью своего имени, „расправою Вѣры Засуличъ“; какъ грозили и еще одному изъ живыхъ архипастырей). Всѣми этими тайными и явными мѣрами домогаются не болѣе или менѣе, какъ того, чтобы мы, архіереи, объяснялись съ провинившимися священниками не иначе какъ дверемъ заключеннымъ, а далѣе не иначе какъ шопотомъ, не возвышая начальственнаго тона ни на одну ноту, и затѣмъ въ ту же минуту просили извиненія у провинившагося, что взяли смѣлость исполнить свой печальный начальственный долгъ. Иначе, намъ грозятъ побоями и даже смертоубійствомъ. Роковая логика наводитъ на мысль, что, да еще чрезъ поколѣніе, и дѣйствительно стануть убивать, если Русь пойдетъ тою же роковою тропою развитія, какою шла и идетъ до сихъ поръ....

III.

О корыстолюбіи, злоупотребленіи суммами и о взяточничествѣ епископа Никанора.

Не могу понять, что Анонимъ хочетъ сказать словами: „цѣлыя тысячи, которыя при прежнихъ преосвященныхъ шли отъ богатыхъ церквей епархіи на нужды духовныхъ училищъ и на обезпеченіе бѣдныхъ сиротъ епархіи, теперь поглощаются безразсудною расточительностью епископа“. Не понимаю, епархіальныя ли суммы разумѣть здѣсь Анонимъ, или же только суммы архіерейскаго дома. Если епар-

хіальныя, то я ихъ не только не расточаю, но и не имѣю возможности расточать. Согласно существующимъ уставамъ, епархія вноситъ извѣстныя суммы въ консисторію, въ епархіальное попечительство, на содержаніе женскаго епархіальнаго училища и т. п. Эти суммы всё получаютъ помимо моихъ рукъ, вносятся въ приходорасходныя книги, расходуются согласно существующимъ постановленіямъ, и книги неотложно повѣряются узаконеннымъ порядкомъ. Знаю, что, въ мою бытность въ г. Уфѣ, епархіальные сѣзды не увеличили никакихъ взносовъ на нужды епархіи, а наоборотъ весьма значительный взносъ на постройку зданій Уфимскаго Д. училища при мнѣ прекратился. Съ перваго (1877) года моего пребыванія здѣсь, я сталъ настаивать предъ сѣздами объ изысканіи средствъ для вспоможенія бѣдствующимъ учителямъ Уфимскаго Д. училища, наложивъ на архіерейскій домъ съ этою цѣлью взносъ 50 руб. въ годъ, причемъ Уфимскій женскій монастырь обязался вносить прибылей свѣчной продажи 600 руб., какъ и прочіе монастыри посильныя жертвы отъ себя. Епархіальный сѣздъ 1877 г. рѣшилъ было этотъ вопросъ о вспоможеніи учителямъ Д. училища согласно моему настоянію, хотя и противъ собственнаго желанія; но въ слѣдующіе годы сѣзды поставили на своемъ, устроивъ дѣло такъ, что церкви перестали вносить положенную сумму, а архіерейскій домъ и монастыри продолжаютъ вносить положенное съ нихъ даже до сего дня. Въ прошломъ 1881 г. я настоялъ предъ сѣздомъ о назначеніи изъ епархіальныхъ суммъ жалованья помощнику инспектора семинаріи въ 300 руб. въ годъ, для чего наложилъ на архіерейскій домъ новый взносъ въ 25 руб., и на управляемый мною Уфимскій монастырь 15 руб. Сѣздъ къ моему удовольствію согласился принять это мое предложеніе; но приходскія церкви, въ ожиданіи раскладки, не внесли еще отъ себя ни копѣйки, между тѣмъ какъ архіерейскій домъ, какъ и названный монастырь, положенное съ нихъ уже вносятъ. Такимъ образомъ, Уфимскій архіерейскій домъ выплачиваетъ на нужды епархіи 75 руб., а мужской монастырь 30 руб. ежегодно. Сверхъ того архіерейскій домъ и означенный монастырь несутъ епархіи, духовенству и церквамъ и еще одну, весьма нелегкую жертву, держа постоянно не менѣе 10 юношей, которые готовятся и поступаютъ на службу псаломщиковъ по всей епархіи, такъ что теперь почти ни одинъ человѣкъ, за исключеніемъ кончившихъ семинарскій курсъ, не поступаетъ на должность псаломщика, не поучившись въ монастырѣ и архіерейскомъ домѣ. Сверхъ сего въ томъ же монастырѣ постоянно проживаетъ по нѣскольку душъ нравственныхъ или физическихъ калѣкъ изъ духовенства. или же такихъ бѣдняковъ эпитимійцевъ, которымъ нечѣмъ заплатить за свое содержаніе въ

монастырѣ. А если положить за годичное содержаніе каждаго изъ указанныхъ лицъ пищею, одеждою, отопленіемъ, освѣщеніемъ и квартирою по 150 руб. въ архіерейскомъ домѣ и по 100 р. въ монастырѣ. то общій итогъ этой издержки для архіерейскаго дома и монастыря достигнетъ 1500 руб. въ годъ. Анонимъ этого не знаетъ, или знать не желаетъ. Не слѣдуетъ выпускать изъ вида еще и то, что крестовая церковь круглый годъ, иначе сказать. постоянно удовлетворяетъ всѣмъ религіознымъ нуждамъ Уфимскаго Духовнаго училища, не получая отъ епархіи за это ни малѣйшаго денежнаго вознагражденія. А всякая церковь требуетъ значительнаго содержанія на ремонтъ, свѣчи, ладанъ и проч., и содержится всегда въ счетъ молящихся.

Послѣ этого мнѣ остается оправдываться въ расточеніи мною суммъ не епархіальныхъ, но только архіерейскаго дома. Въ Анонимѣ по этой статьѣ искажено все, и прежде всего хронологическій порядокъ моихъ мѣропріятій по улучшенію быта архіерейскаго дома.

Дѣйствительно, прибывъ въ г. Уфу 6 Февраля 1877 г., я нашелъ въ остаткѣ отъ 1876 г. къ новому году неожиданныхъ суммъ архіерейскаго дома 3000 руб. наличными деньгами. Скопленіе этихъ 3000 р. объясняется положительно затворническою жизнію моего досточимаго предмѣстника. преосвященнаго епископа Петра. по причинѣ непрерывныхъ его кабинетныхъ, то дѣловыхъ, то ученыхъ занятій. Архіерейскимъ домомъ, какъ здѣсь извѣстно всѣмъ, управлялъ лѣтъ 15 единолично и почти безконтрольно экономъ Филаретъ, по происхожденію Уфимскій мѣщанинъ. Онъ мертвый человѣкъ, имѣлъ свои достоинства. и не киномъ на него тѣней... Тѣмъ не менѣе скажемъ, что онъ управлялъ домомъ на полной своей волѣ, по своему вкусу и недалекому умѣнью. Братіи въ архіерейскомъ домѣ я засталъ: эконома—игумена, двухъ іеромонаховъ, іеродіакона и двухъ послушниковъ, итогъ 6 человѣкъ. Архіерейскихъ пѣвчихъ давно уже перестали содержать въ архіерейскомъ домѣ. Эту скудную братію экономъ содержалъ, какъ хотѣлъ. Иногда, да и часто отлучаясь изъ архіерейскаго дома на двѣ на три недѣли. наприм. на сѣнокосъ или просто по страстной склонности на рыболовство, и выдавая провизію для братіи на все это время на руки кухарки, о. экономъ заставлялъ братію чуть не голодать. Случалось и самому преосвященному владыкѣ оставаться безъ обѣда. Рассказываютъ характерный случай, будто преосвященный епископъ Петръ (вообще избѣгавшій пріемовъ, которые требовали издержекъ), однажды пригласилъ къ себѣ какого-то пріѣзжаго изъ Петербурга чиновника на обѣдъ. Между тѣмъ экономъ, по какой-то странной случайности, забылъ приготовить заказанный обѣдъ, и преосвященный хозяинъ,

сказываютъ, плакалъ отъ стыда и огорченія. Его преосвященство дѣлалъ попытку и устранить этого эконома, но не нашелъ подъ руками способнаго человѣка, каковымъ безспорно былъ о. экономъ-игуменъ Филаретъ. Такъ и я засталъ о. игумена Филарета экономомъ же.

Въ какомъ положеніи я засталъ архіерейскій домъ, это обстоятельно изложено мною въ представленіи Св. Синоду отъ 4 Мая 1879 г. № 1942. Повторяю, что я не засталъ здѣсь никакого домоводства, никакой скотины (кромѣ лошадей и одного пса), ни коровы, ни курицы, ни пашни, ни огорода: въ домѣ ни чернилъницы, ни подсвѣчниковъ, ни чайнаго прибора, ни столоваго (кромѣ старинныхъ серебряныхъ ложекъ); въ Крестовой (кромѣ металлическихъ священныхъ утварей) засталъ почти исключительно только старыя, изношенныя и, скажу смѣло, жалкія на видъ вещи. Крестовую нашелъ состоящею собственно изъ одной комнаты въ семь оконъ длины (считая съ алтаремъ), такъ что если отчислить пространство занятое амвономъ, клиросами и солею, то для народа оставалось какихъ либо 1½ сажени мѣста при входѣ изъ холоднаго раскрытаго корридора. Всѣ зданія архіерейскаго дома особенно службы нашелъ я въ полуразрушенномъ или даже буквально разрушенномъ состояніи. По этому съ первыхъ же дней моего пребыванія здѣсь я началъ обновленіе архіерейскаго дома, со всѣхъ хозяйственныхъ мелочей и до капитальныхъ перестроекъ и пріобрѣтеній; началъ съ пріобрѣтенія чернилъницъ, подсвѣчниковъ, полотенецъ, салфетокъ, чашекъ, самоваровъ и т. д.; съ устройства келейниці, которой (кромѣ общей прихожей) не засталъ, и съ капитальной передѣлки Крестовой, которая въ пространствѣ утроена. Зачѣмъ мнѣ понадобилось расширеніе Крестовой? Я надѣялся привлечь народъ и желалъ открыть въ Крестовой постоянное проповѣданіе Слова Божія въ родѣ чтенія, каковыя два-три года впослѣдствіи и совершалъ самолично. Для расширенія Крестовой понадобилось произвести капитальную работу по выемкѣ восьми пролетовъ въ каменныхъ и четырехъ пролетовъ въ деревянныхъ стѣнахъ, съ закладкою каменныхъ стѣнъ, съ перемѣною одной деревянной, съ устройствомъ новаго иконостаса для новаго алтаря и съ передвижкой стараго ремонтированнаго и т. д.

Конечно, при такихъ работахъ остаточныя 3000 руб. оказались каплею, опускаемою въ море, когда здѣсь даже въ сельскихъ церквахъ тратятъ по 8000-10000 р.. Я долженъ былъ крѣпко задуматься, какъ я удовлетворю нуждѣ при такихъ предпріятіяхъ, откуда возьму способы, чѣмъ кончу, если таковыхъ не изобрѣту. Объяснивъ нужду капитальнѣйшаго предпріятія (расширенія крестовой церкви) тѣмъ.

что я предпринимаю это для блага православнаго народа, для привлеченія большаго числа молящихся, а главное для открытія въ Крестовой постояннаго проповѣданія Слова Божія въ видѣ чтеній, руководствуясь досточтимыми прецедентами достойнѣйшихъ преосвященныхъ архіереевъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, я обратился съ просьбою о пособіи для сего по истинѣ святаго дѣла, расширенія и устройства Крестовой, къ Уфимской Градской Думѣ и къ знаменитому благотворителю здѣшняго края, бывшему воспитаннику Уфимской д. семинаріи, Ивану Ѳедоровичу Базилевскому, къ которому изъ Уфы обращались небезплодно всѣ нуждающіеся. Городская Дума, при скудости своихъ средствъ и великой нуждѣ, замедлила благопріятнымъ отвѣтомъ на мое къ ней обращеніе. А какъ въ то же время началась послѣдняя Восточная война и самъ я, будучи членомъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, усмотрѣлъ, какъ Уфимская Дума затруднена въ изысканіи способовъ, чтобы въ трудную для всего отечества годину не отстать отъ другихъ городовъ въ пожертвованіяхъ на святое дѣло Краснаго Креста, то я и поспѣшилъ заявить г. городскому головѣ другою формальною бумагою, что прошу считать мое обращеніе о пособіи взятымъ обратно.. Между тѣмъ именитый благотворительный старецъ, И. Ѳ. Базилевскій, отъ котораго я ждалъ 500-1000 руб., не болѣе, сверхъ чаянія обрадовалъ меня присылкою отъ 10 Декабря 1877 г. на распространеніе крестоваго храма суммы въ 5000 руб. въ мое полное *безотчетное* распоряженіе. Не смотря на то, однакоже, я распорядился вписать ее на приходъ въ книгу неокладныхъ суммъ архіерейскаго дома и пустилъ въ общій оборотъ казеннаго расхода.

Что на эти 5000 руб. съ присоединеніемъ вышеназванныхъ остаточныхъ 3000 руб. и еще 1000 руб., о которой ниже будетъ рѣчь, всего на сумму 9000 руб., излишнихъ противъ штатной ассигновки, что по архіерейскому дому, за пять лѣтъ моего здѣсь пребыванія сдѣлано сверхъ смѣтнаго? 1) Передѣлана крестовая церковь, т. е. въ пространствѣ она конечно утроена. Для этого въ каменной кладкѣ сдѣлано 8 пролетовъ. Къ несчастію, первый изъ двухъ помогавшихъ мнѣ архитекторовъ, въ аркахъ 4 хъ большихъ пролетовъ, въ единственной капитальной стѣнѣ, держащей на себѣ всѣ балки потолка и кровли съ трубами и прочими тяжестями, ошибочно заложилъ деревянные брусья, которые обнаружили несомнительную склонность давать осадку. Пришлось вторично передѣлывать почти всю церковь и сложить своды въ аркахъ уже каменные, съ выпискою издалека и закладкою въ стѣну стальныхъ рельсовъ, по совѣту и подъ наблюденіемъ уже другого архитектора. Въ деревянныхъ стѣнахъ сдѣланы 4 пролета, съ устрой-

ствомъ въ 6 пролетахъ большихъ (шире сажени) стеклянныхъ дверей. При этомъ церковь уже два раза перекрыта обоями. Устроены цѣлая деревянная стѣна и три новыя печи, изъ коихъ одна, выходя въ архіерейскую залу, передвинута съ мѣста на мѣсто съ разбитіемъ и закладкой каменной стѣны. 2) Устроенъ для новаго второго алтаря цѣлый изящный изъ рѣзного орѣха иконостасъ съ иконами и пр., а старый въ главной церкви передвинутъ и реставрированъ. 3) Полы во всей церкви сдѣланы вновь и уже два раза при мнѣ крашены, стѣны снизу облицованы деревомъ подъ орѣхъ, а въ алтарѣ орѣхомъ. 4) Кіоты реставрированы. Устраивается изящное горнее мѣсто. Устроены двѣ плащаницы, одна въ 300 р., гробница для плащаницы, три настѣнныхъ кіота для привѣски двухъ напрестольныхъ и одной старой плащаницы, три орѣховые лучшаго рисунка шкафа, два ящика (для свѣчей и книгъ), орѣховое сѣдалище со стойкою для архіерея, два орѣховые столика при двухъ престолахъ, два престола, два жертвенника, выносные столики сдѣланы вновь. 5) Приобрѣтены двѣ занавѣси къ царскимъ вратамъ, пять полныхъ приборовъ облаченій на престолы, жертвенники и проч. (траурное, полутраурное и три свѣтлые), пять полныхъ облаченій на всѣхъ служащихъ при архіерейскомъ служеніи до посошника и лампадика включительно (кромѣ передѣланныхъ старыхъ облаченій), полный приборъ ковровъ для праздничнаго архіерейскаго служенія, кромѣ прежняго стараго. 6) Вновь приобрѣтены: люстра, нѣсколько изящныхъ лампадъ, седмисвѣчникъ и большой тресвѣчникъ, нѣсколько подсвѣчниковъ, пара бронзовыхъ календелябровъ на престолъ, пара хоругвей, напрестольный прекрасный крестъ (другой старый оставленный великолѣпно передѣланъ), малое серебряное евангеліе, нѣсколько приборовъ великолѣпнѣйшихъ воздуховъ, цѣнная (въ 400 р.) дарохранительница, пасхальная свѣча, кропило. Многое изъ этого приобрѣтено отъ добрыхъ дѣлателей, но многое и на чистыя деньги дома и церкви. 7) Старые шкафы изящно реставрированы, кадило вызолочено, посохъ высеребренъ и позолоченъ, богослужебныя книги многія перемѣнены, въ алтарѣ надъ престоломъ сдѣлано живописное изображеніе Св. Духа, подготовленъ къ живописной росписи большой плафонъ потолка; устроены новыя клиросы, поставлены около стѣнъ деревянные диванчики, куплена дюжина Вѣнскихъ стульевъ для церкви. Вообще трудно все исчислить. И наша Крестовая теперь блеститъ не только приличіемъ, но и благолѣпіемъ и изяществомъ. Собственно по дому и домовому хозяйству: 8) Одинъ разъ штукатурены и окрашены всѣ многочисленныя зданія архіерейскаго дома; теперь лежитъ нужда уже повторить. 9) Выкрашены мѣдяною всѣ желѣзныя крыши; теперь скоро понадобится повторить, а это дорого стѣитъ. 10) Пере-

крыта деревянными досками вся каменная ограда: деревянная ограда на весьма большомъ пространствѣ сдѣлана вновь. 11) Въ старомъ каменномъ флигелѣ одинъ потолокъ сдѣланъ вновь, прочіе подкрѣплены, но всѣ грозятъ паденіемъ. 12) Устроенъ вновь дровяной дворъ, изъ трехъ большихъ навѣсовъ покоемъ съ сторожевою избою: дорого стоящая подѣлка. 13) Развалившаяся старая баня снята совсѣмъ; брошенная и разоренная внутри каменная баня уже два раза реставрирована. съ устройствомъ вновь потолоковъ, полковъ, печей, оконныхъ рамъ, однимъ словомъ всего, кромѣ полуразрушившихся каменныхъ стѣнъ и желѣзной изветшавшей крыши, которую нѣсколько разъ чинили и бесплодно. 14) Перекрытъ весь загородный домъ. 15) Устроена новая сторожевая изба на лугу. 16) Въ 70 верстахъ отъ города построена совершенно новая мельница о трехъ поставахъ, съ избою для мельника, большою землянкою и амбаромъ для приѣзжающихъ и кузницей: сооруженіе стоившее болѣе 2000 рублей. 17) Насажено 4 палисадника, разводится новый большой садъ, съ огородами. 18) По службамъ, конюшня два раза при мнѣ перемощена съ переборкою стойлъ. При ней сдѣланъ большой навѣсъ. Два экипажныхъ сарая перемощены. Одна каменная стѣна переложена. Два старые развалившіеся сарая сняты совсѣмъ. Одинъ деревянный сарай вновь устроенъ сполна. Одинъ упавшій погребу поднятъ и вновь устроенъ. Устроены двѣ или даже три отдѣльные рет—ды. Устроена одна бесѣдка. 19) По большому дому переложены почти всѣ печи, въ кухнѣ съ перемѣною плитъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ перебраны полы; въ двухъ мѣстахъ подобраны потолки, угрожавшіе паденіемъ, съ починкою развалившейся каменной кладки. Устроены вновь парадное каменное крыльцо и прекрасный тамбуръ, одно деревянное крыльцо, одинъ крытый ходъ, прекрасный балконъ (изъ рет—ды весьма неблаговидной, бывшей слишкомъ на виду); два каменные крыльца совершенно передѣланы. Устроенъ вновь сквозной (не переносный), первый и чуть ли не единственный во всей Уфѣ, ватеръ-клозетъ *). Парадная лѣстница совершенно передѣлана, съ окраскою стѣнъ въ двухъ прихожихъ въ двухъ этажахъ. Устроены швейцарская, канцелярія и келейницкая, съ прокладкою дверей и съ устройствомъ люка и черной лѣстницы (каковой, кромѣ одной парадной, до меня не было). Въ пяти архіерейскихъ кельяхъ перемѣнены обои. Въ залѣ передвинута печь, выходящая въ алтарь, съ переборкою части каменной стѣны. Проложенъ новый люкъ въ каменной стѣнѣ въ алтарь

*) Это напоминаетъ выраженіе Филарета архимандриту Антонію, когда тотъ предлагалъ устроить въ Троицкой Лаврѣ ватеръ-клозеты: „Роскошь отъ стола и пищи низшла и туда, куда утроба извергаетъ негодное“. II. Б.

для моленной. 20) Устроено вновь шесть библиотечныхъ орѣховыхъ шкафовъ лучшаго рисунка, божница изъ орѣха, особая моленная у люка въ алтарь, съ сѣдалищемъ изъ орѣха же, письменное бюро, письменный большой столъ также изъ орѣха, рукомойникъ съ пружиною, два печныхъ экрана, занавѣси на всѣ окна, двѣ большія стойки для цвѣтовъ, двѣ вѣшалки въ швейцарской и пріемной; старая мебель вся перечинена. 21) Реставрированы 20 великолѣпныхъ живописныхъ портретовъ Императорскаго Дома Романовыхъ съ старинными рамами. Приобрѣтены вновь за цѣну болѣе 80 рубл. большіе олеографическіе портреты Государей Императоровъ, почившаго и нынѣ царствующаго, въ великолѣпныхъ золоченыхъ рамахъ. Устроены новые живописные портреты, одинъ почившаго Государя, одинъ его же, лежащаго на смертномъ одрѣ; одинъ почившей, одинъ царствующей Императрицы, всѣ въ великолѣпныхъ рамахъ, одинъ портретъ строителя дома епископа Амвросія въ великолѣпнѣйшей рамѣ, 14 живописныхъ портретовъ всѣхъ Уфимскихъ архіереевъ въ большихъ приличныхъ рамахъ. Приобрѣтено пять большихъ живописныхъ картинъ съ устройствомъ новыхъ приличныхъ рамъ, не говоря о большихъ литографіяхъ. 22) Приобрѣтено для дома трое стѣнныхъ часовъ. Не говорю о самоварахъ, о чашкахъ, о салфеткахъ и т. д. Приобрѣтены: ручная пожарная труба, четыре чернильныхъ прибора, пара бронзовыхъ канделябръ для комитетскихъ засѣданій, четыре пары подсвѣчниковъ. 23) Приобрѣтены: новая карета изъ Казани, стоившая около 1300 рубл., также старая, но прочная коляска; не говорю о дрожкахъ, телѣжкахъ и санкахъ для эконома и казначея, о телѣгахъ и саняхъ для прислуги, о экипажахъ для поѣздки архіерея со свитою по епархіи. Два раза приобрѣтена вся парадная упряжь, не говоря о простой. 24) Необходимость заставила купить пару выѣздныхъ лошадей, когда одинъ прежній бѣшеный конь разбилъ окончательно, до совершенной негодности къ употребленію, старую карету и убилъ другую добрую лошадь: куплено пять коровъ и т. д. 25) Сверхъ этого мнѣ отъ предметниковъ моихъ досталась печальная доля энергически домогаться выдачи отъ гражданской власти плановъ и межевыхъ книгъ на крайне скромныя дачи, выдѣленные архіерейскому дому отъ казны еще въ началѣ текущаго столѣтія, что съ высылкою депутацій на мѣсто, съ содержаніемъ тамъ понятыхъ и другими издержками стоило дому при мнѣ 800—1000 рубл. А между тѣмъ архіерейскій домъ. какъ и до меня, вынужденъ былъ выдерживать за эти же дачи нѣсколько процессовъ, такъ и при мнѣ. Сарапульская удѣльная контора возбудила тяжёбный процессъ, и мы вынуждены были нанять опытнаго адвоката, что будетъ стоить нѣсколько сотъ рублей. 26) Да двумъ архитекторамъ, за наблюденіе за постройками въ архіерейскомъ домѣ, выплачено болѣе 300 рубл.

Такимъ образомъ, все сдѣланное мною по дому, было бы баснословіемъ, если бы не было былью во очію всѣхъ. И конечно исчислено мною не все, напр. устроено 6 флаговъ для выставки въ высокоторжественные дни, устроены мостки около дома въ видѣ тротуара; разведено моими заботами столько комнатныхъ цвѣтовъ, что ихъ и ставить негдѣ, а между ними есть и рѣдкія растенія. Я самъ вотъ уже пять сряду лѣтъ ежемѣсячно повѣряю съ экономомъ, казначеемъ и секретаремъ моей канцеляріи приходорасходныя домовыя книги и всякій разъ собственноручно подписываю ихъ рядомъ съ другими, экономомъ и казначеемъ. Нѣтъ, я не безрасчетливъ и не раззоритель дома, а возсоздатель. Многое создано вновь на десятки лѣтъ, а нѣчто и на вѣка.

Нужно-ль еще сдѣлать что либо по дому? Нужно сдѣлать немало, даже капитальныхъ вещей. Не говорю о необходимости постоянного ремонта, о томъ, что снова предлежитъ нужда штукатурить и красить наружныя стѣны, красить и чинить крыши; что безъ постоянного ремонта, такъ обычнаго въ благоустроенныхъ зданіяхъ, архіерейскій домъ долженъ скоро опять принять грязный, нищенскій, бурсацкій видъ, въ какомъ я засталъ его. Но архитекторы настойчиво рекомендуютъ, и очевидность указываетъ слѣдующія нужныя подѣлки: 1) На главномъ зданіи боровы трубъ устроены тяжеловѣсно и съ опасностью пожара. 2) Домъ не имѣлъ солиднаго ремонта 50 лѣтъ. Оттого желѣзо крышъ вездѣ продырявилось, а стропила сгнили до того, что гвозди по мѣстамъ не держатся. 3) Деревянный фронтонъ подгнилъ, и течь изъ подъ него проникаетъ даже въ парадныя архіерейскія комнаты. 4) Полы въ корридорахъ избиты до безобразія; перестлать ихъ весьма нужно. 5) Потолки въ каменномъ флигелѣ угрожаютъ паденіемъ отъ ветхости; да и все тамъ, двери, рамы и т. д. слишкомъ ветхо. 6) Множество рамъ по всему дому изветшали и требуютъ перемѣны. Но на такія капитальныя починки у насъ и не предвидится способовъ.

Среди такихъ-то обстоятельствъ я взялъ отвагу обратиться отъ 4 Мая 1879 г. за № 1942 съ представленіемъ къ Св. Синоду о дарованіи пособія Уфимскому архіерейскому дому, чему зналъ примѣры въ дѣятельности досточтимѣйшихъ преосвященныхъ архіереевъ. Представленіе это долго и разносторонне обдумывалось и Св. Синодомъ отчасти уважено; слѣд. излагать вторично уже бывшіе на разсмотрѣніи высшей власти мои мотивы было бы излишествомъ. По чести говоря, я самъ рассчитывалъ просить о постоянномъ воспособленіи Уфимскому архіерею (на основаніи прецедента: преосвященному Уфимскому Филарету выдавалось ежегодно пособія 1000 р.) и архіерейскому дому; но знающими людьми мнѣ данъ добрый совѣтъ, что Св. Синодъ, при скудости финан-

совѣ, едва ли назначить постоянное пособіе; а благонадежныѣ просить единовременнаго пособія на поправку дома изъ строительнаго капитала, изъ котораго иногда дѣлаются выдачи. Такъ я и сдѣлалъ. При чемъ я доносилъ Св. Синоду, что съ своей стороны считаю возможнымъ довольствоваться назначеннымъ лично мнѣ окладомъ жалованья (въ 1500 р. годовыхъ), но увеличеніе содержанія дома признаю крайне-нужнымъ. И указомъ Св. Синода отъ 27 Августа 1879 г. за № 1659 мнѣ предписано составить смѣту на приведеніе дома въ надлежащую исправность, а въ ежегодномъ отпускѣ Уфимскому архіерею 1000 рубл. (по примѣру преосвященнаго Филарета) отказано. Требуемая указомъ Св. Синода смѣта была составлена весьма внимательно мѣстнымъ очень опытнымъ архитекторомъ-инженеромъ и рассмотрѣна строительнымъ отдѣленіемъ Губернскаго Правленія. Но Св. Синоду благоугодно было явить мнѣ болѣе желательную милость, ассигновавъ ежегодную прибавку къ содержанію архіерейскаго дома въ 1000 рубл., каковую вотъ уже полтора года мы и получали...

Но пока шла эта переписка, въ виду вѣроятности полученія отъ высшей власти полнаго отказа во всемъ, въ виду тяжкихъ для нашей экономіи затратъ на постройку мельницы, которую всѣ знающіе около меня люди находили необходимою, въ виду крайне встревожившей меня уже положительной необходимости принять заложенные деревянные брусья изъ пролетовъ въ капитальной стѣнѣ крестовой церкви, съ замѣною ихъ дорого-стоющими каменными арками съ закладкою стальныхъ рельсовъ для окончательнаго упроченія, слѣдовательно въ виду вторичной передѣлки почти всей внутренности въ крестовой церкви, я вынужденъ былъ обратиться къ причту Табынской церкви о пособіи архіерейскому дому единовременнымъ пожертвованіемъ. Нужно сказать, что въ Уфимской епархіи, при существованіи одного только крайне бѣднаго мужскаго монастыря около самой Уфы, имѣются двѣ церкви. въ сел. Табынскѣ и Березовкѣ на Камѣ, находящіяся въ особыхъ условіяхъ рѣдкаго благосостоянія, даже богатства, доставляемаго какъ церквамъ, такъ и причтамъ при нихъ, древними общечтимыми чудотворными иконами, Табынскою Божіей Матери и Березовскою святителя Николая. Съ одной изъ этихъ иконъ совершается крестное ходженіе по Уфимской, Оренбургской и Самарской епархіямъ, а съ другой по Уфимской, Пермской и Вятской епархіямъ. Каждая изъ этихъ церквей получаетъ ежегодно (не считая кружечнаго причтоваго) дохода около 5000 рубл. и болѣе. Такимъ образомъ двѣ приходскія церкви избыточествуютъ, сія всякимъ великолѣпіемъ, когда архіерейскій домъ и его крестовая церковь поражали бѣдностью и

недостатками всякаго рода. Изъ нихъ Табынская приходская церковь и наслѣдовала свою древнюю святыню отъ нѣкогда существовавшаго здѣсь древняго монастыря. А въ Березовѣ, въ виду древней же святыни, чудотворной иконы святителя Николая, народное чувство признало нужнымъ устроить новый монастырь. Этотъ монастырь и заложенъ тамъ лѣтъ за 25 до моего прибытія, и мои предмѣстники, преосвященные архіереи, питали нескрываемую думу приписать этотъ ново-устроаемый монастырь къ архіерейскому дому, съ перенесеніемъ туда и древней Березовской святыни. Правда, епархіальные сѣзды накладывали на эти двѣ исключительныя благоденственныя церкви нелегкіе доборы, при всякихъ требованіяхъ, на постройку ли зданій Уфимскаго Д. училища, на нужды ли епархіальнаго женскаго училища и т. п. Въ виду же бѣдности Уфимскаго архіерейскаго дома, какой я не видалъ въ другихъ бѣднѣйшихъ архіерейскихъ домахъ (напр. въ Саратовѣ и Самарѣ въ 50-хъ годахъ, или въ Донскомъ архіерейскомъ домѣ въ 70-хъ годахъ), я въ свою очередь, пробуя и приготовляя общественное мнѣніе около себя, сталъ громко и часто говорить, что намѣренъ просить Св. Синодъ о назначеніи Уфимскому архіерейскому дому ежегоднаго пособія изъ суммъ церквей Табынской и Березовской, которыя избыточествуютъ, когда архіерейскій домъ и Крестовая терпятъ чуть не нищету. При этомъ я громко же говорилъ, что вотъ, примѣрно, необходимо дому завести выѣздные экипажи; лучшею выѣздною здѣсь каретою была сдѣланная въ первые годы при преосвященномъ Филаретѣ, т. е. за 20 лѣтъ до меня, да и та теперь окончательно разбита бѣшеною лошадыю; вторая выискана была мною между старымъ экипажнымъ хламомъ, которая неизвѣстно когда-то куплена была уже старою у одного Уфимскаго купца; всякій выѣздъ въ такихъ экипажахъ стоилъ 15—20 рубл.: выѣхалъ, и рессора лопнула, а за починку ея берутъ здѣсь не менѣе 15 рубл. Зимній возокъ возилъ моихъ предшественниковъ съ незапамятныхъ временъ (старожилы перемерли, а изъ новыхъ лицъ около меня уже никто не помнитъ, когда этотъ возокъ пріобрѣтенъ), а его уже и чинить мастера отказываются, почему въ поломанныхъ мѣстахъ онъ перевязанъ ремнями и веревками, такъ что всѣ извозчики по городу смѣются: я бы поѣхалъ и на дрожкахъ, да и тѣхъ порядочныхъ нѣтъ, да и обычай архіерейскихъ выѣздовъ мѣшается: не мною началось, не мною пусть и кончится (я знаю, какъ въ Петербургѣ осудили одного ново-поставленнаго архіерея, который возымѣлъ смѣлость прокатиться на извозникѣ „въ пролеткѣ“). Потому-то Анонимъ и толкуетъ о пріобрѣтенной каретѣ. Но испрошенная мною у Табынской церкви и предложенная Табынскимъ причтомъ жертва пособія въ количествѣ 1000 р. употреблена не на карету, а вписана

въ приходе-расходную книгу архіерейскаго дома и въ общемъ оборотѣ пошла на крестовую церковь, на вторичную окончательную ея отдѣлку. Она предложена Табынскимъ причтомъ не по принужденію съ моей стороны, а совершенно свободно изъ признательности за оказанную имъ мною весьма важную и благотворную для нихъ, какъ и для Табынской церкви услугу, услугу не на одинъ годъ, а на десятки лѣтъ, если не на вѣка: по моему усиленному ходатайству предъ преосвященными епископами Самарскими Герасимомъ и Серафимомъ, достигнуто разрѣшеніе высочайшей власти на обношеніе чудотворной Табынской иконы чрезъ три уѣзда Бузулукскій, Бугурусланскій и Бугульминскій Самарской губерніи, съ весьма густымъ населеніемъ, чего православный Самарскій народъ давно уже домогался, но безплодно... А это равняется чуть не удвоенію способовъ Табынской церкви. Свою совершенно свободную радостную признательность причтъ Табынскій и выразилъ въ рапортъ на мое имя отъ 24 Февраля 1880 г. „Благодаря сочувствію вашего преосвященства“, писали они, „къ прославленію Пресвятыя Богородицы, явленной въ ликѣ чудотворнаго образа, столь чествуемаго православными, благодаря христіанскому вниманію вашего преосвященства къ усердной просьбѣ православныхъ чествователей“ сей святыни изъ „Бугурусланскаго уѣзда, получившихъ возможность, по ходатайству вашему, принести усердныя молитвы предъ чудотворною иконою, причтъ находить возможнымъ одновременно оказать посильную помощь Уфимскому архіерейскому дому, изъ суммъ (избытковъ) Табынской церкви, въ количествѣ тысячи рубл.“ Я принялъ эту сумму, вписалъ ее на приходъ въ книги архіерейскаго дома и употребилъ на окончательную капитальную передѣлку крестовой церкви, а жертвователямъ, причту и старостѣ выразилъ официально чрезъ д. консисторію мою сердечную благодарность.

На какомъ законномъ основаніи это сдѣлано мною? На основаніи множества достопочтеннѣйшихъ примѣровъ. Мнѣ извѣстно много случаевъ, что 1) преосвященные архіереи собирали съ епархій, собственною инициативою, пожертвованія на мужскія и женскія духовныя училища, а въ послѣдствіи эти сборы вошли въ силу закона; 2) собирали пожертвованія съ богатѣйшихъ церквей на бѣднѣйшія, на ихъ устройство и обзаведеніе; 3) собирали на устройство и обзаведеніе крестовыхъ и другихъ церквей въ архіерейскихъ домахъ; 4) форменнымъ порядкомъ переводили суммы изъ каѳедральныхъ соборовъ и казеннокоштные оклады изъ духовно-учебныхъ заведеній на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ сихъ заведеній, архіерейскихъ пѣвчихъ. такъ какъ на тѣ скудныя суммы, которыя ассигнуются нынѣ по шта-

гамъ на содержаніе архіерейскаго хора (въ Уфѣ на 650 р. въ годъ) содержаніе архіерейскихъ пѣвчихъ стало совершенно невозможно; 5) изобрѣтали по епархіямъ способы на содержаніе преосвященныхъ викаріевъ, что вошло въ силу высшихъ правительственныхъ распоряженій; 6) изобрѣтали по епархіямъ способы на жалованье благочиннымъ, на вспоможеніе нищенствовавшимъ чиновникамъ консисторіи и на другія обще-епархіальныя нужды (пособія миссіонерамъ и т. п.); 7) заимствовали по епархіямъ иногда большія суммы на устройство свѣчныхъ заводовъ при архіерейскихъ домахъ или монастыряхъ, на устройство миссіонерскихъ отдѣленій, ученическихъ общежитій, духовныхъ богадѣленъ и т. д.; 8) собирали обильныя подаванія на церкви православнаго Востока, какъ и я собиралъ на церкви православной Болгаріи, въ каковыхъ сборахъ мною и даны обстоятельныя отчеты въ Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Я и полагалъ, что всѣ эти примѣры, многіе изъ нихъ одобряемые, поощряемые и утверждаемые высшею властью, уполномачиваютъ и меня принять единовременное пособіе, при перестройкѣ крестовой церкви, когда она при Уфимскомъ архіерейскомъ домѣ одна единственная (не такъ какъ при другихъ старинныхъ и богатыхъ архіерейскихъ домахъ); когда она была очень мала, непомѣстительна (а бывають случаи, что архіереи, по болѣзненности, или по дряхлости, и не могутъ священнодѣйствовать нигдѣ, кромѣ Крестовой); когда она была бѣдна до нищенства, бѣднѣе всѣхъ приходскихъ церквей въ городѣ и весьма многихъ въ епархіи; когда въ епархіи имѣются церкви, которымъ уже не на что съ пользою и благодѣяніемъ употреблять накапливаемыя въ нихъ суммы; когда у нихъ благолѣпіе церковное блистательнѣе не то что убогой Крестовой, а даже кафедральнаго собора. При печальномъ положеніи государственной финансовой системы, при бѣдственномъ для очень многихъ, почти для всѣхъ служащихъ на государственной службѣ и получающихъ штатныя оклады, измѣненіи стоимости цѣнностей, неотложная нужда заставляетъ всѣхъ озаботиться, въ предѣлахъ закона, удовлетвореніемъ неотложныхъ нуждъ, изъ новыхъ какихъ либо благодѣльныхъ источниковъ.

О томъ, что я не „вытѣснялъ всѣми уважаемаго настоятеля Уфимскаго Успенскаго монастыря игумена“ (архимандрита?) „Кирилла“, я уже имѣлъ честь изъясняться предъ высшею властію. Повтореніе было бы излишнимъ. Позволю себѣ замѣтить только, что тожество мотивовъ инсинуаціи въ прежней запискѣ относительно изгнанія мною о. архимандрита Кирилла и въ Анонимѣ намекаетъ на единство источника... Въ Анонимѣ говорится, что о. Кириллъ „привелъ въ должный порядокъ

во всѣхъ отношеніяхъ упавшій монастырь⁴. Не отрицаю. Но я принялъ монастырь во внѣшнемъ отношеніи извѣстнаго, а во внутреннемъ почти безъ братства. При мнѣ же, за одинъ годъ моего управленія монастыремъ, окрашены желѣзныя крыши на двухъ каменныхъ церквахъ, самыя церкви оштукатурены и выбѣлены, какъ выбѣлена и вся стѣна кругомъ монастыря на большомъ пространствѣ, построены новая рет—да и деревянные мостки для хода братіи; отдѣланы очень хорошее помѣщеніе для о. архимандрита Варлаама, проживающаго на покоѣ, лучшія келіи для братіи, новая трапеза и новая кухня. Все это сдѣлано главнымъ образомъ на пожертвованную сумму при посредствѣ и усердіи о. архимандрита Варлаама, но частью и на скудные средства монастыря. А братіи въ монастырѣ я могу теперь имѣть, сколько захочу, лишь были бы только средства прокармливать. До моего же управленія монастыремъ, почему-то не оказывалось въ нѣсколько лѣтъ ни одной души, желающей поступить въ монастырь, не смотря на усиленные приглашенія не только со стороны настоятеля, о. архимандрита Кирилла, но и на мои собственные по всей епархіи.

Безобразно объясняется въ Анонимѣ, почему будто бы я „*велъ небывалый и невиданный обычай возить*“ общетимую икону Казанскія Божія Матери Уфимскаго кафедральнаго собора въ экипажѣ, будто это сдѣлано „*для скорости хода и большей выручки денегъ*“ и будто надъ этимъ именно, надъ передвиженіемъ иконы въ экипажѣ, глумятся Магометане. Это обычай здѣсь и бывалый и виданный, икона изстари между селеніями перевозилась въ экипажѣ, который изстари и существовалъ при здѣшнемъ кафедральномъ соборѣ. Но составленными мною, по тщательномъ совѣщаніи съ соборнымъ кафедральнымъ причтомъ и утвержденными св. Синодомъ правилами, предписано къ непремѣнному исполненію, чтобы сія святая икона между селеніями была перевозима въ экипажѣ, а не переносима на рукахъ. И это сдѣлано, главнымъ образомъ, во избѣжаніе встрѣчи съ невѣрными Татарами, въ отвращеніе ихъ глумленія, что въ здѣшнемъ краѣ случалось и случается при встрѣчахъ Мусульманъ съ христіанскими крестными по селамъ и деревнямъ ходами, какъ то въ Св. Пасху. при молебствіяхъ на поляхъ и т. п.

Несправедливо утвержденіе Анонима, будто хожденіе съ сею иконою распространено по всей епархіи. Нѣтъ, самыми правилами сего хожденія оно распространено не на всю епархію, но за исключеніемъ той части, по которой издревле шествуетъ св. Табынская икона, т. е., всего Стерлитамакскаго уѣзда, большей части Белебеевскаго и части Уфимскаго уѣздовъ; а всѣхъ уѣздовъ въ Уфимской епархіи числомъ

только шесть. Да и обстоятельства не позволяютъ обносить св. икону по всей епархіи при здѣшнихъ огромныхъ разстояніяхъ. Такъ лѣтомъ и осенью и за начало зимы 1880—1881 г. она обнесена по малой части Белебеевскаго и Уфимскаго уѣздовъ и по большей части Мензелинскаго; и въ тотъ же періодъ 1881—1882 г., обнесена по части Бирскаго, Златоустовскаго и Уфимскаго уѣздовъ. Можно полагать, что не иначе какъ въ три года она успѣетъ обойти пространство, назначенное правилами для этого хода. При семъ имѣется въ виду благоразумная предусмотрительность, чтобы безъ особо настоятельныхъ вызововъ со стороны православнаго народа не носить эту святыню туда, гдѣ можно опасаться предполагаемой холодности населеній по причинѣ раскольническаго духа, какъ то въ глуби Златоустовскаго уѣзда.

„Препосвященный отдѣляетъ чуть ли не половинную часть доходовъ, собираемыхъ при этомъ ходѣ, для Крестовой, изъ которой львиная часть идетъ ему самому“. Невѣрно и это утвержденіе Анонима. Идущая на архіерейскій домъ часть изъ сбора, при хожденіи съ сею св. иконою, опредѣлена утвержденными Св. Синодомъ правилами, по свободному соглашенію съ соборнымъ причтомъ. Изъ свѣчнаго сбора двѣ части поступаютъ въ соборъ, на нужды церкви, а третья часть идетъ на Крестовую церковь. Эта часть за круговое годичное обношеніе, за часть лѣта, за осень и за начало зимы 1881—1882 равнялась 691 рубл. Изъ собираемой же при этомъ братской кружки точно также третья часть поступаетъ на Крестовое братство; а изъ сей уже третьей части законенная третья часть отчисляется на долю архіерея.

Это даетъ мнѣ самому поводъ счесть, сколько сталъ я получать изъ кружечнаго братскаго сбора отъ крестнаго хода съ означенною св. иконою и отъ самой Крестовой церкви. Должно замѣтить, что изъ собственно крестовскаго братства дохода, пока онъ не соединился съ частію братскаго дохода, получаемого отъ означеннаго крестнаго хода, я ничего не бралъ, т. е. не получалъ никакихъ доходовъ за три (1877—1879) года. Братскій доходъ самой Крестовой церкви слагается изъ сборовъ за отправленіе нѣкоторыхъ требъ крестовою братіею съ сей церкви, именно за служеніе молебновъ и панихидъ, и изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ на вѣчное поминовеніе. Такимъ образомъ, по представленной мнѣ конторою архіерейскаго дома табели всѣхъ въ совокупности доходовъ изъ братской кружки за истекшій 1881 г., я получилъ 997 руб.

А по управляемому мною Уфимскому Успенскому монастырю за тотъ же 1881 г., доходовъ изъ братской кружки, которыхъ на мою

долю приходится указанная третья часть, считая въ томъ числѣ и третью часть процентовъ съ капиталовъ, пожертвованныхъ на вѣчное поминовеніе, и штатнаго жалованья, получено мною всего въ совокупности 325 руб. Такимъ образомъ, вся въ совокупности сумма 1322 р., вотъ та не „львиная“, а узаконенная часть братскихъ доходовъ, да еще и въ соединеніи и съ штатнымъ жалованьемъ, слѣдующимъ настоятелю монастыря, которую началъ я получать изъ крестовской и монастырской братской кружки впервые съ истекшаго 1881 г., что въ соединеніи съ штатнымъ архіерейскимъ жалованьемъ въ 1500 рубл. составило годовое обезпеченіе Уфимскаго архіерея общемою суммою жалованья и доходовъ въ 2822 руб., и я благодарю Бога, не жалуюсь и не ищю ббльшаго. И радуюсь, что мои преемники не будутъ терпѣть ту скудость, съ какою я встрѣтился здѣсь.

Наконецъ, мнѣ стыдно оправдываться въ принятіи приношеній „иконами, солонками“ и т. д. Но и этотъ предметъ объясню съ подобающею искренностію. Въ настоящее время въ Уфимскомъ краѣ не существуетъ обычая дѣлать какія бы то ни было приношенія за особія архіерейскія, какъ-то праздничныя-храмовыя или погребальныя служенія. Но если бы подобный обычай и существовалъ и я не уничтожалъ его, то мнѣ неумѣстно было бы оправдывать его, такъ какъ подобныя приношенія не отвергалъ даже благоговѣйночтимыя памяти святители Московскій Филаретъ, какъ не отвергали Россійскіе іерархи и прежнихъ временъ до незапамятной древности. Въ пять лѣтъ моего пребыванія здѣсь, я погребалъ только въ самое послѣднее время старосту каѳедрального собора, купца съ значительнымъ состояніемъ, и по просьбѣ представителей дворянства совершалъ заупокойную литургію и панихиду по бывшемъ губернскомъ предводителѣ дворянства, который скончался въ С.-Петербургѣ. Въ обоихъ случаяхъ я уклонился отъ всякой рѣчи о приношеніи за трудъ священнодѣйствія. Нѣкоторые исключеніе изъ сего правила составляютъ усердіе причтовъ Березовской и Табынской церквей, состоящихъ въ особыхъ условіяхъ благосостоянія, и Всероссійское сердоболіе женскихъ монастырей, которые иногда всеусердно предлагаютъ то или иное приношеніе отъ праведныхъ трудовъ собственныхъ рукъ. Первая же мать игуменья Уфимскаго женскаго монастыря, по прибытіи моемъ въ г. Уфу, поднесла мнѣ св. икону собственной монастырской работы, я принялъ ее съ благоговѣніемъ. Причтъ и староста каѳедрального собора тогда же поднесли храмовую икону Казанскія Божія Матери, я принялъ съ благоговѣніемъ. При посѣщеніи знаменитой Березовской церкви въ 1877 году и знаменитой Табынской церкви въ слѣдующемъ 1878 г. настоятели

поднесли мнѣ св. иконы-копіи особо чтимой мѣстной святыни. и принялъ съ благоговѣніемъ. По другимъ же церквамъ, при архіерейскомъ священнодѣйствіи въ нихъ, и это не дѣлается, нѣтъ обычая. Случилось однакоже слѣдующее. Забылось въ здѣшнемъ краѣ и на практикѣ совсѣмъ почти вышло изъ употребленія правило глубочайшей христіанской древности, чтобы новоустрояемыя церкви освящаемы были не инымъ кѣмъ, какъ архіереемъ. Ревнуя о сохраненіи всѣхъ древле-церковныхъ обычаевъ, ревнуя о высокой чести присоединить мою грѣшную, но архіерейскую молитву къ великому священнодѣйствію освященія ново-созданныхъ церквей, я сталъ приурочивать свои поѣздки по епархіи къ нуждѣ освятить тотъ или другой или нѣсколько вмѣстѣ изъ ново-созданныхъ храмовъ Божіихъ. Въ 1877 г. я удостоился освятить только одинъ престолъ въ ново-устрояемой церкви и за трудъ мнѣ не было предложено ничего. Въ слѣдующемъ же 1878 г., по освященіи ново-созданной церкви, о. настоятель вошелъ тихо въ мое помѣщеніе съ пакетомъ въ рукѣ, отъ имени богатѣйшаго въ краѣ купца, своего родича, принимавшаго живое участіе въ построеніи ново-освященной церкви; я и слушать не сталъ, махнувъ рукою на выходъ назадъ. Тогда онъ о. настоятель прибылъ въ г. Уфу, приобрѣлъ здѣсь св. икону, каковую и поднесъ мнѣ, и я принялъ. Этому примѣру стали подражать при храмоосвященіяхъ и другихъ церквей, но не во всѣхъ мѣстахъ. Я нигдѣ не отвергалъ, гдѣ св. иконы подносились мнѣ на память важнаго для мѣстности празднованія. Но сколько могу припомнить, всѣхъ поднесенныхъ иконъ я принялъ, за всѣ пять лѣтъ моего пребыванія въ здѣшнемъ краѣ, никакъ не болѣе 15, изъ которыхъ старѣйшія оставляю пока у себя на молитвенную память, а остальные или разослалъ въ поднесеніе или роздалъ близкимъ лицамъ въ благословеніе и на память. Между тѣмъ, не далѣе какъ въ истекшемъ 1881 году изъ одного именитаго здѣсь мѣста, гдѣ давно многими трудомъ и усердіемъ строилась прекрасная каменная церковь, настойчиво домогались, чтобы я прибылъ лично освятить ее. А вблизи того же мѣста готовы были къ освященію и еще двѣ церкви, одна въ томъ числѣ первая, устроенная въ коренномъ крещено-татарскомъ приходѣ, главнымъ образомъ, на сумму 30000 рубл., ассигнованную Московскимъ Совѣтомъ Миссіонерскаго общества. Я имѣлъ крѣпкое желаніе и усердіе поѣхать туда. хотя и очень далеко было. послужить святому дѣлу освященія сихъ трехъ храмовъ Божіихъ и соединить свое грѣшное имя съ памятью о сихъ храмозданіяхъ. Но когда узналъ, что особенно домогавшійся моего личнаго прибытія о. настоятель, собравъ сходъ прихожанъ, предложилъ имъ собрать солидную сумму собственно на предлагаемое храмоосвященіе, я отказался поѣхать, вынеся изъ всей этой

исторіи прискорбное впечатлѣніе. А не такъ давно, предъ праздникомъ Рождества Христова, отпуская въ тотъ (Мензелинскій) край одного изъ мѣстныхъ благочинныхъ (Мензелинскаго собора протоіерея Владимира Ув—го) и общая прибыть въ его благочиніе на будущее лѣто (Богу содѣйствующу), чтобы между прочимъ освятить тамъ и такія-то церкви, я далъ ему напутствіе: „мнѣ за освященіе не подносите ничего, ни даже св. иконы“... Это потому, что на меня потянуло сквернымъ духомъ, который своимъ гнилымъ зловоніемъ отравляетъ и чистое дѣло, духомъ злословія и клеветы, который отразился и въ Анонимѣ.

Что же касается встрѣчи архіерея съ хлѣбомъ-солью, то я не только не ослабляю, а наоборотъ, поддерживаю этотъ исконный, свято-отеческій, православно-русскій обычай. И признаюсь, морщусь не скрываясь, если иной священникъ или даже протоіерей, принимая меня въ рѣдкій случай моего посѣщенія въ свой домъ, починится вынести на встрѣчу, по старо-русскому обычаю, хлѣбъ-соль. Я уже убѣдился по опыту, что такой непременно либераль или самъ, или въ лицѣ своей супруги, какой либо урожденной мѣщанки, или гоняется за модою, или по крайней мѣрѣ чинится и стыдится исполнить старинный почтенный обрядъ, считая себя выше его, а архіерея ниже той чести, которая изстари оказывалась архіерейскому сану.

Но видѣть завистливымъ окомъ корысть и въ этомъ—это низость. Обыкновенно, при поѣздкахъ по епархіи, хлѣбъ-соль выносится народомъ въ каждомъ селеніи; я обыкновенно крещусь и кланяюсь святынь, хлѣбъ-соль почтительно цѣлую, затѣмъ или тутъ же отрываю отъ хлѣба кусочекъ и съѣдаю, или передаю хлѣбъ на чьи либо руки (а затѣмъ хлѣбъ отдается ямщикамъ, или полицейскому, трудящемуся для насъ, уряднику), или оставляю тутъ же на столѣ. Солонки (обыкновенно стеклянныхъ, если только еще не прощѣ) не беру никогда. Хлѣбъ-соль выносится въ каждомъ домѣ, гдѣ ждутъ моего посѣщенія. У членовъ низшаго причта, учителей, старость, старшинъ оставляю хлѣбъ всегда въ домѣ же. У священниковъ также большею частію, но иногда отдаю дѣтямъ, которыя лучше отвѣтятъ по закону Божию. Солонки при этомъ, съ самыми рѣдкими исключеніями, бываютъ стеклянные и не берутся никогда. Серебряныя подносились развѣ въ тѣхъ же именитыхъ Березовкѣ и Табынскѣ; но и тамъ (въ Березовкѣ) я ясно помню, я отдалъ солонку дочери о. настоятеля въ приданое. А въ другихъ мѣстахъ на епархіи, помню случаи, гдѣ не бралъ, и не помню, гдѣ взялъ съ собою. Въ г. Уфѣ обычно подносится хлѣбъ-соль при моемъ вступленіи въ дома священниковъ и старость, въ храмовые праздники: тутъ беру почти всегда (но не всегда). Наконецъ, подносится хлѣбъ-соль став-

лениками. почти всѣми (но и то не всѣми); при этомъ солонки бывають и серебряныя, конечно, самыя малыя, низшей цѣны, и стеклянныя и сахарныя. Принималъ всегда, и стеклянныя всегда уносятся келейниками; а серебряныя солонки раздариваю кругомъ себя всѣмъ, начиная отъ высшихъ и до всѣхъ близкихъ мнѣ лицъ и до келейниковъ; отдаю къ празднику Рождества Христова на благотворительныя елки, отдалъ нѣсколько въ Крестовую и въ каедральный соборъ для поднесенія ладона и т. д., а себѣ для употребленія даже до сего дне не оставилъ ни единой.

Вообще ближайшимъ ко мнѣ лицамъ, при поднесеніи мнѣ какой либо вещи, напр. чотокъ изъ Іерусалима и т. п., нужно настойчиво попросить меня, чтобы я сберегъ что либо на память. Иначе я всѣмъ все кругомъ себя раздариваю. И твержу всѣмъ, что мнѣ напрасно что либо и дарить: все равно не сберегу. А относительно кусковъ матеріи (мнѣ ихъ очень мало здѣсь и подносили) я говорю громко: „Зачѣмъ? Платья у меня довольно, достанетъ до смерти. Не открывать же у себя лавочку для распродажи. Я слышалъ о случаѣ, что одинъ преосвященный, умирая, еще глазъ не успѣлъ закрыть, а келейники тутъ же на его глазахъ дѣлили между собою куски матерій“. Съ другой стороны какъ и оттолкнуть отъ себя человѣка, всегда особо почтеннаго (напр. игуменю; рядовые священники и старосты не подносятъ). который по особо торжественному какому либо случаю что либо нарочито готовилъ и подносить? Я пробовалъ. Но это неимовѣрно тягостно для чувства обоихъ, и своего собственнаго, и лица подносящаго. Такъ одна жена городского священника, оплошавъ встрѣтить меня съ хлѣбомъ-солью, при посѣщеніи мною ихъ жилища, послѣ архіерейскаго священнодѣйствія въ ихъ церкви, думая поправить свою ошибку, прислала мнѣ въ домъ хлѣбъ-соль на апликовомъ или серебряномъ (не разглядѣлъ, не зная) подносѣ (подносовъ мнѣ не подносятъ, и я ихъ не бралъ). Поморщившись, я принялъ хлѣбъ-соль, сказавъ однакоже: „Не кстати какъ то“; а подносъ воротилъ назадъ, приказавъ, однакоже, сказать: „Скажите матушкѣ, что и подносъ я принимаю. но дарю въ приданое ея дочери (пятилѣтней)“.... „А то ея собственные сыновья“ (университантъ, другіе гимназисты) „смѣяться стануть“. Теперь въ городѣ смѣются надъ самою матушкой. Вотъ другой случай, гдѣ я былъ въ положеніи непріемлющаго, а подносящаго или по крайней мѣрѣ предлагающаго. Высшій сановникъ осматривалъ у меня мелкія работы Златоустовскаго стали-литейнаго завода (олена, лежащаго на травѣ и т. п.), приобрѣтенныя мною за деньги въ самомъ Златоустѣ, а я и предлагаю: „Неугодно ли на память?“ Сановникъ отвѣчаетъ:

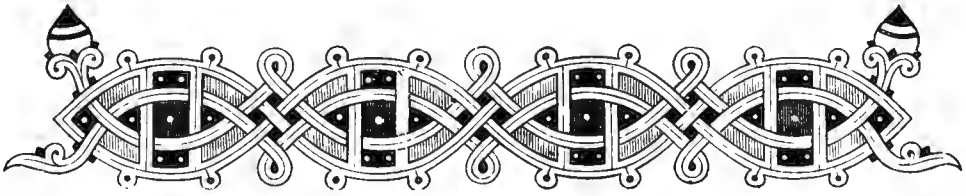
„Нѣтъ-съ“, и даже руки спряталъ за спину, прибавляя: „Вездѣ, гдѣ только на что посмотришь, сейчасъ предлагаютъ: не угодно ли? Я нигдѣ ничего не беру“. Вышло щекотливой честности на 5 рубл., а взаимнаго конфуза для обоихъ на 100 рубл. и больше. Или одна старая игуменья поднесла очень высокой особѣ хлѣбъ-соль съ серебряною солонкою рублей въ десять; очень высокая особа, принявъ хлѣбъ-соль, солонку воротила игуменѣ съ словами: „серебра не принимаю“. Старая игуменья вспоминаетъ это не безъ грусти до сего дня. Даже отдаиванье при этомъ отзывается грубостью, оскорбленіемъ чувства усердія и радушія. Я бы поднесъ высокому лицу святую икону въ благословеніе; а высокое лицо сказало бы мнѣ: „Нѣтъ-съ, икона въ серебряномъ окладѣ, серебра не беру“; или взявъ, отдало бы меня вещью въ 200 р., когда моя икона стоила мнѣ 25—50 руб.... Гдѣ она старинная царственная и святительская Екатерининская и Платоновская величавость, которая, благосклоннымъ, конечно, не жаднымъ окомъ, взирая на проявленія усердія и радушія, щедрою рукою разливала милости не иначе, какъ по роду своего величія?... Ужели всѣмъ слонамъ по природѣ и призванію измельчать и вырождаться въ нашемъ искони радушномъ отечествѣ, потому только, что на Руси развелось къ послѣднимъ грустнымъ днямъ столько лающихъ нахальныхъ мосекъ?.

Противно еще касаться кормленія архіерея при поѣздкахъ по епархіи, а для цѣльности обзорнія коснуться не излишне. Въ Анонимѣ все же имѣли деликатность не сказать объ этомъ ни слова, а въ газетахъ касались раззорительности моихъ поѣздокъ по епархіи и по этой столовой части. Между тѣмъ, я не дѣлалъ только официальныхъ чрезъ консисторію распоряженій, а благочиннымъ наказывалъ многократно и всѣмъ кругомъ себя твержу постоянно, что при поѣздкахъ по епархіи мнѣ ничего особаго не нужно: что открытыхъ обѣдовъ я не принимаю; что мнѣ, при моихъ обзорніяхъ, время и нужно и дорого, парадные же обѣды много его отнимаютъ; что принимать обѣды мѣшаютъ мнѣ и декорумъ и моя опасливость, такъ какъ у меня, отъ самой малой дозы вина бьетъ кровь въ голову и краска въ лицо; что при необходимости постоянно говорить съ народомъ, мучительно гаданіе, что народъ можетъ ощутить отъ меня запахъ или прочитаты на лицѣ особый лоскъ питательнаго обѣда, а это на народъ не дѣйствуетъ назидательно.. Свиту съ собой вожу самую ограниченную: именно, когда предполагаю совершать по епархіи архіерейскія священнодѣйствія, то беру съ собой ключаря, протодіакона, иподіакона, регента и келейника, это всегда, итого 5 человекъ; а когда архіерейскихъ

служеній не предполагается, беру одного спутника (бралъ кафедральнаго протоіерея, или ключаря, или иподіакона) и келейника, итого 2 человека. Меньше невозможно. Со свитой я не сажусь кушать (конечно не по гордости), разрѣшая имъ внѣ постнаго времени и мясо-ястіе (внѣ моего помѣщенія), по случаю частой затруднительности достать рыбу, а самъ ѣмъ всегда только яичницу (въ скоромные дни) и какую либо рыбу (рыбу самую простую, потому что не выношу жирной красной и соленыхъ приностей, въ родѣ икры, производящихъ кислоты, изжогу, жажду, что въ дорогѣ особенно мучительно и неудобно). Не люблю никакого параднаго столоваго приготовленія; даже прячусь отъ народа и отъ всѣхъ, когда принимаю пищу, ѣмъ всегда наскоро, одинъ разъ въ сутки. Вина, въ цѣлыя поѣздки, стараюсь не брать ни капли. О Шампанскомъ приходилось не разъ при всѣхъ говорить: „Ни-ни, здѣсь пробка хлопнетъ, а въ Петербургѣ будетъ слышно“. Относительно дорогой рыбы случалось морщиться, когда выпишутъ лѣтомъ какую либо стерлядь изъ Елабуги за 70 верстъ, когда я стерляди, а тѣмъ болѣе вонючей, вообще не выношу, а стыдятся дать простого окуня—самую удобную рыбу, которую можно было сегодня же поймать въ ближайшемъ прудѣ и положить на огонь совсѣмъ свѣжую. А все же усердіе гостепріимства приходится принимать за усердіе, а на радушіе угощенія отвѣчать радушіемъ признательности. Вотъ я въ своемъ одинокомъ углѣ сѣлъ свою уху и жду, когда тамъ въ другомъ помѣщеніи кончатъ свой столъ мои спутники; а тутъ хозяинъ и хозяйка входятъ ко мнѣ съ завернутою въ салфетку бутылкою, которую выписывали, быть можетъ, изъ Казани, и съ жалобно умильными улыбками: „Позвольте“.... Что имъ сказать? Какъ ихъ прогнать отъ себя, когда я ихъ вижу въ первый разъ, а они меня видятъ въ первый и, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни? Но и то. это не отвергалось почти единственно только въ торжество освященія храма. А слышали хозяева и знаютъ, что, если архіерей не отказывается отъ хлѣба-соли, это значитъ—все благополучно; напротивъ, не добрый знакъ, если онъ не зайдетъ въ домъ. или ни крошки не возьметъ со стола (рѣдко, но бывало и это). Это значило, что архіерей не чувствуетъ возможности сдѣлать домохозяевамъ желаемое добро и потому не желаетъ обязываться ни крошкою хлѣба.... Зная мою систему самопитанія, священники. обыкновенно, и намековъ не дѣлаютъ на то, чтобъ я сѣлъ за парадно-приготовленный столъ: да всякому это и подскажетъ мой келейникъ. Но другое дѣло у свѣтскихъ. Тамъ мои упорные отказы отъ параднаго столованья производили нешуточную бурю. Одна старая барыня сдѣлала мнѣ послѣ такого отказа тягостнѣйшую сцену при народѣ. съ употребленіемъ тяжкихъ выраженій:

„Навалились всё на одного попа объѣдать его“.... Въ другомъ мѣстѣ, по обозрѣніи приходской церкви, я сдѣлалъ визитъ фамиліному (по мѣсту) барскому дому, посидѣлъ десять минутъ съ старою почтенною хозяйкою у парадно накрытаго стола, отобѣдать отказался, объяснивъ, что „затрудняюсь измѣнить своей системѣ“, и направился въ домъ священника. Оказалось, что въ барскомъ домѣ предполагалось напиться за параднымъ столомъ и меня и свиту и даже мѣстнаго приходскаго священника, однимъ словомъ—всѣхъ. Уже вечерѣло, и никто изъ нихъ ничего не ѣлъ. Узнавъ объ этомъ, священникъ послалъ просить съѣстнаго на барскій дворъ; тамъ отказали, явно въ наказаніе. Никакою шутиливостью тона я не могъ загладить печальное впечатлѣніе общаго при этомъ переполоха и этого убитаго лица хозяйки, жены священника, которая, извиняясь предо мною въ опутавшихъ ее затрудненіяхъ, не смѣла и объяснить мнѣ всѣхъ странно перепутавшихся около нея случайностей. Меньшимъ изъ затрудненій при этомъ было, что не только я (о себѣ я всегда не забочусь), но и свита моя ничего въ тотъ день не ѣла до ночи, а я послѣ большого и труднаго переѣзда, ничего не ѣвши, такъ отошелъ и къ ночному сну. А наавтра, вставъ въ 3 часа утра, дѣлали наитруднѣйшій переходъ по залитой дождями низменности, чтобы поспѣть къ назначенному на этотъ день освященію ново-построенной церкви въ ново-открываемомъ приходѣ въ селѣ Маткаушѣ. При такой моей щепетильности, при склонности скорѣе къ Спартанской простотѣ, чѣмъ къ изысканности въ столѣ въ разѣздахъ по епархіи, меня щадила сплетня по этой части цѣлыхъ четыре года. Но именно въ послѣдній годъ не выдержала, какая-то озлобленная клика стала печатать на мой счетъ цѣлый рядъ небылицъ. И коснулись этого предмета, изысканности приготовленій для питанія меня по епархіи, въ послѣдній годъ особенно неудачно: такъ какъ въ этомъ году въ первую мою весеннюю поѣздку (съ 5-ю человѣками свиты) я вовсе не пилъ вина, по обычаю воздержался: а во вторую лѣтнюю (со двумя человѣками свиты) проѣхалъ также спартански полпути, но отъ перемѣнной воды и лѣтняго зноя заболѣлъ тяжкою холериною, почему и вынужденъ былъ принимать мало вина (винограднаго; хлѣбнаго никогда въ жизни не пью) стомаха ради и поразившаго меня недуга....

АКАФИСТЪ МИРОВОМУ ПОСРЕДНИКУ.

Радуйся, при общей потерѣ ничего же теряющій,
Радуйся, братьевъ своихъ обирающій,
Радуйся ничего не понимающій,
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Радуйся, приговоры самъ сочиняющій,
Радуйся, миротворцемъ себя считающій,
Радуйся, волостныхъ самъ избирающій,
А пока полторы тысячи получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Радуйся, „Положенія“ не понимающій,
Но глубокомысленно его объясняющій,
Радуйся, свое же сословіе прижимающій,
Радуйся, другое сословіе надувающій,
Радуйся, въ мировые судьи попасть ожидающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Радуйся, въ себѣ одномъ весь судъ заключающій,
Радуйся, волостными и старостами повелѣвающій,
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Радуйся, другихъ противъ враговъ возбуждающій,
А себя отъ нихъ ограждающій,
Радуйся, патріотомъ себя величающій,
Радуйся, меньшую братію обирающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Радуйся, десятскими свой хлѣбъ убирающій,
Радуйся, безкорыстіемъ на словахъ поражающій,
А все таки полторы тысячи получающій,
Радуйся крестьянокъ обольщающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Радуйся, умнымъ себя почитающій,
 Радуйся, прогрессъ подавляющій,
 Радуйся, на незнаніе начальства уповающій,
 Радуйся, лучше всѣхъ себя считающій,
 Радуйся воевода и безстыднице,
 Радуйся, посредниче, великій сквернотворче!
 Аминь!

„АкаѢистъ Мировому Посреднику“ ходилъ по рукамъ въ Сѣверозападномъ краѣ въ 1866 году. Я досталъ его въ томъ же году отъ владѣльца имѣнія Желябье, Чаусовскаго уѣзда, Могилевской губерніи, *Андрея Осиповича Климовича*, котораго считали тогда авторомъ „АкаѢиста“. Онъ самъ, однакоже не признавался въ этомъ, хотя я и готовъ вѣрить, что авторомъ дѣйствительно былъ Андрей Климовичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно талантливый. Въ молодости онъ подавалъ большія надежды, особенно въ послѣднихъ классахъ Могилевской гимназіи; но потомъ свихнулся.... или, какъ говорятъ теперь, „сошелъ съ рельсъ“ и увь!... навсегда.

Быть можетъ „АкаѢистъ“ этотъ родился и въ Великороссійскихъ губерніяхъ; но не думаю, потому что тамъ мировые посредники были изъ выбранныхъ самими помѣщиками, тогда какъ въ Сѣверо- и Юго-Западные края набрасала ихъ мѣстная администрація, не имѣя на первыхъ порахъ возможности оцѣнить ихъ по достоинству. И вотъ посыпались на бѣдный край цѣлыя тучи саранчи, отверженцевъ, нетерпимыхъ въ своихъ губерніяхъ ни на какой службѣ, неспособныхъ ни къ чему и ровно ничего не понимающихъ. Большая часть изъ этихъ посредниковъ были взяточники, грабители и развратники. Покойный графъ М. Н. Муравьевъ многихъ изъ нихъ, при первомъ представленіи ему, разгадывалъ сразу, не принималъ на службу и возвращалъ во свояси, не объясняя причины. Потомъ и губернаторы начали спускать эти отбросы общества, и полки ихъ потянулись на дальній Востокъ, гдѣ Щедринъ и окрестилъ ихъ общимъ названіемъ „*Ташкентцевъ*.“

Требальдь.

ДРЕВНІЙ ДВОРЯНСКІЙ РОДЪ ФОНЪ-РОТКИРХОВЪ.

Фамилія эта получила свое начало въ Силезіи, въ 1241 году; слѣдовательно, около 650 лѣтъ назадъ. Три брата-рыцаря, во время Сѣверной войны, защищали съ когортами своими важный стратегическій пунктъ „Красную-Церковь“, существующую и донынѣ, и всѣ трое пали въ битвѣ. Современники вознаградили потомковъ присвоеніемъ имъ фамиліи Rothkirch (Rothe-Kirche) и въ память того, что покойные рыцари оберегали „Церковь“ съ неусыпно-стію пѣтуховъ и сложили тамъ свои головы, дали имъ въ гербъ три пѣтушьи головы въ кровавомъ (красномъ) полѣ.

Въ Австріи и Пруссіи родъ этотъ утвержденъ въ графскомъ достоинствѣ, гдѣ извѣстны графы *фонъ-Роткирхи*, *Пантены-фонъ-Роткирхи*, *Трахъ-фонъ-Роткирхи* и другіе по Готскому календарю. Въ другихъ Нѣмецкихъ земляхъ и въ Швеціи ему присвоено баронское достоинство.

Первый предокъ этой фамиліи *Гансъ фонъ-Роткирхъ* переселился изъ Силезіи въ Швецію въ 1624 году и поступилъ въ Шведскую службу ротмистромъ. Въ 1633 г. онъ получилъ назначеніе шталмейстеромъ ко двору королевы Христины, въ 1640 году назначенъ Сюдерманландскимъ губернаторомъ. Былъ женатъ: первымъ бракомъ на Елисаветѣ *Мантейфель*, а вторымъ на придворной дамѣ королевы Христины Маргаритѣ *Оксенвудъ* и умеръ въ 1654 году.

Впослѣдствіи родъ этотъ появился въ Финляндіи. Гербъ его въ залахъ Финляндскаго Рыцарскаго Дома, по старшинству гербовъ, числится XII-мъ.

Между 1735—1740 годами, *Адольфъ фонъ-Роткирхъ*, съ тремя братьями своими, переселился изъ Финляндіи въ Лифляндію. Онъ родился въ 1691 году, былъ женатъ сперва на Маріи-Елисаветѣ *Хекъ*, а потомъ на Аннѣ-Маріи *Розе* и умеръ въ 1764 году.

Изъ 8-ми сыновей его

Карлъ-Манусъ фонъ-Роткирхъ родился въ 1716 году, состоялъ на службѣ въ Русскомъ драгунскомъ полку, былъ женатъ на Маріи *Баркъ* и имѣлъ 5 сыновей, изъ которыхъ

Аксель-Адольфъ-Рейнгольдъ фонъ-Роткирхъ (Алексѣй Карловичъ, дѣдъ ниже названнаго послѣдняго потомка), статскій совѣтникъ, былъ женатъ на *Софіи Ганнибалъ*, дочери Араба Петра Великаго.

Съ обѣими этими фамиліями породнились разновременно: *Пушкины*, *Веймарны*, *Бистромы*, *Траубенберги*, *Шеміоты* и многіе другіе роды.

Сынъ его *Александръ Рейнгольдъ фонъ-Роткирхъ* (Алексѣй Алексѣевичъ, отецъ послѣдняго потомка) родился въ 1796 году, служилъ сперва въ Екатеринославскомъ кирасирскомъ полку, а потомъ по гражданскому вѣдомству; былъ женатъ на графинѣ Еленѣ Петровнѣ *Меллиной* и умеръ въ 1863 году. Онъ имѣлъ 3 сыновей и 5 дочерей.

Второй сынъ его *Вильгельмъ Рейнгольдъ фонъ-Роткирхъ* (Василій Алексѣевичъ, послѣдній потомокъ этой вѣтви), живущій нынѣ въ Вильнѣ, родился 19 Ноября 1819 года. Женатъ на Каролинѣ Христіановнѣ *Литкс*. Воспитывался сперва въ Кіевской, а потомъ въ Могилевской гимназіяхъ. Произведенъ въ офицеры въ 1840, а въ генералы въ 1885 году.

Литературная дѣятельность его начала получать извѣстность съ 1863 года, когда онъ, въ званіи старшаго-адъютанта Главнаго Штаба въ Варшавѣ, былъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, которымъ и сообщалъ ближе ему, чѣмъ другимъ корреспондентамъ, извѣстныя свѣдѣнія о ходѣ мятежа въ Царствѣ Польскомъ и о мѣрахъ къ подавленію его. За это онъ заплатился двумя ранами, нанесенными ему мятежниками, отравленнымъ кинжаломъ, въ голову и грудь. Дѣятельность эта опѣнена нынѣ по достоинству, въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 12 Іюня 1889 года за № 160 и написанной, по видимому, преемниками М. Н. Каткова.

„Воспоминанія“ его, подъ псевдонимомъ *Теобальда*, разбросанныя въ разныхъ журналахъ, сосредоточены нынѣ въ одномъ Сборникѣ, подъ заглавіемъ „*Воспоминанія Теобальда*“ и будутъ состоять изъ 4 частей: 1) „Воспоминанія изъ путешествій“, 2) „Виленскія воспоминанія“, 3) „Динабургскія воспоминанія“ и 4) „Варшавскія воспоминанія“. Сборникъ этотъ печатается „въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не для продажи“.

Посвятивъ всю жизнь свою самообразованію и изученію исторіи и археологии, онъ затратилъ много лѣтъ на составленіе капитальнаго сочиненія:

„*Полная Литовская Мифологія и сводъ мнѣній различныхъ писателей о ней*“.

Оно состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ: I. „*Вѣра* Литовскаго народа“; II. „*Вѣрованія* Литовскаго народа“; III. „*Повѣрья* Литовскаго народа“. Самые Литовскіе боги раздѣлены на 3 категоріи: а) „Боги въ дѣйствительности чтимые народомъ“; б) „Побочныя божества, созданныя суевѣріемъ народа“ и в) „Боги, придуманные досужими писателями“.

Императорская Академія Наукъ, рассматривая этотъ трудъ, въ письмѣ къ автору отъ 6 Сентября 1889 года за № 729, отзывалась о немъ весьма лестно и выразилась, что сочиненіе это по обилію приведенныхъ въ немъ источниковъ и матеріаловъ, „можетъ съ удобствомъ замѣнить собою цѣлую библиотечку“.

Сочиненіе это находится еще въ рукописи, и Богъ знаетъ, появится ли когда-нибудь въ печати.

22 Ноября 1889 г.

Е. И. СТАНЕВИЧЪ.

(по его письмамъ).

Имя Евстафія Ивановича Станевича, писателя начала XIX столѣтія и члена „Бесѣды любителей Русскаго слова“, теперь едва ли кому извѣстно, хотя жизнеописанію его посвященъ біографическій очеркъ*), составленный протоіереемъ Харьковской Троицкой церкви О. Н. Лащенко на основаніи подлинныхъ бумагъ покойнаго. Между тѣмъ въ рукописномъ отдѣлѣ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи сохранилось нѣсколько писемъ Станевича, въ которыхъ есть нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, какъ о жизни самого Станевича и современникахъ его, такъ и о извѣстной книгѣ его *„Всегда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души, тогда только утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви“*, направленной имъ въ защиту Православія противъ развивающагося въ царствованіе императора Александра I мистицизма. Книга эта, выпущенная въ свѣтъ въ 1818 г., произвела переполохъ въ столичномъ мірѣ, такъ какъ въ ней содержались рѣзкія порицанія тогдашнему министру народнаго просвѣщенія и исповѣданій, князю А. Н. Голицыну и другимъ сановникамъ, которые покровительствовали мистицизму. Князь сильно обидѣлся. По докладу его, книга съ высочайшаго повелѣнія была конфискована. Допустившій ее къ печати цензоръ архимандритъ Иннокентій (занимавшій въ то время должность члена Главнаго Правленія училищъ и ученаго комитета въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія) былъ отправленъ въ почетную ссылку епископомъ Пензенскимъ и Саратовскимъ; автора же выслали изъ Петербурга на родину, въ мѣстечко Желѣзнякъ, Сумскаго уѣзда. Его считали главнымъ виновникомъ затѣянной кутерьмы, хотя въ дѣйствительности (какъ можно судить по письмамъ Станевича) онъ меньше всего въ ней виновенъ и далеко не былъ особенно близкимъ человѣкомъ къ архимандриту Иннокентію, какъ въ томъ были убѣждены князь Голицынъ и мистики. Въ письмѣ отъ 17 Мая 1824 г. къ Леопольдову Станевичъ откровенно сознается, что „узналъ Иннокентія только тогда, когда онъ былъ цензоромъ моей книги“. „До отнесенія *„Бесѣды“* моей къ нему я мыслить, что человѣкъ, по существу своему, состоитъ

*) См. въ „Сборникѣ Харьковского Историко-Филологическаго Общества“ за 1896 г. стр. 55—93 статью подъ названіемъ „Е. И. Станевичъ“.

изъ *тѣла, души и духа*, почему и въ книгѣ моей сіи слова имѣли связь, сообразную такому понятію. Но Иннокентій былъ мнѣнія противнаго, для чего и дѣлать поправки, или, лучше сказать, ставилъ отиѣтки, дабы я самъ исправилъ мѣста таковыя въ книгѣ моей. Судите о моемъ удивленіи. Сначала я спорилъ съ нимъ, но онъ настаивалъ. Чтò оставалось дѣлать мнѣ? Содержаніе книги моей состояло въ защитѣ Церкви и въ послушаніи къ ней. Какимъ же образомъ согласить бы я это чувство съ непокорностью служителю ея? И такъ первое, на что я тогда рѣшился, было принести мнѣніе мое въ жертву и выполнить волю моего цензора; но какъ новое сіе понятіе не было еще моимъ и потому не было для меня яснымъ, то я принужденъ нашелся не токмо строки, но и цѣлыя страницы вымарывать, чтобы сколько нибудь согласить съ этимъ остальное. Со всѣмъ тѣмъ думаю, въ этихъ мѣстахъ не безъ скачковъ, тѣмъ болѣе, что я поспѣшилъ съ напечатаніемъ книги. Въ этотъ же самый промежутокъ я написалъ книгу въ защиту моего мнѣнія и отнесъ ее къ тому же Иннокентію. Но покуда моя книга была въ цензурѣ, я отложилъ всякое пристрастіе, старался входить болѣе и болѣе въ образъ мыслей его и нечувствительно убѣдился въ истинѣ онаго. Это исполнило меня такимъ утѣшеніемъ, которое ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено. Я позналъ свое заблужденіе. Съ того времени христіанскія истины стали гораздо легче и простѣе раскрываться въ разумъ моемъ и принимать образъ плѣняющей сердце цѣлости. Упомянутая же рукопись осталась у Иннокентія. Я не токмо не хотѣлъ требовать оной обратно, но стыдился и напоминать ему о ней. Онъ говорилъ, что, читая Св. Писаніе, онъ нигдѣ не находилъ, чтобы человѣкъ состоялъ изъ трехъ частей. Онъ сказывалъ, что также крѣпко вооружался противу подобнаго мнѣнія въ одной книгѣ, написанной въ Александро-Невской лаврѣ и къ нему принесенной въ цензуру. Онъ долго не соглашался пропустить ее, но долженъ былъ уступить сильному настоянію.“

Неудивительно поэтому, что „Бесѣда“, подъ давленіемъ Иннокентія, вышла изъ подъ пера Станевича въ сильно приподнятомъ духѣ, противъ князя Голицына, у котораго съ цензоромъ были старые счеты. Князь помнилъ, какъ Иннокентій, возмущаясь статьями „Сіонскаго Вѣстника“, совѣтовалъ ему „залечить раны, которыми онъ самъ уязвляетъ Церковь“. Министръ сразу понялъ откуда вѣтъ вѣтеръ и круто расправился съ своими врагами.

За чужое мнѣніе Станевичъ почти семь лѣтъ терпѣлъ изгнаніе. Только съ переменою правленія внутренней политики, когда вмѣсто князя Голицына былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Пшениковъ, Станевичъ былъ прощенъ, о чемъ первымъ долгомъ поспѣшилъ увѣдомить своего друга Леопольдова (письмомъ 20 Января 1825 года):

„Я укладываюсь, кибитка подвезена, заботъ бездна. Едва успѣваю сказать вамъ, что я призываюсь въ Петербургъ, и на проѣздъ мой Его Величествомъ всемилостивѣйше пожаловано мнѣ двѣ тысячи. Впрочемъ, я ничего о себѣ не знаю вѣрнаго. Все откроется съ пріѣздомъ моимъ на мѣсто назначенія моего.“

Въ Петербургѣ Станевичъ остановился въ домѣ Петра Андреевича Кикина. Уже черезъ мѣсяцъ по приѣздѣ онъ предлагалъ своему другу Леопольдову: „не желали-ль бы вы принять здѣсь какое либо мѣсто и какимъ жалованіемъ на первыхъ порахъ могли быть довольны“¹⁾.

„Вчера (писалъ онъ 15 Марта 1825 г.) подписанъ указъ о выдачѣ мнѣ жалованья за прошлые годы. Книгу велѣно напечатать на счетъ казенный, а меня помѣстить по части Министерства Просвѣщенія. И, какъ надо думать, вчера министръ²⁾ и докладывалъ обо мнѣ“.

Участь Станевича однако, рѣшилась не такъ скоро, какъ онъ ждалъ. Лишь 4 Августа онъ могъ сообщить своему другу о скоромъ выпускѣ „Бесѣды“, которую онъ „ни въ чемъ не перемѣнилъ, во первыхъ потому, чтобы не дать противной сторонѣ къ обвиненію меня, а во вторыхъ, чтобы она осталась въ томъ образѣ, какъ осуждена была и потомъ оправдана“. Книга вышла въ свѣтъ лишь въ Октябрѣ, когда Станевичъ получилъ назначеніе въ Курскъ директоромъ тамошнихъ народныхъ училищъ, „съ жалованіемъ 3000 руб., которое онъ получалъ въ Петербургѣ“, „самъ избралъ мѣсто сіе подавъ отъ столичныхъ неудовольствій“. Евстафій Ивановичъ воспринялъ духомъ. Благодареніямъ такъ благодѣтельствувавшему его Императору не было конца. Когда два мѣсяца спустя скончался Александръ Павловичъ, событіе это произвело въ немъ сильное потрясеніе. Вотъ, какъ онъ послѣ того описывалъ свое душевное состояніе (въ письмѣ къ Леопольдову отъ 17 Января 1826 года).

„Письмо ваше отъ 11 сего мѣсяца доставлено мнѣ въ то время, какъ я готовился къ печальной встрѣчѣ тѣла покойнаго Государя, котораго бранные останки покоились въ новоостроющемся и на сей только случай предварительно освященномъ соборѣ смежномъ съ моей гимназіей, въ которой имѣю нынѣ жительство мое. Мы проводили его сегодня и разстались съ нимъ въ два часа по полудни. Злѣшній губернаторъ³⁾, сдѣлавъ все, что токмо зависѣло отъ его усердія. Я пишу сіе письмо два часа спустя послѣ сего погребальнаго обряда. Подлинно мы такъ разстались съ нимъ, какъ бы возвратились съ могилы его. Что касается меня, то сердце не перестаетъ рыдать, какъ и душа молиться, да Господь его успокоитъ со всѣми святыми своими. Богъ свидѣтель, что я всегда любилъ его и даже послѣ случившагося со мною, ниже мыслю желать когда либо укорить его. Нынѣ самъ онъ видитъ истину мною сказуемаго. Нынѣ самъ онъ видитъ текущія слезы, слезы сокрушеннаго по немъ сердца моего. Трижды лобызая гробъ его и почитаю себя счастливымъ, что Господь привелъ меня встрѣтить и провезти тѣло его“.

¹⁾ Леопольдовъ въ это время учился въ Московскомъ университетѣ.

²⁾ Т.-е. Шишковъ.

³⁾ Алексѣй Степановичъ Кожуховъ.

При назначеніи Станевича директоромъ училищъ, на него была возложена Императоромъ Александромъ I обязанность трудиться въ защиту вѣры и отечества. И Евстафій Ивановичъ всѣми мѣрами старался оправдать это высокое довѣріе Государя.

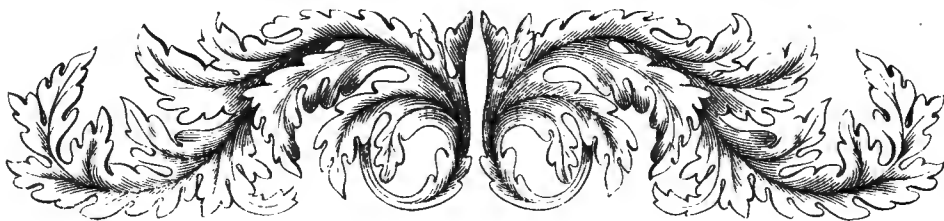
„Я не упустилъ ничего по настоящей должности, говорилъ онъ, и едва ли найдется другой директоръ дѣятельнѣе и усипнѣе меня. Не смотря на всѣ мои развлеченія по службѣ, съ помощью Божіею, въ продолженіи пяти лѣтъ полагаю смѣло, что по возложенной на меня обязанности написалъ до двадцати пяти книгъ“.

Большая часть этихъ сочиненій, спѣшно имъ составленныхъ, осталась неизданной. Станевичъ, видимо, и не предназначалъ ихъ къ печати, а просто писалъ, чтобы излить на бумагу волновавшія его мысли, вставая для того въ 2—3 часа ночи.

Не смотря на свое попеченіе о вѣреннныхъ училищахъ, кроткое обхожденіе съ учащими и учащимися и его труды, Станевичъ однако, не могъ угождать окружному начальству. „За одно правдивое слово, сказанное письмоводителю попечителя“ (Харьковскаго учебнаго округа), ему пришлось подать въ отставку. 19 Іюня 1839 г. онъ написалъ Леопольдову послѣднее письмо изъ Курска...

П. Юдинъ.

ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ АКИНФОВУ.

Будущему хорошему человеку.

Свой путь кончаемъ мы, скорбя и утомляясь.
Мы видѣли трудовъ неконченныхъ паденье...
Счастливы юные, другое поколѣнье,
Надежда новая, не обманите насъ!

Миръ Божій насъ страшилъ печалью и бѣдою.
Стояла тьма надъ нимъ, и тьма еще стоитъ...
Счастливы юные, вамъ солнце заблистало,
И вы, насъ вспомнивши, свершите начатое.

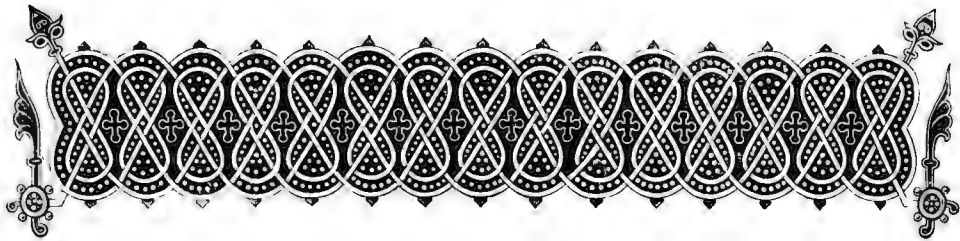
Благослови васъ Богъ! Рука съ рукой впередъ,
Все къ свѣту! Онъ, Любовь, сойдетъ и въ души ваши,
Счастливы юные, и на могилы наши
Прощенье съ неба призоветъ.

28 Мая 1857. С. П.-бургъ.

Н. Д. Хвощинская.

Написано въ тотъ самый день, когда молодой В. Н. Акинфовъ, докончивъ обученіе свое въ Александровскомъ Лицеѣ, сдѣлалъ шагъ, опредѣлившій всю дальнѣйшую судьбу его: ему предстояло видное поприще, на которое звалъ его настойчиво его дѣдъ-дядя, князь А. М. Горчаковъ; но вмѣсто службы въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, онъ уѣхалъ къ себѣ въ Покровскій уѣздъ Владимирской губерніи съ надеждою послужить родинѣ при возвѣщенномъ уже тогда раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ, и эта надежда исполнилась, о чемъ не могутъ позабыть губерніи Владимирская и Симбирская. П. Б.

П. В. ШУМАХЕРЪ

въ его письмахъ къ П. И. Щукину.

Скончавшійся 11 Мая 1892 года Петръ Васильевичъ Шумахеръ былъ человѣкъ достопримѣчательный. Онъ памятенъ еще многимъ Москвичамъ: съ цитристомъ Бауэромъ много лѣтъ сряду привлекалъ онъ слушателей и почитателей превосходнымъ стихотченіемъ въ клубахъ и въ частныхъ домахъ. Высокій его ростъ, грузный станъ и выразительный голосъ производили незабываемое впечатлѣніе. О жизни его до поселенія въ Москвѣ извѣстно немногое, и онъ не любилъ про нее рассказывать. Нѣкоторыя біографическія черты ея собраны П. И. Щукинымъ (въ предисловіи къ его письмамъ) и нами. Оказывается, что по своему отцу онъ происхожденіемъ изъ Даніи. Его отецъ († 1829), чиновникъ интендантскаго и провіантскаго вѣдомствъ кормилъ и одѣвалъ Русскія войска и съ ними былъ въ Парижѣ подъ начальствомъ Канкрина, а на возвратномъ пути женился на Бѣлорусскѣ Хлобысевичъ († 1848). Петръ Васильевичъ родился въ Нарвѣ 6 Августа 1820 г. Крещенъ онъ въ лютеранствѣ, но католичка-мать отдавала его учиться къ Іезуитамъ въ Оршѣ, гдѣ было очень строгое воспитаніе, и онъ прислуживалъ ксендзамъ на богослуженіи въ костелѣ. Потомъ онъ учился въ Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ. Покровительство Канкрина, его крестнаго отца, открыло для него поприще службы и житейскихъ усилій; кажется, началъ онъ службу свою въ министерствѣ военномъ. Онъ управлялъ золотыми пріисками Базилевскаго и при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій. Женившись на вдовѣ Канскаго торговца Александрѣ Петровѣ Пренѣ (съ которою онъ путешествовалъ по Европѣ и которая пережила его), Шумахеръ зажилъ припѣваючи и усвоилъ себѣ привычки обильнаго стола и тонкаго вина. Онъ сдѣлался знакомомъ такъ называемаго кулинарнаго искусства подобно С. А. Соболевскому, П. П. Свиныну, князю Н. И. Трубецкому, М. Θ. Рахманову, графу Д. А. Толстому, Н. А. Дивову (они заказывали себѣ обѣды на нѣсколько дней впередъ, въ теченіи которыхъ переписывались, какъ именно приготовить и въ какой очереди подавать снѣди). Вотъ характерное его письмо 4-го Мая 1881 года (тогда онъ былъ уже старикомъ): „Какимъ-то манеромъ повредилъ и себѣ животъ и чувствую будто бы я беременный и аки бы младенецъ во чревѣ шевелится. Два дня съ половиной маковой росинки въ ротъ не бралъ. Сегодня

сдѣлалъ опытъ: натрескался потроховъ, студня, наѣлся гуся, уплелъ миску рѣдьки съ квасомъ, выпилъ кувшинъ молока и четыре стакана кофе со сливками“. Банею онъ обыкновенно вылѣчивался. Въ Петербургѣ у Волкова и здѣсь въ Сандуновскихъ баняхъ были у него пріатели-парильщики. Помню, какъ я встрѣтился зимою съ нимъ, возвращавшимся изъ бани: вѣникомъ закрывалъ онъ себѣ ротъ, чтобы не простудиться

Послѣ банюшки такъ майко мнѣ;
Ты кваску, жена, подай-ка мнѣ...

По черты животности прощались ему, сглаживаясь очарованіемъ его бесѣды. Нѣкоторыя сатирическія стихотворенія его никогда не забудутся. Онъ былъ человѣкъ отлично образованный и начитанный, съ тонкимъ вкусомъ ко всему изящному, а житейская его неудача на склонѣ лѣтъ объясняется именно тѣмъ, что книга была ему кумиромъ.

Я узналъ П. В. Шумахера въ 1878 году, когда онъ сталъ помѣщать въ „Русскомъ Архивѣ“ статьи свои о сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ и объ исторіи Сибири, написанныя имъ въ Иркутскѣ, когда онъ служилъ тамъ. На первыхъ порахъ знакомства его тяжеловѣсіе нѣсколько удручало меня; но его широкая образованность и бывалость привлекли меня къ нему (кого, кого только онъ не зналъ на вѣку своемъ!) Онъ жилъ тогда въ 3-й Мѣщанской у Н. Х. Кетчера. Потомъ отвелъ ему помѣщеніе тогдашній Московскій губернаторъ В. С. Перфильевъ на верху казеннаго дома на Тверской, въ верхнемъ ярусѣ, недалеко отъ прекрасной тамошней церкви. Послѣдніе свои годы провелъ Шумахеръ въ Страннопримномъ графа Шереметева домѣ и у графа С. Д. Шереметева въ Кусковѣ, въ Голландскомъ домѣ. Хотя и говорилъ онъ прозою и стихами, что не былъ Шмерцемъ, но лежа въ гробу напоминалъ Ревельскаго герцога де-Круа.

Отъ работниковъ словесной нивы благодарность тѣмъ лицамъ, которыя на склонѣ жизни П. В. Шумахера бережно позаботились о немъ.

П. Б.

1.

Я все болѣю и мучусь. Павелъ Лукичъ¹⁾ былъ такъ добрѣ и любезенъ, прислалъ мнѣ своей мази, а что для меня пріятнѣе, это его веселое, полное юмора письмо. Еслибы онъ отъ скуки въ одиночествѣ рѣшился написать нѣсколько эпизодовъ изъ своихъ воспоминаній о лицахъ и событіяхъ, прямо какъ попало, я убѣжденъ, что это были бы драгоцѣнные этюды юмористическихъ сюжетовъ.

7 Іюля 81.

Dergaïkovo²⁾.

¹⁾ Пикулинъ.

²⁾ Деревня доктора Маклакова близъ Новаго Іерусалима.

1881.

Подвигаясь назадъ, да назадъ,
 На такую придемъ мы дорожку,
 Что загонять насъ всѣхъ, какъ телятъ,
 За Уральскій хребетъ понемножку.
 Мы воздвигнемъ себѣ монументъ,
 Монументовъ всѣхъ выше и краше,
 И въ одинъ колоссальный Ташкентъ
 Обратится отечество наше.

Д. Минаевъ.

(Телеграфъ 1881 г.)

2.

3 Декабря 1881.

Воскресенье у Аммосова и Кетчера; Понедѣльникъ у Павла Лукича; Вторникъ утромъ—завтракъ у насъ дома; вечеромъ—ѣзда въ Комми-саровскую Школу и по возвращеніи ужинъ у насъ дома со Шкоттомъ и Павломъ Лукичемъ до 4-хъ часовъ утра. Выразилось все это тѣмъ, что я вчера съ трудомъ могъ снять съ ноги сапогъ и сегодня въ горизонтальномъ положеніи; а по молодой душѣ хотѣлось было позавтракать на рожденіи Шкотта и пообѣдать у васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ; но—увы!—нечего и думать надѣтъ даже самую широкую войлочную туфлю. Не помню, когда и гдѣ я высказалъ, подобно Шуберту и Шиллеру, mein „Pichler's Klage“, что-то въ родѣ этого:

Я замѣчаю ужъ давно,
 Что на меня озлились боги
 И отравили мнѣ вино:
 Теперь бросается оно
 Ужъ мнѣ не въ голову, а въ ноги.

3.

Лѣтами ты ужъ старъ, да сердцемъ живъ и молодъ;
 Не слѣдъ бы жить тебѣ, гдѣ мракъ и смерти холодъ.

Это двустишіе сказалъ мнѣ Вильде, у Лопашова, на завтракъ 12 Февр. 1882 (на счетъ моего пребыванія у Кетчера).

3 Марта 82.

Вчера я началъ пить Вишй.
 Дѣла мои нехороши;
 Хотятъ согнать меня со свѣту:
 Каспари пить велѣлъ Вишй
 И приказалъ держать діету.

4.

Пр. О. *), послѣ коронаціонныхъ торжествъ сильно страдаетъ мигренью и лечитъ глазъ. Вотъ почему я не возвращаю вамъ Une vie и Recheresses. Но ей какъ будто лучше, и какъ только она прочитаетъ, сейчасъ же вамъ доставлю. Прошу вашего снисхожденія; а торопить ее какъ-то духу не хватаетъ, тѣмъ больше, что Маклаковъ велѣлъ ей читать какъ можно меньше.

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Наталья Павловна, я сердцемъ изнемогъ!..
 Оно, покорное, совсѣмъ заполнилось...
 Позвольте мнѣ присѣсть вотъ тутъ, у вашихъ ногъ.
 И разсказать вамъ все, чтò нынче мнѣ приснилось.
 Я видѣлъ чудный сонъ... Боюсь лишь одного,
 Чтобы мои слова не привели васъ въ краску...
 Простите искренность разсказа моего.
 Представьте вы себѣ, что слушаете сказку.
 Я вижу, будто бы сижу я у окна...
 Со мною женщина,.... прелестное созданье!..
 Красавица собой, проста, мила, умна,
 И въ ласковыхъ глазахъ нѣмое состраданье....
 И я ей говорю: „лишь эту ночь ночей
 Меня ты полюби,.... побудь со мной до свѣту!..
 Ты взоромъ ангельскимъ и сладостью рѣчей
 Блаженство подари безумному поэту!..
 Я прежде полонъ былъ обманчивыхъ надеждъ;
 Въ предѣлы высшихъ сферъ леталъ мечтой лазурной;
 Но встрѣтивъ въ высотахъ тьму куколъ и невѣждъ,
 Возненавидѣлъ свѣтъ и блескъ его мишурный...
 Сегодня—мы на ты; а завтра—снова вы..
 И не найдуть слѣда восторговъ страсти нѣжной
 Ни любопытный взоръ, ни праздный звукъ молвы:
 Я стану ихъ хранить въ душѣ моей мятежной!...“
 Прильнувъ къ ея губамъ, робѣя, весь въ огнѣ,
 Рукою трепетной обвилъ ея станъ гибкой;
 Она довѣрчиво прижалася ко мнѣ,
 И я былъ озаренъ небесною улыбкой!..
 Но вдругъ я чувствую, что начинаю стыть...
 Проснулся,—на полу подушки, одѣяло...
 Ложася спать, окно забылъ я притворить,
 И холодомъ ночнымъ всѣ грезы разогнало!....

*) Прасковья Федоровна Перфильева, рожд. графиня Толстая, супруга В. С. Перфильева, женщина необыкновенная. П. Б.

Мнѣ милъ мой прерванный, мой незабвенный сонъ,
 Какъ прародителямъ мечта грѣхопаденья....
 Наталья Павловна,... васъ не смущаетъ онъ?...
 О, еслибъ на-яву сбылося сновидѣнье!....

Все, что измѣнилъ, подчеркнуто карандашомъ. Мнѣ кажется—
 такъ лучше.

5.

19 Мая 1882.

Духовъ день.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Я блаженствую уже шесть
 дней въ Спасскомъ. Это такая благодать, о какой я и не мечталъ. Про-
 сто—очарованіе. Едва ли есть на землѣ второй человѣкъ, который въ
 настоящее время такъ счастливъ, какъ я. Сажу больше дома, не нады-
 шуся, не наглажусь, не нанюхаюсь бальзамическимъ воздухомъ и не
 наслушаюсь пѣсенъ соловьевъ. Пастухъ мнѣ приноситъ рыбу, я варю
 уху; жарю; дѣлаю макаронаду съ лукомъ, омлеты и у Маклакова былъ
 всего два раза. Читаю много. Еще вотъ что, *только это между нами*:
 управляющій, изъ крестьянъ, принесъ мнѣ посмотрѣть нѣсколько
 книгъ, говоря, что ихъ въ главномъ домѣ наваленъ цѣлый уголъ. Изъ
 принесенныхъ обратили мое вниманіе:

1 Joh. Jacobi Hofmanni Lexicon Universale. 3 тома, каждый какъ
 Евангеліе, въ изящныхъ пергаменныхъ переплетахъ съ вытисненными
 орнаментами. Печать рѣдкая, мелкая. Lugduni Batavorum (Лейденъ).
 Apud Jacob Naxium, Cornel Bovtesteyn, Petr. Vander A. A. et Jord.
 Lychtmans. 1698.

По мнѣнію моему этотъ Латинскій энциклопедическій лексиконъ in
 folio, содержащій въ каждой части болѣе 1000 стр., вещь цѣнная и
 рѣдкая. Спишитесь съ Парижскими знатоками: можетъ быть, стѣнитъ
 его прибрать къ рукамъ и для нихъ приобрести конечно не за одни
 ихъ прекрасные глаза. Ихъ 4 тома и внизу въ заглавномъ листкѣ
 вырѣзана мѣтка или ex libris, кому принадлежали. Видно куплены
 краденныя.

2. Les crimes de l'amour, nouvelles héroïques et tragiques, précédées
 d'une idée sur les romans par D. et F. Sade, auteur d'Aline et Valcour
 A Paris chez Massé, rue Helvétius. An. VIII. Les crimes de l'amour 4 части.
 Сказано ornés de gravures, а гравюръ нѣтъ. Сами повѣсти есть, и
 недурныя, но вообще видно, какъ будто де-Садъ написалъ ихъ въ
 оправданіе и искупленіе своихъ прежнихъ романовъ. Idée sur le roman
 было переведено у насъ въ той книжкѣ, гдѣ была напечатана Марія
 Магдалина Петра Аретина. Переплетены не обрѣзанными, какъ бы
 Японская бумага.

3. *Physique Sacrée ou Histoire Naturelle de la Bible traduite du latin J. J. Scheuchzer, enrichie des figures en taille-douce, gravées par André Pfeffel, graveur de Sa Maj. Impériale, 1732.* Большое in fol., кожаный переплетъ; больше гравюръ, чѣмъ тексту. Во второмъ томѣ, который у меня въ рукахъ теперь, 100 роскошнѣйшихъ, изящнѣйшихъ гравюръ, очень рѣдкаго и любопытнаго содержанія. Работа—диво. Узнайте черезъ Парижъ, что это за книги и какая имъ цѣна. По моему это изданіе безцѣнное. Тутъ сказано: *Fin du tome second*: значить, есть еще въ углу, гдѣ свалены книги. Пожалуйста не пренебрегите и если вамъ не нужны, все таки узнайте, чего онѣ стоятъ; а *Physique Sacrée* безъ сомнѣнія стоитъ будетъ на вѣсь золота.

Но обо всемъ этомъ ни единому человѣку не сообщайте, ибо эти книги въ опекѣ, а взять ихъ можно потому, что описи не дѣлали, а оцѣнили гуртомъ. Соберусь погода сходить въ главный домъ и разобрать что тамъ въ углу навалено и не премину сообщить.

Получили ли вы *les Galanteries* Шарля Монселе? Пр. Ѳед. пишетъ, что *все* книги вамъ отослала. Съ книгами *Hommes et Dieux* вышла исторія для меня весьма непріятная, гдѣ я невольно пострадалъ. М-me Brant обидѣлась; должно быть, Перфильева настоятельно требовала книги, а Бр. была сильно больна. Ну, конечно виновать во всемъ я. Да есть впрочемъ этакія обидчивыя бабы, точно кожа съ нихъ содрана, и вездѣ имъ все больно. Посылаю письмо самой Бр. ко мнѣ; изъ него увидите, что съ подобными барынями просто ничего нельзя дѣлать; ихъ и... надо въ бѣломъ галстухѣ и лайковыхъ перчаткахъ. Вотъ Праск. Ѳед.—это барыня такая, какъ быть должно; безъ всякихъ привередничествъ и безъ пустыхъ обрядовъ; смотреть на дѣло всегда прямо, просто и умно.

Не помню, былъ ли я въ такой степени доволенъ и счастливъ въ жизни какъ въ теченіи этихъ двухъ недѣль пребыванія въ забытой усадьбѣ, чудесный, добрый Петръ Ивановичъ. Не могу и не стану описывать вамъ моего блаженства и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ, что вы его отчасти понимаете, нѣсколько узнавъ меня помимо внѣшности; а когда вы будете у меня—сами убѣдитесь, что я блаженствую, и блаженствую тѣмъ слаще, что живу въ уединеніи. Всякій человѣкъ мнѣ въ тягость; но вы, какъ деликатно мыслящій и деликатно чувствующій, вы удвоите прелесть забытой усадьбы. Я уже теперь скачаю, что вамъ можно будетъ пріѣхать ко мнѣ на короткое время; меня мучить мысль, что можетъ дождь пойтн во время вашего пребыванія у меня; что придетъ кто нибудь изъ сосѣдней деревни, и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаю себя надеждой и ожиданіемъ васъ видѣть, точно какъ любимую женщину. Вотъ подите-же!

Благодарю васъ за книги и прошу на время пріостановиться. Читаю я теперь мало и урывками; все время провожу въ поляхъ, лѣсахъ, въ тѣнистомъ саду или у окна, передъ которымъ раскинулись два столѣтніе кедра и двѣ старыя пихты. Изловчусь въ приготовленіи пицци и стану васъ кормить ухой, бифстekomъ, яичницей, макаронадой, манной кашей. Все это мы сами сдѣлаемъ. На кухнѣ управляющаго есть стряпка; но я къ ней посылаю только посуду для мытья, а готовлю самъ: оно и чище, и вкуснѣе.

Вы какъ будто знали что мнѣ прислать: мнѣ брюхомъ хотѣлось шоколаду и думалъ нынче писать Пр. Ѳед. Спасибо за кстати присланный гостинецъ. Пр. Ѳ. мнѣ прислала Чуевскихъ сухарей.

Могу ли я отказаться отъ вина, искренно и любезно и дружески предлагаемаго? Красненькое—одна моя услада, а изъ бѣлыхъ—вермутъ. Другихъ винъ для меня не существуетъ. А Павелъ Лукичъ со Шкоттомъ говорятъ, что я пьяница. Вѣдь такія слова могутъ дойти до генераль-губернатора, и что хорошаго тогда? Можно потерять репутацію. Я замѣтилъ даже, что Павелъ Лукичъ пересталъ заводить Anisette въ своей коллекціи и понялъ сіе ехидство.

Кланяйтесь ему сердечно; нынче нѣсколько дней я ночью мерзнулъ и вспомнилъ его. Потрудитесь записать съ его словъ рецептъ приготовленія цыплятъ съ эстрагономъ. Я купилъ вчера насѣдку съ 10 цыплятами, едва оперившимися и хочу ихъ съ мѣсяцъ покормить кашей и творогомъ. Только прошу записать пропорцію поаккуратнѣе, чего сколько; разумѣется, для приготовленія въ паровой кастрюлѣ.

Надѣюсь упросить Кетчера пріѣхать погостить ко мнѣ. Это человѣкъ!

6.

Дождь льетъ, и мою комнату затопило сквозь дыравую крышу. На мое счастье пришло изъ Петерб. отъ опеки разрѣшеніе снять печати съ дверей большаго дома и дать мнѣ въ немъ помѣщеніе по моему выбору. Я и выбралъ три комнаты и устроюсь, одну комнату назначу для вашего пріѣзда. Не будь этого разрѣшенія, мнѣ было бы невозможно оставаться въ Спасскомъ, и я былъ бы вынужденъ вернуться въ Москву.

7.

30 Іюня 1882.

Какая прелестная книга *Cicéron et ses amis*; давно я не читалъ ничего подобнаго; съ какимъ знаніемъ, умѣньемъ и талантомъ написана! И слогъ подходящій, точъ въ точъ древній историкъ писалъ.

Красота, умъ и знаніе. Предвкушаю блаженство, разрѣзывая *L'Opposition sous les Césars*.

Никогда въ жизни не былъ я такъ счастливъ, какъ нынѣшнее лѣто въ забытой усадьбѣ. Циммермановская *Einsamkeit, Seelenruhe, die schöne Natur, Gesundheit, Zufriedenheit mit sich selbst.....*, хорошія книги, комфортъ, тишина и спокойствіе, рѣдкое лѣто, прелестное мѣстоположеніе, полное наслажденіе, просто обѣдня духовная!

Павель Лукичъ считаетъ мое положеніе равнымъ ссылкѣ: даю подписку всю жизнь провести въ подобномъ изгнаніи, лишь бы время отъ времени увидать близкаго душѣ человѣка.

Дожидались ли вы г. Гришина? *) Я бы выѣхалъ нынче въ Москву къ вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ; да не могу: все ожидаю Прасковью Ѳедоровну, которая непременно обѣщалась быть въ Дергайковѣ и меня посѣтитъ по сосѣдству.

Я не лишенъ надежды видѣть васъ въ Спасскомъ до отъѣзда вашего въ Нижній. Пожертвуйте 4½ часа на переѣздъ черезъ Крюково. Для васъ готовы три комнаты со всевозможнымъ сельскимъ комфортомъ, сыты будете; прогуляемся немного направо, налѣво, посмотримъ книги, посидимъ въ саду, побесѣдуемъ.

8.

Большое вамъ спасибо за книги. Чтò это за Баусье! Просто прелесть что за критикъ и съ тѣмъ вмѣстѣ какая ученость! Онъ самъ Тацитъ. Извините, что задержалъ Цицерона и *Opposition*; хочу прочесть въ другой разъ. Это лучшая рекомендація книгъ: немногія захочешь прочесть два раза къ ряду. Думаю, что обѣ книги, которыхъ списанныя заглавія прилагаю, должны быть очень рѣдки. Плутархъ положительно, потому что въ 1654 г. сдѣлана замѣтка *Libri rari*; а *Lucain*—по виду и по году. Онъ *in folio*.

Мнѣ будетъ очень ощутительно ваше отсутствіе въ Москвѣ, когда уѣдете на Нижегородскую ярмарку. Я постараюсь читать помедленнѣе, чтобъ хватило матерьялу. Въ Москву мнѣ выкатить на нѣсколько дней тяжело по капитальной части. Васъ просить болѣе не смѣю. Вы Европеецъ-горожанинъ, знающій однѣ желѣзныя дороги, и я могу понять, что проѣздъ чортъ знаетъ по какой дорогѣ и въ какомъ экипажѣ 30 верстъ впередъ и 30 в. назадъ, чтобы провести день въ деревнѣ—для васъ вовсе не приманчиво.

6 Іюля 82. Спасское.

*) Это былъ юноша, оставившій по себѣ наилучшія воспоминанія. П. Б.

Если можно и будетъ время, спросите о книгахъ г. Гинсбурга*), не говоря ему, гдѣ эти книги, а что молъ такіа есть.

9.

30 Октября 1882.

Physiologie du coiffeur очень ловкая и типическая французятина. Parikmacher—парикмахеръ—прелестно. И гдѣ онъ только отыскалъ perruquier allemand? Pièces justificatives, по моему, совершенно лишнія и вредятъ хорошему настроенію. О. Р. Удена я читалъ гдѣ-то; я нерѣдко посѣщалъ его вечера; портретъ очень похожъ.

Марья Сергѣевна Петипа моя хорошая знакомая. Лѣтъ десять тому назадъ она мнѣ сообщила вырѣзки изъ разныхъ Парижскихъ журналовъ о ея успѣхахъ въ большой оперѣ и просила составить Русскую статью. Тогда она думала начать переговоры съ нашей дирекціей о поступленіи вновь на Петерб. сцену. Я посѣтилъ ее, на Пескахъ, близъ Лиговки. Она просила приостановиться со статьей, такъ какъ нога ея болѣла и, по отзывамъ докторовъ, скорого и благопріятнаго исхода ожидать было нельзя. Сидѣла она вытянувъ чудную ножку на табуретъ мягкомъ. Въ то время она жила врознь съ мужемъ, который ей отдалъ сынишку, а себя взялъ дочь, нынѣшнюю красотку. Я ее видѣлъ, когда она была подростокъ, у Марьи Сергѣевны (отецъ отпускалъ ее навѣщать мать). Говорили, что цѣломудренная Марья Сергѣевна, долго крѣпившись, не выдержала и сошлась съ какимъ-то Сергѣевымъ, учителемъ. Гдѣ она теперь, не знаю. Самъ Петипа человекъ безъ всякихъ предразсудковъ, страшный сплѣтникъ, и я имѣю поводъ думать, что дочь свою онъ раститъ для продажи.

И я сижу теперь такъ, какъ сидѣла Марья Сергѣевна: нога моя покоится на стулѣ. Не могу обуть ее; большой палецъ рдѣетъ, и подъесть распухъ. При этомъ больно. Маклаковъ говоритъ—это къ росту.

10.

30 Ноября 1882.

La femme au XVIII siècle—трудъ великій и написанъ увлекательно. Le 101 régiment очень хорошо. La bêtise humaine мнѣ не понравилась, вещь дѣланая и съ претензіей, смахиваетъ на Higon Вольтера; въ Soirées de Médon только и есть, что Boule de Suif, прелесть, которую я гдѣ-то читалъ уже. La maison Tellier—высокоталантливо набросанныя картины; мастерская реальность. Houssaye не поэтъ, а ёрникъ и.... Пругавинъ написалъ прекрасную и полезную для кустарей брошюру;

*) Директоръ бывшаго Голицынскаго музея въ Москвѣ.

такпхъ бы господъ надо приглашать въ засѣданія всякихъ совѣтовъ по народному дѣлу; а у насъ, я думаю, норовятъ, какъ бы его засадить. Trompete.... не подымается рука перевертывать страницы, какъ не подымается она у меня къ стакану пива и Нѣмецкой сигарѣ.

Вы меня спрашивали о Varçon; конечно предель! Знаніе, умѣнье рассказать, все въ масштабѣ, и при этомъ умъ и вкусъ. Очень, очень васъ благодарю за книги.

„Дѣтство“ Златоуста вещь высоко-изящная, художественная и краснорѣчивая, безъ ладану, безъ постнаго масла. Я зачитался этой книжонкой всласть. Сколько души, кроткой силы убѣжденія, снисходительности и *свободы*; вотъ что главное. Всѣ эти Массплёны и Бюссюэты неволятъ; Златоустъ не неволитъ, а совѣтуесть, не коря и не кляня. Чудо какъ хорошо! Кромѣ того очень интересенъ историческій мѣстный колоритъ.

11.

18 Декабря 1882

Истра.

„Бабочка“—это было четверостишіе-экспромтъ, который я предлагаю припомнить и вамъ сообщу. Читали вы моихъ „Докторовъ?“ Какъ находите?

Вчера я началъ слагать одну теплую вещь, которую вынашиваю; не знаю, какъ выльется? На праздникахъ пришлю, если не ранѣе. Бѣда въ томъ, что чуть не дашь вылежаться, выпустишь изъ рукъ,—а черезъ день пойдутъ варіанты. Я завтра подберу въ списокъ сколько припомню своихъ стиховъ и вамъ сообщу его; которыхъ не имѣете, я вамъ тотчасъ же пришлю.

Какъ только отдастъ боль, выкачу въ Москву. Благодарю за приглашеніе въ клубъ. Я до того одичалъ, что мнѣ и подумать странно быть въ какомъ нибудь многочисленномъ обществѣ. А необходимо въ Москвѣ быть: надо заблаговременно готовить литерат.-музыкальный вечерокъ.

12.

29 Декабря 1882.

Я почувствовалъ себя недовко, голова какъ-то одурѣла; въ груди сдѣлалось стѣсненіе, внутри и подъ кожей жаръ, снаружи ознобъ, и я безъ силъ свалился на кровать. Такъ какъ я одинъ въ домѣ и прислуги мнѣ днемъ не надо, то я пролежалъ до вечера, пока явился садовникъ и меня нашелъ тяжело дышащимъ. Жена Максима меня раздѣла и уложила въ постель. Я весь горѣлъ какъ утюгъ, и ни капли испарины.

Ночью у меня сдѣл. страшная боль въ глоткѣ и чувство боли содраной кожи во всемъ горлѣ и даже въ правомъ легкомъ. Я все лежалъ недвижимъ и молчалъ, а боль усиливалась и поту не было. Въ Четвергъ ко мнѣ заѣхалъ навѣстить меня Андрей Ивановъ; я раскрылъ ротъ, и онъ увидалъ, что у меня все тамъ побѣлѣло. Въ Пятницу бѣлыя пѣнки сходили съ полости рта и изъ горла, въ родѣ плёнокъ; остальные я пальцемъ сдиралъ съ нѣба до самыхъ десенъ и гнѣздъ зубовъ. Глотать стало возможно, и я пропустилъ чаю. Вчера въ Воскресенье я всталъ съ постели, чтобы сдѣлать нѣск. шаговъ. Слабъ, какъ больное дитя; потерялъ память: чтò хочу сдѣлать, и забылъ.

Да, дорогой Петр. Ив., вынести все это безъ всякой помощи и безъ всякаго участія—тяжело. Можно сказать, что *отлежался*, и натура сдѣлала что надо. Поздравляю васъ съ праздниками и съ наступ. новымъ годомъ. Писать больше, извините, не могу; сейчасъ опять въ постель—набирать силы. Чтò это было, не знаю. Вѣроятно къ росту или глисты... Аксинья говоритъ, что въ ночь на Среду она все молилась, чтобы хоть дò свѣту мнѣ дотянуть. Это жена Максима. Въ Пятницу лицо опухло. Теперь поджилки не держать моей туши—гнутся; а какъ я лежалъ и горѣлъ—не помню: знаю, что около меня были люди и что-то все шептались. Какъ свалился, съ тѣхъ поръ ничего не ѣлъ, седьмые сутки. Сейчасъ нагнулся выдвинуть нижній ящикъ у комода, и очки свалились со лба на полъ; я это чувствую и думаю, вотъ сейчасъ подыму; отодвигаю ящикъ, беру губной клей, вдвигаю ящикъ, подхожу къ письменному столу и хватъ—очковъ нѣтъ! Шатаюсь и хватаюсь за стулья и углы мебели, ищу ихъ вездѣ и въ такомъ горѣ; наконецъ наступаю на нихъ у комода и къ счастью, что не раздавилъ. Вотъ вамъ образчикъ памяти. И все такъ. Теперь, надо думать, вынырнулъ, и пойдетъ укрѣпленіе своимъ порядкомъ. Какъ только въ силахъ буду влѣзть въ повозку, приѣду въ Москву съ разстановками. По жел. дорогѣ боюсь пускаться одинъ и не хочу возбуждать пустого, празднаго состраданія.

13.

15 Янв. 83.

Книги я всѣ прочиталъ. *Les fleurs du Mai* французятина и отмѣчена мною въ оглавленіи немного. Ронсаръ свѣжъ и благоухающъ; я *потрудился* прочитать его сплошь, отмѣтилъ лучшія мѣста и мысли и вклеилъ два варіанта. Извините, что, по причинѣ скверной брошюровки, онъ вырвался у меня изъ рукъ, и кусочекъ страницы оторванъ, когда я невольно, инстинктивно хотѣлъ его удержать; это было въ началѣ моего заболѣванія; я положилъ этотъ лоскутъ на столъ у кро-

вати; затѣмъ, когда опомнился, лоскута этого не было: вѣроятно его сдуло вѣтромъ, и его смели. Хотя въ немъ ничего нѣтъ важнаго, но я все же каюсь въ своей невольной винѣ и готовъ съ удов. купить вамъ новую книгу, оставивъ себѣ эту прелесть, которую всегда съ удов. возьмешь въ руки, чтобы въ сотый разъ прочесть одно и тоже. *Vie de Napoléon*—слабая вещь, и о личности Наполеона почти ни слова. Можетъ быть здѣсь правда о нѣкоторыхъ баталіяхъ; но это интересно для военныхъ историковъ. Есть интересныя страницы, напр. о пребыв. арміи въ Миланѣ. Я какъ-то *умѣю* читать подобныя книги и читаю *что надо мнѣ*. *Corresp. de Balzac*—интересный фیزیологич. этюдъ, какъ серьезное чтеніе, съ образчиками сердечныхъ писемъ къ женщинѣ, которая 14 лѣтъ его водила за носъ и наконецъ, захвативъ въ свои когти, удушила. Надо бы особо издать письма его къ *Ганска*, да и то много повтореній; а какъ этюдъ—вещь замѣчательная. Какъ только хватало силъ у этого человѣка такъ работать! Бонвиль—прелесть; по моему одно помѣшало искренности его воспоминаній: это разсказъ про Лазарева въ водолечебномъ заведеніи; а потомъ прогулки его съ Бальзакомъ по Парижу. Но кромѣ этого все живыя лица. *Mieux vaut en rire*—вещь нынѣшняя, написанная безъ масштаба, и лица точно отраженные въ неровномъ зеркалѣ; художества и слѣда нѣтъ. Исторія въ монастырѣ напомнила мнѣ Кіевскую лавру и Скопинскій банкъ съ Рыковымъ. Вообще—швахъ. *Les deux petits sabots* я читалъ не знаю гдѣ и когда; остальные разсказы очень симпатичны, но всѣ—*дѣланы*, живыхъ людей нѣтъ. *Parisine*—это слабое произведеніе, винигреть изъ гидовъ и *Privat d'Anglemont* (забылъ другаго мастера) описыв. Парижъ. Мнѣ кажется этотъ *Roquerplan* былъ челов. очень надменный, желавшій произвести что нибудь оригинальное и воображавшій, что удивилъ, выхоливъ цвѣтокъ, который давно извѣстенъ, только съ нѣкоторыми новыми отмѣтками. Ему должно быть много льстили.

Бретъ-Гартъ очень милъ. *Le pays basque* написано больше для особъ, посѣщающихъ Барежъ, *S-te Jean de Luz* и Біаррицъ.

Я позволяю себѣ отобрать часть книгъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ быть занимательны для Пр. Θ. и отошлю ихъ ей для просмотра, прочтенія и для передачи вамъ. Это я считаю тактомъ; а то если миновать ее этотъ разъ—это выйдетъ какъ будто упрекомъ за исчезновеніе 4-хъ книгъ и явнымъ признакомъ недовѣрія и законнаго лишенія. Остальныя книги, которыя для нея не интересны, я уложилъ въ особый пакетъ на ваше имя. Списокъ вамъ сообщу подробный.

Слабъ я еще очень, и повидимому кромѣ слабости ничего серьез-

наго нѣтъ. Все это слѣдствіе того, что меня вдругъ круто перевернуло. Какое счастье, что я былъ въ это время *одинъ* и отдѣлялся отъ всего безъ медіц. помощи, безъ всякаго ухода, кромѣ идіотич. прислуги, вздыхавшей около моей постели сложа руки и заражавшей воздухъ прокислымъ полушубкомъ.

14.

11 Августа 83. Москва.

Продолжаю жизнь на Тверской, гдѣ душѣ тепло, съ хорошими добрыми пріятелями, и наслаждаюсь дружбой и искренностью сердечно ко мнѣ относящихся людей, не ставящихъ мнѣ въ укоръ моихъ старческихъ слабостей и недостатковъ, здоровьемъ кореннымъ. Благодаря моральнымъ и физическимъ условіямъ жизни, не скучаю; ноги совсѣмъ, пока, не тревожатъ; а на болѣзнь сердца я плевать хотѣлъ: жить она мнѣ не мѣшаетъ, и я примирился съ мыслию, что конецъ будетъ моментальный, чтò и пречудесно, и къ чему я готовъ во всякое время.

У Павла Лукича былъ всего два раза. Слышалъ, что у него 26 Іюля пировали на проводахъ К. Т. *). Пикулинъ мнѣ говорилъ, что *собрались случайно* Кетчеръ, Шкоттъ, Забѣлинъ, Самаринъ, Коршъ, Ив. Вас. и Ник. Ивановичъ. Въ прошлое Воскресенье, 7 числа, ужиналъ у насъ на Тверской Шкоттъ съ Павломъ Лукичомъ. Пикулинъ былъ въ духѣ и своимъ юморомъ увлекъ всю компанію и произвелъ фуроръ. Я давно такъ весело и пріятно не проводилъ вечеръ, и всѣ были въ восхищеніи отъ Павла Лукича. На другой день мы съ нимъ съѣхались въ панорамѣ Карсъ, откуда отправились къ нему обѣдать; тамъ засталъ онъ сюрпризомъ вернувшуюся съ дачи супругу и потерпѣлъ полное пораженіе послѣ вчерашняго торжества на Тверской.

Завтра у насъ обѣдаетъ нѣкто Беккеръ. Ему Государь заказалъ картину Вѣнчанія на царство. Можете себѣ представить величину полотна, когда Перфильевъ будетъ на немъ изображенъ во весь ростъ. Беккеръ изъ Парижа; не слыхали ли вы о немъ?

У насъ, въ прошлую Субботу, обѣдали два Француза и одна Французинка: Бюлозь съ женой и Беккеръ. Бюлозь хамъ и сволочь; мадамъ его очень милая особа; съ рыла мужикъ изъ Прованса; умомъ, манерой, образованіемъ весьма пріятна. По милости газетъ вашихъ я не сидѣлъ за столомъ съ замазаннымъ ртомъ и поддерживалъ соврем. разговоръ и о литературѣ и о политикѣ. Бюлозь былъ въ Нижнемъ, Беккеръ тоже.

*) Т. е. Козьмы Терентьевича Солдатенкова.

15.

2 Сентября 1883.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ мой хорошій знакомый и близкій мнѣ человекъ. Онъ Сибирякъ, много потерпѣвшій въ юности по обвиненію или подозрѣнію его въ намѣреніи *отдѣлить* Сибирь отъ Россіи. Тогда онъ былъ еще гимназистомъ. Сидѣлъ въ острогѣ; былъ, разумѣется, выпущенъ подъ надзоръ полиціи; женился и служилъ при ген. губ. Западной Сибири Хрущовъ по особ. поруч., гдѣ много работалъ по различнымъ отдѣламъ описанія Сиб. края. Послѣ смерти Хрущова переселился въ Петерб., гдѣ издавалъ, а можетъ быть и теперь еще издаетъ, Сѣверное Обозрѣніе. Два предостереженія давно уже были даны этому журналу; вѣроятно онъ прекратитъ свое появленіе.

Я былъ очень боленъ и только сегодня съ трудомъ сошелъ внизъ. Очень благодаренъ за Вьелькастеля и Вейля. Я старался ихъ поскорѣе прочитать, такъ какъ эти свѣжія книги, можетъ быть, кѣмъ-нибудь и ожидаются. Я вынесъ такое впечатлѣніе, что Вейль—пархатый Жидъ, Матильда—Нѣмка; а Гейне—Французъ, да къ тому же и геніяльный. Что за прелесть описаніе завтрака съ Сю и Бальзакомъ. Оба умные люди изъ силъ лѣзали, чтобъ дураками стать, и какъ ловко Гейне вставлялъ свое слово. Вейль въ это время вычислялъ въ умѣ что стоитъ завтракъ. А все же спасибо ему за многіе новые штрихи, которыхъ недоставало къ портрету Гейне. Есть много хорошихъ мыслей, несмотря на общій запахъ чеснока. Что это за „Паулине“, другъ Матильды? Ужъ не вслѣдствіе ли этой дружбы Матильда была вѣрна Гейнриху?

Каковы наши поэты! Ни присяжный А. Майковъ, ни *другъ* Тургенева, Я. Полонскій, никто ни однимъ стихомъ не обмолвился. Чтò за сволочи! Ну, если боишься, то хоть первыя буквы выставь. А Феть, тожъ теперь дотога занять унавоживаніемъ, что едва ли знаетъ, что Тургеневъ умеръ. Умри Катковъ, завтра же было бы стихотвореніе на его смерть, въ Моск. Вѣд., конечно съ заполученіемъ гонорара, какъ за восьмистрочіе на открытіе памятника Пушкину или „на случай“ несенія креста на Голгоу. Хорошо не помню.

16.

13 Ноября 1883.

Какъ пріѣхалъ отъ васъ, такъ въ ночь захворалъ и только сегодня очухался. Думалъ вчера, не зайдете ли изъ клуба. Далъ маху: надо было послать узнать и отдать швейцару пледъ, безъ котораго я бы погибъ. У меня было въ родѣ воспаленія въ легкихъ, и притомъ припадки подагрическіе и шмерценъ инъ герценъ *), всякая дрянь.

*) *Schmerzen in Herzen*, т. е. боли въ сердцѣ.

Полонскій меня больнаго сердилъ, но я его всетаки одолѣлъ. Не нашелъ его лучшей вещи: „Старый орелъ“. Знаете? Про „Джонъ Буля“ больше прокричали, и для мало-мальски образов. человека, новаго въ книгѣ, мало. Да и языкъ тяжелъ, не то что у Абѹ.

Благодарю за нѣжную, вкусную ветчину. Не потому она *лучше*, что отъ добрѣйшей Ольги Ивановны, а не отъ сухаго Фета, а дѣйствительно деликатнѣе.

Шлю отъ души привѣтъ землевладѣльцу Фету,
Готовъ во всѣ концы трубить ему хвалу,
Какъ диллетанту и кондитеру-поэту
За пастилу!

По не въ однихъ сластяхъ онъ выказалъ свой гений;
Я почестъ воздаю ему, какъ Пеншину,
За лучшее изъ всѣхъ его произведеній,—
За ветчину!

27 Ноября 83.

Moscou.

17.

14 Января 1884.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ,

Будьте добры, пришлите мнѣ альбомъ Козловой; я его вамъ привезу во Вторникъ. Да еще стихотв. Я. Полонскаго заодно. Изъ альбома падо выписать мнѣ кое-какіе Французскіе стихи, а изъ Я. П. надо отмѣтить и внести въ мой „списокъ удобоваримыхъ стиховъ нашихъ и чужихъ поэтовъ“, который я хочу составить, отмѣченныя мною.

Написалъ я сегодня ночью недурную, кажется, вещь. Давно она была на умѣ, да не вытанцовывалась. Я ее пустилъ на Болгарскіе нравы. На именинахъ у Кетчера я видѣлъ Попова (не того, у котораго купилъ штофъ водки, а Нила) и отъ него узналъ нѣсколько Болгарскихъ именъ, изъ которыхъ выбралъ эти два.

18.

4 Февраля 1884.

Если можете прислать мнѣ въ Воскресенье пищи, то очень бы меня обязали. *Eupetъ*—прелесть. *Tambour-battant*—весель и остеръ, на сколько можно требовать отъ такого неистощимаго разскащика, какъ О'Монроу. *Les deux français* молодцы, дѣльные и интересные туристы. Затѣмъ у меня остается Egger (Эгже!), котораго читать надо гороху поѣвши, и при другомъ чемъ нибудъ.

Посылаю вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, двухъ Французовъ: Ш. Блана и О'Монроа.

Что за прелестные люди, эти Парижане! Сколько ума, учености, наблюдательности и какое, должно быть, тонкое художественное образованіе? Я увлекся ихъ философскимъ взглядомъ и въ восхищеніи отъ нихъ.

19.

III. Бланъ заставилъ меня забыть и зной, и Египетскую скуку и далъ полное понятіе о древнемъ Египтѣ. Сколько вкуса у него! Замѣтьте виньетки: канканъ, стр. 42; утки—стр. 119; скарабей, стр. 24 и др.

Фурнье я одолѣлъ. Надо было *все* прочесть, чтобъ отмѣтить лучшее. Позвольте мнѣ кое-что изъ этой книги выписать и оставить ее на денекъ-другой.

Теперь примусь за Егера. Страшно, но убѣжденъ, что онъ вознаградитъ меня за мою рѣшимость прочесть его серьезный трудъ. Мыслей, вѣроятно, много хорошихъ; а это аромать души.

Маклаковъ купилъ у какой-то Вейдемейеръ или Голицыной мѣшокъ книгъ въ старинныхъ переплетахъ; есть очень хорошія, какъ видно изъ списка. Я видѣлъ только изъ тѣхъ, что онъ мнѣ приносилъ показать, Парни въ двухъ томикахъ, въ прекрасномъ старинномъ кожаномъ переплетѣ, съ золот. обрѣзомъ и гравюрами. Далъ за цѣлый ворохъ 25 р.

Сейчасъ услыхалъ, что у Готье на комисіи какія-то старинныя книги нѣкоего барона Розена. Есть *Les quatre Césars* и *Mémoires de Saturnin* съ гравюрами, въ очень хорошихъ переплетахъ. За эти два изданія Розенъ проситъ 100 р.; но Готье совѣтуетъ не давать болѣе 50. Розенъ, какъ кажется, женился и хочетъ очистить библіотеку отъ *вольныхъ* книжекъ.

20.

17 Февр. 84.

Получилъ сегодня стихи отъ именинника, Ѳ. В. Перфильева.

Возвращаю вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ,

1. *Dictionnaire des mots français d'origine orientale*. Прекрасное руководство, которое прочиталъ съ удов. и отмѣтилъ, что интересно.

2. *Predicatoriana*—хорошо. Прочтите на 135 стр. слово привѣтственное Маріи Медичи.

3. Еггеръ, или Ежжеръ, по языку—образцовая вещь. Изложеніе повидимому сухаго предмета увлекательное. Я въ восхищеніи.

4. Дезожье былъ когда-то чѣмъ-то и то, не далѣе Парижскихъ бульваровъ. Штукъ десятокъ *сносныхъ* пѣсенокъ. Отмѣчено въ оглавленіи.

5. Эмиль Леклеръ—Бельгійскій Добрынинъ съ примѣскою Жозефа Прюдѡма.

6. *Au soleil*—такъ себѣ. Книга. полезная для администраторовъ Алжира. *На водахъ въ Швейцаріи* разсказъ прелестный. *Бретань*—тоска. особенно послѣ Жоржа-Занда.

Костомарова оставляю и не поспутуйте, что Жемчужникова на день задержу: хочется выписать кое-что. Братья Жемчужниковы нечестно поступили, умолчавъ объ Александрѣ Аммосовѣ, который болѣе Алексѣя Толстова участвовалъ въ ихъ кружкѣ. *Запятки и Пастухъ и Молоко*—не ихъ, а Аммосова. Это знаютъ многіе; и будь князь *) Алексѣй живъ, онъ, какъ человѣкъ правдивый, не допустилъ бы этой передержки. Списокъ книгъ, купленныхъ Маклаковымъ, посылаю. Прочтите и обратите мнѣ, пли пошлите ему по почтѣ въ Глазную больницу. Его зовутъ Алексѣй Николаевичъ. Онъ мнѣ прислалъ Parni.

Opuscules de M-r le Ch-er de Parny. Cinquième édition corrigée et augmentée. A Londres MDCCLXXVII (1737).

А въ концѣ книги внизу: A Avranches de l'imprimerie de la Cour.

Рисунки Coulet. Очень милые. Двѣ книжечки, въ кож. переплетѣ, золотообрѣзные. Печать предельно хороша.

Кромѣ того прислалъ онъ мнѣ 4 части Tableau de l'amour conjugal par Venette, 1832 г. изданіе Hiard à Meulan. Повидимому книжки дѣльные; но такъ какъ я не институтка, то отослалъ ихъ ему обратно.

Въ Au soleil, на стр. 107 говорится о превосходномъ способѣ приготовленія кофе, съ прибавкою дозы *амбры*. Въ Эмигрантскомъ журналѣ, который вы у меня видѣли, есть двѣ замѣтки о кофе. Тамъ сказано, что лучшій изъ Йемена, и что единственный способъ варить кофе высокаго вкуса состоитъ въ прибавкѣ *амбры*; нѣкоторые же знатоки варятъ зерна не жареные и не очень долго кипятятъ; но опять же съ прибавкой *амбры*.

Во первыхъ, пусть П. Л. найдетъ на глобусѣ Йемень. Я рѣшительно не знаю, гдѣ онъ; но думаю, что въ Аравіи, близъ „Мокка“, если не самая Мокка. А во вторыхъ разсѣйте сомнѣнія П. Л. на счетъ амбры; я какъ-то ему говорилъ, что пилъ у М. И. Муравьева, въ Ялтуровскѣ необыкновенно вкусный и аром. кофе и узналъ, что онъ прибавлялъ *амбру*. П. Л. сдѣлалъ такую складку на губахъ, какъ будто я совралъ. Я убѣжденъ, что М. И. Мур. и до сихъ поръ пьетъ такой кофе, который всегда утромъ самъ варилъ.

Изъ присланныхъ книгъ Жиль-Блаза я читалъ не такъ давно. Livres perdus очень интересная брошюра; замѣтите послѣдн., 122 стр., гдѣ говорится о романахъ Дюма; у насъ ихъ непочатой уголь въ провинціяхъ и столицахъ; они валяются перечитанные и зачитанные въ старыхъ шкапахъ и сундукахъ. Imprimeries—тоже очень любопытная книжонка. Молодецъ Монтихо; она пустила въ ходъ Luranie и Zombi...

Леже—кромѣ историка Славянъ, ихъ другъ и отецъ, который смотритъ на нихъ какъ бы на дѣтей своихъ съ любовію, боязнію и

*) Обмолвка: не князь, а графъ (А. К. Толстой).

съ отгѣнкомъ грусти, навѣваемымъ плотскими инстинктами Бисмарковъ и К°.

21.

Н. Bertin въ описаніяхъ Марсея гораздо счастливѣе, чѣмъ въ разсказахъ, которые болѣе пригодны для земляковъ и сродственниковъ, чѣмъ для изящной литературы. Ну что это за разсказъ о „Marchande de Pastèques“: баба вывезла на рынокъ арбузы, барыня пришла съ лакеемъ, купила ломоть, стала ѣсть, а торговка улыбается. Вотъ „Un débarquement d'oranges“ я прочелъ съ удов., потому что былъ самъ свидѣтелемъ этой картины.

За Hégésippe Moreau тысячу тысячъ благодарностей. Тутъ столько душевныхъ красотъ и нюансовъ, столько истинной поэзіи и художества, искренности, чистоты, и съ тѣмъ вмѣстѣ это и психологическій эсюдъ.

Менаръ—прелесть! И чѣмъ взялъ, кромѣ достоинствъ текста? Наглядными рисунками, которые сильно подстегиваютъ воображеніе. Его я теперь читаю съ большимъ вниманіемъ.

22.

25 Ф.

Дайте пищи: всѣ книги ваши прочелъ и изучаю Менара помаленьку.

Я съ Понедѣльника страдаю флюсомъ, который съ правой стороны перешолъ въ лѣвую. Сижу въ шапкѣ, обвязанный кисеей, съ распухшей рожей. Хорошо бы снять фотографію.

23.

29 Февраля 1884.

Спасибо за École romantique. Слѣпцова я зналъ хорошо; но про кого я вамъ говорилъ, совсѣмъ другой. Я добьюсь.

Стихи на Красовскаго посылаю на оборотѣ. Авторъ этого четверостишія—Дмитріевъ, бывший профессоръ Московскаго университета; онъ, кажется, теперь чуть ли не попечитель Петерб. учебн. округа.

Прочелъ въ восьми номерахъ „Нивы“ воспомин. Полонскаго о Тургеневѣ.

Lettres Moscovites преглупая и прескучная книга. Дурака взяли въ часть въ Казани и привезли въ Петерб., и онъ одиѣ только кутузки описываетъ.

Краса инспекціи Московской,
Двора имперскаго краса,
Иванъ Ивановичъ Красовскій:
Да гдѣ же ваши волоса?

Дмитріевъ.

По моему мнѣнію, слабая эпиграмма.

24.

2 Марта 1884.

Не Левитовъ, а Бабиновъ, Константинъ Ивановичъ. Писалъ онъ въ „Русской Бесѣдѣ“ *), которую издавалъ Ник. Фил. Павловъ въ 60-хъ годахъ. Онъ принадлежалъ къ шайкѣ Аполлона Григорьева, Островскаго, Левитова и другихъ пьянѣйшихъ. Его разсказъ „Глухая улица“, въ которой онъ вывелъ чуть ли семью свою. Узнать о немъ и его произведеніяхъ можно у брата его, живописца, а нынѣ актера Малаго театра, Мих. Ив. Бабинова.

Кто была Анна Петровна Фрейгангъ, я узнаю. Праск. Оед. напишегъ старухѣ Перфильевой, кавалерственной дамѣ, мачихѣ Василя Степановича. Она съ юныхъ лѣтъ была при дворѣ и вѣроятно знаетъ. Завтра же можетъ быть отвѣтъ, и я васъ извѣщу.

Романъ „Я жду тебя“ не только мнѣ извѣстенъ, но я его даже пѣлъ въ тридцатыхъ годахъ. Чей онъ, не помню и чья музыка (прекрасная, въ родѣ Виельгорскаго) забылъ. У меня въ памяти остались только четыре первыхъ строки:

Я жду тебя, когда зефиръ игривый
Листочки розъ въ часъ утра шевелить.
Когда луна въ часъ ночи молчаливой
Вершины горъ и рощи серебрить.
Я жду тебя!

Я объ этомъ наведу справку у старой пѣвицы, фрейлины Голынской.

25.

Я съ каждымъ днемъ все слабѣю; аппетитъ плохой, держать меня на прѣснотѣ... Мнѣ кажется, какъ только кончу Вишй, въ тотъ же день натрескаюсь тюри съ лукомъ и капустой, напрусь каши, наѣмся свинины, а потомъ брусники моченой. Возьму примѣръ съ Таннера. До Понедѣльника терпѣть надо.

Я, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что никогда, до конца дней моихъ, не прочту ни строки изъ соч. Катутла Мендеса и еслибы всѣ книги погибли и остались одни его „Чудовища“, то да будетъ мнѣ стыдно, если подумаю даже взять въ руки его произведеніе.

Бросьте его выписывать, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Недаромъ писалъ мнѣ Тургеневъ незадолго передъ смертію: „напрасно вы думаете, что Catulle Mendes'a теперь и рукой не достанешь; онъ и до своей пьесы и послѣ нея считается прохвостомъ“. Его Monstres читать только да юнымъ хамамъ.

*) Обмолвка. П. Б.

„Libres pensées Honoré Pontois велите вмѣстѣ переплести съ Мазаракинианой. При всей глупости, послѣдняя не такъ тупа.

Вотъ Сентъ-Бёвъ—такъ Сентъ-Бёвъ! Залпомъ прочиталъ и нашелъ цвѣты и конфеты. Хотя и не особ. много, но хороши. Онъ, вѣроятно, ихъ и издавать не думалъ; это были его замѣтки, для себя. Но умеръ, и ихъ въ трубу выкинуло.

Поклонитесь очень Павлу Лукичу и потрудитесь отдать ему Спб. Газету. Еслибы я былъ царь, я бы попросилъ его (*не повелѣлъ*) конечно по дружбѣ, варить мнѣ каждую осень для моей высочайшей особы землян. варенья и смород. желе. Нынѣшній Балабуха¹⁾ противъ Павла Лукича тоже что Французское масло изъ бычачьяго жиру противъ сбитаго дома; ни клею, ни глицерину, ни альбумину, ни сахарину, ни гуммигуту, ни жидко, ни густо, сиропъ изъ самой ягоды, вкусъ и букетъ!.. Пожаловали бы ему ленту Св. Анны 1 ст. черезъ плечо, не знаю только черезъ которое.

Всѣ книги и газеты посылаю, кромѣ *Менара*, котораго поменьше почитываю. Прасковьи Ѳед. давно не вижу; а о Яшкѣ²⁾ имѣю свѣд., что онъ ухитрился таки рвануть листикъ, когда она читала Вильмо. Хорошо еще, что оглавленіе, такъ что при переплетѣ книги этотъ изъязыкъ сойдетъ. П. Ѳ. хотѣла себѣ оставить эту книгу, а вамъ выписать новую черезъ Вольфа, но я протестовалъ. Тамъ когда еще придетъ! Наши книгопродавцы ненадежны.

Мнѣ предлагала Пр. Ѳ. прочесть Petersb. Gesellschaft и Berliner тоже; но я отказался на томъ же основаніи, на какомъ бросилъ читать Монкефи или Мунгачи, чортъ его знаетъ, забылъ кличку. Когда у васъ будутъ эти книги по франц., я у васъ попрошу ихъ почитать.

Польскій Гейне пришелъ къ Василю Степановичу. Я просмотрѣлъ, съ наслажденіемъ перечиталъ писемъ съ 15 къ Матильдѣ, и мнѣ показалось, по внѣшности, *будто* въ Nachlass'ѣ не всѣ стихи. А можетъ быть мнѣ *показалось*. Я помню что-то въ родѣ Eselianus'a XXVIII... А тутъ нѣтъ. У васъ, кажется, есть мой переводъ Ванцера? Какой? *Райку* я передѣлаю сегодня и вамъ дамъ, а *то* разорвите.

Дали мнѣ пародію на Горе отъ Ума, какого-то актера Дольскаго. Говорятъ даже, что Минаева. Скелетъ стихосложенія не Минаева, потому что женскія и мужскія рифмы неправильно и не фонически распредѣлены, чего умѣлый стихотворныхъ дѣлъ мастеръ не допуститъ.

¹⁾ Изготовитель Кіевского сухаго варенья.

²⁾ Обезьяна П. Ѳ. Перфильевой. П. Щ.

26.

16 Марта 1884.

Ко всякимъ недугамъ присоединился еще одинъ: грудь стала сильно болѣть. Ужъ не *Auszählung* ли? Говорять, умирать легче. Но „ми этто будэмъ пасматрѣть“.

Вы ударились въ 1812 годъ. Я припомнилъ пророческую пѣсню, которую слышалъ въ дѣтствѣ. Если вы ее не читали, то вотъ она, на всякій случай. Лучше напишу особо; заглавія не помню. Мотивъ бравурный.

Я носъ на квинту повѣсилъ. Каспари былъ, велѣлъ еще двѣ Вишй *diminuendo* и сидѣть дома. Позволилъ въ тепломъ пальто, въ шапкѣ и калошахъ, гулять по залѣ, отворивъ форточки.

Опять началъ вечеромъ часовъ въ 10 внизъ сходить; сижу до перваго часа и передъ ужиномъ ухожу домой вверхъ.

Есть у меня еще пѣсня на Наполеона I, сложенная въ азартномъ озлобленіи; но ее надо всю припомнить. Въ ней его по русски отдѣляли, отозвавшись невыгодно о его матушкѣ.

2 ч. п. п. н. Сейчасъ спать ложусь.

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ,
 Это право не бѣда:
 Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ
 Ихъ на смерть впустилъ туда.
 Вспомнимъ, братцы, что Поляки
 Встарь бывали также въ ней;
 Но не жирны кулебяки,—
 Ъли кошекъ, да мышей.
 Нанослѣдокъ мертвечинѣ
 Земляковъ пришлось имъ жрать;
 А потомъ предъ Русскимъ синну
 Въ крикъ попольски изгибать!
 Свѣту цѣлому извѣстно,
 Какъ платили мы долги;
 И теперь получаютъ честно
 За Москву платежъ враги.
 Побывать въ столицѣ слава;
 Но умѣемъ мы отмщать:
 Знаетъ крѣпко то Варшава,
 И Парижъ тожъ будетъ знать *).

27.

Большое вамъ спасибо за вино, которое мнѣ въ настоящее время служить лучшимъ лекарствомъ для укрѣпленія силъ et „*donne du ton*“

*) Появились первый разъ въ 1-й кн. „Сына Отечества“, въ Октябрѣ 1812 г. II. III.

à l'estomac“, какъ написано на туалетномъ укусѣ, не знаю почему. Былъ у меня вчера Каспари и сказалъ, что въ слѣдующую Среду придетъ ко мнѣ какъ докторъ—въ послѣдній разъ. Онъ мнѣ *строю приказалъ* пить по два стаканчика въ день настоящ. вина. У меня еще не вышло то, кот. вы мнѣ прислали и теперь хватить надолго. Онъ меня выбранилъ *обжорой* за съѣденную наканунѣ за ужиномъ куриную котлету, когда я ему сказалъ, что я ее скушалъ не потому, чтобы голоденъ былъ, а *такъ*. И вѣрно. На *такъ* рифма *дуракъ*.

У меня появляются признаки какъ-бы Самаринской амази. Филиппеусу написалъ адресъ „въ Разъѣзжей“, а *хотѣлъ* написать „на Загородномъ проспектѣ“; Павлу Лукичу сдѣлалъ адресъ—„домъ Фирсанова“ вмѣсто Харитова; Вильде послалъ письмо—въ домъ „Штросмейера“ вмѣсто Дреземейера и васъ просилъ дать мнѣ заглавіе „École romantique“, тогда какъ думалъ о заглавіи „Les classiques de la Table“. Конечно всѣ эти описки не слѣдствія пораженія мозга, а просто отъ слабости памяти и болѣзненнаго сосредоточенія мыслей.

Павлу Лукичу и нечего обижаться. Онъ самъ мнѣ сколько разъ отсылалъ обратно Трунина стихи и другую дребедень нечитанными. Это не онъ, а я обидѣлся, какъ больной, а теперь самъ смѣюсь надъ собой. Забавно сознаться, что я серьезно обидѣлся на Catulle Mendès'a, на князя Мухранскаго. Я сдѣлался *empfindlich wie eine Filzlaus* *).

Повторяю просьбу о выпискѣ заглавія (полнаго) Les classiques de la table: я хочу послать его Каншину, рекомендуя приобрѣсть эту книгу.

„Les armes de la femme“, къ стыду, написана Французомъ: хуже и пустѣе не можетъ быть. А какая богатая канва для хорошаго пера!

Въ Paris ingénu есть вещи хорошія, въ особенности мнѣ понрав. Le Dieu Michel, Le démon de la nature morte; M-r Jérôme и Les Pomponnet. Вообще вся книга согрѣта чувствомъ и освѣщена талантомъ. Для Русскихъ любителей Габорио и Пансонъ-дю-Терайля она покажется скучною.

Вильмо остроумень, милъ и веселъ. Всѣ рассказы его основаны на процессахъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, которые мы читали въ Chronique des Tribunaux въ газетахъ. Взглядъ его на эти дѣла оригиналенъ и юмора недюжиннаго. Душа, сердце и умъ видны въ каждомъ рассказѣ, и дѣлается грустно, что такой человекъ умеръ рано. Мнѣ пришло въ голову, не подослала ли кого нибудь Юрьевская его отравить?

Надо бы добыть какъ нибудь вырѣзанные изъ прошедшей книжки Отеч. Записокъ рассказы Щедрина. Говорятъ очень интересенъ „Семейство Топтыгиныхъ“.

*) Чувствителенъ какъ блоха.

Вчера на часокъ спускался внизъ. Два дня посылають мнѣ передъ обѣдомъ кусъ хорошей селедки, au naturel. Докторъ разрѣшилъ. Изъ нѣкот. данныхъ я заключаю, что меня не выпустятъ ранѣе, какъ рѣка пройдетъ. Пр. Θ. мнѣ пишетъ: „à ce qui paraît, nous ferons notre première sortie ensemble“. Ну, ужъ это черезъ-чуръ!

22 Марта 84.

28.

Радуюсь за васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, что Московскую Апрельскую грязь вы мѣняете на Андалузiю, хотя я лишаюсь съ вашимъ отъѣздомъ близкаго моею душѣ человѣка, съ которымъ привыкъ видѣть и чувствовать себя не одинокимъ.

Надѣюсь, что вы еще зайдете проститься. Я старъ, боленъ. lebensmüde *); кто знаетъ, застанете ли меня по возвращенiи?

На мое горе я лишаюсь въ вашемъ лицѣ добраго человѣка, который бы не отказался помочь мнѣ въ моихъ хлопотахъ. Во Вторникъ на Пасхѣ долженъ быть мой вечеръ, сборъ съ котораго единственный ресурсъ къ продолженiю моего скуднаго *жизнiя*.

Признаюсь, я рассчитывалъ, что вы поможете мнѣ раздать билеты, и эта надежда оборвалась неожиданно. Ни одинъ годъ судьба моя не была такъ печальна, какъ нынѣшнiй. И душевныхъ радостей какъ-то меньше. Точно угасаешь. Да я и покоряюсь, не волнуясь и безъ всякой жажды къ жизни.

23 Марта 84.

29.

Вы меня сдѣлали Ротшильдомъ, добрѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, и я принялъ вашъ даръ съ тою же искренностiю, съ какою вы мнѣ предложили. Спасибо вамъ. Я точно нынѣшнiй годъ ощутилъ кризисъ финансовый и недавно долженъ былъ обратиться къ внутреннему займу 50 р.

Милый Павелъ Лукичъ въ послѣднее свое посѣщенiе сунулъ мнѣ въ руку 70 р. C'est pour vous, сказалъ онъ: vous me rendrez après votre concert; mais ne dites à personne. Какъ я ни отговаривался, онъ и слышать не хотѣлъ. Нечего дѣлать было съ нимъ. Я эти деньги запечаталъ въ конвертъ съ надписью на его имя и додержу до своего вечера. По французски онъ говорилъ вѣроятно для контенанса, бывъ самъ взволнованъ. Какая добрѣйшая душа и какой коварный другъ, но сердцу милый! Конечно это я сообщаю только вамъ по секрету.

*) Утомленъ жизнiю. П. В.

30.

Здравствуйте, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Надѣюсь, что эти строки встрѣтятъ васъ, по возвращеніи вашемъ въ Парижъ, въ добромъ здоровьѣ. Пока вы проѣхали поперекъ Европы и кружили по Испаніи, я все сидѣлъ наверху и недавно только сталъ выходить на улицу до монумента Пушкина и былъ разъ у Павла Лукича, который все ругаетъ моего доктора, должно быть за то, что онъ мнѣ помогъ.

Сидя, какъ на гауптвахтѣ, я ровно ничего не знаю, чтѣ въ Москвѣ дѣется и ничего новаго сообщить вамъ не могу. Слышалъ вчера, что Отечественныя Записки запрещены.

Вечеръ мой въ финансовомъ отношеніи удался какъ нельзя лучше; билетовъ не было уже за недѣлю, и будь заль больше—можно бы продать вдвое; такое множество было желающихъ. Погода была адская, и меня Каспари и Маклаковъ положительно не пустили участвовать; да я бы и не могъ, потому что раскисъ совсѣмъ и память сильно измѣняла. Участвовали Горбуновъ, Муромцова, Бауеръ, Правдинъ. Пабстъ и еще кто-то.

Не встрѣтитесь ли въ Парижѣ съ хорошимъ Каншинымъ, Дмитріемъ Васильевичемъ, который почти постоянно тамъ живетъ, rue Murillo, 11. Сегодня получилъ отъ него письмо, что онъ изъ Петербурга уѣзжаетъ, какъ онъ выражается, *домой*. т. е. въ Парижъ. У него ваша карточка, и онъ будетъ у вашего книгопродавца. Я ему сказалъ, чтобы онъ спросилъ о васъ. Онъ человѣкъ хорошій, очень образованный, читалъ много и пишетъ большой трактатъ о питаніи, мечтая учредить академію и клубъ. Мы съ нимъ давно знакомы и другъ друга уважаемъ, чтѣ нынѣ рѣдкость. Не знаю, не измѣнили ли его лѣта, а то онъ любилъ и *умѣлъ* изящно повеселиться. покушать *какъ никто* и знаетъ вина лучше всѣхъ дегюстатѣровъ.

Попиваю я ваше вино по два стаканчика въ день. молочко сосу и умѣренно ѣмъ легкую пищу. Боли и тревоги въ сердцѣ пропли, хотя, какъ говорятъ, болѣзнь неизлѣчима. Дѣлать нечего, такъ и будемъ знать. Да оно и не дурно, когда предупрежденъ: всегда на чеку и на готовѣ.

Caducée преинтересная книга: я ее кончаю. Вообще читаю теперь меньше, потому что цѣлый день, до обѣда, сижу у Пушкина *); а вечеръ провожу внизу. Воздухомъ до того обвѣетъ, что къ 12 часамъ какъ опьянѣлый ложусь въ постель, и засыпаю, какъ младенецъ.

Очень мнѣ безъ васъ кажется пусто и скучно; а между тѣмъ мѣсяцъ прошелъ, какъ недѣля, и не замѣтилъ. Черезъ какихъ нибудь 10 дней буду васъ ожидать.

22 Апрѣля 84. Москва.

*) Т. е. у памятника, на Тверскомъ бульварѣ.

31.

Погода внушаетъ въ грудь живѣйшія сомнѣнія: вотъ почему я не рѣшаюсь ѣхать далеко отъ дома. До вышего письма купилъ шестую бутылку Вишей; деньги заплачены, жаль бросать, допью. Яша уѣхалъ, а за Дофиномъ *) и П. О. Я одинъ. Харчиться буду въ Розѣ, въ Gartenlaube; въ ненастье пошлю въ клубъ взять блюда два, а въ случаѣ болѣзни мнѣ состряпаетъ кухарка Арк. Ив.

Наверху въ корридорѣ караулитъ меня кухонный мужикъ. Для прислуги оставленъ лакей. Чорный ходъ забить на-глухо снизу и вверху. Въ чемоданѣ у меня леворверъ.

32.

Сегодня здоровье мое вдругъ значительно поправилось, благодаря двумъ солнечнымъ днямъ. Сходилъ вечеромъ внизъ, сидѣлъ за ужиномъ, даже съѣлъ котлету изъ курицы и выпилъ стаканчикъ вина. Если дастъ Богъ такъ пойдетъ, то скоро поправлюсь; но порокъ сердца при мнѣ останется и недуманно негаданно оборветъ нитку жизни. Я это знаю и каждый часъ готовъ къ смерти и какъ будто жду ея. Есть что-то хорошее, серьезное, какъ будто неземное въ этомъ сознаніи и готовности: мысли и чувства возвышаются, очищаются отъ всякой мелочи житейской, и духовная доля растетъ. Въ готовности оставить землю и въ душевномъ спокойствіи и сознаніи есть своя высокая поэзія. Ее надо про себя держать и на базаръ не выносить, чтобъ не загадить.

Chandelle страдаетъ ужасными длиннотами и кромѣ *воспитательнаго* значенія другаго не имѣетъ. Я отмѣтилъ лучшія мѣста. Nicolas—прелесть; на стр. 232 онъ возносится до поэзіи. Флетчеръ вводитъ меня въ сумленіе: неужели бояре *брили головы* какъ Татары и ходили въ тафьяхъ? Русскіе бояре? Попросите Пикулина написать Забѣлину: чтò тотъ скажетъ?

Баффо—сынъ плоти и воспѣваетъ ее иногда очень удачно. Я нашелъ въ 3-й книжкѣ сонетъ аббата Фругони (стр. 279), который можно поставить рядомъ съ лучшими стихами древнихъ. Конечно Баффо не утерпѣлъ и написалъ въ этомъ родѣ нѣсколько *своихъ* сонетовъ.

7-го Іюня.

33.

11-го Іюня.

Книги кончаю. Sophie Arnold составлена и написана съ рѣдкимъ мастерствомъ. Флоберъ живой предо мною: что за колоссальная фигура и сколько предестныхъ мелкихъ деталей! Les Prussiens читать не могу

*) Т. е. за сыномъ Перфильевыхъ.

при всей моей нелюбви къ Пруссикамъ; мнѣ памятливы рассказы Попова про 12-й годъ¹⁾, и вообще я ничего не терплю военного, если оно не въ родѣ 101 régiment или Boule de Suil. Molière скученъ и мало питателенъ; за то le Pont-Neuf—роскошь.

34.

4 Іюля 1884.

Изъ Спасскаго пишетъ Ивановъ, что *весь Іюнь тамъ погода стояла прекрасная*; а съ 1-го Іюля *окончательно установилась, почему онъ проситъ пожаловать*. Новый Брюсъ, и вретъ такъ же. Хорошенькаго понемножку; будетъ, пожилъ тамъ. Я бѣжалъ туда изъ Москвы, какъ въ Медину, чтобы освободить отъ себя Кетчера. Теперь подобныя экскурсіи, слава Богу, не нужны и если я поѣду въ Іюль или Августъ, то ужъ конечно не въ Спасское.

35.

13 Іюля 1884.

Вчера я къ вамъ заходилъ по дѣлу, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ; но видѣлъ, что вамъ некогда и занялся. Суть въ томъ, что я досталъ рукопись просмотрѣнную Толстымъ уничтоженнаго сочиненія его, „Моя вѣра“. Мнѣ дали первую половину, на довольно продолжит. время, чтобы списать ее можно было. Если желаете, то найдите вѣрнаго переписчика, которому можно бы поручить это дѣло. Я полагаю, что у Козьмы Терентьевича это сочиненіе есть; а еслибы не было, то не желаетъ ли онъ воспользоваться этимъ случаемъ? Рукопись эта писана рукою Иславина, бывшаго подручнымъ у Каткова, и въ ней на поляхъ много замѣтокъ contra, одобренныхъ графомъ Толстымъ, и вообще текстъ при перепискѣ во многомъ исправленъ, гдѣ, по спѣшности, у графа были промахи. Если бы для васъ это оказалось или ненужнымъ или weitläufig²⁾, то не сообщите ли К. Т., не желаетъ ли онъ воспользоваться этимъ случаемъ? У него, я полагаю, найдутся быстрые переписчики. Черезъ П. Л. мнѣ къ нему обращаться не хочется, потому что болтовня тутъ не у мѣста.

Вторую половину сочиненія мнѣ дадутъ тотчасъ же по возвращеніи первой тоже на дов. продолж. срокъ, чтобы успѣть списать.

36.

5 Сентября 1884.

Сегодня получилъ для васъ приготовленную рукопись, исполненную четко и чисто in folio, листахъ на 50-ти. Деньги за нее 30 р. отдалъ.

¹⁾ Т. е. статьи А. Н. Попова въ „Русскомъ Архивѣ“.

²⁾ Продолжительнымъ.

37.

30 Ноября 1884.

Разсказъ А. А. Фета, что его съ женою не допустили до Павла Лукича, остановилъ мои порывы навѣстить больного. Я увѣренъ, что А. П. *) меня подавно не допустить. Хотя Ю. И. Вольфъ и сказалъ вамъ, что Павлу Лукичу лучше, и опасности нѣтъ; но мнѣ очень хотѣлось бы знать, въ какомъ положеніи его здоровье *теперь*? Писать ли ему? Пожалуй, письма не передадутъ. Любя его искренно, я его отъ души жалѣю, и хотѣлось бы знать о состояніи его здоровья и можно ли его видѣть? Конечно, щадя его, надо говорить самому, не позволяя ему разсказывать.

Я у васъ поправился здоровьемъ, и доброе вино имѣло благотѣльное вліяніе на мою натуру. Всѣ застои разогнало и разбило, и я какъ новорожденный.

Во Вторникъ обѣдалъ у Шкотта съ Зилотти, ученикомъ Листа. Красивъ, какъ Эндиміонъ. Сыгралъ нѣсколько мелодическихъ вещей и привелъ въ восторгъ меня.

Эти два дня читаю Казанову и оторваться не могу.

38.

Жалѣю, что не могъ быть у Кетчера; тамъ я могъ встрѣтить П. Л., и за бокаломъ у меня могло пройти ухо, за которое онъ меня вывелъ вонъ изъ своего дома. Не всегда слѣдуетъ шутить даже съ тѣми, кого любишь, если кожа не такъ толста, какъ на калошахъ.

8 Дек. 84.

39.

M-me de Blocqueville, дочь маршала Даву, написала elegantную и умную книжку *Roses de Noël*. Когда будете у Готье, спросите пожалуйста, нѣтъ ли у него. Кромѣ того, очень хвалятъ, ея же, Vallée de Jasmin и Style Rambouillet. Много хорошихъ мыслей. Ею же изданы были записки ея отца, герцога Экмюльскаго.

На оберткѣ Ouida много вещей Henry Gréville: *La princesse Ogheroff*, *Un violon russe*, *Les Koumiassine*, *Sonia*, *Dosia*, *Les épreuves de Raïssa*, *l'Expiation de Savély* etc. Сколько помню, это барыня, которая жила въ Петербургъ и работала въ *Journal de St. Pétersbourg*, когда издателемъ былъ еще Cappelmans. Какъ-то она описывала Русскую бѣдную избушку „où les pauvres paysans mangent leur caviar“.

Казанова будетъ вѣчно жить. Картины нравовъ во всѣхъ госуд. Европы до того художеств. написаны, разсказъ событій до того инте-

*) Анна Петровна Пикулина, рожд. Боткина.

ресенъ, свѣжъ и увлекателенъ; столько психологическихъ и физиолог. этюдовъ, что читаешь и оторваться нельзя. Я уже четвертый томъ отхватаю и попеременно наслаждаюсь Честерфильдомъ.

12 Дек. 84.

40.

11 Января 1885.

Я васъ попрошу взять на себя трудъ доставить Павлу Лукичу пѣсенникъ, который онъ мнѣ далъ просмотрѣть. Куда имъ до нашихъ народныхъ пѣсень! У Шейна есть строки съ такими душевными звуками и такою поэзіей, какой ни Байронъ, ни Шиллеръ не рождали, не говоря о народѣ Французскомъ.

Простился я съ милымъ Фурнье, прочелъ его розыскъ о Мольерѣ и послалъ ему вздохъ изъ своего тайника души. Съ какою любовію онъ трудился и какъ добросовѣстно! Къ счастью, я знаю Мольера хорошо, и мнѣ книга Фурнье доставила истинное наслажденіе.

21 Янв. выйдетъ Январская Русская Мысль, въ кот. буд. статья графа Л. Толстаго: *Чтожъ намъ теперь дѣлать?* и какая-то поэма Апухтина. Апухтинъ хорошъ въ небольшихъ вещахъ, а въ поэму его я не вѣрю. Хорошія *мьста* конечно будутъ.

Львиша—безспорно лучшій рассказъ Лѣскова. Это прелесть какъ нарисовано. Выше Гогарта. *Скопческія пѣсни*—невѣжественная вонючая грязь, безтолковый толкъ. Если и есть что хорошаго, такъ это дѣвки, если онѣ хорошенькія; а то прямо драть и ссылатъ за Туруханскъ, на Толстый Носъ. Вагпавѣ—прелесть! Совсѣмъ новый міръ. Очень тонко введенъ тутъ Полякъ-бродяга. И край другой, и люди другіе, и всѣ—живыя лица. Онъ переложилъ красокъ въ описаніи природы: часто повторяется. А хорошо! Даже осель прелестенъ. И философич. основаніе очень вѣрное. Книга свое сдѣлала. Тоже *Tigrane*; интриги уѣзднаго духовенства, которыя для насъ неинтересны, и я думаю, что книга такъ и не разрѣжится. *Vièvre* до пошлости ничтоженъ; остроумія ни капли. По своей колоссальной глупости, *Veringetorix* долженъ быть забавенъ на сценѣ въ дружескомъ кружкѣ.

41.

1885.

Все перечиталъ. *Cadet* интересенъ. *De Paris à S-t Cloud* вещь плохая, но рисунки хороши. Китайскую Матрѣну я читалъ въ Кетчеровской книжкѣ; рисунки не умны. Между храмовъ запутался и зацпнался въ архитектурныхъ названіяхъ, и ничего не осталось въ головѣ по милости автора, который ввернулъ Коринѣскіе закрутасы въ свой слогъ.

Сегодня день рожденія Василя Степановича¹⁾. Если будутъ обѣдать постороннія лица, я останусь наверху. Ich bin noch lichtscheu²⁾.

42.

6 Февраля 1885.

Мнѣ всегда особенное удовольствіе сдѣлать для васъ удобное, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, и очень сожалѣю, что моя старческая безпамятность причиною тому, что не могу припомнить всей пѣсни.

Авторъ, ее сложившій, неизвѣстенъ; она временъ Екатерины Второй. Быть можетъ, какой нибудь Кургановъ и зналъ, кто ее сочинилъ. Во всякомъ случаѣ она не намекаетъ на Шереметева, хотя нѣкоторую аналогію и имѣетъ. Братъ Кетчера, генералъ, большой прокуратъ, пустилъ слухъ, что пѣсня эта сочинена на *Шереметева*; но это невѣрно, чтò явствуетъ изъ послѣдняго стиха, который я упомянулъ. Это же подтвердить вамъ и Николай Христофоровичъ.

Портретъ крестьянки, вышедшей за Шереметева, кажется находится въ Страннопріимномъ домѣ, у Сухаревой башни. Звали ее, кажется, Прасковей.

Вечоръ поздно изъ лѣсочку
 Я коровъ домой гнала;
 Лишь спустилась къ ручеечку,
 Близъ зеленого лужка,
 Слышу, вижу ѣдетъ баринъ съ поля—
 Двѣ собачки впереди,
 Два лакея позади.
 Лишь со мной онъ повстрѣчался,
 Бросилъ взоръ свой на меня:
 Здравствуй, милая красotka,
 Чьей деревни нль села?
 Вашей милости крестьянка,
 Отвѣчала ему я;
 Коля изволишь знать Петрушу,
 Я его, сударь, семьи;
 У Петруши сынъ Ванюша
 Я его сударь, сестра.
 (Тутъ пробѣлъ.)
 „Коля не хочешь быть крестьянкой,
 Можешь быть и госпожей?“
 (Пробѣлъ.)
 —Я привыкла жить крестьянкой,
 Гдѣ ужъ быть мнѣ госпожей!
 (Пробѣлъ.)

Послѣдній же, заключительный стихъ крестьянки:

„А въ обманъ не отдалась“.

Ясно, что тутъ не Шереметевская легенда.

¹⁾ Перфильева. ²⁾ У меня еще свѣтобоязнь.

Пѣсня эта была во всѣхъ „новѣйшихъ“ пѣсенникахъ. Она не изъ народныхъ, а принадлежитъ къ сочиненнымъ, какъ напр.: „По улицѣ мостовой“, „Солнце на закатѣ“ и т. п. Поэтому ея у Шейна нѣтъ.

Пѣсня эта скорѣе сатира на господъ, которые склоняли крестьянокъ на любовное сожитіе общаніемъ жениться и потомъ надували ихъ. „А въ обманъ не отдалась“.

43.

18 Февраля 1885.

Большое вамъ спасибо за книги, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Avenel такой же стихотворецъ, какъ Тургеневъ: гораздо было бы лучше, еслибы ихъ стиховъ не печатали. Сонеты доктора—преостроумная и талантливая шутка. Espagne написана, по моему мнѣнію, скучновато и именно потому, что авторъ *старается* занять васъ разсказомъ. Я передалъ эту книгу П. Θ.; а такъ какъ въ этомъ гидъ-комильфѣ*) чѣмъ ни строчка, то апельсинныя рожи и запахи лимонные, при небесной лазури, то П. Θ. будетъ въ восторгѣ, и книга исполнить долгъ горчичника. И то хорошо!

44.

5-го Марта 1885.

Когда поѣдете въ клубъ, захватите съ собой Бѣлорусскія пѣсни, изд. Шейномъ. Великорусскія я хочу еще разъ всѣ просмотрѣть и тогда уже я и вашъ экземпляръ исправлю. Книжку пришлите мнѣ изъ клуба съ кѣмъ-нибудь, велите отдать швейцару; мнѣ передадутъ.

Очень интересно бы достать пѣсни Сахорова; есть, кажется, собранія Безсонова, Аѳанасьева и Кирѣевского. Чуть ли Якушкинъ не собиралъ. Пока дышу, могъ бы я сдѣлать сводъ и привести пѣсни къ первобытному ихъ виду. И трудъ не особенно великъ, и мнѣ подъ силу.

Ничего, погуливаю по бульвару каждый день и чувствую себя крѣпче. А все благонадежности нѣтъ, когда сердце тронута: вотъ Кононовъ, все былъ хорошъ, и въ моментъ не стало. Не понимаю, какъ можно при такихъ капиталахъ умирать? Нашему брату куда ни шло!

Собираюсь устраивать вечеръ, чтобы годовой расходъ обезпечить. Приходится самому хлопотать. Некстати Импер. артистамъ запретъ вышелъ.

Въ Четвергъ у насъ обѣдалъ Горбуновъ, а въ Пятницу вечеромъ былъ Вейнбергъ. Послѣдній былъ въ ударѣ и разсказывалъ съ 10 до 4-хъ утра. Разнообразенъ былъ, забавенъ и талантливъ: изображалъ Евреевъ, Грековъ, Хохловъ, Англичанъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ очень вѣрно, остроумно и оригинально.

*) Guide comme il faut: приличный путеводитель?

45.

1885.

За мной остался отвѣтъ объ *Ophidiennes*. Прочтите его у автора книги *L'art d'aimer les livres*: онъ не велитъ читать *новыѣ* романовъ. Я по чутью не читалъ *Ophidiennes*: не мое кушанье. Всякій цинизмъ, или по-русски *похабщина*, тогда хороша, когда набросана или написана если не высокимъ, то хорошимъ художникомъ. Въ Теофилѣ похабщины много, но художества почти вовсе нѣтъ. Это въ родѣ произведеній Дюбюковской лабораторіи. Нѣкоторыя списшу.

Paul de S-t Victor до того прелестенъ, что я читаю и вдругъ невольно подсакиваю и вслухъ крикну: „что это за красота!“ Большое вамъ спасибо за эту книгу.

Счастливъ, что у насъ грибной столъ, кромѣ скромнаго. До смерти люблю постное.

Вчера гулялъ и орудовалъ кое-чѣмъ и кѣмъ къ устройству концерта. Никогда самъ лично этимъ не занимался, а теперь все самому. Что же дѣлать, если надо?

46.

19 Марта. День рожд. Гоголя, взятія Парижа и сожженія Поляками Москвы въ 1611 г.

Взялъ залу въ Консерваторіи и мучусь съ концертомъ, который будетъ 18 Апрѣля. Набираю комплектъ участвующихъ. Хочется получше.

47.

1 Апрѣля 1885.

Вы не спрашивали въ Москвѣ Теорію питанія Каншина? Надо мнѣ разыскать Булгакова и узнать, гдѣ теперь Дмитрій Васильевичъ Каншинъ, котораго я оплакивалъ. Онъ долженъ мнѣ прислать экземпляръ.

Я досталъ на свой концертъ: Шестаковского; прелестнаго юнаго баса Соколовскаго, ученика Филармонич. школы; Корсова, Крутикову, Ермолову; и теперь ѣзжу все уладить дѣло съ пѣвцомъ старинныхъ Русскихъ пѣсенъ Лопатинымъ, живущимъ близко отъ васъ. Первый разъ пришлось самому единолично хлопотать объ устройствѣ вечера. Слава Богу, что здоровье не измѣняется пока. Надѣюсь, все уладится къ общему удовольствію, и программа выйдетъ занятная. Да, я забылъ: будетъ еще скрипачъ Колаковский изъ оперы. Онъ былъ первая скрипка у Флиге, который теперь дирижируетъ собств. оркестромъ Государя. Прошу васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, извѣстіе о моемъ вечерѣ распространять. Онъ будетъ въ Субботу 20 Апрѣля.

48.

Среда, 17 Апр.

Говорятъ, Комарову велѣно взять Герать. Ужъ брать, такъ брать! А для чего—увидать наши внуки. Я читалъ въ нѣжной юности Крашенинникова „Камчатку“. Что съ ней сталося черезъ 100 лѣтъ, увидите изъ записки Филипеуса, кот. онъ нынче подалъ Государю и министрамъ. Онъ прислалъ мнѣ экземпляръ, который я дарю вамъ.

Дождь и холодъ меня пугаютъ, и поэтому я долженъ лишить себя удовольствія сегодня обѣдать въ нашемъ милomъ семействѣ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. La rue à Londres тоже должна ждать погоды безъ дождя. Иногда я ропщу на судьбу, что не имѣю кареты, и утѣшаю себя пословицей Панглосса. Не знаю, извѣстны ли вамъ стихи коменданта Фридрихса, написанные въ альбомъ m-lle Schöping? Я вамъ ихъ приготовилъ. Получите также и записку Филипеуса. Кланяйтесь вашимъ. Жму руку.

49.

23 Апрѣля 1885.

Самъ стремлюсь къ вамъ и къ вашимъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ; благодарю за память и приглашеніе. Сколько помню, Четверги, это дни большихъ обѣдовъ у васъ; а я еще больше прежняго одичалъ и страхъ боюсь чужихъ лицъ и душъ. Впрочемъ, можетъ, не провалюсь, какъ въ Субботу на своемъ вечерѣ.

Со вчерашняго дня я тоже чувствую, что укачанные пассажиры, когда сойдутъ съ корабля на берегъ. Столько перенесъ глупыхъ мелочныхъ тревогъ, что рассказать не въ силахъ. Слава Богу, все кончилось хотя плохо, но благополучно.

Въ пакетъ съ Жюль-Валесомъ я вложилъ для васъ карту розговѣнья, Долгоруковскую, въ Русскомъ стилѣ, т. е. такъ называемомъ. По моему мнѣнію испортилъ дѣло одинъ ананасъ. Будь морошка или клюква, было бы единство.

Будьте здоровы и благополучны. О политикѣ не говорите сами и не слушайте никого: столько вздору, что одурь беретъ и доходятъ до комизма. Читать должно одни официальные извѣстія. Не отъ насъ!

50.

17 Мая 1885.

Четвертую недѣлю солнце палить, и я живу и благодумствую, какъ Камаринскій мужикъ. Спасское. въ этомъ отношеніи, рай: коли хочешь—ходи, какъ Адамъ.

Во мнѣ всегда былъ недостатокъ гигиеническаго благоразумія, и на дняхъ вечеромъ. когда солнце сѣло, я простудилъ животъ. гуляя

въ одной рубашкѣ. Сколько ни отпивался квасомъ, не помогло, и я сильно поплатился.

Въ журналѣ „Природа и Охота“ напечатана въ Іюнѣ статья П. Θ—ны, въ которой мы съ Яшкой попали въ печать, такъ что мое имя сдѣлалось бессмертнымъ.

51.

15 Іюля 1885.

Прежде всего благодарю васъ за вино, чудесный Петръ Ивановичъ. Оно меня поддерживало въ моей болѣзни и освѣжало нутро. Я ѣмъ землянику и пью его пополамъ съ водой. Весь я простуженъ; меня прохватило въ первые 12 дней холодовъ. Одна ночь была въ 2^о мороза, и я бѣдствовалъ въ холодномъ домѣ. Одышка мучить. Наступившіе жары не выгнали простуды, хотя я обливался пѣтомъ и въ это же время подвергался сквозному вѣтру. Неправильное питаніе тоже не полезно. Вообще въ нын. году деревня мнѣ не въ пользу. Все это между нами, и *на базаръ* прошу не выносить, чтобъ вѣтромъ не раздуло. Книги разбираю, нѣкоторыя прочелъ. *Paris qui joue*—не стоитъ выѣденнаго яйца. Для неиграющихъ неинтересно, а для грековъ—дѣтская книжка. Сухо, вяло и плохо, съ отгѣнкомъ рекламы въ пользу разныхъ *wtring-places*. *La Peinture hollandaise*—аффера. Въ любомъ Голландскомъ гидѣ интереснѣе и полнѣе. Все, что я почерпнулъ изъ этой книги, это свѣдѣніе о томъ, что Рембрантъ былъ въ нуждѣ и крайности, не смотря на ходкую продажу своихъ картинъ. Подобнаго невѣжества, какое обнаружилъ *Navard*, я не ожидалъ. У насъ въ Эрмитажѣ одна изъ богатыхъ коллекцій Голландской школы, и нашимъ Рембрантамъ завидуютъ; а *Navard*, какъ хлыщеватый Французъ, ничего о нихъ не знаетъ. Введеніе ему кто нибудь написалъ; а тамъ—пошелъ выписывать изъ гидовъ, и то изъ плохихъ. Книга ѣрническая. *Les coulisses de l'amour* написана мастерски. *Lemercier* молодецъ, человекъ съ талантомъ, со вкусомъ и съ масштабомъ, рисуетъ прелестно и умно. Могъ бы уволить насъ отъ своихъ гравюръ, но ихъ можно и не смотрѣть. А все же обидно. Но текстъ выкупаетъ эту оплошность. Аффера.

Якушкинъ очень хорошъ и оригиналенъ, и какая прелесть статья Максимова. По м. лучшая вещь въ книгѣ. Сергій Васильичъ мокалъ перо въ сердце, когда писалъ портретъ безпутнаго Якушкина. Читая эту статью, я его полюбилъ больше, чѣмъ Павлушу. Какъ только добрался я до пѣсенъ, такъ меня и охватила таже злость, таже обида, какъ при разборѣ пѣсенника Шейна. Что за тупость, что за отсутствіе уха! Шейну простительно: знаешь, откуда вышелъ Шейнъ; а Якушкину, Русскому народнику, имѣющему претензію на знаніе,

стыдно. Сижу и исправляю вопіюція ошибки. Видно, что всему виной чарка.

Много ожидаю отъ новаго товарищества, которое пошло въ народъ собирать пѣсни. Но бѣда, если у него *уха* нѣтъ. Это тоже, еслибы кто, выходя изъ оперы, сталъ фальшиво напѣвать *аріи*.

Теперь читаю *Mémoires de Grammont*. Не знаю что будетъ далѣе, а пока жидко. Я читалъ въ 40-хъ годахъ въ *Revue Britannique* роскошную статью о дворѣ Карла II и его барыняхъ. У Гамильтона только отгѣнокъ. Все таки это *книга*, имѣющая *свою* фizioномію.

Бернарда В... С... я зналъ юношею. Въ 1851 г. я былъ въ Иркутскѣ, гдѣ онъ доживалъ свой служебный терминъ. Потомъ онъ былъ губернаторомъ въ Перми. Оттуда его прогнали за *жену*; перевели въ Астрахань, и оттуда вывели метлой за *губернаторшу*. Потомъ гдѣ онъ скитался, не знаю. Въ прошедшемъ году Миша Волконскій, нынѣшній тов. мин. нар. просвѣщенія, далъ ему мои записки для обработки статьи о покойномъ Муравьевѣ Амурскомъ. Вотъ все что я знаю. Онъ Нѣмецкій хлыщъ, много пострадавшій за свою жену, которая была моя невѣста. Тогда она была нѣжное, воздушное существо, съ вапѣрами, идеалами и пр. Судьба меня отвела. Она въ Астрахани разъѣзжала съ нагайкой, сопровождаемая полицеймейстеромъ, и принимала доклады. Объ этомъ было въ свое время писано въ газетахъ. При свиданіи кое-что расскажу подробнѣе. А самъ С...=о.

52.

14 Сентября 1885.

Ничего бы такъ не желалъ, какъ если бы бѣдняга Павелъ Лукичъ отоспался, отлежался и выздоровѣлъ. Душевно его жаль. Кабинетъ его,—быть можетъ, послѣдній центръ, гдѣ сходились люди сороковыхъ годовъ,—и, сколько знаю, въ его квартирѣ сохранялись всѣ ихъ традиціи и мысли.

Р. С. Мнѣ очень было бы досадно, если Павелъ Лукичъ не обезпечилъ въ духовн. завѣщаніи своихъ собакъ, которыхъ любилъ больше людей. Если еще не достанетъ у дворника дачи сердоболія, то бѣднымъ животнымъ грозитъ голодная смерть. Не дурно, еслибы богатые друзья Пикулина, въ память пріятеля, подумали объ участи его четвероногихъ друзей. На А. П. надежды мало; она имъ не сочувствовала.

Съ мѣсяцъ тому назадъ Пашинъ проѣзжалъ черезъ Москву въ Константинополь корреспондентомъ отъ Петерб. Вѣдомостей и былъ у меня. Здѣсь, у Суворина, есть недавно вышедшая его книжка, изданная какимъ-то Армяниномъ и безъ сомнѣнія интересная. Разсказъ Пашинъ своеобразенъ и занимателенъ. Онъ два раза ходилъ по Индіи

пѣшкомъ, переодѣтый въ костюмъ хаджи и чуть не былъ убитъ тамъ. Онъ хотѣлъ пробраться въ Ташкентъ горами. Пашинѣ отлично знаетъ Арабскій, Турецкій и Татарскій языки. Какъ человекъ—сволочь; какъ туристъ—молодецъ. Его ругаютъ, или лучше сказать ругали за его рассказы; но ругали невѣжды и завистники, которые сами сволочь НВ. Былъ у меня К. Т. Я очень радъ, что онъ доволенъ моимъ подаркомъ и принялъ его съ тою искренностію, съ какою я ему его сдѣлалъ.

Послѣднія двѣ недѣли В. С.¹⁾ ѣздитъ по губерніи, а съ нимъ и Карпенко. Вотъ почему хохолъ не имѣлъ времени сдѣлать поправки въ пѣсняхъ. Я ихъ у него завтра возьму и возвращу вамъ.

53.

Книга Хвостовой у Пр. Оед. Мнѣ очень хотѣлось, чтобъ она ее прочла. Я вамъ пришлю ее завтра или самъ завезу на Шуйское подворье.

На пути жизни я встрѣчалъ какого-то брюнета Хвостова въ табльд'отѣ у знаменитаго Dumé. Должно быть это мужъ Лермонтовской невѣсты. Не у кого теперь спросить: Гудовичъ, бывшій у Dumé, умеръ. Вѣроятно Ст. Ст. Стрекаловъ знаетъ.

Карпенко былъ въ продолж. трехъ недѣль въ разъѣздахъ, съ перерывами, на ревизіи. Онъ хотѣлъ, послѣ переселенія В. С. на дачу, заняться на свободѣ исправленіемъ Малороссійскаго текста; но я взялъ у него книгу, которая и такъ долго лежала не на своемъ мѣстѣ.

Вотъ вамъ двѣ эпиграммы. Узнаете ли портреты?

I.

У насъ въ Москвѣ есть свой Жанъ-Пакъ:
И таже блажь, и дикость таже;
Такой же, какъ Руссо, чудакъ,
И такъ же славенъ въ Эрмитажѣ²⁾.

II.

Онъ старьевщикъ и плутъ по занятію.
Промышляетъ чужимъ онъ трудомъ,
На короткой ногѣ со всей знатію
И изъ картъ себѣ выстроилъ домъ.

Вторую сообщите Митрофану Нилычу. Онъ навѣрное отгадаетъ

Flor fina.

Ненастной осенью съ житейскаго базару
Вернулся я домой, присѣлъ у комелька
И съ чувствомъ закурилъ тончайшую сигару.
Вдыхая нѣжный дымъ съ любовью знатока.

¹⁾ В. С. Перфильевъ.

²⁾ Николай Христофоровичъ Кетчеръ.

И мнѣ подумалось, въ чемъ кроется причина,
 Что прежнихъ, дѣвственно-высокихъ нѣтъ сигаръ,
 (Какъ въ высшемъ обществѣ нѣтъ баръ съ душой *flog fin*).
 Теперь—все внѣшность, фальшь, вонь, копоть и угарь!...
 Испепелилася до тла моя сигара,
 Но слышенъ аромать, хотя ея ужъ нѣтъ:
 Блаженъ тотъ мужъ, чья жизнь прошла благоуханно,
 Оставивъ по себѣ намъ свой душистый слѣдъ.

1886. Ноябрь. Moscou.

Бздилъ къ графу¹⁾ и не видалъ его: халуй сказали, что онъ поздно легъ и еще въ постели лежитъ. Я оставилъ свою карточку, конечно незагнутую. Вернулся благотворно усталый отъ свѣжаго воздуха и не могу двигать ни рукой ни ногой. Банную пѣсню перепишу вамъ поразборчивѣе и сегодня вечеромъ сдамъ на почту. Сегодня въ три сдѣлаю визиты Шер-ву, Барсукову и тремъ докторамъ. Обѣдать думаю у своихъ, на Тверской. Какъ видите, гуляю и до Пречистенки²⁾ доберусь.

Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе цѣню свой независимый пріютъ. Меня нисколько не смущаетъ, что надо проходить мимо бѣдныхъ призрѣнныхъ, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, достойнѣе меня. Не во дворцѣ вѣдь я, и—слава Богу! Я теперь вольная птица и вполне наслаждаюсь свободой и тѣмъ вниманіемъ, которымъ окруженъ не по заслугамъ.

54.

12 Янв. 87. Татьяна.

Послалъ „Банную пѣсню“ Каншину; кажись, она въ Питерѣ понравилась. Она въ Русскомъ старинномъ стилѣ.

Никитина возвращаю. Онъ былъ поэтъ въ душѣ, безспорно; но проявлялъ себя монотонно, неумѣло, удовлетворяя средній классъ чувствительныхъ читателей; но образованный тонкій вкусъ не будетъ имъ удовлетворенъ. Чтѣ ни говори де-Пуле, а Кольцовъ куда выше. Какъ человекъ—Никитинъ прелесть! А его золотой щитъ солнца, трава, кудрявый лѣсъ плоски и скучны.

Вчера графъ присылалъ ко мнѣ съ извиненіемъ; онъ поздно накануне вернулся домой и заспался. Теперь у него куча дѣла въ Земскомъ собраніи. а только освободится, то попроситъ меня къ себѣ кушать. Былъ у нашего Шереметева, познакомился съ женой его. Прелестная барыня; былъ принятъ, какъ свой давнишій. *Toujours le couvert mis chez ces excellentes gens*. Меня очень обласкали и полюбили.

¹⁾ С. Д. Шереметеву.

²⁾ Гдѣ жилъ П. И. Щукинъ съ своими родителями.

Познакомился вчера у Барсукова ¹⁾ съ его братомъ, издателемъ „Рода Шереметевыхъ“. Какое изданіе! Прелесть! Пріѣхалъ Б. изъ Петербурга.

55.

Я въ постели и дышу съ трудомъ. Думаю на отчаянную, пустить въ ходъ банную комбинацію. Нажить Кетчеровскую одышку—бѣда! Вотъ и колеблюсь. Справляюсь съ Трифономъ Кудрявцевымъ ²⁾.

Въ Среду вечеромъ посѣтили меня Шереметевъ, учитель пѣнія Фензи и два брата Барсуковы. Александръ Барсуковъ завѣд. въ Петерб. дѣлами Герольдіи. Есть еще братъ Барсуковъ, въ Питерѣ, и тоже пишетъ.

Книга *Иннокентій*, Ив. Платоновича Барсукова, очень интересна: въ ней очень много любопытнаго о Сибири и дальнихъ нашихъ краяхъ. Написана и составлена очень хорошо.

Читаю мало, очень слабъ. Утѣшаюсь тѣмъ, что я не на Тверской и не тревожу мою добрую и милую Матань ³⁾. Ея здоровье плохо, и я получаю бюллетени писанныя рукою находящейся при ней родственницы. Была третьяго дня въ Среду еще консультація; ей все хуже и хуже. На мое горе я не могу быть при ней.

Вчера послалъ Шереметеву, Борису Сергѣевичу, 4 романа, на выборъ, чтобъ положить одинъ изъ нихъ на музыку.

Бартеневъ былъ въ воскресенье у Шереметева и Барсуковыхъ; сказалъ, что мы съ нимъ старинные друзья: но ко мнѣ не зашелъ: о, дружба, это ты! Ему дали у Шерем. прочесть моего Ноя; онъ три раза пробѣжалъ его и конечно запомнилъ. Я говорю, зачѣмъ ему давали эти стихи? Онъ пишетъ Побѣдоносцеву, что я распространяю въ Страннопріимномъ домѣ *кощунственные стихи* на патріарховъ церкви, а начальство дома содѣйствуетъ ихъ распространенію....⁴⁾ Я слышалъ, будто хотятъ учредить въ Питерѣ *верховную канцелярію* съ Побѣдоносцевымъ во главѣ. Не дурно и полезно.

Вчера я узналъ, что всякій призрѣваемый уходитъ когда хочетъ и куда знаетъ и возвращаются иные въ 11 часовъ, черезъ парадный

¹⁾ Ивана Платоновича, служившаго въ Страннопріимномъ домѣ графа Шереметева. Старшій братъ его, Александръ—авторъ достопочтенной книги о родѣ Шереметевыхъ.

²⁾ Добрые совѣты Русскому народу,

³⁾ Т. е. П. О. Перфильеву.

⁴⁾ Догадываюсь, кто пустилъ про меня эту клевету. К. П. Побѣдоносцевъ былъ постоянно, въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій, моимъ благодѣтельнымъ сотрудникомъ, и моя съ нимъ переписка шла исключительно о „Русскомъ Архивѣ“; онъ нерѣдко спасалъ его отъ цензурныхъ преслѣдованій. Вѣроятно, и другіе обо мнѣ отзывы П. В. Шумахера изъ того же источника. П. Б.

подъѣздъ, гдѣ всю ночь дежурить *сидѣльникъ*; а нашъ подъѣздъ запирается въ 9 часовъ. Должно быть, сидѣльникъ этотъ и смотритъ въ глаза, въ какомъ видѣ кто явился домой.

56.

30 Января 1887.

Графъ Л. Н. Толстой печатаетъ драму изъ народнаго быта. Названіе, кажется, *Ноготь увязъ, всей птичкѣ пропасть*. Какъ слышно, онъ не сочувственно отнесся къ крестьянскому семейному быту. Къ представленію на сценѣ пьеса не одобрена; но графъ говоритъ, что участь его драмы таже, что Ревизора и Горя отъ Ума, и что она съ этими двумя пьесами составитъ трилистникъ.

Что-то плохо мнѣ вѣрится при всемъ талантѣ Толстого. Я думаю, что на сцену ея не поставятъ изъ за многихъ неудобныхъ народныхъ поговорокъ, которыя онъ ввелъ въ драму свою, напр.: ты глупъ какъ бабій пупъ. Есть эпизодъ: солдатъ рассказываетъ мужикамъ теорію земскихъ банковъ.

Скажите мнѣ, зачѣмъ пылають розы
Эфирною душою по веснѣ;
И мотылька на утреннія слезы
Зовутъ, манятъ плѣнительно къ себѣ?

Скажите мнѣ.

Скажите мнѣ, не звуки ль поцалуя
Даютъ свою гармонію волнѣ;
И соловей, плѣнительно тоскуя,
О чемъ поетъ во мглѣ и въ тишинѣ?

Скажите мнѣ.

Скажите мнѣ, зачѣмъ такъ сердце бьется,
И чудное мнѣ видится во снѣ;
То дрожь холодная по тѣлу вдругъ прольется,
То я горю въ томительномъ огнѣ?

Скажите мнѣ.

57.

Въ Воскресенье видѣлъ дорогую для меня умирающую. Она меня узнала, держала мою руку и поцѣловала меня. Съѣздивъ домой, обѣдалъ съ П. И. Бартеневымъ у Бор. Серг. и вечеромъ опять поѣхалъ къ моей дорогой Мам. Ей дѣлали впрыски для облегченія страданій. Вчера цѣлый день провелъ тамъ. Вечеромъ ее пріобщали. Сейчасъ я опять туда ѣду. Не знаю, застану ли въ живыхъ. Ея кончину ожидали еще въ Воскресенье. Ночи эти я не спалъ и очень ослабъ.

Что-то сегодня будетъ? Поѣду ненадолго: она почти никого уже не узнаетъ. Тяжка для меня потеря такого близкаго друга. Теперь цѣню вполне ея любовь ко мнѣ и самъ чувствую, въ какой степени

былъ привязанъ къ этой благородной, умной и сердечной моей благодѣтельницѣ. Я совсѣмъ растерянъ, и голова дурная.

24 Марта.

11 часовъ *).

58.

27 Іюня 1887.

Голландскій домъ ждетъ меня, но какъ мнѣ о немъ теперь думать? Графъ открылъ мнѣ свой кабинетъ надъ оранжереей, гдѣ библіотека, прося ее привести въ порядокъ. Въ главномъ домѣ на лѣто остался сынъ Мирскаго, женатый на Бобринской; господинъ очень милый, а она—прелесть. Имъ недавно судьба послала новорожденного. Къ счастью хлопотъ для меня при переѣздѣ никакихъ, келью свою запру на ключъ, въ Кусковѣ все давно готово. Но поправлюсь ли скоро, не знаю, хотя Чертковъ обѣщался меня починить. Очень былъ бы радъ успѣть перебраться, чтобы просить васъ *послать меня до отъѣзда вашихъ на ярмарку*. Пріѣзжайте на цѣлый день въ хорошую погоду, все осматрѣть, чтѣ есть интереснаго въ Кусковѣ.

18 Іюля.

59.

1887.

Чуть было не отправился, да не поддался. Какъ вы, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ? Надѣюсь, что вамъ лучше, по времени. Я 14 дней ничего не ѣлъ и прогналъ болѣзнь капустнымъ разсоломъ и баней. Очень радъ, что живу пустынною въ Кусковѣ. Изъ комнаты еще не выхожу: слабъ очень. Книжицы ваши поддерживали меня. Надѣялся на библіотеку въ графскомъ кабинетѣ да не пришлось еще, по нездоровью, до нея добратъся.

30 Іюля.

60.

Надѣюсь, что вы благополучно вернулись изъ Нижняго, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Я немало бѣдствовалъ въ Кусковѣ и рукой, и сердцемъ; выходили деньки, что легче бывало; но такихъ дней было немного. Діета строгая и bismuth помогли. Въ Пятницу, 24 числа, выѣхалъ въ Москву на одинъ день, да и застрѣлъ по случаю ненастья. Не хочется возвращаться на житѣе въ Голландскій домъ, гдѣ каминъ пріятенъ, когда топится, но къ утру выстываетъ. Мнѣ готовить въ оранжерейномъ флигелѣ квартиру съ печами, чтобы Сентябрь подышать еще въ саду; но не знаю, съѣхалъ ли жилецъ, занимавшій это помѣщеніе, рядомъ съ Ламадорфомъ. Мои всѣ вещи, бумаги и ваши

*) П. О. Перфильева † 25 Марта 1887.

книги заперты въ Голландскомъ домѣ, и ключъ у меня; а внизу живеть прислуживавшій мнѣ. Всѣ ваши книги цѣлы, въ порядкѣ и при описи разложены по стульямъ (на 12-ти стульяхъ), и ихъ до меня никто не коснется. Хотя были перерывы, что я по нѣскольку дней ничего не читалъ, всетаки успѣлъ я почти все прочесть. Остались только *Синодъ* и одна часть *Тамбовскихъ лѣтописей*, которыя въ высшей степени занимательны.

61.

1888.

У меня до васъ еще просьба: мнѣ бы очень хотѣлось имѣть списокъ съ моихъ стиховъ къ Н. Я. Шкоту. „Послѣ виски“ и мой переводъ изъ Гёте, „Сонъ и поцѣлуй“. Чтобы васъ не затруднять, я ихъ скоростийно спишу, если вы мнѣ пришлете вашу тетрадь и немедленно вамъ возвращу; а буде вы найдете время переписать и прислать мнѣ—я буду очень радъ.

Вырѣзано на горѣ Машукъ:

Пятигорскъ. 1869.

На широкой долинѣ Кавказа,
Въ неизвѣстное время для насъ
Лопнетъ отъ страшнаго газа,
Эта гора въ одинъ часъ.
Въ моментъ роковаго мгновенья,
Лава, какъ тающій воскъ,
Произведетъ катастрофъ разрушенья
И покроетъ собой Пятигорскъ.

Варламовъ.

Истоминъ прибавилъ:

Великій Лермонтовъ, возстань!
Прочти сіе стихотворенье
И подыми святую длань,
Чтобъ дать цѣлцу вознагражденье.

Первое выше послѣдняго, какъ Машукъ выше сакли.

Четвергъ 28 Янв.

62.

13 Февраля 1888.

Пругавинъ молодецъ: какой большой трудъ одолѣлъ. Я просмотрѣлъ его книгу съ величайшимъ удовольствіемъ и вниманіемъ. Съ уничтоженіемъ старообрядчества и сектанства въ народѣ со временемъ разовьется православный индеферентизмъ и затѣмъ нигилизмъ. Мы съ вами этого не увидимъ. Но мы за то слышали, какъ Бисмаркъ заключилъ свою рѣчь словами: съ нами Богъ! А для него гороховая колбаса важнѣе Бога.

63.

1888.

23-е число ¹⁾ прошло торжественно. Я былъ въ большомъ столѣ. Были графы, князья, генералы. Дамы въ моей кельѣ курили. Бискупскій выкушалъ и далъ честное слово, что поѣдетъ въ Берлинъ и приведетъ въ Москву на цѣпи Бисмарка. Alles wird in der gehörigen Confusion²⁾).

64.

17 Марта 1888.

Приходится трепаться по своимъ дѣлишкамъ паршивымъ; все не клеится. Маклаковъ занятъ своими дѣлами; утѣшалъ меня тѣмъ, что просилъ Шкотта посодѣйствовать. Я былъ у Эммы Егоровны³⁾ на блинахъ, видѣлъ Шкотта, но онъ ни однимъ словомъ не обмолвился. Удивляюсь, отчего Маклаковъ не отклонилъ отъ себя устройство моего вечера, когда его о томъ просилъ Сергѣй Мих. передъ поѣздкой въ Петерб.? Ну, еслибы я слегъ въ постель и не могъ выѣзжать? А это скоро можетъ случиться: лѣвая нога начинаетъ запухать отъ шлянья по сырости и лѣстницамъ.

Гейтенъ очень мила. Она умная и способная актриса. Хочетъ переходить въ Малый театръ, и Юрьевъ пишетъ для ея дебюта пьесу изъ Гишпанскаго быта. Я просилъ ее, по примѣру Расса, прочесть басню Два голубя; но она желала бы, кромѣ того, прочитать что нибудь драматическое, раздирающее. Не могу придумать что бы ей найти въ этомъ родѣ? Да еще въ стихахъ! Да по-русски! Подумайте, не найдете ли? Сейчасъ посмотрю въ книжку поэта-Жида, изданную Козьмою Терентьевичемъ въ пользу литер. фонда. Нѣтъ ли тамъ? Вспомнилъ: Надсонъ! Погляжу и у Пушкина, и у Плещеева. Нѣтъ ли у васъ Натальи Долгоруковой? Или Медеи, Суворина? Не добудете ли послѣднюю? Очень бы обязали.

65.

1 Апрѣля 1888.

Древняя Русь—алмазъ. Ко-ги-нуръ. Кто ее написалъ? Царствованіе Петра II-го прелесть! Что за обзоръ всего госуд. управленія! Вольтеръ и Фридрихъ—два ерника, увѣряющіе другъ друга въ геніальности и мало хорошихъ страницъ; стихи—пошлы. Читаю Domu и Dwoгу; вотъ это книжка, которой ни на одномъ языкѣ нѣтъ подобной: это не кухонное, а историч. описаніе хозяйскаго быта старой Польши; а какъ мы изъ одного гнѣзда, то для Русскихъ это сочиненіе

¹⁾ Т. е. день торжественнаго поименованія по графинѣ П. И. Шереметевой.

²⁾ Все будетъ въ надлежащемъ смущеніи.

³⁾ Т. е. у супруги Н. Я. Шкотта.

въ высшей степени любопытно, и слѣдовало бы перевести или извлечь что нужно.

Въ Кусковѣ, въ слободкѣ, въ одномъ изъ домовъ будетъ лѣтомъ жить Горбуновъ съ семействомъ.

66.

27 Августа 1888.

Ѣздилъ въ Михайловское и вернулся съ недѣлю. Тамъ все лучше Кускова. 29 ч. Ѣздилъ я на могилу Праск. Ѳед. и повезъ ей вѣнокъ изъ цвѣтовъ нашего сада. Съ кладбища въ первомъ часу заѣзжалъ къ вамъ на подворье; но поцѣловалъ замокъ и вернулся въ Кусково. 31-го Ѣздилъ въ 4-мъ часу къ Сухаревой узнать о кельѣ, прибылъ въ 6-мъ часу, обѣдалъ у Бориса Сергѣевича и съ поѣздомъ 11 ч. ночи по Ряз. дор. прибылъ ночевать домой. Все былъ здоровъ и благополученъ, да вчера вечеромъ чортъ толкнулъ чай пить вечеромъ у нѣкого Саввайтова; у него съ полу, съ сердца и съ головы холодно; я спотѣвши вышелъ часовъ въ 9 и почувств. ознобъ, легъ спать и всталъ съ насморкомъ и бронхитомъ или плевритомъ, все равно. Никогда не надо связываться съ учеными старцами жеребьячей породы, особенно состоящими въ высокихъ гражд. чинахъ.

Я одинъ въ саду съ Пичемъ. Очень хорошо! Вина еще не пью, не тянетъ ни на какое. Ну и Богъ съ нимъ! Будетъ—попилъ! О еслибъ мнѣ имѣть то, чего стоятъ одиѣ бутылки выпитыхъ мною винъ, и тѣмъ бы я былъ доволенъ.

67.

6 Сентября 1888.

Читаю съ наслажденіемъ Тилье: книги драгоценны. личность прелестная, талантъ замѣчательный. Въ разбивку беру въ руки Dianne de Roitiers и восхищаюсь критическимъ трудомъ Guiffrey: все что было писано до него извѣстными лицами, напр. Мишле, онъ опровергъ и съ доказательствами въ рукѣ вызвалъ истинный образъ Діаны. Французы молодцы! Продолжая и Les livres à clef. Читаю медленно и понемногу; глаза измѣнять стали. Сажу подъ арестомъ, но отъ лекарствъ отбиваюсь. Налѣпилъ на грудь пластырь Tarsia, и лучше.

Переписка Государей интересна только въ 1-й части. Остальные 3 дрянъ, особливо письма Анны Ивановны, которая посылала одни поздравленія, и то больше Меншикову и Остерману, чѣмъ Петру и Екатеринѣ. Я сдѣлалъ отмѣтки тѣмъ, которыя любопытнѣе. Первый томъ хорошъ своею оригинальностію.

Рукописи Вахрамѣева любопытны. Сдѣлалъ, гдѣ слѣдуетъ, отмѣтки. Титовъ молодецъ! Мнѣ очень понравилась въ предисловіи его оговорка, что поученія Іоанна Златоуста зачастую чисто-Русскаго происхожденія,

хотя въ заголовкѣ и поставлено его имя. Знай нашихъ! Когда въ одиночной камерѣ острога какимъ нибудь гвоздемъ изъ доскута бумажки дѣлають 25 рублевую ассигнацію, то что за хитрость надуть православныхъ поученіемъ? А еще на Жидовъ жалуются. Весь Русскій народъ Сибирный.

Бернардынъ можетъ нравиться только завзятой шляхтѣ да Веселовскому. Хвастливо и плоско. Письма графини Румянцевой *) такая прелесть, такая душевная книга, какъ я давно не читалъ. Это сердечная правда. Какъ жаль, что не оставили ея орфографіи.

Вотъ вамъ, краткій обзоръ книгъ, которыми вы мнѣ много доставили развлеченія. Я васъ сердечно благодарю за духовную пищу, которую вы нѣсколько лѣтъ уже сряду меня кормите съ искреннею готовностью и любезностью.

68.

20 Сентября 1888.

По описанію цвѣта древесины и по относительному вѣсу судя, дерево, которое вы называете королевецъ—должно быть *gaiac*. Оно растетъ въ южной Америкѣ. Стружки его прежде запаривали и пили какъ потогонное отъ венеры, почему Нѣмцы и назыв. его *Franzosenholz*. Въ инструкціяхъ и подѣлкахъ оно цвѣту темнофіолетоваго. По русски зовутъ его *бакаутъ*.

Дерева королевецъ у Даля нѣтъ.

69.

28 Сентября 1888.

Причитанья вещь полезная для сборника; но по содержанію неважны: видно, что было что-то да выдохлось, полиняло и запачкалось. У Шейна есть образцы прелестные; жаль, что самъ онъ безъ уха и безъ поэтической народной струны. Третьяго дня передъ вечеромъ я поѣхалъ въ конкѣ къ Страстному и оттуда прошелъ въ Дегтярный переулокъ къ воротамъ дома, гдѣ живетъ бѣдная Гейтенъ. Ея квартира была освѣщена, но я войти побоялся; спросилъ дворника и узналъ, что она еще все въ постели лежитъ и очень больна.

70.

1888.

Скачковъ долго жилъ въ Китаѣ, человѣкъ былъ дѣльный наблюдатель толковый, знатокъ того края. Умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Помнится, что Пикулинъ его зналъ. Не былъ ли онъ знакомъ и Забѣлину?

10 Окт.

*) Изданіе графа Д. А. Толстаго.

71.

1888.

Собственно для меня записи Артынова интересны, такъ какъ его Петерб. воспоминанія и мнѣ многое напомнили. Къ сожалѣнію книжка эта едва ли вызоветъ грамотныхъ подражателей изъ простаго быта; она до него не дойдетъ. А нашлись бы интересные рассказчики прошлаго.

20 Окт.

La Nouvelle Cythère очень дѣльная вещь, написанная реально, въ противоположность поэтическому разсказу Лоти. Я ни хотѣлъ читать, а потомъ втянулся и не раскаяваюсь.

72.

1888.

Peladan прелесть! L'art ochlocratique я прочиталъ съ большимъ вниманіемъ и восхищенъ богатствомъ новаго взгляда на художество и изящной, тонкой критикою. Теперь читаю Le Salo 1888.

Меня очень тронуло дорогое для меня вниманіе сердечно любимой и душевно уважаемой Екатерины Петровны *). Я буду очень счастливъ, если удастся завтра лично принести ей поздравленія мои и выпить за обѣдомъ за ея здоровье. Все дѣло въ томъ, какой завтра день будетъ, сырой или сухой. Чертковъ взялъ меня въ руки и хотя лекарства не даетъ, но распоряжается моими выходами и выѣздами, смотря по погодѣ. Сегодня велѣлъ сидѣть дома. Я поневолѣ слушаюсь, такъ-какъ у меня было началась грудная жаба, и чуть дашь себѣ волю на первыхъ порахъ послѣ облегченія, какъ разъ Кетчеромъ сдѣлаешься.

Что же касается до А. П., М. Ф. и А. А., то я буду очень радъ ихъ видѣть; а главное мое желаніе—быть у Екат. Петровны.

6 Ноября.

73.

1888.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за книги. Буланжѣ изданъ прелестно и должно быть интересъ животрепещущій.

Мнѣ все это время неможется такъ, что я не былъ у Бобринскаго на похоронахъ, а 28-го Шереметевъ мнѣ писалъ, что уѣзжаетъ въ этотъ день въ Петербургъ. такъ что я не улучилъ время спросить его о книгѣ Вариньи. Иду его 8-го или 9-го въ Москву и если самъ не буду еще выѣзжать, то напишу и васъ увѣдомлю.

*) Щукиной, рожд. Боткиной, матери П. И. Щукина.

Душевно поздравляю возвратившихся путешественниковъ съ благополучнымъ прїѣздомъ по рельсамъ. Екатеринѣ Петровнѣ прошу передать мое душевное привѣтствіе и вамъ усердный посылаю поклонъ.

5 Дек. Ужъ очень донимають шмерценъ имъ херценъ.

Картографъ Ильинъ въ Петербургъ съума сошелъ.

74.

6 Января 1889.

Провѣрилъ тетрадь съ моими стихами. Очень копотно и медленно. Вчера кончилъ, можете прислать за ней. Дайте мнѣ объ Берлинскія книжки, тамъ дѣла немного, и я исправлю въ одинъ часъ. По крайней мѣрѣ будетъ у васъ все мое просмотрѣнное и исправленное *авторомъ*!

75.

19 Января 1889.

Переводъ Алексѣева превосходный: лучше желать нельзя. Это изданіе лучше всѣхъ стихотворныхъ переводовъ въ свѣтъ. Русскій языкъ, къ тому же, болѣе другихъ подходитъ къ изображенію Греческой жизни, да и Латинской. Будьте добры, пришлите мнѣ на короткое время Фетовскаго Фауста. Когда юбилей Шеншина?

76.

Января 1889.

Вчера мнѣ прислалъ графъ свою „Татьяну Васильевну“. Не хотите ли прочесть? Мнѣ эта вещь очень понравилась: въ ней оригинальность изложенія связана съ теплотой и искренностію. Наброска талантливая. Я слышалъ, что Бартеневъ выпросилъ этотъ рассказъ для своего Архива, а я попрошу экземпляръ для васъ.

Вы пишете, что Фетовскій праздникъ 27-го? Мнѣ помнится, что этотъ день и вашъ домашній фетъ, рожденіе Ин. Вас.?

77.

30 января 1889.

Вчера былъ день смерти Пушкина. Я написалъ бездѣлушку:

Несчастная капля упала
Изъ тучи въ сѣдой океанъ;
Подъ нею пучина зіяла,
Надъ нею—ревѣлъ ураганъ.
Ракуша ее подхватила
Съ раската зеленой воины,
И волей небесъ превратила
Въ жемчужину рѣдкой цѣны.

78.

Сегодня прислалъ мнѣ С. Д. для васъ Шлыкову, да еще съ *портретомъ*. Этихъ экземпляровъ очень мало, только для родни. Мнѣ небось

не далъ. Милый человѣкъ, что читатель и что собиратель. Очень радъ, что могъ сдѣлать вамъ удовольствіе.

Кушайте блины на здоровье. И ихъ буду ѣсть во Вторникъ на 1-й недѣлѣ, если живъ и здоровъ буду.

14 Февр. 89.

Когда будете *пищу* посылать, ужъ и чайку пришлите на вел. постъ.

79.

15 Февраля 1889.

Съ широкой! А я на другой день послѣ обѣда у васъ, въ баню отправился, да разбирая бѣлье послѣ паренья, увидалъ, что забылъ взять полотенце для оберта головы подъ шапку. Мнѣ староста и предлагалъ по дружбѣ; но я ихнимъ побрезговалъ и ѣхавши домой простудил лоскутъ шкуры на головѣ, такъ что у меня сдѣлалось трезвое *mal aux cheveux*. Къ этому и метели поднялись, я и сижу въ келѣ, надѣвъ шапку на голову. Это у меня бывало, и я боюсь. Чертковъ говоритъ,—это нервы. Ну, и пусть будутъ нервы: наплевать: Сегодня и хороша погода, да 13-е число; опасно выѣзжать.

Блиновъ ѣсть не стану, ни одинаго. Дождусь Вторника на первой недѣлѣ. Дама моей души, чудесная Эмма Егоровна общала меня накормить. Мы вспоминали, какъ я у ней разъ 20 блиновъ съѣлъ, а другой разъ—36 и завернулъ блинъ, чтобы свезти Прасковѣ Ѳедоровнѣ.

Витгенштейнъ, 2 томъ, прелесть. Да и первый можно прочитатъ не безъ удов. Есть повторенія; но какъ же безъ нихъ, когда писано къ разнымъ лицамъ? Самъ Эмиль чудо что за человѣкъ; его нельзя не полюбить. При всѣхъ прекрасныхъ качествахъ *gentleman*. Делилъ—чудо какъ хорошъ; а исчезнувшая морская корова—предлогъ: Пекарскій вытащилъ на свѣтъ 4 рапорта, которые Академія положила подъ сукно: изъ нихъ можно видѣть, что за сволочь былъ Берингъ и что за молодецъ былъ Стеллеръ. Объясненія миньютюръ А. А. Титова весьма интересны и очень ясно и талантливо изложены, не говоря о знаніи дѣла и, какъ видно, любви къ нему. Честь и слава г. Вахрамѣеву, оба жить будутъ.

Я совсѣмъ, кажись, здоровъ. У Эммы Егоровны ѣлъ блины, какъ семинаристъ; двѣ посудыны раствору перешло на сковороды. Выпилъ бутылку домашней наливки изъ красной смородины; бока расперло, какъ у стельной коровы, но на полкѣ оттерли и все выпарили.

80.

23 Марта 1889.

Познакомился сегодня съ С. Бартеневымъ; былъ у него. Молодые супруги-родители мнѣ очень понравились въ своемъ быту. Она мила. Онъ будетъ у меня играть въ обоихъ отдѣленіяхъ.

Контингентъ мой готовъ: Корсовъ съ Крутиковой дуэтъ; затѣмъ Крутикова 2 романса. Отъ Леоновой хорошая пѣвица Жукова; отъ нея же г-жа Осбергъ, пѣвица; Сергѣевъ—пѣвецъ; г-жа Плисъ—драматич. чтица; отъ профессора пѣнія Бижеича—г-жа *Маевская*, будущая Патти. Я и Горбуновъ, два веселыхъ паяса; да еще хорошій виолончелистъ, фамилію забылъ (отъ Гейтентъ).

81.

4 Іюля 1889.

Вчера навѣстилъ меня Барсуковъ и выболталъ мнѣ, что онъ былъ у Пича¹⁾ и тамъ узналъ, что Пичу дано приказаніе отъ графа, еслибы я скончался, тотчасъ телеграфировать объ этомъ въ Михайловское и съ тѣмъ вмѣстѣ—Перфильеву! Распоряженія эти сдѣланы вслѣдствіе донесенія Клейнера²⁾ о весьма плохомъ состояніи моего сердца, внушающемъ опасенія за каждый день. Вотъ почему мнѣ не разрѣшали не только въ Кунцево, но и въ Москву. О банѣ запрещено и думать. Оно пожалуй и вѣрно, что въ сердцѣ что-то какъ будто назрѣло, и самъ я чувствую иногда, что вотъ-вотъ конецъ; а глядишь—отдохнешь. Чтò я лекарствъ переглоталъ—бѣда! О мушкахъ не говорю: это наружное, а внутрь принимать тому, кто отродясь до старости не принималъ никакихъ снадобій,—вещь неладная. Не выпускать изъ Кускова тоже не резонъ. А можетъ быть мнѣ послѣ Кунцева было бы лучше? Моральное вліяніе очень важно въ болѣзняхъ сердца. А я думалъ тихимъ манеромъ въ хорошую погоду провести денекъ среди людей близкихъ и мнѣ любезныхъ; думалъ проститься съ вашими, съ Козьмой Терентьичемъ, съ Эммой Егоровной, такъ какъ я имѣю намѣреніе съ осени посхимиться и никуда уже не выѣзжать. Съ Василіемъ Степановичемъ я уже *простился*. бывъ у него съ кладбища Пр. Оедоровны 20 Іюня.

Вчера Сергѣй Мих. Клейнеръ уѣхалъ въ отпускъ на два мѣсяца; я освобожденъ изъ подъ его надзора и предаю свое грѣшное тѣло натурѣ, прислушиваясь къ ея голосу и потребамъ. А затѣмъ—

двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать.

Благодарю судьбу, что пристроенъ. призрѣнъ. хорошими людьми любимъ и не потерялъ къ себѣ уваженія.

Le Poète—прелестъ; l'Histoire d. l. Médecine преинтересная книга: La duchesse de Berry драгоцѣнный документъ, уничтожающій всѣ сказки, сплетни и выдумки карлистовъ и легитимистовъ того времени. На сколько личность M-me de Sevigné интересна, на столько чужды намъ

¹⁾ Главнаго садовника въ Кусковѣ.

²⁾ Главнаго доктора въ страннопріимномъ домѣ графа Шереметева.

и скучны члены ея семейства. Я на такія книги не поддаюсь: выбросите этотъ балластъ вонъ или наградите имъ когонибудь, еще спасибо скажутъ. Хотя немного, а все же у васъ есть книги, которыя мѣсто занимаютъ. Помните журналъ пьесъ, иггранныхъ труппою Французской комедіи? Толстый in 4°. Стыдно библиофиламъ издавать такія вещи какъ *Pensées d'un rare*. Ни одной умной мысли; плоскія плѣшивыя истины Жозефа Прюдома. Срамъ! Подарите комунибудь.

Горбуновъ вчера вернулся изъ Мих. и вчера же укатилъ въ Петерб. С. Д. пишетъ мнѣ, что Горбуновъ превзошелъ себя 6 числа; хохотали всѣ до устали отъ его находчивости и импровизаций.

Я вчера изъ Кускова выѣхалъ въ 7 ч. вечера, пріѣхалъ холодный и голодный и ударился къ Дюссю, гдѣ очень хорошо поужиналъ и выпилъ на здоровье Ньюи. И впрокъ!

Блаженствую въ Кусковѣ другой день и не выѣхалъ бы отсюда. У меня прекрасная квартира, съ ванною, проведенною водою и всѣми удобствами. Сосѣди—очень интересное, милое и внимательное семейство графа Ламздорфа,—совсѣмъ Европа. Читаю Щербатова, Императоръ Николай и иностранные дворы. Хорошо. Говорятъ, что и Паскевичъ вещь хорошая.

Обѣдаю у графа Ламзд. въ часъ, за ихъ завтракомъ; а за обѣдомъ ихъ сижу и такъ, кое что подыгрываю. Бесѣда преинтересная; графъ много видовъ видалъ и хорошій раскащикъ.

82.

15 Февраля 1890.

Дмитрій Васильевичъ Каншинъ, вамъ знакомый незнакомецъ, очень радъ показать вамъ кухню и столовую и пожать вамъ руку. Точно такъ же m-r Polose или Pelouze, его зять, съ которымъ вы конечно вспомните многое и многихъ. Онъ родомъ изъ Бургундіи; отецъ его меръ въ Маконѣ.

Д. В. предлагаетъ вамъ пожаловать въ часъ, къ завтраку, если угодно; такъ какъ ранѣе этого времени нѣтъ готовыхъ блюдъ. Если же это время для васъ неудобно, то въ 12 часовъ вы можете осмотрѣть кухню и все производство.

О Нижнемъ я вспомнить не могу: въ немъ я выстрадалъ самое тяжелое, самое ужасное время моей жизни. Отъ горя, грубыхъ оскорбленій, униженій, я доходилъ до отчаянія, и еще голова крѣпка была, что съума не спятилъ. Судьба спасла и привела къ тихому пристанищу.

Стихи Прокоповича жалки. Какъ учитель Русскаго языка, онъ свое дѣло выполнялъ прекрасно. Гребѣнка, Евг. Павл., былъ мой хоро-

пій пріятель. Онъ училъ меня Малоросс. нарѣчію; много вещей его я знаю наизусть.

„Ночная тишь“ получше первой редакціи (которую *уничтожьте*, если она у васъ есть); но все же я недоволенъ и не считаю эту вещь законченною.

Свадьба Т. М. А. перепутана въ рукописи. Когда купите ноты со словами и музыкой, потрудитесь ихъ доставить мнѣ: я тогда помирю и восстановлю цѣлое, написанное довольно капризнымъ размѣромъ.

Вчера я ѣлъ за ужиномъ *жирную* разварную корюшку, совсѣмъ серебряную, идеальнаго вкуса.

Посылаю вамъ Le Vice; а остальные книги пришлю вслѣдъ за симъ. Мнѣ надо занести въ памятную кое-какія изъ нихъ замѣтки.

Брюхо мое что-то дурить; но я ему воли не дамъ: обтрескаюсь самыхъ противоположныхъ вещей до отвала. Желудокъ удивится и образумится.

Сердечно благодарю. Со мной казусъ: въ Субботу у меня горло заболѣло, я лечилъ его, глотая молоко со льду и простудилъ желудокъ.

Волшебныя слова.

Волшебныя слова любви и упоенья
Я слышалъ, наконецъ, изъ милыхъ устъ твоихъ:
И въ странной робости послѣдняго сомнѣнья
Твой голосъ ласковый затихъ.
Давно, когда въ цвѣтахъ синѣи и блистая,
Неслася надъ землею счастливая весна,
Я помню, какъ въ саду разъ глыба спѣговал
На солнцѣ таяла одна.

Когда бъ и былъ царемъ всему земному міру,—
Красавица, тогда бъ повергъ я предъ тобой,
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взглядъ, за взоръ единый твой!

И если бъ Богомъ былъ, селеньями святыми
Клинусь, я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними,—
За твой единый поцѣлуй!

Перевелъ изъ Гюго (*Enfant. si j'étais roi*) Михаилъ Данилычъ Деларю. Забылъ, гдѣ переводъ напечатанъ; но помню, что митрополитъ жаловался военному министру Чернышеву. Николай Павловичъ тоже былъ недоволенъ, и Деларю, служившій въ канц. военного министра, долженъ былъ выйти въ отставку.

Это было въ тридцатыхъ годахъ, когда я наход. на службѣ въ этомъ министерствѣ.

М у х и.

Мухи, какъ черныя мысли, весь день не дають мнѣ покою,
 Жалать, жужжать и кружатся надъ бѣдной моею головою!
 Сгонишь одну со щеки, а на глазъ ужъ усѣлась другая...
 Некуда спрятаться,—всюду царить ненавистная стая.
 Валится книга изъ рукъ, разговоръ упадаетъ, блѣднѣя,—
 Эхъ, кабы вечеръ придвинулся! Эхъ, кабы ночь поскорѣе!
 Черныя мысли, какъ мухи, всю ночь не дають мнѣ покою:
 Жалать, извять и кружатся надъ бѣдной моею головою!
 Только прогонишь одну, а ужъ въ сердце впиалась другая...
 Все вспоминается жизнь, такъ бесплодно въ мечтахъ прожитая.
 Хочешь забыть, разлюбить; а все любишь сильнѣй и сильнѣе...
 Эхъ, кабы ночь настоящая, вѣчная ночь поскорѣе!

А. Апухтинъ.

Сейчасъ прислала мнѣ ** эти стихи, которые произвели сенсацию. Я не вижу ни глубины, ни чувства, вижу одинъ стихотворный фокусъ, очень удачный и красивый; вижу одну ловкость. Сравненіе черныхъ мыслей, значитъ тяжелыхъ, къ тому же мыслей, которыя любишь все сильнѣй и сильнѣй—съ нахальными, пошлыми мухами—сравненіе неподходящее. Надоедливыя мухи едва ли могутъ, даже и не поэта, заставить *жаждать ночи*. Имъ можно поставить мухомору; онѣ и окачурятся. Онѣ скорѣе прилипали. Въ старину, я помню, въ какой-то русской опереткѣ пѣвали:

„Мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ;

„Имѣютъ въ предметъ, чтобъ насъ обмануть“.

Я ужъ и эпитафію себѣ приготовилъ, на случай если бы меня университетъ не захотѣлъ потрошить и пришлось бы лежать съ Карлами Карловичами на Введенскихъ горахъ:

Въ Россіи прожилъ я весь вѣкъ,
 И не считался иновѣрцемъ:
 Утробой, взглядами и сердцемъ
 Былъ чисто-русскій человѣкъ,
 И только мертвый сталъ я шмерцемъ.
 Федоръ конюхъ возъ розогъ привезли.
 Совсѣмъ у ней отъ рукъ отбились ребятишки;
 Не ставятъ дядекъ въ грошъ; съ урока въ лѣсъ ушли;
 Буяны, неслухи и дерзкіе мальчишки...
 А я бы далъ совѣтъ Федоръ и другимъ,
 Не принимая мѣръ простыдныхъ и суровыхъ,
 Согнать съ двора метлой елеяныхъ подхалимъ,
 И дядекъ подыскать гуманныхъ и толковыхъ.

Прочиталъ я стишки Соболевскаго; это Курдюковщина. Все бы ничего да непріятно написаны, конечно не по содержанию, а по стихо-

сложенію. Поэтому-то интересъ Соболевскаго экспромптовъ былъ дѣло лицъ, мѣста и времени, гдѣ не брали въ расчетъ ни силы, ни красоты, ни правильности рисунка, какія мы видимъ въ эпиграммахъ Пушкина.

Если думаете издавать, я бы вамъ совѣтовалъ взять отъ Бартенева письмо *на всякій случай*. Онъ теперь уже рассказываетъ, что *самъ* хочетъ издать заграницей мелкія вещицы Соболевскаго. Это онъ говорилъ нынче **. Прошло ли 50 лѣтъ послѣ смерти Соболевскаго? Какъ бы какой нибудь его дальній родственникъ сутяга не вступился за свои наслѣдничьи права?

Мои либеральныя вещи рукописныя вы ему не показывайте. Можете дать ему мою на него эпиграмму, которую я пустилъ по городу, въ чаяніи, что она до него дойдетъ.

Одинъ хорошій знающій многое господинъ говорилъ мнѣ, что и всѣ полки бібліотеки передъ Бартеневымъ настежъ раскрывать не совсѣмъ удобно.

Вы заставили меня произвести надъ мозгомъ курьозный экспериментъ: втеченіи сутокъ воспроизвести въ памяти забытый романсъ, изъ котораго осталось у меня въ головѣ нѣсколько разрозненныхъ строкъ. Замѣчательное гимнастическое явленіе. Меня взялъ задоръ, и я сталъ припоминать и—припомнилъ. Ясно, что память зависитъ отъ упражненія и дѣло механическое, а не духовное. Да и самый духъ—тонкая сила. Положите иголку на бумагу и водите снизу магнитомъ—мужикъ скажетъ, что это волшебство.

Забылъ вчера сообщить вамъ: *объ одномъ васъ прошу; никогда П. И. Бартеневу ничего не рассказывать обо мнѣ: ни гдѣ я былъ, ни что я пилъ, что говорилъ, дѣлалъ, kurz—ни слова*. „Видѣли меня, и я очень доволенъ“. Вотъ весь сказъ ему, если самъ спросить. Иначе изъ самаго невиннаго слова онъ выработаетъ сплетню; хорошо когда узнаешь ее; а она до меня можетъ и не дойти и будетъ висѣть въ воздухѣ на телефонной проволоцѣ.

(Извлечено изъ Сборника П. И. Щукина (VII) съ его любезнаго позволенія. П. Б.)

радость, которая во мнѣ кипитъ и бушуетъ, когда я читаю и перечитываю твои письма. Эта радость такъ сильна и дѣйствительна, что я не могу ничего дѣлать, ничто на умъ не идетъ. Весь я занятъ тобою; всѣ мои помыслы слились въ одну благодарственную молитву Богу, и предметъ этой радости ты, моя милая, добрая моя, голубица моя! И всѣ наши такъ веселы, такъ и живы и бодры, и все это ты, все это оживилось тобою, твоимъ счастьемъ!“ И долго сознавался послѣ Николай Михайловичъ, что ничѣмъ не можетъ заняться, не можетъ писать стиховъ, ни о чемъ думать какъ только объ этой свадьбѣ, тѣмъ болѣе ему пріятной, что онъ еще раньше очень любилъ и уважалъ А. С. Хомякова.

Всей семьѣ Языковыхъ казалось такъ привольно и отрадно въ обществѣ молодоженовъ, что всѣ они остались въ Москвѣ на всю зиму, и въ томъ числѣ, конечно, и нашъ поэтъ. Они поселились въ нумерахъ, напротивъ дома Хомяковыхъ на Кузнецкомъ мосту. Общее счастье омрачалось только заботами о здоровьѣ молодой, которая въ первое время замужества заплатила дань легкомыслию возраста. „Сдѣлай одолженіе, напиши Котлу*)“, писалъ Языковъ другой своей сестрѣ, „чтобы она лучше смотрѣла за собой: этакъ можетъ быть худо; шутить тутъ нечѣмъ, да и было бы неосторожно. Чуть только поѣдетъ безъ Алексѣя Степановича, всегда сдѣлаетъ скачекъ и еще, того гляди и ему не скажется, что у нея болитъ“. Объ отношеніяхъ Хомякова къ женѣ онъ отзывался такъ: „Алексѣй Степановичъ рѣдкій человѣкъ! Какъ умѣетъ онъ любить нашего Котла и какъ нѣжно о немъ заботится! Я любовался на нихъ и не могу вспомнить

о нихъ, не радуясь душевно и не благодарить Бога за то, что на землѣ есть такое счастье, и за то, что я видѣлъ его такъ близко и что оно составляетъ часть моего собственнаго!“

Счастливая жизнь въ Москвѣ въ обществѣ Хомяковыхъ однако недешево обошлась Языковымъ, привыкшимъ къ умѣреннымъ деревенскимъ расходамъ; черезъ непродолжительное время они убѣдились, что „Москва всѣмъ имъ вышла сокомъ“, такъ что уже въ Январѣ 1837 г. они возвратились въ деревню, и для Николая Михайловича началась опять мирная однообразная жизнь.

В. Шенрокъ.

**СЕРГѢЙ ВЕРТЕНСОНЪ.
ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
КАТЕНИНЪ. Литературные
материалы. С.-Пб. 1909. Малая
8-ка. 78 стр.**

Привѣтствуемъ появленіе этой небольшой, но многосодержательной книжки: она—плодъ основательнаго труда и безпристрастныхъ выводовъ. Катенинъ, (дѣдъ котораго Грекъ Пурпура былъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса), Костромской помѣщикъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, комендантъ Кизлярской крѣпости, и при всемъ томъ человѣкъ обширной начитанности и трудолюбивый переводчикъ Французскихъ классиковъ: явленіе крупное въ исторіи Русской Словесности. Для юноши-Пушкина въ полку Преображенскомъ Катенинъ былъ дорогъ, какъ въ полку Семеновскомъ Чадаевъ. Въ зрѣломъ возрастѣ своемъ Пушкинъ разочаровался въ нихъ обоихъ и вѣроятно раздѣлилъ мнѣніе своего дяди, который умирая сказалъ: Какъ скучны статьи Катенина!

П. В.

*) Шутное, семейное прозвище.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1909 года.

(Годъ 47-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ.)

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

 Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**40** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30** коп. [по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ].

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ уведомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ**.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

3.

Стр.

337. Записки Дюна Лирийскаго о царствованіи Петра Второго. Новое изданіе, свѣренное съ подлинною рукописью, съ примѣчаніями и приложеніемъ статьи **Феофана Прокоповича** о воцареніи Анны Иоанновны.
443. Записка неизвѣстнаго лица о государственномъ устройствѣ Россіи. 1860. (сообщено Барономъ **А. И. Дельвигомъ**).
462. Изъ Архива **М. А. Максимовича**: Письма къ нему **В. Н. Каразина**, графа **Д. Н. Блудова** и графа **С. С. Уварова**.
465. Старинная апокрифическая повѣсть о трехъ монахахъ, отыскивавшихъ поясъ земной. Статья **В. Ф. Нудряцева**.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

СТАРИНА и НОВИЗНА.
Историческій Сборникъ. Кни-
га тринадцатая. Спб. 1909.
Большая 8-ка, 301 и 2 нenum.
стр.

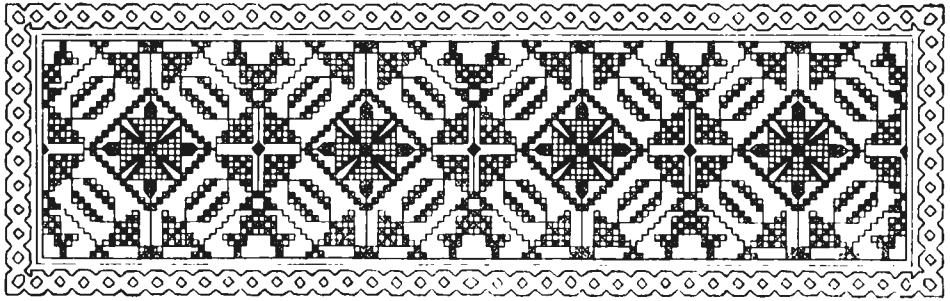
Книга эта не соответствует ожиданіямъ, которыя въ правѣ имѣть читатели, заманенные содержаніемъ первыхъ двѣнадцати книгъ. Въ этой большая половина занята Столовою книгою патріарха Филарета Никитича, Кормовыми книгами Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (т. е. что и когда кушали по праздникамъ и на поминкахъ монахи) и обширной статьею о родѣ Вындомскихъ. Первымъ двумъ мѣсто въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древности, третьей—въ превосходныхъ изданіяхъ Московскаго Генеалогическаго Общества.

Живой и почтенный трудъ Н. Н. Кашкина о дворянахъ Вындомскихъ имѣетъ, однако, для насъ и общее исторіографическое значеніе, въ особенности потому, что тутъ собраны свѣдѣнія о П. А. Осиповой (1781—1859), которой Россія вѣчно благодарна за ея отношенія къ Пушкину. Оказывается, что они были въ свойствѣ: сестра Осиповой была за Ганнибаломъ. Похоронивъ перваго своего мужа Вульфа (1813), Прасковья Александровна вышла въ 1817 году за вдовца, оставшаго почтамтскаго чиновника Осипова, который умеръ въ Февралѣ 1824 года; слѣдовательно носила она еще трауръ по немъ, когда Пушкинъ поселенъ былъ въ Михайловскомъ. Покойный Соболевскій говорилъ намъ, что Прасковья Александровна, уже въ пятидесятихъ годахъ возраста, собиралась вступить въ третій бракъ—съ Пушкинымъ! Тяжба ея съ сыномъ ея Вульфомъ должна была ставить Пушкина въ положеніе неловкое: и она, и онъ пріѣзжали

въ Петербургъ и могли возлагать надежды на вліяніе Пушкина, чтобы склонить на свою сторону вѣсы правосудія. Они, какъ и дѣдушка Гончаровъ, преувеличивали значеніе, которое Пушкинъ имѣлъ у Петербургскихъ властей.

Помѣщенные на двухъ страницахъ „Старины и Новизны“ „Новые документы о Гавриладѣ“ въ двухъ донесеніяхъ, посланныхъ секретной комиссіею къ Государю, находившемуся тогда на театрѣ военныхъ дѣйствій, прибавляютъ мало новаго къ этой злополучной исторіи, начавшейся весною 1828 года. Писаны они 21 и 28 Августа 1828 года. Опасеніе новой ссылки озабачивало и удручало душу поэта; но, „болящій духъ чаруетъ пѣснопѣнье“, и къ этимъ именно мѣсяцамъ относятся чудесные стихи его на день своего рожденія: „Снова тучи надо мною“, „Вспоминаніе“ и пр. Тогда же одинъ митрополитъ подалъ на него доносъ, а другой возразилъ ему стихами.

Лучшимъ украшеніемъ тринадцатой книжки Сборника служатъ выдержки изъ дневника княгини Екатерины Николаевны Мещерской, старшей дочери Карамзина, относящіяся до него и рисующія намъ исторіографа за послѣдніе три года его жизни. Какъ жаль, что онѣ не появились въ печати при жизни ея сына, князя Николая Петровича, прекраснаго, любвеобильнаго человека, унаслѣдовавшаго отъ матери благоговѣніе къ памяти дѣда: онъ, вѣроятно, снабдилъ бы ихъ своими дополненіями и примѣчаніями изъ книги писемъ Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Дневники княгини Мещерской писаны по французски, и переводъ ихъ напечатанъ не подъ строкою, а рядомъ, такъ что каждая страница въ два столбца: нововведеніе достоподрожательное. Въ размѣщеніи выдержекъ

Записки дюка Лирійскаго^{*)}.

Предисловіе къ первому изданію.

Сочинитель сихъ записокъ, Яковъ, дукъ Лирійскій и Бервикскій, родился 1695 года, во Франціи. Отецъ его, Яковъ Фицджерсъ, дукъ Бервикскій, сынъ Англинскаго короля Іакова II, былъ неизмѣнною подпорою отцу своему, жизнь котораго была обильна несчастіями. По высадкѣ Вильгельма Оранжскаго на берега Англіи, Іаковъ II принужденъ былъ бѣжать во Францію (1688). Какъ вѣрный сподвижникъ гонимаго судьбою отца, Фицджерсъ принялъ участіе во вторженіи его въ Ирландію (1689); но и тутъ счастье имъ неблагопріятствовало, и король принужденъ былъ возвратиться опять во Францію, гдѣ сынъ его вступилъ въ тамошнюю службу. Въ чинѣ маршала, онъ, начальствуя надъ Французскимъ войскомъ, въ войну за наслѣдство Испаніи, одержалъ (1707), при Алмансъ, совершенную побѣду надъ соединенными Англинскими, Австрійскими и Португальскими войсками и тѣмъ положилъ прочное основаніе владычеству Бурбоновъ въ Испаніи. Восхищенный сею рѣшительною побѣдою, Филиппъ V наградилъ маршала титуломъ дюка города Лиріи (Liria) и достоинствомъ первокласснаго гранда Испанскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ къ своей службѣ старшаго его сына Якова, котораго называлъ дюкомъ Лирійскимъ и Бервикскимъ. Пушечное ядро кончило жизнь Фицджермса, обильную великими дѣяніями, при осадѣ Филиппбурга, 12 Іюня 1734 года.

Сынъ его Яковъ, какъ сказано выше, сдѣлавшись гражданиномъ Испаніи, служилъ вѣрно своему государю. Король отправилъ его посломъ своимъ въ Россію къ Екатеринѣ I, которая однакоже скончалась тогда, когда онъ былъ

^{*)} Перепечатываются съ книги подъ заглавіемъ: „Записки Дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ въ званіи посла Короля Испанскаго. 1727—1730 годовъ. Переводъ съ Французскаго. Д. Изыкова. С.-П-бургъ, въ Гутенберговой типографіи. 1845. Малая 8-ка, III и 217 стр. Книга эта сдѣлалась рѣдкостью. П. В.

еще въ Вѣнѣ, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ уже при Петрѣ II, и оставался тамъ до возшествія на престолъ Анны. Послѣ сего онъ былъ посломъ въ Вѣнѣ, начальствовалъ надъ войсками въ Италіи (1731), осаждалъ и взялъ Гаету, и умеръ 1733, въ званіи Испанскаго посла въ Неаполѣ.

Онъ оставилъ послѣ себя весьма любопытныя Записки, которыя изданы вторымъ его сыномъ Финджемсомъ, въ Парижѣ, 1788, подъ заглавіемъ: *Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même**).

Изъ сихъ-то Записокъ издаю я теперь все то, что относится до времени пребыванія его при Русскомъ дворѣ. Онъ начинаются пріѣздомъ его въ Вѣну.

Сличая слова его со многими отечественными официальными и частными извѣстіями, оказывается, что онъ имѣлъ очень вѣрныя свѣдѣнія о всемъ, что касается до тогдашнихъ государственныхъ и дворскихъ происшествій. Нельзя не отдать ему справедливости въ безпристрастіи и основательности, кромѣ того только, что онъ слишкомъ рѣзко и несправедливо описываетъ характеръ нѣкоторыхъ лицъ, заслуживающихъ полное уваженіе; но мѣсть сихъ очень мало, и поелику они, при сей несправедливости, не приносятъ никакой пользы для исторіи, то я ихъ исключилъ.

Многія изъ важнѣйшихъ его показаній, сопровождаю я своими замѣчаніями, объясненіями и приложеніями.

Царствованіе Петра II очень хорошо описано К. И. Арсеньевымъ. (С. П. В. 1839). Царствованіе Анны ожидаетъ еще искуснаго пера; но Записки дюка Лирійскаго послужатъ очень хорошимъ для сего матеріаломъ, несравненно лучшимъ, нежели находящійся въ Запискахъ извѣстнаго Манштейна.

Здѣсь долженъ я замѣтить, что дюкъ Лирійскій велъ свои Записки по новому стилю, который тогда превосходилъ старый 11 днями. Я удержалъ его.

Многимъ покажется страннымъ, что онъ Петра II и Анну называетъ всегда Царемъ и Царицею; но это объясняется тѣмъ, что въ то время Испанскій дворъ не соглашался еще дать Русскимъ Государямъ титула Императора.

*) Мы не могли найти этой книги, съ которой Д. И. Языковъ переводилъ на Русскій языкъ Записки дюка де-Лиріи. Для провѣрки этого перевода послужилъ намъ старинный списокъ съ подлинника, любезно сообщенный намъ княземъ Ф. Ф. Юсуповымъ изъ архива села Архангельскаго. Въ настоящемъ изданіи исправлены ошибки перевода и восстановлены опущенія и то что не могло быть прежде допущено въ печать цензурою. П. Б.

Мая 16 дня 1727 года я былъ у принца Евгенія, который принялъ меня чрезвычайно ласково.

Принцъ Евгенийъ Савойскій, по мнѣнію моему, совершенный герой; нѣтъ такихъ добрыхъ качествъ, которыхъ бы въ немъ не было: онъ откровененъ, учтивъ, веселъ и простъ въ обращеніи, не теряя однакоже приличія, и гордъ безъ тщеславія; онъ не способенъ обманывать никого, и каждому слову, исходящему изъ устъ его, можно вѣрить, какъ самой истинѣ; онъ краснорѣчивъ, знаетъ науки и читалъ много; говоритъ совершенно на пяти языкахъ: Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Итальянскомъ и Испанскомъ. Ненависть ему неизвѣстна. и угнетаемая добродѣтель всегда найдетъ въ немъ защитника. На войнѣ онъ всегда веселъ, бдителенъ, внимателенъ и ровенъ, даже находясь въ жесточайшемъ огнѣ. Никто лучше его не знаетъ военного искусства: это доказываютъ десять сраженій, имъ выигранныхъ. Въ политическихъ дѣлахъ онъ проникателенъ, и изъясняется, хотя въ немногихъ словахъ, но очень ясно. Онъ ненавидитъ комплиментовъ и не терпитъ благодарности за оказанную имъ милость. Будучи справедливъ въ высочайшей степени, онъ не отречется дать удовлетвореніе каждому честному человѣку, ежели сей, думая быть отъ него оскорбленнымъ, потребуетъ онаго. Словомъ, это совершенный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Іюня 5, дюкъ Бурнонвильскій *) получилъ отъ графа Цинцендорфскаго записку, которою онъ приглашалъ обоихъ насъ пріѣхать къ нему сего же дня утромъ, въ Люксембургъ. Мы тотъ же часъ отправились туда и, съ самаго пріѣзда, занялись дѣлами съ симъ министромъ и съ принцемъ Евгениемъ. Отъ нихъ мы узнали, что вчера вечеромъ пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что Царица Екатерина I скончалась 17 Мая, въ 10 часовъ вечера, отъ болѣзни, которая, продолжавшись нѣкоторое время, кончилась нарывомъ въ груди (1). Они

*) Испанскій посланникъ въ Вѣнѣ. П. Б.

прибавили, что эта смерть не измѣнить ни въ чемъ настоящей нашей системы, потому что новое Русское министерство рѣшилось слѣдовать принятымъ покойною Царицею правиламъ, въ чемъ удостоверяетъ Императора князь Меншиковъ, первый Русскій министръ, въ почтительномъ письмѣ, которое онъ писалъ, по сему случаю, къ Его Величеству.

Послѣ сего, графъ Цинцендорфъ разсказалъ намъ, что пропеходило въ Петербургъ по смерти Екатерины. Какъ скоро она скончалась, князь Меншиковъ поставилъ караулъ у всѣхъ входовъ дворца, а на другой день по утру пригласилъ во дворецъ Царевича, внука послѣдняго Царя. Герцога и Герцогиню Голштейнъ-Готторпскихъ, Принцессу Елисавету, дочь покойной Царицы, незамужнюю, и всѣхъ вельможъ и первѣйшихъ министровъ двора. Меншиковъ объявилъ имъ, что Царица скончалась въ прошедшую ночь, вруча ему свое духовное завѣщаніе, которое онъ тутъ же и прочелъ. Въ самомъ началѣ завѣщанія она объявила единственнымъ своимъ наслѣдникомъ вышесказаннаго Царевича, внука своего супруга. Всѣ, бывшіе въ собраніи, выслушавъ это, тотчасъ закричали ура! Тетка его, Герцогиня Голштинская, первая пала къ его ногамъ, а за нею и всѣ прочіе, и тутъ же присягнули въ вѣрности. Остальное содержаніе духовной относилось къ образу правленія и назначало регенство, которое долженствовало продлиться до того времени, когда новому Царю исполнится 16 лѣтъ, а тогда было ему только 12. Въ члены совѣта регенства назначались: Герцогъ и Герцогиня Голштинскіе, Принцесса Елисавета, сестра Герцогини, князь Меншиковъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, адмиралъ графъ Апраксинъ, гувернёръ Царскій баронъ Остерманъ, и князь Дмитрій Голицынъ. Въ концѣ духовной Екатерина предписывала поддерживать союзъ и согласіе съ Императоромъ*) и слѣдовать той же системѣ, которой она слѣдовала (2). Но статья, относящаяся до малолѣтства царя, осталась безъ исполненія, потому что тутъ же его объявили совершеннолѣтнимъ, и Герцогъ Голштинскій, выводимый изъ терпѣнія (*dégoûté*) Меншиковымъ, черезъ два мѣсяца, уѣхалъ со своею супругою въ свои владѣнія (3).

Извѣстіе о кончинѣ Екатерины I огорчило меня до чрезвычайности: ибо, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой я принялъ посольство въ такую отдаленную отъ ногъ моихъ Государей страну,

*) Карломъ VI-мъ. Съ Германіей въ предыдущемъ году заключенъ былъ нами оборонительный союзъ, къ которому пристала Испанія. Посольство дюка Лирійскаго имѣло цѣлю привлечь Россію на случай войны Испаніи съ Англією. П. В.

состояла въ томъ, что мнѣ хотѣлось узнать лично такую великую Государыню, которую и лучшіе писатели не могутъ выхвалить достойно. Но меня много успокоивало увѣреніе императорскихъ министровъ, что эта великая потеря не сдѣлаетъ никакой перемѣны въ настоящихъ дѣлахъ, потому что на другой день ея кончины все было въ величайшемъ спокойствіи, хотя тогда можно было опасаться величайшаго волненія*). Правда, что, за недолгое время, до смерти Царицы былъ открытъ заговоръ, главою котораго были генералъ Толстой, Русскій, и генералъ Дивіеръ, родомъ Португалецъ; но ихъ обоихъ схватили, и заговоръ ихъ подавленъ (4).

Іюня 21 получили мы извѣстіе о смерти епископа Любскаго, двоюроднаго брата Герцога Голштинскаго, который долженъ былъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ Московской (5). Въѣздъ съ нимъ получено также извѣстіе объ обрученіи Царя съ дочерью князя Мейншакова.

Въ 28 день пріѣхалъ курьеръ изъ Берлина съ извѣстіемъ, что король Англинскій Георгъ умеръ въ Оснабрюкѣ 13 числа, отъ апоплексическаго удара.

Іюля 26 пріѣхалъ второй курьеръ изъ Мадрида, который огорчилъ меня также, какъ и первый, потому что я не получилъ съ нимъ никакого повелѣнія, и маркизъ де-ла-Пазъ все притворялся, что не знаетъ о кончинѣ Царицы. Наконецъ, 4 Августа пріѣхалъ третій курьеръ и привезъ мнѣ новые кредитивы и наставленія. Маркизъ де-ла-Пазъ, именемъ королевскимъ, предписывалъ мнѣ ѣхать какъ можно скорѣе къ мѣсту моего назначенія.

Войско короля Прусскаго состоитъ изъ 70 тысячъ человѣкъ отличнѣйшихъ, кои служатъ съ величайшею точностію.

Октября 19 былъ я, съ графомъ Секендорфскимъ, въ городѣ Цотсдамѣ, желая видѣть славный гренадерскій, или лучше, испанскій полкъ (6), состоящій изъ 2500 человѣкъ, изъ которыхъ самый малый ростомъ въ 6, а самый высокій въ 7 слишкомъ геометрическихъ футовъ **).

Октября 25 пріѣхалъ я въ Данцигъ. Случилось, что въ томъ же трактирѣ, въ которомъ я остановился, жилъ также графъ Маврикій Саксонскій, побочный сынъ Короля Польскаго, который былъ избранъ въ Герцоги Курляндскіе, о чемъ я буду говорить послѣ, когда зайдетъ

*) „Когда Императрица изволила смотрѣть строю, и въ то время чуть ея изъ ружей не убили дважды“ (Соловьевъ XIX, гл. 2-я). П. Б.

**) Не въ этотъ-ли полкъ заманивали (позднѣе) нашего Ломоносова? П. Б.

рѣчь о Митавской комисіи. Онъ былъ мнѣ очень близкимъ другомъ въ Парижѣ, и поэтому я былъ очень радъ встрѣтившись съ нимъ здѣсь, и мы не разлучались во все то время, которое пробылъ я въ Данцигѣ. Онъ мнѣ подробно разсказалъ о состояніи своихъ дѣлъ въ Курляндіи и просилъ похлопотать о немъ при дворѣ Петербургскомъ. Я обѣщалъ ему это, разумѣется, при удобномъ случаѣ, но притомъ сказалъ, что буду стараться о немъ, какъ пріятель, а не какъ посолъ, потому что не имѣю отъ Короля, моего Государя, повелѣнія мѣшаться въ это дѣло. Послѣ сего онъ убѣдительно просилъ меня выхлопотать изъ рукъ Русскаго министерства множество любовныхъ записочекъ, кои получалъ онъ отъ разныхъ дамъ и хранилъ въ сундукѣ, который отняли у него Русскіе, и что тамъ же находился журналъ любовныхъ шашней при дворѣ Короля, отца его, примолвя, что ежели журналъ этотъ откроется, то надѣлаетъ ему много хлопотъ. Все это я обѣщалъ ему и, пріѣхавъ въ Москву, дѣйствительно услужилъ ему дружески. — Ноября 9 отправился я очень рано и, проѣхавъ 4 лѣ, прибылъ къ обѣду къ Митаву. Почти за пол-лѣ отъ сего города встрѣтился я съ генераль-майоромъ Миромъ (Mihr), который нарочно былъ посланъ Польскою комисіею на встрѣчу, для поздравленія меня съ пріѣздомъ. Пересѣвъ въ его карету, я пріѣхалъ въ Митаву въ полдень. Четверо Поляковъ, главныхъ членовъ комисіи, тотчасъ явились ко мнѣ съ визитомъ, а именно: князь епископъ Вармійскій, графъ Денгофскій, генераль Литовскій, графъ Дунинъ, референдарій коронный, и князь Радзивиль. Они повезли меня обѣдать къ референдарію, гдѣ была также вдовствующая Герцогиня Курляндская, дочь Іоанна, старшаго брата Петра I. Генераль Ласси, бывшій въ Митавѣ отъ Россійскаго двора, также пріѣзжалъ ко мнѣ, и я ужиналъ у него.

На другой день, 10 числа, представлялся я Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Ивановнѣ и былъ очень хорошо принятъ отъ Ея Высочества.

Отъ нея поѣхалъ я обѣдать къ епископу Вармійскому.

Курляндія и Семигалія суть двѣ соединенныя области, объявленныя въ 1561 году наслѣдственнымъ герцогствомъ для дома Кетлера, который, желая поддержать себя, отдался уже тогда подъ покровительство Польши, завися отъ нея въ видѣ лена. Домъ Кетлера, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, кончится въ лицѣ нынѣшняго Герцога Фердинанда, 70 лѣтняго старца, не имѣющаго наслѣдниковъ. Уже слишкомъ 27 лѣтъ, какъ онъ, поссорясь съ Курляндскимъ дворянствомъ, выѣхалъ изъ своихъ владѣній и живетъ въ Данцигѣ.

Его дворянство, видя, что Герцогъ Фердинандъ не проживетъ долго, по причинѣ глубокой его старости, рѣшилось составить сеймъ для

избранію ему преемника и 5 Іюля 1726 избрало, безъ всякаго прекословія, графа Маврікія, побочнаго сына короля Польскаго и курфюрста Саксонскаго. Графъ присутствовалъ при семъ избраніи и согласился на него; но Польская республика тутъ же воспротивилась этому, объявивъ, что, въ силу леннаго владѣнія и условія, сдѣланнаго Кетлеромъ, на случай, если домъ его угаснетъ, Курляндское герцогство зависить уже прямо отъ Короля и Рѣчи Посполитой Польской. Князь Меншиковъ, генералиссимусъ Русскихъ войскъ, немедленно послѣ выше-сказаннаго избранія князя Маврікія, пріѣхалъ въ Митаву, гдѣ еще находились графъ и депутаты сейма и, полагаясь на свою силу и на силу имени покойной Царицы, старался склонить сеймъ избрать его въ наслѣдники герцогу Фердинанду, что однакоже ему не удалось. Онъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ графомъ Саксонскимъ, но не могъ получить отъ него того, чего желалъ, и все это кончилось условіемъ, чтобы тотъ изъ нихъ, кто сдѣлается герцогомъ Курляндскимъ, заплатилъ другому сто тысячъ еко.

Графъ Саксонскій возвратился въ Курляндію въ Маѣ 1727 года и укрѣпился, съ небольшимъ числомъ войска, на одномъ островѣ, лежащемъ въ заливѣ Балтійскаго моря, въ одномъ лѣѣ отъ Митавы, который по мѣстоположенію своему былъ неприступенъ. съ намѣреніемъ быть ближе и поддерживать свое избраніе, которое чины, собравшись въ главной Митавской церкви, подтвердили. Князь Меншиковъ отправилъ корпусъ Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Лассія, чтобы вытѣснить графа Саксонскаго. Ласси, пришедъ къ острову, послалъ сказать графу, что имѣетъ повелѣніе отъ Царицы, своей Государыни, именемъ которой пользовался Меншиковъ, объявить ему, чтобы онъ, ни мало не медля, выѣхалъ изъ Курляндіи. Хотя Ласси требовалъ, чтобы онъ оставилъ Курляндію черезъ 4 дня, но онъ отправился въ тотъ же самый день. Послѣ сего Ласси велѣлъ объявить графскимъ людямъ, чтобы они сдались безъ сопротивленія, а онъ велитъ проводить ихъ до Польской границы; но вмѣсто сего, отправилъ ихъ, со всѣмъ ихъ и графскимъ имуществомъ, въ Ригу, гдѣ и держалъ ихъ нѣсколько недѣль.

Между тѣмъ Польская республика принудила своего Короля не утверждать сдѣланнаго Курляндцами избранія въ Герцоги графа Саксонскаго, и Король, хотя и противъ своей воли, принужденъ былъ сдѣлать это, въ ожиданія удобнѣйшаго случая помочь своему сыну. Послѣ сего, республика составила комиссію, членовъ которой я упомяновалъ выше, и отправила ее въ Митаву, для переговоровъ съ Курляндскими депутатами, о присоединенія герцогства къ коронѣ Польской.

Въ тоже самое время республика объявила, на своемъ сеймѣ, графа Саксонскаго виновнымъ въ оскорбленіи Величества и врагомъ отечества.

По приѣздѣ нѣкоторыхъ членовъ комисіи въ Митаву, князь Меншиковъ, по ихъ требованію, велѣлъ сдать Полякамъ всѣхъ людей и вещи графа Саксонскаго, кои содержались въ Ригѣ, совершенно вопреки ихъ капитуляціи.

Курляндскіе депутаты не могли согласиться на счетъ образа правленія, который Поляки хотѣли ввести по смерти Герцога Фердинанда и протестовали противъ всего, что сдѣлали послѣдніе. Такимъ образомъ Польская комисія, не произведя ничего положительнаго, кончилась въ Декабрѣ 1727 года. Но прежде нежели она разошлась, Россійскій дворъ велѣлъ своимъ генераламъ, Лассію и Бибикову, объявить ей, что Царь никакъ не допуститъ до того, чтобы Курляндія была присоединена къ Польшѣ, а требуетъ, чтобы, по силѣ особенныхъ условий, сдѣланныхъ Курляндцами съ Поляками, Герцогомъ былъ который либо изъ Германскихъ государей. Вотъ все, что я могъ узнать о Курляндцахъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, кои я пробылъ въ Митавѣ.

Изъ Нарвы я выѣхалъ 21 Ноября утромъ и, проѣхавъ двѣ ночи и день, наконецъ прибылъ въ Петербургъ 23 числа въ полдень. Отъ Нарвы до сего столичнаго города считается 142 версты.

На другой день, 24 Ноября, я увѣдомилъ о своемъ приѣздѣ министровъ Царскихъ и иностранныхъ дворовъ, а поелику я принялъ титулъ только полномочнаго министра, то и обязанъ былъ сдѣлать первый визитъ четверемъ министрамъ, которые были во главѣ правленія, а именно: государственному канцлеру графу Головкину, генералъ-адмиралу Апраксину, вице-канцлеру и гофмейстеру царскому барону Остерману, и князю Дмитрію Голицыну.

На первой аудіенціи *) у Его Величества былъ я 31 Декабря. Рѣчь говорилъ я на Кастильскомъ языкѣ, а отвѣчалъ на нее, отъ имени Царя, баронъ Остерманъ порусски.

По окончаніи сего, оберъ-церемоніймейстеръ привелъ меня на аудіенцію къ Великой Княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Тутъ рѣчь промывалъ я на Французскомъ языкѣ, а баронъ Остерманъ, стоявшій при ней съ лѣвой стороны, отвѣчалъ мнѣ, по ея повелѣнію, на томъ же языкѣ.

*) Тутъ же двѣнадцатилѣтній Царь выразилъ желаніе, чтобы прислали ему лошадей изъ Испаніи. Н. Б.

Послѣ сего представился я Принцессѣ Елисаветѣ и говорилъ ей рѣчь также по французски. а Ея Высочество приказала своей интентендантѣ (Comptroller major), графинѣ Салтыковой, отвѣчать мнѣ, что она и исполнила на французскомъ языкѣ.

На другой день послалъ я просить позволенія представиться Герцогинѣ Мекленбургской и Герцогинѣ Параскевіи, дочерямъ Царя Іоанна, старшаго брата Петра I; но онѣ не могли исполнить моей просьбы, потому что отъѣзжали того же дня въ Москву.

Вотъ письмо, которое отправилъ я 10 Января 1728 къ маркизу де-ла-Пазъ.

„Полагаю, что королю, нашему Государю, весьма нужно знать въ подробности систему правленія Русской земли, которая подвергается величайшей опасности, если Богъ не отвратитъ сего. упасть опять въ прежнее свое состояніе.

„Со времени низверженія князя Меншикова, баронъ Остерманъ, гофмейстеръ царскій и вице-канцлеръ, считался первымъ министромъ; но, будучи иностранцемъ, онъ не смѣетъ ничего дѣлать по собственному своему побужденію и сносится во всемъ съ тремя другими членами регентства, поступая съ величайшею осторожностію и скрытностію. Хотя Государю не исполнилось еще 13 лѣтъ; но, какъ онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, то никто не смѣетъ говорить ему ни о чемъ, ни подавать ему совѣтовъ. Одинъ только Остерманъ имѣетъ надъ нимъ нѣкоторую власть; но и его замѣчанія уже не уважаются. Уже замѣтно, что онъ будетъ въ высшей степени любострастенъ, и завелись у него любовныя шашни. Не подивитесь, милостивый государь, его успѣхамъ въ такомъ возрастѣ, ибо, вопреки холоду здѣшняго климата, молодежь, какъ мужчины, такъ и женщины, развиваются гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ, и мужчины вступаютъ въ бракъ даже одиннадцати лѣтъ отъ роду. Царь не терпитъ ни моря, ни кораблей, а страстно любитъ охоту. Здѣсь въ Петербургѣ негдѣ охотиться: но въ Москвѣ очень можно, почему никто не сомнѣвается, что перѣбывавъ туда, онъ едва ли возвратится, и причины, для сего приводимыя, кажутся мнѣ не неосновательными.

„Главная причина, для которой покойная Царица и Петръ I. основали здѣсь свою резиденцію, была та, чтобы имѣть всегда въ глазахъ рождающуюся морскую силу, которая была для нихъ величайшимъ наслажденіемъ, и для того, чтобы держать въ почтеніи Государей, своихъ сосѣдей, и именно Шведскихъ. Юный Монархъ не походитъ на нихъ: онъ ненавидитъ морское дѣло и окруженъ Рус-

скими, кои, не терпя отдаленія своего отъ родины, всегда толкуютъ ему ѣхать въ Москву, гдѣ жили его предки, и при этомъ выхваляютъ Московскій климатъ и множество дичи въ ея окрестностяхъ, а здѣсь климатъ не только нездоровый, но и наводящій тоску, и нѣтъ мѣстъ для охоты.

„Многіе думаютъ. что коронація совершится прежде поста, и что послѣ сего Царь возвратится сюда. Но я думаю, что этому не бывать, потому что еще ничего не готово для сего торжества, и купцы, поѣхавшіе въ Ліонъ для закупки шелковыхъ и штофныхъ матерій, не могутъ возвратиться прежде исхода сего мѣсяца, или начала будущаго: а генераль Ягужинскій, зять государственнаго канцлера, увѣрялъ меня, что коронація будетъ не прежде, какъ послѣ Пасхи, и навѣрное мы не воротимся прежде лѣта.

„Баронъ Остерманъ также въ отчаяніи, что плоды даннаго имъ Царю хорошаго воспитанія пропадаютъ, и что онъ самъ подверженъ ежедневнo интригамъ Русскихъ, которые на каждомъ шагѣ разставляютъ сѣти, чтобы онъ, запутавшись въ нихъ, палъ и погибъ. Онъ знаетъ ихъ очень хорошо, и люди, заслуживающіе довѣріе, говорили мнѣ, что онъ рѣшился, послѣ коронаціи, отказаться отъ званія гофмейстера и попросить объ отставкѣ. На сихъ дняхъ онъ занемогъ, и кровь, пущенная ему, была вся черная и почти гнилая. Болѣзнь эта сдѣлалась отъ того только, что онъ вынужденъ былъ говорить Царю о его образѣ жизни, а Его Величество, выслушавъ его, отошелъ, не сказавъ ни слова. Черезъ нѣсколько дней онъ сталъ говорить тоже, примолвивъ, что Его Величество, самъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, велѣлъ бы отрубить ему голову, если бы онъ не представилъ ему пропасти, въ которую онъ теперь стремится, и коль скоро онъ слѣпо предается потоку, онъ не можетъ быть свидѣтелемъ его гибели и отказывается отъ званія гофмейстера. Царь обнялъ Остермана и со слезами на глазахъ просилъ не оставлять его, но въ этотъ же самый вечеръ онъ принялся за прежнее.

„Чтобы лучше понять настоящее состояніе сего Двора, надобно знать, что здѣсь двѣ партіи. Первая Царская, къ которой принадлежатъ всѣ тѣ Русскіе, кои главнѣйше стремятся къ тому, чтобы выгнать отъ сюда всѣхъ иностранцевъ. Эта партія раздѣляется на двое: одна состоитъ изъ Голицыныхъ, другая изъ Долгорукихъ, какъ я объясню послѣ. Вторая партія называется Великой Княжны, сестры Царской, и къ ней принадлежатъ: баронъ Остерманъ, графъ Левенвольдъ и всѣ иностранцы. Цѣль сей партіи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать себя противъ Русскихъ милостію и покровительствомъ

Великой Княжны, которую Царь по сіе время весьма много уважаетъ. Левенвольда не только ненавидятъ Русскіе, но и всѣ честные люди. а прискорбѣе всего то, что Остерманъ очень любитъ такого человека, котораго стараются всячески отдалить отъ двора.

„Но болѣе всѣхъ довѣренности Царь имѣетъ къ Принцессѣ Елисаветѣ, своей теткѣ, которая отличной красоты; я даже думаю, что тутъ недалеко до любви. Она ведетъ себя очень благоразумно и разсудительно, уважаетъ Остермана и обращается съ нимъ ласково.

„Его Величество также очень любитъ молодаго князя Долгорукаго, Ивана Алексѣевича, который, по молодости своей, угождаетъ ему во всемъ; такъ какъ Принцесса Елисавета держитъ себя твердо, то и нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ не остался главнѣйшимъ фаворитомъ и не свергъ со временемъ Принцессу и барона Остермана. Какъ ни старались удалить сего Долгорукаго, но по сіе время сдѣлать этого не могли. Онъ сынъ князя Алексѣя Долгорукаго, втораго гофмейстера царскаго. Князь Иванъ служитъ камергеромъ и пользуется такою довѣренностію, что не оставляетъ Царя ни на минуту и даже спитъ въ одной съ нимъ комнатѣ. И отецъ содѣйствуетъ много къ доставленію Царю удовольствій; имъ удалось бы уже удалить Остермана, если бы Русскіе вельможи были согласны между собою.

„Голицыны и Долгорукие суть главнѣйшіе и сильнѣйшіе изъ всѣхъ бояръ; но съ нѣкотораго времени они враждуютъ между собой. Если кому изъ нихъ вздумается посадить въ министерство кого изъ своихъ, другіе тотъ же часъ противятся этому, такъ что иные думали, что, не могли согласиться на сей счетъ, они прибѣгнуть къ третьему, и именно къ барону Шафирову. Сей послѣдній имѣлъ одну должность съ Остерманомъ и былъ любимцемъ покойнаго Царя; теперь онъ живетъ въ ссылкѣ въ Москвѣ, гдѣ также находится Царица, бабушка нынѣшняго Царя, у которой Шафировъ каждый день, а какъ нѣтъ сомнѣнія, чтобы она не получила большой вѣсъ въ правленіи, когда Дворъ пріѣдетъ въ Москву: то многіе, зная, какъ много она ненавидитъ иностранцевъ, думаютъ, что она низвергнетъ Остермана и на его мѣсто посадитъ Шафирова. Но какъ скоро здѣсь узнали, что онъ безпрестанно бываетъ у Царицы, то догадались о его замыслѣ и послали къ нему повелѣніе отправиться въ Архангельскъ, прежде даже пріѣзда Двора въ Москву.

„Хотя Шафировъ человекъ со способностями и чрезвычайно искусный въ дѣлахъ, но удаленіе Остермана было бы неискзвритимою

потерю для нашего союза. Самые враги Остермана не могут упрекнуть ему въ томъ, чтобы онъ худо служилъ своему Государю, чтобы давалъ ему дурныя совѣты и позволялъ кому либо подкупать себя подарками или деньгами; на него нападаютъ только за то, что онъ друженъ съ Левенвольдомъ, какъ я сказалъ выше, и что позволяетъ Царю дѣлать все, что ему угодно, не останавливая его ни въ чемъ. Что касается до первой статьи, то обвинители его правы; но неправы въ послѣдней, ибо въ этомъ онъ нимало не виноватъ, и ежели его представленія не имѣли того дѣйствія, какого бы отъ нихъ ожидать надлежало, то въ этомъ виноваты сами же Русскіе, которые не помогли ему и не помогаютъ надлежащимъ образомъ; они такъ его ненавидятъ, что готовы обратить въ преступленіе самыя лучшія его дѣла. Не смотря на все это, да не подумаетъ Король, чтобы Остерманъ былъ совершенный человѣкъ: онъ лживъ и готовъ сдѣлать все, чтобы достичь своей цѣли: не имѣетъ религіи, потому что уже три раза мѣнялъ ее, и чрезвычайно коваренъ: но это такой человѣкъ, въ которомъ мы имѣемъ нужду и безъ котораго не сдѣлаемъ здѣсь ничего.

Русскіе боятся большой власти, которую Принцесса Елисавета имѣетъ надъ Царемъ: умъ, способности и ловкость ея пугаютъ ихъ: поэтому имъ хочется удалить ее отъ двора, выдавъ ее замужъ. Хотя это трудно, однакоже можетъ сдѣлаться, если начатые о семъ переговоры кончатся удачно. Графъ Маврикій Саксонскій не оставилъ своихъ притязаній и своей надежды, и зная, что Русскій Дворъ никогда не допуститъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, онъ держитъ здѣсь тайно довѣреннаго человѣка для ходатайства по его дѣламъ, чтобы добиться поддержки Царя въ свою пользу. Одно изъ главнѣйшихъ его предложеній состоитъ въ томъ, чтобы вступитъ въ бракъ съ Принцессою Елисаветою, а какъ величайшее желаніе Русскихъ состоитъ въ удаленіи Принцессы отъ Двора, къ чему присовокупляется и выгода, что Курляндія не будетъ присоединена къ Польшѣ: то они и приняли благосклонно предложеніе графа, и это дѣло идетъ такъ хорошо, что теперь думаютъ пригласить его въ Москву, хотя еще не рѣшено, принять ли его предложеніе или нѣтъ. Это хранится въ величайшей тайнѣ, и я, не безъ труда, могъ узнать о томъ. Такимъ образомъ я не сомнѣваюсь, чтобы графъ Морицъ не успѣлъ въ своемъ исканіи, а Русскіе, имѣя съ тѣмъ, достигнуть своего желанія удалить Принцессу.

Имъ хочется сдѣлать тоже и съ Великою Княжною и сыскать ей хорошаго жениха; но это очень трудно, потому что найдется мало государей, кои захотѣли бы искать себѣ невѣсты въ Москвѣ. Русскіе были бы очень рады помѣняться съ Пруссіею, заставя Царя жениться

на старшей дочери Его Прусскаго Величества и выдавъ за Королевскаго Принца Пруссіи Великую Княжну; но я не думаю, чтобы Король Пруссій согласился на это, ибо все его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать мѣну съ своимъ своимъ Королемъ Англійскимъ.

„Теперь появляется новый фаворитъ, графъ Бутурлинъ, зять фельдмаршала князя Голицына, и всѣ враги дома Долгорукихъ стараются ввести его въ милость у Царя; но меня увѣрили, что Бутурлинъ помирить обѣ партіи, Голицыныхъ и Долгорукихъ, и если это правда, то Остерманова партія погибнетъ безвозвратно, да и самъ онъ падетъ непременно.

„Вотъ состояніе, въ которомъ находятся Дворъ и министерство; но я не ручаюсь, чтобы черезъ недѣлю не случилось чего нибудь совершенно противнаго, ибо нѣтъ въ Европѣ Двора неустойчивѣе здѣшняго и подверженнѣе внезапнымъ переворотамъ“.

Января 12. въ новый годъ по старому стилю, я поднесъ Царю хорошее ружье, работы Діега Искибеля, которое ему очень понравилось, и когда я пріѣхалъ во дворецъ съ поздравленіемъ, то онъ приказалъ мнѣ остаться обѣдать съ нимъ: милость, каковой онъ не оказывалъ ни одному иностранному министру. За столомъ онъ былъ ко мнѣ очень благосклоненъ и пилъ за здравіе Короля, моего Государя, на что я отвѣчалъ бокаломъ вина, которое выпилъ за здравіе Его Царскаго Величества, обратясь съ онымъ къ Принцессѣ Елисаветѣ.

Января 17, а по старому стилю 6, день Крещенія, былъ обрядъ на рѣкѣ. Гвардія и весь Петербургскій гарнизонъ выстроились на Невѣ, гдѣ было устроено зданіе арками, а въ немъ прорубъ съ ступенями до самой воды. Его Величество вышелъ изъ дворца въ 11 часовъ и, прибывъ къ рѣкѣ, сталъ, въ первый разъ, передъ Преображенскимъ полкомъ, котораго онъ былъ полковникомъ, послѣ чего пошелъ въ Троицкую церковь, гдѣ обѣдню служилъ архіепископъ Коломенскій съ двумя другими епископами. По окончаніи божественной службы Его Величество пришелъ опять къ своему полку и сталъ передъ нимъ съ эспонтономъ въ рукѣ, а духовенство все, въ процессіи, пришло къ мѣсту водоосвященія, которое совершилъ архіепископъ Коломенскій. По окончаніи сего обряда, все войско сдѣлало залпъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была пушечная пальба съ крѣпости, и Царь велъ свой полкъ, съ эспонтономъ въ рукѣ, до самаго дворца.

Января 20. Его Царское Величество отправился со всѣмъ своимъ Дворомъ въ Москву и, проѣзжая черезъ Новгородъ и Тверь, пробылъ по одному дню въ каждомъ изъ сихъ городовъ. Повсюду принимали

его съ восторгомъ. Я выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 5 Февраля, въ 4 часа по полудни, вмѣстѣ съ Польскимъ посланникомъ и его супругою.

Февраля 11 мы отправились изъ Клина, въ 4 часа утра, и въ 1 часъ пріѣхали въ небольшое селеніе Черной-ямъ, гдѣ и обѣдали. Тамъ мы нашли вдовствующую герцогиню Курляндскую, которая очень обласкала насъ. Желая пріѣхать поранѣе въ Москву, до которой отъ сюда считается только 25 верстъ, мы не долго сидѣли за столомъ, и не останавливаясь нигдѣ, пріѣхали туда благополучно въ 7 часовъ вечера.

Царь пріѣхалъ въ Москву 30 Января; но не въѣзжалъ еще торжественно, по причинѣ простуды, которая причинила ему боль въ груди. Его Величество остановился въ загородномъ домѣ княгини Грузинской, въ 7 верстахъ отъ Москвы. И Великая Княжна также занемогла: на ней показались сыпь похожая на корь.

Царь немедленно, по пріѣздѣ своемъ, отправился инкогнито къ своей бабкѣ, которая жила въ одномъ монастырѣ и никогда еще не видѣла его. Не бесполезно будетъ, если я скажу о ней нѣсколько словъ.

Царица, бабка Царская, происходитъ изъ дома Лопухиныхъ, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Петръ I женился на ней въ 1689 году и она родила ему Царевича Алексѣя, умершаго въ 1718 году и оставившаго послѣ себя сына, нынѣ владѣющаго Государя. Они жили очень согласно между собою до тѣхъ поръ, пока ненависть Царицы къ иноземцамъ и ко всѣмъ обычаямъ Европейскимъ, кои Царь очень любилъ, не произведа между ими охлажденія. Надо еще прибавить, что Царица вовсе не была строгихъ правилъ; ея супругъ, узнавши про одну ея связь, разстался съ нею въ 1698 году, удалилъ ее въ монастырь, а вскорѣ потомъ въ Шюссельбургскую крѣпость, гдѣ она и оставалась до кончины Царицы Екатерины. Внукъ ея, вступивъ на престолъ, перевелъ ее въ одинъ изъ Московскихъ монастырей; но она никогда не была пострижена, хотя Царь, супругъ ея, и принуждалъ ее къ тому *).

Такимъ образомъ Петръ II пріѣхалъ къ ней; но она что-то ему не понравилась, и потому онъ не имѣлъ къ ней довѣренности, хотя она и ласкалась этою надеждою по причинѣ большаго ея желанія владствовать. Не смотря однакожь на это, онъ назначилъ ей на содержаніе по 60 тысячъ рублей въ годъ и отвелъ ей комнаты во дворцѣ съ

*) Папротивъ, она была дѣйствительно пострижена и въ иночествѣ перемѣнила имя Евдокія на Елену. *Ил.*

услугою. Когда я видѣлъ ее, она была уже старухою; но меня увѣрили, что она была отличной красоты, но до того любострастна, что даже и въ заточеніи своемъ она имѣла связь съ однимъ господиномъ по имени Глѣбовымъ, который былъ захваченъ и черезъ нѣсколько дней посаженъ на колѣ.

Черезъ день по пріѣздѣ моемъ, я былъ съ визитомъ у герцогини Курляндской, которая жила недалеко отъ меня и приняла меня очень ласково.

Царь, освободясь отъ болѣзни, въѣхалъ торжественно въ Москву 15 Февраля.

Февраля 19, Его Величество назначилъ въ члены Верховнаго Совѣта князя Василя Долгорукаго, который былъ посломъ во Франціи, и князя Алексѣя Долгорукаго, своего второго гофмейстера, и такимъ образомъ Совѣтъ составилъ изъ шести членовъ, вмѣсто прежде бывшихъ четырехъ.

Изъ депеши моей къ Королю, моему Государю, отъ 10 Января, видѣли, что въ Россіи были двѣ партіи: Голицынская и Долгоруковская. По пріѣздѣ Двора въ Москву, баронъ Остерманъ присталъ къ Долгорукимъ, и тѣмъ много содѣйствовалъ къ равновѣсію съ Голицынской партіею, которая, бывъ открытымъ врагомъ иноземцевъ и иностранныхъ обычаевъ, хотѣла отдалить Остермана и заставить Царя остаться въ Москвѣ, возвратиться къ стариннымъ Русскимъ обычаямъ и отказаться отъ роли, которую Великій Петръ I сталъ играть въ свѣтѣ.

Февраля 22, Его Величество пожаловалъ князя Ивана Долгорукаго, своего любимца, въ оберъ-камергеры и въ тотъ же день возложилъ на него орденъ Св. Андрея. Второй его любимецъ Бутурлинъ, произведенъ въ генералы и назначенъ прапорщикомъ въ Кавалергардскій корпусъ.

За нѣсколько до сего дней получилъ я повелѣніе Короля, моего Государя, просить Царя о принятіи въ свою службу г. Кейта, брата графа, наслѣдственнаго маршала Шотландіи. Сей Кейтъ 9 уже лѣтъ имѣлъ въ Испаніи чинъ полковника; но оставался безъ полка, потому что былъ не католическаго вѣроисповѣданія. Его Царское Величество такъ былъ милостивъ, что тотъ же часъ велѣлъ принять его въ свою службу съ чиномъ и жалованіемъ генералъ-маіора.

Марта 1, Царица, бабка Царская, была въ первый разъ у Его Величества; но юный Государь, боясь, чтобы она не стала говорить съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, сдѣлалъ такъ, что не оставался

съ нею на единѣ, и хотя обращался съ нею весьма вѣжливо, однакоже не допустилъ ее говорить ни о чемъ.

Марта 7 совершилась коронація Его Величества.

Марта 9 чужестранные министры получили приглашеніе, отъ имени Его Величества, пріѣхать вечеромъ на Царицынъ лугъ, гдѣ былъ фейерверкъ и балъ.

Марта 10 Его Величество велѣлъ кормить народъ на большой дворцовой площади, гдѣ были сдѣланы два большихъ фонтана, одинъ съ краснымъ, другой съ бѣлымъ виномъ.

Марта 11 Его Величеству угодно было почтить домъ мой и ужинать у меня. Я принялъ его такъ великолѣпно, какъ только могъ: у меня было накрыто три стола, по двадцати кувертовъ на каждомъ, а до ужина и послѣ ужина былъ большой концертъ. Вотъ все, что я могъ сдѣлать, смотря по малому времени, которое имѣлъ для приуготовленія къ сей чести: ибо Его Величество приказалъ увѣдомить меня только наканунѣ. Царь пробылъ у меня за часъ по полуночи, а за столомъ просидѣлъ слишкомъ полтора часа, чему всѣ удивились, потому что онъ остается за столомъ, обыкновенно, не болѣе четверти часа. Въ эту ночь опорожнили у меня до 500 бутылокъ вина.

Я забылъ сказать, что, въ день коронаціи, Царь произвелъ въ генералъ-фельдмаршалы князя Трубецкаго и генерала князя Долгорукаго, который командовалъ войсками въ Персіи, да еще четверыхъ въ генералъ-лейтенанты.

Марта 13, получено извѣстіе, что Герцогиня Голштейнъ-Готгорнская разрѣшилась отъ бремени Принцемъ, и по сему случаю былъ, на другой день 14 числа, во дворецъ балъ, на который приглашенъ былъ я со всѣми чужестранными министрами.

Марта 17, баронъ д'Абихсдаль, оберъ-церемоніймейстеръ, былъ у меня и, послѣ длиннаго предисловія, сказалъ мнѣ съ величайшею довѣренностію, что онъ желалъ бы поговорить со мной объ одномъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы оно осталось между нами. Дѣло состояло въ томъ, что онъ спросилъ меня: буду ли я доволенъ, ежели Его Величество пожалуетъ мнѣ орденъ св. Андрея и можетъ ли носить сей орденъ тотъ, кто имѣетъ уже орденъ Золотаго Руна? На это я отвѣчалъ, что всѣ знаки отличія, которыми угодно будетъ Его Величеству меня удостоить, я приму за величайшую для себя честь, но просить о томъ никогда не стану. Что же касается до второй статьи, то я могу его увѣрить, что Золотое Руно не мѣшаетъ другимъ орденамъ, потому что Король, мой Государь, получилъ отъ папы разрѣшеніе, чтобы

кавалеры сего ордена могли получать и другіе, и что теперь у насъ болѣе 20 кавалеровъ Руна носятъ и другіе ордена.

Почти въ тоже самое время получилъ я официальную депешу отъ маркиза де-ла-Пазъ, которою онъ увѣдомилъ меня, именемъ короля, что какъ бракосочетаніе Принца Астурійскаго съ Инфантою Португальскою, и Принца Бразильскаго съ нашею Инфантою Донною Маріанною Викторіею, уже заключено: то Его Величество повелѣваетъ мнѣ торжествовать оба сіи бракосочетанія особеннымъ праздникомъ. Въ слѣдствіе сего я рѣшился объявить Царю о семъ событіи и просилъ аудіенціи, которую и назначили 28 числа въ 3 часа по полудни. На сей аудіенціи я говорилъ Царю рѣчь отъ имени Короля, моего Государя, и Его Величество отвѣчалъ мнѣ съ изъясненіемъ величайшаго дружественнаго расположенія къ Королю.

По выслушаніи сего отвѣта я хотѣлъ удалиться; но баронъ Остерманъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ къ Царю, который желаетъ украсить меня своимъ орденомъ св. Андрея, въ ознаменованіе добрата извѣстія, отъ меня полученнаго и уваженія къ моей особѣ. Тутъ князь Иванъ Долгорукій, оберъ-камергеръ, поднесъ Его Величеству знаки ордена на вызолоченномъ серебряномъ блюдѣ, и Его Величество, взявъ ихъ, возложилъ на меня. Признаюсь, что манера и случай, которымъ воспользовался Его Величество оказать мнѣ эту милость, заставили меня принять сей орденъ съ величайшею благодарностію; ибо, клянусь, что хотя оберъ-церемоніймейстеръ и говорилъ мнѣ о томъ за нѣсколько дней, но я нимало не думалъ, чтобы это случилось въ сей день. По принесеніи мною благодарности, Его Величество приказалъ мнѣ обѣдать съ нимъ: ему угодно было почтить меня, безъ всякой со стороны моей заслуги.

Апрѣля 1, Его Величество изволилъ пожаловать ко мнѣ обѣдать со всѣми кавалерами ордена св. Андрея и министрами верховнаго совѣта. У меня было накрыто три стола, да сверхъ того столъ для солдатъ и служителей, бывшихъ при Его Велиествѣ. Мы выпили слишкомъ 600 бутылокъ вина. Его Величеству угодно было остаться у меня до 6 часовъ: онъ былъ очень веселъ и очень доволенъ.

Въ половинѣ Апрѣля дошло даже до самого Царя какое-то писаніе, неизвѣстно кѣмъ написанное, въ которомъ оправдывался князь Меншиковъ и восхвалялись великія способности и умъ сего несчастнаго министра. Писаніе заключалось въ томъ, что ежели не призовутъ его опять, то дѣла никогда не пойдутъ хорошо. Очевидно было, что эта бумага была писана самимъ княземъ или кѣмъ либо изъ предан-

ныхъ ему. По этому произведенъ былъ строгій розыскъ, и изданъ царскій указъ, которымъ обѣщана была большая награда тому, кто откроетъ сочинителя. Въ слѣдствіе сего узнали, что духовникъ царицы-бабки получилъ тысячу ефимковъ за то, чтобы онъ постарался ввести Меншикова въ милость Царицы. Духовника взяли тотъ часъ къ допросу, и какъ онъ признался въ своемъ преступленіи, то его наказали строго, а Меншикова отправили на Березовый островъ у Ледовитаго моря, въ 10 тысячахъ верстахъ отъ Москвы: свояченица его Варвара была сослана въ какой-то монастырь на границѣ Персидской, а другая его свояченица, жившая въ Москвѣ, была взята, и уже хотѣли бить ее кнутомъ. (это въ Россіи пытка); но какъ она призналась во всемъ, чего отъ нее требовали, то и оставили ее только въ заключеніи. За нѣсколько дней до сего происшествія, княгиня Меншикова умерла съ печали отъ несчастія своего мужа, котораго сказанное писаніе повергло еще въ бѣднѣе: ибо, если бы онъ, или его друзья, не сдѣлали этого, то я думаю, что ему позволили бы жить спокойно въ Ораніенбургѣ.

Мая 2. по старому стилю, день Пасхи, всѣ мы чужестранные министры пріѣхали во дворецъ для поздравленія Царя, и Его Величество заставилъ насъ выпить по рюмкѣ вина за свое здоровье: тоже самое было и въ комнатахъ обѣихъ Принцессъ.

Баронъ Остерманъ, заботившійся только о томъ, чтобы держать Русское царство въ томъ положеніи, въ которомъ оставилъ его Петръ I, желать, чтобы Дворъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ Царь можетъ гораздо лучше знать все то, что дѣлается въ свѣтѣ. Но это не нравилось Русскимъ, которые занимались болѣе своими, нежели государственными дѣлами, и старались удерживать его въ Москвѣ, чтобы быть поближе къ своимъ домамъ и деревнямъ. И дѣйствительно, при помощи князя Ивана Долгорукаго, Царскаго фаворита, они склонили Остермана на то, чтобы Дворъ возвратился въ Петербургъ не прежде зимы, а чтобы заставить Царя еще болѣе полюбить Москву, то его возили по ближайшимъ загороднымъ домамъ, забавляя его безпрестанно охотой, которую онъ любилъ чрезвычайно, и твердили о величайшей разности климата Московскаго и Петербургскаго. И въ самомъ дѣлѣ они говорили правду, потому что нѣтъ земли и климата лучше Московскаго.

Именно въ это самое время обнаружилась ненависть князя Долгорукаго-фаворита къ барону Остерману, къ которому Царь имѣлъ еще цѣлѣе уваженіе. Она простиралась до того, что однажды онъ велѣлъ мнѣ сказать, безъ всякихъ околичностей, что ежели я люблю Остермана болѣе, нежели его, то онъ сдѣлается мнѣ явнымъ врагомъ.

Каждый легко пойметъ, что такое признаніе требовало отъ меня величайшей осторожности: но, по счастью, я оставался въ согласіи съ обоими, отвѣчалъ фавориту, что мнѣ нельзя не бывать часто у Остермана по дѣламъ моего посольства, какъ у министра, который назначенъ вести переговоры съ чужестранными, и въ тоже время и дать почувствовать Остерману, что пріязнь моя къ Долгорукому протѣкаетъ отъ того, что мнѣ очень хочется угодить Царю, который любитъ Долгорукаго. Самъ я успокоилъ обоихъ и могу сказать, что тѣмъ и другой остались мнѣ хорошими пріятелями.

Мая 18, въ день восшествія Царскаго на престолъ, былъ большой съѣздъ во Дворецъ для принесенія поздравленія Великой Княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Ея Высочество сдѣлала мнѣ честь, приказавъ мнѣ остаться обѣдать у нея и за столомъ была весьма милостива по мнѣ. Здоровье ея было не очень въ хорошемъ состояніи: врачъ думалъ, что у нея чахотка, и въ слѣдствіе сего лѣчили ее такъ, какъ будто у нее была грудная болѣзнь. Но не чахотка была причиною ея болѣзни, и только одинъ врачъ могъ ее вылѣчить, именно братъ ея. Его Величество по восшествіи своемъ на престолъ, имѣлъ такую довѣренность къ своей сестрѣ, что дѣлалъ для нея все, и не могъ ни минуты оставаться безъ нея. Они жили въ величайшемъ согласіи, и Великая Княжна давала удивительные совѣты своему брату, хотя только однимъ годомъ была старше его. Мало по малу однакоже Царь привязался къ своей теткѣ, Принцессѣ Елисаветѣ, а фаворитъ его и другіе придворные, кои не любили Великой Княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцамъ, всячески старались выхвалять Принцессу, которая не любила своей племянницы, и сдѣлали то, что черезъ полгода Царь не говорилъ уже съ ней ни о какихъ дѣлахъ, и слѣдственно не имѣлъ къ ней никакой болѣе довѣренности. Великая Княжна, у которой душа была превосходнѣйшая, чрезвычайно страдала отъ того, что братъ удалился отъ нея, и это страданіе усугублялось еще тѣмъ, что онъ ее обижалъ, отдавая при всѣхъ почеть ея теткѣ, которая совсѣмъ перестала ходить къ ней и торжествовала побѣду, переставъ считаться съ Великой Княжною. Вотъ настоящая причина ея болѣзни, и грусть ея была такъ велика, что она впала въ изнурительную лихорадку, которая чуть было не свела ее въ могилу: но крѣпкое ея тѣлосложеніе и молодость избавили ее отъ сей опасности. Царь нѣсколько недѣль пробылъ въ подмосковныхъ, но возвратился 30 числа и на другой день сдѣлалъ смотръ обоимъ гвардейскимъ. Онъ пригласилъ меня на сей смотръ, и я остался доволенъ экзерциціею сихъ полковъ.

Іюня 2, поѣхалъ я къ барону Остерману и очень удивился, найдя у него фаворита Долгорукаго и отца его. Они смутились при моемъ входѣ, почему я счелъ приличнымъ сократить мое посѣщеніе и посидѣвъ немного откланялся, съ большимъ желаніемъ узнать, за чѣмъ они прѣѣзжали.

И узналъ это на другой день отъ самого фаворита, къ которому заѣхалъ. Оня сказалъ мнѣ, что пробылъ у Остермана болѣе четырехъ часовъ, что Остерманъ, со слезами на глазахъ, просилъ его о дружбѣ, уиѣрня, что оня никогда и ничего не будетъ дѣлать безъ его согласія и будетъ говорить съ Царемъ не иначе, какъ при немъ; что послѣ сего они заговорили о здоровьѣ Царскомъ, условясь, чтобы впредь всегда ѣздить за городъ съ Его Величествомъ врачъ, и что наконецъ они говорили о домашнихъ дѣлахъ. Оня примолвилъ, что никогда не будетъ любить Остермана. Бесѣду нашу прекратилъ присланный отъ Царя звать Долгорукаго къ себѣ.

Іюня 4 получено извѣстіе о кончинѣ Герцогини Голштинской, которая безъ прекословія была первою красавицею въ Европѣ. Русскихъ мадо опечалило это горестное извѣстіе, да и самъ Царь не грустилъ, однакоже велѣлъ надѣть трауръ на три мѣсяца. Герцогиня была дочерью Петра I и покойной Царицы Екатерины, и вышла за Герцога Голштейнъ-Готторпскаго въ 1725 году.

Царь, пробывъ въ Москвѣ только два дня, уѣхалъ опять за городъ; но фаворитъ велѣлъ мнѣ сказать, что когда я назначу день своего праздника, то увѣдомилъ бы его, и онъ уговорить Его Величество быть на немъ.

Іюня 23 получилъ я письмо отъ маркиза де-ла-Пазъ, который далъ мнѣ знать, что Его Величество Король, нашъ Государь, совершенно одобряетъ то, что я принялъ Андреевскій орденъ и повелѣваетъ мнѣ благодарить Царя, именемъ Его Величества, за отличіе, мнѣ оказанное.

Приготовивъ все для праздника, который я долженъ былъ дать по случаю сугубаго бракосочетанія, я отправилъ нарочнаго къ фавориту съ просьбою доложить о семъ Царю и просить его о назначеніи дня. Мнѣ отвѣчали, что Его Величество назначилъ 27 число, что онъ возвратится въ Москву единственно для того, чтобы быть на моемъ праздникѣ, и что я могу пріѣхать туда, гдѣ теперь находитесь Его Величество, для формальнаго приглашенія. Я очень былъ доволенъ снмъ знакомъ милости, потому что никому не давалось позволенія видѣть Его Величество, когда онъ занимался охотою съ избраннымъ обществомъ.

Велѣдствіе сего я отпавился въ подмосковную фаворита, Горенки, гдѣ находился Царь, и Его Величество принялъ меня съ отличными благоволеніемъ. Пригласивъ его формально на свой праздникъ и отобѣдавъ съ нимъ, я рано возвратился въ Москву для приглашенія Принцессы. Его Величество пріѣхалъ въ городъ въ ту же самую ночь.

Наконецъ 27 числа, я далъ свой праздникъ и, по мифіи общему, онъ былъ лучше всѣхъ, какіе только бывали въ Россіи. Балъ длился до 3 часовъ утра, и Царь уѣхалъ очень довольный моимъ праздникомъ, который стоилъ мнѣ 6979 рублей или 2000 Цесаревскихъ пистолей.

Юля 10, по старому стилю, день св. Петра, тезоименитства Царскаго. Я пріѣхалъ во дворецъ съ графомъ Вратиславскимъ, и Царь приказалъ намъ остаться обѣдать за его столомъ. Столъ кончился почти въ 5 съ половиною часовъ, и какъ намъ сказали, что въ это же самое время начинается балъ, то мы и остались тамъ въ бесѣдѣ съ барономъ Остерманомъ и княземъ Василіемъ Долгорукимъ. Вскорѣ пришелъ генералъ Ягужинскій сказать, что меня зоветъ къ себѣ фаворитъ и проведъ меня до его комнатъ, гдѣ я нашелъ фельдмаршала Долгорукаго, съ которымъ и познакомился. Мы попили порядочно. Сегодняшній балъ продолжался до двухъ часовъ утра, и Царь обращался со мною благосклоннѣе обыкновеннаго такъ, что весь Дворъ замѣтилъ это.

Въ тотъ же день простили барона Шафирова и позволили ему пріѣхать ко Двору поцѣловать руку у Царя. Онъ былъ любимцемъ Петра I и вице-канцлеромъ; но нѣсколько уже лѣтъ находился въ опалѣ, былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и ордена Св. Андрея. Остерманъ, который очень его боялся, по причинѣ большихъ его способностей, всегда сопротивлялся его прощенію; но Долгорукіе, которымъ онъ былъ съ родни, успѣли помочь ему, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ оставался безъ должности и имѣлъ бы только счастье видѣть своего Государя. Впрочемъ, все дѣло состояло единственно въ томъ, чтобы навести страхъ на Остермана.

Юля 22 Царь возвратился въ Москву по случаю дня рожденія своей сестры, Великой Княжны, и для того, чтобы принять отъ графа Вратиславскаго двѣ богатыя кареты, присланныя въ даръ Царю отъ Императора.

Юля 23, по окончаніи пріема каретъ, мы были у руки Великой Княжны и тотъ же часъ сѣли за ужинъ съ Его Величествомъ и Принцессами, послѣ чего танцовали до перваго часа по полночи. Въ сей же день, Царь возвратилъ фельдмаршалу Долгорукому чинъ подполков-

ника гвардіи, котораго, какъ и всѣхъ прочихъ, онъ былъ лишенъ Петромъ I. за то, что присталъ къ его сыну, отцу нынѣшняго Государя, погубленному въ 1718 году.

Въ тотъ же день. Его Величество пожаловалъ орденъ св. Александра Невскаго гофъ-маршалу Шепелеву и статскому совѣтнику Цуумову

Юля 31 пріѣзжалъ ко мнѣ фаворитъ Долгорукій. На изъясненіе мое о необходимости и послѣдствіяхъ возвращенія въ Петербургъ, онъ увѣрялъ меня, что и самъ желаетъ уговорить къ тому Царя; но какъ его родители и другіе всѣ стараются удержать Царя въ Москвѣ, то ему не хочется, чтобы кто либо зналъ о его намѣреніи, и даже съ Остерманомъ онъ не будетъ говорить о томъ. Наконецъ, онъ обѣщалъ мнѣ склонить на то Царя, какъ скоро выпадетъ только снѣгъ, чтобы можно было ѣхать на полозьяхъ; но просилъ содержать это въ тайнѣ, что я ему и обѣщалъ. Такимъ образомъ мы разошлись.

Въ началѣ Августа, фаворитъ Долгорукій и баронъ Остерманъ, бывшіе явными между собою врагами, помирились. Немало содѣйствовало этому и я, хлопотавъ о семъ слишкомъ четыре мѣсяца. Со стороны Остермана я не нашелъ ни малѣйшаго сопротивленія, но очень трудно было уломать фаворита. Онъ имѣлъ врожденное отвращеніе къ Остерману, которое поддерживали родственники и соотчичи, не желавшіе между ними согласія, потому что Остерманъ былъ не способенъ давать ему подобно имъ, дурные совѣты, и поэтому всячески старался побуждать его къ низверженію Остермана. Но наконецъ фаворитъ понялъ, что для него нужно жить въ ладахъ съ симъ просвѣщеннымъ министромъ, и потому онъ присталъ къ нему и не дѣлалъ ничего не посоветовавшись прежде съ нимъ.

Въ это же время возвращено имѣніе всѣмъ тѣмъ, у которыхъ оно было конфисковано Петромъ I, за участіе ихъ въ дѣлѣ Царевича, родителя нынѣшняго Государя, погубленнаго въ 1718 г. Эту милость цесходатайствовалъ фельдмаршалъ Долгорукій, который и самъ въ то время попалъ въ опалу: но Екатерина I возвратила ему и честь и чины. Теперь онъ въ великой милости у Царя, который ему ни въ чемъ не отказываетъ.

Августа 29 я имѣлъ честь крестить съ Великою Княжною дочь одного придворнаго контролера, а какъ здѣсь въ обычаѣ дарить куму, то я поднесъ Ея Высочеству табакерку, осыпанную брилліантами, цѣною въ 500 Испанскихъ пистолей или въ 1750 рублей.

Сентября 6, день св. Наталіи, именины Великой Княжны. По сему случаю былъ во Дворѣ праздникъ, состоявшій, какъ и прежде, изъ ужина, бала и фейерверка.

Сего же дня получилъ орденъ Св. Александра Невскаго генералъ-лейтенантъ Балкъ.

На семъ праздникѣ всѣ замѣтили величайшую переменѣну въ обращеніи Царя съ Принцессою Елисаветою, въ которую онъ былъ дѣйствительно влюбленъ, но поступки этой Принцессы и происки ея враговъ до того подѣйствовали на Монарха, что его любовь превратилась въ презрѣніе. Прежде онъ безпрестанно говорилъ съ нею, а теперь не сказалъ ей ни одного слова и даже ушелъ не простившись. Главное побужденіе, которое заставляло Царя поступить такимъ образомъ, было сообщеніе служанки, недовольной княгиней, которая довела до свѣдѣнія Его Величества о всемъ ея образѣ дѣйствія, сводящагося къ тому, что она не хотѣла отдаться Его Величеству, въ надеждѣ еще болѣе влюбить его въ себя своимъ сопротивленіемъ и заставить его жениться на себѣ, хотя это было противъ правилъ Русской религіи изъ за родства: у нея давно была связь съ однимъ гренадеромъ, и въ настоящее время другая съ генераломъ Бутурлинымъ, его камергеромъ. Я не ручаюсь за справедливость этого обвиненія, но его было достаточно. чтобы измѣнить образъ мыслей Царя, который не могъ уже болѣе ее любить.

Сентября 9, я долго бесѣдовалъ съ княземъ-фаворитомъ. Въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ я ему противъ всего того, что Англичане могли бы затѣять во вредъ нашего союза, и склонилъ его къ тому, что онъ обѣщалъ мнѣ убѣдить Государя твердо держаться условій, не внимая никакимъ противнымъ предложеніямъ. Послѣ сего я долго уговаривалъ его о продолженіи дружбы съ барономъ Остерманомъ, доказывая, что ежели они будутъ жить согласно между собою, то тѣмъ лучше могутъ служить Государю и тѣмъ сильнѣе могутъ противиться своимъ врагамъ. Онъ мнѣ обѣщалъ это.

Немедленно послѣ сего, я сталъ говорить ему о нашемъ возвращеніи въ Петербургъ, а онъ сказалъ, что уже два раза заговаривалъ о томъ Государю, и надѣется, что къ зимѣ мы отправимся туда; но между тѣмъ однакоже. онъ въ этомъ не увѣренъ, потому что, пока еще можно будетъ охотиться, то настоятельно говорить нельзя. а какъ скоро придетъ время, онъ всячески будетъ стараться объ отъѣздѣ, при первомъ выпавшемъ снѣгѣ.

По окончаніи сей политической бесѣды, онъ далъ мнѣ знаки ордена Св. Александра, чтобы я могъ надѣть ихъ завтра на праздникъ сего

святаго, не надѣвая уже ордена св. Андрея, какъ то дѣлаетъ самъ Царь и всѣ кавалеры Андреевскіе, кои вмѣстѣ съ тѣмъ и Александровскіе, точно такъ какъ во Франціи, всѣ кавалеры ордена Св. Духа суть кавалеры и ордена Св. Михаила.

Сентября 10, всѣ кавалеры Александровскіе были приглашены во дворецъ, и по окончаніи обѣдни, мы обѣдали съ Его Величествомъ, занявъ мѣста по старшинству.

Сентября 16, именины Принцессы Елисаветы. Ея Высочество пригласила насъ въ свой дворецъ въ 4 часа по полудни, на ужинъ и на танцы. Царь пріѣхалъ не прежде, какъ къ самому ужину, и едва только онъ кончился, то уѣхалъ, не дожидаясь бала, который я открылъ съ Великою Княжною. Никогда еще не показывалъ онъ такъ явно своего отвращенія къ Принцессѣ, что очень ей было досадно: но она, какъ будто не замѣтивъ сего, показывала веселый видъ во всю ночь. На этомъ балѣ потерялъ я перстень въ 2000 ефимковъ; но его нашли на другой день, подметая комнаты.

Черезъ два дня послѣ сего, Царь отправился опять на охоту за городъ и пробылъ тамъ пять недѣль. Министры послѣдовали его примѣру и такимъ образомъ въ Москвѣ остались только Великая Княжна и иностранные министры. Октября 14 Царь возвратился въ Москву.

Октября 17, Его Величество получилъ отъ Короля Польскаго орденъ Бѣлаго Орла, который возложилъ на него графъ Вратиславскій.

Въ это же время я узналъ, что графъ Вратиславскій старается женить Царя и выдать за мужъ Великую Княжну. Императору и Герцогу Бланкенбургскому хотѣлось сдѣлать мѣну съ Россією, жена Царя на дочери Герцога Брауншвейгъ-Бeverнскаго, а старшаго сына сего Герцога на Великой Княжнѣ. Но едва только графъ заговорилъ о томъ, то получилъ отказъ, потому 1) что герцогиня Бевернская была сестрою матери Царской, и слѣдовательно дѣти ея были двоюродными Его Величеству, поэтому бракъ сей не могъ состояться какъ совершенно противный Русской церкви, запрещающей бракосочетаніе между близкими родственниками: 2) по тому что не хотѣли Русскую Великую Княжну выдать за Принца младшаго; 3) потому что Царь не имѣлъ еще ни малѣйшаго желанія вступать въ бракъ, а болѣзнь Великой Княжны не позволяла вступать въ переговоры о ея бракосочетаніи, до тѣхъ поръ, пока она не выздоровѣетъ отъ своей тяжкой болѣзни.

Вмѣстѣ съ симъ графъ Вратиславскій, въ слѣдствіе повелѣнія, полученнаго имъ отъ своего Двора, предлагалъ также о бракосочетаніи

Принцессы Елисаветы съ маркграфомъ Бранденбургъ-Барейтскимъ: онъ говорилъ о томъ съ Остерманомъ, который одобрилъ это и обѣщалъ узнать отъ фаворита, можно ли будетъ надѣяться успѣха.

Октября 23, день рожденія Государя, праздновали съ величайшею пышностію.

Октября 25 я представилъ Царю двѣ борзые собаки, кои нарочно выписалъ изъ Англіи, и Его Величество такъ былъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему цѣлую область. Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ опять за городъ, сказавъ, что воротится не прежде, какъ выпадетъ первый снѣгъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Москву Джемсъ Кейтъ, братъ наслѣдственнаго Шотландскаго графа. Онъ какъ сказано выше, по желанію Короля, моего Государя, былъ принятъ въ Русскую службу съ чиномъ генералъ-майора. Давно уже мы были искренними друзьями, и какъ онъ пріѣхалъ прямо изъ Мадрита, то рассказалъ мнѣ много такого, чего я не зналъ.

Въ Ноябрь болѣзнь Великой Княжны дошла до того, что и сами врачи признались въ невозможности ея изцѣленія. Въ слѣдствіе сего отправили къ Царю курьера, и онъ пріѣхалъ въ Москву 18 числа.

Ноября 19 врачи предписали Великой Княжнѣ пить женское молоко, какъ единственное средство, которое можетъ спасти ее и которое предлагалъ я слишкомъ за четыре мѣсяца до того.

Ноября 21 умеръ великій адмиралъ Апраксинъ, и чинъ этотъ былъ упраздненъ. Это былъ хорошій человекъ, совсѣмъ не врагъ иностранцамъ, чрезвычайно храбръ, съ большими познаніями; онъ оставилъ большое состояніе, изъ котораго небольшую только часть отказалъ своей роднѣ, а все остальное велѣлъ роздать своимъ друзьямъ и служителямъ, но большую часть завѣщалъ Царю *).

Новое лекарство, предписанное Великой Княжнѣ, подѣйствовало хорошо, и ей сдѣлалось, было, легче; но 28 числа она дошла до того, что впала въ безпамятство, и нѣкоторое время считали ее уже умершею, потому что она вся похолодѣла, и врачи отчаялись совсѣмъ въ ея жизни.

Ноября 30 долго бесѣдовалъ я съ фаворитомъ и сильно настаивалъ на возвращеніе наше въ Петербургъ, представляя ему, какъ это полезно не только для царской службы, но и для него собственно, потому что

*) Онъ завѣщалъ Петру Второму свой домъ на Невской набережной, и въ немъ поселилась императрица Анна Ивановна. Домъ этотъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца. П. Б.

удалить Его Величество отъ старыхъ Русскихъ, которые ежедневно старались отвратить отъ него Царя; а какъ скоро этихъ господъ при немъ не будетъ, онъ получитъ полную власть надъ Царемъ. Я прибавилъ къ этому, что кончина Великой Княжны, которая намъ угрожаетъ, была бы самымъ благовиднымъ предлогомъ уѣхать изъ Москвы, гдѣ Его Высочество лишился той, которую онъ любилъ такъ нѣжно. Мнѣ удалось убѣдить его, и онъ увѣрилъ меня, что употребить все возможное, чтобы склонить на то Царя; но какъ всѣ Русскіе противятся этому переезду, и того не желаетъ его отецъ, то онъ просилъ не говорить о томъ никому.

Декабря 1. былъ я у Остермана и нашелъ его въ слезахъ о состояніи здоровья Великой Княжны. Онъ сказалъ мнѣ, что трепещетъ за Царя и не ручается за его жизнь, если онъ не выѣдетъ изъ Москвы. климатъ которой, по его мнѣнію, нездоровъ для него, а особливо въ виду участи его сестры. Въ отвѣтъ на это я пересказалъ ему все то, что фаворитъ говорилъ мнѣ наканунѣ, и Остерманъ, поблагодаривъ меня за то, просилъ убѣдительно напомнить ему объ этомъ при первой встрѣчѣ.

Великая Княжна провела ночь съ 2 на 3 число довольно хорошо, ибо спала около 6 часовъ; но утромъ, 4, напала на нее жестокая лихорадка, которая ослабѣла къ вечеру, и въ 10 часу она, помолвившись, хотѣла лечь спать; но едва только легла въ постель, какъ на нее выпали такія жестокія судороги, что она скончалась не болѣе, какъ въ двѣ минуты.

Такъ кончила жизнь Великая Княжна Наталія Алексѣевна, сестра Петра II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Она украшалась всѣми возможными хорошими качествами; не была красавицею, но что значитъ красота, когда сердце совершенно? Она была покровительницею иностранцевъ и говорила очень хорошо на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; была кумиромъ всѣхъ честныхъ людей, перломъ Россіи; словомъ, слишкомъ совершенна, для того, чтобы Богъ оставилъ ее въ средѣ варваровъ, которымъ неизвѣстно что такое истинная и неизмѣнная добродѣтель, и Богъ не дозволилъ ей жить долго на семъ свѣтѣ.

Царь, узнавъ о кончинѣ своей сестры, впалъ въ величайшую печаль, не могъ заснуть во всю ночь, и утромъ, въ 4 часа, переѣхалъ изъ Слободскаго дворца, гдѣ умерла Великая Княжна, въ Кремлевскій.

Въ этотъ день я не могъ видѣться съ Остерманомъ, хотя заѣзжалъ къ нему два раза; но 5 числа засталъ его дома въ такомъ горестномъ состояніи, что онъ едва могъ говорить. Я утѣшалъ его, какъ могъ,

совѣтуя, чтобы онъ поберегъ себя для спасенія жизни Государя, заставивъ его бѣжать изъ Москвы. Онъ отвѣчалъ, что въ этомъ состоитъ все его желаніе, и что онъ будетъ неутѣшимъ, если Царь не согласится на то.

Я искалъ случая увидѣться съ фаворитомъ, но не могъ найти его до 8 числа.

Между тѣмъ Остерманъ запискою просилъ меня побывать у него, чтобы поговорить объ одномъ важномъ дѣлѣ. Я пріѣхалъ къ нему 6 числа по утру и нашелъ его въ отчаяніи отъ неосторожности и болтовни графа Вратиславскаго. Въ самый день кончины Великой Княжны, князь Сергій Долгоруковъ обѣдалъ у графа Вратиславскаго, который, напившись порядочно, сказалъ, что ему весьма хочется, чтобы Царь переѣхалъ въ Петербургъ, примолвивъ, что онъ считаетъ себя очень несчастнымъ, что не можетъ обратить на себя благоволенія не только Царя, ни даже его фаворита, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву; что другіе (а это были я), пріѣхавшіе прежде его, были счастливы, но что никто болѣе его не желаетъ Царю славы и счастья. Остерманъ сказалъ мнѣ, что фаворитъ зналъ уже это и говорилъ о томъ съ сердцемъ, потому что онъ ненавидитъ Вратиславскаго, и потому что хотя князь Сергій и дядя ему, но онъ былъ явнымъ ему врагомъ.

Декабря 8 я долго бесѣдовалъ съ фаворитомъ и, засвидѣтельствовавъ сожалѣніе о кончинѣ Великой Княжны, далъ ему почувствовать необходимость возвращенія въ Петербургъ, примолвивъ, что это весьма нужно: для Государя, по причинѣ его здоровья; для государства, чтобы у Его Величества подъ глазами были завоеванія, сдѣланныя его флотомъ, и флотъ, который истребится, если Дворъ еще долго останется въ Москвѣ, и наконецъ для самихъ Долгорукихъ, потому что, если съ Царемъ случится какое несчастіе, то они пропадутъ совѣмъ: ибо общая ненависть къ нимъ такъ велика, что народъ передумитъ ихъ, всѣхъ: но въ Петербургѣ, какое бы ни случилось несчастіе, онъ и весь его родъ не подвергнутся никакой опасности. Онъ былъ согласенъ со всѣмъ и обѣщалъ тоже самое, что и прежде, т. е. убѣждать Царя возвратиться въ Петербургъ.

Переговоривъ о семъ дѣлѣ, князь сталъ сильно жаловаться мнѣ на графа Вратиславскаго и пересказалъ то, что я слышалъ уже отъ Остермана; но къ этому прибавилъ, что графъ жаловался на него князьямъ Сергію и Василю Долгорукимъ, кои отъявленные ему враги.

Декабря 11, по старому стилю, день Св. Андрея, всѣ мы, камереры сего ордена, были во дворцѣ для поздравленія Царя; но, по случаю кончины Великой Княжны, праздника не было.

Декабръ 29 возвратился изъ Китайскаго посольства графъ Савва Рагузинскій и привезъ съ собою множество любопытныхъ вещей. Онъ былъ принятъ весьма милостиво за то, что искусно велъ свое дѣло, успѣвъ возстановить торговлю и доброе согласіе между Россією и Китаемъ, кои нѣсколько лѣтъ находились въ такомъ разстройствѣ, что не знали, какъ и пособить этому. Но графъ Савва, преодолевъ врожденную недовѣрчивость и хитрость Китайцевъ, успѣлъ заключить съ ними весьма выгодный для Россіи договоръ.

Продолжилъ свою реляцію въ видѣ журнала, скажу, что въ первый день Января 1729 я положительно узналъ, что никакими средствами не могли ни въ чемъ обвинить графа Александра Нарышкина, и что причиною его опалы была ненависть къ нему князя Алексѣя Долгорукаго, отца фаворита.

Января 7 я былъ у тѣла Великой Княжны, которое было выставлено во дворцѣ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Какъ въ Россіи ведется обыкновеніе цѣловать руку умершихъ Государей, какъ будто они еще живы, то я не хотѣлъ устранить себя отъ сего обычая и поцѣловалъ руку у покойницы съ величайшимъ умиленіемъ.

Января 12, день новаго года по старому стилю, былъ я съ поздравленіемъ у Царя, а потомъ обѣдалъ у фаворита и имѣлъ время порядочно поговорить съ нимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, считая меня своимъ другомъ, убѣдительно просить не дружитья съ Бутурлинымъ, камергеромъ принцессы Елисаветы, потому что онъ дрянъ и способенъ на дурныя дѣла, что прежде онъ былъ съ нимъ друженъ, но узнавъ, что это ему вредило, онъ оставилъ его; что оберъ-штабмейстеръ Ягужинскій живетъ дружно съ Бутурлинымъ, который водить его за носъ; но что онъ, фаворитъ, очень жалѣетъ о Ягужинскомъ, потому что его любить, и сдѣлать все, что только можетъ, чтобы прервать эту связь, а какъ я друженъ съ Ягужинскимъ, то онъ просить меня помогать ему въ этомъ. Я далъ ему слово и дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, говорилъ Ягужинскому такъ настоятельно, что тотъ обѣщалъ раздружитья съ Бутурлинымъ, что и сдѣлалъ. Фаворитъ былъ много мнѣ обязанъ за это доброе дѣло.

Января 13 Остерманъ сказалъ мнѣ, что фаворитъ увѣдомилъ его о всемъ томъ, что онъ говорилъ со мною съ глазу на глазъ, и что они условились погубить Бутурлина, потому что очень опасно было оставлять его на такомъ мѣстѣ, на которомъ онъ могъ давать дурныя совѣты Государю; но прежде исполненія сего, они хотѣли перервать дружбу между нимъ и Ягужинскимъ, чтобы не подвергнуть опалѣ и сего послѣдняго.

Я заѣзжалъ къ фавориту 17, 20 и 23 числа и пашелъ, что онъ очень охладѣлъ въ нашемъ дѣлѣ, какъ о томъ уже предувѣдомилъ меня Остерманъ. Мнѣ хотѣлось вселить въ него поболѣе жара, и потому я говорилъ ему сильно, доказывая необходимость возвращенія въ Петербургъ. Онъ обѣщалъ мнѣ тоже, что и прежде. Правда и то, что отецъ его, узнавъ кое-что изъ нашихъ совѣщаній, старается не отходить отъ Царя ни на минуту, и чтобы еще болѣе отвратить его отъ возвращенія въ Петербургъ, онъ уговорилъ его ѣхать на охоту на нѣсколько недѣль, за 50 верстъ отъ Москвы, въ той увѣренности, что по возвращеніи въ Москву начнется уже оттепель и дорога испортится такъ, что поѣздку должно будетъ отложить до будущей зимы: ибо онъ очень хорошо зналъ, что Царь не выѣдетъ изъ Москвы лѣтомъ по причинѣ множества дичи въ окрестностяхъ сего города. чего нѣтъ въ Петербургѣ.

Въ это время князь Алексѣй Долгорукій, отецъ фаворитовъ, приучилъ Царя ѣздить каждый день по утру, какъ скоро онъ одѣвается, въ одну подмосковную Его Величества, село Измайлово, въ одномъ лѣ отъ города, подъ предлогомъ совсѣмъ разлучить его съ принцессою Елисаветой, но въ сущности чтобы удалить его отъ всѣхъ тѣхъ, кои могли говорить ему о возвращеніи въ Петербургъ, а также, чтобы онъ не занимался государственными дѣлами, и чтобы поселить въ него, сколько возможно, мысль о введеніи старыхъ обычаевъ, и наконецъ для того, чтобы заставить его жениться на одной изъ своихъ дочерей. Съ своей стороны принцесса Елисавета, видя, что Царь ее покинулъ, начала, довольно беззащитчиво, вести жизнь, недостойную ея рожденія, и на людяхъ входить въ связь съ людьми низкаго происхожденія, какъ съ гвардейскими гренадерами и другими.

Января 28 узналъ я наконецъ отъ фаворита, что о возвращеніи въ Петербургъ и думать болѣе нельзя, потому, что этому сильно противятся и, болѣе нежели когда, стараются отвратить отъ сего Государя. Я воспламенялъ его всячески, но по напрасну; ибо увидѣлъ, что отецъ и родня такъ его застращали, что онъ не смѣлъ болѣе говорить о томъ.

Января 31 совершились похороны Великой Княжны съ величайшимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. Государь присутствовалъ во все время сего обряда. По окончаніи божественной службы открыли гробъ, и Его Величество далъ послѣднее цѣлованіе усопшей, съ величайшею нѣжностію *).

Эта правнучка царя Алексѣя Михайловича похоронена въ соборной церкви Вознесенскаго монастыря, у южныхъ дверей, въ головѣ царевны Татыны, Михайловны. П. Б.

Февраля 4 я долго пробылъ у Остермана и сильно говорилъ ему о возвращеніи въ Петербургъ, сказавъ, что я получилъ отъ Короля. моего Государя, повелѣніе слѣдовать всюду за Его Величествомъ, и что если мы проведемъ весь годъ не видѣвъ его и не имѣя никого, съ кѣмъ вести переговоры о дѣлахъ, то бесполезно будетъ для Короля держать меня въ Россіи, и это даже неприлично для королевскаго достоинства. Онъ соглашался со мною и просилъ меня поговорить о томъ съ фаворитомъ и сдѣлать послѣднее усиліе.

Февраля 5 я отправился къ графу Вратиславскому, говорилъ ему тоже, что Остерману и довелъ его до того, что онъ согласился ѣхать со мною къ государственному канцлеру и къ прочимъ министрамъ, чтобы настойчиво поговорить о поѣздкѣ Царя и что не совсѣмъ прилично для насъ оставаться здѣсь цѣлый годъ не видя Его Величества.

Февраля 7, графъ Вратиславскій и я были у государственнаго канцлера, у Остермана и у всѣхъ прочихъ чиновъ Верховнаго Совѣта. Мой товарищъ согласился, чтобы я говорилъ за насъ обоихъ и, въ слѣдствіе сего, я изобразилъ, сколько можно сильнѣе, неудобства, происходящія отъ отсутствія Царя на три и на четыре мѣсяца, за 40 или 50 лѣтъ отъ Москвы, въ такое время, когда мы не знаемъ, чѣмъ кончится конгрессъ, и что, въ случаѣ войны, присутствіе Его Величества въ Москвѣ необходимо для распоряженія относительно выполненія условій, заключенныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Послѣ сего изобразилъ я имъ, какъ противно достоинству нашихъ Государей, что мы такъ долго живемъ въ Москвѣ, не зная съ кѣмъ говорить о дѣлахъ, и что наконецъ мы принуждены будемъ донести нашимъ Государямъ о бесполезности нашего пребыванія здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ. Всѣ министры выслушали насъ внимательно и обѣщали стараться отнестись Государя отъ преднамѣреваемой (новой) поѣздки.

Февраля 8 отправился я одинъ къ фавориту и въ сильныхъ выраженіяхъ сказалъ ему то, что я говорилъ министрамъ Совѣта, примолвивъ, что всѣ жалуются на образъ жизни Царской и всю вину слагаютъ на отца его, князя Алексѣя: что вся ненависть къ отцу можетъ пасть и на него самого, и слѣдственно, для собственной его пользы, надобно сдѣлать такъ, чтобы Царь чаще показывался народу, не уѣзжая изъ Москвы на такое долгое время, и ознакомился поболѣе съ тѣми, кои привѣщаютъ ко Двору. Онъ съ благодарностію принялъ откровенность, съ которою я говорилъ ему, и обѣщавъ всячески стараться отнестись къ предположенную поѣздку.

Черезъ четыре дня послѣ сего, я опять былъ у него, 12 числа. Онъ сказалъ мнѣ, что все то, что я говорилъ ему въ послѣднее свиданіе, такъ на него подѣйствовало, что онъ много говорилъ Государю, и ему удалось сдѣлать то, что впередъ Его Величество будетъ ѣздить на охоту не болѣе какъ за 8 или 10 льѣ отъ Москвы. Это принесло мнѣ немало удовольствія, потому что сдѣлать это я одинъ, придумавъ ѣхать съ Вратиславскимъ ко всѣмъ министрамъ говорить о семъ дѣлѣ.

Послѣ сего я очень часто видѣлся съ министрами и съ фаворитомъ, но въ теченіе двухъ недѣль не случилось ничего замѣчательнаго. Въ это время нашель я нужнымъ донести Королю о настоящемъ положеніи Русскаго Двора и отправить къ нему очень подробную депешу, изъ которой представляю здѣсь выписку, чтобы знали, въ какомъ положеніи находились тогда дѣла.

„Всѣ были очень недовольны чрезмѣрною властію дома Долгорукихъ, кои управляли всѣмъ безъ исключенія. Фаворитъ, увѣренный въ Царской къ нему любви, не всегда бывалъ при Государѣ и большую часть времени проводилъ въ своихъ забавахъ. Я, любя его, часто говорилъ ему о томъ, но все по напрасну. Не было недостатка въ людяхъ, кои, желая погубить фаворита, говорили Царю о дурной его жизни; и даже самъ отецъ его, изъ зависти къ нему, искалъ случая ослабить вліяніе его. Это покажется очень страннымъ: но надо знать, что въ Россіи не цѣнятъ никого и не вѣрятъ никому, а каждый думаетъ о собственной выгодѣ, ради которой жертвуютъ отцомъ, матерью, сыновьями, родственниками и друзьями.

„Князь Голицынъ, бывшій посломъ въ Испаніи, а теперь камергеръ, сначала понравился, было, Его Величеству. Онъ происходилъ изъ такого дома, который всегда враждовалъ съ Долгорукими и былъ уменъ, а отецъ его былъ одаренъ отличными способностями и человѣкъ очень рѣшительный. Всѣ ожидали, удостоится ли князь Голицынъ благоволенія къ себѣ Государя; ибо въ этомъ случаѣ, домъ Долгорукихъ подвергнется опалѣ, слѣдствіемъ чего будетъ большая перемѣна въ правленіи, и всѣ иноземцы должны будутъ считать себя погибшими, потому что Голицыны, всѣ вообще, ненавидятъ ихъ. И съ другой стороны всѣ въ Москвѣ роптали на образъ жизни Царя, приписывая это тѣмъ, кои окружали Его Величество. Любившіе отечество приходили въ отчаяніе, видя, что Государь каждый день, по утру, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется къ подмосковную съ княземъ Алексѣемъ Долгорукимъ, отцомъ фаворита, и съ дежурнымъ камергеромъ, и остается тамъ цѣлый день, забавляясь, какъ ребенокъ, и не занимаясь

ничѣмъ, что нужно знать Великому Государю. Мнѣ очень хорошо было извѣстно, что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей князя Алексѣя состояла въ томъ, чтобы удалить Царя отъ Принцессы Елисаветы; но, какъ о томъ почти никто не зналъ, то всю вину слагали на него. У него была еще другая причина увозить Царя каждый день за городъ, и именно: любовь его ко второму сыну Николаю, котораго онъ хотѣлъ ввести въ милость и тѣмъ удалить старшаго. Фаворитъ зналъ все, что противъ него замышляютъ; но, не смотря на это, не было средства заставить его бывать чаще съ Царемъ. Весьма часто говорилъ я ему объ этомъ; но онъ всегда отвѣчалъ мнѣ, что не ѣздитъ съ Государемъ за городъ, потому что не хочетъ быть свидѣтелемъ глупостей, которыя заставляютъ его дѣлать и безстыдства сопровождающихъ его. Но образъ жизни его ясно показывалъ, что настоящимъ побужденіемъ къ тому было желаніе пользоваться отсутствіемъ Царя, дабы веселиться и исполнѣ предаваться разгульной жизни.

„Съ другой стороны, Верховный Совѣтъ не собирался. Государственный канцлеръ лежалъ въ подагрѣ; Остерманъ былъ въ отчаяніи и отъ того занемогъ; князь Голицынъ притворился больнымъ и не хотѣлъ слышать о дѣлахъ; князь Алексѣй Долгорукій былъ безпрестанно съ Царемъ, а князь Василій Долгорукій занимался только интригами, стараясь, чтобы Дворъ не возвращался въ Петербургъ. Онъ могъ бы пособить горю, еслибы захотѣлъ, потому что князь Алексѣй, который одинъ только могъ дѣйствовать на Государя, слѣдовалъ слѣпо его совѣтамъ; но онъ находилъ удовольствіе видѣть дѣла въ дурномъ положеніи, думая, посредствомъ сего, ввести старинные обычаи. При этомъ однакоже не было недостатка въ людяхъ, кои извѣщали Царя о ропотѣ народномъ и о дурномъ поведеніи Долгорукихъ и пр., и это заставляло надѣяться, что Его Величество, одаренный проницательнымъ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ, можетъ принять мѣры, кои произведутъ большую перемѣну въ дѣлахъ.

„Въ такомъ безпорядкѣ могло бы случиться что нибудь такое, что было бы противно достоинству Короля, моего Государя, и потому я счелъ обязанностію донести о томъ Его Величеству, присовокупивъ, что и дѣлаюсь совершенно непужнымъ въ Россіи, гдѣ достаточно будетъ одного резидента или секретаря, на котораго можно возложить небольшое число дѣлъ, оставшихся для переговоровъ“.

Въ исходѣ Февраля сослали графа *) Александра Нарышкина на житье въ его деревню, въ 50 сличкомъ лѣтъ отъ Москвы; но, какъ не могли уличить его ни въ чемъ противъ Государя или государства, то

*) Александръ Львовичъ Нарышкинъ не былъ графомъ. П. В.

очевиднымъ сдѣлалось, что причиною его опалы былъ страхъ, который онъ внушалъ и ненависть къ нему его соперниковъ и враговъ (8).

Марта 8. день восшествія на престолъ Царя*), былъ съѣздъ ко Двору для цѣлованія руки. При семъ случаѣ Его Величество пожаловалъ орденъ Св. Александра Невского графу Краму, посланнику Бланкенбургскому (за котораго я просилъ), барону Остерману, посланнику Мекленбургскому и брату вице-канцлера: генераль-лейтенанту Лефорту, камергеру Строгонову и генераламъ Измайлову и Леонтьеву. Вечеромъ, всѣ мы иностранные министры ужинали съ Государемъ и, послѣ прекраснаго фейерверка, начался балъ, который продолжался до 7 часовъ утра. Принцесса Елизавета не была на этомъ праздникѣ, сказавшись больною: но выздоровѣла на другой день, о чемъ много было толковъ.

Марта 12. Царь отправился на охоту за 12 льѣ отъ Москвы и пробылъ за городомъ до Святой недѣли. Хотя его отсутствіе не должно было продолжаться такъ долго, какъ было положено прежде: но, не смотря на то, ропотъ не прекращался. Всю вину возлагали на князя Алексѣя Долгорукаго: онъ, подъ предлогомъ Царской заботы и чтобы лишить его случая видаться съ Принцессою Елисаветою, каждый день выдумывалъ новыя, съ цѣлью удалять Его Величество отъ всѣхъ, и это по четыремъ побужденіямъ: 1) имѣть его совершенно въ своей власти: 2) вселить въ него старинныя Русскія правила и нѣкоторую ненависть къ законамъ и благимъ учрежденіямъ Петра I-го: 3) заставить его, мало по малу, жениться на одной изъ своихъ дочерей: и 4) сими поѣздками уменьшить довѣренность къ Остерману, потому что Долгорукій боялся, и не по напрасу, что сей благоразумный министръ, заботившійся только о томъ, чтобы воспитать своего Государя въ правилахъ его дѣда, заставить его, не токмо жить въ Петербургѣ, но и вступить въ бракъ съ какою нибудь иностранною принцессою. Фаворитъ былъ совершенно другаго мнѣнія съ отцемъ, но никакъ не смѣлъ идти противъ него и, сколько волею, столько же и неволею, рѣшился не совѣтовать Его Величеству ни въ пользу, ни противъ видовъ своего отца.

Въ самый день Царскаго отъѣзда, я поѣхалъ къ фавориту и долго просидѣлъ у него. Онъ, любя меня, говорилъ со мною откровенно, и я воспользовался симъ случаемъ говорить ему такъ, какъ будто бы я самъ былъ Русскій. Я изъяснилъ ему ропотъ народный на отца и всѣхъ Долгорукихъ, слѣдствія, кои могутъ произойти отъ дурнаго воспитанія Государя, къ погибели ихъ всѣхъ: наметнулъ ему про обязан-

*) Докъ хотѣлъ сказать: день коронованія. П. Б.

ности его самаго и отца его совѣтовать Царю заняться дѣлами государственными и держать Россію въ томъ цвѣтущемъ и грозномъ положеніи. въ которое поставилъ ее великій дѣдъ его, чтобы онъ, хотя нѣсколько разъ. присутствовалъ въ Совѣтѣ и заставлялъ докладывать себя о государственныхъ дѣлахъ. Я привелъ ему въ примѣръ Короля Французскаго Людовика XV, который, бывъ еще ребенкомъ, присутствовалъ въ своемъ Совѣтѣ, дабы научиться искусству царствовать, также примѣръ нашей покойной Королевы Савойской, которая, сдѣлавшись правительницею Испаніи въ 14 лѣтъ, имѣла терпѣніе присутствовать въ каждомъ собраніи Совѣта. Словомъ, я высказалъ ему все то, что внушали мнѣ дружба къ нему, почтеніе къ Государю его и небольшая моя опытность. Но хотя онъ и соглашался со мною во всемъ и благодарилъ меня, однакоже мнѣ показалось, что не слишкомъ много хотѣлъ послѣдовать моимъ совѣтамъ, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера, о которомъ я уже говорилъ.

Въ слѣдствіе сего я отправилъ къ Королю, съ первымъ курьеромъ, донесеніе. въ которомъ повторилъ все то, о чемъ писалъ уже нѣсколько разъ. т. е.. что Русское государство скоро придетъ опять въ прежнее свое состояніе. чему пособить никто не хочетъ, и что Царя не только не будутъ уважать его сосѣди, но и что онъ сдѣлается совѣмъ безполезнымъ для своихъ друзей и союзниковъ; что иностранные министры играютъ очень жалкую роль при Дворѣ, потому что видятъ Государя только въ праздничные дни, и то мимоходомъ, не обращая на себя никакого вниманія; что Остерманъ страдаетъ, и страданія его умножаются еще болѣе отъ того, что каждый день отнимаютъ у него способы помочь злу; словомъ. что одинъ только Богъ можетъ устранить сей безпорядокъ, внушивъ Царю, когда онъ возмужаетъ, желаніе послѣдовать славному примѣру его дѣда. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего. пріѣхалъ изъ Сибири курьеръ съ извѣстіемъ, что караванъ, отправленный въ Китай, въ 1726 году, возвратился на границы. Это извѣстіе принесло величайшее удовольствіе министерству, которое увидѣло слѣдствія негодіацій графа Саввы Рагузинскаго.

Марта 17, жена и обѣ дочери князя Долгорукаго, отца фаворита, пріѣзжали къ Царю во время его охоты, что заставило многихъ призадуматься. потому что всѣ знали, что Долгорукому хотѣлось женить Царя на одной изъ своихъ дочерей. Думали, что въ это же самое время будетъ и сговоръ, однакоже ошиблись. Я много говорилъ о семъ дѣлѣ съ Остерманомъ, который признался, что также боится этой свадьбы. но никакъ не думаетъ, чтобы дѣло это уже такъ подвижилось.

Апрѣля 4 Государь возвратился въ Москву, и мы узнали, что вмѣсто сговора его на дочери Долгорукаго, Его Величество имѣлъ нѣкоторое неудовольствіе на сего министра, которое однакоже осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Въ это время было въ Москвѣ чрезвычайное множество больныхъ, такъ что въ каждомъ домѣ лежало въ постелѣ слишкомъ три четверти слугъ, и многіе стали бояться какой-то заразы. Но когда, по повелѣнію Царя, были вскрыты тѣла умершихъ скоропостижно и другихъ, то нашли, что эта болѣзнь не была нимало заразительною.

Апрѣля 18 Царь занемогъ простудною лихорадкою съ кашлемъ; но, пролежавъ въ постелѣ въ испаринѣ, онъ выздоровѣлъ черезъ три дня.

Въ пеходѣ Апрѣля, князь Голицынъ, начальствовавшій въ Украинѣ, донесъ, что Татары дѣлають нѣкоторое движеніе и просятъ о присылкѣ нѣкотораго числа пѣхотныхъ войскъ, потому что въ мирное время никогда ихъ не бываетъ въ тамошнихъ мѣстахъ. По сему отправили къ нему три полка подъ начальствомъ генераль-майора Бутурлина, котораго выбрали не по тому, чтобъ его считали способнымъ, а для того, чтобы отдалить его отъ Принцессы Елисаветы, у которой онъ былъ фаворитомъ и камергеромъ.

Мая 6 Царь оправился на охоту въ подмосковную на двѣ недѣли и возвратился.

Мая 24 поѣхалъ опять, вереть за 50 отъ Москвы.

Іюля 10, день Св. Петра, именины Царскіе, былъ во дворцѣ праздникъ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и продолжался три дня съ иллюминаціею.

Іюля 16 Царь поѣхалъ на охоту.

Августа 4. Г. Дитмаръ, агентъ Шведскій, получилъ отъ Двора своего повелѣніе объявить Русскому министерству, что Его Шведское Величество соглашается дать Царю титулъ Императора и чрезъ нѣсколько дней пришлетъ о томъ свою грамоту. И дѣйствительно, черезъ восемь дней, Дитмаръ получилъ эту грамоту и поднесъ ее.

Симъ средствомъ несогласіе между обоими Дворами кончилось. Въ то же самое время Дитмаръ получилъ кредитивъ на званіе чрезвычайнаго посланника и представилъ его. Русскій Дворъ былъ очень доволенъ.

Сентября 10, день Св. Александра Невскаго и кавалерскій праздникъ. Царь рано возвратился въ Москву и, по окончаніи обѣдин, всѣ

кавалеры имѣли честь обѣдать съ Его Величествомъ, который вечеромъ опять отправился на охоту.

Сентября 12, намѣреніе отправить князя Куракина въ Берлинъ вдругъ перемѣнили и на его мѣсто назначили князя Голицына, который былъ въ Испаніи. Причина этому была та, что Царь не скрывалъ благорасположенія своего къ сему послѣднему, и это встревожило Долгорукихъ; вой, боясь, чтобы онъ не сдѣлался наконецъ фаворитомъ, удалили его отъ Двора и, съ посылкою его въ Берлинъ, дали ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, дабы, возвратясь, онъ не могъ уже такъ часто бывать при Государѣ, по званію камергера; ибо въ Россіи такой обычай, что кто имѣетъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, тотъ уже не можетъ занимать мѣста камергера.

Сентября 19 Царь отправился на охоту, и съ нимъ поѣхали: фаворитъ, отецъ его, мать и сестры. А какъ эту поѣздку устроилъ также князь Алексѣй Долгорукій, то всѣ думали, что теперь-то онъ достигнетъ своего желанія, которымъ уже давно занятъ: женить Царя на одной изъ своихъ дочерей.

Сентября 20 Прусскій министръ возобновилъ трактатъ, заключенный его Дворомъ въ 1725 году съ Императрицею Екатериною, и хотя это очень скрывали, но я узналъ, что трактатъ главнѣйше состоялъ въ гарантіи съ обѣихъ сторонъ о сохраненіи завоеваній, сдѣланныхъ у Шведовъ въ послѣднюю войну, и въ оборонительномъ союзѣ, въ случаѣ нападенія.

Важнаго ничего не случилось до 23 Октября, дня рожденія Царскаго. Думали, что Его Величество пріѣдетъ въ Москву, и потому все было приготовлено для торжественія сего дня; но онъ не пріѣхалъ, и весь праздникъ состоялъ только въ большомъ обѣдѣ во дворцѣ, къ которому были приглашены всѣ чужестранные министры и первѣйшіе придворные чины; а угощалъ баронъ Остерманъ, по званію своему оберъ-гофмейстера.

Причина, по которой Царь не возвратился въ Москву, состояла въ томъ, что князь Алексѣй Долгорукій такъ ревновалъ ко всѣмъ, что ему пришло въ голову, что ежели Его Величество проговоритъ хоть полчаса съ другимъ, то онъ лишится его милости; да сверхъ того, онъ занимается только мыслию выдать одну изъ дочерей своихъ за Царя, то и боится, чтобы въ Москвѣ кто либо изъ его враговъ не помѣшалъ ему въ этомъ. Я былъ увѣренъ, что бракосочетаніе будетъ объявлено по возвращеніи Царя въ Москву; но въ этой увѣренности былъ только я одинъ изъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ. Графъ Вратиславскій и другіе не хотѣли вѣрить этому. потому что

Остерманъ сказалъ имъ, что этому быть нельзя и, полагаясь на это, они увѣдомили свои Дворы, что хотя и говорятъ о бракосочетаніи Царя съ одною изъ княженъ Долгорукихъ, но до этого еще далеко. Остерманъ и мнѣ говорилъ тоже: но я, бывъ твердо увѣренъ, что Долгорукіе скоро успѣють въ своемъ намѣреніи, положительно донесъ Королю, что Царь женится тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву.

Ноября 20 Царь возвратился въ Москву, и тутъ уже стали громче говорить о свадьбѣ.

Наконецъ 30 числа Царь призвалъ къ себѣ министровъ Верховнаго Совѣта, фельдмаршаловъ и другихъ первѣйшихъ особъ и объявилъ имъ, что вступать въ бракъ съ княжною Екатериною, старшею дочерью князя Долгорукаго и сестрою фаворита. Послѣ сего все подошли къ рукъ, а потомъ отправились въ апартаменты Княжны для того же. Черезъ два дня, главный церемонійместерь, по приказанію Царя, повѣстилъ объ этомъ всемъ иностраннымъ министрамъ, и мы за тѣмъ освѣдомились о днѣ, когда можемъ поздравить Царя и будущую Царицу. Намъ назначили быть во дворцѣ 5 Декабря, т. е. въ день Св. Екатерины и именинъ Княжны. Мы собрались во дворцѣ и представились Царю: представились и Княжѣ.

Декабря 11, день Св. Андрея, все кавалеры сего ордена съѣхались во дворецъ, а вечеромъ совершилось обрученіе съ величайшею пышностію. Какъ скоро все было готово для сего обряда, фаворитъ отправился изъ дворца за Княжною, которая пріѣхала съ большою свитою. Весь дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ во дворецъ, а генераламъ и вельможамъ Русскимъ было приказано собираться тамъ же въ 3 часа по полудни.

Какъ скоро Княжна пріѣхала во дворецъ, то ее встрѣтили у крыльца оберъ-церемоніймейстеръ и оберъ-гофмаршалъ, кои проводили ее въ залу, гдѣ все уже было готово для совершенія обрученія. Она сѣла у наоя въ кресла, а по лѣвую у нея сторону сѣли принцессы крови на табуретахъ, по правую же вдовствующая Царица въ креслахъ, а позади мать, сестра и родня Княжны. Кресла Царскія были поставлены противъ кресель Княжны, подлѣ стола, на которомъ лежало Евангеліе; по правую сторону было мѣсто для чужестранныхъ министровъ, а по лѣвую для Русскихъ вельможъ.

По срединѣ залы стоялъ нагой, а подлѣ него архіепископъ Новгородскій, первенствующій въ Россіи, со всемъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи. Противъ наоя былъ устроенъ великолѣпный baldachinъ, поддерживаемый шестью генераль-майорами.

Царь, получивъ донесеніе отъ оберъ-камергера о пріѣздѣ Княжны, вышелъ въ залу и, посидѣвъ нѣсколько минутъ, сталъ съ нею подъ балдахинъ, гдѣ архіепископъ обмѣнялъ ихъ перстнями, по уставу Греческой Церкви. По окончаніи сего Царь и Княжна сѣли опять на свои мѣста, и тутъ всѣ присутствовавшіе подходили къ цѣлованію ихъ рукъ, и была пушечная пальба. За тѣмъ сожженъ былъ прекрасный фейерверкъ, и начался балъ, который продолжался очень недолго, потому что Княжна очень устала. Ужина не было, но для желавшихъ поставлены были столы.

Надобно замѣтить, что хотя домъ Долгорукихъ былъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и въ это время сильнѣйшимъ по любви къ нему Государя; но всѣ они такъ боялись другихъ, что въ день обрученія, караулъ во дворцѣ состоялъ изъ цѣлаго батальона гвардіи 1200 человекъ, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время занимаютъ его только 150: даже приказано было гренадерской ротѣ, которой капитаномъ былъ фаворитъ, войти въ залу тотчасъ за Царемъ и поставить часовыхъ ко всѣмъ дверямъ; даже велѣли зарядить ружья боевыми патронами и если бы произошло какое смятеніе, то стрѣлять на недовольныхъ. Это распоряженіе сдѣлалъ фаворитъ, не предувѣдомя о томъ фельдмаршала Долгорукаго, своего дядю, который очень удивился, увидя эту роту въ залѣ, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ послѣ.

Въ 7 часовъ Княжна возвратилась къ себѣ съ тою же свитою.

Декабря 17 графъ Вратиславскій отправилъ курьера въ Вѣну съ двумя дворянами своего посольства, съ графомъ Мелезимо и барономъ Бильденбергомъ. Онъ не открылъ мнѣ настоящей причины отправленія курьера; но я очень зналъ, что онъ долженъ былъ выслать Мелезима, а что касается до Бильденберга, то, по его словамъ, онъ послалъ его съ просьбою о выдачѣ ему неполученнаго жалованія: но это была неправда, а вотъ настоящее дѣло. Графъ, желая подслужиться къ Долгорукимъ, чтобы чрезъ нихъ получить орденъ Св. Андрея, котораго онъ не могъ добиться, какъ ни хлопоталъ о томъ, отправилъ Бильденберга въ Вѣну для того только, чтобы исхочатайствовать у Императора фавориту и отцу его титулъ князя Имперіи и герцогство Козельское въ Силезіи, которое было нѣкогда пожаловано князю Меншикову. Вратиславскій вздумалъ, что никто не отгадаетъ его; но я тотъ же часъ догадался, сказалъ ему откровенно, и онъ мнѣ признался.

Но причина отправленія Мелезима была совсѣмъ другая: съ годъ уже, какъ онъ влюбился въ княжну Долгорукую, обрученную нынѣ съ Государемъ: всѣ это знали, также какъ и то, что онъ не нравился Княжнѣ, и по этому графъ Вратиславскій рѣшился выслать его, чтобы

онъ не сдѣлалъ какого дурачества, что причинило бы много хлопотъ его сіятельству, изъ которыхъ онъ не вышелъ бы сухъ.

Декабря 21 получилъ я извѣстіе о заключеніи мира въ Севильѣ между Королемъ. моимъ Государемъ, и министрами Ганноверскаго союза. Тотчасъ отправился я съ сею новостію къ барону Остерману, который, бывъ очень преданъ Австріи, сталъ обращаться со мною не съ такою уже, какъ прежде, довѣренностію, а существовавшая до сего между мною и Вратиславскимъ прекратилась совершенно: онъ даже старался всѣми силами разстроить меня съ Дворомъ и фаворитомъ. въ чемъ и успѣлъ было на нѣсколько дней. Надобно сказать, что въ бесѣдахъ моихъ съ графомъ Вратиславскимъ, до обрученія Царскаго, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Государь вступилъ въ бракъ съ княжною Долгорукою, а я, напротивъ того, всегда утверждалъ, что это сбудется. По обрученіи, Вратиславскому было досадно, что онъ ошибся, и онъ воспользовался случаемъ поссорить меня съ фаворитомъ, давъ ему подъ рукою знать, что уже полгода я распускаю по всей Москвѣ слухъ, будто князь Алексѣй Долгорукій хочетъ насильно заставить Царя жениться на его дочери. Фаворитъ сначала повѣрилъ этому; но я, узнавъ о томъ, разувѣрилъ его такъ, что онъ привязался ко мнѣ еще болѣе прежняго и сталъ относиться съ большимъ презрѣніемъ ко Вратиславскому.

До новаго года не произошло ничего любопытнаго; но въ началѣ 1730 объявлено о бракосочетаніи фаворита съ дочерью покойнаго фельдмаршала Шереметева, которая была очень богата и очень хороша собою.

Также въ началѣ сего года пришло извѣстіе о смерти славнаго князя Меншикова въ ссылкѣ. Страшный урокъ для фаворитовъ: ибо Меншиковъ бывъ таковымъ и, управляя Россіею деспотически, вдругъ лишился и чести и имѣнія, и былъ принужденъ кончить дни свои въ монастырѣ на берегахъ Бѣлаго моря, гдѣ трудами рукъ своихъ снискивалъ себѣ пропитаніе.

Января 17, по старому стилю, день Крещенія, было водосвященіе по обыкновенію, на которомъ Царь присутствовалъ лично.

Въ сей день Его Величество пожаловалъ своего фаворита въ майоры гвардіи: это была послѣдняя милость, оказанная ему добрымъ Государемъ.

Января 18, поутру, Его Величество почувствовалъ въ себѣ лихорадку и не выходилъ изъ комнаты, а какъ болѣзнь не уменьшилась и въ слѣдующіе два дня, то стали догадываться, что она должна быть очень сильна.

Января 21 узнали, что Царь занемогъ оспою, которая высыпалась сильно, но тутъ же увидѣли, что она была злокачественна; однакоже на третій день, когда Его Величество пролежалъ въ сильной испаринѣ, лихорадка прошла, и потому стали надѣяться, что онъ освободится отъ сей опасной болѣзни.

Съ 23 по 28 число оспа выступала сильно, такъ что всѣ считали, что Его Величество вышелъ изъ опасности; но вечеромъ 28 напала на него такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь, а какъ она не уменьшалась, то 29 числа его причастили Св. Тайнъ.

Между тѣмъ Долгорукіе уже составили духовное завѣщаніе, по которому Царь долженъ былъ назначить своимъ преемникомъ на престолѣ Княжну, его обрученную невѣсту; но когда бумагу эту поднесли Царю для подписанія, то у него не было уже ни языка, ни силъ: и наконецъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе, послѣ долгой агоніи, 30 числа, въ 1 часъ и 25 минутъ по полуночи *).

Такъ кончилъ жизнь свою Петръ II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ, 3 мѣсяца и 7 дней, владѣвъ Россією 2 года, 8 мѣсяцевъ и 13 дней. Потеря его была вознаграждаема для Россіи, потому что добрые качества сего Государя давали надежду на счастливое и славное царствованіе. Въ немъ было много ума, сметливости и скромности. Въ немъ не было замѣтно никакой склонности къ какимъ либо порокамъ, а пьянство, въ то время общее, совсѣмъ не было по его вкусу. Собою онъ былъ очень красивъ и росту чрезвычайнаго по своимъ лѣтамъ. Онъ хорошо говорилъ по нѣмецки, по латыни и по французски. и имѣлъ хорошія понятія въ наукахъ; но, сдѣлавшись Государемъ въ 11 лѣтъ, оставилъ совсѣмъ науки, а окружавшіе его Русскіе старались отводить его отъ чтенія, чтобы онъ не научился. Онъ не имѣлъ еще столько твердости духа, чтобы дѣйствовать по собственному побужденію, чѣмъ воспользовавшись князь Алексѣй Долгорукій, его гофмейстеръ, и сынъ его фаворитъ, дѣлали все по своей волѣ, и съ такимъ деспотизмомъ, что прочіе не слишкомъ много сокрушались о кончинѣ сего юнаго Государя. Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, его заставляли безпрестанно ѣздить на охоту **), чтобы удалить его отъ всѣхъ, и держали всегда въ своихъ

*) Въ бреду онъ звалъ къ себѣ Остермана и передъ кончиной произнесъ: „Запрягите сани, хочу ѣхать къ сестрѣ“. П. Б.

**) Сентябрь и Октябрь мѣсяцы 1729 года продолжалось царское полеваніе съ 620 собаками. Вѣроятно тогда Петръ II и пожаловалъ городу Черни похвальную грамоту за то, что въ уѣздѣ его водились отличные зайцы (слышано отъ А. С. Хомякова). Куда именно князья Долгорукіе увозили изъ Москвы мальчика-царя, не знаемъ. Не принадлежала ли имъ нынѣшняя Отрада Серпуховскаго уѣзда? П. Б.

рукахъ. Наконецъ заставили его согласиться на бракъ съ княжною Екатериною Долгорукою: но это согласіе было принужденное, и многіе были такого мнѣнія, что свадьбѣ никогда не бывать. Правду сказать и то, что онъ нисколько не уважалъ ее, и я самъ былъ свидѣтелемъ, что онъ едва на нее взглядывалъ. Замѣчательно было, что съ самаго того дня, какъ онъ объявилъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ, онъ впалъ въ такую задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало, и онъ даже говорилъ своимъ приближеннымъ, что умереть скоро и что жизнь ему уже наскучила.

Наконецъ. Россія лишилась Петра II, который, по видимому, могъ быть великимъ Государемъ, если бы когда либо избавился отъ ига Долгорукихъ. Съ нимъ кончилось мужское поколѣніе дома Романовыхъ, царствовавшего 118 лѣтъ, ибо Царь Михаилъ Федоровичъ, дѣдъ Петра I, былъ избранъ на престолъ въ 1612 году.

Лишь только министры Верховнаго Совѣта увидѣли, что Государь скончается неспремѣнно, то собрались во дворецъ съ знатѣйшими вельможами и стали разсуждать о наслѣдованіи престола. Мнѣнія раздѣлились на четыре стороны.

Первая сторона была Долгорукихъ, которымъ хотѣлось возвести на престолъ обрученную невѣсту Царскую, для чего они и составили было духовную, что однакоже имъ не удалось, какъ сказано выше, и потому, увидѣвъ, что противники сильнѣе ихъ, они отказались отъ своего намѣренія.

Вторая сторона была Царицы, бабки покойнаго Царя, которой дѣйствительно предлагали корону; но она отказалась подъ предлогомъ глубокой своей старости и болѣзней.

Третья сторона желала видѣть на престолѣ Принцессу Елисавету, дочь Петра I.

Наконецъ четвертая старалась о Герцогѣ Голштинскомъ, мать котораго была старшею сестрою Принцессы Елисаветы.

Но обѣ послѣднія стороны были такъ слабы, что о предложеніи ихъ даже и не разсуждали.

Тутъ домъ Голицыныхъ, упавшій было во время владычества Долгорукихъ, поднялъ голову и захотѣлъ осуществить мысль, всегда имъ лелѣянную, связать руки своимъ Государямъ, до того времени очень деспотичнымъ, введя образъ правленія, подобный Англическому. Князь Дмитрій Голицынъ, членъ Верховнаго Совѣта, заговорилъ первый, и къ нему пристали: братъ его фельдмаршалъ, Долгорукіе и большая часть бывшихъ въ собраніи, и такимъ образомъ положили избрать

на престолъ Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, дочь Царя Іоанна, старшаго брата Петра I; но съ тѣмъ, чтобы она подписала условія, на которыхъ ее избрали.

Уговорившись въ этомъ, они ожидали кончины Государя, которая и послѣдовала 30 Января, какъ я уже сказалъ, въ 1 часть по утру, а въ 5 часовъ, Верховный Совѣтъ, Сенатъ, коллегіи, весь генералитетъ и полковники, бывшіе тогда въ Москвѣ, собрались во дворецъ.

Собраніе открылъ. за отсутствіемъ государственнаго канцлера, страдавшаго простудою, князь Дмитрій Голицынъ, рѣчью, въ которой сказалъ, что поелику Богу угодно было отозвать къ себѣ Государя Петра II-го, надлежитъ подумать о избраніи верховнаго главы для всей Россійской Имперіи, а какъ вдовствующая Герцогиня Курляндская одарена всѣми добрыми качествами, то, кажется, нельзя сдѣлать лучшаго выбора.

Это предложеніе принято было всѣми съ громкимъ одобреніемъ, и тутъ же было приказано генераламъ объявить о семъ войску.

Вмѣстѣ съ сямъ были назначены три депутата для поѣздки въ Митаву, гдѣ они объявятъ Герцогинѣ о избраніи ея на царство и проводить ее до Москвы. Депутатами были назначены: отъ Верховнаго Совѣта князь Василій Лукичъ Долгорукій; отъ Сената князь Михаилъ Голицынъ, сенаторъ и братъ князя Дмитрія Голицына, а отъ войска генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ 12).

Послѣ сего общаго собранія, Верховный Совѣтъ собрался одинъ и составилъ статьи, кои Царица должна была подписать прежде, нежели приметъ престолъ. Сии статьи были вручены депутатамъ съ приказаніемъ объявить ей, что ежели она не приметъ ихъ и не подпишетъ, то избраніе уничтожается 13).

Условія были таковы:

- 1) Верховный Совѣтъ будетъ состоять изъ восьми членовъ, которые будутъ управлять монархіею.
- 2) Царица не можетъ выйти замужъ и назначить себѣ наследника.
- 3) Она не можетъ объявить войну или заключить миръ по своему усмотрѣнію.
- 4) Она не можетъ раздавать чиновъ выше чина полковника.
- 5) Гвардія и вся армія всецѣло зависятъ отъ Верховнаго Совѣта.
- 6) Царица не можетъ раздавать имѣнія, принадлежащія государству и не можетъ тратить деньги изъ царской казны.
- 7) Царица не можетъ давать никакой должности ни Дворѣ, ни Русскому, ни иностранцу, не посоветовавшись предварительно съ Верховнымъ Совѣтомъ.
- 8) Она не можетъ лишать дворянство преимуществъ и владѣній безъ законной причины.

- 9) Она не может учреждать новые налоги.
10) Она должна соглашаться на все, что будет служить къ полному благу народа.

Вотъ условія, которыя послали къ царицѣ, къ которымъ она должна была (что и сдѣлала) приписать собственноручно: „если я не буду поступать согласно этимъ условіямъ, я объявляю себя лишенной царской короны“.

Депутаты отправились того же вечера, а Верховный Совѣтъ принялъ въ свои руки правленіе государствомъ и, собственною властью, назначилъ въ свои члены фельдмаршаловъ, князей Голицына и Долгорукаго.

Объявленіе во всенародное извѣстіе о избраніи Курляндской Герцогини на престолъ и моленіе о ней въ церквахъ были отложены до тѣхъ поръ, пока получится извѣстіе, что она подписала статьи.

Въ самый день кончины Царя, я потребовалъ почтовыхъ лошадей для курьера, котораго хотѣлъ отправить въ Испанію; но правительство не только отказало мнѣ въ выдачѣ подорожной, но не велѣло никого пропускать за границу до 3 Февраля.

Я забылъ сказать, что, по избраніи новой Государыни, оберъ-церемоніймейстеръ ѣздилъ, отъ имени Верховнаго Совѣта, ко всѣмъ чужестраннымъ министрамъ съ извѣстіемъ о семъ и съ увѣреніемъ, что Ея Величество сохранить всѣ договоры, заключенные съ предмѣстниками, и тѣже дружественныя сношенія съ нашими Государями.

Февраля 6 я видѣлся съ фаворитомъ Долгорукимъ, который сказалъ мнѣ, что, по кончинѣ Царя, онъ ни во что болѣе не вступается.

Февраля 10 прискакалъ изъ Митавы курьеръ съ извѣстіемъ, что депутаты пріѣхали туда 5 числа и что Царица не только приняла престолъ, но и подписала статьи, ей предложенныя и своеручно прибавила послѣднее обязательство, которое ей было предписано. Эта вѣсть наполнила радостію всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли управлять государствомъ, какъ республикою, и на другой день манифестъ о ея восшествіи на престолъ съ повелѣніемъ молиться въ церквахъ о ея здравіи и всѣ указы писать отъ ея имени 14).

Февраля 12 пріѣхалъ также изъ Митавы генералъ Леонтьевъ и былъ у всѣхъ первыхъ министровъ, послѣ чего было назначено собраніе Верховнаго Совѣта на слѣдующее утро. Въ это собраніе были приглашены первѣйшіе чиновники военные и гражданскіе, такъ что въ немъ находилось человѣкъ до 80.

Собраніе открылось чтеніемъ подписанныхъ Царицею статей, коихъ до того не сообщали никому 15). Послѣ сего князь Дмитрій Голицынъ сказалъ, что каждый изъ присутствующихъ можетъ свободно объявить свое мнѣніе, и тутъ же, обратясь къ генералу Ягужинскому, (который въ ту пору стоялъ подлѣ самаго стола), сказалъ ему, чтобы онъ взялъ статьи, прочелъ ихъ и, подумавъ, сказавъ то, что онъ думаетъ о нихъ. Ягужинскій смутился отъ сего предложенія и не зналъ, что дѣлать, а Голицынъ, замѣтивъ это, велѣлъ ему не выходить изъ комнаты. Отъ сего Ягужинскій поблѣднѣлъ, и тутъ Голицынъ, подозвавъ къ себѣ статсъ-секретаря Степанова, велѣлъ ему поговорить яснѣе съ генераломъ. Степановъ вывелъ Ягужинскаго въ ближнюю комнату, куда, черезъ нѣсколько минутъ, пришелъ фельдмаршалъ князь Долгорукій съ однимъ майоромъ гвардіи, которому велѣлъ взять у генерала шпагу и отвести его въ дворцовую караульную, гдѣ не выпускать изъ глазъ. Послѣ сего министры Верховнаго Совѣта объявили дворянству, что ежели кто изъ присутствующихъ желаетъ предложить что либо для лучшаго образа правленія, то можетъ изложить его письменно и мнѣніе его будетъ разсмотрѣно послѣ.

Причиною ареста Ягужинскаго былъ генераль Леонтьевъ. Сначала назначили перваго для поѣздки въ Митаву; но, не знаю почему, это перемѣнили. Ягужинскій былъ всегда приверженъ къ Царицѣ и, узнавъ отъ государственнаго канцлера, своего тестя, о статьяхъ, онъ отправилъ въ Митаву одного преданнаго себѣ челоуѣка, именемъ Сумарокова, съ письмомъ къ Ея Величеству, которымъ умолялъ ее не налагать на себя ига, а быть твердою, и что онъ, съ своими друзьями, пожертвуетъ жизнію для возведенія ея на престолъ съ тѣмъ же самодержавіемъ, съ которымъ царствовали ея предшественники. Сумароковъ пріѣхалъ въ Митаву спустя пять часовъ послѣ депутатовъ. и князь Василій Долгорукій узнавъ о его пріѣздѣ, самъ отправился къ нему, арестовалъ его и, отобравъ отъ него письмо Ягужинскаго, послалъ въ Москву въ подлинникъ съ генераломъ Леонтьевымъ 16).

Объ арестѣ Ягужинскаго велѣно было объявить по всей арміи, что сей генераль арестованъ за то, что написалъ къ Царицѣ письмо противное пользѣ отечества и службѣ Ея Величества.

Вечеромъ того же дня было взято подъ арестъ слишкомъ 30 челоуѣкъ, но людей незначительныхъ.

Февраля 14 Ягужинскаго разжаловали и сняли съ него орденъ Андрея.

Февраля 15, князь Черкасскій, въ слѣдствіе дозволенія, даннаго въ собраніи 13 числа, подалъ Верховному Совѣту мнѣніе, подписанное

слишкомъ 30 человекъ. Генераль Матюшкинъ подалъ также свое. подписанное не болѣе, какъ 25 человекъ. Князь Черкасскій подалъ свое мнѣніе для того только, чтобы, пока оно будетъ разсматриваться, выиграть время и приготовить все то, что онъ замыслилъ въ пользу Царицы. Мнѣніе Матюшкина состояло въ томъ, чтобы всю власть вручить Верховному Совѣту; оно было составлено тѣми, кои держали сторону Долгорукихъ.

Февраля 20 явилось третіе мнѣніе, подписанное 15 человекъ: говорили, что оно было написано княземъ Куракинымъ. Но всѣ сѣмъ три мнѣнія остались безъ разрѣшенія отъ Верховнаго Совѣта, который заботился только о томъ, чтобы въ немъ было не болѣе осѣми человекъ, кои распоряжались бы всѣмъ, т. е., Долгорукіе и Голицыны. Въ ожиданіи пріѣзда Царицы, Верховный Совѣтъ и дворянство собиравались каждый день, но никакъ не могли согласиться на новую систему правленія.

Наконецъ 21 Февраля Царица пріѣхала и остановилась въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, гдѣ вознамѣрилась остаться до торжественнаго своего вѣзда въ Москву 17).

Февраля 22 тѣло покойнаго Царя*) предали землѣ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Какъ скоро принесли его въ церковь, то архіеп. Новгородскій отслужилъ обѣдню, послѣ чего Царица-бабка. Принцесса Елисавета и Герцогиня Мекленбургская дали ему послѣднее цѣлованіе. а потомъ погребли его съ обыкновенными обрядами 18). Между тѣмъ новая Государыня жила во Всесвятскомъ и, казалось, была довольна. что взошла на престолъ; она даже повелѣла, чтобы всѣ дѣла шли такъ точно, какъ она подписала въ Митавѣ. Но 23 числа сдѣлалось такое дѣло, которое заставило всѣхъ призадуматься. Вышедъ въ переднюю комнату, она велѣла позвать къ себѣ всѣхъ офицеровъ гвардіи Преображенскаго полка, кои тутъ случились, и сказала имъ, что поелику Богу угодно было призвать ее на престолъ, то она желаетъ быть ихъ полковникомъ, подобно своимъ предшественникамъ. и дала уже повелѣніе объявить о томъ. Всѣ офицеры пришли въ восторгъ отъ сихъ словъ и бросились лобызать руки новаго своего полковника, орошая ихъ слезами. Тотчасъ за симъ, Ея Величество велѣла призвать къ себѣ кавалергардовъ и сказала имъ тоже, послѣ чего была провозглашена полковникомъ гвардіи Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Такая рѣшимость удивила и поразила всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли видѣть ее самодержавною: ибо въ числѣ многихъ другихъ ихъ замысловъ былъ и тотъ, чтобы Царица не имѣла ника-

*) Петръ II-й похороненъ у сѣверной стѣны Архангельскаго собора. II. 6.

кой власти надъ гвардіею; но когда она сдѣлала это, то всѣ замолкли и даже всхлинули ея за это.

Февраля 25, прибыли во Всесвятское, Верховный Совѣтъ, Сенатъ, генералитетъ и дворянство. Князь Дмитрій Голицынъ говорилъ за всѣхъ и просилъ Ея Величество удостоить принятіемъ ордена (Св. Андрея я быть гроемейстеромъ онаго, подобно своимъ предшественникамъ. Она приняла это милостиво, послѣ чего государственный канцлеръ, какъ старшій изъ кавалеровъ, взявъ знаки сего ордена, поднесъ ихъ Ея Величеству 19).

Февраля 26 я пріѣхалъ къ Ея Величеству съ поздравленіемъ, но какъ частный человѣкъ, и она приняла меня весьма милостиво. Послѣ того, какъ я откланялся, Ея Величество изволила отправиться для торжественнаго вѣшества въ Москву. Духовенство, въ полномъ облаченіи, встрѣтило и привѣтствовало ее у городскихъ воротъ, а во время шествія стрѣляли три раза изъ всей городской артиллеріи. Ея Величество проѣхала чрезъ трое триумфальныхъ воротъ, нарочно для сего устроенныхъ съ величайшимъ великолѣпіемъ: на нихъ было множество надписей и іероглифическихъ изображеній 20).

Марта 1 Царица принимала всѣхъ министровъ, и мы принесли ей поздравленіе съ благополучнымъ пришествіемъ ея въ Москву.

Марта 3, всѣ войска и дворянство собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ и присягали. Главнѣйшая статья присяги состояла въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ Государынѣ и отечеству. Верховный Совѣтъ составилъ было двѣ формы присяги, одну обыкновенную, а другую съ тѣмъ, чтобы быть вѣрнымъ Государынѣ и Верховному Совѣту; но сочинители послѣдней не осмѣлились предъявить ее 21).

Власть Верховнаго Совѣта, который вздумалъ было дерзновенно управлять по своей волѣ не только государствомъ Русскимъ, но и самою Государынею, кончилась 8 Марта, и къ счастію очень спокойно, хотя и надлежало бы опасаться какого либо смятенія. Я считаю небезполезнымъ описать подробно это великое событіе.

Князь Черкасскій всегда думалъ возвратитъ Царицѣ самодержавіе, съ которымъ царствовали ея предшественники. По сему дѣлу былъ онъ въ согласіи съ Ягужинскимъ, и когда послѣдняго арестовали, то онъ сильно вступился за него. Черкасскій считался человѣкомъ совѣстливымъ и большихъ способностей, въ чемъ дѣйствительно отдавали ему справедливость. Мало по малу онъ приготовилъ многихъ для исполненія своего намѣренія, не смотря на Верховный Совѣтъ, который всячески старался привлечь его на свою сторону: но сей честный человѣкъ никогда не хотѣлъ согласиться на дѣлаемые ему предложенія.

такъ что Совѣтъ принялъ было намѣреніе арестовать его и сослать въ Сибирь: но Черкасскій, узнавъ о томъ, рѣшился предупредить своихъ враговъ. Въ слѣдствіе сего, 7 числа, онъ, переговора съ приверженными къ нему, коихъ было слишкомъ 300 человекъ дворянъ, да сверхъ того офицеры гвардіи, велѣлъ имъ собраться 8 числа безъ шума, въ пріемная дворцовыя комнаты. Они исполнили это, и Черкасскій, пріѣхавъ, велѣлъ доложить Государынѣ, что онъ проситъ дозволенія предстать предъ нею. Царица уже знала о намѣреніи Черкаскаго, посредствомъ жены его *). Ея Величество велѣла позвать къ себѣ Верховный Совѣтъ, чтобы въ приеутствіи онаго принять дворянство, и когда послѣднее было введено, то Черкасскій подалъ слѣдующее прошеніе, которое Царица приказала ему прочесть вслухъ.

„Высочайшая и Всемилостивѣйшая Государыня Императрица.

Хотя Ваше Императорское Величество возсѣли на престолъ Россіи по волю Высочайшаго Царя Царей и по желанію всего народа: по Вашему Императорскому Величеству угодно было подписать условія, предложенныя Верховнымъ Совѣтомъ, чѣмъ засвидѣтельствовали Ваше благоволеніе къ сему Государству. Мы приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданиѣйшую благодарность за такую великую милость, и не токмо мы, но и дѣти наши, будемъ навсегда сохранять чистосердечную признательность и чтить имя Вашего Величества.

Не смотря однакоже на это, Всемилостивѣйшая Государыня, въ сказанныхъ условіяхъ находятся нѣкоторыя статьи, кои заставляютъ народъ Вашъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, изъ которыхъ враги нашего отечества могутъ извлечь величайшую для себя пользу. Разсмотрѣвъ внимательно условія, мы изложили въ письмѣ мнѣнія наши, и съ достоуднымъ почтеніемъ представили ихъ Верховному Тайному Совѣту на разсмотрѣніе, и просили, чтобы послѣ сего, для блага и спокойствія всей Имперіи, была установлена, по большинству голосовъ, форма правленія надежная и твердая. Но, Всемилостивѣйшая Государыня, Верховный Тайный Совѣтъ не только не разсмотрѣлъ представленныхъ отъ насъ различныхъ предположеній, но объявилъ намъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія Вашего Императорскаго Величества.

По сему, зная врожденное милосердіе Вашего Величества и желаніе удостовѣрить всю свою Имперію въ своемъ благорасположеніи, мы держаемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, просить, дабы Вы соизволили повелѣть, чтобы представленные нами различныя мнѣнія были разсмотрѣны генералитетомъ и дворянствомъ, назначивъ для сего по одному или по два человека изъ каждаго семейства, и чтобы, по обсужденіи всѣхъ статей, была установлена такая форма правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ, и послѣ сего представлена на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

*) Княгиня Марія Юрьевна, рожд. княжна Трубецкая. П. Б.

Мы общаемъ Вашему Величеству всевозможную вѣрность и употребимъ всѣ усилія для утвержденія благоденствія Вашего, почитая Васъ, какъ мать отечества, и хотя это прошеніе подписано немногими, потому что мы боимся собираться во множествѣ для подписанія онаго, однакоже большая часть Вашего дворянства изъявила на то согласіе, въ доказательство чего многіе подписали уже высказанныя мнѣнія. Москва. 25 Февраля 1730 года“.

По прочтеніи сего прошенія, министры Верховнаго Совѣта просили Ея Величество войти въ кабинетъ для разсужденія; но герцогиня Мекленбургская, сестра ея, подошедъ къ ней, сказала, что тутъ разсуждать не о чемъ, а надобно подписать. Вдругъ въ залѣ поднялся большой шумъ, и Государыня, призвавъ къ себѣ караульнаго капитана, сказала ему, что, находясь не въ безопасности, она приказываетъ ему, чтобы онъ не повиновался никому, кромѣ генералъ-лейтенанта Салтыкова, подполковника гвардіи и родственника Ея Величества. Послѣ этого она, взявъ перо, подписала прошеніе дворянства, которое, поцѣловавъ ей руку, вышло въ другую комнату. Тамъ единогласно положили облечь Государыню самодержавіемъ, и за тѣмъ возвратясь просили новой аудіенціи. Государыня назначила ея послѣ полудни, и тогда, по собраніи всего дворянства, было представлено Ея Величеству слѣдующее прошеніе, которое она велѣла прочесть въ слухъ князю Кантемиру.

„Высочайшая и Всемиловѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, для величайшаго блага отечества, подписать наше прошеніе, и мы не находимъ словъ для выраженія Вашему Величеству благодарности нашей за сей знакъ Высочайшаго ея благоволенія. Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, требуетъ отъ насъ не оставаться неблагодарными, и посему мы являемся предъ Ваше Величество, съ величайшимъ благоговѣніемъ, для изъявленія нашей признательности, и всенпжайше просимъ соизволить принять самодержавіе, съ которымъ царствовали Ваши предшественники, и уничтожить условія, присланныя Вашему Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанныя Вами. Всеподданнѣйше просимъ Ваше Императорское Величество соизволить, вмѣсто *Верховнаго Тайнаго Совѣта* и *Высокаго Сената* 22) учредить *Правительствующій Сенатъ* такъ, какъ онъ былъ учрежденъ Петромъ I, дядею Вашего Величества, составивъ его изъ 21 члена, и чтобы теперь и впредъ убылыя мѣста въ этомъ Правительствующемъ Сенатѣ, также губернаторы въ губерніяхъ и президенты въ коллегіяхъ, были замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ по жребію, какъ то было установлено Петромъ I. Всеподданнѣйше просимъ, чтобы Ваше Величество, вслѣдствіе того, что подписать изволили, благоволили теперь же составить правленіе такъ, какъ оно должно оставаться на будущее время.

Наконецъ мы, всенижайшіе подданные Вашего Императорскаго Величества, надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленія и при уменьшеніи налоговъ, по врожденному Вашего Величества милосердію, и можемъ спокойно кончить жизнь свою у ногъ Вашихъ. Москва, 25 Февраля 1730 года 23).⁴

Министры Верховнаго Совѣта, при чтеніи сего прошенія, стояли, какъ пораженные громомъ, и никто изъ нихъ не осмѣлился сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

Тотчасъ за симъ Царица велѣла государственному канцлеру, который хотя и былъ членомъ Совѣта, но держался стороны дворянства, принести всѣ бумаги, подписанныя ею какъ въ Митавѣ, такъ и въ Москвѣ, и когда онъ принесъ ихъ, то Ея Величество изорвала ихъ*) въ присутствіи всѣхъ, и тутъ дворянство и военные, съ громкимъ фликомъ радости, стали цѣловать руки Государыни, своей самодержицы.

Немедленно за симъ Ея Величество приказала освободить изъ подѣ стражи генерала Ягужинскаго, а фельдмаршалъ Долгорукій отдалъ ему шпагу и орденъ Св. Андрея, при входѣ въ залу собранія, гдѣ Государыня всемилостивѣйше допустила его къ своей рукѣ, изъявляя ему знаки своего благоволенія 24).

Послѣ сего Царица велѣла князю Василию Долгорукому оставаться у себя дома, опредѣливъ на его мѣсто оберъ-гофмейстеромъ выпесказаннаго генерала Салтыкова. Долгорукій занималъ это мѣсто съ выѣзда изъ Митавы и обращался съ Царицею, какъ съ пдѣйницею, чтобы достигъ цѣли собственныхъ своихъ намѣреній. Онъ-то воспламенилъ Верховный Совѣтъ, котораго былъ членомъ, къ ограниченію власти Государыни, такъ что Ея Величество сдѣлалась бы не болѣе, какъ невольницею въ золотыхъ цѣпяхъ. Но мы скоро увидимъ, что неограниченное его высокоуміе было наказано по достоинству.

Въ тотъ же самый день государственный канцлеръ послалъ ко всѣмъ чужестраннымъ министрамъ объявленіе о томъ, что случилось, приглашая ихъ пріѣхать завтра во дворецъ для принесенія поздравленія Ея Величеству.

Такъ кончились всѣ замыслы министровъ Верховнаго Совѣта.

Все это дѣло было ведено Герцогинею Мекленбургскою, княгинею Черкасскою и ея сестрою**), которыя однѣ только могли говорить съ Императрицею въ то время, когда при ней не было никого.

*) Но потомъ вложила въ конвертъ, который хранится въ Государственномъ Архивѣ, съ надписью ея руки: „Зловредныя письма, какъ я на престолъ взшла“. П. В.

**) Т. е. графиню Прасковью Юрьевной Салтыковой, супругою графа Петра Семеновича. Онъ-то конечно и служилъ поддержкою старшему своему брату, князю Пиктѣ Юрьевичу, который возмѣлъ значеніе при Аннѣ и Елисаветѣ. П. В.

Бѣднѣйшимъ было счастьемъ, что происшествіе это обошлось безъ кровопролитія, которое случилось бы на вѣрное, если бы министры Верховнаго Совѣта сдѣлали малѣйшее сопротивленіе и если бы Императрица вышла въ свой кабинетъ для разсужденія. Но вѣрно также и то, что за это заплатили бы члены Совѣта; ибо противъ нихъ было не только дворянство, но и всѣ военные, а ихъ было только пятеро, именно: фельдмаршалъ Голицынъ и братъ его Дмитрій, фельдмаршалъ князь Долгорукій и князья Василій и Алексѣй Долгорукіе. Государственный канцлеръ Головкинъ былъ на сторонѣ дворянства, а вице-канцлеръ баронъ Остерманъ притворился больнымъ и лежалъ въ постелѣ съ самаго дня кончины Царя, но давалъ совѣты чрезъ свою жену, которая каждый день прѣзжала ко Двору 25).

На слѣдующій день, 8 Марта, всѣ чужестранные министры, въ праздничныхъ кафтанахъ, были представлены Царицѣ и поздравили ее съ самодержавіемъ.

Марта 12 Ея Величество наградила князя Черкаскаго за оказанныя имъ услуги, пожалованъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники, а чрезъ нѣсколько дней украсила его орденомъ Св. Андрея.

Марта 15, Царица, обдумавъ хорошенько, назначила 21 сенатора для составленія верховнаго судилища. Они были слѣдующіе: государственный канцлеръ графъ Головкинъ, фельдмаршалы князья Голицыны, Долгорукій и Трубецкой, князь Дмитрій Голицынъ, князь Василій Долгорукій, вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, князь Ромодановскій, генералъ Ягужинскій, князь Черкасскій, генералы: Чернышовъ, Ушаковъ, Мамоновъ и Салтыковъ, князь Юрій Трубецкой, князь Барятинскій, князь Юсуповъ, генералъ Сукинъ, статскій совѣтникъ Новосильцовъ и графъ Михайлъ Головкинъ.

Черезъ два дня послѣ сего, генералъ Салтыковъ просилъ уволить его отъ присутствія въ Сенатѣ, по причинѣ занятій его по званію оберъ-гофмейстера, и его мѣсто въ Сенатѣ занялъ князь Шаховской.

Въ это же время Царица повелѣла сдѣлать новую присягу ей одной, какъ самодержицѣ Всероссійской, что и было исполнено 16 числа 26).

Марта 17 Ея Величество составила себѣ Дворъ, и всѣ удивились, что она назначила оберъ-гофмейстерною жену фельдмаршала Голицына. камергеромъ сына его, да князя Куракина, зятя его, тогда какъ князь Голицынъ съ своимъ братомъ были явными поборниками власти Верховнаго Совѣта; но очень скоро я узналъ причину этого.

При Дворѣ была партія Нѣмецкая, пользовавшаяся всею довѣренностію Государыни, и ее представляли: баронъ Остерманъ, камергеръ Виронъ, любимецъ Ея Величества, и графъ Левенвольдъ, котораго она

пожаловала въ оберъ-гофмаршалы. Они, какъ иностранцы, видя, что имѣли нужду въ подкрѣпленіи своей партіи кѣмъ либо изъ Русскихъ вельможъ, велѣли сказать фельдмаршалу Голицыну, что ежели онъ пристанетъ къ нимъ, то они введутъ его опять въ милость, а отъ него желаютъ только того, чтобы онъ поддерживалъ ихъ и жилъ съ ними въ согласіи. Голицынъ, отъ природы гордый, упорствовалъ нѣсколько дней; но наконецъ сдался и присоединился къ Нѣмцамъ, которые заступились за него, такъ что Ея Величество пожаловала жену сына и зятя его въ вышесказанные чины, а ему самому бригитятовый перстень въ пять или шесть тысячъ ефимокъ.

Въ тотъ же день Ея Величество нарядила комиссію для потребованія отчета отъ князей Долгорукихъ, отца и сына, любимцевъ покойнаго Царя. Въ эту комиссію назначены: князь Юсуповъ и генералъ Ушаковъ. Нельзя вообразить себѣ, сколько они украли; не только они подобрали себѣ въ руки всѣ брилліанты несчастнаго Меншикова (и ихъ было очень много), но и всѣ казенные; лучшихъ лошадей съ придворной конюшни, серебро въ дѣлѣ, собакъ и наконецъ все то, что стоило чего нибудь. Комиссія объявила имъ, что, ежели они тотчасъ не возвратятъ всего, то она приступитъ къ формальному розыску *). Поэтому они принуждены были отдать все, что накрали, а небольшія дѣлѣ, взятая ими въ казначействѣ, были имъ прощены.

Въ тотъ же день, Марта 17, умеръ баронъ д'Абихсдаль, оберъ-церемоніймейстеръ, послѣ двунедѣльной болѣзни. Для меня это была величайшая потеря, потому что онъ былъ единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ въ этомъ аду, гдѣ не знаютъ что такое дружба. Онъ былъ родомъ изъ Швейцаріи, былъ очень уменъ, ученъ и имѣлъ чрезвычайную память: словомъ, былъ отличный человѣкъ, добродѣтеленъ, другъ своихъ друзей и не довѣрялъ никому иначе, какъ узнавъ его хорошенько, послѣ чего уже имѣлъ къ нему всю довѣренность. Онъ былъ очень привязанъ къ службѣ своего Государя и приходилъ въ отчаяніе, если дѣла шли плохо. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и никогда ни о комъ не говорилъ дурно. Словомъ, это былъ истинно-честный человѣкъ и совершенно безкорыстный. Таковъ былъ этотъ добрый и единственный другъ мой въ Россіи, котораго я никогда не забуду. Потеря для меня тѣмъ чувствительнѣе, что онъ умеръ въ Кальвинскомъ вѣроисповѣданіи, котораго былъ жаркимъ послѣдователемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего пріѣхалъ курьеръ изъ Персіи съ извѣстіемъ, что Тахмасъ, сынъ Софи, предмѣстника похитителя престола

*) Въ Кремлѣ на соборной площади поставлена была палатка, куда споспѣшны расхищенные и распроданные вещи. П. Б.

Миттавеса, провозглашенъ и признанъ въ Испагани законнымъ государемъ, а Ешпремъ удалился въ Кандагарскую область. По этому, Русское министерство стало ласкать Тахмасова посла болѣе прежняго и хотѣло вступить съ нимъ въ переговоры согласно съ прежними его инструкціями; но онъ отвѣчалъ, что, по даннымъ ему повелѣніямъ, онъ обязанъ былъ трактовать съ Петромъ Вторымъ, а теперь ему надобно будетъ имѣть новое повелѣніе для вступленія въ переговоры съ министрами Царицы; да сверхъ того, когда онъ отправился изъ Персіи, тогда Государь его былъ изгнанникомъ, лишеннымъ престола; но теперь дѣла совсѣмъ перемѣнились, и потому онъ долженъ ждать новыхъ повелѣній. Не смотря однакоже на это, онъ имѣлъ чрезъ нѣсколько дней первую свою аудіенцію у Царицы и представилъ ей кредитивныя грамоты, кои привезъ съ собою на имя покойнаго Царя.

Марта 29, Царица въ первый разъ присутствовала въ Сенатѣ и тамъ пожаловала въ сенаторы генерала Тараканова на мѣсто князя Ромодановскаго, диди Ея Величества, который умеръ 27 числа.

Апрѣля 1, Персидскій посолъ былъ на первой своей аудіенціи и представилъ свои кредитивныя грамоты; вмѣстѣ съ симъ онъ просилъ о назначеніи министровъ для переговоровъ съ нимъ. При сей церемоніи не было ничего замѣчательнаго, развѣ только то, что послѣ того, какъ посолъ представилъ свои кредитивы Царицѣ, стоявшей на престолѣ, всѣ Персіане, съ нимъ пріѣхавшіе, вошли для цѣлованія руки Ея Величества, оставя въ переднихъ комнатахъ, по обычаю своей земли, свои туфли, что, по ихъ понятіямъ, составляетъ знакъ почтенія и цокорности. Кредитивы завернуты были въ богатую Персидскую парчу, и посолъ представилъ ихъ государственному канцлеру, который отвѣчалъ ему, именемъ Царицы, въ выраженіяхъ очень лестныхъ для его Государя.

На другой день началась Свѣтлая недѣля, а какъ въ постъ всѣ говѣли, то и не случилось ничего замѣчательнаго; въ самый же день Пасхи былъ пріѣздъ ко Двору для поздравленія Ея Величества.

Апрѣля 10, Ея Величество украсила своего оберъ-гофмейстера Салтыкова орденомъ Св. Андрея.

Апрѣля 15, министры Бланкенбургскій и Голштинскій представили свои новыя кредитивныя грамоты.

Въ тотъ же день Ея Величество изволила дать великолѣпный обѣдъ офицерамъ полковъ гвардіи и оказала имъ честь обѣдать вмѣстѣ съ ними.

До обѣда, она пожаловала генерала Ушакова въ подполковники гвардіи Семеновскаго полка, а прежде онъ былъ майоромъ Преображенскаго; но сей чинъ отняли у него Долгорукіе.

Наконецъ насталъ день, ознаменовавшійся гибелью того несчастнаго дома, который, имѣвъ въ виду примѣръ князя Менишикина, не умѣлъ воспользоваться онымъ, а поступалъ такъ, что принесть въ ненависть не только у дворянства, но и у народа. Апрѣля 19, князя Алексѣя Долгорукова, съ женою, сыновьями и дочерьми, сослали изъ его деревни; князя Василія арестовали; князя Михаила, брата фельдмаршала, сдѣлали губернаторомъ въ Астрахань; князя Ивана, брата Алексѣева, губернаторомъ въ Вологду, князя Александра губернаторомъ въ Алатырь; князя Сергія сослали въ его деревни. Въ тотъ же самый день всѣхъ Долгорукихъ лишили чиновъ и орденовъ.

Тогда же было повелѣно генералу Бутурлину отправиться къ своей должности въ Дербентъ, а генераль Еропкинъ былъ посланъ въ Гилянскую область.

Мая 3. Ея Величество пожаловала княгиню Голицыну, жену фельдмаршала, въ оберъ-гофмейстерины, какъ сказано выше, а штатсъ-дамами: баронессу Остерманъ, графиню Ягужинскую, княгиню Черкасскую, генеральшу Чернышову, графиню Биронъ, графиню Головкину, Лопухину и Салтыкову. Тогда же она изволила назначить къ себѣ шесть фрейлинъ. Никто изъ Долгорукихъ не удостоился сей чести, и потому Голицыны одержали здѣсь побѣду. Все это сдѣлали, какъ я ужъ сказалъ, графъ Левенвольдъ и графъ Биронъ.

Сіа же оба Нѣмца ввели въ великую у Царицы милость барона Остермана, и всѣ трое всячески старались обратить вниманіе Двора на графа Вратиславскаго и барона Мардефельдскаго, Прусскаго министра, между тѣмъ, какъ на меня едва смотрѣли, по сказанной выше причинѣ.

Мая 6 посланникъ Прусскій представлялся Царицѣ и извѣстилъ Ея Величество, что Король, его Государь, пожаловать графу Левенвольду орденъ Бѣлаго Орла. Государынѣ угодно было самою украсить графа симъ орденомъ и, велѣвъ ему снять съ себя Алесандровскій, она надѣла на него Прусскій. Никто не удивился этой милости, потому что графъ всегда былъ очень привязанъ къ Прусскому Двору и задушевнымъ другомъ посланника, который, видя, что онъ такъ силенъ у Русскаго Двора, исходатайствовалъ ему сей знакъ отличія, дабы еще болѣе привязать его къ сторонѣ своего Государя.

Въ тотъ же день Ея Величеству угодно было пожаловать орденъ Св. Андрея графу Бирону, котораго за два дни до сего она сдѣлала своимъ оберъ-камергеромъ: но онъ самъ отклонилъ отъ себя эту ми-

лостъ, и просилъ украсить симъ орденомъ г. Бракея, великаго маршала Курляндскаго, и Ея Величество ту же минуту исполнила его прошеніе.

Мая 7 Царица пожаловала орденъ Св. Андрея фельдмаршалу Трубецкому.

На другой день, 8, она пожаловала барону Остерману графское достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошую землю въ Лифляндіи.

Мая 9 совершилась коронація Государыни съ величайшимъ торжествомъ. И не стану описывать сей церемоніи, потому что она была такая же, какъ и Петра II, съ тою только разницею, что была гораздо великолѣпнѣе.

Въ сей день Ея Величество оказала много милостей: пожаловала большую деревню фельдмаршалу князю Голицыну, произвела пятерыхъ въ генераль-аншефы, четверыхъ въ генераль-лейтенанты, троихъ въ генераль-майоры, двоихъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, двоихъ въ тайные совѣтники, двоихъ въ статскіе совѣтники, да орденомъ Св. Александра генераловъ Сукина и Тараканова.

Мая 10, представлялись всѣ иностранные министры, и Ея Величество приняла ихъ стоя на своемъ престолѣ: по правую сторону престола находились всѣ министры и вельможи Русскіе, а по лѣвую дамы. Признаюсь, что я въ жизнь свою не видывалъ такого великолѣпнаго Двора, каковъ былъ въ сей день Русскій.

Мая 12, Ея Величество изволила быть въ дворцовомъ саду въ предмѣстѣи, называемомъ Нѣмецкимъ, куда пригласили всѣхъ чужестранныхъ министровъ. Тамъ былъ балъ и ужинъ, и Ея Величество изволила пить за здравіе Короля, моего Государя, такъ какъ именно сей день былъ днемъ Св. Филиппа, по старому стилю. Ея Величество, при семъ случаѣ, оказала мнѣ много чести, изволивъ публично благодарить меня за то, что я во всемъ поступалъ отлично.

Въ 11 часовъ вечера, Ея Величество оставила садъ и смотрѣла всѣ иллюминаціи, и когда подъѣхала къ моей, то еще изволила оказать мнѣ честь, приказавъ остановить свою карету у воротъ моего дома, гдѣ я стоялъ, и позволивъ мнѣ поцѣловать свою руку, благодарила меня еще разъ.

Отличіе, оказанное мнѣ Ея Величествомъ, произвело великую зависть въ министрахъ, приверженныхъ къ Вѣнскому Двору и, боясь, чтобы я, вышедъ въ милость Царицы, не нанесъ много вреда ихъ интересамъ, они употребляли всѣ усилія, чтобы лишить меня благорасположенія Ея Величества. Но, не зная, какимъ образомъ напасть

на меня, они прибѣгли ко лжи, что и произвело желанное ими дѣйствіе; ибо вскорѣ замѣтилъ я великую перемену въ обращеніи Государыни со мною: каждый разъ, какъ я бывалъ у Двора, она принимала меня съ величайшимъ равнодушіемъ, а всѣ приближенные къ ней убѣгали отъ меня, какъ отъ заразы. Не смотря на все это, я не хотѣлъ оправдываться совершенно, предоставляя то времени, и дѣйствительно, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ случай оправдаться такъ, что Ея Величество, убѣдясь въ моей невинности, возвратила мнѣ свое благоволеніе, и я посрамилъ враговъ своихъ, какъ скажу послѣ.

Мая 14 былъ еще балъ и ужинъ во дворцѣ, и я никогда не видывать такого славнаго праздника и лучшаго ужина.

Наконецъ 16 число было послѣднимъ днемъ праздниковъ, данныхъ по случаю коронаціи Царицы. Сей день начался аудіенціей Персидскому послу и всѣмъ Азіатцамъ, бывшимъ въ Москвѣ: Армянамъ, Грузинамъ, Персіянамъ, Калмыкамъ, Татарамъ, Китайцамъ и Казакамъ. Послѣ этого выставили народу двухъ жареныхъ быковъ съ двумя фонтанами вина, и бросали ему деньги. За симъ былъ балъ и ужинъ, что продолжалось до 9 часовъ, когда сѣли за ужинъ. Столъ Ея Величества былъ устроенъ на тронѣ, и она изволила ужинать съ обѣими своими сестрами. Принцесса Елисавета и Принцесса Мекленбургская не присутствовали на этомъ праздникѣ, потому что были опасно больны. Въ той же залѣ было пять столовъ, а всѣхъ кувертовъ 360. Все было устроено съ величайшимъ великолѣпіемъ и порядкомъ. Послѣ ужина всѣ вошли въ апартаменты Царицы, откуда смотрѣли прекрасный фейерверкъ, которымъ и кончились всѣ праздники.

Іюня 4. Ея Величество изволила переѣхать въ загородный дворецъ, называемый Измайловскимъ, и осталась тамъ на все лѣто.

Выѣхавъ изъ Москвы, генералъ Мамоновъ, по своему чину поручикъ кавалергардовъ, поѣхалъ подлѣ кареты Ея Величества верхомъ, но былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и упалъ съ лошади замертво. Это навело ужасъ, и Государыня очень перепугалась.

Іюня 22, графъ Вратиславскій получилъ изъ Вѣны дипломъ на достоинство графа Св. Имперіи для оберъ-камергера Вирона, которому онъ и вручилъ его того же вечера, вмѣстѣ съ портретомъ Императора, осыпаннымъ бриліантами, цѣною въ 12 тысячъ ефимковъ.

Въ тотъ же самый день Ея Величество пожаловала новому графу одинъ городъ въ Лифляндіи, съ землями къ нему прилегающими, что все стоитъ слишкомъ 60 тысячъ рублей.

По этому случаю я донесъ Королю, моему Государю, что Вѣнскій Дворъ думаетъ только о раздачѣ въ Россіи милостей и подарковъ, между тѣмъ какъ мы не дѣлаемъ ничего, и что нѣтъ возможности прервать союза между обоими Дворами иначе, какъ дѣлая тоже самое.

Іюля 6 закончилась полная гибель дома Долгорукихъ. Князь Алексѣй, отецъ обрученной невѣсты Петра II, былъ сосланъ со всеѣмъ своимъ семействомъ на Березовъ островъ, гдѣ прежде его содержался несчастный Меньшиковъ: князь Василій въ Соловецкій монастырь, лежащій на одной скалѣ Бѣлаго моря и гдѣ нельзя прожить болѣе нѣсколькихъ лѣтъ, потому что мѣсто это нездорово, и гдѣ питаются только рыбою безъ хлѣба и вина. Князь Сергій и Иванъ, братья Алексѣевы, были сосланы, первый въ Ораніенбургъ, а второй въ Пустозерскъ, а князя Александра, другаго брата Алексѣева, послали служить лейтенантомъ морскимъ въ Каспійское море. Таковъ былъ трагическій конецъ этой вѣтви дома Долгорукихъ, которую любилъ Петръ II, и кажется, что паденіе оной было справедливымъ судомъ Божиимъ, для наказанія ихъ дурныхъ дѣлъ, безмѣрнаго высокомерія и тщеславія.

Іюля 8 пріѣхалъ изъ Польши графъ Потоцкій, близкій родственникъ Царицы, которая приняла его очень милостиво и велѣла отвести ему комнаты во дворцѣ. Онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы поздравить Ея Величество отъ примаса Польши, своего дяди, и чтобы развѣдать о намѣреніяхъ Русскаго Двора относительно Польскихъ дѣлъ.

Іюля 9. Ея Величество возложила орденъ Св. Александра на князя Куракина, своего камергера, прежде бывшаго министромъ при Французскомъ Дворѣ.

Іюля 11. получилъ я новыя кредитивныя грамоты, и хотя на другой же день сообщилъ копію съ оныхъ государственному канцлеру Головкину, но не могъ еще имѣть аудіенціи, потому что 13 числа по утру Царица отправилась на богомолье въ Троицкій монастырь, лежащій въ 12 вѣхъ отъ Москвы.

Она возвратилась 19 Іюля, и на другой день государственный канцлеръ далъ мнѣ знать, что Ея Величество изволилъ принять меня, 23, по утру, въ селѣ Измайловскомъ, куда я и пріѣхалъ въ назначенный часъ и былъ введенъ графами Бирономъ, оберъ-камергеромъ, и Левенвольдомъ, оберъ-гофмаршаломъ.

Августа 13, графъ Потоцкій откланялся Царицѣ, которая украсила его орденомъ Св. Андрея, а 14 числа онъ отправился въ путь на Гродненскій сеймъ,

Сентября 10 праздновали, по обыкновенію, день ордена Св. Александра, и мы всѣ кавалеры сего ордена имѣли честь обѣдать и ужинать съ Ея Величествомъ, послѣ чего былъ сожженъ прекрасный фейерверкъ. Въ тотъ же день Государыня возложила сей орденъ на генерала Вейсбаха, который, вмѣстѣ съ симъ получилъ повелѣніе ѣхать на Гродненскій сеймъ въ качествѣ министра Ея Величества.

Въ это же время Ея Величество приказала сформировать третій полкъ гвардіи, который назвала Измайловскимъ и полковникомъ онаго пожаловала генерала Левенвольда, а подполковникомъ генерала Кейта. Производство послѣдняго принесло мнѣ большое удовольствіе, потому что я любилъ его душевно, да сверхъ того, онъ былъ припятъ на Русскую службу, два года тому назадъ, по моему ходатайству.

Октября 12, Ея Величество опредѣлила генерала Ягужинскаго генераль-прокуроромъ Сената и въ тоже самое время повелѣла ему присутствовать при всѣхъ конференціяхъ по иностраннымъ дѣламъ, что много уменьшило кредитъ графа Остермана, который отъ сего пересталъ распоряжаться негоціями по своей волѣ, какъ дѣлалъ до сего. Ягужинскій, еще при Петрѣ I, былъ уже генераль-прокуроромъ, и всѣ были имъ довольны, и какъ скоро онъ снова вступилъ въ сію должность, то дѣла пошли очень скоро и къ общему всѣхъ удовольствію. Но всѣхъ болѣе доволенъ былъ я, потому что сей генераль былъ всегда моимъ искреннимъ другомъ и оставался таковымъ до конца.

Въ тотъ же день Ея Величество пожаловала орденъ Св. Андрея графу Бирону, и этотъ случай показался мнѣ очень удобнымъ для принесенія моего оправданія. Пріѣхавъ къ нему 13 числа, я засталъ его одного и поздравилъ его съ новою, полученною имъ милостію. Получивъ отъ него тѣже увѣренія въ пріязни, какія онъ мнѣ дѣлалъ въ послѣдній разъ, я сказалъ ему, что, полагаясь на его дружбу, хочу открыть ему свое сердце, и именно, что ему не безызвѣстна та ложь, которою нѣкоторые люди очернили меня въ глазахъ Ея Величества, и что я могу доказать ему свою невиновность въ краткихъ словахъ.

Во первыхъ, я никогда не былъ, какъ сказали, искреннимъ другомъ князя Василія Долгорукаго и первымъ его совѣтникомъ; ибо, не только я не имѣлъ съ нимъ никакихъ связей во все время, когда я былъ коротко знакомъ съ княземъ Иваномъ, фаворитомъ Петра II; но онъ всячески старался поссорить насъ, въ чемъ и успѣлъ мѣсяца за четыре до кончины Царя, въ чемъ свидѣтельствуюсь графомъ Левенвольдомъ, оберъ-гофмаршаломъ, который понапрасну старался помирить насъ. Во вторыхъ, Царицѣ сказали, будто я сильно противился ея

самодержавію, давая совѣты тѣмъ, кои хотѣли ее ограничить. На это скажу, что во все время, какъ спорили о семъ самодержавіи, я всячески удалялся отъ сообщества Русскихъ, чтобы не слышать даже и разговоровъ о семъ дѣлѣ, и что въ бесѣдѣ съ своими пріятелями, я всегда смѣлся надъ ихъ республиканскимъ жаромъ, считая это глупостью, и утверждалъ всегда, что всѣ споры кончатся объявленіемъ Царицы самодержавною, и что я всегда предувѣдомлялъ о семъ мой Дворъ, какъ могу доказать то копіями съ своихъ депешъ, кои представляю его свѣтельству, прося его сдѣлать мнѣ милость повѣрить, что я еще не сошелъ съ ума, и что какъ для Короля, моего Государя, все равно, будетъ ли Царица самодержавною или нѣтъ, то я не такъ глупъ, чтобы мѣшаться въ дѣло, которое до меня совсѣмъ не касается. Въ третьихъ, мои враги разсѣяли слухъ, будто бы я привязанъ къ графу Маврикію Саксонскому, хлопочу за него и постоянно переписываюсь съ нимъ. Не отрицаюсь, что я нахожусь съ нимъ въ дружескихъ связяхъ единкомъ 15 лѣтъ; но эта дружба не такъ сильна, чтобы я вздумалъ быть его агентомъ, что неприлично ни моему званію, ни моему происхожденію: что въ дѣла графа Маврикія совсѣмъ не вступается Король, мой Государь, а я не таковъ, чтобы захотѣть вмѣшаться въ нихъ, безъ повелѣнія Его Величества: что, проѣзжая черезъ Данцигъ, я встрѣтился тамъ съ графомъ, который просилъ меня выхлопотать нѣсколько любовныхъ записочекъ, находившихся въ его сундукѣ, который взяли у него въ Курляндіи и который находится въ Русской канцеляріи: что я нѣсколько разъ говорилъ о томъ Остерману, изъясняя, что не могу и не хочу говорить съ нимъ о дѣлахъ графа Саксонскаго, но прошу только о возвращеніи его любовныхъ записочекъ, кои совершенно неважны для Русскаго государства: что хотя графъ Остерманъ и обѣщалъ мнѣ всегда возвратить сіи записочки, но не исполнилъ своего обѣщанія, и что графъ Саксонскій раза три или четыре писалъ ко мнѣ о нихъ, но ничего не писалъ о другихъ какихъ дѣлахъ. Я прочелъ графу Бирону сіи письма и клялся, что никогда не говорю о дѣлахъ сего графа, ни прямо, ни околичностями. Вмѣстѣ съ симъ я называлъ ему людей, разсѣвавшихъ сіи ложные обо мнѣ слухи, примодвивъ, что я всюду нахожу ядовитость и злость графа Остермана и другихъ, которыхъ я не хотѣлъ назвать по имени (т. е. графа Вратиславскаго, барона Мардефельдскаго и барона Крама), кои боялись, что если я удостоюсь получить благоволеніе Ея Величества, то они не могутъ успѣть въ своихъ замыслахъ; но что, благодаря Бога, я презираю такихъ враговъ и иду по стезѣ чести и истины, не совращаясь съ нея для ихъ удовольствія, и что въ этомъ именно состоитъ обязанность моего званія и происхожденія.

Наконецъ просилъ я графа довести все это до свѣдѣнія Государыни и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить Ея Величество, что ни одинъ изъ ея подданныхъ не уважаетъ и не любитъ ее болѣе меня.

Графъ Биронъ слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, и когда я пересталъ говорить, то сказалъ, что о всемъ томъ, что я ему говорилъ, онъ непременно донесетъ Государынѣ: при чемъ признался, что дѣйствительно старались вселять въ Ея Величество все то, что я ему говорилъ, но что онъ, по чести, можетъ увѣрить меня, что Ея Величество уже разувѣрилась на мой счетъ и уважаетъ меня такъ, что при всякомъ случаѣ говорить обо мнѣ съ отличіемъ: а что касается до него, то онъ былъ и хочетъ всегда быть моимъ другомъ и употребить, при этомъ случаѣ, все возможное, чтобы доказать мнѣ это, присовокупивъ къ тому, почти со слезами на глазахъ, другія выраженія его привязанности и почтенія ко мнѣ.

Отъ графа Бирона поѣхалъ я къ графу Левонвольду, моему истинному другу, пользовавшемуся всею довѣренностію Царицы и Бирона. И говорилъ ему тоже, что и послѣднему, а онъ обѣщалъ мнѣ стараться разувѣрить Государыню.

Октября 21 было погребеніе тѣла графа Василія Салтыкова, умершаго 18 числа. Онъ былъ дядя Царицы, мать которой была его сестрою. Это былъ очень хорошій человекъ и искренній мнѣ другъ. Смерть его для меня была очень прискорбна, потому что онъ не перемѣнялся ко мнѣ даже въ то время, когда всѣ отъ меня бѣжали.

Октября 28, Царица возвратилась въ Москву изъ Иамайловскаго и стала жить въ новомъ дворцѣ, который она построила и который былъ очень красивъ и убранъ великолѣпно. На другой день, 29, былъ я у графа Бирона, для поздравленія его съ благополучнымъ возвращеніемъ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ во дворецъ въ три часа по полудни, потому что Государыня хотѣла говорить со мною.

Въ назначенный часъ я пріѣхалъ во дворецъ, и она пожаловала мнѣ поцѣловать свою руку, приказала мнѣ идти за нею въ кабинетъ. вмѣстѣ съ графомъ Левенвольдомъ, который будетъ между нами переводчикомъ. Вошедъ туда, Ея Величество изволила сказать мнѣ, что она узнала отъ оберъ-камергера графа Бирона, что я думаю, будто она не благорасположена ко мнѣ, и поэтому она хочетъ успокоить меня на этотъ счетъ. Правда, что, по пріѣздѣ ея въ Москву, говорилъ ей обо мнѣ дурно: что это было время такое критическое, что она не знала, кто ей другъ и кто врагъ, и потому была припуждена вѣрить всему, что нѣкоторые люди говорили ей обо мнѣ и о другихъ; но, убѣдясь въ злости моихъ враговъ и въ моей невинности, она призвала

меня въ себѣ, чтобы лично самой засвидѣтельствовать мнѣ, какъ теперь она выведена изъ заблужденія, уважаетъ меня и увѣряетъ въ своемъ ко мнѣ благоволеніи. Слова сіи привели меня въ такое восхищеніе, что я едва собрался съ духомъ отвѣчать на нихъ; но, поцѣловивъ еѣ руку, я сказалъ, что почтеніе мое къ Ея Величеству было всегда неизмѣнно, и ничто не могло принудить меня сдѣлать что либо противъ ея особы; что я благодарю Бога, что могъ объяснить Ея Величеству истину и никогда не забуду оказанной ею мнѣ чести. Къ этому примолвилъ я, что меня огорчаетъ только то, что я получилъ повелѣніе отъ Короля, моего Государя, выѣхать изъ Россіи; ибо ничто не принесло бы мнѣ такого утѣшенія, какъ прожить нѣсколько лѣтъ у ногъ Ея Величества. Она благодарила меня за это, изъявивъ сожалѣніе, что я такъ скоро отъѣзжаю, и потомъ удалилась.

Враги мои, узнавъ о томъ, что было на этой конференціи, чуть было не померли отъ бѣшенства, а особливо графы Остерманъ и Вратиславскій, кои, какъ я уже сказалъ, были главнѣйшими моими клеветниками. Симъ оправданіемъ обязанъ я графу Бирону и генералу Левенвольду, кои при семъ случаѣ оказали мнѣ всю свою дружбу и не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не открыли всей лжи, разсѣянной на мой счетъ Австрійцами.

*

Характеры лицъ бывшихъ при Русскомъ Дворѣ.

Въ этомъ небольшомъ сочиненіи я опишу характеры главнѣйшихъ лицъ, коихъ я зналъ при Русскомъ Дворѣ, и постараюсь сдѣлать это съ величайшимъ безпристрастіемъ. Не льстя ни Царю, ни Царицѣ, ни царственнѣйш. Принцессамъ, опишу также характеры чужестранныхъ министровъ, бывшихъ въ Россіи въ мое время, и могу увѣрить, что перомъ моимъ руководствовала истина, и что я лично зналъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ говорить буду. Начну съ Петра II.

Петръ II былъ высокаго роста, красивъ собою и сложенъ хорошо; на лицѣ его была видна задумчивость; сложеніе крѣпкое, поступъ величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудно было сказать что либо рѣшительное о характерѣ 14 лѣтняго ребенка: но можно было догадываться, что онъ будетъ высокоумнѣнъ, рѣшителенъ и, можетъ быть, жестокъ. Онъ не терпѣлъ вина*), то есть не любилъ пить болѣе надлежащаго, но уже замѣчали, что онъ склоненъ къ прекрасному полу, и даже говорили, что имѣлъ въ этомъ удачу, и весьма щедръ, такъ

*) Сочинитель упоминаетъ это потому, что въ то время неумѣренное употребленіе вина было общимъ порокомъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Яз.

что щедрость его походила на расточительность. Хотя съ приближенными къ нему онъ обходился ласково, однакоже не забывалъ своего высокаго сана и не вдавался въ слишкомъ короткія связи. Онъ быстро понималъ все, но былъ осмотрителенъ, не затруднялся рѣшеніями, любилъ народъ свой и мало уважалъ другіе. Словомъ, онъ могъ бы быть, со временемъ, великимъ Государемъ, если бы удалось ему поправить недостатокъ воспитанія, даннаго ему Долгорукими. у которыхъ главною цѣлію было не давать ему свободы и оставлять въ невѣжествѣ.

Царица Анна.

Царица Анна была вдовствующею Герцогинею Курляндскою, когда была возведена на престолъ, и дочерью Царя Іоанна, старшаго брата Петра I. Она толста, смугловата, и лице у нея болѣе мужское, нежели женское*). Въ обхожденіи она пріятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любитъ пышность до чрезмѣрности, отъ чего Дворъ ея великолѣпіемъ превосходитъ всѣ прочіе Европейскіе. Она строго наблюдаетъ повиновеніе себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ, ей оказанныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо помнить и нанесенныя ей оскорбленія. Словомъ, я могу сказать, что она совершенная Государыня, достойная царствованія. Говорятъ что она нѣсколько любострастна, и я весьма готовъ вѣрить тому, но поступаетъ она въ этомъ отношеніи весьма тайно.

Великая княжна Наталія.

Великая княжна Наталія, сестра Петра II, была украшена всеми возможными добрыми свойствами. Она не только не была красавицею, а на противъ дурна лицомъ, хотя и хорошо сложена; но добродѣтель замѣняла въ ней красоту; она была любезна, великодушна, внимательна, исполнена граціи и кротости, такъ, что всѣхъ привлекала къ себѣ. Она совершенно говорила на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, любила чтеніе и покровительствовала чужестранцамъ. Все это заставляло возсылать теплыя къ Небу молитвы о ея долгоденствіи: но Божьему угодно было отозвать ее къ себѣ, послѣ долговременной болѣзни, 3 Октября 1728, на 15 году ея жизни. Смерть ея оплакали и Русскіе, и чужеземцы, знатные и бѣдные.

*) Отвратнаго вида, какъ выразилась о ней въ запискахъ своихъ княгиня Н. Б. Долгорукая. Дома ходила она въ платкѣ на головѣ, какъ ходятъ еще и теперь въ глухихъ мѣстахъ наши простолюдины. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 (I) помѣщенъ рассказъ простой женщины о домашней жизни Анны Ивановны. Можно бы собрать въ цѣлую книжку ея письма къ разнымъ лицамъ. Петръ Великій цѣнилъ ее умъ. П. Б.

Принцесса Елисавета.

Принцесса Елисавета, дочь Петра I и Царицы Екатерины, такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица у нея удивительнъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности. Она очень желаетъ нравиться, но ненадежна и честолюбива. Сердце у нея черезъ чуръ нѣжное. Царь Петръ II былъ нѣкоторое время въ нее влюбленъ, и даже думали, что онъ на ней женится: но дурное ее поведеніе удалило отъ нея Монарха, такъ какъ она влюбилась въ человека низкаго происхожденія и страсть свою не скрывала, такъ что всѣ о томъ знали. Когда тотъ ей надобѣлъ, она тотчасъ изыскала себѣ другаго, и можно думать, что она точно слѣдовала по стопамъ своей матери.

Герцогиня Мекленбургская.

Герцогиня Мекленбургская, сестра Царицы Анны, чрезвычайно живаго характера, не имѣетъ скромности и откровенно высказываетъ все, что ей приходитъ въ голову. Она чрезвычайно толста и отменно склонна къ мужескому полу.

Принцесса Параскевія.

Принцесса Параскевія, вторая сестра Царицы, отличается недостаткомъ способностей, очень дурна лицомъ, худоцава, здоровья слабаго, и той же склонности, какъ Герцогиня Мекленбургская.

Теперь приступлю я къ описанію характеровъ знатнѣйшихъ вельможъ и начну съ фаворита Царя Петра II.

Князь Иванъ Долгорукій.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій отличался только добрымъ сердцемъ. Государь любилъ его такъ нѣжно, что дѣлалъ для него все, и онъ любилъ Государя также. Ума въ немъ было очень мало, а проницательности никакой, но за то много спѣси и высокомерія, мало твердости духа и никакого расположенія къ трудолюбію; любилъ женщинъ и вино: но въ немъ не было коварства. Онъ хотѣлъ управлять государствомъ, но не зналъ съ чего начать; могъ воспламениться жестокою ненавистью: не имѣлъ воспитанія и образованія; словомъ, въ иной странѣ онъ прослылъ бы глупцомъ.

Графъ Головкинъ.

Графъ Головкинъ, государственный канцлеръ, старецъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ, осторожный и скромный; съ образованностью

и здравымъ разсудкомъ соединялъ онъ въ себѣ хорошія способности. Онъ любилъ свое отечество и хотя былъ привязанъ къ старинѣ, но не отвергалъ и введенія новыхъ обычаевъ, если видѣлъ, что они полезны; былъ привязанъ къ своимъ Государямъ, и его подкупить было невозможно: посему-то онъ держался при всѣхъ Государяхъ и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ упрекнуть его нельзя было ни въ чемъ.

Графъ Апраксинъ.

Графъ Апраксинъ, великій адмиралъ, братъ Царицы, супруги Ѳедора Алексѣевича, старшаго брата Петра I. Съ величайшимъ усердіемъ служилъ онъ Петру I; имѣлъ посредственныя способности, былъ храбръ, рѣшителенъ и довольно прозорливъ; но, не вытѣжая никогда изъ своей земли, онъ не любилъ нововведеній, сдѣланныхъ Петромъ I до того, что не пожалѣлъ бы ничего, чтобы возстановить старинныя обычаи. Иноземцевъ ненавидѣлъ смертельно и былъ очень корыстолюбивъ, за что чуть было не погибъ, но отдѣлался деньгами. Въ политическихъ дѣлахъ былъ вовсе несвѣдущъ, и хотя былъ великимъ адмираломъ, но не зналъ даже первыхъ началъ мореходства.

Баронъ Остерманъ.

Вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, родомъ Нѣмецъ: отецъ его былъ Лютеранскимъ пасторомъ въ одной Вестфальской деревушкѣ. Вырощенъ пріѣхалъ въ Россію въ очень молодыхъ еще лѣтахъ и, выучившись основательно языку сей земли *), досталъ себѣ мѣсто въ какой-то канцеляріи, гдѣ, по знанію многихъ языковъ, былъ замѣченъ Петромъ I, который сталъ употреблять его какъ переводчика. Остерманъ умѣлъ также обратить на себя благоволеніе князя Меншикова, который вывелъ его такъ скоро, что онъ сдѣлался вице-канцлеромъ на мѣсто барона Шафирова, который также ему покровительствовалъ. По смерти Царицы Екатерины, Меншиковъ сдѣлалъ его наставникомъ и оберъ-гофмейстеромъ Петра II, и за это Остерманъ сталъ стараться о гибели своего благодѣтеля и скоро успѣлъ въ этомъ. Онъ имѣлъ всѣ нужныя способности, чтобы быть хорошимъ министромъ и удивительную дѣятельность. Онъ истинно желалъ блага Русской землѣ, но былъ коваренъ въ высочайшей степени, и религіи было въ немъ мало, или лучше, никакой; былъ очень скупъ, но не корыстовался ни отъ кого.

*) Когда я служилъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мнѣ довелось списать множество писемъ Остермана. Онѣ написаны прекраснымъ Русскимъ языкомъ. П. В.

Въ величайшей степени обладалъ онъ искусствомъ притворяться и съ такою ловкостію умѣлъ придавать лоскъ истинны самой явной лжи, что могъ бы провести хитрѣйшихъ людей. Словомъ, это былъ великій министръ; но поскольку онъ былъ чужеземецъ, то немногіе изъ Русскихъ любили его, и потому нѣсколько разъ былъ онъ близокъ къ паденію, однакоже всегда умѣлъ выпутываться изъ сѣтей.

Князь Дмитрій Голицынъ.

Князь Дмитрій Голицынъ, министръ Верховнаго Совѣта, былъ однимъ изъ числа тѣхъ стариковъ, которые, покачивая головою, всегда говорили: „Къ чему всѣ сіи затѣи? Развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ жилили наши отцы и дѣды, которые не пускали къ себѣ иноземцевъ!“ Впрочемъ онъ былъ человѣкъ свѣдущій, но чрезвычайно злой, несносно тщеславенъ и до невѣроятности гордъ.

Князь Василій Долгорукій.

Князь Василій Лукичъ Долгорукій, также министръ Верховнаго Совѣта, былъ уменъ и не дуренъ собою. Онъ былъ посланникомъ въ Швецію, Данію, Польшу и во Францію, и всюду заслужилъ имя искуснаго и хитраго министра. Онъ очень хорошо говорилъ на многихъ языкахъ, и съ нимъ пріятно было провести время въ разговорахъ; но вмѣстѣ съ симъ онъ очень любилъ взятки, не имѣлъ ни чести, ни совѣсти, и способенъ былъ на все по корыстолюбію. Наконецъ онъ понесъ достойную казнь за свои интриги: Царица сослала его на одинъ пустынный островъ Бѣлаго моря.

Князь Алексѣй Долгорукій.

Князь Алексѣй Долгорукій, второй наставникъ Царя Петра II, министръ Верховнаго Совѣта и отецъ фаворита, былъ ума очень ограниченнаго и, не зная никакихъ хорошихъ свѣтскихъ обращеній, былъ коваредъ и не терпѣлъ иностранцевъ; былъ рабомъ Двора, преданъ стариннымъ обычаямъ и набитъ тщеславіемъ до того, что вздумалъ возвести на престолъ дочь свою, заставивъ Царя Петра II жениться на ней. Но преждевременная смерть Государа разрушила его замыслы, а Царица Анна сослала его въ Сибирь, со всѣмъ его семействомъ.

Голицынъ фельдмаршалъ.

Фельдмаршалъ князь Голицынъ, герой Россіи, былъ человѣкъ умный и благородный: очень хорошо зналъ военное искусство. былъ

храбръ и любимъ войсками; смѣлъ, отваженъ и великодушенъ: иноземцевъ не любилъ; но, не смотря на это, отдавалъ справедливость достойнымъ изъ нихъ; знатные люди его боялись, и Петръ I уважалъ. Словомъ, это былъ истинно великій человѣкъ.

Долгорукій фельдмаршалъ.

Фельдмаршалъ, князь Долгорукій, человѣкъ умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавшій военное искусство. Онъ не умѣлъ притворяться и часто доводилъ искренность до излишества: былъ отваженъ и очень тщеславенъ; другъ неискренній, врагъ непримиримый: нельзя сказать, чтобы онъ ненавидѣлъ иноземцевъ, но и не жаловалъ ихъ слишкомъ. Онъ жилъ благородно, и я по истинѣ могу сказать, что это такой Русскій вельможа, который болѣе всѣхъ приносилъ чести своему отечеству.

Князь Михаилъ Долгорукій.

Князь Михаилъ Долгорукій, братъ фельдмаршала, былъ такой тщеславный человѣкъ, какого я не встрѣчалъ никогда: для него все было бездѣлица; но вмѣстѣ съ симъ онъ готовъ былъ на всякую подлость, чтобы только достигъ до своей цѣли. Ума у него было немного: онъ глѣлъ ужаснымъ образомъ; былъ коваренъ, не любилъ никого и скупъ до чрезвычайности; словомъ, въ немъ не было ничего путнаго.

Сапѣга фельдмаршалъ.

Фельдмаршалъ Сапѣга, Полякъ, не отличался ничѣмъ, кромѣ личной храбрости. Три раза онъ возставалъ противъ Короля, своего Государя, и поэтому переѣхалъ въ Россію, гдѣ, ради его брата, бывшего любовникомъ Царицы Екатерины, его сдѣлали фельдмаршаломъ: но о военномъ искусствѣ не имѣлъ онъ и начальнаго понятія: ума въ немъ не было ни крошки; онъ былъ злопамятенъ и горячъ, коваренъ и сребролюбивъ на все, лишь бы достигъ до своего намѣренія: напивался каждый день.

Трубецкой фельдмаршалъ.

Фельдмаршалъ князь Трубецкой былъ величайшая скотина. Его мало уважали, онъ ничего не зналъ въ своемъ дѣлѣ и былъ суетливъ: впрочемъ человѣкъ добрый; онъ заикался.

Брюсъ фельдмаршалъ.

Фельдмаршалъ Брюсъ родился въ Москвѣ; отецъ его былъ Шотландецъ. Онъ служилъ съ величайшимъ отличіемъ, и Петръ I очень уважалъ его: одаренный большими способностями, онъ хорошо зналъ свое дѣло и Русскую землю, а неукоризненнымъ ни въ чемъ поведеніемъ онъ заслужилъ общую къ себѣ любовь и уваженіе.

Князь Черкасскій.

Князь Черкасскій, человѣкъ благородный, умный, образованный лучше многихъ своихъ соотчичей, отличавшійся безкорыстіемъ и любившій иностранцевъ, но робкій и нерѣшительный.

Графъ Биронъ.

Графъ Биронъ, оберъ-камергеръ и любимецъ Царицы Анны, родомъ Курляндецъ, долго служившій Ея Величеству съ величайшею вѣрностію, и въ тоже время исполнялъ должность супруга. Въ обращеніи онъ былъ весьма вѣжливъ: имѣлъ хорошее воспитаніе: любилъ славу своей Государыни и желалъ быть для всѣхъ пріятнымъ; но ума въ немъ было мало, и потому онъ позволялъ другимъ управлять собою до того, что не могъ отличать дурныхъ совѣтовъ отъ хорошихъ. Не смотря на все это, онъ былъ любезенъ въ обращеніи; наружность его была пріятна: имъ владѣло честолюбіе, съ большою примѣсью тщеславія.

Графъ Левенвольдъ старшій.

Графъ Левенвольдъ старшій, генераль-лейтенантъ, полковникъ третьяго гвардейскаго полка, родомъ Лифляндецъ: человѣкъ одаренный способностями, храбрый, отважный и лживый. Онъ любилъ славу своей Государыни и пользовался особенною довѣренностію Ея Величества; но Русскіе ненавидѣли его за то, что онъ старался употреблять всюду иностранцевъ. Страшный игрокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скряга, онъ любилъ взятки: но впрочемъ былъ такой человѣкъ, съ которымъ можно было посоветоваться.

Графъ Левенвольдъ младшій.

Графъ Левенвольдъ, младшій братъ вышесказаннаго, оберъ-гофмаршалъ, былъ такого дурнаго характера, какихъ я встрѣчалъ мало. Счастіемъ своимъ онъ былъ обязанъ женщинамъ, и достигъ того, что сдѣлался любовникомъ Царицы Екатерины. Ничто не останавливало его въ достиженіи его намѣреній, и онъ не пощадилъ бы лучшаго своего друга и благодѣтеля, если бы видѣлъ для себя какую либо изъ того пользы. Честолюбіе его и тщеславіе простирались до высочайшей степени. Религіи въ немъ совсѣмъ не было, и едва ли онъ вѣрилъ въ Бога, одна только корысть управляла имъ: онъ былъ лживъ и коваренъ. Всѣ вообще его ненавидили. Но вмѣстѣ съ симъ онъ былъ ловокъ въ обращеніи, хорошо служилъ и умѣлъ давать блестящіе при Дворѣ признанія; наконецъ, въ немъ былъ умъ и красивая наружность.

Генераль Вейсбахъ.

Генераль Вейсбахъ. Нѣмецъ, недалежняго ума. Онъ считалъ себя величайшимъ полководцемъ: но другіе не только не говорили о семъ, а

напротивъ имѣли дурное мнѣніе, какъ о его храбрости, такъ и его опытности. Онъ былъ скупъ и тяжелъ въ обращеніи, а впрочемъ честный человѣкъ.

Генераль Бонъ.

Генераль Бонъ, также Нѣмецъ, генераль отъ инфантеріи, служилъ долго и порядочно зналъ свое дѣло; человѣкъ честный, но чрезвычайна робкій, и боялся навлечь на себя неудовольствіе Двора. Въ обращеніи онъ былъ остороженъ и холоденъ со всѣми, а съ офицерами своими поступать съ неизъяснимою надменностію.

Генераль Ласси.

Генераль Ласси, генераль отъ инфантеріи, родомъ Ирландецъ, зналъ свое дѣло въ совершенствѣ; его любили, и онъ былъ человѣкъ честный, неспособный сдѣлать ничего дурнаго и вездѣ пользовался бы славою хорошаго генерала.

Графъ Минихъ.

Графъ Минихъ, Нѣмецъ, служилъ генераломъ отъ артиллеріи. Онъ очень хорошо зналъ военное дѣло и былъ отличнымъ инженеромъ; но самолюбивъ до чрезвычайности, весьма тщеславенъ, а честолюбіе его выходило изъ предѣловъ. Онъ былъ лживъ, двоедушенъ, казался каждому другомъ, а на дѣлѣ не былъ ничѣмъ; внимательный и вѣжливый съ посторонними, онъ былъ несносенъ въ обращеніи съ своими подчиненными.

Гюнтеръ генераль.

Генераль Гюнтеръ, Нѣмецъ, былъ генераломъ отъ артиллеріи: дѣло свое зналъ очень хорошо; былъ честный человѣкъ, надежный и постоянный другъ своимъ друзьямъ; но врагъ непримиримый и весьма метительный: онъ былъ уменъ и очень уважаемъ Русскими.

Матюшкинъ генераль.

Генераль Матюшкинъ, генераль отъ инфантеріи, служилъ очень хорошо и порядочно зналъ свое дѣло: человѣкъ добродѣтельный и совершенно честный.

Графъ Ягужинскій.

Графъ Ягужинскій, генераль отъ кавалеріи и оберъ-штадтмейстеръ, родомъ Полякъ, и очень низкаго происхожденія. Пришедъ въ Россію въ молодыхъ очень лѣтахъ, онъ принялъ Русскую вѣру и такъ поправился Петру I, что сей Государь любилъ его нѣжно до самой своей смерти. Онъ не слишкомъ много зналъ военное дѣло, да и самъ не скрывалъ этого: но былъ человѣкъ умный, способный, смѣлый и велико-

тельный. Полюбивъ кого одинъ разъ, онъ оставался ему искреннимъ другомъ, а если дѣлался врагомъ, то явнымъ. Говорили, будто онъ лживъ, но я не замѣтилъ въ немъ этого порока. Рѣшался на что либо, онъ былъ твердъ къ исполненіи, и къ Государямъ своимъ былъ весьма привязанъ. Но если случалось ему выпить лишній стаканъ вина, то онъ могъ надѣлать множество глупостей: однакоже послѣ оставивъ эту дурную привычку, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ. Словомъ, это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ людей въ Россіи.

Чернышовъ генераль.

Генераль отъ инфантеріи Чернышовъ былъ уменъ, храбръ и служилъ хорошо: но былъ чрезвычайно скупъ, лживъ и не любилъ иноземцевъ.

Князь Юсуповъ.

Князь Юсуповъ, генераль отъ инфантеріи, Татарскаго происхожденія, родной братъ котораго былъ въ то время еще Магометаниномъ: человекъ хорошій, служившій и довольно отлично знавшій свое дѣло: онъ былъ покрытъ ранами; любилъ чужеземцевъ, весьма привязанъ къ своему Государю; словомъ, былъ однимъ изъ тѣхъ людей, кои идутъ прямою дорогою; но сильно любилъ пить.

Ушаковъ генераль.

Ушаковъ, генераль отъ инфантеріи, человекъ храбрый, исполненный чести. чрезвычайно привязанъ къ своему Государю: сердце у него доброе.

Лефортъ.

Г. Лефортъ, чрезвычайный Польскій посланникъ, родомъ Женевецъ и племянникъ славнаго Лефорта, любимца Петра I. Это былъ весьма хорошій человекъ, неспособный ни къ чему такому, что могло бы запятнать его характеръ. Онъ былъ совершенно безкорыстенъ и готовъ жертвовать всѣмъ для своихъ друзей; очень хорошо зналъ все, что дѣлалось, и за все это его уважали при Дворѣ. Но хотя онъ былъ и не глупъ, но о дѣлахъ говорилъ такъ дурно, какъ будто ни одного не бывало у него въ рукахъ. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ, и онъ жилъ довольно хорошо.

Вестфаленъ.

Г. Вестфаленъ, чрезвычайный посланникъ Датскій, былъ уменъ, опытенъ и имѣлъ много познаній; человекъ очень честный, нимало неспособный къ дурнымъ какимъ дѣламъ и очень привязанный къ службѣ своего Государя; но самолюбіе и тщеславіе его были несносны. Безпрестанно занятый величествомъ своего Короля, онъ думалъ, что

всѣ Государи должны уступать его Государю. Онъ обесуживалъ все и выводилъ важныя заключенія изъ пустяковъ, случавшихся при Дворѣ или между дипломатическимъ корпусомъ. Онъ жилъ очень уединенно, и рѣдко ѣзжалъ на чужіе обѣды для того, что бы не быть принужденнымъ звать къ себѣ другихъ.

Баронъ Цедеркрейцъ.

Баронъ Цедеркрейцъ, чрезвычайный посланникъ Шведскій, былъ очерь красивый мужчина. Онъ слѣдовалъ за Карломъ XII во всѣхъ его походахъ, былъ честный человѣкъ и любилъ своихъ друзей: но былъ недалекаго ума и легко позволялъ себя обманывать. Жена его, которая управляла имъ совершенно, была коварна, тщеславна и скупа.

Дитмаръ.

Г. Дитмаръ, преемникъ Цедеркрейца, человѣкъ былъ неглупый и хорошій; былъ не словоохотенъ, зналъ хорошо Русскій языкъ, и его любили всѣ.

Баронъ Стамбкенъ.

Баронъ Стамбкенъ, посланникъ Голштинскій, былъ человѣкъ весьма разсудительный, писалъ удивительно хорошо, но говорилъ дурно. Онъ былъ остороженъ, ученъ и скромнъ; служилъ хорошо своему Государю, жилъ благородно и напивался каждый день. Впрочемъ онъ любилъ своихъ друзей и былъ неспособенъ сдѣлать что либо дурное.

Графъ Бонде.

Графъ Бонде, преемникъ вышесказаннаго, былъ такой глупецъ, какихъ я встрѣчалъ рѣдко: невѣжда, тяжелъ въ обращеніи, надѣждавшій своими вопросами и со всѣмъ тѣмъ думавшій, что въ немъ много ума. Онъ былъ золъ и скупъ, такъ что изъ за денегъ готовъ былъ сдѣлать всякую подлость; словомъ, это былъ человѣкъ безъ всякихъ достоинствъ.

Генераль Тессинъ.

Генераль Тессинъ, также министръ Голштинскій, очень отличался отъ своего товарища: въ немъ было много ума. Получивъ хорошее воспитаніе, онъ былъ любезенъ, веселъ, очень откровененъ и неспособенъ ни къ какой подлости; словомъ, человѣкъ совершенный во всѣхъ отношеніяхъ и хорошій министръ.

Дедье (De Dieu).

Г. Дедье, чрезвычайный посланникъ Голландскій, не имѣя ни способностей, ни ума, ни достоинства, былъ невѣжда, дурно воспитанъ, тяжелъ въ обращеніи и настоящій Голландецъ.

Баронъ Ассебургъ.

Баронъ Ассебургъ, посланникъ Вольфенбюттельской, молодой человекъ знатнаго происхожденія, былъ уменъ, остороженъ, скромнъ и исполненъ чести и добрыхъ качествъ, при томъ любезенъ въ обращеніи и умѣлъ быть хорошимъ другомъ.

Салтыковъ графъ.

Графъ Салтыковъ, генералъ отъ инфантеріи и оберъ-гофмейстеръ. Человекъ весьма хорошій. Онъ служилъ очень хорошо и былъ весьма храбръ; хотя умъ у него былъ небольшой, но онъ зналъ свое дѣло.

Мамоновъ генералъ.

Мамоновъ, генералъ отъ инфантеріи, человекъ храбрый, умный и рѣшительный: служилъ хорошо и былъ хорошій офицеръ: но былъ зломъ и жоваренъ, и всѣ его боялись.

Баронъ д'Абихсдаль.

Баронъ д'Абихсдаль, оберъ-церемоніймейстеръ, родомъ Швейцарецъ: человекъ чрезвычайно умный, съ большими свѣдѣніями и удивительной памяти. Онъ былъ остороженъ; честный человекъ; любилъ своихъ друзей и не довѣрялъ тѣмъ, коихъ дружба казалась ему сомнительною. Но предавался неограниченно тѣмъ, которыхъ считалъ за честныхъ людей, и кои полагались на его довѣренность. Онъ былъ очень привязанъ къ службѣ своего Государя и уважаемъ всѣми. Ни о комъ не говорилъ дурно, и по истинѣ былъ такимъ человекомъ, котораго называютъ честнымъ и некорыстолюбивымъ.

Вотъ характеры знатнѣйшихъ людей, съ которыми я былъ знакомъ при Русскомъ Дворѣ. Теперь я скажу свое мнѣніе о всѣхъ чужестранныхъ министрахъ, кои тамъ были въ одно со мною время.

Графъ Вратиславскій.

Графъ Вратиславскій, посолъ Императора, происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ домовъ Богемскихъ. Долгое время былъ онъ министромъ при Ратисбонскомъ сеймѣ, а потомъ посломъ въ Польшу, откуда былъ перемѣщенъ въ Россію, по смерти графа Рабутинскаго. Но нельзя было выбрать человека къ этому Двору хуже его. Русскіе любятъ, чтобы чужестранные министры были вѣжливы, щедры и жили великолѣпно, а въ графѣ не было ни одного изъ сихъ качествъ. Хотя онъ и твердилъ о своемъ великолѣпії, но жилъ такъ, что всегда замѣтна была какая-то скупость. Онъ безпрестанно хвастался добротою своего сердца: но я не зналъ человека лживѣе его: болтунъ до того, что не позволялъ никому сказать слова и не слушать того, что ему

говорили. Воспитанія не имѣлъ никакого, и потому обращался очень невѣжливо со всѣми, даже съ дамами. Онъ былъ очень пристрастенъ и мнителенъ: ума въ немъ было мало, а самолюбіе неслыханное. Я не зналъ человѣка, который такъ легко довѣрялъ бы всякому. Словомъ, онъ скорѣе способенъ былъ забавлять дѣтей сказками старухъ, чѣмъ быть министромъ, и кажется, друзья графа Рабутинскаго послали его въ Россію для того только, чтобы увѣковѣчить тамъ память послѣдняго, котораго поступки и искусство были удивительны.

Баронъ Мардефельдскій старшій.

Баронъ Мардефельдскій старшій былъ десять лѣтъ Прусскимъ уполномоченнымъ министромъ въ Россіи, былъ очень уменъ, рисовалъ отлично, очень хорошо играть на лютнѣ и могъ бы считаться любезнымъ и пріятнымъ въ обществѣ человѣкомъ, если бы это все не потемнялось множествомъ его недостатковъ. Душа въ немъ была такая корыстолюбивая, что онъ изъ-за денегъ готовъ былъ пуститься на все. Религіи въ немъ не было никакой, и не смотря на это, онъ былъ непримиримый врагъ католицизма. Мнѣ не случалось видѣть человѣка, который бы такъ былъ увѣренъ въ успѣхъ всего, чего ни пожелаетъ, и по этому легкомыслію онъ разсѣивалъ такія новости, коихъ основаніемъ было одно только его желаніе, чтобы онѣ были справедливы. Онъ былъ золъ и лживъ, неспособенъ дѣлать никому добра: но очень склоненъ надѣлать много зла, не толькоумышленно, но и потому, что управлялся во всемъ пристрастіемъ. Самолюбіе его было ужасно, и ему ничто не казалось хорошимъ кромѣ того, что было сдѣлано имъ самимъ или приверженными къ нему. Словомъ, можно сказать, что онъ былъ любезный повѣса, любившій забавляться и хорошо покушать.

Баронъ Мардефельдъ младшій.

Баронъ Мардефельдъ, племянникъ и преемникъ вышесказаннаго, былъ человѣкъ умный, но очень злой, не имѣвшій никакой чести. Онъ велъ очень дурную жизнь, любилъ играть и проигрывалъ болѣе, чѣмъ могъ заплатить, не имѣлъ ни малѣйшей способности быть министромъ и обладалъ всѣми пороками своего дяди, не имѣя хорошихъ его качествъ.

Баронъ Крамъ.

Баронъ Крамъ, посланникъ Бланкенбургскій, походилъ на обезьяну и былъ настоящій педантъ; всегда погруженный въ полттику, онъ каждый день ходилъ по министрамъ, чтобы думать, что онъ трактуется о дѣлахъ. Онъ былъ не глупъ, но лживъ, готовый плакать о всякой бездѣлицѣ, онъ считалъ себя за величайшаго министра въ Европѣ, хотя могъ быть только хорошимъ школьнымъ учителемъ.

Баронъ Остерманъ.

Баронъ Остерманъ, посланникъ Мекленбургскій, братъ вице-канцлера, былъ величайшій глупецъ: но, не смотря на это, считалъ себя человѣкомъ съ величайшими способностями. Онъ всегда говорилъ загадками: жилъ уединенно, и его никто не уважалъ.

Гогенцольнеръ.

Г. Гогенцольнеръ, резидентъ Императорскій, былъ человѣкъ честный, добросердечный, но глупый, не знавшій ничего и пьяница. Но, не смотря на это, онъ хорошо зналъ Русскую землю.

Вильде.

Г. Вильде, резидентъ Голландскій, изъ Амстердамскихъ купцовъ, не имѣлъ ни ума, ни достоинства, и скорѣе былъ купцомъ, нежели министромъ. Въѣсть съ симъ онъ былъ скупъ и служилъ посмѣшищемъ для Двора, также какъ и его жена, которая прежде была у него кухаркою*):

Окончивъ здѣсь характеристику, ровно какъ повѣствованіе о моемъ посольствѣ въ Россію, я заявляю, что этотъ трудъ служить единственно моему удовольствію и поученію моихъ дѣтей.

*

Не понимаемъ, почему Д. И. Языковъ, въ переводѣ своемъ, опустилъ эти заключительныя слова въ Запискахъ дюка Лирійскаго (который умеръ въ 1734 г. Испанскій посланникъ въ Неаполѣ). Словами этими опредѣляется значеніе Записокъ. Онѣ, конечно, написаны по отмѣткамъ, которыя онъ дѣлалъ, живучи въ Россіи. Гораздо важнѣе его письма изъ Россіи въ Испанію, переведенныя съ подлинниковъ К. А. Кустодіевымъ и помѣщенные во 2 и 3 книгахъ нашего сборника: „Осмнадцатый Вѣкъ“ (1869). П. Б.

* Въ какомъ отношеніи эти супруги Вильде къ той, которая жила въ замкѣ Люде при замѣстѣ Зельмирѣ? П. Б.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) (стр. 339). О болѣзненныхъ припадкахъ, отъ которыхъ скончалась Им. Екатерина I, архіатеръ (т. е. лейбъ-медикъ) Блюментростъ сообщилъ Россійскому министерству слѣдующее описаніе. „Ея Императорское Величество, 10 числа Апрѣля впаде въ горячку, отъ которой въ седьмой день, т. е. 16 числа, черезъ кризисъ облегченіе имѣла, и потому нѣсколько дней надежду имѣла къ выздоровленію; но потомъ кашель, который она и прежде сего имѣла, токмо не весьма великій, сталъ умножаться, такжеде сребра (лихорадка) приключилась и въ большее безсилство приходить стала, и признакъ объявила, что нѣсколько поврежденія въ легкомъ быть надлежало, и мнѣніе даю, что въ легкомъ имѣть быть фомика (нарывъ), которая за четыре дня до Ея Величества смерти явно оказалась; понеже по великомъ кашлѣ прямой гнои, въ великомъ множествѣ, почала Ея Величество выплевывать, что до Ея Величества кончины не преставало, и отъ той фомики, 6 дня Мая, съ великимъ покоемъ преставилась“.

2) (стр. 340). Духовное завѣщаніе, или, по тогдашнему, тестаментъ, заключалось въ слѣдующихъ статьяхъ:

I. Великому Князю Петру Алексѣвичу быть наслѣдникомъ. и

II. Пользоваться всѣми правами и преимуществами, какими пользовались и мы.

III. Въ правленіе ему вступить не прежде, какъ на 16 году возраста своего.

IV. Во время его малолѣтства, правленіе поручить: двумъ нашимъ Принцессамъ, Герцогу и прочимъ членамъ Верховнаго Совѣта, который долженъ состоять не болѣе, какъ изъ 9 особъ.

V. Совѣту сему имѣть полную власть, равную Государской, кромѣ того только, что онъ ничего не можетъ перемѣнить въ наслѣдіи престола.

VI. Все должно быть рѣшено по большинству голосовъ, а особо никто приказать не можетъ ничего.

VII. Великому Князю присутствовать при разсужденіяхъ Совѣта; но по окончаніи регентства, онъ не можетъ требовать ни отъ кого отчета въ произведенныхъ дѣлахъ.

VIII. Ежели Великій Князь безъ наслѣдниковъ преставится: то имѣть по немъ Цесаревна Анна, съ своими десцендентами, по ней Цесаревна Елисавета съ ея десцендентами, и потомъ Великая Княжна и ея десценденты, наслѣдовать. Однакоже, мужска пола наслѣдники передъ женскимъ предпот-

чены быть имѣють, и никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не Греческаго закона, или кто уже другую корону имѣеть.

IX. Каждая изъ Принцессъ, въ вознагражденіе за исключеніе изъ наслѣдія своего родителя, сверхъ приданнаго, состоящаго въ 300 тысячахъ рублей, должна получить наличными деньгами одинъ миллионъ рублей, который будетъ имъ выплачиваемъ мало по малу во время малолѣтства Великаго Кнзя, съ тѣмъ, чтобы ни онъ, ни супруга его, не могли уже послѣ никогда требовать того обратно. Сверхъ того, обѣ Принцессы получаютъ для себя и для фамиліи своей все наше движимое имѣніе, какъ то: драгоценныя каменья, золото, серебро и экипажи, принадлежащіе собственно намъ, а не казѣ; недвижимое же наше имѣніе и земли, принадлежавшія намъ до вступленія на престолъ Всероссійскій, должны быть, по всей справедливости, раздѣлены составляющими регентство, между прочими ближайшими родственниками нашими.

X. Во время регентства каждой Принцессѣ выдавать, сверхъ вышеннаго, по 100 тысячъ рублей ежегодно.

XI. Принцессѣ Елисаветѣ вступить въ бракъ съ герцогомъ Шлезвигъ-голштинскимъ, Епископомъ Любскимъ, на что и даемъ мы наше материнское благословеніе.

XII. Принцессамъ нашимъ и составляющимъ регентство стараться также соединить бракомъ Великаго Кнзя съ одною изъ княженъ, дочерей князя Меншикова.

XIII. Все то, чѣмъ пользовался уже Его Королевское Высочество Герцогъ, никогда не можетъ быть требовано отъ него назадъ, ниже въ счетъ поставлено.

XIV. Все сіе, по кончинѣ нашей, должно быть обнародовано, подтверждено присягою и строжайше соблюдено; сопротивляющійся сему наказанъ да будетъ, какъ измѣнникъ, въ чемъ потребовать гарантіи отъ Римскаго Императора.

XV. Вся фамилія наша должна жить между собою въ согласіи, страшась къ противному случаю, подвергнуться материнскому нашему проклятію. Великому Кнзю не оставлять Голштинскаго Дома, пока сохранится въ немъ потомство наше; достигнувъ же совершеннолѣтія, долженъ онъ исполнить все, что можетъ еще недоставать къ тому, что нами здѣсь выше упомянуто.

XVI. Въ случаѣ, если Принцессы отсюда отѣдутъ, дать имъ свободный пропускъ, а для Голштинскихъ министровъ купить приличный домъ, свободный отъ всякихъ обывательскихъ повинностей.

Подписано: Екатерина.

Учинено въ С. Петербургѣ.

1727 года Мая 6 дня.

Это духовное завѣщаніе заимствовано мною изъ имѣющихся у меня выписокъ. Въ нихъ также подъ 19 Мая сказано слѣдующее: „Предъ выходомъ изъ собранія, запечатана, при всѣхъ членахъ Совѣта, духовная Императрицы Екатерины I, малою печатью г. канцлера, и пакетъ сей положенъ въ шкатулку, гдѣ хранятся государственныя печати, ключъ отъ оной канцлеръ взялъ къ себѣ,

приложилъ и къ шкатулкѣ свою же печать и поставилъ ее въ лучшій шкафъ изъ имѣющихся въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ“.

По въ тѣхъ же выпискахъ, составлявшій онѣя замѣчаетъ слѣдующее: „Отъ нѣкоторой особы, все вѣроятіе заслуживающей и занимавшей одну изъ первѣйшихъ въ государствѣ степеней, сказано мнѣ, что Императрицы Анна Іоанновна, по возшествіи на престолъ, приказала: *подлинное зачатіе сжечь*, и что канцлеръ графъ Головкинъ оставилъ у себя съ онаго списокъ, на которомъ своею рукою отмѣтилъ о сожженіи подлинника. Но какъ и сего въ дѣлахъ нѣтъ; то статьи изъ тестаментъ, здѣсь помѣщенные, перомедены изъ книги извѣстной подъ заглавіемъ: *Supplement au corps diplomatique, par Rousset tom II, part. II, pag. 188.*

3) (стр. 340). Причины, заставившія Герцога Голштинскаго и супругу его выѣхать изъ Россіи, обстоятельно описаны въ сочиненіи К. Н. Арсеньева.

4) (стр. 341). Настоящая исторія опалы Дивіера съ товарищами была слѣдующая. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Меншикова, которая вышла за него совершенно противъ воли своего брата, отъ чего сдѣлалась между ими смертельная ненависть. Во время жизни Петра Великаго они не могли предать другъ другу; но послѣ его кончины, Меншиковъ, сдѣлавшись самовластнымъ, тѣмъ сильнѣе поразилъ своего врага. Вотъ какъ происходило это дѣло, которое я занимаю изъ имѣющихся у меня выписокъ.

Меншиковъ, своимъ самовластіемъ, сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ. Сверхъ того Дивіеръ, съ нѣкоторыми другими, былъ употребленъ Петромъ Великимъ по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича, и потому они боялись, чтобы сынъ его, сдѣлавшись Императоромъ, не погубилъ ихъ, и это опасеніе заставило ихъ помышлять о средствахъ лишить его наслѣдства. Они воспользовались отъѣздомъ Меншикова въ Курляндію и стали внушать Императрицѣ, что, для усовершенія юнаго Царевича въ наукахъ, необходимо нужно отправить его въ чужіе края, полагая, что если бы въ это время Екатерина кончила жизнь свою, то имъ можно бы было возвести на престолъ, не Петра, находящаго за границею, а Герцогиню Голштинскую Анну Петровну. Но какъ при этомъ они знали, что Меншиковъ, возвратясь, легко можетъ уничтожить ихъ замыслы, то и старались чернить его въ глазахъ Императрицы, что имъ удалось; ибо и сама Государыня уже тяготилась его властію, которую позволила имѣть надъ собою Меншикову, и подписала указъ арестовать его прежде, нежели онъ возвратится въ Петербургъ. Но счастье и тутъ помогло своему баловню: графъ Бассевичъ, министръ Герцога Голштинскаго, вздумалъ спасти его: небольшого труда стоило ему убѣдить своего Государя вступиться за Меншикова, а Герцогу столь же легко было склонить и Екатерину.

Меншиковъ, возвратясь въ Петербургъ, узналъ о злоумышленіи на него Дивіера съ товарищами и искалъ случая низвергнуть ихъ въ ту яму, которую они для него выкопали; наконецъ, случай сей представилъ.

Въ Апрѣлѣ 1727 Екатерина впала въ жестокую болѣзнь. Почувствовавъ облегченіе, она узнала, что всѣ пріѣзжавшіе ко Двору вельможи были въ превеликой печали, кромѣ Дивіера, который былъ отмѣнно веселъ, шутилъ,

смѣлся и даже не оказывать Царевнамъ должнаго (*рабскаго*) респекта. Правда ли это было или нѣтъ; но ей сказали, и весьма естественно, что это воспалило ее гнѣвомъ. Она подписала 26 Апрѣля указъ о составленіи комисіи для произведенія слѣдствія о продерзостяхъ, злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ Дивіера, и къ тому, по изустному ея повелѣнію, было прибавлено слѣдующее: „И кромѣ того, во время нашей, по волѣ Божіей, пружестокой болѣзни, многимъ грозилъ онъ Дивіеръ и напоминалъ съ жестокостью, чтобъ всѣ его боялись“. На слѣдующій день князь Меншиковъ доставилъ въ комиссію записку и пункты, по которымъ надлежало допросить Дивіера. Записка эта начиналась слѣдующими словами: „Понеже объявили намъ Ихъ Высочества Государини Цесаревны, что сего мѣсяца 16 числа, во время нашей, по волѣ Божіей, жестокой болѣзни *параксизмусъ*, всѣ доброжелательные наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Дивіеръ, въ то время будучи въ домѣ нашемъ, не токмо не былъ въ печали, но и веселился...“. За симъ описываются его преступленія. 1) Плакавшую Софію Карловну вертѣлъ вмѣсто танцетъ и говорилъ: не надобно плакать. 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и, посадивъ съ собою Великаго Князя, шепталъ ему: поѣдемъ со мною въ коляскѣ; будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой: 3) Царевичъ Антъ Петровнѣ, бывшей въ безмѣрной печали, онъ, сидя на той же кровати, сказалъ смѣясь: о чемъ печалишься? выпей рюмку вина. Рейхс-маршалъ генераль-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь, видя такіе Дивіеровы злые поступки, сказалъ Ихъ Высочествамъ, чтобъ онъ его не слушали, а бы-либъ всегда при матушкѣ съ нимъ, свѣтлѣйшимъ княземъ вмѣстѣ.

Меншикову казалось, что слѣдствіе надъ Дивіеромъ идетъ медленно и при томъ видя, что въ жизни Императрицы не было никакой надежды, онъ поднесъ ей, 5 Мая, къ подписанію слѣдующій указъ: „Сочинивъ по дѣлу Антона Дивіера и его сообщниковъ экстрактъ и положивъ сентенцію, соотвѣтственно воинскимъ регламентамъ и указамъ, представить все то на другой день, т. е. 6 числа, а буде нѣкоторые сообщники не были еще допрашиваны, такихъ за краткостью времени допросить послѣ“.

Императрица скончалась на другой же день, т. е. 6 Мая, около 9 часовъ по полудни; по сентенціи надъ Дивіеромъ и его сообщниками, вѣроятно, была приведена въ исполненіе еще по утру; а по восшествіи на престолъ Петра II, былъ изданъ, 26 Мая манифестъ о томъ, что „открылись такіе мятежники, которые тайнымъ образомъ совѣщались противу устава и соизволенія Императрицы Екатерины I о наслѣдованіи Россійской короны царствующему Императору, и вымышляли всякія коварства, какимъ образомъ не только до сего законнаго наслѣдства его не допустить и отлучить въ чужіе края, но каждой изъ нихъ избрать наслѣдника по своей волѣ. Въ семъ сомнищѣ приличились: Антонъ Дивіеръ, Петръ Толстой, Иванъ Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ; а генераль-лейтенантъ Андрей Ушаковъ, слыша такіа слова отъ Скорнякова-Писарева, не донесъ о томъ, гдѣ надлежитъ. Сверхъ того оказались виновными: Александръ Нарышкинъ и князь Иванъ Долгоруковъ въ томъ, что старались препятствовать сватовству Императора на княжнѣ Меншиковой. Въ

наказаніе за такіе злые умыслы повелѣно: Дивіера и Толстова лишить чиновъ и чести, данныхъ деревень и дворовъ, и послать: Дивіера, бивъ кнутомъ, въ Сибирь, а Толстова съ сыномъ Иваномъ, заключить въ Соловецкій монастырь: Бутурлина, лиша всѣхъ чиновъ, послать въ дальнія его деревни; Скорнякова-Писарева, лишивъ чина и чести, и бивъ кнутомъ, послать въ ссылку, а данные деревни и дворы у него взять; князя Ивана Долгорукова, отлучивъ отъ Двора и унизя чиномъ, записать въ полевые полки; Нарышкина лишить чина и сослать на житье въ деревню; Андрея же Ушакова опредѣлить къ другой командѣ". См. Полное собраніе законовъ, VII, нум. 5084.

5) (стр. 341). Изъ вышеприведеннаго тестамена Екатерины I видно ея желаніе, чтобы дочь ея Принцесса Елисавета вступила въ бракъ съ Герцогомъ, Епископомъ Любскимъ: но онъ умеръ въ Петербургѣ 19 Мая 1727, отъ оспы.

6) (стр. 341). Въ числѣ сихъ великановъ, было нѣсколько Русскихъ, коиъ Петръ I прислалъ Королю. Меня увѣряли, что потомство ихъ и теперь живетъ въ Потсдамѣ, особою слободою, сохраняя православную вѣру, хотя по русски уже не говорить.

7) (стр. 364). Среди хаотическаго состоянія Двора Петра II, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, внукъ Полуектовича, родителя второй супруги Царя Алексѣя Михайловича, держалъ себя независимымъ отъ всѣхъ тогдашнихъ партій и считалъ ниже своего достоинства спорить о первенствѣ, которое принадлежало ему по праву рожденія. Дѣйствительно, Нарышкины, со времени Петра Великаго, пользовались при Дворѣ преимуществами, предоставляемыми обыкновенно Принцамъ крови и вообще считались членами Царскаго Дома. По сему-то, кажется, Дюкъ Лирійскій титуруетъ сказаннаго Нарышкина графомъ. По симъ родственнымъ отношеніямъ, Александръ Львовичъ позволялъ себѣ говорить съ Императоромъ Петромъ съ полною откровенностью и свободою, и смѣло укорялъ его.

Долгоруковы, противъ которыхъ откровенность Нарышкина была направлена прямо, поспѣшили избавиться отъ него. Въ Ноябрь 1728, было ему позволено оставить Москву и жить въ подмосковныхъ его деревняхъ. Нарышкинъ, раздраженный опалою, не переставалъ и въ ссылкѣ говорить о безпорядкахъ правительства и говорилъ не только по прежнему свободно, но даже дерзко, какъ горько обиженный и безвинно страдающій. Въ то время, какъ Государь забавлялся охотою близъ села Чашникова, гдѣ жилъ Нарышкинъ, предложено было Александру Львовичу свиданіе съ Императоромъ и доставлялся случай примириться съ нимъ, и испросить прощеніе; но онъ съ презрѣтельствомъ отвергъ это предложеніе. Такое явное неуваженіе къ Высочайшей власти и дерзкія слова Нарышкина, переданныя Государю, подвергли его суду по законамъ. Онъ былъ призванъ въ Верховный Тайный Совѣтъ и былъ въ опасности поднасть пылкѣ; но Государь, какъ сказано въ Высочайшей резолюціи 14 Января 1729, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указавъ оное дѣло розыскомъ (т. е. пыткой) вести и чтобы оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не могло разгласиться и въ народѣ

разсѣяно быть, чего ради указать послать Нарышкина въ дальнюю его деревню безвыходно, въ слѣдствіе чего онъ былъ отправленъ на житье въ Шацкую его деревню. Впрочемъ надобно замѣтить, что допросъ Нарышкину и судъ надъ нимъ производился не въ полномъ собраніи Совѣта, а только двумя членами, Остерманомъ и княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгоруковымъ. По свидѣтельству лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Нарышкина и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ, Долгоруковы показали себя, при семъ случаѣ, не только злобными и мстительными, но и готовыми посягнуть на чужое достояніе, или преступнокорыстными: они, чрезъ агентовъ своихъ, велѣли сказать Нарышкину, что *когда-де онъ отидетъ или дѣтъ потычками свои: Покровское да Кунцево, то-де будетъ по прежнему въ Москвѣ.* Нарышкинъ съ негодованіемъ отвергнулъ постыдное предложеніе и отъ того остался въ опалѣ до самой смерти Петра II. (Арсеньевъ).

8) (стр. 369). См. выше № 7.

9) (стр. 374). Обрядъ обрученія Императора Петра II съ княжною Долгоруковою происходилъ 30 Ноября слѣдующимъ образомъ. Описаніе это заимствовано изъ современныхъ извѣстій.

За день передъ тѣмъ, къ сему торжеству званы были, чрезъ гофмаршала Шепелева, Ея Величество идовствующая Царица, Государыня бабка Ея Императорскаго Величества, а Ихъ Высочества Принцесса Елисавета, Герцогиня Мекленбургская, Принцесса Парасковія, и Ея Высококняжеская Свѣтлость Принцесса Мекленбургская, черезъ Императорскаго камеръ-юнкера; но Принцессы фамиліи Долгоруковой и ближніе высокія сродники отцовою и матернею стороны для препровожденія Принцессы-невѣсты изъ Головинскихъ палатъ ко Двору, были званы чрезъ ихъ собственнаго шталмейстера; также и всѣ прочіе знатныя особы обоюго пола. Какъ Русскія, такъ и иностранныя, приглашены были въ два часа по полудни обыкновеннымъ образомъ. По пріѣздѣ ихъ во дворецъ, дамы были введены въ апартаменты большой залы и стали по правую руку, а кавалерамъ указаны антикамеры Ея Величества.

Опредѣленный для сего торжества большой залъ во дворцѣ былъ убранъ слѣдующимъ образомъ.

Посреди онаго лежалъ большой Персидскій шелковый подножный коверъ, на верхнемъ концѣ котораго стоялъ четверугольный столъ, покрытый золотою парчею, а на немъ лежалъ ковчегъ, въ которомъ былъ св. крестъ; тутъ были поставлены двѣ золотыя тарелки, на которыхъ обручальные перстни благословлены быть имѣли. Передъ симъ столомъ, на коврѣ держали за штанги шесть генераль-майоровъ изрядный, по серебряной парчѣ золотомъ богато вышитый болдахинъ, подъ которымъ Императорское обрученіе отправляться имѣло. Сии генераль-майоры были: князь Борятинскій, Венедигеръ, Бибиковъ, Измайловъ, Койтъ и оберъ-комендантъ Московскій Еропкинь.

По правую сторону лежалъ такой же долгій шелковый, подножный коверъ, на которомъ Ея Величества креслы стояли, а болѣе стульевъ на сей сторонѣ не было.

По лѣвую сторону лежалъ такой же коверъ, на которомъ стояли въ рядъ два зеленныя, бархатныя, золотомъ вышитыя кресла, и четыре также вышитыя сту-

ла, но сіи послѣдніе немного назадъ отодвинуты были. Кресла были: для Ея Величества вдовствующей Государыни бабки и для Ея Величества Императорской Принцессы невѣсты, а четыре стула: для ихъ Высочествъ Принцессы Елисаветы, Герцогини Мекленбургской, Принцессы Парасковіи и Ея Высококняжестоя Свѣтлости Принцессы Мекленбургской *). За сими стояли, въ другомъ, третьемъ и четвертомъ ряду, нѣсколько дюжинъ стульевъ для ихъ свѣтлостей Принцессиной матери, Принцессиныхъ сестеръ и другихъ сродственниковъ Принцессы, и для другихъ дамъ. А когда всѣ ко Двору съѣхались, тогда поднялся его свѣтлость оберъ-камергеръ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, оной Принцессы-невѣсты братъ, яко Императорскій, къ сей церемоніи учрежденныи принципальный комиссаръ, со свитою Императорскихъ камергеровъ и Императорскихъ знатныхъ каретъ и слугителей въ Головинскій домъ, гдѣ Принцессы фамиліи Долгоруковой въ собраніи были, для препровожденія Императорской Принцессы-невѣсты къ сему торжеству.

А когда его свѣтлость оберъ-камергеръ туда прибылъ, тогда онъ, вышедъ изъ кареты, пошелъ въ комнаты и объявилъ причину своей присылки, при томъ просилъ Принцессу къ походу и, сведши ее на низъ, проводилъ до кареты, а самъ былъ въ своей каретѣ. Послѣ сего походъ начался слѣдующимъ образомъ:

1. Шли двѣ Императорскія кареты цугомъ, въ которыхъ сидѣли господа камергеры.

2. Императорская карета цугомъ, для его свѣтлости камергера.

3. Четыре Императорскіе скорохода.

4. Два придворные фурыера верхами.

5. Императорскій шталмейстеръ верхомъ одинъ.

6. Ея Высочества гвардія гренадеровъ верхами.

7. Четыре Императорскіе постильона.

8. Для привезенія опредѣленная карета цугомъ, въ которой Ея Императорское Высочество, а на противъ ихъ свѣтлости Принцесса-мать и сестры сидѣли. Напередѣ стояли четыре Императорскіе пажы, а назадѣ ѣхалъ камеръ-пажъ верхомъ, а по сторонамъ шли 6 Императорскихъ гайдуковъ и лакеи, въ уборной ливреѣ.

9. Позади слѣдовали прочія придворныя кареты съ Принцессами Долгоруковой фамиліи такимъ образомъ, что ближайшіе сродственники передъ ѣхали.

10. Дамы отъ свиты Ея Высочества, которыя ся придворный штатъ составляютъ.

11. На послѣдокъ порожнія кареты.

Сей походъ чинился черезъ такъ называемый Салтыковъ мостъ, большою улицей въ Нѣмецкой Слободѣ, ко Двору.

И когда сіе шествіе приближалось, то гофмаршалъ и оберъ-церемоніймейстеръ, оба съ своими чиновными тростями, при провожденіи Императорскихъ придворныхъ кавалеровъ, прошли въ комнату дамскую, и просили Ея Величество

*) Анны Леопольдовны. П. Б.

вдовствующую Государыню бабу, дабы она, купно съ Принцессами крови и прочими дамами изволила идти въ обручальную палату, и когда сіе учинено и назначенныя мѣста заняты стали, тогда они, такою же церемоніею, пошли съ большою лѣстницы на низъ, для приѣма Принцессы-невѣсты.

Его свѣтлость г. оберъ-камергеръ вывелъ ее изъ кареты и взявъ подъ руку проводилъ въ верхъ, а вахта подняла ружье на караулъ, безъ барабаннаго боя. И какъ скоро она изволила войти въ залу, то учиненъ избранный концертъ на оркестръ, въ которое время, когда Принцесса-невѣста въ свое мѣсто вступила, оберъ-камергеръ, камергеры и придворные кавалеры, подъ препровожденіемъ гофмаршала и оберъ-демонімейстра, пошли въ покои Его Императорскаго Величества, для приведенія онаго также въ то собраніе.

За Его Императорскимъ Величествомъ слѣдовали: ихъ свѣтлости князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, оберъ-камергеръ, генераль-фельдмаршалъ князь Долгоруковъ и другіе знатные сей фамиліи, также ихъ сіятельство и превосходительство, г. государственный канцлеръ и вице-канцлеръ, и прочіе знатнѣйшіе, и вступили въ залу при боѣ на литаврахъ и играніи на трубахъ.

Когда Его Величество изволилъ войти и сталъ передъ своими креслами, то музыка престала, и церемонія слѣдующимъ образомъ началась.

Его свѣтлость г. оберъ-камергеръ привелъ Ея Высочество Принцессу, свою сестру, подъ балдахинъ, и когда сіе учинено, то Его Величество изволилъ стать подлѣ ее на правой сторонѣ, а при немъ его оберъ-гофмейстеръ, его превосходительство г. баронъ фонъ Остерманъ. Потомъ служащій архіепископъ Новгородскій, по прочтеніи молитвы, приступилъ къ столу и перстни обоихъ Высокихъ обручальниковъ, каждый на особой золотой тарелкѣ, положилъ, и потомъ паки передъ столомъ ставъ, оные перстни, по обычаю Греческой церкви, благословилъ, а послѣ паки подошелъ, обмѣненные перстни вручилъ, по чемъ пѣніе учинено и нѣкоторыя молитвы чтены.

И потомъ Его Величество внѣ балдахина, на его Императорское, а Принцесса на ся мѣсто препровождены, и публичныя поздравленія, при цѣлованіи рукъ, начались, въ которомъ времени били въ литавры и троекратная пушечная пальба съ болверковъ учинена.

Его Величество изволилъ церемониально повести Принцессу-невѣсту за руку въ свои апартаменты, и имъ послѣдовали: Императрица Государыня-баба, Императорскія Принцессы, и ихъ высокіе сродники, гдѣ поданъ былъ сигналъ для зажженія фейерверка; оный зѣло изрядно окончился. Также и прелестныя иллюминаціи, внутри и внѣ Дворца, состоящія во многихъ тысячахъ фонарей различныхъ цвѣтовъ, которые были изрядно устроены, предивный видъ казали.

По окончаніи фейерверка начался балъ въ большой залѣ, при которомъ и Ея Величество Императрица Государыня-баба, для показанія сердечнаго своего удовольствія, присутствовать изволила. Между тѣмъ при нѣкоторыхъ столахъ, по соизволенію, кушали, а на другихъ играли.

И когда батъ (который не такъ долго, какъ обыкновенно, продолжался) окончился, тогда Принцесса-невѣста еще съ большимъ торжествомъ, нежели какъ привезена, паки назадъ провождена, а именно: въ каретѣ о осѣжи коняхъ, при томъ было 8 верховыхъ, 6 пажей, 8 гайдуковъ, 8 павалегардовъ верхами. Ея Высочество въ каретѣ при себѣ никого не имѣла. При походѣ, отъ гвардіи били барабаны, и возвратный походъ съ тѣмъ же провожаніемъ воспріять. И тако оный высокопріятный вечеръ счастливо окончился.

10 (стр. 375). Тутъ или описка или ошибка. Меншиковъ умеръ не на берегахъ Бѣлаго моря, а Ледовитаго, въ городѣ Березовѣ.

11 (стр. 376). Въ выпискахъ имѣющихся у меня, записано слѣдующее: „Генваря 12, по случаю болѣзни Императора осноу, приказано: отира-
вить изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ ко всѣмъ Россійскимъ при чужезем-
ныхъ Дворахъ министрамъ слѣдующее о томъ извѣстіе.

„Объявляется вамъ черезъ сіе, для извѣстія вашего, что повелѣ Ею Императорскому Величеству, всемилостивѣйшему Государю нашему, въ 7 сего мѣсяца, малый жаръ со рвотою приключился, и потомъ, въ слѣдующіе дни у Ею Величества знакъ оспы явился, которая такъ и выходитъ начала, что, по мнѣнію докторовъ и по всякой надеждѣ и виду, Ею Величество, Божією помощію, счастливо и безъ страха, отъ оной освободится; того ради, за по-
требно разсуждено васъ о семъ благовременно увѣдомить, дабы вамъ при тамош-
немъ Дворѣ, ежели тамо о семъ вѣдомости произойдутъ, пристроиннымъ обра-
зомъ оное сообщить можно было, и ежели тамо, гдѣ вы обрѣтаетесь, о семъ неосновательныя и сему противныя вѣдомости разгласятся, тобъ вы оныя над-
лежащимъ образомъ опровергать въ состояніи были“.

Генваря 25, по случаю болѣзни Императора, отправлено вновь къ Рос-
сійскимъ въ чужихъ краяхъ министрамъ вторичное извѣщеніе о миновавшей
отъ оспы большой опасности:

„На прошлой почтѣ о немощи Ею Императорскаго Величества, нашего
всемилоствѣйшаго Государя, уже объявлено, что у Ею Величества оспа счаст-
ливо и безъ знака особливои опасности оказываться начала; но потомъ оное
такъ продолжалось, что она оспа нынѣ совершенно выступила и уже созрѣла.
И тако, за Божією помощію, Ею Императорскаго Величества состояніе на
очевидное вящее исправленіе приходитъ и, по разсужденію докторовъ и по
всѣмъ человѣческимъ видамъ, надѣяться можно, что въ нынѣшній, яко девя-
тый день, отъ начала болѣзни, наибольшая опасность минула, къ чему всеще-
дрый Богъ Свою дальноую помощь и сильное благословеніе даровать да благо-
волить“.

„Генваря 19, по полуночи, въ три четверти перваго часа, скончался отъ
оспы Россійскій Императоръ Петръ II, сподобясь предъ кончиною Святыхъ
Таинъ и миропомазанія“.

12. (стр. 378) Въ имѣющихся у меня выпискахъ, составившіи оныя,
сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „По силѣ духовнаго завѣщанія Екатерины I (см.
выше), на Россійско-Императорскую корону имѣлъ тогда неотрѣщаемое право
наслѣдный Принцъ Шлесвикъ-Голштинскій Карлъ Петръ Ульрихъ (сынъ по-

войной Герцагини Анны, дочери Петра I; но члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, самовластно присвоили себѣ право располагать престоломъ и приступили къ избранію. Прежде всѣхъ нѣкто предложилъ избрать вдовствующую Царицу Евдокію Феодоровну; но старость ея, образъ жизни монашескій и самыя несчастія, при жизни супруга воспослѣдовавшія съ нею, отклонили сіе предложеніе общимъ при произнесеніи имени ея, молчаніемъ. Все вниманіе избирателей обратилось тогда на послѣднія отрасли Императорскаго въ Россіи поколѣнія. Старшая дочь Царя Іоанна Алексѣевича, Мекленбургская Герцогиня Екатерина Іоанновна, не избрана, для того, что имѣла супругомъ иностранца, который, будучи беспокойнаго нрава, могъ, по случаю разстроенныхъ дѣлъ своихъ въ Германіи, вовлечь Россію въ разорительную войну. Младшую сестру ея, Великую Княжну Праскоњю Іоанновну признали неспособною правительствовать по слабости ея здоровья. Дщерь Петра Великаго Цесаревна Елисавета Петровна сама не приложила попеченія воспользоваться своимъ правомъ на корону по testamentу пресвѣтлѣйшей Матери своей, и, не имѣвъ на своей сторонѣ старыхъ вельможъ, обойдена была, по ихъ произволу, за молодостью лѣтъ ея. Герцогу Голштинскому не захотѣли вручить скипетра подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ Россія не принуждена была воевать съ Датскимъ Королемъ за Шлезвигъ и чтобъ не быть подъ игомъ Голштинцевъ, а особливо у министра графа Бассевича, который въ царствованіе Екатерины I умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ несноснымъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта приведены будучи въ заблужденіе примѣромъ Швеціи и руководствуясь болѣе всего частными выгодами своими, приняли ограничить самодержавную въ Россіи власть, дабы чрезъ то умножить свою. Выборъ ихъ рѣшился на вдовствующей Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, средней дочери Царя Іоанна Алексѣевича, въ томъ чаяніи, что она, за неожиданное ея возвышеніе, также охотно пожертвуетъ монархическимъ преимуществомъ, какъ и Королева Елеонора“.

Въ выпискахъ Генваря 19, т. е. самаго дня кончины Императора, записано слѣдующее:

„Въ 5 часу того же утра были разсланы повѣстки ко всѣмъ, обрѣтающимся въ Москвѣ, воинскимъ и статскимъ чинамъ до полковника, чтобы непременно черезъ два часа явились въ собраніе Совѣта, гдѣ и пробыли они до исхода 10 по полуночи, послѣ чего, по древнему обыкновенію, для всенароднаго извѣстія о преставленіи Государя, ударено было трижды въ большой Успенскій колоколъ.“

„Въ Совѣтѣ присутствовали тогда: канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительные тайные совѣтники: князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Дмитрій Голицынъ и два генералъ-фельдмаршала: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Володимировичъ Долгорукій.“

„Послѣ сего чрезвычайнаго собранія приказано было дать изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ патшорты отправленнымъ отъ Верховнаго Совѣта: члену онаго князю Василію Лукичу Долгорукому; тайному совѣтнику и сенатору князю Михаилу Михайловичу Голицыну и генералъ-майору Михаилу Леонтьеву для *нѣкоторыхъ дѣлъ* въ столичный Курляндскаго княжества городъ Митаву“.

13. (стр. 378) Въ выпискахъ сказано: „Оригинальныхъ бумагъ о лѣхъ комиссіи, въ архивѣ не находится, а осталась одна только слѣдующая книга Долгорукаго записка: „Роспись письмамъ, отправленнымъ со мною въ Митаву: 1) письмо къ Государынѣ, 2) кондиціи Россійскому правленію. 3) инструкція, почему поступать, 4) копія съ письма, писаннаго къ Государынѣ и 5) цифирная азбука“.

Кондиціи, предложенныя Императрицѣ, состояли, по удостовѣренію иностранныхъ писателей, въ слѣдующихъ 7 статьяхъ.

1) Que l' Imperatrice ne reignera que par les délibérations du Conseil Souverain.

2) Que de son chef Elle ne ferait ni la guerre ni la paix.

3) Qu' Elle ne mettrait aucun impot et qu' Elle ne disposerait d aucune chose de conséquence.

4) Qu' Elle ne punirait de mort aucun gentilhomme sans être auparavant convaincu de son crime.

5) Qu' Elle ne confisquerait non plus des biens de personne.

6) Que Sa Majesté ne pourrait ni disposer de terres appartenantes à la couronne, ni les aliéner.

7) Qu' Elle n' aurait pas la liberté ni de se marier, ni se choisir un successeur sans demander sur tous ces points l' agrément du Conseil Souverain*).

Что касается до *Инструкціи*, то оною повелѣвалось: объявивъ Государынѣ о ея избраніи, предложить упомянутыя кондиціи и убѣждать къ принятію оныхъ. Между прочимъ упомянуто было и о томъ, чтобъ она не исполнила брать съ собою въ Москву камеръ-юнкера своего Бирона.

Января 22, Совѣтъ опредѣлилъ: отправить ко всѣмъ, при чужестранныхъ дворахъ обрѣтающимся министрамъ Россійскимъ окружное письмо о кончинѣ Петра II, и о избраніи на престолъ Анны Иоанновны. Письмо это, подписанное канцлеромъ и вице-канцлеромъ, содержало въ себѣ слѣдующее:

„Вамъ уже прежде сего чрезъ двѣ отходящія отсюда почты, дано знать, какимъ образомъ Его Императорское Величество, нашъ всемилостивѣйшій Государь, заболѣлъ оспою, которая не токмо счастливо и по желанію вышла, но и до 12 дня отъ начатія сей болѣзни, по общему докторовъ разсужденію и по всему человѣческому виду, никакой опасности и страха во всецѣлѣйшемъ Его Величества здравіи не явилось; но въ прошедшее Воскресеніе, въ 18 день сего мѣсяца, нечаянно, къ Его Величеству такой жестокий жаръ приступилъ

*) Это взято изъ извѣстнаго сочиненія Манштейнова, стр. 36 и изъ *Mercurie historique et politique*, Avril, p. 425, 426. Но по запискамъ Дюка Липіенскаго, кондиціи состояли изъ 11 статей. Недостающія противъ Манштейна 4 статьи суть слѣдующія: 1) Le Grand Conseil sera composé de 8 membre qui gouverneront la monarchie; 2) Que la czarine ne pourra pas donner un emploi qui soit au de là du grade de colonel; 3) Que les gardes et l' armée entière dependraient du Grand Conseil; 4) Que la czarine ne pourrait donner aucun emploi de la cour, soit à un russe ou à quelqu' étranger sans avoir préalablement consulté le Grand Conseil. Манштейново извѣстіе напечатано также въ сочиненіи Мальгина: *Зерцало Россійскихъ Государей* (Спб.), стр. 564, 565.

и съ часу на часъ такимъ образомъ умножался, что по полуночи въ 1 часу, къ неописанному сокрушенію и печали всѣхъ вѣрныхъ Его Величества подданныхъ и всего государства, отъ сего временнаго житія, по соизволенію Божескому, отыде и преселился въ вѣчное блаженство.

„И понеже послѣ такого печальнаго случая, отъ владѣющихъ Всероссійскихъ Государей мужескаго пола никого не осталось, того ради, по единогласному всѣхъ чиновъ совѣту, и по желанію, и всенародному согласію, на Россійскій престолъ въ Императрицы избрана крови Императорской высокодостойныя и блаженныя памяти Великаго Государя Царя Іоанна Алексѣевича, самодержки Всероссійскаго, дщерь, великая Государыня, Цесаревна и вдовствующая Герцогиня Курляндская Анна Іоанновна, къ которой, ради объявленія о томъ и для препровожденія въ пути сюда, сего 19 отправлены въ Курляндію: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, тайный совѣтникъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, да генераль-майоръ Леонтьевъ. И понеже, до прибытія Ея Величества сюда, формальная нотификація о томъ учинена быть не можетъ, того ради, имѣте вы, по полученію сего, немедленно испрося партикулярную аудіенцію, о томъ Его Величеству донести и при томъ наилучшимъ образомъ обнадежить, что сей случай въ имѣющейсѣ между ихъ Величествъ дружбѣ и обязательствахъ никакой отмѣны не учинить, по со стороны Всероссійскаго государства ненарушимо и непремѣнно всегда содержаны будутъ. А коего времени, Богу изволившу, Ея Величество Государыня Императрица сюда изъ Курляндіи прибыть и на престолъ вступить изволить, то формальная о томъ нотификація отъ Ея Величества прислана быть имѣетъ.

„Что же касается до интересовъ государственныхъ, и въ томъ вы поступать имѣете по прежнимъ отправляемымъ къ намъ указамъ безъ всякой отмѣны. И какъ сія вѣдомость при.... Дворъ принята, и что происходитъ будетъ, о томъ имѣете вы Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ доносить“.

Генваря 28, Верховный Совѣтъ письмомъ къ князю Долгорукому просилъ его: „когда Ея Величество изволить подписать, по прошенію ихъ, отправленное съ нимъ къ подписи Ея Величества извѣстное письмо, то оное, ни мало не удержавъ, прислать къ нимъ въ Москву, съ г. Леонтьевымъ. При семъ Совѣтъ увѣдомляетъ, что они здѣсь ко входу Ея Величества всякое пріуготовленіе чинятъ на двое, и въ цѣтномъ и въ черномъ, для того, что Его Императорское Величество, блаженныя памяти Петръ II, еще не погребенъ, и учинить оный входъ тогда, какъ Ея Величество, при сближеніи своемъ, за потребно рѣшудить изволить“.

14. (стр. 379) Января 30, Верховный Совѣтъ получилъ изъ Митавы слѣдующее отъ князя Долгорукаго доношеніе, писанное 26 числа:

„Пріѣхали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7 часовъ по полудни, и тогожъ числа донесли Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ въ началѣ о преставленіи Его Императорскаго Величества, а потомъ что избрали Ея Величество на Россійскій престолъ, и просили, чтобъ изволила подписать посланныя съ нами измѣнціи. Ея Величество изволила опечалиться о преставленіи

Его Величества, а потомъ, по челобитью нашему, повелѣла, тѣ кондиціи передъ собою прочесть и выслушавъ изволила ихъ подписать своею рукою тако: „По сему обещаюсь все, безъ всякаго изъятія, содержать. Аминь“. Тѣ подписанныя кондиціи мы удержали и привеземъ ихъ съ собою, а съ курьеромъ не послали за опасностію, чтобъ какимъ несчастіемъ въ дорогѣ не утратились.

„Ея Величество намѣрена отсюда итти сего мѣсяца 28 или конечно 29 числа, и въ пути медлить не изволить. Для проѣзда Ея Величества чрезъ Ригу приказалъ я (князь Долгорукій) генералу Лессію стрѣлать изъ пушекъ и полки гарнизонныя поставить въ строй. О въѣздѣ же Ея Величества въ Москву, зѣло нужно мнѣ вѣдать: публичный ли будетъ и съ какою церемоніею? О томъ буду ожидать отвѣта.

„Государыня изволила требовать десяти тысячъ рублей на всякіе расходы и на подъемъ, и я, по ея указу, послалъ письмо къ оберъ-инспектору Ильѣ Исаеву въ Ригу, чтобы тоѣ суммѣ выдалъ тому, кому Ея Величество принять повелить“.

По прочтеніи сего доношенія, члены Совѣта немедленно отправили въ Митаву курьера съ двумя рескриптами къ князю Долгорукому. Первымъ они просили его о скорѣйшей присылкѣ кондицій съ генераль-майоромъ Леонтьевымъ или съ кѣмъ другимъ. При второмъ доставили ему рукописаніе о мѣстахъ, гдѣ будутъ заготовлены лошади для шествія Императрицы.

15. (стр. 380) Леонтьевъ привезъ съ собою подписанныя Императрицею кондиціи, при слѣдующемъ доношеніи князя Долгорукаго:

„Вчерашняго числа доносили мы въ Верховный Тайный Совѣтъ о приѣздѣ нашемъ въ Митаву и что посланныя съ нами кондиціи Ея Величество Государыня Императрица подписать изволила, а нынѣ оныя кондиціи съ собственнымъ Ея Величества подписаніемъ отправили въ Верховный Тайный Совѣтъ съ генераль-майоромъ Михайломъ Леонтьевымъ, при чемъ же вложено письмо Государыни Императрицы, которое изволила писать въ Верховный Тайный Совѣтъ въ отвѣтъ на присланное съ нами къ Ея Величеству изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта письмо о избраніи Ея Величества на Россійскій Престолъ. Генваря 28 дня 1730“.

Высочайшій рескриптъ Тайному Совѣту былъ слѣдующій:

„Любезновѣрнымъ нашимъ подданнымъ, присутствующимъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ.

„Отправленные отъ васъ, любезновѣрный намъ тайный дѣйствительный совѣтникъ и членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, князь Василій Долгорукій, да тайный совѣтникъ и сенаторъ князь Михайлъ Голицынъ, и генераль-майоръ Леонтьевъ, 25 числа сего мѣсяца пріѣхавъ къ намъ въ Митаву, горестную и неописанную намъ объявили печаль о преставленіи Его Императорскаго Величества Петра II, нашего любезнѣйшаго племянника и Государя. Мы, какъ по близости крови, такъ и по всѣмъ Его Величества благосклоннымъ къ намъ поступкамъ, признаемъ тоѣ печаль за крайнее Божеское наказаніе нашей фамиліи и всѣмъ Россійскаго народа праволубящимъ дражайшее свое отече-

ство. Но тожь, вышеупомянутые отправленные къ намъ отъ насъ особы, объявили Намъ, что, по соизволенію всемогущаго Бога, Который токмо единъ державы и скинтры монарховъ опредѣляетъ, избраны Мы на Россійскій прародителеи Нашихъ престолъ, и хотя Я разуждала, какъ тяжело есть правленіе толъ великой и славной Монархіи, однакоже повинуюсь той Божеской волѣ и прося Его Создателя помощи, къ томужь не хотя оставить отечества Моего и вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу того государства и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ, чтобы всѣ Наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. А понеже, къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ Моимъ на Россійскій престолъ, по дравоу разсужденіи, изобрѣли Мы за потребно, для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячестъ и правое Наше намѣреніе, которое Мы имѣемъ къ отечеству Нашему и вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ, какими способы Мы то правленіе вести хотимъ, и подписавъ Нашею рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы въ Москву, для вступленія на престолъ, пойдѣмъ. Впрочемъ общаемъ вамъ и всѣмъ Нашимъ подданнымъ. Нашу Монаршскую милость, которую по прибытіи Нашемъ, дѣйствительно показывать хотимъ, и всѣхъ насъ вручаемъ всемогущему Богу. Дано въ Митавѣ 28 Генваря 1730 года**).

Всѣ сіи присланныя изъ Митавы бумаги были прочтены въ собраніи Совѣта 12 Февраля.

16. (стр. 380) О семъ происшествіи записано въ выпискахъ моихъ 2 Февраля, что князь Долгорукій прислалъ слѣдующее доношеніе:

„Увѣдали мы, что вчерашняго числа пріѣхалъ въ Митаву съ Москвы Петръ Сиридоновъ г. Сумароковъ и живетъ здѣсь тайно. А понеже, при отъѣздѣ напѣмъ съ Москвы, не только пріѣзжіе и почты всѣ удержаны, того для мы его Сумарокова нашедъ, допрашивали, и тѣ распросныя рѣчи за его рукою, и найденныя у него письма, и его Сумарокова оковавъ, послали съ генераль-маноромъ Михайломъ Леонтьевымъ, и приказали сіе доношеніе и его Сумарокова объявить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Генваря 28 дня 1730 года*.

Составитель выписокъ дѣлаетъ при семъ слѣдующія замѣчанія:

„Не смотря на заставы, около Москвы разставленныя, дабы никто прежде отправленной депутаціи не предъувѣдомилъ Государыню о избраніи Ея на престолъ, и о всемъ происшедшемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; но посланнымъ въ ту же самую ночь отъ графа Ягужинскаго адъютантъ Сумароковъ добѣхалъ туда безпрепятственно. Графъ Ягужинскій, какъ сказываютъ, писалъ къ Императрицѣ, чтобы Она изволила поспѣшить отъѣздомъ своимъ изъ Митавы

* Сей Высочайшій рескриптъ напечатанъ также въ Сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ, стр. 233.

и склонилась на всѣ требованія Совѣтомъ условія, а онъ, между тѣмъ, обѣщала приложить попеченіе о умноженіи числа своихъ единомышленниковъ, увѣряя Императрицу, что тесть его, канцлеръ графъ Головкинъ, уже на стоптѣ Ея, и что по пріѣздѣ въ Москву все кончится по желанію.

Февраля 4 отправленъ къ князю Долгорукому въ дорогу съ курьеромъ слѣдующій рескриптъ:

„Сего настоящаго Февраля 2 дня прибылъ сюда генераль-майоръ г. Леонтьевъ и привезъ, къ неописанной намъ радости, отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣйшее къ намъ писаніе отъ 28 минуваго Генваря, купно съ подлинными кондиціями, за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки. И мы, воздавъ Всевышнему Богу благодареніе за толикую Ея Величества къ намъ и ко всему государству показанную милость, сознали, какъ Синодъ, такъ Сенатъ и генералитетъ, и то Ея Величества милостивѣйшее писаніе и кондиціи всѣмъ прочли, которые, такожъ съ великимъ Богу благодареніемъ, оную Ея Величества милость приняли.

„Онъ же г. Леонтьевъ отдалъ намъ вашего сіятельства два писанія тогожъ 28 минуваго Генваря, и при одномъ допросъ Сумарокова изъ котораго усмотрѣли о дѣйствіяхъ Ягужинскаго, и онаго, тогожъ времени, при собраніи всѣхъ заарестовали, и которые знали, съ чѣмъ онъ Сумароковъ отъ Ягужинскаго отправленъ, взяли за караулъ, между коими здѣсь не явился Воинъ Корсаковъ, сказали, что поѣхалъ въ Новгородскія свои деревни, и мы вчерашняго дня, отправили съ нарочно посланнымъ указъ въ Новгородъ къ губернатору, тотчасъ въ ту его деревню послать кого изъ офицеровъ съ солдатами, или гдѣ сыскать его можно, велѣтъ взять подъ крѣпкій караулъ и отдать въ содержаніе генераль-майору Прошину, и ни кого къ нему не допускать: и буде явится у него какія письма, отобрать и запечатавъ прислать въ Верховный Тайный Совѣтъ, о чемъ вашему сіятельству даемъ знать ради вашего извѣстія, чтобы вы, къ предосторожности потребныя мѣры взять изволили.

„Изъ письма вашего сіятельства отъ 29 дня усмотрѣли, что путешествіе Ея Императорскаго Величества въ Москву имѣть быть въ скоромъ времени, того ради просимъ ваше сіятельство, доложу Ея Величеству, дать намъ знать, гдѣ соизволить, по прибытіи, остановиться: въ Никольскомъ ли, или въ Воеводскомъ, или, для близости, въ слободахъ въ Земляномъ городѣ? а между тѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ дворцы, гдѣ лучшіе сыскать можно, приказали осмотрѣть и приготовить.

„О похоронахъ тѣла Ея Императорскаго Величества хотя и обнадеживаютъ насъ, что могутъ управиться къ 15 числу сего мѣсяца; однакожъ чтобы къ тому времени управились, надѣяться не можно.

„Генераль-майоръ Леонтьевъ, по желанію вашего сіятельства, отправленъ къ вамъ по прежнему.

„При томъ просимъ ваше сіятельство по часту насъ увѣдомлять о благополучномъ здравіи нашей всемилостивѣйшей Государыни, и сколь скоро ожидать намъ прибытія Ея Величества.

„Вашего сіятельства, доброжелательные слуги:

Подписали: Князь Михайла Голицынъ. Князь Василій Долгорукій. Князь Дмитрій Голицынъ. Князь Алексѣй Долгорукій“.

Такимъ образомъ Верховный Тайный Совѣтъ, получивъ кондиціи, подписанныя Ея Императорскимъ Величествомъ, издалъ того же 4 Февраля отъ своего имени слѣдующій манифестъ:

„Повеже по волѣ всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, Великій Государь, Петръ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, болѣзную осною, Генваря отъ 7 дня, отъ временнаго въ вѣчное блаженство. тогожъ Генваря 18 числа, въ 1 часъ по полуночи, отыде, и сія горестная всему Государству Его Императорскаго Величества кончина престѣкла наслѣдство Императорскаго мужескаго колѣна, того ради общимъ желаніемъ и согласіемъ всего Россійскаго народа, на Россійскій Императорскій престолъ избрана по крови Царскаго колѣна тетка Его Императорскаго Величества, Государыня Царевна Анна Іоанновна, дочь Великаго Государя Царя Іоанна Алексѣевича. Чего ради къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ изволила Россійскій престолъ принять, отправлены съ прошеніемъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, да сенаторъ тайный совѣтникъ Михайло Михайловичъ Голицынъ, да генераль-майоръ Михайло Леонтьевъ, по которому прошенію Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила, и нынѣ обрѣтается въ пути. И для того симъ объявляется, чтобъ всякаго чина люди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго, о томъ вѣдали и о воспріятіи Ея Императорскимъ Величествомъ Россійскаго престола Бога благодарили. А какъ Ея Императорское Величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приводѣ въ присягѣ, отъ Ея Императорскаго Величества указы выданы будутъ впредъ немедленно“.

На другой послѣ сего день, 5 Февраля, Верховный Тайный Совѣтъ опредѣлилъ: Обѣ Императрицѣ въ церквахъ Бога молить при возношеніи Ея имени; въ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ и во всякихъ публичныхъ бумагахъ писать и въ печатяхъ титулъ изображать точно такимъ образомъ, какъ было при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

17) (стр. 381) Императрица, прибывъ 16 Февраля въ подмосковное село Чашниково, была тамъ встрѣчена тремя членами синода и тремя сенаторами, и имѣла тамъ обѣденной столъ. Во Всесвятское прибыла того же числа, въ 3 часу по полуночи, и тамъ, отъ герцогини Менкленбургской и Царевны Параскевіи Іоанновны, приняла первыя поздравленія съ счастливымъ прибытіемъ.

18) (стр. 382) Тѣло въ Бозѣ почившаго Императора предано землѣ 11 Февраля въ соборной церкви Архистратига Михаила.

19) (стр. 382) Въ тотъ же день, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и прочіи знатнѣйшія особы ѣздили во Всесвятское для отданія Императрицѣ поклонень.

20) (стр. 382) Торжественное вшествіе Императрицы въ Москву производилось по слѣдующему, предварительно въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ апробованному церемоналіу:

Отъ триумфальныхъ воротъ, которые отъ Земляного города, даже до тѣхъ триумфальныхъ же воротъ Воскресенскихъ, которыя у Китай города, по обѣ стороны улицы, стояли армейскіе полки, а именно: первый и второй Московскіе, Копорскій, Выборгскій, Воронежскій, Вятскій, Сибирскій и Бутырскій.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскіе полки стояли въ Китай, на Красной площади, отъ Воскресенскихъ воротъ, также и въ Кремлѣ, даже до большого Успенскаго собора.

При входѣ Ея Императорскаго Величества, маршъ отиравился слѣдующимъ образомъ: 1) Гренадерская рота Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка ѣхала конницею. 2) Шли кареты порожнія генеральскихъ и знатнаго шляхетства персонъ съ ихъ служители въ либиреѣ, цугами, а именно гѣхъ 21 карета. 3) ѣхали въ своихъ каретахъ о шести возницахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта министры и прочія знатнѣйшія особы, въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ, а именно:

Тайные дѣйствительные совѣтники:

Князь Михаилъ Владимировичъ Долгорукій.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій.

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

Генералъ-фельдмаршалы:

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой.

Князь Василій Владимировичъ Долгорукій.

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

Государственный канцлеръ.

Графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ.

Грузинскій Царь.

Вахангъ Леоновичъ.

Итого 8.

4) Ея Императорскаго Величества 4 лакея пѣшками.

5) Ея Императорскаго Величества 7 каретъ цугами: кучера и форрейторы въ либиреѣ съ золотыми позументы; на лошадахъ шоры вызолоченныя. Изъ оныхъ въ трехъ каретахъ сидѣли Ея Императорскаго Величества три дамы.

6) Знатное шляхетство и офицеры, по рангамъ верхами. 21 человекъ, надъ которыми команду имѣлъ генералъ-маіоръ князь Шаровскій. А за тѣмъ съ шляхетствомъ въ замкѣ ѣхалъ генералъ-маіоръ Петръ Измайловъ.

7) Передъ кавалергардіею, генералъ-лейтенантъ и отъ кавалергардіи лейтенантъ Дмитріевъ-Мамоновъ; а въпереди кавалергардіи трубачи и литаврищики и ихъ заводныя лошади.

8) Два камеръ-фурьера верхами; лакеевъ 12 пѣшками.

9) Араповъ и скороходовъ 4.

10) Карета большая о 9 лошадахъ съ богатыми уборами, въ которой Ея Императорское Величество сидѣть изволила. Подѣтъ всякой лошади той кареты было конюшенныхъ служителей въ либиреѣ, пѣшихъ по одному человеку; кучеръ и форрейторъ въ либиреѣ бархатной съ позументомъ золотымъ.

По сторонамъ той Ея Императорскаго величества кареты шло гарцующихъ пѣшихъ 6, да ѣхали верхами, съ правую сторону: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, а за нимъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ, съ лѣвую сторону: тайный совѣтникъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, а за нимъ генералъ-маіоръ Шуваловъ.

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой; за нимъ караульные кавалергарды.

11) Въ заключеніи марша слѣдовала гренадерская рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

12) Сенаторы Высокаго Сената и коллежскіе члены, которые не были въ одной церемоніи, также офицеры, которые въ команды, для встрѣчи Ея Императорскаго Величества, были при большомъ Успенскомъ соборѣ, при цвѣтномъ же платьѣ.

13) Знатныя дамы ожидали Ея Императорскаго Величества пришествія въ упомянутомъ соборѣ, въ цвѣтномъ же платьѣ, въ робахъ, а у кого робокъ не было, тѣ въ самарахъ.

14) Когда Ея Императорское Величество, изволила придти къ Земляному городу, тогда палили изъ 71 пушки, а когда Ея Императорское Величество приближалась къ Бѣлому городу, тогда палили и 85 пушекъ.

15) При приходѣ Ея Императорскаго Величества въ городъ Китай, встрѣчали Ея Императорское Величество, у воротъ Воскресенскихъ, Архіерей и прочіи духовныя особы, съ честнымъ крестомъ и со святыми иконами.

16) Когда же Ея Императорское Величество прибыла въ городъ Кремль и изволила идти, для отправленія Господу Богу молитвы, въ Большой Успенскій соборъ, и при вступленіи Ея Величества въ оный палили изъ 101 пушки, да изъ желатаго ружья стоящіе полки отъ того собора до Земляного города по обѣ стороны улицы бѣглымъ огнемъ троекратно.

17) Потомъ Ея Императорское Величество изволила изъ онаго Успенскаго собора ходить, для моленія жъ, въ другой соборъ Архангельскій, гдѣ погребены предки Ея Величества, также и недавно преставившійся блаженной памяти Его Императорское Величество.

А изъ того собора соизволила Ея Императорское Величество пойтить, при провожденіи всѣхъ здѣшнихъ главныхъ и прочихъ знатныхъ особъ мужеска и женска пола, во Дворъ Императорскій въ апартаменты Ея Императорскаго Величества.

18) Во время шествія Ея Императорскаго Величества въ Москву, улицы всѣ были усыпаны пескомъ и противъ всякаго двора поставлены елки, и по почамъ, черезъ три дня, отъ 15 по 18 число Февраля, и черезъ всѣ тѣ три дня, употреблено здѣсь платье у всѣхъ цвѣтное.

21) (стр. 382). Въ выпискахъ моихъ записано:

„Февраля 20, по формѣ изданной Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, началась прежде въ большомъ Успенскомъ, а потомъ и во всѣхъ соборахъ, присяга Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и Государству, отъ членовъ Совѣта и отъ всѣхъ военныхъ, придворныхъ и статскихъ чиновъ, и продолжалась токмо до полудня 24 числа“.

22) (стр. 384). Петръ Великій, учредивъ сенатъ, далъ ему титулъ Правительствующаго, поелику онъ содѣлалъ его средоточіемъ всѣхъ государственныя вѣстей, высшимъ трибуналомъ суда и расправы и администраціи. Екатерина I, учредивъ Верховный Тайный Совѣтъ, подчинила ему Сенатъ, оставивъ его только высшимъ судебнымъ трибуналомъ, и потому вмѣсто Правительствующаго, повѣла называть его Высокимъ.

23) (стр. 384). О семъ спасительномъ для блага Россіи происшествіи, записано въ моихъ выпискахъ слѣдующее:

„Февраля 25, по сдѣланной повѣсткѣ, собрались послѣ полудня, въ Кремлевскій дворецъ, всѣ государственныя чины, какъ то: члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, генералитетъ, гвардіи, оберъ-офицеры; всѣ штатскіе, и житиѣннее дворянство, и бывъ допущены къ Императрицѣ, провозгласили Ее самодержавицею всероссійской, безъ всякаго ограниченія власти, при чемъ

кондиціи, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ предложенныя къ подписанію Ея Величества, были торжественно уничтожены.

„Первое употребленіе самовластия своего. Императрица оказала надъ арестованнымъ отъ Совѣта генераломъ Ягужинскимъ, приказавъ освободить его, съ прежнею честію“.

„По случаю сего сложенъ былъ трауръ на три дня и происходило торжество, колокольнымъ звономъ и иллюминаціями ознаменованное“.

„Февраля 26, отъ канцлера графа Головкина отправлены циркулярныя письма ко всѣмъ Россійскимъ въ иноземныхъ государствахъ министрамъ, уведомляющія ихъ, что 25 сего мѣсяца Императрица, по прошенію Россійскихъ чиновъ и дворянства, слѣдующаго примѣру предковъ своихъ, совершенное самодержавіе воспріять изволила“.

„Февраля 27, отправлено въ большомъ Успенскомъ соборѣ, и во всѣхъ Московскихъ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ молебное Господу Богу пѣніе, въ возблагодареніе за врученіе Императрицѣ самодержавія“.

25) (стр. 386). Я нашелъ въ своихъ бумагахъ слѣдующую очень любопытную записку, не знаю кѣмъ писанную.

„Долгорукіе строго наблюдали, что бы никто изъ знатныхъ людей не имѣлъ къ ней доступа и не говорилъ съ ней наединѣ, также надзирали и за ихъ сношеніями съ нею. Но это затрудненіе преодолено было слѣдующимъ образомъ:

„Штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, была употреблена для узнанія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ образомъ, для чего она ко многимъ прѣзжала по ночамъ.

„Когда желаніе всѣхъ, что бы Императрицѣ быть самодержатною, открылось; тогда сочинено было къ ней прошеніе о принятіи самодержавія и подписано множествомъ знатныхъ людей.

„Императрица увѣдомленіе о семъ получила такимъ образомъ: каждый день приносили къ ней младенца Биронова сына, котораго она отъменно любила; ему клали за пазуху записку о 'успѣхахъ сего дѣла, и Императрица относивъ сего младенца на рукахъ въ свою спальню прочитывала ихъ.

„Когда дѣло приведено было уже къ окончанію. Новогородскій-архіепископъ Теофанъ, въ знакъ усердія, поднесъ Ея Величеству, столовые часы, которые она принимать отрицалась; но онъ убѣдилъ Ее принять ихъ. Потомъ Она, взявъ Биронова сына, прочла за платье у него положенную записку, и узнала, что въ тѣхъ часахъ подъ доскою положенъ планъ, который прочитавъ, вышла, въ назначенный день, въ тронную залу и, противъ чаянія Долгорукихъ, взошла на тронъ, и тутъ множество знатныхъ особъ подписали Ей прошеніе о принятіи самодержавія.

„Она тронута бывъ толь лестнымъ для Нее усердіемъ, хотѣла было поклономъ изъяснить свое удовольствіе; но помянутая штатсъ-дама удержала Ее за платье.

О важныхъ происшествіяхъ, по кончинѣ Петра II послѣдовавшихъ. Архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ оставилъ намъ весьма любопытное описаніе.

которое сообщают и здѣсь въ приложеніи. Это описаніе приложено къ имѣющимся у меня разнымъ выпискамъ.

26) (стр. 386). Февраля 28 выданъ былъ слѣдующій манифестъ:

„По благополучномъ и счастливомъ Нашемъ прибытіи въ Москву и вступленіи на Россійскій престолъ, вѣрные Наши подданные, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, всѣ тѣ вѣрности Намъ и государству присягу учинили. Но по-неже, потомъ, вѣрные жъ Наши подданные, всѣ единогласно насъ просили, дабы Мы самодержавство въ Нашей Россійской Имперіи, какъ издревле прародители Наши имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всенижайшему пришепію. Мы то самодержавство воспріять соизволили, и для того вновь присягу сочинить и въ печать издать повелѣли, по которой да имѣютъ всѣ вѣрные Наши подданные, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, въ Москвѣ присутствующіе, и во всей Нашей всероссійской Имперіи обрѣтающіеся, въ вѣрности своей къ Намъ, яко самодержавной Государынѣ, присягать и на томъ слово и крестъ цѣловать и ко оной подписываться“.

Верховный Тайный Совѣтъ уничтоженъ манифестомъ Ея Императорскаго Величества 4 Марта, и возстановленъ Правительствующій Сенатъ на томъ же самомъ основаніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ.

27) (стр. 387) Избраніе на престолъ Имп. Анны Іоанновны и послѣдовавшія за тѣмъ происшествія, описаны, хотя кратко, но довольно вѣрно, въ книгѣ: Сказанія о родѣ князей Долгорукихъ (Спб. 1840), стр. 115—122.

Долгорукіе сами ископали себѣ пропасть, въ которую послѣ были низвергнуты. Дюкъ Лирійскій говоритъ только о началѣ ихъ опалы; но по выѣздѣ его изъ Россіи, постигла ихъ совершенная гибель. Біографъ рода князей Долгорукихъ пишетъ (стр. 125), что важнѣйшею причиною ихъ гибели былъ страхъ Бирона, чтобы князь Василій Лукичъ, государственнымъ своимъ умомъ, князь Сергій Григорьевичъ, дипломатическими дарованіями, и князь Василій Владимировичъ вліяніемъ на войско, не уменьшили къ нему довѣренности Императрицы.

Эта догадка кажется основательною, принявъ въ соображеніе, что ни одинъ изъ Долгорукихъ, при возвращеніи Государынѣ самодержавія, не подвергся смертной казни, а всѣ они были сосланы или въ честную ссылку, а кто именно и куда, показано въ Сказаніяхъ, стр. 123. Но послѣднюю чашу бѣдствій испили они чрезъ девять лѣтъ, по слѣдующему, какъ говоритъ сочинитель сказаній, случаю:

Въ 1739 году Императрица вспомнила о дарованіяхъ князя Сергія Григорьевича, жившаго въ опалѣ въ Ораніенбургѣ (Рязанской губерніи) и вознамѣрилась употребить его по дипломатической части. Разумѣется, что это не понравилось Бирону, и онъ рѣшился нанести послѣдній ударъ всему дому Долгорукихъ. Подъякій Тишинъ, подкупленный Бирономъ, закричалъ слово и дѣло, и главнѣйшіе изъ Долгорукихъ, кромѣ Алексѣя Григорьевича, отца обрученной невѣсты Петра II, умершаго въ Березовѣ, были свезены изъ разныхъ мѣстъ, въ Новгородъ, гдѣ произведенъ былъ надъ ними (какъ сказано въ Сказаніяхъ, стр. 124), судъ Шемякинскій, въ слѣдствіе котораго,

8 Ноября 1739, Василій Лукичъ, Сергѣй Григорьевичъ, съ братомъ своимъ Иваномъ, лишились головъ, а Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ Петра, былъ четвертованъ.

Биронъ, избавясь отъ главнѣйшихъ изъ Долгорукихъ, не оставилъ въ покоѣ и остальныхъ. Несчастная невѣста Петра II, и сестры ея, Елена и Анна, томившіяся въ Березовѣ, были заключены въ разные монастыри. Братья ея: князь Алексѣй отправленъ въ Камчатку служить матросомъ; князья Николай и Александра наказали кнутомъ, урѣзали имъ языки и сослали ихъ въ работу вѣчно, перваго въ Охотскъ, послѣдняго въ Камчатку.

Сочинитель Сказаній говорить на стр. 163, что одному только Николаю былъ урѣзанъ языкъ, не извѣстно за что.

Причиною сей казни былъ тотъ же подъячій Тишинъ, который донесъ, будто они говорили важныя, злодѣйственныя непристойныя слова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О важныхъ происшествіяхъ, послѣ кончины Императора Петра II вослѣдовавшихъ, Новгородскій архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ оставилъ намъ описаніе весьма любопытное въ разсужденіи разныхъ особенностей и мнѣстныхъ дѣйствій, которыя, при тогдашнемъ переворотѣ не избѣгали отъ его провидѣнія. Сей славный витія своего времени повѣствуетъ о семъ тако.

Преставился Петръ Второй 1730 года Генваря 18 дня, во второмъ часу по полуночи, по учиненномъ ему (какъ въ Греческой Церкви обычно), отъ трехъ архіереевъ елеосвященіи, меньше часа; и пребыли Архіереи въ палатахъ до кончины его; были также Верховнаго Совѣта члены, такожъ и изъ Сената и генералитета немалое количество.

И тогда князь Василій Владимировичъ Долгорукій, именемъ прочихъ, просилъ Архіереевъ помѣшкать немного, внушая, что тамъ же скоро имѣеть быть совѣтованіе о избраніи Государя новаго; но скоро потомъ, возвратясь къ нимъ, сказалъ, что Верховному Совѣту заблагодарасудилось, къ подходящему дню, и въ палатахъ Верховнаго Совѣта, быть всѣхъ членовъ собранію въ 10 часу по полуночи, куда и они Архіереи изволили бы прибыть сами и другихъ бы какъ Архіереевъ, такъ и Архимандритовъ съ собою привели, понеже сіи были синодальные. И тако Архіереи всякъ по своя отошли.

По уже въ самомъ семъ поступкѣ нѣкая была хитрость: ибо, по отношеніи Архіереевъ, Верховники^{*)} и другіе начальники тамъ же остались, и долго развлагольствованіе было о наслѣдникѣ Государя съ немалымъ разгласіемъ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, невѣсть новопреставлявшагося Государя родитель, дочеръ своей скиитра домогался, которой его дерзости, яко весьма печальнойно, многіе удивились. Но онъ, властолюбіемъ ослѣпленный, не устыдился показать и нѣкое писмо, яко бы Петра II завѣтъ, прежде кончины своей, отъ него написанный, которымъ будто бы онъ державы своей наслѣдіе повѣсть Екатеринѣ укрѣпилъ. Дивное всѣмъ стало князь Алексѣево безстыдіе (кромѣ однихъ, чаю, свойственниковъ его) и на требованіе, яко весьма непристойное и смѣха достойное, никто не посмотрѣлъ; понеже отнюдь не могло быть вѣроятна, дабы учинилъ то Государь, до болѣзни своей отрокъ, крѣпкимъ составомъ цѣлѣущій и толь сильное имѣющій здравіе, что многолѣтняго весьма житія надежду подавало: какъ же бы онъ могъ и подумать о близкой себѣ смерти, не то, чтобы нещися и промышлять, чему быть по кончинѣ своей? А когда пришла ему болѣзнь (которая не болѣе дванадцати дней удру-

^{*)} Т. е. члены Верховнаго Тайнаго Совѣта.

чая его, умертвила), во все то время дѣлали ему потѣшку скорого къ первому здравію возвращенія, не то чтобъ ему о будущей смерти повѣщать, хотя бы и подлинно вѣдано, что ему прочее живу не быть.

По отверженіи же того домогательства, требовано другихъ господъ мнѣніе.

Разные были голоса, однакоже внѣ фамиліи Государя не выходили.

Нѣкто приговаривалъ и за бабкою Петра II, не давно изъ заточенія освобожденною; но сіе прочіе судили яко непристойное и произшедшее отъ челоуѣка, корыстей своихъ ищущаго, самымъ молчаніемъ притупили.

А когда произнеслось имя Анны, вдовы, Курляндской Герцогини, дщери Іоанна Царя, большаго Петру I брата, купно съ нимъ до кончины своего царствовавшаго, между Екатериною и Параскевіею Царевнами среднія сестры, тотчасъ чудное всѣхъ явилось согласіе, которому спорить не посмѣли и оныя, коимъ завладѣнная и по мнѣнію ихъ неотъемлемая уже въ рукахъ бывша высочайшая власть, а тогда отъ нихъ уходила.

О переимѣнѣ формы или образѣ царствованія, чего нѣдѣи изъ оныхъ господъ и прежде сего желали и желанія утаить въ себѣ не могли (какъ уже ясно о томъ покажется), въ семъ же тогда собраніи, хотя не при всѣхъ, но по выходѣ оттуда многихъ прочихъ, говорено, и что о томъ умышленно, ниже сего извѣстно будетъ.

Когда день насталъ и великое всѣхъ штатовъ множество въ Верховный Совѣтъ собралось (куда и Синодальные и другіе прочіе Архіереи и Архимандриты прибыли) и великій канцлеръ вслухъ предложилъ, что Верховный Совѣтъ, Курляндской Герцогинѣ, Царевнѣ Аннѣ, Россійскую корону должну быть усматриваешь, но требуетъ и всѣхъ, всего отечества лице на себѣ являющихся чиновъ, согласіе: тотчасъ всѣ въ единъ голосъ изволеніе свое показали, и ни единого не было, который бы хотя мало задумался. Первый же Архіерей, имянемъ всѣхъ отвѣтствуя, сказалъ, что не только, какъ онъ, такъ и вся братія его на то согласуется, но и желаютъ тотчасъ въ престольной церкви, при всенародномъ присутствіи, торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемогущему Богу за толикое, полученное отъ Него дарованіе; но, когда сей Архіерей оное слово произнесъ, непріятно то стало верховнымъ господамъ: отрекли и быть тому тогда не приговорили, что ясно весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія. И тако, великій соборъ распущенъ.

Стали же многіе разсуждать: какая бы то была отъ Верховныхъ причина отлагать оное благодарственное молебствіе? И кто легко и скоропостижно разсуждаетъ, сію того вину быть думалъ, что еще неизвѣстно, созвать ли Царевна Анна царствовать; но осторожнѣйшія головы глубочай нѣчто проникали и догадывались, что господа Верховные иной нѣкій отъ презящаго видъ царствованія устроили, и что на ношномъ ономъ многочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сократить власть царскую и нѣкими вымышленными доводами акибы обуздаты и, просто рѣши, лишить самодержавія затѣяли. Если же и о согласіи Царевны Анны надлежитъ сомнѣваться, то сомнительства сего тожъ причиною,

то есть, похощеть ли Государыня Анна прикасаться за умаленную предковъ еяныхъ державу. И догадъ сей, какъ былъ неложный, скоро самимъ дѣломъ ясно показалося.

Здѣже, вопервыхъ надобно, кажется, изъяснить: кто они и сколько ихъ было, которыхъ въ повѣсти сей нарицаемъ Верховными.

Цри Императрицѣ Екатеринѣ, сверхъ установленнаго Петромъ I Сената, новое и отъ Сенату высшее правительство учреждено, и украшено оное особливимъ именемъ: Верховный Совѣтъ. Сіежь собраніе въ томъ вѣщше отъ Сената имѣло силу, что и нѣкую власти часть, у Сената отнятую, пришло къ себѣ, и что большую важность возымѣло; однакоже, что ни хотѣли бы Верховный оный Совѣтъ вновь уставить, неволень былъ сдѣлать то безъ изволенія Императрицы. А когда ея не стало, а насталъ Петръ II, дванадцатилѣтній тогда отрокъ, тогда Верховный Совѣтъ получилъ себѣ, по своему мнѣнію, совершенную и свободную власть, и могъ и дерзалъ дѣлать, что хотѣлъ. Да и тогда еще правительство оное не могло ничего учинить безъ воли князя Меншикова, который его членъ былъ, наипаче, когда сей дочь свою Петру II въ пѣвѣсты отдалъ публичнымъ обрученіемъ. Всѣхъ Совѣта того членовъ 9 человекъ было, а по изгнаніи въ ссылку Петра Толстаго, потомъ же Мамшикова, собраніе оное умалилось, а послѣ того новымъ прибавленіемъ стало въ числѣ осмилчнномъ; именно же сіи были:

Возникін, канцлеръ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, первый;
Другіи, неизвѣстнаго почитай порядка, князь Дмитрій Михайловичъ,
Дѣла братья его князь Михайло Михайловичъ, фельдмаршалъ; Голицыны.
Князь Василій Лукичъ,
Князь Василій Володимировичъ,
Князь Михаилъ Володимировичъ.
Князь Алексѣй Григорьевичъ,
И сіи 4 единой фамиліи Долгорукіе.

Одинъ еще изъ націи Нѣмецкой, Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Добавилъ бы число Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, адмиралъ; но не стало его тогда, когда еще не всѣ здѣ упомянутые, къ оному правительству причтены были.

Именованные же Долгорукіе, каковое ни засѣдали мѣсто въ томъ собраніи, однако же другихъ товарищей своихъ весьма были сильнѣйшіи, имѣя основаніе на сродникѣ своемъ Алексѣѣ Григорьевичѣ, который въ рукахъ своихъ Петра II имѣлъ, и его же Государя, по всякому примѣру Меншикова, приводилъ къ понятію въ жену дочери своея, уже и обрученія совершеніемъ. И потому одинъ онъ Верховнаго Совѣта сильнѣйшимъ сталъ.

Къ же и зыкъ его, князь Иванъ Алексѣевичъ, о которомъ въ народѣ слухъ обносился, что въ великой у Петра II милости, много Долгорукихъ фамилій придавалъ возможности. Но скоро явилось, что Иванъ сей пагубу, паче нежели помощь, роду своему приносилъ; понеже бо и природою былъ злодерзостенъ, и еще къ тому, толикимъ счастіемъ падменный, и ни о чемъ, якобы

себѣ не доводилось, не думалъ, не только весьма всѣхъ презиралъ. но и многимъ зѣло страхъ задавалъ, однихъ возвышая, а другихъ низлагая, по единой прихотѣ своей, а самъ на лошадахъ, окружась драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакать, по и по ночамъ въ честные дома вскакивать гость досадный и страшный, и до толикой дерзости пришетъ, что кромѣ зависти, нечаянной славы, уже и праведному всенародному ненавидѣнію, какъ самаго себя, такъ и всю фамилію свою, аки бы нарочно подвергалъ.

Да и прочіи Долгорукіе, хотя по внѣшнему виду, будто бы и умѣренными являлись, однакоже дѣлами своими въ великое властолюбіе подозрѣніе приходили. Основаніе или корень такового ихъ безпамятства было то, что возмечтали, будто бы Царская фортуна, чрезъ уготовляемое Петра II съ Екатериною ихъ бракосочетаніе, въ дома ихъ переселилась. Нѣкоторые же изъ нихъ, поострѣе разсуждающіи, хотя уже о событіи желаній своихъ и несомнѣваясь, однакоже промышляя, дабы отнюдь ничто не осталось. что намѣренію ихъ могло препятствовать, различныхъ хитростей употребляли; ревность къ Православію показуя, бабу Государеву обогащавая, товарищей своихъ, да не своей крови, притворными ласканіями себѣ привлекая.

Но больше всего возымѣли попеченіе, какъ бы Голицыныхъ примирить и присоюзить къ себѣ, понеже между двѣма сими фамиліями наслѣдныя зависти, и ненависти, и ссоры, и вражды, изъ давнихъ лѣтъ, даже до того времени были, что всему Русскому народу извѣстно и несомнительно. Начали же Долгорукіе всѣ къ тому употреблять способности: часто пріѣзжать къ Голицынымъ и ихъ къ себѣ призывать, просить же и увѣщевать прилежно перестать бы обѣимъ сторонамъ отъ прадѣднаго соперничества, и взаимныя распри, яко отечеству зѣло, вредныя упразднить; и со временемъ того достигли, что Голицыны съ Долгорукими, прельщены ли или опасны будучи, въ союзъ вошли и за одно стали. Слухомъ же обносится, будто сіе дружество и обѣимъ сторонамъ присягою утверждено; но тоже де само, во время опасной болѣзни Петра II, и вѣще укрѣпить Долгорукіе потщились. Но уже пора на первое возвращаться.

Тѣи же то Верховные господа, собравъ первѣе по кончинѣ Петра II (какъ уже выше показано) Совѣтъ, когда Царевнѣ Аннѣ Императорская власть, согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, присуждена стала, многихъ домой отпустили, а сами совѣтовали, какъ бы власть Государеву сократить, и нѣкими установленіями малосильнѣе учинить? На что наипаче Долгорукіе настояли, показуя видъ, будто они народной нѣкоей пользѣ служатъ, а самими дѣломъ, желая получить себѣ хоть часть Царской власти, когда цѣлой той достиги не могли. Сіе коварство ихъ потому не тайно, что они не думали вводить народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ) но всю владѣнія крайнюю силу осьмочисленному своему Совѣту учреждали, который владѣнія образъ, въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарецись владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократія; но развѣ сновническимъ

тщанствомъ или насильствомъ, которая олигархія у Еллиновъ именуется *vide latin*.

Еще же и другое умышленіе Долгорукихъ было. Другихъ они друзей своихъ надеждою только, якобы общаго съ собою корыстованія тѣшили на время, а имѣли намѣреніе и оныхъ изъ общества своего выключить.

Сіи же всеночной оной затѣйки ухищренія не трудно будетъ познать читателю, какъ изъ разныхъ вослѣдовавшихъ дѣла сего обстоятельства, такъ и изъ мастерства, котораго господа сіи въ произведеніи умышленій своихъ употребляли, что слѣдующее сказаніе ясно покажетъ.

И по первыхъ, когда Верховные оные господа, благодарственному (какъ выше сказано) молебствію быть не повелѣли, и тѣмъ самымъ у людей умныхъ вошли въ подозрѣніе, еще и сами торопясь затѣйки свои какъ бы возможно произвести скорѣе въ дѣло, аки бы нарочно, тайнство свое открыли.

На другой день, по представленіи Государевомъ, отправили въ Курляндію князь Василы Лукича Долгорукаго, придавъ ему двоихъ будто бы товарищей (одниъ же изъ нихъ былъ Голицынъ, князь Михайло Михайловичъ менышникъ); но съ такою скоростью, что на разставленныхъ нарочно для того частыхъ подводахъ, казалось, летѣли они паче, нежели ѣхали. Тщались же то предъ всѣми утаить, но тотчасъ по всему городу вѣдомо учинилось. Въ то же время, по всѣмъ дорогамъ, которыми можно бы кому въ Курляндію пробираться, крѣпкія заставы расположили, давъ онымъ солдатамъ указъ, дабы оттуда въ Москву ѣдущихъ пропускали, а отъ Москвы туда шествующихъ удерживали бы, и письма бы у нихъ обирали. И отъ таковаго ихъ дѣйствія не токмо догадливые люди, но и тупые простолюдины, явно уже видѣть могли, что господа Верховные затѣваютъ, и не трудно было разумѣть, что они вымышленны для себя новый царствованія порядокъ хотятъ Государынѣ поднести именемъ всего народа, аки бы всенароднымъ согласіемъ утвержденный. Опасаясь же и боясь, дабы отъ кого увѣдомленная Государыня коварства ихъ не познала, стараясь такимъ то обереженіемъ, чтобъ она о томъ знать не могла, покажетъ сама въ руки ихъ не достанется. Многіе же и проклинали таковой поступокъ, яко къ презлѣйшему обычаю образецъ, что они такъ дѣлали съ ожидаемымъ Государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлають съ наступающимъ непріятелемъ.

Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе: куда ни прійдешь, къ какому собранію ни пристанешь, не ино что было слышать, только горестныя нареканія на осьмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несмытое лакомство и властолюбіе. и вездѣ, въ одну почитай рѣчь говорено, что если по желанію господъ оныхъ сдѣлается, отъ чего бы сохранилъ Богъ, то крайнему всему отечеству настать бѣдство. Самимъ имъ господамъ велизя долго быть въ согласіи: сколько ихъ есть числомъ, чуть не толико явится атамановъ междуусобныхъ брамен, и Россія возымѣетъ скарѣдное лице, каково имѣла прежде, когда на многія княжества расторгнена бѣдствовала. И не должны, по моему

мнѣнію, были таковыя гаданія; понеже Русскій народъ таковыя есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ; а если каковое нибудь иное владѣніе правило воспріиметь, содержаться ему въ цѣлости и благодати отнюдь невозможно. Но о семъ намѣреніе наше есть особливья доказательства написать.

Между тѣмъ произошло въ слухъ, что другіи родился союзъ, оцѣлочному союзу противный. Знатнѣйшіи, сирѣчь, изъ шляхетства, сполниться и свѣтоваться стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать Верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить; и для того по разнымъ домамъ, да пощюю дорою собирались.

Я, въ то время, всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать, что сія другая компанія придумала и что та къ намѣренію своему усмотрѣла? И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое: „на Верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть внезапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать“. Другое мнѣніе кроткое было: „Дойти до нихъ тѣ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина однимъ и немногимъ государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преползное нѣчто усмотрѣли, однакожь скрывать то предъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать, неприятно то и смрадно пахнетъ“. Оба же мнѣнія сіи не могли пропзойти въ согласный приговоръ: первое, яко лютое и удачи неизвѣстной, а другое, яко слабое и недѣйствительное и своимъ же головамъ бѣду наводящее. И такъ нѣкакого другаго средства искать надлежало.

Досталъ же я и о томъ еще вѣдомости, что сіи Верховниковъ супостаты и между собою не единомышленны были, но весьма противнаго хотѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тѣнили старое и отъ прародителей воспріятое государственнаго правило удержать непремѣнно, а другіе, да еще сильнѣйшіе, тогожде хотѣли, что они ихъ въ дружество свое не призвали. И потому нетрудно было мнѣ прорипать, что сіи Верховнымъ противники ничего не сдѣлаютъ, И по истинѣ, все ихъ дѣйствіе, день по дни, знатно простывало.

Хотя же и другая сія факція зѣло старалась собраніе свое утаивати, и одинъ другаго заклиная, дабы нишкнуть о семъ, и всѣ великіи на стѣхъ налагали клятвы, если бы кто вынести совѣты дерзнулъ; однакоже отъ Верховниковъ утаиться не могли. Были въ толикомъ множествѣ (понеже до 500 человекъ себя исчитали, непостоянные; были таковыя, которые одинъ у одного, а другіе у другаго изъ Верховныхъ имѣли или искали милости и призванія, или инымъ какимъ образомъ поработенны). Которые крѣпко хранили тайну, тѣ тщательно искали провѣдать кто именно предатель? О нѣкоторыхъ извѣстны стали; но тотъ укрывался, инако на посѣщеніе сужденъ.

Не безъ страха же было Верховнымъ, когда еще не знали они, какъ дремливо было противниковъ дѣйствіе; но когда сіи узнали, показывали себя жестоко грозныхъ и яростныхъ. Нарочно отъ нихъ разсѣвался слухъ о страш-

ныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ, и что мятежныя ихъ сонмища Верховному Совѣту гораздо вѣдомы, и что непокойныя оныя головы судятся, яко поиріятели отечествія, и скоро пошлется, или уже и послано, ловить ихъ за прѣстѣ. Я-что дурное они на множество свое уповають, понеже въ числѣ Верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются, и что никому изъ нихъ утѣнться и избѣжать бѣды нельзя, понеже немногіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится кто таковой казни достойны будутъ.

И хотя таковыя вѣсти пошептомъ въ народѣ обносились, однакоже толкии страхъ дѣлали новымъ союзникамъ, что многіе изъ нихъ, особливо маломощные, и въ домѣхъ своихъ пребывать опасались; но съ мѣста на мѣсто переходя, въ притворномъ платѣ и не въ своемъ имени, по ночамъ только, куда ного позвала нужда, перебѣгали.

Однакоже Верховники, поражая страхомъ соперниковъ своихъ, и сами еще не ощущали въ себѣ безстрашія. Смущала ихъ злая совѣсть, и что неизвѣстно было, чѣмъ кончится дѣло ихъ, толь дерзновенное. Начали же призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать съ ласко-сердіемъ, и съ общему сословію преклонять, ротяся и присягая, что они за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся, и жаловались, что напрасно то въ грѣхъ ихъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщали, подавая тому вину, что хотѣли они первѣе искутить и отвѣдать, какову себѣ покажутъ на ихъ предложеніе избираемая Государыня, а то утѣдавъ, имѣють они намереніе всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому за благоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщая скоро то учинить и себя, яко невинныхъ, предъ всѣми оправдать. Таковыя Верховныя выправки, кто изъ опасныхъ и нескоронѣрныхъ мужей слышать, вѣдалъ, что то обманное ловительство; но другіе, и числомъ множайшіи, сими плѣнниками уловлены остались.

Когда же тако, чрезъ двадцать дней, а не больше, съ обою сторону различно мятежся, а мы, что то со временемъ хочеть быть, ожидаемся, и се во вторыхъ день Февраля, посланныи отъ Верховнаго Совѣта по Сенаторскимъ, Архіерейскимъ и прочихъ чиновъ домамъ разносятъ повѣстки, что Верховный Совѣтъ на утренній день всѣхъ въ собраніе призываетъ (нарочно удерживаясь отъ парвітія „указываетъ“ и указъ ихъ словомъ „призыву“ умягчивая); тіи же вѣстники и приносили собранія того вину, будто о государственномъ установленіи совѣтовать будутъ.

Чудно же, воистину, сказать, каковыя многіхъ явились тогда разгласія! Одни, да и множайшая часть, говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ Верховныи Совѣтъ раскаялся и хочеть просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены сего въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались. А другіе всѣ иное помыслили, и какъ сами они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ ходить туда не совѣтовали, прилежно внушая, что новая то Верховниковъ хитрость, и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочіихъ или къ согласію затѣекъ своихъ сильно принудить или противящихся себѣ вдругъ придавить. Въ тотъ

же день нѣкая тайная носилась поговорка, будто изъ Курляндіи пришло письмо въ Верховный Совѣтъ, и когда сіи опасѣйшіи оное услышали, и даже тѣнились всѣхъ отъ повѣщеннаго собранія отводить: ибо они, присматривавшіе тогда, каковымъ лицомъ являютъ Верховники, примѣчали, что не только сами они, но и слуги ихъ необычно веселы и радостны были, и потому не было уже сомнительно, что ухищреніе Верховниковъ удалось, и Анна Государыня должнымъ, якобы отъ всего народа, именемъ, сведена на подложныя ихъ договоры пристала. И сей многихъ догадъ непогрѣшительный былъ; но бѣдѣйшая часть перемогла лучшую.

Въ третій день Февраля превеликое множество къ назначенному мѣсту собралось, гдѣ когда ожидано, что такое къ совѣтованію отъ Верховниковъ произнесется. Тогда, они, указавъ молчаніе, повелѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо, и дѣломъ явилось сущее то, что опасѣйшіи пророчили: было то посланіе Императрицы Анны.

Ни кого, почитай, кромѣ Верховныхъ не было, кто бы таковымъ слушать, не содрогнулся, и саміи тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія помыслились надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ другимъ понемногу, остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они, яко невѣдомой судьбы и нечаянной вещи, удивляются.

Одинъ изъ нихъ только, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, часто похаркивалъ: „Видите-де, какъ милостива Государыня, и какого мы мѣтъ не надѣялись, такое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее подвинулъ къ писанію сему: отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!“ Сіи и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать стали: „для чего никто ни единого слова не проговорить? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ-де ничего другаго говорить, только благодарить толь милосердной Государыни!“ И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію примолвилъ: „Не ждая-де и весьма чуждую, отъ чего на мысль пришло Государыни такъ писать!“ то на его слова ни отъ кого отвѣта не было.

Потомъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей братіи дано было время поразсудить о томъ свободѣ. И на то соизволили Верховные, желая паче отпустить упрямыхъ и себя отъ страха освободить, нежели вмѣняя то въ пользу свою.

Архіереи же Синодальные учали помогать, чтобы, больше не отлагая, собраться и совершить благодарственное молебствіе, чему уже и не спорили никто.

Повелѣлъ же Синодъ діаконъ возносить Государыни имя съ полнымъ Монаршескою титуломъ, самодержавіе въ себѣ содержащее, что и сдѣлаво. Да

тожь Верховнымъ весьма нелюбо стало, и калясь, что о томъ прежде запамтовали посовѣтоваться. и когда, въ тотъ же день. Синодъ посылалъ во всѣ страны письменныя титулованія Государыни формы, посылали и они; но титулы самодержавія. уже прежде оброченной, перемѣнить не посмѣли.

И изъ онаго времени видѣть было, что всякаго. почитай. чина и званія люди. якобы дрыхлы и задумчивы ходили и будто нѣчто глубоко размышляли. И не можно было иначе поступать, у кого здравый смыслъ и разумъ былъ; понеже: хотя затѣйка Верховныхъ господъ и не тайна была, однакоже никто не видѣлся. дабы они отважились такъ рабскіе и тѣсныя владѣнія устави на Императрицу накинуть.

Падлежить же сіе вѣдать, что сія епистолія въ Москвѣ соплетена была и князь Василіемъ Лукичемъ въ Курляндію отвезена и подложена Государынѣ для подписанія. а дабы Государыня не отеклась подписать, князь оный Василій несслуханною лжею заклинался, что то требованіе есть отъ всѣхъ чиновъ и общее всего народа. И о семъ изъ устъ самой Императрицы, по приѣздѣ ея въ Москву, извѣстно стало.

Въ 10 день Февраля получена вѣдомость, что Государыня отъ Москвы уже не далеко

И скоро потомъ отъ чина церковнаго три Архіереи, да три Сенатора отъ гражданскаго. навестрѣчу Ея Величества выправлены. Да и тутъ жалостное нѣчто и примѣчанія достойное явилось. Когда оные Сенаторы и Архіереи, по опредѣленію Верховнаго Совѣта, именемъ всѣхъ чиновъ, Императрицу привѣтствовать въ дорогу наряжались, нужда имъ была требовать пашпорты отъ Верховнаго Совѣта. и получили. А когда доѣхали до заставы, понеже еще далече того мѣста была Государыня, тогда капитанъ заставу держащій съ объявленіемъ отъ нихъ пашпорта, какъ самихъ господъ, такъ служителей считалъ и потомъ далѣе шествовать пропустилъ. Выѣстъ ли и совокупно Сенаторы къ Государынѣ, которая тогда въ селѣ Чашниковѣ остановилась. прибыли или порознь и особно, я о томъ не извѣстенъ и не провѣдалъ, яко ненужнаго. а о семъ отъ нѣкихъ изъ свиты князя Василія Лукича послѣ я увѣдомился. что когда какъ Архіереи, такъ и Сенаторы, Государыню привѣтствовали. тогда оный князь Василій весьма прилежно на глаза ихъ и на руки. и отъ головы до ногъ, присматривался и на вся ихъ движенія, именованія, остро наблюдалъ. Только, сирѣчь, трусливо и опасно было оное властолюбивое шатаніе; а правдамъ политическимъ сходна ли была хитрость она, инымъ на разсужденіе оставляю.

Еще же и сего проронить не надобѣ, что когда нѣкіи изъ правительствовавшихъ откланясь Государынѣ. прежде ея похода къ Москвѣ, возвращались и скоро обѣжали. и уже три версты пробѣжали, тогда Государыня, изъ квартиры выѣхавъ, тотчасъ ихъ миновала и не задолго изъ глазъ вышла. И въ томъ бо господа оные имѣли попеченіе, чтобъ елико можно спѣшить, которое посѣщеніе такъ жестоко было, что въ десять дней (а если нужныя въ Ригѣ, Псковѣ, въ Новгородѣ и въ Твери остановки выключить. то развѣ въ восемь

дней) больше тысячи верстъ убѣгли съ немалымъ здравія Государыни нарушеніемъ.

И того же дни прибыла Императрица въ село Всесвятское. седми веротъ отъ Москвы разстояніемъ, и здѣ, для успокоенія, остановясь, приказала: Петра II, до своего въ городъ вшествія, погребенію предать, что вонтрие и совершилось.

Но и тутъ приключилось нѣчто не простое и такое, что трудно сказать. удивленію ли паче или смѣху оное подлежить. Дванадцатаго дня Феврали, на восходъ солнца, всѣ чины въ домѣ преставляшагося Государя сошлись; но долго ничего не дѣлано и невѣдомо, чего ожидали. Мы думали, что въ церемоніи оной не все изготоклено, однакожъ ничего, чтобъ неготово было, усмотрѣть не могли. и когда нѣкто изъ знатныхъ особъ, стуживъ долгимъ сѣденіемъ, спросилъ у единого дѣйствія того управителя: для чего парать доселѣ не начинается? онъ ему отвѣщалъ, что еще дожидались отъ Верховнаго Совѣта опредѣленія, гдѣ и какъ быть въ церемоніи покойнаго Государя невѣстѣ, а она-де требуетъ себѣ, какъ мѣста, такъ и наряда и всей славы Императорской. И то многіе слыша, великимъ негодованіемъ возронтали, браня и проклиная необычное людей тѣхъ безстудіе и ничего дожидаться не веля, устроились всѣ къ погребальному походу, въ которомъ мечтанная оная Императрица нигдѣ не явилась. Всякъ же можетъ тутъ видѣть, что князь Алексіа, его помянутой невѣсты родителя, и другихъ ихъ сродниковъ, сію дѣльце было, и что они, видя себѣ отнятое (которое мечтали въ рукахъ своихъ имѣть) монаршее скипетро, не оставляли ничего, что бѣ ни показалось къ выскости ихъ угодное. Прежде уже мы показали, какъ безстыдно князь Алексій оныя помянутыя хартію, якобы прямой завѣтъ, отъ Петра II написаннымъ, а когда то не удалось, то избрали они Императрицу, да безъ власти и силы; чтобъ сами всѣмъ завладѣли и они бы дѣломъ царствовали, а Государыня парскимъ бы только именемъ тѣшилась. Но дабы и видъ царской не весьма отъ дожда ихъ отлучался, сію-то штучку употребить затѣяли, понеже еслибъ Елизаветина ихъ въ погребальномъ церемоналѣ Императорское мѣсто заняла, сдѣлали бы оную, если не равною самой Государынѣ, то хотя второстепенною, да еще, какъ и на томъ бы не остановились.

Того же Февраля въ день, который воскресный былъ, Императрица Анна въ Москву вошла съ великою славою, да сама не имѣла чѣмъ веселиться, и многіе о бѣдномъ ея состояніи тужили и печалились. Когда вопла въ домъ царскій тотчасъ узнали, что она якобы полонена и заключена въ честную тюрьму. И нельзя было ей иначе думать, понеже князь Василій Лукичъ Долгорукій, который изъ Курляндіи привезъ ее въ Москву, у самыхъ дверей свѣтлицъ, ко пребыванію ей уготовленныхъ, занялъ себѣ другія свѣтлицы такъ, что никому не возможно было доступить до Государыни безъ ея позволенія, да и кого допускать, за тѣмъ и самъ вхаживалъ, и никто отнюдь, аже сестры Ея Величества, неволень былъ что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышащу ему.

Между же тѣмъ Верховные господа прежнюю присяги форму, которую народъ на вѣрность Государю своему себе обязуетъ, перемѣня, новую выкопали, вымаравъ многія (какъ обносилось) рѣчи, самодержавію служащія, и потому всѣхъ чиновъ созвали для присяги къ первопрестольной церкви, которая вдругъ, по площади, многимъ воинствомъ обставлена была.

И тогда въ собраніи Верховнаго Совѣта нѣкоторые изъ знатнаго шляхетства о перемѣнной присяжной формѣ спорили. А въ палатѣ Синодской, первый членъ, архіепископъ Новгородскій, какъ къ товарищамъ своимъ, такъ и ко всѣмъ прочимъ Архіереямъ и Архимандритамъ (а было многое число), увѣщательную рѣчь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло есть присяга и вѣчное наводить бѣдство, если кто присягаетъ не то, что противно совѣсти, или чего и самъ не хочетъ или не вѣдаетъ, и для того настоялъ, дабы Синодъ, отъ Верховнаго Совѣта новосоставленный, какъ слышно, присяжной формы первѣе требовалъ, чтобы знать, что въ ней содержится.

И тако отъ Синода въ Верховный Совѣтъ секретари посланы ходили и возвращались одинъ по другому и доносили, что господа Верховные не отрицаютъ прислать въ Синодъ требуемую форму, однакожь не присылали. И когда того Синодалные многократно черезъ посылаемыхъ секретарей домогались, а Верховные многократно прислать обѣщались, се нечаянно въ Синодѣ повѣщено, что господа Верховные въ церковь вошли и духовныхъ тамо ожидаются. Новгородскій, тою вѣдомостію возмущенъ совѣтовалъ не ходить туда; но какъ увидѣлъ, что всѣ идутъ, будто нѣкою силою влекомы, и самъ за ними пошелъ.

Только же что вошли Архіереи въ церковь, тотчасъ господа Верховные стали ласкательно просить ихъ, дабы первые они учинить присягу изволили, яко всего народа пастыри и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. И тогда Новгородскій, вопросивъ у собраннаго народа молчаніе (которое и сдѣлалось) въ той же силѣ, какъ говорилъ въ Синодѣ, въ слухъ проповѣдовать. Великое собранныхъ было множество, и всѣ изъ шляхетства, и на слова Архіерейскія, краткіе изъ кучи отвѣты съ воздыханіемъ произнесли, что истинное то наставленіе и что присяга дѣло страшное. Увѣщевалъ же всѣхъ Архіерей, дабы никто безразсудно присягать не торопился и домогаться сталъ, чтобы первѣе форма присяги взѣмъ въ слухъ и съ амвона прочтена была, чтобы всѣ могли вѣдать, на что присягать надлежитъ. Прекословилъ же Новгородскому князь Дмитрій Голыцынъ; но изъ рѣчей его Архіерей оный вышшія къ дѣлу своему доказательства выводилъ; но прочіе изъ Верховныхъ опасаясь, чтобы не произошло до смуты, скоро на требованіе Новгородскаго позволили.

Да и тутъ вещь весьма чудная приключилась. Когда велѣно секретарю взяти на амвонъ и форму присяжную прочесть, и ея ни у него ни у кого не было формулы, которыхъ многихъ тысяча напечатано! Изъ сего можно видѣть, что факція оная все торопко и непорядочно дѣлала и въ затѣйкахъ своихъ больше имѣла страха, нежели упованія.

Когда же принесена и прочтена формула, стало ясно слышавшимъ, что хотя нѣкія прежнія рѣчи, самодержавіе означающія, исключены, однакоже не включено другихъ, которыя ясно бы изображали новый и отъ прежняго разнствующій владѣнія образъ, и осмолчные оные владѣтели не именованы (чего наипаче весь народъ ожидая, дрожая), и о подтвержденныхъ Государыне договорѣхъ ничего не упомянуто, и всей присяги въ сихъ перемѣна рѣчахъ была, что присягаютъ Государынѣ и Отечеству, того ради, какъ Архіереи, такъ изъ мірскихъ наисильнѣйшіи, поразсудивъ, что формула Верховникамъ не къ пользѣ и впредѣ къ разсужденію намѣренія изъ помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили: принять оную снисходительно, и тако по словамъ оной формулы присягу исполнили. Обносится же, что сочинена была формула иная, затѣйкамъ Верховныхъ господъ служащая весьма, да произвести ее господа оныи не посмѣли.

Видно же отъ сего, что господа Верховные никакой себѣ выторожки не получили, однакоже какъ они сами, такъ и сродники и друзья ихъ, якобы въ нѣкоемъ благопоспѣшеніи своемъ торжествовали. Учинилась изъ того другимъ немалая тревога и разныя досады родились. Одни думали, что господа оныи притворяютъ себѣ видъ веселія, чтобъ себѣ побѣжденныхъ не показать, а другіе радость ихъ въ томъ быть разсуждали, что противная имъ факція кое-какъ затихла, и таковая тишина угодна имъ къ вѣщшему впредѣ дерзновенію. Простые и трусливые говорили, что въ новой оной присяжной формулѣ нѣкое содержится таинство, самимъ только творящимъ вѣдомое, а прочимъ не постигаемое. Что же бы то ни было, только же нахальная оныхъ господъ бодрость всѣмъ была съ досадой и прежнее супротивъ ихъ возстаніе возбуждала; паче же бѣдное самой Государыни состояніе, аки бы передъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало: не происходитъ она, не видить, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть проносилась, что князь Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ, блюдетъ ее неприступну, и что она, безъ воли его, ни въ чемъ не вольна, и неизвѣстно, жива ли, а если жива, то насилу дышитъ, и что оные тираны имѣютъ Государыню за тѣнь Государыни, а между тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ и догадываться нельзя. Симъ и симъ подобная, когда вездѣ говорено, оживѣла другой компаніи ревность, и жесточай, нежели прежде, воспламенялась; видѣть было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ. Но тихомірныя головы къ тому всѣхъ преклонили, дабы мятежное оное господство упразднить правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ слѣдующимъ.

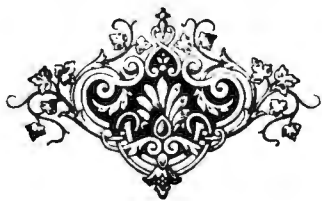
Сшедшися во едино собраніе, многіе изъ шляхетства наисади къ Государынѣ челобитную, въ которой объявляютъ, что бывшее въ Курляндіи посольство не только безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома и изрочко скрытно устроено отъ частныхъ осьми человекъ, для домашнихъ ихъ интересовъ, и покорно просятъ Ея Величество, чтобъ договорное Курляндское письмо, ею подтвержденное (хотя оное, лживому доносу проститовъ повѣря, и подписала) изволила отвергнуть и уничтожить, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечеству, отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный. И скоро великимъ множествомъ въ палаты Царскія вошедъ, стали требовать, дабы до

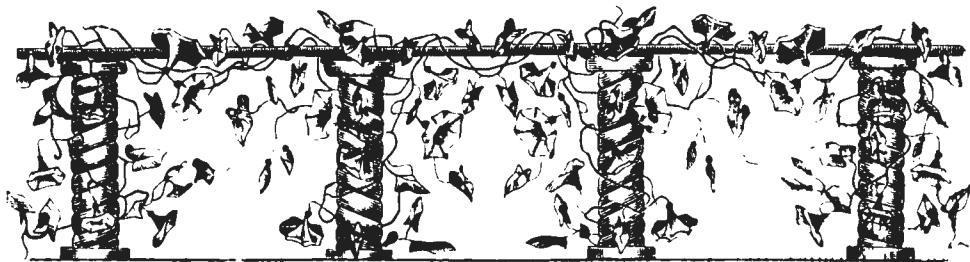
Ея Величества приступить имъ позволено было. И сіе услышавъ, выбѣгъ къ нимъ князь Василій Лукичъ и притворяя, будто бы во всемъ томъ имъ согласенъ, сталъ сочиненной отъ нихъ челобитной просить, обѣщая тотчасъ оную водать въ руки Ея Величества. Но никто такъ нечувствительный не былъ, кто бы коварстваго сто не узналъ; всѣ вопить стали; что подданныхъ отъ Государыни и сыновъ отъ матери отрывать не надежить, а кто такъ мудрствуетъ, тотъ врагъ есть и Государыни и государства. И тако онъ, стыда, страха и ярости исполненъ, отошелъ отъ нихъ.

Была тогда у Государыни сестра ея Царевна Екатерина, и она прежде о такомъ шлехетствѣ намѣреніи увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ, все что дѣлалось Государынѣ донесла, увѣщая произыти къ нимъ и послушать ихъ челобитья. И свободно было о семъ говорить, понеже князь Василій Лукичъ, на слухъ онаго собранія выходилъ, какъ уже упомянулось.

Вышла Государыня въ залу; стоя подъ балдахиномъ, впустить просителей и прошаніе ихъ прочесть повелѣла, а по прочтеніи того приказала: тотчасъ подать себѣ письмо Курляндское. Потомъ произнесла краткую рѣчь въ такой силѣ: что хотя весьма тяжелые поданы ей были царствовованія договоры, однако же, вѣруя, какъ ей докладывано, что оныи отъ всѣхъ чиновъ и отъ всего Россійскаго народа требуется, для любви отечества своего подписала. А понеже нынѣ извѣстно является, что лжею и лестію сдѣланъ ей обманъ, того ради оныя договоры, яко сущю неправдою отъ себя исторженные, уничтожаетъ и рукописныя свое никому впередъ имѣть за важное приказуетъ. И то сказавъ, тотчасъ упомянутое письмо, въ руки ея поданное, раздрала и на землю бросила.

Воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло Ея Величеству благодарствуя и кланяясь; были же при томъ нѣкоторые и отъ Верховниковъ, и когда просители оныя, благодаря кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣху матерію.

ЗАПИСКА НЕИЗВѢСТНАГО ЛИЦА О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ УСТРОЙСТВѢ.

Помоги, Боже, сказать правду!

Давно уже человѣчество страдаетъ потугами и силится родить рѣшеніе вопроса: какой политической строй болѣе всего обеспечиваетъ государству правильное преуспѣяніе и ограждаетъ права каждаго изъ членовъ этого политическаго тѣла?

До сихъ поръ рѣшеніе это колебалось между дикою теократіею и неменѣе дикою анархіею. Промежуточныхъ оттѣнковъ было множество. Были, и индивидуально очень почтенные сторонники деспотизма, конституціонной монархіи, аристократіи, республики и даже анархіи. Тѣфу, все слова театральныя! Да для Россіи-то что жъ пригодно? А вѣдь въ этомъ вся суть для Русскаго человѣка.

„Какое можетъ быть тутъ сомнѣніе? Конституція нужна... конституція!“ Такъ азартно кричитъ даже держиморда Стерлитамакскаго уѣзда, а за нимъ и многіе полуграмотные обыватели Чухломы, Кунгура и даже Якутска.

Да позвольте, господа. Конституція значить: „государственный строй“. Безъ этого не можетъ существовать никакое государство. Россія имѣетъ тысячелѣтнюю исторію. Она пережила смуты удѣльнаго періода, почти трехвѣковое Татарское иго; въ ней выработался исторически строй монархическій неограниченный. Вы хотите иного. У васъ въ воображеніи носятся конституціи Англійская, Французская, Нѣмецкая и ихъ безчисленные варіанты. Всѣ они сводятся, болѣе или менѣе, къ знаменитой формулѣ первой Французской революціи: „свобода, равенство, братство“. Къ сожалѣнію, этихъ-то благъ и не дать конституціонализмъ Западно-Европейскому человѣчеству. Въ Англій нѣтъ лоскутка бумаги, на которомъ бы написана была конституція, но она фактически существуетъ въ теченіе тысячи лѣтъ и вошла въ нравы: не смотря на то, едва ли кто безъ лицемерія скажетъ, что тамъ есть свобода, равенство и братство. Парламентъ свободно выражаетъ свои

мысли о нуждахъ и пользахъ государства. но эти выраженія—отголоски нѣсколькихъ вожаковъ партій, ведущихъ между собою безпрестанную борьбу, въ которой пользы государства часто бывають на послѣднемъ планѣ. А спросите: сколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ эти партіи употребляютъ, при каждомъ обновленіи парламента. на подкупъ себѣ сторонниковъ? Всѣ Англичане равны передъ закономъ, но громадныя богатства соединены въ рукахъ десяти тысячъ лицъ, которыя фактически становятся самовластными господами многихъ милліоновъ своихъ равноправныхъ по закону согражданъ. Такое многовѣковое положеніе общества развило крайнее лицемеріе и безнравственность политическую. Въ Англіи строго соблюдаются обряды церкви, полное бездѣйствіе въ Воскресеніе, чтеніе Библіи и Евангелія въ семействахъ, но духъ Иисуса Христа тутъ ни при чемъ. нѣтъ звѣрства. нѣтъ кричащей, кровавой несправедливости, которую бы Англія не сдѣлала для служенія своему главному идолу—золотому тельцу. Спросите объ этомъ у Ирландіи, у Индіи, Китая, съ которыми Англичане вели варварскую войну за то, что тотъ издумалъ было не позволять имъ отравлять его опиумомъ. Неприкосновенность домашняго очага и личности строго обезпечены закономъ, но если на Англичанина возложена защита отечества, онъ подлежитъ наказанію кнутомъ. Недавно было сужденіе въ парламентъ объ уничтоженіи этого остатка средневѣковаго варварства, но сторонники кнута одолѣли. Не удалось даже уменьшить число ударовъ съ 50-ти на 25-ть. Попробовали было кто-то заявить, что эти 50 ударовъ представляютъ въ сущности 450, потому что кнутъ имѣетъ 9 хвостовъ съ желѣзною проволокою на оконечности каждаго хвоста, но и это не помогло: консервативное большинство осталось вѣрно традиціонному кнуту, который, для видимости, родился предъ глазами представителей свободнаго народа.

Гадко продолжать. Я сказалъ эти нѣсколько словъ объ Англіи потому, только, что тамъ конституціонализмъ сложился вѣками и дѣйствуетъ безъ рѣзкихъ потрясеній. Въ другихъ странахъ Западной Европы онъ не дѣлаетъ болѣе утѣшительныхъ результатовъ. Ложь, лицемеріе, безустанныя борьба вездѣ ему сопутствовала. Говорятъ, конституціонализмъ воспитываетъ въ людяхъ нравственное чувство и поднимаетъ уваженіе къ себѣ. Можетъ быть, но несравненно вѣрнѣе ведутъ къ тому же возвышенію долга и христіанская нравственность при всякомъ государственномъ строѣ.

Наполеонъ I, съ рѣзкостію гениальнаго человѣка, сказалъ: „L'Europe sera bientôt republicaine ou cosaque“ *). Пророчество его до сихъ поръ не

*) Европа скоро будетъ Республиканскою, либо казацкою.

сбылось еще, но во всякомъ случаѣ онъ выразилъ имъ свое полное недовѣріе къ формѣ монархическаго ограниченнаго правленія, которымъ тогда начинала бредить Европа. Какъ-бы то ни было, оно существуетъ и не на основаніи громкихъ теоретическихъ фразъ, а благодаря фактамъ, выработавшимся исторіею нѣсколькихъ Европейскихъ государствъ. Мнѣ кажется однакоже, что пророчество Наполеона I сбудется: это вопросъ времени. Въ наше время были попытки учрежденія большихъ республикъ. Въ Европѣ онѣ всегда вели къ военной диктатурѣ и цезаризму: въ Америкѣ республика Соединенныхъ Штатовъ держится и процвѣтаетъ, благодаря своему исключительному положенію, которое можетъ измѣниться. Замѣчательно, что тамъ народъ имѣетъ къ намъ, Русскимъ, сочувствіе. Американцы поняли, что народъ можетъ быть свободнымъ подъ самодержавнымъ правленіемъ. Въ Европѣ же насъ ненавидятъ и называютъ рабами, революціонерами, даже социалистами и комунарами. Это очень нелѣпо, но Европейцы тщеславятся своимъ крайнимъ невѣдѣніемъ Россіи. Они не трудятся провѣрить мнѣнія, которыя подсказали имъ наши истинные враги: Католичество, Жиды, Поляки и страхъ могущества Россіи. Мрачная сторона Католичества (не какъ вѣры, а какъ учрежденія политическаго) угрожаетъ всему человѣчеству: оно далеко еще не сказало своего послѣдняго слова. Тоже можно сказать и о Жидовствѣ. Къ этимъ двумъ остервенѣло-враждебнымъ Россіи элементамъ примкнули Поляки и преимущественно ихъ шляхество и интеллигенція. Историческими судьбами и своею неспособностію къ государственной самостоятельности, выбитые изъ своей коленіи, они, какъ новые Евреи, или бродятъ между чужими народами или остаются особнякомъ въ своей измѣненной родинѣ, вездѣ позируясь жертвою и не отступая ни отъ какой клеветы противъ своихъ воображаемыхъ тирановъ и притѣснителей. Эти клеветы ежедневно повторяются съ многими другими Нѣмецкою прессою, которая, большею частію, находится въ рукахъ Жидовъ. Особенно въ послѣднее время нелѣпыя клеветы противъ Россіи написаны отголоскомъ и сторонниковъ въ Англіи, которой глава министерства и гордый аристократія—Жидъ. Все это прикрывается громкими и ловкими фразами, которымъ мало кто вѣритъ, но всѣ охотно повторяютъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы бросить грязью въ Россію. У правительства Англіи, руководимаго Жидомъ, есть конечно болѣе существенная дѣлѣ къ возбужденію народной ненависти къ Россіи—это наши учтивыя въ Средней Азіи и страхъ за Индію, въ которой эта христіанская нація эксплуатируетъ 120 милліоновъ душъ какъ стадо скотомъ.

Въ нынѣшнемъ XIX вѣкѣ враги Россіи выдумали грозный призракъ, которымъ устрашаютъ Европу и возбуждаютъ ее противъ Россіи.

Призракъ этотъ — панславизмъ, мечта нѣсколькихъ честныхъ и горячихъ патріотовъ Русскихъ, но имѣющая очень ограниченное государственное значеніе. Понятно, что этотъ призракъ пугаетъ имперію Габсбурговъ, искусственно склеенную изъ разнонародныхъ лоскутковъ, въ которыхъ преобладаетъ Славянское племя: понятно, что Австрійско-жидовская пресса, въ союзѣ съ Польскою аристократіею въ Галиціи, относится къ этому призраку со скрежетомъ зубовъ; но какъ можетъ остальная Западная Европа серьезно вѣрить завоевательнымъ замысламъ Россіи къ Европѣ, завѣщанію Петра Великаго и объединенію всѣхъ Славянскихъ племенъ подъ властію или главенствомъ Россіи? Серьезные публицисты этому и не вѣрятъ, но враги излюбили этотъ призракъ, какъ всегда готовое средство для возбужденія ненависти противъ Россіи, а темная масса, оглушенная трескучими фразами, покорно идетъ за своими вожаками.

Въ Европѣ у насъ нѣтъ друзей, нѣтъ даже вѣрныхъ союзниковъ. Мы не можемъ положиться даже на тѣхъ, чье освобожденіе и самостоятельность мы купили потоками своей крови. При безпрестанной измѣнчивости политическихъ комбинацій, случалось и будетъ случаться, что то или другое государство Западной Европы ищетъ нашего союза для своихъ собственныхъ интересовъ, но дорогіе услуги Россіи скоро забываются, и вчерашній другъ дѣлается нашимъ врагомъ, прикрываясь избитыми фразами и серьезно выставляя смѣшной призракъ абсолютизма и панславизма. Отчего это? Причинъ много, но, обвиняя другихъ, принесемъ покаяніе въ своихъ собственныхъ винахъ и ошибкахъ.

Новая эра началась для Европы съ послѣдней половины прошлаго столѣтія. На Русскомъ престолѣ сидѣла Екатерина II, дочь безвѣстнаго и бѣднаго принца Ангальтъ-Цербскаго, женщина замѣчательнаго ума и дарованія, но не знавшая Россіи, любившая наружный блескъ, крокъ оружія и рукоплесканія западныхъ знаменитостей. Унаслѣдованный ею государственный строй былъ чисто-самодержавный, исторически сложившійся по образцу Греческой имперіи съ особенностями, которыя развило двухвѣковое Татарское иго. Противъ этого строя не было серьезныхъ возраженій: единственная попытка бояръ ограничить самодержавіе при призваніи на престолъ Анны Ивановны была неудачна. Россія заплатилась за это Бироновщиною, но въ случаѣ удачи было бы еще хуже: власть и своеволіе перешли бы въ руки бояръ, невѣжественныхъ и грязно-своекорыстныхъ.

Екатерина замыслила дать другой строй Россіи. Она созвала представителей всѣхъ подвластныхъ ей народовъ для составленія новаго

государственнаго уложенія, болѣе сообразнаго съ духомъ вѣка и современными потребностями. Явились Буряты, Остяки и Самоѣды, Ытыркине, Чуваши и Мордва, Татары и Ногайцы, Бѣлорусы, Хохлы и Велико-россіяне, всѣ въ своихъ народныхъ костюмахъ. Въ руководство комисіи данъ сочиненный Императрицею наказъ, родъ обширной либерально-политической программы, въ которой наибольшая часть состояла въ извлеченіяхъ изъ сочиненій Монтескьё, Беккариа и другихъ Европейскихъ ученыхъ. Комисія работала около двухъ лѣтъ и была распущена, не оставя никакого слѣда своей дѣятельности *). Трудно удержаться отъ улыбки сожалѣнія, сравнивая нарумяненный либерализмъ начала царствованія Екатерины II съ открытымъ деспотизмомъ послѣднихъ годовъ, когда испуганная Французской революціей Екатерина II, забывъ дружбу съ Вольтеромъ, Дидро и Даламберомъ, стала преслѣдовать Новикова, Радищева и все, что было передоваго и выдающагося въ тогдашней скудной интеллигенціи Россіи **).

Между тѣмъ военные громы не умолкали, на Югѣ и на Западѣ. Россія раздвинула свои предѣлы: Крымъ покоренъ, исконные враги Россіи, Турція и Польша теряли область за областію. Швеція смирена окончательно; имя Россіи сдѣлалось грозно въ Европѣ, на сушѣ и на моряхъ. Побѣдоносная царица являлась въ Европѣ въ ослѣпительномъ блескѣ славы. Сознѣемся однакоже, что внутреннее благоустройство Россіи не шло тѣмъ же шагомъ, какъ ея военное могущество. Екатерина запретила называться рабами въ письменныхъ актахъ, а указала слово: „подданный“, но въ тоже время она ввела дѣйствительное рабство въ Малороссіи, гдѣ его не было. Она раздала сотни тысячъ душъ свободныхъ людей въ крѣпостную собственность своихъ любовниковъ, которые часто являлись и исчезали по ея прихоти, но всегда стояли государству громаднхъ суммъ. Эти временщики, во время своей милости, пользовались властью неограниченной. Угожденіе имъ вело въкрѣпе, чѣмъ заслуги, къ почестямъ и богатству. Это крайне развращало нравы и уничтожало здравыя понятія о законности и справедливости. Державинъ, въ своихъ Запискахъ, говоритъ, что онъ велъ очень значительное тяжёлое дѣло въ Сенатѣ, самъ бывши сенаторомъ. Онъ зналъ, что оно будетъ рѣшено противъ его кліента и терялъ надежду, но „пожили-мѣль“ счастливую мысль обратиться къ *Фавориту* (Зубову), и, почти, избравъ благопріятную минуту, доложилъ Императрицѣ, а она приказала Сенату рѣшить дѣло въ пользу кліента *Державина*. Блескъ и

*) Это вполне невѣрно. П. Б.

**) Очевидно по этому и дальнѣйшимъ отзывамъ, что сочинитель вовсе не знакомъ съ тѣмъ, что въ теченіи послѣдняго полулѣтія добыто Русскою исторіографіею. П. Б.

расточительность были невѣроятныя, но народу было тяжело. Многія государственныя учрежденія существовали только на бумагѣ или имѣли видъ тѣхъ декорацій городовъ, которыми любовались Екатерина и Іосифъ II на время плаванія по Днѣпру.

Нельзя безнаказанно учить народъ лжи и презрѣнію всѣхъ началъ нравственности. Екатерина II приготовила по себѣ преемника, но она приготовила и Россію для своего преемника.

Но неимая къ матери, Павелъ Петровичъ поставилъ себѣ задачею уничтожить или измѣнить все ея начатое или сдѣланное. Екатерина II имѣла даръ узнавать и выбирать людей. Она умѣла извлекать государственную пользу даже изъ своихъ любовниковъ, хотя своимъ возвышеніемъ они конечно обязаны были нисколько не своему уму и дарованіямъ, а ея женской прихоти. Сынъ ея бралъ своихъ любимцевъ изъ грязи, и они оставались грязью, а большая часть даровитыхъ сотрудниковъ его матери были удалены или въ немилости. Четырехлѣтнее царствованіе Павла Петровича было разгуломъ необузданнаго самодѣлства, доходившаго до ребячества и до безумія. Гражданъ въ Россіи не было; рабы соревновали въ раболѣпствѣ, ежеминутно боясь только за свою шкуру. Когда терроризмъ кончился рабски дворцовымъ заговоромъ, вся Россія ликовала, незнакомыя люди обнимались на улицахъ Петербурга, плакали и поздравляли другъ друга.

Трудно вообразить себѣ бѣльшей противоположности, какая была между императоромъ Павломъ и его преемникомъ. Любимый внукъ Екатерины, воспитанныкъ республиканца Лагарпа, красавецъ 24-хъ лѣтъ, блестящаго ума и образованія, всѣмъ доступный и ко всѣмъ благосклонный, императоръ Александръ I-й являлся Россіи ангеломъ съѣзда. Мало зная Россію, но хорошо изучивъ Европу, пропитанный идеями либеральными, новый монархъ захотѣлъ свое государство сдѣлать участникомъ великихъ принциповъ, выработанныхъ Западною Европою. Въ Россіи пошла яростная ломка на Европейскій ладъ. Сперанскому заказанъ былъ полный проэктъ государственнаго строя съ конституціей, министерствами и Государственнымъ Совѣтомъ. Образцы были готовы въ Западной Европѣ, съ которою насъ такъ сблизилъ войны и союзы послѣдняго полулѣтія. Работа шла чрезвычайно быстро и осуществлялась торопливо по частямъ. Говорятъ, и конституція была написана и одобрена Государемъ, но помѣшали страшный погромъ 1812 года и слѣдующія за нимъ міровыя событія, въ которыхъ Россія играла такую блестящую и великодушную, чтобы не сказать безразсчетную, роль. Александръ I былъ на верху своей славы, но не отказавшись отъ мысли дать своей монархіи либеральную конституцію. При-

нявъ подъ свою руку Великое Герцогство Варшавское, онъ образовалъ изъ него конституціонное королевство Польское, и, въ рѣчи на первомъ сеймѣ, высказалъ свое намѣреніе присоединить къ нему Литву, а со временемъ даровать ту же конституцію и остальной Имперіи.

Нѣтъ нужды говорить, что всѣ эти эффектные фразы, сцены и реформы надѣлали много шуму въ Европѣ и доставили Александру I ореолъ великодушнаго монарха, добровольно отказывающагося отъ прелестей самодержавія, но на Россію они легли страшнымъ бременемъ. Учрежденіе министерствъ развило бюрократію до неслыханныхъ размѣровъ, уничижило учрежденіе Петра Великаго Сенатъ, хотя до сихъ поръ продолжающій именоваться Правительствующимъ, окончательно отдалило Государя отъ народа. Россію считали мягкой массой, изъ которой можно лепить какія угодно фигуры, хотя бы даже каррикатурныя; забыли, что у этой массы есть многовѣковая исторія; забыли еще бездѣлицу — народъ!

Но въ самомъ Государѣ произошла большая перемѣна. Страстный и увлекающійся по природѣ, потрясенный гигантской драмой Наполеоновскаго періода, Александръ предался мистицизму. Настало время Магницкихъ, Фотія, Криднеръ, Татариновой и Аракчеева. Мрачное, дикое время!... Едва ли десять лѣтъ Аракчеевщины были для Россіи легче десяти лѣтъ Вироновщины!...

14-го Декабря, бунтъ въ Новгородскомъ поселеніи и Польская революція 1831 года вполнѣ принадлежать Александру I. Исторія не обвинитъ въ нихъ его преемника. Императоръ Николай I началъ свое царствованіе тѣмъ, что вполнѣ выказалъ твердую волю прекратить всякое колебаніе политическихъ принциповъ. Онъ уничтожилъ военныя поселенія, но въ тоже время уничтожилъ и Польскую конституцію. За тѣмъ во все тридцатилѣтнее царствованіе онъ упорно держался идеи крайняго консерватизма во что бы то ни стало. Правда, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія происходила усиленная, иногда даже слишкомъ поспѣшная законодательная дѣятельность, но по большей части это была сухая регламентація, канцелярская работа, которая только усложняла и развивала бюрократію, а не касалась основъ государственнаго строя и современныхъ потребностей. Во всякомъ случаѣ Русскій народъ былъ тутъ ни при чемъ: ему жилось даже труднѣе, чѣмъ прежде.

Исторія отдаетъ справедливость честности побужденій и прямодушію императора Николая. Какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, онъ былъ рыцаремъ абсолютизма. Тридцать лѣтъ его царствованія привели къ тому, что онъ лишился въ Европѣ всѣхъ союзниковъ. Россію же устроилъ на манеръ полка, со всесилою, невѣжественною и продаж-

ною полицією во главѣ. Онъ ошибался добросовѣстно и въ послѣдніе дни своей жизни былъ наказанъ страшнымъ разочарованіемъ.

Николай I передалъ Россію преемнику своему не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ получилъ ее самъ. Конечно время сдѣлало свое дѣло, не смотря на Китайскія стѣны, которыми старались отдѣлить Россію отъ остальнаго цивилизованнаго міра. Но тѣмъ тяжелѣе было народу нести это, хотя бы и облегченное, и особенно прикрытое громкими фразами о славѣ и могуществѣ Россіи, очень пошатнувшихся въ эпоху Крымской войны *). Наше законодательство продолжало носить характеръ Византийскаго самовластия, фискальный, церковный и бюрократическій. Народъ ненавидѣлъ начальство свѣтское и духовное, но боялся ихъ, какъ всякій боится дикаго звѣря или злой собаки.

Россія встрѣтила новаго самодержца съ любовью и надеждами. (Былись ли онѣ?

Великія преобразованія Александра II слишкомъ близки къ намъ, чтобы произнести объ нихъ безпристрастный судъ. Его произнесетъ исторія. Не пройдетъ столѣтія, какъ историческая фигура Александра II вырастетъ до колоссальныхъ размѣровъ. Мы, современники, можемъ сказать только, что съ возшествіемъ на престолъ, какая-то новая, живая струя повѣяла на Россію, что всѣ великія преобразованія совершались по его личной инициативѣ и что всѣ они не были по прежнему бездушной регламентаціей, а проникали въ самую глубь народной жизни. Пало крѣпостное право, вѣковая язва, отравлявшая весь государственный организмъ, уничтожено тѣлесное наказаніе, учреждено земство, явилось устройство суда съ присяжными, суда скорого, правды и милостиваго—учрежденіе, могущее не только родить почти не существующее у насъ чувство законности и самоуваженія, но и воспитать народъ для болѣе дѣятельнаго участія въ государственной жизни. Я не говорю о многихъ другихъ частныхъ преобразованіяхъ, имѣвшихъ тотъ же гуманно-либеральный характеръ.

Вотъ прошло четверть вѣка. Въ какомъ же положеніи видимъ Россію и Русскій народъ?

*) Это выражено стихами И. С. Аксакова:

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ славные извѣ.
Въ обширномъ царствѣ нѣтъ простора,
Въ родимой душно сторонѣ.

Видно, надлежитъ не столько самого Николая Павловича, какъ то воспитаніе, которое было дано ему вмѣсто Царскосельскаго Лицея, на ладъ Виртембергскій и Людвигштетскій. Къ тому же отроческія и юношескія лѣта его протекли подъ неотразимымъ вліяніемъ Западнаго самодержавія въ чарующемъ лицѣ Наполеона. II. Б.

Крестьяне, освобожденные отъ власти помѣщиковъ, поджили подъ власть всеильной бюрократіи и администраціи, которые врандѣбно смотрять на земство и на новые суды и стараются каменъ, на дамно разобрать или обезобразить зданіе, воздвигнутое по великодушнѣйшій инициативѣ Государя. Министры сдѣлались почти самодѣйствующими въ своихъ вѣдомствахъ. Ихъ циркуляры часто бывають противны духу а иногда и прямому смыслу закона. Каждый съ своей ратью чиновниковъ стоитъ стѣной вокругъ Монарха и ревниво охраняетъ съ чего народъ. Гдѣ нѣтъ своекорыстія, тамъ являются неспособность и полное невѣдѣніе народа. Финансы въ крайнемъ разстройствѣ. Спесивы, ихъ поправленія возбуждали перѣдко смѣхъ въ Европѣ. Могущественная Россія пользуется меньшимъ кредитомъ, чѣмъ нищенская Италия. Народъ до крайности обремененъ налогами, недоимки растутъ, не смогли на усердіе чиновниковъ ихъ выбивать. Земледѣліе, торговля, промышленность падаютъ. Дворянство разорено и представляетъ въ государствѣ какую-то почетную тѣнь сословія безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Его недвижимыя имѣнія быстро переходятъ въ руки иудовъ и разныхъ промышленниковъ, которые торопятся высосать изъ земли послѣднія силы и за тѣмъ продать ее. истощенную. крестьянамъ. Послѣдніе. не крѣпкіе помѣщику, крѣпки землѣ и голодаютъ отъ ея безплодія и недостатка, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ много прекрасной земли не обрабатывается по недостатку рукъ. Въ Бѣлоруссіи давно царствуетъ хроническій голодъ, но въ послѣднее время голодали Самарская, Екатеринославская, Саратовская губерніи и Донская область, — житницы Россіи.

Наравнѣ съ матеріальными интересами страдаютъ и нравственные. Духовенство упорно держится своей замкнутой косности: духъ обрядности и чиновничества замѣнили живую силу церкви. Слѣдствіемъ либература крайне стѣснена, народное образованіе не двигнется впередъ. Послѣднія ломки въ духовенствѣ и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія гибельно отзовутся на нѣсколько поколѣній.

Изъ этого краткаго очерка исторіи внутренней жизни Россіи въ послѣднее столѣтіе видно, что главная наша бѣда состояла въ шатаніи, колебаніи и отсутствіи твердой основной идеи государственнаго строя. По этому насъ судили въ Европѣ, гдѣ мы всегда были притчей во языцѣхъ или *avocats des causes perdues**). Народы въ Европѣ насъ прежде не любили, а правительства боялись, теперь насъ только ненавидятъ: болѣе намъ грозятъ и Англичане, и Нѣмцы, и Венгерцы, и...

*) Ходатаями проигранныхъ тяжбъ.

Жидаы!... Печальная картина!... Дома—апатія, недовольство; за границей только враги и ни одного вѣрнаго союзника!... Господи! Да что же это?

„Иль Русскаго Царя безсильно стало слово?

„Иль намъ съ Европой спорить ново?

„Иль мало насъ?“

Итъ: насъ сто милліоновъ, слово Русскаго царя мощно. Русскій народъ любитъ Царя: любитъ и идею самодержавнаго владыки. Мы смучились говорить съ умными стариками въ простомъ народѣ. Въ своихъ бѣдствіяхъ и невзгодахъ они всегда обвиняли чиновниковъ и утѣшались тѣмъ, что еслибы Батюшка-Царь узналъ, то заступился бы за насъ, но „до Бога высоко, а до Царя далеко“. Замѣчательно, что говорившіе это иногда даже не знали имени Царя. Вѣрованіе въ его правосудіе и любовь къ народу вошло въ плоть и кровь Русскаго человѣка. „Сердце Царево въ руцѣ Божіей“. Да, но нужно, чтобы это сердце билось въ одинъ тактъ съ сердцемъ народа и чтобы ничто не нарушало этого согласія. Вотъ гдѣ наше больное мѣсто!...

Время не ждетъ. Мы отстали отъ народовъ Западной Европы, но они все идутъ впередъ и, если мы будемъ стоять на мѣстѣ или двигаться непрямымъ путемъ, то разстояніе между нами будетъ только увеличиваться. Это грозитъ Россіи серьезною опасностію. Всѣ видятъ, что въ такомъ положеніи мы оставаться не можемъ, и ждутъ чего-то новаго, чего-то рѣшительнаго..... Но ждутъ сверху и ждутъ терпѣливо. Горсть полубѣшенныхъ злодѣевъ, мечтающихъ объ уничтоженіи всякаго государственнаго и общественнаго строя кровавымъ переворотомъ, доказываетъ только, что въ нашемъ организмѣ есть дурные соки, и хорошо, что они выходятъ наружу: въ народѣ они не имѣютъ ни корня, ни отголоска. Теперь нѣтъ надобности донскиваться, откуда пришла къ намъ эта зараза? Она существуетъ и отъ нея нужно скорѣе избавиться: иначе народъ обозлится, какъ обозлился въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Юго-восточныхъ областяхъ Россіи; какъ обозлился въ 1831 году въ Новгородскомъ поселеніи. Съ этимъ врагомъ, какъ онъ ни кажется презрѣннымъ, нельзя съ успѣхомъ бороться одними правительственными средствами. Тутъ нужно содѣйствіе всего общества; но для этого необходимо, чтобы общество не оставалось при одномъ желаніи содѣйствовать правительству, а имѣло къ тому полную и законную возможность. Она сама собою явится, какъ только Россія избавится отъ двухъ внутреннихъ, главныхъ и хроническихъ недуговъ: отъ рабскаго подражанія Западной Европѣ и отъ бездушнаго бюрократіи.

Со времени Петра Великаго мы упорно стараемся увѣрить всѣхъ, что мы въ Европѣ какъ будто стыдимся своей народности, усиливаемся все свое, выработанное тысячелѣтнею исторіею, передѣлать на Европейскій образецъ, начиная съ одежды и наружныхъ формъ общежитія до государственнаго строя. Вотъ это-то и породило тѣ шатанія и колебанія, которыя, въ послѣднія сто лѣтъ, такъ дорого стоили Россіи. Чѣмъ болѣе мы будемъ упорствовать въ этомъ ошибочномъ направленіи, тѣмъ болѣе вредъ его будетъ увеличиваться. Чего мы ищемъ въ Европѣ? Сочувствія, друзей, союзниковъ? Сочувствіе невозможно, потому что мы Славяне и православные; потому что тысячу лѣтъ мы жили иною жизнію, потому что у насъ сохранились еще основы государственнаго строя, ненавистныя современной Европѣ. Друзья и союзники являются намъ только, когда имъ предстоитъ возможность нашими руками таскать каштаны изъ огня. Событія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ доказали это съ отвратительною наглостію.

Какъ бы то ни было, но отъ подражанія и пристрастія къ Европѣ произошелъ во многихъ отношеніяхъ нашъ нынѣшній строй государственнаго управленія, бюрократія, чиновничество—эта гигантская піёвра*), которая охватила и душитъ Россію своими безчисленными лапами.

Эта язва родилась тоже не на Русской почвѣ, но глубоко пустила въ нее корни. Большая часть государствъ Западной Европы страдала ею, когда интеллигенція и привилегированныя сословія отдѣлились отъ народа и предавались своимъ эгоистическимъ интересамъ. Приведу здѣсь мнѣніе о бюрократіи барона Штейна, которому Пруссія обязана основами своего нынѣшняго могущества. Этотъ великій государственный дѣятель, удаленный, послѣ 1815 года отъ дѣлъ, писалъ въ 1821 году Гагерну: „Что сказать вамъ о современныхъ событіяхъ? Скажу только, что я мало имѣю довѣрія къ тѣмъ, кто управляетъ ими и вѣрю только въ пути Провидѣнія. Ничего не ожидаю даже отъ конституціи, пока дѣйствию реформъ будутъ мѣшать придворные совѣтники и пока нами управлять будутъ чиновники на жалованьи, книжные мудрецы безъ прямого интереса и безъ собственности. *На жалованьи*—это означаетъ стремленіе поддерживать и увеличивать число людей, получающихъ содержаніе отъ государства; *книжные мудрецы*—значитъ люди живущіе въ мірѣ словъ и фразъ, а не въ мірѣ дѣйствительности: *безъ живыхъ интересовъ*, ибо нѣтъ у нихъ живой связи ни съ однимъ изъ сословій, составляющихъ государство, но сами они составляютъ

*) Pieuvre, сируть, огромный головоногій моллюскъ.

каспу касту бумагописателей: *безъ собственности* — это значить, что какъ неострогветъ, не касается до нихъ всякое видоизмѣненіе въ собственности. имъ нѣтъ дѣла до того, дождь идетъ или солнце свѣтитъ. приближаются подати или уменьшаются, остаются въ силѣ нѣковыя старыя права или уничтожаются; нѣтъ дѣла до того, что крестьяне превращаются въ силу теоріи, въ наемныхъ работниковъ, и, вмѣсто нрѣпосвященію права владѣльцевъ, устанавливается крѣпостное право иждивовъ и растовщиковъ. Все это для нихъ не имѣетъ значенія, покуда они пишутъ свои оклады изъ казны, сидятъ и продолжаютъ писать, писать и писать, воспитывая дѣтей своихъ къ тому же званію пишущей машинки* *).

Странно!... Подумаешь, что тутъ рѣчь идетъ не о Пруссіи, а объ Россіи.

Въ парламентаризмъ Штейнъ не вѣрилъ и если стремился ввести въ Пруссіи представительныя учрежденія, это происходило отъ того, что онъ видѣлъ въ нихъ единственное средство избѣжать язвы бюрократическаго управленія, утвердить законодательство на почвѣ жизни и практики и установить единство, котораго не было въ правленіи.

Все это можетъ быть справедливо, но я очень сомнѣваюсь, чтобы представительныя учрежденія были *единственнымъ* средствомъ отъ бюрократіи. Она и до сихъ поръ существуетъ въ Пруссіи, Германіи и Франціи, хотя въ послѣдней принимались противъ нее еще болѣе меренческія средства. Прусское чиновничество значительно улучшилось противъ прежняго, но это болѣе благодаря генералу, одержавшему, по словамъ Бисмарка, побѣду подъ Садовой,—Прусскому шульмейстеру **). Не нужно забывать и того, что тутъ рѣчь идетъ о странѣ, въ которой, еще въ началѣ прошлаго столѣтія, мельникъ, на угрозу короля Фридриха II сломать его мельницу, отвѣчалъ: „въ Берлинѣ есть судья“

А у насъ развѣ нѣтъ судей? Развѣ реформы первыхъ десяти лѣтъ царствованія Александра II—мертвая буква? Да, у насъ нѣтъ судей. Представьте себѣ въ положеніе нашихъ судей. Каждый день они поставлены въ критическую необходимость выбирать одну изъ крайностей: увидѣвъ справедливости или всемогущей бюрократіи. Они люди: всендневный торизмъ невозможенъ. Скажутъ: это не относится къ пригляднымъ засѣдателямъ. Да, но всемогущая бюрократія, ухитрившаяся

*) Русскій Вѣстникъ. Октябрь 1879, стр. 228.

**) Т. е. начальнику школы.

несмѣняемыхъ судей замѣнить исправляющими должность. отъ негъ вполнѣ зависящими, довели присяжныхъ засѣдателей до того, что они поставлены въ необходимость произносить иногда свои вердикты согласно съ голосомъ своей совѣсти, но прямо противно ~~судамъ~~ и законамъ. Это производитъ соблазнъ; люди легкомысленные или подкупленные кричатъ противъ самыхъ основъ нашего судоустройства. Странно, что до сихъ поръ институтъ присяжныхъ не отмѣненъ: за то всемогущая бюрократія установила множество изъятій, вслѣдствіе которыхъ дѣла разсматриваются не только безъ участія присяжныхъ засѣдателей, но и внѣ общихъ судовъ. Скажутъ, что это относится только до дѣлъ политическихъ и по государственнымъ преступленіямъ, и что мѣры крайней строгости нужны противъ людей, которые сами ставятъ себя внѣ всякаго закона, которые подлымъ образомъ дѣйствуютъ ядомъ, кинжаломъ и револьверомъ противъ представителей власти, которые неустанно и измѣнически покушаются даже на священную особу Государя. Да, но и при чемъ же тутъ исключительные и военные суды? Развѣ они судятъ по другимъ основамъ правды и правосудія? Самое ихъ назначеніе оскорбляетъ народъ, котораго совѣсть, т. е. присяжныхъ засѣдателей, заподозрѣваютъ въ пристрастіи къ злодѣямъ, въ народѣ никакого сочувствія не имѣющимъ. Скажутъ: тутъ правительство имѣетъ дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ заговоромъ, который нужно уничтожить во что бы то ни стало. Въ добрый часъ; но только заговора-то я не вижу. Каждый изъ этихъ рыцарей яда, кинжала и динамита подлежитъ казни безъ всякаго снисхожденія. Ихъ находится десять, сто, тысяча: каждый изъ нихъ можетъ сдѣлать вреда обществу, столько же какъ бѣшеная собака, но если этихъ собакъ и оказывается много, то это не причина, чтобы стомилионное населеніе Россіи ставить въ осадное положеніе.

Заговоръ однакоже существуетъ въ Россіи, но это не кучка бѣшеныхъ злодѣевъ, которымъ дали глупое названіе нигилистовъ, это—сто-тысячное бездушное чиновничество, которое рядомъ Китайскихъ стѣнъ стоитъ вокругъ Государя и не допускаетъ до него вопль народный. Эта язва губительнѣе, чѣмъ всѣ бѣшеные злодѣи и тѣмъ болѣе, что ее не замѣчаютъ или не хотятъ замѣчать. Никогда чахоточный не вѣрится опасности своего положенія. „Стоитъ только принимать такіе-то порошки или мазать грудь такой-то мазью, и болѣзнь пройдетъ“. Такъ думаетъ онъ, а время идетъ, болѣзнь усиливается, и роковая развязка близится. Благодаря Богу, въ опасности отъ этой чахотки не Россія, а ея государственныи строй, основанныи на бюрократіи.

Желающихъ врачевать недугъ, всѣмъ видимый, является множество, но административныя средства этихъ плохихъ діагностовъ не болѣе

какъ аркія заплаты на ветхомъ рубищѣ, которое, пожалуй, свалится съ плечъ Россіи вмѣстѣ съ заплатами. Корень зла глубокъ и требуетъ радикальныхъ мѣръ.

Въ послѣднее время, даже и въ высшихъ сферахъ, стали говорить объ ограниченной монархіи и либеральной конституціи по образцу Европейскихъ государствъ.

Мѣра радикальная, но придется ли Россіи новое платье сшитое по чужой мѣрѣ?

Ограниченіе самодержавія есть почти разрывъ Россіи съ ея тысячелѣтнею исторіею. Я говорю: *почти*, потому что остается еще одно звено: православіе. Но смѣлые преобразователи, убѣдясь въ невозможности уничтожить этотъ краеугольный камень, постараются конечно подкопать его. Все это—разрушеніе крѣпкаго, вѣковаго зданія и постройка новаго изъ тѣхъ же матеріаловъ. Каково будетъ это новое?—Въ Европѣ будутъ очень рады этой государственной ломкѣ: журналисты и литераторы наговорятъ множество трескучихъ либеральныхъ фразъ: люди серьезные, политики и слѣдовательно наши враги, будутъ видѣть ослабленіе могущества Россіи на долгое время.

Въ Россіи конституціонализмъ будетъ встрѣченъ восторгами большей части интеллигенціи. Мнѣ кажется, это будетъ не потому, что нововведеніе само по себѣ такъ хорошо, а потому что старое-то ужъ никуда не годится. Медовый мѣсяцъ конституціонализма едва-ли долго продолжится. Едва ли не окажется, что всемогущія бюрократія и администрація ничего не приготовили для этого строя, и что псевдо-либеральная интеллигенція напрасно приняла на себя скромную роль—говорить отъ лица народа Русскаго. А что скажетъ самъ народъ? Не найдетъ ли онъ, что волкъ, пришедъ въ Аркадію, не сдѣлался барашкомъ, а припесъ туда всѣ свои плотоядные зубы, что чиновничье иго не облетчилось, а, пожалуй, стало ему еще тяжелѣе. Скоро ли его вразумятъ, что Царь, для блага Россіи, самъ ограничилъ свою власть? Надолго народъ потеряетъ свой идеалъ справедливости и свою надежду на то, что Батюшка-Царь защититъ его отъ всѣхъ невзгодъ и притѣсненій ближайшихъ властей.

Какова бы ни была наша конституція, найдутся люди, которымъ она покажется слишкомъ мало либеральною: въ тоже время окажется множество людей, которыхъ интересы она нарушитъ. Они будутъ проповѣдывать (какъ было во Франціи), что нужна *une charte acceptée*, а не *une charte octroyée*; другіе (какъ было тамъ же) скажутъ, что всякая конституція не болѣе какъ лоскутъ бумаги, который кладутъ въ карманъ при первомъ удобномъ случаѣ. Отыщутъ конечно няньку

новорожденному младенцу. народную стражу (національную ввартію): двоевластіе установится, но не упрочится. Съ одной стороны будутъ искать возврата къ прошедшему, съ другой поставятъ вопросъ о законности возмущенія при нарушеніи властью конституціи. Начнется неустанная борьба, въ которой всѣ оружія хороши. Повторятся печальныя сцены, сопровождавшія введеніе конституціоннаго правленія въ тѣхъ государствахъ Западной Европы, гдѣ оно появилось не какъ продуктъ исторіи, а вслѣдствіе переворота или ошибки верховной власти. Будутъ, вѣроятно, и сцены оригинальныя, потому что мы получили иное политическое воспитаніе и что стомилліонное населеніе, котораго интересъ и степень культуры чрезвычайно разнообразны, трудно уложить въ одну форму. Однимъ словомъ, Россія начнетъ новую эпоху. эпоху лжи, лицемерія, подкуповъ, борьбы и революцій. Центральная власть ослабнетъ, а враги наши, внѣшніе и внутренніе, дремать не будутъ. Враги эти, по прежнему, будутъ—Европа, католицизмъ, Польки, Жиды и бюрократія. Послѣдній врагъ самый сильный и опасный. Противъ него-то нужны рѣшительныя мѣры, но ограниченіе самодержавія не дѣйствительное противъ него оружіе. Онъ можетъ и долженъ быть побѣжденъ только тѣснымъ союзомъ Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ.

Мнѣ скажутъ, что я мечтаю о чемъ-то неизвѣданномъ, тогда какъ конституціонализмъ вездѣ служилъ критеріемъ прогресса, стремленіемъ или гордостію народовъ; что, устроиваясь особнякомъ, Россія навсегда останется чужою въ семьѣ Европейскихъ государствъ, не возбудитъ участія ни въ народахъ, ни въ правительствахъ.

Я не вижу, чтобы это было такъ, главное, не придаю важности этому отчужденію. Во всякомъ случаѣ, я желалъ бы спросить сторонниковъ ограниченной монархіи: считаютъ ли они эту форму человѣческихъ обществъ окончательною? Едва ли кто отвѣтитъ на это утвердительно. А если эта форма только временная, переходная, какъ и самодержавіе, то мнѣ кажется, что возможны случаи, въ коихъ переходъ отъ послѣдняго къ окончательной формѣ легче и можетъ совершиться безъ кроваваго переворота.

Я, можетъ быть, ошибаюсь, но мнѣ кажется, что Русскій самодержецъ не имѣетъ даже права ограничить свою власть, полученную имъ не отъ своего родителя какъ частное наслѣдство, а по волѣ Божіей и отъ многихъ поколѣній своихъ предмѣстниковъ, потрудившихся надъ складомъ Государства Россійскаго.

Русскій Царь не главный чиновникъ своей Имперіи, не старшія изъ генераловъ своихъ войскъ, не первый дворянинъ, онъ помазан-

никъ Божій. Только въ этомъ видѣ онъ, безъ лжи, лицемѣрія и за-
тасанныхъ мыслей, можетъ стать во славу своего народа для борьбы
съ врагами Россіи, внутренними и внѣшними. Но повторяю, необхо-
димо, чтобы этотъ союзъ былъ непосредственнымъ. Въ Европѣ еще
не забыли изрѣченія: „Le roi constitutionnel règne et ne gouverne
pas“. Если прибавить къ этому другой афоризмъ, вошедшій во всѣ
Европейскія конституціи: „Le roi est infaillible et les ministres sont
irresponsables“, то получимъ полную программу всѣхъ переворотовъ въ
большой части государствъ Западной Европы, въ послѣднее столѣтіе.

Проходимецъ, сѣвшій на престолъ Франціи во Фригійскомъ кол-
пакѣ и съ деспотическими, безнравственными инстинктами въ душѣ,
объявилъ, что министры отвѣчаютъ не народу, а Государю: сей же
послѣдній отвѣчаетъ передъ народомъ.

Господи! Да неужели Россія будетъ поставлена въ необходимость
выбирать для себя ту или другую ложь со всѣми ихъ неизбѣжными
послѣдствіями? Не лучше ли совсѣмъ отказаться отъ министровъ въ
томъ видѣ, какъ они вездѣ существуютъ и основать правительство на
представителяхъ и избранныхъ народа съ самодержавнымъ Русскимъ
Царемъ во главѣ? Это былъ бы шагъ рѣшительный. Для этого намъ
пришлось бы *sine ira et studio*, сказать во всеуслышаніе, что мы не
Европа, а Россія: пришлось бы перестройку основать на вѣковыхъ
устояхъ нашей, а не чужой исторіи, иногда возвращаться назадъ, и
никогда не гоняться за мишурной новизною.

Я конечно не возьмусь изложить полный проектъ переустройства
правленія въ Россіи, но укажу главные основанія, какъ они предста-
вляютъя мнѣ возможными и необходимыми для прочнаго и цѣлесооб-
разнаго утвержденія государственнаго строя.

1) Самодержавіе и православіе должны быть въполнѣ и незыблемо
сохранены.

2) Высшее правительство должно быть возложено на Сенатъ и
Синодъ.

3) Отъ каждой губерніи или области долженъ быть избранъ одинъ
или два представителя на четыре года. Ежегодно четвертая часть этихъ
представителей замѣняется новоизбранными, если тѣже не будутъ
избраны на новый срокъ.

4) Каждый представитель есть сенаторъ на время своего избра-
нія. Онъ можетъ быть удаленъ и замѣненъ другимъ по новому избра-
нію, только по суду за уголовное преступленіе.

5) Сенатъ, раздѣляемый на три отдѣла: законодательный, админи-
стративный и судный.

6) Распределение сенаторовъ по отдѣламъ и возложеніе на нихъ особыхъ обязанностей зависитъ отъ верховной власти.

7) Сенаторы каждаго отдѣла избираютъ изъ среды себя предсѣдателя и его товарища.

8) Предсѣдатель по дѣламъ, превышающимъ власть Сената, докладываетъ лично верховной власти, получаетъ и объявляетъ высочайшее повелѣніе.

9) Въ каждомъ отдѣлѣ Сената находятся прокуроръ и его товарищъ, назначаемые верховной властію.

10) Каждое вѣдомство, составляющее спеціальность, находится въ вѣдѣніи особаго главноуправляющаго, по избранію Верховной власти.

11) Главноуправляющіе спеціальныхъ вѣдомствъ, въ предѣлахъ своей спеціальности, дѣйствуютъ по непосредственному указанію Верховной власти, по вѣсѣмъ же общимъ дѣламъ подчиняются Сенату.

12) Главноуправляющіе присутствуютъ въ Сенатѣ только по дѣламъ своего управленія и съ голосомъ сенатора.

13) Дѣла, заключающія въ себѣ установленіе новаго, измѣненіе или отмѣну существующаго закона докладываются законодательнымъ отдѣломъ общему собранію всѣхъ трехъ отдѣловъ Сената, откуда вносятся на высочайшее утвержденіе.

14) Всѣ другія дѣла могутъ быть пересматриваемы въ общемъ собраніи отдѣловъ Сената только по особому указу Верховной власти.

15) Дѣла особенной государственной важности, по высочайшему повелѣнію, разсматриваются въ Земской Думѣ, докладываются ея предсѣдателемъ Императорскому Величеству, и высочайшее повелѣніе объявляется Сенату или Синоду, по принадлежности.

16) Земская Дума есть учрежденіе исключительно совѣщательное и никакой исполнительной власти не имѣетъ.

17) Земская Дума составляется изъ всѣхъ сенаторовъ и членовъ Синода.

18) Земская Дума избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и его товарища, и трехъ членовъ постояннаго комитета.

19) Постоянный комитетъ служитъ Земской Думѣ орудіемъ для содержанія непрерывнаго общенія съ губерніями и областями, избранными представителей въ Сенатъ. Это общеніе можетъ происходить чрезъ переписку съ земствами губерній или съ частными лицами, безъ всякаго участія администраціи.

20) Комитетъ изъ Думы и каждый изъ сенаторовъ имѣетъ право вносить въ отдѣлы Сената представленія о всемъ, касающемся нуждъ и интересовъ губерній или всего государства.

21) Земская Дума имѣетъ присутствія по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ или по требованіямъ десяти сенаторовъ, съ которыми согласился предсѣдатель Думы.

22) Члены Земской Думы не отвѣчаютъ за свои мнѣнія, письменны или словесно высказанныя въ Думѣ. За преступленія они предаются суду Земской Думы, которая дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ къ качеству верховнаго совѣстнаго суда.

23) Земской Думѣ. Сенату, Синоду и главнымъ управленіямъ спеціальныхъ вѣдомствъ предоставляется приглашать постороннихъ лицъ съ голосомъ совѣщательнымъ.

24) Приглашенные на совѣщаніе лица вмѣстѣ съ начальниками отдѣловъ каждаго главнаго управленія составляютъ совѣтъ главнаго управляющаго.

25) Во всѣхъ государственныхъ управленіяхъ рѣшенія постановляются по абсолютному большинству голосовъ.

Къ этимъ главнымъ основаніямъ должны и могутъ быть приспособлены всѣ правительственныя учрежденія, какъ центральныя, такъ и низшія. Измѣненій придется сдѣлать много: но для этого нѣтъ надобности, чтобы новый государственный строй вышелъ разомъ изъ подъ пера одного лица или коммисіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Его долженъ выработать народъ, по инициативѣ Земской Думы и общественнаго мнѣнія. Последнее составляетъ у насъ до сихъ поръ не опору государственнаго строя, а пугало бюрократіи. Отсюда происходило крайнее стѣсненіе свободы мнѣній и печати. При народномъ правительствѣ необходимо дать разумный просторъ устному и печатному слову: необходимо тоже, по возможности, предоставлять свободу выраженію мнѣній по всѣмъ мѣрамъ и измѣненіямъ, прежде чѣмъ онѣ приняты будутъ окончательно. Въ основаніе всѣхъ этихъ измѣненій конечно будутъ положены гуманныя и либеральныя принципы въ примѣненіи къ духу и вѣковымъ воззрѣніямъ Русскаго народа. При этомъ необходимо: 1) чтобы администрація была какъ можно ближе къ народу, не составляя касты бездушнаго чиновничества, а была продуктомъ выборнаго начала, примѣненнаго въ возможно обширномъ размѣрѣ; 2) чтобы законодательство наше было по возможности очищено отъ излишняго характера клерикальнаго и фискальнаго; 3) чтобы вся администрація была по возможности упрощена и требовала меньше расходовъ; 4) чтобы налоги и подати были справедливо раз-

ложены на всѣ сословія; 5) чтобы возстановлена была разумная соразмѣрность между производительными и непроизводительными расходами въ государственномъ бюджетѣ и 6) чтобы въ бюджетѣ доходовъ и расходовъ, и вообще въ дѣйствіяхъ правительства, было какъ можно меньше тайны или умышленныхъ недомолвокъ.

Синодальное управленіе нашею православною церковью—твореніе Петра Великаго. Оно не требуетъ радикальнаго преобразованія. по нѣтъ сомнѣнія, что Земская Дума предложитъ множество измѣненій въ управленіяхъ епархіальныхъ. Въ основаніе этихъ измѣненій будутъ, вѣроятно, положены: 1) сближеніе духовенства съ народомъ одинаковостію общаго образованія, правъ и обязанностей относительно государства; 2) возможно обширное примѣненіе выборнаго начала; 3) обезпеченіе положенія бѣлаго духовенства и возможное облегченіе ея нидѣ нимъ чернаго духовенства; 4) ограниченіе числа монастырей и правъ на поступленіе въ монашество. Последнее и само собою произойдетъ, если церковь наша, возвращаясь къ обычаямъ первыхъ временъ христіанства, будетъ посвящать въ чинъ епископскій не однихъ монаховъ, а и достойнѣйшихъ изъ бѣлаго духовенства и 5) прекращеніе всякаго преслѣдованія за религіозныя убѣжденія и не въ видѣ безмолвной терпимости, а положительнымъ и неизмѣннымъ закономъ.

Нужно, крайне нужно впустить живую струю въ правительственнаго свѣтское и церковное. Задача государственной мудрости будетъ состоять въ томъ, какъ это сдѣлать, не нарушая основъ государственнаго строя.

Вспомнимъ при этомъ, что тысячу лѣтъ тому назадъ предки наши послали за море сказать Варягамъ: „земля наша обширна и богата, а ладу въ ней нѣтъ“. Признаемся, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, въ томъ же: но да избавитъ насъ Господь искать этого ладу, за моремъ. Русскій народъ столько вынесъ тяготы и своей и чужой, что сумѣетъ, съ Божіей помощію, приложить къ своей бѣдѣ своего собственнаго ума-разума. Аминь.

5 Января 1880 г.

(Сообщено барономъ А. П. Дельвиномъ).

ИЗЪ АРХИВА М. А. МАКСИМОВИЧА.

Письмо В. Н. Каразина.

Милостивый государь Михаилъ Александровичъ!

Пріятель нашъ общій Михаилъ Петровичъ Погодинъ обѣщаль мнѣ доставить честь вашего личнаго знакомства; но онъ, къ сожалѣнію, уѣхалъ.—и долго его дожидаться! Нельзя ли вамъ одолжить меня, пожаловавши сегодня къ намъ, семейнымъ людямъ, запросто откушать? Между тѣмъ, представляя вамъ сына моего Александра, вашего слушателя, вмѣстѣ обращаю ваше вниманіе и на нѣсколько написанныхъ имъ страничекъ о Датурѣ—метель, которую мы желали бы рекомендовать безпристрастнымъ врачамъ.

Пріймите во всякомъ случаѣ, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ истинномъ къ вамъ почтеніи!

Вашъ покорный слуга Василій Каразинъ *).

Окт. 1. 1831.

Сообщилъ В. Даниловъ.

*) Съ М. Н. Погодинымъ Каразинъ познакомился въ 1828 году и до конца жизни оставался съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, участвуя въ его ученыхъ предпріятіяхъ. Въ 1831 году Каразинъ пріѣзжалъ въ Москву, чтобы хлопотать объ опредѣленіи на службу упоминаемаго въ письмѣ сына Александра. Знакомство Каразина съ Максимовичемъ, очевидно, состоялось, такъ какъ имѣется еще одна записка Каразина къ Максимовичу, очевидно, состоялось, такъ какъ имѣется еще одна записка Каразина къ Максимовичу, неважнаго времени, но писанная въ Кіевѣ. Каразинъ проситъ Максимовича содѣйствовать ему „по возможности все видѣть въ Кіевѣ въ короткое время“. В. Д.

Письмо графа Д. Н. Блудова.

Милостивый государь Михаилъ Александровичъ.

Покорнѣйше, искренно благодаря васъ за любезное письмо ваше отъ 12-го текущаго ноября и за доставленные при ономъ бумаги, считаю не нужнымъ присовокуплять, что я всегда принималъ и не перестаю принимать постоянное живѣйшее участіе какъ въ литературныхъ равно замѣчательныхъ и полезныхъ трудахъ вашихъ, такъ и въ личной вашей судьбѣ. Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы случай доставилъ мнѣ возможность ходатайствовать объ опредѣленіи васъ на одно изъ означенныхъ въ письмѣ вашемъ мѣстъ: ибо не сомнѣваюсь, что, будучи, если не въ цвѣтѣ лѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, еще въ полной крѣпости мужества и силъ, вы можете по способностямъ, свѣдѣніямъ своимъ и по благонамѣренности оказать, въ кругѣ дѣйствія, имъ присвоенномъ, важныя услуги и отечеству и наукѣ. Но въ настоящее время, я не имѣю никакого, ни непосредственнаго¹⁾, ни иного вліянія на Министерство Народнаго Просвѣщенія, отъ коего зависятъ избраніе и представленіе на мѣста попечителей и ректоровъ. Графъ Уваровъ, съ которымъ я издавна и всегда былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, оставилъ сіе Министерство и даже прежде того, въ послѣднее время, по здоровью, совершенно разстроенному, не могъ уже заниматься дѣлами. Кто жъ будетъ его преемникомъ, доселѣ неизвѣстно мнѣ. Но еще разъ, и теперь, и впослѣдствіи я почту за особенное для себя счастье быть вамъ, хотя немного, чѣмъ-нибудь полезнымъ²⁾.

Примите, милостивый государь, повтореніе выраженія признательности моей за знакъ вашего вниманія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увѣреніе въ чувствахъ истиннаго почтенія и преданности, съ коими я имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Гр. Д. Блудовъ.

24 ноября 1849.

¹⁾ Гр. Д. Н. Блудовъ съ 1826 г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія. Съ 1839 г.—главноуправляющій II отд. Соб. Его Императорскаго Величества канцеляріи.

²⁾ Выйдя въ отставку, послѣ ректорства и профессорства въ Кіевскомъ университетѣ, въ 1845 году, Максимовичъ впослѣдствіи не однажды стремился вновь на государственную службу, но, какъ писалъ онъ Бодянскому, каждый разъ „обжигался на различныхъ молокахъ“. Странно, что не смотря на всѣ его знакомства, на его безупречную и полезную дѣятельность на поприщѣ науки, онъ не могъ себѣ найти мѣста. Онъ не могъ получить даже мѣста бібліотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ, какъ думалъ о томъ Н. С. Аксаковъ. В. Д.

Письмо графа С. С. Уварова.

Милостивый государь мой, Михаилъ Александровичъ.

При письмѣ вашемъ отъ 8 Мая я получилъ экземпляръ изданнаго вами сочиненія: *Откуда идетъ Русская земля**). Хотя я не думаю, чтобы гипотеза о происхожденіи Руси, которую вы защищаете, могла бы согласиться съ настоящими видами отечественной Исторіи, но мнѣ пріятно отдать вамъ справедливость за стремленіе къ обработыванію избранной вами части и полезныя труды. Что касается до нѣкоторыхъ положеній, касательно Исторіи Русской Словесности, то трудно, кажется, между прочимъ, доказать, чтобы періодъ отъ конца XIII до XVIII вѣка былъ *безпримѣрно-богатымъ* проявленіемъ Русской народности въ нашей поэзіи. Эта мысль требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

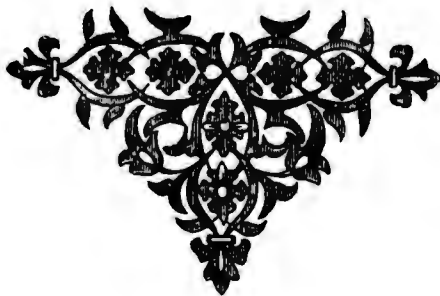
Изъ сего вы увидите, что я читалъ внимательно ваше сочиненіе и что я принимаю особое участіе въ трудахъ вашихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вашимъ покорнымъ слугою

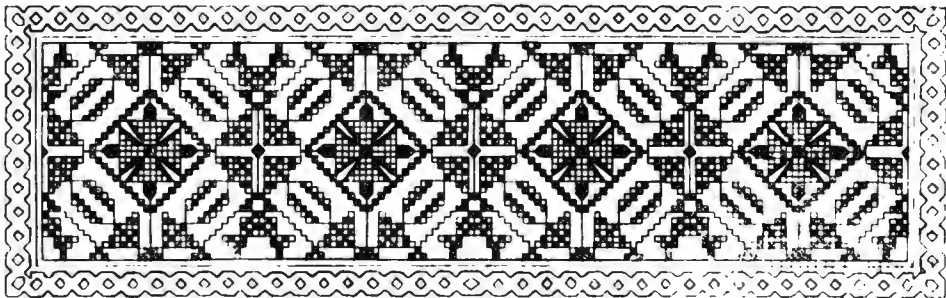
Сергій Уваровъ.

№ 715.

3 Іюня 1837 года.

*) „Откуда идетъ Русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ Русскимъ. Посвящено памяти Ломоносова. Кіевъ. 1837 г.“. Въ этой книгѣ Максимовичъ, въ противность Норманской теоріи М. П. Погодина, доказываетъ, что Варяжская Русь была изъ Прибалтійскихъ Славянъ. В. Д.

Старинная апокрифическая повесть о трех монахах, отыскивавших пояс земной.

Въ числѣ различнаго рода апокрифовъ, заносимыхъ въ Россію изъ Византіи, Болгаріи и Сербіи, была извѣстна нашимъ предкамъ и эта повесть, хотя и подъ другимъ заглавіемъ. Повесть эта по содержанію своему весьма занимательна, и потому вѣроятно, что нерѣдко читалась у насъ въ старину. На распространеніе ея указываетъ, между прочимъ, ссылка на нее въ сочиненіи Новгородскаго архіепископа Василия, жившаго въ XIV вѣкѣ.

Вкратцѣ содержаніе повѣсти такое. Три монаха, движимые любознательностію, рѣшаются покинуть свой монастырь съ цѣлью найти поясъ земной, т. е. мѣсто, гдѣ небо сходится съ землею. Не зная, кромѣ роднаго, никакого языка, они начали блуждать по свѣту, переходили изъ одной страны въ другую и подвергались на пути всякимъ опасностямъ и лишеніямъ. Они переносили ихъ мужественно и съ высокимъ смиреніемъ, не переставая благодарить Бога. За такую ихъ глубокую вѣру и терпѣніе они удостоены были нѣкоторыхъ видѣній изъ загробнаго міра. Земного пояса нигдѣ не оказалось: за то они въ продолжительномъ своемъ странствіи отыскали, или вѣрнѣе сказать, набрали на св. Макарія, жившаго одиноко въ пустынѣ и почтившаго ихъ разсказомъ о своей жизни. Старинныхъ списковъ повѣсти сохранилось два. Одинъ изъ нихъ въ Толстовскомъ Сборникѣ, другой въ Паисіевскомъ. Въ первомъ повѣсть именуется такъ: „Житіе преподобнаго отца нашего Макарія, иже есть обрѣтенъ близъ рая за 20 поприщъ“. Во второмъ, Паисіевскомъ, заглавіе такое: „Слово о трехъ монасѣхъ, како находили св. Макарія“. Варіаціи въ этихъ двухъ рукописныхъ спискахъ, относимыхъ къ XIV вѣку, весьма незначительны *). Языкъ въ обѣихъ рукописяхъ церковно-славянскій, но встрѣчаются въ нихъ выраженія и даже цѣлыя обороты рѣчи весьма темныя и мало понятныя.

*) Памятники старинной Русской литературы. изд. графомъ Булгачевымъ-Бенбо-родко. Спб. 1862 г., т. III.

Разъясненіемъ къ пониманію такихъ мѣстъ можетъ служить вновь открытій списокъ. Въ недавно приобрѣтенномъ Тверскою Архивною Комиссіею рукописномъ сборникѣ имѣется этотъ апокрифъ подъ заглавіемъ: „Повѣсть отъ житія цѣломудрнѣхъ отецъ Сергія, Евсевія, Теофила, иже обрѣтоша св. отца Макарія“. Это уже нѣкотораго рода литературная передѣлка. Въ Толстовскомъ и Паисіевскомъ спискахъ монахи ведутъ разсказъ о себѣ и отъ себя, и потому говорятъ вездѣ: „мы, убозіи“. Въ Тверскомъ списокѣ о монахахъ разсказывается уже въ третьихъ лицѣхъ. Всѣ главныя части разсказа сохранены, но мелкія подробности уже опущены, иногда впрочемъ и не совсѣмъ удачно. Благодаря подобной передѣлкѣ, разсказъ хотя и выигрываетъ въ смыслѣ сжатости и округленности, но въ немъ опущены многія образныя, чисто-художественныя мѣста.

Чтобы читателю ближе познакомиться съ этой старинной повѣстью, я буду, при болѣе подробной передачѣ содержанія оной, приводить въ подлинникѣ ти лучшія мѣста, равно какъ и указывать на видоизмѣненія, коими различаются всѣ эти три списка.

Уйдя изъ своего монастыря, монахи отправились прежде всего въ Іерусалимъ. Постѣ молитвы и поклоненія святинямъ, они приступили къ достиженію своей цѣли отыскать поясъ земной. Побывавъ въ Месопотаміи и Персіи, они, какъ видно, повернули на Юговостокъ. Здѣсь, на границѣ Индіи, они подверглись опасности, едва ли не самой большей для нихъ. Найдя пустой домъ, усталые монахи вошли въ него и расположились для отдыха. Черезъ два дня*) по собственному разсказу монаховъ: „се приидоста два малжана, вѣнцы носяща на главахъ дивны, и видѣша ны убоишася збѣло и мнѣста, яко исхodataи ссмы земли той“.

Непонятно, кто же эти малжаны, которые, принявъ монаховъ за согласситовъ, убожили отъ нихъ? Въ Тверской рукописи разъясняется дѣло иначе. „И прииде къ нимъ жена млада, украшена порты (т. е. одеждою) и видѣ ихъ убоишася и побѣже отъ нихъ“. Видимо, что переписчики Толстовской и Паисіевской рукописей, не понявъ смысла въ содержаніи, замѣнили слово *дѣва* словомъ *дѣи* (Славянской буквой вѣди подѣ титломъ), а слова „жены млади“ выраженіемъ *малжана*.

Появленію этой женщины (вѣроятно хозяйки дома) монахи не придали значенія, а между тѣмъ бѣгство ея повело къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ для нихъ. По зову этой вліятельной женщины, носившей на головѣ вѣнецъ, вскорѣ около дома собралось болѣе двухъ тысячъ народа. Толпа хотѣла схватить монаховъ въ домѣ, и тѣ принуждены были выбѣжать оттуда. Туземцы стали разспрашивать ихъ, кто они. Монахи объяснялись на своемъ языкѣ, котораго туземцы не понимали. Подозрѣніе въ шпіонствѣ монаховъ видимо утвердилось среди туземцевъ, которые, схвативъ монаховъ, заключили ихъ въ тѣсную пещеру, въ цѣлю заморить ихъ голодомъ. Въ этой темницѣ монахи, томимые голодомъ и жаждою, пробыли 10 дней, не переставая молиться и прославлять

*) По Тверскому списку чрезъ 12 дней.

Бога. Түземцы, подивившись необычайной ихъ живучести, инакомъ ихъ изъ пещеры и, отхлеставъ прутьями, прогнали. Утолить голодь монахи могли только тогда, когда на пути отыскали „красное взору и плодovито зѣло древо“.

Черезъ сорокъ дней монахи вступили въ страну народа „Песей Головы“. Нужно при этомъ замѣтить, что въ старину Русскіе, согласно многимъ апокрифическимъ сказаніямъ, вѣрили, что одинъ народъ Индіи потому такъ именованъ, что тамъ люди имѣютъ вмѣсто человѣческихъ головъ собачьи¹⁾. Также представленіе этого несуществующаго народа удерживалось и въ XVII столѣтіи. Въ лицевой Псалтыри, изданной при патріархѣ Іосифѣ, въ числѣ различныхъ народовъ изображены люди съ собачьими головами²⁾. Въ старинномъ иконописномъ подлинникѣ, при описаніи изображенія страшнаго суда, указывается, что нужно изображать и псыи головы въ числѣ народовъ, идущихъ на судъ Божій³⁾. Но изъ повѣсти о трехъ монахахъ не усматривается, чтобы этотъ народъ имѣлъ собачьи головы. Судя по описанію, это были просто, игары, которые ходили нагими и жили „между каменьями“, или же, на подобіе цыгнъ, устраивали себѣ жилье на деревьяхъ, гдѣ и пребывали вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Песей Головы не причинили монахамъ никакого вреда и только молча смотрѣли на нихъ. Держась на Востокъ, монахи прошли ихъ землю въ теченіе ста дней.

Затѣмъ они вступили въ новую землю, Трепастокъ. Тверской рукописью указывается, что здѣсь жили люди, имѣющіе по три руки. Жители Трепастка видимо были трусливые. По сообщенію всѣхъ трехъ списковъ, они, при видѣ монаховъ, убѣгали прочь, чѣмъ монахи, сами боявшіеся ихъ, были весьма довольны, относя ихъ бѣгство къ помощи небесной.

Дальше монахи шли по неизвѣстнымъ и не обитаемымъ мѣстностямъ. Поднялись они на какую-то высокую гору, гдѣ солнце не сіяло и не было никакой растительности. За то здѣсь жило множество змѣй и гадовъ, которые сильно свистали и скрежетали зубами, но вреда монахамъ не причинили. Въ Толстовскомъ и Паисіевскомъ спискахъ прибавляется, что свистъ и скрежаніе змѣевъ, охиднѣ, увалей и „валилистовъ“ (вѣроятно насилисковъ) было до того пронзительно, что монахи закрывали себѣ уши воскомъ, дабы не слышать въ теченіи четырехъ дней этихъ звуковъ.

Перейдя эту опасную гору, монахи вступили въ пустыню, въ которую никогда не ступала нога человѣка. По этой пустынѣ они блуждали 60 дней.

¹⁾ Въ апокриф. посланіи Индійскаго царя Ивана къ Греческому императору Мануилу, между прочимъ, говорится: „Есть у меня и иные люди—половина человѣка, половина пса“. (См. лѣтописи лит.-ры, Тихонравова, II т., у Ровинскаго V т.). Въ Лудидаріусѣ, еже есть Златый Бисеръ, разсказывается: „Есть въ Индіи люди, о нихъ же страшно помыслить, понеже токмо имѣютъ гласъ и зракъ человѣческій. У однихъ пять превращены и ходятъ тыломъ впередъ, имѣютъ по 18 перстовъ у рукъ и ногъ, главы у нихъ псыи, ноги кривы и велики и лаютъ яко пси“. (Апокриф. сказанія, Парфирева, т. II).

²⁾ Въ библіотекѣ Троице-Сер. лавры.

³⁾ Древне-русская литература и искусство, Вуслаева, т. II.

испытывая постоянный страхъ погибнуть въ ней и моля Бога о помощи. Единственнымъ живымъ существомъ, которое они встрѣтили, былъ олень. Въ надеждѣ выйти изъ пустыни монахи пошли по слѣдамъ оленя. Онъ привелъ ихъ сквозь тьму и большую пропасть и привелъ на равнину, гдѣ паслось стадо оленей. Идя безъ дороги по этой равнинѣ, они вступили въ лѣсистую страну, гдѣ росло много деревьевъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли сладкіе плоды. Но эта лѣсистая страна, съ постоянной стоящей въ ней мглой, казалась имъ безконечною. Прошлутали монахи по ней 70 дней и, не зная какъ имъ выбраться изъ этой трущобы, заплакали. Вотъ въ это время появился голубь, который началъ перепархивать съ одного мѣста на другое. Слѣдя за его перелетами, монахи двинулись за нимъ. Голубь привелъ ихъ къ мѣсту, называемому Тьмою, гдѣ находился слѣдъ человѣческаго пребыванія. Это былъ столбъ, поставленный Александромъ, царемъ Македонскимъ, съ надписью о томъ, что онъ съ своими войнами доходилъ до этого мѣста, по одержаніи побѣды надъ Персами. Кромѣ того, надписью этой указывалось (по Толст. и П. спискамъ), что если отъ этого мѣста идти вправо, то встрѣтятся высокія горы и озера, наполненныя змѣями, а если влѣво „вся бо воды міра сего отъ лѣвое страны прихоятъ, да иже ся тѣхъ водъ надержитъ, то идетъ на свѣтъ“ *). Прочитавъ эту надпись, монахи утѣшились и прославили Бога, спасавшаго не разъ ихъ отъ неминуемой смерти. Желаніе ихъ продолжать дальнѣйшій путь не ослабло, и они снова двинулись въ путь, держась отъ столба лѣвой стороны. На этомъ новомъ пути монахи невольно сдѣлались очевидцами адскихъ мученій.

Пройдя еще 40 дней, монахи почувствовали въ одномъ мѣстѣ смрадъ, который невозможно было выносить человѣку. Вдали послышались звуки похожіе на ржаніе коней. Монахи пошли на эти звуки и увидели большое озеро, наполненное змѣями въ такомъ количествѣ, что не было видно и воды подъ ними. Изъ глубины озера доносились человѣческіе плачъ и стenanіе. Въ то же время послышался гласъ съ неба, говорящій, что это тѣ изъ осужденныхъ людей, которые Бога отверглись. Монахи въ страхѣ и трепетѣ убѣжали изъ этого мѣста.

Презъ мало дней монахи увидели двѣ высокія горы, между коими висѣлъ на мѣдныхъ „веригахъ“ (цѣпяхъ) великанъ во сто локтей длины. На головѣ этого гиганта не было ни одного волоса; онъ былъ весь обвѣтъ пламенемъ и издавалъ вопль, слышимый за 30 поприщъ. Увидѣвъ монаховъ, мучимый склонилъ низко свою голову и плакалъ. Но монахи, закрывши отъ страха лица свои, бѣжали безъ оглядки отъ сего мѣста, продолжая, однако, въ теченіе пяти дней слышать вопли и стenanія.

*) Нѣчто подобное о сліяніи всѣхъ водъ міра сего въ одно рассказывается въ 17-й сурѣ Корана. Мѣсто это чудесное. Когда пророкъ Моисей, въ желаніи отыскать мудреца, указаннаго ему Аллахомъ, дошелъ до этого мѣста и велѣлъ своему слугѣ варить рыбу, то эта рыба выскочила изъ котла и упрыгнула въ сливавшееся съ другими море. Моисей обрадовался этому, какъ явному признаку близости живущаго около этихъ мѣстъ мудреца.

Дальше монахи увидали водяныя стремнины глубокия, и на нихъ, у самаго края глубины, простоволосую женщину, мучимую змѣемъ. Змѣй, обвившись вокругъ всего ея тѣла, хоботомъ билъ ее съ такой учащенностію, что она, какъ ни хотѣлось ей, не могла ни слова вымолвить, ни звука провозгласить. Тутъ же неподалеку находилось на сушѣ глубокая пропасть, наполненная людьми. О нахожденіи ихъ тамъ можно было только догадываться по воплямъ, которые исходили оттуда. Грѣшники зывали человѣческими голосами: „помилуй насъ, Сыне Божій!“ Монахи въ страхѣ удалились отъ этихъ мѣстъ, продолжая на пути плакать о видѣнной ими скорби человѣческой.

Вскорѣ имъ показанъ былъ новый и послѣдній родъ адскихъ мученій. На пути они увидѣли особаго рода деревья, похожія на смоковничьи; на этихъ деревьяхъ сидѣло множество, „тѣмы тѣмами“, птицъ. Къ удивленію монаховъ, эти неодушевленные деревья завопили человѣческими голосами: „Помилуй насъ, Господи, мы бо согрѣшихомъ паче всея твари!“

Когда монахи, ушедши изъ этой юдоли плача, вполне очнулись отъ страха, они пожелали знать, что означаютъ показанныя имъ видѣнія, кто эти мучимые и за что мучатся. Съ этою цѣлію они обратились съ усердной молитвой къ Богу вразумить ихъ. По ихъ молитвѣ разверзлась земля, и оттуда исходилъ слѣдующій гласъ: „Не дано вамъ вѣдати дѣлъ тѣхъ, но видите вы своимъ путемъ“. Монахи, въ страхѣ услышавъ это, пошли далѣе.

Но они не освободились отъ новыхъ страшныхъ самихъ по себѣ видѣній, которыя однако не производили уже на нихъ тяжелаго и гнетущаго впечатлѣнія.

На пути своемъ они увидали идущихъ имъ на встрѣчу четырехъ мужей въ такомъ образѣ, какой, по ихъ словамъ, нельзя себѣ и представить и выразить человѣческимъ языкомъ. Поэтому блѣднымъ очеркомъ въ повѣсти описанъ не ликъ этихъ необычайныхъ мужей, а только обстановка вѣнчанія. На главахъ этихъ мужей были красныя вѣнцы, въ рукахъ золотыя мантии; окружали ихъ змѣи и ехидны, а передъ ними несло само собою оружіе острое и твердое. Чувствуя страхъ и безсиліе предъ этими чудесно вооруженными мужами, монахи упали ницъ и смиренно просили помиловать ихъ. Небесные мужи успокоили ихъ, сказавъ, чтобъ они не боялись грознаго оружія, которое блюдется на день судный, и чтобы продолжали свой путь. Монахи поклонились имъ и прославили Бога. Испытанное монахами впечатлѣніе при видѣ этихъ мужей передано въ повѣсти краткимъ и выразительнымъ: „У нихъ душа не имуща“.

Дальше монахамъ показано было, какъ можно догадываться, видѣніе церкви небесной на воздухѣ.

Черезъ 40 дней пути монахи ощутили сильное благоуханіе, и услышали вдали звуки множества поющихъ; волны этихъ звуковъ приносились собою и благоуханіе. Повидимому монахамъ слѣдовало бы идти на эти чудные звуки и восторгаться ими, но они этого не сдѣлали, хотя и удивлялись всему этому. Путешествіе такъ утомило ихъ, что они въ это время ничего не желали, кромѣ

она; и устѣ и очи ихъ слипались. Когда они пробудились отъ сладкаго, необыннаго звука сна, то увидѣли предъ собою великую церковь, созданную точно изъ меда; чудные мужи въ ней пѣли ангельскую пѣснь. Изъ алтаря этой церкви выходилъ источникъ съ бѣлою какъ молоко водою. Увидѣвъ и услышавъ все это, монахи отъ трепета стояли неподвижно, какъ мертвые. Но вотъ одинъ изъ явилъ красныхъ юношей коснулся ихъ и сказать, что видѣнный ими источникъ есть источникъ безсмертія, назначенный въ будущемъ для утѣшенія праведниковъ. Монахи при этомъ пали ницъ и прославили Бога. Хотя имъ не дано было коснуться этого источника, тѣмъ не менѣе они ощутили на себѣ вѣянія его въ продолженіи трехъ дней пути. Свое ощущеніе монахи въ разсказѣ передаютъ такъ: „Бяху устѣ наша ослажены отъ воды той до трехъ дней, слипахуся устѣ наша, яко отъ меду“. Дальше монахамъ показано было, какъ видно, видѣніе райскаго эдема на землѣ.

Въ своемъ странствіи монахи дошли до какой-то великой рѣки. Они отпили изъ нея воды и почувствовали полное насыщеніе не только жажды, но и голода. Замѣтивъ чудное свойство этой рѣки, они, прославивъ Бога, ушли на берегу ея и повели между собою мирную бесѣду. Вдругъ въ 9-мъ часу распространился надъ этою рѣкою необычайный свѣтъ, въ семь разъ превосходящій солнечный. Монахи въ благоговѣніи тотчасъ привстали и начали молиться на четыре страны свѣта. Тотчасъ же подули одинъ за другимъ четыре необычайные вѣтра особой природы и при этомъ соединенные съ особой окраскою воздуха. „И бяху вѣтри въ земли той иначе тварью: западный вѣтеръ зеленъ тварью, а отъ востока солнцу отъ рая рыжъ вѣтеръ, яко желтъ, а отъ полунощи вѣтеръ яко кровь чиста, а отъ полудневныя страны вѣтеръ былъ яко снѣгъ“. За вѣтрами, замѣтно затмившимися показавшійся свѣтъ, послѣдовало новое явленіе: показалось особое свѣтило небесное, которое грѣло и свѣтило всемеро больше нашего солнца; вся земля, съ ея горами и пустынями, освѣтилась сразу въ два свѣта, червленый и бѣлый. На мѣстахъ доселѣ пустынныхъ мгновенно появилось множество высочайшихъ и вѣтвистыхъ деревьевъ, прекрасныхъ по виду, изъ коихъ одни были плодовые, другія не имѣли плодовъ, но тѣ и другія были краше и „чистѣйши“, т.-е. чаще всѣхъ видимыхъ на землѣ деревьевъ. Въ довершеніе красоты на всѣхъ этихъ деревьяхъ сидѣли райскія птицы „всѣми лицы“, всевозможнаго вида и образа.

Въ повѣсти это одно изъ лучшихъ и ходожественныхъ описаній преображенія нашей земли. Долго ли продолжалось это видѣніе, изъ разсказа не видно; но только монахи не ушли скоро изъ этого мѣста. Они пробыли на немъ дѣды, сто дней, не вкушая иной пищи, кромѣ воды изъ великой рѣки.

Какъ-то, бы постѣ такихъ чудныхъ видѣній, коими какъ бы засвидѣтельствовано было, что монахи находятся подъ особымъ покровительствомъ Божиимъ, имъ и нельзя уже было бояться кого-либо изъ людей. А между тѣмъ они вскорѣ испугались карликовъ, когда проходили ихъ страну. Этотъ „мало низкій“ народъ, увидавъ монаховъ, казавшихся ему великанами, смѣло пошелъ имъ навстрѣчу вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Стекаясь быстро и це-

вѣдомо откуда, эти низкорослые окружили монаховъ густою толпою и ясно обнаруживали враждебность, даже озлобленность къ пришедшимъ въ ихъ страну чужестранцамъ. Бѣгаясь ихъ множества, монахи стали опасаться за свою жизнь и думали, что тѣ „изъядаютъ ихъ“. Чтобы спастись отъ карликовъ, монахи по совѣту своего товарища Сергія, прибѣгли къ такой уловкѣ: они „растрясли т. е. распустили свои длинные волосы и, вперивъ взоръ въ толпу, ринулись впередъ. При такомъ ихъ движеніи толпа карликовъ въ страхѣ разступилась: женщины подхватили своихъ дѣтей, а мужчины, хотя и сдерживали на монаховъ зубами, не рѣшались, однако, преслѣдовать ихъ. Кстати здѣсь замѣтить, что этотъ эпизодъ значительно понижаетъ всю прелесть поэтическаго разсказа монаховъ *).

Отбоярившись такимъ образомъ отъ нападенія карликовъ, монахи безбоязненно прошли ихъ страну въ теченіе десяти дней. Испытавъ жажду, они въ одномъ мѣстѣ нашли большую бѣлую льдину высотой въ локоть отъ земли. По испробованіи льдина показалась имъ слаще меда, и они принялись грызть ее. Отъ употребленія въ пищу этой льдины лица монаховъ прояснились, они повесѣли и, прославивъ Бога, снова двинулись впередъ.

Этимъ оканчивается первая половина повѣсти. Дальше сообщается о томъ, какъ они отыскали св. Макарія Египетскаго. Въ Толстовскомъ спискѣ эта половина повѣсти отмѣчается особымъ заглавіемъ: „О пещерѣ Макарьевѣ“. Эта часть апокрифа, какъ тоже не лишенная поэтическихъ прикрасъ, читается съ одинаковымъ удовольствіемъ.

II.

Послѣ вкушенія льдины, монахи шли по мѣстамъ дикимъ и пустыннымъ, „не вѣдуце пути“. Черезъ 50 дней они увидали малую стезицу, продолженію какъ бы человѣкомъ. По этой тропинкѣ они и пошли и добрались до пещеры. Войдя въ нее, они ощутили нѣкое благоуханіе и замѣтили „человѣчье метаніе“. Подъ этимъ словомъ нужно разумѣть икону, предъ которою совершаются метанія или поклоны. Монахи были такъ сильно утомлены путешествіемъ, что тотчасъ же повалились на землю въ пещерѣ и проспали до наступленія вечера. Проснувшись и выйдя изъ пещеры, они стали ожидать жильца дѣя. Вскорѣ на восточной сторонѣ показался человѣкъ. Списатель повѣсти обрисовалъ личность старца-подвижника вдали и вблизи весьма образно. „И видихомъ мужа страшна зѣло, и бѣше на немъ одежда никояже, но разѣе влася бѣлы, и покрываху все тѣло его отъ главу и до ногу, яко снѣгъ“. „Видѣвъ, т. е. ощутивъ присутствіе человѣка издалека, Макарій палъ на землю и проговорилъ: „Заклинаю васъ Богомъ, скажите мнѣ, отъ Бога вы пришли или отъ діавола? Если отъ діавола, то идите отъ меня, проклятые!“ Монахи отвѣчали, что они хотя и грѣшныя люди, но называются рабами Божиими: отречшимися отъ сатаны, и просили его благословенія. „Тогда приступи къ намъ и воз-

*) Этимъ вспоминаются Курумбы въ разсказахъ Раджа-Бая. II. Г.

движе рудѣ свои на небо и помолися Богу и благослови и разложи власы отъ лица своего и усъ свой распритавъ. И бяху власы его бѣли, яко снѣгъ, и бѣиша блороуханіе отъ него много и благо зѣло. И слышахомъ гласъ отъ старца: „Пого, и лицо ему видѣхомъ: очи же ему были впалы отъ старости, и брови ему бяху виски“*), а ногти его бяху велице ручнии и ножныи, аки сермы, тѣмъ бяху: святцу тому разсѣдалося все „аки желено“. Изъ этого описанія легко понять, что старецъ Макарій былъ покрытъ весь сѣдыми волосами, имѣлъ длинное и землистаго цвѣта тѣло. Что онъ имѣлъ длинныя, на подобіе пера, ногти, въ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія; ибо дознано уже, что у человека нѣсколько лѣтъ нестригущаго ногтей и ходящаго босымъ, ногти на ногахъ вырастають и загибаются въ видѣ длинной спирали.

Послѣ важныхъ вопросовъ о именахъ, всѣ они другъ другу „поклонистася, и шлоуаніеся и сѣдоста“. Макарій спросилъ ихъ о цѣли ихъ путешествія, и когда монахи объяснили, что ищутъ поясъ земной, не почель, какъ видно, такую дѣль пустою затѣю и только вразумилъ ихъ на счетъ безплодности ихъ ладнѣйшихъ поисковъ. Онъ объяснилъ, что мѣсто, гдѣ небо прилежитъ къ землѣ, находится въ бывшемъ эдемѣ, гдѣ нѣкогда жили Адамъ съ Евою; но по его сообщенію, никто уже изъ людей во плоти и родившихся во грѣхѣ не можетъ видѣть ни это мѣсто, ни небесныхъ силъ, охраняющихъ оное. При этомъ Макарій добавилъ, что и ему самому сильно хотѣлось видѣть мѣсто бывшаго рая; и онъ съ слезами молилъ о семъ Господа; но явившійся ему во снѣ ангелъ указалъ ему, что онъ такимъ любопытствомъ можетъ только прогнѣвить Бога. Тѣмъ не менѣе этотъ ангелъ сообщилъ ему, что это мѣсто находится уже весьма близко отъ настоящаго жилья Макарія, именно всего въ 20⁰ поприщахъ. По сообщенію ангела, на пути къ этому эдему находятся два города (въ смыслѣ укрѣпленія), одинъ изъ коихъ желѣзный, другой мѣдный, да кромѣ того этотъ эдемъ охраняють херувимы и серафимы съ пламеннымъ оружіемъ. Вънѣ рая поставилъ есть Богъ херувимы и серафимы, оружіе пламенное въ рукахъ имуще, стрещи рая и древа животна. Суть же та херувимы отъ ногу до пуща человекѣ, а перси львовы, а глава иною тварью, рудѣ яко ледяны; и оружіе пламенное въ рукахъ ихъ, внѣ стѣнъ згаданныхъ да не можетъ ту внити никтожъ. Суть бо ту силы страшныи мнози зѣло, и ликове ангельстїи ту пребываютъ, и пояси небеснии ту суть, идѣ же почиваетъ небо“. Такъ какъ поприще по древнему счету заключало въ себѣ 690 сажень, стало быть, мѣсто земного рая отстояло отъ пещеры Макарія въ разстояніи 27 верстъ и 300 сажень.

Монахи съ тайнымъ трепетомъ слушали рѣчь Макарія, которому ангелъ повѣдалъ дивную тайну, а потомъ возвеселились духомъ, прославляя Бога, даровавшаго имъ случай видѣть этого святаго человекѣ. Совершившееся затѣмъ еще болѣе утвердило ихъ въ святости этого старца-подвижника.

Когда спустилась тѣма вечера, Макарій попросилъ ихъ подалѣе отойти отъ него, въ пещерѣ, такъ какъ, по его словамъ, сейчасъ придутъ къ нему

*) Въ Толстовск. спискѣ: „вѣщи его и брови закрыли глаза“.

двое изъ его дѣтей, и онъ опасается, чтобы они „не восхажались“ на нихъ. Исполняя его просьбу, монахи подумали, что подѣ этими онъ разумѣеть мало еще просвѣщенныхъ своихъ дикарей-учениковъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда въ пещеру вбѣжали два большихъ льва и поклонились Макарію. При видѣ страшныхъ львовъ монахи пали ницъ отъ страха и не могли произнести ни звука. Между тѣмъ Макарій, лаская и благословляя звѣрей, упрямивалъ ихъ не трогать его гостей, которые пришли изъ далекаго человѣческаго міра¹⁾. Давъ такой наказъ лвамъ, Макарій просилъ монаховъ безбоязненно приблизиться къ нему, дабы всѣмъ имъ вмѣстѣ совершить вечернюю молитву. Продолжая дрожать отъ страха, монахи сдѣлали робкіе шаги въ направленіи къ старцу. Львы бросились имъ на встрѣчу и начали выражать свою ласку: кланяться и лизать имъ ноги. При общей молитвѣ монахи, воздвигъ руки, возблагодарили Бога, укротившаго чрезъ человѣка дикихъ звѣрей.

Послѣ молитвы и ухода львовъ, монахи, усѣвшись, просили Макарія разсказать имъ, какъ онъ пришелъ на это святое мѣсто. Макарій охотно повѣдалъ исторію своей жизни. Разумѣется, этотъ разсказъ въ апокрифѣ составляетъ собою одну фантазію, не согласуется съ житіемъ св. Макарія Египетскаго, въ Четъ-минейхъ подѣ 19 числомъ Января.

Макарій, по разсказу апокрифа, родился отъ богатыхъ христіанскихъ родителей²⁾, когда онъ пришелъ въ возрастъ, они побудили его, противъ его желанія, вступить въ бракъ съ невѣстой изъ сильнаго рода. Макарій, хотя и исполнилъ ихъ желаніе, но подѣ влияніемъ благой мысли, павшей ему на сердце, онъ вечеромъ убѣжалъ со свадебнаго пира, на которомъ происходили веселье и пляска. Онъ скрылся въ домѣ одной вдовы-стариды, гдѣ и прожилъ 9 дней, моля Бога указать ему путь къ подвижнической жизни. По настоянію этой вдовы, боявшейся отвѣтственности и гнѣва его родителей, онъ убѣжалъ отъ нея въ полночь. Въ скоромъ времени онъ встрѣтилъ на пути старца-странника, мужа богобоязненнаго, и просилъ его руководить на пути аскетической жизни. Вмѣстѣ съ нимъ они стали вести скитальческую жизнь, выпрашивая у людей милостыню. Такъ они вдвоемъ странствовали цѣлыхъ три года. Придя однажды въ далекую пустыню, они заснули ночью на голой землѣ. Когда Макарій пробудился, то увидѣлъ, что спутника его не было съ нимъ. Не зная, чѣмъ и какъ объяснить исчезновеніе своего товарища, Макарій, оставшись одинъ безъ руководителя, началъ горько плакать. Въ минуту его туженія и скорби послышался гласъ съ неба: „Я Рафаиль, ангель Господень, приведшій тебя на сіе мѣсто по повелѣнію Божию“. Уразумѣвъ, что въ лицѣ его спутника-старца былъ ангель, Макарій рѣшилъ навсегда поселиться въ этой пустынѣ. Но такъ какъ человѣку нельзя жить среди песковъ, онъ началъ искать себѣ сколько нибудь годное для жилья мѣсто. Встрѣтивъ на пути дивъ-

¹⁾ По Тверскому списку суетнаго міра.

²⁾ По Толстовскому списку Макарій родился въ городѣ Римѣ, между тѣмъ какъ онъ родился въ Нижнемъ Египтѣ, въ бывшемъ здѣсь городѣ Иттиаторѣ или Пеккиаварѣ.

яка (по Творской—дивьяго звѣря), Макарій просилъ его именемъ Божиимъ довести до человѣческаго жилья. Дивьякъ велъ его два дня и, встрѣтивъ оленя, убѣжалъ обратно. Макарій пошелъ во слѣдъ оленю. Чрезъ два дня олень, встрѣтивъ змѣю, убѣжалъ назадъ. Макарій и самъ страшно испугался змѣи, но, полагаясь на помощь Божию, онъ заклалъ ее именемъ Божиимъ не причиняя ему никакого вреда. Тогда змѣя, вставъ „на опашъ своею“, проговорила ему по-человѣчески: „Добрѣ еси пришелъ на мѣсто сіе, рабе божій Макаріе! Се бо уже 12 лѣтъ ожидаетъ тебя мѣсто, уготованное тебѣ, пойди во слѣдъ моему и узниши мѣсто свое“. Услышавъ эту рѣчь, обрадованный Макарій прославилъ Бога. Змѣя послѣ того обратилась въ юношу, который, доведя Макарія до пещеры, сдѣлался невидимымъ. Пещера эта служила логовищемъ льва. Макарій, сотворивъ молитву, безбоязненно вошелъ въ нее. Здѣсь онъ увидѣлъ мертвую львицу и около нея лежавшихъ двухъ дѣтенышей, которые, лишившись молока матери, издавали жалобное стenanіе отъ голода. Макарій тотчасъ же накормилъ ихъ „вершіемъ дубовнымъ“ (листьями и жолудями), а мертвую львицу вынесъ вонъ и похоронилъ внѣ пещеры.

Когда Макарій заботливо ухаживалъ за слабыми львятами, въ это время придетъ въ воронъ и принесъ имъ всѣмъ пищу—„три полотца хлѣба“. Макарій при этомъ воочію уразумѣлъ о томъ, какъ Богъ печется о своихъ твореніяхъ. Эту пищу птица приносить, по его разсказу, много уже лѣтъ и до сего дня. Но далъ ли онъ монахамъ вкусить ее,—объ этомъ не упоминается въ повѣсти.

Дальше Макарій повѣдалъ монахамъ о тѣхъ бѣсовскихъ искушеніяхъ, которымъ онъ подвергался, живя въ сей пустынѣ. Тяжкое искушеніе поразило его послѣ того, какъ онъ прожилъ въ пустынѣ 12 лѣтъ. Камнемъ преткновенія для него послужилъ женскій полъ. О своемъ соблазнѣ Макарій, по апокрифу разсказалъ съ такими подробностями, какія цѣломудренными монахамъ не подобало бы и выслушивать. Бѣсовское искушеніе началось съ того, что однажды онъ увидалъ въ пустынѣ женскую одежду. Не зная самъ для чего, онъ внесъ ее въ свою пещеру, и съ этого времени лишился покоя; помыслы у него смутились. На другой день онъ нашелъ повязку женскую и эту вещь внесъ въ свою пещеру. На этотъ разъ смущеніе овладѣло имъ такъ, что онъ, противъ обыкновенія, не только безъ молитвы, но даже и безъ осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ, легъ спать. На третій день показалась и самая женщина, помысленіе о которой разожгло его. Послѣ хожденія своего по пустынѣ онъ увидѣлъ „лѣпую несказанно жену въ позлащенныхъ ризахъ“. Она сидѣла на камнѣ и горько плакала. На вопросъ Макарія, откуда она и какъ сюда зашла, она разсказала сходную съ исторіей самого Макарія повѣсть. Именно, что родители ее хотѣли насильно выдать замужъ, и она, въ желаніи сохранить свое дѣвство, бѣжала, скиталась по горамъ и, блуждая, зашла и въ эту пустыню изъ которой она не знаетъ какъ ей выйти,—о чемъ она и плачетъ. Макарій участливо отнесся къ ней, взялъ ее за руку и ввелъ въ свою пещеру и „добыхъ бредокъ далъ ей ясти“. Ночью Макарій, легшій спать безъ всякой молитвы, не выдержалъ соблазна опаснаго для него сосѣдства и иску-

шаемый женщиною*), совершилъ съ нею грѣхъ. Едва только совершилось это паденіе, женщина исчезла какъ дымъ, и онъ ощутилъ подъ собою землю на подобіе мрамора.

Дальше Макарій, по апокрифу, разсказалъ о своемъ сокрушеніи и о томъ своеобразномъ средствѣ, къ которому онъ прибѣгъ, дабы искупить свой грѣхъ. Хотя его грѣхопаденіе было, какъ видно, мысленное, а не реальное, тѣмъ не менѣе Макарій, сознавъ оскверненіе чистоты своего тѣла и души, сталъ глубоко о семъ сокрушаться. Выйдя изъ пещеры, онъ началъ горько плакать. Покорные прежде ему львы гнѣвно смотрѣли на него и не шли на его зовъ. Это еще болѣе усилило степень его покаянія. Для искупленія своего грѣха, онъ рѣшился наказать себя мучительною смертію. Кое-какъ задобривъ звѣрей, онъ велѣлъ имъ вырыть въ углу пещеры яму въ ростъ стоящаго человека. Когда львы своими лапами и когтями вырыли яму, онъ опустился въ нее и велѣлъ имъ зарыть себя. Львы отказались исполнить такое дикое приказаніе своего господина. Цѣлыхъ три дня Макарій умолялъ львовъ засыпать его въ могилу и, наконецъ львы („плачуща о мнѣ“) исполнили его просьбу.

Засыпанный живьемъ въ могилу Макарій пробылъ въ могилѣ три года и все же остался живъ. Черезъ три года земля вслѣдствіе суровости вѣны разсѣлась надъ его головой, образовались скважины, чрезъ которыя проникалъ свѣтъ. Тогда Макарій вышелъ изъ могилы и прославилъ Бога, очистившаго, по его словамъ, его грѣхъ. Въ то же время послышался голосъ съ неба: „Не для праведныхъ пришелъ Я, но для грѣшныхъ, чтобы привести ихъ въ покаяніе и спасти“. Свой разсказъ Макарій заключилъ такими словами: „И вотъ до сего дня помилова мя Богъ“.

По окончаніи его разсказа, когда монахи оставались подъ впечатлѣніемъ рѣчи его, дивясь его подвигу и прославляя Бога, львы снова вбѣжали въ пещеру. Макарій, положивъ на нихъ руки, благословилъ ихъ, потомъ просилъ и монаховъ сдѣлать тоже, что они безъ страха уже исполнили.

Сочтя дальнѣйшее исканіе земнаго пояса уже безумною суетою, монахи рѣшили возвратиться въ свой монастырь. Предъ своимъ отходомъ они просили у Макарія напутственнаго благословенія. Макарій, послѣ молитвы, благословилъ ихъ, поцѣловался съ ними и, чтобы они не заблудились въ дорогѣ, далъ имъ въ провожатые двухъ львовъ, которые, по его наказу, должны были довести монаховъ до мѣста, называемаго Тьмою. Львы въ точности исполнили повелѣніе старца. Доведя монаховъ до столба, поставленнаго Александромъ Македонскимъ, львы поклонились имъ и возвратились въ свое мѣсто.

Отсюда монахи отправились въ Персію и, перейдя р. Тигръ, нашли здѣсь христіанъ, которые указали имъ дорогу въ Іерусалимъ. Снова поклонившись въ этомъ городѣ христіанскимъ святынямъ, они потомъ благополучно возвратились въ свой монастырь, въ которомъ они повѣдали игумену и братіи обо всемъ, что они видѣли во время своего странствія и что слышали отъ человека Божія Макарія.

*) Нескромныя подробности этого искушенія здѣсь опускаются.

III.

Если авторомъ этой апокрифической повѣсти былъ монахъ, то онъ написать ее, предполагается, не выходя никуда изъ своей кельи. Авторъ этой повѣсти знаетъ только одну Палестину, а о прочихъ странахъ сообщаетъ по слухамъ или тѣмъ баснословнымъ разсказамъ, какіе ходили въ его время о различныхъ земляхъ и народахъ. Изъ его разсказа видно, что монахи путешествовали только по одной части свѣта—Азіи. Держась отъ Персіи на Востокъ, по какимъ собственно странамъ они путешествовали, это изъ повѣсти не видно. Можно предполагать, что они были и на Сѣверѣ Азіи, на что указываютъ описанія темной, безъ солида, страны, лишенной растительности. Но и при этомъ описаніи ничего о снѣгахъ и холодахъ не упоминается.

Въ своемъ сочиненіи неизвѣстный авторъ этого апокрифа руководился образомъ Одиссеи Гомера, хорошо извѣстной Грекамъ. Въ Одиссее разсказывается о приключеніяхъ на морѣ; авторъ этой повѣсти разсказываетъ о приключеніяхъ на сушѣ. Въ Одиссее есть баснословныя сообщенія о народахъ, и здѣсь точно также имѣются таковыя. Въ Одиссее моряки закрываютъ свои уши воскомъ, чтобы не слышать сладко поющихъ, но коварныхъ сиренъ; въ этой повѣсти монахи затыкаютъ свои уши воскомъ, чтобы не слышать свиста и шипѣнія змѣй и другихъ гадовъ. Въ Одиссее Одиссей, главное дѣйствующее лицо, спускается въ адъ, чтобы видѣть загробную жизнь тѣней умершихъ, и объ этомъ онъ разсказываетъ по существовавшимъ тогда языческимъ представленіямъ. Въ этой апокрифической повѣсти монахи также видятъ загробныя мученія грѣшниковъ, и объ этомъ разсказываютъ уже по существующимъ христіанскимъ представленіямъ.

Основаніемъ къ разсказу о видѣніи якобы монахами адскихъ мученій послужили старинныя апокрифы, въ 1-хъ, хожденія Богородицы по мѣстамъ и во 2-хъ, такое же хожденіе апостола Павла по аду. Въ этихъ апокрифахъ, извѣстныхъ и русскимъ, разсказывается полнѣе объ адскихъ мученіяхъ и въ озеряхъ, и въ рѣкахъ и въ темныхъ пропастяхъ, равно какъ и объ истязаніяхъ женщинъ блудницъ змѣями^{*)}. Авторъ повѣсти воздержался только отъ указаній, за что собственно мучатся эти люди. Монахи узнали только, что въ озерѣ, наполненномъ змѣями, мучатся отвергшіеся Бога, т. е. атеисты. За то авторъ ввелъ въ свою повѣсть два новыхъ вида мученій. Первый, это мученіе гиганта, привязаннаго цѣпями между двухъ горъ. Несомнѣнно, подъ этимъ гигантомъ онъ разумѣетъ сатану. Основаніе къ подобному сообщенію авторомъ заимствовано, вѣроятно, изъ Апокалипсиса (20: 2), гдѣ указывается на скованіе сатаны въ продолженіи тысячи лѣтъ. Второю новинкою въ повѣсти служить указаніе мученія грѣшниковъ, обращенныхъ въ деревья, съ сидящими на нихъ

*) Въ русскомъ старинномъ Сборникѣ „Великое Зерцало“, составляющемъ переводъ Speculum Magnum, содержится много разсказовъ о мученіяхъ женщинъ-блудницъ, уязвляемыхъ змѣями.

птицами, и зывающихъ: „помилуй насъ, Господи! Мы согрѣшили наче вся твари!“ Такого вида мученія въ вышеозначенныхъ апокрифахъ не содержится, и сообщеніе о немъ авторъ, какъ надо полагать, заимствовалъ у Итальянскаго поэта Данта. Въ 13-й пѣсни „Божественной комедіи“ Дантъ разсказываетъ о мученіи въ аду самоубійцъ, обращенныхъ въ деревья и расклеваемыхъ птицами-гаріями. А это заставляетъ предполагать, что апокрифическая повѣсть о трехъ монахахъ составлена была не ранѣе начала XIV вѣка.

Въ общемъ апокрифическую повѣсть нужно разсматривать какъ произведеніе чисто человѣческой фантазіи. Въ этомъ случаѣ повѣсть не лишена достоинствъ и плѣнительныхъ сторонъ. Въ ней встрѣчаются дѣйствительно поэтическія мѣста. Таково, напр., описаніе четырехъ необычайныхъ мужей, которые носимое предъ ними оружіе, какъ символъ ихъ силы, хранятъ на день суда Божія. Авторъ повѣсти несомнѣнно подъ этими четырьмя мужами разумѣлъ ангеловъ, которые въ день страшнаго суда, сыная избранныхъ Божіихъ отъ четырехъ вѣтровъ, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ приводить въ исполненіе опредѣленіе Господне надъ грѣшниками (Ев. Матѣ. 24: 31). Разсказъ о видѣніи монахами въ небесной церкви источника безсмертія, назначеннаго праведникамъ, покоится, вѣроятно, на словахъ Господа, который обѣщаетъ праведникамъ не только стереть съ очей ихъ всякую слезу, но и даровать имъ, какъ жаждущимъ, отъ источника воды живой (Апокал. 21: 4, 6). Монахи видѣли, что этотъ источникъ вытекаетъ изъ алтаря небесной церкви. Авторъ повѣсти даетъ этимъ разумѣть, что это та самая рѣка воды жизни, которая исходила отъ престола Бога и Агнца, и которая была показана Іоанну Богослову въ его видѣніи новаго уже неба и земли. (Апок. 22: 1). Въ связи съ видѣніемъ источника безсмертія въ повѣсти разсказывается весьма картинно о покланномъ монахомъ райскомъ адемѣ, воздвигнутомъ Богомъ моментально на пустынныхъ мѣстахъ земли *).

Съ такою же свободою художника-поэта авторъ апокрифической повѣсти разсказываетъ и о св. Макаріи, жившемъ, какъ извѣстно, въ IV вѣкѣ. Печальнѣйшій авторъ апокрифа далеко отрѣшился отъ Житія Макарія и далъ волю своей фантазіи. Въ четь-минейномъ житіи не содержится никакихъ сообщеній о томъ, что спутникомъ Макарія былъ ангелъ Рафаилъ, равно какъ не упоминается ни о какихъ львахъ, якобы прирученныхъ Макаріемъ, ни о его паденіи съ женщиною, въ видѣ которой искушалъ его бѣсъ. Тѣмъ не менѣе авторъ этого апокрифа видно имѣлъ цѣлю возвысить личность Макарія и прославить его. И въ этомъ случаѣ впалъ въ непростительную ошибку. Христіанская религія строго запрещаетъ самоубійство. По этому же апокрифу, Макарій, для искупленія своего грѣха, прибѣгаетъ именно къ этому способу. Онъ самовольно живымъ закапываетъ себя въ землю. Нѣкоторымъ поводомъ къ разсказу о вырытіи могилы послужило то, что Макарій, по житію его, ископалъ подѣ

*) Св. Ипполитъ (III вѣка) въ своемъ словѣ объ антихристѣ говоритъ, что мѣстомъ блаженства праведниковъ будетъ рай, который занимаетъ ту часть земли, гдѣ Адамъ обнаружилъ первое неповиновеніе. Перев. Невоструева. Москва. 1868 г.

своею кельею ченцеру, длиною въ 43 сажени, куда онъ и уходилъ отъ людей, дабы въ уединеніи предаваться богомыслию и молитвѣ. Авторъ же апокрифа указываетъ, что Макарій, будучи зарытъ въ могилу, не умеръ и за это самое самоубійство, и получилъ прощенье отъ Бога за свой грѣхъ. Проводимая въ апокрифѣ тенденція во всякомъ случаѣ дикая и антихристіанская. Легко, поэтому, допустить, что наши раскольники, самосожигавшіеся и зарывавшіе себя въ землю, находили оправданіе для своихъ самоубійствъ въ этомъ апокрифѣ. На непросвѣщенный умъ апокрифическая повѣсть, обаятельно составленная, могла дѣять заразительно.

Ближе нѣсколько къ пониманію библейскаго текста описаны, въ разсказѣ Макарія, ~~херувимы~~, охраняющіе бывшій земной рай. Основаніемъ къ тому, что они охраняютъ рай, послужилъ текстъ Библии, въ которомъ говорится, что: по изгнаніи нашихъ прародителей изъ рая, Богъ поставилъ, для охраненія древа жизни, херувима съ пламеннымъ оружіемъ (Быт. 3: 21)¹⁾. Изображеніе же херувимовъ и серафимовъ въ видѣ цѣлаго человека покоится на видѣніяхъ двухъ пророковъ въ такомъ видѣ: Исаи (6: 2) и Іезекіиля (10: 8, 21). Авторъ апокрифа и въ этомъ случаѣ поступаетъ своеобразно, по волѣ своего воображенія: рѣчь надѣляетъ различными признаками не лица херувимовъ, какъ было въ Библии (Іез. 10: 14), а члены тѣла ихъ—перси, ноги, главу.

Ни географическими, ни тѣмъ болѣе историческими свѣдѣніями, ни знаніемъ свящ. писанія неизвѣстный авторъ этой повѣсти не обладаетъ. Это былъ просто таинственный старинный разсказчикъ, умѣвшій помощью своей фантазіи интересовать читателей, думавшихъ, что на землѣ дѣйствительно есть мѣсто, гдѣ они сходятся съ небомъ.

Въ старину для русскихъ, незнакомыхъ съ Одиссеею Гомера, эта апокрифическая повѣсть несомнѣнно служила предметомъ самаго занимательнаго чтенія. Затрогиваемая авторомъ эсхатологическая сторона усугубляла интересъ этой повѣсти. Все, что разсказывалось въ ней, принималось нашими предками на вѣру.

Подъ влияніемъ этой повѣсти, какъ бы удостоверяющей, что муки ада и рай существуютъ на землѣ, у самихъ русскихъ стали составляться разсказы въ этомъ же родѣ. Смѣлые Новгородцы, путешествовавшіе по морямъ, стали, по возвращеніи въ свое отечество, разсказывать всякія дива о дальнихъ странахъ, и между прочимъ и о томъ, что и они лично видѣли и адъ и рай на землѣ. Такъ, напримѣръ, они говорили, что „на дышущемъ морѣ они видѣли и червь неусыпающій и скрежетъ зубовъ и молниенную или смоляную рѣку Морѣ. Новгородецъ Моиславъ и сынъ его Яковъ утверждали, что они видѣли и стѣны самаго рая, Дейсусъ, расписанныя лазуремъ и осіяваемые чуднымъ свѣтомъ, и что хотя тамъ солнца не было, но свѣтъ былъ паче солнца²⁾).

¹⁾ Некоторые полагаютъ, что это охраненіе продолжалось только до всемірнаго потопы. Этотъ потопъ смылъ-де до неузнаваемости мѣсто бывшаго рая.

²⁾ Исторія Карамзина, т. IV, примѣч. 359. Рукописн. Сборникъ, л. 26 на оборотѣ.

Что въ стародавнее время, именно въ XIV вѣкѣ, вѣрили какъ въ этотъ апокрифъ, такъ и въ эти рассказы Новгородцевъ не только простой народъ, но и духовныя лица,—на это указывается документомъ.

Въ Твери, въ 1347 году, возникъ споръ о томъ, существуетъ ли на землѣ тотъ рай, гдѣ пребывали первые люди, или нѣтъ? Подъ вліяніемъ распри¹⁾ страненной тогда такъ называемой „ереси жидовствующихъ“ споръ объ этомъ принялъ характеръ распри между тверскими жителями, такъ какъ къ сему вопросу присоединились и другіе.

Узнавъ, что въ Твери происходитъ большая распря о раѣ, Новгородскій архіепископъ Василій составилъ сочиненіе о раѣ и отправилъ его, въ видѣ посланія, „къ владыцѣ Тверскому Феодору.“ Въ этомъ посланіи Василій старается доказать, что рай и адъ существуютъ на землѣ дѣйствительно, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ только мысленными или духовными. Для подтвержденія мысли о бытіи рая на землѣ Василій помимо текстовъ св. писанія и твореній св. отецъ, ссылается и на другіе источники, въ томъ числѣ и на апокрифъ о трехъ монахахъ, въ которомъ указывается, что св. Макарій жилъ въ 20 поприщахъ отъ рая. Въ число своихъ доводовъ Василій включаетъ и рассказы Новгородцевъ, видѣвшихъ якобы рай на землѣ. Къ этому владыка прибавляетъ, что Новгородцы „видоки тому и тѣхъ мужей нонича дѣти и внучата добры и здоровы,“ т. е. что они были современниками Василія¹⁾.

Нужно при этомъ замѣтить, что въ средніе вѣка не въ одной только Россіи существовала вѣра въ возможность дойти до рая и повидать его хотя издали. На западѣ ходило также много рассказовъ о томъ, что нѣкоторые путешественники достигали до этого рая, хотя заглядывать внутрь его никому не приходилось безнаказанно.

Такое сообщеніе находится въ старинномъ романѣ „объ Аноллоніи Тирскомъ“, который во время путешествія моремъ къ Голандіи изстѣблѣлъ на дорогѣ стѣну, блестящую и бѣлую. Какъ путники ни объѣзжали эту стѣну, входа не нашли, потому что за стѣнами былъ рай²⁾. Въ рассказѣ о рыцарѣ Ueberlingersee повѣствуется, что этотъ рыцарь во время своего семилѣтняго путешествія доходилъ до самаго рая, стоящаго на краю свѣта³⁾. Рассказъ, по редакціи Берлингера, о путешественникахъ, достигшихъ мѣста рая, находящагося за высокой горою, весьма сходенъ по содержанію съ рассказомъ Новгородцевъ Моислава и Якова. По Берлингеру поднятые на гору не отвѣчали на вопросъ, и только улыбнувшись, убѣжали за гору. По рассказу же Новгород-

¹⁾ Посланіе архіеп. Василія въ Степен. кн., т. I. Есть также въ рукописн. Сборникѣ, л. 26. См. брошюру: „Св. Василій, архіеп. Новгородскій,“ историко-біографич. очеркъ С. Артоблевскаго. Москва, 1905 г.

²⁾ Лѣтописи Рус. литературы и древности. 1659 г. кн. I, отд. 2. Романъ объ Аноллоніи Тирскомъ извѣстенъ былъ русскимъ болѣе въ стихотворной обработкѣ этого романа, сдѣланной Генрихомъ фонъ Нейнштадтомъ.

³⁾ Meyer. Volksmärchen aus Schwaben. Stuttg. N. 61.

цевъ, поднятый на гору, услышавъ ликованіе праведниковъ, „абіе восплеснуть руками, засмѣяся, и побѣже отъ друзей своихъ къ сущему гласу“. Второй поднятый на гору тоже сдѣлалъ. Третьяго поднятаго обвязали веревкой, и когда онъ хотѣлъ убѣжать, они сдернули его и онъ „обрѣтается мертвъ“. По Берлингеру же, третій поднятый на гору и сташенный оттуда оказался навсегда нѣмымъ¹⁾.

Мѣсто рай въ древнихъ сочиненіяхъ обозначалось различно. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что рай на востокѣ, адъ же на западѣ. Въ сочиненіи же Гоппорти Отенскаго „Imago mundi“ рай представлялся на самой восточной, недоступной людямъ, оконечности земли²⁾. На географической картѣ 1436 г. Андрея Біанко рай съ его четырьмя рѣками помѣщенъ на югѣ Азіи³⁾. Въ средніе вѣка дѣлались попытки указать и мѣсто ада на землѣ. Такимъ мѣстомъ видимо служить островъ Тенерифъ, заключающій въ себѣ вулканъ Пико-ди-Тейде. По крайней мѣрѣ этотъ островъ на древней картѣ 1347 г. названъ „адомъ“⁴⁾.

IV.

Остается сказать о Тверскомъ спискѣ повѣсти, какъ вновь открытомъ, по сравненію онаго съ двумя ранѣе уже извѣстными списками.

Тверской списокъ составленъ замѣтно стариннымъ книгочеемъ, хорошо владѣющимъ церковно-славянскимъ языкомъ. Это усматривается изъ самаго начала повѣсти. Въ Толстовскомъ спискѣ повѣсть начинается такъ: „Умилился убо и мы, убои и недостойные иноцы, Сергій, Тефилъ и Югинъ; вы же, огцы и братія, слышите отрекшихся житія сего прелестнаго“⁵⁾. Въ Тверскомъ спискѣ это вступленіе носить характеръ вполне уже книжнаго предисловія, обращеннаго къ читателямъ. Именно: „Боголюбивиіи богомудріи людіе, всенародное множество, приклоните ушеса ваша и послушайте сія повѣсти на пользу душъ пельми.“

Пользовался ли Тверской составитель Толстовскимъ и Писцѣвскимъ списками, или другимъ стариннымъ спискомъ—не извѣстно, но онъ вездѣ старается сдѣлать рѣчь понятною для русскаго читателя. Мало понятныя имена Тефиля и Югиня онъ замѣнилъ Теофиломъ и Евсеіемъ. Въ своемъ спискѣ онъ дѣлаетъ значительныя сокращенія противъ текста другихъ⁶⁾.

Тверской списокъ начинается съ того, что три боголюбивые монаха, живя въ нѣкоторомъ монастырѣ, подумавъ о томъ, какъ имъ „скончати монашеское житіе,“ рѣшаются странствовать по свѣту, съ цѣлію отыскать поясъ земной.

¹⁾ Aus Schwaben. Band. II, Jahr 1874.

²⁾ Ц. у Порфирьева. Ист. Р. с., I т.

³⁾ Эсхатол. сочиненія и сказанія о древней письменности. Сахарова. Тула. 1879 г.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Въ Писцѣв. Сборникѣ первыхъ строкъ начальныхъ не сохранилось.

⁶⁾ О видѣніи монахами небесной церкви сказано слишкомъ кратко, да и не совсемъ ясно.

Въ Толстов. и Паисіев. спискахъ этотъ нѣкоторый или неизвѣстный монастырь обозначенъ опредѣленіемъ. Это былъ монастырь св. Аскліпія и находился онъ въ Месопотаміи, между рѣками Тигромъ и Евфратомъ, „въ землѣ Сурстѣй.“ Можно полагать, что здѣсь буква С прибавочная: монастырь находился, вѣроятно, въ землѣ Урской или Урь, изъ которой вышелъ въ Палестину патріархъ Авраамъ, родоначальникъ Еврейскаго народа.

Судя по Толстов. и Паис. спискамъ, плѣнившее монаховъ желаніе искать поясъ земной явилось, какъ видно, случайно, въ минуту вдохновенія. До этого времени монахи бесѣдовали въ своей кельѣ о чистотѣ, постѣ и воздержаніи монашескомъ. Вдругъ среди бесѣды одинъ изъ монаховъ, Теофилъ, заявляетъ, что онъ готовъ былъ бы всю жизнь странствовать по свѣту, чтобы найти мѣсто, гдѣ небо сходится съ землею. А на этомъ мѣстѣ, какъ онъ вычиталъ, небо стоитъ на желѣзныхъ столбахъ. Эта новая идея такъ пришлась по сердцу всѣмъ тремъ монахамъ, что они рѣшили привести свое желаніе въ исполненіе. Въ ту же ночь они „отай“ убѣжали изъ монастыря, избравъ своимъ старшиною во время странствія Теофила. Нашедшая на нихъ мысль была блага, такъ какъ они не искали какихъ-либо мірскихъ удовольствій, и стало быть и цѣль бѣгства была весьма уважительна.

Изъ этого апокрифа видно, что эти монахи хотя были и религіозные, но неустойчиваго характера, увлекающіяся натуры, для которыхъ ради идеи ничего не значило порушить въ одинъ день древній уставъ монастырскій, обязывающій жить монаховъ безотлучно въ монастырѣ.

Благодаря, быть можетъ, этому апокрифу, уходъ изъ монастыря для странствія не считался въ старинной Руси ни проступкомъ, ни грѣховнымъ дѣломъ. Странствіе, какъ сопряженное съ лишеніями и закалявшее человека въ борьбѣ съ трудностями жизни, считалось едва ли не выше подвига иноческаго. Ученикъ св. Сергія Радонежскаго, Павелъ, постригшись 22-хъ лѣтъ въ монастырѣ, странствовалъ потомъ 50 лѣтъ, прежде чѣмъ онъ основалъ свою обитель на р. Обнорѣ, гдѣ онъ сначала жилъ въ дуплѣ старой липы. Кирилль Цфвоезерскій скитался по пустынѣ и лѣсамъ 20 лѣтъ, питаясь корою и травою, и только послѣ этого основалъ въ Бѣлозерскомъ краѣ свой монастырь (въ 1517 г. *).

По апокрифу три монаха, убѣжавшіе изъ монастыря, какъ видно, вполне понимали, что странствіе обрекаетъ ихъ на большія невзгоды и лишенія, и потому, придя въ Іерусалимъ, они усердно молились, не надѣясь уже возвратиться живыми „въ міръ“, т. е. въ сей міръ, какъ указывается въ Толст. и Паис. спискахъ. На пути своемъ они вездѣ поклоняются святынямъ,—въ

*) Курскъ Рус. исторіи В. Ключевскаго, ч. II. Трифонъ, основатель монастыря въ Вяткѣ, также долго странствовалъ вскорѣ послѣ постриженія своего въ Пермскомъ Пыскорскомъ монастырѣ. „И того ради, любя о Господѣ *странство*, восхотѣ преподобный отсюда отбыти и желаше обрѣсти въ пустыни мѣсто безмолвно и въ молчаніи пребывать.“

Іерусалимѣ, на Елеонской горѣ и въ Виллемеѣ; бывъ же въ Персіи, они поклоняются могиламъ мученика Меркурія и Уліаны Парваты. Не забыли они посѣтить и могилы трехъ прославленныхъ вѣхозавѣтныхъ отроковъ—Ананію, Азарію и Мисаила. Городъ, въ которомъ находятся эти могилы, въ Тверской рукописи называется Итисонхъ, а по двумъ другимъ Котисифонъ, вѣроятно измѣненное Ктезифонъ.

Судя по общему характеру этой апокрифической повѣсти, можно заключить, что неизвѣстный авторъ ея водился желаніемъ прославить вообще монашество. Только монахи, какъ отрeksiеся отъ міра и приученные къ постами и подвигамъ, въ состояніи были перенести всѣ нужды, невзгоды и опасности, о которыхъ разсказывается въ ихъ путешествіи. Только они, какъ имѣвшіе глубокую вѣру въ Бога, могли удостоиться особенныхъ видѣній.

Составитель Тверского списка старается еще болѣе усугубить этотъ подвигъ монашества. Такъ, напр., по его разсказу монахи, будучи заключены въ пещеру, оставались безъ пищи не 10, а цѣлые 50 дней. Народъ же, который подвергъ монаховъ такому жестокому мученію, онъ называетъ Жидами, между тѣмъ какъ въ двухъ другихъ спискахъ указывается, что домъ, въ которомъ расположились на отдыхъ монахи, былъ „Индеекъ“, т. е. принадлежавшій Индусамъ.

Составитель Тверского списка, какъ видно, воспріять большую вѣру въ этотъ апокрифъ. Онъ и въ заглавіи, и въ текстѣ называетъ монаховъ, отыскивавшихъ поясъ земной, уже преподобными, т. е. достигшими святости. Такая же вѣра въ этотъ апокрифъ, отличающійся сказочнымъ характеромъ, существовала, вѣроятно, прежде и у самихъ Русскихъ. Кто былъ составитель Тверского списка, въ его нѣкоторой уже литературной передѣлкѣ, не извѣстно. Но что онъ былъ уже несомнѣнно Русскій,—это можно усматривать изъ того, что онъ старается націонализировать эту повѣсть. Такъ, напр., на вопросъ Макарія монахамъ—откуда они? тѣ, по Твер. списку, отвѣчаютъ: „мы съ Русскія земли“. Въ Толст. же и Паисіев. спискахъ указывается, что монахи шли изъ своего монастыря до Іерусалима въ продолженіе 17 дней,—чего Русскіе монахи никоимъ образомъ не были въ состояніи сдѣлать.

Эта націонализація повѣсти можетъ также служить доказательствомъ того, что этотъ апокрифъ пришелся по вкусу нашимъ предкамъ и былъ несомнѣнно распространенъ въ древней Руси, какъ доставлявшій своего рода духовную пищу нашимъ предкамъ. Въ исторіи Русской культуры разсмотрѣнная мною апокрифическая повѣсть должна занять подобающее ей мѣсто.

В. Ф. Кудрявцевъ.

Тверь. 10 Февр. 1909 г.

находимъ ошибки. Такъ, на стр. 7-й къ 1823 году отнесена выдержка, въ которой, приведены слова императора Александра Павловича, что къ жизни еще привязывала его Софья Дмитріевна Нарышкина: она скончалась лѣтомъ 1824 года. Дневникъ содержитъ въ себѣ любопытныя показанія о посѣщеніяхъ высочайшихъ особъ. Государь подолгу оставался у Карамзина въ Китайскомъ домѣ Царскаго Села и часто прогуливался съ нимъ по чудеснымъ тамошнимъ садамъ, про которые говорили, что они—зеленый ихъ кабинетъ. Исторіографъ сохранялъ свободу отношений, не только не прося милостей, но и отказываясь отъ нихъ. Онъ проявилъ осторожность даже въ испрошеніи пенсіи Измайлову. **Ө. И. Тютчевъ** мѣтко сказалъ, что Карамзинъ

„Не сгибая вни предъ обаяніемъ вѣнца,
„Царю былъ другомъ до конца
„И вѣрнопопавшимъ Россіи“.

15 Іюля 1825 г. занесено въ дневникъ, что Карамзинъ отлучался на трое сутокъ: Аркачеевъ возилъ его къ себѣ въ Грузино, что, конечно, отозвалось на здоровьѣ исторіографа, выдержавшаго не задолго передъ тѣмъ жестокою болѣзнъ. Онъ писалъ **И. И. Дмитріеву** (31 Іюля 1825): „Зная милостивое расположеніе ко мнѣ Государя, графъ Аркачеевъ угостилъ меня съ ласкою необыкновенною“. Неужели Карамзину пришлось цѣловать руку отвратительной Настасьѣ (что дѣлалъ императоръ Александръ)? Пріятно узнать про отношенія Карамзина къ императрицѣ Елисаветѣ, тоже навѣщавшей его. Дмитріевъ посылалъ ему изъ Москвы тетради своей автобіографіи, Императрица своеручно списывала ихъ для Государя.

16 Января 1826 года княгиня Мещерская отмѣчаетъ: „Наибольшая часть молодыхъ людей, знакомыхъ нашихъ, томятся въ крѣпостяхъ; ихъ матери, жены, сестры повержены въ печаль“. 15 Апрѣля 1826 г., когда Карамзинъ былъ уже близокъ къ смерти, она пишетъ: „Я спокойно рисовала у себя въ комнатѣ сегодня, когда увидала, что къ намъ во дворъ въѣзжаетъ ослѣпительная золотая карета Императрицы-Матери, шестерней лошадей, въ великолѣпной упряжи. Она пріѣхала безъ предупрежденія. Немного спустя, насъ позвали въ гостиную, гдѣ мы застали Императрицу, сидящую на диванѣ подлѣ папѣ и нѣжно пожимающую ему руки. Она общалась ему, что во всѣхъ городахъ Франціи онъ найдеть на почтѣ письма отъ нея“. Государыня собиралась тогда въ Москву на встрѣчу овдовѣвшей своей старшей невѣстки, а Карамзинъ въ долговременный отпускъ за границу. Тѣмъ не менѣе она была отчасти виновницею его кончины: въ день 14 Декабря 1825 г. Карамзинъ, въ мундирѣ и придворной обуви, жестоко простудился, будучи посланъ ею изъ дворца на площадь для узнанія, что тамъ происходило, и съ этого началась его предсмертная болѣзнь.

Нѣкоторыя изъ писемъ могли бы и не появляться въ тринадцатой книгѣ „Старины и Новизны“, которая вообще значительно уступаетъ своимъ предшественницамъ; а кажется, и въ обилии цѣнныхъ рукописей, и въ сотрудникахъ изъ многолюднаго Общества „Ревнителѣй“ не должно бы оказаться помѣхи успѣху изданія. Мы увѣрены, что слѣдующія книжки выдутъ цѣниже своимъ содержаніемъ.

П. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1909 года.

(Годъ 47-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1909 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ.)

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

 Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра п 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на **иногородній—40 коп.** Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30 коп.** [по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ].

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

4.

Стр.

483. Рукопись въ тюрьмѣ. Сочиненіе дворянина Волынской губерніи **Наспера Мошкова** (1832—1839) съ примѣчаніями. Сообщено **Н. Э. Писаревымъ**.
565. Польская революція во Франціи. Два современныхъ письма, извлеченныхъ изъ Французскаго архива Министертва Иностранныхъ дѣлъ **П. А. Вигелемъ-Панчулидзевымъ**.
568. Польское возстаніе въ 1863 году. Статьи **П. А. Вигеля-Панчулидзева** на основаніи донесеній нашего посла въ Парижъ **А. Ф. Будберга**.
586. Изъ воспоминаній **П. И. Щукина**: П. Л. Пикулинъ.
589. Изъ писемъ **П. Л. Пинулина** къ П. В. Шумахеру.
591. Письма **И. В. Кирѣвскаго** къ В. А. Жуковскому («Европеецъ». — Изданіе «Москвитинина». — О раскрыщеніи помѣщичьихъ крестьянъ).
601. П. С. Тургеневъ. Опытъ историко-психологическаго изслѣдованія. **Бориса Садовскаго**.
630. Ревизоръ былаго времени.
635. Записки **Н. В. Гоголя** къ К. С. Сербиновичу.
636. Иностранная колонизація въ Россіи въ новой ученой разработкѣ. Статья **Д. В. Цѣтѣева**.
Поправки и дополненія.
Внутри сорочки: Книга А. Н. Сиротинина: «Бесѣды о Русской Словесности».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

АНДРЕЙ СИРОТИНИНЪ.
Бесѣды о русской словесности.
С.-Петербургъ. 1909. 8-ка, XI
и 345 стр. съ эпиграфомъ изъ
Мицкевича:

Родное слово, рѣчь народа!
Въ твои хранительныя грани
Народъ слагаетъ, въ видѣ дани,
Всю жизнь свою, свои мечты,
Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты.

Сочинитель этой книги, тотъ самый Андрей Николаевичъ Сиротининъ, котораго статьи (о поэзіи Рылѣева, о Нѣмцевичѣ, о Русскихъ сценическихъ дѣятеляхъ и другія) памятли читателямъ „Русскаго Архива“ прежнихъ годовъ (и могутъ быть отысканы по изданной въ прошломъ году Предметной Росписи). Въ нихъ дѣловитость и точность розысканій сочетались съ художественнымъ чувствомъ.

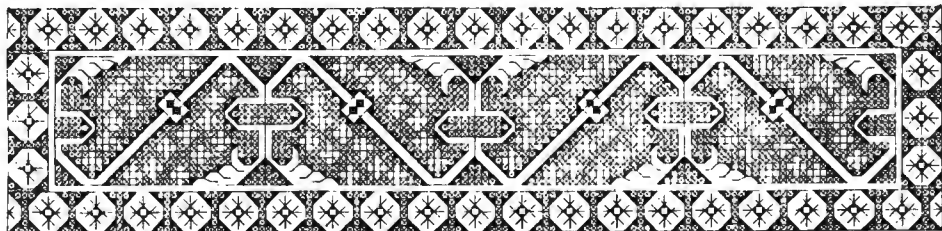
Эти качества отличаютъ автора и на поприщѣ учительскомъ, которое съ успѣхомъ проходитъ онъ уже много лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ, въ краѣ изстари родномъ, но отчужденномъ отъ насъ врагами Славянства. Намъ кажется, что настоящее примиреніе возможно въ области полуобщаго языка и притомъ въ школѣ средней. Русскіе отроки знаютъ наизусть стихи Мицкевича (конечно, не политическаго оттѣнка), Поляки чувствуютъ прелесть Пушкинскаго и Лермонтовскаго стиха и, выросши, уже не будутъ врагами своихъ школьныхъ товарищей. Не даромъ мы не только Славяне, но и *Словене*.

„Бесѣды о Русской словесности“, какъ заявляетъ А. Н. Сиротининъ въ предисловіи, родились въ стѣнахъ средней школы, которая и наложила на нихъ свою печать. Но вліяніе школь-

ныхъ рамокъ сказалось только въ томъ отношеніи, что автору поневолѣ приходилось оставаться все время въ предѣлахъ учебной программы, отъ которой учителю воспрещено отступать. Тѣмъ не менѣе, книга А. Н. Сиротинина совершенно чужда односторонности узкаго школьнаго педантизма. Сознавая общіе недостатки современнаго преподаванія Русской словесности, Сиротининъ своею книгою приходитъ на помощь учащимся, расширяя узкій кругъ первоначальныхъ понятій о словесности вплоть до объясненія теоріи Лессинга. Такимъ образомъ, основныя начала теоріи словесности воспринимаются ученикомъ вмѣстѣ съ первыми свѣдѣніями о народной поэзіи. Разумѣется, такъ и должно быть; иначе употребленіе понятій „поэзія“, „художество“ и т. п. всегда будетъ бессмысленнымъ въ устахъ мальчика, не отдающаго себѣ яснаго отчета въ этихъ словахъ и узнающаго ихъ подлинное значеніе уже въ юношескомъ возрастѣ.

Незначительная по объему, но содержательная, книга Сиротинина распадается на три части. Въ первыхъ двухъ („Предварительныя замѣчанія“ и „О чемъ говорятъ былины“) изложены мысли и соображенія, главнымъ образомъ, общественнаго и историко-литературнаго свойства, весьма нужныя и полезныя для общаго развитія учащихся. Третья часть („Красота въ былинахъ“) разсматриваетъ произведенія народной словесности съ эстетической точки зрѣнія.

Наряду съ Великорусскими пѣснями и былинами Сиротининъ большое вниманіе удѣлил Малороссійскимъ думамъ и пѣснямъ Западныхъ Славянъ. Послѣднія нерѣдко приводятся

РУКОПИСЬ ВЪ ТЮРЬМЪ.

Сочиненіе дворянина Волынской губерніи Каспера Мошковскаго.

Эта рукопись доставлена въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ Николаемъ Эварестовичемъ Писаревымъ, который служилъ начальникомъ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Примѣчанія вѣроятно составлены въ Кіевской Комиссіи, вѣдавшей дѣла по заговору Канарскаго. Читатели припомнятъ печатавшіеся въ „Русскомъ Архивѣ“ статьи Н. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. П. Б.

I.

Настанетъ время, когда Исторія Польскаго народа, послѣ упадка революціи 29 Ноября 1830 года, будетъ писана, время, въ которое будутъ судить о нашихъ дѣйствіяхъ. И потому всякій обязанъ собирать извѣстныя ему свѣдѣнія о событіяхъ этихъ годовъ, дабы онѣ могли служить матеріаломъ для изрѣченія справедливаго суда о людяхъ, нынѣ живущихъ, ихъ стремленіи на пользу общую, усиліяхъ, дѣйствіяхъ и послѣдствіяхъ оныхъ. По сему-то я вознамѣрился, не взирая на время и мѣсто, въ которомъ нахожусь нынѣ, описать, чтѣ знаю, въ особенности то, чтѣ мнѣ болѣе извѣстно, т. е. чтѣ происходило въ Волынѣ, Подоліи и Украинѣ*). О другихъ частяхъ Польши едва буду имѣть возможность упомянуть. Весьма сожалью, что очень мало сдумѣю сказать о Литвѣ, принимавшей во всемъ столь дѣятельное участіе, Литвѣ, которой эта священная борьба стоила столькихъ жертвъ. Не буду обращать вниманія на слогъ, подробности, менѣе важныя, пропущу, дѣлать критическаго разбора дѣйствій не стану. Сочиненіе будетъ носить отпечатокъ поспѣшности и опасенія; силюсь окончить его, въ нѣсколько дней, дабы его не захватили. Пишу въ тюрьмѣ, въ

*) Украиную Поляки называютъ по сіе время еще Кіевскую губернію, а жителей оной Украинцами.

казематѣ, состоя подѣ слѣдствіемъ именно за участіе въ томъ, что буду описывать.

Начиная разсказъ о томъ, что происходило въ трехъ помянутыхъ провинціяхъ, съ 1835 года, я долженъ сперва упомянуть о 1833 и 1834 годахъ.

Въ 1833 г. подполковникъ Булевскій¹⁾ прибылъ на Волынь, былъ въ Литвѣ, принялъ нѣсколько обывателей въ общество имъ основанное²⁾. Вернувшись въ Галицію, онъ поѣхалъ во Францію и весною 1833 года прибылъ снова оттуда въ Галицію вмѣстѣ съ Ныкою, Чарнецкимъ и Торчинскимъ, имѣя цѣлю распространять это общество. Въ это же самое время прибылъ изъ Франціи подполковникъ Заливскій, не знаю, въ сопровожденіи какого числа лицъ. Съ нимъ прибыли: Дзѣвицкій, Бобинскій, Карлъ Борковскій, Ходзько, Волловичъ, Завиша и многіе иные. Намѣреніемъ Заливскаго было тотчасъ приступить къ дѣйствіямъ съ оружіемъ въ рукахъ, призывая поселянъ участвовать въ этой борьбѣ, посредствомъ обѣщаній, что имъ будетъ возвращено то, что отнято у нихъ шляхтою въ прошедшія столѣтія. Мысль великая, единственная, которая одна можетъ спасти край. Но прежде надобно было народъ этотъ приготовить къ тому, чтобъ онъ объявилъ требованія о возвращеніи принадлежащихъ ему правъ, и приготовить шляхту (дворянъ), чтобы не только не противилась отреченію отъ своихъ привилегій, но еще по отреченіи и послѣ отдачи крестьянамъ того, на что они имѣютъ неоспоримыя права, вмѣстѣ, общими силами, ударили на врага³⁾. Все это не могло сдѣлаться въ одну весну.

Въ эту весну прибылъ въ Лембергъ Свирскій⁴⁾, бывшій нѣкогда депутатомъ изъ Рубишова, потомъ министромъ, высланный изъ Франціи княземъ Чарторійскимъ. Главною цѣлю его было сдѣлать недѣйствительными замыслами Заливскаго и его товарищей, названныхъ имъ Лелевелистами и убѣдить, что только князь, дипломатика, кабинетныя дѣйствія способны воскресить край, и на этомъ основаніи онъ соста-

¹⁾ Кіевскою Комисією, между прочимъ, обнаружено, что Булевскій, возвращаясь за границу изъ Литвы, гдѣ были имъ основаны тайныя общества, встрѣтилъ въ кормчѣ ксендза Павловскаго, которому далъ запрещенныя книги и сдѣлалъ нѣкоторыя сообщенія о своихъ намѣреніяхъ. Въ послѣдствіи Булевскій, какъ увѣдомилъ Галиційскій президентъ, пойманъ въ Галиціи и высланъ за границу.

²⁾ Члены общества, основаннаго Булевскимъ въ 1833 году въ Мозырскомъ уѣздѣ, обнаружены въ Виленской Комисіи. Они принадлежали къ обществу Канарскаго.

³⁾ Т. е. Русскихъ.

⁴⁾ Свирскій дѣйствительно былъ въ Лембергѣ въ 1833 году и открылъ правительству о замыслахъ нѣкоторыхъ изъ партіи Лелевели, которые извѣстны были тогда подѣ названіемъ Гверильясовъ.

вилъ общество, къ которому приставали Галиційскіе графы, эмиграціонная аристократія и люди ихъ мнѣній.

Ясно, что прибытіе сихъ троихъ лицъ, т. е. Булевскаго, Заливскаго и Свирскаго въ одно мѣсто, съ столь различными намѣреніями, столь несходнымъ образомъ мыслей о вещахъ, долженствовало родить между ними и ихъ послѣдователями несогласія, которыя вскорѣ замѣнились открытыми спорами. Всякій изъ нихъ, тотчасъ по прибытіи своемъ, собиралъ послѣдователей своихъ мнѣній и товарищей въ своихъ предпріятіяхъ, какъ между Галиційскими обывателями, такъ и между находившимися въ Галиціи выходцами, и легко обрѣталъ охотниковъ. потому что всякаго призывалъ во имя отечества. Каждый послѣдователь которой либо изъ партій защищалъ ее жарко, громко опровергалъ противурѣчія, дѣланныя послѣдователями иныхъ партій до того, что межъ ними явная возгорѣлась война, съ помощію которой Австрійское правительство, извѣстившись обо всемъ и опасаясь въ особенности дѣйствій Заливскаго (которыя и на самомъ дѣлѣ болѣе другихъ были страшны, какъ для Австріи, такъ и для прочихъ грабителей Польши), стало преслѣдовать выходцевъ, принуждая однихъ возвратиться въ Край. иныхъ высылая въ Триестъ, откуда самая большая часть отправлена населять лѣса Мичигана и Иллиное въ Сѣверной Америкѣ, другихъ же заключая въ темницу. Конецъ усилій сихъ трехъ партій былъ слѣдующій.

Свирскій поручилъ руководство сообщества послѣдователямъ своихъ мнѣній въ Галиціи и нѣкоторымъ обывателямъ (или самъ лично или чрезъ другихъ) провинцій, находящихся подъ игомъ Россіи и, собравъ отъ десяти до двадцати тысячъ червонцевъ, вернулъся во Францію*). Сообщество это въ нашихъ провинціяхъ вскорѣ послѣ его основанія омертвѣло, не смотря на усердныя старанія одного изъ начальниковъ: ибо зданіе, имѣвшее такое непрочное основаніе, должно было упасть само собою. Осталось однакожь вредное вліяніе: ибо сообщество то имѣло въ основаніи утвержденіе гибельной мысли, что воскресить Польшу кто-то послѣ насъ; напримѣръ какіе-то кабинеты, въ слѣдствіе стараній знаменитыхъ людей, имѣющихъ связи свои при дворахъ. Таковымъ называли князя Чарторійскаго.

Партія Заливскаго или Гверильсовъ была самою дѣятельною. Люди, соединившіеся съ Заливскимъ, исполнены были самоотверженія и жертвовали собою, какъ истинные апостолы народа, не страшившіеся

*) Къ обнаруженію того, кто были тѣ лица, которыя въ 1833 году снабдили Свирскаго деньгами и вступили въ общество, принимаются мѣры.

неудачъ, именно такіе, какіе рано или поздно спасутъ Польшу. Не взирая на несчетныя препятствія, многіе изъ нихъ отправились въ Царство и Литву. Назначенные на Волынь не вышли еще, когда положеніе дѣлъ прочихъ партій, невозможность, преслѣдованіе правительства и другіе удары принудили оставить намѣреніе дѣйствовать вооруженно и заставили довольствоваться пропагандою или распространеніемъ своихъ правилъ. Тогда возникло товарищество Карбанаровъ, которое въ послѣдствіи подвергалось различнымъ перемѣнамъ. Дзѣвицкій въ началѣ еще, ворвавшись съ отрядомъ въ королевство, билъ Москалей гдѣ встрѣчалъ; но былъ окруженъ превосходными силами и ядомъ огня у себя жизнь. Завиша повѣшенъ въ Варшавѣ, Волловичъ въ Гроднѣ. Заливскій, Борковскій, Дмуховскій, Жабоклицкій, Бялковскій, Будзинскіе Михаила и Викентій и многіе другіе выходцы и Галиційскіе обыватели взяты подъ стражу. Первые пять осуждены въ 1835 году на заключеніе въ крѣпость Кувштейнъ на 20, 15, 10 и 5 лѣтъ. Будзинскіе, по истеченіи трехъ лѣтъ, освобождены и посланы въ Триестъ, многіе другіе испытали подобную же участь. Нѣкоторые изъ нихъ, что вторгнулись въ Литву и въ Царство, ушли и воротились во Францію. Иные бравшіе въ томъ же участіе, какъ напримѣръ Гоцинскій, Кульчинскій и Бобинскій скрывались въ Галиціи. Имена ихъ всегда будутъ священны для Поляковъ. Когда повѣсили Завишу, дѣти Варшавскихъ жителей брали землю съ его могилы и раздавали какъ святыню, за что наказаны были тѣлесно, а нѣкоторые отданы въ солдаты. Но дѣйствія ихъ не имѣли никакого почти вліянія на наши провинціи. Литва, претерпѣвъ жестокое преслѣдованіе по случаю поимки Волловича и Шиманскаго, который многихъ уговорилъ, утихла. Предпріятія къ возстанію на Волынь, Подолии и Украинѣ были безплодны. Тѣ, кои, возвращаясь въ 1834 году изъ Галиціи¹⁾, обязались приготовить жителей сихъ провинцій, вовсе сего не исполняли, и только двое изъ нихъ не измѣнили своему призванію²⁾. Процессъ Польши въ сихъ провинціяхъ ничего не выигралъ; напротивъ, соблазнительныя ссоры начальствовавшихъ партіями внесены сюда изъ эмиграціи. Печальный конецъ Гверильясовъ, разсѣяніе Галиційской эмиграціи, обманутыя надежды уничтожали почти вѣру въ возможность дѣйствовать, ослабляли духъ и оцѣпняли даже ревностнѣйшихъ. Усилій Булевскаго не осталось и слѣда; всѣ его дѣйствія обратились въ пренія съ партизанами Заливскаго, и

¹⁾ По дозволеніямъ, какъ просившіе помилованія.

²⁾ Одинъ извѣстенъ: Леопольдъ Немѣровскій; о другихъ производятся допросы. Немѣровскій содержится въ Кіево-Печерской цитадели и сознался въ участіи въ тайномъ обществѣ.

наконецъ и онъ, арестованный въ Лембергѣ, потомъ уволенный, куда обратился, не знаю¹⁾).

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1834 г. не существовало зародыша партіи Булевскаго. Уполномоченные Свирскимъ ничего не принимали, изъ послѣдователей Заливскаго одни легли въ могилу, другіе остались въ тюрьмахъ, иные разсѣялись и въ испугѣ бѣжали. Все замолкло, всеобщее омертвѣніе поразило почти всѣхъ, въ особенности же провинціи, о которыхъ пишу: ни малѣйшаго слѣда жизни... даже не проявлялась мысль о необходимости какого либо дѣйствія! Такое состояніе для народа, находящагося въ положеніи подобномъ Полякамъ, ужасное и есть самое гибельное. Правительство съ своей стороны ничего не упускало изъ виду, что могло содѣйствовать ему къ истребленію напшей народности, къ отвращенію умовъ отъ стремленія и усилій возрождать отчизну; уничтожало заблаговременно всѣ оставшіеся у насъ средства, а имѣя все въ своихъ рукахъ, могло все....

Надо было непремѣнно противопоставить что либо такимъ посягательствамъ правительства; нужно было какое либо сильное средство для отвращенія вредныхъ послѣдствій, отразившихся на краѣ отъ случившихся обстоятельствъ; нужно было лекарство противъ болѣзней, которыя съ давнихъ поръ привели край этотъ къ гибели, нужно было непремѣнно пробудить усыпленныхъ, ибо это омертвѣніе было невыносимо; надобно было, чтобы Польша находилась (какъ всегда бывала) ежели не въ состояніи явнаго возстанія, то въ состояніи тайнаго заговора, безъ котораго никогда существовать не можетъ²⁾).

Въ началѣ 1835 г. нѣсколько разъ собирались нѣкоторые сосѣди³⁾ и знакомые къ Касперу Мошковскому, проживавшему въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, и передавали взаимно другъ другу замѣчанія о причинахъ упадка революціи 1831 года, о порокахъ и ошибкахъ, не

¹⁾ Высланъ за границу изъ Австріи.

²⁾ А развѣ, еще до раздѣла Польши, не было тайныхъ взаимныхъ заговоровъ между разными кружками, передъ выборами въ сеймы? Екатерина не безъ соболѣзнованія писала графинѣ А. В. Браницкой, что между Поляками вѣтъ двухъ человѣкъ, вполнѣ между собою согласныхъ, и сравнивала Польшу съ соловьемъ, который весело распѣваетъ, не видя жабы, готовой проглотить его. Къ участію въ раздѣлѣ Польши Россія была вынуждена давленіемъ Пруссіи и Австріи, во время нашихъ неудачъ въ Турецкую войну, когда обѣ онѣ имѣли на своей сторонѣ Францію. Екатерина и графъ П. И. Панинъ не желали раздѣла Польши. П. Б.

³⁾ Лепковский, Орачевскій, Подгороденскій, Пининскій, кон всѣ арестованы по принадлежности къ обществу Союза Польскаго народа. Лепковский умеръ въ госпиталѣ отъ горячки, Орачевскій еще не признался, Подгороденскій и Пининскій сознались, а сей послѣдній открылъ о существованіи тайнаго общества прежде появленія Канарскаго.

дозволявшихъ никогда народу пользоваться плодами ревностнѣйшихъ своихъ усилій, о нынѣшнемъ его положеніи и средствахъ ускорить возрожденіе Польши, и когда согласились въ мнѣніяхъ, то положено составить изъ себя Общество и распространять оное. Каждый вступающій въ это общество долженъ былъ всею душою вѣрить, что Польша собственными только силами, безъ всякой посторонней помощи, возвратитъ себѣ свободу, и что эта сила есть въ 20-ти миллионномъ¹⁾ народѣ; что безъ социальной революціи Поляки возстать и свергнуть ярмо не могутъ, что эта социальная революція необходима. во первыхъ: какъ средство, безъ коего невозможно побѣдить внѣшняго врага, и во вторыхъ, какъ цѣль, дабы, по сверженіи чуждаго ига, измѣнить донинѣ продолжающееся противное природѣ и человѣчеству состояніе вещей. По сему-то вѣрованіемъ каждаго члена общества было не только отреченіе отъ всѣхъ историческихъ правъ и привилегій дворянства, но безусловное равенство и свобода всѣхъ состояній, отдача крестьянамъ земли въ собственность и та увѣренность, что онъ можетъ народъ нашъ приготовить къ тому, что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ сражаться съ врагами. Совершенно иныя мнѣнія были доселѣ вкоренены въ нашемъ народѣ; и потому истреблять ихъ, на ихъ мѣсто вводить новыя, готовить другихъ къ ихъ принятію и приготовляемыхъ внѣдрять въ общество было главною обязанностью всякаго сообщника. Написанъ былъ уставъ сообщества, въ которомъ ясно изображены были его основанія, обязанности каждаго члена, составлена простая организація, приспособленная къ мѣстности. Не знаю, находится ли теперь гдѣ либо этотъ уставъ, который назывался уставъ общества, составляющагося къ благу человѣчества и нашего отечества²⁾. Въ составленіи онаго участвовали: Леонардъ Лепковскій, Орачевскій³⁾. Маріанъ Подгороденскій, Касперъ Мошковскій и другіе (Лепковскій прежде еще написалъ было полезную брошюрку подъ заглавіемъ: Что должны нынѣ дѣлать честные люди). Собирались въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ у Мошковскаго, совѣщались о способахъ распространить это общество и придать ему столько силы и могущества, чтобы вліяніе его могло дѣйствовать на весь край. Въ уставѣ основанія выражены были общими словами, почему на одномъ изъ засѣданій Орачевскій предложилъ, чтобы пространно и подробно описано было, что каждому дѣлать должно. во что вѣрить и какія употреблять средства. чтобы

¹⁾ Ужъ будто? П. Б.

²⁾ Уставъ этотъ переданъ былъ Лепковскимъ и Пининскимъ Боровскому, который передалъ его студентамъ университета св. Владимира, подъ названіемъ „уставъ общества вѣры, надежды, любви“.

³⁾ Сей Орачевскій, 28 Декабря, отправленъ въ С. Петербургъ.

вѣру эту переливать въ другихъ, готовить иощрять къ подобному же дѣйствованію. Вышеупомянутые четыре челоѡѡка раздѣлили межъ себя предметы, потомъ написали и составили изъ сего на трехъ листахъ брошюрку, подъ заглавіемъ или съ надписью въ началѣ: обязанностію каждаго есть: 1-е, держаться народности, 2-е, возбуждать духъ самопожертвованія, 3-е, распространять просвѣщеніе, 4-е, исправлять обычаи, 5-е, поселянъ готовить такъ, чтобы могли быть присяжными защитниками отчизны и истинныхъ гражданъ, 6-е, исправлять ложныя мнѣнія. Всѣ эти 6 пунктовъ содержались въ томъ сочиненіи. Оно было такъ написано, что даже непринадлежавшіе къ обществу могли читать его; оно повсюду принято было какъ нельзя лучше и сдѣлало много добраго вліянія; думаю, что, не взирая на участь, какой нынѣ подверглось это сочиненіе, оно будетъ сохранено и будетъ лучшимъ свидѣтельствомъ мнѣній, стремленія, усилій и дѣйствій членовъ общества, равно употреблявшихся ими средствъ, дабы достигнуть священной цѣли, оживлявшей ихъ души, укрѣплявшей души. Еще весною присоединился къ этому обществу Уминскій ¹⁾, недавно прибывшій изъ Галиціи, гдѣ въ дѣйствіяхъ Гверильясовъ принималъ дѣятельное участіе. Возвратившись въ край, вѣрный своему призванію, онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ приготовлялъ юношество. Челоѡѡкъ этотъ былъ простъ въ обхожденіи, неутомимъ въ предпріятіяхъ еще съ 1831 года, перенесъ много трудовъ на пользу отчизны и о немъ справедливо отозвался одинъ: „Уминскій не большой грамотѣй, но, судя о немъ глубоко, онъ стоить больше многихъ ученыхъ“. Общество приняло за правило скорѣе соединяться съ подобными людьми, нежели съ людьми на видъ блестящими, суемудрыми, имѣющими вѣсь или значеніе, соображаясь въ семъ случаѣ со словами въ одномъ изъ 6 вышеупомянутыхъ пунктовъ сказанными: „тотъ у насъ истинно уменъ, кто узналъ права челоѡѡка, а тотъ истинно добръ, кто для освобожденія людей отъ ярма, а права отъ насилій, готовъ на все“.

Умноженіе числа членовъ шло медленно, ибо большее вниманіе обращемо было на характеръ и достоинства челоѡѡка, нежели на многочисленность членовъ. Лѣтомъ 1835 г. принято нѣсколько членовъ изъ Кременецкаго уѣзда. Осенью Мошковскій соединился съ приготовленными Уминскимъ. былъ въ Житомирѣ и иныхъ еще принялъ ²⁾. Во время сѣзда у Лепковского въ Ноябрь въ окрестностяхъ Немирова Орачевскій предположилъ составить словарь выраженій, имѣющимъ

¹⁾ Уминскій арестованъ и сознался.

²⁾ Райковского. Кто же были приняты изъ Кременецкаго уѣзда и кто былъ принятъ Уминскимъ, производятся допросы.

соотношенія съ нашими цѣлями и понятіями и всякое слово описать не такъ, какъ въ обыкновенномъ смыслѣ значить, но какъ мы желаемъ понимать его. Такихъ словъ собрали нѣсколько десятковъ, изъ коихъ приведу нѣкоторые, а именно: крестьянинъ, шляхтичъ, обыватель, солдатъ, жизнь, кабинеты, мнѣніе, неистовый, собственность, право, христіанинъ, свобода, равенство, возстаніе, революція, деспотизмъ, Рѣчь-Посполита, истинный Полякъ и проч. Написанъ былъ проектъ сего словаря, и нѣкоторымъ членамъ роздано по нѣскольку словъ, для описанія. Нѣкоторые изъ нихъ это исполнили. Словарь этотъ долженствовалъ много содѣйствовать къ истребленію ложнаго и вреднаго способа смотрѣть на вещи, долженъ былъ навести умы на истинный путь и приготовить къ революціи, которая только одна способна спасти край, но онъ не былъ конченъ, по случаю перемѣны, которой вскорѣ подверглось общество. Много однакожъ написано; статья можетъ, отрывки эти когда нибудь вырыты будутъ изъ пыли. Самые дѣйствительнѣйшіе способы освобожденія, какъ то: дарованіе крестьянамъ правъ гражданства, поземельной собственности, веденіе партизанской войны и тому подобное, не были приняты при послѣднемъ возстаніи только потому, что не согласились съ народнымъ мнѣніемъ и мыслями тѣхъ, которые руководили дѣломъ. Революція общественная, единственное средство къ возвращенію отечества, не можетъ совершиться дотолѣ, доколѣ умы и сердца всѣхъ жителей не будутъ ею проникнуты, а посему распространеніе сочиненій и книгъ, приготовляющихъ къ этой революціи, входило въ обязанность членовъ общества.

Зимой тогожъ года пріѣхалъ Мошковскій въ Украину¹⁾ и тамъ сообщилъ уставъ товарищества Креховецкому и Сарнецкому, людямъ честнымъ, любящимъ отечество выше всего, на что дали доказательства²⁾, всюду уважаемымъ, потому что этаго заслуживаютъ и основательно понимающимъ, что нужно для спасенія Польши и которые въ началѣ 1833 года подобные прожекты ему сообщали. Они охотно вошли въ общество.

1836 года въ Кіевѣ на контрактахъ Мошковскій опять принялъ нѣкоторыхъ изъ разныхъ мѣстъ³⁾, а до того еще Боровскій⁴⁾ принялъ

¹⁾ Къ Креховецкому.

²⁾ Участвовали въ мятежѣ, скрываясь во время онаго за границею.

³⁾ Кто были тѣ лица, еще неизвѣстно.

⁴⁾ Боровскій арестованъ и сознался, что принялъ студентовъ: Гордона, Винницкаго и Янишевскаго къ демократическому обществу вѣры, надежды, любви, въ Маѣ 1836 года.

нѣсколько Кіевскихъ студентовъ какъ то: Винницкаго, Гордона, послѣ чего и составилось между ними сообщество.

Въ Февралѣ, въ Житомирѣ, Мошковскій принялъ Немѣровскаго, только что выпущеннаго изъ крѣпости за принадлежность къ возстанію 1831 года¹⁾; молодой этотъ человѣкъ. съ отличной душою, рѣдкимъ характеромъ и необыкновенными способностями, вскорѣ послѣ того принялъ въ Ковельскомъ уѣздѣ нѣсколькихъ равно хорошихъ и способныхъ людей.

Въ Житомирѣ Р. ²⁾, человѣкъ рѣдкихъ правилъ, усердно трудился надъ тамошнею молодежью, и труды его не были напрасны³⁾; все шло хорошо, тихо, безъ шума, подружески, не обращая вниманія правительства, но успѣшно, потому что слѣды его уже были видимы; соединялись между собою хорошо знакомые, и потому не было никакого опасенія. Довѣренность, согласіе, братская любовь, связывали всѣхъ, дѣйствіе переходило изъ одного уѣзда въ другой и такимъ образомъ должно было вскорѣ обнять весь край; не было принужденія, ни пристрастія, ни насилія въ мнѣніяхъ, не было жалобъ, ни споровъ, на все была добрая воля cadaго, и происходило все отъ чистаго сердца. Какія роскошныя, безсонныя ночи проводили мы въ началѣ и при распространеніи сообщества; въ кругу нашей молодежи видѣли мы надежду и опору начатыхъ усилій! Какая бывала радость, когда прибывалъ новый товарищъ. Прекрасна была эта пора нашей жизни! Нѣтъ ничего прелестнѣй этихъ минутъ; недавнія язвы народа вышли изъ памяти, потому что уже роились мечты о его счастіи. Понемногу, тихо возросло бы это дерево, усилило свою крѣпость, потому что не было подражаніемъ иноземному обществу, но возникло само изъ себя, по доброй волѣ и по чувству необходимости cadaго, какъ проявленіе воли, мыслей и желаній народныхъ, потому что мы знали мѣстность, пособія и препятствія, какія имѣемъ, знали чего должны остерегаться и что можемъ употребить съ пользою. Росло дерево, корень его былъ въ родной землѣ и въ родномъ климатѣ, росло натурально, созрѣло бы и принесло бы плоды; но надобно было, чтобы

¹⁾ Немѣровскій судился за участіе въ мятежѣ, по высочайше утвержденной конфирмаціи выдержанъ въ Кіево-Печерской цитадели 1 мѣсяцъ, имѣніе его конфисковано, освобожденъ 9 Февраля 1836 года, въ общество поступилъ въ томъ же мѣсяцѣ, былъ секретаремъ Ковельскаго обвода, потомъ находился въ Одессѣ, гдѣ видѣлся съ эмиссаромъ Канарскимъ весною 1837 года.

²⁾ Рошковскій, бывшій секретаремъ Житомирскаго обвода, когда общество, образованное Мошковскимъ, приняло уставъ эмиссара Канарскаго.

³⁾ Принялъ Прушинскаго, Огородинскаго.

оно имѣло возможность расти такъ, какъ позволяли его природа и соки питательнаго грунта, въ которомъ находилось, т. е. тайно, скрывая даже настоящее его наименованіе.

Въ Декабрѣ 1835 года прибылъ въ Волинѣ въ мѣста, пограничныя съ Литвой, молодой человѣкъ, оставившій за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ Францію¹⁾ съ цѣлю основать въ краѣ общество. Проѣзжая чрезъ Краковъ и Галицію, онъ познакомился съ *Бабинскимъ*, *Гонцинскимъ* и *Кульчинскимъ*, а также иными, написалъ самъ или съ другими правила общества подъ названіемъ: Союзъ Польскаго народа, составилъ организацію и, не останавливаясь почти въ Волинѣ, отправился въ Литву къ лицамъ, къ коимъ имѣли рекомендацію²⁾, дорогою отъ мѣста до мѣста; прибылъ въ Вильну, въ чемъ помогъ ему возвратившійся предъ нимъ изъ Галиціи Литвинъ Наполеонъ Новицкій³⁾. Этотъ молодой человѣкъ, котораго настоящее прозваніе *Канарскій* только теперь сдѣлалось извѣстнымъ для края нанесеннымъ ему самымъ жестокимъ ударомъ, Канарскій, который, не взирая на то, что имѣлъ самыя лучшія намѣренія, какъ язва народная съ конца въ конецъ, вдоль и поперекъ обтекъ всю Польшу и заставилъ нынѣ ее плакать такими слезами, какими еще никогда не плакала: ибо слезъ этихъ не сопровождаетъ никакое облегченіе, никакое ни отколъ утѣшеніе; который нѣсколько сотъ семействъ ввергнулъ въ горестъ, въ отчаяніе и окровавилъ ихъ сердца ранами, которымъ нѣтъ врачеванія, который не одну мать, супругу, дитя, при жесточайшихъ мученіяхъ души, лишилъ средствъ къ прожитію; который однихъ ввергъ въ тюрьму, наложивъ на нихъ оковы и влилъ адъ въ ихъ души; другихъ оставилъ въ домахъ въ печали, убійственнѣе всякихъ мукъ, въ состояніи медленной кончины. Канарскій наконецъ сдѣлалъ то, что братья наши, мученики и братья наши скитальцы никогда не увидятъ родную землю, а многихъ изъ нихъ кости почіютъ въ чуждыхъ могилахъ. Канарскій, нанесшій краю сему ударъ, быть можетъ самый чувствительный изъ всѣхъ, какіе онъ испытывалъ, такъ сказать, положилъ Польшу въ гробницу на много лѣтъ.

Онъ родился въ Августовскомъ воеводствѣ, служилъ до возстанія 29 Ноября въ пѣхотѣ, отличался во время войны и по окончаніи оной.

¹⁾ Пробылъ два дня у Бринка и Родзевича, Литовскихъ дворянъ.

²⁾ Имѣлъ письма въ Вильну.

³⁾ Новицкій, со времени тайнаго прибытія изъ заграницы, жилъ въ Гродненской губерніи въ имѣніи князя Витгенштейна, у брата своего Оадея, скрывалъ Канарскаго въ домѣ брата своего, когда онъ былъ въ Гродненской губерніи, задержанъ нынѣ въ Вильнѣ.

отправился во Францію, откуда съ Гверильясами прибылъ въ 1833 году; былъ въ Литвѣ и Польшѣ и тогда находясь близъ дома матери, навлекъ отвѣтственность на брата, который поплатился за сіе продолжительнымъ заключеніемъ. Снова вернулся за границу, былъ въ Брюселѣ, Швейцаріи¹⁾, потомъ въ Парижѣ и въ Маѣ 1835 года выѣхалъ изъ онаго, съ согласія, какъ сказывалъ, Валентія Зверковского, Карла Ружицкаго²⁾ и другихъ лицъ, хорошо извѣстныхъ своимъ патріотизмомъ, заслугами, правилами и принесенными для края и эмиграціи пользами, которые знали о его цѣли и намѣреніяхъ, и чрезъ Лондонъ, Брюссель, вмѣстѣ съ Адольфомъ Залѣскимъ, съ чужимъ паспортомъ прибылъ въ Краковъ³⁾, тамъ соединилъ между эмигрантами раздвоившееся было общество Карбонаровъ и образовалъ въ новое общество подъ названіемъ: Союзъ Польскаго народа. Обезпечившись на счетъ сношеній съ Галиціею и Краковымъ чрезъ Кульчицкаго⁴⁾, имѣвшаго пребываніе въ Злочевскомъ циркулѣ, перешелъ границу⁵⁾ и, какъ я сказалъ выше, обратился въ Литву. Много встрѣтилъ онъ трудностей, пока напелъ тамъ хорошій пріемъ; ибо Литва была поражена недавними несчастіями послѣ Гверильясовъ. Но добрыя желанія Литовцевъ, но прелесть, каковую каждый эмигрантъ имѣетъ для сердецъ нашихъ, но призывъ кого бы то ни было изъ Поляковъ во имя отчизны и свободы побѣдилъ боязнъ, испугъ, опасенія и даже самую невозможность. — Основавъ въ Литвѣ общество, онъ весною 1836 г.⁶⁾ прибылъ къ одному Литовцу Родзевичу⁷⁾, недавно поселившемуся въ Волыни въ Луцкомъ уѣздѣ, въ с. Лисовѣ, на границѣ Пинскаго уѣзда, котораго былъ уроженцемъ. Пробывъ тамъ нѣсколько недѣль, онъ поѣхалъ въ Воютинъ къ Фелинской и Ржонжевскимъ⁸⁾, въ сихъ домахъ имѣлъ пріемъ и прежде, какъ только сюда прибылъ. Былъ во Владимирскомъ уѣздѣ и

¹⁾ Участвовалъ въ нападеніи на Савойю.

²⁾ Начальникъ шайки мятежниковъ, бывшей на Волынѣ, находится въ числѣ изгнанниковъ.

³⁾ Паспортъ Канарскій получилъ въ Парижѣ отъ ГанOVERскаго посланника на имя Букгорта Сивуса и съ онымъ прибылъ въ Краковъ.

⁴⁾ Кульчицкій находится въ числѣ изгнанниковъ, проживать въ Галиціи: объ отысканіи его сдѣланы съ Галиційскимъ президентомъ сношенія.

⁵⁾ Близъ Бродъ, съ помощію также изгнанника Наполеона Новицкаго, который жилъ въ Гродненской губерніи и задержанъ нынѣ въ Вильнѣ.

⁶⁾ Въ Маѣ мѣсяцѣ съ Юріемъ Бринкомъ, Литовскимъ дворяниномъ, который задержанъ и сознался.

⁷⁾ Тотъ самый, который пойманъ вмѣстѣ съ Канарскимъ.

⁸⁾ Фелинская Валеріана и Юзефа Ржонжевскія въ пріемѣ Канарскаго и участіи въ его замыслахъ сознались и находятся въ Кіево-Печерской цитадели.

въ этой сторонѣ нѣсколькихъ лицъ принялъ въ общество¹⁾ и случайно познакомился тогда съ однимъ Владимирцемъ, принадлежащимъ къ обществу, существовавшему въ краѣ²⁾, о которомъ я рассказаль выше. Тотъ извѣстилъ его объ ономъ, и Канарскій пожелалъ познакомиться съ прочими членами. Узнавъ же, что Мошковскій, на котораго получилъ указаніе въ Краковѣ³⁾, имѣетъ участіе въ этомъ обществѣ, желалъ сблизиться съ нимъ и съ иными; познакомился съ Уминскимъ, тотъ привезъ его къ Плоновскому, гдѣ собрались Лепковский и Орачевскій, которые и сообщали ему Уставъ своего общества, а онъ имъ свой; послѣ нѣскольконедельныхъ преній жители сего края согласились принять уставъ Канарскаго съ нѣкоторыми малыми перемѣнами, которыя сами сдѣлали.

И такъ уставъ первоначальнаго общества⁴⁾ въ Вильнѣ былъ оставленъ а принятъ уставъ Союза Польскаго народа⁵⁾. Это сдѣлано во-первыхъ для того, что, какъ сказывалъ Канарскій, Галиція, Литва и многіе въ Волынѣ приняли уже этотъ уставъ и надѣяты, что вскорѣ всѣ провинціи оный примутъ, и потому недолжно было разниться и нарушать единства; дѣйствительно причина эта важна и справедлива, тѣмъ болѣе, что цѣлость и единство должны имѣть мѣсто не только въ основаніяхъ, но и въ формѣ и названіи, ибо въ Польшѣ единой долженъ быть одинъ духъ и одно тѣло, чтобы весь народъ, одного требующій, къ одному стремящійся, былъ соединенъ однимъ и тѣмъ же обществомъ; даже названіе Союза Польскаго народа, весьма соотвѣтственное цѣли, могло говорить въ пользу принятія правилъ этого общества. Во вторыхъ, трудно было не принять, чего Канарскій требовалъ и хотѣлъ. Канарскій призывалъ къ дѣйствию для прекращенія бѣдствій отчизны, говорилъ отъ имени братьевъ-скитальцевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ землямъ, къ коимъ столько почитанія хранится въ сердцѣ истиннаго Поляка. Онъ былъ одинъ изъ этихъ скитальцевъ! Каждый кто его видѣлъ, отъ всей души заявлялъ уваженіе, желая тѣмъ почтить его и эмиграцію, желая показать тѣмъ, какъ велики для сердецъ народа святыя изгнанники. Каждый, видѣвши его, чувствовалъ, что кровь

1) Яржинъ двонхъ, Киселя, Чапскаго, Рудинскаго, Рошковскаго и Уминскаго.

2) О томъ, кто таковъ сей злоумышленникъ, производятся допросы.

3) Отъ злоумышленника Верцинскаго, родственника Мошковскаго, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ въ мятежѣ и оставшагося за границей.

4) Хотя Канарскій отрекся въ Вильнѣ въ томъ, что онъ никакого общества здѣсь не находилъ, но Киевскою Коммисією открыто положительно, что тайныя общества существовали какъ здѣсь, такъ и въ Вильнѣ съ 1833 г. Но всѣ они слились къ одно обществу Союза Польскаго народа, основанное Канарскимъ.

5) Полный уставъ сей отысканъ по распоряженію Киевской Секретной Коммисіи.

течетъ въ немъ быстрѣе, ощущалъ волненіе, котораго объяснить не возможно, другими совѣмъ взирали на него глазами, чѣмъ на своихъ; онъ приносилъ слова спасенія, онъ былъ апостоломъ, предвѣстникомъ несказаннаго счастья и возбуждалъ въ нѣкоторыхъ совершенно особенныя чувства. Все это есть доказательство доброты сердецъ, искренно любящихъ Польшу. Его самопожертвованіе придавало ему много прелести. Онъ пришелъ сюда, гдѣ на всякомъ шагѣ угрожали ему жестокость и мщеніе того, который изрекъ уже на подобныхъ ему губителей приговоръ, пришелъ ведомый чистою искренною любовію къ отчизнѣ, которую любилъ безъ границъ, для которой все готовъ былъ сдѣлать. Личныя достоинства этого человѣка были: огненная душа, независимый характеръ, великое безкорыстіе, совершенное забвеніе себя, обиліе внутренней жизни, проявлявшейся въ сильныхъ волканическихъ чувствахъ, которыми воспламенялъ все, что на пути ему встрѣчалось. Онъ имѣлъ много природныхъ способностей, но они не были образованы ученіемъ. Дѣянія революціи и эмиграціи зналъ хорошо, но исторію древней Польши, которую всякій, тѣмъ болѣе тотъ, который берется за такое дѣло, знать долженъ, зналъ, говоря искренно. очень мало и слѣдственно почти не зналъ. Демократическія правила исповѣдывалъ искренно и былъ ими проникнутъ глубоко. Но это бѣльшее частію были чуждыя теоріи, правда прекрасныя, которыя быть можетъ, когда нибудь воплотятся, но теперь еще не приходившіяся ни по способамъ, ни по нуждамъ нашимъ. Народный духъ древней Польши и эти драгоцѣнныя, милые душѣ образы прошедшаго, даже въ ихъ незначительныхъ очеркахъ, изгладились въ немъ чтеніемъ чуждаго и разсужденіями о разныхъ системахъ, возобновленій и реформы цѣлаго міра: духъ партій владѣлъ имъ сильно; иногда Канарскій увлекался лицами, воспоминаніями не важныхъ несогласій, личностей эмиграціи и тѣмъ потемнялъ и ослаблялъ истину, которую проповѣдывалъ. Канарскій немного имѣлъ знанія людей, изъ сего проистекало много дурныхъ послѣдствій. Незнакомый съ краемъ, его природой, особенностями, мѣстностію, онъ не хотѣлъ познакомиться и не умѣлъ: отъ этого и не имѣлъ понятія, какъ согласить теорію съ практикой. Но за то даръ говорить имѣлъ рѣдкій, краснорѣчіе плавное, убѣдительное. Что говорилъ, было отъ сердца и шло къ сердцу, имѣлъ въ готовности все, что нужно ему было, для подкрѣпленія своихъ разсужденій, для опроверженія противурѣчій, потому, что сильно былъ проникнутъ своимъ дѣломъ. Умѣлъ приноравливаться къ лицамъ, съ которыми говорилъ, тихій, уступчивый, когда видѣлъ охотниковъ; но когда это было нужно, возставалъ всею душою своею, употреблялъ все, что въ немъ было для убѣжденія несогласныхъ. Тогда глаза его наполнялись слезами,

лице свѣтлѣло и потокъ словъ лился его устами прямо отъ сердца, отъ увѣренности въ себѣ, сильнаго убѣжденія въ справедливости того, что говорилъ и воспламенялъ слушателей. Голосъ имѣлъ пріятный, привлекательный, пѣлъ съ большимъ чувствомъ, грудь его издавала гармоническіе звуки, проникавшіе душу, пѣлъ изгнаническія пѣсни, въ которыхъ столько мелодій; пѣніемъ своимъ онъ плѣнялъ, приводилъ въ восторгъ чувствительныя сердца. Его обхожденіе, и манеры, хотя иногда слишкомъ лагерныя, были привлекательны непринужденностію и простотою, доброта сердца врожденная. Всякъ слушалъ его съ усиленнымъ вниманіемъ, слушалъ дѣянія и приключенія его и братьевъ, отъ которыхъ присланъ, и трепеталъ, ибо оттуда мила и увлекательна всякая мелочь. Несовершенство и недостатки, какіе въ немъ были, не обращали вниманія, терялись въ обворожительности его чувствъ, намѣреній и самопожертвованія. На многихъ онъ сдѣлалъ сильное впечатлѣніе, и надъ нѣкоторыми вскорѣ получилъ диктаторскую власть, которую хотѣлъ распространить надъ всѣми.—Изъ этого произошло много и весьма много зла. Не хотѣлъ слушаться добрыхъ, справедливыхъ совѣтовъ, проистекавшихъ отъ доброжелательства и тотчасъ обвинялъ въ нерасположеніи къ себѣ, или въ охлажденіи къ дѣлу. Въ многихъ мѣстахъ взглядомъ покорялъ себѣ; мнѣнія, слова его были орakуломъ. Приговоръ, имъ произнесенный (часто совершенно несправедливо, иногда за сопротивленіе его прихоти) сдѣлывался не измѣнимымъ. Были впослѣдствіи такіе люди, которые ему смѣло говорили правду, не обращая вниманія на его мнѣніе и неудовольствія, но были и такіе и гораздо болѣе, которые по убѣжденію, по привязанности къ нему, или ради успокоенія повиновались ему во всемъ; больше же всего помогало ему въ томъ то, что обожалъ Польшу, и дѣйствовалъ для Польши. Въ минуту, о которой пишу, стоялъ онъ еще въ самомъ выгодномъ положеніи, пріобрѣталъ послѣдователей, все къ нему склонялось. Прозванія въ различныхъ мѣстахъ и временахъ носилъ разныя, сообразно тому, на какое имя могъ имѣть паспорта, которые ему туземцы доставляли. Былъ Родзевичемъ, Лоевскимъ ¹⁾ Дунинымъ, потомъ г. Винцентіемъ, Игнатіемъ, но вообще между братьями звался Янушемъ, ибо прозваніе его по обществу въ семъ краѣ было: Янушъ Немрава ²⁾, которымъ подписывался на организаціи и на исходившихъ

¹⁾ Паспортъ на имя Родзевича былъ выданъ самому Родзевичу, Минск. гражд. губернат. и переданъ Канарскому.—Паспортъ Лоевскаго, выданный эконому Вильгельма Михальскаго отъ Подольскаго граждан. губернатора, переданъ Канарскому Михальскимъ, съ симъ-то паспортомъ онъ былъ въ Подольской и Кіевской губерніяхъ и ѣздилъ въ Одессу.

²⁾ Такъ подписанъ и уставъ Союза Польскаго народа.

отъ него бумагахъ. Въ эмиграціи звался Рембекъ¹⁾. Миѣ извѣстны два его сочиненія: отзывъ къ женщинамъ. на нѣсколькихъ листахъ, въ которомъ живыми красками изобразилъ несчастіе скитальца, состояніе дѣлъ отчизны, заблужденія и ошибки туземцевъ, необходимость исправить ихъ и возбудить жизнь публичную; но въ которомъ рядомъ съ прекрасными, истинными образами, много было надутостей и несообразностей; за всѣмъ тѣмъ по достоинствамъ, какими отличался и по благорасположенности одноземцевъ, отзывъ его былъ принятъ и сдѣлался общимъ. Второй отзывъ былъ къ Шляхтѣ (Дворянству), великія въ немъ были истины, но источникомъ ихъ были угрозы и выраженія. доказывающія хотя знаніе тѣхъ, которымъ говорилъ, ихъ положенія и мѣстныхъ соотношеній; но угрозы эти сдѣлали то, что самое твореніе. не принеся никакой пользы, осталось безъ вниманія²⁾.

Изъ Староконстантиновскаго уѣзда, Канарскій переданъ былъ³⁾ одному Подолянину⁴⁾ и отвезенъ въ Вербку къ Фридриху Михальскому⁵⁾, и былъ принятъ какъ нельзя лучше. Михальскій послалъ за нѣсколькими сосѣдями: Морхоцкимъ, Голынскимъ, Лѣсневичемъ, Осипомъ Старорипинскимъ⁶⁾, коимъ Канарскій сообщилъ цѣль своего прибытія и уставъ общества. Туда прибыли: Мошковскій⁷⁾ и Лепковскій⁸⁾, чтобы познакомиться съ нимъ; ибо во время бытности Януша въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ⁹⁾, перваго тамъ не было. Они тѣсно тамъ соединились и тамъ Мошковскій обѣщалъ ему облегчить путь въ Украину¹⁰⁾. Фридрихъ Михальскій принялъ обязанность и званіе Подольскаго секретаря. Канарскій ѣздилъ отъ него въ нѣсколько мѣстъ: всѣхъ его переѣздовъ упоминать не буду, затѣмъ, что это къ дѣлу не принадлежитъ; упомяну только главнѣйшіе: изъ Верки взялъ его съ собою Вильгельмъ Михальскій въ Брацлавскій уѣздъ, тамъ пробылъ нѣсколько времени и облегченнымъ ему путемъ прибылъ въ Украину¹¹⁾

¹⁾ Какъ сказывалъ самъ Вильгельму Михальскому.

²⁾ Сочиненій сихъ не было найдено.

³⁾ Маріанъ Подгороденскій.

⁴⁾ Адаму Обнинскому.

⁵⁾ Секретарю и главному распорядителю Подольскаго общества.

⁶⁾ Всѣ лица сии въ Кіевской Коммисіи сознались въ принадлежности къ тайному обществу.

⁷⁾ Главный распорядитель въ Волынской губерніи и вообще самый дѣятельнѣйшій агентъ Канарскаго.

⁸⁾ Умеръ отъ горячки въ Кіевскомъ Гошпиталѣ прежде допросовъ.

⁹⁾ У Маріана Подгороденскаго, сознававшегося въ Кіевской Коммисіи.

¹⁰⁾ Мошковскій познакомилъ Канарскаго съ Креховецкимъ и Сарнецкимъ, помѣщиками Кіевской губерніи.

¹¹⁾ Въ Украину привезъ Канарскаго Вильгельмъ Михальскій, къ дядѣ жены своей, Кончинскому, а потомъ къ Креховецкому.

въ Уманскій уѣздъ къ Креховецкому¹⁾), котораго отрекомендовалъ ему Вильгельмъ. Оттуда Мошковскій свезъ его къ Сарнецкому²⁾ въ Тарашанскій уѣздъ, куда прибылъ Креховецкій и украинцы³⁾), послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній приняли то, что принесъ Канарскій⁴⁾); но съ ними ему было труднѣе всего. Однакоже счастливая звѣзда и тутъ ему сопутствовала; условились однако, что онъ не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣйствія, что они не будутъ давать ему отчета, не знакомились съ членами, что они берутъ на себя дѣйствовать въ Украинѣ, принимаютъ его уставъ, присоединяются къ союзу Польскаго народа; но изъ эмигрантовъ только съ однимъ Гоцинскимъ⁵⁾ въ откровенныя вошли бы сношенія потому, что онъ извѣстенъ имъ хорошо, заслуживаетъ совершенное довѣріе, знаетъ состояніе, свойства сей провинціи, и слѣдственно средства къ дѣйствию, и о томъ написали ключемъ, даннымъ отъ Канарскаго, на что Канарскій обѣщалъ доставить украинцамъ отвѣты Гоцинскаго чрезъ нѣсколько недѣль. Креховецкій принялъ званіе секретаря Украины.

Такимъ образомъ отъ Вильны до Умани все сдѣлалось согласно желанію Канарскаго; чего хотѣлъ, что принесъ, было принято; чрезъ весь край открылъ себѣ дорогу; провинціи, присоединенныя къ Россіи, обнялъ и соединилъ однимъ союзомъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Никому счастливѣе не могло удаться въ подобномъ случаѣ. Ни кѣмъ неузнанный, приходитъ къ тѣмъ, которымъ прибытіе его угрожаетъ Сибирью, но никто нигдѣ его не отринулъ. Повсюду ему сопутствовали чествованіе и исполненіе его желаній; незначительныя преграды, имъ встрѣченныя, ниспровергъ онъ легкимъ прикосновеніемъ. Все сдѣлалось по его волѣ. Надо было умѣть беречь это счастье; надо было видѣть, чего напоминать ему не забывали, что оно можетъ перемѣниться, что въ жизни человѣка есть предѣлы, далѣе которыхъ нельзя идти безнаказанно. Надо было имѣть болѣе вѣры въ чувствованія народа, въ любовь къ отечеству всѣхъ Поляковъ, надо было, наконецъ, послушаться совѣтовъ, неоднократно и прежде и послѣ ему дѣланныхъ, что спасеніе края можетъ развиваться только его собственными усиліями и дѣйствіями; что если въ народѣ нѣтъ желаній и способностей возстать, одинъ человѣкъ не дастъ ихъ, и если они есть, то опаснымъ пребываніемъ своимъ не должно было подвергать ихъ гибели. Надо

¹⁾ Сознался въ Кіевской комиссіи, что былъ секретаремъ тайнаго общества.

²⁾ Сознался въ Кіевской комиссіи.

³⁾ Кто именно, дѣлается розысканіе.

⁴⁾ Уставъ Союза Польскаго народа.

⁵⁾ Гоцинскій состоитъ въ числѣ изгнанниковъ.

было быть вѣрну правиламъ, которыя проповѣдывалъ, о чемъ ему столь часто дѣлали намеки. Не должно было облекать себя никакою властью, но помнить, что высочайшая власть народа есть въ немъ самомъ, и такъ должно было уважать его волю и быть ему послушнымъ. Не надо было имѣть столько дурнаго мнѣнія о единоземцахъ и столь высокаго о себѣ самомъ; надо было по исполненіи своей миссіи удалиться; этого желали тѣ, которые взяли на себя обязанность руководить дѣйствіями сообщниковъ, дѣломъ народа, которые были нѣкоторымъ образомъ настоящими представителями народа. Всѣ эти совѣты были напрасны. Довольно было намекнуть о томъ, чтобы заслужить имя дурнаго Поляка. Канарскій бывалъ въ разныхъ мѣстахъ, а въ Августѣ вернулся въ Староконстантиновскій уѣздъ къ Подгороденскому, гдѣ собрались Мошковскій, Лепковскій, и самъ Мошковскій на счетъ устава Канарскаго сдѣлалъ замѣчанія. Уставъ имѣлъ девизомъ: свобода, равенство, братство и чрезъ народъ къ народу¹⁾, состоялъ въ исповѣданіи вѣры, организациі и присягѣ. Исповѣданіе вѣры заключалось въ 30-ти, кажется, пунктахъ, совершенно республиканскаго и демократическаго содержанія, въ которомъ было почти тоже, только сильнѣе изложено, что въ правѣ человѣка и гражданина, служившемъ основаніемъ конституціи Французской республики; изложеніе было порядочно, но организациа была и сбивчива, и несоотвѣтственна мѣстности, и безъ толку, на примѣръ пятеро урядниковъ съ званіями: внутренній, виѣшній, просвѣщенія, военный, финансовъ. Можетъ ли быть что безтолковѣе? Эти титулованные сановники должныствовали составлять власть, какъ въ округахъ или въ уѣздахъ, такъ и въ провинціяхъ или губерніяхъ. Далѣе солтысы, отъ нихъ опять низшіе простые члены, а надъ всѣми старшій секретарь, какъ въ округѣ, такъ и въ провинціи. Забавная іерархія! Можно ли было все это принаровить? Въ каждомъ уѣздѣ нужно было шестерыхъ для управленія. Гдѣ ихъ взять, когда столько старѣйшихъ, сколько должно быть младшихъ, а какъ создать ихъ? По сему Мошковскій отвергъ это и установилъ, что довольно одного секретаря въ уѣздѣ и одного въ провинціи. Онъ взялъ на себя въ Волинѣ распространеніе общества, образованіе онаго, устройство сообщеній и назначеніе окружныхъ секретарей²⁾ и когда, при умножившемся числѣ членовъ, найдется между ними человѣкъ способный, то возвысить его въ секретари земскіе. Въ это

¹⁾ Прежній уставъ имѣлъ девизомъ: вѣра, надежда и любовь, но чему и назывался нѣкоторыми студентами Обществомъ вѣры, надежды и любви.

²⁾ Въ слѣдствіе сей обязанности Мошковскій назначилъ секретарей въ разныхъ уѣздахъ Волинской губерніи: Олизара, Булевскаго, Орду, Яржину, Залѣнскаго, Щепковскаго, Рошковскаго, кои всѣ были арестованы и сознались.

время Лепковскій принялъ Бопрé¹⁾, человѣка рѣдкихъ способностей, много ученаго, твердаго характеромъ, съ сердцемъ, готовымъ на помощь ближнему, истиннаго демократа, но не по теоріи, а по дѣйствіямъ; эта демократія соединилась въ немъ съ духомъ древней Польши, которой исторію онъ изучилъ не только критически, но со всею поэзіею минувшей жизни этого народа, которою былъ налитъ и, можно сказать, дышалъ; его-то Мошковскій упросилъ въ послѣдствіи принять секретарство Волынское. При томъ положеніе Кременца, гдѣ онъ жилъ, весьма тому способствовало.

Упомяну здѣсь, что слово демократія употребляю потому, что оно сдѣлалось народнымъ, хотя безъ всякой нужды; слово это, прежде народу неизвѣстное и безъ котораго вѣчно могъ бы онъ обходиться, которымъ въ послѣдствіи такъ часто стали у насъ расходовать въ разныхъ случаяхъ, появилось только съ прибытіемъ Канарскаго и послѣ чтенія эмиграціонныхъ сочиненій. Впрочемъ кажется мнѣ, что настоящими событіями владычество этого выраженія, которое столько уже очернено, оканчивается; но за то наши давнія: отчизна, свобода, человѣчество, общее благо, займутъ его мѣсто.

Канарскій въ каждой провинціи рассказывалъ, что въ Галиціи существуетъ сборъ главный, который составляетъ главнѣйшую власть Союза въ семь краѣ. Этотъ главный сборъ былъ намъ извѣстенъ только по названію и, кажется, существовалъ только въ воображеніи Канарскаго²⁾.

Канарскій не довольствовался основаніемъ общества мужчинъ, онъ написалъ уставъ и для женщинъ³⁾ и, разъѣзжая по домамъ, принималъ ихъ въ общество. Наши Польки всегда готовы на все, чѣмъ можно бы помочь дѣлу освобожденія отечества, проникнутыя любовію и чествованіемъ къ братьямъ-скитальцамъ, изъ коихъ одного видѣли среди себя и который представлялся имъ въ видѣ предшественника возвращенію мужей, отцовъ и братьевъ, слушали съ восхищеніемъ его рѣчи, его картинныя описанія скитальческой жизни, приключеній, обѣтованій,

¹⁾ Находится въ Кіевѣ, и по недавнемъ приведеніи изъ Вильны сдѣлалъ подробное сознаніе въ участіи своемъ въ дѣйствіяхъ Союза.

²⁾ Какъ показываетъ Бопрé, онъ въ здѣшнихъ губерніяхъ имѣлъ намѣреніе учредить главный сборъ, и для того были совѣщанія въ Кіевѣ, Житомирѣ и м. Фильштинѣ Подольской губерніи; въ Бердичевѣ должны были происходить окончательныя совѣщанія, но по непробытію всѣхъ депутатовъ оныя не состоялись.

³⁾ Уставъ общества для женщинъ найденъ Кіевскою Секретною Комисіею въ бумагахъ Феллинской. Общество женщинъ предполагалось составить, для вліянія надъ мужчинами, въ духѣ Союза Польскаго народа, подъ видомъ благотворительности. Матка или начальница каждаго обвода должна была знать одного изъ членовъ общества мужчинъ.

надеждъ. Онъ и трогалъ ихъ и воспламенялъ желаніемъ участвовать въ дѣйствіяхъ. Да развѣ нашимъ Полькамъ много надо объ этомъ говорить!

Ни слова противъ того, что женщины способны много сдѣлать своимъ вліяніемъ, сильно могутъ способствовать домашней реформѣ, исправленію нравовъ, истребленію вкоренившихся въ народѣ пороковъ и предрасудковъ, утвержденію спасительныхъ мнѣній, направленію умовъ къ благимъ дѣламъ и воспламененію сердецъ къ благородному стремленію и поступкамъ, и наши Польки не забываютъ исполнять это¹⁾; впрочемъ общество и безъ извѣщенія женщинъ о его существованіи и дѣйствіяхъ не только могло бы обойтись совершенно, но даже это послужило бы къ лучшему. Канарскій слишкомъ довѣрялъ женщинамъ²⁾. Не говорю обо всѣхъ женщинахъ, знающихъ про общество, ибо нѣкоторыя изъ нихъ и дѣйствовали съ величайшимъ усердіемъ и свято сохраняли тайну, даже тогда, когда это было болѣе всего нужно; но нѣкоторыя изъ нихъ были причиной, что бытность Канарскаго въ краѣ стала извѣстна, чѣмъ слѣдовало. Рамификаціи этого женскаго общества мнѣ неизвѣстны³⁾. Знаю только, что Кіевская крѣпость вмѣщаетъ нынѣ много женщинъ, съ которыми обходятся почти съ одинаковою строгостію, какъ и съ ихъ мужьями, братьями, сыновьями. Знаю также, что многія, и безъ принадлежности къ обществу, способствовали распространенію полезныхъ сочиненій и введенію нужныхъ реформъ. Упомяну только о Фелинской, просвѣщенной и ревностной ученицѣ Канарскаго на Волыни, которая по своему усердію и по тому, что Канарскій ввѣрялся ей во всемъ, имѣла дѣятельное участіе, иногда даже слишкомъ большое, хотя это не ея вина: но зло и тутъ было немалое⁴⁾. Вообще о нашихъ женщинахъ можно бы сказать много хорошаго, есть даже много именъ достойныхъ воспоминанія. Скажу здѣсь нѣсколько словъ о дѣвицѣ Доротѣ Ольжинской вотъ уже другой годъ мученицѣ⁵⁾. По уничтоженіи возстанія 1831 года, когда всѣ тюрьмы наполнены были узниками, изъ коихъ почти всякій день часть высылалась въ Сибирь или на Кавказъ, Дорота Ольжинская предпри-

¹⁾ Нѣкоторыя изъ маленькихъ дѣтей повторяютъ слова ненависти и оскорбленія противу Русскихъ.

²⁾ Особенно Фелинской.

³⁾ Не имѣло никакого развитія, кромѣ нѣсколькихъ женщинъ, которыя лично были Канарскимъ приготовлены ко вступленію въ оное, если бы оно образовалось.

⁴⁾ Намекаетъ, кажется, на то, что Фелинская открыла многихъ сообщниковъ, въ томъ числѣ и самого Мошковскаго.

⁵⁾ Намекаетъ на наказаніе содержаніемъ въ монастырѣ, которому подвержена Ольжинская за увезеніе арестанта Шишки, о которомъ онъ говоритъ впослѣдствіи.

няла намѣреніе спасать изъ нихъ, кого представлялась возможность, хитростію вырывала ихъ изъ рукъ палачей и посвятила на это все свое достояніе. Я не буду описывать ея дѣйствія, время не позволяетъ; скажу только, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо безбоязненно исполнила она свои замыслы и исторгла у Царя не одну жертву; не одинъ осужденный, на пути къ мукамъ, освободился ея предприимчивостію, и всякій случай исхитить кого изъ рукъ тираніи былъ для нея истиннымъ удовольствіемъ. Въ Ноябрь мѣсяцѣ 1836 года освободила она изъ подъ сильнаго караула веденнаго въ оковахъ съ обритою головою Шишку, взятаго за переходъ изъ Россіи въ Галицію; его спасла, но сама пала жертвою, и новые мученики потеряли свою избавительницу.

Нельзя не признаться, что появленіе Канарскаго, оживившее общественный духъ, дало ходъ мыслямъ, посѣяло спасительныя правила, пробудило многихъ безчувственныхъ и обратило ихъ къ священнымъ цѣлямъ. Онъ своимъ лицомъ соединялъ нѣкоторымъ образомъ съ эмиграціею новымъ звѣномъ, былъ сильно проникнутъ своимъ положеніемъ, прямо и открыто шелъ къ цѣли. Но съ другой стороны, незнаніе людей, излишнее стараніе умножать число членовъ, къ чему много способствовало продолжительное пребываніе по домамъ; ибо иногда случай, неосторожность или, наконецъ, необходимость, заставляли его открывать себя и свою тайну предъ тѣми, которымъ знать о томъ было бы не должно; отъ того-то въ общество набралось множество сволочи, и происходило въ немъ не прогрессивное, но возвратное движеніе; это породило неисчислимые бѣдствія, чего никогда бы не было, если бы мы предоставлены были самимъ себѣ.

Изъ Староконстантиновскаго уѣзда ¹⁾ ѣздилъ онъ въ Новоградволинскій ²⁾, оттуда чрезъ Кременецъ вернулся къ Фелинской и Родзевичу. Когда онъ оставлялъ мѣста, о коихъ мы говорили выше, то по его рѣчамъ казалось, что онъ болѣе уже не воротится.

Между тѣмъ всюду начали распространяться общества. Мошковскій на Волынѣ въ ту же осень въ уѣздахъ Староконстантиновскомъ, Кременецкомъ, Дубенскомъ, Владимирскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ, Ровенскомъ, Новоградволинскомъ и Житомирскомъ, принималъ членовъ, установилъ секретарей, далъ приказанія, учредилъ сообщенія, пріохочивалъ къ дѣйствію, давалъ наставленія ³⁾, ѣздилъ къ Родзевичу, ко-

¹⁾ Отъ Подгороденскаго и Лепковского.

²⁾ Къ Будзинской.

³⁾ Всѣ эти дѣйствія Мошковскаго, а равно участники и сообщники обнаружены въ Кіевской Комисіи.

торый былъ пунктомъ соединенія съ Литвой, у котораго до послѣдняго времени было главное мѣстопробываніе Канарскаго, который возилъ его по своей Литвѣ и который (увы! нельзя забыть того) всѣ услуги свои погубилъ и уничтожилъ во время своего заключенія¹⁾.

Родзевичъ былъ человѣкъ малыхъ способностей, но хорошо понимающій дѣло, искренній, совершенно преданный обществу и Канарскому, у котораго былъ въ полномъ повиновеніи, готовый на всякія жертвы и, какъ говорятъ, не жалѣлъ себя. Кромѣ того, что онъ служилъ Канарскому самъ и своимъ достояніемъ, онъ дѣлалъ еще иныя пожертвованія. Доказательствомъ забвенія себя и желанія его помочь несчастнымъ есть то, что онъ далъ пристанище двумъ скитальцамъ, которыхъ нѣсколько-лѣтнія приключенія, если бы были описаны со всѣми подробностями, можно бы счесть за вымыселъ. Намекну о томъ въ нѣсколькихъ словахъ. Послѣ упадка Литовскихъ возстаній, въ разныхъ мѣстахъ, по дебрямъ скрывались незначительные вооруженные отряды, которые не могли понять, какимъ образомъ война эта имѣла столь печальное окончаніе. Наступила зима 1831 года, все уже было кончено, и бѣлый орелъ нигдѣ въ родной землѣ не имѣлъ пристанища; но отряды, безпрестанно уменьшавшіеся, не теряли еще бодрости и надежды и хотя въ послѣдствіи увѣрились уже, что война кончилась, однакожъ страхъ наказанія и ожиданіе минуты возобновленія оной (и кто изъ нихъ въ то время не ожидалъ этого?) удерживали ихъ въ болотахъ и лѣсахъ даже и безъ оружія. Многихъ, пойманныхъ изъ нихъ, постигъ ужасный жребій; но положеніе тѣхъ, которые не попались еще въ руки врага, не было лучшее: изгнанные изъ родныхъ пепелищъ, даже отъ своихъ близкихъ, безъ крова, одежды, пищи подъ открытымъ небомъ, проводили они лѣто и зиму. Имѣя дебри и воды вмѣсто ограды, ямы вмѣсто жилищъ, корни и лѣсные овощи вмѣсто пищи, средь дикихъ звѣрей дичали сами.

Наконецъ, ихъ осталось только трое. Послѣ двое: Янушкевичъ²⁾, а другой не знаю какъ прозывался³⁾, переходили съ мѣста на мѣсто,

¹⁾ Намекаетъ на открытія, сдѣланныя Родзевичемъ въ своихъ сознаніяхъ.

²⁾ По дѣлу видно Юшкевичъ.

³⁾ О сихъ двухъ злоумышленникахъ производится розысканіе. О Юшкевичѣ Кіевская Комиссія открыла, что послѣ побѣга изъ Лисова, гдѣ дѣлалъ обыскъ чиновникъ Минскаго гражданскаго губернатора Богдановичъ съ Луцкимъ исправникомъ (отъ должности давно уже уволенный), Юшкевичъ жилъ подъ именемъ Лукаша Гуменнаго, по паспорту изъ Пинскаго казначейства, на имя одного изъ людей Родзевича. Сестрою сего послѣдняго. Терезою Родзевичъ, былъ тайно отвезенъ къ Былевскому въ с. Рафайловку, оттуда привезенъ Юліею Соколовскою къ брату ея Ивану въ Зеленицу,

изъ пустыни въ пустыню, держась уѣздовъ Кобринскаго и Пинскаго. Весною перебирались они на острова, кормились рыбами, зимою возвращались въ лѣса. къ ямамъ, гдѣ въ величайшей нуждѣ проводили плачевные дни, прося у Бога смерти; иногда ночью выходили въ ближнія деревни, открывались крестьянамъ и получали отъ нихъ пищу: иногда заходили украдкой и въ дома давнихъ своихъ знакомыхъ, или къ тѣмъ, отъ коихъ надѣялись себѣ помощи, получали отъ нихъ провизію и деньги и въ деревняхъ, въ крестьянскомъ платьѣ, которое было обыкновенною ихъ одеждою, покупали хлѣбъ и другія необходимыя вещи. 1833 годъ сдѣлалъ судьбу ихъ еще тягостнѣе. Частыя облавы Гверильясовъ угрожали имъ опасностію. Такъ прожили они и протрадали до 1835 года, въ которомъ Родзевичъ принялъ ихъ къ себѣ. Янушкевичъ въ Лисовѣ исполнялъ должность гугеннаго, другой батрака, тогда какъ полиція усиленно ихъ отыскивала и облавы дѣлать не переставала. Укрывательство такихъ людей, которые извѣстны и легко могли быть обнаружены, доказываетъ великое самоотверженіе для пособія ближнимъ.

Возвращаясь къ обществу и Канарскому. Изъ Лисова Канарскій съ Родзевичемъ въ Сентябрѣ поѣхали въ Литву и Вильну¹⁾; въ нашихъ же провинціяхъ общество болѣе и болѣе пріобрѣтало сотрудниковъ, и прилагаемо было стараніе сдѣлать изъ ксендзовъ поборниковъ нашихъ правилъ и помощниковъ въ нашихъ предпріятіяхъ. Должно признаться, они намъ сильно помогали. Уже показывались и плоды этого, особенно въ тѣхъ окрестностяхъ, гдѣ поселяне католическаго или уническаго исповѣданія. Мошковскій, по представленію ксендза Нарцижи Яржины²⁾, пробоща въ Локагахъ, принялъ въ Луцкѣ ксендза Карла Гаасса³⁾. вице-регента Луцкой семинаріи и бывшихъ въ распоряженіи его молодыхъ людей поручилъ его попеченіямъ, что онъ исполнялъ исправно и распространилъ общество въ семинаріи⁴⁾, на

потомъ въ с. Казимировку къ ксендзу Яржинѣ, отсюда перевезенъ къ Леопольду Яржинѣ въ Владимирскій уѣздъ, и наконецъ сей послѣдній отвезъ его до Кременца; тамъ переданъ былъ дворянину Ильницкому, который перевезъ его Подольской губерніи въ имѣніе Старорипинскаго. О дальнѣйшемъ преслѣдованіи Юшкевича сдѣланы строжайшія распоряженія.

¹⁾ Всѣ переѣзды эмиссара показаны здѣсь совершенно согласно съ открытіями, сдѣланными въ Кіевской Коммиссіи, кромѣ многихъ еще подробностей, о коихъ здѣсь еще не упоминается.

²⁾ Яржина пріятель былъ самимъ Канарскимъ; сознался въ Кіевской Коммиссіи.

³⁾ Карлъ Гаассъ давно арестованъ въ Кіевѣ, но, не смотря на убѣжденія Коммиссіи и улики, упорствуетъ въ сознаніи съ необычайнымъ ожесточеніемъ.

⁴⁾ Приняты въ общество изъ семинаріи Соковичъ и Мрозовскій, сознавшіеся въ Кіевской Коммиссіи.

глазахъ работѣннаго служителя престола, епископа Пивницкаго. За то духовенство наше приносить теперь много жертвъ. Мошковскій принялъ Сигизмунда Прушинскаго, Діонисія Огородзинскаго, Яна Залѣнскаго; Лепковскій Александра Опольскаго¹⁾. Въ Подолію прибылъ Андріянъ Бинкевичъ и Адамъ Дзержекъ²⁾, на Украинѣ число членовъ также умножилось. Нѣтъ надобности называть лицъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время вступившихъ въ общество. Истина требуетъ только сказать, что, не говоря вообще, но большею частью, тѣ, которыхъ принималъ Канарскій по собственному произволу, принадлежали къ числу хорошихъ; а межъ тѣми, коихъ сами туземцы принимали или представляли, большею частью была разборчивость. Но это весьма натурально, потому что мы сами себя лучше знали. Впрочемъ надо терпѣть и прочихъ. Сами мы виноваты, не должно было позволять гостю такъ хозяйничать; но очарованіе, какимъ увлекалъ эмигрантъ, этотъ представитель драгоцѣннѣйшей части народа, такъ сказать, оглушило многихъ, держало ихъ въ какомъ-то очарованіи и совершенно отняло у нихъ волю.

Зимою Канарскій снова вернулся на Волынь и путемъ, который былъ уже для него открытъ, пробрался въ Подолію³⁾, а оттуда въ Украину, въ Генварѣ 1837 года къ Игнатію Копчинскому⁴⁾, но не показывался Креховецкому и Сарнецкому; во первыхъ потому, что не дозволяло условіе, во вторыхъ, что до сихъ поръ не имѣлъ отъ Гоцинскаго отвѣта, который обѣщался такъ скоро доставить Украинцамъ. Онъ пригласилъ къ себѣ бывшаго въ близи Мошковскаго⁵⁾ и чрезъ него обѣщалъ, что Гоцинскій самъ будетъ чрезъ шесть недѣль. и снова тѣмъ же путемъ возвратился въ Литву, а мѣсяца чрезъ два опять пріѣхалъ въ Подолію. Эти разъѣзды его не приносили никакой пользы, а дѣлали только пребываніе его въ краѣ болѣе гласнымъ. Сверхъ того Канарскій, пріѣхавъ напримѣръ изъ Литвы въ Волынь, имѣлъ привычку говорить: какъ тамъ хорошо идетъ! Тоже повторялъ, возвратившись изъ Подоліи въ Украину. думая, что этимъ ничтожнымъ способомъ можно болѣе пріохотить; имена лицъ и ихъ отношенія вѣрялъ всякому, потому-то одни о другихъ столько знали, изъ чего воз-

¹⁾ Кромѣ Опольскаго всѣ помянутыя лица сознались въ Кіевской Коммисіи; Опольскій же, хотя арестованъ въ Декабрѣ, но въ сознаніи еще упорствуетъ. Опольскій сознался, что былъ секретаремъ Новоградволынскаго уѣзда.

²⁾ Оба сознались въ Кіевской Коммисіи.

³⁾ Къ Михальскимъ.

⁴⁾ Арестованъ, но еще не сознался совершенно.

⁵⁾ Мошковскій жилъ въ Таращанскомъ уѣздѣ у Тарновецкаго, въ недалекомъ разстояніи отъ Копчинскаго. Тарновецкій также арестованъ.

никло много зла и прежде, и послѣ. Когда его не было въ какой сторонѣ, то навѣрное недѣли чрезъ двѣ, посредствомъ коммуникаціонной линіи, были въ пересылкѣ¹⁾ отъ него письма къ кому нибудь, большею частію пустыя. Все дѣлало только ненужное движеніе, и то, что долженствовало быть скрыто въ величайшей тайнѣ, почти дѣлалось явно. За подобными переѣздами Канарскаго и открытіемъ себя тамъ, гдѣ не было надобности, слѣдовали неосообразные поступки прочихъ членовъ. Далѣе Канарскій не забывалъ хвалить и порицать однихъ предъ другими, преувеличивая то и другое. Первое открывало дѣйствія однихъ предъ другими, послѣднее не исправляло, но поселяло отвращеніе и несогласіе. Желаніе его въ семъ случаѣ было владѣть мнѣніями, возвышая однихъ и унижая другихъ, какъ это дѣлается въ администраціи. И такимъ образомъ то, что родилось тамъ изъ неотвратимой необходимости, онъ вводилъ здѣсь по недостатку проницательности, незнанію людей и мѣстности. Между братьями рождались споры и несогласія, вмѣсто того, чтобы связывала ихъ братская любовь и чтобы они служили примѣромъ согласія и единства.

Канарскій, сначала не желавшій копѣйки, сталъ потомъ домогаться денегъ; но тотъ бы поступилъ несправедливо, кто сказалъ бы, что онъ желалъ имѣть ихъ для себя, а не для дѣла, какъ только средство для способствованія оному. Однакожъ трудно было требовать денегъ отъ насъ, когда мы ихъ не имѣли. Въ обществѣ находились люди бѣдные; дѣлали складчины²⁾, исполняли ими потребности по обществу, да и Канарскій никогда не оставался безъ денегъ: онъ всегда имѣлъ ихъ больше, нежели каждый изъ членовъ. Однакожъ мы не были въ состояніи собрать для него значительную сумму. Во время послѣдней бытности своей въ Подоліи³⁾, онъ ѣздилъ къ Сарницкому и Креховскому и вытребовалъ у нихъ 1000 червонцевъ⁴⁾. Они сказали, что не имѣютъ; онъ сталъ бранить ихъ за бездѣйствіе. Тѣ напомнили ему условіе, съ коимъ приняли его уставъ и сверхъ того то, что онъ не сдержалъ обѣщанія, прежде на счетъ письма, а потомъ на счетъ прибытія Гоцинскаго. Изъ сего возникли споры; онъ стращалъ ихъ Гонтою⁵⁾; онъ часто, въ особенности въ началѣ пугалъ этимъ губи-

¹⁾ Чрезъ Ржонжевскихъ, Уминскаго, Фелинскую, Бопрѣ, Пинскаго и Михальскихъ.

²⁾ Въ Волинѣ каждый членъ по 3 руб. сер., въ Подоліи по злоту съ души.

³⁾ Весною нынѣшняго года.

⁴⁾ Креховецкій сознался въ этомъ.

⁵⁾ Въ 1776 году, когда Умань, принадлежавшая старостѣ Феликсу Потоцкому, была осаждена Гайдамаками, остатками Запорожцевъ, то Потоцкій послалъ противу нихъ Гонтю на помощь осажденнымъ. Гонта, какъ козакъ и Греко-россійскаго исповѣ-

тельствѣ, желая понудить шляхту или дворянство къ дѣятельности. Сверхъ того была одна важная причина, по которой Креховецкій и Канарскій не могли сносить другъ друга, что имѣло сильное вліяніе на судьбу Украинскаго союза. Креховецкій ревностный католикъ, Канарскій былъ напитанъ началами атеизма; Креховецкій въ религію вѣрилъ, Канарскій умствовалъ, отъ чего между ними никогда не могло быть согласія. Слова Канарскаго были мертвы для Креховецкаго; отсюда произошло раздѣленіе съ Украинцами, и когда еще слышали отъ него, что онъ хладнокровно совершилъ бы убійство, если бы оно доставило ему большую сумму для братьевъ-скитальцевъ и для поддержанія дѣйствій общества, то эти безумныя слова, хотя проистекавшія отъ преданности своему дѣлу, лишили его совершенно всякаго уваженія у Креховецкаго и у многихъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ они обезчестили апостолическія уста, какое поношеніе наносили священному нашему дѣлу, какъ будто для него необходимы были средства недостойныя! Онъ и не думалъ, что и огромнѣйшія суммы не въ состояніи наградить вреда, причиненнаго дѣлу этимъ выраженіемъ, оскверненіемъ намѣренія. Даже ревностные его послѣдователи умолкли бы! Нашлись однакожъ иные сговорчивѣе къ прощенію, которые, видя всегда въ Канарскомъ искреннее желаніе служить краю, старались защищать его и снова водворить согласіе между враждовавшими; но это было уже невозможно; вышло только то, что тамъ, гдѣ прежде съ сердцемъ, проникнутымъ чистою любовью къ Польшѣ, совѣщались о способахъ къ ея спасенію, взаимно изливали сладостныя чувства, разбирали дѣянія временъ прошедшихъ и поучались ими, стали говорить о Канарскомъ, обвиняли и защищали его и наконецъ спрашивали: что съ нимъ дѣлать?

Но и Канарскій, дѣлая упреки Украинцамъ, имѣлъ ту справедливую причину, что главнѣйшіе дѣйствователи въ Украинѣ были люди вообще уважаемые, имѣли обширныя связи, могли имѣть вліяніе на людей сильныхъ и помогать нуждамъ общества, однакожъ сего не дѣлали собственно по равнодушію къ Канарскому.

За всѣмъ тѣмъ воспламенялся духъ, который будущимъ поколѣніямъ могъ обѣщать сильную жатву. Молодые люди усердствовали и

данія, вмѣсто помощи, соединились съ Гайдамаками, взяли Умань, вырѣзавъ всѣхъ католиковъ и Жидовъ, повѣсилъ между прочимъ на одной висѣльницѣ ксендза, Жиду и собаку, дѣтей побросавъ въ колодезь. Послѣ многихъ подобныхъ неистовствъ, продолжавшихся въ 1777 и 1778 годахъ, Гонта съ шайкою Гайдамаковъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ Поляками. Гонта былъ начальникъ надворныхъ козаковъ Потоцкаго.

не на однихъ только словахъ во многихъ мѣстахъ перемѣнили образъ обращенія съ крестьянами, и ложныя мнѣнія уступали мѣсто здоровымъ, спасительнымъ началамъ.

Мошковскій весною 1837 г. совершилъ снова объѣздъ Волыни, порученія земскаго секретаря передалъ секретарямъ обводовымъ, развозилъ сочиненія и книги, принималъ въ общество.

Въ началѣ этаго года Родзевичъ съ другимъ кѣмъ-то принялъ нѣкотораго Рапцевича¹⁾, жительствовавшаго въ Варшавѣ, который тамъ основалъ ли общество или соединился съ прежде существовавшимъ, не знаемъ; но, не смотря на то, что мы имѣли и посредствомъ другаго пункта соприкосновеніе съ обществомъ въ Царствѣ²⁾, ничего однакожь болѣе объ этой части Польши сказать не умѣю.

Со свойственною откровенностію, въ служеніи отечественному дѣлу, Литва распространяла Союзъ во всѣхъ своихъ губерніяхъ. Имена Ромеровъ, Курженецкаго, Ивана и Наполеона Еленскихъ, Оржешки, Булгака, двухъ Радзеевскихъ, Шумскаго, Казакевича и многихъ другихъ, сдѣлала мнѣ извѣстными теперь ужасная катастрофа³⁾; но эти имена очень и очень малая частица жертвъ, которыя нынѣ приносятъ Литва. Ничего не знаю изъ ея подробностей; но, кажется, Литва превзошла въ усердіи всѣ другія провинціи.

Въ Вильнѣ было общество тамошнихъ академиковъ подъ названіемъ Юной Польши. Основателемъ и секретаремъ его былъ Савичъ⁴⁾, юноша способный, усердный, совершенно преданный обществу, пользовавшійся въ обществѣ любовью и уваженіемъ товарищей. Общество это имѣло хорошую организацію, порядочно было устроено и стараніями Савича обширно распространено. Въ эту минуту, въ которую пишу, уже тридцать изъ этихъ превосходныхъ людей въ когтяхъ тирана. Очень много принадлежало казеннокоштныхъ медиковъ, которые, окончивъ курсъ ученія, разосланы были въ полки. Какія неизчислимые выгоды для дѣла Польши и человѣчества⁵⁾! Въ Кіевѣ также между студентами сообщество шло быстрыми шагами и также уже тридцать изъ нихъ стонетъ въ казематахъ. Юношество Польское, это неоцѣненное юношество, всегда самое пылкое въ служеніи отчизнѣ вѣрою и

¹⁾ Арестованъ и сознался въ Варшавѣ.

²⁾ Черезъ Коссаковскаго, сознавагоса въ Кіевской Коммисіи.

³⁾ Всѣ помянутыя лица арестованы въ Вильнѣ.

⁴⁾ Арестованъ въ Вильнѣ.

⁵⁾ Замѣчательно усиленіе числа медиковъ изъ Поляковъ въ полкахъ, особенно когда общество въ главномъ представителѣ своемъ Мошковскомъ считало на нихъ и когда Виленская Академія, откуда они выходятъ, имѣла такія начала.

правдою, предано было Союзу, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Кіевѣ, съ примѣрнымъ для старшихъ самоотверженіемъ. Ихъ-то стараніями изъ подъ стараго черепа возрождалась юная Польша. Въ Дерптѣ также существовало общество академиковъ. И одинаковая судьба всѣхъ постигла¹⁾. Нельзя вспомнить объ этихъ трехъ отдѣленіяхъ общества безъ величайшаго соболѣзнованія, когда разразился надъ ними громъ, исчезла прекраснѣйшая и вѣрнѣйшая надежда края. Въ 1837 году одинъ изъ принадлежавшихъ къ союзу Кіевскихъ студентовъ Буяльскій²⁾, юноша съ сильною душою, и съ немалыми дарованіями, за найденныя случайно у другаго товарища запрещенныя книги, отправился въ Кавказскія степи; а другой Гордонъ³⁾, спасся бѣгствомъ. Всѣ эти отдѣленія Союза соединялись между собою нравственно и матеріально; ибо они имѣли и одинаковыя основанія и соприкасались съ собой въ извѣстныхъ пунктахъ чрезъ лицъ⁴⁾. Дѣло росло быстро, и кто знаетъ, какой бы силы могло достигнуть! Недоброжелатели и глупцы будутъ судить насъ по своему сердцу и по своей головѣ. Пусть судятъ! Намъ все равно. Мы знаемъ что было и что еще могло быть; нынѣ мы, пища свирѣпости деспота, не надъ собой, но надъ прахомъ зданія. руками нашими воздвигнутаго, проливаемъ слезы. О, несчастная Польша!

Въ эту весну Мошковскій сблизился съ У.....⁵⁾ котораго любовь къ отечеству и благородные порывы сердца были ему хорошо извѣстны. Это бывшій адъютантъ Карла Ружицкаго⁶⁾, молодой человекъ съ пламенными чувствами и немалыми природными способностями. при томъ чрезвычайно общежительный и, какъ говорится, имѣлъ душу козацкую. Конь, бурка, степь, труды, невыгоды и наши народныя пѣсни—вотъ его стихія. Онъ отлично зналъ крестьянское нарѣчіе, ихъ

¹⁾ Изъ числа Дерптскихъ академиковъ извѣстно мнѣ одно только имя Болинскаго, который замученъ во время слѣдствія въ Вильнѣ, для открытія пункта соприкосновенія и сношеній Дерптскаго общества съ Виленскимъ.

²⁾ Вхѣстѣ съ Богдановичемъ въ Октябрѣ 1837 г. разжалованъ въ солдаты въ Оренбургскій корпусъ, за найденные у нихъ возмутительные стихи.

³⁾ Гордонъ бѣжалъ не потому, что нашли стихи, а изъ страха открытія существованія общества чрезъ записку, которую послалъ къ Буяльскому и Богдановичу. Гордонъ, по сдѣланнымъ въ Кіевской Коммисіи открытіямъ, скрывается въ Молдавію, и объ отысканіи его сдѣлано распоряженіе.

⁴⁾ Чрезъ студента Маціевскаго съ обществомъ въ Литовскихъ губерніяхъ, чрезъ Боровскаго съ обществомъ на Волынѣ.

⁵⁾ Шимкевичемъ.

⁶⁾ Начальникъ шайки Волынскихъ бунтовщиковъ, во время мятежа находится за границею.

пѣсни, ихъ присказки, ихъ образъ жизни, обычаи и любилъ это. Въ его характерѣ много было самостоятельности. Сверхъ того доступный, дружественный, привлекалъ къ себѣ всѣхъ; въ особенности умѣлъ пріобрѣтать привязанность молодыхъ людей и между ними первенствовалъ. Онъ былъ вождемъ во всѣхъ собраніяхъ, на охотѣ, ярмаркахъ, конскихъ скачкахъ. Куда ни ступилъ онъ, толпа его окружала; что дѣлалъ—всѣ ему подражали; чего желалъ онъ—мигомъ исполнялось. Его манеры, нарядъ, образъ жизни, все перенимали молодые люди. Онъ-то частію создалъ эту молодежь, которая появилась въ послѣдніе годы, о которой столько ходило рассказовъ, столько сдѣлано сужденій, которая по временамъ буйная, шаловливая, но при взглядѣ на которую болѣе проницательнымъ глазомъ можно было высмотрѣть то, что, кажется, не было слѣдствіемъ мысли, но что предчувствовала, отгадала она юношескимъ, никогда не ошибающимся, инстинктомъ. Что было въ этомъ нарѣчій и пѣсняхъ Русскаго племени, столь къ нему близкаго, если не предчувствіе необходимости слиться нѣкогда съ народомъ въ одно тѣло и не признаніе того, что мы первые къ этому соединенію должны сдѣлать шагъ? Что выражала эта смѣлая, піитическая, рыцарская, свободная осанка, на которую изнѣженный молокососъ не могъ взглянуть не краснѣя, какъ не объявленіе войны всякимъ свѣтскимъ формамъ? Что было въ ихъ жизни, не въ подушкахъ, но на конѣ проводимой, какъ не предчувствіе, что наши домъ нужно обратить въ лагери? Соединеніемъ съ У. дѣло наше много бы выиграло, много симъ прибавлялось.

Столь долгое время пребываніе Канарскаго въ краѣ и потому уже было невыгодно, что родило опасеніе, которое нѣкоторымъ образомъ связывало шаги туземцевъ, въ то время когда мы, бывъ одни, могли смѣло дѣйствовать, не боясь на себя обратить подозрѣніе правительства, могли бы соединяться, сообщаться, распространять общество и почти ни откуда не имѣть препятствій. Когда, напротивъ того, правительство со времени прибытія въ край Канарскаго, вѣдая о томъ*), бдительно смотрѣло и едва могло истолковать себѣ неловкость полиціи, что при столь чинномъ и продолжительномъ его пребываніи, при такомъ, какъ было, движеніи, онъ могъ такъ долго оставаться дѣй-

*) О нахожденіи въ краѣ Канарскаго не было никакихъ свѣдѣній: равно не подозрѣвалось даже существованіе тайнаго общества, кромѣ того, что объ университетскомъ обществѣ въ недавнее время предъ помкомъ Канарскаго доходили неясныя свѣдѣнія и, на сборъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщиковъ, а равно на съѣзды по ярмаркамъ было обращено особенное вниманіе, вслѣдствіе подозрѣній, что между Поляками что-то скрывается.

ствовать. Нельзя однакожъ не сказать, что человекъ этотъ всею душою былъ преданъ дѣлу, дѣятеленъ, неутомимъ, ревностенъ; что если бы всѣ ему были въ этомъ подобны?

Въ Маѣ онъ ѣздилъ къ Мигурскимъ¹⁾ въ Одессу, видѣлся съ Леопольдомъ Немѣровскимъ,²⁾ не давно тамъ поселившимся, вошелъ въ знакомство съ книгопродавцемъ³⁾ купилъ книгъ на 100 чер., заказалъ болѣе, купленные привезъ. Одесса со временемъ могла бы сдѣлаться важнымъ для насъ пунктомъ. Лѣтомъ воротился въ Лисово, ѣздилъ оттуда въ Литву, а осенью въ Ноябрь прибылъ снова въ Подолію въ Брацлавскій уѣздъ, въ Вильгельму Михальскому въ Кордышевку, у котораго проживалъ часто и долго, ибо сердце его горѣло не одною любовью къ отечеству: любилъ Емилию Михальскую, молодую дѣвушку, сестру Вильгельма⁴⁾. Вильгельмъ Михальскій, сверхъ прочаго, тутъ для общества дѣлалъ услугу, что чрезъ посредство отца жены своей Петра Копчинскаго⁵⁾, находившагося въ Брюсселѣ, поддерживалъ сообщеніе съ эмиграціею. Можно тогда было имѣть вѣрное свѣдѣніе о томъ, что тамъ дѣлалось и что такъ сильно насъ интересовало. Равнымъ образомъ и эмиграція симъ способомъ была извѣщаема о существующемъ въ краѣ сообществѣ. Когда нѣкоторые, въ особенности изъ Украинцевъ, настаивали, чтобъ объяснить, кто такой былъ этотъ Янушъ, то Вильгельмъ Михальскій писалъ къ Лелевелю⁶⁾, извѣстному въ нашемъ Союзѣ подъ именемъ Лелека, отъ коего получали мы иногда письма, извѣщавшія насъ о движеніяхъ въ эмиграціи и перемѣнахъ, каковымъ въ разное время различныя подвергались партіи, и спрашивалъ о Канарскомъ. Лелевель отвѣчалъ ему похвалами, чѣмъ усилилъ къ нему довѣріе въ краѣ. Мы получали письма и Карла Гужицкаго. О какъ много цѣны и вѣсу имѣло для насъ всякое отсюда слово, особенно отъ такихъ людей! Этихъ-то двухъ человекъ союзъ нашъ, особенно въ провинціяхъ Русскихъ, почиталъ какъ-бы своими невидимыми начальниками; Лелевеля, какъ представителя нашихъ мнѣній, какъ того, съ кѣмъ согласовались мы въ выборѣ условій, на коихъ желаемъ утвердить существованіе нашего края, который представлялъ собою такой прекрасный примѣръ добродѣтельной домашней жизни,

¹⁾ Сознался въ Кіевской Секретной Коммисіи.

²⁾ Сознался въ принадлежаніи къ обществу въ той же коммисіи.

³⁾ Съ какимъ книгопродавцемъ входилъ въ сношеніе Канарскій, дѣлается мѣстное розысканіе.

⁴⁾ Емилиа Михальская арестована, созналась въ любви къ Канарскому.

⁵⁾ Участвовалъ въ мятежѣ и ушелъ за границу.

⁶⁾ Вильгельмъ Михальскій, хотя упоминается въ сношеніяхъ съ Лелевелемъ многими показаніями, но самъ еще не сознался.

въ бытность его у насъ и столько доблестей самоотреченія, добровольной нищеты въ изгнаніи; и Рожицкаго, какъ единственнаго человѣка, къ которому изъ числа всѣхъ, поколебавшихся въ краѣ и въ эмиграціи знаменитостей, общее уваженіе ни въ чемъ не было наруσιμο, къ которому всѣ питають любовь, уваженіе и неограниченную довѣренность, столько ему принадлежащія, на голосъ коего все, что живетъ въ этихъ провинціяхъ Польскаго, кинулось бы къ оружію¹⁾.

Въ краѣ получались чрезъ Одессу²⁾ и чрезъ Галицію³⁾ разныя книги и періодическія сочиненія, издаваемые въ эмиграціи. При всѣхъ достоинствахъ этихъ сочиненій, объяснявшихъ происшествія, случившіяся въ 1831 году, показывавшихъ причины безуспѣшности ихъ, указывавшихъ какого держаться способа, если бы снова возгорѣлась борьба, имѣли они тотъ важный недостатокъ, что, опираясь на Французскіе журналы и проникаясь духомъ, господствовавшимъ у народа, у котораго эмиграція нашла пристанище, позабыли то, что оставили въ своей землѣ, къ чему были приготовлены и способны жители, мысли свои сдѣлали чрезъ-чуръ идеальными и въ своей сторонѣ давали нѣкоторыя преобразованія, не обращая вниманія на то, что это не согласовалось еще ни съ нуждами, ни съ понятіями. Это-то заставило Бопрѣ, Волинскаго секретаря, человѣка, знакомаго и съ нашимъ прошедшимъ и съ свойствомъ и нуждами народа, приняться за изданіе повременнаго сочиненія подъ названіемъ: Другъ истины⁴⁾. Четыре довольно большіе номера вышли и пущены въ провинціи, первый объ аристократіи, 2-й о демократіи, 3 и 4-й шляхта и народъ. Сочиненіе это, стараясь выказать пустословіе названій двухъ противныхъ партій, стремилось къ цѣлостному сліянію народа и, устраняя космополитизмъ, проявляющійся нынѣ во многихъ сочиненіяхъ Западной Европы, какъ вредный для отдѣльныхъ народностей, въ особенности тѣхъ, которыя упали и желаютъ возстать, указывало на эту народность, какъ на главнѣйшую цѣль, которой достигать подлежало. Постигая, что столь великое предпріятіе свергнуть наше иго не можетъ обойтись безъ содѣй-

¹⁾ Рожицкій, какъ изъяснено выше, былъ начальникомъ шайки на Волини: онъ долженъ былъ соединиться съ Дворницкимъ во время его отторженія на Волини; но скорое бѣгство Дворницкаго въ томъ ему воспрепятствовало. Въ эмиграціи за это онъ поссорился съ Дворницкимъ и по послѣднимъ свѣдѣніямъ начальствуетъ во Франціи новымъ образовавшимся между эмигрантами обществомъ.

²⁾ Чрезъ кого, еще неизвѣстно; падаетъ подозрѣніе на Яловецкаго, находящагося подъ арестомъ въ Кіевѣ.

³⁾ Чрезъ Кульчицкаго и Лисецкаго.

⁴⁾ Бопрѣ сознался въ Кіевской Коммисіи въ томъ, что дѣйствительно онъ писалъ эти сочиненія, которыя были розданы нѣкоторымъ членамъ Союза.

ствія народа, оно представляло въ трогательныхъ, убѣдительныхъ словахъ, что народъ этотъ въ самой большой части провинцій нашихъ отъ безпрерывнаго притѣсненія и невѣжества находящійся въ совершенномъ усыпленіи, заслуживаетъ лучшей участи, заслуживаетъ возстановленія его въ правахъ человѣка и довѣренности, которую легко приобрѣсть другимъ и совершенно противоположнымъ съ настоящимъ обхожденіемъ. Для сего сочиненіе это сперва говорило о другихъ партіяхъ, а потомъ представляло общее состояніе народа, въ особенности поселянъ и вины противу нихъ владѣльцевъ; изображало все это не въ преувеличенныхъ, не въ натянутыхъ картинахъ, но истинными и живыми красками. Большая потеря для Польши, для человѣчества, что сочиненіе это, какъ списываемое, не легко расходилось въ краѣ. Еслибы не такой конецъ, сочиненіе это продолжало-бы быть поученіемъ. Кромѣ сего изъ подъ пера Бопре вышли брошюры о возможности и пользѣ веденія у насъ партизанской войны, и съ этой цѣлю усиленно требовалъ онъ отъ членовъ составленія статистическаго описанія мѣстностей, и разослалъ обводовымъ секретаремъ форму съ наименованіемъ, что и какъ описывать должно, переводилъ также изъ Шиллера Отпаданіе Нидермандовъ; равно отрывки изъ сочиненій о войнѣ Гверильясовъ въ Испаніи, о войнѣ Вандейцевъ для того, чтобы ознакомить народъ съ этимъ родомъ войны. Если бы осуществлялся проэктъ устройства въ краѣ типографіи, еслибы не этотъ страшный ударъ, мы бы наводнили страну и перепечатанными и полезными эмиграціонными сочиненіями и выходившими здѣсь; какія изъ сего были бы выгоды, говорить не нужно.

Препятствія, замедлившія распространеніе общества и усвоеніе оному нѣкоторой твердости и силы, были неисчислимы. Одни происходили изъ нашего прошедшаго, какъ то отъ несбывшейся столько разъ надежды и за тѣмъ отъ нѣ котораго упадка духа и родившагося убѣжденія въ невозможности дѣйствовать, отъ несчастнаго конца прежнихъ обществъ и всегдашняго опасенія входить въ новыя. Другія заключались въ правилахъ, чуждыхъ народу, проникнутому иными мнѣніями и въ невозможности, въ скоромъ времени, возбудить вѣрованіе, котораго Союзъ требовалъ; ибо не такъ-то легко одно уничтожить и замѣнить другимъ. Сверхъ сего, правила эти противны интересу многихъ, т. е. людей, владѣющихъ имѣніями, которые изъ сихъ послѣднихъ нескоро къ намъ приставали, отъ чего подвергались насмѣшкамъ, а затѣмъ явилась даже какая-то тѣнь раскола между членами. Но все это однакожъ вліяніемъ Союза мало по малу могло бы уничтожиться. Еще препятствія происходили частію изъ обстоятельствъ, коихъ Союзъ не былъ въ возможности уничтожить съ перваго раза, частію изъ са-

мага Союза, какъ то: недостатка матеріальныхъ средствъ, несовершенства организациі и самаго Канарскаго, который, по вышеупомянутымъ причинамъ, возростилъ въ обществѣ вредныя начала, который своимъ пребываніемъ подвергалъ страну, въ особенности Союзъ, опасности и удару, наконецъ надъ нами разразившемуся. Именно по сему-то многіе чувствовали эту опасность пребыванія эмисара, нѣкоторые давали это сильно ему понять. Онъ обѣщалъ нѣсколько разъ выѣхать, но медлилъ, находилъ извиненія и оставался.

Дабы отклонить эти препятствія, отъ коихъ избавиться или по крайней мѣрѣ умалить оныя зависѣло отъ насъ самихъ, одинъ изъ членовъ¹⁾ предложилъ мысль о сѣздѣ, мысль, которую раздѣлялъ каждый изъ участвовавшихъ ближе въ дѣлахъ Союза, дабы взаимно переговорить и посовѣтываться объ всемъ, что могло бы касаться и самаго Союза, и лица²⁾, бывшаго доселѣ главнѣйшимъ дѣятелемъ онаго. Въ слѣдствіе сего сошлись въ Кіевѣ во время контрактовъ 1838 г., въ квартирѣ Генриха Тауба³⁾: изъ Волыни Мошковскій и Сигизмундъ Прушинскій⁴⁾, изъ Украйны Креховецкій и Сарнецкій⁵⁾, изъ Подолія Людвигъ Янушевскій⁶⁾. (Другой назначенный Яцковскій⁷⁾ не явился). Но прибывшіе къ этому совѣщанію не были, такъ сказать, приготовлены. Больше всего говорено было о томъ, какъ сбыть Канарскаго, потому что это болѣе всего тяготило, о вредѣ, проистекающемъ отъ его пребыванія и о томъ, нуженъ ли былъ онъ, если не онъ, то иной какой эмигрантъ, и сознались, что ни онъ, ни другой какой либо эмигрантъ, тѣмъ болѣе намъ неизвѣстный, не нуженъ. Ибо Канарскій, узнавъ о предположенномъ въ Кіевѣ совѣщаніи, предлагалъ, если не желаютъ его, то приняли бы другого, не упоминая кого. Трудно было согласиться съ тѣмъ, чтобы кто либо неизвѣстный прибылъ и, какъ желалъ Канарскій, былъ свидѣтелемъ и руководителемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій. Предпочитали лучше самимъ нести всю тягость и, что всего лучше, назначить денежную складку на выѣздъ Канарскаго. Говорили о надобности замѣнить инымъ чѣмъ существовавшій только въ наименованіи главный сборъ; разсуждали о централизациі или сосредоточеніи власти. Мнѣнія были различны; но привести это въ испол-

¹⁾ Кто таковъ этотъ былъ членъ, производится розысканіе.

²⁾ Канарскаго.

³⁾ Арестованъ, но обнаруживаетъ крайнее упорство въ сознаніи.

⁴⁾ Прушинскій сознался и первый открылъ Коммисіи о семъ сѣздѣ.

⁵⁾ Также сознались.

⁶⁾ Сознался и обнаружилъ другихъ депутатовъ, бывшихъ съ нимъ на сѣздѣ.

⁷⁾ Еще не сознался въ принадлежности къ Обществу.

неніе было невозможно, потому во первыхъ, что этого сосредоточенія не позволяетъ мѣстность; во вторыхъ, власть не имѣетъ никакой силы въ Союзѣ чисто-моральномъ, гдѣ исполненіе требованій ея зависитъ только отъ доброй воли исполнителей: въ тѣлѣ, соединенномъ нравственно, власть ничтожна, потому что она требуетъ орудій и силы матеріальной къ своему поддержанію, употребленіе же ихъ могло бы тотчасъ разстроить слабыя связи, единственно на доброй волѣ основанныя. И такъ надобно было прежде всего укрѣпить узы, указать что надо было дѣлать, что есть, что быть должно. Надобно было изобразить картину того, что есть и что можетъ быть, если такія или другія предпримутся средства. Таковое соображеніе слѣдовало сообщить всѣмъ, потребовать отъ нихъ мнѣнія и согласія и по изъясненіи онаго аккуратно ихъ исполнять¹⁾.

Это собраніе въ Кіевѣ, потому что прибывшіе не были приготовлены и потому, что не чувствовало себя совершенно законнымъ, разошлось, съ условіемъ сѣхаться вновь въ Бердичевъ 3 Іюня, куда должно было прибыть по два изъ каждой губерніи съ уполномочіемъ отъ братій и съ выраженіемъ ихъ воли.

Вслѣдствіе сего, Подоляне сѣхались въ м. Фельштынъ на ярмарку въ Маѣ²⁾, въ квартирѣ Станислава Грабянки, уполномочили³⁾ Іоахима Лесневича и Людвига Янушевскаго. Волынцы, во время выборовъ въ Маѣ въ Житомирѣ, собравшись въ квартиру Мошковскаго, уполномочили Бопрѣ и Евстафія Ручинскаго⁴⁾, чему предшествовало основательное совѣщаніе, о чемъ должны разсуждать, какія включить измѣненія въ организацію, какія принять мѣры, представляя при томъ совершенную уполномоченнымъ свободу принять все, что признаютъ нужнымъ для блага Союза и дѣла, вмѣстѣ съ высланными изъ другихъ губерній⁵⁾. Изъ Украйны долженствовали прибыть: Креховец-

¹⁾ Бопрѣ и Янишевскій о Кіевскомъ сѣздѣ показали, что на ономъ кромѣ Мошковскаго и Прушинскаго, депутатовъ отъ Волынской губерніи, были отъ Кіевской Сарнецкій и Краховецкій, а отъ Подольской онъ Янишевскій. Собраніе было въ квартирѣ Таубе; кромѣ опредѣленія объ изгнаніи эмиссара, положено было, чтобы сѣздамъ по обводамъ не быть, быть только секретарямъ, которымъ придать помощниковъ и наконецъ сѣхаться въ Бердичевъ для окончательнаго мѣроположенія.

²⁾ Въ Апрѣлѣ.

³⁾ На сѣздѣ въ Бердичевѣ.

⁴⁾ Всѣ лица участвовавшія на совѣщаніяхъ въ Фельштынѣ и Житомирѣ Коммисією обнаружены и сознались, равно какъ и упоминаемые здѣсь депутаты.

⁵⁾ Бопрѣ о семъ сѣздѣ показалъ, что находили нужнымъ измѣнить уставъ; былъ вопросъ объ отменѣ присяги, о томъ, что, какъ на Кіевскомъ сѣздѣ, много власти предоставлено секретарямъ, то чтобы не произошло самовласти, поставить въ обязанность секретарей, чтобы они давали отчеты собранію членовъ.

кій и Сарнецкій. Мошковскій поѣхалъ, дабы взаимно познакомить должествовавшихъ съѣхаться; но какъ срокъ 3-го Іюня, прежде назначенный, пришелся уже дней десять послѣ поимки Канарскаго и Родзевича, то Волынцы прибыли только, какъ будто возвращаясь съ выборовъ; прочіе же не успѣли, потому что правительство сильно начало присматривать и воспретило выѣзды, въ особенности возбранило особыми циркулярами прибытіе въ Бердичевъ¹⁾. Сарнецкій, возвращенный съ пути засѣдателемъ, выслалъ съ извѣщеніемъ о томъ Карла Таубе²⁾, которому отставка изъ Русскихъ войскъ³⁾ облегчила проѣздъ. Янишевскому удалось пріѣхать; Лѣсневичъ, задержанный исправникомъ въ Литинѣ, прибылъ едва 5 Іюня, когда оныя уже разъѣхались. Такимъ образомъ съѣздъ этотъ кончился ничѣмъ, и хотя не пригодился бы уже ни къ чему, я долженъ однакоже сказать, что обязавшіеся прибыть не должны были обращать вниманія ни на какія препятствія.

Канарскій выжидалъ въ Кордышевѣ⁴⁾ Кіевскаго совѣщанія, и когда объявили ему требованіе, чтобы онъ оставилъ край, и что на прибытіе другаго эмиссара согласія не изъяснено, тогда гдѣ былъ только, съ кѣмъ видѣлся и во весь переѣздъ свой чрезъ Волынъ и Подолю, бросалъ громы на Кіевское совѣщаніе. Въ концѣ Февраля оставилъ онъ Подолю, въ началѣ Марта проѣзжалъ въ послѣдній разъ чрезъ Кременецъ, и какъ многорѣчивость была его порокомъ, къ тому же былъ еще раздраженъ, то и разсѣвалъ на пути до самой Литвы свои жалобы и кидалъ сѣмяна недовѣрчивости и несогласія между братьями, такъ что новымъ, послѣ него, переѣздомъ чрезъ эти мѣста, надобно было исправлять это обнаруженіемъ истины⁵⁾.

Ревность къ дѣлу (чего осправить у него нельзя) подала ему мысль служить оному инымъ образомъ и исполнять то, чтѣ онъ и двое туземцевъ прежде предлагали, т. е. основать въ краѣ типографію. Въ сей цѣли, подъ предлогомъ на выѣздъ свой во Францію и на привозъ книгъ, онъ собралъ отъ членовъ Союза значительную сумму, ибо въ проѣздъ чрезъ Кременецъ вмѣстѣ съ полученными тамъ имѣлъ 700 черв., а

¹⁾ Такого распоряженія не было, кромѣ подтвержденія, чтобы смотрѣла полиція на счетъ безпаспортныхъ и бродягъ.

²⁾ О семъ показалъ Янишевскій, самъ же Таубе въ этомъ еще не сознался.

³⁾ Таубе, отставной поручикъ, служилъ въ конной артиллеріи, потерялъ ногу и находился въ отставкѣ.

⁴⁾ У Вильгельма Михальскаго.

⁵⁾ Подгороденскій въ письмѣ, писанномъ къ Мошковскому, которое найдено между бумагами Рошковскаго, изъяснилъ, что Янушъ не доволенъ Украинцами, а въ показаніи своемъ объявилъ, что Канарскій или Янушъ упоминалъ ему о Креховецкомъ и Сарнецкомъ.

послѣ Евстафій Ручинскій далъ ему еще 100 черв.¹⁾; въ это число не входятъ вспоможенія Литовскія, которыя въ прежнее время, сколько мнѣ извѣстно, нѣсколько разъ превышали это количество денегъ, да и теперь ожидалъ ихъ получить²⁾. Для исполненія этого намѣренія вмѣстѣ съ Родзевичемъ поѣхалъ онъ въ Пинскій уѣздъ, и тамъ изъ имѣнія Радзивиль взялъ въ посессію деревушку, окруженную водами и лѣсами, такъ что доступъ въ нее былъ только лодками, гдѣ никогда не бывало постоя, никогда земскіе суды не заглядывали, заплатилъ за нее въ годъ, кажется, слишкомъ 1000 руб. сер. Это должноствовало быть мѣстомъ для типографіи, въ которую не было труда достать молодыхъ людей въ наборщики; дѣло стало только за станкомъ и буквами. Онъ входилъ по этому предмету въ сношенія съ издателемъ Беруты Крхечковскимъ³⁾ и съ той же цѣлю поѣхалъ съ Родзевичемъ въ Вильну на ярмарку св. Георгія, не возмется ли кто изъ бывшихъ въ оной доставить станки и буквы.

Пока возвратимся еще къ Канарскому, оцѣнимъ со всѣмъ безпристрастіемъ нашъ Союзъ въ общихъ чертахъ, потому что частная его исторія кончилась. Выше мы упомянули уже, что при образованіи Канарскимъ сего общества попало въ оное много людей не только безплезныхъ, даже вредныхъ, потому что Союзъ, бывъ чисто-нравственнымъ, долженствовалъ имѣть, въ особенности въ самомъ началѣ, людей отличающихся нравственными качествами, т. е. съ прямымъ характеромъ, и если не съ высшими умственными способностями, то по крайней мѣрѣ такихъ, которые бы понимали, о чемъ идетъ дѣло, въ чемъ состоятъ ихъ призваніе и цѣль; между тѣмъ были такіе, которыхъ нравственность можно было упрекнуть во многомъ; умственные же способности нѣкоторыхъ столь были малы, что они не постигали и цѣли Союза и не могли опредѣлить своего собственнаго въ отношеніи его положенія. Сверхъ того порокъ Союза состоялъ еще и въ томъ, что не былъ хорошо сплавленъ, т. е. что раздѣлялся на провинціи, отчего между членами иногда оставалось много провинціальныхъ предразсудковъ, и Союзъ, такъ сказать, стѣснялъ себя, принаравливаясь къ каждой изъ провинцій, откуда происходило нѣкоторое несогласіе въ дѣйствіяхъ, нѣкоторая недовѣрчивость между членами разныхъ губерній и

¹⁾ Ручинскій далъ деньги эмиссару чрезъ Коссаковского, что Комиссіе раскрыто.

²⁾ Во время изслѣдованія узналъ я, что онъ въ послѣднюю бытность въ Вильнѣ взялъ у Ромера 700 руб. ассигнац., отъ Шумскаго нѣсколько десятковъ червонцевъ, у иныхъ еще нѣсколько сотъ руб. серебр. Виленскіе академики дали каждый по 9 руб. сер., что немалую сумму составитъ: сверхъ обыкновенной подати Козакевичъ далъ 50 червонцевъ.

³⁾ Арестованъ въ Вильнѣ.

нѣкоторые однихъ предъ другими превозношенія. Однакожь не было въ томъ ни чьей вины, потому что это происходило отъ мѣстности. отъ того, что хотя провинціи эти, всѣ вмѣстѣ, составляютъ одно въ отношеніи къ общей народности всего края, однако каждая изъ нихъ имѣетъ фizioномію и природу, а изъ сего и нѣкоторый родъ провинціализма. Но если бы со временемъ Общество распространилось болѣе и еслибы организація его, какъ было предположено въ общемъ трехъ провинцій совѣщаніи¹⁾, была измѣнена, то возникавшія изъ сего неудобства должны были исчезнуть. Губернія Волынская имѣла болѣе лицъ въ своемъ составѣ, болѣе порядка, болѣе единообразія, чѣмъ въ особенности обязана была одному изъ своихъ членовъ, преданному Союзу ревностно, секретно и съ самоотверженіемъ²⁾; но была бѣдна запасами матеріальными, не вмѣщая въ себѣ членовъ, имѣющихъ вѣсь въ общественномъ мнѣніи губерніи. Трудно было ей идти собственными силами и смѣло разсѣвать свои правила, ибо не довольно прекрасно разсуждать, хорошую защищать сторону, когда дѣло идетъ о матеріальномъ пожертвованіи: надобно еще доказать примѣромъ, что владѣемая матеріальность приносится въ жертву, и что никакая личность, ни корысть, не побуждаютъ къ провозглашенію истинъ, основанныхъ на великомъ отреченіи отъ самаго себя: иначе мало пріобрѣтается довѣрія, и люди, столь склонные сомнѣваться въ добросовѣстности другихъ, пока не коснутся, такъ сказать, чувствами тому, что предлагали и не удостовѣряются, что слова подтверждаются дѣйствіями, не даютъ вѣры проповѣдывающимъ истины, но относятъ все къ личнымъ видамъ.

Лица, стоявшія во главѣ дѣйствія въ Украинѣ, могли избѣжать сего упрека, пользовались довѣріемъ и значительнымъ уваженіемъ, по ихъ головѣ и по сердцу, но были спутаны домашними обязанностями и не подвигали сильно дѣла Союза, къ чему также приложились несогласія съ Канарскимъ, упомянутыя выше. Въ минуту, когда забывали о Канарскомъ, помнили о Союзѣ, потому что они были и способные и добрые Поляки, и хотя на Украинѣ общество не слишкомъ было распространено, но принадлежавшіе къ оному тамъ были такіе, какихъ нужно, что и было слѣдствіемъ того, что Канарскій не слишкомъ тамъ увивался³⁾.

¹⁾ Въ Бердичевѣ 3 Іюня.

²⁾ Подразумѣваетъ самаго себя, какъ главнаго распорядителя по Обществу.

³⁾ Коммисією обнаружено, что къ обществу въ Украинѣ принадлежали, какъ главные дѣйствователи, помѣщики Креховецкій и Сарнецкій, которые хотя уже сознались, но еще таятъ своихъ сообщниковъ; ибо назвали только еще двухъ братьевъ Таубе, которые хотя арестованы, но еще не сознались.

Подолія была совершенно разрознена: одни изъ вошедшихъ въ составъ общества имѣли хорошее намѣреніе, но не отвѣчали имъ своими способностями; другимъ недоставало необходимаго усердія, а притомъ заняты были домашними дѣлами, иные же имѣли и способности, и ревность, и средства. Въ послѣдствіи присоединились лица¹⁾, которыя могли дать обществу быстрѣйшій ходъ и болѣшую обширность; но никто не принялся устроить дѣйствія, дабы изъ этихъ частей составить одно тѣло и дать ему жизнь.

Такія препятствія имѣлъ Союзъ, съ ними долженъ былъ не только подвизаться наружно, но и терпѣть посреди себя препятствія, избавиться отъ которыхъ въ началѣ существованія не было возможности. За всѣмъ тѣмъ Общество исподоволь выходило изъ своего тѣснаго круга, всякій день дѣлалось свободнѣе, и можно навѣрное сказать, что послѣ взаимнаго окончательнаго объясненія быстрѣе двигалось бы къ своей цѣли и даже, въ случаѣ удара, какой нынѣ грянулъ, могло бы устоять, потерявъ нѣсколько жертвъ.

Нынѣ какая горестная представляется картина, какой ужасающій видъ столькихъ несчастій! Есть что-то въ судьбѣ народовъ, обществъ, равно непостижимое, неистолкованное, какъ и въ составъ самой природы. Иногда неважныя причины имѣютъ вліяніе, хорошее или худое, на участь народовъ и государствъ, и вся человѣческая мудрость кажется ничтожною, болѣе вредною человѣку.

Общество, столь несчастнымъ образомъ стѣсненное, соединяя всѣхъ, кои еще не забыли своихъ обязанностей къ родной сторонѣ, соединяло тѣмъ самымъ усилія всѣхъ къ одной цѣли, какъ людей зрѣлыхъ, такъ и юношей, полагая, что для будущей судьбы края кладется основной камень, на коемъ созидается новое зданіе прочное и твердое, старалось заранѣе отклонить сильныя потрясенія, какія могли случиться въ будущемъ при домогательствѣ съ одной стороны²⁾ новыхъ правъ, съ другой³⁾ сохраненія прежняго быта; сверхъ того вселяло надежду и довѣріе, укрѣпляло ослабѣвшія сердца, утверждало колеблющіеся умы, одобряло благонамѣренныхъ. Оно не имѣло довольно времени для развитія своихъ дѣйствій. Начинаясь, образовываясь, расширяясь, оно должно было дѣйствовать тихо и почти за всякимъ шагомъ испытывать землю, на которую ступить хотѣло; однакожъ сдѣлало вліяніе и на

¹⁾ Полагательно, здѣсь разумѣется докторъ Орачевскій, одинъ изъ основателей съ Мошковскимъ первоначальнаго тайнаго общества; онъ арестованъ, но сознался еще не вполне.

²⁾ Крестьянъ.

³⁾ Дворянство.

такихъ, которые до того, уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлѣ народномъ, самыми лучшими намѣреніями и чувствами затворялись въ тѣсномъ кругу домашнихъ стѣнъ. Еслибы длилось долѣе (и даже если память его не истребится), то слѣдующее поколѣніе было бы уже такимъ, какое нужно, дабы принести плоды, обезпечивающіе желаніе всѣхъ добрыхъ и честныхъ жителей. Пусть никто не удивляется, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Союза не видно ничего блестящаго, изумительнаго. Много и много обстоятельствъ останавливали его успѣхъ, уничтожали дѣйствія, пріостанавливали стремленіе. Средства Союза были небольшія, начало малое, притомъ же не доставало опытовъ въ прежнихъ примѣрахъ, и потому Общество долженствовало быть собственнымъ себѣ наставникомъ-руководителемъ, должно было само все угадывать, изслѣдовать, нѣкоторымъ образомъ предчувствовать, дабы сблизиться къ предположенной цѣли. Поэтому слѣдуетъ удивляться даже, что съ столь слабыми средствами, какими оно обладало, столько сдѣлало. Наконецъ, это была живая протестація, дѣйствительнѣе и сильнѣе самой эмиграціи, противу всего того, что устанавливало и вводило правительство; ибо видимо ощутительно являло истинный духъ жителей и истинныя чувства въ отношеніи къ краю и правительству, и тогда какъ вся Европа думала, что слѣпое повиновеніе власти подавляло даже моральныя силы, существовало дѣйствіе довольно уже сильное, противное могучей власти, а со временемъ грозившее ей гибелью.

Далеко однакожъ отъ того, чтобъ самое благо было слѣдствіемъ Союза. Всякое дѣйствіе имѣетъ въ мірѣ двѣ свои стороны; отсюда и въ Союзѣ было зло. Главнымъ зломъ была почти явность дѣйствій, столь несогласная съ нужною въ подобныхъ дѣлахъ таинственностію. Это, особенно съ начала, затрудняло наши предпріятія. Явность эта происходила, во первыхъ отъ пребыванія шлявшагося вездѣ и часто безъ нужды Канарскаго; онъ развѣзжалъ, посылалъ гонцевъ, дожидался, разсылалъ письма, безъ чего можно было обойтись. Натурально, что мы скрывали его отъ взора полиціи и отъ людей, которыхъ не желали съ нимъ ознакомить, чего не всегда однакожъ избѣжать было можно, а ему казалось часто, что онъ находится въ странѣ, гдѣ все безъ исключенія можно дѣлать, и никто, особенно въ началѣ, не смѣлъ ему противиться. Во вторыхъ, къ явственности этихъ дѣйствій способствовали нѣкоторые изъ тѣхъ, коихъ познакомилъ съ нимъ случай на первыхъ порахъ его прибытія, случай не всегда счастливый. но онъ ему довѣрился*); въ третьихъ, посѣщенія Канарскаго знакомили его со всѣми:

*) Напоминаетъ на Родзевича и Фелинскую, открывшихъ многихъ злоумышленниковъ.

въ домахъ всѣ домашніе, всѣ слуги знали кто онъ, по крайней мѣрѣ вѣдали, что не здѣшній. И здѣсь надобно отдать должную похвалу нашимъ слугамъ, что ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ господину, а Канарскій бывалъ въ столькихъ домахъ, и физіономія его, отражавшая что-то иностранное, что-то Германское, удареніе рѣчи нездѣшное, походка, движеніе, отличныя отъ нашихъ, измѣняли ему легко. Въ мѣстахъ, куда онъ не заглядывалъ или бывалъ рѣдко, и дѣйствія шли лучше, и тайна сохранялась. Въ четвертыхъ, явность дѣйствій происходила отъ дурнаго устройства Союза, и это было слѣдствіемъ организациі, въ которой іерархическая постепенность вышепоказанная не соотвѣтствовала вовсе мѣстности и надобностямъ. Творецъ сей организациі, Канарскій принесъ ее съ собой въ страну, которой былъ совершенно чуждъ. Одаренный энергіею, легкостію выражений, когда оживлялся, дѣлался краснорѣчивымъ, чувствовалъ сильно, говорилъ пламенно, какъ представитель эмиграціи, которую всѣ считаютъ народнымъ представительствомъ. Онъ всюду получалъ легкій доступъ, рассказывалъ про страданіе и самоотверженіе эмиграціи, большей части коихъ былъ очевидцемъ и даже участникомъ; интересовалъ любопытство, пріобрѣталъ доброе мнѣніе и довѣренность, пробуждалъ духъ, пріохочивалъ къ исправленію, пробуждалъ притуплявшіяся чувства къ собратіямъ, сдѣлавшимся жертвою самоотверженія для края и образовавшихся въ нынѣшнемъ вѣкѣ идей. Такимъ образомъ человѣкъ этотъ родился на то, чтобы положить, такъ сказать, фундаментъ; но тутъ и окончивалась его роль; направлять, развивать, двигать онъ не былъ способенъ и совсѣмъ тѣмъ былъ главнымъ лицомъ въ Союзѣ.

Все это однакоже не извиняетъ туземцевъ въ упрекѣ, почему тотчасъ въ началѣ не подумали о перемѣнѣ организациі. о составленіи ея сообразно съ мѣстностію и потребностію; много зла отвратили-бы! Въ минуты, когда собирались переформировать совершенно Общество, выкинуть изъ него все, что было вредно, составить организацию и употребить дѣятельныя средства: въ минуту, когда дѣти усерднѣе стали заботиться о помощи своей матери, поразилъ ударъ, который сдѣлалъ тщетными и всѣ ихъ прежнія старанія и затворилъ на много лѣтъ крышу гроба, изъ котораго мать-отчизна уже подымалась.

Около трехъ недѣль Канарскій жилъ въ Вильнѣ, выдавая себѣ то служителемъ Родзевича въ полубубкѣ, то проводилъ время въ сертукѣ среди братій-сообщиковъ и академическаго юношества. Полиція была дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо. Правительство получало болѣе и болѣе доказательствъ о пребываніи въ краѣ Канарскаго и даже о сношеніяхъ его съ жителями. Миньятюру Канарскаго, очень удачно сдѣланную,

знать всякій полицейскій *), всякій шпіонъ и безъ труда могъ узнать его; дѣятельность чиновниковъ была очень усилена, и число ловкихъ шпіоновъ вездѣ умножилось, тѣмъ болѣе въ Вильнѣ; но совсѣмъ этимъ онъ избѣгалъ счастливо изъ взоровъ.

Есть въ Вильнѣ Жидъ Розенталь, богатый купецъ, почитаемый патріотомъ. Съ нимъ познакомился Канарскій и 24-го Мая, въ Пятницу, въ полдень, пошелъ къ нему вмѣстѣ съ часовымъ мастеромъ Духновскимъ, извѣстнымъ какъ хорошій Полякъ и пользовавшимся значеніемъ въ городѣ. Выйдя съ Розенталемъ на дворъ его дома, онъ говорилъ съ нимъ о томъ, не взялся ли бы тотъ доставить литеры и типографическіе приборы. Розенталь не отказывался и даже взялъ у Канарскаго въ задатокъ 50 червонцевъ Тутъ примѣтили, что полицейскій внимательно въ нихъ всматривался. Духновскій сталъ заговаривать знакомаго себѣ полицейскаго, Розенталь въ особой комнатѣ поставилъ бутылку вина Канарскому. Полицейскій тотъ часъ ушелъ. Канарскому тоже не за чѣмъ было оставаться, и онъ возвратился къ себѣ. Часа чрезъ два Духновскій арестованъ и отвезенъ къ г. военному губернатору Долгорукому. Розенталь успѣшилъ представить г. военному губернатору 50 черв. Канарскій и Родзевичъ, хотя располагались пробыть нѣсколько дней, стали собираться къ выѣзду, въ чемъ помогали имъ два академика, переодѣтые лакеями; ибо Канарскій сидѣлъ уже на квартирѣ и не показывался. Родзевичъ нанялъ лошадей, не желая съ подорожною показываться въ Вильнѣ на почтѣ до первой станціи по Минской дорогѣ, выѣхалъ самъ въ бричкѣ; Канарскаго же вывезъ на дрожкахъ за городъ Савичъ и отдалъ тамъ Родзевичу. Между тѣмъ Духновскій, битый и уличенный въ представленіи чрезъ Розентала денегъ, сказалъ, что Канарскій съ Родзевичемъ поѣхали къ Минску, куда тотъ-часъ же отправили исправника для ихъ арестованія. Между тѣмъ они пріѣхали на первую станцію. Родзевичъ пошелъ въ почтовую избу за лошадьми; Канарскій въ видѣ слуги остался у брички. Караулившій ихъ исправникъ, увидѣвъ его, велѣлъ ему ѣхать съ собой. Объясненія не подѣйствовали. Навѣрное, если бы только доѣхали до другой станціи, и даже хотя бы до первой корчмы избѣгли бы поимки. Къ Родзевичу приставили караулъ изъ крестьянъ и оставили на станціи. Въ восемь часовъ Канарскій былъ уже предъ Долгорукимъ и всѣмъ собраніемъ высшихъ чиновниковъ. Его узнали тотъ часъ и послали за Родзевичемъ, который, вмѣсто того чтобы сжечь бумаги, какія съ нимъ были и къ чему имѣлъ удобство, изорвалъ ихъ только. Его взяли съ тѣми кусками, которые послѣ подобрали и прочли.

*) Никогда не было нигдѣ его портретовъ.

Трехъ арестованныхъ стали допрашивать; съ ними обходились тирански. Духновскій заболѣлъ, ему дали въ товарищи одного изъ полицейскихъ, переодѣтаго, который выдавалъ себя арестованнымъ и тянулъ слова изъ честной души. Ночью, 29, арестованы четыре академика, съ которыми знакомъ былъ Духновскій, какъ сообщниковъ: Савича, Загорскаго, Ратынскаго, а четвертаго не помню. Князь Трубецкой¹⁾, недавно присланный вице-губернаторомъ въ Вильну, бѣшеный человекъ, извѣстный своими жестокостями въ Самогитіи, производилъ слѣдствіе. По повелѣнію Императора учреждена коммисія. Академики держались мужественно, не смотря на улики, какія говорилъ въ глаза Савичу секретарь академическаго общества, Родзевичъ, начавшій скоро и искренно сознаваться. По случаю открытія въ это же время Варшавскаго Общества арестованіемъ Данцевича, взятъ обвиненный по оному академикъ Валецкій и по отвезеніи въ Варшаву обвинилъ многихъ Виленскихъ товарищей, и такимъ образомъ пошло далѣе. Не могъ держаться и Савичъ, потому что Родзевичъ указывалъ ему въ глаза всѣ самые малѣйшіе случаи и по немногу высказалъ всю исторію пребыванія Канарскаго въ краѣ. Арестовали тотъ часъ Новицкаго, Оржешку изъ Пинскаго уѣзда, который зналъ многое, Бринка, ксендза каноника Зелинскаго, а потомъ всѣхъ Литовцевъ одного за другимъ, потому что Родзевичъ принесъ во всемъ исповѣдь.

Возвратимся къ нашимъ провинціямъ. 5 Іюня²⁾ въ Житомирѣ отъ тамошняго губернатора узнали мы о поимкѣ Канарскаго и Родзевича. Въ два часа послѣ полученнаго извѣщенія высланъ былъ изъ Житомира одинъ человекъ въ Кременецъ³⁾ съ увѣдомленіемъ къ Бопрѣ, а другой въ Украйну. Бопрѣ извѣстилъ Подолію, а присланному изъ Житомира, давъ 33 руб. сер. на дорогу, выслалъ въ Луцкій уѣздъ, гдѣ жилъ Родзевичъ, къ Былевскому, его сосѣду, дабы тотъ доставилъ оттуда вѣрное свѣдѣніе. Между тѣмъ въ Кременецѣ Фелинская получила письмо Былевскаго отъ 7 Іюня, что г. совѣтникъ Богдановичъ былъ въ Лисовѣ, что дѣлалъ изслѣдованіе, что нашелъ только сочиненіе Вротновскаго и уѣхалъ, что послана эстафета къ Канарскому и Родзевичу⁴⁾, съ тѣмъ, что если захватятъ ихъ въ Вильнѣ, то предупредятъ.

¹⁾ Князь Алексѣй Ивановичъ, супругъ скончавшейся 23 Февраля сего года въ Москвѣ княгини Надежды Борисовны, рожд. княжны Четвертинской. П. Б.

²⁾ День полученія перваго свѣдѣнія объ арестованіи эmissара.

³⁾ Генрихъ Кордашевскій былъ посланъ въ Луцкій уѣздъ, куда прибылъ чиновникъ отъ Виленскаго военнаго губернатора, и выслалъ къ Бопрѣ Вацлава Оржешку, ибо они сознались въ Кіевской Коммисіи.

⁴⁾ На имя графини Эмиліи Олизаръ, жены изгнанника Нарцыза Олизара.

дить ихъ арестованіе, какъ между тѣмъ они были взяты, и бытность Богдановича была слѣдствіемъ ихъ поимки. Извѣстіе же изъ Житомира было такое, будто арестованіе произошло на станціи предъ Минскомъ 12 Мая. Эти два извѣстія поставили въ сомнѣніе Волынскаго секретаря и тѣхъ, коимъ оныя были сообщены. Сверхъ того пронеслися слухи, будто они пойманы на дорогѣ, вырвались и ушли. Высланный въ Луцкъ вернулся и, кромѣ свѣдѣнія о Богдановичѣ, сказалъ, что впрочемъ все тихо, а Старорыпинскій, пріѣхавъ въ Кременецъ, привезъ извѣстіе, что Михальскіе получили письмо Канарскаго отъ 17 Мая изъ Минска. Казалась не правдою вѣсть, кинутая правительствомъ о захваченіи Канарскаго; но въ концѣ Іюня Фелинская получила письмо отъ Бринка изъ Литвы отъ 17 Іюня, что они взяты въ Вильнѣ. Тутъ уже не было сомнѣнія; о семъ дали знать въ Подолію, въ уѣзды Староконстантиновскій и Волынскій Житомирскимъ членамъ. Бопрѣ послалъ 20 черв. въ послѣднихъ числахъ Іюня. Леопольдъ Ержина привезъ въ Кременчугъ Юшкевича¹⁾ которому удалось уйти изъ рукъ Богдановича, когда сей былъ въ Лисовѣ. Ержина сказывалъ, будто имѣетъ свѣдѣніе, что все тихо, и не хотѣлъ вѣрить письму Бринка. Вдругъ начались аресты: Былевскій, Гутовскій, Чапскій задержаны въ Луцкѣ, а 3 Іюля арестована Фелинская. Перебрали ея бумаги и усади 13 числа въ Вильно. Волынскій секретарь, для отправки Юшкевича въ Подолію, далъ 22 руб. сер., въ Луцкѣ, гдѣ находились арестованные, далъ еще 1000 р. ассигнац. изъ своихъ собственныхъ, а Старорыпинскій 125 р., которые, какъ говорили, вручены женѣ Булевскаго, арестованной²⁾. Для Фелинской собрано 600 руб. асс. Упоминаю объ этихъ подробностяхъ, какъ о доказательствахъ усердія Волынскаго секретаря, который по незначительности суммъ общества, уже израсходованныхъ, потому что недавно все что было забралъ Канарскій, выдавалъ изъ своихъ собственныхъ сколько могъ, и что могъ дѣлалъ, тогда какъ секретари иныхъ провинцій богаче, и имѣли въ обществѣ своемъ лицъ зажиточнѣйшихъ, ничѣмъ не помогли если не для отвращенія, то по крайней мѣрѣ для уменьшенія несчастій, которыя висѣли уже надъ головами.

Слишкомъ сильное довѣріе въ характеры Канарскаго и Родзевича удерживало даже главнѣйшихъ лицъ здѣшнихъ провинцій отъ побѣга; да и опасались побѣгомъ компрометировать эти провинціи, потому что этимъ дали бы знать правительству, что чувствуютъ себя виновными, и слѣдственно о томъ, что Канарскій бывалъ въ здѣшнихъ

¹⁾ О томъ, какимъ образомъ онъ успѣлъ скрыться, изъяснено выше.

²⁾ Деньги привезъ Вацлавъ Оржешко, отдалъ Ржонжевской, которая отдала Карлу Олизару, а сей послѣдній Былевской.

провинціяхъ. Если иные и думали, что будутъ допрашиваны, то по показанію служителей Родзевича, а не по показанію ихъ господина, и потому надѣялись легко оправдаться. Сверхъ того, бѣгство въ Галицію немного обѣщало безопасности въ настоящее время. Далѣе, взятіе въ Подоліи двоихъ, ни о чемъ невѣдавшихъ, сбивало насъ еще съ толку; добыть яду, не смотря на старанія и искреннее желаніе тѣхъ, кои чувствовали себя болѣе виновными, было и трудно, и невозможно, хотя это и ни къ чему бы не послужило, потому что ключъ ко всему былъ уже въ рукахъ. Однакожъ не будемъ оправдываться и скажемъ, что хотя не было въ нашихъ силахъ отвратить эту гибельную катастрофу, но можетъ стать, мы могли бы уменьшить ея послѣдствія. Слѣдовало тотчасъ, по полученіи извѣстія о Канарскомъ и Родзевичѣ, сдѣлать большую складку, послать надежнаго человѣка въ Вильно, для узнанія обо всемъ. Тотъ, съ помощію денегъ, умѣлъ бы отравить обоихъ, а если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ привезти намъ извѣстіе, что Союзъ открытъ, о чемъ въ Вильнѣ бы легко можно развѣдать. Здѣсь же намъ и въ мысли не приходило, чтобы кто либо могъ открыть Союзъ. Думали только, что пребываніе въ краѣ Канарскаго будетъ виною тѣхъ, которые держали его у себя или знали о немъ, въ чемъ всякій надѣялся легко оправдаться; ибо Канарскій бывалъ по паспорту, какъ между тѣмъ все теперь обнаружено.

Съ помощію денегъ можно было вездѣ купить тайны канцелярскія и узнать, что дѣйствительно дѣлается; потомъ, увѣрившись, что дѣло объявлено такъ безсострадательно, облегчить обвиненнымъ побѣгъ, дать имъ законное вспоможеніе. Но безъ денегъ нельзя было ничего предпринять; большею частію въ Союзѣ были люди бѣдные; богатымъ и говорить нельзя было, по этому ничего не сдѣлали. Наступило какое-то оцѣпненіе; всякій, надѣясь, что самъ избѣгнетъ, не заботился о томъ, что всѣхъ ожидаетъ, а между тѣмъ, одинъ за другимъ, всѣ попали въ одну западню. Мы виноваты!

Но какого осужденія заслуживаетъ Канарскій, что не лишилъ себя и Родзевича жизни! Онъ, которымъ сердца наша столько плѣнялись, не долженъ ли былъ помнить также и объ насъ? Онъ, коего приняли мы съ такими чувствами, слово коего было оракуломъ, коего взглядъ говорилъ намъ сильнѣе, дѣйствительнѣе, нежели самыя истинныя слова кого либо изъ туземцевъ, не былъ ли обязанъ съ заботливостію матери надъ дитятей, бывшемъ на ея лонѣ, беречься всякую минуту того, чтобы намъ не сдѣлать какого либо зла! Онъ, столько разъ и такъ торжественно обѣщавшій, что въ подобномъ случаѣ отниметъ жизнь у себя и Родзевича, очарованіе коего тѣмъ сильнѣе на насъ дѣйствовало, что

въ немъ видѣли мы человѣка, надъ коимъ, за самопожертвованіе для края, каждую минуту висѣла смерть, который носилъ ее въ своей рукѣ; онъ, громившій насъ, кидавшій въ насъ клятвы, едва не имевшій отечества, за то, что мы недовольно сильно его спасаемъ, а теперь погубившій его самъ, какого сужденія онъ не заслуживаетъ? Не могъ употребить кинжала—согласенъ; но онъ былъ еще три часа въ Вильнѣ послѣ арестованія Духновскаго и зналъ о томъ, потому что именно это ускорило его выѣздъ и эти три часа былъ среди врачей, братьевъ, союзниковъ, которые мигомъ могли бы снабдить его отравой, имѣя въ числѣ сообщниковъ троихъ фармацевтовъ, трудившихся въ аптекахъ. Мы здѣсь послѣ его поимки сочли бы величайшимъ благодѣтелемъ того, который подарилъ бы насъ ядомъ и, ища его, мы кидались въ разныя мѣста; онъ, которому стоило бы только сказать одно слово, по взятіи Духновскаго, не принялъ его и не далъ Родзевичу. Смерть этихъ двоихъ спасла бы все; наконецъ, слѣдовало ему сдѣлаться хотя нѣмымъ. Нѣкоторые категоріи не вылились бы въ показанія другихъ, и можно было бы скрыть многихъ лицъ. Совсѣмъ иное положеніе при слѣдствіи туземцевъ, всѣ шаги коихъ правительству хорошо извѣстны и изъ коихъ нѣкоторые именно для защищенія другихъ, для отклоненія подозрѣнія отъ невинныхъ, не могли не говорить. Но Канарскому ничто болѣе не приличествовало въ тюремѣ какъ совершенное молчаніе, Надо ему отдать должную похвалу. Канарскій въ тюремѣ явилъ много твердости, но принадлежитъ только къ числу тѣхъ, которые лучше держались, кои были непоколебимы въ признаніи. Впрочемъ сколько отъ него, столько и отъ другихъ требовались показанія. Для защиты выдумывалъ онъ сказки, о которыхъ не могли догадаться содержащіеся въ особыхъ каморкахъ, тѣмъ болѣе за 90 миль въ Кіевской крѣпости, и дѣло иногда болѣе запутывалось.

Въ Вильнѣ заняты были монастыри Базиліановъ, Миссіонаровъ и Францышкановъ; стѣснили ксендзовъ; всѣ келіи были наполнены, запирали арестованныхъ и въ другихъ мѣстахъ. Учредили комисіи, одну въ Вильнѣ, потомъ другую въ Кіевѣ и съ величайшею строгостію и тиранствомъ производили слѣдствіе. Тишину монастырей и пасмурность казематовъ прерывали бѣшенство палачей, звукъ цѣпей на рукахъ и на ногахъ и стоны голодавшихъ; тѣхъ же которые были въ погребѣхъ и ямахъ, голоса не были слышны. Монастырь Базиліановъ въ Вильнѣ былъ занятъ комисіею и важнѣйшими арестантами.

Въ самомъ верхнемъ этажѣ въ первомъ номерѣ Канарскій въ оковахъ имѣлъ у своихъ ногъ все болѣе и болѣе прибавлявшіяся жертвы своего безразсудства; страдалъ отъ этого, и это причиняло ему адскія мученія.

Каждый изъ прибывшихъ приводимъ былъ къ нему. Въ это время въ немъ было что-то торжественное, неземное, и если бы не слезы, не гробовая блѣдность лицъ, не отчаяніе, изображавшееся во всѣхъ чертахъ толпившихся къ дверямъ и окнамъ женъ, матерей, дѣтей, которымъ и доступъ воспрещали, если бы не мысль объ отчизнѣ, пораженной новою раною, онъ пріобрѣлъ бы прощеніе у товарищей своего заключенія. Сначала собирались толпы народа, наполняли улицы, облегалі тюрьмы: на всѣхъ видѣнъ былъ ужасъ и чувство народнаго бѣдствія. Потомъ улицы сдѣлались пусты, настала тишина ночи: все укрылось плакать по домамъ, томленія сердца подавляли голосъ, печальный трауръ развернулся на всей Польшѣ.

Родзевичъ, погубивъ всю Литву, не забылъ и о нашихъ провинціяхъ. Взяли Михальскихъ, Генриха Таубе, Бопрѣ, Ругинскаго, Леопольда Яржину, ксендза-каноника Зелинскаго, Мошковскаго *), на котораго тотчасъ же на мѣстѣ надѣли цѣпи: потому что Родзевичъ такъ его описалъ, такъ обозначилъ его дѣйствія, что его сочли великимъ преступникомъ и затащили въ Вильну. иныхъ въ Кіевѣ, везли и везли, истязывали; но не мученія, а доказательства вынуждали къ сознанию. Родзевичъ, коему Канарскій вѣрился во всемъ и всегда, открывалъ все, и людей, и ихъ дѣйствія, и тѣхъ, конхъ зналъ, и тѣхъ кого не зналъ, всякаго, какъ кто былъ, со всѣми весьма обличительными подробностями. Онъ описалъ все, о чемъ только когда говорилъ ему Канарскій, и доказывалъ въ глаза заправившимся. И Фелинская высказала все, что было у нее на сердцѣ; правда, положеніе Родзевича было затруднительно, не могъ скрыть онъ всего: но не годилось и выпѣвать все безъ милосердія, да и принуждаемъ не былъ. Гораздо затруднительнѣе было положеніе обвиненныхъ Родзевичемъ, ибо они имѣли уже противу себя сильныя доказательства обвинителя, а этаго Родзевичъ въ началѣ противу себя не имѣлъ. Никто на него не доказывалъ, потому что знали только онъ да Канарскій. Много также способствовало къ раскрытію дѣла то, что изслѣдованіе Союза соединено было съ изслѣдованіемъ движеній Канарскаго. Двѣ вины были тѣсно съ собою связаны, обнаружить которыя правительство прилагало стараніе; главнѣйшіе пункты пребыванія его, и время, и число разовъ, были уже извѣстны комисіямъ. Отъ Родзевича теперь легко могли добраться до остальнаго. Каждый долженъ былъ сказать откуда взялся у него Канарскій, кто къ нему привезъ его, для какой надобности, откуда и куда слѣдовалъ, за чѣмъ тамъ бывалъ? Всѣ его проѣзды и дѣйствія

*) Всѣ лица сіи были отпущены по требованію генер. адъютанта князя Долгорукаго въ Вильну въ Іюлѣ и началѣ Августа.

въ теченіи двухъ лѣтъ должны были выдти наружу; сосѣдъ сосѣда, братъ брата, пріятель пріятеля долженъ былъ оговаривать непременно. И такъ пребываніе Канарскаго, довольно того что было виною открытія Союза, но облегчило разслѣдованіе и сверхъ того обливало адскими муками сердца добрыхъ туземцевъ, когда они видѣли себя въ необходимости называть одинъ другаго. Остальное открыло изслѣдованіе, производившееся ловкими инквизиторами надъ запертыми отдѣльно, самыми низкими происками и способами. Въ Кіевской комисіи предсѣдателемъ былъ Писаревъ очень способный человѣкъ. Шпіонъ Орловскій помогаль въ открытіи. Исторія этого человѣка такая. Житель м. Лабуна въ Волынѣ, гдѣ онъ имѣлъ свою собственность, больше года назадъ, въ Кіевѣ на контрактахъ, продалъ, кажется, 12,000 четверт. пшеницы и значительное количество водки Каменецкимъ и Барскимъ купцамъ, именуясь родственникомъ и повѣреннымъ (для чего имѣлъ подложную довѣренность) Орловскаго, богатаго помѣщика въ Подоліи, взялъ отъ Жидовъ деньги впередъ; но когда тѣ осмотрѣлись послѣ уже выѣзда его изъ Кіева и обратились къ правительству съ просьбою о помощи, онъ былъ схваченъ, заключенъ въ тюрьму, осужденъ и приговоренъ къ тяжкимъ работамъ (въ каторгу). Бездѣльникъ, чтобъ получить свободу, просился въ шпіоны¹⁾. Чудовище, злодѣй будетъ выпущенъ на волю, будетъ продолжать свое ремесло, получать большую награду и милость Царя за то, что доставилъ ему жертвъ. Обязанность свою исполнялъ онъ искусственнымъ образомъ. Безъ всякаго образованія, онъ умѣлъ ловить и выпытывать людей съ ученіемъ, съ умомъ, характеромъ и опытностію. Одаренный отъ природы способностями, употреблялъ ихъ самымъ чернымъ образомъ. Когда провелъ Жидовъ, старыхъ, опытныхъ, знающихъ купцовъ, которые, статья можетъ, въ жизнь свою не одного надули, чтожъ удивительнаго, что онъ, прикидываясь соучастникомъ вины, союзникомъ, обольщаль честныя, прямодушныя, искреннія сердца, пріобрѣталъ у нихъ довѣріе, вывѣдывалъ о ихъ поступкахъ и что узнавалъ, доносилъ?

Родзевичъ, давшій ключъ ко всему, переѣзды Канарскаго, недостойныя хитрости, коихъ не могли постигнуть сразу честныя души, обнаружили все дѣло. Не только мушны, всѣ принадлежащія по обществу или знавшіе Канарскаго женщины, цѣлыя семейства, родители съ дѣтьми, стонутъ въ тюрьмахъ, разлученные съ равною почти жестокостію и строгостію²⁾.

¹⁾ Орловскій былъ употребленъ два раза.

²⁾ Многіе нашли смерть въ тюрьмахъ. Межъ ними Леонардъ Ленковскій, одинъ изъ основателей первоначальнаго общества, благородный душою и чистой нравственностію. Когда погибшій на полѣ битвы достоинъ воспоминанія, тѣмъ болѣе умершій въ тежницѣ, въ рукахъ палачей за святое дѣло. *Примѣчаніе сочинителя. Примѣчаніе Кіевской Комисіи.* Ленковскій умеръ въ госпиталѣ, прежде вопроса, отъ горячки.

Таковъ конецъ почти трехлѣтней исторіи нашего Союза и того, что дѣлалось въ это время въ краѣ, имѣющемъ связь съ нашимъ дѣломъ. Конецъ самый печальный, какой бывалъ когда въ процессѣ Польши, носящій въ себѣ причину настоящихъ и зародышъ будущихъ бѣдствій страны, погрузившій въ слезы всю Польшу, которыя ужасно отзовутся и на будущемъ поколѣніи, конецъ, послѣ котораго не остается даже пріятнаго между соотечественниками воспоминанія, конецъ для участниковъ сего дѣла жесточайшій, потому что кромѣ сожалѣнія о несбывшихся ихъ искреннихъ желаніяхъ, кромѣ прискорбія, что содѣлались виновниками столькихъ несчастій, кромѣ мученій ихъ, статьи можетъ, будутъ преслѣдовать ихъ упреки тысячи семействъ. Сверхъ того, намъ извѣстно, какого должны мы ждать суда отъ нѣкоторыхъ. Людское мнѣніе обыкновенно прославляетъ успѣшныя дѣйствія, неудачныя же знаменуются пятномъ безславія. Конецъ для оставшихся въ домахъ плачевнѣйшій, потому что въ сердца ихъ влилъ столько яду, что вся сладость, какую знали когда либо сердца сіи, умерла въ нихъ отъ конвульсіоннаго потрясенія. Конецъ самый гибельный дѣлу возрожденія Польши; ибо пролилъ нравственное вліяніе на упадокъ духа добрыхъ, утвердилъ злыхъ въ ихъ ошибочныхъ и ложныхъ мнѣніяхъ; ибо народная апатія, привыкшая всего ожидать отъ случая и отъ другихъ, а самимъ ничего не дѣлать, усилится еще болѣе и даже можетъ измѣниться въ вѣрованіе восточнаго фанатизма: ибо средства, какія еще были въ нашихъ рукахъ, всѣ открыты правительству. Знаемъ, что теперь будетъ въ краѣ! Но юные сыны Польши растутъ. Можетъ быть, когда нибудь, если пойдетъ столь несчастно, что и нашихъ замысловъ память погибнетъ, будутъ по крайней мѣрѣ вспоминать о нашихъ мукахъ. Надежда на это въ такихъ случаяхъ есть единственная опора нашего дѣла.

Начертывая этотъ отчетъ нашихъ дѣяній, въ минуту когда мрачность настоящаго, полная терзаній, примѣшивала къ собственнымъ мученіямъ стенанія и вздохи собратій, тутъ же страдающихъ, когда уединеніе узника, запертаго въ темную, мрачную тюрьму, есть только приготовленіе въ сравненіи ужаснѣйшей будущности, долженствующей окончиться, если не смертію, то продолжительнымъ бореніемъ съ нею: въ минуту столь торжественную ничего изъ устъ и изъ подъ пера не могло выдти, кромѣ самой истины, не помраченной никакими видами, никакимъ земнымъ расчетомъ, никакою личностію, истины равно священной, равно строгой. Я писалъ какъ христіанинъ, долженствующій предстать вскорѣ предъ Высочайшаго Судію, Который вѣдаетъ сокровѣннѣйшія тайны сердца человѣческаго; какъ человѣкъ, оживотворенный горячею, чистѣйшею любовію къ любезнѣйшему отечеству нашему.

Примите ее соотечественники, какъ послѣднія слова человѣка, уже не помышляющаго о мірскихъ дѣлахъ; ибо дѣло отчизны нашей, столь прекрасное, столь несчастное, покрытой гробовымъ трауромъ, всякій день истекающей кровью, всякій день испытываемой новыми язвами, новыми оскорбленіями, новою смертію, не окончившейся еще потому, что не можемъ умереть: ибо она бессмертна, подобна Тому, Который минутно скончался на крестѣ за всѣхъ насъ. Дѣло это не есть земное дѣло, но небесное, божеское, стоющее всѣхъ сихъ жертвъ, какихъ уже стоило и еще будетъ стоять. Вѣрьте, соотечественники, человѣку, который разорвалъ уже всѣ связи съ землею, что справедливость, добродѣтель и истинная свобода на этой испорченной, составившейся разслабленіемъ, развратомъ, неправдою, тщетою дышащей Европѣ, не прежде процвѣтетъ, пока не возсіяетъ отечество наше новымъ блестящимъ, непорочнымъ, подобно Новому Іерусалиму, свѣтомъ. Это не иначе настанетъ, какъ развѣ вы всѣ обратитесь на путь добродѣтели, истины, доброты и чистой, непорочной любви къ вашей матери-отчизнѣ. Все, что предпринято было доселѣ для воздвиженія этой любезнѣйшей намъ родительницы, большею частію было только своекорыстіе, не соотвѣтствовавшее ни дарованіямъ, ни трудамъ, ни подъятымъ стараніямъ. Многіе искали своихъ видовъ, или славы, значенія, или суетныхъ рукоплесканій невѣжественной толпы. Поэтому они не умѣли ни пользоваться счастливымъ нашимъ случаемъ, ни сохранить въ неудачахъ то постоянство и силу души, которая тотъ же переменчивый рокъ могъ преклонить на нашу сторону. Въ благополучіи засыпали и полагались на судьбу, въ неудачахъ отдѣляли собственное благо отъ общаго жребія края. Кто стремится къ великому дѣлу, кто принимаетъ отстроить зданіе не старостію и лѣтами растравленное, но разрушенное безпорядкомъ и небрежностію,—того никакія препятствія, никакое непостоянство случая, никакія драгоцѣннѣйшія жертвы не должны отрывать отъ высокой его цѣли. Народъ не гибнетъ, не умираетъ, пока сохраняетъ двѣ вещи, въ особенности: языкъ и обычаи *). Это два основные камня его долговѣчности, его будущей надежды. И такъ ваша обязанность, чтобы эти два драгоцѣннѣйшія наслѣдія вашихъ предковъ не были у васъ отняты. Время много вещей можетъ истребить въ краѣ, нанести много тяжелыхъ ударовъ, но этихъ двухъ ни одно, ни другое не коснется, коль скоро хранимы будутъ въ вашихъ душахъ и сердцахъ. Почитайте остатки воспоминаній предковъ вашихъ,

*) Хотя Польскій языкъ выведенъ изъ судопроизводства, но въ семъ краѣ онъ общій и занимаетъ первую степень, изучается тщательно въ школахъ, совершенствуется многими печатаемыми здѣсь и привозимыми изъ за границы книгами.

смотрите на нихъ не какъ на монументы, но какъ на достояніе дѣтей, вашихъ внуковъ и отдаленнѣйшихъ потомковъ, которымъ вы обязаны разсказать это наслѣдіе, вамъ доставшееся неизмѣннымъ, неиспорченнымъ, непорочнымъ. Перестаньте, какъ было доселѣ, вы, кои желаете первенствовать, вы, для коихъ отечество ваше было истинною матерью, которымъ благопріятствуютъ судьба и природа, перестаньте, говорю, вы поселять въ дѣтяхъ вашихъ чуждыя понятія, учить ихъ съ перваго младенства произносить иностранныя слова, не основывая своей суетности, своей гордости на томъ, что можете одинаково искусно владѣть чуждымъ языкомъ, какъ и тѣмъ, коимъ онъ свойственъ. Бѣдная эта слава, недостойна сердецъ благородныхъ и унижаетъ истинныхъ Поляковъ. Отцы ваши оставили вамъ прекрасный, богатый, величественный языкъ; вы ли станете безразсудно искажать его чужестранными оборотами, выраженіями, несоотвѣтствующими ни его плавности, ни устройству, ни благозвучію? Помните, что этимъ враги ваши всюду устрояютъ ковы, желаютъ его всяческими способами уничтожить, закрыть, изгладить; и вы ли, ослѣпленные легкомысліемъ и малодушнымъ хвастовствомъ, захотите помогать имъ къ погубленію того, что единственно бережетъ будущія ваши надежды? Развѣ къ столькимъ упрекамъ, оттягчающимъ нашу голову, хотите еще прибавить и проклятiе современниковъ и потомства? Помните, что есть Богъ, есть будущность, страшный, неподкупный, строгій судья. Хотите первенствовать и забываете о томъ, что должно быть для васъ драгоцѣннѣйшимъ. Живите всѣ согласно, побратски, какъ прилично дѣтямъ одной несчастной матери, которая судьбу свою поручила единомушiю и согласію дѣтей своихъ. Не довольно того, что враги наши разъединили насъ и усиленно желаютъ превратить насъ въ презрѣнныхъ своихъ клеветовъ; надобно же еще, чтобы сами вы, водимые тщеславіемъ, слѣпотю, мелкими страстями себялюбiя, посѣвали и питали межъ собой раздоры, не доброжелательства, несогласiя. Чѣмъ выше стоитъ кто, тѣмъ охотнѣе должно представлять собою примѣръ другимъ тѣхъ добродѣтелей, которыми только народъ благородный и достойный нашей славы отличаться долженъ. Да будетъ вашимъ словомъ, вашимъ правиломъ это прекрасное ученіе Божественнаго Учителя, давшего его Своимъ Апостоламъ: „кто хочетъ быть выше, да смирится предъ всѣмъ“; не смѣшно ли было бы, если бы этотъ ученикъ, при звукѣ цѣпей своихъ, облакался въ златыя одежды и пировалъ за столомъ уставленнымъ изысканными яствами? О, не даждь Господи, чтобы притча о Лазарѣ просящемъ крохъ и богачѣ-расточителѣ могла быть принаровлена къ вамъ. Сохраните со тщаніемъ все, что напоминаетъ вамъ наше прошедшее, нашихъ предковъ, славу отечества и могущество. Отвергнете то, что было погрѣшительно, что

довело край къ упадку и злополучію. Берегите какъ можно старательнѣе тѣ добродѣтели, коими отличались прадѣды ваши отъ иныхъ народовъ. Все это должно быть почитаемо, соблюдаемо какъ важная часть вашей народности. Должно ли мнѣ еще говорить къ сердцамъ, къ умамъ вашимъ, за вашихъ братій, находящихся въ уничиженіи, стѣсненіи, омраченіи и испорченности? Развѣ собственный интересъ вашъ, ваше убѣжденіе ничего еще предъ вами не открыли? Развѣ не понимаете еще, что судьбы ваши и края, надежды дѣтей вашихъ, вашей будущности зависятъ отъ вашего съ ними обхожденія? Развѣ ни Божеская вѣра, ни свѣтъ ума, ни требованія вѣка не открыли вамъ очей доселѣ, не показали вамъ вашихъ несправедливостей, нарушенныхъ вами Божескихъ и человѣческихъ правъ, поправленныхъ священнѣйшихъ чувствъ, всего человѣчества? Вѣрите, не только личное существованіе ваше, не только весь христіанскій міръ требуетъ у васъ этаго, но судьба вашихъ сыновей, внуковъ, правнуковъ отъ вашей нынѣ рѣшительности въ семъ отношеніи зависить. Не сомнѣвайтесь, что слезы этихъ несчастныхъ крестьянъ тяжко обвиняютъ насъ предъ престоломъ Всевышняго; и кто знаетъ, не есть ли эта непрощенная вина причиною, что толикократныя усилія кончились для насъ одними только несчастіями. Еще разъ говорю въ минуту, столь для меня торжественную, какъ настоящая, не пустая и суетная дипломатія подаетъ мнѣ слова сіи, не ложная, спекулятивная философія Запада руководить мною, но ваша и вашихъ дѣтей, о братья, общая польза и, что важнѣе, участь этой матери-отчины, которой я бы посвятилъ сто жизней, если бы имѣлъ ихъ. Имя мое исчезнетъ въ будущемъ, мало его кто теперь знаетъ, а послѣ меня никто не останется пользоваться счастливѣйшею жизнію. И такъ здѣсь нѣтъ ничего самоличнаго; одно внутреннее чистосовѣстное убѣжденіе побуждаетъ меня обратиться къ вамъ съ сими нѣсколькими словами для блага общаго.

Примиритесь съ Богомъ, оправдайтесь предъ Христомъ, Котораго именуетесь послѣдователями, и тогда, съ обновленнымъ мужествомъ, съ новою храбростію, чистою совѣстію, съ сердечной правотою, съ душевнымъ самоотверженіемъ, будете всѣхъ насъ счастливѣе въ приведеніи въ дѣйство великаго творенія. Но горе вамъ, соотечественники, о горе, когда сердца ваши, приведенныя въ трепетъ толикими неудачами, охладѣютъ, если ваши души замрутъ и задремлютъ, обезсиленные мнимымъ спокойствіемъ и надѣяніемъ на будущія счастливѣйшія обстоятельства. Горе, повторяю вамъ, когда настанутъ минуты открывающаго дѣйствованія и найдутъ васъ немощными, неприготовленными, ищущими только отдохновенія и удобствъ жизни, изнѣженной, мате-

ріальной, растлѣвающей тѣло, убивающей душу! Какъ оправдаетесь тогда предъ великими отцами вашими, предъ столькими, святыми мучениками, вашими братьями? Куда скроетесь, гдѣ найдете убѣжище предъ страшнымъ гнѣвомъ Бога, Который потребуеть отъ васъ отчета въ дняхъ испытанія, въ дняхъ покаянія и исправленія? Ибо вы не иначе должны считать теченіе прошедшихъ и настоящихъ дней, какъ только приготовленіями чрезъ посредство утѣшенія и печали надежды переменны на лучшее, къ лучшимъ блаженнѣйшимъ днямъ, кои уже недалеко. Вашимъ лозунгомъ должно быть: бдите, ибо не вѣдаете ни дня, ни часа. Не обижайте также памяти нашей, что будто намѣреніемъ нашимъ было отнимать чужую собственность, возобновлять кровавыя сцены, смертію и огнемъ новый возстановлять порядокъ,—нѣтъ: наши желанія, наши мысли, столько же были чисты, не своекорыстны, какъ священно и чисто дѣло нашей отчизны! Вы же юныя поколѣнія, надежда и подкрѣпленіе будущихъ судебъ края; вы, коимъ предстоить обширное поприще, протоптанное столькими пожертвованіями, вы, назначеніемъ коихъ есть вознесеніе не только славы вашего народа, но и возвращеніе ему самобытности, величія и возвращеніе въ лонѣ царства законной свободы и справедливости, знайте, что великое гигантское это дѣло, не можетъ быть исполнено легкими средствами; что для этого нужны великіе труды, продолжительныя жертвы, тяжкія усилія; и потому должно не только укрѣплять тѣло, закалять душу, умъ свой обогащать сокровищами полезныхъ знаній, но имѣть еще чистое сердце, непорочную совѣсть, и прямой никакимъ недостаткомъ не запятанный характеръ. Прочитывайте сочиненіе великаго нашего поэта *), пусть всякой изъ васъ наизусть знаетъ всю оду къ юности и стихи къ матери-Польшѣ: ибо въ нихъ найдете ваши обязанности и правила вашего поведенія, начертанныя пламенными и истинными, какъ Богъ, словамп. Вамъ предлежитъ загладить вины отцовъ вашихъ, исправить ошибки старшихъ вашихъ братій и сдѣлаться примѣромъ вашимъ дѣтямъ. Прекрасно, безсмертно, хотя тернисто ваше поприще. Не жалуйтесь, но приносите благодареніе Господу, чтобы избрать васъ орудіями къ столь великому дѣлу. Ваши труды и усилія—вамъ будутъ честь и слава за нихъ, въ благодарность же отечества и міра, имена ваши поставятъ на ряду со знаменитѣйшими; но чтобы достигнуть столь высокаго предѣла, не сластолюбивыми, не женоподобными правами. не приобрѣтеніемъ пустыхъ блестящихъ знаній, не изысканностію наряда, не старательностію о красивости и привлекательности наружности, не подражаніемъ легкомысленности и чужимъ глупостямъ отли-

*) Мицкевича.

чатся должны вы. О нѣтъ! Такое поведеніе въ состояніи породить только немощность, безсиліе, низость и способность сносить ярмо неволи. Сколько высоко назначеніе, столько же должны быть тяжки, тернисты труды. Избирайте: славу и безсмертіе или проклятіе и вѣчное поношеніе.

II*).

Очеркъ духа Виленской Академіи отъ учрежденія оной до 1839 года.

Виленская Академія учреждена на мѣсто упраздненнаго въ 1831 году Университета. Основаніе ея показалось исполнскимъ дѣломъ нѣкоторымъ льстецамъ, которые провозглашали публично и въ письмахъ: „Кто бы могъ надѣяться, чтобы на развалинахъ одного Университета воздвиглись двѣ Академіи?“ (Ксендзъ каноникъ Фіалковскій въ рѣчи о Церковной исторіи при открытіи Духовной Академіи въ Вильнѣ 1834). Обучающихся съ начала было очень много по причинѣ только что усмиреннаго мятежа. Вся молодежь, намѣревавшаяся до того поступить въ Университетъ, по краткости времени, не соображая о дальнѣйшемъ образованіи, принуждена была вступить въ Академію, не взирая на ненадежность будущности и лишенія, какія ея ожидали. Отъ этого стеклась молодежь изъ сосѣднихъ губерній Литвы, Волыни, Подоліи, Украйны, Курляндіи, Инфляндъ, Полѣсья и Царства Польскаго. Самое большее число студентовъ соотвѣтственно народонаселенію и пространству земли было съ начала изъ Бѣлостокской области, превышавшее 80 человѣкъ.

Въ семъ множествѣ или, такъ сказать, скопленіи нельзя было замѣтить, что это дѣти Польши, будущіе ея обыватели, ученики, только что усмиривавагося возмущенія. Прошедшее возмущеніе было еще памятнымъ, но слухъ объ немъ гремѣлъ въ устахъ только нѣкоторыхъ, на подобіе звону колокола къ вечерней молитвѣ, который хотя громокъ, но, разливаясь и теряясь въ волнахъ воздуха, не производитъ на слышащихъ никакого ощущенія, потому что, быть можетъ. и самъ пономарь не зналъ для чего звонилъ, считая свое занятіе обыкновеніемъ, или что такъ ему было приказано. Тоже самое происходило съ здѣшнею молодежью. Шли толки съ начала съ одушевленнымъ чувствомъ пламеннаго сердца, потомъ по немногу холодѣли, и исчезала вѣра въ возможность имѣть свое отечество. Можно сказать,

*) Такъ означено въ рукописи; но дальнѣйшія страницы относятся ко времени раньше того, что разсказано выше. П. Б.

что не знали и не постигали цѣли мятежа, а тѣмъ болѣе обстоятельствъ его движенія и скорого паденія.

Большая часть студентовъ бывшаго Университета оставалась въ домахъ. Они были остатками и возстановителями на будущее время дѣтскихъ лишь шалостей и баловства. Они остались въ домахъ, потому что холоднымъ или вѣрнѣе трусливымъ умомъ предусматривали здѣсь болѣе для себя выгоды; слѣдовательно это былъ отборъ худшей молодежи. Мятежъ и приближеніе Хлоповскаго увлекли лучшую молодежь. Хорошее зерно улетѣло дальше, мякина напротивъ осталась на мѣстѣ, или же улетѣла въ противоположную сторону. Всѣ дѣйствія ихъ заключались въ чванствѣ и кичливости: „что еслибъ это было во времена Университета, какая была тогда вольность и разгулье, а богатыхъ студентовъ было болѣе, нежели въ крестномъ ходу въ день праздника Божьяго Тѣла пригожихъ дѣвушекъ въ окошкахъ большой улицы“. Про общество Бруковыхъ Вѣдомостей, которое уже не существовало, забыли говорить, или же говорили, не понимая его. Оставшаяся старшая Университетская молодежь, какъ уже сказано, съ малыми изытіями была дрянью и притомъ опасною; ибо, помня причуды и площадное чванство, усиливалась переобразовать подобнымъ образомъ и вновь прибывшихъ богатыхъ студентовъ. Бѣдныхъ было много, каждый отправлялся въ Вильно съ надеждою, что здѣсь призрять его товарищи, но обманываясь сею надеждою, рѣшались на всякія интриги и недостойные поступки. Казенный коштъ на 1000 учениковъ, помѣстившій болышею частію старыхъ студентовъ, не могъ помѣстить всѣхъ вновь прибывшихъ. Казенное содержаніе сдѣлалось единственнымъ желаніемъ и спасеніемъ для множества бѣдныхъ. Произошло затрудненіе въ поступленіи на казенный коштъ, а отъ сего возымѣли начало взаимныя интриги, клеветы и поношеніе: каждый, представляя свое положеніе самобѣднѣйшимъ, называлъ прочихъ богатыѣйшими себя. Педали, по новому крещенію подынспекторы, собирали, и очень легко, свѣдѣнія о состояніи и состоятельности каждаго. При такомъ пристрастномъ поведеніи надзирателей можно вообразить себѣ, какой былъ духъ многочисленной и почти согнанной въ одно мѣсто молодежи!

Въ необходимой нуждѣ спасеніемъ были для бѣдняковъ билиарды и карты, не говоря уже о другихъ домашнихъ спекуляціяхъ. Въ этомъ сбродѣ, гдѣ большая половина думала о дневномъ насущномъ хлѣбѣ, нельзя было завести строгой, приличной и учтивой академической полиціи. Посему вольные слушатели отданы были, какъ и нынѣ, подъ

надзоръ городской полиціи, которая, гоняясь за злотыми, ловила по шинкамъ и студентовъ Академіи.

Сердце болитъ при подобномъ изображеніи духа молодежи, приготовлявшейся къ обязанности будущихъ сыновъ и обывателей отечества. Однакожъ, нельзя пропустить того, что дѣйствительно происходило, для объясненія послѣдующихъ событій. Теперь уже институтъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ сдѣлался предметомъ, на который устремлены вниманіе правительства и начальства мѣстнаго. Институтъ сей, составясь изъ старыхъ учениковъ, былъ вмѣстилищемъ тѣхъ же старыхъ обыкновеній, привычекъ и пороковъ.

До сихъ поръ Евреи, проживавшіе въ сосѣдствѣ института, нажили много распродажею напитковъ и закусокъ. Нынѣ, слава Богу, оставивъ кабаки, переселились на другіе переулки и принялись снова за свойственное имъ ремесло, которое брошено было для содержанія шинковъ.

Все, что пишу, навѣрно останется въ рукописи, а потому для сокращенія не буду распространяться; въ случаѣ, ежели что нибудь пропущу, другіе со временемъ пополнятъ. За отступленіе же отъ правилъ исторіографа простятъ меня, ибо пишу не исторію. Въ послѣдствіи кто нибудь ее напишетъ.

Такое было состояніе Академіи до 1834, даже до 1835 года, когда въ эту Академію поступилъ *Францъ Савичъ*, будущая душа Академіи и страхъ деспотическихъ властелиновъ.

Такъ какъ все дѣло зависѣло и будетъ зависѣть отъ дѣйствій нѣсколькихъ лицъ, то и займемся лишь обширнѣйшимъ ихъ очеркомъ; это будетъ даже исторіею духа Академіи, который отъ нихъ зависѣлъ и на нихъ упирался.

Происхожденіе Савича было такое же, какъ и многихъ другихъ. При малыхъ свѣдѣніяхъ, небольшихъ связяхъ и вліяніи, не могъ онъ быть замѣтнымъ, отличеннымъ; жилъ въ недостаткѣ, въ кругу своихъ товарищей, упражнялся въ наукахъ единственно для удобства жизни и съ постоянною и непоколебимою памятью о Польшѣ. Происходя отъ бѣдныхъ родителей, еще въ дѣтствѣ остался сиротою и нашель, какъ самъ говорилъ, вторично отца въ ксендзѣ Францышканскаго ордена Францъ Махцынскомъ, бывшемъ смотрителѣ Пинскаго училища. Должно быть, что этотъ ксендзъ точно былъ для него хорошимъ отцемъ, когда изъ подъ его опеки онъ вышелъ съ такимъ неукротимымъ никакими превратностями духомъ и вѣрою въ будущее, сильнѣйшее существованіе Польши. Отъ роднаго отца наслѣдовалъ онъ

хорошее здоровье, посредственный ростъ, крѣпкое тѣлосложеніе и близорукость. Отъ опекуна честность, недурную голову и характеръ столько же неукротимый, сколько откровенный. Прибыль онъ въ Вильно въ 1834 году, почти уже совершенный въ отношеніи нравственномъ, съ собственнымъ умомъ и сужденіями о вещахъ.

Прошелъ первый годъ. Въ слѣдующемъ, въ 1835-мъ г., Савичъ перешелъ въ институтъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Состоя въ Пинскѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ старшимъ ученикомъ и домашнимъ учителемъ, онъ имѣлъ уже нѣсколько съ обывателями знакомствъ. По образу мыслей былъ онъ извѣстенъ съ хорошей стороны, при томъ обладалъ счастливымъ даромъ не только нравиться, но и пріобрѣтать даже каждаго почтеніе, и потому знакомые невольно открывались передъ нимъ. Это составляло пищу его души; этимъ пріобрѣталъ онъ часть знакомствъ, которыя постепенно возрастали, и наконецъ это было причиною обращенія на него взоровъ людей, которыхъ онъ долженъ былъ опасаться. Онъ былъ всегда готовъ говорить, когда разговоръ касался возстанія и Польской исторіи, былъ непримиримымъ врагомъ не только Русскихъ, но даже Русскаго языка, преслѣдовалъ его и чуждался имъ; но это можно простить ему, какъ еще молодому, но самага лучшаго сердца, юношѣ. Былъ онъ дѣятеленъ, всякаго старался склонить къ своему образу мыслей и согласить съ своими понятіями. Послѣ возмущенія студенты Академіи были лучше, нежели съ 1835 или 1836 года. Видно, сначала болѣе было обращено вниманіе на ихъ образъ мыслей. Но Савичъ не могъ успѣвать, ибо они, зараженные духомъ деспотизма, не легко связывались съ молодыми, развѣ только при игрѣ въ карты или въ билиардъ.

Заграничная сатира въ устахъ и выговорѣ Савича приняла двойной ядъ для Русскаго правительства. Громко объ этомъ разговаривали до тѣхъ поръ, пока разсказовъ этихъ не заглушилъ слухъ о какомъ-то манифестѣ Австрійскаго князя Эрнеста въ пользу Поляковъ и скоро ожидаемомъ объявленіи независимости Польши. Савичъ, услыша изъ десятыхъ устъ, что новость эта вышла отъ важной въ Вильнѣ особы, и потому достовѣрна, пилъ за здоровье будущаго Польскаго короля и, возвратясь вечеромъ домой, въ изступленіи радости и самопожертвованія, кричалъ: „Пусть меня хоть сейчасъ тащутъ въ Сибирь, пусть Польскій король будетъ еще больше тиранъ нежели Русскій, лишь бы Польша сдѣлалась независимою“. Таковы были понятія въ началѣ Апрѣля 1836 года, но потомъ смѣялись надъ ними.

Уже проблеснула въ золѣ искра, уже вѣтерокъ потихоньку раздувалъ ее въ будущій огонь. Часто поговаривали, сами не зная о чемъ,

не зная что изъ этого произойдетъ, созрѣетъ; но говорили съ чувствомъ, съ радостію. Довольно того, что повсюду возродилась надежда. Въ это же время, понынѣ неизвѣстная въ институтѣ, а можетъ быть и въ цѣлой Академіи, книга проблеснула не какъ молнія, но какъ комета, ибо книга сія дала вновь сильнѣйшій полетъ мыслямъ, бросила свѣжіе уголья на очагъ молодого духа. Это была первая часть пилигримства Польскаго народа, сочиненіе Мицкевича. Еще таился страхъ въ умахъ слабыхъ, еще свѣжи были въ памяти несчастія мятежа и помнилось запрещеніе читать подобныя книги. Поэтому на первый разъ много успѣха, что нѣсколько десятковъ прочло ее, и того болѣе, что еще нѣсколько осмѣлилось переписать, хранить у себя и сообщать товарищамъ. Это озарило высшимъ свѣтомъ молодые умы, но небольшое еще число, потому что не всѣ успѣли читать. Съ сихъ поръ старались повсюду приобрѣтать, какія бы то ни было, книги и съ жадностію читали. Читая исторію, многіе озлоблялись, ибо читая, постигали всѣ промахи, всѣ ошибки Поляковъ, кричали, что сами ввергли въ гробъ отечество и на изъявленіи этой злости, на этихъ чисто-судорожныхъ порывахъ, все оканчивалось, даже духъ надежды упалъ. Естественное дѣло, что молодые умы, усмотрѣвъ замѣчательнѣйшія пятна въ дѣйствіяхъ соотчичей, должны были негодовать на промахи Жолкевскихъ, Замоискихъ, не говоря уже о Сигизмундовыхъ и позднѣйшихъ близшихъ къ нашему времени ошибкахъ. Несвѣдущіе въ исторіи, зная ее только по школьному, не могли догадываться о истинномъ духѣ и основныхъ причинахъ прошедшаго возстанія; не было никого, кто бы просвѣтилъ ихъ. Многіе чувствовали истину, но не могли ее совершенно разгадать. Сочиненіе Воронича, Наполеоновы рѣчи, потомъ конституція 3-го Мая, пробѣжавъ по рукамъ нѣсколькихъ десятковъ студентовъ, только раздували огонь, подобно вѣтру, колеблющему пламя, пока оно, усилившись, не получитъ вѣрнаго направленія.

Послѣ такого чтенія рождались разсужденія и распри, для чего тогда же не признавали равенства для мужиковъ? Почему не изгнали Евреевъ, почему непременно не составили стотысячнаго войска? Потомъ познакомились съ причинами, когда прочитали „Замѣчанія о Польшѣ“. Свѣдѣнія изустныя и газетная ложь занимали умы уже приготовленные и перекрещивались въ разныхъ направленіяхъ, почти безъ всякой цѣли. Англія и Чарторійскій были звѣздой и Моисеемъ, ожидаемымъ Израильтянами съ горы Синайской.

Таково было состояніе Академіи до исхода учебнаго 183⁵/₆ года.

Въ этомъ духѣ молодежи существовала еще разни́ца и раздѣленіе на губерніи и училища, какъ и должно было быть. Къ Кременецкому училищу принадлежавшіе Подоляне и Волынцы были просвѣщеннѣе другихъ, имѣя лучшихъ учителей, имѣя передъ глазами во время мятежа много событій и совѣщаній, а потому ознакомленные болѣе съ стремленіемъ и духомъ народовъ, были горды своими свѣдѣніями и по своей гордости не легко соединялись съ Литовцами.

Изъ Царства Польскаго и Курляндіи были почти одни лишь Евреи подъ личиною Нѣмцевъ, не пользовавшіеся уваженіемъ.

Минское училище, отличавшееся отъ другихъ, было часто въ презрѣніи и недовѣріи, за сильное его стараніе о первенствѣ и низкопоклонность предъ начальниками. Изъ Пинска и Слуцка мало было учениковъ, но за то они были согласны. Литовскія и Бѣлостокское училища были нераздѣльны; мало чванства, немного свѣдѣній, но за то царствовало между ними согласіе и готовность къ добруму. Въ этомъ различномъ состояніи не было сборищъ, не было взаимнаго сообщенія мыслей, и потому существовало какое-то усыпленіе, единообразіе; не было еще случая, чтобы лучшіе могли съ собою соединяться и составлять одно тѣло. Сіе произошло въ слѣдующемъ 1837 году. Удивительно, что люди иногда мимо воли и желаній дѣйствуютъ на умъ другихъ, не зная откуда и какимъ это образомъ случается. Нѣмецъ Шмидкофъ, не находя для себя нигдѣ пристанища, нашелъ пріютъ у гостепріимныхъ Литовцевъ. Ему дозволили сдѣлаться директоромъ съ начала Нѣмецкаго, а потомъ и Польскаго театра. Оперы, представленныя нашей публикѣ, были приняты съ рукоплесканіемъ, какъ дѣтьми, не издавшими еще пляшущихъ деревянныхъ въ шарманкѣ фигурокъ. За общимъ гласомъ пошла большая половина Академической молодежи, Нѣмцы, Жиды и мѣщане. Въ нѣсколькихъ десяткахъ душъ возродилось сопротивленіе. Вода попала на раскаленное желѣзо. Мало по малу началась двусторонность. Оперы воспламенили головы. Составляются двѣ партіи, большая и маленькая, становятся одна противъ другой, хотя съ неравными силами и сражаются. Со стороны истины остаются крѣпость духа и сила. Усиливается Польская сторона, но должна смириться и быть тихою. Только лишь по заламъ ведутся постоянныя пренія и похвалы, осмѣиванія и доказыванія заблужденій. Мало того: Нѣмцы актеры имѣютъ своихъ газетныхъ хвалителей, Польскіе совершенно оставлены. Театръ этотъ чрезъ несогласіе партій и личныя ссоры съ ума сходившихъ актеровъ окончательно упадетъ. Молодежь, хотя со страхомъ, но съ большими впрочемъ безнужными осторожностями, въ поощреніе своихъ актеровъ, пишетъ похвалы. Смѣши-

ваются мнѣнія. Польскій театръ хотя упалъ, но, можетъ быть, поэтому приверженцы его умножены. Вознесся духъ, началась жизнь и движеніе въ городѣ между молодежью; много думали, передумывали разные проекты прогнанія Нѣмцевъ, стращали публику и актеровъ опасеніями, что будетъ заведенъ Русскій театръ.

Этимъ занимались, объ этомъ думала молодежь, не давно еще возродившаяся духомъ. Хорошо и то, что этимъ начали соединяться и ближе узнавать другъ друга. Но Савичъ съ нѣсколькими товарищами возвратились изъ ваканціи уже другими; они имѣли высшія понятія, для нихъ этого было мало. Будучи знакомъ съ Родзевичемъ, онъ долженъ былъ пріобрѣсть многія свѣдѣнія. Въ этомъ году онъ началъ сильно дѣйствовать, къ чему приступили и другіе. Клеванъ былъ средоточіемъ заговора (Клеванъ такъ прозывался отъ того, что нѣсколько человѣкъ изъ Клевани квартировали вмѣстѣ). Теперь знакомится онъ съ Рабчинскимъ, будучи уже прежде того знакомъ съ Загорскимъ. Въ это время былъ онъ уже другимъ Зандомъ, имѣлъ мало книгъ, сидѣлъ по ночамъ и занимался переписываніемъ разныхъ прокламацій, разсужденій и преній заграничныхъ выходцевъ, собиралъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ болѣе знакомыхъ и довѣреннѣйшихъ, читалъ и научалъ (апостолить). Въ этомъ 1837 г. Савичъ снялъ съ себя маску. Попалась къ руки исторія Мохнацкаго. Этотъ спиртъ, этотъ огонь возжегъ въ ихъ сердцахъ пожаръ, развилъ умы, придалъ новый блескъ и усовершенствовалъ ихъ. Его мысли, превосходящія его понятія, необыкновенныя мысли, политика, знаніе дипломатики и всѣхъ обстоятельствъ удивили нѣсколькихъ, а потомъ и всю читавшую его молодежь. Наконецъ разгадали, объ чемъ шло и идетъ дѣло. Въ это же время появились сочиненія: „Праотцы“ (части I и III-я) Мицкевича, Коранъ Юлія Словацкаго, Панъ Тадеушъ, разсужденія Гржималы, Вѣщія слова ксендза Ламенэ и журналы Парижскаго Польскаго общества. Возрастаетъ жизнь. Уже Савичъ, Рапчинскій и Лукьянъ (такъ его будемъ называть, объ этомъ послѣ*), взяли за руки, дали себѣ слово стараться въ институтъ направить на лучшую дорогу духъ и первоначально изгнать картежную игру, которой болѣе всего тогда предавались. Придумывали и разсматривали средства. Изъ числа рѣшительныхъ и жестокихъ избрали средство отвлекающее, вѣрное и безопасное, заключающееся въ снисходительномъ напоминаніи, удерживаніи отъ пороковъ и въ стараніи разнообразными честными упражненіями доставить занятіе празднои молодежи. Теперь родилось въ ихъ головахъ большое намѣреніе учредить собственную типографію, о которой, какъ

*) Лукьяномъ авторъ называетъ себя.

оказалось въ послѣдствіи, думали Канарскій и многіе другіе. Были готовы наняться хотя работниками, не спать цѣлыя ночи, пожертвовать здоровьемъ.

Въ этомъ предположеніи еще болѣе утвердились, когда Лукьянъ прочиталъ имъ свое произведеніе, хотя не болѣе какъ только изрядное, но для нихъ казалось, что и оно много можетъ подѣйствовать, лишь бы распространять кругъ читателей. Юноша Лукьянъ, прежде невѣровавшій какъ Ома, недавно воскресшій съ новою сильною вѣрою, посредственныхъ способностей, слабаго тѣлосложенія, но пламеннаго духа, не находя ни откуда писменныхъ пособій, самъ старался заводить съ товарищами разсужденія. Почти всегда находилъ противниковъ своимъ мнѣніямъ, возражалъ, доказывалъ, бранилъ; но это мало пособляло, ибо онъ не умѣлъ попадать въ человѣческія сердца. Полагалъ и надѣялся найти всѣхъ равными и подобно какъ онъ мыслящими. Не зналъ хорошо людей, и потому въ раздраженіи, вредномъ для здоровья, бросался иногда на постель и въ безсонницѣ хваталъ перо, писалъ и рвалъ написанное. Рабчинскій, старше возрастомъ, пройдя уже разные случаи жизни, проповѣдуя съ амвона, подобно ксендзу Доминиканскаго ордена Барковскому и опять поступивъ въ студенты медицины, былъ самаго лучшаго сердца, пламеннаго духа, однакожь не дальновидный и не знающій хорошо людей, познакомился въ этомъ 1837 году съ Лукьяномъ и Савичемъ въ короткое время, ибо въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, по сходству своего образа мыслей, сдружились коротко искреннею дружбою. Рабчинскій былъ честнѣйшая душа, всякому успѣвалъ понравиться своею готовностію къ услугамъ и посвященію себя для общаго блага. Это была истинно-поэтическая душа. Болѣе неукротимый нежели Савичъ, часто опрометчивый, онъ не зналъ ни въ чемъ преграды, однимъ словомъ „или имѣть все или ничего“ былъ его девизъ, но слишкомъ откровененъ. Лукьянъ, на противъ того, скрытенъ и твердъ къ признанію, холоднаго вида и мало общающей физіономіей. Чтобы оцѣнить его, нужно было прежде узнать его. Савича товарищи почитали, Рабчинскаго любили; Лукьянъ не далъ себя близко узнать, дѣйствовалъ, но рѣдко явно; ежели просвѣщалъ и убѣждалъ, то просвѣщавшіеся не знали откудова сей свѣтъ истекалъ на нихъ. Въ собственныхъ мнѣніяхъ былъ неоспоримъ, твердъ и нелегко доступенъ. Зная духъ почти всѣхъ товарищей, самъ едва былъ извѣстенъ.

Въ это время, имѣя связи съ обывателями и предусматривая изъ обзора подвиговъ Канарскаго, къ какой точкѣ пришли дѣла, надѣялись уже на новое сильное возстаніе, долженствовавшее совершиться съ

обдуманіемъ и съ бѣльшимъ приготовленіемъ умовъ. Это мнѣніе раздѣляли Савичъ и нѣсколько другихъ на Клевани. Лукьянъ надъ этимъ смѣялся, ибо хотя не зналъ хорошо хода дѣла, но, занимаясь только собою, взоромъ предчувствія часто видѣлъ лучше другихъ свѣдущихъ. Въ Клевани стоялъ Загорскій съ нѣсколькими другими хорошими товарищами изъ Волинцевъ и Подолянъ, въ числѣ которыхъ было тоже два Пинчука (уроженцы Пинска).

Учебный 1837 годъ почти на томъ кончился. Выѣзжая на каникулы, нѣсколько лицъ имѣли намѣреніе дѣйствовать на мужиковъ и на что случится; ибо слышали о посвященіи многихъ умныхъ людей, приписавшихся въ крестьянство единственно для удобнѣйшаго распространенія подъ личиною крестьянской одежды спасительныхъ истинъ и мыслей Европейскихъ народовъ. Впрочемъ было смирно, весело; никто болѣе объ этомъ не думалъ.

Съ возвращеніемъ изъ ваканцій 1837/8 года воскресли въ нѣкоторыхъ уже новыя понятія. Причина объяснится въ послѣдствіи. Еще Чарторійскій почитался за добраго, и почти вся на немъ полагалась надежда. Бѣдный Мицкевичъ теряетъ понемногу довѣріе, несогласіе заграничныхъ обществъ дѣлается намъ соблазномъ, Лелевелъ соблазнителемъ. Отторженіе его отъ Парижскаго общества поразило всю молодежь; не могли постигнуть причины, ибо не имѣли еще для объясненія своего источника.

Между тѣмъ какъ это происходило, президентъ Академіи былъ не доволенъ поведеніемъ нѣкоторыхъ академиковъ за ихъ разбродъ по улицамъ и трактирамъ. вмѣстѣ съ прибытіемъ своимъ въ Вильно, онъ объявилъ настоящее повелѣніе князя*) запретить свободу молодежи, которою до того времени еще пользовались по возможности. Для достиженія предположенной цѣли президентъ Академіи вознамѣрился ввести казенный столъ. Все уже было къ этому приготовлено, недоставало только утвержденія министра; но, не дожидая разрѣшенія по этому предмету, Кучковскій, подстрекаемый болѣе инспекторомъ Гелингомъ, рѣшился ввести казенный столъ подъ видомъ будто опыта. Студенты, рѣшившись во что бы то ни стало, не допустить этаго нововведенія, угрожавшаго ихъ свободѣ, условились ожидать только случая, чтобы оказать явное ослушаніе. принявъ за основаніе своихъ дѣйствій поводъ, что настоящій проэктъ не былъ еще утвержденъ министромъ. Собравъ

*) Князя Николая Андреевича Долгорукаго (который не устоялъ передъ соблазномъ Польской женщины, и потому Николай Павловичъ перемѣстилъ его генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ). П. Б.

по нѣскольку человѣкъ студентовъ изъ старшихъ четырехъ классовъ, президентъ и Гелингъ оба несмѣлымъ голосомъ представляли студентамъ всѣ недостатки содержанія изъ ограниченнаго мѣсячнаго жалованья. Усиленные труды и занятія, а отъ нихъ случаи большой смертности между вами (продолжали они) суть слѣдствія теперешней вашей жизни. Подъ предлогомъ устраненія недостатковъ, происходящихъ отъ содержанія изъ десяти рублей, президентъ предлагалъ этимъ студентамъ (въ которыхъ не надѣялся встрѣтить сопротивленія) поступить временно на общій наемный столъ съ заплатаю отъ казны впередъ, пока не учредится постоянный казенный столъ. Но, несмотря на свои надежды и краснорѣчивыя увѣщеванія, Кучковскій въ намѣреніи своемъ не успѣлъ. Попала коса на камень. Большая половина была слабыхъ и уже готова была принять его предложеніе; но находившійся здѣсь Лукьянъ съ нѣкоторыми подобнаго ему духа (удачно прикрывая себя маскою лицемѣрія) кричалъ, убѣждалъ до потери голоса и успѣлъ въ томъ, что выходившему президенту, послѣ бесполезнаго въ продолженіи часа увѣщеванія, закричали большинствомъ голосовъ: „не желаемъ, не пойдемъ, будемъ ожидать утвержденія“. Президентъ вышелъ и, стараясь скрыть свою злость, объявилъ, что онъ еще разъ соберетъ студентовъ и повторитъ свои предложенія, но вѣрно по совѣту Гелинга, знавшаго лучше духъ Академіи, уже болѣе срамитъ себя не приходилъ. Студенты достигли своей цѣли; но кромѣ сего, обстоятельство это послужило поводомъ къ пробужденію усыпленныхъ, къ вооруженію противу уничтоженія приготовляемой имъ участи и къ возобновленію сходбищъ для разныхъ совѣщаній, имѣвшихъ одну цѣль: собственную оборону.

Вскорѣ послѣ того случилось другое событіе. Запрещеніе курить трубки, объявленное по случаю сожженія вещей одного студента, было подтверждено раздраженнымъ инспекторомъ съ прежнею строгостію. Впрочемъ для дѣятельнаго его ума не доставало занятій, ибо поступавшія прежде отъ студентовъ взаимныя жалобы теперь почти прекратились. Желая возобновить и поддержать свои со студентами отношенія, онъ настаивалъ, чтобы подынспекторы ходили по комнатамъ и отнимали трубки, табакъ и пр.

Одинъ изъ подынспекторовъ, нерасторопный, не знавшій еще духа молодежи, между которой являлись иногда дѣтскія шалости, желая прислужиться Гелингу усерднѣйшимъ исполненіемъ его повелѣній, преимущественно надѣдалъ. Нѣсколько разъ студенты имѣли съ нимъ малозначительные споры, но карты все портили: онъ часто находилъ играющихъ, нельзя было искоренить этого. Встрѣтятся однажды съ сту-

дентомъ вспылчивѣйшаго характера, они разбранились порядочно; послѣдовала отъ подынспектора жалоба и взысканіе съ студента. Мстѣщій подынспекторъ приходилъ ежедневно читать именныя списки. Однажды, когда онъ вошелъ въ залъ послѣ хирургіи, его приняли со стукомъ и крикомъ; начали свистать, подняли крикъ; „прочъ, вонъ, трусь!“ Онъ побѣжалъ съ жалобою къ инспектору, который какъ будто о чрезвычайно важномъ и необыкновенномъ дѣлѣ вошелъ съ рапортомъ къ президенту и, радуясь настоящему случаю, успѣлъ вооружить его къ мщенію и униженію гордыхъ студентовъ. Президентъ послушался, надѣясь, что обида, причиненная чиновнику, штабъ-лѣкарю, отличенному орденомъ, устраситъ молодежь. Въ слѣдствіе сего, того же дня послѣ обѣда приказываетъ онъ задержать на терапіи 3 и 4 классы и самъ для бѣльшаго страха, взявъ съ собою старца Снядецкаго, запыханный явился въ залъ съ бумагою (рапортомъ Гелинга) въ рукахъ. Нельзя было ни къ чему привязаться: почти всѣ находились на урокъ. Студенты, предвидя послѣдствіе этой грозы, многіе приготовились говорить. Появленіе сѣдаго голубя, старца Снядецкаго, удивило студентовъ; но они знаютъ его доброжелательство, и страхъ уступаетъ. Президентъ вбѣжалъ запыханный, бросился на кресло и отъ слова „Господа!“ началъ читать полученный имъ рапортъ. Представляя всю важность тяжкой обиды, причиненной подынспектору, штабъ-лѣкарю, съ крестомъ отъ Государя!!! произнесъ онъ: „Или падайте на колѣни и просите прощенія, или я тотчасъ войду съ представленіемъ къ министру объ исключеніи вонъ изъ Академіи десятаго по очереди“. Студенты молчатъ, нѣкоторые трепещутъ, лучшіе же смѣются. Президентъ въ бѣшенствѣ гнѣва произноситъ тоже въ другой разъ, и опять мертвая тишина. Изъ угла кто-то отозвался тихо, это привело президента къ изступленію. По лицу его разлилась багровая краска, и конвульсическая судорга пробѣжала по его членамъ. Инспекторъ смѣялся. Наконецъ, употребляя послѣднія силы, закричалъ: „въ третій и въ послѣдній разъ призываю, или просите прощенія, или горе вамъ! Вы обидѣли Государя!“ Воцарилась тишина, студенты стоятъ на подобіе каменныхъ. Бѣшенный побѣжалъ къ дверямъ. Студенты молчатъ. Инспекторъ, слѣдуя позади президента обще съ профессоромъ терапіи, убѣждаютъ студентовъ отзываться съ просьбою. Снядецкій постоянно молчалъ. При дверяхъ возвращается президенту разсудокъ: забывъ свою надменность, возвращается и въ четвертый разъ уже просительнымъ голосомъ умоляетъ студентовъ, чтобы просили извиненія. Опять молчаніе... Въ это время нѣсколько испуганныхъ вольнослушателей отзываются несмѣлымъ голосомъ: „просимъ“. Жизнь возвратилась въ грудь президента. Обрадованный, зоветъ онъ въ пятый разъ, но вновь молчаніе, а въ

слѣдъ за тѣмъ раздались уже непросительные голоса, но шумъ и крики: „все представлено ложно, подынспекторъ злой грубіянь“. Президентъ возвращается къ кресламъ, смягчается и почти насильно исторгаетъ нѣсколько просительныхъ голосовъ. „Пусть всѣ просятъ“, кричитъ онъ на это молчаніе. Видя наконецъ, что ничего не успѣетъ, онъ вышелъ, отдавъ приказаніе, чтобы классы выбрали изъ среды себя депутацію, которая, отъ имени всѣхъ студентовъ, должна была идти просить у подынспектора прощенія. На это крикнули: „не пойдемъ“. Президентъ выбѣжалъ.

На другой день прошедшее было уже забыто, никто и не думалъ о приказанномъ посольствѣ. Въ 12-мъ часу, пришелъ отъ президента инспекторъ, спрашивая, для чего до сихъ поръ не пошли просить. Въмѣсто отвѣта слышались стукъ и свистъ. Но съ безсовѣстнымъ челомъ инспекторъ этимъ не сконфузился, прочелъ списокъ назначеннымъ въ депутацію студентамъ и самъ вышелъ. Времени оставалось едва нѣсколько часовъ; однакожъ нужно же было на что нибудь рѣшиться: ибо назначенные въ депутацію могли бы за все отвѣчать. Хитрая инспектора выходка! Нѣкоторые изъ шалуновъ кричатъ: „не пойдемъ!“... Расторопнѣйшіе и тѣ, которые имѣли на отчетъ совѣсти уже не такія ребячества, совѣтуютъ хотя наружно покориться необходимости. Къ этому склонить было трудно; но нѣкоторые требуютъ настоятельно, чтобы идти. Передъ послѣобѣденными уроками, Савичъ, по обыкновенію своей разсѣянности, выскакиваетъ на середину и, не зная еще бѣльшей половины духа товарищей, начинаетъ говорить, что нужно идти просить; ибо извѣстно, какъ Русское правительство готово ко всему придратся. Лукьянъ осторожнѣйшій, желая загладить публично произнесенныя Савичемъ слова, сказалъ: „Худо совѣтуешь! Иди!“ Его поддержали и другіе. Савичу же сдѣлано въ свое время замѣчаніе впередъ быть осторожнѣйшимъ. Постановили послать назначенныхъ съ тѣмъ, чтобы только явились, ничего не говоря на счетъ извиненія; если ихъ спросятъ, зачѣмъ пришли, отвѣчать, что такъ имъ приказано. Такъ и случилось. Пошли, и на упреки подынспектора за ихъ невѣжливость они разбрали его въ другой разъ (въ этомъ посольствѣ было нѣсколько порядочныхъ малыхъ) и сами вышли, исполнивъ приказаніе начальства. Обиженный въ другой разъ обратился къ инспектору; но тотъ послѣ долгаго обдумыванія и разсужденія призналъ благоразумнѣйшимъ прекратить настоящее дѣло, которое безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и кончилось.

Наступилъ день ангела Снядецкаго (1837, Ноября 29-го). Молодежь двухъ послѣднихъ классовъ этотъ день желала ознаменовать под-

несеніемъ Снядецкому обновленнаго его бюста. Вечеромъ, иллюминировавъ залъ клиники, студенты торжественно и съ истинно-дѣтскою привязанностію приняли своего патріархальнаго профессора. Желая придать болѣе великолѣпія празднику и доставить удовольствіе старцу, котораго почти на рукахъ носили, они вознамѣрились освѣтить площадками дворъ; но узнавшій объ этомъ президентъ, изъ зависти и опасенія, этаго сдѣлать не дозволилъ, а самъ между тѣмъ поѣхалъ на вечеръ къ ректору Духовной Академіи Осинскому. Студенты, квартирующие въ институтѣ, въ восторгѣ, радости, чтобы доказать Снядецкому безпредѣльное уваженіе, велятъ по всѣмъ окошкамъ зажечь свѣчи. За примѣромъ старшихъ послѣдовали младшіе. Рабчинскій ходилъ по всѣмъ комнатамъ и всѣхъ объ этомъ просилъ. Институтъ иллюминировался. Узнавшій объ этомъ инспекторъ далъ знать президенту, который послѣ бала, какъ обѣщенный, влетѣлъ въ институтъ съ цѣлымъ штатомъ своей полиціи и съ солдатами съ губвахты, крича впереди: „у насъ штыковъ много!“ Къ несчастію онъ находитъ, не скажу въ которомъ классѣ, играющихъ въ карты. Стыдно даже вспомнить, что въ то время, когда одни съ невиннымъ сердцемъ, съ духомъ простоты и христіанской любви, утѣшаются тѣмъ, что молодежь еще способна обратиться къ доброму, имѣетъ еще какія нибудь сѣмена добродѣтели и общается лучшія надежды, другіе между тѣмъ убиваютъ ихъ настоящую веселость и удовольствіе, убивая въ себѣ все, и обдираютъ другъ друга по дружески до послѣдней копѣйки.

Это обстоятельство представило ему справедливую ко всему прицѣпку, не взирая, что въ другое время онъ не былъ слишкомъ строгимъ гонителемъ картежной игры, ибо въ собственномъ домѣ онъ учредилъ у своего лакея продажу для молодежи картъ. Началъ взыскивать за иллюминацію, всѣхъ бранить и разгонять, черновые книги замаралъ записываніемъ жалобъ на тѣхъ, на окнахъ которыхъ горѣли свѣчи. Почти никто этого не боялся, ибо знали, что настоящій поступокъ ихъ было ребячество, и знали, что дѣйствія Кучковскаго были слѣдствіемъ его вспыльчивости. Одно лишь горестно, что настоящія минуты восторговъ молодежи были для Кучковскаго предлогомъ къ злопамятнымъ и обиднымъ о Снядецкомъ разговорамъ, продолжавшимся даже послѣ его смерти. Никто въ зажиганіи свѣчей не признавался; тѣ, которыхъ требовали признанія, объявили готовность сидѣть за Снядекаго въ карцерѣ. Президентъ смекнулъ, что въ настоящемъ случаѣ студенты имѣютъ болѣе его ума. Вскорѣ послѣ того онъ совершенно оставилъ настоящее дѣло, получивъ только, какъ говорилъ онъ, замѣчаніе отъ военнаго губернатора за безнужное приведеніе съ

гаубтвахты солдатъ, какъ равно и за прежнее взятіе изъ института солдатами нѣсколькихъ ветеринарныхъ учениковъ и содержаніе ихъ на гаубтвахтѣ. Весь выигрышъ молодежи былъ тотъ, что дружнѣе начали между собою жить, внимательнѣе разсматривать свое положеніе и убѣдились, что гдѣ дружно дѣйствуютъ, тамъ трудно имъ повредить. Это случилось предъ Рождествомъ Христа 1837^{7/8} года. Въ сіе время появились въ рукахъ молодежи сочиненія: Французская революція, Ляпонаре, разсужденія изъ 17 столѣтія Боатѣе и нѣсколько другихъ журналовъ, Вротновскаго Возстаніе на Волыни и проч. Съ Ляпонаре дѣти соблазнялись, а совершеннѣйшіе получали большую пользу.

Савичъ, проводя постоянно время у Клеваницевъ, долженъ былъ принимать разныхъ въ своей квартирѣ, долженъ былъ гдѣ нибудь говорить, совѣщаться, увѣдомлять и пр. Въ настоящемъ году избралъ онъ лучшую квартиру. Сталъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Рабчинскимъ и нѣкоторыми другими, не совершенно еще приготовленными, желая ихъ усовершенствовать окончательно. Савичъ и Рабчинскій для удобнѣйшаго дѣйствія намѣревались соединиться съ Лукьяномъ, но его была другая политика. Смотри на все глазами дальновидными, онъ не похвалилъ настоящаго по комнатамъ соединенія, во первыхъ, что этимъ болѣе обратятъ на себя взоры и вниманіе товарищей (нѣсколькимъ нельзя было довѣрять) и академическаго начальства, предъ которымъ Савичъ считался невѣжею и упрямымъ молодымъ человѣкомъ, по случаю ссоръ его съ инспекторомъ и выходокъ, и во вторыхъ, что, собираясь въ одно мѣсто института, не въ состояніи будутъ смѣло и безъ подозрѣнія ходить по комнатамъ для смотрѣнія за товарищами; ибо ежели за десятью злыми станетъ смотрѣть одинъ непоколебимо-добрый, то на вѣрно, если не всѣхъ, то хотя одного успѣетъ передѣлать на свой образъ. Они его не слушали; онъ же, наставная въ своемъ мнѣніи, остался при немъ и расположился по прежнему на квартирѣ съ нѣсколькими товарищами, какъ это было и въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Савичъ, занимаясь въ Клевани важнымъ дѣломъ, не могъ ни самъ, ни его подражатели слѣдовать по той дорогѣ, по которой слѣдовали другіе. Разсматривали и разбирали подробно каждый пунктъ Пилигримства и другихъ сочиненій, имѣя притомъ уже лучшія изъ заграницъ свѣдѣнія, думали глубокомысленно о проэктѣ новыхъ законовъ и объ образѣ управленія будущаго общества, надъ которымъ трудятся. Савичъ, не умолимый гонитель помѣщиковъ, взвѣсивъ участь крестьянина, его настоящее состояніе и будущее, какое быть можетъ и должно быть, какъ человѣка, часто посягалъ на лютую мечь помѣщикамъ:—

всѣхъ повѣсить, всѣхъ вырѣзать. По его мнѣнію, всѣ должны были быть безусловно равными. Онъ имѣлъ перевѣсъ надъ умами товарищей, которыхъ воскресилъ духомъ и которые, живя чужими мнѣніями, легко съ нимъ соглашались. Нѣкоторые только, лучше понимающіе это равенство, существованіе котораго полагали найти въ вольности всего, повинувъ одному закону, не соглашались съ нимъ окончательно и слѣдовали по другой дорогѣ.

Продолжались нѣкоторымъ образомъ совѣщанія и составлялись партіи, но всѣ смотрѣли на общую цѣль дружно, подавали другъ другу руки и подвигались впередъ, одинъ желая себѣ Польши конституціонной, другой Польши вольной, а съ нею вольности всѣхъ Европейскихъ народовъ. Все это ничего не значитъ, были бы только равны духомъ и желаніемъ, были бы равны въ лучшихъ желаніяхъ возстановленія единства въ умахъ, въ стремленіи къ возрожденію самостоятельности и существованія Польши. Савичъ, принадлежа прежде къ низшему разряду, нынѣ возвысилъ свой духъ, далеко распростеръ свои крылья надъ деспотическою системою Европы, могущей быть вольною и христіанскою. Для несвѣдующихъ и нежелающихъ переходъ этотъ изъ подлаго честолюбія и личности весьма труденъ; нѣсколько однакожъ молодыхъ людей исполинскій этотъ переходъ свершили вдругъ и вдругъ сдѣлались людьми мыслящими истинно похристіански, полюдски. Думали часто и разсуждали, приступали къ собранію голосовъ, на какихъ именно законахъ основывается это счастье человѣковъ, эти равенство и вольность. До сихъ поръ выраженія: вольность и равенство, казавшіяся для молодыхъ всеобъемлющими, начали показываться неясными и тщетными, какъ и много другихъ выраженій общихъ, въ которыхъ, убѣждая другихъ, не могли въ случаѣ нужды отдать себѣ отчета и удовлетворительно отвѣтить на вопросъ. Нѣкоторые почитали лучшимъ средствомъ разоренія помѣщиковъ возложить на нихъ бремя податей, постоянно возвышая платежъ. Другіе предполагали ввести Ликурговъ законъ о раздѣленіи земель; но какъ первое такъ и другое предположеніе не могли быть удобноисполнительны въ настоящемъ нравственномъ состояніи Европы. Были еще и другія въ подобномъ содержаніи разсужденія, не разрѣшенныя по недостатку времени и обширнѣйшихъ къ таковымъ заключеніямъ свѣдѣній. Не знаю, по какому случаю, но лишь недавно Польское Парижское общество предложило въ этомъ смыслѣ къ разрѣшенію вопросъ. Нѣкоторые толкуютъ подъ общимъ выраженіемъ равенства и вольности прекращеніе обычая стрѣляться; однакожъ необходимость предстоить ближе войти въ смыслъ сихъ выраженій и, постигнувъ ихъ, дать понятъ свѣту, чего долженъ до-

биваться и требовать отъ деспотовъ. Иванъ Чипскій, въ своемъ якобинизмѣ, правильно порицаетъ Мицкевича, говорившаго въ 1-й части Пилигримства Польскаго народа: „не думайте о будущемъ, но только вѣруйте, желайте, и будетъ хорошо!“ Но, порицая Мицкевича, онъ и самъ того не разрѣшилъ; ибо въ сочиненіи своемъ онъ повторилъ лишь дикія, глупыя Вольтеровскія мысли о вольности и равенствѣ. Поэтому желательно было бъ, чтобы кто нибудь у насъ разрѣшилъ этотъ вопросъ со всею ясностію, коротко и положительно, тѣмъ болѣе, что истину этого вопроса народъ сильно чувствуетъ, но только чувствуетъ и вздыхаетъ по ней.

Наступили праздники Рождества Христова. Савичъ и Загорскій, а съ ними еще другіе, проповѣдуя (апостолюя), не могли еще разрѣшить многихъ представлявшихся имъ вопросовъ. Не находя въ частныхъ случаяхъ объясненій своихъ сомнѣній, они приняли намѣреніе просвѣтитъ себя и другихъ. Поэтому встрѣтилась надобность въ приобрѣтеніи книгъ; надѣялись, что чтеніемъ книгъ еще незнакомыхъ найдутъ искомый свѣтъ, а выпиской извѣстныхъ уже сочиненій, только въ гораздо большемъ количествѣ экземпляровъ, полагали умножать число читателей.

Собираютъ деньги и съ ними (нѣсколько десятковъ рублей серебромъ) Савичъ, исходатайствовавъ увольненіе на праздники, поѣхалъ къ Родзевичу въ Пинскій уѣздъ, въ надеждѣ получить тамъ или книги, или же какія нибудь другія новыя вещи. Предпринявъ это, онъ сознался предъ нѣсколькими въ своемъ намѣреніи; тѣ пересказали другимъ и чуть все не рушилось: забыли, или лучше сказать не знали о томъ, какъ то въ послѣдствіи обнаружилось, что какъ бы кто ни былъ хорошъ, но все таки онъ не совершененъ, много еще отъ него требуется скромности и постоянства. Савичъ выѣхалъ, за нимъ Загорскій, не знаю за чѣмъ, развѣ только, чтобы познакомиться съ Родзевичемъ и его знакомыми? Загорскій, уроженецъ Волыни, умный малый, хорошихъ склонностей, приобрѣталъ надъ прочими первенство тѣмъ, что имѣлъ крѣпкій и не легко колеблемый духъ. Слѣдующіе ожидаютъ ихъ возвращенія съ нетерпѣніемъ. Они пребываютъ въ отлучкѣ цѣлую недѣлю. Между тѣмъ въ головѣ Рабчинскаго составилъ новый проэктъ; онъ, подъ предлогомъ своей скуки и шутокъ, ходилъ по квартирамъ товарищей, узнавалъ короче ихъ духъ, собиралъ газетныя и ученыя свѣдѣнія, разсказами неучей и лѣнтяевъ старался преклонить на свою сторону. Черезъ него большею частію получались книги. Но все это мало пособляло. Онъ постигалъ лишенія и скуку даже между лучшими по недостатку занятій. Все развлеченіе заключалось въ картежной игрѣ

и обученію по школьному медицинѣ. По этому Рабчинскій подаетъ Лукьяну проектъ составленія складки (по два злота въ мѣсяцъ съ каждаго) на предметъ поддержанія бѣдныхъ товарищей, желая этимъ показать предъ людьми и свѣтомъ, что и медики умѣютъ чувствовать и что они не похожи на хладнокровныхъ мясниковъ: тѣмъ болѣе, что и предъ тѣмъ были случаи подобнаго употребленія складовъ.

Это намѣревались объявить всѣмъ. Лукьянъ соглашается, беретъ на себя сдѣлать предложеніе половинѣ своихъ товарищей; ибо видитъ въ этомъ другую, лучшую цѣль направленія умовъ студентовъ на путь размысленія и усматриваетъ въ томъ источникъ пріобрѣтенія нужныхъ сочиненій. Рабчинскій другую половину товарищей склоняетъ принимаетъ на себя. Изъ складокъ деньги должны были обращаться на бѣдныхъ вольныхъ студентовъ, коихъ образъ мыслей былъ извѣстенъ, съ обязательствомъ выдавать росписки, не принимая денегъ. Уже это предложеніе разошлось по ученикамъ, уже собирались доложить начальству объ этомъ (безъ него нельзя было ничего дѣлать), не навождая впрочемъ подозрѣнія на счетъ составленія общества, хотя въ томъ была единственная цѣль сего предпріятія. Ожидали только прибытія Савича, который имѣлъ болѣе знакомыхъ между бѣдными студентами съ хорошимъ духомъ. Между тѣмъ появился „Панъ Тадеушъ“ и романъ Чипьскаго „Константинъ и его жена“. Нельзя было предполагать въ академической молодежи, чтобы Чипьскій могъ найти такихъ ребятъ. Тайное сіе общество, не имѣющее еще даже названія общества, было примѣромъ не только христіанской вѣры, но даже понятій довольно чистаго католицизма. Чипьскій вольтеріанскою своею философіею совратилъ многія молодыя головы. Студентъ Станисл. Станисл. (который впоследствии оказался столь не благодарнымъ, чего и ожидать было должно, судя по его женской головѣ и трусливому характеру, еслибы только Савичъ внимательнѣе узналъ этого человѣка) очень умно началъ философствовать, черпая изъ разсужденій Чипьскаго, помѣщенныхъ въ концѣ помянутаго сочиненія. Весьма малое число, и то молодыхъ по лѣтамъ студентовъ, не измѣнило прежняго образа мыслей, не смотря на прельщавшіе совѣты Чипьскаго, которые во многихъ отношеніяхъ были прекрасны, но въ большой половинѣ чудныя и бѣшенныя. Теперь родились религіозныя разсужденія тѣмъ болѣе, что въ предпріятіи студентовъ долженъ былъ часто отражаться духъ религіи и служить имъ руководствомъ.

Вольность, или лучше сказать вольность въ обращеніи съ женщинами и вольность религіозная (какъ будто вольность на этомъ основалась) прекрасно отражались въ дѣтскихъ ушахъ. Бѣдный Мицкевичъ

потерялъ у нихъ много достоинства, тѣмъ болѣе, что въ то же время попало въ ихъ руки разсужденіе о вольности женщинъ, вѣроятно сочиненіе женщины, что можно замѣтить и по слогу. Рабчинскій, сильнѣйшій духомъ, и Лукьянъ смѣялись надъ этимъ, но опасались возмущенія въ молодыхъ умахъ; ибо въ особенности сочиненіе это всѣ съ жадностію читали. Для того принужденные отражать возраженія товарищей, въ числѣ которыхъ находился даже и Савичъ, они должны были по своимъ догадкамъ объяснять, для чего Мицкевичъ окончательно не объяснился, и рѣшительно утверждали, что негодовать на Мицкевича, за то, что онъ упомянулъ о свят. Польскихъ ангелахъ есть величайшее заблужденіе и невѣжество; ибо вѣрно Мицкевичъ стократъ лучше изслѣдовалъ сердце человѣческое и истину, нежели Чипьскій и лучше, нежели сей послѣдній, успѣетъ приноравливаться къ умамъ. Здѣсь началось между студентами опять нѣкоторое раздѣленіе мнѣній, пока вторая часть Пилигримства, выжавъ слезы, не уничтожила невыгоднаго мнѣнія о Мицкевичѣ. Чтеніе происходило по ночамъ, подъ предлогомъ приготовленія къ экзаменамъ и хотя собиралось только по нѣскольку, но прозорливый инспекторъ спрашивалъ, для чего въ квартирѣ горятъ до поздняго времени свѣчи. Отвѣтомъ служилъ предлогъ предстоящихъ экзаменовъ. Часто для отвлеченія товарищей отъ праздности и картежной игры, заводили они пренія религіозныя, учебныя и о проповѣдяхъ Тринковскаго. Собирались многіе, спорили до изнеможенія, смѣша даже своихъ товарищей. Но что было дѣлать! Вводили даже въ сіи споры постороннихъ. Лукьянъ болѣе всѣхъ представлялъ къ спорамъ матеріаловъ, успѣвая самый даже непонятный предметъ представить въ ясномъ свѣтѣ, а тѣмъ самымъ дѣлалъ его цѣлю продолжительныхъ разсужденій. Пріѣхалъ Савичъ, и ничего не привезъ кромѣ нѣсколькихъ свѣдѣній объ обществахъ въ Краковѣ, Лембергѣ и проч. Савичъ уничтожилъ намѣреніе Рабчинскаго, представляя, что это бесполезная затѣя, и что представляясь предъ начальствомъ, можно обратить на свои поступки строжайшее вниманіе. Мало по малу, проэктъ этотъ пришелъ въ забвеніе, и товарищи, скупясь деньгами, болѣе объ немъ не припоминали.

Преслѣдованія въ 1838 году въ Кіевскомъ университетѣ, разжалованіе Павла Богдановича въ солдаты, поразило здѣшнюю мыслящую молодежь; тѣмъ болѣе, что постоянно страшились молвы о имѣющей послѣдовать ревизіи книгъ. Изъявляли состраданіе надъ Дерптскими дуэлями, тамошнимъ буршевствомъ, приготовляясь поощрить ихъ при первомъ свиданіи, что и исполнилъ Рабчинскій прежде его арестованія.

Страсть молодежи посѣщать каждое представленіе въ театрѣ послужила въ пользу Савичу. Онъ записался въ число часто выходящей и празднои молодежи, и пользуясь этимъ, могъ выходить въ городъ и поздно возвращаться, не навлекая на себя подозрѣнія. Въ это время, передъ праздниками Пасхи 1838 года, вѣроятно по внушенію Родзевича, онъ старался въ кругу своихъ товарищей составить демократическое общество и въ этомъ духѣ распространять его по мѣрѣ возможности. Самъ былъ избранъ секретаремъ, по уваженію обширнѣйшихъ своихъ связей. Но какъ демократическое общество Родзевича и ему подобныя, такъ и настоящее общество молодежи, было злоумышленіе безъ вѣрнаго обдуманія. Послѣдствія вскорѣ убѣдили въ сей истинѣ. Еще питалась сильная вѣра въ ненарушимость клятвеннаго обѣщанія, а притомъ не обращали вниманія на будущность, и даже не желали видѣть тигровъ, ихъ караулившихъ. Составилось общество формальнѣйшимъ порядкомъ, но безъ всякаго размышленія. Горькая для послѣдователей наука! Занимаясь чтеніемъ разныхъ сочиненій, студенты ознакомились съ опасностями, выучились видѣть во всемъ несчастіе, а здѣсь не могли предвидѣть слишкомъ обыкновеннаго и разительнаго промаха. Кто лишь оказывалъ хорошія желанія, во мнѣніи ихъ былъ уже хорошъ, и имѣлъ безусловное право на поступленіе въ общество. Умноженіемъ числа заговорщиковъ хотѣли сдѣлать то, что должны были выполнить самого закаленнаго духа и выбора люди. Имъ казалось, что большое число людей необходимо для распространенія духа. Еще разъ говорю, что упустили изъ виду случаи измѣны или нечаяннаго открытія, долженствовавшіе все погубить. Каждый изъ нихъ почти обо всѣхъ зналъ. Не зная людей, безъ выбора набрали сволочь, которая потомъ покрыла позоромъ и навлекла общее негодованіе на общество основателей.

Можно подозрѣвать, что здравой мысли не было у самого Савича, который во время праздниковъ Пасхи, когда Лукьянъ лежалъ почти при смерти боленъ, приходитъ къ нему и увѣщаетъ, чтобы онъ, хотя передъ столь вѣрною смертію, записался въ общество. Холодная дрожь проходитъ при самомъ воспоминаніи! Лукьянъ видѣлъ въ этомъ предметѣ худую его сторону и потому замѣтилъ Савичу, что неосновательно дѣлаетъ, ежели подобнымъ образомъ всѣхъ принимаетъ. Какое же находишь во мнѣ ручательство, сказалъ онъ, въ случаѣ открытія нашего общества, когда я слабъ, умираю и по одной слабости могу все открыть и погубить всѣхъ? Развѣ надѣнешся на мой прежній духъ? Помни, что духъ и тѣло находятся въ тѣсномъ соединеніи, и самосильнѣйшій духъ съ совершеннымъ ослабленіемъ тѣла ослабѣваетъ

и упадаетъ. Савичъ ушелъ, признавая справедливость его заключенія. Рабчинскій выѣхалъ на праздники развозить сочиненія и мысли.

Между тѣмъ Снядецкій, послѣ тяжелой болѣзни, приближался къ смерти. Послѣдній день его былъ въ концѣ Апрѣля 1838 г. Студенты почитали его, достойнаго старца, при жизни и еще болѣе оказали дѣтскую привязанность послѣ его смерти. На мѣстѣ разставанія съ его тѣломъ, которое несли на себѣ студенты, они собственными руками насыпали временно курганъ на возвышеніи холмика, названнаго отъ его имени Ендржеіоковкою. Сія восторженность молодежи, оказавшей такую привязанность къ своему наставнику, многимъ была не по вкусу. Старецъ сей былъ извѣстенъ какъ хорошій Полякъ. Посему вся молодежь попала въ подозрѣніе. Нѣкоторые даже изъ самой молодежи порицали этотъ признакъ наружнаго уваженія, предусматривая вредныя послѣдствія; но въ то время не было мѣста совѣтамъ. Не знавшіе объ обществѣ и ходѣ его дѣлъ предполагали въ вѣчную память умершему соорудить чугунный монументъ, надѣясь, что такимъ образомъ тронуть умы и убѣдять, что молодежь умѣетъ чувствовать, мыслить и вознаграждать; но напротивъ того нужно было опасаться, чтобы такимъ поступкомъ не открыть своихъ замысловъ. Мало по малу, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, миновала сія восторженность, и намѣреніе соорудить монументъ, послѣ воспрещенія со стороны правительства, было забыто. Нѣкоторые составляли прекрасные планы и помысленія, собирались на совѣщанія къ кургану; предполагали заняться собратіемъ огромной складки. Самъ Рабчинскій прилежно этимъ занимался, пока не пробилъ послѣдній часъ его прекраснѣйшихъ предложеній.

На похоронахъ Снядецкаго при надгробной рѣчи Тринковскаго, въ которой онъ превзошелъ изящностію краснорѣчія прежнія свои рѣчи, находились Родзевичъ и Канарскій. Савичъ зналъ уже объ этомъ. Но прежде сего Рабчинскій, Загорскій и Краковскій уроженецъ Александръ Грицыкевичъ, тоже студентъ медицины, постановили непременно познакомиться съ ремесленниками и учредить между ними въ демократическомъ духѣ общество. Они успѣли въ этомъ, чрезъ добраго, но очень слабаго человѣка.

Потомъ Рабчинскій рвалъ на головѣ волосы за ошибку въ своемъ выборѣ и за свое откровеніе. Предварительно пошелъ самъ и не ошибся въ довѣренности, какую имѣлъ между ремесленниками его проводникъ. Сей послѣдній свелъ Рабчинскаго къ способнымъ и порядочнымъ молодымъ людямъ, въ которыхъ имѣлъ совершенную довѣренность. Не долго ожидая, Рабчинскій приступилъ къ дѣлу. Представилъ имъ въ черныхъ и ужасныхъ, какія только могъ изобрѣсть, выраженіяхъ,

все обращеніе съ ними правительства, представилъ, чѣмъ они есть, чѣмъ могутъ и чѣмъ должны быть. Говорилъ о духѣ заграничныхъ народовъ, объ обществахъ Кіевскомъ, Краковскомъ и Лембергскомъ. Воскресилъ въ нихъ надежду и получилъ достойнѣйшую въ своей жизни награду. Сіи простые люди, въ умиленіи благодарности и братняго почтенія на крыльяхъ вольнаго духа полетѣли къ нему на встрѣчу, лобзали его и со слезами радости и счастья цѣловали ему руки и лицо. Богоявленный образъ!

Блаженство вамъ люди, которые умѣете раздѣлять душевное наслажденіе этаго мужа-апостола Рабчинскаго! Въ другой разъ былъ съ Загорскимъ; далъ имъ обширнѣйшее понятіе и объясненіе о движеніи всего предмета и указалъ образъ будущихъ дѣйствованій. Но всегда сохранялась въ памяти слабость ихъ проводника; хотя онъ не такъ-то имъ много сдѣлалъ худаго. Савичъ свелъ Рабчинскаго и Загорскаго на квартиру Родзевича. Здѣсь Канарскій, знавшій уже о ихъ духѣ, показалъ только во всемъ пространствѣ обширность своихъ свѣдѣній и чувство истинно божественное, восхитилъ своимъ краснорѣчіемъ, такъ что Рабчинскій не зналъ, какимъ образомъ оказать ему свое безпредѣльное почтеніе и благодарность.

Канарскій желалъ знать орудіе дѣйствованія ихъ на ремесленниковъ. Посему идетъ къ нему съ Рабчинскимъ и послѣ короткаго тамъ разговора просить, чтобы его познакомилъ еще съ Розенталемъ, о которомъ много хорошаго слышалъ. Рабчинскій и Савичъ прежде его занесли къ нему прокламацію къ Евреямъ Лелевеля и были съ нимъ довольно коротко знакомы. Пошли къ Розенталю на вино. Тотъ, надѣясь на свою оборотливость, безъ дальнѣйшихъ околичностей приступаетъ къ дѣлу, открывается даже въ томъ, чего не сдѣлалъ передъ Загорскимъ, Савичемъ и Рабчинскимъ; ибо передъ ними назвался Янушемъ, Виріономъ, Вороничемъ. Здѣсь нельзя разгадать, на кого долженъ упасть позоръ открытія и преданія Канарскаго, на Розенталя ли. столь славившагося хорошимъ образомъ мыслей, или же на бывшаго тогда у Розенталя одного изъ полицейскихъ чиновниковъ, который могъ знать Канарскаго по описанію его примѣтъ и портрета. Довольно того, что чрезъ нѣсколько минутъ послѣ выхода ихъ отъ Розенталя берутъ проводника. Канарскій объ этомъ еще не знаетъ. Рабчинскій и Савичъ, находясь при арестованіи перваго и полагая, что по частой ихъ въ его домъ бытности, безъ сомнѣнія навлекли на себя вниманіе шпионовъ, которыхъ въ ту минуту много вертѣлось, причутся въ академическія зданія, но предварительно Савичъ спѣшитъ еще на квартиру Родзевича и, увѣдомивъ о случившемся, почти прогоняетъ ихъ за городъ.

Канарскій съ Родзевичемъ бѣгутъ, но въ недалекомъ разстояніи скоро были пойманы. Родзевичъ, потерявшійся духомъ, Канарскій же со всѣмъ присутствіемъ духа подъ личиной непросвѣщеннаго простака, возвращаются съ жандармами въ Вильно.

Замѣтили свою ошибку въ формированіи общества, не могли даже скрыть своего страха и смущенія передъ проницательнымъ глазомъ Лукьяна, который, проникая будущность, утѣшалъ ихъ дивною какою-то надеждою, для того только лишь бы утѣшать. Еще до арестованія Канарскаго, по приѣздѣ Трубецкаго, студенты намѣревались, прежде чѣмъ онъ начнетъ свои извѣстныя дѣла, по тихоньку затянуть его въ Вилію. Съ этимъ намѣреніемъ открылись даже передъ другими, которые хотя не измѣняли тайнѣ, но уже объ оной знали. Канарскаго совѣты отвели ихъ отъ исполненія сего умысла; ибо тлилась еще надежда, что все хорошо и незамѣтно окончится, и Канарскій уйдетъ благополучно изъ Вильны, въ которой о пребываніи его правительство очень хорошо знало и старалось разными способами его открыть.

Тѣмъ временемъ велѣно было опорожнять Базилианскія зданія. Бѣдняки трепетали, зная очень хорошо, для кого дѣлались эти приготовления. Сверхъ ихъ чаянія, дѣла приняли худшій оборотъ, къ которому не были еще приговорены и освоены съ мыслию окончить такимъ образомъ свою нравственную жизнь.

Спустя три дня послѣ арестованія Канарскаго и Родзевича были взяты Савичъ, Рабчинскій, Загорскій и Грицыкевичъ. На нихъ было донесено, что они видѣлись съ Родзевичемъ; Рабчинскій же, который былъ извѣстенъ шпионамъ по призванію и знали его квартиру, обвинялся какъ наставникъ ремесленниковъ. Савичъ не надѣялся, чтобы могъ быть арестованнымъ вмѣстѣ съ Рабчинскимъ, не знаю по какой причинѣ. Лукьянъ, зная, что въ эту ночь придетъ полиція, не спалъ и кромѣ того въ эту же ночь, прятая бумаги, былъ свидѣтелемъ похищенія своихъ друзей. Савичъ, по словамъ Рабчинскаго, послѣ послѣдняго разговора съ Лукьяномъ, имѣлъ послѣ арестованія Рабчинскаго открыть какое-то намѣреніе и дѣло къ исполненію, но все это кончилось со взятіемъ подъ арестъ обоихъ. Вѣроятно дѣло заключалось объ оставленныхъ бумагахъ, которыя въ послѣдствіи, по сознанию ихъ, полицмейстеръ отыскалъ и забралъ.

Весь институтъ былъ застигнутъ въ расплохъ, исключая Лукьяна. Онъ началъ бѣгать по квартирамъ, утѣшая лучшихъ, чтобы не теряли надежды, ибо арестованные подвергнуты заключенію за глупости и навѣрно въ скоромъ времени будутъ освобождены, вралъ по возмож-

ности, не терялъ бодрости и воскрешалъ духъ лучшей унывшей молодежи. Это происходило въ первыхъ дняхъ Іюня 1838 года.

Съ сихъ поръ, несвѣдущіе ожидали скорого освобожденія узниковъ: другіе тосковали, что все уже погибло; слабыхъ черезъ чуръ было много.

Съ началомъ Іюля наступила новая въ людяхъ потеря.

Общество помѣщиковъ, будто сформированное въ Вильнѣ, открылось чрезъ его секретаря Козакевича. Этотъ человѣкъ хорошихъ мыслей и сердца, былъ слабого духа, страдалъ черною меланхоліею, ибо не могъ освободиться отъ предразсудковъ и причудъ въ дѣлахъ религіозныхъ и потому, читая заграничныя сочиненія, одушевленные смѣлыми выраженіями богохуленія, не понималъ ихъ и не постигалъ самъ себя; по этой причинѣ прибѣгалъ часто къ ксендзамъ, ища душевной отрады въ ихъ бесѣдѣ. Сдѣлавшись начальникомъ общества помѣщиковъ, имѣвшаго цѣлью поддержать сношенія съ Родзевичемъ и заграничными, онъ имѣлъ отъ Канарскаго переданный ключъ для переписки и получилъ планъ партизанской войны, когда въ слѣдъ за Родзевичемъ былъ привлеченъ (чего причина мнѣ неизвѣстна), вовлекъ за собою еще семь человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и каноникъ Людвигъ Тринковскій.

Виленское общество, составлявшееся изъ богатыхъ помѣщиковъ, не имѣло и не могло имѣть столь благородныхъ плановъ. Богачъ всегда любитъ богатство и для него очень трудно вдругъ сравняться съ братомъ-мужичкомъ. Они желали лишь возмущенія, довольно и того, хотѣли поддержать Польскій языкъ, Польскій духъ, а можетъ быть не были даже большими врагами пугалища Польши, аристократіи.

Но благодареніе имъ и за настоящій подвигъ! Когда другіе погружаются во снѣ, или ползаютъ въ грязи подлости и тиранскихъ правилахъ жизни, они хотя немного выше вознеслись мыслями, забывая, или лучше сказать привыкая забывать честолюбіе, эту отличительную черту характера людей не просвѣщенныхъ и съ подлыми сердцами. Одинъ лишь Тринковскій, который даже невольно былъ вовлеченъ въ это общество и безъ надобности погибъ, думалъ иначе. Заблужденія его жизни, которыми правительство, чрезъ наркотическія средства, лишивъ присутствія ума, обезчестило его священнической санъ и возвышенную благородную душу въ глазахъ разсудительныхъ людей, должны большею частію быть извинены.

Что онъ былъ человѣкъ, дѣло естественное, но человѣкъ, какихъ дай Богъ побольше. Слѣпая публика, будучи отголоскомъ и эхомъ клеветы правительства, стократъ повторяетъ въ своемъ ослѣпленіи и сто-

кратъ приписываетъ Тринковскому новыя заблужденія, которыхъ не было, а если и были, то во уваженіе заслугъ должно предать забвенію и самой заняться упражненіемъ въ полезномъ.

Онъ, съ нѣсколькими другими ксендзами, какъ нибудь возвысилъ честь и почтеніе къ священному по своему званію сану, столь непросвѣщенному и пагубному въ отношеніи духа. Цѣлая духовная наша іерархія, подъ управленіемъ своихъ нечестивыхъ начальниковъ, на подобіе духовенства во Французской революціи, темная, глупая и отуманенная видами корыстолюбія, возстаетъ на разореніе зданія вольности народовъ. Этотъ санъ, съ которымъ, въ отношеніи дѣятельности, могутъ сравняться два состоянія, лѣкарское и учительское, которыя доставляютъ обширѣйшія связи съ людьми разнаго званія, должны всевозможно стараться подкапывать у насъ въ корнѣ дерево тираніи, если хотятъ достойно наслѣдовать Іисуса Христа. „Люби искренняго“, „кто хочетъ быть высшимъ, пусть будетъ малѣйшимъ“, въ этой истинѣ всякъ уже убѣжденъ. Но чтобы вѣще доказать подлость духовнаго правительства, приведу здѣсь выраженія глупой учености и будто христіанской религіи, очень легкія для опроверженія.

Всякое вѣроломство, въ столь важномъ предметѣ, какова присяга монарху, не только по уложенію Государственныхъ законовъ предастъ клятвopреступниковъ сугубому наказанію въ семь животѣ; но и въ будущей вѣчности; на основаніи Божія закона, наша Католическая Церковь, какъ вамъ извѣстно изъ Богословіи, клятвopреступниковъ запрещаетъ разрѣшать на исповѣди*). Можетъ ли быть болѣе не христіанское посланіе какъ настоящій циркуляръ? Не понимая нравъ человѣчества, не понимаютъ и Св. Евангелія, а если понимаютъ, то можно ли изобрѣсти имя для ихъ названія?

Тринковскій, выѣхавъ въ началѣ Іюля къ Друзкеницкимъ водамъ, послѣ памятныхъ его распръ съ епископомъ, вѣчнымъ и недостойнымъ его врагомъ, былъ задержанъ, одновременно съ прочими, задержанными въ другихъ мѣстахъ сочленами общества. Лукьянъ, будучи съ нимъ знакомъ, если-бы доѣхалъ до Друзкеникъ прежде захваченія его, то вѣрно выпроводилъ-бы его за границу, ибо не было нужды добровольно предаваться на истязанія и испытывать крѣпость своего духа. Здѣсь потянулся рядъ многихъ узниковъ разнаго состоянія и званія.

*) Циркулярное предписаніе управляющаго епархіею, Виленской Римско-Католической Консисторіи къ бѣлому и монашествующему духовенству, Виленской Римско-Католической епархіи 1832 года 3 Іюля въ Вильнѣ.

Академическое общество, въ головѣ котораго, послѣ арестованія Савича, сталъ молодой способный и соотвѣтственный своей обязанности Иванъ Манковъ, начало уменьшиваться; стали одинъ другаго выдавать. Въ арестованіи нѣкоторыхъ вина должна пасть на Савича и Рабчинскаго, но не въ столь большой мѣрѣ, какъ это распространили непросвѣщенные и безразсудные кликуши. Всегда въ надобныхъ случаяхъ у людей ничтожныхъ изъ мухи дѣлаютъ слона, первая примѣта подлости и низкой души. Для лучшаго краткаго описанія привожу здѣсь выписку приговора изъ Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, опубликованнаго послѣ произведенія надъ арестантами слѣдствія и суда.

(Здѣсь слѣдуетъ выпись изъ Губернскихъ Вѣдомостей, въ которой показывается мѣра преступленія злоумышленниковъ и заслуженное ими наказаніе *).

Слава вамъ, слава въ грядущемъ, слава вашимъ внукамъ, слава сердцамъ, умѣющимъ чувствовать ваше пожертвованіе и страданіе!

Не отдавая всѣмъ похвалу, я согрѣшилъ, и согрѣшилъ бы всякій, если бы кто отдавалъ имъ равную похвалу. Одни изъ нихъ, которыхъ не назову по фамиліи, имѣли лишь хорошія желанія, но большую слабость. Другіе вмѣсто чести достойны презрѣнія. Таковымъ былъ между прочими Оржешко, который, погубивъ себя, погубилъ и многихъ другихъ, въ числѣ которыхъ и почтеннаго малаго. Русскаго офицера Караваева. Казакевичъ оказался тоже недостойнымъ принятой на себя большой обязанности. Чтѣ относится до академиковъ С. Станиславскаго, сужденнаго въ Кіевѣ, и Малъцкаго, сужденнаго въ Варшавѣ, на нихъ пусть упадетъ вѣчный позоръ, пусть всѣ узнаютъ ихъ съ презрѣнной стороны.

Казакевичъ, равно какъ и генералъ Гельгудъ, люди, занимавшіе столь высокія мѣста и въ столь критическихъ обстоятельствахъ требовавшихъ неусыпнаго бдѣнія и прозорливости, останутся всегдашнимъ примѣромъ и поученіемъ, что самые лучшіе люди съ худыми привычками никуда не годятся. Развѣ былъ здравый умъ и благородное обузданіе страсти къ картежной игрѣ, когда эти два игрока проигрывали въ карты и деньги, и время, и себя, и все дѣло отечества? Проклятіе имъ будущаго поколѣнія! Проклятіе ихъ послѣдователямъ, вѣчное проклятіе!

И какимъ же образомъ можетъ возстать Польша, какимъ образомъ должно подвигаться ея дѣло, когда оно находится въ рукахъ столь ничтожныхъ людей? Изучимся ли мы когда нибудь пользоваться опыт-

*) Приговоръ по дѣлу Канарскаго.

ностію и привыкнемъ ли избѣгать подобныхъ страшныхъ промаховъ въ борьбѣ нашей противу тирановъ? Прوماхи слѣдуютъ за промахами, до нынѣ еще большая половина, униженная въ духѣ, не вѣруетъ въ собственныя силы, ожидаетъ сторонней помощи. Правда, посторонніе желаютъ намъ добра; но лишь желаютъ и совѣтуютъ, чтобы мы на ихъ пособіе мало надѣялись. Доказательствомъ этого служить отвѣтъ общества на воззваніе Поляковъ 1837 года. Горестъ, отчаяніе объемлетъ душу, не видя конца нашему ослѣпленію. Перестанемъ думать и вѣровать по старому; прошедшія желанія, обычаи насъ не спасутъ: въ нихъ болѣе заключается ошибокъ, нежели добродѣтели; намъ необходима революція совершенная, перемѣна основная, съ корнемъ непремѣнно нужно вырвать дубъ деспотизма, иначе вновь вырастутъ его отрасли. Будемъ трудиться, желать и вѣровать, что солнце дѣйствительной вольности возсіяетъ, созиждется на незыблемомъ основаніи всемірный храмъ, будемъ вѣровать! О, я вѣрую во всемірный храмъ, вѣрую въ пророчество одного писателя, что нынѣшняя идолопоклонническая Европа содѣлается истинно-христіанскою. Мы содѣлаемся только истинными христіанами, примемъ въ сердца истинно-божеское, христіанское въ отношеніи другихъ самоотверженіе, — любовь къ ближнему. а тѣмъ самымъ и любовь къ себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую въ непремѣнную и ничѣмъ незамѣняемую необходимость другаго Константина, возстановляющаго христіанизмъ вольнымъ. Необходимъ мужъ съ сердцемъ Вашингтона и Ипсилантія, а съ силою и умомъ Наполеона. Не для чего отчаяваться: изъ Пинскихъ болотъ и курныхъ хатъ вѣрно произойдетъ этотъ герой. Не такъ ли родился Иисусъ Христосъ? И много ли посланниковъ разнесло по свѣту истину Его науки, которою побѣдили весь міръ? Можемъ ли послѣ этого не вѣровать въ собственныя наши силы, когда насъ въ тысячу разъ больше двѣнадцати?

Упрекаютъ нѣкоторые Рабчинскаго въ подлости за то, что онъ просилъ правительство объ облегченіи наказанія и что даже открылъ нѣкоторыхъ. Знаю этого человѣка какъ нельзя лучше. Если онъ выдалъ Вояковскаго, то въ семъ отношеніи не столько былъ онъ самъ виновенъ, сколько стеченіе обстоятельствъ и вытерпѣнное имъ наказаніе; слѣдовательно, онъ заслуживаетъ признательность за свою рѣшимость и молодечество. Я ручаюсь за него своею совѣстію. Если онъ просилъ объ увольненіи, то единственно съ тою цѣлью, чтобы продолжать дѣйствовать. Непоколебимый таился въ этомъ человѣкѣ духъ; подъ личиною подлости и среди презрѣнія къ мнѣнію слѣпаго свѣта онъ хотѣлъ дѣйствовать всѣми способами, лишь бы продолжать свое дѣло.

До 1-го числа Сентября 1838 года, всѣ почти означенные академики были взяты подъ арестъ. Не знавшіе обстоятельствъ и причинъ арестованія упали духомъ до того, что стыдно даже говорить. Имъ казалось, что правительство знаетъ объ всякомъ и арестуетъ каждаго. Это было причиною, что, послѣ возвращенія съ вакаціи, трудно было убѣдить къ приношеніямъ въ пользу арестантовъ. Нѣкоторые съ крѣпчайшимъ духомъ принимали на себя всю отвѣтственность за благодѣтелей, лишь бы они давали. Лукьянъ хотѣлъ даже послать прокламацію, но, сообразясь обстоятельно съ трусливымъ духомъ товарищей, предвидѣлъ, что воззваніемъ симъ онъ еще больше перепугаетъ всѣхъ и отниметъ всякую охоту отъ пожертвованій.

При изложеніи этихъ происшествій я долженъ привести еще одинъ поступокъ нѣкоторыхъ академиковъ; правда, онъ по наружности дышетъ великодушіемъ, но все-таки онъ дѣтскій. Нѣкоторые изъ отчаяннѣйшихъ воспламенились до того, что имъ самимъ хотѣлось быть арестованными, но для того только, чтобы сидѣть въ тюрьмѣ, хотя бы пришлось отъ этого бесполезно погибнуть. Будто отъ сего зависѣло все дѣло? Это есть зародышъ грубаго честолюбія, желающаго снискать незаслуженную похвалу и награду. Поэтому, когда разрушилось общество, то въ замѣнъ его начало формироваться другое изъ дѣтей еще въ высшей степени. Какая цѣль этихъ самопожертвованій? Они сами того не знали, и едва по увѣщанію старшихъ, которые были вовлекаемы дѣтьми, общество сіе расторглось. Для какой же пользы формировать подобное общество? Вѣдь вредныя послѣдствія худаго его образованія слишкомъ очевидны. Изъ этого слѣдуетъ извлечь пользу и стараться другими средствами и совершенно на другихъ основаніяхъ соорудить это зданіе просвѣщенія человѣчества. Никто не долженъ знать и не долженъ стремиться узнать его. Пусть будутъ заговорщики люди мыслящіе, но одни о другихъ пусть не знаютъ: тотъ только можетъ знать о многихъ, кто многихъ привлекъ, кромѣ его никто; кто многихъ привлекъ, тотъ имѣетъ уже обширнѣйшія связи и будетъ болѣе дѣйствовать и болѣе знать. Но и привлекавшаго въ случаѣ опасенія въ открытіи имъ себя и другихъ должно умерщвлять: страхъ противу страха, нынѣ единственное средство; тѣмъ болѣе для лицъ съ большими дарованіями, прозорливыхъ, способныхъ и сильнаго духа. Я снисходителенъ, но лишь въ отношеніи къ слабымъ; если кто изъ выбирающихъ не умѣетъ выбирать, тотъ достоинъ быть судимъ. Но если упадетъ духомъ мощный, если начнетъ бредить предъ судомъ, о! такого безъ суда прямо бросить въ адъ; тогда нужно Робеспьера. Съ слабымъ не должно заходить въ далекія дѣла, ибо можетъ тебя

погубить, сильнаго, упадающаго духомъ, перваго тащи на висѣлицу: для того носимъ голову.

Во все время содержанія арестантовъ, городъ и студенты Академіи старались какъ нибудь усладить ихъ страданія и заключенія посредствомъ собиранія складокъ и посылки къ нимъ разныхъ вещей. Въ это время несвѣдущіе узрѣли хотя небольшой свѣтъ, ибо, узнавъ о причинахъ, за которыя подвергались преслѣдованію, начали постигать нынѣшній духъ народовъ и начали сами принимать этотъ духъ и думать, какъ должно дѣйствовать для своего счастья. Но все это должно было заключаться въ степенныхъ предѣлахъ, не смотря на то, что говорить объ этомъ не было воспрещено; ибо трудно воспретить говорить объ томъ, что дѣлалось предъ глазами. Все, какъ говорю, заключалось въ тѣсныхъ предѣлахъ Вильны, по уѣздамъ и по парافیямъ мало раздувалось. Картежная игра и глупости въ институтѣ явно уменьшились, ибо имѣли что дѣлать и о чемъ думать.

Пришло наконецъ ожиданное время, неисповѣдимое въ отношеніи произшествія и судьбы лицъ,—время суда и высылки.

Въ Среду передъ великимъ постомъ, 8 Февраля 1839 года, прочитанъ приговоръ; въ 12 и 13 дни вывезли болѣе десяти студентовъ Академіи на Кавказъ, 14-го въ полдень трехъ студентовъ въ вѣчные солдаты: Савича, Рабчинскаго и Загорскаго.

По прочтеніи приговора, позволено было всѣмъ видѣться съ узниками, проститься въ послѣдній разъ съ знакомыми и ссудить ихъ на дорогу. Прекрасно нашелся весь городъ, прекрасно наплась вся Академія, не смотря на раздраженное на нее правительство. Кромѣ собранныхъ складовъ и пособій, трогательно было прощаніе съ товарищами; солдаты даже плакали, а у нѣкоторыхъ старшихъ, волчьаго сердца, офицеровъ на жирныхъ ланитахъ изображались уничтоженіе и злость. Трудно описать эти зрѣлища. Кто ихъ видалъ, въ вѣкъ не забудетъ.

Наступило 15-е число Февраля, день незабвенный для Вильны. Поутру президентъ Академіи, созвавъ студентовъ въ залъ, со слезами крокодила давалъ свои отеческія наставленія, предваряя при томъ, чтобы не ходили смотрѣть на смерть Канарскаго. Этотъ президентъ человѣкъ малой души и малаго ума, придворный; молодежь не могла его понять. Но кромѣ сего не было въ немъ ничего: малый умъ свой стараясь прикрыть придворною политикой, невольно выказывалъ его еще меньшимъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ многихъ доказательствъ. Во время незабвеннаго разговора, до воспослѣдованія еще

приговора, когда ходили къ нему просить книгъ, отзывался: „Состояніе лѣкаря самосчастливіѣйшее; ибо, когда велятъ ему быть Полякомъ, Евреемъ, Цыганомъ,—всѣмъ равно онъ будетъ и всѣмъ равную оказываетъ пріязнь.“ Прекрасно изобразилъ состояніе своей души. Слѣдовало бы что нибудь сказать о профессорахъ; но ихъ низкій духъ, кромѣ навлеченія презрѣнія и жалобъ учениковъ, ничѣмъ не замѣчательнъ. Ссоры ихъ (на первыхъ порахъ прибытія президента) съ президентомъ, хотя и снискивали имъ уваженіе у студентовъ, узнавшихъ уже о коварствѣ президента, но потомъ, когда всѣ начали за одно дѣйствовать, всѣ, кромѣ сколько нибудь отмѣненныхъ двухъ, сдѣлались негодными. Настоящая моя похвала сдѣлается, можетъ быть, для нихъ немало уважительной причиной для представленія къ орденамъ.

Несмотря на запрещеніе не ходить смотрѣть на смерть Канарскаго, большая половина студентовъ видѣла ее; они поспѣшали учиться изъ примѣра, какъ должно умирать.

1839 г. 15 Февраля, къ 9-ти часамъ по утру, уже множество народа наполняло улицы и толпилось при могилѣ осужденнаго, чтобы по крайней мѣрѣ взглянуть на этаго великаго человѣка. Канарскій ѣхалъ въ саняхъ съ Кальвинскимъ священникомъ (онъ былъ Кальвинетъ), чрезъ конный рынокъ, отдавъ бывшія у него деньги караульнымъ солдатамъ при арестантахъ; онъ проѣзжалъ, какъ на торжественной колесницѣ, полный мыслей и чувствъ къ людямъ, которые его сопровождали. О зрѣлище! Никогда тебя не забуду. Я видѣлъ три зрѣлица. Кто можетъ забыть васъ, бывъ свидѣтелемъ васъ однажды?

Нѣсколько ротъ солдатъ подъ ружьемъ и съ барабаннымъ боемъ окружили квадратъ, въ которомъ была выкопана яма. Позади ихъ, какъ уже выше сказано, толпилось несмѣтное множество народа, толнувшаго въ глубокомъ снѣгу. У всѣхъ трепетали души. У всѣхъ глаза были устремлены неподвижно въ сторону, откудова ожидали его прибытія, мысли каждаго перенеслись на лобное мѣсто, тамъ онъ трогались и сливались въ дикую смѣшанную гармонію боязни, состраданія, ужаса. безпредѣльнаго почтенія! Наконецъ прибылъ. Всѣ поднялись на ципочки; въ эту минуту каждый желалъ подрости, чтобы его увидѣть. Я видѣлъ его. Да будетъ благословенна та минута! Я видѣлъ тебя, всемірный герой, великій ученикъ Христовъ! Я видѣлъ твое красивое румяное лицо, твои прекрасные локоны, мужественную осанку; видѣлъ всю твою великую душу. Вижу до сихъ поръ и буду видѣть. Для чего въ то время не дали мнѣ въ руки пера, для чего тогда не могъ я тебя прославлять, когда во мнѣ струились небесныя мысли, когда душа

моя, соединяясь съ твоею душею посредствомъ небесной любви, величайшаго уваженія и счастья, представляли собой юнаго орла при орлѣ зрѣломъ и въ состояніи была къ произведенію твореній высокихъ въ тогдашнемъ, говорю, вдохновеніи, я воспѣлъ бы тебѣ похвалу болѣе достойную твоего величія. Вижу, какъ ты съ благородною гордостію принималъ оказываемыя тебѣ знаки почтенія вражескими генералами и старшими офицерами.—Вижу тебя въ голубой шапочкѣ, стоящаго предъ ними и слѣящагося надъ силой ихъ величія и низкой подлости. Вижу тебя, какъ ты съ удовольствіемъ слушалъ приговоръ смерти за свою жизнь. Вижу тебя, какъ ты самъ вкладывалъ на себя смертную рубашу, самъ ее застегивалъ и не хотѣлъ дозволить завязывать себѣ глазъ.

Брызги крови, пролившейся отъ залпа 12-ти ружей, на разстояніи 10-ти шаговъ, народъ бросился собирать въ знакъ памяти, началъ рвать платье и драть окровавленную землю. Но полиція стала разгонять народъ, тѣло было брошено въ яму и засыпано землею съ уровнемъ поверхности.

Кто не видѣлъ его передъ смертію, можетъ узнать его изъ письма, писаннаго къ Бринку. Стихи, которые онъ написалъ во время своего заключенія, нѣкоторымъ молодымъ головамъ очень понравились, а нѣкоторымъ показались подлыми: однимъ нравилась выпренность отчаянія, которую онъ украшалъ смѣлыми выраженіями въ богохульной бесѣдѣ съ Богомъ; другимъ, напротивъ, богохуленіе не нравилось. Не считаю нужнымъ заниматься обширнѣйшими объ этомъ предметѣ сужденіями. Кто сколько нибудь знаетъ человѣческое сердце и состояніе отчаяннаго человѣка, тотъ не будетъ ни удивляться ему, ни негодовать на него.

На семъ долженъ окончить; ибо со смертію Канарскаго всѣ будто бѣды на время прекратились, такъ какъ со смертію Снядецкаго возымѣли начало. Могилы двухъ великихъ людей лежатъ на противоположенныхъ сторонахъ города, какъ два полюса, на которыхъ должны вращаться мысли и сердца живыхъ людей. Я долженъ еще присовокупить что нибудь о дѣтствѣ нѣкоторыхъ учениковъ: ибо какъ добрыя дѣла, такъ и пороки ихъ считаю долгомъ показать. Во время высылки арестантовъ и дѣлаемыхъ имъ ссудъ, нѣкоторые преимущественно занимались собираніемъ складокъ; но это дѣлали тайно, давая вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что сіе дѣлаютъ потому, что другіе недостойны объ этомъ знать. Упрекъ этотъ относится къ тѣмъ, которые по наружности какъ будто стремятся къ равенству и вольности, а въ самомъ зародышѣ и на первыхъ шагахъ уже ошибаются. Всегда проявляется въ

людяхъ какое-то желаніе первенства, никогда не могутъ восторжествовать надъ собственнымъ честолюбіемъ. У насъ люди до того испорчены, что даже подлость своего духа почитаютъ за счастье, этимъ гордятся, желаютъ даже жить подло. О, какъ трудно у насъ выбиться изъ этого круга подлости и корыстолюбія! Когда человѣкъ усовершенствуется и припомнить прежній свой образъ желаній и мыслей, долженъ стыдиться за прежній свой духъ и смѣяться надъ нимъ. Поэтому изъ сихъ тайныхъ и скрытыхъ дѣйствій и разговоровъ произошли споры. Тѣ, которые могли знать объ этомъ, высшіе даже надъ первыми духомъ, обидились возвышеніемъ ихъ, и началось несогласіе. Тѣ, которые уже совершенно бросили покровъ честолюбія, старались поссорившихся примирить; ибо, говоря истину, совершенно излишнею была здѣсь всякая предосторожность и таинственность: всѣ должны были знать обо всѣхъ, ибо это было позволено. Чтѣ происходитъ нынѣ, пусть кто нибудь опишетъ въ послѣдствіи, пополнить мои недостатки и исправить ошибки, которыхъ не могъ я избѣжать.

*

Вотъ эта-то именно разногласица и была основною причиною паденія Польши, какъ самостоятельной державы. Въ ней же роковой залогъ невозможности ея возрожденія. Это сознавалъ и лично заявлялъ мнѣ знаменитый Делевель, когда (1858) навѣщалъ я его въ Брюсселѣ, на его чердакѣ, установленномъ сверху до низу книгами. По его словамъ, у Поляковъ никогда не было общины. Польша немыслима безъ рабства низшихъ сословій и безъ нетерпимости къ инославію.

Мнѣ неизвѣстна дальнѣйшая судьба Каспера Мостовскаго, повѣствованіемъ котораго вызывается невольное состраданіе. Очень можетъ быть, что онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и даже прощенъ. По всему вѣроятію о немъ рассказано въ Запискахъ Н. Э. Писарева. Черезъ мое посредство неизданныя доселѣ эти Записки были выписаны изъ Болоніи отъ жившей тамъ пріятельницы его и переданы его наслѣдникамъ; но они просили за нихъ деньги, которыя не оказались подъ силу „Русскому Архиву“, и мы лишь мелькомъ могли познакомиться съ ихъ содержаніемъ. П. Б.

ІЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Изъ двухъ современныхъ писемъ *).

Переводъ съ Французскаго.

I.

Парижъ, (16) 28 Августа 1830 года.

Изъ газетъ вы вѣроятно узнали, что Англійскіе радикалы отправили депутацію во Францію, чтобы поздравить Парижанъ съ тѣмъ, что Французы называютъ „своими, принадлежащими имъ, правами“. По пріѣздѣ сюда Англичане придали особенную торжественность своему прибытію: произносились рѣчи въ честь подвижниковъ великихъ идей и осушено немало бокаловъ какъ за живыхъ, такъ и за умершихъ. Однако было бы великимъ заблужденіемъ думать, что Англійскіе радикалы пріѣзжали сюда лишь для произнесенія въ здѣшней ратушѣ комплиментовъ Французской націи вообще и въ частности по адресу генерала Лафайэта. Главная цѣль ихъ путешествія заключалась въ согласованіи ихъ собственныхъ взглядовъ со взглядами центрального революціоннаго комитета, существованіе котораго нельзя болѣе скрывать, а равно для подготовленія повсемѣстнаго Якобинскаго движенія въ Европѣ, центромъ котораго долженъ быть Парижъ. Въ происходившемъ третьяго дня собраніи въ клубѣ „Aide-toi, le Ciel t'aidera“ рѣшено учредить въ Парижѣ комитетъ, въ которомъ каждое государство будетъ представлено и задачей котораго будетъ низверженіе въ цѣлой Европѣ монархическихъ правительствъ. Пока организовались комитеты Бельгійскій, Итальянскій и Испанскій. Здѣшніе главари Якобинскаго движенія полагаютъ, что какъ только имъ удастся соединить въ одно цѣлое революціонеровъ Франціи, Италіи, Испаніи и Бельгіи, то очагъ мятежа распространится на цѣлую Европу. Тогда будутъ приведены въ исполненіе давнишніе планы всемірной революціи, состоящіе въ возбужденіи народныхъ массъ съ цѣлью разгрома существующаго соціальнаго строя и водворенія анархіи. Что Французы удовлетворяются изгнаніемъ Бурбоновъ—большое легкомысліе со стороны тѣхъ, которые такъ думаютъ. Настоящая минута—промельнувшій сол-

*) Извлечено изъ Французскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Archives des affaires étrangères. Russie). Въ письмахъ не обозначены ни лице, которому онѣ писаны, ни авторъ самихъ писемъ. *Примѣчаніе переводчика.*

нечный лучъ между двумя грозами. Настоящее монархическое правительство не можетъ укорениться во Франціи; его импровизировали для успокоенія великихъ державъ, пока онѣ будутъ имѣть достаточно дѣлъ у себя дома и не имѣть времени думать о вооруженномъ вмѣшателствѣ въ дѣла сосѣдей. Общепринятое здѣсь мнѣніе, что великія державы не вмѣшаются въ наши внутреннія дразги и что дѣло до войны съ нами не дойдетъ, отчасти потому что монархамъ не на руку возбуждать противъ себя подданныхъ своихъ. Наши близорукіе политиканы думаютъ, что наши Французскіе революціонеры могутъ считать себя удовлетворенными и что на восстановление порядка есть основаніе рассчитывать. Какъ бы этимъ политикамъ не пришлось въ скоромъ времени разочароваться! Если все, при чемъ мы здѣсь присутствуемъ теперь, не есть миражъ, а дѣйствительность, то дѣло не можетъ ограничиться одною пережѣною династіею: мы находимся только на полудорогѣ, и въ настоящее время только собираются съ силами, чтобы нанести новый ударъ.

II.

Парижъ, 27 Августа (8 Сентября) 1830 года.

...За эти дни спокойствіе возстанавливается въ Парижѣ. Со времени моего послѣдняго письма сборищъ болѣе не происходило. Типографіи снова приступили къ работамъ. Мы обязаны восстановленіемъ порядка національной гвардіи, замѣнившей полицію и приведшей къ повиновенію нарушителей общественнаго спокойствія. Однако не слѣдуетъ предаваться иллюзіямъ: хотя, повидимому, и существуетъ порядокъ, но умы все еще находятся въ броженіи. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ волненіе нѣсколько улеглось, но за то въ другихъ мѣстностяхъ отъ словъ переходятъ къ дѣлу, и принятіе чрезвычайныхъ мѣръ является, къ сожалѣнію, необходимостію. Гардскій департаментъ (le département de Gard) объявленъ въ осадномъ положеніи. Руанъ, Эльбефъ, Орлеанъ и другіе города стали мѣстомъ самыхъ прискорбныхъ событій, въ которыхъ чернь принимала главное участіе. Также опасаются, что нарушеніе дисциплины снова возобновится въ нѣкоторыхъ полкахъ, что служитъ доказательствомъ распущенности въ военныхъ сферахъ. Взглядъ солдатъ и образъ ихъ мыслей очень простъ. Они такъ рассуждаютъ: если граждане выгнали со службы лицъ, облеченныхъ властію, нѣтъ основанія въ такомъ случаѣ винить солдатъ въ томъ, что они ослушиваются своихъ офицеровъ, имѣя къ тому будто бы поводы жаловаться на поступки сихъ послѣднихъ. Правительство очутилось въ затруднительномъ положеніи. Лишившись значенія, оно вынуждено, ради собственнаго спасенія, заигрывать со всѣми, чтобы не обидѣть никого, не знаетъ, чѣмъ и какъ угодить рабочимъ и черни, заботясь о томъ только, чтобы они остались довольны. Власти обращаются къ каждому лицу, которое, по мнѣнію ихъ, можетъ имѣть вліяніе на массы, съ просьбою, чтобы народъ вооружился терпѣніемъ, обѣщаясь приложить всѣ старанія къ улучшенію положенія низшихъ классовъ. Много уступокъ уже сдѣлано, предполагается сдѣлать еще новыя: цѣна на хлѣбъ понижена, и для того, чтобы неимущимъ классамъ доста-

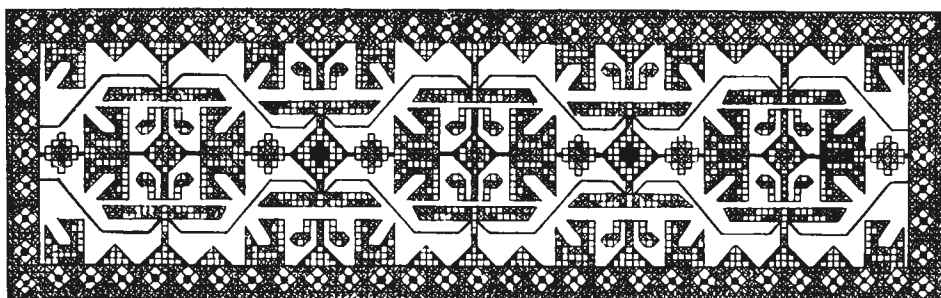
вить заработки, рѣшено снова приступить къ общественнымъ работамъ. Идутъ приготовленія къ большому торжеству на Елисейскихъ поляхъ, на которые приглашены будутъ также и рабочіе. Однимъ словомъ, дѣлается все возможное для умиротворенія народа, послужившаго для либераловъ оружіемъ къ сверженію съ престола Карла X-го и получившаго взамѣнъ того очень мало отъ этихъ же либераловъ. Правительство скрываетъ, что удовлетвореніе всѣхъ народныхъ требованій, особенно при подзадориваніи черни республиканцами—задача не изъ легкихъ. Тутъ нужна искусная рука, чтобы опять связать всѣ порванныя нити. Взбаламутивши всѣми средствами народъ, подорвавъ всякую дисциплину въ арміи и поколебавъ вѣрность присягнувшихъ монархіи должностныхъ лицъ, нелегкое дѣло убѣждать потомъ, что полезное и справедливое для однихъ, достойно порицанія по отношенію къ другимъ. Людямъ, легко поддающимся энтузіазму, представляется, что наступилъ конецъ 40-лѣтнему странствованію по пустынѣ и что они уже вступаютъ въ обѣтованную землю; для смотрящихъ же на человѣческія слабости хладнокровнѣе, дѣло это представляется посерьезнѣе. Что бы ни говорили и ни дѣлали, не смотря на мудрость великихъ державъ, которыя конечно не откажутся принять самыя крайнія мѣры для отвращенія бури и сохраненія всеобщаго мира, существуетъ все-таки обыкновенное опасеніе, что миръ этотъ можетъ быть нарушенъ и что послѣдняя Французская революція непременно породитъ общеевропейскую войну. Фондовая биржа все время идетъ на пониженіе, и поборники мира со страхомъ предвидятъ наступленіе опасности. Всѣмъ Русскимъ предписано оставить Парижъ и Францію. Мѣра эта хотя и не совсѣмъ враждебная, но доказывающая однако недовѣріе Русскаго правительства къ Франціи, произвела здѣсь глубокое впечатлѣніе. Чувствуется, что она должна парализировать доставленное Англіею Франціи удовлетвореніе принятіемъ установившагося въ этой сторонѣ новаго порядка вещей. Извѣстій изъ Вѣны и Петербурга ожидаютъ здѣсь съ нескрываемымъ безпокойствомъ. Для всѣхъ ясно, что иностранное вооруженное вмѣшательство повлечетъ за собою междоусобную войну и что нарушеніе общественного порядка можетъ снова произойти даже въ томъ случаѣ, если иностранныя державы отнесутся только съ недостаточнымъ доброжелательствомъ къ настоящему правительству Французскаго короля...

Сообщилъ Н. Вигель-Панчулидзевъ.

*

Юльская революція во Франціи 1830 года, предшественница Польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ, имѣла и для насъ великое значеніе: она помѣшала Николаю Павловичу исполнить завѣтное желаніе всей его жизни (о которомъ онъ говорилъ даже и на своемъ смертномъ одрѣ), т. е. раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ, для чего уже заготовлялся и манифестъ. Французы и на этотъ разъ обманули Поляковъ. Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, проживавшихъ въ Парижѣ, принимали участіе въ уличныхъ крикахъ и революціонныхъ заявленіяхъ, напримѣръ, нашъ любезный библіофилъ и библіографъ С. Д. Полторацкій. П. Б.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1863 ГОДУ

(на основаніи донесеній императорскаго посла въ Парижѣ,
барона А. Ф. Будберга).

Намѣреніе наше составить опытъ монографіи второго Польскаго возстанія, на основаніи официальныхъ данныхъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а равно министерствъ тѣхъ державъ, которыя являлись наиболѣе заинтересованными въ рѣшеніи Польскаго вопроса, не могло, къ крайнему сожалѣнію нашему, приведено быть въ исполненіе. Причиною тому невозможность пользоваться источниками изъ архивовъ иностранныхъ державъ. Такъ напримѣръ, Вѣнскій доступенъ лишь до конца 1847 г., Парижскій совершенно недоступенъ съ начала царствованія Лудовика-Филиппа, о Лондонскомъ и говорить нечего: къ тому же выписки изъ матеріаловъ, въ немъ находящихся, производятся не иначе какъ лицами, назначенными для сего самимъ Великобританскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. На основаніи вышеизложеннаго мы предлагаемъ здѣсь на благосклонное вниманіе читателей матеріалы, извлеченные изъ донесеній императорскаго посла въ Парижѣ и были бы польщены, если бы эти данныя, вмѣстѣ съ другими, которыя мы надѣемся впослѣдствіи почерпнуть, могли послужить источникомъ для составленія въ будущемъ историческаго обозрѣнія возстанія 1863 г. Въ тоже самое время мы считаемъ долгомъ нашимъ принести искреннѣйшую благодарность нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ за данное намъ разрѣшеніе пользоваться донесеніями барона А. Ф. Будберга, по служебному своему положенію стоявшаго въ описываемую эпоху въ самомъ центрѣ позиціи, на которую направлены были дипломатическія атаки Европы противъ Россіи.

Въ самомъ началѣ 1863 года дѣла въ Польшѣ стали принимать такой серьезный оборотъ, что слѣдовало ожидать ежеминутнаго разрыва Россіи съ Франціею и Англіей. Державы эти, въ Польскомъ вопросѣ, могли вполне разсчитывать на сочувствіе Европы. Хотя положеніе, которое заняли бы, въ случаѣ войны, Австрія и Пруссія, было далеко не выяснившимся; тѣмъ не менѣе Россіи угрожала опасность вооруженнаго столкновенія, въ видѣ повторенія Крымской войны, съ тѣми же противниками, при нейтралитетѣ тѣхъ же державъ, какъ и десять лѣтъ тому назадъ.

Въ виду подобнаго положенія вещей императоръ Французовъ, на котораго Поляки всего болѣе разсчитывали, рѣшилъ созвать экстренный совѣтъ министровъ для обсужденія вопроса, какой политики держаться по отношенію къ Россіи: оставить ли этотъ вопросъ въ положеніи *status quo*¹⁾, ограничиться ли дипломатическою перепискою или объявить войну Россіи изъ за Польши. Въ совѣтѣ этомъ голоса раздѣлились: за Поляковъ открыто стояли предсѣдатель совѣта министровъ Руэ и министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи, тогда какъ предсѣдатель законодательнаго собранія Морни²⁾ и министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ принадлежали къ числу лицъ, совѣтовавшихъ не принимать рѣшительныхъ мѣръ. Изъ послѣднихъ двухъ первый относился довольно дружелюбно къ Россіи, а въ кругъ обязанностей второго входило *ex officio*³⁾ рѣшеніе мирнымъ путемъ дипломатическихъ разногласій. Принятіе совѣтомъ рѣшеній, другъ другу противорѣчившихъ, привело къ тому, что Наполеонъ все таки выразился въ смыслѣ выжидательной политики, а для успокоенія публики, требовавшей рѣшительныхъ мѣръ, было постановлено напечатать нѣсколько статей угрожающаго характера по адресу Россіи.

Французское общественное мнѣніе, всегда чутко относившееся къ дѣламъ Польши, къ тому же возбуждаемое прессою, старавшеюся очернить все Русское, а cadaго Поляка окружить мученическимъ ореоломъ, становилось все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Французамъ чудилось возобновленіе Священнаго Союза, одни воспоминанія о которомъ оскорбляли національныя чувства страны, и они готовы были видѣть коалицію противъ Франціи державъ, подѣлившихъ Польшу. Императорскій посолъ не скрывалъ въ своихъ донесеніяхъ, что отношенія наши къ Франціи начинаютъ становиться весьма натянутыми и что бесѣды его съ Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ принимаютъ недружелюбный тонъ. Французскія газеты наперерывъ печатали статьи о варварскихъ поступкахъ Русскихъ солдатъ, умалчи-

¹⁾ Безъ перемѣны.

²⁾ Женатый на княжнѣ Трубецкой. П. Б.

³⁾ По служебному положенію.

вая конечно о томъ, какъ повстанцы поступали съ послѣдними, если раненые Русскіе солдаты попадали имъ въ плѣнъ. О Варѣоломеевской ночи, учиненной Поляками надъ спящими солдатиками Костромского полка, нигдѣ и рѣчи не было. Посоль постоянно настаивалъ на необходимости опроверженія враждебныхъ слуховъ, распространяемыхъ Французскою прессою; онъ требовалъ публикаціи сообщеній, основанныхъ на официальныхъ данныхъ, въ правдивости которыхъ никакое иностранное правительство не имѣло бы возможности сомнѣваться. Между тѣмъ какъ на Западѣ пресса становилась шестою державою, защитникомъ нашихъ интересовъ въ Европейской печати была лишь газета Nord. За границею правительства тратили на прессу значительныя суммы, у насъ же почти ничего. Мнѣніе барона Будберга заслуживало тѣмъ болѣе вниманія, что Французы совершенно отказывались печатать статьи, доставлявшіяся Русскими корреспондентами, не довѣряя имъ и не желая умалять въ глазахъ Французскаго общества чувство къ Польшѣ, питаемое прессою. Эта пресса постоянно старалась напомнить Французскому народу, что раздѣлы этого государства, соединеннаго съ Франціею узами одного и того же вѣроисповѣданія, были непростительнымъ поступкомъ, совершеннымъ въ царствованіе ослабленнаго Людовика XV и что Франція потому обязана преимущественно, въ сравненіи съ другими державами, принять мѣры къ возстановленію Польши.

Посоль доносилъ 15 (27) Февраля 1863 г. (№ 88) о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ императоромъ. разговорѣ, отличавшемся большою откровенностью, такъ какъ барону Будбергу, по приказанію Государя, разрѣшалось высказываться, не скрывая истинныхъ намѣреній нашего правительства. Послѣ обычныхъ взаимныхъ комплиментовъ Наполеонъ выразилъ сожалѣніе, что Польскій вопросъ (котораго онъ между прочимъ долженъ былъ коснуться въ 1858 году, въ Стутгартѣ, въ первое свиданіе свое съ Государемъ) причиняетъ снова Русскому Монарху столько заботъ, но что онъ, императоръ Французовъ, не можетъ не считаться съ мнѣніемъ Франціи, желающей открыто стать на сторону Поляковъ въ неравной борьбѣ ихъ съ Россіею. Вотъ, по словамъ посла, что сказалъ ему Наполеонъ: *Au commencement de l'insurrection elle n'était que purement démagogique, c'était du mazzinisme, et je l'ai traitée comme telle. Mais le mouvement, n'ayant pas été étouffé dans l'origine, a pris un caractère de plus en plus national. Alors se sont éveillées toutes les sympathies polonaises, et aujourd'hui c'est une véritable démenée. Si les affaires en Pologne ne se rétablissent pas promptement, je prévois que mon gouvernement ne pourra pas y rester*

indifférent... Je serai contraint de faire une démarche en faveur des Polonais, à réclamer pour eux des concessions, enfin à me mêler dans cette affaire¹⁾.

Выслушавъ почтительно императора, посолъ счелъ долгомъ обратить вниманіе Наполеона на слѣдующее обстоятельство. Не смотря на то, что за все время съ 1815 по 1830 г. Польша была на положеніи почти независимаго государства, соединена была съ Россіей лишь въ лицѣ Монарха и имѣла даже собственную, національную армію, Польяки тѣмъ не менѣе возстали противъ Россіи съ цѣлью возстановленія всей такъ называемой ими этнографической Польши, т.-е. Варшавскаго Герцогства, Литвы, Юго-Западнаго Края по правый берегъ Днѣпра, а равно присоединенія къ Польшѣ земель, принадлежащихъ Австріи и Пруссіи. Державы, трижды подѣлившія Польшу, наврядъ ли согласились бы на подобное отторженіе принадлежащихъ имъ, по праву завоеванія, территорій и на силу, конечно, отвѣтили бы силою. Насколько Наполеонъ былъ малосвѣдущъ въ исторіи Польши и всѣ свѣдѣнія свои черпалъ изъ газетныхъ статей, со словъ Поляковъ, а равно со словъ императрицы и принца Наполеона, можно судить изъ того, что онъ сказалъ послу: En effet, d'après ce que vous me dites, tout ce qu'on pouvait faire entrer dans les termes du traité de Vienne, a été rempli. Je vous avoue que tout cela est nouveau pour moi²⁾.

Такимъ образомъ Французскому монарху либо дѣйствительно не была извѣстна исторія Польши, въ особенности со времени раздѣловъ и послѣ Вѣнскаго конгресса, либо онъ прикидывался незнающимъ для того только, чтобы впослѣдствіи (какъ на самомъ дѣлѣ это и было), все таки настаивать на возстановленіи Польши. Такой манеры прикидываться неосвѣдомленнымъ и тѣмъ сбивать съ толку своихъ собесѣдниковъ придерживался весьма часто Наполеонъ, что подтверждается, какъ ниже мы увидимъ, однимъ изъ послѣдующихъ донесеній нашего посла въ Парижѣ. Хотя положеніе, въ которомъ находились Русско-Французскія отношенія, не указывало покуда на неминуемую возможность разрыва, но отношенія эти тѣмъ не менѣе со дня на день пор-

¹⁾ Въ самомъ началѣ возстаніе было дѣло рукъ демагоговъ, оно было ничто иное какъ, мадзинизмъ: но разъ что возстаніе не было прекращено въ самомъ зародышѣ своемъ, оно стало принимать все болѣе и болѣе національный характеръ. Всѣ Польскія симпатіи выступили тогда наружу, а происходящее въ настоящее время есть чистое безуміе.... Если Польскія дѣла не будутъ въ скоромъ времени приведены въ порядокъ, правительству моему въ такомъ случаѣ нелзя будетъ оставаться равнодушнымъ..... меня вынудятъ вступить за Поляковъ, потребовать для нихъ уступокъ, однимъ словомъ, вмѣшаться въ это дѣло.

²⁾ Судя по словамъ вашимъ все, что можно было сдѣлать согласно со статьями Вѣнскаго договора, было исполнено. Признаюсь, что все это для меня ново.

тились. Одно было ясно: Франція безъ союзниковъ не рѣшалась воевать съ Россіей, да еще за такой вопросъ, въ которомъ ни честь, ни достоинство ея не были задѣты. Она должна была искать союзниковъ, и первымъ, на котораго Франція могла рассчитывать, была конечно Англія, и тогда, съ нею вмѣстѣ, надлежало стараться завлечь въ орбиту своей политики остальную Европу. Главнымъ препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ были Австрія и Пруссія; но если бы онѣ стали на сторону Франціи, то Россіи пришлось бы встрѣтиться въ такомъ случаѣ съ Европейскою коалиціей, разстроить которую составляло въ то время самую серьезную задачу Русской дипломатіи. Такъ какъ центръ направленный противъ насъ дипломатической атаки исходилъ съ береговъ Сены, то императорскому послу въ Парижѣ барону Будбергу выпадала почетная роль главнаго защитника Русскихъ интересовъ противъ Французскихъ притязаній, старавшихся опереться на цѣлую Европу.

Интересовавшее сію послѣднюю, также какъ и насъ, Польское дѣло не могло ограничиться одними разговорами дипломатовъ, аудіенціями нашего посла у Наполеона и статьями полонофильствовавшей прессы; слѣдовало ожидать запросовъ со стороны палатъ, и посоль доносилъ, что сенаторъ Лараби предполагалъ внести петицію по Польскимъ дѣламъ. Петиція эта являлась весьма нежелательною для Французскаго правительства, и Французскій министръ, въ разговорѣ своемъ съ барономъ Будбергомъ по поводу оной, не скрывалъ всей опасности положенія. Однако все еще надѣялись съ обѣихъ сторонъ уладить дѣло съ помощью министра безъ портфеля Бильо, намѣревавшагося лавировать между обоими подводными камнями: общественнымъ мнѣніемъ, настроеннымъ въ пользу независимой Польши, и правительствомъ, все еще желавшимъ сохранить добрыя отношенія съ Россіей. Тѣмъ временемъ представитель Россіи имѣлъ снова аудіенцію у императора, на котораго предъидущій разговоръ съ нимъ повидимому не оказалъ никакого вліянія. Признавшись опять въ полномъ своемъ незнаніи о положеніи Польскаго вопроса и коснувшись мимоходомъ статей Вѣнскаго конгресса, Наполеонъ снова подтвердилъ послу, что, какъ избраннику народа, ему нельзя не прислушиваться къ гласу народному. что въ настоящее время вопросъ этотъ изъ чисто-національнаго сталъ Европейскимъ и что слѣдуетъ приступить къ новому рѣшенію его сообща съ другими державами. Однимъ словомъ, барону Будбергу давалось понять о намѣреніи Французскаго правительства созвать конгрессъ. Между прочими мѣрами, которыя предлагалъ Французскій монархъ, были также слѣдующія: Государь могъ назначить кого нибудь изъ братьевъ или сыновей своихъ королемъ Польши и возстановить это

королевство въ предѣлахъ Варшавскаго Герцогства. Подобная мѣра, по мнѣнію императора, облегчала задачу Россіи по отношенію къ Польшѣ и подѣйствовала бы успокоительнымъ образомъ на Европу. Наполеонъ забывалъ, что съ возстановленіемъ одного Варшавскаго Герцогства Польскій вопросъ не получаютъ еще своего рѣшенія, такъ какъ Поляки требовали Польши отъ моря и до моря, о чемъ было лично заявлено графомъ Андреемъ Замойскимъ Императору Александру II. Подтвержденіемъ сему служить помѣта, сдѣланная Государемъ на депешѣ отъ 27 Февраля (11 Марта) 1863 г. за № 98: *c'est que André Zamoiski m'a dit en toute lettre **).

Въ созывѣ Европейскаго ареопага съ цѣлью рѣшенія давнишняго нашего спора съ Польшею заключалась для насъ съ одной стороны опасность остаться совершенно изолированными, но, съ другой стороны, представлялась слѣдующая выгода: мы знали, что Франція весьма неохотно пойдетъ на конгрессъ, если мы за основаніе переговоровъ возьмемъ статьи Вѣнскаго трактата. Договоръ этотъ для насъ былъ подтвержденіемъ исполненія статей его, пока Польша не бунтовала, для Поляковъ же доказательствомъ вѣроломнаго нарушенія присяги, а для Французовъ напоминаніемъ объ униженіи ихъ страны. *Разница* во взглядахъ относительно основаній, на которыхъ должны были стовориться державы, дабы въ сущности судить насъ и мирволить Полякамъ, была *кардинальною причиною*, почему конгрессъ по Польскому вопросу состояться не могъ. Въ этой разницѣ заключалась та чувствительная струна, за которую съ успѣхомъ ухватилась наша дипломатія и съумѣла въ данномъ случаѣ разбить всѣ махинаціи, направленные противъ насъ, а потому эпоха 1863 года останется навсегда блистательною страницей въ исторіи Русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ только что выше приведенной депешѣ мы нашли также весьма интересную и вѣрную характеристику Наполеона, сдѣланную барономъ Будбергомъ, подтверждающую установившееся мнѣніе, что императоръ любилъ слыть за Тюльерійскаго Сфинкса, и это порою ему удавалось до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ разгаданъ своимъ талантливымъ соперникомъ въ 1870 г., грубо сбросившимъ его съ пьедестала. Вотъ какъ выражался нашъ дипломатъ въ депешѣ отъ 27 Февраля (11 Марта) 1869 г. № 98: *En vous soumettant, mon prince, ce compte-rendu de mon entretien, j'ai cru pouvoir télégraphier à votre excellence que l'empereur Napoléon est entraîné vers des entreprises aventureuses, et certes*

*) Что дословно сказалъ мнѣ Андрей Замойскій.

jamais un tableau plus colossal d'aventures n'a été tracé dans une conversation d'une heure et demie. Peut-être ses aspirations ne sont que des rêves, peut-être aussi ce sont des étapes qu'il place pour le cas où il pourrait lui convenir de s'en servir... Dans tout ce que dit l'empereur (et tous ceux qui ont eu l'occasion de causer intimement avec lui peuvent le certifier) il n'emploie jamais une parole inutile, mais aussi il sait toujours placer, l'une à côté de l'autre, différentes idées qu'il a l'air de préparer pour l'avenir... *).

Такъ какъ Польскій вопросъ не двигался съ мѣста, то Наполеонъ рѣшился наконецъ на болѣе энергичную политику. Россіи слѣдовало ожидать, что на нее будетъ произведено давленіе комбинированными силами, что на дипломатическомъ языкѣ называется представленіемъ коллективныхъ нотъ. Дѣло однако все таки не налаживалось: то Франція, то Англія откладывали слишкомъ смѣлыя выступленія. Происходило это потому, что обѣ морскія державы все еще сомнѣвались въ содѣйствіи кабинетовъ Вѣнскаго, а особенно Берлинскаго. Нерѣшительность противниковъ нашихъ не мѣшала однако агитаціи въ Европѣ противъ Россіи. Герценъ и Бакунинъ старались, изъ Лондона, взбунтовать армію, а равно крестьянъ, надѣясь заставить первую нарушить присягу, а вторыхъ не повиноваться правительству, обманувшему ихъ, по словамъ революціонеровъ, при введеніи въ 1861 г. крестьянской реформы. Въ самомъ Петербургѣ, а равно въ другихъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ Россіи, велась подпольная агитація, во главѣ которой стояли Поляки Сѣраковский и Огрызко и въ которой принимали также участіе революціонеры изъ Русскихъ. Значительнымъ толчкомъ въ вопросѣ явился происшедшій въ Сенатѣ инцидентъ, о которомъ Друэнъ-де Люисъ предупреждалъ уже посла. Дебаты по Польскимъ дѣламъ продолжались въ Сенатѣ 18, 19 и 20 Марта (н. ст.), и мы воспроизводимъ ихъ здѣсь на основаніи извлеченія изъ статей, напечатанныхъ въ бывшемъ въ то время официальномъ органѣ правительства *Moniteur Universel*. Первая рѣчь принадлежала г. Бонжанъ. Сдѣлавъ историческій обзоръ вопроса, онъ освѣтилъ его съ Польской точки зрѣнія и

*) Поверган, князь, на воззрѣніе ваше отчетъ моего разговора, я счелъ долгомъ телеграфировать вашему сіятельству, что путь, избранный императоромъ Наполеономъ, полонъ приключеній и картина эта никогда не была изображена въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ какъ въ полуторачасовой бесѣдѣ нашей. Кто знаетъ, можетъ быть, возжелѣнія его только грѣзы, но также можетъ быть, что это этапные пункты, на которыхъ, глядя по обстоятельствамъ, онъ намѣревается останавливаться. Всѣ, имѣвшіе когда либо случай бесѣдовать довѣрительно съ императоромъ Наполеономъ, могутъ подтвердить, что онъ словъ никогда на вѣтеръ не бросаетъ, но что онъ умѣетъ всегда связать нѣсколько идей такъ, чтобы въ послѣдствіи использовать ихъ.

закончилъ рѣчь свою словами, что никакое примиреніе между Поляками и Русскими немыслимо до тѣхъ поръ пока, первые не достигнутъ полного и безусловнаго возстановленія Рѣчи Посполитой. Затѣмъ говорилъ Виконтъ де-ла-Героньеръ, сказавшій, что онъ не желаетъ войны изъ за возстановленія Польши въ предѣлахъ упомянутыхъ предшествовавшимъ ораторомъ, но обращаетъ вниманіе слушателей на то, что *les traités de Vienne forment le droit diplomatique de l'Europe à l'égard de la Pologne**). Положеніе продолжало быть неопредѣленнымъ пока; на это князь Понятовскій ему возразилъ, что въ настоящее время Поляки не удовлетворятся болѣе трактатами 1815 г. и что Польша должна быть единою, нераздѣльною и независимою. Тогда Россію взялъ подъ защиту свою маркизъ де-ла-Рошжакеленъ. Онъ также, какъ и г. Бонжанъ, началъ рѣчь свою съ исторической справки. Маркизъ упомянулъ о причинахъ, приведшихъ Польшу къ паденію и цитировалъ также слова Наполеона I-го, сказавшаго, что для возстановленія Польши и гарантіи ея независимости Франціи пришлось бы поставить навсегда двухъ-сотъ-тысячный гарнизонъ въ Варшавѣ. Далѣе и касаясь происходившихъ въ то время въ Польшѣ событій, ораторъ порицалъ насильно возбуждавшіеся католическимъ духовенствомъ манифестаціи, которыя Полякамъ помощи оказать не могли, но тормозили либеральныя мѣры, входившія въ планы Императора Александра II-го по умиротворенію Польши. Изъ всѣхъ сенаторовъ, нападавшихъ на Россію, никто не отличался однако такою невоздержанностію, какъ принцъ Наполеонъ, двоюродный братъ императора. Нападая одновременно на Россію и на Пруссію и обойдя осторожно поведеніе Австріи въ Польскомъ вопросѣ, принцъ подчеркнул постоянныя и неизмѣнныя симпатіи династіи Бонапартовъ къ Полякамъ и послѣ цѣлаго ряда оскорбительныхъ для Россіи замѣчаній, заключилъ свою рѣчь, что это величественное (*sublime*) возстаніе должно быть поддержано (*encouragé*), не взирая ни на какія послѣдствія, которыя отъ энергичной политики Франціи могли бы произойти для нея. Сенатъ одобрилъ рѣчь принца Наполеона и большинствомъ 109 противъ 17 голосовъ перешелъ къ очереднымъ дѣламъ. Если Верхняя Палата пришла къ такому результату, то врядъ ли слѣдовало ожидать отъ Нижней большей умѣренности. Бурное, произведшее сенсацію не только въ Парижѣ, но и въ цѣлой Европѣ, засѣданіе это было заключено рѣчью министра безъ портфеля Бильдъ, который старался загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное словами принца Наполеона, сказавши, что онъ сожалѣетъ о только что произнесен-

*) Трактаты Вѣнскіе, относящіеся до Польши, включены въ дипломатическое право Европы, и кабинеты обязаны вести переговоры на основаніи этихъ трактатовъ.

ныхъ необдуманныхъ словахъ въ этомъ собраніи и что онъ убѣждаетъ Сенатъ оставаться хладнокровнымъ и благоразумнымъ и не слѣдовать политикѣ приключеній.

Рѣчь принца Наполеона не могла, конечно, остаться безъ протеста со стороны императорскаго посла въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что она была произнесена близкимъ родственникомъ императора. По появленіи ея въ *Moniteur Universel* баронъ Будбергъ немедленно отправился къ министру иностранныхъ дѣлъ и сказалъ ему слѣдующее (Депеша отъ 9 (21) Марта 1863 № 112.): *Je lui déclarai que comme ambassadeur de Russie je le priais de transmettre à l'empereur Napoléon la pénible impression que les paroles du prince ne manqueront point de produire et que j'étais en droit de m'attendre à ce que sa majesté me fasse parvenir un désaveu et un blâme catégorique des allégations fausses et blessantes que son cousin s'était permis* *).

Друэнъ-де-Люисъ выразилъ послу свои сожалѣнія по поводу произнесенной принцемъ рѣчи и завѣрилъ барона Будберга, что императоръ глубоко удрученъ симъ прискорбнымъ инцидентомъ. За симъ 22 Марта, т. е. два дня послѣ оскорбительной для Россіи выходки принца, въ „*Moniteur Universel*“ появилось письмо императора на имя Бильо, которое должно было служить удовлетвореніемъ для нашего правительства, не говоря о томъ, что въ Парижѣ быстро распространилось извѣстіе, что Наполеонъ не принялъ своего двоюроднаго брата, которому подъ рукою, но довольно недвусмысленно, дано было знать, что въ Тюльерійскомъ дворцѣ съ удовольствіемъ узнали о намѣреніи его высочества предпринять путешествіе на Востокъ. Письмо императора заключалось въ слѣдующей редакціи (депеша отъ 11 (23) Марта 1863 г. № 116): *Mon cher monsieur Billaut, je viens de lire votre discours et comme toujours j'ai été heureux de trouver en vous un interprète si fidèle et si éloquent de ma politique. Vous avez su concilier l'expression de nos sympathies pour une cause chère à la France avec les égards dûs à des souverains et à des gouvernements étrangers. Vos paroles ont été sous tous les points conformes à ma pensée. et je repousse toute*

*) Въ качествѣ Россійскаго посла я прошу его передать императору Наполеону о несомнѣнно непріятномъ впечатлѣніи, которое произведутъ слова принца, и что я считаю себя также въ правѣ ожидать, что его величество не приминетъ приказать передать мнѣ категорическое порицаніе свое ошибочныхъ и оскорбительныхъ выраженій, которыя двоюродный братъ его позволилъ себѣ произнести“.... Послѣдующія слова нашего дипломата, вслѣдствіе силы, съ которой они были выражены, мы здѣсь опускаемъ.
Прим. автора.

autre interprétation de mes sentiments. Croyez à ma sincère amitié. Napoléon *).

Французская пресса усматривала въ рѣчи принца Наполеона намѣреніе добиться отъ Россіи серьезныхъ уступокъ, а Полякамъ рѣчь эта уже казалась вѣрнымъ путемъ для осуществленія завѣтныхъ мечтаній; но письмо императора все таки нѣсколько умѣрило пылъ разгоряченныхъ головъ. Письмо это конечно было о двухъ концахъ: оно пріятно щекотало національное самолюбіе Поляковъ, упоминая о Французскихъ симпатіяхъ, но въ тоже самое время правительство Наполеона старалось доказать официально свое безпристрастіе, торжественно заявляя объ обязательныхъ и для него правилахъ международной вѣжливости.

Съ происшедшимъ въ Парижѣ сенатскимъ инцидентомъ совпали сдѣланныя изъ Лондона правительству нашему представленія по Польскому вопросу. Попытки эти С. Джемскаго кабинета не имѣли однако большого успѣха, о чемъ немедленно стало извѣстно какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ. Посоль нашъ по поводу сему писалъ, что Друэнъ-де-Люисъ не особенно озабоченъ этою неудачею и что правительство наше, къ сожалѣнію, будетъ имѣть вскорѣ случай убѣдиться въ болѣе согласномъ воздѣйствіи обѣихъ морскихъ державъ на Россію. Тоже самое подтверждалъ и баронъ Брунновъ изъ Лондона.

Вторая Крымская война какъ будто дѣйствительно снова появлялась на политическомъ горизонтѣ Европы.

Въ Парижѣ среди самаго правительства мы не имѣли никакой опоры для веденія примирительной политики. Наполеонъ, вѣрный своему мечтательному темпераменту, къ тому же вѣчно колебавшійся, постоянно принималъ то одно, то другое рѣшеніе. Императрица Евгенія, всею душою преданная Польскому дѣлу, всѣми силами старалась склонить державнаго супруга своего къ объявленію намъ войны. Симпатіи ея этому дѣлу основывались не только на личныхъ связяхъ Тюльерійскаго двора съ проживавшей въ Парижѣ колоніею Польскихъ магнатовъ, главный штабъ которой помѣщался въ извѣстномъ Hôtel Lambert, но проистекали также изъ ея религіозныхъ, до фанатизма

*) Дорогой господинъ Бильо, я только что прочелъ вашу рѣчь и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы по прежнему остались краснорѣчивымъ истолкователемъ и вѣрнымъ исполнителемъ моей политики. Вы сумѣли согласовать выраженіе нашихъ симпатій дѣлу, которое близко касается сердца Франціи, съ чувствами почтенія, которое мы должны сохранять къ монархамъ и иностраннымъ правительствамъ. Ваши слова вполне согласуются съ моими мыслями, и я не признаю иного толкованія намѣреній моихъ. Примите увѣренія въ моей искренней дружбѣ. Наполеонъ.

доходившихъ, возрѣній. Взглядъ принца Наполеона былъ извѣстенъ изъ упомянутого сенатскаго инцидента. Министръ иностранныхъ дѣлъ болѣе всего старался угождать императрицѣ и, всецѣло повинаясь своему монарху, не имѣлъ на него никакого вліянія. При этихъ условіяхъ, на сдержанность и благоразуміе Французской дипломатіи намъ не было никакого основанія разсчитывать; тайныя пружины этой дипломатіи находились въ рукахъ тѣхъ же людей, Наполеона и Пальмерстона.

Несмотря на начинавшее принимать серьезный оборотъ положеніе дѣла, оба наши дипломата, бароны Будбергъ и Брунновъ, оставались пока увѣренными, что удастся все таки предотвратить вооруженное столкновеніе. Имъ обоимъ казалось, что западныя державы поразмыслятъ еще до принятія крайнихъ рѣшеній для веденія войны не „изъ за ключей“, а на этотъ разъ изъ за Рѣчи Посполитой, войны, которая могла бы привести къ обще-европейскому столкновенію. Островное положеніе Англіи конечно избавляло ее отъ всякихъ непріятностей; но другое дѣло для Франціи, монархъ которой хорошо зналъ, что послѣдствіемъ первой серьезной неудачи будетъ вторичное низложеніе династіи Бонапартовъ. Въ виду сего слѣдовало ожидать, что западныя державы ограничатся предложеніемъ созвать конференцію для пересмотра международныхъ законовъ, опредѣлявшихъ положеніе Польши, главнымъ образомъ статей Вѣнскаго конгресса. Другой исходной точки для рѣшенія вопроса не было. Англія только требовала точнаго исполненія Россіей всѣхъ статей этого конгресса, т. е. предоставленія Полякамъ всѣхъ правъ и вольностей, которыя даровалъ имъ Императоръ Александръ и подтвердилъ Императоръ Николай. Возбуждать другіе вопросы въ расчеты С. Джемскаго кабинета не входило; какъ всегда, Британская нація и на этотъ разъ охотно принимала на себя роль гуманной державы, зная, что филантропія эта не касалась Англіи и не могла нанести какого либо ущерба ея интересамъ. Точка зрѣнія Французскаго правительства была совершенно иная: Французамъ не хотѣлось вытаскивать на свѣтъ Божій покрытые архивною пылью пергаменты Вѣнскихъ трактатовъ, напоминавшихъ имъ трехлѣтнюю оккупацию союзниками Франціи. Имъ охотнѣе было смѣшать Польскій вопросъ съ другими международными вопросами и, перемѣшавши всю колоду картъ, выдернуть наилучшій козырь для себя. Такого взгляда на общее положеніе дѣлъ придерживался самъ монархъ, одержимый страстью политическихъ приключеній и старавшійся подражать великому родоначальнику его династіи, не дававшему Европѣ перевести духъ, переносившему побѣдоносный мечъ свой съ одного конца ея на другой. Какъ мы уже упомянули, разница во взглядахъ Франціи и Англіи помогла

Россіи въ отпариваніи направленныхъ противъ нея дипломатическихъ ударовъ. Канцлеръ князь Горчаковъ съ большимъ умѣніемъ дѣла воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Пока Австрія не рѣшалась примкнуть къ той или другой сторонѣ, а на Пруссію мы могли вполне рассчитывать, положеніе наше въ Польскомъ вопросѣ оставалось преж-
нее; подобно тому, какъ сто лѣтъ назадъ, Польша была звеномъ, соединявшимъ три сѣверныя державы и служила по прежнему базой ихъ международныхъ отношеній.

Въ 1863 году Австрійскимъ посломъ въ Парижѣ былъ князь Меттернихъ. Онъ не унаслѣдовалъ ума и таланта знаменитаго своего отца, но не былъ лишень нѣкотораго дипломатическаго навыка и извѣстной рутины, приобрѣтаемыхъ людьми, находящимися отъ рожденія въ дипломатическихъ сферахъ. Супруга посла, княгиня Меттернихъ, была, какъ извѣстно, *persona gratissima* при Тюльерійскомъ дворѣ и пользовалась вполне расположеніемъ императорской четы. Французское правительство черезъ нее именно и старалось подѣйствовать на Вѣнскій кабинетъ съ цѣлью понудить его присоединиться къ представленіямъ, дѣлаемымъ Франціей и Англіей Россіи. Но на Австрію Наполеонъ все еще не могъ рассчитывать, такъ какъ императоръ Францъ Іосифъ не рѣшался примкнуть къ вышепомянутымъ представленіямъ. Австрійскій посолъ въ Парижѣ вернулся изъ Вѣны, куда онъ нарочно ѣздилъ по Польскимъ дѣламъ, съ инструкціей приложить всѣ усилія къ предотвращенію вооруженнаго столкновенія съ Россією и заявить въ Парижѣ, что, въ случаѣ войны, Австрія будетъ держаться нейтралитета. Всѣ старанія, прилагавшіяся изъ Парижа и Лондона, склонить императора Франца-Іосифа къ принятію участія въ коалиціи противъ Россіи не имѣли успѣха; государство, въ составъ котораго входили Галиція, Австрійская Силезія и Буковина, предпочитало пока сохранять свое *status quo* въ Польскомъ вопросѣ.

Видя, что въ Лондонѣ не съ особенною охотою намѣреваются присоединиться къ Франціи, не довѣряя Вѣнскому кабинету и не считывая на Пруссію, Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ попробовалъ перемѣнить тактику. Въмѣсто того, чтобы добиваться отъ нашего правительства, путемъ дипломатическаго воздѣйствія на него державъ, уступокъ, Друэнъ-де-Люисъ предлагалъ послу нашему сговориться съ Франціей непосредственно, безъ участія третьихъ лицъ. Онъ совѣтывалъ намъ обратиться къ Полякамъ съ плебисцитомъ, на основаніи котораго произвести выборъ въ національный сеймъ, объявивъ полную амністію всѣмъ лицамъ, обвиненнымъ въ совершеніи политическихъ преступленій. По мнѣнію Французскаго дипломата Поляки оцѣнятъ великодушіе Русскаго Царя, и Польскій вопросъ исчезнетъ

самъ собою изъ Европейскихъ канцелярій. Доводя до свѣдѣнія своего правительства о новыхъ Французскихъ предложеніяхъ, основанныхъ на рѣшеніи вопроса посредствомъ исключительно-обоюдныхъ соглашеній кабинетовъ С. Петербургскаго и Парижскаго, баронъ Будбергъ прислалъ о сообщеніи ему, въ возможно скорѣйшемъ времени, дальнѣйшихъ инструкцій. Въ депешѣ отъ 22 Марта (3 Апрѣля 1863 года за № 131) находится слѣдующая помѣта Императора Александра II-го противъ словъ, касавшихся плебисцита: *qui est la plus grande duperie inventée de nos jours.....* (т. е. придуманное въ настоящее время самое большое надувательство). Отвѣтъ нашего правительства заключался весь въ этой помѣтѣ.

Переговоры между тѣмъ все продолжались, телеграфъ безостановочно работалъ, и перья скрипѣли въ канцеляріяхъ; но надежда на сохраненіе мира все уменьшалась. Вѣсы наклонялись то въ одну, то въ другую сторону, а стрѣлки все еще не могли придти въ спокойное состояніе. Выше мы сказали, что правительство наше опротестовало безтактную рѣчь принца Наполеона, между которымъ и императоромъ произошла бурная сцена. Министръ выразилъ послу свое сожалѣніе, заявляя, что письмо Наполеона, адресованное Бильдъ, должно было служить удовлетвореніемъ Россіи, но монархъ Франціи и представитель Русскаго Царя, при немъ аккредитованный, еще не встрѣчались послѣ рѣчи, надѣлавшей такъ много шума во Франціи и за предѣлами ея. Понятно, что съ этимъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ не торопились, а напротивъ искали предлоговъ откладывать непріятную встрѣчу. Святая недѣля и пасхальные праздники, строго соблюдавшіеся при набожной католичкѣ императрицѣ Евгеніи, послужили благопріятнымъ для сего обстоятельствомъ. Только 4 (16) Апрѣля начались приемы при дворѣ и доставили послу возможность видѣть императора. Встрѣча эта возбуждала общій интересъ въ Парижѣ, въ особенности среди лицъ дипломатическаго корпуса, которымъ пришлось быть ближайшими ея очевидцами. Вотъ какъ описывалъ баронъ Будбергъ это событіе въ депешѣ отъ 4 (16) Апрѣля 1863 г. № 139. *Dès que l'empereur Napoléon m'a aperçu, il est venu à moi et m'a dit: j'ai regretté très vivement et j'ai sincèrement désapprouvé les paroles dites par mon cousin au Sénat. Elles sont tout-à-fait contraires à ma pensée. Ainsi que je l'ai dit à mon ministre, tout en ayant des sympathies pour la cause de la Pologne, je n'ai pas oublié les preuves d'amitié que j'ai reçues de l'Empereur Alexandre. Je lui en conserve une véritable affection et une sincère reconnaissance*).*

*) Какъ только императоръ Наполеонъ меня замѣтилъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: Я глубоко сожалею о произнесенныхъ двоюроднымъ братомъ моимъ словахъ

Посолъ завѣрилъ императора, что Государь, конечно, не смѣшиваетъ личныхъ взглядовъ принца со взглядами Французскаго правительства. Въ тоже самое время баронъ Будбергъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы выразить свое сожалѣніе по поводу отправленія Парижскимъ кабинетомъ ноты своему послу въ С. Петербургъ герцогу Монтебелло, такъ какъ Государемъ объявленъ уже манифестъ, въ которомъ изложено все то самое, о чемъ въ нотѣ упоминалось. Императоръ отвѣтилъ послу, что манифестъ запоздалъ своимъ появленіемъ и что потому онъ мало рассчитываетъ на благотворное его дѣйствіе. Находясь подъ вліяніемъ враждебныхъ Россіи газетныхъ статей, а равно слуховъ распространяемыхъ Польскими кружками, Наполеонъ прибавилъ, что ему извѣстны весьма прискорбные случаи нарушенія дисциплины Русскими солдатами, совершающими дикую расправу съ повстанцами. Посолъ возразилъ, что и повстанцы, съ своей стороны, не щадятъ также своихъ враговъ, что впрочемъ возстаніе не распространяется, а напротивъ затихаетъ и что, какъ полагать нужно, въ скоромъ времени оно совершенно затихнетъ. На этихъ словахъ окончился разговоръ. Онъ послужилъ богатою темою для газетныхъ передовицъ, бульварныхъ слуховъ и салонныхъ сплетенъ. Баронъ прибавилъ къ своей депешѣ отъ 4 (16) Апрѣля 1863 г. № 40: *L'empereur dit qu'il serait bien heureux s'il en était ainsi et comme nous nous trouvions au milieu d'un cercle, il me quitta pour continuer sa tournée* *).

Тѣмъ не менѣе то, чего мы должны были болѣе всего опасаться, наступило: Франція и Англія всетаки сѣумѣли уговорить Австрію и, если эти три державы не подавали еще коллективной ноты, онѣ начинали, повидимому, дѣйствовать сообща. Очень можетъ быть, что народившееся соглашеніе (*entente à trois*) было просто ловкимъ маневромъ Французской дипломатіи, желавшей блеснуть своимъ искусствомъ и дать нѣкоторое удовлетвореніе общественному мнѣнію Франціи; но депеши нашего посла стали отличаться пессимизмомъ. Правительство Наполеона постепенно сходило съ почвы трактатовъ и, подчиняясь давленію массъ, рѣшалось вмѣшаться во внутреннія дѣла наши. Поставивъ первую вѣху на пути, по которому, въ соединеніи съ другими державами, Франція намѣревалась идти, оно рѣшалось очевидно принудить Россію къ удовлетворенію требованія Поляковъ. Француз-

и совершенно отъ нихъ отрекаюсь. Слова эти не согласуются съ моими взглядами. Какъ я выразился моему министру, симпатіи мои Польскому дѣлу не могутъ служить помѣхою помнить объ оказанныхъ мнѣ Императоромъ Александромъ знакахъ дружбы. Я питаю къ нему чувства истинной привязанности и искренней привязательности.

*) Императоръ сказалъ, что если это такъ, онъ сочтетъ себя счастливымъ; находясь же среди представлявшихся, онъ отошелъ и продолжалъ совершать свой обходъ.

ская пресса толковала, что царскій манифестъ не произвелъ никакого дѣйствія; на столбцахъ ея, закупленной проживавшею на берегахъ Сены Польскою аристократіею, велась ожесточенная война противъ Россіи, тогда какъ Русскому правительству, и то только благодаря авторитету графа Морни, удалось напечатать лишь въ *Constitutionnel* статью, разъяснявшую политику нашу въ Польшѣ. Другія, мало мальски серьезныя, газеты на отрѣзъ намъ въ томъ отказывали. Ошибка наша не заручиться Французскою прессою (на чемъ неоднократно настаивалъ нашъ посолъ), ограничиваясь самою ничтожною суммою въ бюджетѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ на такъ называемый *Reptilienfond*, давала себя чувствовать.

Въ слѣдующей аудіенціи, данной нашему дипломату, императоръ исключительно касался Польскихъ дѣлъ. Онъ прямо, безъ обиняковъ, совѣтовалъ Россіи возстановить Польшу въ предѣлахъ Варшавскаго Герцогства. но не допуская и мысли о расширеніи этихъ границъ. Такая комбинація казалась ему совершенно рациональною. Къ сожалѣнію Наполеонъ всетаки никакъ не хотѣлъ понять, что подобное рѣшеніе Польскаго вопроса никогда не удовлетворило бы Поляковъ, требовавшихъ, какъ мы сказали, всего или предпочитавшихъ оставаться ни съ чѣмъ и уповать на будущее. Онъ все продолжалъ настаивать на своей идеѣ, говоря, что Россіи гораздо удобнѣе имѣть дѣло съ независимымъ государствомъ, нежели съ краемъ, который она не въ состояніи окончательно себѣ подчинить. Вопросъ начиналъ затягиваться, и для кабинетовъ становилось яснымъ, что путемъ дипломатической переписки его не рѣшить. Прибѣгать къ оружію никто еще не рѣшался; оставалось одно средство: созвать конгрессъ. Когда только возникла рѣчь о созывѣ Европейскаго ареопага, посолъ категорически заявилъ Друэнъ-де-Люису, что Россія пойдетъ на конгрессъ только въ такомъ случаѣ, если, вмѣстѣ съ Польскимъ, будутъ разсматриваться и другіе вопросы и что за основаніе переговоровъ должны быть непременно приняты Вѣнскіе трактаты 1815 г. По мнѣнію барона Будберга предпочтительнымъ мѣстомъ конгресса долженъ быть Петербургъ, хотя Французское и Великобританское правительства предлагали для сего Парижъ или Лондонъ. Державы конечно могли придти къ соглашенію, но случись неудача. и тогда ничего болѣе не оставалось, какъ рѣшить споръ оружіемъ. Къ этому времени изъ Лондона былъ пущенъ слухъ, что Россія согласна будто бы вступить въ перемиріе съ повстанцами. Послу пришлось заявить, что Россія отклоняетъ всякое даже разсмотрѣніе сего вопроса и усматриваетъ въ подобномъ выступленіи державъ оскорбленіе для національнаго достоинства, но что лучшимъ средствомъ для прекращенія кровопролитія могло-бы

послужить давленіе, не на Русское правительство, а на самихъ Польскихъ инсургентовъ, упорство которыхъ прямо пропорціально сочувствію, которое Поляки встрѣчаютъ въ Европѣ вообще, а во Франціи въ особенности. Поляки, увѣренные въ содѣйствіи Франціи, и не думали класть оружіе; напротивъ того, они требовали, чтобы мы совершенно прекратили военныя дѣйствія противъ нихъ, хотя край далеко еще не былъ замиренъ. Высокомѣріе инсургентовъ зависѣло также отъ убѣжденія ихъ, что на сторонѣ Польши находятся люди близко стоящіе къ Царю и будто совѣтовавшіе уступить Польскимъ вождѣніямъ. Посоль дѣйствительно упоминалъ объ одномъ лицѣ, пользовавшемся съ самаго дѣтства необычайною благосклонностью Государя, предлагавшемъ ему разсѣчь Гордіевъ узелъ возстановленіемъ Польши.

Французское правительство, видя, что Австрія начинаетъ также опасаться революціоннаго броженія въ Галиціи, а Пруссія заключила военную конвенцію съ Россіей и конечно будетъ съ нею дѣйствовать сообща, снова начинало какъ бы колебаться. Задача дипломатіи нашей значительно облегчалась тѣмъ, что она могла опереться на самую страну, проявившую въ началѣ этого смутнаго времени чувство глубокаго и неподдѣльнаго патріотизма. Историческая эпоха, когда со всѣхъ сторонъ стекались адреса Государю и отправлялись телеграммы Горчакову, Муравьеву и Каткову, послужила самымъ нагляднымъ доказательствомъ единодушія Россіи. Исключительно ему обязаны мы были, что враги наши прекратили высокомѣрныя притязанія свои и перестали вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. Друэн-де-Люисъ хорошо постигъ это, потому не считалъ болѣе нужнымъ скрывать отъ посла нашего настоящую подкладку Французскихъ симпатій къ Польскому дѣлу. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ барономъ Будбергомъ онъ сдѣлалъ ему любопытное сообщеніе, объясняемое либо тѣмъ, что Французскому дипломату надобно въ концѣ концовъ по пустому вести разговоры и даромъ проливать чернила или что онъ рукою махнулъ на вопросъ, которымъ полгода и безо всякаго успѣха занимались дипломатическія канцеляріи. Во всякомъ случаѣ слова Друэна-де-Люиса, приведенныя посломъ, доказываютъ развязность и необычайную откровенность его собесѣдника. Депеша отъ 1 (13) Іюня 1863 г. № 187: *Ces symptômes pour la cause polonaise dataient déjà du règne de Louis XV et qu'une combinaison politique. s'appuyant sur l'indépendance de la Pologne, créerait en Europe un équilibre favorable à la France par l'action qu'elle pouvait exercer sur l'Autriche et la Prusse**).

*) Симпатіи эти Польскому дѣлу берутъ начало со времени Людовика XV; комбинація, опирающаяся на независимую Польшу, должна была создать въ Европѣ желательное для Франціи равновѣсіе давленіемъ, производимымъ сею послѣднею на Австрію и Пруссію.

Въ этихъ словахъ, можетъ быть необдуманнхъ и съ легкомыслиемъ произнесенныхъ, слѣдовало искать настоящія основанія, тайныя пружины Польскихъ симпатій. На самомъ дѣлѣ нужно было, не покидая взоровъ съ лѣваго берега Рейна, создать центръ тяжести Французскаго вліянія въ самомъ центрѣ Европы, т. е. приобрести на Вислѣ вѣрнаго союзника, на котораго Франція могла бы во всякое время опереться. *Da war der Hund begraben* (вотъ гдѣ зарыта собака).

Франція готовилась какъ бы къ разрыву съ Россіей. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Петербурга, Наполеонъ будто бы приказалъ морскому министру донести ему о цифрѣ военныхъ и транспортныхъ судовъ, необходимыхъ для десанта въ Полангенѣ. Несмотря на то, что дѣло содержалось въ большей тайнѣ, посоль писалъ, что докладъ о томъ былъ сдѣланъ 25 Апрѣля. Съ того времени прошло два мѣсяца; такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій не поступало (посоль писалъ объ этомъ въ Іюнѣ), слѣдовательно никакихъ военныхъ операций въ Балтикѣ въ 1863 г. не предвидѣлось. Во всякомъ случаѣ, не заручившись союзомъ съ Англіею, вести морскую войну для Франціи было невозможно; но если бы экспедиція въ Балтійское море состоялась, Французы рассчитывали, также какъ и въ Крымскую компанію, на содѣйствіе Швеціи и Финляндіи, предполагая сдѣлать изъ портовъ ихъ операціонную базу. Въ случаѣ же континентальной войны Французской арміи предстояло встрѣтиться сначала съ арміями тогда еще существовавшаго Германскаго Союза. Австрійская армія, съ контингентами войскъ южно и средне-Германскаго государствъ, должна была занять линію Майна и Неккара, а Прусская съ сѣверными контингентами—все, что лежало сѣвернѣе вышепомянутыхъ линій. Рассчитывать на то, что Германскій союзъ вмѣстѣ съ Франціею поднимется противъ Россіи Наполеонъ не имѣлъ никакого основанія, и онъ это отлично зналъ. Хотя трудно было съ точностью провѣрить всѣ слухи относившіеся до мобилизаціи вообще, въ частности до сформированія новыхъ дивизій, реквизиціи лошадей, доставки крупныхъ орудій въ военные порты, вплоть до вопроса о возстановленіи Булонскаго лагеря, но нельзя допустить, чтобы извѣстной доли правды не было во всѣхъ этихъ слухахъ. Достоверно было одно: безъ союзниковъ война для Наполеона была немыслима; но если такіе бы оказались, вѣроятности для войны существовали:

Основываясь на послѣднемъ разговорѣ своемъ съ Друэнъ-де-Люисомъ, баронъ Будбергъ болѣе не сомнѣвался въ томъ, что настоящею цѣлью политики Наполеона была не Польша, которая въ сущности мало его интересовала, а завоеваніе лѣваго берега Рейна. Въ депешѣ отъ 3 (15) Іюня 1863 г. № 193 говорится: *Une pareille campagne représen-*

terait le seul objet réel de l'action politique de la France dans les affaires de la Pologne—c'est la conquête de la rive gauche du Rhin. L'indépendance de la Pologne que convoitise l'empereur Napoléon n'a pas d'autre bût que celui d'arriver à une combinaison qui assurerait la réalisation de cette convoitise. que partage toute la nation française avec une unanimité remarquable¹⁾.

Описываемое нами время представлялось императору Французовъ весьма благопріятнымъ для войны съ Германіею, такъ какъ положеніе Пруссіи (которой впоследствии суждено было стать во главѣ Германскаго народа) казалось почему-то Наполеону весьма шаткимъ. По имѣвшимся въ Парижѣ свѣдѣніямъ между королемъ и его министрами съ одной стороны и Прусскими депутатами съ другой стороны существовала будто бы цѣлая пропасть. На самомъ же дѣлѣ разногласіе это не было столь серьезнымъ, и во всякомъ случаѣ оно не помѣшало Германіи, послѣ трехъ побѣдоносныхъ войнъ, достигнуть полного торжества и свести Францію съ того пьедестала, на который она была поставлена побѣдами Крымской, Итальянской и Китайской кампаній. Монархъ-мечтатель, привыкнувшій думать, что стоить ему только захотѣть, и онъ въ состояніи провести цѣлую Европу, кончилъ тѣмъ, что Поляковъ не освободилъ, а лишился, семь лѣтъ спустя, вмѣстѣ съ династіею своею престола Франціи, оставивъ ей въ наслѣдство мечту о реваншѣ. Тѣмъ не менѣе онъ лично, его правительство и Французская армія такъ импонировали многимъ, что немудрено, если посолъ нашъ выражался о послѣдней слѣдующимъ образомъ (депеша отъ 3 (15) Іюня 1863 г. № 193): dont les préparatifs sont fort difficiles à découvrir vu la mobilité et l'organisation de l'armée qui possède, à ce qu'on assure, des munitions toutes prêtes pour le double de son effectif actuel²⁾.

Кампанія 1870 г. послужила отвѣтомъ на эти слова.

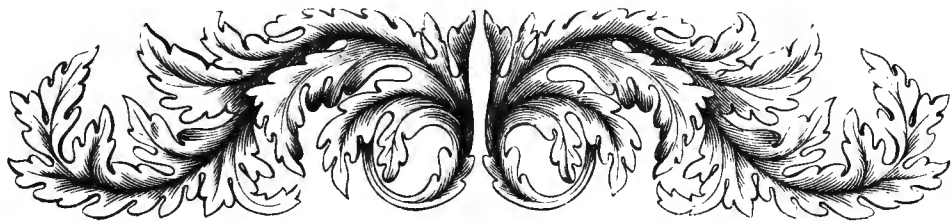
П. Вигель-Панчулидзевъ.

Петербургъ, Ноябрь 1906 г.

¹⁾ Единственнымъ существеннымъ предметомъ Французской политики въ Польскихъ дѣлахъ могла быть только такая кампанія, которая заключалась бы въ захватѣ лѣваго берега Рейна. Добиваясь независимости Польши, Наполеонъ видѣлъ въ томъ лишь средство достигнуть комбинаціи, съ помощью которой ему представлялась возможность осуществить мечту, такъ единодушно съ нимъ раздѣляемую всею Французскою націею.

²⁾ За военными приготовленіями которой, благодаря ея быстрой, организованной мобилизаціи, трудно услѣдить и которая (армія) располагаетъ, какъ утверждаютъ, всѣми необходимыми запасами въ двойномъ комплектѣ для наличнаго ея контингента.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ П. И. ЩУКИНА ¹⁾.

П. Л. Пикулинъ.

Докторъ медицины, адъюнкъ-профессоръ имп. Моск. университета, Павелъ Лукичъ Пикулинъ (род. 1822 г., ум. 1885 г.), пріятель Т. Н. Грановскаго и А. И. Герцена, женатый на Аннѣ Петровнѣ Боткиной. Въ молодости Пикулинъ служилъ врачомъ въ Екатерининской больницѣ, былъ замѣчательный діагностъ. Въ 1856, 57, 58, и 59 гг. состоялъ редакторомъ „Журнала Садоводства“, издававшагося Россійскимъ Обществомъ Любителей Садоводства. Въ этомъ превосходномъ журналѣ Павелъ Лукичъ помѣщалъ свои статьи, подписывая ихъ обыкновенно буквою П. Писалъ въ этомъ журналѣ также и Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. Въ изданіи участвовали Ванъ-Гуртъ и А. Вершаффельтъ изъ Гента. Линдентъ изъ Брюсселя, А. Топфъ изъ Эрфурта и К. Вагнеръ изъ Риги. Въ „Журналѣ Садоводства“, во время редакторства Пикулина, между рисунками цвѣтовъ, прекрасно исполненныхъ красками въ Гентѣ, можно найти рисунки рододендрона и камеліи, носящихъ въ честь жены Пикулина названія: „*Rhododendrum* *hyb. Madame Picouline*“, и „*Camellia* *Madame Picouline*“.

При графѣ А. А. Закревскомъ Пикулинъ попалъ даже въ проскрипціонный списокъ графа, какъ неблагонадежный человѣкъ, можетъ быть потому, что Пикулинъ имѣлъ тяжёлое дѣло съ Закревскимъ. Пикулинъ купилъ на деньги, собранныя по подпискѣ (4500 руб.) для Н. Х. Кетчера домъ съ садомъ и прудомъ въ Ольховцахъ. Домъ этотъ находился близъ бань, принадлежавшихъ гр. Закревскому. Изъ бань была проведена труба въ прудъ. Закревскому непремѣнно хотѣлось оттягать у Пикулина этотъ домъ, и въ концѣ концовъ Павелъ Лукичъ долженъ былъ уступить всецѣльному графу.

Зимою Пикулинъ жилъ на Петровкѣ, въ домѣ Харитова (прежде принадлежавшемъ Дурново, потомъ Лазарику²⁾), внутри двора, а на лѣто перебирался на дачу въ Марьину Слободку. Тамъ, на Александровской улицѣ, рядомъ съ садомъ Екатерининскаго Института, Пикулинъ владѣлъ деревяннымъ домикомъ съ садомъ, оранжереей, парниками и огородомъ. Пикулинъ первый въ Москвѣ

¹⁾ Съ позволенія П. И. Щукина заимствуемъ эти воспоминанія, равно какъ и письма Пикулина къ Шумахеру, изъ VII-й книги Щукинскаго Сборника. П. Б.

²⁾ Въ настоящее время домъ Обидиной.

занился разведеніемъ лучшихъ сортовъ заграничной садовой земляники. Пикулинская земляника славилась въ Москвѣ, и онъ сдавалъ гряды съ этой земляникой извѣстному торговцу фруктами Филиппу Семенову на Маросейкѣ. Были у Павла Лукича и чудесные розаны, гладіолусы и другіе цвѣты. Въ моемъ изданіи „Русскихъ портретовъ“ (вып. второй) помѣщенъ портретъ Пикулина; онъ изображенъ сидящимъ на терассѣ своей дачи въ Марьиной Слободѣ.

Пикулинъ, все время, какъ его помню, былъ разбитъ на ноги параличемъ и не могъ ходить, передвигался лишь съ помощью своего слуги Миши. Съ женой жилъ не въ ладахъ и радовался, когда она уѣзжала въ деревню или за границу. Онъ любилъ собакъ, а жена—кошекъ. Своимъ собакамъ онъ однажды устроилъ елку, на которую были повѣшены гирлянды изъ сосисекъ и куски мяса; для кошки была поставлена лохань холодной воды съ рыбками. Елку съ зажженными свѣчами собаки уронили, и чуть не сдѣлался пожаръ. Въ кабинетѣ, гдѣ Пикулину изъ дивана устраивали на ночь постель, жили въ ящикахъ двѣ левретки: „Шарикъ“ и „Милордка“. Для нихъ покупались такъ называемыя „банныя“¹⁾ конфеты, въ коихъ было больше муки, чѣмъ сахару. У жены Павла Лукича была прекрасная бѣлая кошка съ голубыми глазами. На дачѣ въ Марьиной Слободѣ держалось нѣсколько сторожевыхъ собакъ: „Болванъ“, „Фатма“, „Дунай“, „Кудлашка“ и другія; была еще одна дворняжка, жившая въ Москвѣ, которая называлась „Жукомъ“ или „Надворнымъ Совѣтникомъ“; она обыкновенно сопровождала Пикулиныхъ въ загородныхъ поѣздахъ и бѣжала все время за экипажемъ. Вообще Пикулина нельзя было представить безъ его собакъ, которыхъ онъ называлъ „своими ангелами“.

Отъ извѣстной наѣздницы Пальмиры Аннато, Пикулинъ получилъ за свои визиты, вмѣсто гонорара, ея дагерротипный портретъ²⁾.

Однажды Захарьинъ, Варвинскій и Пикулинъ пріѣхали къ сумасшедшему графу Мамонову, на Воробьевы горы. Когда эти доктора завтракали, вошелъ генералъ въ эполетахъ, Андреевской лентѣ и въ орденахъ. Доктора начали было вставать изъ за стола; но Мамоновскій управляющій просилъ ихъ не беспокоиться и, взявъ большую оловянную песочницу, высыпать песокъ на голову генерала. Генералъ оказался шутомъ графа Мамонова.

¹⁾ Потому что онѣ продавались около бань.

²⁾ Въ книжкѣ „Театралъ. Карманная книжка для любителей театра“ (Спб. 1853 г.) помѣщенъ литографированный портретъ красивой Пальмиры Аннато, и въ статьѣ о *Театрѣ-Циркѣ*, выстроенномъ и открытомъ въ Петербургѣ въ 1849 году, между прочимъ говорится: „Въ настоящее время группа вольтижеровъ и вольтижерокъ состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ лицъ: Три сестры *Аннато: Пальмира, Марія, Катерина*. Первые двѣ превосходныя наѣздницы: послѣдняя еще очень молода, но обладаетъ также замѣчательнымъ дарованіемъ. Грація, ловкость и смѣлость Пальмиры Аннато изумительны. Ею восхищался весь Парижъ, откуда внимательная дирекція выписала ее на нынѣшній сезонъ“ и т. д. Въ Щукинской коллекціи находится масляная картина, писанная Николаемъ Егоровичемъ Свѣрчковымъ, въ 1852 году. На этой картинѣ изображена Пальмира Аннато въ ареноѣ цирка, стоящая на бѣгущей лошади.

Лѣчилъ Пиккулинъ также извѣстнаго гастронома Рахманова, жившаго въ своемъ домѣ у Страстнаго монастыря. Рахмановъ былъ очень толстъ, такъ что въ театрѣ сидѣлъ на двухъ креслахъ, ручки которыхъ были спилены. Въ слѣдствіе болѣзни Рахмановъ сильно похудѣлъ, и кожа на животѣ, по словамъ Пиккулина, стала складываться какъ скатерть. Но и больной, Рахмановъ не переставалъ давать для своихъ пріятелей тонкіе обѣды, хотя самъ уже почти не могъ ничего ѣсть. Поросятъ, передъ тѣмъ какъ ихъ закалывать, Рахмановъ заставлялъ своего повара сѣчь, для того, чтобы были вкуснѣе. Бывало, чистаго, обѣлаго поросенка приносить поваръ къ Рахманову, и онъ, лаская его, приговариваетъ: „завтра мы будемъ тебя сѣчь“. Блины у Рахманова ѣли всегда въ кухнѣ, прямо съ плиты.

Между друзьями и знакомыми, посѣщавшими Пиккулина, было много интересныхъ лицъ, какъ-то: Н. Х. Кетчеръ, Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, Александръ Владимировичъ Станкевичъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ, А. А. Фетъ, Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, К. Т. Солдатенковъ, Василій Степановичъ Перфильевъ, Николай Яковлевичъ Шкоттъ, Петръ Николаевичъ Грековъ, художникъ Н. Е. Рачковъ, артистъ Самаринъ, Иванъ Николаевичъ Новацкій, Алексѣй Николаевичъ Маклаковъ, Владимиръ Карловичъ Вульфбертъ, Иванъ Ивановичъ Красовскій и другіе.

Объ Александрѣ Владимировичѣ Третьяковѣ, извѣстномъ Московскомъ богачѣ, Павелъ Лукичъ рассказывалъ, что онъ жилъ съ Француженкой Бертой, очень своенравной: когда она сердилась, то такъ выходила изъ себя, что ломала и била всѣ вещи, попадавшіяся ей подъ руку, причемъ добродушный Александръ Владимировичъ, плохо знавшій пофранцузски, только повторялъ: „Берта, пуркуа капризь? Берта, пуркуа капризь?“.

У Пиккулина встрѣтился я въ первый разъ и съ Петромъ Васильевичемъ Шумахеромъ.

Крикливый Николай Христофоровичъ Кетчеръ*), начальникъ Московскаго врачебнаго управленія, переводчикъ Шекспира, большой охотникъ до шампанскаго, по поводу чего кто-то съострилъ, что Кетчеръ перевелъ всего Шекспира, но не могъ „перевести“ всего шампанскаго, и который въ молодости, будучи еще либераломъ, не пилъ Редерера только потому, что ярлыки на бутылкахъ были съ двуглавыми орлами, находился много лѣтъ подъ секретнымъ

*) Отецъ Николая Христофоровича былъ Шведъ и управлялъ казенной фабрикой хирургическихъ инструментовъ, находившейся въ Москвѣ, въ Прѣсенской части, близъ Вдовьяго Дома. Во время нашествія непріятеля въ 1812 году, семейство Кетчера уѣзжало изъ Москвы въ Касимовъ. День выѣзда былъ памятенъ Н. Х. тѣмъ, что его за какую-то шалость высѣкли. Казначей казенной фабрики, сохранившій отъ французовъ на четыре тысячи рублей мѣдныхъ денегъ, получилъ крестъ, а отецъ Кетчера, спасшій на гораздо большую сумму золота и серебра, шиншъ, по выраженію Николая Христофоровича, Н. Х. также рассказывалъ мнѣ, что помнитъ зарево отъ костровъ въ окрестностяхъ Москвы, гдѣ жгли трупы.

надзоромъ полиціи за переводъ „Разбойниковъ“ Шиллера. Объ этомъ надзорѣ Кетчеръ узналъ лишь послѣ коронаціи импер. Александра II, когда неожиданно получилъ бумагу о снятіи надзора. Въ посмертныхъ сочиненіяхъ А. И. Герцена, изданныхъ въ Женевѣ, помѣщена очень вѣрная, если не лучшая до сихъ поръ написанная, характеристика Н. Х. Кетчера.

Московскій гражданскій губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ, женатый на графинѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ Толстой, дочери „Американца“ Толстаго, о которомъ Грибоѣдовъ сказалъ въ „Горѣ отъ ума“: „Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ“..... Сестра Прасковьи Ѳедоровны была известная Сарра Толстая. Единственный сынъ Перфильевыхъ, Ѳедоръ Васильевичъ, товарищъ прокурора московскаго окружнаго суда, женатый на княжнѣ Голицыной, сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ.

Дмитрій Васильевичъ Каншинъ, устроитель дешевыхъ столовыхъ въ Петербургѣ и авторъ „Энциклопедіи питанія“. Каншинъ попробовалъ было устроить такія же столовыя въ Москвѣ, но изъ этого ничего не вышло.

изъ писемъ п. л. пикулина къ п. в. шумахеру.

1.

Жаль, что у васъ нѣтъ эстрагона. Попрошу Петю Щукина захватить пучекъ. Его можно сохранить болѣе недѣли, поставить въ воду, какъ букетъ, и вынести въ погребъ на ледъ. Онъ даже вялый даетъ аромать.

Если у васъ есть окуни, то приготовляйте ихъ въ паровой кастрюлѣ такъ: наръзать кружками луку рѣпчатого по одной штукѣ на каждаго окуня. Этотъ лукъ мочите въ водѣ сутки, перемѣняя воду раза три. Это дѣлается для того чтобы извлечь остроту лука (запахъ псины, какъ говорятъ). Изъ вымоченнаго луку сдѣлайте въ кастрюлѣ постель и укладывайте окуней. Затѣмъ положите $\frac{1}{4}$ ф. сливочнаго масла и полстакана лимоннаго сока, посолите и черезъ $\frac{1}{4}$ часа кушайте и вспоминайте меня.

2.

3 Іюля.

Шкотта выдаю рѣдко. Онъ пьетъ воды и держитъ строгую діету. но 24-го Іюня, по словамъ Кетчера, на именинахъ Келлера, ослабѣлъ отъ излишняго употребленія водъ и возвратился съ Кетчеромъ въ 7 час. утра. Причемъ Кетчеръ, какъ говорятъ, самъ шатался, а Шкотта не замѣтилъ. 26-го же я звалъ Шкотта, еще за недѣлю, обѣ-

дать съ Красовскимъ и Кузьмой*). Кетчеръ явился какъ новорожденный, Шкоттъ не пришелъ, по нездоровью. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ. Онъ мнѣ говорилъ, что онъ уѣзжаетъ ежедневно въ деревню, изъ экономіи, потому что, если онъ остается вечеромъ въ Москвѣ, то каждый вечеръ ему стоитъ minimum 15 р. Эрмитажи и Альгамбры стоятъ не дешево.

3.

7 Юля, Среда.

Какова погодка! Сижу и наслаждаюсь, окруженный моими друзьями: Дунаемъ, Мальчикомъ (последняго вы еще не видали—это портретъ матери Кудлашки) и Милодарской съ Шарикомъ. Последніе посылаютъ вамъ привѣтъ.

Вчера былъ у меня Кузьма и я, по желанію вашему, прочелъ ваше къ нему привѣтствіе. Причемъ онъ сказалъ, что не послать ли вамъ гостинца? Я же ему отвѣтилъ, что лучший гостинецъ напитки; но онъ рѣшилъ, что и съѣстное въ деревнѣ не лишнее, а потому рѣшилъ послать вамъ въ *одномъ ящикѣ* икры паюсной, сыру, балыка, сардинъ, сельдей, ветчины, колбасъ, салямъ и другихъ, въ *другомъ же* 12 бут. Марго. На Медокъ онъ не согласился, говоря, что Марго лучше всякаго Медока. Рѣшившись на это, онъ сказалъ, что „ты отвѣчаешь, если это будетъ неловко съ моей стороны“. Конечно эту отвѣтственность я взялъ на себя и просилъ его оказывать подобную неловкость и въ будущемъ. Все это будетъ исполнено въ четвергъ и передается П. Щукину для отсылки по адресу въ Спасское.

*) Н. Н. Красовскій, инспекторъ студентовъ и К. Т. Солдатенковъ. П. Б.

ПИСЬМА И. В. КИРЬЕВСКАГО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

I.

Сложено пакетомъ и рукою матери Кирьевскаго А. П. Елагиной надписано: „Въ С. Петербургъ. Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому“. Съ боку почтовая пометка: „Москва. 5 Октября 1831“.

Милостивый государь, Василій Андреевичъ!

Издавать журналъ такая великая эпоха въ моей жизни, что рѣшиться на нее безъ вашего одобренія было бы мнѣ физически и нравственно невозможно: ни рука не подыметься на перо, ни голова не освѣжится порядочной мыслью, когда имъ не будетъ доставать вашего благословенія. Дайте-жъ мнѣ его, если считаете меня способнымъ на это важное дѣло; если-жъ вы думаете, что я еще не готовъ къ нему¹⁾, или что вообще, почему бы то ни было, я лучше сдѣлаю, отказавшись отъ изданія журнала, то все таки дайте мнѣ ваше благословеніе, прибавивъ только журналу *not to be*²⁾. Если жъ мой планъ состоится, т. е. если вы скажете мнѣ *издавай* (потому что отъ этого слова теперь зависитъ все), тогда я надѣюсь, что будущій годъ моей жизни будетъ полезенъ для нашей литературы, даже и потому, что мой журналъ заставитъ больше писать Баратынскаго и Языкова, которые обѣщали мнѣ дѣятельное участіе. Кромѣ того, журнальныя занятія были бы полезны и для меня самого: они принудили бы и приучили бы меня къ определенной дѣятельности, окружили бы меня *mit der Welt des europäischen wissenschaftlichen Lebens*³⁾, и этому далекому міру дали бы надо мной силу и вліяніе близкой существенности. Это нѣкоторымъ образомъ могло бы мнѣ замѣнить путешествіе. Выписывая всѣ лучшіе неполитическіе⁴⁾ журналы на трехъ языкахъ, вникая въ самыя замѣ-

¹⁾ И. В. Кирьевскому шель 26-й годъ отъ роду. П. В.

²⁾ Не буди.

³⁾ Міромъ Европейской наукообразной жизни.

⁴⁾ Писано вѣдѣть за укрощеніемъ Польскаго мятежа. П. В.

чательныя сочиненія первыхъ писателей теперешняго времени, я изъ своего кабинета сдѣлалъ бы себѣ аудиторію Европейскаго университета, и мой журналъ, какъ записки прилежнаго студента, былъ бы полезенъ тѣмъ, кто сами не имѣютъ времени или средствъ брать уроки изъ первыхъ рукъ. Русская литература вошла бы въ него только какъ дополненіе къ Европейской, и съ какимъ наслажденіемъ могъ бы я говорить о васъ, о Пушкинѣ, о Баратынскомъ, о Вяземскомъ, о Крыловѣ, о Карамзинѣ, на страницахъ, не запачканныхъ именемъ Булгарина, передъ публикой, которая покупаетъ журналъ не для модныхъ картинокъ, имѣя въ памяти только тѣхъ читателей, которые думаютъ и чувствуютъ не на слово, которыхъ участіе возвышаетъ дѣятельность, и забывъ, что есть на свѣтѣ другіе. Но разумѣется, что все это можетъ быть хорошо только за неимѣніемъ лучшаго. Когда-то хотѣлъ издавать журналъ Пушкинъ; если онъ рѣшится нынѣшній годъ, то разумѣется мой будетъ уже лишній. Тогда, также какъ и въ случаѣ вашего неодобренія, я буду искать другихъ занятій, другаго поприща для дѣятельности и постараюсь настроить мысли на предметы литературныя.

Рѣшите-жъ участь вашего И. Кирѣевскаго¹⁾.

II.

(28 Января 1845 г.).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могу отвѣчать вамъ? Даже изъ учтивости, послѣ всего, что вы для меня дѣлаете, кажется мнѣ приличнѣе молчать совсѣмъ, чѣмъ говоря, не высказать всей благодарности, для чего не достало бы у меня ни словъ, ни умѣнья. Еще въ Ноябрь написано было у меня данное письмо къ вамъ, но не окончено и потому не послано. Потомъ перемѣнились нѣкоторыя обстоятельства, и надобно было писать другое. Между тѣмъ пришелъ вашъ подарокъ Москвитянину, который чѣмъ глубже тронулъ меня, тѣмъ крѣпче завязалъ языкъ. Это какой-то психологическій недостатокъ, который прошу мнѣ простить, потому что я не умѣю съ нимъ сладить. Нынче 29-е Января. Поздравляю васъ и всѣхъ вашихъ, тамошнихъ и здѣшнихъ. Поздравляю васъ также съ новымъ Жуковскимъ²⁾. Мы получили это извѣстіе съ высшею радостію.

Посылаю вамъ 1-й № Москвитянина. Онъ вышелъ поздно по многимъ причинамъ, частью внѣшнимъ, неисправность типографская,

¹⁾ Благословеніе послѣдовало: Жуковскій писалъ А. П. Елагиной, что изъ ея семьи выйдетъ цѣлый рядъ писателей. II. Б.

²⁾ Павломъ Васильевичемъ, единственнымъ сыномъ В. А. Жуковскаго, родившимся 1 Января 1845 года. II. Б.

цензура и пр., частью по внутреннимъ, неуспѣхъ, неумѣнье и пр. Маменька вѣроятно уже писала вамъ о нашей потерѣ. Братъ Андрей¹⁾ общалъ много. Но, кажется, именно лишнее усиленное развитіе внутренней жизни пришло въ разногласіе съ жизнію внѣшнею и убило его этой дисгармоніей. Конечно Тотъ, Кто управляетъ судьбою міра и каждого, лучше знаетъ, для чего жизнь и для чего смерть; но признаюсь, иногда трудно понять и не меньше трудно оторвать мысль отъ пониманія непонятнаго. Здоровье маменьки теперь, слава Богу, начинаетъ поправляться. Вчера она въ первый разъ выѣхала навѣститъ меня, который несомнѣнно простудился. Жена моя тоже нездорова. Она въ восьмомъ мѣсяцѣ и очень боится девятаго. У насъ вообще въ воздухѣ какія-то особенныя болѣзни, соединенныя съ сильнымъ нервнымъ расстройствомъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ докторовъ говорятъ, что надобно измѣнить прежнія системы лѣченія, потому что болѣзни принимаютъ какой-то новый характеръ. Жена моя хотѣла сама писать къ вамъ, но не въ состояніи этого теперь сдѣлать; она поручила мнѣ сказать вамъ, что ваша строгость съ вашею маленькою Сашенькой можетъ быть очень легко замѣнена другимъ средствомъ, которое извѣстно ей по многимъ опытамъ. Въмѣсто наказаній, которыя въ этомъ случаѣ рѣдко и очень рѣдко приносятъ пользу, нуженъ только бдительный надзоръ няньки или того, кто смотритъ за ребенкомъ...

Въ неоконченномъ и непосланномъ письмѣ моемъ я изложилъ вамъ подробно о „Москвитинѣ“ и причины, меня побудившія взять его въ свои руки, и цѣль мою, и планъ, и надежды, и опасенія. Теперь постараюсь изложить одно существенное. Тому года три, я просилъ к. в. ²⁾ справиться, гдѣ слѣдуетъ, могу ли я писать и участвовать въ журналахъ. Ему отвѣчали, что мнѣ былъ запрещенъ Евр. (этому теперь 12 лѣтъ), но не запрещалось никогда писать, гдѣ хочу, и что Пол. и Над. ³⁾ не только пишутъ, но и сами издають другіе журналы послѣ запрещенія своихъ. Теперь, передъ условіемъ съ Погод. я спрашивалъ совѣта гр. Стр. ⁴⁾ и онъ полагалъ, что почитаетъ участіе мое возможнымъ. Но Погодина имя (и) отвѣтственность не могутъ быть сняты безъ особаго разрѣшенія, для котораго нужно время. Въ тоже время Погодинъ увѣдомилъ министра о передачѣ мнѣ редакціи, изъ чего явствуетъ, что хотя я издаю подъ чужимъ именемъ, но не обма-

¹⁾ Это былъ сводный братъ И. В. Кирѣевского, Андрей Алексѣевичъ Елагинъ. П. Б.

²⁾ Князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

³⁾ Полевой и Надеждинъ. П. Б.

⁴⁾ Графа С. Г. Строганова, попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ его вѣдѣніи находилась Московская цензура. П. Б.

номъ, не изподтишка, а съ вѣдома правительства. Между тѣмъ въ стихахъ вашихъ имени моего не пропустили, потому что вы говорите о моемъ журналѣ. Причины, побудившія меня взяться за это дѣло, были частью личныя слабости, частью умственные убѣжденія. Личныя заключаются въ томъ, что 1-е, я удостовѣрился, что для дѣятельности моей необходимо внѣшнее побужденіе, срокъ, не отъ меня зависящій; 2-е, журнальная дѣятельность мнѣ по сердцу; 3-е, въ уединенной работѣ я такой охотникъ grübeln¹⁾. что каждая мысль моя идетъ ракомъ. Въ журналѣ внѣшняя цѣль даетъ ей границы и показываетъ дорогу. Къ тому же во мнѣ многое дозрѣло до статьи, но далеко еще не дозрѣло до книги. Выраженное въ отрывкахъ, оно придвинетъ меня къ полнѣйшему уразумѣнію того, что мнѣ не достаетъ. Къ тому же дѣятельность, возбужденная внѣшними причинами, можетъ быть, обратится въ привычку (хотя въ послѣднемъ я крѣпко сомнѣваюсь). Сверхъ всего этого я имѣлъ въ виду и то, что если журналъ пойдетъ, то дастъ мнѣ возможность не жить въ деревнѣ, которую я не умѣю полюбить, не смотря на многолѣтнія старанія, и позволить мнѣ жить въ Москвѣ, которую я, также не смотря на многія старанія, не умѣю отдѣлать отъ воды, отъ воздуха, отъ свѣта.

Таковы были личныя причины. Важнѣе этого было то обстоятельство, что многіе изъ моихъ Московскихъ друзей объявили мнѣ, что моя редакція Москвит. будетъ для нихъ причиной дѣятельности. Но надъ всѣмъ этимъ высилась та мысль, или можетъ быть та мечта, что теперь именно пришло то время, когда выраженіе моихъ задушевныхъ убѣжденій будетъ и не бесполезно, и возможно²⁾. Мнѣ казалось вѣроятнымъ, что въ наше время, когда западная словесность не представляетъ ничего особенно властвующаго надъ умами, никакого началъ, которое бы не заключало въ себѣ внутренняго противорѣчія, никакого убѣжденія, которому бы вѣрили сами его проповѣдники, что именно теперь пришелъ часъ, когда наше православное началъ духовной и умственной жизни можетъ найти сочувствіе въ нашей такъ называемой образованной публикѣ, жившей до сихъ поръ на вѣру въ западныя системы. Христіанская истина, хранившаяся до сихъ поръ въ одной нашей церкви, не искаженная свѣтскими интересами папизма, неизломанная гордостью саморазумѣнія, не искривленная сантиментальной напряженностью мистцизма, истина самосущная, какъ сводъ небесный, вѣчно новая. какъ

¹⁾ Черезъ чуръ умствовать, мечтать. П. Б.

²⁾ Вспомнимъ, что не задолго передъ тѣмъ появилось узаконеніе объ обязанныхъ крестьянахъ и мелькнула заря раскрѣпощенія, которую приветствовать и другъ И. В. Кирѣевскаго Баратынскій (не задолго до своей кончины). П. Б.

рожденіе, неизбежная, какъ смерть, недомыслимая, какъ источникъ жизни, до сихъ поръ хранилась только въ границахъ духовнаго богомыслія. Надъ развитіемъ разумнымъ человѣка, надъ такъ называемымъ просвѣщеніемъ человѣчества господствовало начало болѣе или менѣе искаженное, полуязыческое: ибо малѣйшее уклоненіе въ прицѣлѣ кладетъ пулю въ совершенно другую мету. Отношеніе этого чистаго христіанскаго начала къ такъ называемой образованности человѣческой составляетъ теперь главный жизненный вопросъ для всѣхъ мыслящихъ у насъ людей, знакомыхъ съ нашею духовною литературою. Къ этому же вопросу, дальше или ближе, приводятся всѣ занимающіеся у насъ древне-русскою исторіею. Слѣдовательно я могъ надѣяться найти сочувствіе въ развитіи моего убѣжденія. Вотъ почему я рѣшился испытать журнальную дѣятельность, хотя и знаю, что неудача въ этомъ случаѣ была мнѣ почти не подъ силу.

И говорю не подъ силу въ нравственномъ отношеніи, потому что въ финансовомъ я не рискую. Издателемъ остается Погодинъ, съ его расходами и барышами, откуда будетъ такое количество подписчиковъ. что мнѣ можно будетъ безъ убытка заплатить ему извѣстную сумму за право изданія. Но если журналъ не пойдетъ, не встрѣтитъ сочувствія, то эта ошибка въ надеждахъ, вѣроятно, уже будетъ послѣднимъ изъ моихъ опытовъ литературной дѣятельности. Представьте-жъ, каково было мое положеніе, когда въ концѣ Декабря я увидалъ, что для 1-го №, который долженъ былъ рѣшить судьбу журнала, у меня нѣтъ ничего, кромѣ стиховъ Языкова, моихъ статей и маменькиныхъ переводовъ*). Присылка вашихъ стиховъ оживила и ободрила меня. Я почувствовалъ новую жизнь. Потомъ получилъ слово митрополита. За три дня до выхода книжки выказалъ Погодинъ сказку Луганскаго, таившуюся у него подъ спудомъ.

Прошу сказать мнѣ подробно ваше мнѣніе объ этомъ номерѣ: онъ будетъ мнѣ руководствомъ для другихъ. Отрывокъ изъ письма вашего объ Одиссеѣ нельзя было не напечатать. Это одна изъ драгоценнѣйшихъ страницъ нашей литературы. Тутъ каждая мысль носитъ сѣмена совершенно новаго, живаго воззрѣнія. Одиссея ваша должна совершить переворотъ въ нашей словесности, своротивъ ее съ искусственной дороги на путь непосредственной жизни. Это простодушная искренность поэзіи есть именно то, чего намъ недостаетъ и что мы, кажется, способны оцѣнить, чѣмъ старыя, хитрые народы, смотрящіеся въ граненныя зеркала своихъ вычурныхъ писателей. Живое выраженіе народности

*) О жизни Стефенса. П. Б.

Греческой разбудить понятіе и объ нашей, едва дышущей въ умолкающихъ пѣсняхъ¹⁾. Кстати къ пѣснямъ: изъ собранія, сдѣланнаго братомъ, одинъ томъ уже почти годъ живетъ въ Петербургской цензурѣ, и судьба его до сихъ поръ еще не рѣшается. Они сами знали только пѣсни иностранныя и думаютъ, что Русскія—секретъ для Россіи, что ихъ можно *не пропустить*. Между Русскими пѣснями и Русскимъ народомъ Петербургская цензура! Какъ будто народъ пойдетъ спрашиваться у Никитенки²⁾, какую пѣсню затянуть надъ сохою.

Братъ мой недавно пріѣхалъ изъ деревни и помогаетъ мнѣ въ журналѣ. Адресъ мой: Въ Большомъ Знаменскомъ пер., подлѣ церкви Ржевской Божіей Матери, въ домѣ Бенгардтъ. Адресъ матушки: Противъ Пожарнаго депо въ приходѣ Покрова въ Левшинахъ, въ домѣ г-жи Васьковой. Калачи Московскіе спрашиваютъ у меня всякій день, „когда Василій Андреевичъ будетъ насъ кушать?“ Что прикажете имъ отвѣчать?

Надолго ли уѣхалъ отъ васъ Гоголь? Если будете писать ко мнѣ, если доставите мнѣ эту истинную радость, то скажите что нибудь о немъ. Особенно хотѣлось мнѣ слышать отъ васъ о томъ сильномъ религіозномъ направленіи, которое теперь овладѣло имъ. Откуда оно развилось, куда идетъ и до куда дошло? Страшно, чтобы въ Парижѣ не подолостились къ нему лезуиты. Изучалъ ли онъ особенно нашу Церковь?

Баронъ Черкасовъ³⁾ здѣсь, а братъ его, наоборотъ, въ деревнѣ подлѣ насъ. Мы видались довольно часто; онъ человѣкъ очень замѣчательный. чисто-нравственный, не шутя вѣрующій и живущій по убѣжденію. Мачиха⁴⁾ отдала ему свое имѣніе, а онъ изъ благодарности посвящаетъ ей и ея дѣтямъ свою жизнь, занимается ея хозяйствомъ, снимаетъ планы съ ея земель и работаетъ съ утра до вечера, какъ только позволяетъ ему разстроенное здоровье.

¹⁾ Тоже говорилъ и писалъ Гоголь; Московскіе же профессора Русской словесности Буслаевъ, Тихонравовъ и другіе подыскивали буквальныхъ неточностей перевода и объясняли ихъ тѣмъ, что Жуковский не зналъ по-гречески. Дѣйствительно онъ сначала пользовался подстрочнымъ Нѣмецкимъ переводомъ, но въ теченіи работы усвоилъ себѣ и самый подлинникъ, что дало ему возможность перевести съ Греческаго весь Новый Заветъ (къ сожалѣнію доселѣ не изданный въ Россіи). П. Б.

²⁾ Цензора, вышедшаго изъ простого, но Малороссійскаго народа. Онъ постоянно охоранивался въ своемъ нравственномъ и умственномъ чужеземствѣ. П. Б.

³⁾ Баронъ Петръ Ивановичъ.

⁴⁾ Пелагея Андреевна, рожд. Полянская. Это сосѣди Бунинскаго села Мишенскаго (подъ городомъ Бѣлевымъ, нынѣ приналежащаго Маріѣ Васильевнѣ Безъручковой): родины Жуковскаго. П. Б.

Москву теперь занимають больше всего балы, безпрестанные, очень, какъ говорятъ, приличные, т. е. дорогіе, и довольно неприличные и, тоже, какъ говорятъ, не очень веселые. Теперь прекратились по причинѣ траура¹⁾. О лекціяхъ Шевырева вы прочтете въ Москвитинѣ. Новое филантропическое общество дамъ, результатъ *Mystères de Paris*, занимаетъ почти всѣхъ. Отыскиваютъ *des pauvres honteux*²⁾ и никакъ не могутъ найти. А между тѣмъ наша прежняя милостыня Русская исчезаетъ. Даже на Церковь перестаютъ подавать. Здоровье Языкова, кажется, поправляется, но все еще плохо³⁾. Онъ пишетъ много, и стихъ его, кажется, сталъ еще блестяще и крѣпче. Хомяковъ пишетъ больше прозою (*больше* сказано въ противоположность къ *очень мало*, въ бильярдномъ смыслѣ). Во второмъ № Москвитянина вы увидите его статью. Чертковъ издалъ второе прибавленіе къ своему каталогу— вещь великолѣпная. Жена моя готовится издать дополненіе къ семейству господъ Кирѣевскихъ.

Вашъ И. Кирѣевскій.

(1849 г. весна).

III.

Когда я получилъ и прочелъ письмо ваше, душа моя не наполнилась, а переполнилась чувствами живой и сладкой благодарности. Впрочемъ, не знаю, такъ ли назвать это чувство. Мнѣ кажется, не меньше согрѣло бы мнѣ сердце, если бы я узналъ, что вы сдѣлали для другого то и такъ, какъ это сдѣлали для меня. Вы перервали вашу любимую работу надъ Одиссеей, которая приближалась уже къ концу, для того, чтобы говѣть на Страстной недѣлѣ свободно отъ всѣхъ постороннихъ занятій; но въ это время, получивъ мое письмо, вы ни на минуту не усумнились нарушить вашъ святой шабашъ для того, чтобы просить о моемъ сынѣ⁴⁾. Благодарю Того, Кто далъ мнѣ счастье быть близко васъ. и отъ всей души прошу Его, чтобы Онъ заплатилъ на вашихъ дѣтяхъ то, что вы сдѣлали для моего сына, и чтобы мой сынъ, о которомъ вы ходатайствовали, какъ о собственномъ, помнилъ въ теченіе жизни своей быть достойнымъ этого.

Письма ваши я отправилъ на другой же день въ Петербургъ и по вашему совѣту написалъ къ Броневскому. Теперь получилъ уже

¹⁾ Трауръ по кончинѣ великой княгини Александры Николаевны? П. Б.

²⁾ Стыдливыхъ бѣдняковъ.

³⁾ Н. М. Языковъ скончался въ Декабрѣ этого 1845 года. П. Б.

⁴⁾ Василіи Ивановичъ. Это былъ старшій изъ трехъ сыновей И. В. Кирѣевского. Посреди заботъ о немъ и угасла прекрасная жизнь его. П. Б.

отъ него отвѣтъ, что Принцъ согласился на вашу просьбу о несчитаніи моему сыну 9-ти мѣсяцевъ препятствіемъ для вступленія въ 4-й классъ Лицея; но, что касается до принятія его на казенный коштъ, то это зависитъ отъ высочайшей воли и принадлежитъ только дѣтямъ генераловъ и чиновниковъ не ниже 4-го класса. Первое для насъ самое важное; а второе, кажется, лучше такъ, какъ случилось. Чувствуя всю доброту вашей просьбы объ этомъ, я думаю, однако, что хотя точно состояніе наше ограничено, но все намъ легче будетъ платить за сына, какъ другіе, чѣмъ пользоваться незаслуженно такого рода милостію.

Впрочемъ письмо ваше и въ этомъ отношеніи было небезполезно. Получивъ его, я далъ прочесть сыну: онъ былъ имъ глубоко тронутъ и вѣроятно навсегда сохранитъ то сознаніе, что, просивъ за него милости, вы этимъ какъ бы ручались за него; слѣдовательно, кромѣ другихъ причинъ, уже и поэтому на него легла обязанность соотвѣтствовать вашему ручательству своимъ внутреннимъ настроеніемъ честно. Случайный же результатъ просьбы есть уже дѣло постороннее для его внутренней обязанности. Кто знаетъ? Можетъ быть, придетъ время, когда это сознаніе послужитъ къ тому, чтобы подкрѣпить его внутренне карантинъ противъ той нравственной заразы, отъ которой теперь гніетъ Европа, этой Французской болѣзни, отъ которой у бѣднаго Западнаго человѣка уже провалилось небо, хотя я и надѣюсь, что эта болѣзнь до насъ не коснется, или, если коснется, то какого нибудь несущественнаго края нашего общества.

Грустно видѣть, какимъ лукавымъ, но неизбѣжнымъ и праведно насланнымъ безуміемъ страдаетъ теперь человѣкъ на Западѣ. Чувствуя тьму свою, онъ, какъ ночная бабочка, летитъ на огонь, считая его солнцемъ. Онъ кричитъ лягушкой и лаеетъ собакой, когда слышитъ Слово Божіе. И этого испорченнаго, эту кликушу хотятъ отчитывать—по Гегелю! Теперь еще вдвое тяжелѣе, чѣмъ прежде, знать васъ тамъ, подъ гнетомъ тяжелой необходимости жить посреди этихъ людей и далеко отъ отечества. Я понимаю, что никакія цѣпи изгнанія не могутъ быть мучительнѣе цѣпей болѣзни того существа, въ которомъ не только соединилось все милое сердцу, но вмѣстѣ и всѣ ближайшія обязанности долга охранять и беречь. Прошу Бога отъ всей души, чтобы Онъ скорѣе утѣшилъ васъ здоровьемъ вашей жены и тѣмъ далъ вамъ возможность возврата. Здѣсь не только слово ваше, но и самое присутствіе было бы полезно въ текущую многозначительную минуту. Оттуда вамъ дѣйствовать почти невозможно. Ваша брошюра и письмо къ Вяземскому, какъ ни прекрасно написаны, какъ ни хвалились

въ журналахъ, но вѣрно написались бы не такъ, если бы вы были здѣсь, и потому того дѣйствія, которое должно имѣть ваше слово на Русскихъ читателей, они произвести не могли.

Одиссея совсѣмъ другое дѣло. Она внѣ временъ, и вашъ переводъ ея есть важное событіе въ исторіи нашей словесности. Она внѣ временъ, потому что принадлежитъ всѣмъ временамъ равно, исключая однакоже нашего, потому что наше внѣ обыкновеннаго порядка и внѣ всякой умственной и литературной жизни. Оттого и она не могла явиться у насъ въ той силѣ, которая ей принадлежитъ надъ нормальнымъ состояніемъ человѣческаго ума. Дѣйствіе ея на литературу нашу должно быть великое, но медленное, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ будетъ менѣе ново, чѣмъ болѣе она будетъ читаться. Таковъ самый характеръ ея красоты. Это не блескъ страсти, не электрическая и ослѣпительная молнія въ темную ночь, но ясный взглядъ высокаго и испытаннаго разума на богатую и глубокую природу; свѣтлый и тихій вечеръ, таинственный отдаленностью горизонта. Извѣстіе, что переводъ вашъ уже почти конченъ, удивило и обрадовало всѣхъ насъ. Я, признаюсь вамъ, не воображалъ Гомера въ той простотѣ, въ той неходульной поэзіи, въ какой узналъ его у васъ. Каждое выраженіе равно годится въ прекрасный стихъ и въ живую дѣйствительность. Нѣтъ выдающагося стиха, нѣтъ хвастливаго эпитета: вездѣ ровная красота правды и мѣры. Въ этомъ отношеніи, я думаю, онъ будетъ дѣйствовать не только на литературу, но и на нравственное настроеніе человѣка. Неумѣренное, необузданное, слово въ наше время, кажется мнѣ, столько же выражаетъ, сколько и производитъ, необузданность сердечныхъ движеній. Есть однакоже нѣкоторыя вещи въ вашей Одиссеѣ, которыя мнѣ кажутся ниже ея общаго уровня. Я замѣтилъ ихъ для того, чтобы поговорить съ вами при свиданіи, и могъ ихъ замѣтить потому, почему на бѣлой бумагѣ можно замѣтить малѣйшую пылинку. Эти пылинки заключаются не въ выраженіяхъ, которыя кажутся мнѣ удивительнымъ совершенствомъ. но въ перестановкѣ словъ, которая иногда кажется мнѣ болѣе искусственной, чѣмъ могла быть, особенно и только сравнительно съ общою естественностью.

Впрочемъ написавши это, я чувствую: довольно странно выходить мнѣ говорить о недостаткахъ вашего слога. Утѣшаюсь только тою мыслию, что, можетъ быть, вы, выслушавши всѣ толки званныхъ и незванныхъ судей, между кучею вздора найдете что-нибудь дѣльное, и въ такомъ случаѣ второе изданіе вашей Одиссеи будетъ еще совершеннѣе. Если же изъ всѣхъ замѣчаній не найдете ничего дѣльнаго для себя, то тѣмъ полезнѣе будетъ для меня слышать ваше мнѣніе.

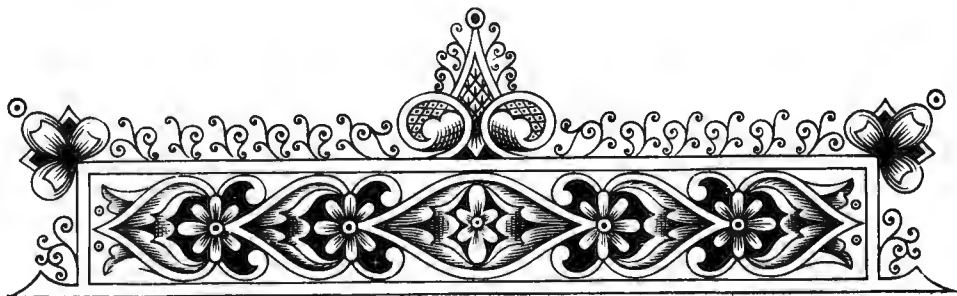
Вашъ Иванъ Кирѣевскій.

IV.

. Вслѣдствіе вашего письма и разрѣшенія Принца, мы повезли нашего Васю въ Петербургъ и помѣстили его въ частный пансіонъ, пріуготовительный въ Лицею, къ г-ну Гроздову, гдѣ онъ долженъ пробыть до нынѣшняго Іюня, когда будетъ пріемъ въ Лицей и потомъ, если выдержитъ экзаменъ, поступитъ туда; хотя это еще не вѣрно, потому что экзаменъ, какъ говорятъ, очень трудный, отъ того, что число принимаемыхъ ограничено, желающихъ много, а поступаютъ только лучшіе, или счастливѣйшіе на экзаменѣ. Пансіонъ Гроздова, относительно ученія и надзора, хорошъ до излишества. Дѣтямъ не только некогда шалить, но даже некогда и отдохнуть минуты отъ безпрерывныхъ занятій. Вася сдѣлалъ тамъ уже большіе успѣхи, хотя ему тамъ такъ трудно, что сердце объ немъ болитъ безпрестанно, тѣмъ болѣе, что никто вокругъ него не понимаетъ и не можетъ понять всей тяжести его положенія. Вася рожденъ не дѣловымъ человѣкомъ, а художникомъ. Отъ природы онъ склоненъ забываться въ мысли до того, что даже въ дѣтствѣ забывалъ, объдалъ ли онъ. Къ тому же въ воспитаніи его я сдѣлалъ большую ошибку: не думавъ прежде отдавать его въ общественныя заведенія, я пріучилъ его больше понимать уроки, чѣмъ зубрить ихъ наизусть, между тѣмъ какъ требуется зубреніе. Отъ того теперь находится онъ въ такомъ положеніи, что долженъ вести безпрестанную, ежеминутную борьбу съ самимъ собою, безпрестанно убивая въ себѣ потребность мышленія и пониманія, чтобы не прогулять минуты, назначенныя для зубренія. На секунду поддавшись естественному побужденію понять и обдумать урокъ свой, онъ теряетъ время зубренія и заслуживаетъ дурные балы, между тѣмъ какъ другія дѣти, меньше его способныя, безъ труда выучиваютъ, потому что безъ труда не думаютъ. Въ Петербургѣ еще жена моя сдѣлалась больна отъ внутренней тревоги и отъ безмѣрныхъ лѣстницъ. Съ трудомъ возвратившись въ Москву, мы должны были остаться тамъ до конца Октября для леченія и потомъ уѣхали сюда, въ Долбино, хотя здоровье ея еще не поправилось.

Здѣсь живемъ мы въ совершенномъ уединеніи. Даже съ литературой нашею не имѣемъ мы почти никакого соприкосновенія, по той ясной причинѣ, что литература наша уснула, понимая слово уснуть въ томъ смыслѣ, какъ оно говорится о рыбѣ, которую поймаютъ въ сѣть и положить на сухую землю.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Опытъ историко-психологическаго изслѣдованія.)

Вступленіе.

Нужно ли для уясненія сущности художественнаго творчества изучать личности самихъ художниковъ? Нерѣдко приходится слышать, что художникъ—одно, а человѣкъ—другое, что факты личной жизни художника не должны имѣть никакого отношенія къ темамъ его творчества. На дѣлѣ это, конечно, не такъ. Характеръ художника и условія его частной жизни стоятъ наравнѣ съ его произведеніями: какъ тѣ, такъ и другія суть плоды однихъ и тѣхъ же жизненныхъ впечатлѣній. Можно быть художникомъ не только въ области искусства, но и въ жизни; можно красиво и талантливо творить свою жизнь и создать изъ нея гениальную поэму; бываетъ и наоборотъ: можно всю жизнь сочинять мастерскіе стихи, поражающіе изысканностью и разнообразіемъ формъ, въ формахъ же жизни остаться навсегда блѣднымъ и несамостоятельнымъ компиляторомъ, рабомъ-подражателемъ чужихъ переживаній.

Личности нашихъ лучшихъ художниковъ до сихъ поръ рисуются намъ сѣро и туманно. Чтò собственно знаемъ мы о нихъ, кромѣ безсодержательныхъ и подчасъ лживыхъ анекдотовъ? Предстали ли предъ нами въ должномъ объемѣ фигуры Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тютчева, Фета, Достоевскаго, Толстаго? Во всей новѣйшей литературѣ мы имѣемъ только двѣ попытки изслѣдовать личности писателей независимо отъ ихъ произведеній: первую часть книги Д. С. Мережковскаго „Левъ Толстой и Достоевскій“ и статью В. Я. Брюсова о Пушкинѣ въ журналѣ „Новый Путь“ за 1903 годъ.

Въ настоящемъ трудѣ о Тургеневѣ нами примѣненъ историко-психологическій методъ изслѣдованія. Сущность его заключается въ опредѣленіи личности художника путемъ всесторонняго изученія исто-

рическихъ и біографическихъ о немъ данныхъ. Только тщательный психологическій анализъ, группирующій характернѣйшіе факты частной жизни писателя, позволяетъ намѣтить основныя черты его творческой природы. Помимо того, каждый крупный писатель, являясь достояніемъ исторіи, въ глазахъ потомковъ имѣетъ интересъ не только литературный, но психологическій и историко-бытовой. Не только особенности его творчества, но и каждая мелочь его жизни достойны внимательнаго изученія. Такъ табакерка XVIII вѣка или старинная вышивка Петровскихъ временъ могутъ иногда дать зоркому изслѣдователю больше, чѣмъ цѣлые томы историческихъ изысканій. Уясненіе подлинной личности писателя даетъ возможность опредѣлить его истинное мѣсто на исторической сценѣ. Нельзя не замѣтить, что личности, сами по себѣ незначительныя, какой бы ни пользовались они въ свое время литературной славой, въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи быстро застываютъ, теряютъ свои очертанія и незамѣтно сливаются съ хаосомъ времени. Въ тоже время личности сильныя, оригинальныя вѣчно живутъ въ памяти потомковъ, словно вырѣзанныя изъ мѣди. Въ иныхъ случаяхъ обаяніе личности переживаетъ значеніе трудовъ, и о художникѣ помнятъ и говорятъ, хотя сочиненій его почти уже не читаютъ. Тургеневъ представляетъ собою явленіе обратное: романы его читаютъ, но о немъ не говорятъ.

Тургеневъ не имѣлъ собственной ярко выраженной личности и не умѣлъ быть творцомъ своей жизни. Его челнокъ вѣчно носился по морю житейскому безъ руля и вѣтриль. Отсюда понятно быстрое забвеніе его имени и охлажденіе къ нему, какъ скоро въ обществѣ исчезъ временный интересъ къ описаннымъ имъ преходящимъ явленіямъ Русской жизни. И въ творчествѣ, и въ жизни Тургенева нѣтъ буквально ни одной точки, передъ которою можно было бы остановиться и, любовавшись, отмѣтить навсегда. Ничего рѣзкаго, сильнаго въ немъ нѣтъ. Къ нему болѣе чѣмъ къ кому нибудь слѣдуетъ примѣнить слова, сказанныя ангелу Лаодикійской церкви: онъ ни холоденъ, ни горячъ. а только тепелъ.

Способность хорошо писать была развита у Тургенева въ высокой степени. Недостатокъ искренняго глубокаго чувства у него замѣнялъ обширный умъ, соединенный съ необыкновеннымъ пониманіемъ чувства мѣры. Сочиненія его—это труды прилежнаго и кропотливаго граверъ, выполненные съ замѣчательнымъ тщаніемъ и мастерствомъ. Но собственная личность художника опять-таки ничѣмъ не отразилась въ этихъ тонкихъ издѣліяхъ. У Толстого, напримѣръ, мы на каждой страницѣ видимъ прежде всего художника, который показываетъ намъ свои картины; у Тургенева передъ нами однѣ картины, а художника не

видно. Слишкомъ усердно „сочинялъ“ Тургеневъ, черезчуръ много въ немъ было литературной разсудочности, мѣшавшей ему отдаться исполнѣ стихійному чувству.

Намъ хотѣлось бы представить Тургенева именно такимъ, какимъ онъ былъ въ своей повседневной жизни, освободить его дѣйствительную личность отъ тѣхъ красивыхъ и неподвижныхъ позъ, въ которыхъ онъ рисовался передъ Русскою публикой и которыя остаются за нимъ до сихъ поръ. Только воспроизведеніемъ подлинной личности, во всѣхъ ея мелочахъ, во всѣхъ изгибахъ, повторяемъ, можно постичь истинную сущность художественныхъ созданій, извлечь изъ нихъ и выкристаллизовать вѣчные, неразложимые элементы творческаго духа. Писатель есть прежде всего человѣкъ, а не пишущая машина. „Человѣкъ онъ былъ“, говоритъ Гамлетъ объ отцѣ, и этимъ показываетъ, что покойный король для него не отецъ только, не безразличное существо, давшее ему жизнь, а *человѣкъ*, личность... Въ высшей степени характерно, что о Тургеневѣ, какъ о человѣкѣ, написано очень мало, и что всѣ воспоминанія о немъ за двадцать пять лѣтъ рисуютъ его все въ однѣхъ и тѣхъ же сѣрыхъ краскахъ.

Большое значеніе для характеристики Тургенева, какъ человѣка, имѣютъ „Мои Воспоминанія“ А. А. Фета. Книга эта, помимо рѣдкой и своеобразной простоты изложенія, отличается совершеннымъ отсутствіемъ партійной нетерпимости. Какъ и слѣдовало ожидать, непосредственность Фетовскаго міросозерцанія вызвала въ свое время много упрековъ со стороны представителей тогдашней журналистики. Послѣднихъ въ особенности оскорбило безпристрастное изображеніе Фетомъ Тургенева. Здѣсь были впервые вскрыты важныя подробности изъ жизни Тургенева, до тѣхъ поръ сопровождавшіяся лишь восторженно-благоговѣйнымъ шопотомъ (напр., отношенія къ нему со стороны семейства Віардо, отличавшіяся въ послѣдніе годы полнымъ равнодушіемъ, доходившимъ даже до пренебреженія). Отношеніе къ Тургеневу самого Фета критика нашла неискреннимъ и умышленно недружелюбнымъ. Между тѣмъ, правдивость Фетовскихъ воспоминаній неоспоримо подтверждаютъ почти одновременно появившіяся „Воспоминанія“ А. Я. Головачевой-Панаевой. Въ „нихъ“, несмотря на обычные недостатки „дамскаго“ изложенія, для характеристики Тургенева имѣется также немаловажный матеріалъ, во многомъ подтверждающій слова Фета, который, какъ извѣстно, хорошо понималъ и зналъ Тургенева.

Впослѣдствіи нѣкто г. Гутьяръ, авторъ вышедшей недавно книги о Тургеневѣ*), писалъ: „Нескоро найдется въ обширной (?) литературѣ

*) Н. М. Гутьяръ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ, 1907, стр. 400.

меуаровъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ болѣе раздражительное, недоброжелательное отношеніе къ Тургеневу, чѣмъ то, какое представляютъ въ себѣ (sic!) „Воспоминанія Фета“. Г. Гутьяръ пытается подтвердить свое мнѣніе неудачными передержками изъ „Воспоминаній“. Между тѣмъ, вотъ какими словами охолодилъ Фетъ племянника своего, В. Н. Семенковича, упомянувшаго однажды при дядѣ объ отрицательныхъ качествахъ Тургенева. „Тургеневъ умеръ, онъ вашъ родственникъ, который должны гордиться не только вы, но и вся Россія; судить его частную жизнь—не намъ съ вами. Когда мы сойдемъ въ могилу, дай Богъ, чтобы мы унесли съ собой такое имя честнаго человѣка, какос унесъ Тургеневъ“¹⁾.

Особаго вниманія заслуживаетъ статья Я. П. Полонскаго „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ у себя“. Самъ Полонскій питалъ къ Тургеневу восторженное обожаніе, доходившее до фанатизма. Канонизируя Тургенева, онъ въ своей статьѣ совершенно оставляетъ критическій анализъ и является въ роли наивнаго лѣтописца. Тургеневъ, дѣйствительно, выступаетъ у него во весь ростъ.

Въ „Воспоминаніяхъ“ И. И. Панаева о Тургеневѣ упоминается очень глухо; затѣмъ идетъ очевидный пропускъ и рядъ точекъ, рѣзко обрывающій рассказъ. Д. В. Григоровичъ, О. М. Достоевскій, графъ А. К. Толстой, Альфонсъ Додэ, Е. Гаршинъ, Н. В. Бергъ, В. Н. Семенковичъ, Н. В. Успенскій и другіе—всѣ безъ исключенія отзываются о Тургеневѣ съ несомнѣннымъ, подчасъ даже какъ бы невольнымъ, недоброжелательствомъ.

Теперь попытаемся очертить физическій и нравственный обликъ Тургенева.

I.

Внѣшность Тургенева такая же мягкая, рыхлая и недоконченная, какъ его характеръ. Онъ огромнаго роста, крупнаго сложенія, но за этой Геркулесовской наружностью таится странная разсыпчатость и вялость. „Онъ весь мягкій, такой же мягкій, какъ мои ногти“²⁾. Лицо широкое, толстое, обросшее короткой бѣлой бородой и преждевременно посѣдѣвшими волосами, съ одной непослушной прядью, спадающей при разговорѣ на лобъ. Изъ-подъ неправильно изломанныхъ, темноватыхъ бровей холодно-проницательно смотрятъ умные глаза,

¹⁾ В. Семенковичъ. По поводу статьи Н. Гутьяра. Вѣстникъ Европы, 1900, № 4, стр. 855.

²⁾ Гр. А. К. Толстой. Перениска. Вѣстникъ Европы. 1897. № 4. Письмо отъ 14 Окт. 1851.

взглядъ которыхъ умѣть искусно казаться ласковымъ и добродушнымъ. „Черепъ покрытъ жирными тѣлесными слоями“¹⁾, темя въ одномъ мѣстѣ необычайно мягко, и самому Тургеневу кажется, что мозгъ его прикрытъ здѣсь одной только кожей. При ходьбѣ онъ „виляетъ демократическими ляжками“²⁾, сгибается. „Онъ не человѣкъ; у него недостаетъ спинного хребта“³⁾ и онъ мягко дѣлаетъ огромные шаги. Голосъ его тонкій, непріятно-пронзительный фальцетъ; онъ „пищитъ“, говоритъ иногда „кисленькимъ“, иногда „сладенькимъ“ или даже „визгливо-слащавымъ“ голосомъ. Онъ чрезвычайно чистоплотенъ: ежедневно мѣняетъ фуфайку и раза два въ день бѣлье и тщательно вытирается губкой съ одеколономъ или туалетнымъ уксусомъ; причесывается подолгу: двѣсти и триста разъ проводитъ гребнемъ по головѣ. Со всѣмъ тѣмъ онъ чрезвычайно аккуратенъ: даже простую записку онъ садится писать не ранѣе, какъ прибравъ всѣ бумаги на письменномъ столѣ. Когда лѣтомъ 1881 г. въ Спасскомъ гостилъ со всей семьей Полонскій, то Тургеневъ, „точно нянька“, прибиралъ разбросанныя дѣтскія вещи и аккуратно развѣшивалъ на гвоздикахъ зонтики и шляпы. Но наряду съ этой мелочной аккуратностью и любовью къ вышнему порядку странно, какъ дѣтскій пискливый голосъ съ фигурой гиганта. сочеталась полная беспорядочность въ сферѣ личныхъ отношеній и поразительное легкомысліе въ устройствѣ хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлъ. Въ воспоминаніяхъ Фета и Головачевой-Панавой неоднократно приводятся анекдоты, какъ Тургеневъ много разъ приглашалъ гостей къ обѣду, а самъ уходилъ; слуга его не топилъ комнатъ и воровалъ чай. Дядя его, Н. Н. Тургеневъ, управлявшій Спасскимъ, такъ жаловался Фету на своего племянника:

— Разоряетъ меня мой Иванъ! жаловался старикъ. Вы его знаете: кажется, онъ не дуракъ и добрый человѣкъ, а ничего я въ головѣ его не пойму, кто у нихъ тамъ въ Баденѣ третье-то лицо? И все: пришли да пришли денегъ. А вы сами знаете, гдѣ ихъ по теперешнимъ временамъ взять? Мнѣ за 65 лѣтъ, а я цѣлое лѣто провозился съ разверстаніемъ Калужскихъ крестьянъ... Да вотъ потрудитесь прочесть, коли мнѣ не вѣрите. Ликовали, что освобожденіе крестьянъ подниметъ сельскую производительность и обогатитъ земледѣльцевъ, а во вчерашнемъ письмѣ онъ мнѣ пишетъ: „Я не вѣрю ни въ одинъ вершокъ Русской земли и ни въ одно Русское зерно. Выкупъ, выкупъ и выкупъ!“ Чему же тутъ вѣрить? Можно ли даже прежнія надежды на улучшеніе

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Гр. Л. Н. Толстой. Фетъ. Мои воспоминанія. т. I. стр. 107.

³⁾ Гр. А. К. Толстой. Переписка. Тамъ же. Письмо 1855 г.

быта считать искренними, а не возгласами загулявшаго человѣка, понимающаго разорительность своихъ выходокъ, но восклицающаго: „пропадай все“! ¹⁾).

Въ прибавку къ этимъ жалобамъ приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма самого Тургенева къ Фету: „Трудно между нами представить что-нибудь болѣе неправдоподобно-безобразное, чѣмъ управленіе моими имѣніями. Это становится невозможнымъ, и я съ ранней весной отправляюсь въ Спасское, для того чтобы принять посильныя мѣры противъ околѣняющей голодной смерти“ ²⁾).

Въ довершеніе всего, старикъ-дядя былъ совершенно неожиданно смѣщенъ Тургеневымъ, который прислалъ въ Спасское новаго управляющаго. Племянникъ поступилъ съ дядей такъ, какъ не поступаютъ съ завѣдомыми мошенниками. По слухамъ, Н. Н. Тургеневъ пострадалъ изъ-за нежеланія угождать m-me Віардо и прочимъ знакомымъ Тургенева.

О своемъ здоровьи Тургеневъ заботился болѣе всего на свѣтѣ. Почти во всѣхъ своихъ письмахъ онъ сообщаетъ друзьямъ о состояніи здоровья, о томъ, въ какомъ положеніи его подагра, каково было его пищевареніе и т. д. Особенно боялся онъ холеры. Въ 1881 г., рассказываетъ Полонскій, въ Спасское пришло извѣстіе, что въ Брянскѣ холера—„и прощай веселость, остроты, смѣхъ и проч., и проч. Блѣдный, позеленѣлый пришелъ ко мнѣ Тургеневъ и говоритъ: „Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся несчастная машина“ ³⁾). Онъ не спалъ всю ночь и ни о чемъ, кромѣ холеры, не думалъ. И Полонскій передаетъ подробный рассказъ Тургенева объ ощущеніяхъ, вызывавшихся въ немъ одной мыслью о холерѣ. Тургеневъ былъ мнительнъ, какъ истерическая женщина.

Каковъ былъ характеръ Тургенева? На это можно отвѣчать, что характера въ смыслѣ силы воли у него не было совсѣмъ. Но прежде всего бросается въ глаза чрезвычайная неискренность Тургенева, неискренность, граничащая почти съ коварствомъ и притомъ нисколько не оправдываемая слабостью и безволіемъ. Въ простѣйшей формѣ эта неискренность выражается въ склонности къ „импровизаціи“, какъ выражается Головачева-Панаева, или попросту ко лжи. Описывая извѣстную катастрофу, происшедшую съ пароходомъ, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Штетина, Тургеневъ краснорѣчиво рассказалъ, какъ онъ

¹⁾ А. А. Фетъ. Мои воспоминанія. т. I. стр. 407.

²⁾ А. А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. II. стр. 98.

³⁾ Я. П. Полонскій. Н. С. Тургеневъ у себя. „Нива“ 1884, № 5, стр. 116.

одинъ изъ всей публики не потерялъ присутствія духа, успокаивая плачущихъ женщинъ и дѣтей. Между тѣмъ, ранѣе сама Головачева-Панаева слышала разсказъ о томъ же отъ одного изъ своихъ знакомыхъ. Послѣдній описывалъ, какъ одинъ молоденькій пассажиръ былъ наказанъ капитаномъ горѣвшаго парохода „Николай I“ за то, что, желая первымъ спуститься въ шлюпку, толкалъ женщинъ и дѣтей, жаловался и тоненькимъ голоскомъ восклицалъ ежеминутно: „*moi si jeune!*“ Увидавъ на музыкѣ въ Павловскѣ Тургенева, разсказчикъ немедленно призналъ въ немъ юношу съ парохода. Впослѣдствіи и самъ Тургеневъ наполовину сознался въ своей трусости и комически передавалъ пріятелямъ эпизодъ на пароходѣ, но уже въ совершенно иномъ освѣщеніи, причемъ приводилъ будто бы произнесенную имъ фразу: „Спасите меня, я единственный сынъ у матери!“¹⁾ Головачева-Панаева передаетъ еще нѣсколько характерныхъ подробностей въ томъ же родѣ: выдумку Тургенева о спасеніи дамы, которую онъ будто бы вырвалъ почти изъ-подъ колесъ наѣхавшей коляски и т. п. Въ свѣтскихъ салонахъ Тургеневъ увѣрялъ, что считаетъ позоромъ брать деньги за свои сочиненія, которые онъ будто бы даритъ редакторамъ²⁾. За эти выдумки Тургеневу жестоко доставалось отъ Бѣлинскаго.

И. И. Панаевъ рисуетъ Тургенева, какъ „мастерского разсказчика, увлекающагося иногда черезъ чуръ своей прихотливой фантазіей“³⁾.

„Мнѣ часто приходилось слышать“, говоритъ Головачева-Панаева, „какъ многіе люди восхищались рѣдкой чертою въ характерѣ Тургенева,—искренностью. Онъ такъ былъ уменъ, что, когда хотѣлъ, то могъ очаровать всякаго“⁴⁾.

Въ жизни Тургеневъ былъ ловкимъ и находчивымъ актеромъ. Подъ личиною слабости и добродушія онъ искусно тайлъ свою завистливую сущность. О завистливости Тургенева въ одинъ голосъ упоминаютъ всѣ знавшіе его. Выслушаемъ сперва разсказъ Альфонса Додэ, челоуѣка, несомнѣнно знавшаго Тургенева лучше, чѣмъ многіе изъ его Русскихъ собратьевъ.

¹⁾ Свидѣтелями между прочими были супруга Ѳ. И. Тютчева и князь П. А. Вяземскій, добродушно вспоминавшій о гибели парохода въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

И оставалось мнѣ на выборъ произвольный

Быть гусемъ жаренымъ или рыбой малосольной.

²⁾ Сравнить письма Тургенева къ Краевскому въ одномъ изъ Отчетовъ Императорской Публичной Библиотеки.

³⁾ И. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. С. II-Б. 1876, стр. 331.

⁴⁾ А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія 1824 - 1870. С. II-Б. 1890. стр. 222.

„Моимъ первымъ разочарованіемъ былъ Тургеневъ (кстати его не любилъ Толстой). Тургеневъ носилъ на рукахъ моихъ дѣтей; я къ нему былъ привязанъ какъ къ родному. Сколько хорошихъ часовъ мы провели вмѣстѣ съ нимъ въ моей семьѣ, въ этой самой комнатѣ! Помните, папа, у насъ отъ Тургенева не было тайнъ. Я скучалъ, если долго его не видѣлъ, а онъ вдругъ за глаза распространялъ про меня клевету. Я глазамъ и ушамъ своимъ не повѣрилъ въ первый разъ. О, какой ударъ пришлось мнѣ пережить тогда!.. И за что? Лучше относиться къ нему я не могъ... Можно предположить только одно: Тургеневъ постоянно передавалъ мнѣ приглашенія отъ г-жи Віардо приходить къ ней обѣдать; но г-жа Віардо, приглашая меня, ни разу не упомянула имя моей жены, а я семьянинъ, мужъ и отецъ прежде всего... Положимъ, г-жа Віардо принадлежитъ къ тому типу женщинъ, которыя предпочитаютъ мужское общество дамскому; но это все равно, она обязана соблюдать вѣжливость. Тургеневъ, очевидно, обидѣлся на меня и сыгралъ очень плачевную роль. Г-жа Віардо замужемъ; имѣлъ ли онъ официальное право вступаться за нее? Допустимъ даже, что имѣлъ. Какое недостойное оружіе избралъ онъ для мести—клевету! Повторяю, что Тургеневъ имѣлъ дурной характеръ, былъ мелоченъ, капризенъ и на все смотрѣлъ подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія. Оттого онъ многого не понималъ... Онъ если смѣялся, то всегда зло... Мнѣ кажется, что его часто терзала зависть. При мнѣ, напримѣръ, ни о комъ изъ живыхъ Русскихъ писателей, онъ не отзывался съ похвалою, по крайней мѣрѣ всегда находилъ что нибудь сказать по ихъ адресу неблагопріятное. И я думаю, что знаю причину такого недоброжелательства. Что-то приковало Тургенева къ Парижу; понемногу онъ началъ забывать Россію. Онъ чувствовалъ себя оторваннымъ отъ почвы. Даже при громадномъ талантѣ все вообразить, все создать нѣтъ возможности. Вотъ откуда вѣчное недовольство, вѣчная неудовлетворенность вашего Тургенева. Онъ былъ завистливъ“*)....

Надо сознаться, что характеристика, данная Тургеневу Додэ очень мѣтка и исчерпываетъ всѣ главныя стороны Тургеневской натуры. Ниже будетъ указано подробно, какъ относился самъ Тургеневъ къ своимъ сверстникамъ и друзьямъ.

Тургеневъ былъ крайне безтактенъ и легкомысленъ. У насъ въ литературѣ и публикѣ утвердилось ни на чемъ не основанное мнѣніе о безукоризненной будто бы деликатности Тургенева. Этотъ мифъ теперь приходится опровергнуть. И Фетъ, и Головачева-Панаева при-

*) В. Грибовскій. Три Парижскихъ знаменитости. „Книжки Недѣли“. Февр. 1896.

водятъ неоднократные примѣры не деликатности и небрежности со стороны Тургенева. Не имѣя средствъ для того, чтобы абонироваться на спектакли съ участіемъ Віардо, Тургеневъ часто безъ приглашенія являлся въ ложу Панаевой и, заслоня своей мощной спиной владѣльцевъ ложи, простаивалъ спектакли до конца¹⁾. На вечерѣ у племянницы Е. П. Ковалевскаго Тургеневъ сѣлъ къ ней спиной, весь вечеръ проговорилъ съ кѣмъ-то и, не сказавъ ни слова хозяйкѣ, уѣхалъ, а та послѣ проплакала всю ночь. „И это было бы еще не бѣда“²⁾, замѣчаетъ Фетъ, „если бы за этой слабостью и упрямствомъ въ сущности добраго человѣка не скрывалось самое дѣтское самолюбіе безпощаднаго эгоизма. Отсюда совершенно прозрачное козыряніе съ одной стороны и позорное искательство съ другой; отсюда небрежно невѣжливое обращеніе съ дамами, гдѣ это считалось возможнымъ, и неузнаваніе знакомыхъ на водахъ въ обществѣ высокопоставленныхъ дамъ“³⁾.

Когда Добролюбовъ написалъ статью о „Наканунѣ“, Тургеневъ потребовалъ вычеркнуть все начало. Некрасовъ не могъ уломать ни Тургенева, ни Добролюбова. Дѣло кончилось уходомъ Тургенева изъ „Современника“, послѣ чего оскорбленный романистъ отомстилъ Некрасову, Панаеву, Добролюбову и другимъ сотрудникамъ, распустивъ на ихъ счетъ множество сплетенъ, а въ „Колоколѣ“ вскорѣ появилась его статья о Добролюбовѣ, исполненная самой злостной клеветы⁴⁾.

Некрасову Тургеневъ отплатилъ тою же монетой, обвинивъ его въ проигрышѣ принадлежавшихъ ему, Тургеневу, 18,000 франковъ; но Головачева-Панаева опровергаетъ это слѣдующимъ показаніемъ: въ 1857 г. Некрасовъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ былъ въ Лондонѣ, гдѣ будто бы были проиграны упомянутыя деньги, предназначавшіяся для передачи Герцену; во вторую же поѣздку за границу, въ 1863 г., Некрасовъ уже не былъ болѣе знакомъ съ Тургеневымъ⁵⁾.

Что разсказъ Головачевой-Панаевой не былъ голословенъ, подтверждаетъ покойный беллетристъ Н. В. Успенскій, бывшій большимъ поклонникомъ Тургенева. Отъ передачи Головачевой-Панаевой описанныхъ фактовъ разсказъ Успенскаго разнится лишь незначительными подробностями.

¹⁾ Этотъ разсказъ относится къ половинѣ сороковыхъ годовъ. А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 118.

²⁾ А. А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. II, стр. 305.

³⁾ А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 316—326.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 360.

⁵⁾ Н. В. Успенскій. Изъ прошлаго. Москва 1889, стр. 20—22.

Мелкія шутки-выходки Тургенева и его остроты, помимо поражающей безтактности, носят на себѣ какой-то дѣланный, мальчишески-пустой характеръ. Онъ совершенно не различаетъ, когда можно и когда нельзя шутить, и ведетъ себя какъ избалованный ребенокъ. Вотъ что рассказываетъ Фетъ.

„Помню забавную выходку Тургенева. Когда мы вечеромъ всходили съ нимъ по освѣщенной лѣстницѣ, я вдругъ почувствовалъ, что онъ провелъ у меня рукою вдоль колѣнки съ внутренней стороны ноги. Сдѣлавъ это онъ такъ неожиданно, что я невольно крикнулъ: „Что вы!“ И думалъ, сказалъ Тургеневъ, что ваши рейтузы подбиты кожею. Пришлось увѣрять его, что у офицеровъ рейтузъ съ кожею не бываетъ¹⁾“. Тургеневъ былъ у Фета шаферомъ въ 1857 г. Дѣло происходило за границей. Фетъ, за неимѣніемъ фрака, стоялъ подъ вѣнцомъ въ парадной уланской формѣ. Каждый можетъ представить себѣ ощущеніе жениха и невесты въ торжественный мигъ бракосочетанія. Какъ же велъ себя Тургеневъ? „Никогда“, вспоминаетъ Фетъ, „не испытывалъ я подобнаго страха, какъ въ этотъ мигъ и съ озлобленіемъ смотрѣлъ на Тургенева, который неудержимо хохоталъ, надѣвая на меня вѣнецъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, такъ странно противорѣчившихъ военной формѣ“²⁾. Трудно, кажется, найти болѣе яркій примѣръ невоспитанности въ буквальномъ значеніи этого слова.

Однажды Тургеневъ спорилъ съ Фетомъ, что въ часахъ прыгающій маятникъ движимъ волоскомъ, который посредствомъ маятника двигаетъ часы. Фетъ возражалъ, что волосокъ выходитъ причиною самого себя. Потребовалось доказать обратное, заводя ключомъ часы, не двигавшіеся при раскачиваніи маятника. Отсюда Фетъ выводилъ заключеніе, что Тургеневъ былъ неспособенъ къ пониманію самыхъ простыхъ практическихъ вещей³⁾.

II.

Какъ относился Тургеневъ къ своимъ литературнымъ собратьямъ? Можно съ увѣренностію сказать, что каждый изъ нихъ испыталъ въ полной мѣрѣ его недоброжелательство. Точно какой-то злой духъ толкаетъ его подъ руку, когда онъ пишетъ о своихъ современникахъ-писателяхъ. Приведемъ для примѣра нѣкоторые его отзывы о Некрасовѣ. Вотъ что писалъ Тургеневъ Полонскому въ 1868 г.: „Штука.

¹⁾ А. А. Фетъ. Воспоминанія т. I, стр. 108.

²⁾ А. А. Фетъ. Тамъ же. Т. I, стр. 202.

³⁾ Тамъ же, стр. 267.

которую выкинулъ съ тобою Некрасовъ, нисколько не удивила меня: я его слишкомъ хорошо знаю. У этого м..... есть между прочимъ привычка—взваливать все непріятное на кого нибудь изъ сотрудниковъ... Великая д.... этотъ господинъ!“¹⁾ Въ слѣдующихъ письмахъ къ тому же лицу мы встрѣчаемся со слѣдующими отзывами о Некрасовѣ: „Только не валадайся ты съ этимъ архи—..... Некрасовымъ и, главное—не жди ты отъ него ничего... какъ отъ козла!“²⁾ „Что Некрасовъ хандритъ—это, признаюсь, мнѣ все равно: старый с....., наклевавшійся коршунъ нахохлился; ну и чортъ съ нимъ“³⁾.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, отзывы о Некрасовѣ полны непечатныхъ выраженій, и это не только по отношенію къ Некрасову. Въ этихъ словахъ невольно чувствуется обиліе мстительной злобы, чего, напримѣръ, мы никогда не найдемъ въ пріятельскихъ письмахъ Пушкина. Но въ нужныхъ случаяхъ Тургеневъ нерѣдко проявлялъ довольно грубую лесть. Въ письмахъ къ Полонскому она выражается въ постоянномъ стремленіи умалить Фета и возвеличить самого Полонскаго. Такъ въ одномъ изъ писемъ къ послѣднему (1868 г.) онъ пишетъ: „Фетъ очень умно поступить, если сдержитъ слово, данное тебѣ, и бросить писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя“. Въ слѣдующемъ письмѣ читаемъ: „Въ одномъ тебѣ въ наше время горитъ огонекъ священной поэзіи. Ни графа А. Толстого, ни Майкова я не считаю. Фетъ выдохся до послѣдней степени“⁴⁾. Салтыкову (Щедрина) Тургеневъ пишетъ изъ Лондона въ 1870 году: „Любезнѣйшій Михайлъ Евграфовичъ (позвольте отложить въ сторону церемонное „милостивый государь“). Я на дняхъ получилъ вашу „Исторію одного города“, переданную вами Анненкову. Не говоря уже о прочихъ ея достоинствахъ, эта книга въ своемъ родѣ драгоценный историческій матеріалъ, который ни однимъ нашимъ будущимъ лѣтописателемъ обойденнымъ быть не долженъ. Подъ своей рѣдкo-сатирической, иногда фантастической формой, своимъ злобнымъ юморомъ, напоминающей лучшія страницы Свифта, „Исторія одного города“ представляетъ самое правдивое воспроизведеніе одной изъ коренныхъ сторонъ Россійской фizioноміи. „Имѣющій уши, да слышать, имѣющій глаза, да видѣть“, сказалъ бы я вмѣстѣ съ законодателемъ Беневоленскимъ“⁵⁾. Но способность къ неумѣренной лести очень часто

¹⁾ Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 133.

²⁾ Тамъ же, стр. 238.

³⁾ Тамъ же, стр. 259.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 131.

⁵⁾ Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 184. Беневоленскій одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Исторіи одного города“.

соединялась у Тургенева съ поразительнымъ двуличіемъ. Вскорѣ послѣ приведеннаго письма, онъ въ письмѣ къ Полонскому такъ отзывается о томъ же Салтыковѣ: „На что тебѣ дался Салтыковъ? Этому чловѣку даже какъ-то неприлично не ругаться. Самый голосъ его на то природой устроенъ: ты только послушай“¹⁾).

Въ особенности ярко это Тургеневское двуличіе выступаетъ въ исторіи съ некрологомъ графа А. К. Толстого. Толстому Тургеневъ былъ обязанъ многимъ: графъ употребилъ все свое значительное вліяніе, чтобы спасти Тургенева отъ бѣды, постигнувшей послѣдняго въ 1852 году за статью о смерти Гоголя. Тотчасъ по смерти А. К. Толстого, Тургеневъ помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“ некрологъ о немъ въ видѣ письма къ М. М. Стасюлевичу. Письмо это преисполнено немѣренной похвалой: Толстой возвеличивается и какъ писатель, и какъ чловѣкъ. Мы не приводимъ здѣсь этого некролога за его общеизвѣстностью; желающій можетъ найти его въ полномъ собраніи сочиненій Тургенева. Восторженность и преклоненіе—вотъ двѣ основныя черты этого Тургеневскаго панегирика. И однако, одновременно съ появленіемъ Толстовскаго некролога, Тургеневъ пишетъ Полонскому изъ Бу-живалы: „Толстого мнѣ очень жаль, славный былъ чловѣкъ; но, какъ водится, какъ прежде были несправедливы къ нему, такъ теперь будутъ преувеличивать въ его пользу. Въ его „Драконъ“ есть отличныя стихи; но вообще—поэзія Толстого мнѣ довольно чужда, да и не мнѣ одному. Несмотря на это, я въ „Вѣстникъ Европы“ помѣщаю маленькую статью о немъ, довольно плохую“²⁾). Надо замѣтить, что въ некрологѣ стихъ „Дракона“ объявленъ достигающимъ „почти Дантовской образности и силы“. Мѣсяца черезъ два послѣ письма къ Полонскому Тургеневъ пишетъ Салтыкову о той же „довольно плохой“ статьѣ и вынуждаетъ себя буквально оправдываться передъ Салтыковымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Что же касается до статьи объ А. Толстомъ, то вы и правы, и неправы. Разумѣется это панегирикъ въ смыслѣ старинной поговорки: *de mortuis nil nisi bene*: но есть и *circonstances atténuantes*. Во первыхъ, у меня попросили этой статейки, а отказаться я не могъ, потому что былъ лично обязанъ Толстому; во вторыхъ, я продолжаю думать, что Т. хотя второстепенный (пожалуй третъестепенный), но все таки поэтъ: въ третьихъ, онъ былъ чловѣкъ, хотя не больно умный, но хорошій и добрый, и гуманный. Наконецъ надо и то замѣтить, что Стасюлевичъ выкинулъ нѣсколько фразъ, въ которыхъ заключались оговорки. Протестовать противъ этого не стоило.

¹⁾ Тамъ же, стр. 200.

²⁾ Тамъ же, стр. 266.

Хвалить такихъ людей, какъ Т. послѣ смерти позволительно, при жизни—дѣло другое. Тутъ есть отгѣнокъ, который вы почувствуете и не припишете какимъ либо постороннимъ соображеніямъ¹⁾.

Все это такъ, но какъ же вѣрить писателю, въ частныхъ письмахъ опровергающему свои же собственныя утвержденія, высказанныя вслухъ передъ всей Россіей?

Извѣстно также, что Тургеневъ въ письмахъ къ Фету необыкновенно высоко ставилъ талантъ его. Въ „Воспоминаніяхъ“ послѣдняго приводится много Тургеневскихъ писемъ, горячо восхваляющихъ отдѣльныя мѣста изъ стихотвореній Фета. Извѣстна и фраза Тургенева, не разъ приводившаяся въ печати: „Что вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его“. И однако въ „Воспоминаніяхъ“ Головачевой-Панаевой читаемъ:

„Тургеневъ находилъ, что Фетъ такъ же плодитъ, какъ клоцы и что, должно быть, по головѣ его проскакалъ цѣлый эскадронъ, отчего и происходитъ такая бессмыслица въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Но Фетъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Тургеневъ приходитъ въ восторгъ отъ его стиховъ и съ гордостью рассказывалъ, какъ, послѣ чтенія, Тургеневъ обнималъ его и говорилъ, что это лучшее изъ написаннаго имъ. Очень хорошо помню, какъ Тургеневъ горячо доказывалъ Некрасову, что въ строфѣ одного стихотворенія „не знаю самъ, что буду пѣть, но только пѣсня зрѣетъ“ Фетъ изобличилъ свои телячьи мозги²⁾).

Но когда Тургеневу не представлялось нужды въ самооправданіи, онъ забывалъ свою обычную осторожность. Такъ онъ дважды на разстояніи полутора лѣтъ перевозоситъ въ письмахъ къ Фету его „Письма изъ деревни“. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Салтыковъ узналъ объ этихъ похвалахъ, онъ не принялъ бы отъ Тургенева никакихъ оправданій. Отзывы Тургенева о „Письмахъ изъ деревни“ приводимъ.

„Дайте намъ также продолженіе вашихъ милѣйшихъ деревенскихъ записокъ; въ нихъ правда, а намъ правда больше всего нужна—вездѣ и во всемъ“. „Я вообще часто думаю объ васъ, но въ послѣдніе два-три дня особенно часто, ибо читалъ „Изъ деревни“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и ощущалъ при этомъ значительное удовольствіе. Правда, просто и умно рассказанная, имѣетъ особенную прелесть³⁾“.

Объ этой „правдѣ“ Салтыковъ неизмѣнно отзывался въ своихъ статьяхъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой.

¹⁾ Тамъ же, стр. 276.

²⁾ А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 220.

³⁾ А. А. Фетъ. Мои Воспоминанія. Т. I. стр. 409. т. II, стр. 23.

Не только въ Воспоминаніяхъ Фета и Головачевой-Панаевой или въ письмахъ самого Тургенева, но даже въ самыхъ незначительныхъ, почти случайныхъ замѣткахъ о Тургеневѣ мы наталкиваемся на неоспоримыя свидѣтельства о его двуличіи и лукавствѣ. Возьмемъ хотя бы отрывокъ изъ статьи Е. Гаршина „Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ“. Гаршинъ приводитъ повидимому совершенно маловажный случай. Тургеневъ пишетъ письмо сосѣду, котораго собирается посѣтить. „Забавно было видѣть, какъ и здѣсь казался всегдашній добродушный (?) юморъ И. С., когда онъ на нашихъ глазахъ писалъ этому сосѣду: „Многоуважаемый“, говорилъ и писалъ И. С., прибавляя: „нисколько не уважаю“; „съ особеннымъ удовольствіемъ“ — „никакого удовольствія не предвижу“ и т. д.¹⁾

Конечно, до нѣкоторой степени все это можетъ быть забавно; но если предположить, что Тургеневъ съ такими же прибаутками, произносимыми если не вслухъ, то мысленно, писалъ и прочія свои письма, то трудно видѣть въ этомъ одну забаву. Тѣмъ болѣе невозможно принять на вѣру многочисленныя заявленія уваженія и пріязни, которыми наполнены письма Тургенева.

Приведемъ нѣсколько общихъ отзывовъ Тургенева о современныхъ ему дѣятеляхъ въ области литературы и искусства. Съ значительною частью этихъ отзывовъ мы уже познакомили читателя, теперь покажемъ наиболѣе рѣзкія мѣста изъ собственныхъ писемъ Тургенева, напечатанныхъ, къ сожалѣнію, въ значительно сокращенномъ видѣ.

О „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Л. Толстого читаемъ: „Романъ Толстого — вещь удивительная; но самое слабое въ немъ именно то, чему восторгается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его — фокусъ, битые тонкими мелочами по глазамъ; психологія — капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ“²⁾. Объ „Аннѣ Карениной“:

„Анна Каренина“ мнѣ не нравится, хотя находятся истинно-великолѣпныя страницы. Но все это кисло, пахнетъ Москвой, лада-номъ, старой дѣвой, славянщиной, дворянщиной и т. д.“³⁾. О второй части трилогіи гр. А. Толстого: „Гр. А. К. Толстой читалъ мнѣ нѣсколько отрывковъ „Федора Ивановича“, довольно замѣчательный психологическій этюдъ, но гдѣ же драма? И притомъ мнѣ его стихи просто въ ротъ не лѣзутъ! На нихъ такъ и лежитъ печать реторики,

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“. Ноябрь 1883. Стр. 378—399.

²⁾ Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Стр. 135.

³⁾ Тамъ же, стр. 259.

даже не 30-хъ, а 20-хъ годовъ: безжизненно-величаво, правильно и невѣрно. Какой онъ поэтъ! Что онъ сдѣлалъ изъ бѣдной „Коринеской невѣсты“ Гете!¹⁾

Въ особенности безпощаденъ Тургеневъ по отношенію къ Некрасову. О стихахъ его онъ говоритъ слѣдующее:

„Я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія; ихъ „aggrège goût“, не знаю, какъ сказать порусски, особенно противенъ: отъ нихъ отзывается тиной, какъ отъ леща или карпа“²⁾.

О Гончаровскомъ „Обрывѣ“ Тургеневъ пишетъ: „Вторая часть „Обрыва“, конечно, лучше первой, но и тутъ длинноты нестерпимыя! Какъ только дѣло доходитъ до разговоровъ или разсужденій—такъ зѣвота и разбираетъ. Даже свою Вѣру Гончаровъ уже успѣлъ попортить: и она разсуждаетъ и переливаетъ изъ пустаго въ порожнее. Вотъ у кого тебѣ бы слѣдовало занять хоть частицу его самоувѣренности“³⁾!

Далѣе отзывъ о „Подросткѣ“ Достоевскаго: „Получивъ послѣднюю книжку „Отечественныхъ Записокъ“, я заглянулъ было въ этотъ хаосъ. Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье, и психологическое ковыряніе“⁴⁾!!“

Н. Н. Страхову и И. С. Аксакову достается главнымъ образомъ за славянофильство. О первомъ читаемъ: „Что касается до Страхова, то онъ, конечно, хорошій и умный малый; но критическаго пониманія у него менѣе, чѣмъ у послѣдняго Чухонскаго будочника; гдѣ только примѣшивается славянофильство—тамъ этого добра, критическаго пониманія, уже и не спрашивай“⁵⁾! Объ И. С. Аксаковѣ: „прочелъ книгу Аксакова о Ѳ. И. Тютчевѣ; первая половина очень хороша и тонка; вторая, гдѣ пошла славянофильская политика, плоха и сбивчива. Да оно иначе и быть не могло“⁶⁾“.

Тургеневъ бывалъ безпощаденъ не по отношенію только къ писателямъ. И къ художникамъ, и къ музыкантамъ относился онъ съ тою же злобною ироніей. Можно думать, что онъ не былъ въ состояніи оставаться равнодушнымъ къ чьему бы то ни было успѣху.

„Вычиталъ я также нѣсколько словъ о „Каменномъ Гостѣ“ Даргомыжскаго; повѣрь мнѣ: это всесовершеннѣйшая дребедень и ерунда,

¹⁾ Тамъ же, стр. 137.

²⁾ стр. 170.

³⁾ стр. 151.

⁴⁾ стр. 272.

⁵⁾ стр. 157.

⁶⁾ стр. 246.

которая лѣтъ черезъ десять будетъ наводить краску стыда на лица тѣхъ, которые не тотчасъ въ этомъ убѣдились и даже превозносили это безсильное“...¹⁾

„Возможность успѣха лживыхъ мерзостей Айвазовскаго окончательно разочаровываетъ меня въ художественномъ пониманіи Петербургской публики.“ „Отсрочка моего пріѣзда въ Петербургъ уже тѣмъ хороша, что я не подвергаюсь опасности видѣть архипротивнѣйшія мазанья Айвазовскаго“²⁾.

О томъ, какъ относился Тургеневъ къ Л. Толстому находимъ также въ „Воспоминаніяхъ“ Головачевой-Панаевой слѣдующее: „Разъ какъ-то графъ Толстой рассказывалъ нѣкоторые интересные эпизоды, случившіеся съ нимъ на войнѣ. Когда онъ ушелъ, то Тургеневъ произнесъ:—Хоть въ щелокѣ вари три дня Русскаго офицера, а не вываришь изъ него юнкерскаго ухарства; какимъ лакомъ образованности ни отполируй такого субъекта, все таки въ немъ просвѣчиваетъ звѣрство“.

— „Знаешь ли, Тургеневъ, замѣтилъ ему Панаевъ, если бы я тебя не зналъ такъ хорошо, то, слушая всѣ твои нападки на Толстого, подумалъ бы, что ты завидуешь ему“³⁾.

Это замѣчаніе Панаева невольно приходитъ въ голову всякому, даже поверхностно знакомящемуся съ личностью Тургенева. Въ какомъ же положеніи долженъ чувствовать себя изслѣдователь-специалистъ, всесторонне изучающій Тургеневскія реликвіи? Намъ кажется, что онъ долженъ испытывать приблизительно то, о чемъ рассказываетъ Герценъ: „Странный человѣкъ этотъ Тургеневъ! Часто, глядя на него, мнѣ кажется, что я вхожу въ нежилую комнату: сырость на стѣнахъ, и проникаетъ эта сырость тебя насквозь, ни сѣсть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскорѣй на свѣтъ и тепло“⁴⁾.

Какъ же относились къ самому Тургеневу эти, столь унижаемые имъ, писатели? Въ началѣ знакомства они всѣ безъ исключенія отзывались о немъ съ восторгомъ, бывали очарованы имъ въ полномъ смыслѣ слова. О. М. Достоевскій, этотъ нервный, впечатлительный, рѣдко подававшійся случайнымъ настроеніямъ человѣкъ, такъ писалъ о Тургеневѣ своему брату: „На дняхъ возвратился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такую привязанностью, такую дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ это

¹⁾ стр. 204.

²⁾ стр. 325—368.

³⁾ А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 179—280.

⁴⁾ В. П. Батуринскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Спб. 1904.

тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я тоже едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ, я не знаю въ чемъ природа отказала ему. Наконецъ, характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ¹⁾. Такое впечатлѣніе умѣлъ произвести Тургеневъ на своего будущаго врага, впоследствии совершенно разгадавшаго его характеръ.

Фетъ пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „Мы встрѣтились съ самой искренней взаимной симпатіей, которой со временемъ пришлось разрастись въ задушевную пріязнь“²⁾.

„Привязанность Некрасова къ Тургеневу“, пишетъ Головачева-Панаева, „можно было сравнить съ привязанностью матери къ сыну, котораго она, какъ бы жестоко онъ ни обидѣлъ ее, все-таки прощаетъ и старается пріискать всевозможныя оправданія его дурнымъ поступкамъ. Я болѣе одного раза никогда не слыхала, чтобы Некрасовъ сдѣлалъ даже намекъ относительно враждебныхъ къ нему чувствъ и дѣйствій Тургенева; онъ попрежнему высоко цѣнилъ его талантъ“³⁾.

Очевидно, Тургеневъ отъ природы былъ одаренъ склонностью недоброжелательно относиться ко всѣмъ, кто, встрѣчаясь съ нимъ на жизненномъ пути, выражалъ намѣреніе оставаться самимъ собой. И только безгранично преданные ему Колбасинъ и Полонскій до конца остались съ Тургеневымъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Люди же, такъ или иначе выражавшіе свою духовную самостоятельность, были ему противны.

Въ заключеніе приведемъ стихотвореніе одного изъ близкихъ единомышленниковъ Тургенева, Н. Огарева.

Новая полурыбица въ Русской литературѣ.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь модный,
Литераторъ не простой,
Съ виду милый, благородный,
Духомъ робкій и пустой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Умъ смутившее ему,
Что къ свободѣ направленье
Поведетъ его въ тюрьму.
Но таланта даръ отличный
Да Бѣлинскаго слова

¹⁾ Письмо отъ 11 Ноября 1845 г.

²⁾ Мои воспоминанія. Т. I, стр. 5.

³⁾ Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 363.

Отъ паденья правъ тряпичный
 Охраняли въ немъ сперва.
 И въ пустынь скверно-модной
 Онъ сберегъ сердечный даръ,
 Онъ возвысилъ ликъ народный,
 Заклеймилъ позоромъ баръ.
 Но въ минуту раздраженья
 Самолюбиемъ пустымъ
 Молодаго поколѣнья
 Сталъ врагомъ онъ мелочнымъ.

 Но художникъ со стыда
 Скрылся сразу въ Бадень-Бадень,
 Словно призракъ безъ слѣда¹⁾.

III.

Всѣмъ извѣстно, съ какою любовью и вниманіемъ описывалъ Тургеневъ бытъ Русскаго народа; по его словамъ (см. его „Воспоминанія“) онъ далъ себѣ „Аннибаловскую клятву“ бороться съ вѣковымъ зломъ Русскаго народа, которое представлялось ему въ образѣ крѣпостного права. Всѣмъ памятливы симпатичные образы Русскихъ крестьянъ, выведенныхъ имъ во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ; для этого стоитъ напомнить прежде всего „Записки Охотника“, открывающіяся описаніемъ Хоря и Калиныча. Но, увы, за этой красивой, а въ сущности показной любовью къ народу, скрывалось совсѣмъ иное къ нему отношеніе. Въ запискахъ современниковъ, изъ которыхъ намъ уже неоднократно случалось приводить обширныя выдержки, сохранились цѣнныя признанія Тургенева. Такъ Головачева-Панаева вспоминаетъ: „Съ тѣхъ поръ какъ Тургеневъ получилъ наслѣдство, онъ постоянно жаловался, что получаетъ доходовъ съ имѣнія очень мало и въ порывѣ своихъ скорбей проговаривался, что терпитъ много убытка отъ распущенности мужиковъ. „Я имъ не внушаю никакого страха, говорилъ онъ; прежде мужикъ съ трепетомъ шелъ на барскій дворъ, а теперь лѣзетъ смѣло и разговариваетъ со мной за панибрата, да еще съ какой-то язвительной улыбкой смотритъ на тебя: „знаю, что ты, молъ, тряпка“²⁾).

В. Н. Семеновичъ, вспоминая о Тургеневѣ, говоритъ: „Мужики его родового Спасскаго-Лутовинова разорены, и разорены *при немъ*. и своимъ нищенскимъ надѣломъ и тѣмъ, что при выходѣ на волю,

¹⁾ Стихотворенія Н. П. Огарева. Т. I. Москва. 1904, стр. 386.

²⁾ Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 306.

они обрѣзаны во всѣхъ угодахъ, и имъ, буквально, некуда курицы выпустить. Спасскіе мужики самые бѣдные въ всемъ Мценскомъ уѣздѣ; это подтверждать всѣ знающіе ихъ положеніе“¹⁾).

За много лѣтъ до того Фетъ писалъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“:

„Помню, проѣзжая однажды вдоль Спасской деревни съ Тургеневымъ и спросивши Тургенева о благосостояніи крестьянъ, я былъ крайне удивленъ не столько сообщеніемъ о ихъ недостаточности, сколько Французской фразой Тургенева: „faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais“²⁾).

Интересно, какъ самъ Тургеневъ смотрѣлъ на свое матеріальное положеніе; объ этомъ мы находимъ у Фета слѣдующій рассказъ:

„Тургеневъ обыкновенно говорилъ, что онъ о матеріальныхъ средствахъ и не думаетъ, увѣренный, что у него ихъ на всю жизнь хватить, хотя въ то время онъ, очевидно, не имѣлъ въ виду огромныхъ суммъ, полученныхъ имъ впослѣдствіи за сочиненія. По этимъ словамъ слѣдовало заключить, что и онъ смотритъ на себя, какъ на богатаго человѣка, а между тѣмъ дорогой изъ Полѣсья онъ по поводу этой темы внезапно самымъ внушительнымъ образомъ пропищалъ:

— Да вы дайте мнѣ за всѣ мои имѣнія 70,000 рублей, и я сейчасъ же выѣзду изъ тарантаса и стану у васъ въ пыли у ногъ валяться.

— И. С., вамъ не придется валяться въ пыли потому уже, что, пользуясь вашимъ преувеличеніемъ, чтобы не сказать преуменьшеніемъ, я не соглашусь покупать за ничто ваше состояніе.

Подобный разговоръ не разъ между нами возобновлялся и при томъ съ тѣмъ же знаніемъ дѣла и опредѣленностью“³⁾). Тургеневъ относился равнодушно не только къ дѣйствительнымъ нуждамъ крестьянъ, но и къ своей родинѣ. Постоянно живя за границей, онъ утратилъ всякое представленіе о томъ, что принято подразумѣвать подъ Латинскимъ выраженіемъ: *desiderium patriae*. Въ 1860 г. онъ, между прочимъ, писалъ Фету: „До сихъ поръ Русскій дѣйствительно съ утѣшеніемъ видитъ границу своего отечества... когда выѣзжаетъ изъ него“⁴⁾). А въ 1862 г., менѣе чѣмъ черезъ годъ по освобожденіи крестьянъ, Тургеневъ замѣчалъ: „знаться съ народомъ необходимо, но истерически лнуть къ нему, какъ беременная женщина, безсмысленно“⁵⁾).

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1900. № 4, стр. 895.

²⁾ Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I, стр. 266. Дѣлай то, что я говорю, но не дѣлай, что я дѣлаю.

³⁾ Тамъ же, стр. 267—8.

⁴⁾ Стр. 327.

⁵⁾ Стр. 394.

До чего слабо представлялъ себѣ истинное состояніе Русской дѣйствительности обжившійся заграницею Тургеневъ, явствуетъ изъ словъ Фета:

„Меня поразило умственное устройство, которымъ Тургеневъ подходилъ къ необходимости народныхъ школъ. Если бы онъ говорилъ, что должно исправить злоупотребленія, внесенныя временемъ въ народную жизнь, то я не сталъ бы съ этимъ спорить; но онъ, освоившійся со складомъ Европейской жизни, представлялъ Россію какимъ-то парализованнымъ тѣломъ, которое нужно гальванизировать всѣми возможными средствами, стараясь (употребляя собственное его выраженіе) *буравить* это тѣло всяческими буравами, въ томъ числѣ и грамотностью“¹⁾.

Такимъ образомъ, народныя школы въ глазахъ Тургенева являлись лекарственнымъ средствомъ для исцѣленія народа отъ всѣхъ недуговъ безъ исключенія. Нечего говорить, насколько подобный взглядъ является слабымъ и поверхностнымъ.

У Полонскаго находимъ два отрывка, очень цѣнныхъ для характеристики отношеній Тургенева къ простому народу. Написанные такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, они, при несомнѣнной искренности Полонскаго, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Вотъ что рассказываетъ Полонскій (напоминаемъ читателю, что воспоминанія относятся къ лѣту 1881 года):

„Судя по всему, что рассказывалъ Тургеневъ о Русскихъ крестьянахъ, онъ былъ далеко отъ нихъ не въ восторгѣ; но онъ судилъ о народѣ только по тѣмъ образчикамъ, которые встрѣчалъ у себя въ Спасскомъ, да въ степныхъ имѣніяхъ Орловской и Тульской губерній. Онъ никогда по Россіи не путешествовалъ, онъ не зналъ и сотой доли всей Россіи, и только, по необычайной своей проницательности, многое въ ней угадывалъ; но ничто его такъ не приводило въ негодованіе, какъ модная мысль, что мы должны учиться у народа.

Учить его, говорилъ онъ,—это я понимаю, а учиться!—чему учиться? Русскій простой мужикъ вовсе не такъ жалостливъ, какъ его описываютъ, да и не можетъ онъ никого такъ любить, потому что онъ и къ самому себѣ равнодушенъ“.

Рассказанъ случай на охотѣ, когда Тургеневъ и егерь услышали дѣтскій крикъ въ оврагѣ; Тургеневъ хотѣлъ спасти ребенка. но скоро замѣтилъ, что въ оврагъ спустился мужикъ и вывелъ мальчика. Егерь сказалъ, что это отецъ и на вопросъ Тургенева, почему отвѣтилъ, что кромѣ отца никто и онъ самъ никогда бы не пошелъ.

¹⁾ Стр. 398—399.

„Я замѣтилъ Ивану Сергѣвичу, что и этотъ случай обобщать не слѣдуетъ“.

— „Удивительно, продолжалъ Тургеневъ: въ Россіи все наоборотъ, все не такъ, какъ за границей. Тамъ, чѣмъ плодороднѣе почва, тѣмъ богаче жители, а у насъ чѣмъ она плодороднѣе, тѣмъ они бѣднѣе, а чѣмъ хуже, тѣмъ богаче. Тамъ, чѣмъ добрѣе, щедрѣе и честнѣе владѣлецъ, тѣмъ болѣе его уважаютъ, цѣнятъ и любятъ; здѣсь же напротивъ, чѣмъ онъ лучше, тѣмъ ему хуже, и тѣмъ недружелюбнѣе и подозрительнѣе къ нему относятся. Недаромъ, для И. С., по его собственному признанію, Русскій народъ былъ чѣмъ-то въ родѣ сфинкса или загадки¹⁾“.

Признавая Русскій народъ сфинксомъ, Тургеневъ, однако, не разъ пытался взять на себя неподсильную роль Эдипа, но всегда неудачно. Нетрудно замѣтить въ отношеніи Тургенева къ народу нѣчто брезгливо-барское, смѣшанное съ чувствомъ боязливаго недоумѣнія.

„Помню, какъ въ одно прекрасное утро, посмѣиваясь, онъ передалъ мнѣ воображаемую имъ сцену, какая будто бы ожидаетъ насъ у него въ деревнѣ: будемъ мы, говорилъ онъ, сидѣть по утру на балконѣ и преспокойно пить чай, и вдругъ увидимъ, что къ балкону, отъ церкви по саду, приближается толпа Спасскихъ мужиковъ. Всѣ по обыкновенію снимаютъ шапки, кланяются и на мой вопросъ: ну, братцы, что вамъ нужно?“

— Ужъ ты на насъ не прогнѣвайся, батюшка, не посѣтуй... отвѣчаютъ. Баринъ ты добрый, и очень мы тобой довольны, а все таки, хошь не хошь, а приходится тебя, да уже кстати, вотъ и его (указывая на меня) повѣсить. Какъ?!

— Да такъ ужъ, указъ такой вышелъ, батюшка!

А мы уже и веревочку припасли... Да ты помолись... Что жъ! Мы вѣдь не злодѣи какіе нибудь,.. тоже, чай, люди—человѣки... можемъ и повременить маленько и т. д.²⁾

Только человѣку, совершенно незнакомому съ Русской дѣйствительностью, могла придти въ голову такая фантазія, напоминающая бредъ помѣшаннаго, одержимаго маніей преслѣдованія. Можно съ увѣренностью сказать, что Тургеневъ говорилъ это, хотя и „посмѣиваясь“, но несомнѣнно серьезно. Недаромъ, въ другой разъ онъ сказалъ Полонскому:

— Можешь ты пятью буквами опредѣлить характеръ мой?

— Я сказалъ, что не могу.

¹⁾ „Нива“ 1884 г. № 3, стр. 66.

²⁾ „Нива“ 1884 г. № 1, стр. 11.

— Скажи „трусъ“ и это будетъ справедливо.¹⁾

Чтобы выяснитъ отношеніе Тургенева къ народу, приведемъ еще одну изъ его бесѣдъ съ Полонскимъ:

„Ну, братъ, я съ сегодняшняго дня буду природу называть хавроньей и вездѣ, вмѣсто слова „природа“, ставитъ слово: „хавронья“. Попадется книга подъ названіемъ: „Богъ и природа“, буду читать: „Богъ и хавронья“.

— Лучше уже попросту назови ее свиньей и вмѣсто словъ: на лонѣ природы, пиши,—на лонѣ свиньи...

— Да, надо только эту свинью въ руки взять, задумавшись произнесъ Тургеневъ.

— Да какъ же ты ее въ руки возьмешь?

— Да такъ, какъ взяли ее Французы: заставили ее расти, цвѣсти и плоды приносить...

Въ этомъ-то и задача культуры—умѣть побѣдить природу и заставить ее служить себѣ... Изъ хавроньи сдѣлать кормилицу, такъ сказать приурочить ее къ человѣку и его потребностямъ... Весь вопросъ въ томъ, будетъ ли Васька Буслаевъ на это способенъ?

— Васька Буслаевъ?

— Да... Читалъ ли ты былинну о Васькѣ Буслаевѣ? Васька этотъ—типъ Русскаго народа... Я высоко ставлю эту поэму... Тотъ, кому она пришла въ голову—живи онъ въ наше время, былъ бы величайшимъ изъ Русскихъ поэтовъ.

И Тургеневъ сталъ анализировать характеръ и подвиги Васьки Буслаева, этого въ своемъ родѣ нигилиста, которому все ни по чемъ...

Нашимъ крайнимъ Славянофиламъ едва ли бы понравился этотъ анализъ Тургенева²⁾“.

О томъ же Васькѣ Буслаевѣ Тургеневъ говоритъ въ „Дымъ“ устами западника Потугина.

Такимъ знатокомъ народа является намъ Тургеневъ въ изображеніи людей, хорошо его знавшихъ. Думается, что на самомъ дѣлѣ Тургеневъ мало интересовался этимъ самымъ народомъ, связь съ которымъ онъ порвалъ и потерялъ по собственной волѣ. Какъ ни пытался Тургеневъ оправдать передъ самимъ собой свое вѣчное пребываніе за границей, онъ смутно чувствовалъ свою отчужденность отъ родины и страдалъ отъ этого сознанія. Въ этомъ легко убѣдится всякій, кто прочтетъ вступленіе къ его „Литературнымъ и житейскимъ воспоминаніямъ“. Но тогдашняя печать въ лицѣ своихъ представителей ставила

¹⁾ Тамъ же № 7, стр. 159.

²⁾ Тамъ же № 7, стр. 159.

Тургеневу его разрывъ съ родиной въ особую заслугу. Въ этомъ усматривался великій либеральный подвигъ.

Какъ писатель, Тургеневъ отличался большимъ самолюбіемъ. Болѣзненное самолюбіе, заставлявшее его идти на уступки съ „малышечками“ въ шестидесятыхъ годахъ, ради спасенія гражданской популярности, диктовало иногда ему самыя неожиданныя признанія. Такъ, напримѣръ, онъ не разъ заявлялъ, что хочетъ быть погребеннымъ „у ногъ Пушкина“. Этими словами, преисполненными ложной скромности, Тургеневъ какъ бы ставилъ себя наравнѣ съ Пушкинымъ, считая, что только онъ одинъ достоинъ лечь съ нимъ рядомъ. Увѣренность въ себѣ, какъ въ исполинскомъ талантѣ, первостепенномъ по значенію, Тургеневъ переносилъ и на окружавшихъ его лицъ, въ особенности на добродушнаго Полонскаго. Послѣдній съ нѣкоторымъ преклоненіемъ передъ литературною скромностью Тургенева говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Иванъ Сергѣевичъ постоянно ставилъ себя ниже Пушкина, ниже Гоголя и даже ниже Лермонтова¹⁾“. Теперь намъ можетъ показаться въ высшей степени страннымъ это удивительное сопоставленіе именъ. Сравнить Тургенева съ Пушкинымъ и Гоголемъ можно развѣ въ шутку, а Полонскій очевидно не только сравнивалъ, но и ставилъ Тургенева выше всѣхъ, на что указываетъ его наивное „даже“, подтверждающее, что относительно Лермонтова у Полонскаго даже сомнѣній никакихъ не могло возникнуть.

Также смѣло брался Тургеневъ „исправлять“ и „очищать“ чужіе стихи, напримѣръ, Фета. Изданіе 1856 года все переправлено Тургеневымъ. По этому поводу умѣстно привести небольшую библиографическую справку. Въ библиотекѣ И. С. Остроухова въ Москвѣ хранится экземпляръ стихотвореній Фета 1850 года, служившій какъ бы основаніемъ вышеупомянутаго изданія. Поправки, сдѣланныя рукой Тургенева, сохранились на этомъ экземплярѣ въ неприкосновенности, давая возможность наглядно убѣдиться, насколько былъ бѣденъ литературный вкусъ Тургенева. Недаромъ самъ Фетъ называлъ впослѣдствіи это изданіе „изувѣченнымъ“²⁾. Въ пониманіи смысла иныхъ литературныхъ явленій Тургеневъ также обнаруживалъ подчасъ непростительную тупость. Такъ въ своихъ письмахъ онъ сравнивалъ Достоевскаго съ маркизомъ де-Садомъ, показывая полное непониманіе христіанской сущности таланта Достоевскаго, и пророчилъ окончательный упадокъ поэзіи Фета, наканунѣ „Вечернихъ огней“. Тоже самое отмѣчаетъ и Головачева-Панаева.

¹⁾ „Нива“ 1884 г. № 4, стр. 87.

²⁾ Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I. стр. 104.

„Странно, что предсказанія Тургенева о литературной будущности его современниковъ почти никогда не оправдывались. Напримѣръ, приведя къ Панаеву знакомиться Апухтина, тогда еще юнаго правовѣда, онъ предсказывалъ, что такой поэтический талантъ, какимъ обладаетъ Апухтинъ, составитъ въ литературѣ эпоху и что Апухтинъ своими стихами пріобрѣтетъ такую же извѣстность, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ“¹⁾.

Также высоко Тургеневъ ставилъ Дружинина, находя его по таланту неизмѣримо значительнѣе Гончарова. Не сбылось и предсказаніе его относительно Л. Толстого.

„Я твердо вѣрю, что мы еще доживемъ до того мгновенья, когда онъ первый будетъ добродушно хохотать надъ quasi-философской чепухой, которую онъ напустилъ въ видѣ вонн въ свой поистинѣ великій романъ“²⁾.

Въ воспоминаніяхъ самого Тургенева сохранилось замѣчательное описаніе его бесѣды съ буйнымъ критикомъ шестидесятыхъ годовъ. Д. Писаревымъ. Дѣло было весной 1867 года. „Въ теченіе разговора“ говоритъ Тургеневъ, „я откровенно высказался передъ нимъ“. Не будемъ приводить цѣликомъ откровенныя любезности Тургенева; отмѣтимъ лишь одно мѣсто, касающееся поэтовъ того времени. „Поми-луйте, въ кого вы стрѣляете? Уже точно по воробьямъ изъ пушки! Все-го-то у насъ осталось три-четыре человѣка, старички пятидесяти лѣтъ и выше, которые еще упражняются въ сочиненіяхъ стиховъ;—стоитъ ли ярится противъ нихъ?“³⁾ Къ числу этихъ „старичковъ“, осмѣянныхъ Тургеневымъ въ глазахъ своего случайнаго собесѣдника, приходится отнести Тютчева, Фета, Майкова, Полонскаго, гр. А. Толстого.

Говоря съ Полонскимъ о поэзіи и ея назначеніи, Тургеневъ однажды высказалъ слѣдующее положеніе, которое нельзя не признать нелѣпымъ: „И то сказать,—если мужику, котораго только что высѣкли въ волостномъ правленіи или который только что вернулся верстъ за двадцать въ свою семью (брюзгливую и злую, оттого что ѣсть нечего) начать читать стихотвореніе Пушкина или Тютчева, еслибы онъ даже и понялъ ихъ, непременно бы плюнулъ и выругался... До стиховъ ли. въ особенности нѣжныхъ, человѣку, забитому нуждою и всякими житейскими невзгодами“⁴⁾.

¹⁾ Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 189.

²⁾ Сѣверные Цвѣты. 1902 г., стр. 188. Рѣчь идетъ о „Войнѣ и мирѣ“.

³⁾ Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Т. XII. С. II-б. 1898, стр. 32.

⁴⁾ „Нива“ 1884 г. № 6, стр. 138.

Можетъ быть, мужикъ и не ограничился бы однимъ плевкомъ, а произвелъ нѣчто худшее; но трудно вообразить такого поклонника поэзіи, который пожелалъ бы декламировать Пушкина и Тютчева при подобныхъ обстоятельствахъ.

Тургеневъ никогда не сходилъ дружески ни съ кѣмъ изъ писателей. Исключая Полонскаго, онъ никому не говорилъ „ты“. Да и невозможно представить его говорящимъ „ты“ Фету или Толстому.

Литературная физіономія Тургенева такъ же блѣдна и расплывчата, какъ и его внѣшность. Въ произведеніяхъ его языкъ, если можно такъ выразиться, не сросся съ сердцемъ, и слогъ Тургенева легко отдѣлится отъ личности. Полу-фотографъ, полу-разсказчикъ, Тургеневъ рисуешь, рѣжетъ, чеканить, изображаетъ, но не творить. Мы не найдемъ у него высокаго подъема чувствъ, орлиныхъ полетовъ мысли. Въ сущности, слогъ его утомляетъ своимъ однообразіемъ. Письма его удивительно скучны, и одолѣть ихъ даже въ томъ сокращенномъ видѣ, какъ они напечатаны, значительная трудность. Свои воспоминанія онъ не даромъ называлъ „литературными и житейскими“, строго разграничивъ эти двѣ области. Больше всего боялся Тургеневъ показаться передъ публикой въ халатѣ; какъ чтецъ на эстраду, выходилъ онъ всегда во фракъ, изящный и затянутый. За воспоминаніями онъ, какъ за ширмами, хотѣлъ скрыть неприглядныя стороны своей природы.

IV.

Въ біографіи каждаго общественнаго дѣятеля встрѣчаются случаи, о которыхъ по необходимости приходится умалчивать. Свѣдущій читатель могъ замѣтить, что мы почти не говорили ничего о ссорѣ, происшедшей между Тургеневымъ и гр. Л. Н. Толстымъ. Ссора эта, едва не кончившаяся поединкомъ, подробно описана въ „Воспоминаніяхъ“ Фета. Къ нимъ мы и отсылаемъ любопытствующаго читателя, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было догадокъ и собственныхъ предположеній. Еще менѣе въ правѣ считаемъ мы себя говорить объ истинномъ характерѣ отношеній Тургенева къ знаменитой пѣвицѣ Віардо-Гарсіа, бывшей главной виновницей его многолѣтняго пребыванія заграницей. Письма Тургенева къ Віардо, появившіяся въ Русскомъ переводѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, даютъ очень мало для біографіи знаменитаго писателя. Напечатанныя въ 1898 г. въ „La Revue Hebdomadaire“ съ объясненіями г. Гальперина-Каминскаго, онѣ были изданы съ разрѣшенія и подъ контролемъ г-жи Віардо. Всего ею разрѣшено къ печатанію двадцать пять писемъ, имѣющихъ исключительно общій интересъ. Почти всѣ письма писаны заграницей, въ Парижѣ или Кур-

тавенелъ съ 1846 по 1850 годъ¹⁾). Въ нихъ Тургеневъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ слышанныхъ имъ оперъ, дѣлится литературными и политическими взглядами, остритъ, болтаетъ непринужденно, какъ давній знакомый. Общій тонъ писемъ напоминаетъ легкую салонную болтовню (*causerie*). Ничего важнаго для характеристики Тургенева онѣ, повторяемъ, не содержатъ.

Знаменательны слова матери Тургенева, сказанныя ею однажды ему и его брату: „Жаль мнѣ васъ, вы пропадете, не будете счастливы. потому что оба однолюбцы“²⁾). Это материнское предсказаніе по отношенію къ И. С. Тургеневу вполне оправдалось.

Фету Тургеневъ говорилъ: „Я только тогда блаженствую, когда женщина каблучкомъ наступитъ мнѣ на шею и вдавить мое лицо носомъ въ грязь“³⁾). Нельзя при этомъ не отмѣтить странность роли, которую Тургеневъ игралъ въ домѣ Віардо. Онъ походилъ на приживальщика, устроившагося подлѣ богатыхъ и извѣстныхъ людей. А между тѣмъ собственныя средства его были всегда болѣе чѣмъ значительны, не смотря на крайнюю безпечность, доведшую его къ концу жизни почти до разоренія.

Самъ Тургеневъ въ письмѣ къ Полонскому такъ однажды выразился о своемъ добровольномъ изгнаніи: „Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребываніе за границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совсѣмъ ее уничтожить; но и этого измѣнить нельзя“⁴⁾).

У Головачевой-Панаевой имѣется нѣсколько строкъ, проливающихъ свѣтъ на взаимныя отношенія Тургенева къ Віардо въ началѣ ихъ сближенія. „Тургеневъ громогласно всюду и всѣмъ оповѣщалъ о своей любви къ Віардо. Но въ первый годъ знакомства Тургенева съ Віардо, она не особенно внимательна была къ Тургеневу. Въ тѣ дни, когда Віардо знала, что у нея будутъ съ визитомъ аристократическіе посѣтители, Тургеневъ долженъ былъ сидѣть у ея мужа въ кабинетѣ, бесѣдовать съ нимъ объ охотѣ и посвящать его въ Русскую литературу. На званые вечера къ Віардо его тоже не приглашали“⁵⁾).

Сохранился рисунокъ Шамеро, изображающій Тургенева за нѣсколько дней до смерти. Знаменитый Русскій писатель лежитъ одинокій въ постели и спитъ, облокотясь на подушки. Выраженіе лица болѣз-

¹⁾ Письма И. С. Тургенева къ Паулиѣ Віардо. Москва. 1900.

²⁾ „Нива“. 1887 г. № 1, стр. 15.

³⁾ Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I. стр. 158.

⁴⁾ Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 154.

⁵⁾ Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 117.

ненное и страдающее. Послѣдніе дни Тургеневъ, какъ извѣстно, нуждался въ самомъ необходимомъ, и отъ него нерѣдко приходилъ слуга къ одному изъ соотечественниковъ, жившихъ неподалеку, попросить супа для больного господина. Фетъ замѣчаетъ по этому поводу: „Высказываемая имъ когда-то мечта о женскомъ каблукѣ, нагнетающемъ его затылокъ лицомъ въ грязь, сбылась въ переносномъ значеніи въ самомъ блистательномъ видѣ“ *).

Нерадостно было дѣтство Тургенева. Мать его, Варвара Петровна отличалась суровымъ, деспотическимъ нравомъ. Это была жестокая помѣщица въ полномъ смыслѣ слова. Тургеневъ рано лишился отца своего, Сергѣя Николаевича, но отца ему могъ замѣнить родной дядя Николай Николаевичъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ Варвары Петровны.

Тургеневъ рассказывалъ Полонскому, что въ дѣтствѣ его драли за каждые пустяки чуть не каждый день, до такой степени, что однажды онъ хотѣлъ бѣжать ночью изъ дома, но вѣремя былъ остановленъ Нѣмцемъ-гувернеромъ. Онъ не любилъ вспоминать о своемъ дѣтствѣ, и оттого эта полоса его жизни намъ почти неизвѣстна.

Въ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ Тургеневъ былъ крайне ограниченъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ дитя своего позитивнаго вѣка, замѣнявшаго и вѣру, и безвѣріе чѣмъ-то среднимъ, какимъ-то тепленькимъ добродѣтельнымъ полу-христіанствомъ. Онъ не вѣрилъ ни въ будущую жизнь, ни въ безсмертіе души и незадолго до смерти высказывалъ Полонскому свои мысли, проникнутыя самымъ безнадежнымъ матеріализмомъ. Въ виду чрезвычайнаго интереса этихъ признаковъ приводимъ ихъ.

„Философскія убѣжденія Тургенева и направленіе ума его имѣли характеръ болѣе или менѣе положительный, и подъ конецъ жизни его носили въ себѣ отпечатокъ пессимизма. Хотя онъ и былъ въ юности поклонникомъ Гегеля, но отвлеченныя понятія, философскіе термины давно уже были ему не по сердцу. Онъ терпѣть не могъ допытываться до такихъ истинъ, которыя, по его мнѣнію, были непостижимы. — „Да и есть ли еще на свѣтѣ непостижимыя истины?“

Рассказы его „Призраки“ и „Странная исторія“ многихъ заставляли предполагать, что Тургеневъ самъ вѣритъ въ таинственныя, необъяснимыя явленія; но ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого мнѣнія о Тургеневѣ.

„Ничего нѣтъ страшнѣе, говоритъ онъ однажды, страшнѣе мысли, что ничего нѣтъ страшнаго,—все обыкновенно. И это-то самое

*) Фетъ. Мои воспоминанія, т. II, стр. 397.

обыкновенное, самое ежедневное и есть самое страшное. Не привидѣніе страшно, а страшно ничтожество нашей жизни“...

„Кажется, что можетъ быть проще истины: „молодости вернуть нельзя“. Кто этого не знаетъ? А между тѣмъ для меня нѣтъ ничего страшнѣе этой простой истины; она гораздо страшнѣе, чѣмъ адъ, описанный Дантомъ въ его „Divina Comedia“. Для меня въ непреложности законовъ природы есть нѣчто самое ужасное, такъ какъ я никакой цѣли, ни злой, ни благой не вижу въ нихъ“.

„Въ спорахъ своихъ со мной Иванъ Сергѣевичъ обнаруживалъ крайне-безпощадное, пессимистическое міросозерцаніе. Никакъ не могъ онъ примириться съ равнодушіемъ природы къ человѣческому счастью или горю. Что бы мы ни дѣлали, всѣ наши мысли, чувства, дѣла, даже подвиги будутъ забыты. Какая же цѣль этой человѣческой жизни“¹⁾?

Такъ сокрушался на склонѣ дней шестидесятилетній Тургеневъ, знаменитый писатель, отъ котораго люди, его современники, вправѣ были ждать глубокаго, яснаго проникновенія въ тайну жизни и смерти. Убѣленный сѣдинами, Тургеневъ не былъ умудренъ опытомъ, потому что всегда былъ далекъ отъ жизни. На краю гроба онъ дрожитъ, какъ юноша, только что вступающій въ жизнь, не успѣвшій перетерпѣть ея ужасовъ. Можно представить себѣ, какъ ужасны были предсмертныя нравственныя мученія Тургенева!

Мысль о смерти съ раннихъ лѣтъ занимала Тургенева, возбуждая въ душѣ его чисто-животный, паническій ужасъ. Въ „Запискахъ Охотника“ находится рассказъ „Смерть“ гдѣ сквозь обычный легкомысленный тонъ проглядываетъ этотъ ужасъ, смѣшанный съ недоумѣніемъ при видѣ спокойнаго отношенія къ смерти. Въ противоположность смерти жизнь представлялась Тургеневу какъ цѣль удовольствій, перервать которую онъ никогда бы не рѣшился по собственной волѣ. Забывая, что „чувство смерти—мигъ, и много ли терпѣть?“ (Пушкина „Анджело“), Тургеневъ смотрѣлъ на смерть не какъ на естественный отдыхъ отъ долгой жизни, а какъ на тягчайшее наказание, придуманное безжалостной природой. „Забавно, говоритъ Фетъ, бреттерствовать человѣку, цѣлый вѣкъ толковавшему объ ужасѣ смерти, передъ людьми, цѣлый вѣкъ толкующими объ ужасѣ жизни“²⁾.

Когда умеръ Тургеневъ, въ лицѣ его Россія лишилась замѣчательнаго стилиста; блестяще владѣвшаго перомъ, знаменитаго писателя. но и только; „человѣка“ она не знала и не знаетъ до сихъ поръ.

¹⁾ „Нива“ 1884 г. № 3, 4, 6.

²⁾ Фетъ. Мои воспоминанія. Т. II. стр. 506.

Личность его растаяла на историческомъ горизонтѣ, какъ мимолетное облако. Какъ человѣкъ, онъ всю жизнь „заботился и пекся о многомъ“, забывая, что только „едино есть на потребу“.

Борисъ Садовской.

*

Собранныя здѣсь (изъ печатныхъ показаній) неприглядныя черты, конечно, не должны имѣть отношеніе къ словесному дарованію И. С. Тургенева, произведеніями котораго долго и долго будутъ, если не восхищаться, то плѣняться читатели. Писатель не долженъ быть судимъ внѣ его творчества. Изъ его твореній говорить съ нами тотъ же человѣкъ, только взятый съ своей высшей стороны. Творчество писателя не меньшій свидѣтель о его духовномъ мірѣ, чѣмъ и личная жизнь, ибо въ него отлилась лучшая часть его души.

Намъ кажется, что для разгадки несоотвѣтствій слѣдуетъ порыться еще въ корняхъ, искать въ первоначальной обстановкѣ и воспитаніи писателя. Мы почти ничего не знаемъ о родителяхъ Тургенева. По родословному сборнику Руммеля, гвардеецъ Сергій Николаевичъ Тургеневъ умеръ, когда Ивану Сергѣвичу было 16 лѣтъ. Про него Тургеневъ, въ первый же день моего личнаго знакомства съ нимъ, сообщилъ мнѣ, что онъ влюбленъ былъ въ дѣвушку, которая оказалась любовницею его отца. Младшій братъ Сергѣя Николаевича, Николай Николаевичъ, тоже гвардеецъ, имѣлъ большое значеніе въ жизни нашего писателя. О матери его многое сообщено въ печати. Она долго жила въ Парижѣ, и, можетъ быть, Французская жизнь была знакома Ивану Сергѣвичу съ ранняго его дѣтства. Варвара Петровна Тургенева (рожд. Лутовинова) была женщина вполне своеобразная. Въ помѣстьѣ своемъ устроила она особаго рода носилки и, сидя на нихъ въ клѣткѣ съ стеклами, приказывала носить себя по усадьбѣ и крестьянскимъ дворамъ и оттуда отдавала хозяйственныя распоряженія. По словамъ покойнаго П. В. Шумахера, она, живучи въ Москвѣ въ большомъ помѣщеніи (въ Старой Конюшенной), когда почувствовала приближеніе смерти, пригласила къ себѣ оркестръ Сакса и скончалась 16 Ноября 1850 года подъ его звуки. Дожила она до 70 лѣтъ отъ роду и погребена въ Донскомъ монастырѣ. Материнскую нѣжность оказывала она другому своему сыну, а Ивану Сергѣвичу предстояло лишиться наслѣдства, если бы прикащикъ успѣлъ засвидѣтельствовать ея духовное завѣщаніе. Можетъ быть, желаніе доказать матери, что онъ не заслуживаетъ ея немилости, и было начальнымъ побужденіемъ для Тургенева къ трудамъ и къ полученію извѣстности.

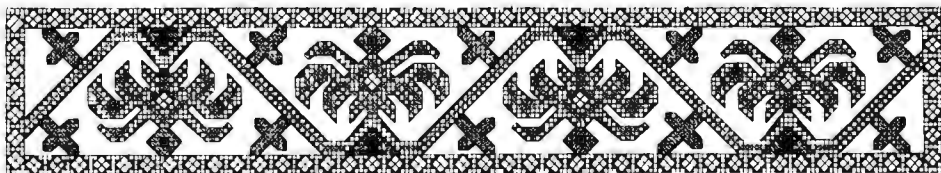
Онъ человѣкъ,

Владѣетъ имъ мгновенье.

Онъ рабъ молвы, сомнѣній и страстей.

И. С. Тургеневъ былъ несомнѣнно *рабомъ молвы*. Въ этомъ увѣряютъ насъ и личныя наши съ нимъ сношенія (о которыхъ послѣ). Простимъ ему это за наслажденіе, которое онъ доставилъ своими сочиненіями.

П. Б.

РЕВИЗОРЪ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ.

Изъ донесенія Обоянскаго земскаго исправника Протопопова
Курскому губернатору А. С. Кожухову.

1826.

По занимаемой мною должности, будучи обязанъ доводить до свѣдѣнія вашего превосходительства о всѣхъ значительныхъ происшествiяхъ, случающихся въ подвѣдомственномъ мнѣ по полицейской части уѣздѣ, долгомъ считаю донести вашему превосходительству слѣдующее:

2-го числа нынѣшняго Октября мѣсяца д. ст. сов. Андрей Петровичъ Назимовъ предложенiемъ Обоянскому земскому суду изволили дать знать, что онъ предписанiемъ его сiятельства господина тайнаго совѣтника сенатора и кавалера князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукова *) прибылъ для обревизованiя Обоянскаго уѣзда, и предписалъ о откомандированiи къ нему члена земскаго суда для исполненiя его требованiй, что по волѣ его тотчасъ и исполнено. Вскорѣ за симъ его пр-во господинъ Назимовъ, выѣхавъ въ уѣздъ, гдѣ по приказанiю его въ волостяхъ собирають изъ всякаго селенiя и деревни съ каждаго двора по человѣку казенныхъ поселянъ, равнымъ образомъ всѣхъ бывшихъ въ теченiе предыдущихъ четырехъ годовъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, счетчиковъ и магазинныхъ вахтеровъ, для истребованiя отъ нихъ показанiй, но по какому предмету и какимъ образомъ оныя показанiя будутъ требоваться я не имѣю свѣдѣнiя; между тѣмъ его пр-во по прибытiи въ 1-ю ревизуемую имъ Казацкую волость, вызвавъ туда меня и г.г. дворянскихъ засѣдателей земскаго суда Садовскаго и Ранчовскаго, не смотря на мои и г.г. засѣдателей всевозможныя старанiя къ выполненiю его во всевозможной точности воли, при непомѣрныхъ и вовсе не возможныхъ къ удовлетворенiю въ томъ видѣ, въ каковомъ его пр-во изволило назначить намъ, требованiй его,

*) Министра Юстицiи. П. Б.

его пр-во изволилъ учинить какъ мнѣ, такъ и г.г. засѣдателямъ строжайшія взысканія, состояція въ жестокихъ бранныхъ выраженіяхъ и въ угрозахъ ареста и отсылкѣ насъ въ Курскъ, что было повторено нѣсколько разъ предъ глазами собравшихся многого количества казенныхъ поселянъ большею частью бывшихъ въ пьяномъ видѣ и которые, замѣтивъ такое обращеніе съ нами его пр-ва г-на Назимова, въ тоже время не только оказали мнѣ и г.г. засѣдателямъ непокорность, но даже причинили невѣжественныя грубости и язвительныя оскорбленія.

Донеся вашему пр-ву о всемъ вышеизложенномъ, осмѣливаюсь въ особенности представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства послѣднее обстоятельство потому наиболѣе, что я имѣю поводъ къ опасенію, дабы отъ безпокойнаго духа и грубыхъ свойствъ поселянъ, кои неизвѣстно мнѣ по какому поводу почти всюду въ сіи дни особенно предались необыкновенному пьянству, не произошло какихъ либо важнѣйшихъ ослушностей.

Земскій исправникъ Протопоповъ.

Г-нъ д. с. с. Назимовъ служилъ полковникомъ, командуя Томскимъ пѣхотнымъ полкомъ; извѣстенъ былъ за человѣка стяжательнаго, ибо за подаренныя квартирмейстеромъ его полка деньщику одного офицера двѣ пары сапожныхъ подошвъ, войдя съ нимъ въ ссору, получилъ отъ него пощечину, за что по военному суду квартирмейстеръ въ 1820 г. разжалованъ въ рядовые, а Назимову велѣно оставить военную службу.

Послѣ г. Назимовъ нѣсколько лѣтъ искалъ въ Петербургѣ мѣста, но имѣя пятно по военной и не имѣвъ достаточныхъ способностей къ гражданской службѣ, онъ съ трудомъ получилъ нынѣшнюю должность и, будучи бѣднѣйшаго состоянія, съ жадностью ухватился за порученіе обревизовать Курскіе питейные сборы, полагая, что сіе есть вѣрное средство къ поправленію состоянія его.

Командированный съ нимъ товарищъ его г. Дембровскій—чиновникъ давно извѣстный по многимъ слѣдствіямъ неправильно имъ произведеннымъ, а болѣе надъ д. с. с. Ренненкампомъ, котораго онъ оклеветалъ предъ правительствомъ и за то самъ былъ подъ судомъ; человѣкъ лукавый, хитрый, мало знающій порядокъ въ дѣлахъ, но могущій излить желчь свою на бумагу и очернить неправильными объясненіями всякаго; обремененный долгами и томимый бѣдностью до того, что безъ займа у чиновника 5 класса Гренна 700 рубл. не могъ по собственнымъ его словамъ выѣхать изъ столицы.

Начавъ ревизію по Курской губерніи, они тотчасъ отыскали въ городѣ Обояни и пригласили къ себѣ бывшаго тамъ надзирателя г. Коваленка, прославившагося неимовѣрными злоупотребленіями и стяжавшаго себѣ большое состояніе корыстною службою, за что бывший вице-губернаторъ, удаляя его отъ должности, не хотѣлъ открыть правительству нанесеннаго имъ казнѣ вреда; со всѣмъ, однакожъ, тѣмъ, онъ, какъ извѣстно, преслѣдуется нынѣ Курскою Казенною Палатою въ злоупотребленіяхъ по отчетамъ его.

Первымъ правиломъ при сей ревизіи взято было не искорененіе злоупотребленія, но поправленіе своихъ состояній, въ чемъ главнымъ руководителемъ и наставникомъ былъ Коваленко. Онъ составилъ имъ планъ стѣснить дѣйствія бывшаго вице-губернатора и требовать съ него потомъ 100 т. руб. Вслѣдствіе чего начали тотчасъ отрѣзывать въ Обояни винопродавцевъ, подкладывать имъ фальшивыя воронки, соглашать лжесвидѣтелей на нихъ и среди сихъ разрушающихъ, а не исправляющихъ порядокъ дѣйствій своихъ явились въ Курскъ, гдѣ, полагая, что навели страхъ на бывшаго вице-губернатора Гежелинскаго, сдѣлали формальный приступъ къ требованію съ него 100 т. руб. Чтò вице-губернаторъ ужаснулся таковаго требованія, извѣстно многимъ Курскимъ жителямъ изъ частныхъ разговоровъ, а особенно хозяину ихъ квартиры купцу Головину, чиновнику Коваленку и бывшему Курскому надзирателю Попову, пославшему по просьбѣ Дембровскаго въ Петербургъ г. Гренну въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1853 года собственныхъ своихъ денегъ 700 рублей, коихъ ему, Попову, Дембровский не возвратилъ, и Поповъ, опасаясь гоненій и несправедливыхъ донесеній, не смѣлъ у Дембровскаго и требовать. Бывшій же вице-губернаторъ, желая равновѣрно избѣгнуть наносимыхъ ему непріятностей, далъ имъ 16,500 рублей, а послѣ, проводя ихъ общаніями, въ необходимости былъ уклоняться отъ того подъ разными предлогами. Видѣвъ сіе, они часть отъ часу болѣе противъ него раздражались и выѣхали въ концѣ Апрѣля мѣсяца въ Щигровский уѣздъ, гдѣ, соединясь дружбою съ бывшимъ исправникомъ Ефимомъ Черемисиновымъ (отрѣшеннымъ отъ должности за взятки и пославшимъ безымянный доносъ г. министру финансовъ) предались увеселеніямъ, чиновникамъ въ ихъ званіи несоотвѣтственнымъ и позорнымъ, какъ то извѣстно многимъ жителямъ Щигровскаго уѣзда. Оттуда повторяли требованіе свое Гежелинскому о присылкѣ имъ 100 т. рублей, но получивши прежній неудовлетворительный отвѣтъ, ожесточились до чрезвычайности, удалили депутата Казенной Палаты отъ слѣдствія, допрашивали пристрасно винопродавцевъ и жителей, угрожали безпрестанно ссылкой

въ Сибирь чиновниковъ и обѣщая нѣкоторымъ изъ нихъ дать мѣста выгодныя, произвели слѣдствіе съ увеличеніемъ небывалыхъ преступленій, принимая одно лицо за доносителя и за свидѣтеля и обвиняя нерѣдко его же самого въ злоупотребленіяхъ. Однимъ словомъ, ревизоры дозволяли себѣ всѣ отступленія отъ законовъ и представили дѣло высшему начальству въ ужаснѣйшемъ видѣ, тогда какъ выведенное по слѣдствію преступленіе чиновниковъ питейныхъ состоитъ болѣею частью въ нарушеніи установленнаго порядка, а не въ злоупотребленіи.

Продолжая такимъ образомъ ревизію нѣсколько мѣсяцевъ по Щигровскому уѣзду, они допустили г. Коваленка брать, секретно отъ нихъ, деньги у кого только можно было. Послѣ, пріѣхавъ ревизоры въ Коренную ярмонку, снова обратились къ требованію 100 т. рублей, но не получая рѣшительнаго отвѣта, принялись за другую систему, т. е. начали требовать съ надзирателей денегъ, обманывая одинъ другаго такимъ образомъ. Назимовъ, взявши съ Тимскаго надзирателя шестерку лошадей, стоящихъ 2400 рублей, чтобы прикрыть сіе видомъ покупки, далъ ему за оныхъ при Дембровскомъ самую малозначущую сумму, и лошади сіи отведены въ деревню его, Назимова, состоящую въ Псковской губерніи, однодворцами Тимской подгородной слободы, и для сбереженія ихъ на пути, пока обойдутся, посланъ былъ служащій при уѣздномъ правленіи унтеръ-офицеръ, а Дембровскій у того же надзирателя выпросилъ въ долгъ секретно отъ Назимова 2000 рублей денегъ для окопировки пріѣхавшей къ нему изъ Казани дочери его и послѣ денегъ сихъ не отдалъ. Потомъ переѣхали они въ Бѣлгородъ и какъ Назимовъ отвлекался отъ ревизіи частыми свиданіями съ знакомыми своими и свадьбою своего брата, то Дембровскій вытребовалъ безъ него 2000 рублей съ бывшаго Бѣлгородскаго надзирателя, а при проѣздѣ ихъ черезъ Корочу взялъ 1000 рублей съ уѣзднаго надзирателя. Наконецъ, въ Старо-Оскольскомъ уѣздѣ, нашедъ содержаніе двумя винопродавцами нѣсколькихъ питейныхъ домовъ подъ чужими именами и видя малый успѣхъ въ собираніи денегъ, опять обратились къ первоначальному требованію 100 т. или хотя 50 т. рублей отъ вице-губернатора, для чего употребили бывшаго Обоянскаго надзирателя Васильева, котораго присылали съ симъ предложеніемъ въ Курскъ; но когда вице-губернаторъ уклонился отъ того и съ симъ отвѣтомъ обратилъ присланнаго отъ нихъ посредника въ Старый Осколь, то Назимовъ, прибывъ самъ въ Тимъ, приглашалъ Гежелинскаго чрезъ нарочно-посланнаго того же Васильева пріѣхать къ нему. Однакожъ Гежелинскій отклонилъ и сіе приглашеніе подъ предлогомъ, что онъ

править должность губернатора и что отлучиться не можетъ, почему Назимовъ, проживши двое сутокъ въ Тиму безъ всякаго дѣла, возвратился обратно въ Старый Осколь и прислалъ 29 Августа въ Курскъ г. Дембровскаго для одного и того же предмета, но какъ въ сіе время было уже извѣстно объ увольненіи Гежелинскаго отъ должности вице-губернатора, то онъ, Гежелинскій, принялъ Дембровскаго очень холодно и съ огорченіемъ высказалъ ему всѣ неизвинительныя пронырства его и лукавыя притязанія, говоря о семъ въ кабинетѣ съ нимъ такъ громко, что многіе стоявшіе въ залѣ чиновники слышали. Дембровскій, возвратясь въ Старый Осколь, не лучше былъ принятъ и Назимовымъ, который, ругая Дембровскаго, упрекалъ его, что чрезъ его затѣи лишился онъ способа поправить свое состояніе, что слышали также многіе Старооскольскіе жители.

На послѣдокъ, въ первыхъ числахъ Сентября г. г. ревизоры пріѣхали въ Курскъ и, употребляя различныя средства къ снабженію себя деньгами, они посредствомъ притѣсненія чиновниковъ нашли способъ извлечь и тутъ 2500 рублей. Сверхъ того куплено Дембровскимъ садовыхъ присадковъ, кои отправлены въ Казанскую жены его деревню чрезъ Курскаго ямщика, котораго отыскать тотчасъ можно и который получилъ за извозъ тѣхъ присадковъ 160 рублей отъ чиновника питейнаго управленія; симъ же чиновникомъ куплено по убѣдительной просьбѣ ихъ: для Назимова на двое брюкъ казимиру, на лѣтній сюртукъ и на два жилета матеріи, а для Дембровскаго Англійскаго сукна на фракъ, казимиру на двое брюкъ, матеріи на два жилета и полдюжины батистовыхъ платковъ. Все сіе платье сшито въ Курскѣ и отослано къ нимъ съ унтеръ-офицеромъ въ Щигры. Далѣе они завели было непріятную переписку и съ нынѣшнимъ вице-губернаторомъ, но вскорѣ отозваны были въ С. Петербургъ.

ДВѢ ЗАПИСКИ ГОГОЛЯ КЪ Н. С. СЕРБИНОВИЧУ.

I

(1829)

Издатель Идилліи Ганца Кюхельгартена¹⁾ просить усерднѣйше Васъ, если только принесутъ изъ типографіи ее сегодня, сдѣлать ему величайшее одолженіе, если только это не обезпокоитъ Васъ, ускорить выдачу билета на выпускъ въ продажу.

Н. Гоголь-Яновскій.

II

(до 1836)

Милостивый государь

Константинъ Степановичъ!

Убѣдительно прошу Васъ прислать особо отпечатанные для меня листки моихъ статей²⁾. Я очень боленъ и лежу дома, вчера однакожь отважился итти къ Сергѣю Семеновичу³⁾ по его приказанію. Онъ далъ мнѣ тему для статьи въ журналъ, но ничего не сказалъ о моей участи. Представьте себѣ мое несчастіе. Доктора мнѣ говорятъ ѣхать теперь же. А между тѣмъ сижу здѣсь и лучшее для моего лѣченія время убиваю здѣсь и убиваю въ тоскѣ и досадѣ. Если бы я твердо былъ увѣренъ, что не получу желаемого, я бы ѣхалъ теперь же на Кавказъ съ однимъ моимъ пріятелемъ, который даже обезпечиваетъ меня на счетъ путевыхъ издержекъ⁴⁾. Но Сергѣй Семеновичъ говорилъ мнѣ, чтобы я не отчаявался, что все будетъ хорошо. А между тѣмъ время идетъ и я не знаю что со мной будетъ; здоровье мое гроша не стоитъ. Отъ всей души желаю, чтобы здоровье Ваше не было похоже на мое, но красовалось и процвѣтало.

Остаюсь вѣчно Вамъ признательный

Н. Гоголь.

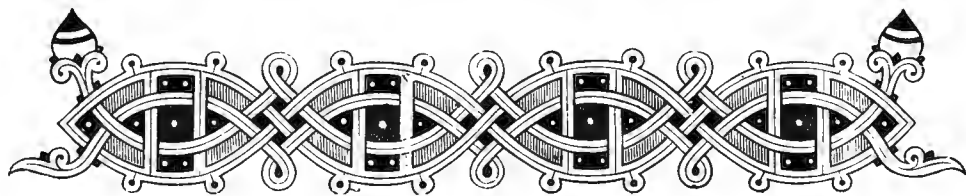

¹⁾ Первая печатная книжка Гоголя. Сербиновичъ былъ тогда цензоромъ. П. Б.

²⁾ Какія это статьи, не знаемъ. П. Б.

³⁾ Министру. Сербиновичъ издавалъ тогда Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. П. Б.

⁴⁾ Кто этотъ пріятель, не знаемъ. Гоголь на Кавказъ не ѣздилъ. П. Б.

Иностранная колонизация въ Россіи въ новой ученой разработкѣ.

Григорій Писаревскій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. (По неизданнымъ архивнымъ документамъ). Москва, 1909 г., XI+340+83 стр.

Колонизація Русской территоріи является однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ процессовъ, составляющихъ содержаніе науки Русской исторіи, и ему (не говоря уже о времени начального періода Русской исторической и государственной жизни) посвятилъ свои обстоятельныя работы цѣлый рядъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ, какъ-то: Г. Перетятковичъ, Д. И. Багалъй, П. Н. Буцинскій, Д. А. Корсаковъ, И. Н. Миклашевскій и др. Благодаря ихъ трудамъ, вопросъ о колонизаціи нашей государственной территоріи Русскимъ племенемъ въ значительной степени исчерпанъ и основательно уясненъ. Одинъ изъ молодыхъ ученыхъ, проф. Н. Я. Новомбергскій приступилъ къ тщательному изученію дѣлъ Сибирскаго Приказа и другихъ архивныхъ документовъ, чтобы, на основаніи ихъ, дополнительно изложить и уяснить постепенное приобрѣтеніе и заселеніе Русскими Сибири.

Нельзя того же сказать о колонизаціи иностранной, сыгравшей немало-важную роль въ общемъ ходѣ заселенія нашей страны. Работы о Западно-европейцахъ, заходившихъ въ Русскіе предѣлы и оставшихся въ нихъ, направлялись главнымъ образомъ на вопросы объ ихъ правахъ и культурной ихъ дѣятельности и сосредоточивались преимущественно на періодахъ, когда еще не заводилось иностранныхъ колоній, если не считать ими „Нѣмецкой Слободы“ подъ Москвой и подобныхъ поселеній въ нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ городахъ. По вопросу собственно-иностранной колонизаціи въ Россіи, кромѣ ряда журнальныхъ статей (оперировавшихъ лишь надъ тѣмъ матеріаломъ, который помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ) имѣется всего одна значительная работа, основанная отчасти на неизданномъ архивномъ матеріалѣ: разумѣемъ работу Клауса „Наши колоніи“; появившуюся сорокъ лѣтъ тому назадъ. Но главной своей задачей Клаусъ ставилъ описаніе современнаго ему состоянія колоній, какъ бы игнорируя ихъ прошлое. Тѣ усилія, которыя дѣлались нашимъ правительствомъ для вызова иностранцевъ въ Россію, организациа ихъ вызова и водворенія на мѣстахъ и, наконецъ, теоретическія основы колонизаціонной политики нашего правительства, не смотря на всю ихъ научно-историческую важность не для одного вопроса о колонизаціи, остава-

лись до сихъ поръ невыясненными. Изслѣдованію и разясненію этихъ сторонъ въ исторіи у насъ колонизаціоннаго процесса и посвящена работа Григ. Г. Писаревского.

Въ ней авторъ, прежде всего, выясняетъ тѣ общія условія времени, которыя опредѣляли собою популяціонистскую политику не только нашего правительства, но и правительствъ другихъ государствъ Европы, въ особенности же болѣе близкихъ намъ географически, именно Пруссіи, Австріи и Даніи. Всѣ эти государства усиленно поощряли иммиграцію иностранцевъ въ свои владѣнія, опираясь на господствовавшія въ тогдашней наукѣ теоріи народонаселенія, отражавшія собою современные интересы государственной власти и зажиточныхъ классовъ общества. „Въ многочисленности подданныхъ“, учили политико-экономисты, „залогъ величайшаго счастья для правителей; это—настоящее сокровище для страны“. Количественъ и плотностію населенія обусловливаются внѣшняя и внутренняя сила государства, развитіе земледѣлія, промышленности, торговли, доходовъ, благосостоянія, культуры. Кромѣ повышения цифры рождаемости и воспрепятствія эмиграціи, для достиженія увеличенія населенія настойчиво рекомендовалось поощреніе иммиграціи. Различными мѣрами и льготами правительства (нерѣдко противъ желанія мѣстныхъ жителей) старались о привлеченіи иностранцевъ и о водвореніи ихъ. Результаты у нѣкоторыхъ правительствъ были поразительные. Въ Пруссію по годъ смерти Фридриха II переселилось (1640—1786 г.г.) болѣе полумилліона душъ, что составило до 10% всего населенія, которое въ 1786 г. исчислялось въ 5.500.000 душъ. Въ Галиціи лишь за четыре года (1782—1786) было водворено до 20.000 иммигрантовъ обоого пола, и тамъ же графъ Замоискій получилъ императорскую благодарность за водвореніе на своихъ земляхъ 80 семействъ Нѣмецкихъ колонистовъ.

„Въ обширной сферѣ (говоритъ авторъ) того своеобразнаго общенія съ Западомъ, коимъ отличалась Русская жизнь въ XVIII-мъ столѣтіи, популяціонистскія теоріи, подкрѣпленныя уже примѣромъ другихъ державъ, нашли въ Россіи второй половины этого столѣтія какъ нельзя болѣе благопріятную почву для своего усвоенія и примѣненія“. Къ общимъ теченіямъ времени, благопріятствовавшимъ иммиграціи, у насъ въ Россіи присоединились свои мѣстные условія: обиліе незаселенныхъ и малозаселенныхъ земель на Югѣ и Юго-востокѣ страны, не приносившихъ государству пользы и еще служившихъ для него источникомъ постоянныхъ безпокойствъ, и крѣпостное право, которое затрудняло и замедляло колонизацію этихъ земель Русскимъ крестьянствомъ. Немудрено поэтому, что всеобщее почти въ Европѣ увлеченіе идеею увеличенія населенія у насъ дошло до крайности и приняло уродливыя формы. Екатерина II защищаетъ многоженство; Потемкинъ серьезно думаетъ о поселеніи въ Крыму бѣглыхъ Англійскихъ каторжниковъ; дипломатическій представитель Россіи въ Ливорно графъ Мочениго хлопочетъ о переселеніи въ Россію Корсиканскихъ и Сардинскихъ разбойниковъ (хороши же піонеры и цивилизаторы!); жена Русскаго резидента въ Курляндіи барона Местмахера покупаетъ тамъ

выбравшихъ дѣтей, платя по 3—4 дуката за каждаго ребенка, нанимаетъ для нихъ кормилицъ и воспитываетъ въ своемъ домѣ: она намѣревается подарить своихъ воспитанниковъ всецѣльному тогда Потемкину для колонизаціи вѣреннаго его управленію Новороссійскаго края. На Западѣ обставлялось такъ, чтобы призываемые правительствами иностранцы, обыкновенно изъ родственныхъ народовъ, послужили къ пользѣ мѣстнаго населенія Германскаго племени и ассимилировались съ нимъ; въ Даніи, на примѣръ, отводили подъ поселеніе и обработку пустѣ лежація, мало удобныя къ воздѣлыванію, болотистыя и песчанныя, покрытыя верескомъ пространства; у насъ же надѣляли колонистовъ наиболѣе хорошими и весьма обширными площадями земли и ставили ихъ, и безъ того обыкновенно чуждыхъ Русскимъ и по вѣрѣ, и по племени, въ такое исключительно привилегированное положеніе, что имъ прямой интересъ былъ держаться возможно-обособленно отъ Русскаго населенія. Европеусу, пастору Шведовъ, переселенныхъ съ острова Даго въ Новороссійскій край, сверхъ выдачи богатой церковной утвари и ежегоднаго жалованья въ чetyреста рублей съ дозволеніемъ пользоваться всѣми доходами съ прихожанъ, всевластный устроитель края предложилъ еще крупное земельное обезпеченіе: „соглашаюсь я охотно и въ собственное ваше владѣніе, вѣчное и потомственное, писалъ онъ ему, особливо приказать отвести тысячу десятинъ удобной земли на основаніи высочайше конфирмованнаго о земляхъ плана“ (252 стр.)....

Исслѣдованіе начинается со времени, когда вопросъ о вызовѣ иностранныхъ колонистовъ въ Россію былъ поставленъ прямо и предрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Предрѣшенный при Елисаветѣ Петровнѣ, онъ осуществился при Екатеринѣ II. Авторъ неупустительно знакомитъ съ господствовавшими понятіями и возникавшими предположеніями и планами и внимательно слѣдитъ, шагъ за шагомъ, группу за группой, какъ, кѣмъ и на какихъ льготѣхъ и правахъ вызывались колонисты, что это былъ за народъ, какимъ образомъ переселялись и вселялись они, на Югѣ и Поволжѣ, и въ какое отношеніе они становились къ вызвавшимъ, съ этической объективностью давалъ въ своемъ изложеніи мѣсто положительнымъ и отрицательнымъ фактамъ и явленіямъ. Получается сложная жизненная картина достовѣрнаго, въ свѣтѣ тогдашнихъ воззрѣній, и она, въ ея цѣломъ и частяхъ, изображенными фактами и воззрѣніями, хорошо переноситъ читателя въ ту своеобразную эпоху.

Вызванные въ Россію колонисты раздѣлялись на двѣ категоріи: коронныхъ и вызывательскихъ. Последнихъ доставляли въ Россію, на выгодныхъ для себя условіяхъ, поддерживаемые и субсидируемые правительствомъ частные предприниматели, извѣстные подъ именемъ вызывателей. Возникновеніе тѣхъ и другихъ колоній изображается съ одинаковою документальною полнотой, при чемъ вопросъ о вызывательскихъ колоніяхъ ставится здѣсь впервые.

Если задача общихъ трудовъ въ Русской исторіи признается выполненною, когда они представляютъ объединеніе и итоги предшествовавшей литературы, съ разнообразными въ ней матеріалами, работами и научными выво-

дами и положеніями по различнымъ частнымъ вопросамъ; если изученіе каждаго историческаго предмета лишь тогда можно считать прочно поставленнымъ, когда оно основано на непосредственномъ знакомствѣ съ первоисточниками и когда послѣдніе не только приведены въ извѣстность, но и сведены (по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ нихъ) въ особые, однородные по своему содержанію сборники: то въ трудахъ по спеціальнымъ вопросамъ обыкновенно совѣмъ еще нельзя ограничиваться одною печатною литературою. Даже лучшія и наиболѣе полныя изданія документовъ (Полн. Собр. Законовъ, Собрание госуд. грам. и договоровъ, Акты Историческіе и Дополненія къ нимъ, Сборникъ И. Русск. Истор. Общества и т. п.), при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, неполны, несвободны отъ неточностей и ошибокъ и въ составѣ своего матеріала носятъ на себѣ печать субъективныхъ понятій ихъ собирателей и издателей; да и назначеніемъ печатныхъ собраній никоимъ образомъ не можетъ быть перепечатываніе архивовъ, а лишь внесеніе наиболѣе важнаго, основнаго. Печатныя собранія никогда не могутъ замѣнить самихъ хранилищъ подлинниковъ, и при самостоятельной спеціальной работѣ необходимы непосредственныя справки съ подлинниками и дальнѣйшія разысканія ихъ. Непосредственное изученіе подлинниковъ, какъ бы замѣняя личную бесѣду въ ихъ авторами, лучше уясняетъ и современные имъ воззрѣнія лицъ и эпохи. Строго примѣняя при изученіи ихъ современные намъ научныя критическіе методы, и давая всему этому оцѣнку, слѣдуетъ однако излагать и освѣщать факты и дѣйствія отнюдь не съ точки зрѣнія излюбленныхъ нами понятій (тутъ неминуемы будутъ тенденціозность и публицистика), а въ томъ свѣтѣ, къ какому они стояли въ ихъ пору. Тогда только работа изслѣдователя перенесетъ читателя въ изображаемую дѣйствительность.

Данныя требованія для самостоятельныхъ спеціальныхъ изысканій осуществляются ученымъ авторомъ. Принимая во вниманіе сдѣланное въ предшествовавшей литературѣ, г. Писаревскій свое изложеніе основываетъ на тщательномъ изученіи обширнаго архивнаго матеріала, съ большими и продолжительными трудами собраннаго имъ въ нашихъ центральныхъ архивахъ, Московскихъ и Петербургскихъ. Ученымъ изслѣдователямъ хорошо извѣстно состояніе нашихъ хранилищъ въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ и составленія описей документовъ за это время; извѣстно имъ, какихъ стараній и опытности требуетъ одно нахожденіе соответственныхъ, однородныхъ матеріаловъ. Это тѣмъ болѣе придаетъ цѣну новымъ систематическимъ даннымъ, добытымъ авторомъ. Часть важнѣйшихъ документовъ издана въ приложеніи къ книгѣ.

Послѣ произведеннаго авторомъ научнаго анализа, онъ, путемъ строгаго синтеза, долженъ дать обобщенія, выводы, положенія, отложенныя, очевидно, имъ пока до тезисовъ и своей рѣчи на диспутѣ при защитѣ диссертации. Въ слѣдующую книгу (о внутренней исторіи создавшихся иностранныхъ колоній) во всякомъ случаѣ они должны быть внесены.

Указавъ мѣсто новой книги въ Русской исторической литературѣ и ознакомивъ съ ея содержаніемъ и существенными свойствами, мы въ оцѣнкѣ свойствъ

и значенія данной работы г. Писаревского не можемъ не согласиться съ сужденіями о ней другихъ лицъ. „Книга г. Писаревского (говоритъ о ней одинъ критикъ) раскрываетъ одну за другой картины иностранной колонизаціи, развертывающіяся предъ нами въ хорошо рассказанныхъ очеркахъ. Авторъ писалъ свою работу цѣликомъ по малоизвѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ“ и „умѣло использовалъ ихъ“. „На многихъ страницахъ работы разсѣяны доселѣ малодоступныя цѣнныя данныя по этнографіи, статистикѣ и географіи... Будемъ теперь ждать, что авторъ, продолжая свой интересный трудъ, дастъ намъ внутреннюю исторію тѣхъ изъ иностранныхъ колоній, которыя привились и укрѣпились на Русской почвѣ. Благодаря появленію настоящей книги г. Писаревского, вопросъ этотъ сталъ очевиднымъ“ (отзывъ приватъ-доцента Московскаго университета А. И. Яковлева). Другой ученый критикъ отмѣчаетъ: „Г. Писаревскій, изучивъ (архивный) матеріалъ, расширилъ и углубилъ наши знанія объ иностранной колонизаціи, придавъ ей совершенно иное освѣщеніе. До работы г. Писаревского мы ничего не знали о вызывательскихъ колоніяхъ... Книга г. Писаревского интересна по массѣ новаго и свѣжаго матеріала, дающаго возможность выяснить вліяніе Европейскихъ экономическихъ идей на Россію. Для историка Западно-европейскаго вліянія она—неоцѣнимое пособіе“ („Критическое Обзорѣніе“, 1908, VIII).

Профессоръ Дм. Цвѣтаевъ.

ПОПРАВКИ.

На стр. 48-й ошибочно напечатано *Н. П.* вмѣсто *Н. О.* Котлубицкаго. Это намъ указано изъ Арзамаса Иваномъ Александровичемъ Бронскимъ. Онъ сообщаетъ, что Николай Осиповичъ Котлубицскій писалъ къ графу Ростопчину про Феслера вѣроятно по просьбѣ Н. П. Ермолова, имѣніе котораго по близости отъ имѣнія Котлубицкаго, Костянки (Бритово). У И. А. Бронскаго хранится табакерка съ портретомъ императора Павла, о которой разсказано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г. (стр. 1302).

На стр. 293-й Грипинъ названъ *юношей*. Это невѣрно: въ то время онъ былъ почти старцемъ. Это Ростиславъ Николаевичъ Грипинъ, д. ст. сов., преподаватель математики въ Реальной Гимназіи въ Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ.

На стр. 51-й. Часть пушекъ нынѣ перевезена въ Грузины, въ Музей (П. И. Щукина), и генералъ Петровъ описываетъ, какая пушка какому неприятельскому войску принадлежала. Стр. 89. Пропущенъ оберъ-прокуроръ А. П. Ахматовъ.

Стр. 8. *leur*, а не *leurs*. C'est nous, а не S'est.

nécessaire, а не *nécessaire*.

— 26. вмѣсто *изъ Москвы* надо *изъ Твери*.

— 38. *fossoyeur*, а не *trossoyeur*.

— 77. Вмѣсто *Великія Книжны* надо *Великія Книжны*.

— 139. Вмѣсто 1848 надо 1258.

На обложкѣ 2-го выпуска грубая ошибка: *вм. Хвоцинскаго* надо *Хвошинской*. Это даровитая писательница Надежда Дмитріевна Хвошинская, произведенія которой печатались подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго. Она проводила зиму въ Петербургѣ у своихъ родственниковъ Акинфowychъ, сыну которыхъ, тогда юношѣ, Владимиру Николаевичу написала напутственное посланіе въ самый день его отъѣзда во Владимирскую деревню. На подлинномъ листкѣ этихъ стиховъ ея приписка сбоку: „Во время укладки“.

Внутри обложки 2-го выпуска П. Я. Чадаевъ названъ офицеромъ Семеновскаго полка, тогда какъ онъ служилъ въ Лейбъ-гусарахъ.

На стр. 208-й того же выпуска вмѣсто *констебль* надо *конетабль*: высшій военный чинъ во Франціи, тогда какъ констебль—полицейскій чиновникъ въ Англіи.

ВЪ 3-мъ ВЫПУСКѢ.

стран.	строка.	напечатано.	слѣдуетъ читать.
467	7	<i>Также</i> представленіе	<i>Такое же</i> представленіе
472	4	Впали отъ старости	Впали отъ старости
—	5	брови ему бяху <i>виски</i>	брови ему бяху <i>висли</i> (т. е. нависшія)
—	6	<i>желено.</i>	<i>желевно.</i>
—	12 снизу	внѣ стѣнъ <i>задныхъ</i>	внѣ стѣнъ <i>градныхъ</i>
—	2	Птинаторъ	Птинаоторъ
471	13 сверху	<i>испытавъ</i> жажду,	<i>испытывая</i> жажду,
478	4 снизу	смоляную рѣку <i>Мортъ</i>	смоляную рѣку <i>Мортъ</i> .

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ПЕРВОЙ КНИГИ

„РУССКАГО АРХИВА“

1909 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

173. Шуточное письмо фельдмаршала графа Б. П. Шереметева Петру Великому по поводу рождения царевича Петра Петровича. 1715.

337. Записки Дюна Лирийскаго о царствованіи Петра Второго. Новое изданіе, свѣренное съ подлинною рукописью, съ примѣчаніями и приложеніемъ статьи Теофана Прокоповича о воцареніи Анны Иоанновны.

5. Суворовъ. Его письма (къ П. П. Алексіано, Н. С. Мордвинову, принцу Нассау-Зигену и князю Г. С. Волконскому).

14. Великая княгиня Елизавета Алексѣевна. Ея пріѣздъ въ Россію и три разсказа въ письмахъ къ ея матери (Кончина Екатерины Великой, переположъ въ Павловскѣ и кончина Павла Петровича).

26. Бумаги графа Ө. В. Ростопчина (Москва въ 1810 году. Письма къ императору Александру Павловичу, къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, къ С. К. Вязмитинову и А. Д. Балашову (по оставленіи Москвы непріателемъ)).

10. Архаровы. Изъ памятныхъ записей А. А. Васильчикова.

52. Бумаги А. С. Кожухова за его управленіе Курскою губерніей.

281. Е. И. Станевичъ по его письмамъ. П. Л. Юдина.

483. Рукопись въ тюрьмѣ. Сочиненіе Каспера Мошновскаго, съ исправленіемъ издателя.

565. Июльская революція во Франціи (изъ Парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Сообщено П. А. Вигелемъ-Панчулидзевымъ.

567. Къ исторіи Польскаго возстанія 1863 года. Извлечено П. А. Панчулидзевымъ изъ депешъ барона А. Ф. Будберга.

462. Изъ Архива М. А. Максимовича: Письма къ нему В. Н. Каразина, графа Д. Н. Блудова и графа С. С. Уварова.

61. Письма Московскаго митрополита Филарета къ В. Д. Олсуфьеву (1839—1856).

175. Лѣтопись семьи Черняевыхъ А. М. Черняевой.

208. Изъ бесѣдъ съ М. Г. Черняевымъ.

123. Записки П. Н. Костылева (предсѣдателя Окружнаго суда).

119. Н. Ө. Өеодоровъ. Его ученіе о воскресеніи. С. П. Бартенева.

465. Старинная апокрифическая повѣсть о трехъ монахахъ, отыскивавшихъ поясъ земной. Статья В. Ф. Нудряцева.

279. Древній дворянскій родъ Фонъ-Роткирховъ.

279. Древній родъ Фонъ-Роткирховъ.

209. Изъ записокъ архіепископа Никанора. Его апологія по поводу жалобъ на него Уфимскаго бѣлаго духовенства.

97. Къ исторіи Дагестанскаго полка. Е. И. Козубскаго.

591. Письма М. В. Кирѣевскаго къ В. А. Жуковскому.

285. В. Н. Акинфову. Стихотвореніе Н. Д. Хвоцинской.

601. И. С. Тургеневъ. Опытъ историко-психологическаго изслѣдованія Б. А. Садовскаго, съ послѣсловіемъ издателя.

286. Письма П. В. Шумахера къ П. И. Щукину.

586. Изъ воспоминаній П. И. Щукина (П. Л. Пикулинъ).

589. Изъ писемъ П. Л. Пикулина къ П. В. Шумахеру.

443. Записка неизвѣстнаго лица о государственномъ устройствѣ Россіи. 1880. (Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ).

630. Иностранная колонизація въ Россіи, въ новой разработкѣ. Статья Д. В. Цветаева.

169. Изъ записной книжки издателя «Русскаго Архива» (объ А. А. Фетѣ и его кончинѣ.—К. А. Коссовичъ.—Митрополитъ Исидоръ.—Отецъ Іоаннъ Кронштадскій).

Внутри сорочекъ: 1) Историческая записка С. Эсадзе объ управленіи Кавказомъ. 2) О Н. М. Языковѣ, замѣтки В. И. Шѣрона. 3) О «Старинѣ и Новизнѣ». 4) Книга А. Н. Сиротинина: «Бесѣды о Русской словесности».

авторомъ въ удачномъ сопоставленіи съ нашими былинами. Какъ знатокъ Славянской литературы, г. Сиротининъ пользуется заслуженною извѣстностью. Не менѣе освѣдомленъ онъ и въ позднѣйшихъ теченіяхъ новѣйшей литературы Русской. Свѣдѣнія въ различныхъ отрасляхъ искусства даютъ г. Сиротинину возможность наглядно пояснять свои мысли примѣрами изъ области поэзіи и живописи всѣхъ временъ, могущими возбудить любознательность учащихся, такъ что, въ общемъ, книга г. Сиротинина должна быть признана цѣннымъ вкладомъ въ нашу школьную литературу.

Она посвящена „Памяти няни, Матрены Мартыновны Михеевой“; быть

можетъ, отъ нея, еще въ дѣтствѣ своемъ, и познакомился авторъ съ красотою простонародной рѣчи. Надо полагать, что ученики любятъ А. Н. Сиротинина. Отъ книги его вѣетъ искренностью и свѣжестью здраваго художественнаго чувства. При томъ же не видно въ немъ ни хлѣсткости, ни узкой односторонности, и очевидно онъ не заискиваетъ расположенія къ себѣ учениковъ, къ чему, къ несчастію, стали покладивы и профессора „искатели милости студентовъ“. Книга написана въ Варшавѣ и должна разойтись въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго. Пожелаемъ ей распространенія и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

П. В.

ОПЫТЪ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ В. С. Иконникова, заслуженнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владимира. Томъ второй. Кіевъ 1908. Большая 8-ка въ двухъ книгахъ. IV, X, 1955, XLIX XXXV, VI, 113 (указатели) и VIII стр. (посвящена Харьковскому Университету, въ память его столѣтія).

Первый томъ этого монументальнаго труда вышелъ еще въ 1901 году. Самое печатаніе втораго тома потребовало, конечно, немало времени.

Въ первой части, посвященной Кіевскому Университету св. Владимира статьи объ исторической критикѣ, о началѣ книжнаго дѣла въ Россіи, объ ученыхъ обществахъ, объ архивномъ дѣлѣ, о бібліотекахъ, музеяхъ. Во второмъ о лѣтописяхъ, хроникахъ, сказаніяхъ, жизнеописаніяхъ и объ изданіи историческихъ письменныхъ памятниковъ. При каждомъ томѣ по обстоятельному указателю лицъ и мѣстъ.

П. В.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1909 года.

(Годъ 47-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1909 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ.)

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ приписывается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**40** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30** коп. [по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ].

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

Первая книга „Русскаго Архива“ 1909 года (выпуски 1. 2. 3 и 4) съ особымъ счетомъ страницъ, заглавіемъ и оглавленіемъ, можетъ быть покупаема **отдѣльно по 3 р. 50 к.** съ пересылкою.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ въ званіи посла Короля Испанскаго 1727—1730 годовъ. Переводъ съ Французскаго Д. Языкова. Новое полное изданіе сличенное съ рукописью. Москва. 1909 г. Цѣна **75** копѣекъ съ пересылкою.
